Крестовый поход в Европу

Дуайт Эйзенхауэр

SHOUT
SHARE
IT

- Эйзенхауэр Дуайт

Эйзенхауэр Дуайт
Крестовый поход в Европу

Эйзенхауэр Дуайт

Крестовый поход в Европу

{1}Так обозначены ссылки на примечания. Примечания после текста.

Перевод с английского Федотова Е. М.

Аннотация издательства: Книга представляет собой мемуарный труд бывшего верховного командующего союзными войсками при высадке в Нормандии в июне 1944 года, впоследствии президента США. На основе личных воспоминаний и архивных материалов автор подробно рассматривает военные и военно-политические вопросы, связанные с участием вооруженных сил США в боевых действиях в годы второй мировой войны

Содержание

Глава 1. Прелюдия к войне
Глава 2. Глобальная война
Глава 3. Командный пункт для Маршалла
Глава 4. Плацдарм для вторжения
Глава 5. Разработка плана операции "Торч"
Глава 6. Вторжение в Африку
Глава 7. Зима в Алжире
Глава 8. Тунисская кампания
Глава 9. "Хаски"
Глава 10. Сицилия и Салерно
Глава 11. Каирская конференция
Глава 12. Италия
Глава 13. Планирование операции "Оверлорд"
Глава 14. День "Д" и высадка десанта
Глава 15. Прорыв
Глава 16. Преследование противника и борьба за снабжение своих войск
Глава 17. Осенние бои на границах Германии
Глава 18. Последняя попытка Гитлера
Глава 19. Переправа через Рейн
Глава 20. Наступление и окружение
Глава 21. Вторжение в Германию
Глава 22. Последствия победы
Глава 23. Операция "Изучение"
Глава 24. Россия

Примечания

Посвящается союзным пехотинцам,
морякам и летчикам второй мировой войны

Глава 1. Прелюдия к войне

В штаб-квартире союзников в Реймсе 7 мая 1945 года фельдмаршал Йодль подписал акт об общей капитуляции немецких войск. В полночь на следующие сутки в Европе закончилась война, бушевавшая с 1 сентября 1939 года{1}.

За время, прошедшее между этими двумя датами, погибли миллионы европейцев. Более четырех лет вся Европа к западу от Рейна, за небольшими исключениями, жила под господством оккупационной армии. Исчезли свободные институты и свобода слова. Экономика этих стран была подорвана, промышленность расстроена. По самой Германии, многие годы казавшейся непобедимой, прокатилась волна разрушений и опустошения. Мосты были разрушены, города лежали в руинах, а огромные индустриальные мощности ее - практически парализованы. Исчерпала экономические и финансовые возможности и Великобритания, чтобы выполнить свою роль в войне; население ее было почти полностью мобилизовано: все трудоспособные мужчины и женщины либо находились в вооруженных силах, либо были заняты в производстве на нужды войны. Русские промышленные предприятия к западу от Волги были почти полностью уничтожены.

Война не пощадила и Америку: ко дню победы над Японией 322188 молодых американцев, находящихся на военной службе, погибли в боях или умерли и примерно еще 700 тыс. были ранены. Страна предоставила ресурсы в неограниченных размерах не только для обеспечения своей армии, флота и военно-воздушных сил, но и для снабжения союзников боевой техники и оружием, чтобы те могли эффективно действовать против общего врага. Каждый из союзников, в соответствии с возможностями, внес свой вклад в общее дело.

Уже целый год в Европе шла война, прежде чем Америка проявила беспокойство о своей обороне, находившейся в жалком состоянии. Когда в 1939 году страна предприняла первые шаги по пути укрепления своей военной организации, она начала с такого низкого уровня, на какой только могла позволить себе опуститься великая держава, то есть почти с нуля.

В то лето немцы сосредоточили возле польских границ 60 пехотных дивизий, 14 механизированных и моторизованных дивизий, 3 горные дивизии, свыше 4 тыс. самолетов и тысячу танков и бронемашин. Против них поляки могли в общей сложности мобилизовать менее одной трети той численности,

какую сосредоточили немцы. Польские войска не могли выдержать мощного натиска немцев и были обречены на быстрое уничтожение.

Весной 1940 года, после захвата немцами Дании и Норвегии, после того как "молниеносная война" пронеслась через Францию от Рейна к Бискайскому заливу и английская армия едва спаслась, покинув континент у Дюнкерка, Америка стала проявлять беспокойство. К середине июня была дана санкция на доведение регулярной армии до 375 тыс. человек. К концу августа конгресс санкционировал мобилизацию национальной гвардии; через шесть недель после этого вступил в силу закон об отборочном призыве в армию. К лету 1941 года армия Соединенных Штатов, включавшая кадровый состав, солдат и офицеров национальной гвардии, пришедших по отборочному призыву, насчитывала уже 1,5 млн. человек. Никогда за всю историю наша страна не имела такой армии. И тем не менее это был только временный компромисс с международной обстановкой.

Из миллиона человек, пришедших в армию из национальной гвардии и по закону об отборочном призыве, никого нельзя было направить, согласно условиям, поставленным законодателями в конгрессе, нести службу где-либо за пределами Западного полушария; их можно было использовать только дома и не более двенадцати месяцев. Следовательно, летом 1941 года, когда немцы уже продвигались по России, а их японский союзник со всей очевидностью готовился к завоеваниям на Тихом океане, армия могла направлять на усиление своих заморских гарнизонов только скудные подкрепления.

До нападения Японии на Перл-Харбор оставалось менее четырех месяцев, когда конгресс большинством в один голос провел закон, позволивший армии направлять любые свои части на заморские территория и увеличивший срок службы в армии. Такое решение конгресса было принято главным образом в результате личного вмешательства генерала Джорджа Маршалла, который к тому времени уже занимал видное положение в обществе, что придавало вес его настоятельным предостережениям. Но даже и он не мог полностью преодолеть убеждение, что нет необходимости во всеобщих оборонных усилиях. Такие ограничения, как увольнение из армии лиц в возрасте двадцати восьми лет, отражали укоренившееся убеждение, что не существует никакой непосредственной угрозы Соединенным Штатам.

Таким образом, в течение двух лет, когда война охватила весь мир за пределами Америки, а державы "оси" неослабно шли к

установлению своего военного господства во всем мире, каждое увеличение размеров армии, усиление ее боеготовности и выделение ассигнований на нужды видов вооруженных сил являлось результатом соответствующего уменьшения благодушия в американском народе. Однако колебания американцев, не желавших отбросить компромиссные решения и взяться за решительные действия, невозможно было полностью рассеять, пока в результате нападения на Перл-Харбор не встал вопрос о борьбе за спасение страны от смертельной опасности.

После этого за три с половиной года, в течение которых наша страна почти один на один вела решительную войну против японской империи, США создали такую военную машину, которая сыграла важную роль в том, что Германия была поставлена на колени.

Такой трансформации Америка добилась не сразу; то, что она вообще была обеспечена, произошло благодаря наличию у Америки стойких союзников и огромному расстоянию, отделявшему нас от непосредственного района военных действий. В самом начале никто из нас не был в состоянии предвидеть конец этой борьбы; немногие сходились во взглядах относительно того, что требуется от нас как от индивидуумов и как от народа, однако каждый начал понимать свою задачу и шаг за шагом осуществлять ее.

Другим таким чудом стало доведение почти до совершенства за тот же период союзного руководства военными операциями. История свидетельствует о неспособности коалиции успешно вести войны. Неудачи коалиций в войнах настолько многочисленны, а их непростительно грубые ошибки так часто повторялись, что профессиональные военные давно исключили возможность эффективных коалиционных действий, если нет обилия наличных ресурсов для обеспечения гарантированной победы над противником. Даже слава Наполеона как блестящего военного деятеля несколько померкла, когда слушатели штабных колледжей увидели, что он всегда сражался против коалиций, характеризовавшихся различием политических, экономических и военных интересов их членов и разногласием их военных советов.

Главной задачей союзников было использование ресурсов двух великих народов и создание единого командования.

Не было прецедента, которому можно было бы последовать, не было схемы, которой можно было бы придерживаться. Там, где в прошлом коалиция имела успех в организации борьбы против общего врага, один из членов ее обычно был настолько сильным, что доминировал над другим партнером по коалиции. Теперь же нужно было создать эффективное единство на основе

добровольных уступок каждой из сторон. Подлинная история войны, а более конкретно - история операций "Торч" и "Оверлорд", на Средиземном море и в Северо-Западной Европе, является историей единства, достигнутого на основе этого добровольного сотрудничества. Разногласия имелись, но они были среди влиятельных людей, представлявших сильные и гордые народы. Однако эти разногласия становились несущественными на фоне того чуда, которого добились союзники, идя плечом к плечу к полной победе на Западе.

* * *

В день, когда началась война в 1939 году, я находился на Филиппинах, где заканчивалась моя четырехлетняя служба в качестве старшего военного помощника генерала Дугласа Макартура, на которого была возложена задача создания и обучения филиппинской армии.

Местный интерес к войне был усилен вспышками споров в манильских клубах и драк между членами иностранных консульств, для большинства которых Гитлер был отъявленным мерзавцем, для небольшой, но крикливой группы - героем. Хирохито здесь вообще упоминали редко. Все внимание было направлено на то, каким будет следующий шаг нацистского диктатора.

Известие о нападении на Польшу дошло и до нас, и мы знали, что премьер-министр Великобритании должен был обратиться к своему народу по радио. Со своим другом полковником Говардом Смитом я выслушал заявление о том, что Англия и Германия снова находятся в состоянии войны. Это был торжественный момент, в особенности для меня, ибо я был убежден, что Соединенным Штатам вскоре станет невозможно удержаться на позициях нейтралитета.

Для меня было ясно, что Соединенные Штаты будут вовлечены в водоворот войны, но я ошибался относительно того, как мы вступим в войну. Я считал, что Япония не предпримет против нас никаких действий, пока мы не будем связаны с войной в Европе. Более того, я ошибался и относительно времени нашего вступления в войну. Мне казалось, что мы будем вынуждены обороняться от держав "оси" в пределах одного года после начала войны.

Начиная с 1931 года многие старшие армейские офицеры часто высказывали мне свое убеждение, что мир идет прямо к новой глобальной войне. Я разделял эти взгляды. Было очевидно, что каждый шаг диктаторов в Японии, Германии и Италии указывает на их решимость захватывать любые территории, которые они пожелали бы иметь, и что такие их вожделения

могут быстро привести демократические страны к столкновению с ними. Многие, однако, считали, что, толкнув Англию и Францию к войне, Гитлер наконец просчитался.

Они доказывали, что французская армия и английский военно-морской флот совместными усилиями поставят Гитлера на колени; они не только с презрением встречали сообщения опытных наблюдателей, высказывающих сомнения относительно легенды о французской военной мощи, но и отказывались учитывать действия немецкого генерального штаба в прошлом, который принимал решения о нанесении ударов всякий раз, когда его хладнокровные расчеты обещали быстрый успех.

Я посетил президента Филиппин и сказал ему, что хочу возвратиться домой, чтобы принять участие в интенсивных приготовлениях, которые, как я теперь был убежден, начнутся в Соединенных Штатах. Президент Мануэль Кесон настаивал на том, чтобы я оставался здесь, но у меня уже созрело решение. Я попросил разрешения покинуть острова до конца этого года.

Я с женой и сыном Джоном покинул Манилу в декабре, генерал Макартур провожал нас на пирсе. В следующий раз я увидел генерала уже после войны, будучи начальником штаба, во время моего визита в его штаб-квартиру в Токио. Мы говорили о мрачных перспективах в международной обстановке, однако наши дурные предчувствия касались Европы, а не Азии.

Мы ехали домой через Японию, где провели несколько дней в приморских городах. В то время многие американские офицеры проезжали через Японию, и не было ничего необычного в том, что еще один подполковник проезжал транзитом через эту страну. И тем не менее со мной произошел довольно необычный случай. Едва мы выполнили все формальности, связанные с выходом на берег, как встретили, вероятно, по чистой случайности, , одного окончившего американский университет японца, представившегося нам помощником начальника почтового управления. Он сказал, что знает от своих друзей о характере моей работы на Филиппинах. Японец не задавал никаких специальных вопросов, однако очень интересовался моими впечатлениями о филиппинском народе. Он сопровождал нас в качестве добровольного гида в течение всего нашего пребывания в Японии, помогал нам делать закупки, горячо торговался с продавцами, чтобы те снижали цены на покупаемые нами товары, водил нас по местам, откуда хорошо можно было обозревать окружавшую местность, и всячески старался угодить нам. Основная суть его разговоров сводилась к необходимости дружественного взаимопонимания между Японией и нашей страной; о США он говорил с большим восхищением и восторгом.

Казалось, у него было неограниченное время, чтобы сопровождать нас, и я решил, что это его обычная практика встречать приезжающих американцев и беседовать с ними - возможно, он тосковал, вспоминая о своих студенческих днях, проведенных в Америке.

В начале января 1940 года я прибыл в Соединенные Штаты и был назначен в 15-й пехотный полк, размещавшейся в форте Льюис, штат Вашингтон. После восьми лет штабной работы я вновь оказался в повседневном контакте с двумя основными компонентами военного механизма - с людьми и оружием.

Для профессионального военного трудно было подобрать лучшее назначение, чем то, какое я получил в условиях, когда значительные районы мира были охвачены войной и окончательное вовлечение в нее Соединенных Штатов с каждым днем становилось все более вероятным. Основную часть личного состава 15-го пехотного полка составляли либо закаленные ветераны, которые вместе с полком находились в Китае до его возвращения в Штаты в 1938 году, либо добровольцы, призванные в армию недавно; офицеры полка были кадровыми военнослужащими.

В случае войны такая часть стала бы надежным элементом американской системы обороны и с успехом могла быть использована при ответном ударе по противнику, внезапно напавшему на нас. При наличии времени для развертывания наших вооруженных сил эти ветераны стали бы ядром для формирования сотен батальонов, а из их рядов вышли бы инструкторы для обучения сотен тысяч призывников. В любом случае, имелись неограниченные возможности для солдат и офицеров проявить свои профессиональные качества.

Однако в начале 1940 года армия Соединенных Штатов, как зеркало, отражала настроения американского народа. У массы офицеров и солдат отсутствовало должное понимание необходимости срочного усиления боевой подготовки войск. В большинстве частей предпочтение отдавалось не серьезному обучению личного состава, а спорту, отдыху и развлечениям. Некоторые из офицеров, в течение долгих лет мирной жизни занимаясь только повседневными делами, оказались огражденными от беспокойных новых идей и проблем. Другие офицеры, застряв на многие годы в одном и том же звании из-за отсутствия возможностей к продвижению, оставили всякую надежду на лучшее. Вероятно, большинство из них, как и многие солдаты, считали, что время пехоты прошло.

Положение с вооружением и боевым оснащением мало чего добавляло к настроениям пехотинца. Винтовка "спрингфилд"

устарела; не было надежного оружия против современного танка или самолета; войска таскали деревянные макеты минометов и пулеметов и могли изучать некоторые из новых видов оружия только по синьке. Не хватало оснащения самых различных видов, а многое из того, что имелось в войсках, было изготовлено для американской армии еще в Первую мировую войну.

Более того, военные ассигнования, выделяемые в 30-е годы, не позволяли расширять учебную базу в частях; ограничивалось даже количество патронов для стрельбы из стрелкового оружия. Армия сосредоточила свои усилия на наведении внешнего лоска, на строевой подготовке и парадах. Так Америка в своем отвращении к войне лишила себя благоразумной военной силы.

Следовательно, ни военная доктрина, ни теоретические выводы не могли быть проверены на практике; офицеры и солдаты не обладали достаточным военным мастерством, которое вырабатывается на полевых учениях. Тем не менее было очевидно, что военное министерство действовало с максимальной оперативностью, чтобы подготовиться к неизбежной кульминации. Под решительным руководством генерала Маршалла продолжались напряженные приготовления с преодолением почти невероятных трудностей. Препятствий оказалось много.

Важнейшим из них было психологическое - все еще настойчиво продолжало давать о себе знать благодушие. Даже падение Франции в мае 1940 года не пробудило в нас стремление - под словом "нас" я подразумеваю многих профессиональных военных и политических деятелей - в полной мере осознать надвигавшуюся угрозу. Командир одной американской дивизии, офицер с многолетним стажем, занимающий высокое положение, в день заключения Францией перемирия готов был заключить пари, что Англия не выдержит более шести недель. Он говорил об этом так, словно речь шла о том, будет завтра дождь или солнце. Ему даже в голову не пришло подумать о том, что Англия оставалась единственной воюющей державой, которая пока отводила от нас опаснейшую угрозу. Его настроение было типичным для значительной части как военных, так и гражданских. К счастью, не все разделяли это мнение, и именно благодаря усилиям таких людей удалось добиться более существенных результатов, чем это казалось возможным.

Несмотря на усиление беспокойства в конгрессе, американский народ все еще не был подготовлен для понимания всей серьезности положения в мире, а поэтому обучение войск пока было невозможно проводить в условиях, приближенных к боевой обстановке. Мы должны были обучать войска в спокойном

ритме, рассчитанном на то, чтобы свести к минимуму возможное возмущение как самих солдат, так и их семей. Многие старшие офицеры были охвачены таким страхом перед вероятным взрывом возмущения в газетах против вывода солдат на учения в непогоду или против лишений в ходе длительных маневров, что не разрешали проводить интенсивную тренировку личного состава, которая с лихвой окупилась бы, когда начали бы свистеть пули в реальном бою. Настоятельные директивы сверху и протесты отдельных лиц, охваченных тревогой, не могли устранить апатию, глубоко укоренившуюся в условиях комфорта.

Перевод национальной гвардии в состав армии резко увеличил ее численность, особенно в пехоте и средствах противовоздушной обороны. Хотя части национальной гвардии были недоукомплектованы, плохо оснащены и слабо обучены, их организационная структура была завершенной; требовались только новое пополнение, оснащение, время и правильное обучение, чтобы превратить их в боеспособные войска.

Постепенно интерес к военным проблемам возрос. В конце 1940 года конгресс выделил некоторые средства для полевого обучения войск. Это обучение под наблюдением генерал-майора, позднее генерал-лейтенанта Лесли Макнейра, одного из способнейших офицеров, стало одним из основных методов подготовки войск. Из форта Льюис 15-й пехотный полк, как составная часть 3-й пехотной дивизии, направился на большие полевые учения, которые проводились в отдаленных округах штата Вашингтон и на полуострове Монтерей, к югу от Сан-Франциско. Сопутствующие учениям марши, планирование работы штаба и служб боевого обеспечения, организация и управление боем явились наилучшей школой для офицеров и солдат, как кадровых, так и недавно призванных. Одной из важных проблем было проведение 1100-мильного марша на автомашинах из форта Льюис к Джолон-Ранч, к югу от Монтерея, штат Калифорния. На созданном тактическом фоне мы проверяли и отрабатывали наши методы управления войсками на марше и систему организации связи между подразделениями.

Во время службы в 3-й дивизии я возобновил дружбу с товарищем по военному училищу майором Марком Кларком. Теперь на многих учениях мы работали вместе, что нам обоим доставляло большое удовольствие; я испытывал глубокое уважение к его организаторским способностям, умению планировать подготовку и обучение войск - ни один офицер не обладал таким высоким мастерством, как Кларк, в этих вопросах. Однако в связи с быстро увеличивавшимися потребностями в офицерах для штабов, возникающих повсюду в стране, вскоре его

направили в Вашингтон и назначили помощником генерала Макнейра, а в ноябре и я был переведен с командной работы на должность начальника штаба 3-й дивизии, на которой оставался всего четыре месяца, а потом меня вновь перевели на новую работу на этот раз начальником штаба 9-го армейского корпуса, только что созданного в форте Льюис. На этой должности в марте 1941 года я получил первое временное воинское звание полковник.

Командиром корпуса был генерал-майор Кеньон Джойс. В его штабе я встретил группу исключительно способных и энергичных офицеров, трех из которых я пытался, и с некоторым успехом, держать около себя на протяжении всех военных лет. В то время все они были в относительно небольшом звании, но в годы войны стали известны как генерал-лейтенант Луциан Траскотт, генерал-майор Уиллард Уайман и полковник Джеймс Кертис. Такие люди, как они, стремились поддержать любые нововведения в обучения войск, обещавшие приблизить подготовку подразделений к реальным условиям боя, но это было трудовое дело.

Весной 1941 года каждый учебный пункт и центр лихорадочно занимался созданием армии Соединенных Штатов, в которую вливались все компоненты военной организации страны - кадровые войска, национальная гвардия, резерв, расширенный за счет сотен тысяч призванных на основании закона об отборочном призыве. Для нас в форте Льюис этот процесс начался 16 сентября 1940 года с прибытием туда первого эшелона 41-й пехотной дивизии. В течение короткого времени вся дивизия и другие части национальной гвардии были сосредоточены в этом лагере.

К следующей весне весь район Западного побережья находился в состоянии почти непрерывного движения -люди прибывали группами для назначения в части; кадровых солдат и офицеров забирали из подразделений, чтобы создавать новые части; одни офицеры и солдаты убывали на различные курсы переподготовки, другие прибывали с таких курсов; палаточные городки и казармы со множеством современных сооружений бытового назначения - госпитали, водопроводные системы, электроосвещение и энергетические установки - возникали там, где еще накануне были пустые поля.

Нашей задачей была подготовка и выпуск физически крепких людей, обученных военному делу и техническим специальностям, приученных к дисциплине и совместным действиям в составе подразделений и частей; мы стремились максимально привить этим людям чувство гордости за выполнение ими своего солдатского долга.

Но даже выполнение и этих ограниченных задач требовало от офицеров и солдат много сил и энергии. Штабные работники были заняты беспрерывным планированием, отдачей указаний и инспектированием, поиском компромиссных решений и увязыванием различных вопросов, назначением людей и выделением техники с учетом их постоянной нехватки; они стремились поддерживать в нашем районе такой темп приготовлений, какой был достигнут в масштабе всей армии.

В июне 1941 года я был назначен начальником штаба 3-й армии в Сан-Антонио, которой командовал генерал-лейтенант Уолтер Крюгер. Здесь я ближе познакомился с проблемами армии США в целом. Все сухопутные силы были разделены на четыре тактические армии, которые различались между собой по численности, но были похожи друг на друга в своей основе, так как состояли из кадровых частей, вокруг которых были собраны части национальной гвардии, а командные и штабные должности замещены офицерами резерва, рядовой состав укомплектован за счет отборочного призыва. Таким образом, указания и распоряжения, проходившие через меня в форте Сэм-Хьюстон, по вопросам обучения, морального состояния и боеспособности наших частей и дивизий точно отражали наш прогресс в этой области в целом по стране.

Общая обстановка складывалась благоприятно по сравнению с предыдущим годом. Теперь армия Соединенных Штатов насчитывала приблизительно 1,5 млн. солдат и офицеров. Однако ощущалась острая нехватка автомашин, современных танков, средств противовоздушной обороны. Почти совершенно не было подразделения обслуживания авиации. Более того, истекал годовой срок службы в составе армии частей национальной гвардии и солдат, призванных по закону об отборочном призыве, и это вызывало постоянное беспокойство, от которого мы избавились только через два месяца. В июне нас тревожила мысль, что поток людей из армии, который начнется в сентябре, не будет компенсирован соответствующим поступлением в армию новобранцев.

Однако даже быстрый рост армии и последние демонстрации военной мощи держав "оси" не встряхнули некоторых кадровых офицеров. Они продолжали цепляться за устаревшие принципы и порядки. Их слепоте уже не было приемлемого оправдания. Кроме того, теперь мы столкнулись и с иного рода трудностями. Многие офицеры национальной гвардии и резерва состарились в ходе предвоенной борьбы за сохранение гражданских сил безопасности, и теперь, когда их усилия двадцатых и тридцатых годов начали давать плоды, сами они оказались физически не в

состоянии удовлетворять тем требованиям, которые предъявлялись в полевых условиях офицерам в боевых эшелонах.

Командующий 3-й армией генерал Крюгер сам был из старых офицеров. Рядовой, капрал и сержант в конце 1890-х годов, он был известен в армии как несгибаемый солдат. Но на протяжении более чем сорока лет кадровой службы он шел в ногу со всеми изменениями в военном деле. Далеко не многие офицеры обладали более ясным, нежели он, представлением о том, чего потребует новая война от армии; мало кто физически был более крепким или более активным, нежели он. Генерал Крюгер постоянно подгонял себя, и у него не было необходимости подстегивать других - все и без того старались следовать его примеру.

Теперь 3-я армия получила указание сосредоточиться в штате Луизиана для участия в крупных маневрах, а 2-я армия под командованием генерал-лейтенанта Бена Леара выступала в качестве ее противника. Ни один из наших кадровых офицеров не командовал в Первую мировую войну столь крупным соединением, как дивизия. Подобно огромному лабораторному эксперименту, эти учения должны были показать выучку людей, ценность идей, оружия и оснащения. Свыше 270 тыс. солдат и офицеров - крупнейшая армия, когда-либо собранная в Соединенных Штатах для проведения оперативно-тактического учения, - была сосредоточена генералом Крюгером в сентябре 1941 года. В это же время из своих лагерей двинулась 2-я армия в составе еще 130 тыс. человек.

Трудно было переоценить положительные результаты , этого крупного учения. Оно научило войска совместным действиям с привлечением больших масс людей, ускорило процесс устранения непригодных офицеров и заставило старших начальников обратить особое внимание на молодых офицеров, которые обладали необходимыми личными качествами, чтобы занять самые ответственные командные и штабные должности, и, наконец, в ходе маневров военные руководители приобрели опыт управления крупными силами в полевых условиях. Штабы получили опыт снабжения войск в крупных масштабах. Никогда еще в мирное время не было у американцев попыток снабжать постоянно перемещавшуюся линию фронта продовольствием, горючим и боеприпасами посредством автотранспорта, загружаемого на железнодорожных узлах и стационарных складах. Поэтому проводилось тщательное и заблаговременное планирование всех операций, и, как всегда в таких случаях, оно окупилось.

"Выдающейся особенностью учений, - говорил генерал

Макнейр на разборе перед штабными офицерами, - явилась существенная эффективность снабжения войск. Уже сами размеры этой проблемы были достаточными, чтобы иметь опасения относительно своевременного и полного обеспечения войск на учениях. Командиры боевых подразделений, как и начальники служб обеспечения, заслуживают высочайшей похвалы за достигнутые результаты".

На дорогах Луизианы в сентябре 1941 года был получен опыт переброски войск и средств боевого обеспечения на автомашинах, который так хорошо пригодился три года спустя во время наступления через Францию.

В 3-й армии офицером, непосредственно осуществлявшим эффективное снабжение войск, был подполковник Лерой Лютес. Его блестящие способности в этой сфере деятельности еще задолго до окончания войны принесли ему три звезды генерал-лейтенанта.

Многие из недостатков, которые вскрылись в ходе учений, по мнению генерала Макнейра, коренились в дисциплине. "Нет сомнения в том, - сказал он, - что многие ошибки, выявившиеся в ходе этих учений, вновь и вновь повторяются из-за отсутствия дисциплины. Наши войска способны соблюдать прекрасную дисциплину. И если такой дисциплины нет, то это вина руководителей. Командир, не способный навести строгую дисциплину, должен быть заменен".

В этот же период я впервые был представлен фотокорреспондентам. В конце 1941 года вспышки фотокамер были довольно непривычным элементом в моей повседневной жизни, поскольку я представлял собой просто неизвестное лицо для фоторепортеров. Во время критического разбора учений в Кэмп-Полке был сделан групповой снимок, запечатлевший генерала Крюгера, английского военного наблюдателя майора Болдена и меня; в надписи к фото имена первых двух были названы правильно, но про меня было сказано: "Подполковник Д. Д. Эрзенбиинг" инициалы, по крайней мере, были точными.

На маневрах я получил опыт, который ценил все больше и больше по мере того, как шли месяцы. В Луизиане мы провели всесторонние испытания небольшого самолета в качестве средства связи и корректировщика артиллерийского огня. Ценность такого самолета в этих двух полях была продемонстрирована настолько убедительно, что позднее в военном министерстве я под руководством помощника военного министра Джона Макклоя был в состоянии успешно доказать целесообразность его включения в штатное вооружение дивизии. Эти самолеты помогли нашей тяжелой и дальнобойной

артиллерия добиться точности огня и его корректировки, что ранее было свойственно только легким орудиям в пределах зрительной видимости целей, а войсковые командиры могли с этого самолета получать представление о тактической обстановке - о местности, путях движения, сосредоточениях войск и артиллерии - почти такое же полное, какое получали в восемнадцатом веке противоборствующие командиры, проводя обзор всех своих полков, введенных в бой, с высоты холма или сидя верхом на коне.

В конце маневров я получил временное звание бригадного генерала.

Октябрь и ноябрь были заполнены работой, как и месяцы, предшествовавшие маневрам. Осуществление мер по устранению недостатков, выявленных в ходе учений в Луизиане, было начато на уровне частей: во многих случаях возвращение войск к месту дислокации предоставляло нам непосредственную возможность для устранения отмеченных недостатков. Некоторых офицеров, как кадровых, так и национальной гвардии, нужно было освободить от командных должностей; споры и всякие слухи, последовавшие за такими мерами, требовали быстрых действий, чтобы предотвратить нанесение ущерба моральному состоянию офицеров и солдат.

Хотя в начале декабря{2} вашингтонские переговоры с японскими послами приближались к драматической кульминации, ослабление напряженности среди гражданского населения отражалось и на армии.

Казалось, японский шантаж прекратился и угроза войны на Тихом океане, по меньшей мере, временно отступила. На русском фронте немцы были остановлены перед Ленинградом, Москвой и Севастополем. В газете, которую я просматривал ежедневно, 4 декабря в редакционной статье говорилось, что теперь стало очевидным нежелание японцев вести войну против Соединенных Штатов. Спустя несколько дней один обозреватель писал, что в Вашингтоне сложилось твердое убеждение, что кризис на Тихом океане миновал, хотя за неделю до этого в вашингтонских кругах за неизбежность войны высказывались 10 против 1.

Во второй половине дня 7 декабря в форте Сэм-Хьюстон я, устав от длительной и изнуряющей штабной работы на учениях и после них, лег спать, приказав не тревожить меня ни при каких обстоятельствах. Я мечтал о двухнедельном отпуске, который собирался взять, чтобы поехать с женой в Вест-Пойнт и провести там Рождество вместе с нашим сыном Джоном, курсантом первого курса. Но подобные мечты - даже несмотря на мой строгий приказ не беспокоить меня - были нарушены адъютантом,

который пришел ко мне с известием о начале войны.

В пределах часа после нападения на Перл-Харбор в штаб 3-й армии один за другим начали поступать приказы из военного министерства. Тут были распоряжения о немедленной переброске частей противовоздушной обороны на Западное побережье, где охваченное ужасом население ежечасно видело призрачные бомбардировщики в небе, приказы о введении мер против диверсий и о тщательной охране промышленных объектов, указания о ведении разведки вдоль нашей южной границы с целью предотвратить проникновение в страну шпионов и о принятии мер по обеспечению безопасности портов в Мексиканском заливе. Поступали также приказы о немедленной переброске крупных контингентов войск на Запад в предвидении любого возможного нападения японцев. В свою очередь штаб генерала Крюгера должен был как можно быстрее направить соответствующие указания своим подчиненным частям и соединениям. Это был период напряженной работы.

Основной задачей стала безотлагательность переброс войск. При выполнении этой задачи обычный порядок работы штабов был отброшен, число совещаний сводилось к минимуму, а все инстанции получали указания одним распоряжением. В создавшейся ситуации уже никого не устраивал медлительный методический процесс разработки подробных приказов на перемещение войск, где до последних мелочей уточнялось, что из вооружения и материального обеспечения подразделениями и частями должно быть взято с собой, как упаковано и маркировано. Простого телефонного звонка было достаточно, чтобы отправить пехотную часть в путь через всю страну - войска и военное имущество грузились в поезда без каких-либо письменных документов, указывавших, по чьему распоряжению это делается. Орудия срочно грузились на платформы, а если таковых не оказывалось в наличии, то они помещались в любые попадавшиеся под руку железнодорожные транспортные средства. Солдаты перевозились и в роскошных пульманах, и в старых вагонах, которые в течение долгого времени стояли в депо, а теперь их выкатили оттуда для срочной переброски войск.

В течение пяти дней я занимался этим делом. Рано утром 12 декабря зазвонил телефон, связывающий меня по прямому проводу с военным министерством в Вашингтоне. Я поднял трубку, и кто-то спросил: "Это ты, Айк?" "Да", - ответил я. "Шеф говорит, чтобы ты взял самолет и сразу же вылетел сюда. Скажи своему начальнику, что официальный приказ последует позднее". (Шеф - это генерал Маршалл, а человек на другом конце провода - полковник Уолтер Смит, который позднее стал моим близким

другом и начальником штаба в течение всей кампании в Европе.)

Это явилось для меня тяжелым ударом. Во время Первой мировой войны все мои отчаянные попытки попасть непосредственно на фронт потерпели неудачу по причинам, казавшимся мне недостаточно обоснованными, разве что все они сводились к "приказу военного министерства". Я надеялся, что в любой новой войне мне удастся остаться непосредственно в войсках. Получив приказ выехать в город, где я уже служил в общей сложности восемь лет, я подумал, что фактически опять повторится мой опыт Первой мировой войны. С тяжелым чувством я позвонил жене, чтобы она собрала мне чемодан, и через час уже находился в пути.

Возможно, мне приказали прибыть в Вашингтон, думал я, из-за того, что я недавно служил на Филиппинах. В течение каких-нибудь нескольких часов после удара по Перл-Харбору японцы предприняли воздушное нападение на Филиппины, в результате которого наши и без того слабые военно-воздушные силы практически были парализованы. Филиппины стали тем местом, на котором сосредоточилось внимание официальных кругов и общественности, и генерал Маршалл, несомненно, хотел иметь в своем штабе какого-нибудь офицера, знавшего обстановку на этих островах и состояние филиппинской армии, становление которой было на полпути прервано войной.

Армия Филиппинской Республики начала создаваться в 1935 году, когда вновь избранный президент Кесон попросил генерала Макартура разработать план создания военных формирований, способных защищать острова.

В июле 1946 года, когда Филиппины должны были стать независимой республикой, войска Соединенных Штатов планировалось вывести оттуда, и вооруженная защита республики должна была стать функцией самих филиппинцев. Генерал Макартур согласился, и была сформирована военная миссия из американских офицеров, в которую вошел и я в качестве старшего помощника.

В 1935 году посредством всеобщего военного обучения мы планировали готовить каждый год в течение предстоящих десяти лет приблизительно по 30 тыс. солдат. Срок их обучения составлял пять с половиной месяцев. Сначала мы собирались формировать подразделения" только размерами, до взводов, однако за четыре или пять лет мы надеялись создать полки, и к 1946 году, когда общее число прошедших начальное военное обучение достигло бы 300 тыс. человек, мы могли бы сформировать тридцать дивизий.

Во время этого переходного периода военное министерство

США, работая в тесном сотрудничестве с силами обороны Филиппин и обеспечивая их офицерским составом, инструкторами, оружием и снаряжением, предусматривало также и участие США в обороне островов, если вспыхнет война, до получения филиппинцами независимости. На этот случай планировался отвод наших войск на остров Лусон, на полуостров Батан напрямик с Коррехидора, с тем чтобы эти два района образовали одну почти неприступную позицию, на которой наши силы могли бы удержаться до прихода подкреплений. В 1938 году я был свидетелем учения, в основу которого лег этот план, а вскоре после того как я покинул Филиппины, учения были повторены в более крупных масштабах.

Когда я ехал в Вашингтон 12 декабря 1941 года, у меня не было ясного представления о ходе сражения на Филиппинах. В форте Сэм-Хьюстон мы получали отрывочные и маловразумительные донесения. Одно было несомненно: японцы не рискнут обойти острова. Однако направление японского удара и его мощь все еще оставались невыясненными, когда я прибыл в военное министерство.

Глава 2. Глобальная война

Вашингтон военного времени по-разному характеризовали многочисленные едкие эпиграммы, однако во всех них подчеркивалось одно - хаос. Общим в них было и то, что правительство, в том числе министерства, ведавшие вооруженными силами, как и сама страна, всегда изображалось неподготовленным к войне и ее всеобъемлющим проблемам, а возникновение чрезвычайных обстоятельств в условиях пробудившегося чувства всеобщей причастности к происходящим событиям привело к путанице, усиливаемой толпами предлагавших свои услуги подрядчиков и благонамеренных добровольцев. Однако на этот раз военное министерство добилось обнадеживающего уровня боеготовности армии перед началом войны. Насколько я могу судить по своим личным наблюдениям за многие месяцы, которые я проработал в министерстве, это было достигнуто благодаря проницательности и решительности одного человека, а именно генерала Маршалла. Естественно, он имел поддержку. Его поддерживали сам президент и многие наши способнейшие лидеры в конгрессе и на ключевых постах в правительственном аппарате. Однако в 1940-1941 годах для генерала Маршалла было бы легче плыть в общем потоке, дать событиям возможность идти своим чередом, а самому ждать обычного завершения своей блестящей военной карьеры. Вместо этого он на протяжении многих месяцев преднамеренно шел трудным путем, полный решимости

действовать. Чего бы это ни стоило лично ему или любому другому, но армия должна быть хорошо подготовлена к войне, начала которой он ожидал почти с часу на час.

Ранним воскресным утром 14 декабря я представился генералу Маршаллу и впервые за всю свою жизнь докладывал ему более двух минут. Это был четвертый раз, когда я вообще видел его.

Без какого-либо вступления, не тратя зря времени, начальник штаба армии США изложил в общих чертах военную обстановку в западной части Тихого океана.

Военно-морские силы докладывали ему, что Тихоокеанский флот будет не в состояния в течение нескольких месяцев принимать участие в крупных операциях. Авианосцы флота остались неповрежденными, так как во время нападения на Перл-Харбор они там не находились{3}, однако кораблей поддержки было так мало, что предстояло серьезно ограничить действия авианосцев.

Более того, в тот момент не было никакой уверенности, что японцы вскоре не предпримут крупной десантной операции против Гавайских островов или даже против Американского континента, и поэтому руководство военно-морских сил считало целесообразным держать эти авианосцы в резерве для разведывательных и оборонительных действий, если только какое-либо крайнее обстоятельство не потребует их использования в иных целях. Министерство военно-морских сил не сообщало генералу Маршаллу приблизительной даты, когда, по мнению министерства, будут отремонтированы корабли и достаточно укреплен флот, чтобы предпринять наступательные действия в районе Тихого океана.

Гарнизон на Гавайских островах был настолько слаб, что военное и военно-морское министерства считали необходимым как можно быстрее усилить там воздушные и наземные силы, и эти меры должны были пользоваться приоритетом в наших усилиях на Тихом океане.

Ко времени нападения Японии на Перл-Харбор американские сухопутные войска на Филиппинах насчитывали 30 тыс. человек, включая специальные филиппинские формирования, входившие в состав американской армии{4}.

Американские подразделения составляли гарнизон в Коррехидоре и в небольших фортах поблизости от него. Другие американские подразделения были сведены в филиппинскую дивизию, состоявшую из филиппинских частей и американского 31-го пехотного полка. Части национальной гвардии - три полка полевой артиллерии, один полк зенитной артиллерии, один

пехотный полк, два танковых батальона и подразделения обслуживания только недавно прибыли на Филиппины в качестве подкреплений.

В 1941 году была усилена и авиация, и в день нападения Японии там было 35 современных бомбардировщика Б-17. Имелись там также 220 истребителей различных типов, но не все они были в боевой готовности. Генерал Маршалл знал, что по этим воздушным силам был нанесен удар и что они понесли тяжелые потери в ходе начальной фазы нападения, но он еще не получил точных данных.

Было известно относительно нехватки важнейших предметов боевого обеспечения, но что касается продовольствия и боеприпасов, то, как полагали, с ними не будет особых трудностей при условии, если будет время доставить их туда, где в них испытывают острую нужду.

10 декабря японские бомбардировщики нанесли тяжелые повреждения портовым сооружениям и складам военно-морской базы в Кавите, недалеко от Манилы. Часть небольшой оперативной группы, входившей в состав Азиатского флота, который базировался в манильской гавани, состояла в основном из дивизионов подводных лодок. Крупнейшим кораблем Азиатского флота был тяжелый крейсер "Хьюстон", находившийся в Илоило. Против мощного противника эти силы не могли устоять долгое время. А все указывало на то, что японцы намеревались как можно быстрее захватить Филиппины, и для нас весь вопрос теперь заключался в том, какие меры нам необходимо предпринять.

Генералу Маршаллу потребовалось, вероятно, около двадцати минут, чтобы нарисовать эту картину, а затем он внезапно спросил: "Каков должен быть наш общий курс действий?" Я подумал минутку и, надеясь, что сохраняю бесстрастное выражение лица, ответил: "Дайте мне несколько часов". "Хорошо", - сказал он и отпустил меня.

Характерно, что он даже не намекнул на один из наиболее важных факторов в этой проблеме: психологическое воздействие филиппинского сражения на американский народ и народы стран бассейна Тихого океана. Он отчетливо понимал, что, если человек не способен учесть это соображение, ему нечего носить звезду бригадного генерала.

С этой новой проблемой я направился в свой кабинет, выделенный мне в управлении, известном тогда как управление военного планирования, которое возглавлял мой старый приятель бригадный генерал Леонард Джероу. Было очевидно, что мой ответ должен быть неоспоримым и быстрым, если я хочу

завоевать доверие Маршалла и доказать свою полезность в военном министерстве. В этом мне помог мой старый опыт.

Вскоре после Первой мировой войны я в течение трех лет служил под началом одного из самых опытных военных людей генерал-майора Фокса Коннера. Одной из тем, которой он чаще всего касался в беседах со мной, было союзное командование, его трудности и проблемы. Другой его темой был генерал Джордж Маршалл. Генерал Коннер обычно говорил мне: "Мы не сможем избежать другой большой войны. Когда мы вступим в эту войну, мы будем в ней участвовать с союзниками. Придется выработать систему единого командования союзными войсками. Мы не должны согласиться с концепцией "координации", в соответствии с которой был вынужден работать Фош. Мы должны настаивать на личной ответственности за руководство военными действиями. Лидерам придется научиться преодолевать националистические соображения в ходе осуществления кампаний. Единственный человек, который может это сделать, - это Маршалл: он близок к гениальности".

Вспомнив об этом, я решил, что мой ответ должен быть кратким, выразительным и основанным на доводах, в которые я искренне верил. Никакое красноречие или блестяще сформулированные общие рассуждения не произведут впечатления на того, кого Фокс Коннер готов был причислить к гениям.

Вопрос, поставленный передо мной, отличался исключительной сложностью, а мои знания для подхода к нему были, вероятно, эквивалентны знаниям среднего трудолюбивого армейского офицера. Конечно, я прошел военный курс в системе обучения офицеров армии, а вскоре после окончания военного колледжа в 1928 году работал в качестве специального помощника в аппарате помощника военного министра, где мои служебные обязанности быстро расширились до того, что мне приходилось выполнять секретную работу для начальника штаба армии.

На этой должности мне пришлось рассматривать военные проблемы в мировом масштабе и конкретно изучать такие вопросы, как мобилизация и организационный состав армии, роль воздушных и военно-морских сил в войне, механизация войск и острая зависимость всех элементов вооруженных сил от индустриальных возможностей страны. Это последнее обстоятельство имело для меня особое значение, поскольку я глубоко верил, что моторизация и механизация в крупных масштабах и развитие авиации беспрецедентной мощи будут характерной особенностью армий будущего. По этому вопросу я

написал ряд исследований в докладов. Имея такие убеждения, я знал, что любые разумные приготовления к войне требуют тщательно разработанных планов быстрой мобилизации промышленности. Годы, посвященные работе такого рода, открыли для меня почти новый мир. За это время я встречался и работал со многими людьми, мнение которых я высоко ценил как в военной, так и в гражданской жизни. Среди таких людей выдающейся фигурой был Бернард Барух, к которому я всегда питал глубокое уважение. Если бы его рекомендации по установлению общих цен и разработанные им организационные планы были оперативно и полностью приняты в декабре 1941 года, то наша страна сберегла бы миллиардные суммы денег и, возможно, выиграла бы время, а следовательно, избежала бы излишних потерь в человеческих жизнях.

От решения подобных задач я ушел в 1935 году, отправившись на Филиппины. Теперь, спустя шесть лет, я снова оказался в военном министерстве. Страна находилась в состоянии войны, и Филиппинам угрожала смертельная опасность.

Так я начал сосредоточиваться на вопросе, поставленном генералом Маршаллом. Для нас обстановка в западной части Тихого океана, как ее нарисовал начальник штаба армии, в данный момент была совершенно угнетающей. Флот не мог предпринимать попыток осуществить какие-либо активные действия вдали от своих баз, и надводные корабли не осмеливались заходить в филиппинские воды. Громкие требования командующих наземными и воздушными силами на Гавайях и на Западном побережье укрепить оборону, усиливаемые истерическими заклинаниями со стороны мэров городов, городских муниципалитетов и конгрессменов, были такими, что для их удовлетворения потребовалось бы значительно больше сил и средств, чем располагала тогда страна.

Приходилось с огорчением признать, что в то время невозможно было сразу усилить филиппинскую группировку. Любая попытка отправить крупные подразделения на острова должна была подкрепляться способностью флота быстро восполнять потери и тем самым обеспечивать надежность действий в этом районе в будущем. А в данный момент трудно было сказать, когда это станет возможным.

Для продления обороны Филиппин, пока корабли ремонтировались, можно было доставить на острова предметы острой необходимости с помощью подводных лодок и кораблей - прерывателей блокады, а при условии, что мы сможем держать открытыми необходимые линии коммуникаций, кое-что можно было бы отправить и по воздуху. Австралия оказалась ближайшей

к Филиппинам территорией, которую мы надеялись использовать, проложив для этого необходимые линии коммуникаций вдоль островов, находящихся между этим континентом и Филиппинами.

Если мы собирались создавать в Австралии базы, то нужно было обязательно обеспечить безопасные линии коммуникаций к ней самой. А это означало, что мы должны немедленно принять меры, чтобы сохранить за собой Гавайские острова, острова Фиджи, Новая Зеландия и Новая Каледония, а также надежно обеспечить безопасность самой Австралии.

Казалось возможным, хотя и маловероятным, что в Голландскую Индию, самый богатый район мира по некоторым видам естественных ресурсов, удастся не допустить японского агрессора, который вскоре ощутит острую потребность в добываемой там нефти, чтобы продолжать свои наступательные операции. Пока мы это не сделаем, невозможно будет направлять на Филиппины истребительную авиацию, не обладающую достаточно большим радиусом действия, а истребители играли исключительно важную роль в обеспечении успешной обороны.

Несмотря на трудности, большой риск и отчаянные усилия решить тот или иной вопрос в интересах войны, такая великая страна, как наша, хотя и не подготовленная к войне, не могла позволить себе хладнокровно отвернуться от своих филиппинских подопечных и многих тысяч американцев, как военных, так и гражданских, находившихся на этих островах. Мы должны были сделать все возможное для несчастных Филиппин, особенно путем оказания авиационной поддержки и доставки жизненно важных грузов, хотя конечный результат этих усилий мог оказаться не более чем отсрочкой надвигавшейся катастрофы. Мы просто обязаны были сохранить жизненно важную воздушную линию коммуникаций через Австралию, Новую Зеландию, острова Фиджи и Гавайи.

С такими мрачными выводами я и направился к начальнику штаба.

"Генерал, - сказал я, - пройдет много времени, прежде чем можно будет доставить на Гавайи крупные подкрепления, больше времени, чем гарнизон сможет выдерживать натиск крупных сил противника. Но мы должны сделать для обороняющихся войск все, что в человеческих силах. Народы Китая, Филиппин, Голландской Восточной Индии будут смотреть на нас. Они могут простить нам неудачу, но не простят нам, если мы оставим их на произвол судьбы. Для нас важны их доверие и дружба. Нашей базой должна стать Австралия, и мы должны сейчас же начать расширять ее и принять меры по обеспечению надежных коммуникаций с ней. Здесь мы не имеем права на неудачу. Мы

должны идти на любой риск и на любые расходы".

Генерал Маршалл ответил просто: "Я с вами согласен". Тон, каким он произнес эту фразу, подсказал мне, что передо мной поставили эту задачу для проверки правильности решения, к которому он уже пришел сам. Затем Маршалл добавил: "Примите все меры, чтобы спасти их". С этим напутствием я и приступил к работе. Моим партнером был бригадный генерал Брехэн Сомервелл, начальник службы снабжения и поставок военного министерства, позднее он стал полным генералом. Каждый день, независимо от других дел, я встречался с ним в отчаянной надежде найти какой-либо новый подход к решению проблемы, которая заключала в себе непреодолимые трудности. Генерал Маршалл проявлял постоянный интерес к нашим усилиям, и часто сам предпринимал шаги, чтобы нам как-то помочь, особенно в моральном плане. Он объявил в приказе благодарность каждой части, действовавшей на Филиппинах, незамедлительно принял меры для представления Макартура к присвоение ему высокого воинского звания и к награждению высшими наградами, поддерживал без ограничений любую идею или план, какие мы могли предложить.

В своем случайно сохранившемся блокноте я нашел следующую запись, сделанную 1 января 1942 года: "Я доказывал, что Дальний Восток является для нас критическим районом и не следует предпринимать никаких второстепенных операций, пока авиация и сухопутные войска не будут там в удовлетворительном состоянии. Вместо этого мы готовим операции "Магнат", "Гимнаст" и т. д." А через три дня в блокноте появилась следующая запись: "Наконец-то мы получаем кое-что для отправки в Австралию. Планируется послать четыре группы истребителей, две группы тяжелых, две средних и одну легких бомбардировщиков. Но нам нужны суда - и нужны сейчас! Не хватает сдержанности. Здесь много стратегов-дилетантов. На любых условиях я бы вернулся в войска".

Мое очевидное раздражение, возможно, было вызвано тем, что я понимал: пройдет еще много времени, прежде чем этот план доставки самолетов будет претворен в жизнь.

22 декабря, когда в Брисбен прибыл конвой "Пенсакола", мы приступили к созданию нашей австралийской базы. Такое быстрое начало было главным образом делом случая. В день нападения на Перл-Харбор многие наши корабли находились в пути на Филиппины с войсками, самолетами и другими грузами боевого обеспечения на борту. Руководство военно-морского флота считало, что кораблям следует отдать приказ либо возвратиться к американским берегам, либо искать укрытия на

Гавайях; никто не мог быть уверен, что японцы не установят заслоны для перехвата; те из кораблей, которые покинули американские порты всего несколько дней назад, действительно вернулись обратно. Однако военное министерство настаивало на том, чтобы одному конвою в составе пяти судов - "Холбрук" и "Рипаблик" с 5 тыс. солдат на борту, а "Мейгс", "Ходстед" и "Блюмфонтен" с боевой техникой и снаряжением - дать приказ следовать на максимальной скорости в Австралию. Это и положило начало созданию огромной базы, которая, в конечном счете, превратилась в исходный плацдарм для освобождения Филиппин.

Доставка подкреплений на эту австралийскую базу и примыкающие к ней группы островов продолжалась непрерывно в течение всей зимы. К 21 февраля наши заморские силы составили 245 тыс. солдат и офицеров, причем самая крупная группировка получилась на Тихом океане, где к этому времени имелось 115877 человек, исключая 29566 человек на Аляске и Алеутских островах. В районе Карибского бассейна насчитывалось 79095 человек. На Европейском театре было всего только 3785 офицеров и солдат, но две дивизии находились в пути. Заморские гарнизоны восточного оборонительного командования насчитывали 15876 солдат и офицеров, большинство из которых находились в Исландии.

Хотя в то время американские войска вели бои только на Филиппинах, не было буквально почти ни одного места на континенте и океанских просторах, по поводу которого в планирующих службах военного министерства не возникало бы проблем. На Аляске мы оказались совсем не защищенными от нападения противника, который мог закрепиться там и наносить бомбовые удары по ряду наших важных городов без возвращения самолетов на аэродром. Нужно было обеспечивать безопасность бразильского побережья, с тем чтобы мы могли создать в северо-восточной части Южно-Американского континента базу и оттуда вести борьбу с подводными лодками противника. Этот район был особенно важен, поскольку обеспечивал также исходные рубежи для полета самолетов через Атлантику. С закрытием Средиземного моря кратчайший путь к Ближневосточному театру военных действий теперь пролегал через Центральную Африку; нам нужно было проложить воздушный маршрут через этот слабо развитый континент.

Теперь, конечно, Россия стала нашим союзником, и новая проблема заключалась в определении маршрутов и средств оказания ей эффективной помощи, с тем чтобы она могла успешно выдержать натиск со стороны нашего общего врага.

Ближний Восток с его огромными нефтяными ресурсами являлся еще одним регионом, безопасность которого имела большое значение для Америки. Он обеспечивал один из путей, по которому можно было направлять в Россию военные грузы, и у нас возникла проблема скорейшего создания коммуникаций на север от Персидского залива - на советскую территорию. На десятках островов Тихого океана нужно было разместить войска, чтобы поддерживать безопасность путей связи с нашей австралийской базой. Бирма составляла еще один район, в сохранении которого мы были крайне заинтересованы, ибо через нее проходила последняя оставшаяся в руках союзников дорога для снабжения Китая.

Ко всему этому мы должны были остановить японцев у границ тех стран, которые играли особо важную роль в успешном ведении нами войны, - у Австралии и Индии. И вместе с тем все мы без устали изыскивали пути и средства, чтобы помочь защитникам Филиппин.

Проблемы размещения войск (в том числе частей противовоздушной обороны) на ключевых местах внутри Соединенных Штатов, распределение и выделение имевшегося у нас оружия, создание баз, особенно авиационных, в Южной Америке, Африке и по всему миру, внимание к нашей собственной реорганизации внутри военного министерства и разработка на основе общих планов конкретных директив на боевые операции - все это требовало от всех нас восемнадцатичасового рабочего дня.

К моему счастью, в это лихорадочное время мой младший брат Милтон и его жена Элен жили в пригороде Вашингтона, в Фоллз-Черч. В течение многих недель после моего появления в военном министерстве, пока моя жена не прибыла с нашими вещами из Сан-Антонио и не наняла квартиру в Вашингтоне, я по их настоянию жил у них. Мой брат уже находился на государственной службе, занимаясь военными вопросами, и его рабочие часы едва ли были менее изнуряющими, чем мои. Тем не менее каждый вечер, когда я добирался до их дома, независимо от того, сколько было времени, а обычно это было около полуночи, оба они ожидали меня, чтобы вместе поужинать и выпить чашку кофе. Я не помню, чтобы за все эти три месяца работы в Вашингтоне я хоть раз побывал в их доме в дневное время.

Генерал Сомервелл и я постоянно искали пути для оказания помощи войскам на Филиппинах. В конечном счете все наши усилия оказались довольно незначительными, и, размышляя в течение многих последующих месяцев над этой проблемой, я все

же так и не увидел, что еще можно было предпринять для помощи этим войскам. В то время как журналистами, так и энергичными, но несведущими профессионалами часто выдвигалось одно предложение, которое сводилось к тому, чтобы направить на борту авианосца истребители в такой район, откуда эти самолеты долетели бы до аэродромов на островах и там приняли участие в боевых действиях против японских захватчиков. Первая трудность, с которой мы столкнулись в связи с этим предложением, по существу, похоронила и саму идею.

Министерство военно-морских сил прямо заявило что ни один из имевшихся авианосцев в то время не будет поддержан необходимым количеством крейсеров и эсминцев и не пойдет на риск провести операцию, в которой он не мог оставаться даже в течение самого короткого времени в пределах радиуса действия истребительной вражеской авиации с Филиппин. При детальном рассмотрении этого предложения выявились и другие, почти столь же решающие препятствия, однако уже одно первое препятствие было достаточно серьезным, чтобы отказаться от этой идеи.

Спустя многие месяцы я прочитал утверждения, что в то время как филиппинцы вели безнадежные оборонительные бои, американские бомбардировщики беспрерывным потоком летели в Великобританию, а материалы, в которых так остро нуждались на Филиппинских островах, берегли для кампании в Северной Африке. Такие утверждения были далеки от истинного положения дел.

В Англии находилась только одна наша эскадрилья легких бомбардировщиков, которая прибыла туда в мае 1942 года, и до следующего месяца там не было ни одной авиачасти тяжелых бомбардировщиков. До июля 1942 года план африканской кампании еще не был даже утвержден. Обе эти даты относятся к периоду после капитуляции на Батане и в Коррехидоре. Все дело заключалось в том, что Япония господствовала в водах, омывающих Филиппины, мы же не могли направить туда существенную помощь, пока не накопили достаточно сил для прорыва блокады.

В начале декабря 1941 года мы решили испытать прочность этой блокады Филиппин в направили в Австралию офицеров с деньгами, чтобы нанять, независимо оттого, сколько бы это ни стоило, людей и суда для доставки боевых грузов на острова и тайком перебросить их в осажденный гарнизон.

Человеком, которого мы послали в Австралию, чтобы возглавить эту особую операцию, был бывший военный министр полковник Патрик Херли, вскоре ставший бригадным генералом.

Однажды днем он явился в оперативное управление и добровольно предложил свои услуги правительству. В тот момент мы как раз искали именно такого энергичного и бесстрашного человека, чтобы укрепить веру в свои флибустьерские попытки помочь Филиппинам из Австралии. Херли был немедленно принят на службу.

Я спросил его: "Когда вы сможете приступить к делу?" "Хоть сейчас!" последовал ответ. "Будьте здесь сегодня вечером, - сказал я ему, - и приготовьтесь к длительной службе в войсках". Он, казалось, слегка изменился в лице, но, не моргнув глазом, ответил: "Этого времени мне достаточно, чтобы встретиться с моими адвокатами и изменить мое завещание".

Его сразу представили к званию бригадного генерала. Зная, что представление будет утверждено еще до того, как он доберется до Австралии, Джероу и я сняли по одной звезде со своих погон и, прикрепив их на плечи бывшего министра, пожелали ему счастливого пути. В час ночи он уже вылетел в Австралию.

Для транспортировки небольшого количества крайне нужных предметов боевого обеспечения военно-морской флот выделил подводные лодки. Войска на Филиппинах прежде всего остро ощущали нехватку взрывателей для снарядов зенитной и полевой артиллерии, и нам удалось с помощью таких транспортных средств доставить им в небольших количествах эти взрыватели.

Мы начали в Австралии сборку 52 пикирующих бомбардировщиков, надеясь в будущем переправить их воздушным путем через промежуточные аэродромы на островах между Австралией и Филиппинами. Одновременно со всеми этими делами мы продолжали небольшими партиями в спешном порядке подбрасывать в качестве подкрепления пехоту во многие угрожаемые пункты на Тихом океане, начиная с Аляски и далее на юг, на Гавайские острова, острова Фиджи, Новая Каледония, Новая Зеландия, Тонга, в Австралию и другие места.

Приведу один пример, из которого видно, в каком отчаянном положении мы находились. Однажды поздно вечером я совершенно случайно узнал, что штаб военно-морских сил с целью срочного создания небольшого гарнизона на острове Эфате приказал временно снять с авианосца матросов. Это было непостижимо. Ведь каждый из наших кораблей представлял собой огромную ценность. Быстро посоветовавшись, мы решили направить в этот угрожаемый район находившийся поблизости пехотный батальон. К такого рода действиям нам не раз приходилось прибегать при решении текущих вопросов. Этот случай, сколь ни незначительный, убедил меня также и в том,

насколько поверхностны и неудовлетворительны были наши связи с военно-морскими силами.

В начале февраля Кесон, находившийся в Коррехидоре вместе с генералом Макартуром, радировал президенту Рузвельту, умоляя его добиваться нейтрализации Филиппин при условии, что обе стороны согласятся вывести свои войска. Ввиду нашего безнадежного положения там нейтрализация островов в то время сразу же создала бы военное преимущество и, разумеется, предотвратила бы огромные страдания и лишения для оборонявшегося гарнизона и населения. Однако публичное предложение о нейтрализации было бы с презрением встречено японцами. Такое признание нашей слабости имело бы самые неблагоприятные психологические последствия. Никто из нас не допускал мысли, что это предложение представляет собой измену президента Кесона. Мы знали, что он очень лоялен к нам и что выдвигаемый им на рассмотрение план казался ему в его беспомощном положении лишь возможным вариантом спасти свою страну. Впечатление же от такого предложения было подобно разорвавшейся бомбе. Это предложение было немедленно отклонено президентом Рузвельтом и начальником штаба армии генералом Маршаллом.

Основной задачей планирующих органов военного министерства являлась выработка плана проведения военных операций армией США против Германии и Японии. Наши противники, географически расположенные друг от друга на больших расстояниях, представляли собой мощные империи, с которыми мы должны были бороться и победить.

В конце декабря 1941 года премьер-министр Черчилль прибыл в Вашингтон в сопровождении английских начальников штабов. Это были адмирал Дэдли Паунд от военно-морских сил, генерал Алан Брук от армии и главный маршал авиации Чарльз Портал от военно-воздушных сил. В то время еще существовало старое управление военного планирования под руководством генерала Джероу, и основная работа по осуществлению связей с английской группой проводилась им и другими штабными работниками.

Конференция "Аркадия" имела две основные цели. Первая заключалась в организация реальной системы, которая позволила бы американским и английским начальникам штабов эффективно действовать как единая группа. Суть достигнутой договоренности сводилась к тому, что каждый из английских начальников штабов назначит своего представителя в Вашингтон, чтобы работать в тесном контакте с американскими штабами. В качестве главы этой миссии англичане назвали Джона Дилла, который на этой

должности успешно трудился до своей смерти в 1944 году. Вторая цель конференции заключалась в том, чтобы подтвердить ранее достигнутые соглашения относительно районов, где в первую очередь следует сосредоточить крупные силы двух стран. Штабы не видели оснований для изменения ранее достигнутой договоренности о том, что противник в Европе должен быть первым объектом наших наступательных операций. Было, разумеется, много и других важных вопросов, которые обсуждались на конференции, но мне, как второстепенному ее участнику, казалось, что решение этих двух вопросов было крупнейшим достижением.

Если рассматривать суть проблемы в упрощенном виде, то основные соображения для наступления в первую очередь в Европе сводились к следующему.

Европейские державы "оси" были единственным из двух наших противников, на кого могли одновременно наступать все три мощных союзника - Россия, Великобритания и Соединенные Штаты. Из числа этих союзников только Соединенные Штаты имели возможность выбора наступления в первую очередь против того или иного противника. Но если бы мы решили сначала всеми силами выступить против Японии, то союзники разделились бы, причем два из них оказались бы перед риском поражения или, в лучшем случае, вели бы нерешительные бои против стран "оси". Между тем Америка, ведя войну в одиночестве против Японии, все равно после победы на Тихом океане оказалась бы перед необходимостью начать совместно с надломленными или жестоко обескровленными союзниками боевые действия против империи Гитлера. Далее, исключительно важное значение имело то обстоятельство, что тогда было неизвестно, как долго Россия может выстоять под ударами вермахта. Никакие действия против Японии, очевидно, не помогли бы России продолжать войну. Единственный способ помочь этой стране, помимо доставки ей военных грузов кораблями, состоял в том, чтобы вступить в войну в Европе самым эффективным путем. И наконец, поражение европейских держав "оси" высвободило бы английские войска для их использования против Японии.

Насколько мне известно, мудрость плана использовать всю нашу мощь против Германии и ее союзников в Европе, прежде чем начинать кампанию против Японии, никогда не подвергал сомнению ни один подлинный исследователь стратегии. Однако было достаточно легко констатировать эту цель как принцип, но трудно и в этом была вся загвоздка - разработать действительно осуществимый план на основе этой идеи и обеспечить его

одобрение военными штабами двух стран.

Основные планы вторжения в Европу начали медленно вырисовываться в военном министерстве в январе и феврале 1942 года. Как всегда, время было самым острым фактором при решении всей этой проблемы. И тем не менее везде мы сталкивались с задержками. Не было никакого смысла сетовать на неподготовленность. В этом состоит особенность военных проблем, всегда связанных только с суровой действительностью; вопросы должны быть доведены до элементарной простоты, а ответы должны быть ясными и конкретными. Повсюду требовались люди и материалы. Волна японской агрессии тогда еще не набрала в полной мере всю силу, и все то, что мы могли использовать в Соединенных Штатах, должно было быть направлено в юго-западную часть Тихого океана, чтобы предотвратить там полный крах. Помимо сохранения воздушных и морских коммуникаций с Австралией, мы должны были любой ценой удержать индийский бастион, в противном случае немецкие и японские войска соединились бы через Персидский залив. Предотвращение этой катастрофы стало главной заботой нашего английского партнера.

Перспектива, когда две индустриальные империи -Япония и Германия - будут свободно распоряжаться огромными ресурсами каучука, нефти и прочих природных богатств Голландской Индии, настраивала на мрачные размышления. Разумеется, нужно было удержать за собой Ближний Восток: если он падет и немецкие подводные лодки получат возможность прохода через Красное море в Индийский океан, то вряд ли Индию можно будет сохранить. К тому же ближневосточная нефть являлась крупным призом.

В конце зимы 1941/42 года подводная война немцев в Атлантике достигла почти вершины эффективности.

Каждый месяц мы десятками теряли корабли, в том числе драгоценные танкеры. В марте 1942 года потери союзников и нейтральных стран в Атлантике и Арктике составили 88 судов общим водоизмещением 507502 тонны. В течение мая 1942 года, когда было потоплено 120 судов союзников и нейтральных стран в тех же водах, Соединенные Штаты понесли самые тяжелые потери в торговом флоте по сравнению со всеми другими месяцами войны - 40 судов. Некоторое время даже наши жизненно важные морские коммуникации с Южной Америкой находились под угрозой. Потребности в морских перевозках были исключительно большие, нам требовались одновременно все типы боевых кораблей, грузовых судов и судов для перевозки личного состава.

Мы уже усвоили, что только одна авиационная мощь не может обеспечить полную победу, так же как и крупная победа невозможна без обеспечения господства в воздухе. Следовательно, потребность в огромном количестве самолетов конкурировала со всеми прочими потребностями - в морских перевозках, орудиях, танках, винтовках, боеприпасах, продовольствии и обмундировании, в строительных материалах - одним словом, во всем том, что составляет военную мощь страны.

Несмотря на огромный недостаток материальных ресурсов, мы делали все возможное, чтобы приостановить натиск наших противников. Однако вместе с тем при составлении наших планов на достижение победы мы должны были заглядывать далеко вперед, когда наличие самолетов, кораблей, транспортных, десантно-высадочных судов и боевых сухопутных соединений позволит нам перейти в наступление и материально обеспечивать его. Таким образом, задуманный план вторжения в Европу должен был приобретать свои первоначальные очертания с учетом этой пока еще неясной перспективы.

Планы на будущее не могли пользоваться приоритетом по сравнению с потребностями текущего дня. В отчаянных усилиях спасти Голландскую Индию и Сингапур в конце декабря 1941 года из Индии на Яву был направлен генерал Арчибальд Уэйвелл, чтобы стать там первым союзным командующим. Объединенный англо-американский штаб в Вашингтоне тщательно разработал директиву создания этого командования в надежде, что совместные усилия могут породить чудо. Чуда у Уэйвелла не получилось.

Тем не менее при составлении этой директивы был получен ценный опыт. Впервые перед нами встала конкретная задача сформулировать положение о верховном командующем, которое обеспечивало бы как его полномочия в войсках, так и соблюдение фундаментальных интересов каждой участвующей страны. Мы сочли необходимым тщательно рассмотреть порядок обжалования и действий верховного командующего, и пределы его прав по руководству боевыми операциями, а также в отношении деятельности других видов вооруженных сил. Большое значение имела выработка процедуры, которой следовало придерживаться в случае возникновения серьезных разногласий. Мы еще в полной мере не оценивали суть союзного командования.

Никакое письменное соглашение о создании объединенного командования не сможет противостоять националистическим соображениям, если одна из договаривающихся сторон оказывается перед лицом бедствия, назревающего вследствие поддержки решений верховного командующего. Каждый военный

руководитель в действующих войсках обладает прямой дисциплинарной властью над всеми подчиненными ему войсками своей национальности; любое неповиновение или иное нарушение наказуемо такими мерами воздействия, какие он сочтет нужными, включая отдачу нарушителя под суд военного трибунала. Однако любое государство не может предоставлять такие полномочия и права отдельному лицу другой страны. Только уверенность в нем может создать столь прочный авторитет союзному командующему, чтобы у него никогда не возникало тревоги по поводу отсутствия этой юридически фиксированной власти.

Успех принципа объединенного командования в конечном счете зависит от личности; государственные деятели, генералы, адмиралы и маршалы авиации - даже народы союзных стран - должны выработать в себе веру в концепцию единого командования, уметь признавать военную организацию и ее руководителя, которые претворяют в жизнь этот принцип. Никакие обязывающие инструкции, законы или обычаи не применимы ко всем компонентам, составляющим единое командование; только высокоразвитое чувство взаимного доверия может разрешить эту проблему. Возможно, что эта истина применима и в мирных условиях.

В течение первой военной зимы известия, поступавшие из восточно-индийского региона, были одно хуже другого, а военно-морской флот не располагал достаточными силами, чтобы предпринять крупную операцию. Каждое транспортное и грузовое судно, которое оказывалось в нашем распоряжении, немедленно отправлялось в юго-западную часть Тихого океана. Но этих судов было так мало!

Транспортировка личного состава без тяжелой боевой техники не требовала особо тщательных приготовлений, если имелись в наличии быстроходные суда. Последние полагались только на свою скорость при защите от возможных нападений со стороны подводных лодок. Для переброски войск англичане дали нам несколько крупных и самых быстроходных пассажирских судов, в том числе судно "Куин Мэри".

Однажды мы отправили это судно из восточного порта в Соединенных Штатах без эскорта в Австралию с 14 тыс. солдат и офицеров на борту. Если бы подводной лодке удалось подобраться к нему достаточно близко и атаковать его, это было бы для нас самой тяжелой трагедией. Но мы считали, что даже если одна торпеда попадет в судно, то оно, вероятно, сохранит способность двигаться с достаточной скоростью, чтобы уйти от любой вражеской подводной лодки. Однако такие расчеты не

могли дать гарантий, что это судно благополучно дойдет до места назначения.

Во время этого рейса "Куин Мэри" должно было зайти в один бразильский порт для заправки топливом. Мы пришли в ужас, когда перехватили радиограмму одного итальянца из Рио-де-Жанейро, который сообщал итальянскому правительству о нахождении там этого судна и о направлении его следования. Следующую неделю мы жили в страхе, опасаясь, что державы "оси" могут установить на пути движения судна в Южной Атлантике такой заслон из подводных лодок, что ему будет невозможно полностью избежать встречи с вражескими подводными лодками. Я не помню, знал ли в то время генерал Маршалл об этом случае, но такие вещи мы старались скрывать от него, когда это было возможно. Не было смысла забивать ему голову тревогами, с которыми мы сами были вынуждены ложиться спать. У генерала было достаточно и своих забот.

Глава 3. Командный пункт для Маршалла

В начале января 1942 года начальник штаба армии США объявил о своем решении реорганизовать военное министерство в интересах успешного ведения войны. Предвидя, что военное министерство в том вида, в каком оно было создано по законам мирного времени, не сможет выдержать напряжения длительной и ожесточенной войны, он еще за год до этого поручил полковнику Уильяму Гаррисону изучить организационные слабости военного ведомства и изыскать пути их устранения. Исследование этого вопроса завершилось к началу зимы, и в опытном порядке был одобрен соответствующий план, однако нападение на Перл-Харбор задержало его осуществление. Задача фактической реорганизации теперь была возложена на генерал-майора Джозефа Макнерни, человека с аналитическим складом ума и с непреклонной волей администратора, способного, безжалостно выкорчевывая укоренившийся бюрократизм, упростить, сделать более гибкой систему управления войсками.

В то же время было очевидно, что на уровне военного министерства должен быть создан какой-то орган, который мог бы собирать и сосредоточивать всю стратегическую информацию, а после принятия генералом Маршаллом решений на основе этой информации такой орган мог бы заниматься претворением их в жизнь. Другими словами, этот орган должен был стать личным командным пунктом начальника штаба армии. Поэтому в генеральном штабе вместо управления военного планирования, в котором 16 февраля я стал преемником генерала Джероу и одновременно был назначен помощником начальника штаба, было создано оперативное управление. 9 марта я уже вступил на

должность первого начальника этого управления и вскоре получил временное звание генерал-майора.

Как мне помнится, тогда я был слишком занят работой, чтобы выбрать время и поблагодарить генерала Маршалла за повышение меня в воинском звании, которое в наших предвоенных условиях фактически представляло собой вершину военной карьеры.

В системе военного министерства поразительно мало внимания уделялось разведке, что препятствовало всякому конструктивному планированию.

Одним из наших жалких жестов в этом направлении было содержание военных атташе в большинстве столиц иностранных государств, а поскольку государственных средств на оплату необычных расходов должностных лиц такого рода не выделялось, то на должности атташе можно было назначать только офицеров с независимым материальным положением. Как правило, это были достойные и обеспеченные люди, но многие из них не знали даже азов разведывательной работы.

Результаты деятельности таких атташе были плачевными. Положение еще больше усугублялось тем, что по установившемуся порядку существенным обстоятельством для назначения на руководящие должности в разведывательном управлении военного министерства являлся срок работы в качестве военного атташе, а не личные способности.

Отношение к разведке как к пасынку в системе генерального штаба подчеркивалось многими фактами. Например, число генеральских должностей внутри военного министерства было настолько ограничено законами мирного времени, что одно из основных управлений постоянно возглавлялось полковником. Это обстоятельство само по себе, может быть, и не имело серьезного значения, поскольку куда предпочтительнее назначать на эту должность высококвалифицированного полковника, чем посредственного генерала. Однако такая практика ясно указывала, как недооценивалась в армии разведка. Это находило свое отражение и в наших военных учебных заведениях, где слушателей обучали только некоторым вопросам техники ведения разведки на поле боя, а более широкие аспекты разведывательной работы почти полностью игнорировались. У нас имелось всего несколько человек, способных квалифицированно анализировать ту информацию, которая попадала в поле зрения военного министерства, и особенно это касалось того, что превратилось в самую суть разведывательных исследований и анализа, а именно промышленности.

В первую военную зиму эти явные пороки стали серьезной

помехой в работе. Вначале разведывательное управление не могло ни составить четкий план работы своей организации, ни выбрать ту часть информации, которая казалась существенной для определения целей и возможностей наших противников. Начальник разведывательного управления обычно являлся в управление военного планирования и со скучающим видом спрашивал, не может ли он быть чем-либо полезен нам.

Рвение, с которым мы ухватывались за каждую крупицу казавшейся нам правдоподобной информации, особенно проявилось с прибытием в Вашингтон полковника Джона Ретея, находившегося в начале, войны в Румынии в качестве нашего военного атташе. Полковник был исключительно энергичным офицером, одним из наших лучших атташе. После того как в ноябре 1940 года Румыния присоединилась к державам "оси", он был интернирован и через нейтральный порт отправлен в США.

Оперативное управление, узнав о приезде Ретея, немедленно запросило у него сведения о противнике. Полковник был глубоко убежден, что германская военная мощь еще не полностью пущена в дело и она настолько велика, что Россия и Великобритания наверняка потерпят поражение до того, как Соединенные Штаты смогут эффективно вмешаться в войну. По его мнению, у немцев в то время было в резерве 40 тыс. самолетов с обученными экипажами, готовых в любой момент для ввода в действие. Он считал, что эти самолеты были изъяты из развертываемых сил с целью их использования во время вторжения в Англию. Он также считал, что у немцев достаточное количество резервных дивизий, еще не введенных в боевые действия, чтобы осуществить успешное вторжение на Британские острова.

В оперативном управлении мы не могли поверить утверждениям Ретея относительно находившихся в оперативной готовности 40 тыс. самолетов. Русские только что остановили немецкие войска под Москвой, и мы были уверены, что никакая армия, обладая оружием такой подавляющей силы, не стала бы держать его в резерве только ради планов будущего использования, особенно когда применение этого оружия обеспечило бы разрушение и захват такого важного объекта, как Москва. Конечно, было очевидно, что если немцы действительно располагали столь громадными резервами, то любая попытка вторжения на Европейский континент путем высадки десантов с моря наверняка потерпела бы неудачу.

Однако информация, которая дошла до нас уже после войны, показала, что сведения Ретея и его выводы относительно резервных дивизий имели достаточные основания. Захваченные после войны в Германии материалы показывают, что летом 1941

года Гитлер планировал использовать только 60 дивизий в качестве оккупационных сил в завоеванной России, а огромное количество высвободившихся таким образом дивизий направить на Ближний Восток. Кажется очевидным, что немецкое верховное командование считало, что у него вполне достаточно сухопутных сил для выполнения любой задачи.

Никто так остро не осознавал наши недостатки в области разведки, как генерал Маршалл. Стремясь улучшить работу разведки, он 5 мая 1942 года назначил начальником разведывательного управления генерал-майора Джорджа Стронга, человека острого ума, энергичного и решительного.

Теперь, уже не имея затруднений в деньгах, Маршалл делал все возможное, чтобы исправить положение, сложившееся в результате длительного пренебрежения разведкой; однако никакие деньги или срочные усилия не могли помочь быстро создать по всему миру разветвленную разведывательную сеть. Тем не менее вместе с управлением стратегических служб генерала Уильяма Донована генерал Стронг постепенно начал создавать систему, которая в конечном счете превратилась в огромную и эффективную организацию. К счастью, в первые дни войны англичане на основе предыдущего опыта войны были в состоянии обеспечивать нас важной информацией о противнике.

В силу характера работы в военном министерстве мы все оказались в постоянном контакте со штабами других американских видов вооруженных сил и с представителями союзных держав в Вашингтоне, поскольку всегда возникала необходимость координации усилий в промышленном производстве и проведении боевых операций; все театры военных действий были взаимосвязаны, особенно когда их требования касались возможностей промышленного производства страны. Происходили частые встречи между начальником штаба армии и начальником штаба ВМС адмиралом Гарольдом Старком, а позднее - со сменившим его адмиралом Эрнестом Кингом.

Помощники начальника штаба армии США, в числе которых основными были генерал Сомервелл, генерал-лейтенант, позднее генерал армии, Генри Арнольд, генерал Макнерни, почти ежедневно встречались с соответствующими их должностными лицами из министерства военно-морских сил, стараясь выработать сбалансированные решения, ознакомиться с ходом подготовки личного состава в учебных центрах и выпуском военной продукции американской промышленностью. Таким образом, при работе в военном министерстве у каждого из нас неизбежно складывалась полная картина глобальной войны.

Генерал Маршалл уделял большое внимание подбору

кандидатур для назначения на ключевые посты в заморских командованиях и в реорганизованном военном министерстве. Он иногда давал ясно понять, какого рода люди, по его мнению, непригодны для занятия высокого положения. К числу таких он прежде всего относил тех, кого больше беспокоило собственное продвижение по службе. Давление из любого источника в поддержку той или иной кандидатуры было подобно действию бумеранга, если об этом становилось известно начальнику штаба армии США. Однажды я находился у него в кабинете, когда кто-то позвонил ему по телефону, вероятно, настаивая на продвижении какого-то своего приятеля в армии. Маршалл ответил: "Если этот человек ваш друг, то лучшая услуга, которую вы можете оказать ему, - это избежать упоминания его имени при мне".

Не в меньшей степени Маршалла раздражали любые попытки перекладывать ответственность на других. Он часто говорил, что у него тысячи офицеров тщательно выполняют поручаемую работу, но среди них слишком много бесполезных людей, занимающих важные посты, и эти люди стараются переложить на него заботу о принятии каждого решения. Он требовал, чтобы его основные помощники думали и действовали самостоятельно в своей области - принцип, о котором много говорят в наших армейских училищах, но который очень редко претворяют в жизнь. К тому же он презирал тех, кто пытался все сделать сам, он считал, что человек, изматывающий себя мелкими делами, не обладает способностью решать более важные проблемы. Не любил Маршалл и таких людей, которые заменяли твердость и силу плохими манерами и напускной грубостью. Он избегал тех, кто питал слишком большую любовь к популяризации собственной персоны. Более того, его раздражали те, кто часто вступал в конфликт с другими, или кто был слишком глуп, чтобы не понимать, что умение руководить совещанием даже со своими подчиненными столь же важно, как и умение руководить на поле боя.

Генерал Маршалл не терпел также пессимистов, которые всегда рисовали обстановку в самых мрачных красках и очень боялись использовать все средства, имевшиеся у них под рукой. Он никогда не назначал офицера на ответственный пост, пока не убеждался, что тот с энтузиазмом поддерживает поручаемое ему дело и уверен в успешном его решении.

Иногда, разумеется, по необходимости назначения производились из числа тех офицеров, которые не во всех отношениях отвечали предъявляемым требованиям. Но если Маршалл и шел на такое исключение из своих правил, он все равно оставался при своем мнении об этом человеке.

При составлении стратегических и оперативных планов, а также расчетов по материально-техническому обеспечению сухопутных войск и армейской авиации оперативное управление работало в тесном сотрудничестве с объединенным комитетом начальников штабов и союзным штабом. Из оценок текущей военной обстановки -сопоставления наших наличных сил с возможностями противника и с учетом его огромных территориальных завоеваний - нам нужно было определять военную политику в смысле целей, потребностей в людях и средствах боевого вооружения для достижения этих целей и наиболее эффективные меры но быстрейшему удовлетворению этих потребностей.

За этим специфичным языком скрывался огромный объем работы по сбору и изучению данных и распределению людских и материальных ресурсов для обеспечения военных операций. Подготовка только одной директивы на проведение какой-либо операции могла потребовать массу данных: от темпов выпуска какого-либо специфичного изделия на конкретном ключевом предприятии до энциклопедического изложения всех факторов - военного, политического, географического и климатического характера, влияющих на состав крупной оперативной группировки. Основные принципы стратегии настолько просты, что их может понять и ребенок. Однако чтобы правильно применить их к данной конкретной ситуации, требуется упорнейшая работа от высококвалифицированных штабных офицеров. К счастью, мы не испытывали в них недостатка. Группа офицеров, которые между двумя мировыми войнами добросовестно усвоили военные теоретические взгляды, преподносимые в наших учебных заведениях, была прекрасно подготовлена для выполнения важных задач оперативного планирования, за исключением сферы разведывательной деятельности. В оперативном управлении наша работа означала утомительное, нудное перемалывание бесчисленного множества, на первый взгляд, не связанных друг с другом фактов и данных. Все, что имело хотя бы отдаленное отношение к войне и к ее ведению, становилось зерном для помола на нашей мельнице планирования. Но даже когда мы составляли планы на будущее и заглядывали вперед, в те времена, когда можно будет предпринять крупные наступательные операции, никогда не ослабевало давление текущих событий, требовавших от нас четких действий. Что же касается наших слабостей, то они всегда оставались у нас на виду.

Каждые сутки в течение двадцати четырех часов в оперативное управление непрерывным потоком поступали донесения об обстановке на местах с призывами направить подкрепления, передавалась разведывательная информация со всех континентов и с островов Тихого океана, все еще удерживаемых нами и нашими союзниками. Иногда вдохновляющие, иногда удручающие, эти расшифрованные донесения, проходившие в те дни через меня, были постоянным напоминанием, что Америка вела глобальную войну: в одних районах шли отчаянные сдерживающие бои, в других - создавались базы и расширялись воздушные и морские пути для будущего контрнаступления на фронтах, опоясавших весь земной шар.

Типичным, но в то же время и трагичным был день 7 апреля, ибо капитуляция в Батане с каждым часом становилась все более неизбежной. Первое донесение, поступившее в то утро, было из форта Миллса на Коррехидоре; в нем сообщалось, что положение с продовольствием на Батане становится отчаянным. На душераздирающие донесения такого рода мы редко имели возможность как-то отреагировать, кроме утешительных обещаний сделать все от нас зависящее. Но на этот раз, если бы Батан мог выдержать еще хоть немного, небольшая помощь уже находилась в пути. Немедленно был послан ответ генерал-лейтенанту Джонатану Вейнрайту с предупреждением, что кое-что выслано ему на подводных лодках, которые должны прибыть туда через несколько дней; мы просили, чтобы он доложил нам о прибытии этой помощи и сообщил о своих дальнейших планах, а также о любых изменениях в обстановке. Генералу Макартуру в Сидней был послан запрос по радио, чтобы он вкратце сообщил свой план по снабжению войск в районе Манильского залива подводными лодками из Австралии и примерные сроки, когда он может доставить туда продовольствие, боеприпасы и прочие крайне необходимые грузы. Другая радиограмма пошла в Бирму генерал-лейтенанту Джозефу Стилуэллу с требованием изучить возможность доставки пищевых концентратов по воздуху в Батан.

Во втором донесении от генерала Вейнрайта сообщалось, что на Батанском фронте противник продолжал сильные атаки и продвинулся на центральном участке нашей обороны. Госпиталь вновь был подвергнут бомбардировке, и на этот раз, добавлял генерал, преднамеренно. За бомбардировку, предпринятую ранее, японцы извинились.

Донесения следовали одно за другим, извещая нас, что дополнительные аэропорты будут развернуты в Центральной и Южной Америке и в Либерии под наблюдением начальника

инженерных войск; береговая охрана будет выделять по четыре корабля охранения на каждое судно во время прохождения по каналу между озерами Верхнее и Мичиган, где мы давно опасались диверсий в самом критическом месте в транспортной системе США; генерал-лейтенант Джон де Вит просит разрешения на выдачу 30 тыс. винтовок для территориальных формирований Аляски; генерал-лейтенант Делос Эммонс, ознакомившись с оборонительными мероприятиями Новой Зеландии на островах Фиджи, нашел их недостаточными в случае мощного наступления японцев; генерал Макартур просит направить персонал, чтобы оборудовать пять районов сосредоточения перед посадкой на суда и один лагерь пополнений в Австралии; генерал-майор Чарльз Боунстил просит подтвердить сообщение, что конвой, который доставит в Исландию американские войска в середине апреля, будет использован для транспортировки высвободившихся там английских войск в Англию; карибское оборонительное командование рекомендовало установить береговую батарею на острове Патос; южное оборонительное командование вводит в действие новый штаб на- побережье Мексиканского залива, где, как опасались, подводные лодки держав "оси" активизируют свои действия. От нас по радио были посланы указания относительно обороны на Тихом океане в Австралию и нашим командирам на острова Пасхи, Бора-Бора, Кантон и Фиджи. Генералу Боунстилу в Исландию мы сообщили, что он должен взять на себя командование местным гарнизоном, как только численность американских войск на острове достигнет двух третей общего числа имеющихся там сил. Генералу Вейнрайту мы передали поздравления президента Рузвельта по случаю блестящего отражения на Батане массированных атак японцев на прошлой неделе. Генералу Макартуру пошел запрос об информации относительно включения в его штаб в юго-западной части Тихого океана нидерландских офицеров.

Изучение полученных донесений и подготовка указаний для войск постоянно прерывались совещаниями по множеству вопросов с представителями всех видов вооруженных сил, с правительственными должностными лицами и руководителями промышленности, с представителями союзников.

Большинство совещаний проходило в моем кабинете. На основе этих совещаний иногда вырабатывались решения огромной важности, которые приходилось выполнять в рамках оперативного управления военного министерства или в отдаленных местах, где наши войска вели боевые действия. Чтобы быть уверенным, что ни одно из принятых решений не окажется забытым и что к каждому из них работники управления будут

всегда иметь доступ, мы прибегли к системе автоматической записи совещаний, которая оказалась исключительно эффективной.

Этот метод заключался в том, что в моем кабинете было установлено несколько диктофонов таким образом, чтобы каждое произнесенное в комнате слово передавалось на записывающий аппарат, находящийся в соседней комнате, где секретарь тут же составлял заметки или памятные записки для последующего их использования сотрудниками оперативного управления. В итоге каждый мой помощник, часто без дальнейшего согласования со мной, мог самостоятельно принимать соответствующие меры на основе принятых участниками совещаний решений и сохранить записи, которые были необходимы.

Я взял за правило информировать посетителей о системе, которой мы пользовались, чтобы каждый человек понимал, что целью такого метода обсуждений является облегчение решения деловых вопросов. Эта система сберегла для меня много времени и избавила от диктовки замечаний и указаний, а также отпала необходимость запоминать каждую деталь или мнение, которые сообщали мне.

7 апреля состоялось совещание сотрудников союзного штаба, на котором я должен был представлять оперативное управление. Прежде чем закончить работу, мы разобрали такие специфичные вопросы, как перераспределение самолетов, которые первоначально предназначались для отправки в Голландскую Индию пока там продолжались бои, и обсудили пока еще не ясные нам намерения немцев в Сирии, Турции и Ираке.

С наступлением вечера 7 апреля для каждого из нас в оперативном управлении закончился обычный напряженный рабочий день. Прямо или косвенно мы соприкасались с основными планами наших военных усилий во многих отдаленных местах, которые еще год назад были для нас не более чем географические названия.

* * *

В феврале 1942 года нас стали беспокоить темпы производства десантно-высадочных средств, предназначавшихся главным образом для наступательных операций. В то время было трудно пробудить к ним широкий интерес, когда все были полностью поглощены проблемами обороны. Хотя штаб военно-морских сил брал на себя заботы по производству этих средств, он вскоре информировал нас, что не может обеспечить их экипажами. Генерал Сомервелл быстро ответил, что он сам займется этим делом, и со свойственной ему энергией успешно решил его. Спустя много месяцев, когда он попытался передать

созданную им организацию военно-морским силам, мы столкнулись со странным заявлением, что флот не может принять в свой состав призывников.

Все было бы по-иному, если бы в то время у нас были скоординированная политика и единое руководство. На протяжении всей весны 1942 года предпринимались попытки прийти к соглашению о характере и объеме наших потребностей в десантно-высадочных средствах. Необходимо было назначить одного человека, ответственного за их производство и получение. Разумеется, эту программу следовало согласовать с общими планами строительства флота, с тем чтобы она не нанесла серьезного ущерба выпуску эскортных кораблей, подводных лодок и других судов, необходимых для осуществления будущих операций. Однако в то время военно-морской штаб мыслил только категориями восстановления своих сил. Руководство флота не было особенно заинтересовано в производстве десантно-высадочных средств для будущих наступательных операций. Но если бы мы не начали их строительство, мы никогда не могли бы перейти в наступление.

Примерно в это время президент Кесон стал главой еще одного правительства в изгнании, после того как его эвакуировали с Филиппин на подводной лодке. Он прибыл в Соединенные Штаты и, навестив меня в военном министерстве, рассказал с большими подробностями о проходивших боях и поражении на Филиппинах. Он был очень благодарен Америке и хорошо понимал все причины, не позволявшие в то время оказать его стране более эффективную помощь. Но он твердо верил, что Филиппины будут вновь жить под своим собственным государственным флагом. И это его убеждение всегда оставалось непоколебимым.

История тех дней войны на Тихом океане еще будет описана во всех деталях. Принятые решения, ход боевых действий - все это получит должное освещение в истории и будет рассмотрено на фоне того, чего фактически добились Вашингтон и командующие на фронтах. Этот краткий пересказ необходим здесь только потому, что некоторыми из своих аспектов обстановка в юго-западной части Тихого океана оказывала влияние на планы ведения войны на Европейском театре военных действий, с которым мне предстояло наладить тесную связь. Но какие бы усилия мы не предпринимали, тогда спасти Филиппины мы не могли. Героическое сопротивление на Батане завершилось трагическим финалом 9 апреля - Коррехидор сдался 6 мая.

Естественно, я периодически встречался с генералом Маршаллом и совещался с ним. У нас сложилась практика по

меньшей мере раз в неделю совместно делать общий обзор изменявшейся обстановки, иногда на такие встречи приглашались другие сотрудники штаба. Маршалл быстро схватывал наиболее важные моменты в складывавшейся обстановке, он проявлял решительность и полностью отвергал любую мысль о неудаче; все это привносило в работу сотрудников военного министерства энергию и уверенность, а умение Маршалла не вмешиваться в полномочия других не только ускоряло работу, но и побуждало каждого подчиненного трудиться с удвоенной энергией.

Предоставление подлинной свободы действий подчиненному подразумевает мужество и готовность в полной мере поддержать полезную инициативу этого подчиненного. При этом нельзя просто игнорировать какие-либо неприятности в надежде, что кто-либо другой уладит их. Люди, поступающие таким образом, не только некомпетентны, но и всегда несправедливы: они готовы обвинить и наказать несчастного подчиненного, который сделал нечто такое, что привело к неудачным результатам только потому, что он старался выполнить работу и свою, и своего командира.

Одна проблема, постоянно беспокоившая военное министерство, заключалась в том, чтобы дать практический боевой опыт отдельным соединениям до того, как все сухопутные войска будут брошены в смертельную схватку. В Азии и Африке наши союзники вели активные боевые действия, и казалось логичным воспользоваться этим обстоятельством, чтобы получить такой опыт в более широких масштабах, чем тот, который мы приобретали путем простого назначения американских военных наблюдателей в различные районы боевых действий.

Однажды утром мы получили предложение, которое представлялось нам настолько разумным, что весь оперативный состав управления сразу принялся за его разработку. Идея сводилась к тому, чтобы направить одну из наших бронетанковых дивизий в Египет для подкрепления английской армии. Затем, когда у нас возникла бы конкретная потребность в этой дивизии, мы вернули бы себе только личный состав, оставив англичанам все вооружение и боевую технику. Это предложение казалось привлекательным еще и потому, что мы, занятые производством танка улучшенной модификации, рассчитывали оснастить эту дивизию новой техникой до того, как наше командование будет готово само использовать ее.

При подборе кандидатуры на должность командира такого соединения я сразу же вспомнил об одном из давнишних своих друзей генерал-майоре Джордже Паттоне, который был не только

специалистом по танковым войскам, но и выдающимся военным руководителем войск. Я удивился, когда против предложенной мной кандидатуры откровенно высказалась значительная часть моих сотрудников, но понимал, что это было вызвано только эксцентричной манерой поведения Паттона и его иногда совершенно неожиданными поступками. Он обладал очень своеобразным характером, и это вызывало у многих опасения относительно его способности ужиться в коллективе. Подобные сомнения не оказывали на меня никакого влияния ввиду моей уверенности в его боевых качествах и убежденности, что он обеспечит эффективное руководство боевыми частями. Я не сомневался, что хорошо знаю его, так как в конце Первой мировой войны мы быстро подружились, а возникавшие порой между нами горячие споры по военным вопросам нисколько не омрачали наших отношений.

С одобрения генерала Маршалла я вызвал Паттона в Вашингтон и, хотя заранее знал, каков будет ответ, спросил, согласен ли он опуститься на одну ступень ниже, оставить должность командира учебного корпуса, чтобы повести дивизию в настоящие бои. Ответ Паттона выигрышно отличался от ответа другого командира корпуса, который отклонил предложение возглавить американский корпус на Тихом океане на том основании, что ему, старому командиру, не пристало служить под началом австралийского дилетанта в военном деле.

План использования дивизии Паттона в египетских песках потерпел крах главным образом из-за нехватки судов. Чтобы перебросить морем бронетанковую дивизию, потребовалось бы около 45 транспортных судов, не говоря уже о кораблях сопровождения. В данном случае конвою пришлось бы следовать в Каир долгим маршрутом, огибая мыс Доброй Надежды. Отвлекать столь большое количество судов от выполнения других, более важных задач по транспортировке военных грузов и личного состава было совершенно невозможно в тот момент.

Тем не менее этот случай с Паттоном послужил для меня ценным уроком. Я понял, что против назначения некоторых офицеров на ключевые должности, даже в условиях войны, будут часто возникать возражения только на основе установившейся практики и общепринятых стандартов, а иногда под влиянием столь несущественного фактора, как манера поведения рассматриваемой кандидатуры. Я понял также, что на должности командиров боевых частей следует подбирать офицеров из числа тех, которые предпочитают находиться в действующих войсках, а не в тылу, и, следовательно, в подобных случаях я не должен был придавать особого значения несущественным моментам.

Прогресс в работе оперативного управления был настолько значительным, что мои ближайшие помощники и я получали все больше времени для обдумывания и изучения главных проблем. Мы могли спокойно оставить решение повседневных вопросов на группу способных молодых штабных офицеров, которыми руководили бригадные генералы Томас Хэнди, Мэттью Риджуэй, Роберт Крофорд и полковники Джон Хэлл и Альберт Ведемейер, которые еще до конца войны заслуженно выдвинулись в рядах армии.

Легко после достижения победы указывать на случаи, когда военное министерство допустило ошибки. Однако никто из нас, даже самые искренние и способные к аналитическому мышлению люди, не может точно воссоздать трудности тех дней. Они состояли в интенсивности эмоционального и умственного напряжения, которому подвергались ответственные сотрудники. Время было критическое, и решения нужно было принимать быстро на основании имевшихся в нашем распоряжении данных.

Например, выдвигался план строительства нефтепровода на Аляску и международной автодороги в Южную Америку. Оба предложения возникли из очень конкретных опасений, что нам никогда не удастся выпустить то количество танкеров и конвойных кораблей, какое требуется для ведения войны, и поэтому эти два предлагаемых проекта в случае их осуществления могли бы спасти важные для союзников районы и сохранить доступ к богатым нефтяным источникам. Оперативное управление резко выступило против обоих проектов, доказывая, что ни один из них не явится решающим в военных усилиях; однако те, кто поддерживал эти идеи, опирались на мнение экспертов.

При разработке конкретного плана по претворению в жизнь принятого союзниками решения нанести в первую очередь поражение державам "оси" в Европе мы пытались изучить и проанализировать каждый шаг и каждый существенный фактор настолько тщательно, чтобы не упустить никаких возможностей риска или необходимой подготовки. В войне всегда, будь то проблемы тактики, стратегии или боевого обеспечения, сосредоточение на позитивных, наступательных целях должно быть рассчитано в свете минимальных потребностей в районе, где противник может нанести нам решающий урон. Это означало, что в январе, феврале и марте 1942 года основные стратегические планы следовало разработать с учетом минимально допустимых потребностей в юго-западной части Тихого океана.

Из числа стран Объединенных Наций только Америка была в состоянии выделить огромное количество наличных резервов.

Военно-воздушные силы Великобритании и в меньшей мере ее сухопутные и морские силы были в основном прикованы к обороне своей страны - базы, которую следовало отстаивать любой ценой, если отсюда должны были предприниматься какие-либо наступательные операции через Северную Европу. Военные усилия Англии уже вызвали определенное напряжение в ее людских ресурсах, и только благодаря призыву женщин она могла выполнять свои обязательства и пусть ненадежно, но обеспечивать свои позиции на Ближнем Востоке, в Персии и Индии. Советские силы, хотя и огромные по своей численности, были введены в боевые действия против врага, угрожавшего самому существованию России.

Вопрос, стоявший перед военным министерством, свелся к выбору точного направления операций, по которому всю потенциальную мощь Соединенных Штатов можно было использовать против держав "оси" в Европе. Такое решение оставалось бы руководящим принципом войны до тех пор, пока Германия не потерпела бы поражение; все другие операции и усилия неизбежно рассматривались бы как вспомогательные или второстепенные и предназначались либо для обороны важных узлов в нашей оборонительной системе, либо для поддержки усилий на основном направлении, когда там будут готовы главные ударные силы.

Использование американских войск для наступления на Германию через русский фронт было невозможно. Единственные два пути подхода - один на севере через Мурманск, а другой на юге по Персидскому заливу через мыс Доброй Надежды были долгими и тяжелыми. По этим маршрутам нельзя было доставлять ничего дополнительно к тем боевым грузам, которые необходимы, чтобы поддерживать русские силы в борьбе, пока их собственная, жестоко пострадавшая промышленность не будет восстановлена.

Были также детально рассмотрены планы наступления через Норвегию, Испанию и Португалию и даже план, вообще не предусматривавший использования наземных сил и полностью рассчитанный на достижение господства в воздухе и на море.

Другим районом в качестве возможного главного театра военных действий против Германии было Средиземноморье. В начале весны 1942 года положение англичан на Среднем Востоке было не слишком плохим. Главнокомандующий английскими силами генерал Окинлек{5} находился в Западной пустыне.

Он надеялся, что прибытие подкреплений из Англии вместе с обещанным американским оснащением позволит ему в конце концов предпринять наступление, в результате" которого

Роммель, возможно, будет изгнан из Северной Африки. Однако Центральное Средиземноморье было закрыто для союзников. Остров Мальта находился в осаде, непрерывно подвергаясь налетам бомбардировщиков, базировавшихся в Сицилии и Италии. Любое наступление против Италии и Сицилии, осуществляемое путем прямого прохода со стороны Гибралтара, с самого начала было бы обречено на неудачу, так как силам вторжения, не имевшим прикрытия с воздуха, пришлось бы следовать под прямыми ударами превосходящих сил авиации, действующей с наземных аэродромов.

Даже на такой ранней стадии мы изучали возможность предпринять экспедицию с целью захвата французских владений на атлантическом побережье Северной Африки и превращения этого района в главный плацдарм для наступления в Европе. Один старший офицер серьезно предлагал первоначально высадиться в Либерии и оттуда с боями пробиваться вдоль африканского побережья к Европейскому континенту.

По ряду причин Средиземноморье как главное направление для наступления против держав "оси" было отвергнуто. Первым неприемлемым фактором было большое расстояние от баз в Северной Африке до центра Германии. И хотя Италию можно было, вероятно, легко устранить как противника, основу же сопротивления держав "оси" составляла Германия; крах Италии не явился бы решающим обстоятельством. Трудности осуществления наступления на Германию через гористую местность на ее южных и юго-западных границах были очевидны. Кроме того, надо было иметь в виду и тот факт, что мы, вероятно, не смогли бы сосредоточить в районе Средиземного моря всю мощь Великобритании и Соединенных Штатов. Это можно было бы сделать только в такой операции, в которой Англия использовалась бы в качестве плацдарма. Оставшуюся часть английских сухопутных войск, а главное воздушные и военно-морские силы, выделенные для обороны самой Англии, можно было бы использовать в наступательной операции, если бы она осуществлялась через Ла-Манш непосредственно на Европейский континент. Более того, между береговой линией Северо-Западной Европы и границей Германии не было таких естественных препятствий, какие представляют собой Альпы.

Другим очень важным соображением в пользу превращения Англии в основной исходный район для наступления против Германии являлось то, что трансатлантический маршрут из Нью-Йорка до Британских островов был самым коротким. Это позволило бы осуществлять самый быстрый оборот судов и использовать огромные английские порты, уже построенные и

находящиеся в хорошем состоянии. Выбор Англии в качестве плацдарма привел бы к сохранению судов и по другой причине. С немецкими подводными лодками, кишевшими тогда в водах Северной Атлантики, бороться можно было только с помощью сильных эскортов. Независимо от того, какой вариант будет принят окончательно, мы тем не менее должны были сохранять открытой жизненно важную для Великобритании линию коммуникаций.

Для обеспечения своих минимальных жизненных потребностей Англия должна была импортировать ежегодно 20-25 млн. тонн различных товаров (ее импорт в мирное время составлял свыше 50 млн. тонн), и значительная часть этого импорта поступала из Соединенных Штатов. Поэтому эту линию коммуникаций нужно было сохранять и обеспечивать на ней для наших конвоев с войсками и военными грузами надежную безопасность от действий вражеских подводных лодок. Если при рассмотрении других возможных вариантов учитывать необходимость сосредоточения огромных масс войск, обеспечения кратчайшего доступа к территории собственно Германии, отсутствие при этом непреодолимых естественных препятствий и быстроту наращивания сил, то использование Англии в качестве плацдарма для вторжения в Северо-Западную Европу было бы наилучшим выбором.

Все эти доводы были настолько ясны, что и не требовали никаких доказательств. Однако в дальнейшем мы столкнулись с такими возражениями, которые фактически зачеркивали эти наши доводы. Некоторые из наших опытных командиров в армии, на флоте и в авиации считали, что невозможно осуществить успешное вторжение через укрепленное побережье Западной Европы. Имелось много данных об огромных усилиях немцев по созданию неприступного Атлантического вала. Более того, в этих районах противник мог разместить большое количество своей авиации, а основные силы его флота находились в гаванях Северной Франции, в Норвегии и на Балтике. Береговая полоса была усеяна базами подводных лодок, а минные поля быстро создавались на всех возможных подступах к берегу.

Многие считали, что наступление против такого рода обороны было безумием или равносильно самоубийству. Даже те, кто считал, что непосредственное вторжение наземных сил в конечном счете станет необходимым, в то же время заявляли, что такую попытку следует предпринять только после появления определенных признаков падения морального духа немцев.

Очень немногие соглашались с мнением оперативного управления. Но генерал Маршалл, которого уже

проинформировали о ходе разрабатываемого нами плана, был в числе тех, кто поддерживал наши идеи. Другими его сторонниками были генералы Макнерни и от авиация Карл Спаатс. Что же касается моей небольшой группы верных помощников из оперативного управления, в которую входили генералы Хэнди и Крофорд и полковники Хэлл и Ведемейер, то все они с энтузиазмом отстаивали этот вариант. В общей сложности мало людей знало о разработке такого плана и о серьезных возражениях против него. Однако многие из офицеров, с которыми нам приходилось консультироваться, всегда высказывали свои самые мрачные опасения, но это никогда не обескураживало моих помощников, ответственных за осуществление этого плана.

Они считали так: если мы будем планировать операцию исходя из того, что наша авиация в нужный момент будет иметь подавляющее превосходство и фактически не позволит немецким самолетам действовать над районом операции, а наши бомбардировщики не допустят быстрого подхода вражеских подкреплений к месту высадки десанта, если подводные лодки противника получат решительный отпор и конвои смогут рассчитывать на относительную безопасность, следуя атлантическим маршрутом, если наши корабли поддержки мощным огнем подавят сопротивление на местах, а специальных десантно-высадочных средств окажется так много, что они обеспечат быструю доставку на берег крупных сил на первоначальном этапе операции, то в таком случае наступление на Атлантический вал будет успешным и определенно приведет к поражению Германии. Более того, наша небольшая группа из оперативного управления твердо придерживалась мнения, что любая другая операция позволит не больше чем вклиниться во внешний периметр немецкой обороны; пока не будет предпринята эта предлагаемая кампания, перспектива поражения Германии на суше будет оставаться совершенно безнадежной.

Мы понимали, что вносим нечто необыкновенное в стратегическое мышление, почти новую веру, в которой взаимодействие между авиацией и наземными силами будет "исповедоваться" до такой степени, что это многократно усилит их боевую эффективность.

Многие офицеры в пехоте недооценивали потенциальных возможностей авиации при ее действиях против наземных войск. Любопытно отметить, что часть офицеров ВВС недружелюбно относилась к идее взаимодействия, усматривая в этом попытку привязать авиацию к пехоте и тем самым лишить ее возможности в полной мере реализовать мощь ударов с воздуха. Им вновь и

вновь терпеливо объясняли, что, наоборот, в результате этого взаимодействия авиабазы будут постоянно перемещаться вперед, действия стратегических бомбардировок будут связаны с задачами наземных войск, а поскольку авиация будет постоянно помогать продвижению наземных войск, то и ее радиус действия будет увеличиваться, а уничтожение намеченных ею целей внесет более эффективный вклад в дело разгрома нацизма. Все это, представляющееся таким понятным теперь, тогда было предметом долгих и искренних споров, длившихся днями и даже неделями.

Наконец все соображения и доводы вместе с огромным количеством технических расчетов были сведены в предварительный стратегический план для доклада начальнику штаба генералу Маршаллу.

Маршалл попросил дать полное объяснение этого плана, основной замысел которого заключался в том, чтобы посредством подавляющего превосходства в воздухе, исчисляемого скорее тысячами, чем сотнями самолетов, уничтожить или подавить немецкую оборону, расстроить вражеские линии коммуникаций настолько, что это затруднит противнику сосредоточение сил для контрудара. Без этого убеждения весь план становился призрачным. Но мы не могли еще убедительно обосновать именно этот момент, так как наши вооруженные силы еще не располагали тогда необходимым количеством самолетов.

Начальник штаба, терпеливо выслушав наш долгий доклад, сказал: "Понятно. Я утверждаю". Затем он немедленно связался с адмиралом Кингом и генералом Арнольдом и заручился их поддержкой. Следующим шагом было добиться одобрения этого плана президентом{6}.

Позже придется убеждать наших союзников. Без полного согласия английского правительства в этом вопросе нельзя было превратить их страну в вооруженный лагерь американцев и еще в меньшей мере получить английскую военно-морскую, авиационную, наземную и транспортную поддержку. Президент приказал Маршаллу выехать в Лондон, вместе с ним поехал Гарри Гопкинс, помощник президента, пользовавшийся его исключительным доверием. Они отправились в путь 7 апреля.

В последующие месяцы мне предстояло много раз встречаться с Гопкинсом. Занятый войной, я мало чего слышал из первых рук о его личной политической философии, которая явилась предметом ожесточенных споров на протяжении всей его государственной деятельности в Вашингтоне. Он оставался почти фанатически предан президенту, однако эта преданность не мешала ему откровенно высказываться, когда он находил это

необходимым, против того или иного довода. Он обладал почти феноменальной способностью широкого охвата военных проблем и бескорыстно отдавал себя полностью делу достижения победы. Он никогда не щадил себя, даже в те периоды, когда его здоровье настолько ухудшилось, что врачи приказывали ему лечь в постель. Его функции в качестве помощника президента с бесконечным разнообразием получаемых поручений, связанных главным образом с ведением войны, поглощали все его внимание и делали его одной из наиболее важных фигур.

Генерал Маршалл никогда не делился со мной деталями своих переговоров в Лондоне. Однако я знал, что он вернулся домой, имея соглашение между английским и американским правительствами о том, что наступление через Ла-Манш будет главным направлением наступательных операций в Европе. Это решение было принято в апреле 1942 года.

История показывает, что нет ничего более трудного в войне, чем придерживаться единого стратегического плана. Непредвиденные и заманчивые обещания, с одной стороны, и неожиданные трудности и риск - с другой, создают постоянный соблазн отказаться от выбранного курса действий. Этот план не был исключением, и прошло достаточно много времени, прежде чем принятые решения были претворены в жизнь. Предстояло выслушать бесчисленные уговоры и увещевания, целью которых было заставить нас отказаться от предлагаемого плана. Но война в Европе была в конечном счете выиграна. Несмотря на трудности, задержки, давление и выгодность предварительных операций на Средиземном море, которые сами по себе представляли соблазн отбросить первоначальный план, президент, генерал Маршалл и многие другие никогда не отклонялись от своей цели предпринять мощное вторжение в Европу через Ла-Манш в самый ближайший подходящий момент.

Глава 4. Плацдарм для вторжения

Вскоре после возвращения с апрельского совещания в Лондоне генерал Маршалл пригласил меня к себе в кабинет. Генерал сказал, что во время своего визита он не смог ознакомиться с работой американцев в Англии, но его обеспокоил тот факт, что американские офицеры, находящиеся по службе в Лондоне, не знали более широких проблем и целей военного министерства. В частности, им, по-видимому, ничего не было известно о разрабатываемых планах превращения Британских островов в величайшую в истории оперативную военную базу. Маршалл предложил мне выехать в Лондон, чтобы на месте выяснить, что я могу сделать для исправления такого положения, и вернуться с рекомендациями относительно будущей

организации и развертывания наших сил в Европе. Я попросил разрешения взять с собой генерала Марка Кларка, являвшегося в то время начальником штаба у генерала Макнейра, командующего сухопутными войсками. Я полагал, что опыт и знания Кларка при решении вопросов по созданию в Англии учебных полигонов и баз сосредоточения окажут нам ценную помощь.

Мы отправились в путь в начале второй половины мая. Летели северным воздушным маршрутом, подготовленным армейской авиацией. Впоследствии он сыграл важную роль и в достижении победы над державами "оси" в Европе. Аэродромы в штате Мэн, на Ньюфаундленде, Лабрадоре, в Гренландии, Исландии и Шотландии в конечном счете сделали возможной переброску своим ходом всех наших самолетов, даже истребителей, в Европу. Без этого маршрута, проложенного несмотря на большие трудности, обескураживающие обстоятельства и даже огромный скептицизм насчет его пригодности, мы едва ли смогли бы поддерживать наши силы в Европе.

По прибытии в Лондон мы встретились с командующим американскими войсками в Англии генерал-майором Джеймсом Чейни, который перед вступлением США в войну был направлен сюда в качестве военного наблюдателя. Ему и его небольшому штабу не представилось случая ознакомиться с коренными изменениями, происшедшими с тех пор в нашей стране, и они испытывали полную растерянность в своих искренних попытках содействовать военным усилиям в Европе. Они явно отстали от событий настолько, что едва ли могли наверстать их, разве только путем возвращения в Соединенные Штаты. До этого времени озабоченность Америки войной на Тихом океане была настолько велика, что в стране забыли даже о существовании этой лондонской группы - прожектор еще не направил свой луч света в сторону Европы.

Наша инспекционная группа провела десять дней в Соединенном Королевстве. Я вернулся домой, чтобы доложить начальнику штаба армии США о том, что, по моему мнению, лицо, которое станет во главе американских войск в Европе, должно быть тщательно ознакомлено с планами нашего правительства по подготовке наземных, воздушных и военно-морских сил, хорошо знать возможности промышленности в материальном обеспечении боевых действий. Маршалл спросил меня, кого бы я порекомендовал на этот пост, и на этот раз у меня уже имелся готовый ответ. Я рекомендовал генерала Макнерни, поскольку он несколько месяцев работал в Лондоне, был

основательно знаком с работой английских министерств видов вооруженных сил, а также лично знал многих ведущих офицеров в них. Более того, было очевидно, что первоначальные операции армии Соединенных Штатов с территории Англии будут ограничены воздушными налетами, а в дальнейшем, по мере наращивания огромных сил авиации, предусмотренного в планах вторжения, мы начали бы длительную и мощную бомбардировочную кампанию. И наконец, я знал, что генерал Макнерни твердо верил в способность военно-воздушных сил обеспечить вторжение сухопутных войск во Францию.

Начальник штаба армии США отклонил рекомендованную мною кандидатуру. Он только что назначил генерала Макнерни своим заместителем. Стремясь обеспечить взаимодействие между ВВС и сухопутными войсками, а также создать атмосферу взаимного доверия между ними, генерал Маршалл считал существенным в то время иметь на этой должности представителя армейской авиации.

8 июня я представил начальнику штаба проект директивы для командующего войсками на Европейском театре военных действий, в котором предусматривалось единое командование всеми американскими силами, направленными в Европу. Я заметил генералу Маршаллу, что ему необходимо очень тщательно прочитать этот проект, прежде чем пускать его в ход, так как он, вероятно, станет важным руководящим документом для дальнейшего ведения войны. Ответ Маршалла все еще живо помнится мне: "Конечно, я прочитаю его. Возможно, вы будете тем человеком, который претворит его в жизнь. Если это будет так, то когда вы сможете выехать?" Спустя три дня генерал Маршалл сообщил мне со всей определенностью, что я буду командующим на Европейском театре военных действий.

Естественно, я часто задумывался над тем, что привело к этому конкретному и, очевидно, внезапному решению. Генерал Маршалл никогда ни словом не обмолвился об этом, но я, конечно, понимал, что неожиданным оно было только для меня - он тщательно продумал этот вопрос. Перевод со штабной работы на командную приветствовал бы любой офицер, однако ответственность в данном случае была настолько велика, что исчезла всякая мысль о личной радости и оставалось полностью погрузиться в порученное дело. Во всяком случае, неожиданный приказ поставил меня перед необходимостью начать поспешные приготовления, которые в основном были связаны с передачей дел по военному министерству моему преемнику генералу Хэнди.

Я имел несколько встреч с важными должностными лицами. В ходе короткой беседы с военным министром Стимсоном у меня

создалось впечатление, что он рассчитывал на очень скорое начало активных операций. Я заметил, что любому наступлению на Европейский континент должен предшествовать длительный период наращивания сил. Мне стало ясно, что он был твердым сторонником плана вторжения в Европу.

Состоявшийся несколько позднее визит к президенту Рузвельту и премьер-министру Черчиллю, гостю Белого дома, - это была моя первая встреча с ними - не носил официального характера, в ходе беседы военные вопросы не затрагивались. За несколько дней до этого в африканской пустыне под ударами держав "оси" пал Тобрук, и союзники тяжело переживали это событие. Однако эти два лидера не обнаруживали никаких признаков пессимизма. С удовлетворением можно было констатировать, что они думали о наступлении и победе, а не об обороне и о поражении.

Я посетил также адмирала Кинга. Это был решительный боевой морской офицер, но его крутой и резкий нрав пугал подчиненных. В ходе нашей беседы он подчеркнул, что миссия, с которой я отправляюсь в Англию, будет означать первую преднамеренную попытку американцев создать для всех видов вооруженных сил единое командование на период кампании, которая неизвестно сколько продлится. Он заверил меня, что сделает все, что в его силах, чтобы поддерживать статус фактического командующего американскими войсками, которые будут выделены мне. Он сказал, что не хочет слышать глупых разговоров о моих правах, зависящих от "сотрудничества и высших интересов". Адмирал Кинг считал, что должна быть единоличная ответственность и единоличная власть, и вежливо просил меня поставить его в известность в любое время, когда, по моему мнению, может произойти преднамеренное или непреднамеренное нарушение этого принципа военно-морским флотом.

Все это имело для меня огромное значение, так как до этого времени в уставах и наставлениях о совместных действиях сухопутных войск и военно-морских сил подчеркивался принцип высших интересов при определении, какой из видов вооруженных сил должен был взять на себя ответственность по руководству боевыми действиями.

В конце июня 1942 года мы с генералом Кларком и несколькими помощниками выехали из Вашингтона. На этот раз разлука с семьей казалась особенно тяжелой, хотя в некотором смысле она была обычным повторением подобных случаев на протяжении многих лет. Из Вест-Пойнта к нам приехал сын. Мы провели два дня вместе, а затем я уехал.

Наша группа высадилась в Англии без осложнений, и я немедленно принял на себя командование американскими войсками на Европейском театре военных действий, который тогда включал только Соединенное Королевство и Исландию. Американские войска сосредоточивались на этом театре на основе соглашения между правительствами Великобритании и США, чтобы подготовить участие американских войск во вторжении на континент и в нанесении главного стратегического удара по Германии,

В конце июня 1942 года пресса Соединенных Штатов и Великобритании вторила русским призывам открыть второй фронт. Для профессионального военного это было тревожащим обстоятельством не в силу какого-либо расхождения со здравым смыслом, а ввиду нетерпеливости общественности, которая ясно демонстрировала полное непонимание всех проблем, связанных с открытием второго фронта, в частности того, что потребуется определенное время, прежде чем такие операции могут быть предприняты. Пока не будет осознана грандиозность этих проблем, любое описание того, что происходило в последующие два года, останется бессмысленным и непонятным. Чтобы помочь разобраться в этом, я приведу некоторые статистические данные.

Когда 6 июня 1944 года началось фактическое вторжение в Северо-Западную Европу, в Англии находились готовые для ввода в действие: 17 дивизий Британской империи, в том числе три канадские; 20 американских дивизий; французская дивизия; польская дивизия; 5049 истребителей; 3467 тяжелых бомбардировщиков; 1645 средних и легких бомбардировщиков и бомбардировщиков-торпедоносцев; 698 других боевых самолетов; 2316 транспортных самолетов; 2591 планер; 233 крупных танко-десантных корабля, способных выгружать танки и другие тяжелые машины непосредственно на берег; 835 малых танко-десантных кораблей; 6 линкоров и мониторов; 22 крейсера; 93 эсминца; 159 более мелких боевых кораблей без торпедных катеров и минных заградителей; 255 минных тральщиков.

Перечисленные здесь боевые самолеты - это те, что входили в состав эскадрилий. Общее число десантно-высадочных кораблей, судов торгового флота и боевых кораблей превышало 6 тыс. Сюда не входили плавающие автомобили или плавающие танки.

Имелись также крупные контингента специальных войск, транспортных частей, наземных команд обслуживающих подразделений. Наземные, морские и воздушные силы союзников, выделенные в состав экспедиционных войск на день вторжения, составляли 2876439 офицеров и солдат. Кроме того, в Соединенных Штатах находилась 41 дивизия, готовая

отправиться в Европу со всем боевым вооружением и средствами материально-технического обеспечения по мере того, как английские порты и те, что будут захвачены на континенте, смогут принять их. В дополнение ко всему этому десять дивизий, некоторые из них французские, предусматривалось включить в общее наступление со средиземноморского участка. Некоторые наиболее важные и существенные виды боевого вооружения и оснащения прибыли только в мае 1944 года, накануне вторжения.

А теперь рассмотрим положение, которое сложилось к июню 1942 года.

Соединенные Штаты только принимались за дело мобилизации и обучения своих вооруженных сил. В Северной Ирландии находились только 34-я дивизия, 1-я бронетанковая дивизия и небольшие подразделения американских ВВС. Все они еще не прошли полный курс военного обучения. Основная масса боевой техники, необходимая флоту, сухопутным войскам и авиации для осуществления вторжения, еще не была произведена вообще.

Некоторые типы десантно-высадочных судов продолжали находиться в стадии проектирования.

Уже одни только производственные ограничения исключали какую-либо возможность крупного вторжения в 1942 году или в начале 1943 года. Действительно, вскоре стало ясно, что, пока все американское и английское производство практически не будет переключено на обеспечение вторжения в Европу, эта операция не может состояться раньше начала 1944 года.

Но эти моменты нельзя было разъяснять широкой общественности, ибо противник узнал бы слишком много о наших планах и трудностях на пути к вторжению, а мы стремились как можно дольше лишать его какого-либо доступа к такой информации. И когда наши стратеги на родине кричали о робости, промедлении и нерешительности, мы, по крайней мере, надеялись, что нацисты также переоценивали наши возможности того времени.

Войска Соединенных Штатов уже заняли под свой штаб огромное здание в центральной части Лондона. Мне не нравилась идея размещения оперативной штаб-квартиры в крупном городе, но иного выбора пока не было. Жилых помещений не хватало, и пришлось занять небольшое число отелей и других зданий, находившихся возле Гросвенор-сквер. На первых порах значительная часть нашей работы сводилась к постоянным совещаниям с гражданскими и военными представителями английского правительства, а поскольку ощущалась острая нехватка транспортных средств, то близость основных

учреждений, с которыми нам приходилось поддерживать связь, была необходима.

Командование американских военно-морских сил в Европе возглавлял .адмирал Старк, ранее занимавший пост начальника военно-морских операций. Его штаб не был подчинен мне, но, как только я прибыл в Англию, он явился ко мне и сказал: "Единственным обоснованием существования моего штаба является оказание помощи американским войскам, воюющим в Европе. Вы можете заходить ко мне в любой час днем и ночью по любому вопросу".

Военно-морские силы США, выделенные мне для планируемой операции, находились под командованием контр-адмирала Эндрю Беннетта. Контингенту этих небольших сил предстояло многие месяцы заниматься только боевой подготовкой, поскольку обучение амфибийным действиям в крупных масштабах должно было предшествовать любому вторжению на континент.

Моей первой задачей было собрать и сколотить рабочий аппарат. Генерал Маршалл удовлетворил мою просьбу направить ко мне бригадного генерала Уолтера Смита в качестве моего начальника штаба. Этот человек был прекрасным мастером в области планирования, умел быстро отличить главные вопросы от второстепенных. Одним словом, он являлся для нас настоящей находкой. Серьезный и настойчивый в работе, Смит оказался в равной мере толковым как на трудных совещаниях, так и в повседневной профессиональной работе. Он прибыл в Лондон 7 сентября, и с тех пор на протяжении всей войны нас объединяли тесные деловые связи и личная дружба.

В то время как наши планы предусматривали сосредоточение в конечном счете огромной группировки, я решил избежать преждевременного создания большого количества штабов соединений и объединений сухопутных сил. Мы доставили сюда из США в качестве высшего органа управления сухопутными войсками только штаб 2-го корпуса, командиром которого я назначил генерала Кларка. Я понимал, что в течение тех месяцев, которые потребуются для переброски войск и вооружения в достаточном, чтобы предпринять крупное наступление, количестве, мы сможем доставить сюда из США несколько армейских штабов. Тем самым мы избежали путаницы, которая неизбежно возникла бы при наличии множества высших штабов. Начиная создание органов управления на таком уровне, мой штаб тщательно и конкретно проводил всю подготовительную работу и имел достаточно времени для подбора высшего командного состава. Штаб 2-го корпуса был размещен в Салисбэри-Плейн, на

лучшем полигоне Соединенного Королевства.

Прибыл генерал-майор Джон Ли, чтобы возглавить нашу службу снабжения. Он сразу же приступил к неимоверно трудной задаче подготовки портов и складских помещений, лагерей, аэродромов и ремонтно-восстановительных мастерских, которые потребуются до того, как мы перейдем в наступление с Британских островов. Работа, проведенная под его руководством, была настолько важна для успеха будущей операции и столь велика по объему, что только для ее описания потребовалось бы составить целый том. К тому времени, когда было предпринято наступление через Ла-Манш, Соединенное Королевство представляло собой один гигантский лагерь с огромным количеством ремонтных мастерских, складов и палаточных городков. В то время остряки шутили, что только большое число аэростатов, постоянно находившихся в небе над Британскими островами, не позволило островам затонуть под тяжестью сосредоточенных на них боевой техники и войск.

Управление американскими войсками в Европе осуществлялось по обычной системе общего и специального штаба. Проблема, которая возникла в самом начале и беспокоила нас на протяжении всех кампаний в Европе, заключалась в том, как отделить административные вопросы от оперативных, не создавая дополнительных органов управления. Американские законы и инструкции предоставляют командующему на театре огромный объем административных обязанностей и прав, значительную часть из которых он обязан осуществлять лично. Вопрос о том, как освободить подвижный тактический штаб от огромного объема административных задач, которые обычно должны решаться в стационарных условиях с соблюдением экономии в использовании исключительно квалифицированного персонала, всегда оставался проблемным. Трудно было с этой проблемой в самом начале, но она не так уж сильно беспокоила меня, пока я не получил дополнительного назначения командующего союзными войсками. Мы нашли временное решение ее, когда поняли, что сама Англия в конечном счете превратится просто в базу, а не в театр военных действий. На генерала Ли как начальника нашей службы снабжения и английской базы были возложены все административные функции.

Организационный план для авиации требовал безотлагательного решения. Мы намеревались как можно скорее присоединиться к авиационному наступлению против Германии. В Англии была размещена 8-я воздушная армия во главе с генералом Спаатсом{7}.

Со времени прибытия в Лондон он всегда находился рядом со мной, пока не прогремели последние победоносные залпы в Европе. Как правило, каждый день на протяжении трех лет активных боевых действий у меня появлялись новые основания благодарить бога войны и военное министерство за то, что они дали мне Спаатса. Он стеснялся своей популярности и был настолько скромен и сдержан, что общественность, вероятно, никогда в полной мере не была осведомлена о его выдающейся роли в войне на Европейском театре.

Все эти подготовительные и организационные мероприятия были нормальным явлением для такого предприятия. Мы предвидели многие проблемы и старались быстро разрешать прежде всего неотложные дела. Другая задача, к осуществлению которой мы должны были подготовиться очень тщательно, была почти уникальной по своему характеру. Речь шла о наращивании наших сил, обучении и приспособлении войск к условиям английской жизни.

План, предусматривавший доставку в Англию крупных контингентов войск, требовал от этих густозаселенных островов быть готовыми абсорбировать 2 млн. американцев и предоставить им необходимые учебные полигоны, на которых можно было бы готовиться к великому вторжению. Нехватка продовольствия в Великобритании уже привела к программе культивирования малопригодных земель для интенсивного сельскохозяйственного производства, в то время как в целях экономии сырья и топлива все не работавшие на нужды войны предприятия были закрыты. Прибытие американских войск в Англию в огромной мере усиливало бы напряжение, переживаемое населением этой страны. Площадь Британских островов немного больше территории штата Колорадо, и некоторые районы были непригодными для наших задач. Южная Ирландия оставалась нейтральной, в то время как Шотландия не располагала подходящей местностью для обучения войск. Почти вся тяжесть нашего дружественного вторжения приходилась на густонаселенные районы Средней и Южной Англии, и только небольшое количество войск планировалось разместить в Северной Ирландии. Мы должны были ожидать неизбежных стычек с гражданским населением, и, несмотря на самые благие пожелания обеих сторон, нам нужно было предвидеть и принимать все меры, чтобы предотвращать взаимное раздражение, которое, естественно, вело к недоразумениям и не могло не сказаться и военных усилиях.

За исключением периода Первой мировой войны, широкая общественность в Соединенных Штатах по привычке смотрела на

споры в Европе как на чисто европейские дела. По этой причине каждый американский солдат, прибывавший в Европу, почти наверняка считал бы себя привилегированным участником похода, предпринятого для того, чтобы помочь Англии выпутаться из тяжелого положения, и ожидал, что к нему будут относиться именно так. С другой стороны, англичане считали себя единственными спасителями демократии, поскольку Англия в течение целого года одна стойко противостояла нацизму и европейским державам "оси". Непонимание этих обстоятельств привело бы, разумеется, к неблагоприятным результатам.

Если бы Соединенное Королевство обладало большими открытыми пространствами, где можно было бы сосредоточить американские войска с их техникой, то вся проблема не оказалась бы сталь острой, но в силу большой плотности населения каждый прибывавший в Англию американский солдат только еще больше затруднял жизнь местного населения. Каждая американская автомашина на улице и каждый кусок земли, изъятый из-под культивации, усиливали раздражение.

К счастью, мы все это предвидели и откровенно обсудили с руководителями соответствующих английских ведомств. Нашим главным сотрудником с английской" стороны в этих вопросах был Бренден Брэкен, глава министерства информации.

Совместно с министерством информации Брэкена была разработана обширная программа мероприятий, чтобы помочь вновь прибывающим американцам войти в исключительно сложную жизнь густонаселенных районов и таким образом свести к минимуму возможные осложнения. Из этих мероприятий, пожалуй, самой успешной оказалась просветительская работа среди солдат и населения, сочетающаяся с общением с англичанами в домах и общественных местах. Через организацию Брэкена англичане постоянно получали информацию относительно того, чего следует ожидать. Министр информации объяснял необходимость дальнейшего приема и размещения американских солдат. В то же время необходимая литература распространялась среди американских солдат и офицеров перед их погрузкой на суда для следования из Соединенных Штатов в Англию. Она была написана на простом языке и содержала конкретные рекомендации американцам, как приспособиться к новой окружающей обстановке.

По возможности со вновь прибывавшими контингентами американских войск совершались краткие экскурсии по разрушенным бомбардировками районам Англии. Американский Красный Крест и несколько благотворительных организаций Великобритании помогали проводить встречи американских

солдат с английскими семьями. Я ни разу не встречал американца, который, проведя свободное время в английской семье, не почувствовал бы, что в лице англичан Америка имеет стойкого и сильного союзника. Однако мы обнаружили, что английская семья, воодушевленная решимостью проявить подлинное гостеприимство, готова была использовать рацион целой недели, чтобы угостить американца в воскресный день. Мы сразу же предупредили своих солдат, которые посещали английские семьи, чтобы они брали с собой свой паек, а посредством разъяснительной публичной кампании мы объяснили суть вопроса английским гостеприимным хозяевам, с тем чтобы не задевать их самолюбие и избежать неловкости. По всем направлениям, где мы ожидали возможных неприятностей, принимались предупредительные меры, и в целом успешно. Лейтмотивом всей кампании было недопущение слащавой сентиментальности. Любой, кто занимал в те дни ответственный пост в Англии, навсегда сохранит чувство благодарности и восхищения за почти всеобщий дух сотрудничества, терпимости и дружбы, проявленный обеими сторонами.

Такого рода проблемы сразу же породили вопрос о создании действенной связи с общественностью, чтобы информировать ее по самым различным вопросам. Я начал практиковать проведение коротких неофициальных конференций с представителями прессы с целью обсуждения и решения проблем, касающихся обеих сторон. Я настоял на том, чтобы представители прессы заняли положение полуофициальных сотрудников моего штаба, и с уважением относился к их коллективной ответственности в войне, как и они к моей.

Моя первая пресс-конференция привела к любопытным результатам. Перед моим прибытием американский штаб ввел цензуру на сообщения о небольших инцидентах между военнослужащими-неграми и белыми солдатами и гражданскими лицами. Эти инциденты часто возникали из-за дружеских связей солдат-негров с английскими девушками. У английского населения, за исключением жителей крупных городов и состоятельного класса, отсутствуют расовые предрассудки, которые так сильны в Соединенных Штатах. В небольшом английском городке девушка пойдет в кино или на танцы с негром с такой же готовностью, как и с любым другим человеком, а это никак не могли понять наши белые солдаты. На этой почве часто происходили скандалы, и белые солдаты еще больше недоумевали, когда видели, что английская пресса решительно вставала на сторону негров.

Узнав в ходе пресс-конференции, что подобного рода

сообщения находились в перечне материалов, подлежащих цензуре, я сразу же отменил этот приказ. К моему удивлению, несколько репортеров заявили, что я должен сохранить на такие сообщения запрет, и привели мне несколько доводов в поддержку своей просьбы. Они сказали, что скандалисты будут преувеличивать значение подобных инцидентов и это вызовет в Америке раздоры. Я поблагодарил их, но не отменил своего решения, и будущее показало, что сообщения газет на эту тему не вызывали особого возбуждения в нашей стране. Это был урок, который я старался никогда не забывать.

Прогресс при решении вопросов административного руководства, подготовки и вторжению, обучения войск, планирования должен был достигаться одновременно. Один из недостатков, вызвавших тревогу нашего командования в начальный период боевых действий, сводился к тому, что наши солдаты не понимали основных причин войны. Различия между демократией и тоталитарным режимом представляли для них скорее академический, чем личный интерес; солдаты не понимали, почему конфликт между двумя европейскими странами имел какое-либо отношение к Америке. Независимо от того, какое столкновение мнений существовало по этому вопросу до начала войны, теперь было важно внести в сознание наших солдат ясное, простое и общеустановившееся понимание причин этой войны. Одновременно в войсках еще не осознавалась необходимость соблюдения военной дисциплины, непрерывной тренировки в составе групп и умелого использования оружия.

Об этом часто говорили наблюдательные представители прессы. Действительно, от этих вопросов нельзя было отделаться, как это пытались сделать некоторые командиры, самодовольно утверждая, что все это происходит потому, что войска еще не нюхали пороху. Всегда существовало такое странное мнение, что военное мастерство приобретается с первым свистом вражеской пули. Конечно, определенные навыки приобретаются только в бою и их невозможно получить никаким иным способом. С другой стороны, любой командир, позволяющий подразделению или части вступить в бой без каких-либо преимуществ, без каких-либо необходимых указаний или полезных советов, которые можно было бы высказать солдатам заблаговременно, виновен в серьезном преступлении перед подчиненными ему людьми.

То, что солдату следует понимать, почему он воюет, кажется, не вызывает сомнений. Но я слышал, как некоторые командиры пытались упрощать эту психологическую проблему утверждениями, что солдаты должны сражаться в силу только немногих простых причин. В их число они включали гордость за

свою часть, уважение товарищей и ревностное служение своему непосредственному командиру. Эти доводы имеют важное значение, и умный командир не станет пренебрегать ни одним из них в своих усилиях создать первоклассное боевое подразделение, в котором все бойцы будут обучены так, что шансы на успех и личное сохранение жизни будут максимальными. Однако американский солдат, несмотря на его саркастические высказывания и циничные речи, является смышленым человеком, который требует и заслуживает того, чтобы ему сказали, почему его страна взялась за оружие, и объяснили важность достижения победы. Фон Штойбен ярко комментировал это положение во время американской революции. В письме своему другу он говорил: в Европе скажешь солдату сделать это - и он выполнит, а в Америке необходимо также объяснить ему, почему это нужно сделать.

Коль скоро призывник 1941 года прибыл на военную службу, военный начальник должен был взять на себя почти всю ответственность за внушение ему такого понимания, но при этом следовало учитывать и тот очевидный недостаток в системе американского просвещения и воспитания. Мне казалось, что постоянное подчеркивание индивидуальных прав и привилегий американского гражданина затеняло столь важную истину, что такой индивидуализм можно поддерживать только до тех пор, пока гражданин понимает всю свою ответственность за благосостояние народа, который гарантирует ему претворение этих прав в жизнь.

Вера в правоту дела столь же важна для обеспечения успеха в войне, как и любые частные мотивы или дисциплина, внушаемая и поддерживаемая действиями или приказами командира. Конники Кромвеля шли в бой с пением гимнов. Их железная дисциплина соответствовала их внутреннему убеждению, которое никогда не покидало их в любых драматических ситуациях.

Улица Гросвенор-сквер, где находились наш штаб и американское посольство, благодаря склонности солдат давать всему клички вскоре стала Эйзенхауэр-плацем, и теперь ее называли так иногда даже в прессе. Это просто забавляло, но такое размещение делало невозможной спокойную личную жизнь. Английское гостеприимство, а также присутствие в Лондоне многих американских друзей привело к тому, что я стал получать бесчисленное множество разного рода приглашений. В конце концов, чтобы избавиться от неизбежных неудобств жизни в гостинице, я переехал в небольшой коттедж на окраине города. Там я жил со своим морским адъютантом коммандером Генри Батчером и с ординарцем сержантом Микаэлем Маккеогом. Два

негра, сержанты Джон Моуни и Джон Хант, присоединились к нам, чтобы взять на себя уборку дома и содержание простой кухни. Они оставались со мной на протяжении всей войны.

Начиная с июля 1942 года и в течение всей войны я не принимал никаких приглашений ни от кого, за исключением премьер-министра и представителей американских или английских вооруженных сил. Эти встречи носили в первую очередь деловой характер.

Поездки в войска еще не приняли таких размеров, как впоследствии, поскольку в Англии находилось относительно немного американских частей. Одна из первых поездок такого рода была связана с первой американской наступательной операцией против врага - налетом бомбардировщиков по случаю нашего национального праздника 4 июля 1942 года на четыре немецких аэродрома в Голландии. Под прямой огонь немецких зенитных орудий попали шесть "бостонов" под командованием капитана Чарльза Кегельмана в составе более крупного английского подразделения. Два из них были сбиты. Чтобы отметить наше вступление в европейскую войну, я увиделся с экипажами перед самым вылетом, а потом поговорил с теми, кто вернулся с боевого задания.

При планировании и осуществлении организационной работы мы иногда сталкивались с различиями в военных доктринах, а специфический военный опыт становится причиной серьезных разногласий в планируемой стратегии. Один из примеров таких разногласий был связан с медленным развертыванием нашей бомбардировочной авиации.

Руководство военно-воздушных сил армии США считало, что наиболее результативными были дневные бомбардировки с помощью самолетов типа "летающая крепость", составлявших костяк американской бомбардировочной авиации и имевших сильное вооружение. Я был решительно согласен с этим. На каждом из таких самолетов было десять 12,7-мм пулеметов для отражения нападений истребителей противника. Я полагал, что плотный боевой порядок бомбардировщиков позволит им сосредоточить в воздухе огромную огневую мощь и они смогут проследовать далеко за пределы районов их прикрытия истребителями и осуществлять бомбовые удары в дневное время без серьезных потерь.

Черчилль был убежден, что такая точка зрения ошибочна и что американцы просто-напросто зря тратили силы и средства в таких попытках. Генерал Спаатс, разумеется, знал, что Соединенные Штаты уже разрабатывали истребители дальнего радиуса действия, которые поступят на вооружение к тому

времени, когда его 8-я воздушная армия достигнет полной штатной укомплектованности. Однако в течение ближайших месяцев для прикрытия бомбардировщиков придется использовать истребители Р-39 и Р-40, имеющие очень небольшой радиус действия - всего около трехсот миль{8}.

Премьер-министр настаивал на том, чтобы мы вообще отказались от идеи дневных бомбардировок и начали обучение наших экипажей действиям в ночных условиях. У англичан в то время был значительно больший опыт в этой области, чем у нас. После ожесточенной битвы за Англию в 1940 году они начали упорно создавать бомбардировочную авиацию, способную наносить удары по целям в глубине Германии. Англичанам пришлось проводить только ночные бомбардировки, так как в дневных условиях они несли невосполнимые потери. Английская авиация предприняла свой первый налет на Кельн силами 1000 самолетов в ночь на 31 мая 1942 года; потери составили 42 самолета.

Английские бомбардировщики не могли в дневное время предпринять такую операцию из-за недопустимо больших потерь. Мы считали, что их бомбардировщики, имевшие большой радиус действия и большую грузоподъемность, несли значительные потери вследствие того, что не имели должного вооружения и обладали небольшой скоростью. Английский истребитель "спитфайер" имел очень небольшой радиус действия, хотя во всех других отношениях он был прекрасным истребителем для того времени. Признавая сильную огневую мощь "летающих крепостей", англичане тем не менее считали, что, пока мы не перейдем на ночные бомбардировки, наши потери будут недопустимо высокими, а усилия бесплодными.

Споры вокруг этого вопроса длились долго, но ни одна сторона не убедила другую. Все соглашались с тем, что прицельное бомбометание в дневное время будет значительно более эффективным, чем ночная бомбардировка по площадям с учетом тоннажа сброшенных бомб. Генерала Спаатса и меня поддерживал американский комитет начальников штабов, и мы настаивали на тщательной и полной проверке дневных прицельных бомбардировок, прежде чем откажемся от них.

В конечном итоге, спустя месяцы, обе стороны оказались частично правы. Когда впервые наша тяжелая бомбардировочная авиация начала операцию за пределами радиуса действия истребителей, огневая мощь американских бомбардировщиков настолько поразила противника, что некоторое время он не смог предпринять что-либо серьезное против них. Однако немцы постепенно выработали новую тактику и приемы борьбы с

бомбардировщиками путем массированного использования своих истребителей. 13 нюня 1943 года 76 бомбардировщиков 8-й воздушной армии США предприняли налет на Киль без сопровождения истребителей и потеряли 22 самолета. В последующем рейде в составе 291 самолета потери достигли 60 бомбардировщиков. С каждым сбитым самолетом мы также теряли минимум десять офицеров и солдат. Перед лицом таких потерь стало очевидно, что, пока не будет налажено массовое производство истребителей с большим радиусом действия, нам придется изменить планы бомбардировочных операций и совершать налеты на Германию только под прикрытием темноты или плохой погоды.

Однако при первоначальных спорах этот опыт еще отсутствовал. В моих же собственных расчетах существенным было то значение, которое я придавал прицельному бомбометанию при подготовке пути для наземного вторжения во Францию. В этом заключался основной замысел обеспечения плана вторжения. Пока не осуществлено прицельное бомбометание в дневное время, вторжение в крупных масштабах на континент, по моему мнению, слишком рискованное дело. Поэтому я считал, что, если даже мы могли бы проводить прицельные бомбардировки только в пределах действия наших истребителей сопровождения, нам следовало бы создавать нашу бомбардировочную авиацию с учетом этого фактора, с тем чтобы иметь крупные наличные силы бомбардировщиков, которые потребуются для предварительной обработки районов, выбранных для вторжения на континент.

Все это закончилось тем, что авиация США придерживалась своего плана прицельных бомбардировок, а английская бомбардировочная авиация продолжала сосредоточивать свои усилия на повышении эффективности ночных бомбардировочных операций. Когда в январе 1943 года этот вопрос был вновь поднят на конференции в Касабланке на высшем уровне, результатом его рассмотрения было просто подтверждение ранее принятого решения.

Наряду с нашей организационной и подготовительной программой разрабатывался оперативный план по осуществлению согласованных между двумя правительствами стратегических задач. В то время генерал Бернард Пейджет командовал внутренними силами Великобритании, из которых планировалось сформировать английские силы вторжения. В его войска входило несколько канадских дивизий под командованием Эндрю Макнотона. Главный маршал авиации Шолто Дуглас был назначен командующим английскими экспедиционными военно-

воздушными силами. Адмирал Бертрэм Рамсей был поставлен во главе английских военно-морских сил. В сотрудничестве именно с этими людьми американский штаб в Англии приступил к первоначальной разработке плана вторжения в Европу.

Теперь трудно представить ту суровую, даже страшную обстановку, то настроение общественности, которое отражалось в мышлении столь многих людей как в вооруженных силах, так и вне их. За исключением поражения японского флота у Мидуэя в начале нюня 1942 года, общее положение союзников было крайне тяжелым{9}.

Светлые перспективы виделись только в далеком будущем, да и те зависели от способности России выстоять при материальной поддержке, которую можно было оказать ей в условиях, когда Соединенные Штаты создавали свою потенциальную мощь. Кроме того, было весьма существенно, чтобы Великобритания твердо удерживалась в Индии и в Западной пустыне с целью не дать возможности соединиться нашим двум главным противникам и не подпустить их к ближневосточной нефти.

Летом 1942 года нужно было иметь очень большую веру, не говоря об оптимизме, чтобы видеть впереди день, когда будет развернут весь потенциал Соединенных Штатов и можно будет одновременно и решительно направить всю мощь трех великих союзников против европейских держав "оси". Такой веры требовали во всех высших штабах; любое выражение пораженческих настроений или отсутствие уверенности служило достаточным основанием для немедленного отстранения офицера от должности, и все знали это.

Во время моего первого визита в Лондон в мае не было проведено никакого детального рассмотрения тактических планов вторжения на побережье Северо-Западной Европы. Предстояло еще определить потребности в войсках, самолетах, материальном обеспечении и оснащении. Я думал в общих чертах о наступлении, которое будет предпринято в начале 1943 года и на первых порах осуществлено английскими войсками, поддержанными, возможно, 10 или 12 американскими дивизиями. Я тогда исходил из предположения, что английская авиация располагала силами, способными при некотором подкреплении провести предварительную обработку обороны противника и в дальнейшем оказать поддержку выделенным войскам вторжения. Я также думал, что Англия могла бы помочь необходимыми амфибийными средствами для быстрой доставки на континент сухопутных сил, и, разумеется, рассчитывал на регулярное поступление новых дивизий из Соединенных Штатов в достаточном количестве, чтобы непрерывно продолжать

наступление и расширение операции против врага.

С этими общими соображениями я направился на неофициальное совещание с представителями английского комитета начальников штабов. Вскоре после начала совещания мне было предложено изложить в общих чертах характер проектируемой операции. Выступая в роли представителя оперативного управления военного министерства в Вашингтоне и не имея никакого понятия о том, что позднее буду направлен в Англию, я изложил примерно следующее: "Первое, что нужно сделать, - это назначить командующего для руководства операцией. Ему должны быть предоставлены все права, какими оба правительства сочтут необходимым наделить его. Он должен получить директиву на разработку плана вторжения в Европу на такой основе, которая наверняка обеспечит успех операции и, по меньшей мере, создаст на континенте прочный фронт, способный оказывать эффективное воздействие на немцев. Он должен получить указание немедленно разработать в общих чертах план и представить комитету начальников штабов данные о потребностях не только в сухопутных, морских и авиационных силах, но и во всех видах их дополнительного материально-технического обеспечения".

"А кого бы вы назвали в качестве командующего этой экспедицией?" - был первый вопрос, заданный мне.

Все еще думая об операции в начале 1943 года, для которой англичане обязательно выделят основную часть экспедиционных сил на начальных фазах наступления, я ответил: "В Америке я много слышал о человеке, который на протяжении многих месяцев усиленно изучал амфибийные операции. Как мне известно, он занимает пост начальника совместных операций. Его имя адмирал Маунтбэттен. Это самая подходящая кандидатура. Такую операцию следует осуществить под единым командованием. Я слышал, что адмирал Маунтбэттен энергичный, мужественный и способный руководитель, и если операция на первых порах будет проводиться в основном английскими силами, то, я полагаю, он мог бы справиться с этим делом".

Мое замечание было встречено молчаливым удивлением. Затем генерал Брук сказал: "Генерал, вы, возможно, никогда не встречали адмирала Маунтбэттена? Он сидит напротив вас". То, что я не заметил адмирала, войдя в зал совещания, и мои высказывания в его адрес, естественно, вызвали у меня некоторое смущение. Тем не менее я продолжал излагать свои взгляды: "И я все же утверждаю, что ключ к успеху заключается в назначении командующего и в предоставлении ему необходимых прав и

полномочий, чтобы осуществить планирование и подготовительную работу, которые в противном случае никогда не будут сделаны".

Совещание проводилось просто для обмена мнениями, и не было принято никаких решений. Нечего и говорить, что с этого времени адмирал Маунтбэттен стал моим искренним и надежным другом.

С назначением меня в Лондон началась серия совещаний командующих, желавших детально рассмотреть потребности планируемой операции. Обычно в этих совещаниях участвовали генерал Пейджет, адмирал Рамсей, главный маршал авиации Дуглас, генерал Спаатс, адмирал Маунтбэттен и я вместе с группой специалистов из соответствующих штабов. Никто из нас не был наделен полномочиями, чтобы планировать какие-либо решительные действия. Рассматривались десятки разнообразных предложений, связанных со стратегией, тактикой, организацией и снабжением. Эти обсуждения усложнялись особенностями вооруженных сил обеих стран, личными предубеждениями и различными взглядами относительно полезности авиации в наземных операциях.

Однако в результате этих исследований и обсуждений американцы более полно ознакомились со стратегическими, тактическими и материально-техническими проблемами, связанными с организацией вторжения в Европу в решающих масштабах. Мы получили доступ ко всем данным английской разведки и узнали точные сведения о размерах и задачах английских сухопутных, морских и военно-воздушных сил. Дальнейшая мобилизация сил в Англии в каких-либо существенных размерах была невозможна: англичане уже мобилизовали все свои людские ресурсы, в том числе и женщин в возрасте от восемнадцати до пятидесяти двух лет.

Мы узнали ряд таких вещей, которые в итоге заставили нас радикально пересмотреть наши первоначальные наметки по операции вторжения. Во-первых, нам стало известно, что английские военно-воздушные силы не были готовы ни по типам самолетов, ни по их численности, ни по обученности летного состава к выполнению интенсивного авиационного обеспечения вторжения, которое мы рассматривали как обязательную предпосылку к успеху операции. Во-вторых, английский флот, вынужденный все время воздерживаться от активных действий, чтобы ответить на любую угрозу нападения немецких надводных сил, не мог обеспечить ту непосредственную поддержку операции вторжения, которая потребуется для успешного десантирования войск.

В английской сухопутной армии тоже ощущалось острое напряжение. Принимая во внимание свои обязательства в Индии, на Ближнем Востоке и рискованное положение в Западной пустыне, Англия, вероятно, не могла выделить для вторжения более 15 дивизий. И наконец, мы узнали, что положение англичан с десантно-высадочными средствами, специальным вооружением и огромными запасами материальных резервов, которые будут необходимы для осуществления вторжения, было немногим лучше нашего. Все это означало, что нет никакой надежды начать крупное вторжение и Европу, пока Америка не создаст значительные контингента сухопутных, морских и воздушных сил для участия в начальных фазах вторжения, по крайней мере, на равной с англичанами основе и пока она не будет готова обеспечить в последующем основную массу этих сил вторжения. Более того, наступление не могло быть начато до тех пор, пока американская промышленность не произведет огромное количество необходимого вооружения и предметов материально-технического снабжения.

В американском штабе все более усиливались сомнения относительно возможности предпринять мощное наступление ранней весной 1943 года, а поскольку было бы исключительно рискованно осуществлять крупную операцию через Ла-Манш осенью, то мы стали склоняться к мысли, что вторжение в крупных масштабах, вероятно, будет можно начать не раньше чем весной 1944 года.

Это была горькая реальность. Она была горька для нас самих, для нашего комитета начальников штабов и тем более для политических руководителей двух стран: ведь они не только несли на своих плечах всю тяжесть руководства усилиями промышленности по выпуску кораблей и орудий, танков и самолетов, проведения мобилизации миллионов людей, но и были обязаны обеспечивать высокое моральное состояние гражданского населения в течение всего подготовительного периода. К тому же большинство, причин этих задержек не могло быть объяснено народу, ибо публичное их объяснение означало бы раскрытие наших собственных слабостей в тот период, а это, в свою очередь, породило бы усиление подавленности и уныния, которые и без того широко распространились под воздействием быстрых успехов японцев и неудач, постигших английские войска в песчаных пустынях в начале лета.

Для комитета начальников штабов было очевидно, что никакое существенное вторжение в Западную Европу в 1942 году невозможно. Мы держали генерала Маршалла в курсе этих выдвигаемых доводов главным образом путем устных донесений

через доверенных штабных офицеров. В середине июля 1942 года генерал Маршалл и адмирал Кинг прибыли в Лондон, чтобы встретиться с членами английского комитета начальников штабов. При обсуждении плана совместных действий им предстояло учитывать следующие факторы:

1) Согласованная крупная стратегическая операция армий Великобритании и Соединенных Штатов не может быть предпринята до конца 1943 года из-за отсутствия сил и средств, а поскольку конец 1943 года был бы наиболее неблагоприятным временем для начала такой кампании, то предполагаемый день "Д", если не произойдет каких-либо непредвиденных, радикальных изменений в обстановке, может быть отложен до весны 1944 года.

2) Россия упорно требует начать наступательные действия Великобритании и Соединенных Штатов в течение 1942 года, и существует реальная опасность того, что если не будет сделан такой шаг, то на русском фронте могут возникнуть самые серьезные осложнения.

3) Реакция в Соединенных Штатах, в Великобритании и во всех оккупированных странах Европы может оказаться резко отрицательной, если не будут осуществлены какие-либо позитивные действия в 1942 году.

4) Но какие бы ни были предприняты в 1942 году действия, они должны быть значительно меньших масштабов, чем рассматриваемое вторжение в Европу, и, насколько это возможно, не должны серьезно сказаться на программе промышленного производства и на подготовительных мероприятиях, которые будут осуществляться для проведения заключительной крупной операции.

5) Президент дал особое указание американскому комитету начальников штабов предпринять в 1942 году какую-либо наступательную операцию сухопутных войск в Европейской зоне.

Ввиду этих обстоятельств возникло три варианта действий, заслуживавших внимательного изучения.

Первый состоял в том, чтобы усилить английские армии на Ближнем Востоке по маршруту через мыс Доброй Надежды, а затем разгромить войска Роммеля, вновь захватить Триполитанию и обеспечить свое господство в центральной части Средиземного моря.

По второму варианту предусматривалось создать амфибийные силы и с их помощью захватить Северо-Западную Африку в целях дальнейшего наступления в восточном направлении, чтобы взять войска Роммеля в гигантские клещи и в конечном счете открыть все Средиземноморье для Объединенных

Наций.

Третий вариант заключался в том, чтобы предпринять ограниченную операцию против северного побережья Франции относительно небольшими силами, а в последующем захваченный район на этом побережье можно было бы использовать в качестве плацдарма для организации вторжения в крупных масштабах, о проведении которого имелась договоренность между союзниками. Такими районами могли быть полуострова Котантен или Бретань. Эта предложенная операция получила кодовое наименование "Следжхаммер".

В то время любой иной вариант действий казался неосуществимым. Обсуждения были долгими и обстоятельными. Значительным фактором, определявшим американское мышление того времени, были серьезные подозрения, что англичане с отвращением относятся к согласованному решению о наступлении через Ла-Манш и с существенными оговорками относительно целесообразности крупного вторжения в Северо-Западную Европу. Таким образом, хотя мы не могли настаивать на политике бездействия, пока производились и сосредоточивались все материально-технические средства для крупного вторжения, мы искоса поглядывали на любой план, который, как нам казалось, представлял собой попытку увести нас к такой стратегии, в которую мы поверили. Я хорошо понимал откровенные опасения англичан, часто высказываемые Черчиллем в общих чертах, но определенно и конкретно - генералом Пейтджетом, относительно вторжения через Ла-Манш, тогда известного под названием "Раундан". Генерал Маршалл искренне согласился, что независимо от того, какое решение будет принято на проходившей в то время Лондонской конференции, мы должны вновь добиться от англичан недвусмысленного подтверждения стратегического наступления через Ла-Манш.

Под влиянием этих соображений я в то время склонялся к поддержке третьего варианта действий, то есть к попытке захватить небольшой плацдарм на северо-западном побережье Франции. Однако я говорил генералу Маршаллу, что этот план рискованный. Единственная причина, почему я поддерживал его, заключалась в моих опасениях оказаться втянутым где-либо в другом месте настолько серьезно, что крупное наступление через Ла-Манш было бы отложено на неопределенное время или даже вообще отменено. Почти наверняка любая операция в 1942 году на Средиземном море устранила бы возможность проведения крупного наступления через Ла-Манш в 1943 году.

Последующие события убедили меня в том, что те, кто считал операцию "Следжхаммер" неразумной в тот момент, оказались

правы в их оценке этой проблемы. Наш истребитель 1942 года с ограниченным радиусом действия не мог обеспечить достаточно эффективного прикрытия с воздуха полуострова Котантен или Бретань против немецкой авиации. Эта операция обошлась бы нам очень дорого. Другое дело - операция в Северо-Западной Африке, которая принесла бы существенные выгоды союзным государствам. Эти выгоды затем ощущались бы на протяжении всей войны и содействовали достижению великой победы, когда произошло бы фактическое вторжение. От захвата Шербура мы получили бы только скудные преимущества; выгодная особенность этого плана сводилась просто к тому, что эта операция сразу же послужила бы началом второго фронта в миниатюре и вынудила бы нас предпринять наши первые наступательные действия на направлении, где мы планировали нанести впоследствии решающий удар.

Во всяком случае, Объединенный англо-американский штаб сначала пришел к заключению, что было бы невыгодно и неэкономично попытаться направить подкрепления непосредственно английской 8-й армии, находившейся тогда в Египте. По этому вопросу обнаружилось полное единодушие. Поэтому английскому и американскому комитетам начальников штабов предстояло, в конце июля 1942 года сделать выбор между вторжением в Северо-Западную Африку и захватом плацдарма в Северо-Западной Франции.

Насколько мне известно, в ходе обсуждения не возникало никаких разногласий, основанных на националистических соображениях. Участники конференции просто занимались поисками наиболее выгодного варианта совместных действий, которые предстояло осуществить в 1942 году.

24 июля 1942 года было принято решение приступить к планированию операции по вторжению в Северо-Западную Африку с привлечением всех видов вооруженных сил союзников и под общим руководством американского командующего. Операция получила кодовое наименование "Торч". 25 июля это решение одобрил президент Рузвельт. Оба правительства согласились, что вся операция, по крайней мере на первом этапе, должна проходить под американским флагом. Теплилась надежда, что Французская Северная Африка встретит войска вторжения не более чем демонстрацией сопротивления и шансы на такое благоприятное развитие событий будут более реальными, если операцию представить миру как чисто американскую. Отношение французов к англичанам было крайне недоброжелательное из-за инцидентов в Орано, Дакаре и Сирии, где английские войска вступали в открытое столкновение с

французами.

26 июля в гостинице "Кларидж отель" генерал Маршалл информировал меня, что мне предстоит возглавить эту экспедицию в качестве командующего союзными войсками. Он сказал, что, хотя это решение окончательное, потребуется некоторое время, чтобы провести его по всем формальным каналам. 11 августа 1942 года директивой Объединенного англо-американского штаба я был официально назначен на эту должность.

Решение о вторжении в Северную Африку поставило нас перед необходимостью полного изменения образа мышления и коренного пересмотра наших планов и приготовлений. Там, где мы рассчитывали на многие месяцы организованного наращивания сил, теперь у нас были только недели. Вместо массированного наступления через узкий пролив задуманная экспедиция потребует пересечения открытых океанских просторов, где вражеские подводные лодки будут представлять реальную угрозу. Теперь нашей целью был не ограниченный фронт, где мы хорошо знали местность, оборонительные сооружения и население, а кромка целого континента, где на протяжении столетий не проводилось никаких крупных военных кампаний. У нас не будет той авиационной мощи, какую мы планировали использовать против Европы. То, чем мы действительно располагали, была главным образом авиация, сосредоточенная на единственной и крайне уязвимой базе Гибралтар, а нам предстояло добиться существенного успеха в первых же боях. В Нормандии можно было удерживать плацдарм и хоть медленно, но расширять его; на африканском же побережье могло случиться так, что такой плацдарм невозможно было бы даже обеспечивать.

Столь решительное смещение в целях, во времени и условиях наступления могло оказать серьезное психологическое воздействие на всех, кто был убежден, что победу можно обеспечить только путем наступления, нацеленного на жизненно важные центры противника на континенте. Но, к счастью, решение вторгнуться в Африку определенно не являлось отказом Объединенного англо-американского штаба от решимости осуществить в практически удобное время вторжение в Европу через Ла-Манш.

На африканский поход мы смотрели как на отвлекающий маневр, вызванный условиями момента, и надеялись, что во время этого похода мы добьемся серьезных результатов. Самым скромным достижением было бы то, что державы "оси" лишились бы Северо-Западной Африки как базы для своих подводных лодок

и самолетов. Кроме того, мы ожидали, что наступление в восточном направлении снимет осаду Мальты. И наконец, на тех ранних стадиях мы питали надежду, что вся Северная Африка будет очищена от войск держав "оси" и что Средиземное море, по крайней мере воды его южного побережья, можно будет использовать для проводки конвоев союзных стран. Тем самым мы избавились бы от необходимости пользоваться долгим маршрутом через мыс Доброй Надежды для достижения Ближнего Востока и Индии.

Любопытно отметить, что некоторые офицеры считали, что, если даже нам удастся изгнать войска Роммеля из Африки, мы все равно не сможем использовать Средиземное море, так как немцы будут держать авиацию на аэродромах в Южной Европе. Один американский генерал-лейтенант был убежден с самого начала войны, что любые надежды на использование Средиземноморья абсолютно иллюзорны. Даже перед моим выездом в Лондон он неоднократно настаивал, чтобы я воспротивился этим планам, которые он охарактеризовал как идиотские. Такое пессимистическое настроение решительно отвергалось командованием военно-морского флота, в частности британского, утверждавшим, что при наличии некоторого числа истребителей берегового базирования вдоль северного побережья Африки флот гарантирует проводку конвоев через Средиземное море без существенных потерь.

Глава 5. Разработка плана операции "Торч"

Основная задача заключалась в том, чтобы подобрать американских, офицеров на ключевые командные и штабные должности в войсках и службах обеспечения, которые потребуются для осуществления вторжения в Африку.

В современной войне районы сражения часто простираются на сотни миль по фронту и столь же растянуты в глубину. В них находятся боевые части и подразделения, пункты формирования, госпитали, линии коммуникаций, ремонтные мастерские, склады, порты и бесчисленное множество подразделений обслуживания как авиационных, так и наземных войск. Тут же проживает гражданское население, настроенное дружественно, или враждебно, или нейтрально. Вся деятельность войск и отдельных лиц должна проходить под тщательным контролем высших штабов, с тем чтобы обеспечить выполнение стратегического плана командующего. Но на этом не кончается задача штабов. Все, что требуется командующему войсками на театре военных действий, поступает к нему от своей страны или от союзных держав. Ежедневно между его штабом и правительствами союзных стран происходит обмен сотнями депеш и донесений,

связанных с планами, оценками, потерями, получением материальных ресурсов, назначением отдельных лиц, судоходством и другими вопросами, которые неизбежно возникают при осуществлении задач, возложенных на него вышестоящими начальниками. Методы и механизмы ведения войны настолько осложнились, что для контроля и управления военные руководители должны иметь неимоверно огромные штабы. В силу этого иногда считают, что влияние отдельной личности в войне ослабляется, что ошибки одного ответственного командира поправляются или скрываются в деятельности огромной массы связанных с ним офицеров. Но это неверно.

Теперь эта отдельная личность действует по-иному. Действительно, сегодня одним из важных условий успешной деятельности офицера является его способность непрерывно совершенствовать свои методы работы, даже умение менять образ мышления, для того чтобы идти в ногу с современной наукой, которая, развиваясь под воздействием сил национального самосохранения, постоянно вносит изменения в ведение боя. И личные качества офицера приобретают еще более важное значение в военном деле, чем когда-либо раньше. Причина этого проста. Если бы некогда Веллингтон оказался только сварливой, недоступной личностью, находящей себе основное утешение в сочинении саркастических эпиграмм в адрес военного министерства, то его вряд ли считали бы выдающимся военачальником. Он был человеком, который видел все поле сражения и руководил действиями своих войск посредством небольшого штаба и нескольких адъютантов и ординарцев. Пока он имел стойкость и мужество принимать решения и отстаивать их, пока его тактическое мастерство отвечало требованиям его времени и условиям, он был великим полководцем. Однако штаб, через который современный командир знакомится с поступающей информацией и претворяет в жизнь свои решения, должен представлять собой четко работающий механизм. Было бы идеально, если бы штаб работал как единый мозг. Следовательно, те из штатных офицеров, которые не подходят для этой работы, наносят ущерб системе управления войсками и организации их снабжения. Отсюда следует, что личные качества старших командиров и штабных офицеров приобретают особо важное значение. Профессиональные знания, способности и сильная воля, всегда столь необходимые на высокой военной должности, часто сводятся на нет отрицательными чертами характера, две из которых, наиболее пагубные, встречаются чаще всего - это явное стремление к популяризации своей персоны и заблуждение относительно того, что в самонадеянном и даже невыносимом

для окружающих поведении проявляется сила характера. Один солдат как-то заметил, что человеку, уверенному в своих ногах, нет надобности садиться на коня.

Штабы разрабатывают планы, основывая их на принципиальных решениях ответственных командиров. Процесс планирования иногда занимает недели и месяцы, если речь идет об огромной операции на суше, на море и в воздухе. Следовательно, эти планы должны основываться на реальных фактических данных и здравых выводах. Отклонения от основных концепций допустимы только в тех случаях, когда к этому вынуждают существенные изменения в общей обстановке. Поэтому военный руководитель должен ясно представлять себе цель и быть полон решимости добиваться ее. И во всех звеньях, особенно в условиях союзнической военной организации, его успех будет измеряться скорее его способностями убеждать подчиненных, нежели его приверженностью к установившимся понятиям деспотической командной практики. Эта истина приобретает особую силу в периоды, когда необходимо завоевать доверие правительства и подчиненных войск. Но если какой-либо инцидент или возникающая проблема требует от командира применить власть, тогда необходимо быстро и в полной мере добиться подчинения людей своей воле.

Первое, к счастью небольшое, нарушение мер безопасности одним американским офицером, который принял слишком много спиртного, потребовало от меня проявить особое внимание к привычкам каждого офицера, назначенного на ответственную должность. Здесь было недостаточно только преданности и высоких деловых качеств офицера; обязательным условием для назначения человека на ответственный пост являлось наличие таких черт, как осторожность, надежность и трезвость. В случаях, когда отдельные офицеры были нам незнакомы или не проверены на деле, мы обращались к нашей исключительно эффективной службе безопасности с просьбой провести конфиденциальную проверку. Весь персонал моего личного штаба был таким образом проверен в течение нескольких недель. Дела были слишком серьезные, чтобы полагаться на счастливый случай; даже водители легковых машин время от времени имели возможность подхватить информацию, представлявшую большую ценность для противника.

Мой штаб работал так, будто все офицеры были гражданами одной страны. Мы стремились ввести в состав каждого подразделения штаба как английских, так и американских офицеров. При этом пришлось осуществить некоторые штатные изменения с учетом различных штабных процедур в армиях двух

стран. На первых порах офицеры двух национальностей вели себя так, как ведет себя бульдог, когда встречает кота; однако по мере того как шло время, укреплялись взаимное доверие и дружба, на основе которых выработался прекрасный работоспособный коллектив.

На случай если я выйду из строя, в особенности на первых стадиях операции, было решено назначить моим заместителем тоже американца, с тем чтобы как можно дольше сохранить версию, что эта операция является исключительно американской{10}.

На этот пост был назначен генерал Кларк, ранее прибывший в Англию в качестве командира 2-го корпуса. Он был сравнительно молодым, но очень способным офицером, обладавшим исключительным даром подбирать прекрасных помощников и поддерживать высокий моральный дух среди работников штаба. На стадии планирования операции "Торч" генерал Кларк выступал в роли моего заместителя и одновременно исполнял обязанности начальника штаба до прибытия генерала Смита в начале сентября. Кларк внес очень большой вклад в достижение тесного взаимодействия между союзниками при проведении ими первой амфибийной операции на Средиземном море.

Рассматривая наши проблемы в начале августа 1942 года, мы пришли к следующему заключению: если мы должны будем предпринять серьезное наступление в этом году, то нельзя терять ни минуты на подготовку к нему. Лето было уже на исходе, и скоро могла наступить плохая погода.

Нам предстояло решить тысячу сложных вопросов в тесном сотрудничестве с английским министерством транспорта, с военным министерством, с министерствами военно-морского флота и авиации, а также с премьер-министром Великобритании. Такую же работу необходимо было провести и в Соединенных Штатах. Предстоявшая кампания была необычной по своему замыслу. До этого ни одно правительство никогда не пыталось осуществить заморскую экспедицию за многие тысячи миль от своих баз и завершить ее крупным наступлением.

Однако еще оставался нерешенным вопрос, какие наземные, морские и воздушные силы могут быть выделены для проведения операции. Обычно командующему с постановкой общей задачи сразу сообщается, на основе каких сил и средств он может строить свои стратегические, тактические, организационные и материально-технические расчеты. В данном же случае обстановка была неясной, размеры выделяемых ресурсов неизвестны, окончательная цель не установлена. Нам многого еще недоставало. Военно-морские силы США никак не хотели

связать себя твердыми цифрами относительно количества кораблей, которые они могли выделить для операции. Все это вызывало состояние нервозности и неопределенности при составлении плана операции.

Прежде всего нужно было определить районы десантирования и общую численность сил для наступления. Еще в январе 1942 года оба наши правительства бегло рассмотрели и отложили в сторону план американской наступательной операции под кодовым наименованием "Гимнаст", которая предусматривала захват только Касабланки. Операция ставила своей целью не допустить использование Западной Африки державами "оси" в качестве базы подводных лодок. Позднее был расширен первоначальный замысел, и в операцию включили английские силы для захвата африканского побережья со стороны Средиземного моря. Между прочим, я должен здесь заметить, что в ходе нашей кампании мы не обнаружили никаких признаков в Западной Африке, указывавших на то, что державы "оси" когда-либо использовали порты на этом побережье в качестве баз для своих подводных лодок.

При определении районов десантирования решающим фактором являлась практическая возможность обеспечить соответствующее воздушное прикрытие наших конвоев с момента их входа в зону действия вражеских бомбардировщиков и до успешного завершения высадки на берег. Опасная зона охватывала все Западное Средиземноморье вплоть до Гибралтара и простиралась даже далеко на запад от Гибралтара, если противник использует бомбардировочную авиацию дальнего действия. Союзники не располагали достаточным количеством авианосцев - в ходе всей кампании на Средиземном море у нас никогда не было там более двух или трех авианосцев одновременно.

Самолеты, базирующиеся на наземных аэродромах, должны были взять на себя всю тяжесть обеспечения воздушного прикрытия, а единственным местом для такого базирования служил Гибралтар. Это превращало его в центр нашего авиационного зонта, что, в свою очередь, предопределяло расстояние, на которое мы могли безопасно углубиться своими надводными кораблями в Средиземном море. Нехватка судов ограничивала размеры состава десантируемых войск, а нехватка конвойных кораблей и кораблей огневой поддержки сводила число районов нашего десантирования до трех; в первые же недели планирования нам казалось, что мы будем ограничены двумя районами десантирования.

В качестве желаемых объектов было указано четыре важных

порта, или портовых района, которые находились на предельных расстояниях действия нашей авиации. Ими были Касабланка на Атлантическом побережье, районы Орана, Алжира и Бона на Средиземном море. Успешная высадка непосредственно в районе Бизерта, Тунис, дала бы большие преимущества, но этот район находился далеко за пределами радиуса действия истребительной авиации, а поскольку проводка английских конвоев на Мальту нередко заканчивалась катастрофой, то от этой идеи очень быстро отказались как от выходящей за пределы оправданного риска.

Тем не менее было крайне желательно овладеть районом Бизерта, Тунис, в наиболее ранние сроки, с тем чтобы мы могли избавить Мальту от осады и сухопутными, морскими и авиационными силами воздействовать на линии снабжения войск Роммеля и тем самым обеспечить победоносное завершение войны в Африке. Захват Касабланки был важен в тот момент только по двум соображениям. Во-первых, она являлась конечным пунктом длинной, рахитичной железной дороги, проходившей через горы Атлас и дальше на восток через Оран, Алжир и, в конце концов, в Тунис. Пропускная способность ее была небольшая, но тем не менее эта дорога могла бы послужить хоть в некоторой степени пешим войскам, если бы противник решил наступать против нас через Испанию, находящуюся в дружественных отношениях с державами "оси". С помощью авиации и артиллерии противник легко закрыл бы проход нашим судам через Гибралтарский пролив. Без этой железной дороги все наши войска, направленные на Средиземноморское побережье Африки, оказались бы отрезанными - даже их вывод оттуда был бы тяжелым делом.

Другим фактором, придававшим Касабланке важное значение, было то, что высадка мощного десанта в этом районе оказала бы должное воздействие на Испанию и марокканские племена. В случае же нашей неудачи здесь Франция Виши, возможно, подтолкнула бы эти воинственные племена начать открытые военные действия против нас, а это обстоятельство почти наверняка дало бы Испании более существенное основание для вмешательства в войну на стороне держав "оси".

Существовал и необычный оперативный риск, связанный с планом десантирования у Касабланки. В конце осени и в течение зимних месяцев северо-западное побережье Африки недоступно для высадки десанта с небольших судов. В это время года почти каждый день огромные атлантические волны яростно обрушиваются на берег и волнение не затихает даже в относительно хорошую погоду. По мнению военно-морских

специалистов, рискованность десантирования в этом районе во много раз серьезнее, чем на побережье Средиземного моря.

С самого начала было ясно, что любой план операций должен предусматривать десантирование у Орана и Алжира. И тут и там находились важные порты, а аэродромы недалеко от Орана имели важное значение для последующих действий, в частности для перевода истребительной авиации из Гибралтара сюда, поближе к линии фронта. Алжир, разумеется, был центром политической, экономической и военной деятельности в этом районе.

Таким образом, нам нужно было окончательно определить границы высадки десанта на побережье. В одном варианте предусматривалось захватить Касабланку, Оран и Алжир, в другом - Оран, Алжир и Бон.

Долго и добросовестно мы трудились над решением этого вопроса. Лично я склонялся в поддержку варианта, предусматривавшего ввод всех сил в Средиземное море. Я считал захват Туниса важным делом, и нам следовало в самом начале высаживаться до самого Бона на востоке. Правда, заход в Средиземное море без захвата базы у Касабланки создавал дополнительные трудности, но я считал, что поскольку мы и так шли на большой риск, то могли в такой же мере сосредоточить усилия в одном направлении, полагая, что Касабланка, оказавшись отрезанной с востока, либо сама падет, либо ею можно будет овладеть с помощью войск, идущих вдоль железной дороги на запад от Орана. Мне также хотелось избежать очень серьезного риска, связанного с высадкой у Касабланки.

Мы сообщили об этом замысле союзному штабу, но оказалось, что американский комитет начальников штабов возразил против исключения Касабланки из первоначального плана, полагая, что было бы слишком большим риском поставить себя в полную зависимость от Гибралтарского пролива как основной линии коммуникаций. Одновременно он рекомендовал нам, несмотря на ограниченные возможности железной дороги Касабланка -Оран, быстро овладеть ею на случай возможного нападения держав "оси" на гибралтарскую горловину. Более того, американский комитет начальников штабов считал, что, если не будет незамедлительно высажен крупный десант в Марокко, испанцы проявят значительно большее стремление вступить в войну или позволить немцам использовать испанскую территорию для наступления на наши тылы. Другой причиной возражений против десантирования в районе Бона являлись сомнения относительно наших возможностей обеспечить воздушное прикрытие в условиях, когда авиация держав "оси" базировалась столь близко на аэродромах Италии и Сицилии.

Позднее наши потери от действий вражеских бомбардировщиков над этим портом и прилегающими к нему районами подтвердили обоснованность этих опасений{11}.

Поскольку это решение союзного штаба исключало захват Бона на начальной стадии операции, любое последующее продвижение от Алжира в восточном направлении могло быть осуществлено только наступательными действиями на суше в сочетании с морскими десантами на более мелкие порты вдоль побережья в сторону Туниса!

Насколько я помню, это был единственный случай за всю войну, когда какую-либо часть разработанных нами оперативных планов изменяли вышестоящие инстанции.

Мы с воодушевлением восприняли такое решение, поскольку оно было продиктовано скорее политическими, нежели тактическими соображениями, а политическая оценка - это дело правительств, а не солдат. Однако мы все же отметили, что в результате решения об отказе от захвата Туниса на начальных стадиях операции этот вопрос фактически отодвигался на неопределенное время.

Следующим важным шагом было определение даты начала операции. Метеорологические сводки указывали на то, что ухудшения погоды следует ожидать уже ранней осенью. Поэтому дата наступления приобретала первостепенное значение. Все было сделано для того, чтобы начать наступление как можно раньше, даже путем отказа от сосредоточения всего намеченного количества сухопутных, морских и военно-воздушных сил.

При планировании этой операции оценка политической обстановки в Северной Африке являлась одним из наиболее важных факторов. Это был исключительно сложный вопрос, который изучался в течение длительного времени правительствами США и Англии. Руководители обеих стран были убеждены, что операция в Северной Африке должна носить, насколько это возможно, исключительно американский характер. Но вместе с тем ее надо было предпринять в таких масштабах, чтобы местные французские власти и военные руководители могли сослаться на подавляющее превосходство противника и оправдать перед правительством Виши и его нацистскими боссами свою быструю капитуляцию.

В основе всей нашей экспедиции лежала надежда на то, что французская армия, должностные лица и население Северо-Западной Африки не окажут сопротивления нашим войскам и присоединятся к общей борьбе против Германии. Однако в политической истории 1940-1942 годов не было никаких признаков, указывавших на то, что события развернутся именно

так. Это была скорее надежда, чем расчет. Следовательно, мы должны были быть готовы сражаться против сил, насчитывавших в целом около 200 тыс. человек. Но от своих правительств мы получили ясные указания стремиться приобрести союзника в Северной Африке; мы не должны были действовать так, будто завоевываем враждебную территорию, если, конечно, нам не навяжут длительное сопротивление французы. Все, что могло побудить французские силы в Африке присоединиться к нам, было учтено в наших планах, вплоть до тщательного формулирования заявлений и воззваний, которые будут опубликованы с началом вторжения.

Придать вторжению у Касабланки и Орана полную видимость того, что оно осуществляется американцами, было довольно легко. На Касабланку шли войска непосредственно из Соединенных Штатов. Десантирование в район Орана осуществляли американские 1-я пехотная дивизия и некоторые части 1-й бронетанковой дивизии, обе находившиеся к тому времени в Англии. Поскольку нехватка судов не позволяла нам доставить еще кое-какие силы непосредственно из Соединенных Штатов, единственные американские войска, которые можно было привлечь к участию в десанте у Алжира, были представлены частью сил 34-й дивизии, размещенной в Ирландии и усиленной одним полком американской 9-й дивизии и батальоном рейнджеров. Эти силы не являлись достаточно мощными для выполнения поставленной задачи в случае какого-либо серьезного сопротивления, однако английские поддерживающие части были так распределены в графиках десантирования, что только в очень немногих случаях они фактически оказались в высадочных средствах первого эшелона.

Было очевидно, что французские войска и местное население вскоре после первых же десантов узнают об участии англичан в операции. Однако наше командование считало, что если десантирование пройдет успешно, а наше дружественное отношение быстро будет понято, то возможные осложнения сведутся к минимуму. Эмблема американского флага будет опознавательным знаком "наших войск и техники.

После бесчисленных увязок, проверок и перепроверок наконец начали вырисовываться основные черты плана наступления, и, за исключением некоторых изменившихся деталей, мы свято, придерживались его. Союзники будут наступать на Касабланку, Оран и Алжир, войска Соединенных Штатов - защищать тылы в Марокко, а английские силы высадятся как можно быстрее и, если обстановка позволит, двинутся в Тунис.

Я известил генерала Маршалла о своем же: ставить генерала Паттона во главе оперативной группы, высаживающейся у Касабланки, и очень скоро Джордж прибыл в мое распоряжение в Лондон, где его подробно ознакомили с той частью общего плана, выполнение которой возлагалось на его войска.

Центральную оперативную группу в составе американского 2-го корпуса, предназначенную для высадки у Орана, возглавлял генерал-майор Ллойд Фридендолл. До начала кампании в Африке я знал его очень мало, но он пользовался репутацией прекрасного командира и организатора.

Восточная оперативная группа, задачей которой был захват Алжира, имела довольно странную структуру. Чтобы сохранить видимость американской принадлежности десантируемых войск, во главе их поставили генерал-майора Чарльза Райдера, командира 34-й дивизии. Он должен был возглавлять наступление, пока не будет захвачен город. Как только наша восточная оперативная группа прочно закрепится на захваченном плацдарме, командование возьмет на себя английский генерал-лейтенант Кеннет Андерсон, командующий английской 1-й армией. В его задачу входило немедленно, как только позволит обстановка, устремиться на восток, чтобы попытаться захватить Тунис. Генерал Андерсон был мужественным шотландцем, целиком посвятившим себя выполнению служебного долга и совершенно бескорыстным. Честный и прямой, порой резкий до грубости, он, как ни странно, из-за своей прямоты чаще сталкивался со своими английскими коллегами, чем с американскими. Пожалуй, главное затруднение ему приносила его застенчивость. Он не был популярным типом военачальника, но я испытывал глубокое уважение к этому мужественному солдату. Даже самые ярые его критики, должно быть, согласны, что трудно сбросить со счета его сокрушительную победу, которую он в конце концов одержал в Тунисе.

С началом разработки плана вторжения наши правительства внимательно рассмотрели возможность вовлечения генерала де Голля, находившегося тогда в Лондоне, в планирование операции "Торч". Части под его командованием принимали участие в злополучной экспедиции против Дакара, где высадившиеся войска были вынуждены в беспорядке отступить ввиду серьезного сопротивления местного французского гарнизона. Англичане всегда считали, что эта неудача была результатом утечки информации из лондонской штаб-квартиры де Голля. И мы получили указания от своих двух правительств, возможно отданные под влиянием этого неудачного первого опыта, ни при каких обстоятельствах ничего не сообщать генералу де Голлю

относительно планируемой операции.

Имелись подтверждения нашего предположения, что присутствие генерала де Голля в войсках первого эшелона десанта может вызвать решительное сопротивление со стороны французских гарнизонов. В ходе планирования операции в Лондон шел постоянный поток информации от консулов и других должностных лиц, которых наш государственный департамент держал в Африке на протяжении всей войны. Из этой информации явствовало, что кадровый состав офицерского корпуса французской армии в то время рассматривал де Голля как вероломного офицера. Его положение в глазах участников зарождавшегося движения Сопротивления было совершенно иным. Однако в тот момент участники движения Сопротивления, в частности в Африке, еще не ясно представляли себе пути и цели своих действий, и их усилия были малоэффективными. Поэтому нам нужно было в качестве первой задачи обеспечить себе поддержку со стороны французских вооруженных сил в Северной Африке.

Нетрудно понять, почему де Голля не любили в рядах французской армии. Во время капитуляции Франции в 1940 году офицеры, оставшиеся в армии, согласились с создавшимся положением и приказами, исходившими от своего правительства, и прекратили сражаться. С их точки зрения, если курс, избранный де Голлем, был правильным, то каждый французский офицер, подчинившийся приказам своего правительства, являлся просто трусом. Если де Голль был преданным французом, то они должны были считать себя малодушными. Естественно, что офицеры предпочитали думать о себе не в таком плане; они скорее были склонны считать себя лояльными французами, выполняющими приказы соответствующих гражданских властей, а отсюда вытекало, что они официально и лично считали де Голля дезертиром.

Тем не менее было известно о сильных антинемецких и антифашистских настроениях в Северной Африке даже среди некоторой части армейских офицеров. Считалось возможным, что, если бы удалось на начальной фазе наступления на побережье создать достаточно мощную демонстрацию силы, все эти офицеры могли бы решать, что их честь сохранена символическим сопротивлением, и, покорившись неизбежному, присоединились бы к общей борьбе против традиционного врага, который в 1940 году поставил их в унизительное положение. Это была сложная и неопределенная обстановка, однако сохранение в полной тайне от французов в Лондоне наших приготовлений являлось твердой линией двух правительств. Дополнительным и

наиболее важным побудительным мотивом для сохранения такой секретности считалось то обстоятельство, что только полная внезапность может обеспечить успех всего предприятия. Чем меньше людей знало что-либо об этом деле, тем лучше.

Каждый день возникали новые затруднения в разработке планов операции. В числе таких сложных проблем было, например, вмешательство в систему обеспечения поставок в Россию, которое началось еще в сентябре 1942 года. Снятие судов с морских путей для их переоборудования, загрузки и сосредоточения в районах сбора, чтобы затем направить их в Средиземное море, наверняка серьезно сокращало численность и размеры конвоев, следовавших в Мурманск. Это в равной мере касалось судоходства и на других важных коммуникациях Англии и Америки, но, разумеется, являлось одним из неизбежных следствий подготовляемой операции.

Другое осложнение возникло из-за того, что на ранних стадиях доставка в Англию военных грузов осуществлялась в предвидении в конечном счете наступления через Ла-Манш. Поскольку первоначально требовалось максимально сократить время на оборот судов, то грузы и боевое оснащение сгружали в склады и на открытые площадки без их сортировки и инвентаризации. Мы полагали, что для этого будет достаточно времени по мере развертывания соответствующих служб по обеспечению, наступления через Ла-Манш. У нас неожиданно возникла срочная потребность в том, что уже было доставлено в Англию, но без должного учета. Теперь мы не могли быстро отобрать, упаковать и погрузить нужные вещи, и нам пришлось тратить много времени на бумажную волокиту.

Еще одно осложнение было связано с нашей авиацией. Летом 1942 года мы только начали создавать бомбардировочное командование с истребителями сопровождения для проведение воздушных операций против Германии. Нужно было в срочном порядке освободить значительное число авиационных частей от выполнения их первоначальных задач, переобучить их и переориентировать на участие во вторжении в Африку. Некоторые американские истребительные части нужно было переоснастить английскими "спитфайерами". Аналогичные проблемы возникли и в отношении внутренних транспортных систем Англии, в использовании ее перегруженных портов и обучении сухопутных войск.

Каждая неделя приносила нам новые потери в судах, потопленных или поврежденных вражескими подводными лодками, в тех самых судах, которые должны были использоваться для транспортировки войск и боевой техники.

Каждая потеря корабля вынуждала нас пересматривать наши планы.

Решение всех этих дел требовало проведения постоянных совещаний, обычно с представителями войсковых штабов и их служб, а также и с премьер-министром Великобритании. В это время по его просьбе я встречался с ним два раза в неделю. По вторникам мы завтракали на Даунинг-стрит, 10 в присутствии одного или нескольких членов английского комитета начальников штабов или военного кабинета. В пятницу вечером я ужинал у него в его загородном доме в Чекерсе, оставаясь иногда ночевать там. На этих встречах почти всегда присутствовал министр иностранных дел Антони Идеи.

Примерно через шесть недель интенсивного планирования операции мы получили известие, что Роберт Мэрфи, старший сотрудник государственного департамента в Северной Африке, тайно приедет к нам, чтобы обсудить политическую обстановку в регионе будущего вторжения. Политические факторы оставались для нас в числе самых серьезных и неясных вопросов всей операции. Франция Виши была нейтральной страной, и в течение всего периода войны Соединенные Штаты поддерживали дипломатические связи с французским правительством. Как английское, так и американское правительство считало, что общественное мнение в Северной Африке благосклонно к союзникам, последние, естественно, хотели, чтобы вторжение выглядело как операция, предпринятая в ответ на желание народа освободиться от гнета режима Виши.

Мы понимали, что французам в Северной Африке все-таки придется оказать некоторое сопротивление высаживающимся войскам, поскольку Франция находилась под немецким каблуком. Но если бы мы могли показать, что народ определенно настроен против .заправил Виши, то можно было бы смягчить в Англии или Америке любую политическую враждебность против этого вторжения.

Мэрфи длительное время работал в Африке по линии государственного департамента, и президент Рузвельт вполне доверял его сообщениям о возможности военных акций в этом регионе. Со своим небольшим аппаратом помощников Мэрфи не только вел непрерывное изучение общественного мнения, но и сделал все возможное, чтобы выявить среди военных и политических руководителей тех, кто определенно питал враждебность к державам "оси" и занимал посты чисто из чувства долга перед своей страной. Приветливый, дружелюбный, исключительно прозорливый и свободно владевший французским языком, он, как никто другой, подходил для такого дела.

Несомненно, что его работа, как посланца Америки, в период между 1940 годом и концом 1942 года имела важное значение для успеха вторжения в Северную Африку.

Его поездка ко мне в Лондон в конце 1942 года осуществлялась в величайшей тайне. Сначала он направился в Вашингтон, где его одели в военную форму и дали фиктивные документы на имя подполковника Макгоуана. Я встретил его в условленном месте за городом, побеседовал с ним, и не прошло каких-нибудь двадцати четырех часов, как он снова находился на пути в Вашингтон.

От Мэрфи мы узнали имена офицеров, питавших симпатии к союзникам и готовых активно помогать им. Мы многое узнали о настроениях в самой армии и среди гражданского населения. Он очень точно сообщил нам, что самое серьезное сопротивление мы встретим во Французском Марокко, где министром иностранных дел у султана был генерал Август Ногес. Он сообщил нам некоторые данные относительно французских войск в Африке, в том числе об оснащении и обученности сухопутных, воздушных и военно-морских сил. Из его сообщений вытекало со всей очевидностью, что если французы окажут сопротивление, то оно будет ожесточенным; если бы французы сразу же решили присоединиться к нам, то мы могли бы рассчитывать на быстрый переход к осуществлению нашей главной задачи - захвату Туниса и нанесению удара по войскам Роммеля с тыла. По мнению Мэрфи, мы могли фактически встретиться с чем-то средним между этими двумя крайностями. Последующие события подтвердили, что он был прав.

Однако по другому вопросу мнение его оказалось совершенно ошибочным, хотя в этом винить его нельзя. Французские генералы Шарль Мает, начальник штаба французского 19-го корпуса в Алжире, Мари Бетуар, командир дивизии в Касабланке, и другие, которые рисковали своей жизнью ради оказания нам помощи, убедили Мэрфи, что, если бы удалось доставить в Алжир генерала Жиро{12} под предлогом помочь в организации восстания против правительства Виши, реакция на его приезд была бы немедленной и восторженной и всю Северную Африку охватило бы пламя всеобщего восстания, руководителя которого представляли бы как исключительно популярного человека во всем регионе.

Через несколько недель, когда мы переживали кризисную ситуацию в наших делах, события показали, что такая надежда была беспочвенной.

Мэрфи был убежден, что можно было бы обеспечить значительно более эффективное сотрудничество со стороны известных нам друзей в Северной Африке, если бы какой-либо высокопоставленный офицер из моего штаба прибыл туда на встречу с ними. Само собой разумеется, что эта встреча должна быть проведена втайне, ибо в случае провала мои эмиссары были бы, безусловно, интернированы, а любой французский офицер, уличенный в причастности к такому делу, был бы, вероятно, отдан под суд правительством Виши как изменник. Было тут же решено, что стоит идти на риск и послать небольшую группу для встречи с генералом Мастом и его единомышленниками. Поскольку я сам, безусловно, не мог пойти на такую встречу, то из числа многих добровольцев я выбрал своего заместителя генерала Кларка. Его сопровождала небольшая группа офицеров.

До места встречи эта группа добиралась сначала на самолете, потом на подводной лодке. Все шло по плану, но затем у местных властей возникли подозрения, и французские заговорщики были вынуждены поспешно покинуть место встречи, а генералу Кларку со своей группой пришлось скрываться, пока за ними не пришла специальная подводная лодка. Сильное волнение на море серьезно усложнило преодоление пути от берега до подводной лодки, однако все обошлось благополучно. Эта встреча оказалась ценной в смысле получения дополнительных и более подробных сведений, которые, однако, не привели к каким-либо существенным изменениям в наших планах операции.

Беседа с Мэрфи позволила большинству из нас, а главное - американцам, косвенно познакомиться с рядом французских должностных лиц. Мэрфи детально изложил характеристики и политические взгляды видных генералов и гражданских деятелей, с которыми нам предстояло встретиться после высадки в Северной Африке. Он особенно подчеркнул, что в то время французы испытывали глубокое уважение к американскому правительству и народу в противоположность тому большому антагонизму, который они питали к англичанам.

Премьер-министр был согласен с такой точкой зрения и уделял много внимания тому, чтобы операция, насколько это было в наших силах, носила видимость американского предприятия. Одно время он даже серьезно рассматривал вопрос о том, чтобы переодеть все английские части, участвующие в начальной фазе операции, в форму американской армии. Наша озабоченность политическими проблемами убедительно

иллюстрирует старую истину, что политические соображения никогда невозможно полностью отделить от военных и что война является продолжением политики насильственными средствами. Вторжение союзников в Африку являлось наиболее специфичной операцией вооруженных сил с точки зрения международной политики; мы вторгались в нейтральную страну, чтобы из нее сделать дружественную державу. Сколь ни важны были эти политические проблемы, они составляли только часть тех трудных вопросов, которые нам приходилось решать ежедневно.

Мы делали очень большую ставку, что является для войны характерной чертой, и это само по себе не особенно тревожило нас. Однако по многим направлениям оставалась масса неясностей: мы точно не знали о настроениях в Испании; нам не было известно, осведомлен ли противник относительно наших планов; все еще не сообщалось, сколько судов будет у нас в наличии, когда потребуется отправлять войска в путь; существовала по-прежнему неопределенность насчет способности нашей авиации обеспечить должное прикрытие с воздуха наших конвоев, когда они приблизятся к африканскому побережью.

Все еще не разрешился вопрос с отправкой из Англии на транспортных самолетах групп парашютистов с целью захвата аэродромов возле Орана. Эти самолеты при их сравнительно небольшой скорости должны были покрыть расстояние свыше 1200 миль через районы, где они могли подвергнуться нападению вражеской авиации. Парашютисты должны были либо выброситься с парашютами, либо произвести посадку непосредственно на аэродромах, о которых мы имели весьма смутное представление. Многие опытные офицеры буквально разводили руками перед такой опрометчивой идеей. Предусматривались также отчаянные атаки специально отобранными группми на доки в Алжире и Оране, чтобы не допустить разрушения портовых сооружений, которые потребуются в будущем.

Вся основа структуры нашего высшего командования была для нас новой. В течение лета меня то и дело предостерегали старые армейские друзья, что концепция единства союзников, которую мы положили в основу нашей командной структуры, непрактична и невозможна, что любой командир, поставленный на мое место, обречен на неудачу и станет не более чем козлом отпущения, то есть на него будет взвален позор за провал всей операции. Меня потчевали историями провалов различных коалиционных армий, начиная с времен Древней Греции и кончая ожесточенными франко-английскими взаимными обвинениями 1940 года. Однако в противовес этим зловредным пророчествам с

каждым днем заметно укреплялись сотрудничество, товарищество, вера и оптимизм среди работников штаба, где готовилась операция "Торч". Занятые решением общих проблем, англичане и американцы непроизвольно освобождались от взаимного недоверия и подозрений.

В конце года английский комитет начальников штабов освободил адмирала Рамсея от поста командующего военно-морскими силами, участвующими в операции "Торч", и вместо него был назначен адмирал Эндрю Каннингхэм, которого я тогда встретил впервые. Это был адмирал нельсоновского типа. Он считал, что корабли отправляются в море, чтобы найти и уничтожить противника. Он всегда мыслил категориями наступления, а не обороны. Каннингхэм был энергичен, вынослив, разумен и откровенен. Несмотря на свою строгость, он пользовался исключительным уважением среди личного состава английских военно-морских сил и в значительной мере у солдат и офицеров других видов вооруженных сил, как английских, так и американских. Это был настоящий морской волк. У меня навсегда остался в памяти ответ адмирала, когда я попросил его в конце 1943 года направить английский линейный флот с дивизией солдат на борту в гавань Торонто, которая, как сообщали, была полна мин. "Сэр, - сказал он в ответ, флот Его Величества для того и находится здесь, чтобы идти куда угодно по вашему указанию!"

Мы должны были скоординировать наши планы не только с английскими, но и с американскими военно-морскими силами. Это было далеко не простое дело.

Адмирал Кинг направил к нам двух способных морских офицеров, чтобы они помогли в планировании; их с радостью встретил бригадный генерал Альфред Грюнтер. Он сказал, что у нас тысячи вопросов, на которые флот поможет нам найти ответы. "Мы здесь только для того, чтобы слушать", - последовал ответ. Я знал, что если бы лично мог переговорить с адмиралом Кингом, то не возникло бы никаких трудностей, однако при сложившихся обстоятельствах образовавшиеся запутанные клубки приходилось распутывать с большой осторожностью и терпением.

В конце концов, военно-морские силы могли напомнить нам, что мы просим для операции самую крупную военную армаду за всю морскую историю - приблизительно 110 судов для погрузки войск и боевой техники и 200 боевых кораблей. Военно-морское командование осознавало необходимость внимательно следить за немецким флотом, в составе которого, по мнению союзников, в то время был по меньшей мере один, а возможно, и два авианосца. Некоторые американские офицеры, казалось, питали неприязнь к

готовившейся операции, вероятно, рассматривая ее как английское предприятие, в осуществление которого Америка была вовлечена почти насильно. На совещаниях я снова и снова утверждал, что операция "Торч" готовится по приказу, исходящему от президента Соединенных Штатов и премьер-министра Великобритании, и что я намерен идти в Западную и Северную Африку, как мне приказано, независимо от того, будем ли мы иметь боевые корабли охранения или нет.

Нападения на английские конвои в Средиземном море причиняли нам большие неприятности. Один сильно охраняемый конвой в составе 14 транспортных судов пытался доставить на Мальту военные грузы, но до места назначения дошли своим ходом только три судна. Из них одно было потоплено у пристани. Авианосец "Игл", предназначавшийся для операции "Торч", был торпедирован и затонул. Штаб военно-морских сил время от времени приносил нам такие известия, что каждый раз после этого нам приходилось пересматривать свои планы и расчеты.

В середине сентября я направил генералу Маршаллу донесение о том, как мы представляем себе шансы на успех операции "Торч", которая должна была начаться примерно через семь недель:

"Предварительные и неофициальные данные о намечаемой воздушной поддержке силами английской авианосной авиации следующие: один авианосец с 20 истребителями и 20 самолетами-торпедоносцами к востоку от Гибралтара; 66 истребителей и 18 самолетов-торпедоносцев у Алжира. Кроме вышеперечисленного, возможно, будет еще один старый авианосец с 13 самолетами. Ниже приводятся особые факторы, которые имеют прямое отношение к степени риска, свойственной этой операции:

а) Воздушная поддержка силами авианосной авиации на первоначальных стадиях.

Оперативные силы французских военно-воздушных сил в Африке составляют около 500 самолетов. Ни бомбардировщики, ни истребители не являются последними моделями современных самолетов, однако истребители по своим тактико-техническим данным превосходят соответствующие палубные истребители. Следовательно, если французы окажут решительное сопротивление на начальной стадии операции, в частности путем сосредоточения основных сил авиации против крупных портов, то они могут серьезно помешать, если не сорвать десантирование войск. Общая численность палубных истребителей (считая 100 американских истребителей на борту "Рейнджера" и вспомогательных судов), видимо, составит около 166 самолетов для фактической поддержки десантирования. Только от 20 до 30

истребителей будет в составе военно-морских сил прикрытия к востоку. У этих истребителей возникнут обычные трудности, свойственные авианосной авиации при действиях против самолетов наземного базирования.

б) Эффективность Гибралтара как промежуточной базы для истребительной авиации после того, как будут обеспечены аэродромы в Северной Африке.

Поскольку Гибралтар является единственным портом, доступным для союзников в этом регионе, то быстрая переброска истребительной авиации на захваченные аэродромы будет зависеть главным образом от нашей способности разместить на аэродроме в Гибралтаре достаточное количество самолетов для немедленного их использования в операции и затем организовать их переброску, по меньшей мере по 30 самолетов в день. Уязвимость Гибралтара, особенно при вмешательстве испанской армии, очевидна. Если испанцы предпримут враждебные действия против нас непосредственно с началом нашей операции по десантированию, то практически окажется невозможным обеспечить какое-либо число истребителей наземного базирования Для их использования в Северной Африке в течение нескольких дней,

в) Погодные условия будут другим решающим фактором для действий авиации.

Планируется переброска по воздуху на захваченные аэродромы в Северной Африке американских авиационных частей, в настоящее время находящихся в Великобритании, за исключением групп, оснащенных истребителями "спитфайер". Последние будут доставлены на судах в Гибралтар или на захваченные аэродромы. Плохая погода может настолько ослабить предусмотренную авиационную поддержку на первых стадиях операции, что это подвергнет определенному риску успех всей операции в целом.

г) О возможном сопротивлении со стороны французской армии.

В этом регионе в настоящее время имеется около 14 французских дивизий, довольно плохо оснащенных, однако, предположительно, хорошо обученных и руководимых опытными командирами. Если эта армия будет действовать единодушно против сил вторжения, то она может, учитывая медлительность, с которой силы союзников будут сосредоточиваться в районе двух главных портов, настолько задержать или помешать проведению всей операции, что невозможно будет добиться истинной цели всей экспедиции, а именно - установить наш контроль над северным побережьем Африки до того, как державы "оси" сумеют

перебросить туда значительные подкрепления.

д) Позиция испанской армии.

Хотя пока нет никаких признаков, указывающих на то, что испанцы выступят на той или иной стороне в результате предпринимаемой нами операции, такая возможность не исключается, особенно если Германия предпримет определенные меры для вступления на территорию Испании. Во всяком случае, с вступлением Испании в войну мы быстро потеряли бы Гибралтар как аэродром и лишились бы возможности использовать Гибралтарский пролив, пока союзниками не будут предприняты действенные меры. При наличных ресурсах кажется сомнительным, что такие меры осуществимы в пределах наших возможностей.

е) О возможностях немецких военно-воздушных сил, имеющихся в настоящее время в Западной Европе, быстро вступить и Испанию и оттуда действовать против наших линий коммуникаций.

Это было бы нелегким делом для немцев, если не будет полного согласия или поддержки со стороны Испании. На испанских аэродромах нет ни авиационного горючего, ни бомб, ни смазочных материалов, а переброска туда из другого места частей и подразделений аэродромного обслуживания и материальных запасов потребовала бы значительного времени. Известные обстоятельства относительно вероятности подобного рода действий со стороны немцев заключаются в том, что, во-первых, Германия уже располагает отличными аэродромами в Сицилии, откуда ее авиация дальнего действия может проводить свои операции без дополнительных хлопот по созданию новых авиабаз. Во-вторых, для Германии всегда существовала возможность оккупации Пиренейского полуострова путем применения силы. Тот факт, что Германия не предпринимала никаких заметных шагов в этом направлении, даже в условиях последнего времени, когда значительная часть английских военно-морских сил находилась в Средиземном море, является, по крайней мере, некоторым подтверждением нашего предположения, что противник не считает ввод в Испанию своей авиации легкой операцией.

ж) В других факторах, которые мы рассмотрели при заключении изложенных ниже выводов, учитывается опыт недавней проводки конвоя на Мальту и то обстоятельство, что боевые потери флота союзников на море за последние десять дней были значительными. Конвой, следовавший на Мальту, не подвергался атакам с воздуха до тех пор, пока фактически не оказался к югу от Сардинии, а дальше от этого района все

неприятности были связаны с действиями подводных лодок.

Основываясь на вышеизложенном, мы считаем, что операция имеет достаточные шансы на успех при условии, что Испания останется нейтральной, а французские силы в Африке окажутся настолько серьезно разъединенными в результате внутренних разногласий и политического маневрирования союзников, что сопротивление французов будет чисто символическим или ничтожным по масштабам. Мы считаем, что Испания останется нейтральной по меньшей мере в ходе начальных фаз операции, если нам удастся сохранить в глубокой тайне наши планы и намерения. Испания оставалась нейтральной и в прошлом, когда крупные конвои проходили через Гибралтарский пролив. С другой стороны, мы все же считаем, что встретим весьма серьезное сопротивление со стороны определенных частей французских сил в Африке. Мы полагаем, что в районе вокруг Алжира французы будут наиболее благосклонны к нам, а в районах между Ораном и Касабланкой и возле Туниса мы, вероятно, натолкнемся на сопротивление.

Мы считаем, что у нас больше шансов на успех в начальной стадии десантирования, однако шансы на успех всей операции, в том числе захват Туниса до того, как державы "оси" сумеют доставить туда свои подкрепления, значительно меньше пятидесяти процентов. Здесь следует учитывать огромные трудности, связанные с наращиванием авиации наземного базирования, небольшой пропускной способностью портов и, следовательно, медленными темпами сосредоточения сухопутных сил, очень плохим состоянием растянутых коммуникаций от Касабланки до Орана и, наконец, неопределенностью поведения французов в период вторжения.

Трудно предсказать дальнейший ход событий в случае изменения позиции Испании, а также те осложнения в действиях военно-морских сил, которые привели бы к замедлению наших темпов доставки подкреплений. Любой признак провала на этой стадии и задержка в доставке подкреплений могут быть использованы державами "оси" как обоснование своего прихода в Испанию, а если последняя вступит в войну, то последствия будут самыми тяжелыми для нас".

Хотя основные проблемы нашего оперативного плана были уже решены, все же каждый день приходилось вносить в него какие-нибудь небольшие изменения в деталях. И происходило это почти до самого момента отправки судов в районы десантирования.

Одновременно с планированием операции "Торч" проводились инспекционные поездки в войска, чтобы проверить

их обученность и готовность к боевым действиям. Наше заключительное и наиболее крупное учение по десантированию было проведено в Западной Шотландии в условиях отвратительной погоды. В этой поездке меня сопровождала группа штабных офицеров. Итоги наших наблюдений оказались далеко не ободряющими ввиду явного отсутствия опыта и мастерства у судовых команд и экипажей десантно-высадочных средств. Эти суда и десантно-высадочные средства были собраны вместе в последний момент, но мы надеялись и верили, что серьезные ошибки, выявленные в ходе этого учения, не будут повторены в реальных условиях боевой операции. И наши надежды оправдались.

Находясь в этой инспекционной поездке, я получил некоторые сведения, которые заставили меня мысленно вернуться в Америку с ее традиционным для мирного времени безразличием к своей подготовленности к войне. Один войсковой командир сообщил мне, что его часть только что получила последнюю партию "базук", самого лучшего противотанкового вооружения пехотинца. Поскольку его часть на следующий день должна была начать грузиться на суда, он был в полной растерянности, не зная, как научить своих солдат пользоваться этим крайне необходимым оружием. "Я сам ничего не знаю об этом средстве и знаком с ним только понаслышке", - сказал он мне.

В Лондоне теперь мне больше нечего было делать. Я с облегчением закрывал свой рабочий кабинет. Чтобы объяснить мое отсутствие в Лондоне, в ход была пущена версия, что я выехал в Вашингтон. Даже сам президент помогал распространить эту дезинформацию. На самом деле 5 ноября 1942 года мы вылетели в Гибралтар на пяти "летающих крепостях". Там нас встретил губернатор генерал-лейтенант Мейсон Макфарлейн, гостеприимно предложивший нам поселиться в правительственном доме. Из-за ряда мелких упущений подтверждение о прибытии моего самолета в Гибралтар направили в Лондон через несколько часов после того, как туда сообщили о благополучном приземлении остальных самолетов. Это вызвало некоторое оцепенение среди работников штаба, большая часть которых еще оставалась в Англии. Они уже знали, что самолет, который не сумел вылететь вместе с нами, полетел на Гибралтар на следующий день и в полете был атакован двумя немецкими "Юнкерсами-88". Один человек был ранен, однако стрелки "летающей крепости" в конце концов отогнали наседавшие на них вражеские самолеты.

Я направился к туннелю Гибралтарской крепости, где

разместились наши рабочие комнаты, и встретился с адмиралом Каннингхэмом, который прибыл сюда на быстроходном крейсере. Мы вместе стали просматривать сводки о погоде и донесения б движении судов.

Глава 6. Вторжение в Африку

В Гибралтаре наш штаб размещался в самых скверных условиях из всех, в каких мы когда-либо находились за всю войну. Подземные туннели под скалой были единственным местом для размещения наших служб. Там мы установили радиоаппаратуру, с помощью которой надеялись поддерживать связь с командирами трех десантируемых групп. Вечная темень этих туннелей то здесь, то там частично рассеивалась слабыми электрическими лампами. В подземелье стоял сырой и холодный затхлый воздух, который, казалось, никак не реагировал на усиленное журчание электрических вентиляторов. Грунтовые воды просачивались сквозь сводчатые потолки, и крупные падающие капли тоскливо и методически отсчитывали секунды бесконечного, почти невыносимого ожидания начала операции.

Другого места, в котором мы могли бы разместиться, не было. В ноябре 1942 года союзные государства не обладали ни одним пятачком суши во всей Западной Европе, за исключением Гибралтарской крепости, а в районе Средиземного моря у них оставалась только Мальта. Английский Гибралтар сделал возможным вторжение в Северо-Западную Африку. Небольшой аэродром в Гибралтаре на ранних стадиях вторжения служил не только оперативной базой авиации прикрытия, но и промежуточным аэродромом для самолетов, летевших из Англии на Африканский континент. Еще за несколько недель до высадки десантов он был забит истребителями; использовался буквально каждый дюйм земли для размещения техники и горючего. И все это стояло на виду, поскольку не было никакого смысла проводить мероприятия по маскировке. Хуже того, аэродром находился непосредственно у самой границы, вдоль которой была протянута только изгородь из колючей проволоки. В политическом плане Испания склонялась к державам "оси", поэтому она наверняка разрешила какому-то числу их агентов стоять у изгороди и наблюдать за происходящим. Каждый день мы ждали крупного налета вражеских бомбардировщиков, но его не было. Это удивляло и озадачивало нас.

Единственным объяснением такого поведения могло быть то, что, вероятно, хорошо сработали принятые нами меры по введению противника в заблуждение. Нам было известно, что задолго до вторжения страны держав "оси" узнают об усилившейся активности у Гибралтара, но мы надеялись, что

противник придет к заключению, что мы готовим новую, необычную по своему замыслу попытку доставить подкрепления на Мальту, которая многие месяцы находилась в бедственном положении.

И тем не менее, несмотря на угрозу воздушного нападения, мрачную окружающую обстановку и тысячи других непредвиденных обстоятельств, вопреки нашим расчетам, легко могущим возникнуть в этом огромном механизме, который должен был прийти в движение, в самом штабе настроение было бодрым. Пехотинцы, моряки, летчики, собравшиеся здесь, находились в состоянии возбуждения, которое неизменно возникает у человека, когда остаются позади месяцы упорных приготовлений и начинается ожидание исхода смелого предприятия.

Правда, чувствовалась и напряженность. Это было естественно. Ведь через несколько часов союзники узнают о судьбе начальных фаз первой совместной наступательной операции в войне. За исключением нерешительных кампаний, которые продолжались в Западной пустыне вот уже целых два года, и сражения на острове Гуадалканал, во всем мире союзники не были в состоянии предпринять на суше что-либо большее, чем чисто оборонительные усилия. И даже эти наши оборонительные усилия были омрачены трагическими поражениями, из которых Дюнкерк, Батан, Гонконг, Сингапур, Сурабая и Тобрук служили нам тяжелым напоминанием.

В то время когда мы коротали часы, вышагивая по пещерам под гибралтарской скалой, сотни кораблей, сведенные в быстроходные и тихоходные конвои, шли через Северную Атлантику по направлению к общему для всех месту на берегах Северо-Западной Африки. Для десантирования у Алжира и Орана большинству из этих кораблей предстояло проследовать через узкий Гибралтарский пролив: на его берегах находились батареи, которые в любой момент могли открыть огонь. Другие корабли, шедшие непосредственно из Америки, должны были идти прямо на Касабланку и в портовые города к северу и югу от нее.

Корабли этих трех основных караванов шли в водах, которые кишели немецкими подводными лодками. У Гибралтара большинству конвоев предстояло войти в зону действия вражеских бомбардировщиков. Наши войска были наскоро обучены такого рода сложным десантным операциям, большинство из них вообще не имели боевого опыта. Нехватка судов не позволяла взять сразу все войска и боевую технику, необходимые для обеспечения полного успеха. И, разумеется, все это беспокоило нас.

Даже наш перелет из Англии в Гибралтар был рискованным. Нам дважды пришлось откладывать время вылета из-за скверных погодных условий. Прежде чем, наконец, подняться в воздух, офицер, командовавший "летающими крепостями", предназначенными для переброски нашей группы в Гибралтар, преднамеренно поставил меня перед необходимостью принять решение вылетать или не вылетать. Это был единственный случай в моей жизни, когда я оказался в таком положении, так как обычно окончательным является решение авиационного командира. Все это казалось далеко не благоприятной приметой накануне огромного предприятия, но нам не оставалось ничего иного, как пройти и это испытание. Мы летели на небольшой высоте. Когда огромная скала Гибралтара начала, наконец, вырисовываться в легком тумане, мой пилот заметил: "Это первый случай в моей практике, когда я должен набирать высоту, чтобы сесть на взлетную полосу в конце длительного полета!"

Находясь в Гибралтаре, мы уже планировали свою деятельность после успешной высадки десантов, в том числе скорейшую переброску нашего штаба в Алжир. Недостатка в будущих проблемах не было, но каждая из них могла быть решена только при условии успеха начальных фаз десантирования. Таким образом, наши мысли и разговоры неизбежно вновь и вновь возвращались к непосредственному решению этой основной задачи.

Мы ждали три дня. Наконец ночью появились головные корабли и стали проходить через узкий пролив, а мы стояли на затемненных мысах и смотрели, как они идут мимо нас. Все еще никаких сообщений о нападениях подводных лодок или авиации противника! В нас крепла надежда, что противник, придерживаясь своей тактики, которую он в прошлом применял против конвоев, следовавших на Мальту, будет держать свои воздушные, подводные и надводные силы сосредоточенными к востоку от острова Сицилия, предвкушая нанесение мощных ударов по кораблям, когда те подойдут к узкому проходу между Сицилией и африканским побережьем.

В первоначальных планах возможность столкнуться с исключительно тяжелыми погодными условиями у Касабланки являлась одной из тех причин, которые заставляли меня с неохотой согласиться на отправку туда самой крупной оперативной группы. Угроза отмены десантирования в последнюю минуту возле Касабланки была вполне реальной, и если бы это случилось, то оставались бы только две возможности.

Первая заключалась в том, чтобы приказать этому огромному конвою отложить десантирование и просто ходить по кругу в

море недалеко от берегов в ожидании благоприятного момента. Такой вариант имел много недостатков. Во-первых, был бы полностью утерян элемент внезапности в этом районе; во-вторых, корабли оказались бы под угрозой ударов со стороны подводных лодок противника, которые кишели в Бискайском заливе; в-третьих, в значительной степени ослабла бы видимость подавляющей мощи, если не будет одновременного десантирования в районах всех трех портов. И наконец, запасы топлива у кораблей небеспредельны. По второму варианту предусматривалось провести весь западный конвой в Средиземное море, чтобы толпиться в и без того уже переполненном порту Гибралтара. Здесь конвой мог беречь свое топливо и быть готовым направиться в Касабланку для десантирования, как первоначально планировалось, или высадить войска вслед за первым десантом у Орана и затем направить их вдоль железной дороги в северо-западном направлении. Ни тот ни другой вариант не представлял собой удачного решения, поскольку каждый из них требовал быстрого пересмотра и изменения планов, к осуществлению которых уже приступили. Однако, закон вероятности указывал на то, что нам пришлось бы принять одну из этих возможностей.

К вечеру накануне десантирования донесения о погоде, полученные от одной из наших подводных лодок в районе Касабланки, были мрачными, и я принял предварительное решение: если условия не улучшатся, переориентировать западный конвой на Гибралтар. Это серьезно расстроило бы все наши планы, но было бы лучше, нежели бесцельно носиться в океанских водах, увертываясь от вражеских подводных лодок.

Никогда за всю войну я не чувствовал такого облегчения, как тогда, когда на следующее утро получил краткое сообщение, что условия на море у Касабланки сложились не слишком плохие и десантирование идет в соответствии с планом. Я сотворил молитву благодарности - мои сильные опасения рассеялись.

Неожиданные трудности возникли с радиосвязью. На первых стадиях операции союзный штаб должен был полагаться исключительно на радиосвязь с оперативными группами, следовавшими к указанным районам для десантирования, и мы чуть было не пришли в смятение, обнаружив, что наша радиосвязь работает плохо, а иногда и совсем отказывает. Эти неприятности приписывались главным образом перегрузке каналов связи на наших штабных кораблях и в центре связи в Гибралтаре. Однако каковы бы ни были причины, я решил как можно скорее перевести наш штаб на Африканский континент.

Первое донесение о соприкосновении с противником было

огорчительным. Корабль военно-морских сил США "Томас Стоун", следуя в составе конвоя к Алжиру и имея на борту усиленный американский батальон, был торпедирован 7 ноября всего в ста пятидесяти милях от места назначения. Подробностей в донесении не сообщалось, но возможность весьма существенных потерь в людях не исключалась. До сих пор в этом отношении нам удивительно везло, но это не уменьшало беспокойства за судьбу людей на корабле. В тот вечер мы так и не получили никаких дополнительных сведений о судьбе людей, однако позднее стало известно, что инцидент закончился благополучно. Потери оказались небольшими, да и сам корабль получил не очень тяжелые повреждения. Однако солдаты и офицеры, не желая спокойно ждать, когда их отбуксируют в какой-либо порт, с энтузиазмом поддержали решение командира сесть на лодки и на них попытаться своевременно добраться к месту десантирования. Но начавшееся к концу дня сильное волнение на море не позволило им осуществить смелое намерение, и их пришлось взять на борт эсминцев и других кораблей охранения и в конце концов высадить на берег с опозданием примерно на двадцать часов. К счастью, отсутствие этого усиленного батальона не оказало существенного влияния на ход операции.

В тот же день, 7 ноября, я провел самые огорчительные переговоры за всю войну.

Поскольку в Лондоне и Вашингтоне были искренне убеждены, что генерал Жиро мог привести французов Северной Африки в лагерь союзников, в октябре мы через Мэрфи начали переговоры с целью вызволить генерала из Южной Франции, где он, по существу, находился под арестом. Тщательно продуманный план был разработан нашими французскими друзьями и Мэрфи, который вернулся в Африку после тайного визита в Лондон. Генерала Жиро через надежных посредников держали в курсе подготовляемого побега. Несмотря на бдительность немцев и вишистов, в назначенное время он появился на берегу, сел в небольшую лодку и под прикрытием ночной темноты отправился на встречу с находившейся в прибрежных водах английской подводной лодкой под командованием капитана 1 ранга американских ВМС Джеральда Райта. Она с большим трудом нашла генерала Жиро в море. В другом назначенном месте эта подводная лодка встретилась с одним из наших гидропланов, и на нем генерал с тремя своими личными помощниками и группой штабных офицеров полетел в мой штаб во второй половине дня 7 ноября. Этот эпизод, изложенный здесь кратко, на самом деле был захватывающей историей, полной необычайного драматизма.

Генерал Жиро даже и в гражданском платье выглядел

настоящим военным. Ростом более шести футов, прямой, с твердой осанкой и резкий в разговоре и манерах. Это был мужественный, хотя и несколько уставший человек. Однако перенесенные им испытания, в том числе длительное пребывание в тюремном заключении, не укротили его боевого духа.

Очень скоро обнаружилось, что генерал Жиро прибыл 43 Франции в глубоком заблуждении: он думал, что немедленно примет на себя командование всеми экспедиционными силами союзников. Войдя в мой темный кабинет, он представился мне именно в такой роли. Я не мог принять его услуг на таких условиях. Я хотел, чтобы он выехал в Африку, как только мы сможем гарантировать его безопасность, и там взял на себя командование теми французскими силами, которые добровольно сплотятся вокруг него. Мы хотели иметь его на нашей стороне прежде всего потому, что в глубине души постоянно опасались оказаться втянутыми в длительную и серьезную войну против французов, которая не только сильно огорчила бы нас и расстроила бы все планы, но и причинила ущерб всей нашей кампании против немцев.

Генерал Жиро оставался непреклонен: он считал, что затронута его честь и честь его страны, и поэтому, вероятно, не мог принять на себя в этом предприятии пост ниже, чем пост главнокомандующего. Но это было невозможно. Назначение союзного главнокомандующего -процедура сложная, требующая общего согласия военных и политических лидеров соответствующих правительств. Ни один нижестоящий командир экспедиционных сил не нашел бы юридического обоснования, чтобы подчиниться приказам, исходящим от генерала Жиро. Более того, в данный момент в составе союзных экспедиционных сил не было ни одного француза; противником же, если бы таковой появился, могли быть именно французы.

Все это было подробно объяснено генералу. Он был потрясен, разочарован и после многочасовых совещаний нашел необходимым отклонить любое свое участие в этом предприятии. Он сказал: "Генерал Жиро не может согласиться с подчиненным положением в этом командовании - этого не поняли бы мои соотечественники, а моя честь, как солдата, оказалась бы запятнанной". Оставалось только искренне сожалеть, ибо он оставил во Франции свою семью как потенциальных заложников в руках беснующихся немцев, а себя, если присоединится к нам, подвергал огромному риску.

Моими политическими советниками в то время были Фримэн Мэттьюс из американского государственного департамента и Уильям Мак из английского министерства иностранных дел. Они

настолько были обеспокоены таким ходом событий, что предложили номинально назначить генерала Жиро командующим, а за мной сохранить фактическую власть по руководству боевыми действиями. Они считали, что публичное присоединение имени генерала Жиро к этой операции вполне могло означать ее успех. Я не мог согласиться с этим и решил придерживаться линии, что если генерал Жиро не захочет возглавить те французские силы в Северной Африке, которые, возможно, перейдут на нашу сторону в борьбе против Германии, то нам следует проводить кампанию так, как будто мы никогда не встречались и не совещались с ним. Переговоры с генералом Жиро продолжались с перерывами далеко за полночь. Я довольно хорошо понимал французский язык, но тем не менее настоял на том, чтобы во избежание любого неправильного понимания рядом находился официальный переводчик. Когда уже выдохлись более опытные переводчики, генерал Кларк предложил свои услуги. И хотя он говорил по-французски далеко не бегло, переговоры продолжались довольно гладко. Дело в том, что после первого же часа этих переговоров каждый из нас просто снова и снова повторял свои уже изложенные доводы. Когда, наконец, генерал Жиро отправился спать, не было ни малейших признаков изменения в его первоначальных требованиях.

Уходя, он заметил, что в этом деле будет наблюдателем. Однако он согласился встретиться со мной на следующее утро в доме генерал-губернатора. В тот вечер лица политических деятелей при нашем штабе вытянулись.

Прежде чем уйти отдыхать после трудного дня, я направил в Объединенный англо-американский штаб подробное донесение о наших переговорах. Я был признателен за немедленный ответ из этого штаба, в котором меня полностью поддерживали. Заключительная фраза ответа оказалась искаженной, но мы все же смогли прочесть следующее: "...Сожалеем, что вы были вынуждены посвятить так много вашего времени этому делу..." Хорошо, что я не мог предвидеть, сколько времени у меня уйдет в предстоящие недели на раздражавшие и тщетные совещания по североафриканским политическим проблемам!

К счастью, ночной отдых несколько изменил настроение генерала Жиро, и на следующее утро при встрече он заявил, что будет участвовать в операции в той роли, какую мы ему предлагали. Я дал обещание, что, если он добьется поддержки французов, я буду иметь дело с ним как с администратором этого региона до того, как гражданским властям представится возможность выявить волю населения.

В ходе дальнейших переговоров с генералом Жиро

обнаружилось полное расхождение во взглядах относительно того, что необходимо было сделать в стратегическом плане в тот момент. Его точка зрения сводилась к тому, чтобы немедленно наступать на Южную Францию, не обращая никакого внимания на Северную Африку. Я объяснял ему, что наши войска уже высаживались в намеченных пунктах североафриканского побережья, что мы не могли обеспечить авиационную поддержку для десанта, который он предлагал, что союзники не имели в то время достаточного количества судов, чтобы провести необходимое наращивание сил для вторжения на юге Франции, которые выдержали бы давление на них со стороны немцев. Наконец, я объяснил ему, что эта кампания предпринимается на основе таких сложных и детально разработанных планов, что их изменение, какое предлагает Жиро, полностью исключается.

Он не мог понять, почему мы должны иметь в наших руках Северную Африку в качестве базы, почему войска союзников должны твердо и прочно обосноваться в этом регионе, прежде чем осуществить успешное вторжение в южную часть Европы. Он не представлял себе смысла уроков, которые дала война, относительно воздействия авиации наземного базирования на незащищенные с воздуха морские суда и корабли. Вероятно, он не понял в тактическом плане значения потери в юго-западной части Тихого океана двух крупных английских кораблей "Принс оф Уэльс" и "Рипалс", когда их оставили незащищенными от ударов авиации наземного базирования. Более того, Жиро считал, что, если бы союзники выбрали вариант высадки на юге Европы, они могли бы доставить на юг Франции 500 тыс. солдат в пределах двух или трех недель. Ему было трудно понять, что мы предприняли операцию, которая потребовала предельного напряжения наших ресурсов, и что в силу недостаточности этих ресурсов мы должны были тщательно рассчитать наши первоначальные стратегические цели.

В течение ночи и раннего утра 8 ноября поступали оперативные донесения, обнадеживающие по своему тону. Как и ожидалось, при высадке в Алжире наши войска не встретили почти никакого сопротивления. Это произошло главным образом благодаря усилиям Мэрфи, действовавшего через генерала французской армии Маета, и симпатиям к союзникам со стороны генерала Альфонса Жюэна{13}, хотя внешне последний демонстрировал официальную враждебность.

Однако нас не покидала мысль о необходимости как можно скорее выйти в район Туниса. В ночь на 8 ноября я набросал карандашом памятную записку, в которой говорилось: "В восточном секторе мы замедлили темпы продвижения, а нам надо

немедленно идти по направлению - Бон, Бизерта".

У Орана наши войска успешно высадились на берег, однако французы, в частности подразделения их военно-морских сил, оказали ожесточенное сопротивление. В этой схватке американская 1-я дивизия, которой впоследствии предстояло пройти долгий боевой путь, получила здесь боевое крещение. Несмотря на слабую обученность личного состава, 1-я дивизия при поддержке частей 1-й бронетанковой дивизии добилась решающего успеха, и 9 ноября мы уже знали, что вскоре будем иметь возможность доложить о победе в этом районе. 10 ноября сопротивление у Орана полностью прекратилось. Генералы Фридендолл и Терри де ла М. Аллен с честью встретили свое первое боевое испытание.

Мы также знали, что на западном побережье войска высадились успешно, но в дальнейшем от них перестали поступать донесения. Правда, на некоторых участках, особенно у Порт-Лиотей, развернулись ожесточенные бои. Период спокойствия на предательском море длился очень короткое время, и последующая доставка подкреплений была сопряжена с исключительно серьезными трудностями. Я пытался использовать любые возможные средства, чтобы установить связь с командующими на западном участке контр-адмиралом Хьюиттом и генералом Паттоном. Радиосвязь опять отказала, и до нас доходили только неразборчивые сигналы. Мы пытались направить для связи в район Касабланки легкие бомбардировщики, но, после того как французские истребители сбили несколько из них, стало ясно, что этот вариант безнадежен. В отчаянии я спросил адмирала Каннингхэма, нет ли у него быстроходного корабля. К счастью, в Гибралтарском порту в тот момент оказался один из самых быстроходных кораблей, поднимавший пары, чтобы доставить на Мальту крайне необходимый там груз, и адмирал без колебаний предложил воспользоваться мне этим кораблем для установления связи с командованием западной оперативной группы. Я назначил американского контр-адмирала Бернхарда Биерн возглавить группу штабных офицеров на корабле, и в пределах часа группа вышла в море.

Утром 9 ноября генерал Кларк и генерал Жиро вылетели в Алжир, надеясь заключить какое-либо соглашение с французскими властями. Необходимо было добиться прекращения французами боевых действий и заручиться их помощью в планируемых операциях против немцев.

Холодный прием генерала Жиро французами в Северной Африке явился ужасающим ударом по нашим надеждам. Генерала

полностью игнорировали. Он выступил по радио, объявив, что берет на себя руководство Северной Африкой, и дал указание французским силам прекратить бои против союзников, но его обращение не оказало никакого воздействия. Сомневаюсь, что многие французы слышали его выступление. Радиосвязь с Алжиром по-прежнему поддерживалась с большими затруднениями, но в конце концов пришло сообщение: адмирал Дарлан{14} находится в Алжире!

Мы сразу же исключили возможность того, что он прибыл туда, заранее зная о наших намерениях или имея желание помочь в осуществлении задуманного нами плана. Полученные в Оране и Алжире данные свидетельствовали о том, что наше вторжение явилось полной и ошеломляющей неожиданностью для каждого солдата и каждого жителя Северной Африки, за исключенном тех очень немногих людей, которые активно помогали нам. Но даже им не была сообщена точная дата вторжения. Не оставалось никаких сомнений, что Дарлан оказался здесь совершенно случайно; и действительно, он прибыл сюда в связи с тяжелой болезнью своего сына, которого очень любил.

В лице Дарлана мы имели главнокомандующего французскими силами, сражавшимися против нас. Простым и легким ответом был бы его арест. Однако Дарлан имел право отдать необходимые приказы еще очень сильному французскому флоту, находившемуся тогда в Тулоне и Дакаре, и у нас сразу же появилась надежда уменьшить потенциальную угрозу со стороны этого флота на Средиземном море и получить желаемое дополнение к нашим собственным надводным силам. Перед самым моим вылетом из Англии Черчилль искренне заметил: "Если бы я мог встретить Дарлана, хотя я и ненавижу его, я бы с радостью прополз на коленях целую милю, если бы этим самым мог убедить Дарлана привести этот его флот в состав союзнических сил".

Однако у нас была и другая, более неотложная причина попытаться использовать положение Дарлана. В ходе переговоров с французскими военными и гражданскими лицами генерал Кларк очень скоро обнаружил традиционное требование французов создавать какое-либо юридическое прикрытие любым действиям, которые они могут предпринять. Это прикрытие было для военных чем-то вроде амулета; их капитуляция в 1940 году, утверждали они, явилась просто актом лояльности солдат, подчинившихся законным приказам своих гражданских руководителей.

Каждый без исключения французский командир, с которым генерал Кларк имел исчерпывающие беседы, отказывался

предпринимать какие-нибудь действия для перехода со своими войсками на сторону союзников, пока он не получит на то законного приказа. Каждый из них принял присягу на верность маршалу Петэну{15}, имя которого в то время оказывало более глубокое влияние на мышление и поступки людей в Северной Африке, чем что-либо другое.

Все офицеры считали, что они не могут освободиться от этой присяги или отдать приказ другим о прекращении огня, если будут получены соответствующие указания от адмирала Дарлана, их законного командующего, на которого они смотрели как на непосредственного и личного представителя маршала Петэна.

Тогда и в течение многих последующих дней было бесполезно разговаривать с французом, будь он военный или гражданский, прежде всего не признав абсолютного авторитета маршала Петэна. Во всех домах на видном месте висел портрет маршала, а в общественных местах эти портреты были вывешены в обрамлении выдержек из его речей и заявлений. Любое предложение было приемлемо, если только "маршал этого хочет".

Генерал Кларк радировал, что без Дарлана невозможно никакое примирение и что эту точку зрения поддерживает и генерал Жиро, в то время находившийся в тайном укрытии в Алжире. Кларк все время информировал меня о ходе этих переговоров, насколько это удавалось ему, но было ясно, что он испытывает серьезные трудности в своих усилиях убедить французов прекратить бои с нашими войсками. Будучи занят всеми этими проблемами, я получил депешу от своего начальника штаба, временно оставшегося в Лондоне, в которой он отмечал, что ввиду достигнутых первоначальных успехов и вполне ясного исхода операции "Торч" к нему поступило предложение от высших инстанций, чтобы мы прекратили запланированное наращивание сил для операций в Северной Африке и приступили к решению других стратегических задач. К концу войны я привык к этой тенденции, проявлявшейся у отдельных деятелей в глубоком тылу, переоценивать первоначальные успехи и сбрасывать со счетов будущие трудности. Однако в данный момент эта депеша вывела меня из равновесия, и я быстро набросал ответ, из которого привожу выдержку:

"Решительно против сокращения сил, запланированных для операции "Торч". Обстановка еще не выкристаллизовалась. Наоборот, в Тунисе положение опасное. Страна полностью не умиротворена, коммуникации приобретают первостепенную важность, а два основных порта в Северной Африке заблокированы. Каждое усилие, предпринимаемое с целью

обеспечения организованного и эффективного сотрудничества французов, наталкивается на переплетение политических и личных интриг, и в действительности складывается определенное впечатление, что никто не хочет ни воевать, ни искренне сотрудничать с нами.

Вместо разговоров о возможном сокращении нам следует искать пути и средства для скорейшего наращивания сил, чтобы очистить Северную Африку. По стратегическим вопросам нам следует строить планы на будущее в обычном порядке, но, ради бога, давайте закончим одно дело, не затевая других одновременно. Мы потеряли много судов за последние три дня, а обеспечение конвоев воздушным прикрытием остается крайне трудным делом. Не исчезла угроза немецкого вмешательства через Испанию.

Я не боюсь призраков и не поднимаю ложную тревогу. Я просто настаиваю вот на чем: если начатое нами дело выглядит обнадеживающим, то как раз время развивать наши усилия, а не ослаблять их. Мы только что приступили к осуществлению огромного предприятия. Хорошее начало не должно быть подорвано принятием на себя ничем не обоснованных обязательств".

В тот день, 12 ноября, генерал Кларк сообщил, что Дарлан, очевидно, является единственным французом, который мог обеспечить нам сотрудничество в Северной Африке. Я понял, что этот вопрос требовал быстрого урегулирования на месте. Передача его для решения в Вашингтоне и Лондоне привела бы к неизбежным задержкам, а в это время нам пришлось бы расплачиваться большой кровью, и мы потеряли бы шансы на достижение соглашения мирным путем включить французские войска в состав наших экспедиционных сил.

Мы уже имели письменные приказы от наших правительств о сотрудничестве с любой французской администрацией, какую мы застанем в момент нашего вступления в Африку. Более того, в данный момент тот вопрос был чисто военным. Если конечные политические последствия приобретали бы настолько серьезный характер, что появилась бы необходимость принести кого-то в жертву, то логика и традиции все равно требовали бы от командира в бою взять на себя всю ответственность за свои действия. За допущенные ошибки меня могли бы снять с поста, но я был убежден, что только быстрое решение этого вопроса могло сохранить существенное единство усилий двух народов и своевременное достижение военных целей.

Мы трезво и честно обсудили все возможности, помня при этом, что основополагающие приказы требовали от нас идти в

Африку, чтобы приобрести там союзника, а не убивать французов.

Я хорошо понимал, что любая сделка с вишистом вызовет сильнейшее возмущение тех людей в Англии и Америке, которые не знают суровых реальностей войны; поэтому я решил ограничить свое решение этого вопроса сугубо местными военными аспектами. Взяв с собой адмирала Каннингхэма, 13 ноября я вылетел в Алжир и по прибытии туда сразу же начал совещание с генералом Кларком и американским генеральным консулом в этом районе Мэрфи. Это была моя первая встреча с Мэрфи со времени его тайного визита в Лондон несколько недель назад.

Они детально доложили обо всех событиях, имевших место в последнее время. 10 ноября Дарлан направил всем французским командирам приказ прекратить бои с союзными войсками. Петэн из Виши немедленно объявил этот приказ недействительным и отстранил Дарлана от должности. Тогда Дарлан решил отменить свой приказ, однако Кларк не позволил ему этого сделать. Затем в Алжире было получено сообщение, что немцы вторглись в Южную Францию, и теперь Дарлан заявил, что, поскольку немцы нарушили условия перемирия 1940 года, он готов сотрудничать с американцами. Между тем генерал Жиро, вначале потрясенный тем, что местные французы не пошли за ним, пришел к убеждению, что Дарлан единственное французское официальное лицо в этом регионе, которое может склонить Северную Африку на сторону союзников. Когда немцы вступили в Южную Францию, Жиро направился к Дарлану, чтобы предложить свое сотрудничество. Сражение возле Касабланки по приказу Дарлана прекратилось, в других местах бои закончились еще до поступления туда этого приказа. Французские офицеры, которые открыто помогали нам, в том числе генералы Бетуар и Мает, находились временно в опале - они были бессильны что-либо сделать.

После исчерпывающего обзора всей обстановки Мэрфи сказал: "Весь вопрос теперь превратился в чисто военную проблему. И вам нужно будет дать на нее ответ".

Когда мы приблизились к окончательному решению этой проблемы, он полностью отошел в сторону и только иногда выступал в роли переводчика. Я оказался перед необходимостью определить, что было важнее для войск союзников: заключить перемирие (и тем самым выиграть время и сохранить жизнь многих солдат и поскорее выработать реальные условия сотрудничества с французами) или просто арестовать Дарлана. Этот акт наверняка сопровождался бы продолжением боевых действий и дальнейшим усилением враждебности между

французами и союзниками. Местные французские должностные лица все же формально являлись чиновниками нейтральной страны, и пока наши правительства не проявляли готовности объявить Франции войну, у нас не было никаких юридических или иных прав деспотически, в нацистском стиле, создавать здесь марионеточное правительство по своему желанию. Достигнутое соглашение было потом закреплено специальным документом, в котором в общих чертах определялась помощь французов союзным войскам. Согласно этому документу, главнокомандующему союзными войсками на дружественной неоккупированной территории предоставлялись все необходимые юридические права и привилегии для осуществления руководства войсками и боевыми операциями. Нам гарантировалось беспрепятственное использование портов, железных дорог и других сооружений.

Союзники просто констатировали, что если французские войска и гражданское население подчинятся приказам Дарлана о военном сотрудничестве с ними, то они не будут мешать осуществлению французского административного контроля над Северной Африкой. Наоборот, они подтверждали свое намерение сотрудничать с французами в деле обеспечения порядка. В документе не было никаких обязательств для наших правительств относительно какого-либо политического признания местной администрации, и Дарлан просто уполномочивался на основе добровольного согласия местных официальных лиц и по договоренности с нами взять в свои руки французские дела в Северной Африке, пока мы будем заняты очищением от немцев этого континента. Он также согласился поставить нашего друга генерала Жиро во главе всех французских военных сил в Северо-Западной Африке.

Важным обстоятельством было то, что мы не могли осуществить военную оккупацию, для чего нам потребовалось бы прекратить всякие действия против держав "оси". Арабское население тогда сочувственно относилось к французскому режиму Виши, который лишил евреев всяких прав в этом регионе, а восстание арабов против нас, которое немцы определенно попытались бы спровоцировать, было бы для нас катастрофическим. Наше намерение состояло в том, чтобы заполучить Северную Африку только в качестве базы для продолжения войны против Гитлера. Юридически наше положение в Африке отличалось от нашего последующего статуса на острове Сицилия, так же как статус в Сицилии отличался от нашего положения в Италии и позднее в Германии. Теоретически мы находились в стране союзника. Фактическая же цель

обязательств Дарлана сводилась к тому, чтобы признать за нами доминирующее влияние в этом регионе. Но мы должны были использовать такое влияние умело, чтобы избежать неприятных осложнений.

Во французских войсках приказам Дарлана подчинялись в противоположность пренебрежению, с которым воспринимались сделанные раньше заявления генерала Жиро. Дарлан остановил бои на западном побережье, где войска Соединенных Штатов уже сосредоточивались против оборонительных рубежей у Касабланки и готовились к общему штурму. Опыт же генерала Паттона в Марокко подсказывал, что это вылилось бы в кровопролитный бой.

Окончательное соглашение с представителями французских военных сил, возглавляемыми Дарланом, было достигнуто в Алжире 13 ноября. Адмиралу Каннингхэму и мне пришлось возвращаться в Гибралтар вечером в плохую погоду. Мы долго кружили над аэродромом в полной темноте, делая тщетные попытки посадить самолет. Я не видел выхода из этого затруднительного положения и все думал о том, что нашему пилоту, молодому лейтенанту, придется больше полагаться на свое умение, чем на приборы, чтобы осуществить благополучную посадку, которую с трудом в конце концов удалось совершить.

Этот случай ускорил выполнение ранее принятого мною решения перенести наш штаб в Алжир. Это вызвало панику у офицера службы связи, который сказал, что он не сможет обеспечить связь в Алжире раньше Нового года. Но мы переехали туда 23 ноября.

Разумеется, официальные донесения о всех политических проблемах мы периодически представляли нашим двум правительствам. Тем не менее немедленно начавшаяся критика в прессе двух стран приобрела столь сильный характер, что вынудила как президента, так и премьер-министра запросить от нас более полного объяснения. Они получили его в форме длинной телеграммы, которой дали широкое хождение среди правительственных чиновников в Вашингтоне в Лондоне. Даже после долгого ретроспективного изучения той обстановки я мог бы теперь очень немного добавить к этому объяснению. Я здесь цитирую его, лишь перефразировав предложения в соответствии с требованиями сохранения тайны кода:

"14 ноября.

Полностью понимаю удивление в Лондоне и Вашингтоне тем оборотом, который приняли переговоры с французами в Северной Африке. Существующие здесь настроения среди французов даже отдаленно не соответствуют нашим расчетам, которыми мы

руководствовались прежде. Излагаемые ниже факты имеют прямое отношение к существу вопроса, и в данном случае важно, чтобы никакие поспешные действия у вас, дома, не нарушили того равновесия, которого нам удалось добиться здесь...

Имя маршала Петэна представляет собой здесь нечто такое, с чем приходится считаться. Каждый пытается создать впечатление, что он живет и действует в тени маршала. Гражданские и военные руководители согласны с тем, что только один человек имеет право действовать от имени маршала в Северной Африке. Это Дарлан. Даже Жиро, который был нашим доверенным советником и твердым другом со времени первых совещаний с ним, в итоге которых он вынужден был примириться с реальной действительностью, признал это соображение доминирующим и соответственно с этим изменил свои намерения.

Сопротивление, с которым мы вначале столкнулись, было оказано на основе убеждения французов всех рангов, что таково желание маршала. По этой причине Жиро кажется им виновным по меньшей мере в определенном нарушении субординации, когда он настаивал не оказывать сопротивления нашей высадке на берег. Генерал Жиро понимает это и, по-видимому, отчасти сочувствует всеобщему настроению. Все, кого это касается, говорят, что готовы помочь нам при условии, что Дарлан скажет, что делать, но они не хотят следовать указаниям, исходящим от кого-либо другого. Адмирал Эстева в Тунисе заявляет, что подчинится приказам Дарлана. Ногес прекратил сражение в Марокко по приказу Дарлана. Поэтому в этих вопросах невозможно избежать признания положения Дарлана...

Суть соглашения заключается в том, что французы сделают все, что смогут, чтобы помочь нам захватить Тунис. Группа Дарлана будет налаживать эффективное сотрудничество и начнет под руководством Жиро реорганизацию отдельных воинских частей для их участия в войне. Эта группа использует любую возможность, чтобы получить флот, стоящий у Тулона. Мы будем поддерживать эту группу в вопросах управления страной и ее умиротворения, а также в оснащении отобранных частей. Детали все еще обсуждаются...

Наша надежда на быстрый захват Туниса и получение здесь поддержки со стороны населения не может быть осуществлена, пока не будет принято общее соглашение в тех рамках, которые мы только что определили с Дарланом и другими должностными лицами, контролирующими административный механизм региона и племена в Марокко. Жиро теперь понимает, что сам он ничего не сможет сделать, даже при поддержке союзников. Он с радостью принял пост военного начальника в группе Дарлана. Он

считает, что сейчас его имя не следует упоминать, пока не пройдет несколько дней. Без сильного французского руководства нам пришлось бы пойти на военную оккупацию здесь. Потеря времени и расходы ресурсов оказались бы огромными. Генерал Паттон считает, что только в Марокко потребовалось бы 60 тыс. союзных войск, чтобы держать племена в спокойствии. Принимая во внимание тот эффект, который оказали бы волнения племен на Испанию, вы можете себе представить, какие у нас здесь проблемы".

Ни разу в течение длительных переговоров Дарлан не сказал доверительно, что он может добиться перехода тулонского флота на нашу сторону. Он думал, что, возможно, из-за нехватки топлива, а также из-за неразберихи и неопределенности, которые, безусловно, воцарятся в Южной Франции, командующий флотом фактически не попытается вывести флот в море и присоединиться к нам, но он заявил со всей убежденностью, что французский адмирал в Тулоне никогда не допустит, чтобы его корабли попали в руки немцев. Он это повторял вновь и вновь, и последовавшие события подтвердили, что это так и было.

С другой стороны, Дарлан был уверен, что адмирал Эстева, командующий французскими силами в Тунисе, присоединится к остальным французам в Северной Африке, соблюдая любые приказы, какие бы он ни отдал. Длительность переговоров в Алжире подрывала эту нашу большую надежду. Это обстоятельство вызывало неопределенность у адмирала Эстева, который, будучи информирован о характере происходивших тогда переговоров в Алжире, получал также приказы из Виши оказывать сопротивление союзникам и, как нам говорили, пустить немцев в подведомственный ему район. Военные руководители в том регионе, генералы Кельтц в Алжире и Барре в Тунисе, находились в таком же состоянии нерешительности, а генерал Кельтц, как информировали нас, был определенно против какого-либо соглашения с союзницами.

В этих условиях сомнений и нерешительности французов немцы начали высаживаться в районе Туниса. Первый контингент немецких войск прибыл туда по воздуху днем 9 ноября. Начиная с этого момента они стремились как можно быстрее доставить сюда подкрепления, и к тому времени, когда было достигнуто временное соглашение с Дарланом в Алжире, адмирал Эстева уже не имел возможности действовать самостоятельно. Во время последнего телефонного разговора между ним и французским чиновником в Алжире он сказал: "Теперь у меня есть опекун". Мы это восприняли как намек на то, что немцы фактически уже держали его заложником. Наряду с этим генералы Кельтц и Барре

без колебаний подчинились приказам Дарлана. Первый, в частности, в дальнейшем стал прекрасным боевым командиром в союзных войсках.

После получения моей телеграммы в Лондоне и Вашингтоне оба правительства информировали меня, что будут поддерживать достигнутую нами договоренность до тех пор, пока ее условия будут добросовестно выполняться французами и пока боевые действия в Африке не подойдут к концу.

Эта договоренность, конечно, совершенно отличалась от той, на какую мы рассчитывали, еще будучи в Лондоне. Однако наши правительства ошиблись не только в отношении сильных личностей и их влияния в Северной Африке, но и в оценке настроений среди местного населения. Они полагали, что французы в этом регионе край" не возмущены вишистско-нацистским господством и с распростертыми объятиями встретят как избавителей любые силы союзников, которые сумеют укрепиться в этой стране. Первая немецкая бомбардировка Алжира, а их было много, доказала ошибочность такого предположения. Конечно, там было много патриотов, а после победы в Тунисе их число увеличилось, но в те первые дни нашего рискованного положения и ночных вражеских бомбардировок скрытое настроение, о котором постоянно докладывали мне, выражалось словами: "Зачем вы принесли эту войну нам? Мы были довольны своей жизнью, а теперь вы пришли сюда, чтобы нас всех убили". В своем последнем донесении, написанном уже после завершения кампании, генерал Андерсон отметил следующее об этих первоначальных настроениях местных жителей:

"Многие мэры, начальники станций и почт, а также другие чиновники на ключевых постах, с кем мы имели дело по мере продвижения наших войск (например, гражданские телефонные линии вначале были моим основным средством связи с передовыми частями и штабом союзной авиации), относились к нам холодно и не решались открыто присоединиться, а некоторые были просто враждебно настроены. В целом я могу с уверенностью сказать, что на первых порах в армии старшие офицеры колебались и опасались связать себя с союзниками, а младшие офицеры в основном склонялись к поддержке союзных войск. Солдаты подчинялись приказам, среди арабской части населения проявлялось безразличие или враждебность, французы относились благосклонно, но апатично. У меня сложилось убеждение, что безопасность моей небольшой изолированной группировки не была бы обеспечена, если бы я потерпел в бою серьезную неудачу".

Такие настроения в корне отличались от мнения наших правительственных кругов, считавших, что народ Северной Африки при появлении там союзных войск единодушно поднимется против вишистов, находящихся под контролем нацистов.

В итоге принятия Дарланом административного руководства в Северной Африке и его влияния во Французской Западной Африке крупный центр Дакар вскоре оказался в руках союзников. Губернатором Западной Африки был Пьер Буассон, старый солдат, потерявший ногу и слух в Первую мировую войну и искренне ненавидевший все немецкое. Он был фанатически предан Франции и считал своим основным и единственным долгом сохранить Французскую Западную Африку для Французской империи. Несколько ранее в ходе этой войны он отбил попытки английских войск и сил "свободных французов" высадиться у Дакара, заявив, что будет сражаться с любым противником, который посмеет вторгнуться на подопечные ему территории. Однако в связи с вторжением немцев в Южную Францию он объявил о своей готовности подчиниться военным приказам, исходящим от меня и передаваемым ему через адмирала Дарлана, никого больше он не признавал.

Поскольку Дакар в то время находился за пределами моего района боевых действий, где мне и без того хватало забот по ведению кампании, а также в силу того, что английская и американская пресса проявляла серьезное беспокойство по поводу военного урегулирования, которое я осуществил с Дарланом, я напомнил моим начальникам, что обеспечение выполнения Буассоном условий общей капитуляции не входит в мои обязанности и я в этом деле не буду принимать никакого участия, если на то не будет приказа. Тем не менее я доложил им, что мог бы обратиться к руководителям в Дакаре, и сообщил им о заявлении Буассона. На это я очень скоро получил указания, суть которых сводилась к тому, чтобы я обеспечил переход западноафриканского региона на сторону союзников точно так же, как я это сделал в Северной Африке.

Мое решающее совещание с губернатором Буассоном граничило с драматической развязкой. Предстояло решить много важных деталей. В Западной Африке было интернировано большое число английских моряков, высадившихся там с кораблей, потопленных в ходе войны. Англичане настаивали на их немедленном освобождении, а Буассон выдвигал свое контртребование, настаивая на прекращении радиопропаганды, которую вели "свободные французы" из соседних районов, граничивших с Западной Африкой. Он говорил, что эта

пропаганда постоянно обвиняла его и его правительство во всякого рода преступлениях и вызывала осложнения " местным населением. Он настаивал, чтобы английское правительство приказало немедленно прекратить такую пропаганду. Возникали и другие аналогичные вопросы, однако ни один из них не находил своего отражения в том документе, который нужно было подписать. На совещании присутствовали Дарлан и другие французские должностные лица, а также Мэрфи и несколько сотрудников моего штаба. По мере обсуждения возбуждение его участников усиливалось, и казалось, что все французы говорят одновременно. Наконец я отвел губернатора Буассона, немного понимавшего по-английски, в угол, чтобы лично переговорить с ним, и сказал ему примерно следующее:

"Губернатор, я не имею возможности сообщить вам в деталях, что намерено сделать как английское, так и американское правительство. Но я могу с уверенностью сказать следующее: оба моих правительства дали мне указание заключить с вами соглашение на общей основе, что Французская и Западная Африка присоединятся к Северной Африке в войне против держав "оси". Мои правительства заявили, что не будут вмешиваться в ваши местные дела. Они ожидают от нас такого же сотрудничества, что и от любого другого дружественного региона, а это влечет за собой немедленное освобождение любого из наших граждан, который может быть интернирован в вашем районе. Они попытаются прекратить любую пропаганду, которая может быть направлена против вас и вашего режима, и они, несомненно, используют добрые услуги, чтобы другие сотрудничающие организации, в том числе "свободные французы" под руководством генерала де Голля, также прекратили эту практику. Однако очевидно, что в этом вопросе они не могут приказывать генералу де Голлю. Мы хотим использовать воздушные трассы через ваш район и желаем, чтобы вы были на нашей стороне. Потребуются недели, чтобы каждую из этих мелких деталей урегулировать, а мы не можем зря тратить время. Вы подпишите соглашение, а я заверяю вас моей честью солдата, что сделаю все, что в человеческих силах, чтобы общие соглашения, достигнутые между нами, выполнялись на основе сотрудничества, как того желают оба мои правительства именно так, как это мы делаем в Северной Африке. Пока меня держат на этом посту оба мои правительства, вы можете быть уверены, что дух нашего соглашения никогда не будет нарушен союзниками".

Не сказав ни слова, он подошел к моему столу и, в то время как в комнате продолжались споры, сел и поставил свое имя под соглашением. Как только он подписал, я спросил его:

"Губернатор, когда наши самолеты могут начать пользоваться аэродромом у Дакара?" Он взглянул на меня и ответил по-французски: "Только сейчас". В своих дальнейших замечаниях Буассон подчеркивал важность, которую он придавал моим заверениям как солдата избежать ненужного беспокойства французских институтов в Западной Африке и помочь реорганизации французской армии для ее участия в войне на нашей стороне. Легко было ошибиться в оценке французской проблемы, какой она тогда была. Только терпение и настойчивость могли принести нам ценного и в конечном счете демократического союзника. Насилие и пренебрежение чувством достоинства французов не дали бы ничего, кроме разлада и справедливых обвинений в том, что мы тоже нацисты.

В силу мощи нашего оружия и признания временной французской администрации в Северной Африке боевые действия во всем районе западнее Алжира к 12 ноября прекратились.

Иное положение сложилось в восточном секторе - в Тунисе. Глава 7. Зима в Алжире

Минимальная цель вторжения в Северную Африку состояла в захвате главных портов между Касабланкой и Алжиром, чтобы не дать державам "оси" использовать их в качестве баз для подводных лодок, и после овладения этим районом мы должны были наступать в восточном направлении в сторону английских войск, действовавших в пустыне. Достигнутый в первые дни успех обеспечил нам осуществление этой цели, и мы немедленно сосредоточили все наши усилия на более крупной задаче - наладить взаимодействие с войсками генерала Гарольда Александера, которые в то время находились на противоположном конце Средиземного моря в 1200 милях от нас. Мы должны были уничтожить все силы держав "оси", находившиеся между нами в Северной Африке, и открыть море для союзного судоходства.

23 октября в Египте генерал Александер направил английскую 8-ю армию под командованием генерала Бернарда Монтгомери в наступление против вражеской обороны у Эль-Аламейна, и в пределах двух недель противник был обращен в паническое бегство в западном направлении, преследуемый победоносными англичанами. Если бы мы могли наступать на линии коммуникаций держав "оси", мы превратили бы эту блестящую тактическую победу английской армии в еще больший стратегический выигрыш.

Английские воздушные и военно-морские силы, базировавшиеся в Египте и на Мальте, лишали державы "оси" каких-либо надежных линий коммуникаций через Средиземное

море к востоку от Триполи.

Занятие нами позиций во Французской Северной Африке к западу от Бона фактически установило западную границу на море, дальше которой державы "оси" не могли безнаказанно осуществлять судоходство. Таким образом, в распоряжении Гитлера и Муссолини оставались только те порты, которые находились между Боном в Тунисе и Триполи в Северо-Западной Ливии, через которые они могли поддерживать войска Роммеля. Любое наступление союзников с того или иного фланга привело бы к дальнейшему сужению каналов снабжения войск держав "оси", а при продолжении этого процесса дело закончилось бы фактическим удушением армии Роммеля и его итальянских союзников.

Авиация держав "оси" на Сицилии, на острове Пантеллерия и в Южной Италии была еще настолько сильна, что исключала возможность наступательных действий военно-морских сил союзников в этом регионе; чтобы полностью перерезать коммуникации держав "оси", требовалось предпринять наступление по суше, создать передовые авиабазы и непрерывно наращивать авиационную мощь.

Однако наиболее важными африканскими портами, имевшимися в то время у держав "оси", были Бизерта и Тунис, второстепенными - Сфакс и Габес, находившиеся дальше к югу. Триполи сам по себе вполне хороший порт, по суда держав "оси" должны были проходить туда почти под прицелом орудий на Мальте, где английская авиация тоже становилась достаточно сильной, чтобы наносить жестокие потери вражескому судоходству. Было ясно, что если бы удалось быстро захватить порты Тунис и Бизерта, то дальнейшая доставка подкреплений войсками держав оси в Африке оказалась бы почти невозможной и их уничтожение стало бы неизбежным.

Поэтому наша главная стратегическая задача состояла в быстром захвате Северного Туниса. Этим мы руководствовались при осуществлении каждого предпринимаемого мероприятия как военного, экономического, так и политического характера. При всей сложности обстановки и тех постоянных трудностях, которые обычно следуют буквально по пятам за пехотинцем на поле боя, мы никогда не забывали об этой задаче и были убеждены, что выполнение ее будет означать конец державам "оси" в Африке.

Первый шаг был предпринят в середине ноября, когда мы все еще уговаривали Дарлана в Алжире дать приказ французам о прекращении огня против наших войск и о сотрудничестве с нами. Английская 1-я армия Андерсона была соответствующим

образом сформирована для осуществления специфичной кампании в восточном направлении" с использованием Алжира в качестве исходной базы. Андерсон получил указание направить все усилия на быстрейший захват Бизерты и Туниса. Однако он столкнулся с очень серьезными трудностями.

Первой из них была общая слабость его группировки. Нехватка судов не позволяла нам доставить сюда необходимые силы, которые быстро разрешили бы эту проблему.

Поэтому осуществление планов генерала Андерсона нужно было больше основывать на быстроте и решительности, чем на численности войск.

Второй трудностью была огромная нехватка автотранспорта, которая еще больше усугублялась из-за очень плохого состояния одноколейной железной дороги от Алжира к Тунису, протянувшейся на такое расстояние, как от Нью-Йорка до Кливленда.

Третьей серьезной проблемой оказалась погода. Вскоре неожиданно начались дожди, а поскольку ни один из разбросанных аэродромов, которые мы собирались использовать, не имел бетонных взлетно-посадочных полос, наши небольшие воздушные силы столкнулись с огромными трудностями и по нескольку дней подряд почти совершенно не действовали. В этом отношении положение противника было значительно лучше, поскольку его крупные аэродромы у Бизерты и Туниса были приспособлены для действий при любых погодных условиях.

Следующим преимуществом для противника была близость Туниса к Сицилии и Италии. На второй день после того, как мы начали высаживать десанты в Северо-Западной Африке, державы "оси" начали потоком доставлять свои войска в Тунис.

Еще одной трудностью на начальном этапе этой операции было неясное отношение к нам со стороны французских сил, находившихся в районе между Константиной и Тунисом. Этими войсками командовал генерал Барро, и в то время, когда генерал Андерсон начал свое продвижение, не было известно, будут ли эти войска и местное население оказывать активное сопротивление или сотрудничать с ним в наступлении к Тунису.

В таких условиях только такой исключительно исполнительный и смелый командир, как Андерсон, мог взяться за выполнение этой операции. В ответ на мои настоятельные требования он начал боевые действия 11 ноября, сразу же, как только высадился на берег.

Учитывая, что войска генерала Андерсона были укомплектованы почти исключительно англичанами, я всегда находил удивительным то, что он не произнес ни одного слова

возражения, принимая этот приказ от американца. Он был истинным союзником и мужественным солдатом. Из Алжира по суше и морю он направил войска на восток и в результате серии быстрых бросков захватил порты Джиджелли, Филинвиль и Бон и, одновременно продвигаясь в глубь страны, подошел к городам Сетиф и Константина. Авиация и подводные лодки держав "оси" постоянно наносили удары по нашим судам и небольшим гаваням, которые мы захватили, но никогда не было проявлено никаких колебаний ни со стороны адмирала Каннингхэма, командовавшего союзными военно-морскими силами, ни со стороны генерала Андерсона, продолжавшего свое продвижение, несмотря на все опасности. Из района Бон и Константина английская 1-я армия двинулась дальше на восток через Сук-Ахрас и Сук-эль-Арба, где она впервые вошла в соприкосновение с сухопутными силами держав "оси".

Переводя свой штаб из Гибралтара в Алжир 23 ноября, я воспользовался этим случаем, чтобы совершить инспекционные поездки в войска. На аэродроме у Орана я натолкнулся на такие условия, которые мучили нас всю тяжелую зиму. Мы успешно сели на взлетно-посадочную полосу с твердым покрытием, но затем из-за непролазной грязи не могли отвести самолет в сторону. Тогда солдаты подвели большой трактор, подложили огромные доски под колеса нашей "летающей крепости" и после этого оттащили ее на несколько ярдов от посадочной полосы, чтобы другой прибывающий самолет мог сесть. Операции по высадке войск закончились, и я провел утро, знакомясь с проблемами снабжения, размещения личного состава и питания.

По прибытий в Алжир в тот вечер я обнаружил, что отданные ранее распоряжения усилить армию Андерсона любыми американскими частями, находящимися в районе Орана, не были выполнены с должной оперативностью. В штабе, когда я вернулся, находился бригадный генерал Лунсфорд Оливер, командир боевого командования "Б" американской 1-й бронетанковой дивизии. Произведя разведку дорог, он установил, что железнодорожная линия не может обеспечить быструю доставку его войск в нужный район, и теперь добивался разрешения перебросить часть его войск на полугусеничных машинах за семьсот миль между Ораном и Сук-эль-Арба. Штабной офицер, к которому он обратился, хорошо знал технические возможности этих машин и отказал в его просьбе на основании того, что в итоге покрытия такого расстояния полугусеничные машины израсходуют половину своего ресурса.

Этого молодого штабного офицера нельзя было порицать за такое решение. Ему на протяжении всей его службы в мирное

время усердно внушали мысль о необходимости постоянной экономии, о недопущении расточительства. Тренировка в мирное время была возможна, как это было хорошо известно ему, только тогда, когда расходы логичны. Он еще не усвоил основных суровых реальностей войны и не понял, что каждое позитивное действие требует затрат. Вся задача состоит в том, чтобы определить, как во времени и пространстве расходовать материальные средства для достижения максимальных результатов. Когда это сделано, материальные средства должны быть пущены в дело щедрой рукой, особенно если их стоимость может быть измерена ценою сохранения жизни солдат.

Настойчивость генерала Оливера, его желание побыстрее добраться до поля сражения, его мольбы скорее разрешить ему мучительный марш произвели на меня большое впечатление. Через каких-нибудь пять минут он уже действовал в соответствии с теми приказами, каких добивался.

В эту и следующую ночь Алжир подвергался непрерывным бомбардировкам. Самолеты противника появлялись последовательно небольшими группами, но беспрерывный грохот взрывов не давал возможности уснуть, и отсутствие ночного отдыха вскоре отчетливо отразилось на лицах работников штаба. Основными объектами налетов были наши корабли в гавани в четверти мили от нашего отеля. Падавшие на город бомбы вызывали некоторые человеческие жертвы, среди местных жителей началась паника.

Противовоздушная оборона союзников только начинала развертываться; одно из наших судов, на котором везли основное техническое оборудование для управления истребителями противовоздушной обороны, было в пути потоплено немецкими подводными лодками. Однако к концу месяца мы частично выправили положение, и, после того как люфтваффе получили несколько ощутимых ударов, немецкие самолеты почти прекратили налеты на наши основные порты. Однажды ночью мы получили неоспоримое доказательство того, что экипажи вражеских бомбардировщиков стали побаиваться нашей противовоздушной обороны. Мы перехватили радиограмму от командира бомбардировочной эскадрильи, в которой тот сообщал на свою базу следующее: "Бомбы сброшены на Алжир, как было приказано". Но мы знали, что он сбросил их в море в тридцати милях от берега, потому что в это время наш истребитель завязал с ним бой. Такое свидетельство падения морального духа противника радовало наших людей и поднимало их настроение.

После трех дней интенсивной работы в штабе я выехал на фронт на автомашине, взяв с собой генерала Кларка. Ввиду

господства противника в воздухе езда на машинах в прифронтовой полосе была опасным делом. Наблюдатели внимательно следили за небом, и появление любого самолета было сигналом покинуть машину и укрыться. Иногда, разумеется, самолет оказывался своим, но никто не решался мчаться вперед, пока не убеждался, что это действительно свой самолет. Все мы стали настоящими специалистами по распознаванию воздушных целей. Водители машин, саперы, артиллеристы и пехотинцы все время должны были следить за воздухом. Их неприязнь к такому положению отражалась в постоянных сетованиях: "Где же наша проклятая авиация? Почему мы видим в небе только фрицев?" При господстве противника в воздухе наземные войска всегда готовы проклинать своих летчиков.

Кларк и я застали Андерсона за Сук-Ахрасом, где все говорило о непрерывных и тяжелых боях. Почти в каждой беседе с встречавшимися на дороге солдатами я обнаруживал удивительные преувеличения: "Беджа разнесена в щепки бомбардировкой!", "Никто не сможет выжить на следующем участке дороги!", "Нашим войскам наверняка придется отступить!", "Люди не смогут выдержать в этих условиях!". И тем не менее в целом моральное состояние было хорошим. Преувеличения были не чем иным, как желанием отдельных людей рассказать другим о том, что они испытали на себе все ужасы и разрушения и выжили, но у них по было никаких помыслов уйти отсюда.

Солдаты и командиры не имели боевого опыта, но по смелости, мужеству и стойкости войска генерала Андерсона не уступали самым закаленным в боях ветеранам. Условия были физически почти невыносимые. Непролазная грязь с каждым днем усиливалась, все боевые действия велись вдоль дорог, которые на больших участках практически оказались полностью разрушенными. Зимние холода уже опускались на Тунисское нагорье. Доставка на фронт продовольствия, боеприпасов и другого боевого снаряжения превратилась в задачу, посильную для Геркулеса. И несмотря на все эти трудности и слабые силы, генерал Андерсон, войска которого насчитывали всего около трех пехотных и одну танковую бригаду с устаревшей техникой, шел вперед, занял Сук-эль-Хемис, Беджу и вышел к району, откуда уже были видны окраины Туниса.

После первого соприкосновения с противником бои с каждым днем принимали все более ожесточенный и упорный характер. Противник подбрасывал подкрепления более быстрыми темпами, чем мы.

Еще в самом начале я решил идти на дополнительный риск

ослабления наших тылов, чтобы усилить войска Андерсона. Нехватка транспортных средств не позволяла сразу подвезти к фронту сильные подкрепления, и мы были вынуждены вводить их в бой мелкими частями, а опасность такого метода использования подкреплений очевидна даже самому неопытному новобранцу. Не было недостатка и в советчиках, предостерегавших меня относительно общественной реакции на "растранжиривание" американской армии. Меня часто спрашивали: "Как Першинг создал себе репутацию в Первую мировую войну?" Однако такие советчики забывали знаменитое заявление Першинга, сделанное им в марте 1918 года, когда для союзников сложилось критическое положение: "Каждый солдат, каждое орудие все, чем мы располагаем, в вашем распоряжении, и вы можете использовать это по своему усмотрению". Я считал, что здесь, в Тунисе, быть может, несколько в меньшем масштабе у нас сложилась обстановка, аналогичная критической ситуации 1918 года, и я был готов принять на себя весь огонь последующей критики, лишь бы союзные войска сумели взять Тунис и преподнести его в качестве новогоднего подарка нашему народу.

Это была крупная рискованная игра, но приз казался настолько привлекательным, что мы отбросили всякую осторожность, стараясь доставить Андерсону каждого незадействованного солдата. Вместе с тем все еще существовала опасность, что немцы могут перебросить свою авиацию через Пиренеи в Испанию и ударить по нашим тылам. Тем не менее в качестве начального шага американской авиации было дано указание переместиться в восточном направлении, насколько это возможно, чтобы оказать воздушную поддержку генералу Андерсону и помочь перерезать морские коммуникации держав "оси" между Тунисом и Италией. Это было явным отклонением от первоначального плана, предусматривавшего сохранение американской авиации на западном побережье Средиземного моря. В результате такого перемещения американская авиация стала располагаться в непосредственной близости от английских воздушных сил, и это вызвало необходимость повседневной координации действий между ними.

Я вызвал генерала Спаатса из Англии, чтобы он взял в свои руки осуществление этой задачи. Мы просто импровизировали с механизмом управления действиями авиации союзников и дали генералу Спаатсу титул исполняющего обязанности заместителя главнокомандующего авиацией. Вначале командующим американскими военно-воздушными силами в Северной Африке был генерал-майор Джеймс Дулиттл, получивший известность как руководитель авиационного рейда на Токио. Это была

динамичная личность, сгусток энергии. Потребовалось некоторое время, прежде чем он приспособился нести на своих плечах ответственность старшего начальника в американской авиации на театре. Но он обладал бесценным качеством учиться на опыте и в дальнейшем стал одним из наших прекрасных командиров.

В конце ноября и первой половине декабря продолжалось усиление нашей восточной группировки небольшими контингентами войск, главным образом, из состава американской армии. В силу критического характера повседневных боев и отсутствия транспортных средств мы не могли ждать, пока будут доставлены на фронт сразу какие-либо крупные силы и в полном составе брошены в бой. Если нам не удастся захватить Тунис, мы жестоко пострадаем от такого метода усиления войск Андерсона, но последнему были даны ясные указания использовать все возможные средства, чтобы выполнить задачу до того, как окончательно испортится погода и войска держав "оси", получив подкрепления, вынудят нас перейти к длительной зимней кампании в столь неблагоприятных условиях.

Из Орана мы доставили сюда часть сил американской 1-й бронетанковой дивизии и 1-й пехотной дивизии. Американская 34-я дивизия была растянута вдоль линий коммуникаций для охраны наиболее важных участков и обеспечения безопасности в огромных районах, где у нас еще не было войск. Мы могли использовать союзные войска только для прикрытия наиболее важных мест, а поскольку противник очень скоро стал прибегать к действиям небольших диверсионных групп парашютистов, выбрасываемых под прикрытием ночной темноты, то мы были вынуждены полагаться только на французских солдат при охране сотен мостов, туннелей и подобных объектов.

Только за счет мужества, изобретательности и стойкости, повсеместно проявляемых нашими солдатами, нельзя было полностью преодолеть сопротивление противника на труднодоступной из-за скверных погодных условий местности. К тому же в начале декабря противник располагал уже достаточным количеством механизированных частей, чтобы предпринять решительные, хотя и местного значения, контратаки, и мы оказались вынужденными отходить с наших наиболее выдвинутых вперед рубежей перед Тунисом.

Как только мы прекратили наступательные действия, обстановка в Северном Тунисе стала для нас еще тяжелее. Из-за допущенной во время отхода серьезной ошибки боевое командование "Б" американской 1-й бронетанковой дивизии потеряло почти всю боевую технику, 18-й пехотный полк американской 1-й пехотной дивизии также понес тяжелые потери,

а батальон одного английского полка был почти полностью истреблен. Генерал Андерсон вскоре начал подумывать о том, что ему придется оставить узловой пункт Меджез-эль-Баб, где его войска своим правым флангом соприкасались с французами. Поскольку этот ключевой пункт имел важное значение для последующего наступления, когда мы получим необходимые для этого силы, я запретил Андерсону оставлять его и взял на себя личную ответственность за судьбу гарнизона в Меджез-эль-Баб в случае его окружения противником.

Мы все еще пытались собрать силы, чтобы использовать временное улучшение погоды и захватить Северо-Восточный Тунис до того, как все наступательные операции безнадежно застопорятся. На 24 декабря мы назначили заключительное наступление, поставив перед собой весьма честолюбивую цель. Основная надежда на успех была связана с нашим временным превосходством в артиллерии, которая составляла довольно внушительную силу. Однако с тунисского фронта поступали обескураживающие донесения о том, что погода там ухудшилась, и вместе с тем перспектива для начала нового наступления становилась все мрачнее.

Но я не хотел отказываться от задуманного плана, пока сам не приду к убеждению в невозможности его осуществления. Из-за нелетной погоды 22 декабря мне пришлось выехать в войска на автомашине. Как только я покинул район Алжира, дороги оказались почти полностью разбитыми. Утром 24 декабря я встретил генерала Андерсона в его штабе и вместе с ним немедленно выехал к Сук-эль-Хемис, где размещался штаб английского 5-го корпуса, который под командованием генерал-майора Олфри должен был перейти в наступление. Силами небольших подразделений он уже занял критически важные рубежи для обеспечения назначенного на следующую ночь общего наступления корпуса.

Непрерывно лил дождь. Мы вышли вперед, чтобы осмотреть местность, по которой предстояло наступать войскам. В ходе этой рекогносцировки я стал свидетелем случая, который убедил меня в безнадежности подготовленного наступления. Примерно в тридцати футах от дороги, в поле, засеянном озимой пшеницей, в грязи застрял мотоцикл. Четверо солдат отчаянно пытались вытянуть его, однако, несмотря на все их усилия, сами все глубже увязали в глинистом месиве. В конце концов им пришлось отказаться от попытки вытащить мотоцикл.

Мы направились обратно в штаб, и я дал указание отложить наступление на неопределенное время. Это было тяжелое решение. Перед нами сразу же встала задача организовать

прочную оборону, сосредоточить разбросанные части, создать резервы и прикрыть правый фланг, где местность позволяла вести боевые действия круглый год. Все это должен был сделать генерал Андерсон, одновременно стойко удерживая все, что нами уже было занято.

В таких условиях командующему всегда необходимо бороться с пораженческими настроениями: упадок духа у старшего начальника быстро замечается в войсках и всегда приводит к нежелательным последствиям. В таких случаях крайне трудно демонстрировать какой-либо оптимизм.

Еще в середине ноября французские войска в Тунисе связали свою судьбу с нами и удерживали за собой раскинувшуюся к югу от Туниса гористую местность, которая облегчала нам ведение оборонительных действий, несмотря на отсутствие у них современного оружия. Отказавшись от планов немедленного захвата Туниса, мы создали рубеж обороны, чтобы прикрыть передовые аэродромы у Телепте, Йокс-лес-Бейнс и Сук-эль-Арба. Пока эти аэродромы были в наших руках, мы могли бы с помощью наших все возрастающих воздушных сил постоянно наносить удары по коммуникациям войск держав "оси". Мы имели бы прекрасные позиции для возобновления наступления, как только позволили бы условия погоды и наши силы. Поэтому план боевых действий на остальную часть зимы предусматривал оборону прежде всего этого района. Без него мы оказались бы вынужденными отступить в район Бона, Константины, а с наступлением весны нам пришлось бы вновь с боями пробиваться вперед через труднопроходимую гористую местность без должной авиационной поддержки и нести большие потери в живой силе. Я был убежден, что никакие трудности для служб снабжения или уязвимость обороны не могли бы оправдать отвод войск на более надежные и удобные позиции, поскольку последствия этого оказались бы очень тяжелыми. Мы должны были также считаться и с тем фактом, что наше отступление отрицательно сказалось бы на моральном состоянии населения Северной Африки, что серьезно тревожило генерала Жиро и других французских руководителей.

До этого времени фланговое прикрытие всего этого огромного района, простиравшегося от Тебессы на юг до Гафсы, обеспечивалось только разбросанными французскими регулярными частями, усиленными небольшим американским отрядом парашютистов под командованием полковника Эдсона Раффа. История его боевых действий в этом районе составила блестящую страницу в войне в Северной Африке. В течение многих недель отряд Раффа держал противника в постоянном

напряжении, нанося по нему дерзкие и стремительные удары. Однако с прекращением наших наступательных действий на севере противник сразу же получил возможность, укрывшись за прибрежным горным барьером, сосредоточивать войска по своему усмотрению. Было бы наивно полагать, что противник не воспользуется нашей серьезной слабостью в районе Тебессы и не нанесет в этом месте быстрый и сокрушительный удар, если мы своевременно не предпримем соответствующих мер.

Для организации обороны в район Тебессы из Орана был переброшен штаб 2-го корпуса генерала Фридендолла. Корпус усиливался американской 1-й бронетанковой дивизией, к тому времени почти доведенной до штатной численности, хотя некоторая часть ее вооружения уже значительно устарела. Офицеры тыловых служб в моем штабе возражали против сосредоточения всего корпуса к востоку от Тебессы. Они жаловались, что скверные пути подвоза позволяют осуществлять снабжение только одной бронетанковой дивизии и полка, и не более. Однако будучи убежденным, что противник очень скоро воспользуется нашей очевидной слабостью в этом районе, я приказал начать сосредоточение корпуса в составе четырех дивизий, а снабженцам сказал, что им придется изыскать пути, как обеспечить их.

Американскую 1-ю пехотную дивизию, предназначенную для этого корпуса, следовало как можно быстрее снять с разбросанных боевых позиций и доставить к Тебессе. Американская 9-я пехотная дивизия без 39-й полковой боевой группы, которая участвовала в овладении Алжиром, постепенно перебрасывалась из района Касабланки в восточном направлении. Аналогичный приказ получила и 34-я дивизия, которая передала свои задачи по охране линий коммуникаций французским частям.

Американский 2-й корпус получил задачу обеспечить прикрытие фланга наших главных сил на севере. Фридендолл должен был поставить у горных перевалов легко оснащенные пехотные подразделения, а 1-ю бронетанковую дивизию расположить за боевым охранением в готовности контратаковать противника, который попытается пройти через горы в сторону наших линий коммуникаций. Генералу Фридендоллу после завершения сосредоточения своего корпуса предлагалось предпринять наступательные действия в направлении на Сфакс или Габес, чтобы попытаться лишить Роммеля связи с Тунисом. Учитывая потенциальную выгоду от проведения такой операции, некоторые работники штаба хотели немедленно осуществить ее. Я не одобрил этой идеи, поскольку наши непосредственные возможности для наступления в тот момент равнялись нулю. И

чтобы избежать неправильного понимания Фридендоллом своей задачи, я лично встретился с ним и исчерпывающе изложил ему план действий его корпуса в районе Тебессы. Прикрывая правый фланг наших войск бронетанковой дивизией, которая по танкам была сильнее любой группировки, какую противник был в состоянии создать против нее, Фридендолл при отсутствии, серьезной угрозы со стороны противника мог одновременно предпринять наступательные действия в направлении к береговой линии. Но даже в этих условиях он не должен был оставлять никаких гарнизонов в захваченных прибрежных городах.

В течение этих недель нам все еще не удалось создать единое командование для действовавших на фронте войск. Французы отказывались воевать под командованием англичанина, заявляя, что в их армии поднимется бунт, если я буду настаивать на этом. У французов все еще были сильны антианглийские настроения из-за столкновений с англичанами в Сирии, Оране и Дакаре. Английская 1-я армия находилась на левом фланге, французские войска - в центре, а американские - на правом фланге, но все они занимали взаимосвязанные участки единого фронта и зависели от одной линии коммуникации. Такое положение раздражало всех, оно было чревато серьезными потенциальными опасностями. В этих условиях я создал свой передовой командный пункт и постоянно держал там небольшую группу во главе с генералом Траскоттом, который в мое отсутствие должен был заниматься вопросами координации боевых действий войск. Это было самое лучшее, что я мог сделать тогда.

Такое положение оставалось до тех пор, пока в середине января французские войска не отступили на центральном участке под натиском не сильных, но решительных атак немцев. В результате для союзников возникла критическая обстановка. Теперь требовалось осуществлять новую переброску еще не успевших завершить сосредоточение американских войск, чтобы заткнуть образовавшиеся бреши в обороне союзников. В таких условиях в начале второй половине января я в безапелляционном порядке приказал генералу Андерсону взять на себя руководство всеми ведущими боевые действия войсками. Я лично посетил генерала Жюэна, чтобы удостовериться, что он будет подчиняться приказам генерала Андерсона. Позднее я информировал генерала Жиро об этом решении. Он не высказал никаких возражений - необходимость в этом была слишком очевидной.

Когда генерал Андерсон принял на себя командование войсками, фронт был чрезмерно растянут и проходил от Бизерты до Гафса. Чтобы удержать этот растянутый фронт, надо было ждать, пока полностью сосредоточится американский 2-й корпус в

районе Тебессы и прибудут дополнительные войска из Англии. Выделение частей и создание мобильных резервов началось перед Рождеством, но этот процесс был сорван отступлением французских войск в середине января. Пришлось срочно бросать американские войска на закрытие образовавшихся брешей. В поражении французов нельзя было усмотреть какого-либо отсутствия храбрости или мужества; оно было следствием того, что у них совсем не имелось современною боевого оружия, и этот недостаток мы усиленно теперь пытались устранить.

В течение всего этого периода нас беспокоила запутанная политическая обстановка: было трудно прокладывать путь сквозь сети интриг, дезинформации, непонимания и сильных предубеждений, с которыми приходилось сталкиваться при решении даже незначительных вопросов. Главным фактором во всей североафриканской проблеме было арабское население с его взрывоопасным потенциалом. Французский генерал Ногес в Марокко, мягко говоря, не заслуживал доверия, но он был министром иностранных дел у султана, и все данные указывали на то, что он пользовался полным доверием и дружбой марокканцев. Свирепые племена этого района представляли собой силу, с которой нужно было считаться. Генерал Паттон, зная эту обстановку, испытывал тревогу. Он все еще придерживался мнения, что если марокканцы станут проявлять враждебность к нам, то потребуется 60 тыс. полностью оснащенных американских солдат, чтобы поддерживать порядок только в этом регионе. Мы не могли позволить себе выделить такие силы на эти цели, поскольку просто не имели их. Паттон решительно советовал нам оставить Ногеса в покое.

В этом сложном переплетении проблем серьезную роль играл извечный антагонизм между арабами и евреями. Поскольку в Северной Африке первые численно превосходили вторых примерно в сорок раз, то на местах установилась практика умиротворения арабов за счет евреев. Поэтому арабское население рассматривало любое изменение антиеврейских законов как стремление создать еврейское правительство для последующего преследования самих арабов. Если принять во внимание, что неграмотное население .годами подвергалось интенсивной нацистской пропаганде, рассчитанной на разжигание подобных предрассудков, то нетрудно было понять, что обстановка требовала больше проявления осторожности и постепенных изменений, чем стремительных революционных действий. Северную Африку наводнили слухи, они почти определяли всю жизнь в этом регионе. Например, здесь говорили, что меня, еврея, прислал сюда еврей Рузвельт, чтобы подавить

арабов и установить в Северной Африке еврейское правление. Политические советники в штабе были настолько обеспокоены этими слухами, что опубликовали в газетах материалы с моей родословной и распространили специальные листовки. Брожение среди арабов или, что еще хуже, открытый бунт отбросили бы нас назад на многие месяцы и причинили бы бесчисленные жертвы.

Что касается французских чиновников, коротавших время в кафе и готовых беспрестанно болтать с газетными репортерами, то ответ был безукоризненно прост. Нужно было просто выкинуть волевым решением каждого чиновника, который был связан с Виши или выполнял его приказы, и поставить на их место тех, кто сочувствовал нам. Но поскольку ненавистные вишисты втерлись в доверие к арабскому населению, то было очевидно, что только путем постепенных последовательных изменений и осторожного решения проблем, связанных с местным чиновничеством, можно предотвратить возможность бурных проявлений арабо-французско-еврейских противоречий.

Для иллюстрации деликатности положения можно привести следующий пример: в самом начале, выходя далеко за рамки союзнических отношений, мы настаивали на том, чтобы французские власти изменили антиеврейские законы и порядок в этом районе. После издания соответствующих прокламаций мы увидели, что в этом отношении достигнут некоторый прогресс. Однако представьте себе мое удивление, когда Дарлан явился ко мне в кабинет с письмом, подписанным человеком, которого он знал как раввина города Константины и который умолял власти не спешить с отменой антиеврейских законов, иначе, как говорилось в письме, арабы несомненно устроят погромы. Этот небольшой пример свидетельствует о сложном и запутанном характере расовых и политических взаимоотношений, ежедневно проявлявшихся в самых различных направлениях.

Политические, экономические и военные вопросы тесно переплетались между собой. В сфере политики неустанно трудились Мэрфи и его английский коллега Гарольд Макмиллан. Им приходилось вести дела с опасным Дарланом, с мужественным и честным, но безучастным к политике Жиро, со слабовольным Шателем, со зловещей личностью Ногесом и другими. Мы настаивали на либерализации политической системы, однако каждый день приносил новые, в большинстве своем вполне обоснованные жалобы на продолжающиеся несправедливости, отсутствие доброй веры и не подтвержденные конкретными делами заверения. Мы решились устранить наиболее неприемлемых лиц, но приходили в отчаяние из-за невозможности найти им удовлетворительную замену. Более

того, действуя, мы всегда должны были помнить, что находимся на земле союзника; мы не имели ни полномочий, ни прав, свойственных условиям военной оккупации. Тем не менее мы давно уже сказали Дарлану, чтобы он освободился от Шателя, губернатора Алжира, и Ногеса, министра марокканского султана.

В решении такого рода проблем генерал Жиро был бесполезен. Он питал отвращение к политике, ко всему тому, что необходимо было осуществить для создания упорядоченной, демократической системы применительно к местным условиям в Северной Африке. Он просто хотел получить вооружение и заняться комплектованием боеспособных дивизий, а не вопросами формирования правительства. Цели генерала были ясны, однако его способности к решению более крупных административных и организационных задач вызывали сомнения.

Дарлан был убит 24 декабря, в тот самый день, когда я был вынужден отказаться от каких бы то ни было планов скорейшего наступления в Северном Тунисе. Я находился в штабе английского 5-го корпуса возле Беджа, когда мне сообщили о его смерти. Я немедленно выехал в Алжир и прибыл туда после тридцатичасовой безостановочной езды на машине в дождь, снег и гололед. Все мое знакомство с Дарланом продолжалось шесть недель. Он пользовался дурной репутацией коллаборациониста, однако в течение всего периода сотрудничества с нами в качестве главного администратора во Французской Северной Африке он ни разу, насколько нам известно, не нарушил взятых на себя обязательств или данных им обещаний. Но его манера поведения и вообще его личность не внушали доверия, и, ведя с ним дела, мы всегда чувствовали себя неспокойно. И тем не менее его смерть принесла мне новые осложнения.

Хотя из французской администрации генерал Жиро и пользовался наибольшим моим доверием, штаб был все же не в состоянии поощрить создание марионеточного правительства во Французской Северной Африке. Прибегнуть в этом вопросе к нацистским методам означало бы куда более серьезное нарушение принципов, во имя которых мы сражались, чем простое согласие на временное занятие руководящего поста человеком, прошлое которого, по нашим взглядам, было неприятным. Более того, мы сомневались в способностях Жиро прочно укрепиться на посту главного администратора, однако другой приемлемой кандидатуры у нас не было. Французское местное чиновничество без промедления назвало генерала Жиро временным преемником Дарлана в роли главного администратора в Северной Африке. Жиро посетил наш штаб и сразу попросил, чтобы я перестал смотреть на Северную Африку

как на завоеванную территорию и относился к ней скорее как к союзнику, в которого она пытается превратиться. Такое настроение у человека, который, как я полагал, так хорошо понимал наши цели, было для нас несколько ошеломляющим.

Слабовольный губернатор Алжира Шатель не пользовался у нас доверием. Он и генерал Ногес являлись личностями, от которых мы хотели решительно избавиться как можно скорее, хотя генерал Паттон постоянно утверждал, что Ногес эффективно действовал в пользу союзников. Я же лично был убежден, что генерал Ногес будет с нами сотрудничать лишь до тех пор, пока будет видеть, что мы выигрываем; однако при появлении первых признаков нашей слабости он без колебаний повернет против нас. Дарлан на все высказывания недовольства в адрес этих двух лиц неизменно отвечал: "Я и сам не хочу иметь их на этих постах, однако управление арабскими племенами - дело сложное, требующее большого опыта работы с ними. Как только вы подберете подходящих людей, достаточно опытных и лояльных французов, я немедленно устраню этих двух должностных лиц".

Мы решили привезти в Алжир Марселя Пейрутона. Мне доложили, что Пейрутон в то время фактически находился в изгнании в Аргентине и не мог вернуться во Францию из-за враждебности к нему Лаваля{16}, самой зловещей марионетки Гитлера.

Сообщалось также, что ранее он пользовался в Северной Африке репутацией умелого колониального администратора. Однако в течение длительного времени он входил в правительство Виши и поэтому считался в демократическом мире фашистом. Мы объяснили наши трудности государственному департаменту и после обмена несколькими депешами получили ответ о согласии с нашей идеей.

Пейрутона привезли в Алжир и назначили губернатором; это было нашей ошибкой, хотя он и выгодно отличался от своего слабовольного и нерешительного предшественника. Тем не менее было очень трудно найти людей даже с каким-нибудь опытом работы в системе французской колониальной администрации, не запятнавших себя связями с вишистами. Вначале мы думали использовать Маета, Бетуара и некоторых других, уже доказавших свое дружественное отношение к нам. Однако и здесь мы натолкнулись на трудности, связанные с настроениями во французских войсках, в помощи которых мы остро нуждались. Мы добились официального признания Маета и Бетуара, даже обеспечили их продвижение по службе, но не могли добиться их признания в общественном плане. Враждебное отношение к ним было настолько сильным, что они сами и генерал Жиро не

рекомендовали нам использовать их на административных постах.

В это время я допустил другую ошибку, хотя и действовал из лучших побуждений. Я имею в виду введение цензуры на политические сообщения из Северной Африки сроком на шесть недель. Хотя я и испытывал личную неприязнь к цензуре, мне все же пришлось пойти на эту меру. Наш план заключался в том, чтобы содействовать в конечном счете союзу между местной французской администрацией и силами де Голля в Лондоне. Это была трудная, как мы понимали, задача, но решить ее было необходимо.

Антагонизм с де Голлем во французской армии в Северной Африке и на всех уровнях гражданской администрации сильно укоренился; однако де Голль пользовался явной популярностью среди гражданского населения, и она постепенно росла, по мере того как все отчетливее вырисовывались успехи союзников. Сторонники де Голля в Лондоне использовали любую возможность для ожесточенных нападок на каждого французского военного или гражданского деятеля в Африке, а те, в свою очередь, отвечали им публично в не менее резких выражениях. Я считал, что разрешить раздувать подобную публичную перепалку, оскорбительную для обеих сторон, означало создать такие условия, которые сделали бы невозможным примирение в будущем. Введя цензуру, я предотвратил участие местных французских должностных лиц в этой публичной ссоре. Они ожесточенно доказывали неправильность этого моего шага, как, впрочем, и представители прессы при штабе. Я считаю, что эти ограничения дали некоторый положительный результат, и они были сразу же сняты, как только я узнал, что Жиро и де Голль согласились встретиться, в Касабланке.

Запутанность военной и политической обстановки еще больше осложнялась экономическим положением в Северной Африке, которая оказалась лишенной ввоза традиционных товаров. Морского транспорта не хватало, и каждое суденышко использовалось только для доставки боевых грузов. Ощущалась острая нужда в пшенице, угле, одежде, медикаментах и других предметах потребления.

В декабре к нам прибыли первые представительниц женского вспомогательного корпуса. До прибытия в Лондон я был противником использования женщин на военной службе. Однако в Англии, когда я увидел их блестящую работу, в том числе в составе боевых расчетов зенитных батарей, мое отношение к этому вопросу полностью изменилось. В Африке многие офицеры все еще сомневались в полезности женщин-военнослужащих. Эти

люди просто не видели изменявшихся требований войны. Навсегда канули в прошлое элементарные штабы Гранта и Ли. Многочисленное войско канцелярских клерков, стенографов, телефонистов, шоферов стало существенным компонентом воюющей армии, и едва ли было разумно назначать для выполнения этих функций людей из боевых частей, когда имелось большое число достаточно высококвалифицированных женщин. С первых дней их репутация деловых и добросовестных исполнителей крепла в войсках. К концу войны даже самые упорные противники призыва женщин для службы в действующей армии изменили свою точку зрения. Сначала женский персонал ограничивали работой в общей части штаба и на тыловых базах, но потом их стали посылать в войска. Что касается медицинских сестер, то они уже давно перестали вызывать удивление у личного состава боевых частей. С первых дней этой войны наши медицинские сестры вели себя в духе традиций времен Флоренс Найтингейл. Глава 8. Тунисская кампания

В декабре мы получили известие, что президент Соединенных Штатов и премьер-министр Великобритании в сопровождении значительного числа гражданских и военных специалистов приедут в январе в Касабланку, чтобы провести там конференцию, обеспечение которой возлагалось на нас.

Я так и не узнал истинных причин, побудивших президента и премьер-министра выбрать Касабланку в качестве места проведения этой конференции. Возможно, оно было выбрано в надежде, что удастся убедить премьера Сталина приехать туда, или, вероятно, президент и премьер-министр усматривали определенные преимущества в морально-психологическом плане от проведения встречи на территории, только что захваченной союзными войсками. Однако нам это казалось рискованным делом, поскольку вражеские бомбардировщики время от времени появлялись в этом районе, а среди местного населения было много недовольных элементов, в том числе фанатиков, способных на любого рода экстремистские акции. Подготовка места встречи наших лидеров требовала больших усилий и осторожности, особенно в вопросах сохранения секретности.

Работа конференции началась в соответствии с планом. На нее вызвали целый ряд английских и американских офицеров из всех видов вооруженных сил в качестве военных экспертов. Я прибыл в Касабланку после весьма рискованного полета, когда в пути неожиданно вышли из строя два двигателя нашего самолета. По приказу пилота капитана Джока Риди мы последние пятьдесят миль летели стоя у люков, готовые выпрыгнуть по первому его сигналу. С тревогой думал я о колене, поврежденном в молодые

годы во время игры в футбол, но, к счастью, нам не пришлось воспользоваться парашютами.

Фактически я участвовал в работе конференции всего один день, поскольку был слишком загружен неотложными делами в других местах. О большинстве событий и решений, принятых на ней, я узнал позднее, когда генерал Маршалл приехал ко мне в Алжир. Однако на одном из заседаний, на котором подробно рассматривалось военное положение в Северной Африке, мне еще пришлось присутствовать.

Я подробно охарактеризовал обстановку, в результате которой мы были вынуждены отложить наступление на севере, и в общих чертах доложил о планируемом использовании сил 2-го корпуса в районе Тебессы. Я сообщил участникам конференции, что если нам удастся сосредоточить там весь корпус и поддерживать его и если противник не предпримет никаких активных действий, то позднее можно будет начать наступление в направлении на Габес или Сфакс. Но мы не могли гарантировать, что события будут развиваться именно так. Тем не менее мы наращивали силы максимально возможными темпами, однако главной заботой оставалось обеспечение нашего оголенного правого фланга.

Здесь Александер прервал меня, заявив, что мы можем прекратить обсуждение вопроса относительно такого наступления, так как английские войска скоро окажутся в Триполи, и если этот порт будет в пригодном для эксплуатации состоянии, то английская 8-я армия подойдет к южной границе Туниса в течение первой недели марта. Это была большая новость!

Затем у меня состоялись долгие беседы с генералом Маршаллом, Черчиллем и другими участниками конференции. Вечером мне сообщили, что президент хотел бы поговорить со мной наедине. Это была одна из сердечных личных бесед, которые я имел с Рузвельтом в ходе войны. Его оптимизм и бодрость, граничившие почти с беззаботностью, я приписывал той необычной атмосфере, которая была связана с таким смелым предприятием, как поездка в Касабланку. Сбросив с себя на несколько дней всю тяжесть государственных дел, он, казалось, испытывал огромный подъем оттого, что ему удалось тайно выскользнуть из Вашингтона и провести историческую конференцию на земле, которая всего два месяца назад была полем боя. Хотя он и признавал всю серьезность военных проблем, все еще стоявших перед союзниками, многие из его высказываний относились к далекому послевоенному будущему, в том числе к судьбам колоний и территориальных владений.

Он много размышлял над возможностью Франции восстановить свое прежнее положение сильной и уважаемой державы в Европе, и в этой связи у него появилось пессимистическое настроение. Затем он упорно возвращался к мысли о том, как осуществить контроль над определенными стратегическими пунктами во французской империи, которые французы, возможно, как он считал, больше не смогут удерживать.

Особенно его интересовали мои впечатления о некоторых наиболее выдающихся французских деятелях, в частности о Буассоне, Жиро, де Голле и Фландине (с последним я не встречался вообще).

Мы детально рассмотрели военные и политические события предшествовавших десяти недель; он был явно доволен тем прогрессом, которого мы добились. Однако когда я в общих чертах набросал некоторые возможные неудачи, связанные с зимними условиями, он реагировал на это так, будто я слишком преувеличил свои опасения. И если мы оба понимали, что войска держав "оси" не могли противостоять охватывающему маневру английских войск под командованием генерала Александера и наших сил в Северной Африке, то оценка президентом Рузвельтом сроков окончательного краха противника, по моему мнению, была слишком оптимистичной и во многом не совпадала с моими расчетами. Он настоял, чтобы я сам определил дату и назвал 15 мая. Это было самое необдуманное предположение за всю войну. Вскоре после отъезда президента я рассказал об этом Александеру, и он, улыбнувшись, сказал, что, отвечая на тот же вопрос, он назвал 30 мая.

Я нашел, что президент при рассмотрении текущих африканских проблем не всегда с достаточной четкостью видел разницу между условиями военной оккупации вражеской территории и той обстановкой, в какой мы оказались в Северной Африке{17}.

Постоянно ссылаясь на планы и предложения, касавшиеся местного населения, французской армии и правительственных чиновников, он говорил в форме приказов и предписаний. Нужно было напомнить ему, что с самого начала мы действовали здесь в соответствии с политическим курсом, нацеленным на приобретение и использование будущего союзника, что мы только пытались заставить постепенно расширить базу для управления, чтобы в конечном счете передать все внутренние дела под контроль местного правительства, а это отнюдь не имело ничего общего с системой управления завоеванной страной. Он, конечно, соглашался с этим, понимая, что лично участвовал в

первоначальном формулировании этой политики задолго до вторжения, но вместе с тем продолжал, возможно, подсознательно, обсуждать местные проблемы с точки зрения завоевателя. Для нас было бы значительно легче, если бы мы могли так действовать! Однако он заметил со свойственной ему прозорливостью, что будет совершенно уместно обусловливать поставки вооружения для французов в значительных количествах, чего они упорно добиваются, принятием ими американских взглядов в отношении стратегии в Европе, согласием использовать французские базы в интересах союзников и постепенной, но не затягиваемой заменой французских должностных лиц, неприемлемых для американского правительства. Было очевидно, что, пока они не будут в целом поддерживать нас в этих важных вопросах, вооружать их бесполезное дело{18}.

Он был особенно озабочен тем, чтобы удержать Буассона у власти во Французской Западной Африке.

Для меня наиболее важной частью всей нашей беседы были полученные от него заверения, что он твердо придерживается нашей основной концепции в европейской стратегии, а именно вторжения на континент через Ла-Манш. Он был уверен, что весенняя и летняя кампании на Средиземном море приведут к положительным для союзников большим результатам, но вместе с тем он смотрел на них как на подготовку к огромному предприятию, согласованному почти год назад в качестве главного направления усилий союзников для нанесения поражения Германии.

Когда я позднее посетил Черчилля, то с большим для себя облегчением получил аналогичные заверения. Он сказал: "Генерал, я здесь слышал, что мы, англичане, якобы намереваемся уклониться от плана "Раундап". Это не так. Я дал слово, и я его сдержу. Однако теперь перед нами раскрываются прекрасные возможности, и мы не должны упустить их. Когда подойдет время, вы найдете англичан готовыми выполнить свою роль в другой операции". "Раундап" было кодовым наименованием, позднее его изменили на "Оверлорд".

Президент надеялся на быстрое урегулирование французских политических проблем путем примирения между Жиро и де Голлем, полагая, что сумеет убедить их объединить свои силы и тем самым наилучшим образом послужить интересам Франции. В ходе беседы, которая то и дело переходила на детали личного характера, я был поражен его феноменальной памятью. Он вспомнил, что мой брат Милтон посетил Африку, и сказал мне, почему он назначил его в управление военной информации,

которое возглавлял Элмер Дэвис. Он на память процитировал целые предложения, почти абзацы, из радиограммы, которую я направил в США, объясняя суть дела Дарлана, и заявил, что она была исключительно полезной и помогла рассеять на родине опасения, будто все мы постепенно становимся фашистами.

Уже после того как я вернулся в Алжир, президентом и премьер-министром были объявлены условия "безоговорочной капитуляции противника". В то время для меня более важное значение имело решение о том, что английская 8-я армия и "ВВС пустыни" переходили в мое подчинение. Об этом плане меня проинформировали еще в Касабланке, но о его окончательном одобрении я узнал позднее, когда генерал Маршалл приехал ко мне в Алжир. Генерал Александер должен был стать заместителем главнокомандующего союзными силами; адмирал Каннингхэм оставался у меня в качестве командующего военно-морскими силами, а главный маршал авиации Артур Теддер назначался командующим военно-воздушными силами. Предполагалось, что эти назначения вступят в силу в начале февраля.

Такое развитие командной структуры меня особенно радовало, ибо это означало прежде всего полное единство действий на Центральном Средиземноморье и обеспечивало необходимый механизм для эффективной координации тактических и стратегических усилий союзников. Я информировал президента и начальника штаба Маршалла, что буду с готовностью работать под руководством Александера, если ему передадут командование союзными войсками. Я сделал такое предложение в связи с тем, что после объединения союзнических сил с войсками, прибывшими из североафриканских пустынь, англичане численно превзошли нас.

Другие решения, принятые на конференции в Касабланке, касались последующих наших операций и сводились в основном к подготовке наступления на Сицилию, как только Северная Африка будет очищена от войск держав оси.

Остальная часть января и начало февраля прошли в спешной работе по организации обороны, в улучшении аэродромов, в доставке на фронт подкреплений как в живой силе, так и в боевой технике. Ряд последовательных, относительно небольших по масштабам атак противника не позволил нам в полной мере осуществить сосредоточение наших сил и свести их в соответствующие формирования. Это особенно серьезно сказалось на американской 1-й бронетанковой дивизии, которую командующий 1-й армией счел необходимым использовать сравнительно небольшими частями в сильно растянутой по

фронту полосе обороны.

После завершения конференции в Касабланке генерал Маршалл и адмирал Кинг прибыли в Алжир, и мы втроем проанализировали сложившуюся обстановку. Все понимали ту опасность, которая таилась во временной моей неудаче с захватом намеченных объектов до наступления зимы, и поэтому энергично поддержали наши действия; адмирал Кинг говорил, что "всем известно, что получается, когда командующие сидят сложа руки и ждут наступления противника. Продолжайте вести боевые действия!"

Я считал, что генерал Александер и главный маршал авиации Теддер присоединятся к нам в Тунисе 4 или 5 февраля, и с нетерпением ждал их прибытия, чтобы совместно улучшить управление войсками. Поскольку генерал Андерсон, командующий английской 1-й армией, первоначально действовал со своими войсками исключительно на севере, то его связь и командный пункт были размещены так, что ему было крайне трудно осуществлять эффективное руководство войсками на центральном и южном участках растянутой обороны. Плохое состояние системы связи с запада на восток через Северную Африку не позволяло мне постоянно держать под своим контролем все то, что, по существу, составляло единый фронт. Прибытие Александера автоматически исправило бы это положение.

Я все еще был обеспокоен тем, поймут ли Андерсон и Фридендолл, что мои планы в Южном Тунисе временно носят оборонительный характер и что такое построение боевого порядка наших войск было предпринято для обеспечения безопасности и сохранения за собой передовых аэродромов. 18 января я вылетел в Константину, где провел совещание с генералами Андерсоном, Фридендоллом, Жюэном и группой штабных офицеров. Я еще раз указал Андерсону, чтобы он держал в подвижном резерве как можно больше сил из 2-го корпуса, в частности 1-ю бронетанковую дивизию, и подтвердил данное ранее указание о совершенствовании обороны на южном участке. Я сообщил участникам совещания, что все, о чем я узнал в Касабланке относительно наступления войск Александера через пустыню в западном направлении, лишь подчеркивает необходимость надежного прикрытия района предстоящего соединения наших армий. Теперь следовало осуществлять небольшие вылазки, разведывательные поиски, но не делать никаких шагов, которые вывели бы нас из равновесия. В ходе одной из моих последующих поездок на фронт 1 февраля я вновь встретился с Андерсоном и повторил ему мои указания о том, что на южном участке должен быть сильный подвижный резерв.

Однако неспособность плохо вооруженных французских войск выдержать повторявшиеся, хотя и несильные, атаки противника в горах мешала Андерсону выполнять эти указания. Он был вынужден постоянно затыкать бреши на центральном участке, привлекая туда английские и американские части для предотвращения возможного прорыва немцев.

В начале февраля мы получили сведения, что противник готовит более серьезные наступательные действия, чем он предпринимал раньше. Чтобы придать дополнительную мощь этому наступлению, некоторые части из войск Роммеля срочно перебрасывались из района Триполи в Тунис и присоединялись к войскам Арнима и Мессе. Первые данные указывали на то, что удара следует ожидать через проход возле Фондака. Разумеется, бдительность была повышена повсюду, а наличие сосредоточенных мобильных резервов, в частности наших бронетанковых сил, приобретало особо важное значение, чтобы иметь возможность встретить наступающего противника независимо от того, через какой из горных проходов противник предпримет наступление.

Наиболее важный район удерживался соединениями американского 2-го корпуса, его полоса обороны протянулась от Гафса и до Фондака. Я спешил как можно скорее выехать на этот участок фронта, чтобы в течение недели лично убедиться, что там сделано все для отражения ожидаемого удара противника.

Я прибыл к Фридендоллу во второй половине дня 13 февраля. Штаб 2-го корпуса разместился в глубоком, почти неприступном ущелье, в нескольких милях восточнее Тебессы, очень далеко от переднего края. Если принять во внимание растянутость фронта обороны и малое число дорог, можно сказать, что это место было удачно выбрано для столь большого штаба. Добравшись до него, я услышал грохот буров и отбойных молотков и поинтересовался, что тут делают. Мне ответили, что корпусные саперы врезаются в скалы по обе стороны ущелья, чтобы создать безопасные помещения для штабных работников. Я спокойно спросил, не помогали ли эти саперы сначала оборудовать оборону на переднем крае, однако молодой штабной офицер, явно удивленный моей неосведомленностью, ответил: "О, в дивизиях есть свои саперы для этого!" Это был единственный случай за всю войну, когда мне пришлось увидеть, что штаб был так сильно обеспокоен своей безопасностью и строил такое мощное подземное укрытие.

В сопровождении подполковника Расселла Акерса, одного из штабных офицеров Фридендолла, я немедленно отправился осматривать оборонительные позиции на переднем крае. В это

время 2-й корпус состоял из американской 1-й бронетанковой дивизии, 1-й пехотной дивизии. В его состав должны были войти также 34-я и 9-я дивизии. Я обнаружил целый ряд недостатков, которые вызывали тревогу. Прежде всего меня настораживали беспечность и непонятная медлительность при подготовке оборонительных позиций у проходов. В этом сказывалось отсутствие боевого опыта и навыков у наших командиров. В одном месте, где еще не были установлены минные поля, в оправдание мне привели довод, что оборонявшаяся пехота находилась здесь всего только два дня. Командир с гордостью пояснял, что уже подготовил схему минирования и на следующий день начнет установку мин. По своему опыту в Северном Тунисе мы уже знали, что противник мог создать сильные оборонительные позиции за два часа после занятия указанных ему рубежей и подготовиться к отражению атаки. После захвата высоты или другого какого-либо объекта немцы сразу минировали подступы, создавали систему огня и размещали резервы на угрожаемых направлениях. Эти тактические уроки игнорировались многими нашими командирами, даже теми, кто уже три месяца находился на этом театре военных действий. Я приказал немедленно устранить отмеченные недостатки.

Однако более серьезная слабость нашей обороны состояла в том, что 1-я бронетанковая дивизия все еще не сосредоточилась должным образом, чтобы ее можно было использовать в полном составе. В этот момент у генерала Андерсона были настолько скудные резервы, что он был вынужден разместить половину дивизии возле Фондака, где ожидался главный удар противника, и держать ее в личном резерве. Остальная часть дивизии была небольшими группами разбросана к югу по всему фронту 2-го корпуса. В результате у командира 1-й бронетанковой дивизии генерал-майора Орландо Уорда не осталось ничего, кроме небольших подразделений легких танков.

В течение ночи я обошел фронт от Макнаси до прохода Фаид, где наградил одного американского офицера за проявленную храбрость при отражении атаки немцев на позиции у Сиди-Бу-Зид, которая произошла .всего за два или три часа до моего прихода туда.

Бригадный генерал Паул Робинетт, мой старый приятель, командовал бронетанковой частью, находившейся в долине возле Фондака. Он был уверен, что в этом месте немцы не предпримут никакого наступления, и показал мне на карте, на какую глубину проникали его разведывательные дозоры. Робинетт сказал, что он несколько раз докладывал об этом вышестоящим начальникам. Я был убежден в точности его доклада и обещал рассмотреть этот

вопрос на следующий день с командованием корпуса и армии.

Перед рассветом наша маленькая инспекционная группа отправилась обратно, однако у Сбейтлы нас задержала спорадическая стрельба. Через некоторое время она затихла, и мы проследовали через город без каких-либо инцидентов. Однако вскоре мой шофер заснул за рулем, и мы оказались в неглубокой канаве. Но все обошлось благополучно. По прибытии в штаб корпуса я узнал, что наступление немцев началось. Было уже слишком поздно производить теперь какие-либо изменения в расположении войск.

В течение утра к генералу Андерсону поступило много донесений от американских войск относительно силы и направления немецкого удара. И хотя эти донесения, как оказалось позднее, в большинстве своем были очень точными, в разведорганах штаба армии и штаба союзных войск их игнорировали и считали преувеличением, свойственным зеленым, не обстрелянным в бою войскам. Мнение, что главный удар последует через Фондак, продолжало господствовать как в штабе армии, так и, как я потом узнал, в разведывательном отделе штаба союзных войск. Это была серьезная ошибка нашей разведки, и сразу после сражения я заменил начальника разведывательного отдела. Результатом этой неправильной оценки явилось то, что противник быстро добился крупного успеха, прежде чем генерал Андерсон смог разобраться в происходящей обстановке.

К вечеру стало ясно, что оборонявшимся войскам необходимо срочно послать подкрепления в живой, силе и боевой технике. Я срочно выехал к себе в штаб, чтобы ускорить их посылку. Мы наскребли что могли, и затем я снова выехал в район боевых действий.

Во время отхода к Кассеринскому проходу американцы провели серию неэффективных, хотя и смелых боев по сдерживанию противника; все поняли, что Кассеринский проход был тем районом, который следовало упорно оборонять. Однако на месте не было ясного представления о сложившейся обстановке, а войска, выделенные для обороны этого района, были малочисленны и не обладали достаточным боевым опытом, чтобы удержать эти позиции. Танки противника прорвались через поспешно созданную оборону около Кассеринского прохода. Однако, несмотря на внезапность вражеского удара и наши сравнительно большие потери, союзные войска сумели в целом организованно отойти назад, чтобы прикрыть важный центр Тебесса и пути, ведущие на север от Кассерина к Эль-Кефу.

Наши передовые аэродромы в Телепте пришлось временно

оставить, однако летчики сумели уйти оттуда без потерь в личном составе и самолетах, хотя они и бросили часть топлива и некоторое имущество. Как раз за Тебессой находился аэродром Йокс-лес-Бейнс, который приобретал особую важность для 2-го корпуса как узел коммуникаций. На севере 2-й корпус должен был воспрепятствовать продвижению немцев в направлении Талы и Эль-Кефу. 34-я дивизия занимала оборону на левом фланге, и, несмотря на длительный период бездействия и разбросанность своих частей, она хорошо показала себя в боях. В помощь оборонявшимся войскам англичане срочно перебрасывали артиллерийские и танковые подразделения с севера, где противник несколько ослабил свои усилия, чтобы развить наступление в районе Кассерина. В этих боях удачно действовала и артиллерия американской 9-й дивизии. К вечеру 21 февраля уже было ясно, что противник слишком далеко оторвался от своих тылов и снабжение наступавших войск стало трудным делом. Более того, теперь его коммуникации проходили через уязвимый Кассеринский проход, а войска к западу от этого пункта оказывались под угрозой удара наших сил, которые мы могли подбросить туда.

К 22 февраля наступление противника было полностью приостановлено.

Мой штаб, который всегда обвиняли в том, что он рисует только мрачную картину, разработал план обеспечения наших действий на случай, если противнику удастся выйти на основную линию коммуникаций 1-й армии. Я сказал штабистам, что бесполезно продолжать работу над этим планом, поскольку противник в основном уже был остановлен, но в конце концов не стал возражать и дал подчиненным возможность самим убедиться, что произошло бы, если бы сложилась подобная обстановка. Александер, Спаатс и другие сходились во мнении, что непосредственная угроза миновала, и все мы теперь направили внимание на то, чтобы нанести ответный удар по противнику.

В этот момент погода, которая до сих пор очень мешала в полной мере использовать нашу возраставшую авиационную мощь, улучшилась, и все имевшиеся у нас боевые самолеты были введены в действие. В ходе воздушных операций произошел неприятный инцидент, который хотя и явился, по общему признанию, результатом отсутствия опыта у боевых экипажей, тем не менее свидетельствовал и о технических трудностях, о которых, как правило, ничего не известно критикам, ведущим сражения в мягких креслах кабинетов.

Группе "летающих крепостей" было приказано нанести

бомбовый удар по Кассеринскому проходу. Они поднялись с аэродрома в условиях сплошной облачности. Полностью зависящие в полете от показаний приборов, они не смогли выйти на объект бомбардировки. Когда в конце концов экипажи решили, что находятся над целью, и сбросили бомбы, то оказалось, что удар пришелся по Сук-эль-Арба, важному городу в нашей прифронтовой полосе, расположенному более чем в ста милях от Кассеринского прохода.

Среди арабов убитые и раненые, городу причинены большие разрушения. Нам надо было действовать быстро, чтобы избежать серьезных последствий. Мы уже знали, что с местным населением можно урегулировать почти любые затруднения мирным путем, с помощью денег, а в данном случае наша вина была столь очевидна, что я тут же утвердил расходы в несколько тысяч долларов в подкрепление наших извинений перед арабами.

Вечером 22 февраля я обсудил сложившуюся обстановку лично с генералом Фридендоллом и сказал ему, что противник более не в состоянии продолжать наступление. Я сказал ему, что теперь он сам вполне может предпринять в разумных пределах наступательные действия при соответствующей поддержке артиллерии. Я был настолько уверен в правильности оценки общего положения, что заявил командиру корпуса о своей готовности взять на себя всю ответственность за любые неблагоприятные последствия, которые могут возникнуть в ходе этих решительных боев. Фридендолл считал, что противник еще не выдохся, и полагал, что ему следует использовать эти двадцать четыре часа скорее на совершенствование и усиление своей обороны, чем на попытку сосредоточить достаточные силы для контрудара в направлении на Кассерин.

На следующее утро все поняли, что немцы начали отходить. Уже ночью, а потом и днем, воспользовавшись густым туманом, противник успешно отвел основную часть своих наступавших сил. Но и союзники теперь по всему фронту оказывали на врага непрерывное давление, и вскоре он был отброшен на исходные позиции, откуда уже не пытался предпринимать серьезного контрнаступления.

За несколько дней до конца этого сражения генерал Александер прибыл на фронт и сразу принял командование войсками. Я проникся большим уважением к этому человеку и восхищался его боевыми качествами. Это мнение о нем укреплялось у меня на протяжении всего времени до конца войны. Ответственность за определенные слабости наших войск, содействовавшие первоначальному успеху немцев в сражении, ложилась на меня. Если бы я сразу, как только французские

войска вошли в состав сил союзников в ноябре 1942 года, настоял на их безоговорочном подчинении генералу Андерсону, то тогда не было бы такой путаницы в управлении войсками. В течение какого-то времени ощущались бы некоторые затруднения, но в конечном счете общие результаты оказались бы благоприятными. Более того, в предвидении подхода сюда со стороны пустыни армии Монтгомери мне следовало ограничить полосу обороны на нашем правом фланге, где 2-й корпус получил бы возможность действовать более сосредоточенными силами. Бесспорно то, что мы пытались сделать слишком много при слишком малых средствах, растянув по фронту в южном направлении оборону 2-го корпуса включительно до Гафсы.

Сам по себе этот район не имел бы для нас важного значения до тех пор, пока армия Монтгомери не подошла бы к южным границам Туниса и пока не стало бы возможным тесное взаимодействие двух армий. Однако этот район хорошо обеспечивал с юга прикрытие аэродрома в Телепте от возможных атак противника. У нас ощущалась острая необходимость в передовых аэродромах, и самый лучший из них был именно в Телепте. Он находился на песчаной равнине, и его работа никогда не прерывалась дождями; правда, авиаторам мешали иногда песчаные бури. В силу этих преимуществ мы разместили на аэродроме крупное авиационное соединение с довольно большими материальными запасами и ремонтными мастерскими. Было бы лучше, если бы к Гафсе мы выдвинули только разведывательную группу, а основные силы разместили в более глубоком тылу. Стремление удержать Гафсу приводило к ослаблению других участков растянутой обороны 2-го корпуса, а поскольку американскую 1-ю бронетанковую дивизию не держали компактно для нанесения мощной контратаки, то возникала явно рискованная ситуация.

Фактически в основе нашего затруднительного положения лежали четыре главные причины. Первая, и наиболее важная из них, заключалась в том, что мы не смогли с самого начала быстро овладеть городом и портом Тунис. Позднее уже было невозможно сразу собрать рассредоточенные части, чтобы подготовиться к отражению удара противника. Если бы я был готов в конце ноября примириться с временной неудачей относительно захвата Туниса и отдал приказ о переходе к обороне, противник не добился бы в ходе своего контрнаступления никакого успеха.

Вторая причина объяснялась ошибками разведывательных служб. Работники штаба проявили опасную склонность строить свои расчеты на одном изолированном факте разведывательной информации, безоговорочно принимая его и закрывая глаза на

все другие данные. Они решили, что немцы предпримут наступление через Фондак, и хотя наши разведывательные подразделения, находившиеся в долине Оусселтия, возле Фондака, настойчиво сообщали, что там не происходит никакого сосредоточения немецких войск, разведывательный отдел штаба армии слепо настаивал на своем мнении. Это вынудило командующего 1-й армией неправильно расположить свои войска.

Третья причина состояла в том, что мы не смогли правильно оценить возможности противника и принять соответствующие меры. Условия обороны 2-го корпуса позволяли удерживать горные проходы с помощью легких разведывательных подразделений и специально выделенных для этой цели частей, а созданные максимально мощные подвижные резервы следовало разместить в самом ближайшем тылу, чтобы быстро и со всей силой ударить по противнику, который попытается прорваться в каком-либо месте через горный хребет. В этом отношении указания по организации общей обороны были правильными, однако опасения на местах и опять-таки ошибочные выводы разведки привели к распылению подвижных резервов, что, в свою очередь, помешало эффективно использовать их против перешедшего в наступление противника.

Четвертая причина заключалась в слабой обученности войск, особенно командного состава. Американские дивизии, участвовавшие в этих боях, не прошли ту интенсивную программу обучения, какая была введена в армии США после начала войны. Это были в основном поспешно переброшенные в Англию войска, а поскольку в то время еще имелись серьезные трудности с транспортировкой через океан, то их личный состав получал вооружение и боевую технику с большим опозданием. Обучение этих войск в 1942 году практически невозможно было организовать в течение значительного времени, и это сказалось на командирах и их подчиненных, когда начались боевые действия, хотя эти люди отличались мужеством и стойкостью. Однако их первоначальная подготовка не шла ни в какое сравнение с боевой выучкой тех американских дивизий, которые были доставлены в Северную Африку после завершения в США интенсивного годичного курса обучения.

Эти уроки нам дорого обошлись, но были ценными. Однако не следует преувеличивать значение этих уроков, поскольку основные потери в живой силе составляли пленные, большинство которых в конце войны мы освободили. Потери противника в живой силе и боевой технике к тому времени, когда ему удалось отойти на свои первоначальные исходные позиции, оказались равными потерям союзников. Американские же потери с 14 по 23

февраля 1943 года составили 192 убитых, 2624 раненых, 2459 попавших в плен или пропавших без вести.

Эта неделя наступательных действий противника была изнурительной и тревожной для нас. Когда инициатива перехватывается противником, у людей появляется напряженность. Несмотря на уверенность в общем благоприятном исходе, беспокойство все-таки испытывает каждый, ибо в любой момент может возникнуть критическое положение на каком-нибудь участке фронта.

Поражение немцев в Кассеринском сражении означало завершение одной фазы кампании в Северной Африке. Стало ясно, что противник лишился последних шансов на крупный успех. Однако вскоре он снова начал серию ожесточенных атак против английской 1-й армии на севере. Весь март там продолжались ожесточенные бои; немцы пытались углубить и расширить район для прикрытия портов Тунис и Бизерта, а англичане стремились не только удержать занимаемые позиции, но и вновь овладеть наиболее удобными рубежами для начала заключительного сокрушительного наступления. Непрерывные бои и растянутый фронт, который нужно было прикрывать потрепанными частями, в конце концов вынудили Александера использовать часть американской 1-й дивизии в помощь 1-й армии. Однако атаки немцев в основном носили фронтальный характер и не таили в себе угрозы, что противник сможет достигнуть каких-либо важных преимуществ. Используя такую обстановку, мы возобновили работу по перестройке наших боевых порядков, стали улучшать управление войсками, готовясь провести крупное наступление, как только установится благоприятная погода.

С прекращением Кассеринского сражения наше положение постепенно улучшалось. Во-первых, весь американский 2-й корпус в составе четырех дивизий наконец сосредоточился в районе Тебессы. Здесь он мог стать прочным связующим звеном между союзными войсками в Северном Тунисе и наступавшей из пустыни 8-й армией. Во-вторых, войска, командиры и штабы получили огромный боевой опыт.

Кроме того, благодаря исключительной оперативности военного министерства в Вашингтоне мы получили еще 5400 грузовых автомашин, что резко улучшило наши транспортные возможности для обеспечения последующих операций. Этот факт должен был вызвать смущение у людей, представлявших себе военное и военно-морское министерства как скопление запутавшихся в бумагах волокитчиков. Доставка морем такого количества автомашин требовала специального конвоя в тот

момент, когда в транспортных судах и конвойных кораблях ощущался исключительно острый дефицит. Случилось так, что генерал Сомервелл оказался в моем штабе, и я объяснил ему нашу острую нужду в транспорте. Он сказал, что в пределах трех дней он мог бы погрузить этот груз на суда в американских портах при условии, что министерство военно-морских сил обеспечит эскортное сопровождение. Я послал запрос адмиралу Кингу, находившемуся тогда в Касабланке, и через несколько часов получил от него лаконичный ответ: "Да". Грузовики начали прибывать в Африку менее чем через три недели после того, как я запросил их. Генерал Сомервелл все еще находился в нашем штабе, когда из военного министерства поступило уведомление об отправке последней партии грузовиков. В телеграмме от помощника Сомервелла, генерал-майора Вильгельма Стайера, выразительно излагалась история бесконечных часов напряженной работы по организации этой срочной доставки автомашин морем. Телеграмма заканчивалась предложением: "Уж если так случится, что вам потребуется отправить туда Пентагон, то, пожалуйста, постарайтесь поставить нас об этом в известность хотя бы за неделю".

Полученный транспорт позволил усилить снабжение наших войск, а самое главное - быстро перебрасывать их с одного участка фронта на другой. Последняя переброска всего американского 2-го корпуса из района Тебессы в Северный Тунис была бы совершенно невозможной без этого дополнительного автотранспорта. В это же время наши железнодорожные войска под руководством бригадного генерала Карла Грея делали чудеса с ветхой французской железнодорожной линией, подходившей к фронту. Когда мы пришли в Северную Африку, эта железная дорога могла в сутки пропускать максимум 900 тонн грузов. Энергия янки и современные американские методы эксплуатации позволили Грею довести ежесуточную пропускную способность дороги до 3 тыс. тонн, и это до того, как он еще не получил из США ни одного локомотива, ни одного вагона.

Другим особо радовавшим обстоятельством было постоянное наращивание сил нашей авиации и усиление ее эффективности, строительство аэродромов и баз. Быстро был восстановлен и пущен в эксплуатацию порт Триполи, который только недавно захватили действовавшие в пустыне английские войска. Теперь у нас появилась определенная уверенность, что наступление 8-й армии не будет остановлено, как это часто случалось раньше из-за нехватки материальных ресурсов.

И последнее преимущество этого периода заключалось в том, что стало возможным создать всю структуру командования на

разумной и стабильной основе в соответствии с договоренностью, достигнутой на конференции в Касабланке. Все военно-воздушные силы объединились под командованием главного маршала авиации Теддера, заместителем которого назначался генерал Спаатс; командование сухопутными войсками на тунисском фронте возлагалось на генерала Александера, который, освободившись от необходимости командовать тоже одной-единственной армией, что мешало генералу Андерсону выполнять свои непосредственные функции, теперь мог посвятить все свое внимание повседневной координации усилий союзных войск.

Вскоре после 1 марта я заменил командира 2-го корпуса Фридендолла генералом Паттоном. У меня не было никаких намерений понизить Фридендолла в должности или возложить на него вину за первоначальные поражения в боях под Кассерином, и я проинформировал его об этом. Не только он, но и другие, в том числе я сам, несли ответственность за ту неделю поражений. Но моральное состояние людей во 2-м корпусе было поколеблено, и войскам нужно было быстро вернуть уверенность в собственных силах. Для такого дела в армии не было более подходящей фигуры, чем генерал Паттон, в то время как в отношении Фридендолла у меня сложилось убеждение, что он больше подходил для работы по обучению войск в США, чем для руководства войсками в бою. Я порекомендовал генералу Маршаллу дать Фридендоллу пост командующего армией в США; позднее он получил там звание генерал-лейтенанта.

Энергичность генерала Паттона и его строгая требовательность помогли ему быстро восстановить боевой дух и боеспособность 2-го корпуса. К тому же войска теперь имели опыт и стали ценить боевую выучку, дисциплину и решительность действий в боевых условиях. Были быстро восполнены наши потери в живой силе, танках и другой боевой технике, все восточные аэродромы вновь перешли в наши руки, и там уже находилась истребительная авиация.

Условия зимней погоды и местности в пустыне были значительно лучше, чем на севере, и 8-я армия под командованием генерала Монтгомери могла продолжать свое наступление на запад с целью соединения с нашими войсками на правом фланге в Тунисе. Мы предвидели, что для осуществления этой задачи основное сражение войск генерала Монтгомери состоится на "линии Марет" - оборонительных позициях, в свое время построенных французами вдоль тунисской границы. Чтобы помочь генералу Монтгомери в этом сражении, генерал Александер приказал американскому 2-у корпусу сосредоточить

свои основные усилия в районе Гафсы и оттуда наступать в восточном направлении, с тем чтобы максимально отвлечь силы Роммеля, действовавшие против 8-й армии. Этот маневр дал ожидаемые результаты, поскольку Роммель не мог допустить оголения своих линий коммуникаций и был вынужден использовать значительную часть войск, чтобы обезопасить себя от подобной угрозы.

В ночь на 20 марта генерал Монтгомери был готов начать наступление на "линию Марет". Последовало ожесточенное сражение, но благодаря блестящей и быстрой переброске войск в ходе разыгравшихся боев он внезапно обошел противника с фланга и стремительно погнал его на север. Вскоре части 8-й армии встретились на левом фланге с войсками 2-го корпуса генерала Паттона, которые тоже решительно наступали в восточном направлении. Наконец все наши войска были связаны единой линией фронта.

После сражения на "линии Марет" я посетил генерала Монтгомери. Его 8-я армия представляла собой, вероятно, самую космополитическую армию, когда-либо сражавшуюся в Северной Африке со времен Ганнибала. Помимо англичан в ее рядах воевали шотландцы, новозеландцы, индийцы (в том числе гурки со своими длинными изогнутыми ножами, которыми они отрезали головы врагов), поляки, чехи, французы, австралийцы и южноафриканцы. Не все из них дошли до Туниса. В состав 8-й армии входили американские авиаэскадрильи, летчики которых были первыми американцами, принявшими участие в боевых действиях в Африке. Они участвовали в этой кампании от самого Эль-Аламейна. Во время визита к Монтгомери мне удалось поговорить с экипажами этих эскадрилий и позднее послать им кое-что из солдатской "роскоши", которой они были лишены во время длительного похода через пустыню.

Стремясь отрезать пути отхода немцев перед фронтом 8-й армии, генерал Александер предпринял наступление через проход у Фондака на восток, в сторону моря. В этом наступлении участвовала расположенная на левом фланге американская дивизия 2-го корпуса. Всей операцией руководил командир английского корпуса. Эта американская дивизия не получила в свое время основательной боевой подготовки, а в боях ей не пришлось непосредственно участвовать, поскольку в течение многих недель ее части и подразделения выполняли задачи по прикрытию наших линий коммуникаций. Таким образом, ей впервые представилась возможность действовать в полном составе. Она получила трудную задачу и не справилась с ней. В конце концов прорыв вражеской обороны был осуществлен

английскими соединениями, но оказался не особенно эффективным, поскольку немцы к этому времени сумели отойти в северном направлении. Командир английского корпуса генерал Джон Крокер перед представителями прессы подверг резкой критике неудачные действия американской дивизии. Это был почти единственный случай взаимных англо-американских обвинений в ходе Африканской кампании, но он очень насторожил нас, тем более что такая критика являлась совершенно ненужной. С помощью Александера мы приняли срочные меры, чтобы прекратить это. Ничто так часто и так легко не вызывает трений между союзниками, как бесполезные разговоры, особенно когда в них умаляется роль одного из союзников.

Хотя это наступление и не оправдало наших надежд, но быстрый отход немцев на север привел к резкому сокращению линии фронта, и тем самым американский 2-й корпус оказался готовым для использования где-либо на другом участке.

Возникли некоторые споры относительно пригодности 2-го корпуса для активного участия в заключительном сражении. В штабе Александера считали, что значительную часть корпуса следует направить обратно в район Константины для переподготовки. Действительно, некоторые части корпуса были еще относительно слабо подготовлены. Однако Паттон и я были уверены, что теперь корпусу можно поставить ответственную задачу. Американцы пришли в раздражение не столько из-за грубого обращения союзников с ними, сколько из-за оскорбительных и пренебрежительных замечаний по поводу боевых качеств американских солдат и офицеров; эти замечания исходили от немецких военнопленных и получили некоторое распространение на театре военных действий.

У меня состоялась личная беседа с Александером, в ходе которой я настаивал на использовании 2-го корпуса как единого соединения. Для этого у меня были основания. Во-первых, основные силы сухопутных войск, необходимых союзникам для нанесения поражения Германии, должны были поступать из США, а поэтому необходимость получения большого боевого опыта этими войсками была очевидна. Во-вторых, во всех предыдущих боях корпусу приходилось сражаться небольшими частями, ему ни разу не представилось случая использовать свою силу как мощного единого соединения. В-третьих, после 1 марта моральное состояние корпуса заметно улучшилось, теперь он имел право доказать свою боеготовность и продемонстрировать боевые качества американских войск.

Александер сразу же согласился с моим мнением, что корпус

следует использовать полностью. Он предложил перебросить 2-й корпус через тылы 1-й армии и поставить его на левом фланге напротив Бизерты. Это потребовало четкой работы штабов, чтобы не допустить неразберихи и путаницы на линиях снабжения английской 1-й армии. Однако работники штаба Андерсона и Паттона отработали все детали настолько четко, что переброска корпуса прошла без осложнений. Это был маневр, который в штабных колледжах в предвоенные годы сочли бы невозможным. Однако круглосуточные почасовые графики и четкое управление движением войск на перекрестках обеспечили успех всего маневра.

В это время я сделал еще одно изменение в командовании 2-го корпуса, назначив его командиром генерал-майора Омара Брэдли, который прибыл к нам в конце февраля 1943 года в качестве инспектора. Он получил большой опыт в ходе боев в марте и начале апреля. Настоятельная необходимость в таком изменении вызывалась тем, что нужно было дать возможность генералу Паттону вернуться в штаб 7-й армии и закончить приготовления к вторжению на остров Сицилия, которое планировалось осуществить как можно скорее после завершения Африканской кампании. Вторая, и менее важная, причина, о которой, очевидно, нельзя было в то время говорить открыто, заключалась в том, что 2-й корпус впредь должен был использоваться скорее как общевойсковое соединение, чем танковое, и поэтому замена его командира, специалиста по танковым войскам, командиром-пехотинцем была логичной. 15 апреля 1943 года генерал Брэдли вступил в командование корпусом, часть которого уже заняла отведенные ему позиции на севере напротив Бизерты.

Между тем генерал Монтгомери продолжал продвижение в северном направлении и подошел к рубежу Энфида, где встретился с очень сильной обороной противника и остановился.

Однако теперь уже почти все было готово для нанесения заключительного удара по позициям противника. Авиация, используя каждый благоприятный момент в метеорологических условиях, наносила удары по вражеским коммуникациям между Африкой и Италией и осложняла положение войск держав "оси". С ростом нашего превосходства в воздухе военно-морские силы, продвинув вперед свои базы, тоже активизировали операции. Сухопутные войска, уверенные в победе, стремились побыстрее покончить с противником. Но последний все еще имел сильную оборону в гористых районах, и первым делом нужно было оттеснить его к Тунисской равнине. Наступление началось 23 , апреля по всему фронту. В результате мы добились

удовлетворительного успеха. Теперь уже взаимодействие между авиацией и наземными войсками было намного лучше, чем в начале кампании, и все наши атаки происходили при эффективной поддержке с воздуха. Превосходство в артиллерии еще больше облегчало наши действия.

К тому времени, когда Александер достиг рубежа, откуда он намеревался предпринять свое завершающее наступление, стало очевидным, что дальнейшее наступление с юга силами 8-й армии было бы слишком дорогостоящим из-за трудной местности у Энфида. В то же время мы с уверенностью считали, что немцы будут ждать нанесения главного удара нашей 8-й армией, поскольку она создала себе блестящую репутацию в течение длительного преследования противника через Западную пустыню.

Поэтому генерал Александер, убежденный, что противник будет держать значительные силы против 8-й армии, быстро и скрытно перебросил несколько лучших ее дивизий и придал их английской 1-й армии, чтобы 5 мая начать завершающее наступление.

Наступление развивалось успешно. На левом фланге американский 2-й корпус с несколькими отрядами арабской конницы решительно и настойчиво продвигался вперед и 7 мая захватил Бизерту. Чуть южнее 2-го корпуса английская 1-я армия под командованием генерала Андерсона, наносившая главный удар, вошла в город и порт Тунис приблизительно в то же самое время, когда 2-й корпус достиг Бизерты.

В ходе последних дней кампании в Тунисе два боя на севере - один на участке английских войск и другой на участке американских войск - приковали к себе всеобщее внимание. В обоих случаях противник упорно оборонялся на исключительно сильно укрепленных естественных рубежах, без овладения которыми мы не могли обеспечить для себя полной победы. Таким рубежом на направлении наступления английских войск была высота Лонгстон. В сражении за нее, видимо, были понесены самые большие потери, каких не было в других боях в Тунисе. На пути наступления американских войск таким местом оказалась высота 609, которую, к глубокому удовлетворению американского высшего командования, в конечном счете захватила 34-я дивизия. Ей не представилась возможность пройти курс боевой подготовки в той мере, в какой его прошли другие дивизии, и овладение грозной высотой 609 явилось окончательным подтверждением того факта, что американские сухопутные войска достигли полной зрелости.

Сразу же после прорыва вражеской обороны Александер направил бронетанковые части английской 1-й армии к

основанию полуострова Бон, куда, по нашему мнению, немцы могли отступить, чтобы там организовать упорную оборону в духе Батана. Но быстрые действия Александера, несмотря на то что многие тысячи вражеских солдат все еще продолжали сражаться перед фронтом 1-й армии, сорвали эту последнюю отчаянную попытку противника. После этого бои приняли в основном очаговый характер, и кое-где они еще продолжались до 12 мая. Однако на следующий день все уцелевшие немцы, за исключением некоторого числа отставших в горах от своих частей солдат, сдались в плен. Только за последнюю неделю боев число пленных достигло 240 тыс. человек, из которых приблизительно 125 тыс. составляли немцы{19}. Это было все, что осталось от африканского корпуса и от ряда других немецких и итальянских отборных частей и соединений.

Спасая свою шкуру, Роммель выскользнул из Африки незадолго до окончательного краха немецко-итальянских войск. Миф о его непобедимости был полностью развеян. Арним сдал в плен немецкие войска, а фельдмаршал Мессе, являвшийся номинально командующим всеми силами держав "оси" в Африке, сдал итальянские части. Когда Арнима доставили в Алжир, некоторые офицеры моего штаба считали, что мне следует соблюдать обычай прошлых времен и позволить ему нанести мне визит.

Этот обычай своими корнями уходил к тем временам, когда воевали наемные солдаты, не питавшие настоящей враждебности к своим противникам. Обе стороны сражались из любви к военному искусству, из чувства долга или, что более вероятно, за деньги. В XVIII веке пленный командир мог быть почетным гостем своего вчерашнего противника многие недели или даже месяцы. Понятие, что все профессиональные военные действительно являются товарищами по оружию, в обветшавшей форме дошло и до наших дней.

Для меня Вторая мировая война являлась слишком личным делом, чтобы поддерживать подобную традицию. С каждым днем во мне крепло убеждение, что до этого в войнах между народами силы, выступавшие за благо и права людей, никогда не сталкивались со столь зловещим заговором, с участниками которого нельзя было допускать никакого компромисса. Поняв, что только в результате полного разгрома держав "оси" мог существовать добропорядочный мир, я стал считать эту войну крестовым походом в традиционном смысле этого слова, часто неправильно употребляемого.

В данном случае я сказал начальнику разведки бригадному генералу Кеннету Стронгу, чтобы он получил необходимую

информацию от этих пленных генералов, а что касается их визита ко мне то я запретил делать это, поскольку меня интересовали только те, кто еще не был схвачен нами. Этой линии я придерживался до самого конца войны. При подписании условий капитуляции в Реймсе в 1945 году Йодль был единственным немецким генералом, с которым я разговаривал; ему я сказал, что он будет нести личную и полную ответственность за выполнение немецкой стороной условий капитуляции.

Исход Тунисской кампании был, разумеется, исключительно удачным, однако высшее командование было так занято подготовкой наступления на Сицилию, что для торжества не оставалось времени. Тем не менее 20 мая в Тунисе все же был проведен парад войск, чтобы отметить конец господства держав "оси" в Африке. Захваченные пленные сильно усугубляли наши трудности в подготовке наступления на Сицилию. Скверные линии коммуникаций в Тунисе затрудняли организацию питания, охраны и эвакуации более четверти миллиона пленных. Тем не менее с завершением этой кампании командиры и штабы теперь могли сосредоточить все внимание на решении новых задач. Предварительное планирование Сицилийской операции осуществлялось с февраля 1943 года приданной союзному штабу специальной группой, которая работала под руководством генерала Александера. Теперь она полностью перешла в распоряжение штаба Александера, и весь процесс приготовлений резко ускорился.

Во всех союзных странах с восхищением встретили победу в Тунисе. Она ясно указывала как друзьям, так и недругам, что союзники наконец перешли в наступление. Немцы, которые прошлой зимой потерпели крупное поражение под Сталинградом и были вынуждены отказаться от наступательных операций на русском фронте и перейти к обороне, после поражения в Тунисе могли думать скорее только об удержании своих завоеваний, чем об их расширении.

На Африканском театре военных действий одним из важнейших результатов победы явилось достижение сплоченности союзников и создание единого командования, эффективность которого проявлялась в растущей уверенности и доверии среди всех его членов. Легко преуменьшать препятствия, которые всегда стоят на пути развития действенного механизма управления для крупных союзных сил. Легко увидеть кое-какие препятствия, например, различия в боевом оснащении, обучении, тактике, работе штабов и организационно-штабной структуре. Однако они отходят на второй план по сравнению с проблемами национальной гордости и предрассудков.

В современной войне при наличии огромных возможностей быстро информировать людей о событиях на поле боя каждое незначительное различие сильно преувеличивается, а солдат, сражающийся за свою жизнь, имеет тенденцию становиться очень темпераментным индивидуумом. Даже испытанные ветераны, обычно бескорыстные и невозмутимые, могут проявить внезапную вспыльчивую реакцию на какое-либо крикливое сообщение в прессе в пользу, по их мнению, другой национальности. Проблема эта деликатная, сложная и важная, однако успеха в совместных действиях союзников можно добиться только в том случае, если ответственные лица в правительстве и военные руководители на фронте понимают настоятельные требования обстановки и стремятся сохранить основной принцип единства, будь то при публичных высказываниях или во время конфиденциальных личных контактов с подчиненными. Постоянная преданность концепции единства и подчинение союзным командующим является основой победы. Как только такие командующие потеряют доверие либо правительства, либо большинства своих основных подчиненных, их следует немедленно освобождать от занимаемых постов.

Таков был большой урок для союзников в Тунисе, столь же ценным опытом явилась важность обученности войск. Каждая страна должна обеспечить тщательную техническую, психологическую и физическую подготовку своих солдат, прежде чем бросить их в сражение. Но поскольку война всегда приходит неожиданно, эта подготовка должна быть в основном проведена в мирное время. Пока мировой порядок не станет свершившимся фактом, а всеобщее разоружение - логическим результатом, всегда будет преступлением освобождать людей от такого рода обучения, путем которого обеспечиваются этим людям существенные шансы на выживание в бою. Многие кресты, стоящие сегодня над могилами в Тунисе, являются напоминанием об этой истине. Глава 9. "Хаски"

В ходе последних недель Тунисской кампании, особенно после того как стал очевиден ее исход, наши военные штабы занимались планированием следующей крупной операции. Как указывалось в решении на конференции в Касабланке, следующей операцией должен был стать захват Сицилии. Во время этой конференции Объединенный англо-американский штаб обсудил две альтернативные задачи: первая - наступление на Сицилию с минимальной задержкой после завершения боевых действий в Северной Африке и вторая - захват Сардинии и Корсики.

Участникам конференции в Касабланке я уже излагал свое мнение. Я считал, что Сицилия правильно выбрана очередным

объектом, если главной нашей целью остается очищение Средиземноморья от противника для союзного судоходства. Сицилия находится настолько близко как к Африке, так и к Италии, что практически перерезает Средиземное море, и ее захват существенно уменьшает риск использования этого морского пути. Если же истинной целью союзников является вторжение в Италию и проведение там крупных операций для нанесения этой стране полного поражения, то первоочередной нашей задачей должен стать захват Сардинии и Корсики. Из оценки обстановки вытекало, что эти два острова можно захватить меньшими силами, чем те, которые потребовались бы для захвата Сицилии, и поэтому их захват можно было бы предпринять в более ранние сроки. Кроме того, овладение Сардинией и Корсикой вынудило бы противника идти на более сильное рассредоточение своих сил, чем при простой оккупации Сицилии, лежащей у самого гористого основания Апеннинского полуострова.

Это обсуждение показало, что нужно снова сосредоточить внимание на необходимости установить конечные цели союзников на Средиземном море. Вполне естественно, что могли обнаружиться некоторые различия в убеждениях: мы еще не очень много сделали для разгрома держав "оси", чтобы выработать кристально-ясные выводы относительно конкретных операций, которые со всей определенностью вели бы нас к победе. Генерал Маршалл и я разделяли убеждение: все, что будет сделано на Средиземноморском театре военных действии, должно оставаться вспомогательным по отношению к главной задаче - наступлению через Ла-Манш в начале 1944 года -и должно осуществляться в поддержку этой цели. Одни соглашались с нами в этом, другие считали, что в войне следует воспользоваться любой благоприятной возможностью и что если дела хорошо пойдут в "мягком подбрюшье", то нам не стоит делать паузу только из-за того, что ранее мы приняли решение провести наступление через Ла-Манш. Доктрина использования благоприятных возможностей, столь часто применяемая в тактике, становится опасной при осуществлении стратегии. Существенные изменения в области стратегии отражаются на работе заводов и войсковых учебных центров. Поэтому любые изменения в стратегии следует внимательно анализировать. Более того, в данном случае все первоначальные доводы в пользу наступления через Ла-Манш как нашей основной стратегической цели еще не потеряли своей ценности. Однако как во время конференции в Касабланке, так и позднее оставались нерешенными важные вопросы относительно наилучших способов использования имеющихся на юге сил в

поддержку крупного наступления, намеченного на 1944 год.

На конференции в Касабланке было принято решение о проведении Сицилийской операции по двум причинам, первой из которых было немедленное получение большой выгоды от открытия морских коммуникаций в Средиземноморье. Второй причиной являлось то, что в силу сравнительно небольших размеров острова его оккупация после захвата не потребует непредвиденного увеличения союзных сил в случае, если противник предпримет какие-либо контрдействия в крупных масштабах. Этот довод придавал большой вес точке зрения генерала Маршалла; более того, решение о проведении Сицилийской операции, принятое в январе 1943 года, не содержало никаких обязательств относительно проведения каких-либо других стратегических наступательных операций в этом районе. Захват Сицилии позволил бы еще дальше продвинуть базы нашей бомбардировочной авиации, но это не означало бы, что мы обязательно окажемся вовлеченными в такую кампанию, которая будет без конца пожирать наши ценные ресурсы. Объединенный англо-американский штаб дал указание, чтобы генерал Александер, помимо исполнения обязанностей в качестве моего заместителя, возглавил сухопутные войска в Сицилийской операции.

При разработке планов всегда придавалось большое значение роли средиземноморских баз для развертывания нашей бомбардировочной кампании против центральной части Германии. Весной 1943 года в Вашингтоне был разработан план проведения специальных рейдов бомбардировщиков с африканской базы на нефтеносные районы Плоешти в Румынии - наиболее важный и единственный источник нефти, которым располагали державы "оси". План был разработан на теоретической основе, и специальная группа штабных офицеров прибыла из Вашингтона, чтобы объяснить нам его суть. Из-за сильной противовоздушной обороны объекта, большого расстояния до него, характера местности, через которую предстояло лететь бомбардировщикам, и якобы большой эффективности бомбометания с горизонтального полета план предусматривал исключительную внезапность воздушного налета. Каждый экипаж должен был получить конкретный объект в этом огромном нефтепромысловом комплексе и осуществить его бомбардировку на бреющем полете. Авторы плана с большой точностью вычислили вероятность поражения целей и затем на основе этого выделили в два раза больше бомбардировщиков, чем было необходимо. Они подсчитали, что налет будет почти идеальным по своим разрушительным результатам.

Мы высказали свои возражения против уверенности, выраженной прибывшими относительно эффективности одного-единственного рейда. Очень часто на практике мы обнаруживали, что заводы, которые наши специалисты считали полностью разрушенными, на самом деле спустя какие-нибудь недели или даже дни вновь начинали работать на полную мощность. Мы высказали также сомнения и относительно целесообразности этой операции. Целью рейда был выбран огромный нефтеочистительный завод, однако из имевшихся у нас данных мы сделали вывод, что противников избытке имея нефтеочистительные комплексы, испытывает подлинные трудности в добыче нефти и средствах ее транспортировки.

Однако наши возражения и сомнения в данном случае не имели решающего значения, поскольку авиационные части, выделенные для осуществления этой операции, были специально посланы сюда из Соединенных Штатов.

Рейд был осуществлен с большим мужеством 1 августа, пятеро участников получили орден Почета. Как обычно, в математических подсчетах нельзя было предусмотреть всех неожиданных условий, возникших в ходе этой операции, однако в целом рейд оказался успешным. Это был второй налет американской авиации на Плоешти. Когда я еще был начальником оперативного управления, весной 1942 года небольшая группа тяжелых бомбардировщиков поднялась с авиабаз на Ближнем Востоке, чтобы нанести внезапный бомбовый удар по нефтеочистительным сооружениям в Плоешти; однако налет оказался неудачным и большинство самолетов для нас было потеряно. Часть экипажей была интернирована, когда самолеты совершили вынужденную посадку в Турции. Эта ранняя попытка, названная "Проектом Хальверсона" по имени командира группы, в некоторой степени содействовала развеянию иллюзий, будто несколько крупных самолетов могут выиграть войну.

Разработка планов по захвату Сицилии под кодовым наименованием "Операция "Хаски" началась в феврале. Основными вопросами, которые следовало решить, были численность сил, время проведения операции и точные места десантирования. Разумеется, мы не могли полностью рассчитывать на использование войск, которые тогда еще участвовали в боях в Тунисе. Это вынудило бы нас отложить решение относительно времени вторжения на Силицию до завершения боев в Африке, а поскольку эта дата не могла быть точно определена, планирование всех других проблем оказалось бы не окончательным.

Принимая во внимание численность вражеского гарнизона на

острове, мы считали, что в начальной стадии десантирования следует использовать пять или шесть дивизий. Вторжение в таких масштабах требовало сосредоточения очень значительного числа десантно-высадочных средств и боевых кораблей.

В течение весенних месяцев 1943 года мы поддерживали постоянную связь с Объединенным англо-американским штабом, чтобы определить размеры сил и средств, на которые мы могли рассчитывать, и время, когда они поступят в наше распоряжение. Американский штаб считал, что он может направить нам прекрасно обученную 45-ю дивизию, погруженную на корабли конвоя, чтобы начать атаку с моря. У нас имелась 3-я дивизия, которую мы не собирались использовать в боях в Тунисе. Кроме того, в наших планах предусматривалось высвобождение американской 1-й дивизии из зоны боевых действий в Тунисе, как только наш успех там станет очевидным. Эти три дивизии, усиленные 2-й бронетанковой дивизией, все еще находившейся в Марокко, воздушно-десантными частями 82-й воздушно-десантной дивизии и отрядами "рейнджеров", должны были составить американскую часть десантируемых войск. С английской стороны было решено включить в состав десантируемых войск канадский корпус, доставляемый из Англии, в то время как 8-я армия могла еще до завершения Тунисской кампании выделить часть своих сил для подготовки наступления на Сицилию. Этими силами предполагалось атаковать Сицилию в начале июля, и все приготовления основывались на соблюдении этого установленного срока. В силу того что погрузка войск на десантные суда будет производиться в тех районах, где эти войска размещались, конвои должны были подходить к острову с востока, запада и юга.

Выбор районов десантирования оставался сложной проблемой. С точки зрения облегчения подхода к острову из наших разбросанных портов, обеспечения безопасности линий коммуникаций и характера береговой линии юго-восточная часть острова представлялась наиболее благоприятной, однако службы тыла были убеждены, что снабжение запланированного количества войск невозможно обеспечить без наличия портов в районе десантирования. Даже с учетом того, что будет быстро захвачен порт Сиракузы на восточном побережье острова, операция, как заявляли специалисты, без дополнительных портов потерпит неудачу вследствие нехватки подкреплений, боеприпасов и других предметов снабжения. Выход из этого положения состоял в том, чтобы наступление на остров осуществить с расчетом быстрого овладения многими плацдармами и портами, но поскольку мы были ограничены в

десантно-высадочных средствах, то каждое такое отдельное десантирование оказалось бы сравнительно слабой атакой с моря. Опыт, который мы имели до сих пор, позволял нам не считаться с противодействием неприятеля десантированию; однако в предстоявшей операции итальянские части будут оборонять свою собственную территорию, а этого нельзя было не учитывать.

Наши разведывательные службы серьезно занимались точным выявлением численности немецкого гарнизона на острове. Мы считали, и последующий опыт подтвердил достоверность наших выводов, что если немецкие войска в момент наступления на остров будут составлять значительно больше, чем не полностью укомплектованные и оснащенные дивизии, то наш десант в том составе, как мы его планировали, окажется слишком слабым и нам разумнее воздержаться от проведения операции, пока мы не сумеем собрать более крупные силы для ее осуществления.

В связи с заключением служб тыла о невозможности нормально обеспечивать снабжение нескольких дивизий первого эшелона и доставлять им подкрепления через южный и восточный участки десантирования мы разработали и приняли в опытном порядке другой план, предусматривавший поэшелонное десантирование, начиная с юго-востока; за ним следовал второй десант на юге, а затем третий в районе Палермо на северном побережье. Идея заключалась в том, что каждый десант будет обеспечивать воздушное прикрытие следующему десанту, в итоге мы получили бы ряд плацдармов и портов в самые короткие сроки, создав тем самым необходимые условия для снабжения войск, высадившихся на остров.

Рискованность такой операции заключалась в том, что неудача с десантированием одной из групп заставила бы отменить десантирование последующих эшелонов и даже при условии успешной высадки эшелонов первой волны последующее сосредоточение было бы затруднено. Таким образом, мы шли на риск быть разбитыми по частям. Эту последнюю возможность мы всерьез не принимали, зная, что в момент десантирования немецкий гарнизон на острове по своей численности не превысит критических размеров, то есть не будет значительно больше двух дивизий. Но план операции был слишком сложным, а это всегда большой недостаток. Однако вначале план казался нам единственно возможным решением этой проблемы.

По мере того как шло время, становилось очевидным, что немцы принимают меры по усилению своих войск на острове, однако из имевшихся у нас данных мы сделали вывод, что противник еще не превзошел того уровня сил, который мы считали для себя критическим.

В действительности никому из нас не нравился план поэшелонного десантирования. Сложность его осуществления, рассредоточение сил и скорее последовательное, чем одновременное, десантирование приводились как факторы риска, увеличивавшие шансы на поражение в силу отсутствия портов. Монтгомери, этот убежденный сторонник концепции массированного использования сил, предлагал бросить мощные силы на юго-восточную часть острова. В связи с таким предложением мы снова приказали службам тыла изучить эту проблему, и на этот раз они пришли к более оптимистичным выводам, чем несколько недель назад.

Это изменение плана явилось результатом непредвиденного получения значительного числа больших танкодесантных кораблей и налаживания массового производства "утки" - самоходной десантно-переправочной машины, которая оказалась одним из наиболее ценных боевых средств, изготовленных Соединенными Штатами за время войны. Кстати, четыре других вида боевой техники, которые большинство старших офицеров стали относить к числу наиболее важных для достижения успеха в Африке и Европе, были бульдозер, джип, грузовик грузоподъемностью 2,5 тонны и самолет С-47. Любопытно отметить, что ни один из них не был разработан для боевого применения.

Имея под рукой столь значительное количество улучшенной боевой техники, службы тыла согласились с тем, что их первоначальные наметки могут быть существенно пересмотрены в сторону увеличения. Согласно окончательно принятым планам английские войска шли на восточное побережье острова, а американские на правую часть южного побережья.

Прежде чем перейти к остальным вопросам, необходимо сказать несколько слов и о другом плане. Некоторые военные и ученые с тех пор упорно доказывают мне, что если бы мы правильно оценили невысокий уровень боеспособности огромного итальянского гарнизона, то стали бы придерживаться плана окружения вражеских войск и захватили бы остров за 10-15 дней вместо 38, которые фактически потребовались. Более того, как утверждают сторонники этой версии, мы захватили бы в плен основную группировку немецких войск, оборонявшую остров, вместо того чтобы просто оттеснить ее обратно в Италию. Вполне возможно, что после быстрого захвата Сиракуз, Джелы и Палермо мы, может быть, оказались бы в состоянии захватить Мессину, этот ключевой пункт, еще до того, как немцы сумели бы сосредоточить достаточные силы, чтобы отразить любые наши десанты. Но даже теперь, задним числом, невозможно с

уверенностью утверждать, что весь итальянский гарнизон острова прекратил бы сопротивление. Я все же убежден, что мы поступили разумно, сосредоточив максимально возможные силы и приступив к методическому захвату острова, на котором оборонявшиеся войска противника составляли около 350 тыс. человек. Во всяком случае, был принят план простого одновременного наступления на всех намеченных участках береговой линии.

Для осуществления участия англичан в захвате острова генерал Александер назначил 8-ю армию под командованием генерала Монтгомери, в то время как американские войска возглавил генерал Паттон, который был снят с Тунисского фронта в середине апреля. Генералу Александеру поручалось руководить непосредственно действиями сухопутных войск, сведенных в 15-ю группу армий.

Когда эти планы находились еще в стадии разработки, стало ясно, что было бы желательно сначала захватить остров Пантеллерия, лежащий приблизительно на полпути между Сицилией и северо-восточным побережьем Туниса. Этот остров был широко известен как "Гибралтар Центрального Средиземноморья", и многие считали его неприступным. На острове имелся аэродром, с которого самолеты держав "оси" могли действовать против нас, но, что еще важнее, мы сами остро нуждались в этом аэродроме, чтобы с него обеспечивать дополнительную авиационную поддержку Сицилийской операции. За исключением небольшого количества самолетов Р-38, мы все еще использовали английские "спитфайеры" и американские Р-40 с небольшим радиусом действия, и перенос их баз ближе к целям дал бы нам огромные преимущества.

В географическом отношении остров Пантеллерия представлял собой препятствие, приводящее нас в смятение. Его местность совершенно непригодна для использования воздушно-десантных войск, в то время как береговая линия настолько скалистая, что только через вход одной крохотной гавани острова можно высаживать войска из десантных катеров. Нам, вероятно, пришлось бы использовать всесокрушающий огонь, чтобы высадиться, то есть сила огня должна быть настолько огромной, что, несмотря на отсутствие внезапности, наши штурмовые эшелоны могли бы выйти на берег и закрепиться там.

Многие из наших опытных командиров и штабных офицеров решительно высказывались против такой операции, поскольку любая неудача оказала бы обескураживающее воздействие на войска, предназначенные для высадки на сицилийском побережье. Однако адмирал Каннингхэм, в частности, был

согласен со мной, что остров можно взять ценою незначительных потерь. Мы исходили из убеждения, что большинство итальянцев питает истинное отвращение к войне и ищет любого подходящего предлога, чтобы покончить с ней. Мы считали, что, если остров подвергать интенсивной воздушной бомбардировке в течение нескольких суток, лишив гарнизон какой-либо возможности спать или отдыхать, десантирование, поддержанное сильным огнем корабельной артиллерии, будет относительно легким. Вполне возможно, что гарнизон капитулирует заранее.

Мы приступили к осуществлению этого плана, поскольку наши военно-воздушные силы теперь настолько окрепли, что предпринять бомбардировку такого рода не составляло особого труда. Главный маршал авиации Теддер, генерал Спаатс и другие офицеры военно-воздушных сил с энтузиазмом поддержали план. За шесть дней и ночей было сброшено приблизительно 5 тыс. тонн бомб на восточную часть острова, и на такой ограниченный участок, что концентрация огня оказалась выше всех предыдущих бомбовых ударов.

Фактический захват острова оказался легким делом. Вражеский гарнизон капитулировал 11 июня, как раз в момент, когда наши войска пересаживались в штурмовые лодки из более крупных судов. Немногие офицеры имели какое-либо представление о тех сомнениях и опасениях, которые пришлось преодолевать, начиная эту операцию. В самом деле, высказывались настолько решительные возражения, что я решил лично провести разведку непосредственно перед началом десантирования, для того чтобы самому установить, что оборона противника была действительно ослаблена и успех операции обеспечен. Эта разведка проходила во время обстрела острова корабельной артиллерией и бомбардировки с воздуха за два дня до десантирования с таким расчетом, чтобы создать у оборонявшихся впечатление о фактическом начале наступления. Вечером накануне адмирал Каннингхэм и я взошли на борт английского крейсера в Боне и в течение ночи на полной скорости неслись на восток, чтобы присоединиться к эскадре недалеко от острова Пантеллерия. Каннингхэм сказал мне, что весь этот район заминирован, за исключением очищенной от мин узкой полосы, по которой мы шли. Это подтолкнуло меня задать вопрос: "А нет ли тут плавающих мин?" Он ответил: "О, конечно есть, но на такой скорости образующаяся волна отбрасывает их в сторону от корабля. Нам просто не повезет, если мы наскочим на нее".

Эскадра в составе пяти крейсеров и десяти эсминцев начала обстрел около одиннадцати часов, а в это время самолеты волна

за волной сбрасывали бомбы на выделенные им цели. Противник реагировал слабо, его ответный огонь носил спорадический характер. Хотя все наши корабли подошли вплотную к берегу, а малые быстроходные катера - почти к самому молу, ни один корабль не получил повреждений. Подтвердилось наше с Каннингхэмом убеждение, что десантированию будет оказано незначительное противодействие и что мы могли бы уже сейчас захватить остров, если бы с нами находились войска.

Премьер-министр, прибывший с визитом ко мне в Африку, очень хотел отправиться с нами на эту операцию. Я уклонился от прямого ответа. На его участие я никогда бы не согласился, считая, что это было бы ненужным риском для столь важного человека. Потом мне было трудно объяснить ему, что адмирал Каннингхэм и я давно намеревались произвести эту разведку боем. Спустя два года он вновь напомнил мне, что я тогда очень несправедливо поступил в отношении его, тем более что он имел личную "финансовую заинтересованность" в этом деле.

Черчилль считал, что на острове Пантеллерия не более 3 тыс. итальянских солдат, и мы заключили небольшое пари. Он предложил выплатить мне по пять сантимов за каждого пленного сверх этой цифры. Мы взяли в плен 11 тыс., и, хотя я уже забыл об этой шутке, он тут же выплатил свой проигрыш, подсчитав сумму, и заметил, что по такой таксе (одна двадцатая цента за каждого пленного) он готов купить всех пленных, которых мы захватим.

Захватив Пантеллерию, мы сразу же перебросили на аэродром острова сильную авиационную часть. Тем временем мы продолжали улучшать размещение нашей авиации, построив новый аэродром на острове Гоцо у Мальты. На самой Мальте мы посадили столько самолетов, сколько могли принять ее аэродромы.

В конце мая, за месяц до наступления на Сицилию, в наш штаб прибыли Черчилль, генерал Маршалл и начальник имперского генерального штаба генерал Брук, чтобы обсудить последующие цели Сицилийской операции помимо простого захвата острова и обеспечения свободного судоходства на Средиземном море. Нужно было как-то подумать о прекращении в будущем, после захвата Сицилии, крупных операций на Средиземном море, чтобы сберечь силы для главной операции на северо-западе Европы.

Против этого имелись серьезные, обоснованные соображения. Прекращение мощных наступательных действий устранило бы всякую угрозу для немцев на юге Европы и предоставило бы им большую свободу действий. Союзные сухопутные войска на Европейском ТВД оказались бы в полном бездействии с лета 1943

года до начала лета 1944 года. Мы остро нуждались в хороших аэродромах, имевшихся на юге Италии. Наконец, мы хотели продолжать давление, рассчитывая на то, что вскоре Италия выйдет из войны. Такой поход привел бы к выводу с Балкан итальянских гарнизонов и вынудил бы Германию еще больше распылять свои силы.

На совещание были вызваны Александер и Монтгомери; в его работе участвовали адмирал Каннингхэм, главный маршал авиации Теддер, генерал Спаатс и мой начальник штаба Смит. Черчилль был в ударе, когда красноречиво рисовал в розовых красках картину тех возможностей, которые, как он предвидел, откроются для нас с захватом Сицилии. В ходе обсуждения он утверждал, что не имеет никаких намерений вмешиваться в приготовления к наступлению через Ла-Манш в 1944 году, но обеспокоен, понимаю ли я желание двух правительств воспользоваться любой благоприятной возможностью, какая может возникнуть в результате падения Сицилии. Он опасался, что мы будем истолковывать свою задачу в столь узком плане и с захватом Сицилии независимо от обстоятельств остановимся.

Поскольку нормальным явлением в любом сражении является максимальное использование достигнутых успехов, я лично испытывал сомнения насчет того, чего, собственно, премьер-министр ожидал или хотел. Однако в моем присутствии он не предлагал начать никакой кампании в крупных масштабах, скажем, на Балканах или даже в Северной Италии, в качестве минимальной цели. Казалось, он был искренне обеспокоен скорейшим захватом Южной Италии и, как мне представлялось, в данный момент не выдвигал никаких иных планов.

Однако в частном разговоре генерал Брук сказал мне, что премьер-министр был бы рад пересмотреть планы наступления через Ла-Манш, и причем основательно, чтобы исключить эту идею из принятой союзниками стратегии. Брук командовал корпусом в скоротечной кампании на Европейском континенте в 1940 году, и Александер, и Монтгомери служили в его корпусе. Импульсивный по натуре, как это свойственно ирландцам, Брук был исключительно умным профессионалом, искренне преданным единственной цели - выиграть войну. Когда я впервые встретил его в ноябре 1941 года, он показался мне скорее находчивым, чем вдумчивым, и скорее прозорливым, чем мудрым. Однако постепенно я понял, что его манера поведения, которая казалась мне странной, есть чисто случайное проявление его необычного характера, что он был искренен, хотя ему и недоставало той особенности, какая была присуща генералу Маршаллу, - спокойно взвешивать противоречивые факторы в

проблемы и принимать после этого твердое решение. Вскоре я понял, что работать с ним легко. Он не боялся остро и решительно высказывать свое мнение и делал это прямо и честно, даже если оно расходилось с мнением других. Горячие официальные споры никогда не отражались на дружественности его личных контактов или на безоговорочной поддержке им тех или иных предложений. Его следует отнести к категории блестящих военных профессионален. Поэтому я внимательно слушал в тот момент, когда генерал Брук излагал свою точку зрения.

Он сказал, что поддерживает идею использования нашей военно-морской и воздушной мощи для блокады Германии и уничтожения ее промышленности, уклоняясь от крупных сухопутных сражений на главных фронтах. Он придерживался мнения, что в большом сухопутном сражении мы оказались бы в крайне невыгодном положении и понесли бы огромные и бесполезные потери. Он не хотел бы открывать более крупный фронт, чем тот, который мы могли поддерживать в Италии. Я не знаю, соглашался ли премьер-министр с той частью этого заявления, которая поддерживала откладывание на неопределенное время наступление через Ла-Манш, но генерал Брук действительно хотел направить в Италию максимальное количество союзных войск из имевшихся на Средиземноморском театре военных действий.

Любое предложение об отказе от операции "Оверлорд" или намек на это всегда могли служить поводом для того, чтобы генерал Маршалл и я решительно и бескомпромиссно выступили против такого нарушения согласованного решения. Мы оба не только поддерживали все те основные соображения, побудившие первоначально принять концепцию операции "Оверлорд" как нашего главного стратегического усилия в Европе, и не только повторяли их при любом удобном случае, но и внимательно рассматривали каждое предложение относительно использования войск в других местах, если оно отодвигало перспективу проведения операции "Оверлорд". Мы оба допускали, что успешное вторжение в Южную Италию принесет выгоду, и стремились к этому, но мы решительно отказывались связывать себя или союзные войска с кампанией выигрыша всей войны с помощью итальянского варианта.

Это и другие соображения привели нас к соглашению, которое, по существу, оставило вопросы использования благоприятных условий Сицилийской операции на мое усмотрение; в соглашении подчеркивалась большая для нас ценность аэродромов у Фоджи, однако предполагалось, что я

воспользуюсь любой благоприятной обстановкой, чтобы вторгнуться в Италию. Поскольку для снабжения нас в Италии необходимо было иметь крупный порт, город Неаполь был назван в качестве второго принципиально важного для союзников пункта.

На этом совещании долго обсуждался вопрос относительно плана подвергнуть бомбардировке сортировочные станции возле Рима. Все соглашались с тем, что не следует наносить бессмысленные разрушения Вечному городу -такова была наша политика в отношении всех реликвий древней цивилизации Италии, но было общеизвестно, что немцы воспользовались нашей сдержанностью в отношении Рима, превратив его в главное связующее звено в своей системе коммуникаций. Никакого окончательного решения тогда не было принято, но позднее нам разрешили бомбить сортировочные станции при соблюдении особой осторожности, чтобы не причинить вреда Риму и Ватикану.

За месяц до начала Сицилийской кампании о ней в деталях было сообщено представителям нашей прессы. Этот беспрецедентный шаг был предпринят, как ни парадоксально, в целях обеспечения секретности.

Я считал, что должен положить конец всяким прогнозам военных репортеров относительно будущих намерений войск союзников. Мне было известно, что немцы внимательно следят за нами, и просто поразительно, какими мастерами становятся офицеры разведки в сведении воедино отдельных обрывочных, на первый взгляд, несущественных данных для составления общей картины намерений противника. В это время Северная Африка превратилась в муравейник, в котором все готовились к вторжению на Сицилию. На каждом участке побережья, где только было возможно, проводились учения; порты заваливались грузами военного назначения; во всех гаванях и бухтах стояли десантно-высадочные катера. Казалось бесспорным, что если репортеры в поисках интересных репортажей для своих газет и радио будут продолжать сообщать о развернувшейся деятельности наших войск, то вскоре противник сможет дедуктивным способом довольно точно определить силы и время нашего вторжения, даже если нам удастся скрыть предусмотренные районы десантирования.

В периоды затишья на фронте репортеры имеют привычку заполнять свои репортажи всякого рода предположениями, а поскольку после нескольких месяцев пребывания в действующей армии любой корреспондент приобретает значительное мастерство в интерпретации будущих событий, то усиливалась

опасность, что вскоре противник будет знать о наших планах в деталях. Я не думаю, что рассуждения таких военных аналитиков на родине, вдали от театра военных действий, представляют какую-либо существенную ценность для противника. Их заключения, составляемые вдали от событий, основываются на самой поверхностной информации, и обычно они скорее забавны, нежели опасны, хотя и становятся опасными по мере приближения к истине и использования статистических сведений в подкрепление своих предположений. Однако совершенно иное дело, когда репортеры высказывают свои предположения, находясь в действующей армии. В силу врожденного отвращения к не разъясненному введению цензуры и, больше того, в силу доверия, которое у меня сложилось к честности репортеров, я решил посвятить их в свои тайны.

Это был эксперимент, который я бы не особо хотел повторить, поскольку такое раскрытие секретов возлагает тяжелое бремя на человека, первой обязанностью которого является сохранение этих секретов в тайне. Но, делая это, я сразу же возложил на каждого репортера на нашем театре военных действий ответственность, какую испытывали я и мои коллеги. Успех был полный. Впредь, начиная с этого момента и до начала операции, никаких рискованных сообщений не было отправлено с театру военных действий и ни один представитель прессы не пытался отправить такой материал, который мог бы иметь какую-либо ценность для противника. Уже после того как операция была завершена, многие корреспонденты говорили мне о том страхе, который они испытывали, опасаясь даже косвенного раскрытия секретов. В период подготовки к операции они с неохотой обсуждали даже между собой этот вопрос и выдумывали самые изощренные наименования для отдельных предметов боевого оснащения войск и деталей планируемой операции.

Рты у всех раскрылись, когда я начал совещание с репортерами сообщением, что в начале июля мы вторгнемся на Сицилию, что 7-я армия под командованием генерала Паттона будет десантироваться на южном побережье острова, а английская 8-я армия под командованием генерала Монтгомери - на восточном побережье к югу от Сиракуз. Наступило почти мучительное молчание, когда я говорил, что генерал Александер будет командовать обеими армиями и что мы уже осуществляем подготовительные воздушные операции, чтобы уничтожить авиацию противника, перерезать его морские и наземные коммуникации и тем самым ослабить вражескую оборону. Я сообщил репортерам, что мы осуществляем эти воздушные налеты таким образом, чтобы заставить противника поверить, что

мы атакуем западную оконечность острова. Я также сообщил, что в операции мы используем воздушно-десантные войска в значительно более крупных масштабах, чем где-либо до сих пор.

Операция началась в ночь на 9 июля точно по плану.

Так как на Мальте имелась прекрасная система связи военно-морских сил, то это место было выбрано для размещения нашего штаба на период начальных фаз операции. Большинство наших военно-воздушных сил размещалось на аэродромах северо-восточной части Туниса, так что основной штаб авиации должен был оставаться поблизости от древнего Карфагена. Генерал Александер, адмирал Каннингхэм и я отправились на Мальту примерно за сутки до начала операции. На Мальте мы были гостями фельдмаршала Горта, губернатора острова.

Тогда на Мальте обстановка сильно отличалась от той, какая была всего несколько месяцев назад, когда остров еще оставался объектом налетов вражеской авиации, -не получавшей достаточного отпора. Мальта перенесла страшные удары, но дух ее защитников не был поколеблен. По мере приближения авиации и военно-морских сил союзников через Северную Африку жители Мальты проявляли исключительное мужество. К тому времени, когда нам потребовалось использовать военные сооружения на острове, аэродромы там были уже в отличном состоянии, а местный гарнизон горел желанием схватиться с врагом.

Эпизод, связанный с этими приготовлениями на Мальте, относится к истории строительства аэродрома на небольшом острове Гоци. Местность на острове настолько неблагоприятная, что английские саперы, которые в основном использовали ручной труд и легкое техническое оснащение, оставили всякую надежду построить на острове аэродром для его использования в операциях против Сицилии. К счастью, в самый решающий момент у маршала авиации Парка, командовавшего авиацией на Мальте, оказался в гостях американский инженер, специалист по строительству аэродромов.

Парк рассказал своему гостю об этом затруднении и, показав ему местность, где нужно было построить аэродром, спросил, сколько времени, по мнению инженера, потребуется для создания взлетно-посадочной полосы. "Десять дней", последовал небрежный ответ, настолько неожиданный, что Парк решил, что над ним шутят. Однако, заметив, что инженера заинтересовала эта проблема, он спросил: "Когда вы можете начать работы?" - "Как только прибудет сюда моя строительная техника, на что уйдет несколько дней".

Последовал обмен радиограммами, и через тринадцать дней после того, как первая американская строительная часть

высадилась на острове, со взлетно-посадочной полосы поднялся в воздух первый истребитель.

Для сотворения такого, казалось бы, чуда американские саперы использовали почти все виды современных землеройных машин, какие можно найти на крупной строительной площадке в Соединенных Штатах, - оснащение, вызывавшее зависть у английских саперов, которые даже не представляли, что такую технику можно доставить на столь отдаленный участок активного театра военных действий. Об этом мне неоднократно говорили английские офицеры на острове, восхищение которых американскими саперами граничило чуть ли не с благоговейным трепетом. Эта взлетно-посадочная полоса для истребителей помогла нам оказать дополнительную помощь в воздушной поддержке нашего наступления на Сицилию.

Конвои, доставлявшие войска в районы десантирования, должны были отправляться с портов на всем побережье Северной Африки. Расчет времени и заключительный маневр различных судов и кораблей следовало точно осуществить в узких, полных мин водах, отделяющих Сицилию от материка, и произвести необходимые перестроения таким образом, чтобы держать противника в состоянии неопределенности до самого последнего момента. Адмирал Каннингхэм, адмирал Хьюитт и их подчиненные выполнили свою задачу безукоризненно.

Все, казалось, шло превосходно до самого дня вторжения. Затем погода, в этой части Средиземного моря обычно спокойная летом, начала настолько серьезно ухудшаться, что возникла угроза срыва десантирования. Поскольку в целом ветер дул с запада, то нас беспокоила обстановка в пунктах высадки десантов на южном побережье. Пункты высадки на восточном побережье прикрывались от ветра самим островом.

Многие часы я провел вместе с адмиралом Каннингхэмом в его кабинете, куда синоптики периодически доставляли сводки погоды и прогнозы. К заходу солнца ожидалось ослабление скорости ветра, и это нас обрадовало: появилась надежда, что к полуночи условия для десантирования будут удовлетворительными.

Кое-кто из нас, выходя на улицу размяться, с тревогой посматривал на флюгер почти с молитвой на устах, так как приближался час, когда уже станет невозможно повернуть десантные войска обратно. От генерала Маршалла поступил запрос: "Состоится высадка или нет?" "Я бы хотел сам знать это!" - мысленно отреагировал я. К вечеру стали поступать прогнозы на некоторое улучшение. Мы решили действовать, как было запланировано, я так и радировал генералу Маршаллу. Я считал,

что даже если войска, следовавшие к южному побережью, найдут необходимым задержаться с десантированием, то те, кто идет к восточному побережью, наверняка высадятся на берег, и у нас будет меньше путаницы и ущерба, чем если бы нам пришлось остановить всю армаду.

Однако вечер был уже на исходе, а скорость ветра не уменьшалась. Нам ничего не оставалось делать, разве что молиться, и молиться отчаянно. Глава 10. Сицилия и Салерно

Согласно плану первыми должны были достигнуть острова воздушно-десантные войска. Маршрут некоторых из них пролегал непосредственно через Мальту, и многие из нас поднялись-на холмы, чтобы наблюдать за их пролетом. В штормовую погоду самолетам было трудно выдерживать точное направление. На командном пункте нашей авиации мы узнали, что много самолетов и буксируемых планеров сбилось с курса, но в общем колонны шли к намеченным объектам; и когда одна из них, за которой мы наблюдали, проследовала над нами, мы вернулись в помещения, чтобы там дождаться первых донесений. Большинство из нас устроились на ночлег, чтобы отдохнуть несколько часов.

Первые донесения, поступившие утром, содержали и хорошие и плохие известия. Многие планеры, выделенные для поддержки действий английских войск, были отцеплены от буксировщиков слишком далеко от своих объектов, и из-за сильного ветра некоторые из них упали в море. Мы опасались больших потерь в людях, хотя потом выяснилось, что потери были меньше, чем мы предполагали, и все же это был трагический инцидент. На обоих участках десантирование с моря, казалось, проходило нормально, при умеренном сопротивлении со стороны противника.

На южном участке парашютисты уже приземлились, хотя в некоторых случаях они сели далеко от тех мест, где предусматривалось. Мы пришли в изумление от донесений об успешном десантировании в американском секторе, где, как мы думали, контр-адмирал Алан Кирк, возможно, даже отложит на несколько часов пересадку войск на десантно-высадочные катера, надеясь на улучшение погоды. Адмиралу Каннингхэму трудно было поверить, что в том секторе произошло десантирование, и он немедленно отправился туда на эсминце, чтобы лично удостовериться в этом. Вернувшись, адмирал доложил, что высадка войск на берег на участке 45-й дивизии явилась одним из блестящих примеров искусного кораблевождения, которое он с удовольствием наблюдал впервые за свои сорок пять лет морской службы.

По мере поступления боевых донесений становилось

очевидным, что противник введен в глубокое заблуждение относительно мест высадки наших десантов. Его лучшие соединения размещались в основном на западной оконечности острова, на которую, как он, видимо, полагал, мы будем высаживать свои войска в силу ее близости к портам в Северной Африке. Его реакция была типичной. Он бросил свои наиболее подвижные части на восток и юг, чтобы атаковать американскую 1-ю дивизию у Джелы. Дивизия еще не успела достаточно прочно закрепиться на берегу, и эти атаки угрожали расчленить ей боевой порядок в случае прорыва противника к морю, однако у него не хватало войск поддержки, в частности пехоты и артиллерии. Мужественно сражаясь, 1-я дивизия при устойчивой поддержке воздушно-десантных подразделений и с помощью огня корабельной артиллерии отразила вражеское контрнаступление после нескольких часов кратковременных, но ожесточенных стычек.

Полагая, что противник может начать повторные контратаки на этом участке, я вечером вышел из Мальты на английском эсминце, чтобы посетить Паттона и Хьюитта, которые здесь командовали, соответственно, сухопутными и морскими силами. Когда я на следующее утро прибыл туда, немцы отходили, видимо, с целью укрепить свою оборону в критическом районе Катания. И хотя мы с эсминца успели увидеть только редкий артиллерийский огонь, тем не менее мы получили хорошее представление о достигнутом успехе на южном побережье, а двое сопровождавших нас репортеров сделали фотоснимки для своих репортажей. Я воспользовался случаем, чтобы остановиться на берегу и направить канадскому корпусу приветствие союзного командования.

До этого времени никогда в истории не было даже близкой по своим размерам морской десантной операции, какую осуществили мы. В водах на многие мили напротив береговой линии стояли сотни судов, а небольшие катера, подобно веренице муравьев, доставляли войска на берег. Над головой в небе носились истребители прикрытия.

Местом, которое мы хотели захватить как можно быстрее, был порт Мессина на северо-восточной оконечности полуострова, как раз в узком проливе напротив Апеннинского полуострова. Через этот порт осуществлялось почти все снабжение вражеских войск, и если бы мы захватили его, положение противника на острове оказалось бы безнадежным. Немецко-итальянское командование, столь же ясно, как и мы, понимая эту простую истину, быстро собрало силы, чтобы заблокировать продвижение войск Монтгомери, находившихся ближе всего к этому месту. В

этом ему исключительно благоприятствовала местность. Вулкан Этна господствует над всей северо-восточной частью острова, а путь наступления 8-й армии на север проходил по узкой дороге у основания Этны вдоль побережья. Первоначально наступление Монтгомери проходило успешно, и он быстро занял восточное побережье острова, включая порт Сиракузы, которым пользовались нацисты и которому в наших планах снабжения своих войск отводилась исключительно важная роль. Дальше при наступлении в сторону Катании сопротивление противника все более усиливалось. После 17 июля 8-я армия находилась на равнине перед неприступной Этной, имея весьма малую надежду пробиться через проходы в северном направлении. Монтгомери начал наращивать силы, чтобы направить их в обход горы с запада. Это была его единственная возможность пробиться к намеченному конечному объекту.

Нас измучила малярия. Нигде за всю кампанию на Средиземноморье у нас не было такого процента потерь в личном составе от этой болезни. В других местах на острове мы тоже имели серьезные потери от малярии, но Катания была основным очагом эпидемия в этом районе.

Между тем Паттон решительно продвигался вперед к центру острова. На левом фланге его подвижные колонны, двигавшиеся по западному периметру острова, вошли в Палермо на двенадцатые сутки после высадки на берег. В результате быстрого продвижения его войск число портов, которыми пользовался противник, сократилось до одного - Мессины; это подорвало моральное состояние огромного итальянского гарнизона, тем более что войска Паттона вышли на рубеж, откуда можно было начать наступление в восточном направлении.

Паттон был искусным знатоком военного дела, всегда высоко ценившим быстроту проведения операций. Скорость движения часто позволяет войскам свести к минимуму преимущества противника, и, что еще важнее, она позволяет в полной мере использовать любую благоприятную возможность и не допустить, чтобы противник перестроил свои силы для отражения атак. Таким образом, благодаря скорости и решительности каждое последующее преимущество достигается легче и экономичнее, чем предыдущее. Ведение таких боевых действий в конечном счете приводит к деморализации противника. После этого скорость должна быть еще больше увеличена - только безостановочное и быстрое преследование противника обеспечивает наиболее полный успех в бою.

По мере приближения 7-й армии к западным склонам Этны сражение приобретало все более ожесточенный характер. Бой за

Троину, проведенный в основном частями 1-й дивизии, стал одним из наиболее ожесточенных схваток в войне. В ходе этого боя противник предпринял двадцать четыре контратаки. Местность была скалистая и сильно пересеченная. Спустя несколько дней после захвата вражеских позиций наши солдаты поразились, когда обнаружили в одной небольшой долине несколько сот убитых немцев. До тех пор эти потери противника не были учтены. Оказалось, что это были жертвы огня американской артиллерии.

Наступая в восточном направлении от Палермо, войска 7-й армии, следуя вдоль береговой линии, осуществили высадку нескольких десантов силой от одного до двух батальонов. Небольшая оперативная группа боевых кораблей под командованием контр-адмирала Лайэла Давидсона и войска, наступавшие по горным прибрежным кручам Сицилии, добились прекрасного взаимодействия при высадке этих десантов. Единственная дорога проходила через бесчисленное множество тоннелей, по путепроводам и мостам, которые противник систематически разрушал, отступая с боями. Наступление 7-й армии вдоль береговой линии в сторону Мессины явилось поистине триумфом мастерства саперов, искусства кораблевождения и смелости пехоты.

К концу июля итальянский гарнизон на острове, за исключением нескольких небольших частей, находившихся под непосредственным контролем немцев, полностью выбыл из игры, однако вдоль огромной зубчатой гряды, центр которой составлял гигантский вулкан Этна, немецкие войска сражались умело и ожесточенно. Здесь сосредоточились их лучшие танковые и парашютные части, с какими мы встречались в войну, и каждую позицию наши войска занимали только тогда, когда оборонявшиеся подразделения оказывались полностью уничтоженными.

Тем не менее к тому времени, когда 7-я и 8-я армии заняли исходные рубежи для заключительной атаки у Этны, немцы поняли, что дело проиграно, и начали эвакуацию своих частей через Мессинский пролив. Наши бомбардировщики наносили удары по переправе через пролив, однако небольшая ширина пролива позволила немцам вывести с острова большинство своих сильно потрепанных частей под прикрытием ночной темноты.

Рано утром 17 августа американская 3-я дивизия вошла в город Мессину. Вскоре после этого сюда подошел отряд 8-й армии. В этот день остатки вражеских сил на острове были уничтожены.

В начале Сицилийской операции генерал Александер питал

некоторую надежду, что войска, высадившиеся на востоке острова, быстро продвинутся на север к Мессине, заблокируют удобный маршрут эвакуации сил противника через пролив, а также, возможно, сами смогут осуществить внезапную высадку десанта на территорию материковой Италии, чтобы обеспечить дальнейшие действия союзных войск.

Действия Монтгомери на восточном побережье начались благоприятно, и в течение первых нескольких дней складывалось впечатление, что надежда Александера сбудется. Но к тому времени, когда Монтгомери подготовился для наступления на усиленные естественными препятствиями оборонительные позиции, протянувшиеся от Этны к морю, противник подтянул сюда слишком большие силы. Возможность для решительных и внезапных действий была упущена, если она вообще существовала. После этого путь 8-й армии на север стал таким же тяжелым с точки зрения преодоления сильно пересеченной местности, как и путь наступления в восточном направлении войск 7-й армии. К тому же 8-й армии приходилось вести боевые действия с превосходящими силами противника. На отвесных скалах, обращенных в сторону моря прямо к востоку от вулкана Этна, я увидел почти невероятное творение войсковых инженеров. Участок дороги, проходившей над ущельем шириной двести метров, был взорван, и саперам пришлось построить через это ущелье эстакаду, способную выдержать самые тяжелые военные грузы. Это был еще один пример того, что могут сделать войска на фронте, когда они оказываются перед острой необходимостью.

Тем не менее опять возникла критика по поводу "осторожности" Монтгомери. Впервые я услышал об этом от представителей прессы и авиаторов, когда Монтгомери был занят долгим преследованием войск Роммеля через пустыню. Критиковать легко - неудачное наступление порождает выкрики "мясник". Точно так же, как каждая пауза вызывает вопли о робости. На подобные обвинения ответить нельзя, поскольку их невозможно ни обосновать, ни опровергнуть. В войне единственным критерием, который можно применить в отношении командующего, становится накопившийся перечень его побед и поражений. При постоянных успехах ему приписывается в заслугу его мастерство, признаются его суждения о возможном и невозможном, отмечаются его способности как военачальника. Те из критиков Монтгомери, которые утверждают, что он иногда не достигал максимума, должны по крайней мере признать, что он ни разу не потерпел крупного поражения. В данном случае я внимательно рассмотрел все подробности как с самим Монтгомери, так и с Александером.

Я тогда считал и считаю теперь, что очертя голову бросаться в наступление против позиций, занятых противником у Этны, теми силами, которые имелись у Монтгомери в середине июля, означало бы идти навстречу собственному поражению. И следовало бы помнить, что осторожность и робость - это не синонимы, как не являются ими храбрость и стремительность движения!

Из американских военных руководителей Брэдли настолько хорошо действовал в Сицилии, что, когда генерал Маршалл в конце августа попросил меня рекомендовать кого-либо на должность командующего армией для американских войск в Англии, я ответил: "Правда заключается в том, что вам следует назначить на этот пост Брэдли. Я освобожу его в любой момент, как только вы скажете". Вскоре после этого генерал Брэдли приступил к исполнению новых обязанностей в Англии.

Одним из важных результатов Сицилийской кампании было дальнейшее укрепление духа товарищества между английскими и американскими войсками в бою. В ходе первой кампании 7-я армия создала себе репутацию, которая принесла ей глубокое уважение со стороны ветерана боев - 8-й армии, в то время как у американцев боевые качества их английских и канадских партнеров вызывали искренний энтузиазм.

В ходе боев была достигнута высокая степень взаимодействия авиации, флота и сухопутных войск. Военно-морские силы, выполняя задачи по проводке судов, по огневой поддержке десантов и материально-техническому обеспечению, творили чудеса. Моряки всегда действовали в точном соответствии с потребностями других родов войск. Настоящей подготовкой к наступлению стали широкие бомбардировочные операции. Не говоря уже об успехах нашей авиации по разгрому воздушных сил противника, они настолько серьезно подорвали вражеские линии коммуникаций на острове и в Южной Италии, что мобильность его войск существенно упала, а их снабжение превратилось в самую тяжелую проблему.

Именно во время этой кампании произошел злополучный "инцидент с пощечиной", связанный с генералом Паттоном. Во время поездки по госпиталям Паттон увидел двух солдат, у которых не было явных физических увечий. Генерал Паттон спросил первого солдата, почему он находится в госпитале. На это солдат ответил: "Генерал, я думаю, что все дело в моих нервах". Паттон пришел в ярость. Он искренне считал, что не существует таких вещей, как психическая травма, полученная в ходе боевых действий, или психический невроз, возникший в результате боя. Он всегда утверждал, что любого человека,

который начинает проявлять признаки психического расстройства под влиянием боевых условий, можно ударом привести в чувство и побудить к выполнению своего долга. В этот момент Паттон сам находился в страшном нервном напряжении под воздействием увиденных им сцен физических мучений и страданий, испытываемых ранеными в госпитале. И он осыпал солдата оскорблениями и ругательствами. Его тирада вызвала возмущение врачей и сестер, но вспышка ярости генерала была настолько бурной, что вмешаться они не посмели.

Буквально через несколько минут Паттон встретил второго солдата, находящегося приблизительно в таком же состоянии. На этот раз генерал потерял контроль над собой и так ударил солдата по голове, что каска с головы этого солдата полетела на землю. На этот раз врачи и сестры, преодолев естественную робость, встали между Паттоном и солдатом.

Однако оба солдата действительно страдали тяжелым психическим расстройством. Один из них был тяжело болен. Позднее врачи подтвердили, что в тот день у него была очень высокая температура. Вскоре Паттон взял себя в руки, чтобы продолжать осмотр госпиталя, и затем покинул его. Но все это время он продолжал громко говорить о трусости людей, утверждающих, что они страдают психоневрозом, и о том, что таким не следовало бы разрешать находиться в госпитале вместе с храбрыми ранеными солдатами.

Эта история моментально получила огласку во всем госпитале и соседних с ним частях. Вскоре ко мне поступил неофициальный доклад от хирурга, возглавлявшего госпиталь, а спустя несколько часов туда явилась группа корреспондентов, чтобы выяснить подробности инцидента. Их сообщения существенно подтверждали суть того доклада, который я уже получил от начальника госпиталя. Возник вопрос: что делать? В условиях боевых действий часто возникает необходимость, как это известно каждому ветерану боев, принимать жесткие меры, чтобы добиться выполнения обязанностей от каждого солдата. Будь то во взводе или батальоне, но если появляются любые признаки колебаний или отказа от выполнения своих обязанностей со стороны какого-либо лица, то они должны быть быстро и решительно подавлены. Солдаты не последуют с уверенностью за своим командиром в бой, если знают, что их начальник не потребует от каждого в подразделении в полной мере выполнять свои обязанности. Когда свистят пули, а безопасность и благополучие каждого в подразделении зависят от добросовестного выполнения им своих обязанностей, солдаты не потерпят слабовольного командира. Поступок Паттона, если бы

он был совершен в боевых условиях, в рамках атакующего взвода, не стал бы проступком. Это был бы просто инцидент в бою, никто даже не придал бы ему значения, разве что подумал бы, что такой командир не простит трусости.

Но в силу условий и места, где произошел инцидент, проступок Паттона был серьезным, тем более что его совершил человек, имеющий высокое звание и служебное положение. Избиение рядового солдата и оскорбление его в условиях госпиталя было по меньшей мере жестокостью, хотя и объяснялось исключительно напряженным состоянием, в котором находился сам Паттон. При развитии успеха и преследовании противника требуется такой начальник, который не признает ничего, кроме необходимости идти вперед; чем больше он гонит людей вперед, тем больше жизней своих подчиненных он спасет. Он должен быть равнодушным к их усталости и безжалостно требовать от них отдать последние силы.

Все это я хорошо понимал и мог объяснить случившееся самому себе, хотя его поступок возмутил меня. Я считал, что Паттона нужно спасти для выполнения им своей роли в больших сражениях, которые нас ожидали и Европе, и тем не менее я должен был найти пути и средства, чтобы свести к минимуму урон, который принесет этот его импульсивный поступок, и увериться, что подобное больше не повторится. Я тогда был очень занят разработкой планов вторжения в Италию и не мог немедленно выехать на остров. В этих условиях я послал на Сицилию троих человек, к суждению, такту и честности которых относился с большим доверием. Одного из них я направил к генералу Паттону, другого - в госпиталь, где произошел инцидент, а третьему поручил посетить дивизии армии генерала Паттона, чтобы на месте удостовериться в степени распространения этой истории среди солдат и выяснять их реакцию на это. Я хотел не только получить доклады из разных источников, но и провести как можно быстрее полное расследование этого случая.

В результате расследования я пришел к выводу, что нужно сохранить Паттона. Я написал ему резкое письмо с выговором, в котором предупредил, что повторение им подобных проступков послужит причиной немедленного его отстранения с поста командующего.

Результаты Сицилийской кампании имели более глубокие последствия, чем просто разгром вражеского гарнизона. Напыщенный Муссолини был свергнут. Признаки неспокойствия и неудовлетворенности в итальянском народе становились все более заметными, и было очевидно, что Италия ищет наиболее

легкого пути для выхода из войны. На место Муссолини в качестве премьера был поставлен старый фельдмаршал Пьетро Бадольо. Первые заявления премьера указывали на намерение его правительства продолжать войну, но было ясно, что это заявление сделано в надежде успокоить немцев и дать итальянцам возможность избежать репрессий со стороны высокомерного союзника.

На самом деле надежды Италии на независимые от немцев переговоры о капитуляции были слишком слабыми, потому что Муссолини позволил или был вынужден согласиться с проникновением во все итальянские правительственные органы бесчисленного количества немцев, готовых наброситься на союзника при первых признаках отказа от альянса и взять под свой контроль итальянский народ как формально, так и по существу. Однако несмотря на бдительность немцев, итальянское правительство, стремясь вступить с нами в контакт, послало агента в Лиссабон. Я направил туда двух своих доверенных офицеров - генерала Смита, начальника моего штаба, и бригадного генерала Кеннета Стронга, начальника разведки, позднее генерал-майора, - в качестве эмиссаров при подготовке безоговорочной капитуляции итальянских войск.

Затем началась серия переговоров, секретных обменов мнениями, тайных поездок секретных агентов и частых встреч в условленных местах. Составлялись различного рода планы, которые тут же отменялись в силу изменения условий. Одним из этих планов предусматривалась высадка крупного воздушного десанта возле Рима. В самый последний момент то ли страх итальянского правительства, то ли переброска немецких резервов, о которой нам сообщили итальянцы, - я так и не узнал, какая из этих причин, - вынудили их отказаться от намеченного плана. Но между тем бригадного генерала Максуэлла Тейлора, позднее храброго командира 101-й воздушно-десантной дивизии, в спешном порядке тайно доставили в Рим, где его личные приключения и приключения сопровождавшего его товарища составили еще одну яркую страницу всей этой захватывающей истории. За всю войну я не просил ни одного другого агента или эмиссара идти на такой риск, на какой шел Тейлор. Имея столь трудное поручение, он выполнил его безукоризненно, каждую минуту рискуя быть раскрытым и встретить свою смерть.

Итальянцы отчаянно желали капитулировать. Однако они хотели сделать это, только получив заверение, что одновременно с капитуляцией в Италии будет высажена мощная группировка сил союзников, которая обеспечит полную защиту как самого итальянского правительства, так и итальянских городов от

немецких войск. Следовательно, они пытались выяснить все детали наших планов. Но мы не стали раскрывать их перед ними, поскольку нельзя было исключить возможность предательства. Кроме того, вторжение в Италию теми силами, какие сами итальянцы считали необходимыми, полностью исключалось по той простой причине, что у нас не было ни войск в этом районе, ни судов для их транспортировки. Итальянские военные руководители не могли представить себе, как союзники предпримут такую операцию силами менее пятнадцати дивизий в войсках первого эшелона десанта. Мы планировали использовать только три дивизии с некоторыми частями усиления помимо тех двух дивизий, которые должны были быть переброшены через Мессинский пролив.

Эти переговоры все еще продолжались, когда в соответствии с планом генерал Монтгомери за одну ночь перебросил через Мессинский пролив две дивизии, не встречая сопротивления, и вторжение союзников на Европейский континент стало свершившимся фактом. Это произошло 3 сентября, на десять дней позже, чем я надеялся осуществить его. Подготовка к десантной операции требует много времени, но если бы мы сумели выиграть в данном случае несколько дней, то потом оказалось бы значительно проще решить проблему Салерно. Тем не менее время было выбрано достаточно правильно, чтобы мы имели возможность использовать позднее для высадки главных сил некоторые из десантно-высадочных средств, перебросивших дивизии Монтгомери через Мессинский пролив. Он сразу начал наступление вверх по Апеннинскому полуострову, а противник вел пассивные сдерживающие бои, с тревогой ожидая нашего крупного наступления.

На некоторое время после падения Муссолини мы несколько ослабили интенсивность воздушных налетов на Италию. Мы публично заявили об этом как о возможности для нового правительства избежать дальнейших разрушений в стране, приняв без промедления наши требования о безоговорочной капитуляции всех итальянских вооруженных сил. Это вызвало резкий протест в Лондоне. Нам вновь напомнили, что командующий войсками на фронте находится под контролем правительства и общественного мнения своей страны. Фактически задержка с бомбардировками была вызвана необходимостью перебазирования авиационных частей и подтягивания к новым базам материально-технических резервов; мы пытались сделать добро по необходимости. Как только командование войск вновь получило возможность с максимальной эффективностью использовать авиацию, оно сразу

возобновило воздушные операции.

При определении тактических планов возник вопрос, мнения по которому резко разошлись. Одна группа считала, что наиболее безопасным, хотя и менее решающим путем наступления в Италии было продвижение в глубь Апеннинского полуострова, после того как Монтгомери овладеет плацдармом. Этот вариант был надежен, но не обещал никаких серьезных результатов. В самом деле, убедившись, что наше наступление последует в этом направлении, противник мог легко заблокировать наши войска на ряде горных рубежей и лишить нас возможности осуществлять маневр силами.

Все говорило о том, что вторжение следует предпринять на более широком фронте. После рассмотрения каждого участка побережья от Рима до самой оконечности полуострова выбор пал на Салернский залив. Крупнейшим недостатком этого плана являлось то, что его логика была очевидна как нам, так и противнику. Основную часть нашей истребительной авиации все еще составляли самолеты с небольшим радиусом действия, и Салернский залив был крайним пределом их эффективной поддержки высадки десантов. Кроме того, между Салернским заливом и "носком итальянского сапога" не было ни одного другого более или менее удобного участка побережья для десантирования, так что мы решились на операцию, не питая никаких иллюзий относительно ее неожиданности для противника.

Между тем переговоры о капитуляции Италии тянулись мучительно медленно. Они были очень сложными и касались все еще сильного итальянского флота, остатков итальянских военно-воздушных сил и итальянских сухопутных сил на всем полуострове и на Балканах. Но прежде всего эти переговоры касались возможности осуществить капитуляцию, поскольку немцы фактически господствовали во всей стране. Наконец мы пришли к соглашению, что капитуляция вступит в силу вечером 8 сентября и что Бадольо и я одновременно сделаем заявления о капитуляции. Я выбрал эту дату, так как в полночь должна была начаться высадка десанта в Салернском заливе. Все эти долгие и подчас раздражавшие переговоры вел с нашей стороны мой начальник штаба.

Все шло в соответствии с планом, и вдруг в полдень 8 сентября я получил сообщение через тайные каналы, что Бадольо пересмотрел свое решение на том основании, что мы проявляли излишнюю поспешность и что результатом будет установление полного господства немцев в Италии и кровавая расправа над теми, кто был причастен к переговорам о капитуляции. Дело

зашло слишком далеко, чтобы дальше тянуть время. Я телеграммой категорически ответил, что независимо от его действий я заявлю о капитуляции в 6.30, как мы договорились ранее, и если я сделаю это без одновременного заявления с его стороны, то у Италии не останется друзей в этой войне. Я находился на своем передовом командном пункте возле Карфагена, когда донесение Бадольо пришло в мой штаб в Алжире. Мои офицеры, совершенно сбитые с толку, обратились по радио за указаниями в Объединенный англо-американский штаб, одновременно направив оригинал донесения мне. Решив действовать по своему усмотрению, я приказал отменить радиограмму, направленную в Объединенный англо-американский штаб, или, если это уже невозможно будет сделать, объяснить ему, что я уже сам отрегулировал этот вопрос. Вечером в 6.30 я объявил по радио о капитуляции Италии. Бадольо, полный страха и нерешительности, спустя полтора часа наконец решил, что ему нужно последовать моему примеру.

Это никоим образом не означало изменения наших планов вторжения. В течение нескольких дней, как мы знали, итальянский гарнизон на побережье Салернского залива заменялся лучшими немецкими войсками, и наша разведка предсказывала тяжелые бои на плацдарме, кульминацией которых станут сильные контратаки где-то между четвертым и шестым днем после высадки на берег.

Четырьмя дивизиями в дополнение к тем двум, которые уже были на итальянском берегу, но далеко на юго-востоке, мы начинали вторжение в страну, где, по нашим подсчетам, находилось восемнадцать немецких дивизий. Хотя войска, следующие за дивизиями первого броска десанта, удваивали первоначальную численность наших сил, в некоторых отношениях операция выглядела безрассудно-смелым предприятием; однако решение начать операцию было принято в силу нашей веры в возможность авиации обеспечить мощное воздушное прикрытие в период наращивания сил на плацдарме, в силу нашей веры в мощь военно-морского флота оказывать огнем корабельной артиллерии непосредственную поддержку высаживающимся войскам, пока те не будут в состоянии сами постоять за себя.

Высадка десанта и последующие бои развивались почти в полном соответствии с предсказаниями разведки. При выходе на берег произошла решительная, но сравнительно короткая схватка, и за небольшими исключениями десантирование прошло успешно. В соответствии со своей практикой противник начал немедленные контратаки и к 13 августа собрал достаточно сил

для крупного наступления, чтобы сбросить нас в море. В этот период немецкая пропаганда оценивала нашу операцию как большую ошибку и предсказывала полное поражение союзников.

13 августа немцы обрушили на нас всю свою ярость. Ожесточенное сражение продолжалось довольно долго. Самый сильный удар немецкого наступления пришелся по центральной части плацдарма, где противнику удалось продвинуться настолько глубоко, что до берега ему оставалось пройти не более трех миль. Перспективы для наших войск становились несколько мрачными, особенно когда по американской 36-й дивизии был нанесен внезапный удар и она понесла тяжелые потери, прежде чем сумела выйти из боя и привести себя в порядок. В какое-то время нависла реальная угроза расчленения войск на плацдарме, и генерал Кларк быстро набросал план возможного снятия с берега своего штаба и переноса его на корабль, для того чтобы оттуда руководить войсками. Этот план, доведенный до моего штаба в искаженном виде, вызвал оцепенение, ибо было похоже, что командиры на местах обескуражены обстановкой и готовятся к отводу всех войск. В действительности же дело обстояло не так. Генерал Кларк и генерал Ричард Маккрири, командир английского 10-го корпуса, никогда не проявляли никаких колебаний в своей решимости выстоять.

До того как генерал Кларк повел 5-ю армию в Салерно, он еще ни разу не участвовал в боях Второй мировой войны. Этот генерал оказался прекрасным боевым командиром и полностью оправдал мою веру в него, которая позволяла мне назначить его на столь важный пост. Позднее, в ходе войны, когда генерал Александер стал главнокомандующим на Средиземноморском театре военных действий, Кларка выдвинули на должность командующего группой армий в Италии; это назначение, вероятно, означало, что как английские, так и американские власти вполне довольны его работой на предыдущем посту.

Проведенная 13 августа разведка дала детальную картину немецкого наступления, и в тот день главный маршал авиации Теддер получил приказ сосредоточить все силы подчиненной ему авиации для нанесения удара по наиболее чувствительным местам немецкой группировки. Утром 14 августа авиация начала мощную бомбардировку вражеских боевых порядков. В итоге этого удара силы противника и его мобильность оказались настолько подорванными, что с помощью огня корабельной артиллерии союзные войска вновь овладели инициативой, и немцы уже не угрожали нашему общему положению на плацдарме.

Однако тяжёлые бои еще не кончились. Двумя крупными

первоначальными целями вторжения в Италию был захват, во-первых, Неаполя как порта, через который мы могли бы снабжать наши войска, и, во-вторых, аэродромов в Фодже, откуда можно было бы предпринимать дополнительные бомбовые удары по Центральной Европе, ибо до сих пор такие удары осуществлялись почти исключительно с английских баз.

16 августа я выехал в Салерно, чтобы на месте изучить обстановку, которая, казалось, указывала на недостаток военного мастерства у некоторых американских командиров. После внимательного ознакомления с положением дел я счел нужным утвердить предложение генерала Кларка о снятии командира американского корпуса, входящего в состав его армии.

Отстранение командира от должности в боевых условиях - это нечто такое, что нельзя делать с легким сердцем. Оно прежде всего является напоминанием подчиненным ему войскам о недовольстве высших инстанций их действиями, иначе командир получил бы благодарность, не был бы снят. Поэтому всегда следует тщательно взвешивать последствия этой меры, как и возможные преимущества назначения другого, иногда неопытного командира. К тому же неумелое руководство должно быть выявлено как можно быстрее и немедленно устранено, ибо речь идет о жизни тысяч людей и вопрос о проявлении справедливости к командиру не чисто теоретический, он касается многих факторов, и прежде всего достижения победы.

Ввиду большого расстояния от наших авиабаз на острове Сицилия до Салерно мы были особенно заинтересованы в скорейшем захвате аэродромов Фоджи, и в этой связи еще раньше был рассмотрен ряд планов, направленных на ускорение этой операции.

С завершением Сицилийской кампании мы начали переброску семи дивизий четырех американских и трех английских - со Средиземноморского театра военных действий в Англию в порядке подготовки к крупному наступлению через Ла-Манш. С изъятием этих дивизий из Италии единственным соединением, которое могло быть использовано в боевых действиях на "пятке итальянского сапога" и дальше на север в сторону Фоджи, оставалась английская воздушно-десантная дивизия. Она должна была войти в порт Таранто, который мы надеялись получить по условиям капитуляции Италии и в котором почти не было немецких войск. Если бы мы смогли немедленно высадить там хотя бы небольшие силы, тогда мы быстро и недорогой ценой захватили бы важные аэродромы.

Выигрыш от этой незначительной операции был бы крупный, но, за исключением кораблей боевого назначения, не было

транспортных судов, поскольку те были выделены для проведения операции в районе Салерно. К тому же из-за отсутствия автотранспорта и тяжелого вооружения воздушно-десантная дивизия не была особенно подходящим соединением для последующего наступления по суше на довольно большую глубину. И опять мы решили идти на риск, и в данном случае адмирал Каннингхэм взял на себя огромную ответственность. Он без колебаний согласился ввести свои корабли прямо в гавань Таранто, игнорируя возможность предательства или захода на минные поля, чтобы доставить английскую 1-ю воздушно-десантную дивизию прямо в доки этого порта. Операция была осуществлена согласно плану 9 сентября. Мы потеряли один прекрасный английский крейсер и более двухсот солдат, находившихся на его борту. Крейсер затонул в заливе Таранто, наскочив на мину.

В официальном докладе о ходе этой операции сообщается об одном драматическом эпизоде.

Во второй половине дня 9 сентября линейный корабль "Хау" в сопровождении четырех крейсеров, на борту которых находились части английской 1-й воздушно-десантной дивизии, устремились по очищенному от мин фарватеру по направлению к Таранто. Незадолго до этого дивизион итальянских кораблей вышел из гавани Таранто. Наступил напряженный момент, когда корабли двух флотов проходили один мимо другого. Не было никакой гарантии, что итальянцы будут соблюдать условия капитуляции и не завяжут, в конечном счете, бой. Однако последний запрос, сделанный адмиралом Каннингхэмом с той хладнокровностью, которая характеризовала все действия этого выдающегося моряка, остался без ответа. Итальянские корабли прошли своим курсом и вскоре скрылись за горизонтом.

С высадкой десанта в Таранто мы уже находились на берегу итальянского материка в трех местах - в Салерно, Таранто и Реджо-ди-Калабрии.

Ожесточенные бои в Салерно оттянули силы противника от Монтгомери, и его наступление в северном направлении ускорилось. К 16 сентября его войска левым флангом вошли в соприкосновение с войсками Кларка чуть южное Салернского залива. Правым флангом Монтгомери наступал дальше, чтобы соединиться с частями воздушно-десантной дивизии, которые прокладывали себе путь на Фоджу. Через несколько дней этот большой пункт был уже в наших руках. Кларк продолжал с боями пробиваться к Неаполю, и 1 октября 1943 года его войска с триумфом вошли в город.

Саперы и специалисты флота по ремонтно-

восстановительным работам, постоянно поражавшие нас успехами в восстановлении гаваней и портов, немедленно приступили к работе. Все их предыдущие успехи в Касабланке, Алжире, Оране, Бизерте и Палермо не шли ни в какое сравнение с той скоростью и эффективностью, с какой они восстановили полностью разрушенные и ставшие бесполезными портовые сооружения в Неаполе. С созданием базы в Неаполе и прочным закреплением своего положения у Фоджи мы выполнили первую крупную задачу Итальянской кампании. Все последующие сражения в этом районе имели главной целью сковывание здесь немецких сил вдали от места крупного наступления через Ла-Манш, которое должно было начаться в следующем году. Вторая задача, разумеется, сводилась к тому, чтобы заставить противника непрерывно истощать свои ресурсы, возмещая потери в живой силе и снабжая войска по извилистым и уязвимым итальянским коммуникациям. Третья задача носила политический характер: постоянная угроза Риму и итальянским промышленным центрам на севере вызовет неспокойствие на Балканах и в других частях Европы, что отрицательно скажется на моральном состоянии немцев и поднимет моральный дух наших войск.

Однако в целом Итальянская кампания после этого превратилась в явно второстепенную операцию, хотя результаты, достигнутые ею, имели важное значение для нанесения фактического поражения Германии. Однако было очевидно, что итальянское направление само по себе не являлось благоприятным для нанесения решающего удара по собственно Германии. Это можно было сделать только через Ла-Манш и Нидерланды.

Сразу же после капитуляции в начале сентября в Восточном Средиземноморье сложилась ситуация, которая вызывала у нас большое беспокойство и вокруг которой долго еще будут продолжаться споры. Гарнизоны на островах Додеканес в основном состояли из итальянских войск, и с капитуляцией Италии у нас появилась возможность взять все эти острова под контроль почти без боя. Если бы можно было убедить итальянские гарнизоны на этих островах оборонять их в интересах союзников, то мы получили бы огромное стратегическое преимущество в этом районе почти без всяких усилий.

Ясно представляя себе такие возможности, командующий войсками ближневосточного командования генерал Мейтленд Вильсон сразу же направил небольшие отряды на эти острова, в том числе на Лерос и Родос, и успех вначале был обеспечен.

Однако очень скоро обнаружилось, что итальянцы вообще не желают воевать против кого бы то ни было. Если союзники хотели иметь в своих руках эти острова, то они и должны были разместить на них свои гарнизоны, а для этого личный состав мог быть взят только из союзных войск, вовлеченных в ожесточенные бои в Италии.

Черчилль очень хотел, чтобы этим островам была оказана поддержка, и мой штаб, и я изучили эту проблему с величайшей внимательностью. Мы пришли к заключению, что, кроме некоторой временной авиационной поддержки, мы не могли сделать ничего. Выделение слишком больших воздушных сил и особенно отправка туда сухопутных войск были бы явно в ущерб сражению, которое мы тогда вели в Италии, в то время как сил, которые можно было собрать в Восточном Средиземноморье, оказалось бы, вероятно, недостаточно, чтобы удержать эти острова.

Премьер-министр с таким упорством настаивал на принятии каких-либо мер, чтобы помочь ближневосточному командованию удержать эти острова, что мы получили указание провести специальное совещание по этому вопросу. Представители всех родов войск от этого командования прибыли в Тунис, чтобы встретиться с нами.

Это было самое простое, без каких-либо дискуссий, совещание из всех тех, на которых я присутствовал в ходе войны. Я изложил общую обстановку, какой она нам представлялась, и объявил свое решение, суть которого сводилась к тому, что мы отказывались выделять войска для этой цели с Итальянского фронта. Эти острова, безусловно, имели существенное стратегическое значение, но гораздо важнее было достичь успеха в Итальянском сражении. Каждый офицер, присутствовавший на совещании, полностью согласился с моим заключением, хотя это и явилось большим разочарованием для военных руководителей ближневосточного командования. Все мы знали, что премьер-министру будет трудно согласиться с нашим решением. Я доложил свои выводы Объединенному англо-американскому штабу и получил там поддержку. Вскоре немцы вновь овладели островами.

С началом боев в Сицилии мы оказались вовлеченными в решение нового вида проблемы, а именно в проблему создания управленческого аппарата для населения на захваченных территориях. Специально обученные для этой цели английские и американские офицеры непрерывно следовали за войсками, чтобы взять на себя эту важную работу среди местного населения.

Американские офицеры прошли специальную подготовку на

курсах в Шарлоттсвилле, штат Вирджиния. Позднее группы американских и английских офицеров военной администрации получили дальнейшую подготовку в Северной Африке. Они работали под общим наблюдением специального сектора в моем штабе.

Вопросы здравоохранения, общественного порядка, санитарии, сельского хозяйства, промышленности, транспорта и сотни других, которые являются обычными для жизни населения, находились под контролем этих офицеров и решались ими. Задача эта была трудная, но исключительно важная не только просто с гуманной точки зрения, но и для обеспечения успеха наших армий. Все войска нуждаются в спокойствии и порядке в своем тылу, иначе они должны будут выделять часть сил для обеспечения безопасности линий связи и транспортных артерий, охранять склады и эшелоны, подавлять подрывную деятельность.

Работа была для нас новая, однако, несмотря на естественные ошибки, мы с ней блестяще справились. Мы приобрели опыт и извлекли некоторые уроки в предвидении аналогичных и более серьезных задач, которые ожидали нас в Италии и Германии. Глава 11. Каирская конференция

Когда бои еще находились в полном разгаре, мы получили известие, что президент и премьер-министр со своими советниками собираются провести новое совместное совещание, на этот раз возле Каира. Тогда Египет не входил в состав нашего театра военных действий, но помимо организации проезда в этом регионе нас просили обеспечить безопасность места для предварительных совещаний и размещения их участников. Как обычно, целый рой сотрудников секретной службы Соединенных, Штатов предшествовал появлению президента там, где предполагалась его даже кратковременная остановка. Они начали с моего штаба подготовительную работу, которая была направлена на обеспечение гарантированной безопасности президента, но которая неизбежно рекламировала его прибытие.

Вероятно, в Вашингтоне или Лондоне произошла утечка секретных сведений относительно предстоящей конференции, и ввиду огромного количества комментариев, появившихся в мировой прессе, в том числе достаточно точных утверждений в каирских газетах, правительства США и Англии пришли в сильное беспокойство. Даже когда Черчилль и Рузвельт находились уже в пути, правительства предлагали полностью изменить план проведения конференции. От военного министерства США поступило настоятельное предложение перенести место конференции на Мальту и даже, возможно, в Хартум. Наша ответственность за охрану и безопасность

президента и премьер-министра еще больше усугублялась тем, что, как нам было известно, каждый сочувствующий нацистам фанатик был уже извещен относительно возможных маршрутов их следования. Обдумав все обстоятельства, я, тем не менее, настоятельно рекомендовал президенту не вносить в план никаких изменений. Я считал, что если мы не сумеем обеспечить безопасность конференции и ее участников после всех принятых нами мер, включая сильно охраняемые ограждения и противовоздушную оборону, то неожиданная перемена места проведения конференции только увеличит риск.

Премьер-министр прибыл в наш район первым, и я встретил его на Мальте, где у нас состоялась долгая беседа. После довольно обстоятельного обсуждения он согласился со мной относительно целесообразности придерживаться первоначального плана проведения конференции и послал об этом телеграмму президенту.

Премьер-министра сопровождали его военные руководители, и мне представилась возможность провести с английскими коллегами целый день и обсудить ряд вопросов относительно нынешних и будущих операций.

Черчилль, как всегда, был занимателен и интересен. Я никогда не встречал человека, способного с таким блеском поддерживать жизнерадостное настроение гостей за обеденным столом. Его высказывания о событиях были острыми и едкими, часто забавлявшими. Он с большим энтузиазмом ожидал встречи с президентом, от которого, как он говорил, всегда набирался вдохновения для решения трудных проблем войны и последующего мира. Черчилль снова сел на своего любимого конька - заговорил о важности наступления на Германию через "мягкое подбрюшье", о необходимости сохранения темпов нашего наступления в Италии и его расширения таким образом, чтобы охватить значительную часть северного побережья Средиземного моря. Казалось, он всегда видел огромные и решающие возможности только на Средиземном море, в то время как план вторжения через Ла-Манш его не волновал. Я не раз слышал, как он говорил в связи с перспективами операции "Оверлорд": "Мы должны позаботиться о том, чтобы морские волны у берегов не стали красными от крови американских и английских парней, а побережье не было загромождено их телами".

Я не мог избавиться от чувства, что его взгляды определялись двумя соображениями, которые находились за рамками непосредственных военных проблем. У меня не было никаких реальных данных для оправдания такого ощущения, хотя я знал, что не одинок в этом. Не один я испытывал желание знать, имеют

ли для него какой-либо вес эти соображения. Первым из них была его обеспокоенность как политического лидера будущей судьбой Балкан. Я глубоко сочувствовал этой его обеспокоенности, но, как солдат, проявлял особую осторожность, стремясь исключить эти соображения из моих собственных рекомендаций. Вторым была внутренняя потребность доказать обоснованность его стратегических концепций Первой мировой войны, в ходе которой он был главным руководителем кампании в Галлиполи. Многие профессионалы соглашаются с тем, что операция в Галлиполи потерпела неудачу скорое из-за неумелого претворения в жизнь замысла, чем вследствие ошибочных расчетов. Иногда казалось, что премьер-министр был решительно настроен добиться во Второй мировой войне общественного признания этой точки зрения.

В старинном дворце мальтийских рыцарей премьер-министр вручил Александеру и мне специально изготовленные медали, присланные нам английским королем; было изготовлено только две медали, так что идентичных им больше ни у кого нет. Вручение прошло в непринужденной обстановке; один из гостей заметил, что подобное событие в этом же самом дворце четыреста лет назад послужило бы основанием для многодневных рыцарских турниров, пышных зрелищ и шумного буйства в гарнизоне.

Вскоре мне сообщили, что пора ехать встречать президента, прибывавшего на корабле в Оран. В Оране мы перевели Рузвельта в самолет и доставили на виллу на морском берегу в Тунисе, которую по случайному совпадению местные жители называли Белым домом. На этот раз президент выглядел бодрым, был оптимистичен и уверен. В Тунисе он остался на один день дольше, чем предусматривалось, потому что захотел посетить поля сражений. Проезжая через эти места, он вслух размышлял о возможном сходстве мест наших боев с местами боев древних времен, в частности поля битвы у Замы. И президент, и я знали, что это поле битвы никогда не было точно определено историками, но мы были уверены, что, поскольку карфагеняне использовали слонов, поле битвы расположено, скорее, на равнине, чем в горах, где произошли наши сражения. Увлеченность президента историей и его частые ссылки на нее всегда придавали дополнительный интерес разговорам с ним на военные темы. То же самое было характерно для Джорджа Паттона и премьер-министра.

Я отошел в сторону, чтобы посмотреть на сгоревшие танки, пока президент и его водитель из женского вспомогательного корпуса устраивали себе легкий завтрак. Когда я вернулся,

Рузвельт заметил: "А что, Айк, если бы год назад вам предложили пари, что в этот день президент Соединенных Штатов будет иметь ланч где-то на обочине дороги в Тунисе, какую ставку вы бы могли сделать?" Эта мысль, очевидно, навела его на размышления о чрезвычайных событиях только что прошедшего года. Он сначала говорил мне о том, как был огорчен тем, что наше вторжение в Африку произошло сразу же после выборов 1942 года, а не накануне. Затем он говорил о Дарлане, Буассоне и Жиро; потом переключился на Италию и Муссолини и сказал, что испытывал сильное беспокойство во время тяжелых боев возле Кассерина. Коснувшись своих разногласий с Черчиллем, он искренне и несколько эмоционально заметил: "Не было ни у кого лучшего или более стойкого союзника, чем этот старый тори!" Казалось, Рузвельту доставляли искреннюю радость все эти прошедшие события, но его воспоминания прервал сотрудник службы безопасности, который подошел к нему и заметил: "Господин президент, мы здесь находимся дольше, чем следует. Нам нужно теперь же двинуться дальше".

Президент широко улыбнулся и сказал мне: "Вам хорошо, над вами нет стольких боссов, как надо мной".

Служба безопасности энергично возражала против поездки президента в район недавних боевых действий, но я был хорошо знаком с обстановкой там и считал поездку совершенно безопасной: она была неожиданной, и о ней практически никто не знал.

Чтобы дать генералу Маршаллу и адмиралу Кингу некоторый отдых от той напряженной обстановки, которая неизбежно сопутствует свите президента, я пригласил их в свой небольшой коттедж в Карфагене. Они были откровенно рады возможности спокойно провести вечер. Оба, как мне казалось, имели прекрасное самочувствие и отличное настроение. В ходе разговора перед обедом адмирал Кинг затронул вопрос о будущем командующем в операции "Оверлорд". Он сказал, что в предварительных беседах по этому вопросу между президентом и премьер-министром была, очевидно, достигнута договоренность, что на этот пост будет назначен английский офицер, возможно, в силу того, что американский офицер уже командовал союзными войсками на Средиземноморском театре военных действий. Позднее, когда президент понял, что американские силы, участвующие в операции "Оверлорд", будут, в конечном счете, превосходить английские, он решил, что общественное мнение потребует назначения американского командующего. Он так и информировал Черчилля, который согласился с президентом, хотя это и ставило его в довольно затруднительное положение,

поскольку он уже обещал этот пост Алану Бруку.

Вместе с тем президент сказал Черчиллю, что с принятием такого согласованного решения логично будет передать пост командующего на Средиземноморском театре военных действий английскому офицеру, где войска Британской империи, надо полагать, составят основную массу сухопутных и морских сил. Как сказал Кинг, президент предварительно решил назначить командующим в операции "Оверлорд" генерала Маршалла вопреки настоятельным советам Кинга и других, которые опасались серьезных последствий с уходом Маршалла из Объединенного англо-американского штаба.

Все это время, пока Кинг говорил, Маршалл сохранял полное молчание: он казался смущенным. Адмирал Кинг проявил при этом достаточно благородства, заметив, что весь этот план не вызывает у него тревоги только потому, что меня прочат на место Маршалла в Вашингтоне, но он все же считал ошибкой эти перемещения ключевых игроков в выигрывающей команде и в заключение добавил, что намерен вновь изложить президенту свою точку зрения.

Несколько дней назад на Мальте премьер-министр сообщил об этом, но здесь я впервые услышал это из уст американца. Сообщение адмирала Кинга настолько совпадало с тем, о чем говорил мне ранее премьер-министр, что я воспринял это почти как официальное уведомление о передаче в скором будущем обязанностей командующего другому лицу и возвращении в Вашингтон.

Между прочим, премьер-министр, хотя и разочарованный тем, что не Брук будет руководить операцией "Оверлорд", говорил с большим удовлетворением о предстоявшем назначении Маршалла на этот пост. Он сказал: "Это решение президента, англичане будут рады видеть на этом посту либо вас, либо Маршалла". Он добавил: "Назначение Маршалла наверняка послужит гарантией тому, что американское правительство вложит все свои наличные ресурсы в это предприятие". И он поспешно уточнил, что оно всегда это делало, однако заметил, что проведение этой операции потребует еще больших усилий. С обычным для него беспокойством о настроениях людей Черчилль заверил меня, что он доволен результатами, достигнутыми на Средиземноморском театре военных действий, но полагал, что я правильно пойму разумность передачи командования на этом театре английскому офицеру, поскольку американцу будет поручено провести крупную операцию по вторжению через Ла-Манш.

На следующее утро после моего разговора с адмиралом Кингом президент в общих чертах говорил со мной о будущем

руководстве операцией "Оверлорд". Я понял, наконец, что к этому вопросу проявляется острый интерес как в официальных кругах, так и со стороны американской общественности. При этом он даже не намекнул мне на свое окончательное решение, лишь заметил, что ужасался от мысли, что Маршалла не будет в Вашингтоне. Но добавил: "Нам с вами известно имя начальника штаба в Гражданской войне, однако немногие американцы, за исключением военных профессионалов, знают его". Затем, как бы думая вслух, заметил: "Опасно вмешиваться с перестановками в команду, которая выигрывает". Я только сказал, что сделаю все, что в моих силах, где бы правительство ни нашло нужным использовать меня.

На второй день президент и сопровождавшие его лица выехали в Каир; я получил указание прибыть туда для участия в работе конференции через два-три дня. В сопровождении моих основных командующих, за исключением Александера, который был болен, я направился в Каир, чтобы изложить наши взгляды относительно дальнейшего использования имеющихся на Средиземноморском театре военных действий сил.

Поездки такого рода давали мне возможность предоставлять членам моего личного штаба небольшой перерыв в повседневных занятиях. Поскольку в мое отсутствие обычно им нечего было делать, то я брал их с собой. Они всегда с радостью встречали известия о предстоящих поездках на дальние расстояния, так как некоторые из них могли рассчитывать на краткосрочный отпуск. Офицеры, солдаты и служащие из женского вспомогательного корпуса пользовались, таким образом, заслуженным отдыхом, который в иных условиях им не представился бы.

До тех пор, пока существовало хотя бы одно заметное расхождение во взглядах между военными руководителями Великобритании и США, мне и моим коллегам на Кипрской конференции казалось, что англичане все еще будут поддерживать идею решительной кампании на Средиземноморском театре военных действий, даже если будет необходимо за счет дополнительной отсрочки операции "Оверлорд"; однако американская сторона отказывалась одобрить какие бы то ни было операции, если они будут отвлекать силы, предназначенные для наступления через Ла-Манш в начале следующего лета. Американцы настаивали на рассмотрении всех планов боевых действий на Средиземноморье исключительно в свете их положительного влияния на наступление в 1944 году на северо-западный район Европейского континента; англичане же считали, что максимальное сосредоточение усилий союзников в Италии могло привести к таким неожиданным результатам,

которые превратили бы планируемое наступление через Ла-Манш в обычное дело по очистке территории от остатков разгромленных сил противника.

Черчилль и некоторые из его главных военных советников все еще относились к плану операции "Оверлорд" с плохо скрываемыми опасениями; их настроения, казалось, сводились к тому, что мы могли бы избежать этого дополнительного и серьезного риска, связанного с проведением новой десантной операции, путем простой переориентации на Средиземноморье всех имеющихся военно-воздушных, сухопутных и военно-морских сил. При этом они считали, что, резко активизируя боевые действия в Италии, высадившись в Югославии, захватив остров Крит, острова Додеканес и Грецию, мы могли бы нанести немцам серьезный удар, не подвергая себя опасностям, которые таятся в крупной операции против Северо-Западной Европы. Мой штаб, в том числе и английские офицеры, продолжал поддерживать выводы, принятые полтора года назад, что только в наступлении через Ла-Манш будут сосредоточены все наши силы и только там будут достигнуты решающие результаты.

Так как позднее высадка в Нормандии была успешно осуществлена без значительных потерь, теперь легко игнорировать те реальные опасности, которые таил в себе план. Если бы мы потерпели катастрофическую неудачу, то те, кто сегодня критикует нашу обеспокоенность тех дней, самым шумным образом осуждали бы всех, кто настаивал на осуществлении плана "Оверлорд". Противники этого плана опасались одного, а именно повторения позиционных боевых действий, как во времена Первой мировой войны. У англичан были еще свежи в памяти горькие воспоминания о Пашендейле и Вими-Ридже. Никто из нас не хотел повторения этих событий. Более того, рейд на Дьепп летом 1942 года не предвещал легкого захвата самих плацдармов. Этот рейд, осуществленный усиленной группой канадских войск, закончился большими потерями. Из него мы извлекли ряд уроков, которые позднее учли в наших планах, однако заплаченная канадскими войсками цена за эти уроки все еще терзала нас.

Памятуя об этом опыте прошлого, многие, в том числе и некоторые американцы, были склонны найти возможность избежать риска, связанного с наступлением через Ла-Манш, и вместо этого развернуть в Италии и других районах Средиземноморья кампании с предельным использованием боевых сил союзников.

Однако я никогда не слышал, чтобы Черчилль предлагал полностью отставить план "Оверлорд". Его мнение, насколько я

мог понять, сводилось к тому, что в какое-то время союзникам придется пересечь Ла-Манш. Но, по-видимому, он считал, что мы должны наступать где-то в другом месте до того момента, когда противник будет вынужден отвести из Северо-Западной Европы большинство своих войск, и тогда союзники легко и надежно смогут осуществить вторжение.

Точка зрения, изложенная союзным штабом на Каирской конференции, заключалась в том, что предусмотренные задачи Итальянской кампании уже решены, а именно заняты рубежи, прикрывавшие захваченные нами аэродромы у Фоджи, и Неаполь с его портом для снабжения фронта. Мы соглашались с тем, что союзные армии на Средиземноморском театре военных действий оказали бы огромную помощь в проведении операции в Северо-Западной Европе, если бы они смогли быстро продвинуться вперед и сосредоточиться в долине реки По. Из этого района союзные войска создавали бы угрозу наступления на Францию через горные дороги Ривьеры. Они могли бы наступать и в северо-восточном направлении к Триесту и Люблянскому горному проходу и дальше в Австрию, а также предпринять по кратчайшим водным путям десантные операции в Южной Франции либо через Адриатику.

Однако наступление на долину реки По, по нашему мнению, было возможно в течение зимы 1943/44 года только в том случае, если будет немедленно прекращена отправка войск из Средиземноморского региона в Англию и союзные силы будут доведены здесь до максимальных размеров. Мы считали, что наличными силами нельзя было достигнуть долины реки По до наступления летнего периода, когда погодные условия вновь позволят в полной мере использовать авиацию, сухопутные войска и военно-морской флот.

Это означало, что перед войсками на Средиземноморском театре военных действий следовало поставить более скромные задачи, ибо обеспечение захвата долины реки По неизбежно привело бы к привлечению из Англии такого большого количества войск и боевой техники, что операцию через Ла-Манш стало бы невозможно осуществить весной 1944 года.

Мое предложение тогда, как и прежде, состояло в том, что не следует предпринимать никаких операций на Средиземноморском театре военных действий, за исключением тех, которые будут непосредственно содействовать наступлению через Ла-Манш, а наша запланированная переброска войск в Англию должна проводиться максимально ускоренными темпами. Очевидно, на Средиземноморье надо было сохранить достаточные силы, чтобы удержать за собой то, что уже отвоевано у

противника, и заставить его держать здесь значительное количество своих войск.

Таково было решение, принятое на Каирской конференции, и отправка наших войск и боевой техники из Италии в Англию продолжалась без задержек. Было, разумеется, подчеркнуто нам значение захвата Рима, поскольку это оказывало бы психологическое воздействие на противника, в частности, на это обращал внимание Черчилль. Мне вновь представилась возможность провести частные беседы с президентом, и в ходе одной из них он без особых формальностей вручил мне орден "За заслуги". Его разговоры касались больше послевоенных проблем, чем непосредственных операций. Он сообщил мне свою идею послевоенной оккупации Германии и с пониманием выслушал мое мнение, что управление оккупированной страной должно стать делом гражданских правительственных органов, как только обстоятельства позволят осуществить это. Он заговорил о внутренней политике в США только для того, чтобы сказать, что, как бы он и не хотел вернуться обратно к частной жизни, похоже, что ему опять придется выдвинуть свою кандидатуру на пост президента на очередной срок.

Однажды вечером генерал Маршалл пригласил меня и некоторых других офицеров на обед. Это был прекрасный американский обед с индейкой и со всем тем, что подается к ней.

В каирской поездке для меня лично был приятный сюрприз, когда Маршалл приказал мне взять двухдневный отпуск для отдыха. Я использовал эти два дня для посещения древнего египетского города Тебессы и на несколько часов слетал в Иерусалим. Я впервые увидел эти места и с большим интересом рассматривал остатки древних цивилизаций. На короткое время я забыл постоянные заботы, связанные с военными проблемами.
Глава 12. Италия

Президент и сопровождавшая его группа советников направились из Каира в Тегеран, а я вернулся в свой штаб, передовой эшелон которого тогда перемещался в Казерту - замок возле Неаполя. По моему настоянию стали спешно разрабатываться планы по переброске сюда всего штаба. Я хотел быть ближе к району боевых действий. Наши дела в Африке уже не имели столь существенного для нас, как раньше, значения, а потребность в африканских портах постоянно уменьшалась, по мере того как налаживалась доставка морем боевых грузов непосредственно через захваченные итальянские порты; кроме того, перемещение штаба - всегда хорошее дело, если его персонал начинает слишком фундаментально "окапываться", как это было в Алжире или когда руководящие лица слишком много

заботятся об удобствах своей жизни вдали от войск и реальных проблем войны.

Моя поездка на фронт сразу после Каирской конференции еще раз убедила меня в обоснованности наших взглядов, что зимние операции в Италии будут сопровождаться исключительными лишениями и трудностями, особенно в связи с тем, что они будут проводиться без постоянной поддержки господствующей в воздухе нашей авиации. Я понимал, что для поддержания морального духа войск потребуются четкое руководство операциями и максимальные усилия всех командиров. И поэтому я со штабом стремился находиться поближе к войскам, чтобы помочь им в этом.

Новый вид техники, которую мы начали получать примерно в это время, оказался для нас настоящей находкой. Это был танковый бульдозер. Где бы немцы ни уступили нам хоть фут земли, они делали все, чтобы каждый путепровод и мост на прескверных дорогах был взорван. Участки дороги, прорезанные, в отвесных горных скалах, тоже разрушались. Для восстановления дорог хотя бы до некоторой степени эксплуатационной пригодности мы использовали всегда имеющиеся в войсках обычные бульдозеры. Но им приходилось работать иногда даже на переднем крае, чтобы обеспечить доставку войскам необходимых боеприпасов и предметов снаряжения, а также эвакуацию раненых.

Противник отвечал на это огнем скрытых пулеметов и орудий, выводя из строя обслуживающий персонал, а иногда и сам бульдозер. Какой-то изобретательный и разумный человек в США, услышав об этих наших трудностях, предложил решить всю проблему путем простого превращения некоторого числа "шерманов" в бульдозеры. Этим танкам не был опасен никакой огонь из стрелкового оружия, их можно было вывести из строя только крупнокалиберным снарядом или большой противотанковой миной. И с этого времени безопасность наших саперов на переднем крае была обеспечена, и теперь они даже искали себе такого рода рискованные работы. Никто из нас не мог выяснить личность человека, предложившего и разработавшего эту идею, но если бы он оказался среди нас, то получил бы под шумное одобрение все медали, какими мы могли наградить его.

Основная цель при проведении вспомогательной операции состоит в том, что она достигается путем привлечения минимально возможных сил и заставляет противника распылять свои войска, расходовать гораздо больше ресурсов по сравнению с нами. Очевидно, в ходе этой вспомогательной операции должна

создаваться угроза захвата важных для противника объектов, а наши силы должны быть достаточно мощными и убедительными для него. Если эти условия не соблюдаются, противник может позволить себе игнорировать все наши усилия.

По ряду соображений мы были уверены, что противник отреагирует на наши действия и будет держать свои войска в предельном напряжении. Психология завоевателя вынуждала его поступать именно так; она заставила его продолжать доставлять в Тунис войска и боевую технику еще долго после того, как для него уже не осталось никаких шансов исправить положение на фронте. Он так же поступал, хотя и в меньших масштабах, на острове Сицилия. Теперь же немцы придавали очень существенное психологическое значение Риму и стремились сохранить за собой экономически важные промышленные районы Северной Италии.

При нашем господстве на море и прочном положении в Неаполе мы могли значительно легче поддерживать активные действия в Южной и Центральной Италии, чем противник, который должен был доставлять сюда подкрепления по трудным извилистым дорогам через Альпы. Теперь наша проблема сводилась к тому, чтобы сковать вражеские силы, а самим избегать отвлечения сил и средств, которые могут быть использованы в операции "Оверлорд". Мы должны были следовать плану, который не допускал дорогостоящих наступательных операций и огромных расходов материальных ресурсов, но который должен был держать противника в напряжении и прежде всего не позволять ему сокращать свои усилия в Италии, иначе высвободившимися войсками противник смог бы укрепить свои позиции в Северо-Западной Европе.

Я надеялся провести в зимний период ряд тщательно спланированных небольших наступательных операций с гарантией на успех каждой из них; это диктовалось общей задачей этого второстепенного фронта и необходимостью поддерживать боевой дух в войсках, которые неизбежно окажутся в тягостных условиях зимы в Италии.

С наступлением осени установилась отвратительная погода. В связи с этим американские солдаты часто с сарказмом говорили о "солнечной" Италии. Железные дороги были разрушены, мосты взорваны, а многие участки дорог вздулись от дождей, и потому наступление затруднялось даже без противодействия со стороны немцев. Сама местность была идеальной для оборонительных действий. Она была перерезана множеством рек, больших и малых, большинство которых оказалось на пути наступления наших войск. Некоторые из рек так сильно петляли, что их

приходилось форсировать по несколько раз. Так, передовые части 34-й дивизии трижды пересекали реку Вольтурно. Однажды ночью заместитель командира дивизии бригадный генерал Каффи возвращался с передовых рубежей на своем джипе. Водитель заметил, что не может понять эту "безумную" страну. Генерал спросил его, почему он так думает об Италии. Ответ солдата был просто классическим: "Ну как же, ведь каждая река в этой глупой стране называется Вольтурно".

В горных проходах немцы создали почти неприступную для фронтальных атак оборону. Изобретательность и находчивость янки здесь были испытаны до предела. Вскоре после захвата горы Самино мне показали место, где для осуществления обхода с фланга одного из сильно укрепленных опорных пунктов в горах небольшому отряду пришлось проявить мастерство поистине классных альпинистов. С помощью веревок несколько человек взобрались по почти отвесным скалам на самый верх утесов. Я так и не мог понять, как они, обремененные личным боевым снаряжением, сумели преодолеть эти крутые скалы. Думаю, что любой альпинист с сомнением осмотрел бы это место, прежде чем попытаться взобраться наверх. Тем не менее отряд поднялся на утесы, выявил местонахождение командного пункта немецкой роты, напал на него и захватил командира роты. "Вы не можете быть здесь! Невозможно взобраться на эти скалы!" - воскликнул капитан.

Местность перед фронтом как американской 5-й, так и английской 8-й армий была исключительно неблагоприятной для наступательных действий - на участке американской армии она была более гористой. В полосе наступления армии Монтгомери главными препятствиями стали реки, грязь и противник.

К 15 ноября 1943 года 5-я армия состояла из американских 3-й, 34-й, 45-й пехотных, 82-й воздушно-десантной и 1-й бронетанковой дивизий и английских 46-й, 56-й пехотных и 7-й бронетанковой дивизий. Однако 1-я бронетанковая дивизия еще была не полностью доставлена в Италию, а 82-я воздушно-десантная и 7-я бронетанковая дивизии должны были вскоре направиться в Англию. В 8-й армии Монтгомери было шесть дивизий: английские 5-я, 78-я, канадская 1-я, индийская 8-я, новозеландская 2-я и английская 1-я воздушно-десантная.

В конце года мы подготовили к переброске из Северной Африки в Италию французский корпус под командованием генерала Жюэна. Для обеспечения достаточных сил для Итальянской кампании, которая, как я считал, будет серьезной помощью более поздним операциям в Северо-Западной Европе, я обратился в Вашингтон с предложением усилить американские

войска в Италии двумя или тремя новыми дивизиями, как только это будет возможно.

2 декабря 1943 года произошел наиболее прискорбный и тревожный инцидент в порту Вари. Мы использовали этот порт для снабжения 8-й армии и военно-воздушных сил, которые мы быстро наращивали в Италии. В порту Бари постоянно находилось большое число судов, хотя сам порт располагался на опасно близком расстоянии от некоторых авиационных баз противника на противоположной стороне узкого Адриатического моря.

Ночью порт и гавань подверглись воздушному налету, и мы понесли самые крупные потери от действий вражеской авиации за весь период кампаний на Средиземноморском театре военных действий и в Европе. Мы потеряли шестнадцать судов, некоторые из них с исключительно ценным грузом. Самый большой урон принесло прямое попадание бомбы в танкер, из которого хлынули потоки горящего топлива, и пламя охватило многие соседние суда. Однако одно обстоятельство, связанное с этим налетом, могло иметь самые тяжелые последствия. Одно из судов было загружено ипритом, который мы были вынуждены всегда иметь при себе в силу неуверенности относительно намерений немцев использовать это оружие. К счастью, ветер дул со стороны берега. Если бы ветер оказался со стороны моря, то произошла бы серьезная катастрофа. Действительно, какое можно дать объяснение? Кто поверил бы, что мы производили химические отравляющие вещества и возили их с собой только для репрессивных целей в случае внезапного применения противником отравляющих веществ?

В итоге этого прискорбного события была резко улучшена работа службы воздушного наблюдения, оповещения и связи в противовоздушной обороне военно-морских, сухопутных и авиационных сил. Это был последний серьезный удар, который получили войска от вражеской авиации в мою бытность командующим на Средиземноморском театре военных действий.

Этот инцидент ясно показывает, что война всегда ведется скорее в сфере возможного и предполагаемого, нежели в сфере определенно известного. Излишняя уверенность относительно будущего никогда не оправдывается! Во второй половине дня накануне воздушного налета на Бари маршал авиации Артур Каннингхэм, командующий английской авиацией, поддерживавшей 8-ю армию, провел пресс-конференцию. Немецкая авиация была в такой степени разгромлена и почти полностью устранена от боевой деятельности, что, по Оценке Каннингхэма, она более не имела возможности вмешиваться в

операции. Перед собравшимися репортерами он категорически заявил: "Я бы рассматривал как личное оскорбление, если бы люфтваффе попытались предпринять в этом районе какую-либо существенную операцию". На следующее утро он был наверняка более чем огорошен. Друзья Каннингхэма из прессы никоим образом не позволяли ему забыть его категорическое и необоснованное заявление за день до налета.

Перед Рождеством, когда я последний раз посетил наши войска в Италии, наш фронт в целом подошел к рубежу Ортона, Ариели, Орсогна, восточный берег рек Сангро, Пессия и Гориглиано. Затяжное и кровопролитное сражение за гору Касино началось уже после моего отъезда с этого театра военных действий. Для солдата на фронте переименование высшим командованием его фронта во второстепенный не имеет существенной разницы. В данном случае оно определенно не означало для него никакого улучшения. Прошли сильные дожди, реки вздулись, превратились в бурные потоки. День ото дня становилось все холоднее. Люди и машины тонули в грязи. Однако упорные бои непрерывно продолжались.

Противник со своих огневых позиций, зачастую устроенных в прочных скалах, перекрывал все подступы, и каждый дюйм земли отвоевывался только изматывающими обходами по склонам гор, уничтожением огневых точек противника с помощью подрывных зарядов, "выкуриванием" вражеских солдат из их прочных укрытий.

В начале декабря я получил известие, что президент будет возвращаться в Соединенные Штаты через наш район. Я направился в Тунис, чтобы встретить его. За несколько часов до прибытия президента ко мне поступила несколько искаженная радиограмма от генерала Маршалла, в которой излагались некоторые детали, связанные с моим предстоящим назначением на новый пост. Когда Маршалл составлял эту радиограмму, он, видимо, полагал, что я уже получил соответствующую информацию по этому вопросу через каналы штабной связи. Однако я, не имея никакой информации, не мог четко понять суть этой депеши. Президент прибыл во второй половине дня и внес полную ясность в этот вопрос одним кратким предложением: "Итак, Айк, вы будете командовать операцией "Оверлорд".

Поскольку мне нужно было сразу же обсудить с ним некоторые детали на следующий день, у нас в тот момент не было возможности поговорить о моем новом назначении, но я все-таки сумел сказать: "Господин президент, я понимаю, что такое назначение было делом нелегким. Но я надеюсь, что вы не будете разочарованы".

Остальную часть дня мы провели в приготовлениях к поездке президента на Мальту и Сицилию. На Мальте он хотел объявить Горту и гарнизону острова благодарность за мужественную оборону в 1941 и 1942 годах, а на Сицилии хотел лично осмотреть американский аэродром и вручить генералу Кларку награду. Оба эти его желания осуществились, однако в силу задержки на Мальте из-за неисправности его самолета президент не мог продолжить свой путь домой в тот день, как было запланировано. Сотрудники секретной службы проявляли раздражение и высказывали опасения, но президент по секрету сообщил мне, что он решил остаться в Карфагене еще на одну ночь, и если бы для задержки не нашлась весомая причина, он придумал бы ее сам. Я заметил, что, вероятно, никто не будет ставить под сомнение право президента Соединенных Штатов определять план своей поездки. Он выразительно ответил: "С секретной службой спорить не приходится!"

Во время этого посещения нашего театра военных действий президент несколько раз в беседах возвращался к вопросу о моем предстоящем переводе в Лондон. Он сказал, что назначил меня командующим операцией "Оверлорд" с полного согласия генерала Маршалла и что, по его мнению, фактор времени уже не позволяет допускать дальнейших отсрочек с назначением командующего. Он также сказал, что первоначально намеревался назначить на этот пост генерала Маршалла, заметив, что старших офицеров следует пропускать через разные командно-штабные должности, разделяя между ними тяжести и почести штабной и командной работы. Однако после обстоятельного обдумывания этого вопроса он пришел к заключению, что нецелесообразно отправлять Маршалла из Вашингтона и тем более с его поста в Объединенном англо-американском штабе. Президент сказал, что именно господствующее положение Маршалла в этом штабе всегда внушало остальным чувство уверенности в решениях, принимаемых этим органом. Он добавил, что, хотя англичане с радостью встретили бы назначение Маршалла на пост командующего операцией "Оверлорд", факт остается фактом: ближайшие советники президента остались довольны таким решением.

Президент был серьезно обеспокоен двумя вопросами, которые мне казались несущественными, но которым как Рузвельт, так и Гопкинс придавали особое значение. Первым из них был выбор времени для публичного заявления об этом назначении. В конце концов было решено, что президент сделает такое заявление из Вашингтона, до этого заявления вопрос о моем новом назначении будет сохраняться в тайне. Вторым

вопросом являлся мой будущий титул в качестве командующего операцией "Оверлорд". В ходе беседы президент несколько раз произносил слово "верховный", но тогда он не принял никакого решения, а просто сказал, что должен придумать такое название, которое соответствовало бы той важности, какую союзники придавали новому предприятию.

Спустя несколько дней после отъезда президента я получил от генерала Маршалла клочок бумаги, который до сих пор является самым дорогим для меня воспоминанием о Второй мировой войне. Подлинную ценность этому неофициальному сообщению придает приписка самого Маршалла. Уже в конце 1943 года появились неверные и злостные сплетни, будто Маршалл и я затеяли частную вендетту за пост командующего операцией "Оверлорд". Многие из моих друзей знали, что я с большей охотой остался бы где-либо в войсках, чем вернулся в Вашингтон на штабную работу. Тем не менее ни я, ни Маршалл никогда не опускались до того, чтобы добиваться какого-либо назначения - ни в мирное, ни в военное время. Я, как и Маршалл, - и это я знаю твердо - никогда никому не высказывал своего предпочтения на занятие того или иного поста. На самом деле я бы предпочел, чтобы меня оставили командующим на Средиземноморском театре военных действий.

Внимательность Маршалла, проявленная в отправке мне этой записки, которую, он знал, я буду исключительно высоко ценить, была, безусловно, не актом недовольного и потерпевшего поражение соперника в борьбе за должность. Я никогда не обсуждал этот вопрос непосредственно с ним, однако всегда был уверен, что идея поставить меня во главе операции "Оверлорд" принадлежала ему. С тех пор как я впервые встретил генерала Маршалла в начале войны, я испытывал к ему только глубокую преданность и уважение и уже информировал президента о своем убеждении, что никто другой не может возглавить операцию "Оверлорд" с наибольшей перспективой на успех, как Маршалл. Тогда я верил и теперь верю, что в руководстве войсками на фронте он был бы столь же выдающейся фигурой, как и при решении сложных задач в Вашингтоне.

Конечно, выбор моей кандидатуры на этот важный пост означал огромную честь и выражение уверенности в моих возможностях, и я это хорошо осознавал и ценил. Тем не менее всегда появляется некоторый эмоциональный спад в настроении, когда командующего снимают с решения одних задач и переводят на другие. В процессе работы он настолько привязывается к близким друзьям и помощникам и привыкает к бесчисленному множеству сложных проблем, что почти испытывает шок при

мысли, что ему вновь придется заниматься наращиванием боевых частей, сколачиванием штабов и разработкой планов для осуществления другой операции. Но главное заключалось в том, что в то время первая кампания была в самом разгаре и мне и всем тем, кого я брал с собой, приходилось на несколько месяцев покинуть арену непосредственных и ожесточенных боевых действий, чтобы снова заняться изучением, проверками и планированием.

Командная структура, существовавшая на Средиземноморском театре военных действий в Рождественские дни 1943 года, явилась итогом эволюционного процесса, начатого еще в Лондоне в лихорадочные дни лета и осени 1942 года.

Мы вступили в Африку в ноябре 1942 года, имея предвзятые мнения о районах, в которых английские и американские войска будут использованы. Командная структура была разработана в соответствии с ожидаемой обстановкой. Как только мы обнаружили, что наши военные потребности радикально отличаются от тех, что мы ожидали, нам пришлось начать реорганизацию командования и штабов. Урок был ясен: в новом предприятии мы должны избежать необходимости крупного пересмотра командной структуры в разгар боевых действии и создать такую систему командования, разумность и гибкость которой будут отвечать любым возможным непредвиденным обстоятельствам в бою.

Наш опыт на Средиземноморье еще раз подтвердил ту истину, что единство, взаимодействие и сотрудничество являются ключами к успеху операций. Война ведется в трех сферах, но нет отдельной сухопутной, воздушной или морской войны. Пока сухопутные войска, ВВС и ВМС, действующие в трех сферах, не будут должным образом объединены и скоординированы в своих действиях против правильно выбранной общей цели, их максимальная потенциальная мощь не может быть реализована. Физические цели могут быть разъединены шириной континента или океана, но их уничтожение должно в максимальной степени содействовать осуществлению единого плана операции. Это и означает взаимодействие.

Мне потребуются командиры, понимающие не только эту истину, но и важность морального духа и продемонстрировавшие на практике способность создавать и поддерживать в подчиненных им войсках высокое моральное состояние. Моральный дух является величайшим фактором для ведения успешной войны. Все другие факторы, воздействующие на обе стороны, - руководство, дисциплина, техника, численность, оснащение, мобильность, снабжение и техническое обслуживание

и ремонт - являются предпосылками существования высокого или низкого боевого духа. Успех быстро порождает высокий моральный дух, но хорошие командиры поддерживают боевой дух в войсках даже при длительных периодах невезения. Методы, используемые способными командирами для поддержания боевого духа, настолько разнообразны, что трудно установить здесь какие-либо правила. Однако одно положение всегда остается верным: в любой длительной и ожесточенной кампании моральное состояние будет ухудшаться, если подчиненные всех рангов и званий не будут абсолютно уверены, что их командиры заботятся прежде всего о благополучии войск, ведущих боевые действия. Человеческое понимание интересов подчиненных и естественное общение с ними на основе равенства являются более важным обстоятельством, чем любая степень технического мастерства.

Я был рад иметь главного маршала авиации Теддера в качестве своего заместителя по операции "Оверлорд". На Средиземноморском театре военных действий он завоевал глубокое уважение всех коллег не только как блестящий офицер ВВС, но и как твердый сторонник "союзнического" принципа в том виде, в каком он претворялся в жизнь. Мне разрешили также взять с собой моего начальника штаба генерала Смита, без которого было бы трудно создать штаб для руководства огромной союзнической операцией. Как я понял, либо генерал Александер либо генерал Монтгомери могли быть переведены для руководства английскими войсками в новой операции, и я отдал предпочтение Александеру, главным образом потому, что я был тесно связан с ним, восхищался им и с годами у нас с ним сложилась искренняя дружба.

В конечном счете Черчилль, однако, решил, что Александера не следует снимать с Итальянского фронта, который будет оказывать важное влияние на ведение операции, предпринимаемой летом следующего года, и от которого премьер-министр все еще надеялся получить почти решающие исход войны результаты. Поэтому генерал Монтгомери был назначен командующим английскими войсками в новой операции. Этот выбор был для меня вполне приемлем. Генерал Монтгомери обладал двумя очень важными особенностями личного порядка, в которых оставался непревзойденным. Первая - способность быстро завоевать среди английских солдат глубокую преданность себе и вызвать их восхищение. Это было величайшее личное достоинство, каким командир может обладать. Вторая выдающаяся черта Монтгомери - его способность к тактике. Он осторожен и точен при оценке противника и общей обстановки,

уверенно руководит действиями подчиненных ему танковых и пехотных соединений, артиллерией и авиацией.

Я был особенно доволен назначением адмирала Рамсея командующим военно-морскими силами, выделяемыми для операции "Оверлорд". Адмирал Каннингхэм уехал от нас за несколько недель до этого, чтобы занять пост начальника главного морского штаба. Рамсей был знающим командиром мужественным, изобретательным, обладающим неисчерпаемым запасом энергии. Более того, все мы знали его как полезного и общительного человека, хотя иногда смеялись между собой над его педантичностью, с какой он соблюдал традиции английского военно-морского флота как главного вида вооруженных сил.

Накануне Рождества, зная, что президент Рузвельт должен выступить с важной речью, мы все слушали радио. В этом выступлении президент впервые сделал публичное заявление о моем переводе на должность командующего операцией "Оверлорд" и назвал мой новый титул Верховный командующий союзными экспедиционными силами. Титул звучал очень внушительно, на что мой военно-морской помощник капитан 2 ранга Батчер заметил, что его крупной проблемой на следующей неделе будет изготовление соответствующих канцелярских бланков с указанием моего величественного титула.

Одно из наиболее важных событий, в которых я участвовал на заключительном этапе моего пребывания на Средиземноморском театре военных действий, произошло в день Рождества 1943 года, когда я только что завершил еще одну поездку по Итальянскому фронту и затем вылетел в Тунис, где встретился с премьер-министром. Здесь находились новый командующий войсками на Средиземноморском ТВД генерал Вильсон вместе с генералом Александером и некоторыми штабными офицерами. Предметом обсуждения был план десантной операции против Анцио. Операцию нельзя было начать раньше января, то есть до моего отъезда, и мои выводы по этому вопросу не имели решающего значения. Тем не менее я был вовлечен в обсуждение этого плана в силу того, что при десантировании войск у Анцио задерживалось определенное количество десантно-высадочных средств, которые в соответствии с графиком должны быть в это время отправлены в Англию для участия в операции "Оверлорд". На это требовалось мое согласие.

Из общей обстановки, сложившейся тогда на Итальянском фронте, становилось ясно, что для устойчивого продвижения наших войск вверх по Апеннинскому полуострову понадобится осуществить ряд операций по обходу противника предпочтительно с обоих флангов путем высадки десантов с

моря. Фронтальное наступление на противника, занимавшего оборонительные рубежи в гористой местности, было бы медленным и крайне дорогостоящим. Фактический вопрос, который нужно было решить, сводился к тому, чтобы установить, будет ли наилучшим образом достигнута цель союзников, если для проведения таких операций выделить достаточные ресурсы, чтобы поддерживать темп наступления, или, наоборот, нам следует вести небольшие, хорошо подготовленные наступательные действия в горах с ограниченными целями, но при максимальной экономии сил и средств. Пока что ни войск, ни десантно-высадочных средств не имелось в количестве, достаточном для того, чтобы предпринять в крупных масштабах операции на обоих флангах, а поскольку последующую поддержку такой операции было бы сравнительно легче осуществлять на западном побережье полуострова, то и десантирование там было бы более реальным делом.

Я согласился с намерением продолжать наступление, но отметил, что десантирование двух частично недоукомплектованных дивизий у Анцио, за сотню миль от места , действий основных сил, будет рискованным делом и не вынудит немцев отойти на новый рубеж обороны. Военная стратегия может иметь некоторую аналогию с шахматами. Однако опасно эту аналогию проводить слишком далеко. На шахматной доске нужно защитить короля, которому угрожает опасность, а на войне он может и сам дать бой. Нацисты вовсе не решили уходить из Африки или с Сицилии только потому, что возникла угроза их тылам. Наоборот, они подбрасывали подкрепления и сражались до конца. В данном случае, конечно, одна из главных задач состояла в том, чтобы побудить противника усилить свои войска в Италии, но не менее важным было и то, чтобы он сделал это при минимальных затратах с нашей стороны. Именно с этой точки зрения я настаивал на внимательном рассмотрении всего плана. Я доказывал, что у Анцио придется сосредоточить несколько хорошо оснащенных дивизий, для того чтобы добиться существенных результатов. Я отметил также, что из-за большого расстояния до Анцио быстрое наращивание там сил для наступления будет затруднено, а десантно-высадочные средства придется надолго задержать здесь, прежде чем их можно будет отправить в Англию.

Тем не менее премьер-министр был решительно настроен осуществить эту операцию. Он и его военные советники были уверены, что операция завершится большим и быстрым успехом, а десантно-высадочные средства будут высвобождены сразу же, как только две дивизии закрепятся на плацдарме. Хотя я и повторил

предостережения относительно возможного исхода, но поверил их твердому обещанию в установленные сроки высвободить десантно-высадочные средства, которые потребуются в Англии, и согласился рекомендовать американскому комитету начальников штабов оставить эту боевую технику на Средиземноморском ТВД дополнительно на две недели.

В конечном счете операция с десантированием у Анцио щедро окупилась, однако на начальных стадиях она развивалась точно так, как предсказывал мой штаб. Кроме того, десантно-высадочные средства, предназначенные для переброски в Англию, пришлось оставить там еще на значительное время, чтобы быстрее доставлять подкрепления на плацдарм, где высадившиеся войска оказались под сильным давлением со стороны противника. К счастью, это обстоятельство не причинило ущерба приготовлениям к операции "Оверлорд". Однако, прежде чем были достигнуты ощутимые результаты, войска на плацдарме возле Анцио пришлось довести до численности более шести дивизий. Бои велись в неблагоприятных условиях в течение почти четырех месяцев. С другой стороны, высадка десанта у Анцио, несомненно, убедила Гитлера, что мы намеревались проводить Итальянскую кампанию как крупную операцию, и он усилил свои армии в Италии восемью дивизиями. Это создало большое преимущество для союзников в другом месте{20}.

В связи с предстоящим в скором будущем моим выездом в Англию у меня оказалась масса дел, требовавших завершения на этом театре военных действий. Меня не покидало чувство беспокойства по поводу предпринимаемой операции у Анцио, и я с тревогой узнал, что мой план сосредоточения в Казерте штаба союзных войск отменяется. Это решение я воспринял как непонимание командующим обстановки на фронте и своих обязанностей: несмотря на огромную занятость важными проблемами, он никогда не должен терять связи со своими войсками. Он может и обязан поручать выполнение отдельных задач командирам на местах, чтобы избежать вмешательства в функции своих подчиненных, но при этом он должен поддерживать с ними теснейшие контакты, иначе в крупной кампании потерпит неудачу. Эти контакты требуют частых выездов в войска. Командующий союзными силами находит, что эти визиты в войска других стран неизбежно приобретают характер прискорбной формальности, но он может и обязан избегать церемоний при посещении войск своего государства.

Это не сложное дело - переложить на другого ответственность за руководство операциями. Основная часть штабных работников и высшего командного состава оставалась на ТВД. Они были

знакомы с планами и имели представление о наличных ресурсах, как и новый командующий английский генерал Вильсон, который до этого длительное время командовал войсками в Восточном Средиземноморье. В день Рождества он находился в Тунисе и присутствовал на совещании с участием премьер-министра, на котором был сделан исчерпывающий обзор всей военной обстановки. Мэрфи и Макмиллан оставались при Вильсоне в качестве политических советников. Следовательно, мне нечего было опасаться, что он может попасть в затруднительное положение по той причине, что он не знаком с основными французскими деятелями, с планами вооружения французских войск и американским правительством.

Однако оставалось много работы чисто административного характера. Помимо исполнения обязанностей командующего союзными силами, я, разумеется, также возглавлял американские войска на ТВД. Управление таким количеством войск с их вечными проблемами снабжения, ремонтно-восстановительных работ, пополнения, присвоения званий, продвижения по службе, снижения в звании, огромной переписки с военными министерствами было очень сложным делом, зачастую требующим личного участия в их решении.

Одним из первых вопросов, требовавших быстрого решения, был выбор американского офицера на должность заместителя генерала Вильсона. На него можно было бы возложить все административные функции в отношении американских войск на этом театре военных действий. Это породило проблему занятия высоких постов американцами на обоих ТВД, а генерал Маршалл и я, конечно, хотели назначить на эти должности таких людей, деловые качества которых в наибольшей степени содействовали бы успешному ведению войны.

В то время мои соображения относительно наилучшей расстановки американских командиров на двух ТВД были изложены в телеграмме, направленной мной генералу Маршаллу 23 декабря 1943 года:

"Не вижу необходимости на ранних стадиях операции "Оверлорд" иметь английского и американского командующих группами армий. Фактически наличие любой из таких групп оказало бы пагубное влияние на взаимодействие между сухопутными и воздушными силами. Я искренне надеюсь, что, когда появится необходимость в командующих группами армий, с американской стороны будет назначен офицер, уже получивший боевой опыт в этой войне. Я бы предпочел иметь на посту командующего американской группой армий генерала Брэдли, если в операции "Оверлорд" будет участвовать более одной

армии. Командующим одной из его армий следовало бы, вероятно, назначить Паттона; командующим другой армией мог бы быть офицер, проявивший себя в ходе операции "Оверлорд", или альтернативно кто-либо наподобие Ходжеса или Симпсона при условии, что такой офицер может прибыть в Англию несколько раньше и сопровождать Брэдли на первых стадиях операции.

Мне кажется, что Брэдли следует возглавить американские войска десанта и стать командующим группой армий, когда в этом будет необходимость.

Я направил вам в Вашингтон обстоятельное письмо, в общих чертах изложив в нем свои соображения относительно структуры американского командования как здесь, так и в операции "Оверлорд". Надеюсь, что письмо будет уже ждать вас, когда вы прибудете в Вашингтон, но в этой телеграмме я кратко изложил его содержание в порядке предварительной информации. Командующим американскими войсками здесь, на Средиземноморском театре военных действий, следовало бы назначить Деверса, оставив генерала Кларка свободным, чтобы в подходящий момент он мог принять командование операцией "Анвил" на себя".

Высокое мнение о Брэдли, сложившееся у меня еще в дни совместной учебы в Вест-Пойнте, с каждым днем закреплялось в течение тех месяцев, которые мы вместе провели на Средиземноморском ТВД. По моей просьбе он прибыл в Африку в феврале 1943 года в звании генерал-майора, чтобы помочь мне в роли, как мы говорили, моих "глаз и ушей". Ему было предоставлено право в любое время по его усмотрению посещать американские войска, чтобы на месте знакомиться с положением дел и докладывать мне обо всем, что, по его мнению, необходимо довести до моего сведения. Он особенно подходил для такого рода деятельности не только в силу нашей давней дружбы, но и благодаря его способностям и репутации здравого, старательного и широко образованного офицера. Вскоре после его прибытия в Африку он был назначен заместителем командира американского 2-го корпуса, ведшего в то время бои в районе Тебессы. 16 апреля 1943 года он был выдвинут на должность командира этого корпуса и на этом посту проявил большие способности к руководству войсками. Он строго относился к своим солдатам, но при этом был исключительно справедлив. К этому следует добавить, что, эмоционально устойчивый, он обладал способностью схватывать суть крупных проблем, и это ясно указывало на то, что он может занимать высокие посты. Я с надеждой ожидал возобновления наших близких отношений в

ходе операции по вторжению через Ла-Манш.

Я предвидел некоторую возможность трений из-за назначения Брэдли командующим американскими сухопутными войсками в операции "Оверлорд", поскольку я также намеревался взять сюда и Паттона, при условии его согласия, но при этом его служебное положение будет ниже, чем у Брэдли, хотя оба они в Сицилийскую кампанию успешно занимали равные посты. Они были моими близкими друзьями в течение многих лет, и я знал, что каждый из них лояльно примет любое назначение. Однако я надеялся, что Паттон, обладая данными для руководства определенным видом боевых операций, всем сердцем поддержит задуманный мной план. У меня состоялся откровенный разговор с ним, и я с радостью узнал о его полном согласии принять должность командующего армией, к которой он лично подходил идеально. В тот момент он не желал более высокого поста. Рядом с этими двумя способными и опытными офицерами, которых предполагалось использовать в операции "Оверлорд", я не видел особой нужды иметь еще генерал-лейтенанта Джекоба Деверса, командовавшего тогда американскими силами на территории Соединенного Королевства. Девере пользовался репутацией прекрасного администратора. В Африке эти его качества были бы особенно важны, в то время как отсутствие у него боевого опыта не имело бы там очень серьезного значения, поскольку американские боевые операции в Италии находились под контролем генерала Кларка, командовавшего американской 5-й армией. Военное министерство согласилось с этими соображениями, и генерал Девере получил приказ направиться на Средиземноморский ТВД в качестве старшего американского офицера в этом регионе.

Я хотел также взять с собой в Англию генерала Спаатса. По соглашению, достигнутому на Каирской конференции, американские стратегические бомбардировщики на Средиземноморье и в Англии должны были быть объединены под одним оперативным командованием, и это обстоятельство, как никогда раньше, требовало его перевода в Англию, откуда планировалось предпринять главные усилия против врага. Было решено направить из Англии генерал-лейтенанта Икера на Средиземноморский ТВД в качестве командующего американской авиацией. В Англию вместо Икера командующим 8-й воздушной армией США был назначен генерал Дулиттл.

Занятый всеми этими вопросами, я рассчитывал выехать в Англию 10 января, но неожиданно получил рождественскую телеграмму от генерала Маршалла. Он настоятельно просил немедленно прибыть в Вашингтон на небольшие совещания с ним

и с президентом, а также для того, чтобы передохнуть, прежде чем взяться за дело на новом месте. Я возразил, ссылаясь на крайне ограниченное время, и к тому же едва ли я мог что-либо сделать полезное в Вашингтоне, пока не пробуду в Лондоне по меньшей мере столько времени, сколько понадобится, чтобы ознакомиться там с основными проблемами. Генерал Маршалл не согласился. Он посоветовал мне поручить кому-либо другому временно заняться этими проблемами, а самому прибыть в Вашингтон. Строго говоря, моим начальником являлся Объединенный англо-американский штаб, но, понимая серьезное отношение Маршалла к этому вопросу, я быстро урегулировал дело с английской стороной и подготовился к поездке в Соединенные Штаты. Через неделю я намеревался вернуться на короткое время в Африку, чтобы завершить передачу командования американскими войсками генералу Деверсу, который еще не прибыл из Лондона. И на все это потребуется время - самый ценный из всех факторов.

Чтобы дать руководящие указания штабу в Лондоне перед моим прибытием, я счел необходимым направить туда кого-либо из тех, кто знаком с моими общими замыслами. К счастью, генерал Монтгомери мог выехать в Англию немедленно. Он прибыл ко мне на совещание, и я сообщил ему, что несколько недель назад видел набросок общего плана наступления через Ла-Манш, принесенного мне американским бригадным генералом Уильямом Чеймберсом. Поскольку этот план предусматривает высадку десанта на сравнительно узком участке фронта в составе трех дивизий при общем количестве только пяти дивизий на судах в момент десантирования, то у меня возникли серьезные сомнения относительно достаточности таких сил. Более того, я сообщил Монтгомери, что, помимо обеспокоенности ограниченным характером предлагаемого маневра, меня тревожит также то, что в этих набросках плана я не обнаружил мер по быстрому захвату Шербура. Я убежден, что в плане, если он не подвергся пересмотру с тех пор, как я его видел, не обращается в достаточной мере внимания на возможность быстрого появления потребности в крупных портах и скорейшего наращивания сил на плацдарме{21}.

Поэтому я дал генералу Монтгомери указание действовать, пока я не прибуду в Лондон, в качестве моего представителя в вопросах анализа и пересмотра планов действий сухопутных сил по высадке десанта, особое внимание обратив на то, что вызывает у меня беспокойство. Я сказал ему, что он может быстро и легко связаться со мной в Вашингтоне. То же самое я высказал моему начальнику штаба генералу Смиту, который должен был выехать

в Лондон, как только ознакомит своего преемника с характером сложной работы штаба на Средиземноморском театре военных действий.

Когда я занимался этими вопросами в Италии и Алжире, в Тунисе серьезно заболел премьер-министр. К концу года он поправился в достаточной мере, чтобы проследовать до Марракеша в Марокко, где врачи решили, что ему следует на несколько недель остаться там для поправки здоровья. Он направил мне срочную телеграмму с просьбой заехать к нему на совещание по пути в Соединенные Штаты. Я явился к нему во второй половине дня 31 декабря.

К этому времени была определенно согласована операция по десантированию возле Анцио, и премьер-министр с обычной для него энергичностью, несмотря на серьезную угрозу его здоровью, полностью посвятил себя задаче выявления любых ресурсов для усиления десантируемых войск и скорейшего осуществления намеченного плана. Он надеялся, что операция сразу же приведет к захвату Италии, хотя я продолжал высказывать сомнения относительно столь оптимистичного исхода. Черчилль обратился ко мне с личной просьбой, чтобы я разрешил генералу Смиту остаться на Средиземноморском ТВД в качестве начальника штаба, с чем я не мог согласиться. Взаимоотношения между командующим и его начальником штаба являются сугубо индивидуальными. Эти отношения у каждого командующего своеобразны, а генерал Смит настолько хорошо подходил мне, что я считая неразумным расставаться с ним как раз накануне крупнейшей операции всей войны. К тому же я считал, что у генерала Вильсона будут свои соображения относительно этого важного поста и он выразил бы возмущение, если бы ему навязали кого-либо со стороны, даже по настоянию главы его собственного правительства. Черчилль был болен и выглядел сильно утомленным, но проявлял такую заинтересованность в операции с десантированием у Анцио, что совещание затянулось до позднего вечера.

Мы покинули Марракеш в 4.45 утра в первый день нового года и прибыли в Вашингтон в час ночи на следующее утро. Полет в основном прошел без осложнений, за исключением того, что неспокойная батарея португальской зенитной артиллерии выпустила несколько снарядов в нашу сторону, когда мы пролетали над берегом одного из Азорских островов.

По прибытии в Соединенные Штаты я встретился с работниками военного министерства, а несколько позднее - с президентом. Рузвельт был болен гриппом, но казался вполне бодрым. Он продержал меня у своей постели более часа, пока мы

обсуждали сотни подробностей прошедших и предстоящих операций. Как всегда, он удивлял меня своими детальными познаниями географии мира. Он воспользовался случаем коротко ознакомить меня со своими планами послевоенной оккупации Германии. Президент определенно хотел, чтобы США оккупировали северо-западную часть, но внимательно выслушал мои возражения против разделения Германии на "национальные секторы". Я опять высказал пожелание, чтобы оккупированные территории были как можно скорее переданы под контроль гражданских властей. Мои доводы, казалось, произвели на него впечатление, но он не связал себя никакими обещаниями.

Ни в одной беседе из всех, какие у меня были с президентом, Рузвельт не касался проблем внутренней политики, разве только случайно и мимолетно. Его сын Элиот, которого я иногда встречал в Африке и Англии, также избегал политики как предмета разговора при таких встречах, шутливо называя себя в таких случаях "паршивой овцой и реакционером в семье".

Покидая президента, я сказал: "Искренне верю, что вы быстро поправитесь". Он поспешно ответил на это: "Да что вы, я не лучше чувствовал себя уже многие годы. Я в постели только потому, что врачи опасаются, как бы я снова не заболел, если встану на ноги слишком скоро". Больше я его уже не видел.

Во время моего короткого пребывания в Соединенных Штатах я с радостью воспользовался представившейся мне возможностью поехать с женой к сыну в Вест-Пойнт. Затем я отправился увидеться с матерью, братьями, родителями жены и еще кое с кем из ближайших родственников; все они по такому случаю собрались в городе Манхэттене, штат Канзас. Эти семейные встречи как бы восстанавливали силы молодости - до этого времени я не вполне четко осознавал, как далеко война уносит ее участников от интересов, нужд и забот обычной жизни.

Разумеется, мне не удавалось полностью отвлечься от проблем войны на какое-то время. Из Лондона периодически поступали телеграммы с самыми серьезными вопросами, а в некоторых из них даже запрашивалось мое окончательное решение. Тем не менее я с удовлетворением констатировал, что Монтгомери, несомненно, работал над вариантом высадки в первом эшелоне десанта пяти дивизий при двух дивизиях, находящихся на судах.

Между тем в английском правительстве возникла определенная стесненность в связи со сложившейся обстановкой в системе командования на Средиземноморье. До тех пор пока я номинально числился командующим всеми силами в этом регионе, проявлялась известная нерешительность при подготовке

к десантированию возле Анцио, к операции, которая должна быть осуществлена после моего ухода с этого театра военных действий. Я узнал, что некоторые руководители, на которых была возложена ответственность за операцию, проявляли колебания в принятии необходимых решений. Поэтому я тут же отказался от намерения вернуться в Африку и посоветовал генералу Маршаллу быстро принять решение о передаче всей полноты власти на Средиземноморском ТВД в руки генерала Вильсона.

Это в известной мере вызвало мое сожаление, так как тем самым я лишался возможности вернуться туда, чтобы поблагодарить и попрощаться со всеми, кто вместе со мной честно, эффективно и преданно трудился. Однако я уже в письменной форме издал прощальный приказ по войскам, в котором выражал надежду, что мы скоро встретимся в центре вражеской страны. Глава 13. Планирование операции "Оверлорд"

Я выехал из Соединенных Штатов 13 января, чтобы принять на себя руководство мощнейшей боевой группировкой войск, какую были в состоянии создать два западных союзника. На второй день вечером я уже находился в Лондоне. Снова началась подготовительная работа к вторжению, но по сравнению с аналогичной работой, проделанной полтора года назад, теперь вместо порядка был беспорядок, вместо определенности и уверенности -опасения и сомнения. В числе моих непосредственных подчиненных находились главный маршал авиации Артур Теддер, генерал-лейтенант Омар Брэдли, генерал Бернард Монтгомери, генерал-лейтенант Карл Спаатс и адмирал Бертрэм Рамсей - все испытанные боевые командиры, уже имевшие опыт по руководству войсками союзников в крупной операции. Главный маршал авиации Ли-Меллори был назначен командующим военнно-воздушными силами союзников в рамках операции "Оверлорд". Он имел большой боевой опыт, в частности полученный в битве за Англию, но пока ему не приходилось возглавлять воздушные операции, требовавшие тесного взаимодействия с наземными войсками.

Когда я первый раз прибыл в Лондон в июне 1942 года, союзный штаб находился в центре города; на этот раз я решил во что бы то ни стало найти подходящее место где-либо за городом. И я нашел такое место, хотя и были возражения и мрачные предсказания. Мы расположились в районе Буши-парка, и у нас быстро сложилась исключительно хорошая обстановка, которая с лихвой перекрывала небольшие неудобства, вызванные отдаленностью английских правительственных учреждений. Мой штаб официально теперь назывался штабом верховного командования союзных экспедиционных сил.

Планирование и подготовка операции "Оверлорд" будут детально изучаться военными специалистами. Что касается командной и штабной структуры, то здесь нужно отметить ряд важных моментов. Первым из них было выявление наиболее целесообразного состава штаба. С тех пор как я был назначен союзным командующим в июле 1942 года с подчинением мне сухопутных, воздушных и морских сил, мы изъявляли известное желание иметь в подлинно объединенном штабе примерно одинаковое представительство от каждого вида вооруженных сил и соответствующих служб тыла. Я считал, что в определенных ситуациях, когда крупным оперативным группам, возможно, придется вести широкие операции на большом расстоянии от штаба верховного командования союзных экспедиционных сил, потребуется именно такой состав штаба. В дни подготовки операции "Торч" в 1942 году мы первоначально намеревались создать штаб тоже на таком принципе. В конце концов пришлось отказаться от этой идеи как расточительной в смысле использования своих кадров и необязательной в тех условиях.

Схема, которую мы нашли наиболее эффективной и которая позволяла всем командующим собраться вместе почти немедленно, предусматривала для командующих сухопутными, морскими и воздушными силами совмещение двух ролей. В первой роли каждый из них выступал в качестве сотрудника моего штаба и со своими помощниками участвовал вместе с нами в разработке плана операции; во второй каждый отвечал за осуществление своей части во всей операции. Такова была общая командная структура, которой мы придерживались на протяжении всей Средиземноморской кампании, и я был убежден, что с учетом особых условий нового театра военных действий нам следует взять за основу этот принцип, хотя были неизбежны определенные исключения.

Первое из этих исключений касалось военно-воздушных сил. Было желательно, чтобы на начальных стадиях десантирования в целях должной поддержки авиацией сухопутных войск на решающих этапах операции, то есть до тех пор, пока мы прочно не закрепимся на захваченном плацдарме и пока не исчезнет угроза нашего поражения, вся авиация в Англии, за исключением только авиации берегового командования, была бы подчинена мне. Сюда вошли бы стратегическая авиация в составе английского бомбардировочного командования под руководством главного маршала авиации Артура Харриса и 8-я воздушная армия США под командованием Дулиттла. Однако сразу же возникли возражения, частично со стороны премьер-министра и его начальника штаба. Командующие стратегической авиацией не

хотели получать приказы от командующего тактической авиацией, выделенной для операции "Оверлорд". Их возражения, по моему убеждению, исходили не из личных соображений, а основывались на убеждении, что командующий тактической авиацией, который прежде всего обеспокоен поддержкой войск на переднем крае, едва ли в должной мере оценит подлинную роль и возможности стратегической авиации и поэтому может неправильно ее использовать.

В более широком плане разногласия сводились к тому, что действия этих крупных бомбардировочных частей с их способностью наносить удары по любой точке в Западной Европе никогда не следует ограничивать, даже временно, задачей оказать непосредственную помощь сухопутным войскам, осуществляющим единственную операцию. В ответ на эти доводы мы указывали, что эта операция, которую Соединенные Штаты и Великобритания собираются теперь предпринять, не может быть отнесена к категории обычного сражения. Две страны вкладывают все силы и ресурсы в эту операцию, чтобы в дальнейшем развернуть боевые действия в Западной Европе. Неудача в операции "Оверлорд" привела бы к последствиям почти роковым. Такая катастрофа могла означать полное перебазирование на другие театры военных действий всех американских сил, сосредоточенных в Соединенном Королевстве, и в то же время явилась бы таким тяжелым ударом по моральному духу союзников и их решимости, что последствия даже не поддаются учету. И наконец, такое поражение оказало бы очень серьезное влияние на обстановку на Восточном фронте, и можно было не без оснований предположить, что если Россия будет считать своих союзников совершенно беспомощными и неспособными предпринять что-либо значительное в Европе, то она может пойти на сепаратный мир.

Упорно настаивая на передаче в мое подчинение стратегической авиации, я, помимо всего прочего, находился под влиянием урока, столь убедительно продемонстрированного в боях под Салерно. Для обеспечения успеха сражения подчас требуется использовать все возможности, до последнего человека, и командующий не должен зависеть от того, будет ли выполнена его просьба оказать войскам авиационную поддержку или нет. Было крайне важно, чтобы все наши наступательные силы, в том числе и стратегическая авиация, были в распоряжении командующего для использования в критические моменты боя. Я твердо заявил, что, пока буду командующим, не приму никакого иного решения, хотя и согласился с тем, что стратегические авиационные объединения не будут подчинены тактической

авиации, а будут получать приказы непосредственно от меня. Это не накладывало на меня особенно большой дополнительной нагрузки, поскольку мой заместитель главный маршал авиации Теддер не только был опытным командиром, но и пользовался доверием в военно-воздушных силах, как английских, так и американских.

У нас не было намерения использовать стратегическую авиацию в качестве простого придатка к тактическому авиакомандованию. Наоборот, мы больше всего хотели продолжать разрушение немецкой промышленности, особенно нефтеперерабатывающей. Генерал Спаатс убедил меня, что, поскольку у Германии усиливаются затруднения в связи с истощением запасов топлива, это окажет самое серьезное влияние на способность немцев вести боевые действия и соответственно ускорит их поражение в войне.

Мои представления относительно подчинения стратегической авиации были приняты в начале апреля, и с этого времени, пока не прошли решающие фазы кампании во Франции и Бельгии, Дулиттл и Харрис подчинялись непосредственно мне. Строго говоря, организация Ли-Меллори охватывала только те авиационные силы, которые были непосредственно выделены в состав экспедиционных сил как их неотъемлемая часть. Это были английские военно-воздушные силы, поддерживавшие 21-ю группу армий, 9-я воздушная армия, поддерживавшая американскую 12-ю группу армий, и позднее американская авиация, действовавшая в поддержку 6-й группы армий (французских и американских войск) на юге Франции. В его командование входили также многочисленная транспортная авиация, разведывательные самолеты и авиачасти специального назначения.

Для управления сухопутными войсками не предусматривалось назначения отдельного командующего. Поскольку наша десантная операция осуществлялась на относительно узком участке фронта с привлечением всего двух армий, один из командующих этими армиями должен был постоянно осуществлять боевое взаимодействие между двумя армиями на начальных стадиях операции. Однако в планах предусматривалось скорее создание отдельных английской и американской групп армий на континенте, и поэтому было логично, чтобы сухопутные войска каждой из них имели своего командующего, непосредственно подчиненного моему штабу, когда эти группировки будут располагать достаточными силами, чтобы осуществить решительный прорыв и начать быстрое продвижение через Западную Европу. Этот принцип

распространялся также на группу армий, которая позднее вторглась во Францию с юга. Во избежание большой путаницы не предусматривалось никакого дополнительного штаба между этими тремя основными командующими сухопутными войсками и моим штабом. Отсюда вытекало, что каждый из этих трех командующих группами армий являлся, по существу, руководителем сухопутных войск в своей зоне и получал поддержку со стороны тактического авиаобъединения.

Этот вопрос был тщательно обсужден и хорошо понят всеми задолго до начала операции. Однако некоторые английские офицеры, но не те, которые работали в моем штабе, оказались по традиции приверженцами строгого соблюдения "триумвиратного" метода руководства войсками и считали, что нам следует иметь отдельного командующего сухопутными войсками в качестве моего заместителя.

С прибытием Джорджа Паттона со Средиземноморья наша команда приобрела сильного игрока. В разговорах с Джорджем я советовал ему избегать пресс-конференций и публичных заявлений. Он обладал просто талантом делать подобные взрыву заявления, которые часто потрясали его слушателей. Однако весной 1944 года над его головой разразилась настоящая буря. Перед собранием англичан он сделал опрометчивые и неуместные высказывания о необходимости для Англии и Америки объединиться, чтобы управлять миром после достижения победы.

Поскольку сицилийский "инцидент с пощечиной" все еще был свеж в памяти общественности, то это заявление, преданное широкой гласности, привлекло к себе значительно большее внимание. Его критики получили новое подтверждение того, что Паттон совершенно непригоден для командования армией. Впервые я начал серьезно колебаться, сумею ли остаться верным старому другу, в боевых способностях которого я никогда не сомневался. Однако меня беспокоили не столько эти его заявления, сколько нарушение данного мне обещания.

Расследование быстро выявило два момента, которые повлияли на мое решение. Первым из них было то, что вначале Паттон вообще отказался выступать и просто по настоянию своих гостеприимных хозяев поднялся на трибуну, чтобы сказать несколько слов в поддержку целей данного собрания. Вторым моментом было то, что его заверили, что эта встреча носит частный характер, не будет никаких репортеров и никакая информация не просочится в прессу.

Между тем этот инцидент дал повод для обмена телеграммами с военным министерством, но, как всегда, министр

и начальник штаба оставили на мое усмотрение принятие окончательного решения.

Во время расследования Джордж Паттон явился ко мне и с присущим ему благородством и эмоциональностью сказал, что подаст в отставку, чтобы избавить меня от всяких затруднений. Когда я в конце концов сообщил ему о решении забыть этот случай и сохранить Паттона в армии для замещения в будущем должности командующего 3-й армией, он был тронут до слез. В подобные минуты у генерала Паттона проявлялись такие стороны его характера, которые кому-либо, за исключением его близких друзей, трудно было понять. Его мучили угрызения совести не только за причиненные мне неприятности, но и за свою резкую, как он сказал, критику в мой адрес среди своих коллег, когда он думал, что я, возможно, его уволю. Я со смехом ответил ему: "Вы перед нами в долгу; расплатитесь несколькими победами, и мир сочтет меня разумным человеком".

Было важно, чтобы стратегическая цель операции "Оверлорд", в которой высадка десанта будет просто начальной фазой, осуществлялась как можно раньше. Полученная от Объединенного англо-американского штаба директива была очень лаконична: нам предписывалось высадиться на побережье Франции и затем уничтожить немецкие сухопутные силы. В одном из ее параграфов говорилось: "Вступить на Европейский континент и во взаимодействии с другими союзными государствами предпринять операции, нацеленные на сердце Германии и на уничтожение ее вооруженных сил". Разгром вражеских войск всегда оставался нашей главной задачей.

Сердцем Западной Германии был Рур - основной центр военной промышленности страны. Вторым наиболее важным промышленным районом был Саарский бассейн. От этих двух районов в значительной мере зависела способность Германии вести войну.

Один из удобных путей подхода к реке Рейн для ее форсирования крупными силами проходил севернее Рура, а другой - через район Франкфурта. В то же время Рейн можно было форсировать и на юге, около Страсбурга.

Северный маршрут, по нашему мнению, являлся наиболее важным. Во-первых, в северной части Рура местность возле Рейна была более благоприятной для наступательных действий. Во-вторых, относительно небольшое продвижение наступающих войск в этом районе отрезало бы Рур и его военную промышленность от остальной Германии. Третьим соображением в пользу наступления на севере было то, что здесь находился город Антверпен с его лучшим портом на северо-западе Европы.

Захват и использование этого порта значительно сократили бы наши линии коммуникаций. Нам было ясно, что с подходом к границам Германии проблема снабжения войск приобретала бы критический характер.

Однако захват последних источников военной мощи Германии не мог быть осуществлен путем простого нанесения удара на узком фронте вдоль северного побережья. Было очевидно, что наши войска, наступающие этим маршрутом, встретили бы решительное сопротивление противника. Наступление же только частью наших сил на каком-нибудь другом направлении не позволило бы нам достичь поставленной цели.

Чтобы избежать тупика в боевых действиях, мы планировали бросить все наши силы на прорыв вражеской обороны и вести наступление на широком фронте, сосредоточивая основные усилия на левом фланге. Тем самым мы в максимально короткие сроки овладели бы огромными портами Бельгии. В результате такого наступления мы вышли бы в те районы, в которых, как нам было известно, устанавливалось на боевые позиции секретное ракетное оружие, а по мере продвижения вперед создали бы прямую угрозу Руру. Кроме того, планировалось с самого начала наступать и в направлении на Саар, как только это станет возможным после захвата бельгийских портов и выхода действующих на левом фланге войск к рубежу, откуда можно было угрожать Руру. Противник проявлял бы нервозность в связи с угрозой безопасности Саарского бассейна, а в это время наши войска, наступая в этом направлении, вскоре соединились бы с высадившейся на юге Франции группировкой, которая по плану должна была продвигаться на север по долине Роны. Такое соединение, создающее единый фронт, было обязательным и дало бы нам очень скоро большие преимущества. Оно привело бы к освобождению Франции и открыло нам дополнительную широкую систему линий коммуникаций для быстрой доставки подкреплений из Америки и бесперебойного снабжения действующей армии. И наконец, немецкие войска, которые могли остаться к западу от места соединения наших войск, оказались бы отрезанными и тем самым выведенными из боевых действий. Такой план операций позволил бы нам использовать все наши войска непосредственно в боевых наступательных действиях и избавил бы от необходимости развертывать дорогостоящую оборону на растянутых флангах, где союзные войска были бы обречены на выполнение второстепенных пассивных задач.

Если все эти действия окажутся успешными, то следующим этапом должен стать окончательный разгром противника,

который, вероятно, тогда будет уже обороняться на линии Зигфрида и вдоль реки Рейн.

В мае 1944 года мы предполагали, что при наличии портов выгрузки, на которые мы рассчитывали, ко времени решающих бросков через Рейн в составе наших войск, очевидно, будет 68 дивизий, не считая тех, что прибудут со Средиземноморья. После выделения из них 35 дивизий для наступления в направлении Амьен, Мобёж, Льеж, Рур (по нашим расчетам, это было максимальное количество войск, которые можно было выделить для действий в данном направлении) мы располагали еще 33 дивизиями и плюс теми, что прибудут с юга Франции, чтобы вести бои на растянутом фронте от Везеля на Рейне и на юг до самой границы Швейцарии. Следовательно, пока не будет преодолена линия Зигфрида, нам придется предпринимать только оборонительные действия к югу от Рура. Противник мог воспользоваться этой обстановкой и сосредоточить силы для нанесения мощного контрудара.

Однако такой перспективы можно было совсем избежать, если мы сумели бы выйти к Рейну на всем его протяжении. С выходом на этот рубеж мы оказались бы в относительной безопасности на всем театре военных действий, что позволило бы переключить на наступательные операции все наши силы, а не только те 35 дивизий, которые мы могли снабжать вдоль одного направления севернее Рура.

Имелись и другие соображения, диктовавшие целесообразность "захвата рубежа вдоль всей реки Рейн, прежде чем -предпринять окончательное наступление в Германию. Нашей целью был разгром немецких вооруженных сил. Если бы мы могли нанести противнику сокрушительное поражение западнее Рейна, то у него наверняка остались бы весьма скудные средства для последующей обороны: русские уже вошли в Польшу, и значительная часть немецких войск оказалась бы прикованной там, чтобы противостоять наступательным операциям на Восточном фронте. Наконец, если бы нам не удалось разгромить немецкие армии западнее Рейна, где наши линии снабжения были бы наиболее короткими, как мы могли рассчитывать сделать это к востоку от Рейна, где у нас уже не будет этого преимущества? Генералы Брэдли и Паттон, а также весь мой штаб сходились во мнениях по этому вопросу при планировании наших наступательных операций через проход возле Меца и севернее Арденн.

Переходя к следующему шагу, мы полагали, что Рур, который, как ожидалось, противник будет оборонять крупными силами, лучше всего было отрезать от остальной части Германии

двойным охватом. С этой целью мы планировали основными силами предпринять на севере такое мощное наступление, какое только позволят там линии коммуникаций, а на франкфуртском направлении наступать оставшимися силами. Далее, мы считали, что, когда наступающие войска сомкнутся в районе Касселя, к востоку от Рура, в военном смысле у Германии больше не останется никакой надежды. Во всяком случае, мы полагали, что с выходом в район Касселя мы могли легко бросить в наступление наши войска на флангах. Это означало бы конец войны в Европе.

Все эти вопросы с учетом возможных вариантов явились предметом длительных обсуждений, однако общий план, который мы намеревались провести, сводился к следующему:

"Высадиться на побережье Нормандии.

Сосредоточить силы и средства, необходимые для решительного сражения в районе Нормандия, Бретань, и прорвать там оборону противника. (Операции сухопутных войск в период первых двух фаз должны осуществляться под руководством Монтгомери.)

Двумя группами армий преследовать противника на широком фронте, сосредоточив основные усилия на левом фланге, чтобы захватить необходимые нам порты, выйти к границам Германии и создать угрозу Руру. На правом фланге наши войска соединятся с силами, которые вторгнутся во Францию с юга.

Создать новую систему баз снабжения вдоль западной границы Германии, обеспечив себя портами в Бельгии и Бретани, а также на Средиземном море.

Продолжать наращивать силы и в то же время непрерывно вести наступление, чтобы измотать противника и создать условия для проведения заключительных сражений.

Закончить уничтожение вражеских войск к западу от Рейна, постоянно стремясь между тем овладеть плацдармами на восточном берегу реки.

Предпринять завершающее наступление с целью двойного охвата Рура, снова нанося основной удар левым флангом; затем немедленно осуществить бросок через Германию; конкретное направление этого наступления будет определено позже.

Захватить оставшуюся часть Германии".

От этого генерального плана, тщательно сформулированного на штабных совещаниях перед днем "Д", мы никогда, даже временно, не отклонялись на протяжении всей кампании.

Трудно было выбрать время для начала операции. На Тегеранской конференции президент и премьер-министр пообещали генералиссимусу Сталину, что наступление начнется в мае, но нам дали понять, что любая дата, выбранная из этого

периода года, будет приемлемой для выполнения обязательства, взятого на себя нашими двумя политическими руководителями.

Для того чтобы наступление через Ла-Манш проходило в условиях длительной хорошей погоды, его надо было начать как можно быстрее. Другим фактором в пользу более скорого наступления были непрерывные и отчаянные усилия немцев по укреплению обороны побережья. Если учесть погодные условия на Ла-Манше, май был самым ранним сроком, когда можно было бы с успехом предпринять высадку десанта. На этот месяц приходится первое благоприятное сочетание приливов и отливов, а также время восхода солнца. Таким образом, проведение операции "Оверлорд" было предварительно назначено на начало мая.

Тревожные сообщения разведки относительно прогресса немцев в разработке новых видов оружия также указывали на целесообразность скорейшего наступления.

Время от времени в течение весенних месяцев из Вашингтона в мой штаб прибывали офицеры, чтобы доложить мне последние данные о ходе работ немцев над этим оружием, в том числе бактериологическим и атомным. Такая информация была исключительно секретной и неизменно передавалась устно. Мне сказали, что американские ученые тоже добились успехов в разработке этих двух видов оружия и что на основе их собственного опыта делаются предположения относительно аналогичной деятельности немцев. Вся эта информация дополнялась периодическими докладами разведывательных служб в Лондоне. Кроме того, с величайшей тщательностью рассматривались аэрофотоснимки с целью обнаружения на них каких-либо новых промышленных сооружений, связанных с производством секретного немецкого оружия.

На помощь нам были призваны лучшие научные силы как в Англии, так и в Америке, чтобы оценить и определить немецкие возможности. Нашим единственным эффективным противодействием этим работам немцев в период подготовки к операции "Оверлорд" в 1944 году были бомбардировки. Наша авиация периодически совершала налеты на каждый район в Европе, где, по мнению наших специалистов, противник пытался либо изготовить новые виды оружия, либо построить пусковые установки вдоль побережья для своих ракет.

В течение длительного периода выводы разведывательных служб строились на крайне скудных сведениях, и, как следствие, они подчас резко отличались друг от друга. Тем не менее перед тем как начать вторжение, наши разведчики все же смогли дать нам исключительно точные данные о новом немецком оружии.

Перенося начало вторжения в Нормандию с мая на июнь, мы руководствовались двумя соображениями. Первым и наиболее важным было то, что мы настаивали, чтобы высадка десанта на побережье предпринималась в более крупных масштабах, чем первоначально планировалось штабом в Лондоне под руководством генерал-лейтенанта Фредерика Моргана. Это был исключительно способный офицер. Задолго до моего прибытия в Лондон он завоевал высокую репутацию и уважение генерала Маршалла. Вскоре и мне представилась возможность оценить его качества и способности. Морган проделал огромную работу по детальному планированию операции, сбору необходимых данных и сосредоточению материальных средств, которые делали возможным день "Д". Лично генерал Морган поддерживал мои соображения, но был вынужден разрабатывать план на основе установленного числа кораблей, десантно-высадочных средств и прочих ресурсов. Поэтому у него не было иного выхода, кроме как разрабатывать план высадки трех дивизий, а я стал настаивать на пяти дивизиях и информировал об этом Объединенный англо-американский штаб, одновременно запросив у него выделить дополнительное количество десантно-высадочных средств и другой боевой техники. Объединенный штаб согласился с моими доводами.

Вторая причина, в силу которой нам приходилось переносить дату вторжения на более поздний срок, состояла в том, что готовность нашей авиации поддерживать действия войск зависела от метеорологических условий. Ожидавшееся улучшение погоды в мае предоставило бы ей значительно больше летного времени, чтобы помешать передвижению немецких резервов и разрушить вражеские оборонительные сооружения вдоль побережья. В конечном счете вывод из строя наиболее важных участков главных автомобильных и железных дорог, ведущих в районы будущих сражений, был крайне необходим для осуществления плана вторжения. Тем не менее принятие более позднего срока начала операции нас огорчало, поскольку нам хотелось, чтобы эта Европейская кампания проводилась в летнее время.

При разработке общего плана операции мы тщательно продумали меры по введению противника в заблуждение относительно места и времени высадки десанта. Нашей задачей было убедить его, что мы намереваемся наносить удар прямо через Ла-Манш в его самом узком месте, напротив Кале. Если бы мы могли успешно высадиться в этом районе, то получили бы многие существенные преимущества. Здесь побережье было очень удобное для десантирования войск, и оно располагалось на самом близком расстоянии как от английских портов, так и от границ

Германии. Противник, хорошо понимая это, создал у Кале более сильную оборону, чем на других направлениях. Поэтому никто из нас не верил в успешную высадку десанта в этом месте, разве что с такими ужасными потерями, которые поставили бы всю экспедицию в критическое положение и не позволили бы добиться существенных результатов. Но мы рассчитывали, что нам удастся ввести в заблуждение противника относительно наших истинных намерений, и осуществили с этой целью ряд разнообразных мер.

Второстепенное наступление на юге Франции уже давно рассматривалось, по крайней мере генералом Маршаллом и мной, как неотъемлемая и необходимая часть главной наступательной операции через Ла-Манш. В начале 1944 года я полагал, что наши основные командующие и Объединенный англо-американский штаб имели твердую общую точку зрения по этому вопросу. Однако вскоре в ходе нашей работы в Лондоне выяснилось, что даже при условии проведения десантной операции "Оверлорд" в июне у союзников все равно не хватит десантно-высадочных средств и другой боевой техники, чтобы одновременно вести наступление через Ла-Манш и со стороны Средиземного моря в необходимых масштабах.

Соединенные Штаты в то время вели активные боевые действия на Тихом океане и не могли выделить нам дополнительные десантно-высадочные средства с этого ТВД. Оказавшись перед таким фактом, генерал Монтгомери предложил полностью отказаться от наступления на юге Франции, которое получило кодовое название "Энвил". 21 февраля 1944 года он писал мне: "Я очень настоятельно рекомендую, чтобы теперь мы использовали весь наш авторитет против операции "Энвил". Я не согласился с точкой зрения Монтгомери, но стало ясно, что нет никакого иного выхода, кроме задержки наступления на юге на такое время, чтобы сначала обеспечить кораблями и десантно-высадочными средствами операцию "Оверлорд", а затем перебросить их на Средиземное море для десантирования войск на юге Франции. Мы пришли к заключению, что такое решение не будет особенно неблагоприятным: по крайней мере, оно куда лучше, чем полная отмена операции. Присутствие союзных войск на Средиземноморском ТВД заставит немцев держать свои войска в Южной Франции, а если противник начнет постепенно выводить их оттуда, то последующее наше продвижение с юга будет проходить более быстрыми темпами. Поэтому мы согласились проводить операцию "Энвил" вскоре после 15 июля, как только возникнут благоприятные условия.

Наш план использования авиации в подготовке операции

"Оверлорд" встретил самые серьезные и искренние возражения, особенно с политической точки зрения. Уничтожение авиацией основных мостов, товарных сортировочных станций и вывод из строя главных железнодорожных магистралей Франции неизбежно вызвали бы жертвы среди французского населения. По подсчетам некоторых специалистов, даже если мы будем бомбить не сами крупные города, а только важные объекты в районах с исключительно большой плотностью населения, то осуществление нашего плана авиационной поддержки обойдется по меньшей мере в 80 тыс. жертв из числа мирных жителей. Такие действия, очевидно, вызвали бы ожесточение французского народа; премьер-министр и многие из его советников настаивали, чтобы мы изыскали какой-либо иной способ использования авиации. Черчилль был искренне потрясен ужасающей картиной, которую нарисовали ему противники нашего плана, и обратился ко мне с настоятельными просьбами пересмотреть этот план. "Послевоенная Франция должна быть нашим другом, - говорил он. - Это не только вопрос гуманности. Это также вопрос большой государственной политики".

Мои командующие авиацией и я подвергли сомнению точность подобных расчетов. Мы ожидали, что потери среди мирного населения будут значительно меньше тех, которые нам предсказывали, поскольку планировалось передавать как общие, так и специальные предупреждения в районы бомбардировки. Мы собирались использовать любые возможные средства, чтобы неоднократно сообщать французам и бельгийцам о необходимости покинуть важные в транспортной системе места. Более того, перед каждым налетом мы намеревались предупреждать жителей по радио и с помощью листовок, чтобы они временно оставляли свои дома. Мы могли позволить себе это, так как знали, что немецкая авиация резко ослаблена и противник не в состоянии по первому требованию обеспечить достаточно эффективную противовоздушную оборону каждого важного пункта в транспортной системе Франции. Нужно было так составить план бомбардировок, чтобы он не раскрывал района, выбранного для десантирования войск. Поэтому в мероприятиях по вводу противника в заблуждение мы неизменно выбирали для воздушных налетов некоторые объекты в районе Кале.

Целесообразность и необходимость бомбардировок обсуждались долго, добросовестно и, разумеется, с сочувствием, поскольку дело касалось человеческих жизней. В конце концов Черчилль и его правительство, а также генерал Пьер Кениг, командующий французскими внутренними вооруженными

силами, согласились с тем, что воздушные налеты следует осуществить так, как они запланированы, надеясь, что меры, принимаемые нами по предупреждению населения будут достаточно эффективными и сведут к минимуму потери среди мирных жителей. Результаты этих бомбардировок, как потом выяснилось, положительно сказались на операциях наземных войск. Потери же среди гражданского населения составили только незначительную часть от предварительных расчетов, а французский народ в целом спокойно воспринял необходимость бомбардировок, не проявил из-за них никакого антагонизма к союзным войскам. Помимо налетов на объекты транспортной системы Франции, наша авиация продолжала бомбить немецкие нефтеперегонные заводы и другие предприятия, игравшие ключевую роль в военной промышленности Германии. Авиация союзников постоянно стремилась завязать воздушные бои с люфтваффе с целью еще больше измотать их силы до того, как наступит решающая фаза в сражении сухопутных войск.

Между тем войсковые и авиационные штабы постоянно работали над совершенствованием взаимодействия в реальных боевых условиях. Эта взаимозависимость является характерной особенностью современного боя. Наземные войска должны всегда стремиться захватить и надежно прикрыть выгодную местность, откуда авиация сможет поддерживать наступающего, а постоянная поддержка наземных войск истребителями-бомбардировщиками должна рассматриваться как обычное повседневное дело. Несколько раз в критические периоды Европейской кампании авиация совершала более 10 тыс. самолетовылетов в день в качестве своей доли участия в боевых действиях.

Одной из наиболее трудных проблем, неизбежно сопутствующих планированию наступательной операции, являются вопросы технического обеспечения войск, их снабжения, эвакуации раненых и пополнения частей.

До Второй мировой войны всегда считалось, что при любой крупной высадке десанта необходимо захватить в пределах нескольких дней действующие портовые сооружения; если этого не удается добиться, то лучше отказаться от такой операции. Разработка союзниками эффективных десантно-высадочных средств, в том числе больших и малых танкодесантных кораблей, автомобилей-амфибий, в значительной мере уменьшила непосредственную зависимость от стационарных портовых сооружений. Не будет преувеличением сказать, что создание союзниками в огромных количествах новейшей боевой техники явилось одним из крупнейших факторов, обеспечивших срыв

планов германского генерального штаба.

Тем не менее обладание такой техникой, которая позволяет выгрузку боевых материалов на открытый, переоборудованный берег, никоим образом не устраняет потребности в портах. Особенно это касалось операции "Оверлорд". Многовековая история ясно показывает, что Ла-Манш подвержен разрушительным штормам во все времена года, причем самым худшим периодом является зима. Единственный надежный путь для обеспечения высадившихся войск всем необходимым для ведения наступления состоит в захвате крупных портов.

Поскольку характер обороны, с которой мы рассчитывали встретиться, исключал возможность быстрого захвата соответствующих портов, то возникала необходимость укрыть доставляемые на берег технику и предметы снабжения от воздействия штормов. Мы знали, что даже после захвата Шербура его портовые сооружения и линии коммуникаций, идущие оттуда, не могут полностью удовлетворить наши потребности. Чтобы решить эту, на первый взгляд неразрешимую, проблему, мы разработали настолько необычный план, что многие просто смеялись над ним. Этот план предусматривал создание искусственных гаваней на побережье Нормандии.

Впервые я услышал об этой идее, выдвинутой в пробном порядке адмиралом Маунтбэттеном, весной 1942 года. В ходе совещания, на котором присутствовал ряд начальников служб, он заметил: "Если в наличии нет портов, возможно, нам придется их построить отдельными частями и отбуксировать в нужное место". Его предложение было встречено возгласами удивления и шутками, но спустя два года эта идея была воплощена в жизнь.

Были спроектированы две якорные стоянки общего типа, защищенные от морских волн. Первый тип якорной стоянки, названный "гузбери", предусматривал просто линию затопленных судов, установленных носом к корме в таком количестве, чтобы они со стороны моря образовали прикрытие прибрежных вод, где небольшие суда и десантные катера могли продолжать выгрузку на берег в любых погодных условиях, за исключением сильнейшего шторма.

Другой тип якорной стоянки, названный "мэлбери", практически представлял собой настоящую гавань. Два комплекта этого искусственного порта были спроектированы и построены в Англии, и в нужное время их можно было по частям отбуксировать к берегам Нормандии. Основной строительной деталью в конструкции "мэлбери" был огромный бетонный корабль, названный "фениксом", по форме напоминавший ящик и настолько тяжелый по весу, что когда их затопляли один рядом с

другим в цепочку вдоль берега, то они должны были создать надежное прикрытие образующейся бухты почти от любого волнения на море. Было изготовлено хитроумное вспомогательное оборудование для выгрузки, а также самое разнообразное оснащение современного действующего порта. По одному искусственному порту "мэлбери" планировалось соорудить на английском и американском участках высадки. Кроме того, предусматривалось установить пять искусственных портовых сооружений типа "гузбери".

Опыт войны на Средиземноморском ТВД показал, что каждая из наших усиленных дивизий, ведя активные боевые действия, ежедневно потребляла от 600 до 700 тонн различных предметов снабжения, и наши тыловые службы должны были справляться с этой задачей. Кроме того, нам предстояло одновременно с этим наращивать на плацдарме резервы живой силы, запасы боеприпасов, продовольствия, горючего, чтобы надежно обеспечить в пределах разумного времени дальнейшие наступательные действия в глубине вражеской обороны. Затем надо было создать условия для выгрузки тяжелого инженерно-строительного оборудования и материалов, необходимых для восстановления и ремонта захваченных портов, железных дорог, мостов, дорог и для строительства аэродромов. Следующей, и наиболее важной, задачей тыловых служб являлась организация быстрого сбора раненых на плацдармах и их эвакуации в огромную систему госпиталей, развернутых в Англии.

В штабе верховного командования союзных экспедиционных сил основными офицерами, занимавшимися вопросами снабжения войск, были генерал-лейтенант Хэмфри Гейл и генерал-майор Крофорд, оба с большим опытом и исключительно способные руководители. Начальником американской службы тыла был генерал-лейтенант Джон Ли, который долгое время служил в инженерно-саперных войсках и завоевал репутацию человека, способного выполнить любые задачи в своей области. Из-за его строгого требования воинской дисциплины, которую Ли сам соблюдал с большой педантичностью, большинство его подчиненных и сослуживцев считали этого генерала придирчивым человеком. Он был непреклонен, корректен и предан своему долгу. Мне иногда казалось, что это современный Кромвель, но из-за исключительных деловых качеств генерала я был готов смотреть сквозь пальцы на его слишком большую жесткость. Действительно, я считал, что его суровые методы руководства, возможно, имеют решающее значение для обеспечения успеха там, где всегда требуется управлять железной рукой.

Моими постоянными советниками по всем тактическим и оперативным вопросам были те офицеры, на которых я полагался с величайшим доверием, - генерал-майор Гарольд Балл и бригадный генерал Артур Невинс из армии США, а также английский генерал-майор Уайтли.

В уединенном месте в Восточной Англии английская армия воссоздала все виды инженерных заграждений и препятствий, какие немцы могли использовать в обороне против нас. Англичане построили закрытые огневые сооружения, воздвигли массивные каменные стены и проволочные заграждения, устроили минные поля, изготовили стальные надолбы для установки под водой и на суше, отрыли противотанковые рвы. Каждое из этих препятствий являлось копией тех, какие, как мы знали, немцы уже создали в своей системе обороны. Затем англичане приступили к разработке и испытаниям приспособлений, с помощью которых можно было бы разрушить или преодолеть эти препятствия.

Интересным примером такого экспериментирования явился новый метод использования удлиненного подрывного заряда "бангалорская торпеда". Эта "торпеда" представляет собой не что иное, как длинную трубу, наполненную взрывчаткой. Ее просовывают вперед на минное поле и при взрыве мины детонируют по всей длине этой трубы. Таким образом создается узкий проход в минном поле, по которому солдаты могут продолжать атаку.

Такие заряды уже давно использовались в боевых действиях, однако англичане разработали новый способ их применения. Для этого они на танке "термам" устанавливали сверху ряд трубчатых направляющих, в каждой из которых находилась "бангалорская торпеда". По мере того как танк двигался вперед, он выстреливал эти заряды с таким расчетом, чтобы они взрывались примерно в тридцати футах впереди танка и тем самым расчищали для него путь через минное поле. Каждый танк нес на себе достаточное количество этих "торпед", чтобы проделать проход примерно в пятьдесят ярдов длиной. Ценность этой идеи заключалась в том, что эту рискованную задачу будет выполнять танковый экипаж, находящийся в сравнительной безопасности за броней своего танка, а не беззащитный солдат. Я никогда не видел, как используется это новшество в боевых условиях, но оно служило примером того, что мы стремились облегчить проблемы пехотинцу. В числе других средств борьбы с противником, которые постоянно подвергались совершенствованиям и испытаниям, были передвижные мосты для преодоления противотанковых рвов, танки с бойковым тралом, огнеметные

танки, струги для земляных работ, тяжелые катки для уничтожения мин.

Как всегда, моральное состояние войск постоянно привлекало внимание всех старших командиров. Иногда в этом отношении приходилось разрешать самые необычные вопросы. Например, один обозреватель выступил с утверждениями, что любая попытка высадиться на обороняемом побережье Северо-Западной Европы повлечет за собой потери от 80 до 90 процентов личного состава в частях первого эшелона десанта. Это безответственное утверждение получило довольно широкое распространение, вызвав сомнения и беспокойство в войсках. Брэдли и другие немедленно отреагировали на это заявление и во время многочисленных выездов в войска заклеймили его как трусливое, ошибочное и совершенно необоснованное, сделанное человеком, который не имеет никакого понятия о ведении боевых действий. Брэдли предсказывал, что потери в атакующих частях и подразделениях будут не больше, чем в любых других ожесточенных сражениях аналогичных масштабов. Мы пошли даже на то, чтобы опубликовать в газетах мнение Брэдли, и использовали все имевшиеся возможности, чтобы предотвращать зловредные предсказывания, подрывавшие уверенность личного состава боевых частей.

План действий авиации разрабатывался до мельчайших деталей и в него ежедневно вносились поправки с учетом данных об изменении обстановки, особенно в весенние месяцы. Флот и авиация осуществляли непрерывную разведку. Сведения о противнике поступали также из других источников. В плане действий ВМС предусматривалось общее охранение, траление мин, сопровождение транспортных судов, поддержка десанта огнем корабельной артиллерии, а также создание искусственных портов, ремонт и восстановление захваченных портов и обеспечение снабжения через Ла-Манш. Были тщательно изучены оборонительные сооружения на вражеском побережье и распределены задачи по уничтожению каждой огневой точки, каждого опорного пункта. Изучались полученные аэрофотоснимки, на которых отмечалось продолжавшееся наращивание противником препятствий в прибрежных водах. Во время приливов большинство этих препятствий находилось под водой. Заранее тщательно определялись маршруты следования к портам погрузки, время отхода и прибытия судов, места размещения временных лагерей, их прикрытие и маскировка.

Старшие начальники использовали каждую возможность для посещения и инспектирования войск. Как видно из записей одного штабного офицера, в период с 1 января по 1 июня я

посетил 26 дивизий, 24 аэродрома, пять боевых кораблей, многочисленные склады, ремонтные мастерские, госпитали и другие важные объекты. Брэдли, Монтгомери, Спаатс и Теддер тоже постоянно выезжали в войска.

Когда подошло время для перемещения наших войск и техники поближе к портам погрузки, южная часть Англии превратилась в один огромный лагерь.. По нашей просьбе английское правительство запретило свободный въезд в эту часть страны, а также прервало сообщение между Соединенным Королевством и Эйре, поскольку нейтральное Эйре кишело вражескими агентами. Правительство пошло даже на беспрецедентный шаг, запретив всякую дипломатическую связь, чем вызвало резкие протесты иностранных государств. Оно изъяло из прибрежного судоходства суда, с тем чтобы мы могли использовать их в военных целях. Это вызвало неимоверную загрузку и без того перегруженных железных дорог. Пассажирское движение практически прекратилось, и даже важнейшие потребительские товары доставлялись с большим трудом. Строительство огромных искусственных гаваней требовало привлечения многих тысяч людей, и это еще больше усугубляло и без того сложную проблему перенаселенности в районах портов и гаваней.

Измученный войной английский народ спокойно и с достоинством воспринимал эти дополнительные неудобства и лишения. Воодушевленные руководством Уинстона Черчилля и тем, что назревают решающие события, англичане без уныния восприняли необходимость использования их улиц и дорог, рискуя попасть под колеса проносившихся машин; они спокойно смотрели, как растаптываются их поля и сады, терпеливо выстаивали в длинных очередях в ожидании редких поездов и тяжело страдали от дальнейших сокращений и без того мизерных пайков, лишь бы ничто не помешало переброске солдат и огромной массы грузов, которые мы поглощали с такой энергией.

Удачное сочетание лунного освещения, прилива и времени восхода солнца, которое также было необходимо для нас, наступило 5-7 нюня. Мы хотели, чтобы наши корабли с десантом пересекли Ла-Манш ночью. Это скрыло бы под покровом темноты силы и направления наших ударов. Лунный свет помог бы нам при высадке воздушного десанта. Нам нужно было приблизительно сорок минут светлого времени перед десантированием на берег, чтобы провести предварительную бомбардировку и обстрел противника из корабельной артиллерии. Мы должны были атаковать берег при относительно слабом приливе, чтобы удалить расставленные немцами

препятствия, пока они были видны над водой. Эти основные факторы определяли выбор времени для высадки десанта; однако назначение конкретного дня еще зависело от прогноза погоды.

Если бы ни один из этих трех дней не оказался приемлемым с точки зрения метеорологических условий, то последствия для нас были бы очень тяжелыми. Внезапность всей операции была бы потеряна. Войска первого эшелона десанта выгрузились бы с судов и были бы остановлены в районах сосредоточения, а в это время стали бы прибывать последующие волны десанта. Сложные графики передвижения войск и техники пришлось бы выбросить за ненадобностью. Упал бы моральный дух людей. Очевидных благоприятных условий пришлось бы ждать по меньшей мере четырнадцать, а то и все двадцать восемь суток. За это время воодушевление у более чем 2 млн. человек исчезло бы. Период хорошей погоды для всей кампании на этом ТВД еще больше сократился бы, а оборона противника еще больше усилилась бы. Очень скоро в Англии и США поняли бы, что произошло какое-то несчастье, и трудно было предвидеть возможные последствия вызванного таким ходом событий общего уныния. Наконец, постоянно беспокоила смутная тревога, что немцы устанавливают на французском побережье новое эффективное оружие. Каково будет его воздействие на наши переполненные гавани, особенно в Плимуте и Портсмуте, мы не могли предвидеть даже в общих чертах.

Это был напряженный период, еще больше осложнявшийся тем обстоятельством, что на один из факторов, который мог привести нас к полной катастрофе, мы были не в состоянии воздействовать. Как-то солдаты заметили, что погода всегда нейтральна. Нет более неверного утверждения. Плохая погода всегда является противником той стороны, которая собирается предпринять операцию только при благоприятных метеорологических условиях, или той стороны, которая обладает таким большим преимуществом, как сильная авиация, эффективность которой зависит от погоды. Если действительно будет постоянно плохая погода, нацистам ничего больше не потребуется для обороны побережья Нормандии.

Особенно трудно было решить вопрос, связанный с выброской воздушного десанта на полуостров Котантен. Десантирование с моря на восточном побережье этого полуострова, на участке под кодовым наименованием "Юта", было включено в общий план операции в силу моего убеждения, которое совпало с мнением Брэдли, что без этого будет трудно или почти невозможно быстро захватить Шербур. Если мы быстро не овладеем Шербуром, то противник может воспользоваться

возможностью молотить нас на узком плацдарме с таким успехом, что сорвет всю нашу операцию. По нашему мнению, быстрый и полный успех на плацдарме "Юта" являлся предпосылкой к реальному успеху всей кампании.

Единственный доступный для десантирования участок на побережье полуострова Котантен был все же трудным. Сразу за берегом начиналась широкая лагуна, на которой было построено несколько узких насыпных дорог, ведущих в глубину полуострова. Если противник будет прочно удерживать в своих руках эти дороги, то наши высадившиеся войска окажутся в ловушке и в конечном счете будут уничтожены вражеским огнем.

Чтобы предотвратить это, мы планировали выбросить две дивизии американских парашютистов в глубине полуострова, напротив плацдарма "Юта", с основной задачей захватить и удержать за собой эти важные дороги. Местность была исключительно непригодной для воздушно-десантных операций. Повсюду многочисленные мощные живые изгороди. Берег был усеян зенитными орудиями, сквозь огонь которых должны были пролетать уязвимые транспортные самолеты и планеры. Кроме того, в этом районе находились подвижные части противника, которые попытаются нейтрализовать наших парашютистов и планеристов до того, как те сумеют сосредоточиться и начать боевые действия.

Весь этот план подвергался длительным обсуждениям с самого начала, когда он был предложен, однако генерал Брэдли и генерал-майор Мэттью Риджуэй, наш старший американский офицер от воздушно-десантных войск, всегда решительно поддерживали меня, заявляя о необходимости и осуществимости этой операции. Вскоре эта операция была включена в общий план, и я полагал, что вопрос решен, однако в будущем ему предстояло снова всплыть в самой острой форме перед днем "Д".

Штабы, детально разрабатывавшие план операции и координировавшие все наши усилия, разумеется, работали в постоянном контакте с многочисленными ведомствами в Лондоне и Вашингтоне. Во время подготовительного периода из Вашингтона бесконечным потоком прибывали в наш штаб офицеры, чтобы дать информацию о наличии необходимых нам предметов боевого снабжения, подтвердить сроки их отправки морем, обсудить планы доставки пополнений в личном составе и т. д.

Один из главных помощников генерала Сомервелла, генерал-майор Лерой Лютее, оставался с нами в Англии в течение нескольких недель, обеспечивая на всех этапах поступление непрерывного потока военных материалов и боевой техники от

заводов в Соединенных Штатах до самого фронта. У нас проходили совещания с такими людьми, как Иден и Бевин из английского кабинета, Стимсон и Стеттиниус из Вашингтона, Вайнант Гарриман и Биддл - американские представители в Лондоне -и генерал де Голль, который для этой цели специально прибыл из Африки. На этих совещаниях рассматривались самые различные вопросы, в том числе и вопросы будущего планирования, контроля над районами, в которых мы собирались действовать, и управления Германией и Австрией, когда мы дойдем до этих стран.

В течение всего этого периода у меня были частые и полезные контакты с премьер-министром Черчиллем. Он проявлял живой интерес к каждому важному вопросу и часто выручал нас, когда требовалось получить дополнительную помощь со стороны и без того перегруженных английских гражданских ведомств.

Поездки в Чекере всегда были связаны с решением в первую очередь деловых вопросов. Однако сельская местность была настолько приятна и спокойна, что возможность иногда побродить часок по тихим полям и лесам приносила истинное успокоение. В свое время Чекере занимал Кромвель. Все здесь представляло исторический интерес - окружающая обстановка, архитектура, меблировка.

Обычно премьер-министр просил гостей прибыть к концу второй половины дня. За обедом следовал короткий кинофильм, и затем, примерно в половине одиннадцатого вечера, начиналось деловое совещание. Иногда эти совещания продолжались до трех часов утра. Почти всегда при этом присутствовали Идеи и один или несколько членов комитета начальников штабов. Через каждые несколько часов из лондонской штаб-квартиры поступали оперативные донесения, и Черчилль всегда участвовал в формулировании указаний даже по сугубо военным вопросам.

Как и в большинстве других английских домов, в Чекерсе имелась книга записи гостей, в которой каждый гость должен был поставить свою подпись. Однажды во время поездки на южное побережье я заскочил в Чекере на несколько минут, чтобы увидеться с Черчиллем. Поговорив с ним, я быстро направился к выходу и, уже садясь в машину, увидел слугу. "Сэр, вы забыли расписаться в книге", - сказал он, и его торжественный тон означал, что ему трудно найти оправдание моей оплошности. Я тут же исправил свой промах.

На всех наших совещаниях Черчилль ясно и конкретно выражал свое отношение к операции "Оверлорд" и связанные с ней свои надежды. Постепенно он стал более оптимистичен, чем раньше, относительно ожидаемых результатов этой операции, но

все еще не мог полностью отказаться от своих сомнений. Не один раз он говорил: "Генерал, если ко времени наступления зимы вы прочно обоснуетесь на континенте со своими тридцатью шестью союзными дивизиями и захватите полуострова Котантен и Бретань, то я заявлю всему миру, что это была самая успешная операция во всей войне. - И затем добавлял:

- А если, кроме того, вы обеспечите себя портом у Гавра и освободите прекрасный Париж от врага, я буду доказывать, что это величайшая победа наших времен".

Как всегда, я отвечал: "Господин премьер-министр, я заверяю вас, что в наступающей зиме союзные войска достигнут границ самой Германии. Вы рассчитываете только на наши нынешние тридцать шесть дивизий. Мы же намерены доставить сюда со Средиземноморского ТВД еще десять дивизий, а через порты, которые захватим очень скоро, мы начнем перебрасывать сюда дополнительно сорок дивизий из Соединенных Штатов".

Он сомневался, что мы сумеем захватить такую огромную территорию в течение лета и осени 1944 года, и замечал, что все это будет позднее, а пока он остается при своем мнении. На мои утверждения, что нарисованная мною картина представлена в не слишком розовых тонах, даже если немцы будут сражаться до последнего солдата, он обычно с улыбкой отвечал: "Мой дорогой генерал, для руководителя очень хорошо всегда быть оптимистичным. Я аплодирую вашему энтузиазму, но освободите Париж к Рождеству, и никто из нас не станет просить вас о большем".

7 апреля генерал Монтгомери совместно с представителями авиационного и морского штабов был готов детально доложить план наступления сухопутных сил на побережье. В помещении школы Святого Павла в Лондоне в течение всего дня проводилось большое совещание, на котором обсуждался замысел операции и согласовывались различные вопросы.

В соответствии с планом высадки союзных войск на французском побережье американцы должны были действовать на правом фланге боевого порядка, а англичане и канадцы - на левом. Правый фланг войск при десантировании заканчивался участком побережья под кодовым названием "Юта" на полуострове Котантен, а левый фланг - примерно устьем реки Орн. Ширина всей полосы наступления составляла свыше шестидесяти миль.

Поскольку мы хотели выдвинуться в районы, где можно было наиболее эффективно использовать наши крупные танковые силы, а также разместить поближе к линии фронта огромное число истребителей-бомбардировщиков, планом

предусматривался быстрый захват английской 2-й армией равнинной местности к югу от Кана. Правее этого города американцы должны были наступать в южном направлении от плацдарма "Омаха" и двигаться на одной линии с английскими войсками, в то время как корпус генерал-майора Лоутона Коллинса после высадки на плацдарме "Юта" имел своей основной задачей быстрое овладение Шербуром. Поскольку немцы держали крупные силы в районе Кале, казалось вполне вероятным, что для сохранения связи между этим районом и Нормандией противник сосредоточит свои основные усилия у Кана. Он наверняка предпримет также отчаянные попытки удержать за собой Шербур и тем самым лишить нас возможности воспользоваться этим портом. Тем не менее мы надеялись, что быстрота и внезапность наших действий позволят нам легко овладеть равнинной местностью за Каном, а американцы, по оценке Брэдли, в пределах от десяти до тридцати дней захватят Шербур.

В плане, разработанном Монтгомери, указывались также районы, где, по его мнению, могут произойти задержки в продвижении наших войск после десантирования. Эти районы были нанесены на карту "Прогноз операции "Оверлорд".

Ожидаемое развитие хода событий на всех фазах операций, разумеется, не являлось существенной частью плана боевых действий, поскольку первой и основной задачей был захват такого плацдарма, который позволил бы максимально быстро сосредоточить на нем достаточные силы для последующего решающего сражения за Францию. Однако планируемый ход операции всегда полезен для штабов и служб тыла, ибо только на этой основе они могут составлять свои расчеты в соответствии с общим замыслом боя. Предсказанный рубеж, на который войска должны были выйти на девяностые сутки боевых действий, был достигнут с некоторым опережением графика, однако прогнозы на первые дни операции не оправдались. Отсюда возникли некоторые трудности.

15 мая под руководством штаба верховного командования союзными экспедиционными силами было проведено в помещении школы Святого Павла заключительное совещание. На нем присутствовали король Великобритании, Черчилль со старым другом - фельдмаршалом Смэтсом, а также почти все члены военного кабинета и английского комитета начальников штабов. За всю войну я не присутствовал на совещании, где было столько высокопоставленных лиц. На нем ставилась задача рассмотреть оставшиеся нерешенными вопросы и устранить ранее отмеченные недостатки, а также обратить внимание всех командующих на

широкие цели, выдвигаемые высшим штабом, напомнить каждому из них о той поддержке, на которую он может рассчитывать. Были окончательно уточнены и утверждены распоряжения войскам о соблюдении мер предосторожности в период следования в порты погрузки. Главные усилия направлялись на обеспечение скрытности действий войск.

На этом совещании нам представилась возможность услышать выступление короля и премьер-министра Великобритании. Последний произнес типичную для него боевую речь, в которой он использовал настолько сильные выражения, что поразил многих из нас, особенно американцев. Черчилль заявил: "Господа, у меня укрепляется уверенность в отношении этого предприятия". Мы знали, что он долгое время сомневался в его осуществимости и ранее выступал за дальнейшую отсрочку в пользу проведения операций в других местах, но теперь, на последней стадии приготовлений, наконец стал верить вместе со всеми нами, что это единственно правильный курс действий для достижения победы.

Перед фактическим началом боевых действий основная часть штаба верховного командования союзных экспедиционных сил и штаб 21-й группы армий разместились в Портсмуте, на южном побережье Англии. Это был наш главный район посадки и погрузки на суда, здесь военно-морские силы развернули средства связи, которые в первые часы дня "Д" должны были обеспечивать нас информацией о продвижении каждой части огромной армады.

К тому времени, когда основной состав нашего штаба переместился в Портсмут, я считал, что оставалось принять только одно важное решение до дня "Д", а именно назначить конкретный день и час начала нашего наступления. Однако главный маршал авиации Ли-Меллори еще полностью не решил старый вопрос относительно целесообразности выброски воздушного десанта на полуостров Котантен. 30 мая он прибыл ко мне, чтобы еще раз высказаться против, как он выразился, бесполезной гибели двух прекрасных дивизий. Он считал, что трудная для приземления местность и ожидаемое сопротивление противника создавали слишком большой риск для воздушного десанта. Такого опасного положения не предвиделось на левом фланге, где выбрасывали английскую воздушно-десантную дивизию. По подсчетам Ли-Меллори, потери среди американских частей будут до семидесяти процентов в планерах и по меньшей мере около пятидесяти процентов в самолетах, до того как они сумеют приземлиться. Следовательно, у дивизий не останется сил для решения даже поставленных боевых задач, и поэтому вся

операция окажется бесполезной для исхода общего наступления.

Конечно, Ли-Меллори, отличавшийся большой личной отвагой, был искренен в своих убеждениях на этот счет и считал долгом откровенно высказать мне свое мнение.

Трудно себе представить более мучительную проблему. Если он, мой эксперт, прав, тогда запланированная операция была настоящей глупостью, потому что даже ценой огромных потерь, которые он предсказывал, мы не достигли бы основной цели, которая преследовалась выброской этого десанта. Более того, если он прав, то получалось, что высадка десанта с моря на участок побережья "Юта", очевидно, была безнадежной, а это означало, что вся операция вдруг становилась настолько рискованной и даже безрассудной, что возникала угроза колоссальной неудачи и даже поражения союзников в Европе.

Чтобы обезопасить Ли-Меллори на тот случай, если его рекомендациям не придадут значения, я предложил ему изложить свое мнение в письменной форме и сообщил, что мой ответ он получит через несколько часов. Я не стал ни к кому обращаться с этой проблемой. Профессиональные рекомендации больше тут не помогли бы.

Я направился в свою палатку и стал снова размышлять над этой проблемой. Я понимал, конечно, что если преднамеренно пренебрегу советами моего технического эксперта по этому вопросу и его предостережения окажутся правильными, то до самой могилы нести мне тяжкое бремя угрызений совести за неоправданные жертвы тысяч людей, цвета нашей молодежи. Однако еще страшнее было то, что последствия этой катастрофы могли -оказаться далеко не местного значения: если он прав, они скажутся на всех войсках, участвующих в операции.

Если я должен отменить выброску воздушного десанта, тогда мне придется отказаться от высадки морского десанта на участок побережья "Юта", поскольку я подвергну атакующие там войска еще большей опасности, чем та, какую предсказывали для воздушного десанта. Если я отменю высадку войск на участок побережья "Юта", тем самым я настолько серьезно расстрою тщательно разработанные планы, что уменьшатся шансы на успехи в других местах, а позднее станет, вероятно, невозможно организовать снабжение действующих там войск. В ходе длительного и трезвого рассмотрения всего плана операции мы пришли к мнению, что высадка десанта на участок "Юта" играет существенную роль в обеспечении нашего общего успеха. Отказаться от нее фактически означало отказаться от плана, в который я безоговорочно верил более двух лет.

Наконец, предварительные расчеты Ли-Меллори были просто

расчетами, и не более, а наш опыт в Сицилии и Италии никоим образом не оправдывал его пессимизма. Брэдли, Риджуэй и другие офицеры всегда поддерживали меня и штаб в этом вопросе, и это меня воодушевляло настаивать на ошибочности взглядов Ли-Меллори.

Я позвонил ему по телефону и сказал, что высадка воздушного десанта будет произведена в соответствии с планом и что я сейчас же дам письменное подтверждение этому. Позднее, когда десантирование с воздуха оказалось успешным, он первым позвонил мне, чтобы высказать удовлетворение и выразить сожаление по поводу того, что он добавил к моим личным заботам и этот груз в те последние напряженные дни перед днем "Д".

Перед началом операции нам наносили визиты многие важные официальные представители. Одним из наших последних посетителей был генерал де Голль. С ним у нас возникли некоторые разногласия относительно времени и характера тех заявлений, с которыми нужно было обратиться к французскому населению сразу же после высадки союзных войск. Генерал де Голль хотел, чтобы оба союзных правительства ясно и определенно признали его как правителя Франции. Он настаивал, что только он один имеет право отдавать приказ французскому населению о необходимости сотрудничать с союзными войсками. Президент Рузвельт категорически возражал против такого признания генерала де Голля и, как всегда, упорно отстаивал идею, что суверенитет Франции находится в руках народа и что союзники вступают на ее территорию не для того, чтобы навязывать населению какое-либо конкретное правительство или конкретного правителя. Поэтому, продолжал он, из наших заявлений должно явствовать, что мы готовы сотрудничать с любыми французскими силами, которые будут участвовать в разгроме немецкой армии. Он соглашался с тем, что, если какая-либо группировка этих сил или все они решат следовать за де Голлем, мы будем действовать через де Голля, но президент не соглашался поставить генерала правителем над кем бы то ни было.

Задача разработать план, удовлетворявший де Голля и в то же время удерживающий нас в рамках установленных нашими правительствами пределов, выпала в основном на долю моего штаба и причинила немало беспокойств, так как мы зависели от существенной помощи со I стороны повстанцев во Франции. По имевшимся сведениям, они были особенно многочисленны в районе Бретани и в городах Юго-Восточной Франции. Открытое столкновение с де Голлем по этому вопросу нанесло бы нам

неизмеримый ущерб и привело бы к горьким взаимным обвинениям и ненужным жертвам.

По мнению штаба, это возражение Рузвельта являлось в некотором смысле академическим. Как здесь полагали, по крайней мере на начальных стадиях операции, де Голль будет представлять единственную власть, которая может обеспечить хоть какую-нибудь координацию и единство действий французов, и не будет никакого ущерба от того признания его роли, которого он добивается. Его нужно просто поставить в известность, что, как только страна будет освобождена, французский народ сам определит свое собственное правительство и лидера. С согласия наших правительств мы уже приняли представителя де Голля генерала Кенига, командующего французскими внутренними вооруженными силами, который в системе союзного командования являлся моим прямым подчиненным.

Мы особенно хотели, чтобы де Голль вместе со мной в день "Д" обратился по радио к французскому населению с тем, чтобы оно, избегая восстаний и бесполезных жертв на второстепенных участках, было всегда готово оказать нам помощь там, где она понадобится. Мы упорно стремились, в рамках полученных инструкций, склонить де Голля согласиться с нашей точкой зрения, и хотя после начала кампании он эффективно сотрудничал с нами, но в тот момент он удовлетворял не все наши просьбы.

В оставшиеся до начала операции дни предстояло отрегулировать еще ряд некоторых деталей. Но главное, что больше всего беспокоило нас, - это какая погода будет в период с 5 по 7 июня.

Вся Южная Англия была забита войсками, ожидавшими последней команды. Вокруг стояли груды военных материалов и масса боевой техники, приготовленные для переброски через Ла-Манш. Весь этот район был отрезан от остальной части Англии. Правительство установило полосу, которую никто не имел права пересекать ни в том, ни в другом направлении без специального пропуска. График движения каждой части был составлен так, чтобы она точно прибывала к месту погрузки на суда. Самые южные лагеря, где были сосредоточены войска первого эшелона десанта, находились уже за плотной оградой из колючей проволоки, чтобы предотвратить самовольный уход какого-либо солдата из своего подразделения после того, как он получит боевую задачу для высадки на французское побережье. Вся эта мощная сила была напряжена, подобно сжатой пружине, готовая в нужный момент устремиться через Ла-Манш для осуществления величайшей в истории десантной операции.

Дважды в день - в 9.30 вечера и в 4.00 утра - мы собирались с представителями метеорологического комитета, состоявшего из американских и английских специалистов. Возглавлял этот комитет суровый и осторожный шотландец полковник авиации Стэг. На этих совещаниях эксперты детально докладывали о метеорологических прогнозах на ближайшее время. С приближением критического периода нарастала напряженность. По мере того как перспективы на приличную погоду становились все хуже и хуже, напряженность среди командного состава нарастала.

Последнее такое совещание было запланировано на 4 часа утра 4 июня, чтобы в пробном порядке назначить дату вторжения на 5 июня. Однако некоторые контингента войск, размещавшиеся в северных частях Великобритании, уже получили приказ выйти в море, так как они не могли ждать окончательного решения до утра 4 июня.

Когда командующие войсками собрались на это совещание, поступивший прогноз погоды был обескураживающим: низкая облачность, сильный ветер и большое волнение на море обещали превратить высадку десанта в самое рискованное дело. Метеорологи заявили, что в таких условиях станет невозможной авиационная поддержка, огонь корабельной артиллерии будет неэффективным, а управление мелкими судами - затруднено. Адмирал Рамсей считал, что с управлением судов можно справиться, но вести точный огонь из корабельной артиллерии действительно трудно. В основном он занимал нейтральную позицию. Генерал Монтгомери, обеспокоенный неблагоприятными последствиями при задержке десантирования, предлагал начать операцию. Теддер не соглашался с ним.

Оценив все факторы, я решил, что вторжение следует отложить. Это заставило нас немедленно вернуть в порты уже находившиеся в пути суда и породило некоторые сомнения относительно того, будут ли они готовы вновь выйти в море через 24 часа, если погода на следующий день окажется благоприятной. Маневр кораблей и судов в Ирландском море оказался крайне трудным в условиях шторма, но их команды, проявив высокую выучку и мастерство, сумели справиться со своей задачей.

Совещание вечером 4 июня добавило мало чего утешительного к общей картине утреннего доклада, и напряженность еще больше усилилась.

В 3.40 на следующее утро наш небольшой лагерь сотрясался под порывами ветра, достигавшего почти ураганной силы, а дождь, казалось, шел сплошной стеной. Путь в одну милю через раскисшие дороги в военно-морской штаб был далеко не ободряющим, и казалось, что нет никакого смысла проводить какое-либо совещание. Когда же оно началось, полковник Стэг в своем докладе отметил, что плохие погодные условия, предсказанные за день до этого для северного побережья Франции, фактически подтвердились и что если бы мы настояли на десантировании 5 июня, то почти наверняка произошла бы крупная катастрофа. Это метеорологи, вероятно, сообщили для того, чтобы приободрить нас, потому что их последующее заявление поразило всех: к следующему утру наступит до сих пор совершенно непредвиденный период относительно хорошей погоды продолжительностью около тридцати шести часов. Правда, долгосрочный прогноз погоды был неважным, и после короткого периода относительного спокойствия ожидалось опять ухудшение погоды.

Перспектива была неясной, поскольку после успешной высадки первых волн десанта нам пришлось бы из-за ухудшения погоды прекратить наращивание сил на плацдарме и тем самым оставить изолированные друг от друга высадившиеся войска в качестве легкой добычи для противника. Однако возможные последствия дальнейшей задержки оправдывали большой риск, и я быстро объявил решение приступить к десантированию 6 июня. Было 4.15 утра 5 июня. Никто из присутствовавших не выразил своего несогласия, наоборот, на их лицах появилось определенное просветление, и каждый без лишних слов направился на командный пункт, чтобы немедленно радировать своим войскам решение, которое приведет их в движение.

Многие офицеры моего штаба обращались ко мне просьбой разрешить им следовать на борту поддерживающих кораблей, чтобы быть свидетелями высадки десанта. Каждый работник штаба всегда мог привести десятки доводов, чтобы доказать, почему ему необходимо сопровождать десантируемые войска, а не оставаться на месте и выполнять порученное дело. Всем было отказано, за исключением тех, кто занимался обеспечением конкретных боевых задач, и, конечно, установленного числа представителей прессы и радио.

И опять я должен был выдержать мучительное ожидание, которое всегда наступает в период между принятием

окончательного решения и появлением первых признаков успеха или неудачи в таких предприятиях. Я провел это время в поездках по войскам, которым предстояло высаживаться на побережье Франции. Поздно вечером 5 июня я заехал в лагерь американской 101-й воздушно-десантной дивизии, одной из тех дивизий, целесообразность участия которых в воздушном десанте подвергалась столь серьезному сомнению со стороны главного маршала авиации Ли-Меллори. Я застал солдат в хорошем настроении; многие из них шутливо говорили мне, что нет никаких причин для беспокойства, поскольку за дело берется 101-я дивизия. Все будет сделано в лучшем виде. Я оставался с ними, пока последние группы не поднялись в воздух примерно около полуночи. После двухчасовой езды обратно в свой лагерь оставалось уже очень немного времени, когда должно было начаться поступление первых донесений от высадившихся на берег войск. Глава 14. День "Д" и высадка десанта

Первое донесение поступило от воздушно-десантных частей, которые я посетил за несколько часов до начала операции, и по тону оно было весьма обнадеживающим. Утром стало ясно, что десантирование проходило довольно успешно. Монтгомери вышел на эсминце, чтобы осмотреть плацдармы и подобрать место для первого эшелона своего штаба. Я обещал посетить его на следующий день.

Боевые действия на участке "Юта", где десантирование с моря увязывалось с выброской американского воздушного десанта, проходили удовлетворительно, как и бои на левом фланге района десантирования войск. Дневные донесения, однако, показывали, что на участке "Омаха" развернулось исключительно ожесточенное сражение. Я решил, что следующим утром мне надо побывать именно на этом участке.

Мы вышли на эсминце и по прибытии на участок "Омаха" узнали, что 1-я и 29-я дивизии наконец выбили немцев с прибрежных оборонительных позиций и быстро продвигаются вперед. Отдельные очаги сопротивления все еще продолжали сдерживать натиск наших войск; кое-где противник вел беспокоящий артиллерийский огонь по высаживающимся на берег войскам и десантным судам. Мне представилась возможность переговорить с генералом Брэдли, и я нашел его, как всегда, стойким и уверенным в успехе боя. В сущности, то сопротивление, с которым мы встретились на участке "Омаха", не явилось для нас неожиданностью, ибо мы предполагали, что оно будет именно таким по всему побережью. Убеждение немцев, что мы не предпримем высадку десанта в такую погоду, сыграло роль в достижении нами определенной внезапности и в некоторой

степени явилось причиной невысокой активности сопротивления на большинстве участков десантирования. Напряженность боев на участке "Омаха" объяснялась тем, что немецкая 352-я дивизия находилась в состоянии боевой готовности и проводила в этом районе, как показали пленные, учения по обороне побережья.

За день я объехал все участки захваченного побережья и побеседовал с основными командующими, в том числе с Монтгомери. К вечеру, следуя на большой скорости вдоль берега, наш эсминец наскочил на мель и получил такие повреждения, что нам пришлось пересесть на другой корабль, чтобы вернуться в Портсмут.

Последующие несколько дней подвергли серьезному испытанию наш план наращивания сил на плацдарме, который с такой терпеливостью разрабатывался в течение многих месяцев. В целом он выполнялся хорошо, хотя то здесь, то там неожиданно возникавшие обстоятельства требовали внесения в него небольших изменений. Размещение моего штаба в Портсмуте позволяло делать это быстро и без осложнений.

При претворении в жизнь такого рода планов всегда появляются непредвиденные затруднения, которые можно довольно легко устранить, если высшее командование внимательно следит за обстановкой и принимает соответствующие меры. Во избежание различных осложнений и неразберихи при нарушении графика перевозки людей и грузов нами был создан специальный орган из представителей всех служб. Через него вполне удовлетворительно решались все транспортные вопросы.

В Вашингтоне также нарастало напряжение в связи с осуществлением вторжения в Европу. Едва мы успели закрепиться на берегу Нормандии, как в Англию прибыли генерал Маршалл, адмирал Кинг, генерал Арнольд в сопровождении офицеров из соответствующих штабов. Я организовал им поездку на плацдарм днем 12 июня. Их присутствие на захваченном берегу, где они испытывали явное удовлетворение достигнутыми результатами, ободряюще действовало на войска. Важность таких визитов, совершаемых военачальниками, в том числе иногда самыми высокопоставленными представителями правительства, едва ли можно переоценить в смысле их значения для поддержания морального духа частей и подразделений. У солдата всегда появляется чувство удовлетворения, когда он видит поблизости от себя очень большого начальника, вероятно, полагая, что район безопасен, иначе такой начальник не находился бы здесь.

Период от дня "Д" до нашего решительного прорыва вражеской обороны 25 июля составил определенную фазу в

операциях союзных войск и получил название "Сражение за плацдарм". Эта фаза включала в себя ряд непрерывных и тяжелых боев, в ходе которых, если не считать захвата Шербура, нам не удалось далеко продвинуться. Однако именно в это время были подготовлены условия для последующих действий по освобождению Франции и Бельгии. В ходе боев на плацдарме мы проверили на практике многие положения нашей доктрины и организацию материального обеспечения войск, которые оказались полезными для нас на последующих этапах войны.

Монтгомери, зная, что Роммель, его старый противник по боям в пустынях Африки, будет руководить обороной немцев, предсказывал, что действия противника будут характеризоваться постоянными контратаками, осуществляемыми любыми силами, какие окажутся у него под рукой, - от дивизии до батальона.и даже роты. Монтгомери исключал возможность того, что противник под руководством Роммеля будет выбирать естественные оборонительные рубежи и спокойно и терпеливо наращивать максимально возможные силы, чтобы затем предпринять решительное контрнаступление на наши войска в прибрежной зоне. Его предсказания полностью подтвердились.

Со дня, как мы высадились на берег, боевые действия нигде не приобретали позиционного характера времен Первой мировой войны, за исключением боев у отдельных изолированных пунктов. Однако такая возможность существовала, и все мы, а особенно наши английские друзья, это всегда помнили.

Брэдли предсказывал, что захват Шербура будет довольно трудным делом, и рассчитывал на быстроту и решительность действий, а также на силу своих войск, чтобы скорее добиться полного успеха в этом районе. По его мнению, на выполнение этой задачи потребуется десять дней, если нам повезет, и тридцать, если не повезет. В числе всего прочего исход подобных прогнозов зависел, разумеется, от успешного наращивания наших сил на плацдарме. В планах высадки детально предусматривалась почасовая и ежедневная доставка на берег войск и различного рода боевой техники, которые требовались не только для текущих операций, но и для создания резервов, чтобы можно было перейти к решающим фазам сражения.

На начальном этапе боев вопреки нашим надеждам нам не удалось захватить город Кан и прилегающую к нему с юга и юго-востока территорию, где мы собирались побыстрее ввести в действие наши танковые силы и в широких масштабах применить авиацию. Бои в этом районе приобрели непрерывный и напряженный характер. Роммель упорно оборонялся, и по мере развития событий нам стало ясно, почему он так настойчиво

цеплялся здесь за каждый клочок земли.

Чтобы усилить оборону, противник сначала стянул в зону боев все войска, какие можно было снять с других районов полуострова Бретань. Затем он доставил сюда дивизии из Южной Франции и Нидерландов. Его единственные оставшиеся крупные резервы в Северо-Западной Европе, которые не были введены в бой, находились около Кале в составе 15-й армии. Чтобы сохранить связь с этой армией, он должен был удержать за собой Кан. В случае потери этого города его основные две группировки оказались бы отрезанными одна от другой, и после этого их совместные действия были бы возможны только после осуществления длительного отхода. Поэтому противник срочно бросил в район города Кан свои лучшие дивизии и принял все необходимые меры для обороны этого района до конца.

Срыв наших усилий по выполнению ближайшей задачи в восточном секторе не повлек за собой изменений основных целей оперативного плана. Тем не менее это еще раз подтвердило ту старую истину, что в каждый план боя, в котором на основании решения командира определяется боевой порядок войск и выделяются необходимые средства для достижения поставленных целей, всегда приходится вносить поправки в зависимости от складывающейся обстановки. Как только стало ясно, что противник намеревается любой ценой удержать за собой Кан, как ключевой пункт в его обороне, мы сразу же воспользовались этим в своих интересах, чтобы приковать немцев к этому району и тем самым облегчить наши действия на других участках.

Первоначально 7-й корпус генерала Коллинса наступал непосредственно в западном направлении, чтобы перерезать полуостров Котантен. Затем он быстро повернул в сторону Шербура, предварительно обеспечив себе прочное прикрытие с юга, чтобы заблокировать любые попытки противника направить подкрепления на этот полуостров.

Первая "летающая бомба", известная как Фау-1, 12 июня 1944 года достигла Лондона. Она представляла собой небольшой беспилотный самолет, летевший на большой скорости по заранее установленному курсу. Самолет-снаряд Фау-1 нес в себе крупный взрывной заряд, детонировавший при падении и вызывавший большие разрушения. Первые Фау-2 были использованы только в начале августа. Это была ракета, запускаемая на большую высоту и падавшая оттуда с такой скоростью, что ее обнаруживали только тогда, когда уже раздавался взрыв. Во время полета ее нельзя было услышать или увидеть, а также невозможно было перехватить, и по этой причине она не наводила столько страха, сколько Фау-1.

Баллистическая ракета Фау-2 причиняла особенно большие разрушения, если попадала прямо на какой-либо объект. Благодаря большой скорости она проникала глубоко в землю, и ее огромное разрывное действие направлялось вверх. Поэтому, когда она взрывалась на открытой местности, ее действие было относительно малоэффективным, но в случае падения на здание она почти полностью разрушала его.

Разработка и использование самолета-снаряда Фау-1 и баллистической ракеты Фау-2 были, несомненно, в значительной мере задержаны нашими весенними бомбардировками тех мест, где, как мы подозревали, их изготовляли. Было известно, что Пенемюнде являлся одним из крупнейших экспериментальных центров в Германии, и мы периодически направляли туда крупные соединения бомбардировщиков для нанесения ударов по подозреваемым объектам в этом районе. Нам сообщали и о других подозрительных местах. Одним из таких был Тронхейм в Норвегии, где, как мы считали, немцы работали над созданием атомного оружия. Мы также подвергали воздушным бомбардировкам северо-западное побережье Европы, где, по данным нашей аэрофоторазведки, имелись многочисленные сооружения, которые могли быть связаны с использованием нового немецкого оружия. Мы непрерывно бомбили их с воздуха.

Новое вражеское оружие оказывало заметное воздействие на моральное состояние англичан, но они выдержали эти ужасные бомбардировки. Однако после успешной высадки союзников в июне 1944 года на побережье Нормандии англичане, несомненно, испытывали огромное чувство облегчения не только в связи с появившейся перспективой на победу, но и в связи с надеждой избавиться от вражеских бомбардировок. Однако когда эти "летающие бомбы" стали появляться над Лондоном в значительном количестве, надежды англичан исчезли. Угнетающее воздействие этого оружия распространялось и на солдат, которые на фронте вновь стали проявлять беспокойство за судьбу своих родственников и друзей. Многие американцы спрашивали меня с тревогой о том, что стало с теми городами Южной Англии, в которых они размещались перед началом операции "Оверлорд".

Вероятно, если бы немцам удалось усовершенствовать это оружие месяцев шесть назад и пустить его в ход, то наше вторжение в Европу было бы крайне затруднено, а возможно, и исключено. Я убежден, что если бы противник сумел использовать такое оружие в течение этого времени против основных объектов в районе Портсмута, Саутгемптона, то вся операция "Оверлорд" могла бы оказаться перечеркнутой.

Принятые вскоре меры против Фау-1 дали положительные результаты, однако и при этом угроза использования их существовала круглые сутки и в любую погоду. На фронте мы стремились поскорее захватить районы стартовых позиций, откуда запускалось это оружие против Англии. Однако следует отдать должное английским руководителям: ни один из них никогда не ставил передо мной вопроса об изменении наших планов операций с целью поскорее избавить Англию от этого бедствия.

Монтгомери 18 июня все еще считал, что условия позволяют осуществить быстрый захват Кана. В его директиве говорилось: "Ясно, что теперь мы должны захватить Кан и Шербур и сделать первый шаг на пути полного осуществления наших планов. Кан действительно является ключом к Шербуру..." В той же директиве он дал следующие указания английской армии: "Непосредственной задачей английских войск является захват Кана..." Последнее предложение этого приказа гласило: "Я надеюсь, что к 24 июня как Кан, так и Шербур будут захвачены".

На левом фланге немецкие танковые части и оборонявшаяся пехота продолжали срывать наши намерения, однако порт Шербур пал 26 июня, на двадцатый день после высадки союзных войск в Нормандии. Генерал Коллинс вел быстрое наступление в этом направлении и в результате оправдал свою кличку Молниеносный Джо. В заключительной стадии наступления существенную помощь его войскам оказал сильный и точный огонь корабельной артиллерии.

Что касается везения, то оно было средним между минимальной и максимальной оценками, высказанными генералом Брэдли. Наша большая удача состояла главным образом в достижении определенной внезапности при высадке на участке "Юта", который немцы считали непригодным для крупной десантной операции, и в эффективных действиях 82-й и 101-й воздушно-десантных дивизий, высадившихся почти в центре полуострова. 19 июня на нас обрушился ураган. Он почти полностью приостановил на четверо суток высадку войск и боевой техники на плацдарм и тем самым серьезно помешал всему ходу боевых действий. Связь между Британскими островами и континентом прекратилась; невозможно было даже посадить самолет на небольшую взлетно-посадочную полосу, которую мы построили на плацдарме. Искусственный порт на участке "Омаха" в американском секторе получил такие повреждения, что нечего было и думать о его ремонте. Огромное число кораблей и небольших судов село на мель или оказалось выброшенным на берег. Если бы не проведенная до этого

эффективная авиационная подготовка по немецким войскам, то сложившиеся в результате урагана условия были бы идеальными для немецкого контрнаступления. Здесь, как всегда, сказалось решающее влияние военно-воздушной мощи на ход сражения, которое вели сухопутные войска.

В день прекращения шторма я облетел весь участок побережья, где высадились войска, и насчитал более 300 разрушенных судов; некоторые из них были так повреждены, что восстановить их не представлялось возможным.

Когда налетел ураган, американская 83-я дивизия находилась на судах как раз напротив побережья. Выгрузка дивизии в таких условиях полностью исключалась, и ее личный состав весь шторм провел на судах, подвергаясь тяжелому испытанию. Я посетил солдат этой дивизии в день, когда они наконец вышли на берег; многие все еще страдали от морской болезни и находились в состоянии полного изнеможения.

За всю войну я не видел такой картины, которая произвела бы на меня столь сильное впечатление, как вид разрушенной техники на берегу и в прибрежных водах. Для любой другой страны такая катастрофа оказалась бы почти роковой, однако Америка с ее огромными производственными возможностями сумела обеспечить наращивание сил на плацдарме.

С захватом Шербура немедленно начались восстановительные работы в порту. Немцы сильно разрушили порт и заминировали гавань и подступы к ней самыми, разнообразными минами. Некоторые из новых типов мин могли быть обезврежены только с помощью водолазов. Работа экипажей минных тральщиков и водолазов в шербурской гавани была полна драматизма и мужества.

В течение двадцати дней, которые потребовались американскому 7-му корпусу для захвата Шербура, союзные войска на остальных участках фронта продолжали вести непрерывные бои без существенного продвижения вперед, а в районе Кана боевые действия зашли почти в тупик.

Монтгомери прекрасно осуществлял боевое руководство английскими и канадскими войсками на правом фланге и их взаимодействие с американцами. Он хорошо понимал душу английского солдата, и моральное состояние в подчиненных ему войсках оставалось высоким, несмотря на неудачи и потери.

Генерал Брэдли проявил непоколебимость, энергию, профессиональное мастерство и способность добиваться слаженности в действиях американских войск, которая была выкована на нормандском плацдарме и ни разу не была серьезно поколеблена в последующем ходе войны. Он тогда командовал 1-

й армией. Генерал-майор Элвуд Куэсада, молодой и энергичный офицер ВВС, руководил тактическими авиагруппами, непосредственно поддерживавшими 1-го армию. Взаимное доверие, сложившееся между ними, тесное взаимодействие на поле боя и то боевое настроение, которое они умели создать у своих подчиненных, - все это служило приятным контрастом с теми другими случаями, с которыми мне пришлось столкнуться в начале войны. Действия военно-морских сил также прекрасно вписались в эти общие усилия. Успехи трех видов американских вооруженных сил в Европе под единым командованием оказали сильное влияние на мою решимость добиваться введения аналогичной системы руководства в послевоенных вооруженных силах США.

На первых стадиях операции я почти все время находился и беспрерывных поездках. Посещения Монтгомери, Брэдли или выезды в действующие войска чередовались с напряженной работой в моем штабе в Портсмуте, где я координировал морские перевозки, планировал боевые действия и проверял соединения, которые еще находились в Англии и предназначались для ввода в бой в ближайшее время.

Одним небольшим событием, приятным лично для меня и характеризовавшим постоянную внимательность генерала Маршалла к своим подчиненным, явилось прибытие ко мне моего сына примерно в середине июня. Он окончил Вест-Пойнт, и с одобрения генерала Маршалла ему разрешили провести краткосрочный отпуск со мной, только при условии, что он вернется в Соединенные Штаты на курсы повышенной подготовки к 1 июля. Мы в эти дни разъезжали с ним повсюду, и он был очень доволен. Единственное, что огорчило его, - это мой отказ вмешаться в нормальный ход военной службы молодого офицера и назначить его в одну из пехотных дивизий, находившихся тогда в Европе.

Как английские, так и американские войска упорно наращивали силы на континенте, несмотря на потери и задержки, вызванные сильным штормом 19 июня. Но все это носило временный характер и не оказывало существенного влияния на претворение в жизнь наших планов.

Непрерывное прибытие свежих войск позволяло нам поддерживать наступательные действия в условиях неблагоприятной местности и погоды. На востоке мы старались сковать максимальные силы немцев, а на западе пытались развить успех с ограниченного плацдарма, чтобы окончательно прорвать вражескую оборону.

Для всех нас конец июня оказался трудным периодом.

Некоторые высокопоставленные гости, появлявшиеся у нас, начинали выражать опасения, что мы заходим в тупик и что те, кто предсказывал мрачный исход операции "Оверлорд", видимо, были правы. Большой риск, который всегда сопровождает десантную операцию, заключается в том, что высадившиеся войска могут оказаться заблокированными противником. Захват соответствующего плацдарма является предпосылкой для наращивания на нем войск и боевой техники, необходимых для решающих активных боевых действий.

Когда условия местности благоприятны для обороны и позволяют хорошо организовать снабжение войск и доставку подкреплений, существует опасность того, что, несмотря на успешную высадку, дальнейшие боевые действия наступающей стороны могут скорее превратиться в затяжные изматывающие бои, чем в сокрушительное наступление против основных сил обороняющегося противника. Именно такая обстановка сложилась для союзников у Галлиполи во время Первой мировой войны и частично повторилась в ходе боевых действий у Анцио в первые месяцы 1944 года. Разумеется, возможность возникновения такого положения нами задолго до высадки была тщательно изучена, и были приняты соответствующие меры. Главным средством для устранения такой ситуации являлась наша воздушная и морская мощь. Мы были уверены, что с помощью авиации расстроим систему снабжения и коммуникаций противника, сорвем быстрые переброски его войск и разрушим подготовленную оборону. Посредством военно-морских сил и искусственных портов мы обеспечим себе надежную и эффективную систему снабжения войск и доставку подкреплений. Следовательно, мы были уверены, что нам удастся осуществить наращивание сил. Кроме того, была возможность предпринять вспомогательную десантную операцию, а также выбросить воздушный десант на полуостров Бретань.

На первоначальном этапе планирования операции огромное значение придавалось портам в Бретани, и мы считали, что если противник пойдет на ослабление своей обороны там, чтобы организовать непреодолимое сопротивление перед фронтом высаженных в Нормандии войск, то мы могли бы осуществить внезапное наступление на Бретань, что создало бы угрозу флангу и тылу противника. В этой связи мы уже знали, что немцы, покидая порты, всегда оставляют за собой хаос и разрушения, которые крайне затрудняли быстрое восстановление и ремонт. Мы остановили свой выбор на заливе Киброн, наиболее удобном месте для организации снабжения высадившихся войск; залив был достаточно большим, хорошо укрытым с моря, но

неподготовленная гавань находилась на южной стороне, у основания полуострова.

По мере того как приближался июль, мы внимательно следили за складывавшейся обстановкой, чтобы решить вопрос, проводить эту вспомогательную операцию или нет. Лично я все больше и больше склонялся к мысли отказаться от нее. Было ясно, что действия нашей авиации и войск, а также проведение ложных маневров не позволят немцам создать непреодолимую оборону в Нормандии. К тому же я знал, что любая попытка предпринять вспомогательную десантную операцию приведет к задержке непосредственного наращивания сил и средств на основном направлении. Я все же считал, что нам придется широко использовать порты в Бретани, но для овладения ими мы должны были продолжать наши атаки на основном направлении, а не ослаблять их ради проведения вспомогательной операции.

Я часто встречался во Франции с генералами Брэдли и Монтгомери, чтобы посоветоваться относительно подготовки тех или иных боевых операций и размеров сил, привлекаемых для их осуществления. Поездки в войска вместе с Брэдли были всегда приятными, так как он и я любили побывать в районе боевых действий и поговорить с солдатами, несущими на себе всю тяжесть войны. Многие из наших совещаний были проведены во время этих довольно частых совместных поездок в действовавшие войска.

В конце июня плацдарм был еще слишком мал, чтобы начать переброску штаба верховного командования союзных экспедиционных сил во Францию; однако для того чтобы находиться в постоянном контакте с командующими войсками, я уже в июле отправил на плацдарм свой личный штаб. Бои за расширение плацдарма и наращивание сил на нем временами проходили разочаровывающе медленно, и это дало американской и английской прессе повод для резкой критики. Авторы этих критических выступлений, разумеется, не могли знать всей обстановки на фронте. Если бы все сведения во время войны становились достоянием широкой гласности, то нельзя было бы никогда застигнуть противника врасплох.

Однако в условиях временного тупика в боевых действиях всегда существует проблема поддержания высокого боевого духа сражающихся войск, когда они несут потери и между тем слышат критику в адрес своих командиров; Голоса комментаторов доходили до каждого отделения и взвода через небольшие радиоприемники, с которыми солдаты никогда не расставались.

Критические высказывания прессы оказывали еще более отрицательное воздействие, когда солдаты начинали находить их

и в письмах от родственников, которые, под влиянием таких сообщений ожидали от фронта невозможного. Эта проблема становилась значительно серьезнее для необстрелянных солдат, чем для ветеранов. Настроение последних хорошо выразил однажды во время разговора со мной один сержант, который со своим подразделением железнодорожных войск ожидал дальнейшего переезда к фронту, чтобы там начать какое-то нужное строительство. Он сказал: "Генерал, на карте эта работа выглядит легкой, однако теперь кажется, что фрицы могут помешать нам в чем-то. Но настроение у нас нормальное! А если что и случится, то хорошая, воодушевляющая победа все исцелит". Глава 15. Прорыв

Первая основная задача кампании в Нормандии, заключавшаяся в создании надежного плацдарма с соответствующими путями снабжения в районе между Шербуром и устьем реки Орн, была полностью осуществлена к концу июня.

С самого начала фельдмаршал Монтгомери, Брэдли и я считали, что в конечном счете с плацдарма будет предпринято крупное наступление нашим мощным левым крылом, в результате чего мы выйдем на линию Сены и весь район между этой рекой и Луарой и в восточном направлении до самого Парижа окажется в наших руках. Под этим не подразумевалось принятие жесткого оперативного решения. Это было просто наше мнение относительно того, что произойдет, когда мы сосредоточим всю мощь авиации, сухопутных и военно-морских сил против вражеских войск в Северо-Западной Франции.

Важное место в наших расчетах отводилось рубежу, с которого мы первоначально намеревались предпринять наступление левым флангом. Эта часть предсказаний не сбылась, и требовалось внесение поправок. В плане, официально представленном Монтгомери 15 мая, говорилось: "Когда мы выйдем на рубеж Гренвилл, Вир, Аржантан, Фалез, Кая, а территория, ограниченная этой линией, прочно окажется в наших руках, тогда мы сможем начать наступательные операции с этого оперативного плацдарма".

На этот рубеж мы надеялись выйти к 23 июня, то есть день "Д" плюс 17. В более подробном изложении 7 апреля Монтгомери утверждал, что вторая крупная фаза операции, предположительно начинаемая вскоре после дня "Д" плюс 20, потребует разворота английской армии на левом фланге у Фалеза, а "правым флангом идти на Аржантан - Алансон". Это означало, что Фалез будет в наших руках до начала крупного наступления с разворотом левого фланга. Рубеж, который мы фактически занимали, когда начался прорыв в день "Д" плюс 50, проходил приблизительно

там, где мы должны были находиться по планам в день "Д" плюс 5.

Таким образом, обстановка сложилась далеко не такая, как предполагалось, но с этим приходилось считаться. Сражение не является односторонним делом. Противоборствующие стороны постоянно стремятся захватить удобные позиции и нанести друг другу максимально возможный урон.

В данном случае важное значение района Кана вынудило противника использовать для его обороны крупные силы. Захват Кана временно стал невозможным, или, по крайней мере, овладение им могло быть осуществлено недопустимо дорогой ценой.

Естественно, что такой ход событий вызвал бы затруднения. Если бы нам удалось в первом броске захватить равнинную местность к югу от Кана, то наступление американцев на район Авранша могло бы превратиться в простое преследование отходящего противника вместо тех упорных боев, которые теперь приходилось вести, то есть более серьезный первоначальный успех на нашем левом фланге существенно облегчил бы на правом фланге выход на приемлемые рубежи, откуда можно было бы начать мощное наступление.

По мере того как проходили дни после высадки на нормандском побережье, пресса проявляла особое недовольство отсутствием прогресса на нашем левом фланге. Естественно, что я и все мои подчиненные были серьезно обеспокоены такой обстановкой в районе Кана. Были рассмотрены все возможные варианты выхода из создавшегося тупика, и я неоднократно настаивал, чтобы Монтгомери максимально активизировал действия своих войск. При сильной поддержке авиации и артиллерии он бросал свои части в одну атаку за другой, но сопротивление немцев сломить не удавалось.

Здесь следует отметить, что когда противнику путем сосредоточения сил удается приостановить продвижение наших наступающих войск, то он обычно достигает этого за счет ослабления своей обороны на других участках фронта. В данном случае, если даже прорыв пришлось бы начинать с первоначально планируемых рубежей, было очевидно, что раз противник держит крупные силы у Кана, то на правом фланге у него будет их меньше, чтобы противодействовать наступлению американцев. Это действительно было благоприятным обстоятельством, но надо было учесть тяжелые условия местности на этом направлении. Все эти вопросы постоянно обсуждались с Брэдли и Монтгомери; последний все еще продолжал координировать действия наземных сил, запрудивших плацдарм.

К 30 июня Монтгомери, очевидно, пришел к убеждению, которого я и Брэдли придерживались уже давно, что прорыв придется осуществлять на более ограниченном участке фронта. В его директиве от этого числа ясно говорилось, что английская 2-я армия на левом фланге будет продолжать свои атаки, чтобы сковать там как можно больше сил противника, в то время как американским войскам, захватившим Шербур за несколько дней до этого, следует начать наступление в южном направлении с целью окончательного прорыва на правом фланге. С этого момента такой план боевых действий уже не изменился, и хотя характер местности и сопротивление противника в сочетании с плохой погодой задерживали начало решительного наступления до 25 июля, этот период был использован для улучшения своих исходных позиций и наращивания необходимых резервов для решительного прорыва.

Такое решение, разумеется, возлагало на американские войска более затруднительную задачу, чем предполагалось вначале. Однако Брэдли хорошо понимал сложившуюся в тот период обстановку и еще 20 июня высказал мне свое убеждение, что прорыв на правом фланге следует предпринять из района Сен-Ло, а не южнее, как раньше планировалось. Он воспринял новую задачу с обычной для него невозмутимостью и по-деловому приступил к ее подготовке. Во всех частях он ограничил расход боеприпасов, менял по очереди подразделения на переднем крае и постоянно держал свои войска и службы тыла в состоянии готовности нанести внезапный и мощный удар, как только представится благоприятная возможность.

Проблема прорыва вражеской обороны американскими войсками осложнялась наличием большого количества мощных живых изгородей. В этом регионе все поля в течение прошлых столетий были разбиты на мелкие участки, каждый из которых огражден густой и мощной изгородью из деревьев и кустарников, которые обычно растут на земляной насыпи от трех до четырех футов высотой. Иногда эти изгороди и земляные насыпи двойные, располагаются рядом, образуя готовые окопы и обеспечивая почти полную безопасность находящимся в них обороняющимся солдатам. Почти за каждой такой насыпью были скрытые пулеметы или оборонялись небольшие боевые группы, которые вели убийственный огонь по нашей пехоте, когда она поднималась в атаку.

В таких условиях танки оказались почти беспомощными. Пытаясь преодолеть такую насыпь, танк поднимался на нее почти под вертикальным углом, тем самым подставляя свое незащищенное брюхо под огонь бронебойных снарядов. В столь

же трудном положении оказывалась артиллерия, которая не могла уничтожать противника, укрытого за этими препятствиями, а орудийные расчеты были бессильны даже защитить самих себя.

Американский сержант по фамилии Кулен нашел простое решение этой проблемы, которое вернуло танку его эффективность и резко подняло настроение в армии. Он предложил приваривать впереди танка два мощных стальных ножа, которые срезали бы земляную насыпь, вместе с растительностью. Это позволяло танку не только спокойно преодолевать препятствие, ведя одновременно огонь из пушки, но и в течение некоторого времени использовать срезанный грунт с растительностью в качестве естественной маскировки.

Как только этот сержант продемонстрировал изобретение своему капитану, об этом было немедленно доложено генералу Уолтеру Робертсону, командиру 2-й дивизии. Он, в свою очередь, показал это новшество генералу Брэдли, который тут же поставил задачу оснастить максимальное количество танков этими ножами для предстоящих боев. Любопытно отметить, что нашим солдатам принес неимоверное удовлетворение тот факт, что материал для изготовления этих ножей был вырезан из стальных конструкций немецких оборонительных сооружений, столь обильно расставленных вдоль побережья Нормандии, чтобы предотвратить нашу высадку.

Однако наши танки еще не имели этого приспособления, когда 1-я армия начала утомительное продвижение на юг, чтобы выйти на более или менее выгодные исходные рубежи для крупного наступления. Было трудно получить какую-либо реальную картину боев в этом районе. Я в сопровождении нескольких командиров прибыл на передовой наблюдательный пункт, размещенный на холме, примерно на сто футов возвышавшемся над окружавшими его живыми изгородями. Однако видимость была настолько ограничена, что я отправился в авиационную часть, чтобы на истребителе пролететь вдоль фронта с целью получить ясное представление о положении на переднем крае. К сожалению, даже с высоты нескольких тысяч футов не очень многое можно было увидеть. Как и ожидалось, в таких условиях артиллерия, за исключением дальнобойной, ведущей беспокоящий огонь, оказалась мало полезной. Это были упорные кровопролитные бои, и каждая дивизия приобрела богатый боевой опыт.

Ко 2 июля 1944 года мы высадили в Нормандии около миллиона человек, в том числе 13 американских, 11 английских и 1 канадскую дивизии. За этот же период мы выгрузили на берег 566 648 тонн грузов и 171532 автомашины. Это была очень

тяжелая и изматывающая работа, но она окупилась сторицей, когда мы, наконец, подготовились к нанесению удара по противнику всей мощью. За эти первые три недели мы захватили 41 тыс. пленных. Наши потери составили 60771 человек, из них 8975 убитыми.

Во время боев на плацдарме особое развитие получило использование авиации для непосредственной поддержки боевых действий пехоты. Было важно, чтобы высшее командование ясно понимало взаимосвязь между бомбардировкой стратегических объектов Германии и оказанием авиационной поддержки сухопутным войскам, если мы хотели эффективно действовать ради достижения единой общей цели. Когда среди авиационных командиров появилось такое понимание, то первоначальное нежелание таких специалистов ВВС, как главный маршал авиации Харрис, командующий английской бомбардировочной авиацией, и генерал Дулиттл, командующий 8-й воздушной армией США, использовать их соединения против так называемых тактических целей полностью исчезло. К тому времени, когда был осуществлен прорыв, срочное вмешательство всей бомбардировочной авиации в ход наземного сражения было воспринято почти как само собой разумеющееся дело.

Из этого общего правила было и одно существенное исключение. Американская 30-я дивизия по случайности попала под бомбовый удар своей авиации и понесла значительные потери; к сожалению, подобный случай повторился позднее в ходе кампании. До конца войны командир этой дивизии продолжал настаивать, когда перед ним ставили очередную боевую задачу, чтобы никакие тяжелые или средние бомбардировщики не поддерживали его действий.

Возникла необходимость установить дату перевода сухопутных войск на новую командную структуру, то есть каждую группу армий нужно было переподчинить непосредственно штабу верховного командования. Мы планировали ввести в боевые действия армию Паттона 1 августа, и после этого 12-я группа армий под командованием Брэдли полностью обосновалась бы во Франции. Командующим 1-й армией планировали назначить генерал-лейтенанта Ходжеса, который на первых стадиях боевых действий являлся заместителем Брэдли. Однако тогда невозможно было предвидеть время, которое потребуется для осуществления прорыва, завершения разгрома противника в Нормандии и окончательного определения каждой группе армий ее главного направления наступления.

Но было очевидно, что, пока эти условия не будут выполнены и пока все войска не направят усилия на выполнение одной

общей задачи, а именно на уничтожение немецких сил непосредственно на нашем участке, должен быть один руководитель, координирующий боевые действия на всем фронте. Мы полагали, что такие условия сложатся к 1 сентября, и командующие были извещены о том, что с этого времени каждая группа армий будет действовать в непосредственном подчинении штабу верховного командования. К счастью, мой личный штаб располагался настолько удобно по отношению к штабам Монтгомери и Брэдли, что я мог посещать их ежедневно.

В ходе июльского сражения на некоторых участках фронта произошли самые ожесточенные и кровопролитные бои за всю войну. Перед фронтом наступления американских войск местность была труднодоступной. Многие подчиненные генерала Брэдли в этот период заслужили добрую похвалу, подтвердив свое право быть причисленными к лучшим военным специалистам американской армии.

В самом начале второй половины июля американская 1-я армия вышла на рубеж Сен-Ло, западное побережье полуострова Котантен, с которого она могла предпринять мощное наступление. В это время погода, и без того скверная, стала еще больше ухудшаться, создавая для нас большую напряженность. Мы уже набросали план переброски войск, чтобы использовать любое улучшение погоды. В более ранний период войны такая обстановка самым неблагоприятным образом сказалась бы на моральном состоянии войск и их боевой эффективности, но к этому времени американцы приобрели боевой опыт и с честью выдержали это тяжелое испытание.

Наконец 25 июля, спустя семь недель после дня "Д", было начато наступление с рубежей, которые мы планировали захватить на пятый день после десантирования. Этот рубеж проходил от Кана на Комон и дальше на Сен-Ло. Перед участком фронта американских войск у Сен-Ло огромный район был подвергнут массированной бомбардировке нашей авиации. К сожалению, часть бомбардировщиков сбросила бомбовый груз на боевые порядки 9-й и 30-й дивизий; в числе убитых оказался генерал Макнейр.

В первый день наступление протекало очень медленно, и вечером генерал Брэдли сказал мне, что это всегда случается на начальном этапе таких операций, и выразил уверенность, что в последующем мы будем свидетелями высоких темпов продвижения наших войск. События показали, что он был совершенно прав. На следующей неделе его войска прорвались вниз, к основанию полуострова, прошли через образовавшуюся горловину у Авранша и устремились к тылам немецких войск. В

это время, 1 августа, у Авранша в бой была введена 3-я армия генерала Паттона с задачей действовать на правом фланге 1-й армии. Одновременно Монтгомери, встретившись с глубоко эшелонированной обороной немцев в районе Кана, нанес основной удар своим правым флангом по Комону и повел наступление на возвышенность между реками Вир и Орн.

После того как Брэдли осуществил решительный прорыв вражеской обороны, перед ним встала непосредственная задача нанести противнику максимальный урон. Все прочие проблемы могли ждать решения, пока он не использует эту представившуюся возможность разгромить врага. Брэдли намеревался бросить прямо в тыл немцев, продолжавших обороняться у Кана и поблизости от Авранша, все силы, какие только можно было снять с других участков фронта. По существу, он надеялся окружить противника, который все еще стоял лицом к северу, откуда оказывали на него давление канадские и английские войска.

Для осуществления этого замысла необходимо было взять основную часть войск, выделенных для захвата полуострова Бретань, и командующий 3-й армией генерал Паттон получил приказ направить в этот район только один 8-й корпус генерал-майора Троя Миддлтона.

Когда противник увидел, что 1-я американская армия наращивает удар в южном направлении, прорвавшись через горловину у Авранша, он быстро отреагировал на это. Прикованный к занятым позициям приказами Гитлера, а также парализованный действиями нашей авиации, он немедленно бросил в западном направлении все свои наличные танковые силы и резервы из района Кана, чтобы нанести удар по узкой полосе, по которой американские войска устремились в его глубокие тылы. В случае удачи противник отрезал бы наши прорвавшиеся войска и поставил их в тяжелое положение. Поскольку образовавшийся коридор все еще оставался очень узким, немцы, вероятно, считали, что риск, на который они идут, вполне оправдан, хотя в случае неудачи последствия будут куда более тяжелыми. Немецкие контратаки в районе города Мортен, к востоку от Авранша, начались 7 августа.

Действия нашей авиации против контратаковавших вражеских сил оказались исключительно эффективными. Американская 9-я воздушная армия и английская авиация уничтожили сотни танков и автомашин противника. У англичан было большое количество самолетов "тайфун", оснащенных ракетами. Они на бреющем полете наносили непрерывные удары по танковым и пехотным колоннам противника, оказывая нашим

войскам большую помощь.

Я и Брэдли понимали, что немцы готовят контрнаступление, и внимательно следили за обстановкой. В угрожаемом районе у нас были достаточные силы, чтобы сдержать продвижение противника. Однако для надежной обороны у Мортена нам нужно было сократить число дивизий, которые мы собирались бросить в прорыв, и тем самым пожертвовать представившейся возможностью добиться полного разгрома противника. Более того, к этому времени погода начала улучшаться, и в нашем распоряжении находилась транспортная авиация, способная при необходимости доставлять до 2 тыс. тонн грузов ежедневно для войск, если они окажутся временно отрезанными от основных сил.

Когда я заверил Брэдли, что в случае окружения его войска будут надежно снабжаться по воздуху, он без колебаний решил оставить у Мортена лишь минимальные силы, а все остальные бросить на юг и восток, чтобы начать охват немецкого клина. Я находился в штабе Брэдли, когда он позвонил по телефону Монтгомери, чтобы объяснить ему свой замысел. И хотя последний выразил некоторую обеспокоенность положением у Мортена, вместе с тем он согласился, что перспектива очень заманчивая, и оставил решение этого вопроса на усмотрение Брэдли, асам же быстро отдал необходимый приказ, в котором требовал от подчиненных ему войск действовать в соответствии с планом Брэдли. Вскоре Монтгомери, Брэдли и генерал-лейтенант Дempси, командующий английской 2-й армией, встретились, чтобы согласовать детали взаимодействия.

Другим фактором, оправдывавшим это очень смелое решение, была вера в боевой опыт и способности наших основных командующих. В лице Паттона мы имели большого мастера действовать в условиях изменчивой обстановки. На левом фланге американских войск у нас находился решительный и стойкий Ходжес, чтобы смело продолжать оказывать давление на немцев. Кроме того, в обеих армиях, которыми командовали эти генералы, теперь находились испытанные в боях командиры корпусов и дивизий.

Уверенность Брэдли в том, что можно удержать за собой рубежи у Мортена, была убедительно подтверждена ходом последовавших событий.

Много общего было между этой обстановкой и той, которая сложилась в Арденнах спустя четыре месяца. В обоих случаях долгосрочные расчеты оказались правильными, но в Арденнах немцы добились временного успеха, а у Мортена их контрнаступление было отбито и противник понес тяжелые для

себя потери.

Немцы сосредоточили у Мортена свои основные танковые силы и продолжали упорные атаки до 12 августа. К этому времени запланированные генералом Брэдли действия развивались удовлетворительно.

По указанию Брэдли генерал Паттон направил 15-й корпус генерал-майора Уэйда Хейслипа прямо на юг к городу Лаваль. Восточнее Лаваля он повернул корпус на север к Аржантану. 12-й корпус генерал-майора Джильберта Кука получил приказ наступать на Орлеан на правом фланге 3-й армии, а 20-й корпус под командованием генерал-майора Уолтона Уокера наступал на Шартр. Позднее 19-й корпус под командованием генерал-майора Чарльза Корлетта также участвовал в операции по окружению противника. Монтгомери приказал канадской 1-й армии продолжать наступление в южном направлении на Фалез, чтобы соединиться с американскими войсками у Аржантана и сомкнуть кольцо вокруг вражеских войск. А в это время американская 1-я и английская 2-я армии должны были наступать на попавшие в окружение немецкие войска, чтобы быстрее завершить их полный разгром.

Поэтому охватывающим маневром с юга прежде всего преследовалась цель уничтожить или пленить немецкие войска в районе Мортена, Фалеза и в то же время создать условия для наступления против остававшихся вне окружения других частей немецких 1-й и 7-й армий на еще более широком фронте в сторону переправ через реку Сену. В результате сложилась следующая картина: группа армий под командованием Монтгомери наступала в основном в южном направлении против немецкой обороны у нормандского плацдарма, а войска Брэдли, задержавшись левым крылом у места первоначального прорыва, охватывали всю немецкую группировку, которая все еще находилась между американскими продвигавшимися колоннами и английской 21-й группой армий. Между тем союзная авиация непрерывно наносила бомбовые удары по любым возможным местам переправы противника через Сену, чтобы воспрепятствовать уходу немцев из наметившегося котла. Однако в подобной операции трудно добиться четкого взаимодействия.

К вечеру 13 августа американская 5-я бронетанковая дивизия генерала Оливера, ветерана кампании в Африке, вышла уже на окраину Авранша. Французская 2-я бронетанковая дивизия под командованием генерала Жака Леклерка находилась тут же, а американские 79-я и 90-я дивизии их поддерживали. Немцы все еще вели отчаянные бои к югу от Кана, где к этому времени они создали исключительно прочную оборону, какую когда-либо мы

встречали за всю кампанию. Канадцы вели непрерывные ожесточенные атаки, однако только 16 августа им удалось наконец овладеть Фалезом. Кан, превращенный к тому времени в груду развалин, был захвачен 9 июля.

К концу июля противник спешно перебрасывал сюда через Сену подкрепления. В течение 5-12 августа он ввел в район боевых действий пять дивизий, однако, как и раньше, они были уже не в состоянии повлиять на исход сражения.

13 августа я направил личное обращение к союзным войскам, в котором, в частности, говорилось:

"Поскольку эта возможность может быть использована только при условии, если будут проявлены максимальное усердие, решительность и быстрота действий, я обращаюсь к вам с настоятельным, как никогда раньше, призывом.

Я прошу, чтобы каждый летчик считал своей непосредственной задачей непрерывно наносить удары по врагу на суше и в воздухе, не давать ему покоя ни днем ни ночью.

Я прошу каждого матроса действовать так, чтобы никакая часть вражеских сил не могла ускользнуть или получить подкрепления по морю, чтобы наши товарищи на суше не испытывали нужду ни в чем.

Я прошу каждого солдата идти вперед к поставленной перед ним цели с решимостью уничтожить или пленить врага. Ни один клочок занятой нами земли не может быть оставлен, ни один немец не должен пройти через рубежи, занятые нами".

Когда большие массы союзных войск наступали с огромного полукруга в направлении к его центру, возникла угроза случайного столкновения между своими войсками. Войска генерала Брэдли, развернувшись огромным веером, должны были покрыть значительно большее, чем английские и канадские войска, расстояние. Последние все еще взламывали хорошо подготовленную оборону противника и медленно продвигались вперед. Монтгомери поддерживал постоянную связь со всеми вовлеченными в операцию силами, однако американские войска продвигались настолько быстро, что было почти невозможно обеспечивать непрерывное взаимодействие между наступающими частями и соединениями.

Все же в некоторых местах создалась неразбериха, и не оставалось иного выхода, как задержать продвижение войск, даже ценой ухода части сил противника из наметившегося котла. В целом значительному числу немцев удалось избежать окружения, но им пришлось бросить почти всю боевую технику и понести тяжелые потери в живой силе при отходе.

Я находился в штабе генерала Брэдли, когда от командиров

наступавших американских колонн начали поступать жалобы, что установленные для них темпы движения и разграничительные линии не позволят взять немцев в котел. Я полностью поддержал решение Брэдли, ибо иначе могло произойти столкновение между своими войсками.

Перед лицом полного разгрома противник отчаянно сражался и стремился отвести как можно больше своих войск. Немецкие командиры особенно старались спасти танки. И хотя некоторой части танковых сил все же удалось переправиться через реку Сену, это было осуществлено ценой потери значительного количества боевой техники. Восемь пехотных и две танковые дивизии почти полностью попали в плен.

Сражение у Фалеза, бесспорно, было одним из самых кровопролитных в ходе войны. Шоссейные и проселочные дороги, а также прилегающие к ним поля были так усеяны разбитой техникой, трупами людей и животных, что местами было крайне трудно пройти. Через сорок восемь часов после того, как сомкнулось кольцо окружения, меня провели через эту местность, где я увидел такую картину, которую мог бы описать разве только Данте. Некоторые участки в сотню ярдов можно было пройти только по разлагавшимся трупам.

При наступлении в сторону переправ через Сену мы также были вынуждены приостановить быстро продвигавшиеся американские части во избежание столкновений со своими войсками. Немцы опять воспользовались представившейся возможностью, чтобы вывести большую часть своих сил за Сену; этого не произошло бы, если заранее в полной мере можно было бы предвидеть, как будет складываться обстановка.

В то время как основная масса войск генерала Брэдли вела эти крупные бои и быстро наступала на Париж, 8-й корпус генерала Миддлтона повернул обратно на запад, чтобы очистить полуостров Бретань и захватить там порты. Мы все еще считали, что в какой-то мере придется использовать залив Киброн и, возможно, порт Брест. Миддлтон получил приказ захватить эти районы как можно скорее. Он быстро продвинулся вперед и захватил Сен-Мало, небольшой порт на северном побережье полуострова Бретань. Гарнизон фанатически сопротивлялся, однако Миддлтон во взаимодействии с авиацией и боевыми кораблями сокрушил основные силы противника к 14 августа, хотя остатки гарнизона сопротивлялись еще три дня в цитадели города. Затем Миддлтон двинулся на запад и подошел к Бресту. Начальник немецкого гарнизона генерал Рамке оказался грозным противником, а оборона - прочной.

Миддлтон начал энергичную осаду Бреста, однако любая

попытка овладеть Брестом одним ударом была бы для нас слишком дорогостоящей. К счастью, с середины августа появилась перспектива захвата более выгодных для нас, чем Брест, портов; во всяком случае, мы никогда не собирались использовать Брест в той мере, в какой рассчитывали задействовать залив Киброн. В этих условиях Миддлтону было дано указание избегать больших потерь в этом районе, но в то же время продолжать оказывать давление, пока гарнизон не капитулирует.

Я посетил Миддлтона во время осады Бреста и увидел оборонительные сооружения, которые нам предстояло преодолеть. Он умело, с минимальными потерями, осуществил серию атак, чтобы оттеснить противника в более ограниченный район и подвергнуть его непрерывным бомбардировкам нашей авиации.

В гарнизоне находилась эсэсовская часть. Используя фанатизм эсэсовцев, Рамке распределил их по всем оборонявшимся подразделениям с расчетом заставить каждого немца отчаянно сражаться. При любых признаках проявления нерешительности тем или иным солдатом эсэсовец расстреливал его на месте.

Брест пал 19 сентября. Гавань и портовые сооружения были настолько разрушены нашей авиацией и немецкими саперами, что мы никогда даже не пытались воспользоваться этим портом.

Когда союзные армии наконец завершили окружение немецких войск к западу от Сены, окончательное поражение Германии в Западной Европе не вызывало сомнений. Теперь это был вопрос только времени. Однако тут же выявилась и опасность, что наши народы и правительства могут недооценить ту задачу, которую еще предстояло решить, и, таким образом, ослабить свои усилия, что могло привести к самым серьезным последствиям. Я сразу обратил внимание моих начальников на такую опасность, а еще раньше, 15 августа, провел пресс-конференцию, на которой указывал, что перед нами стоит еще более ответственная задача разгромить немецкие армии на "линии Зигфрида" и на Рейне. Это предостережение затонуло в общем ликовании по поводу большой победы, и даже среди офицеров действующей армии появились настроения, граничащие почти с беспечностью. Это, естественно, мешало понять такие факторы, как фанатизм, господствовавший среди значительной части личного состава немецкой армии, а также готовность многих немцев пойти на отчаянное сопротивление под угрозой гестапо и штурмовиков, которые сохраняли полную преданность своему хозяину - Гитлеру.

Новая обстановка породила одну из самых длительных дискуссий, какие у меня были за всю войну, с премьер-министром Черчиллем. Этот спор, начавшийся почти случайно и совпавший с нашим прорывом вражеской обороны в конце июля, тянулся в течение первых десяти дней августа. Одна беседа длилась даже несколько часов. Обсуждение касалось вопроса целесообразности осуществления операции "Энвил", к тому времени получившей наименование "Операция "Драгун", с целью вторжения союзных войск под командованием генерала Деверса на юг Франции.

Одним из первоначальных доводов в пользу подготовки этого вторжения было стремление получить дополнительный порт, через который мы могли бы быстро высаживать дивизии, уже подготовленные в Америке для участия в боевых действиях в Европе. Черчилль теперь считал, что мы скоро будем в состоянии воспользоваться портами на полуострове Бретань и что войска, находившиеся тогда на Средиземноморском ТВД, можно будет высадить на континент через Бретань или даже было бы лучше задействовать их в Итальянской кампании с конечной целью - вторжение на Балканы через Адриатику.

Я был против любых подобного рода изменений в планах, а поскольку американский комитет начальников штабов, придерживаясь своей обычной практики, отказался вмешиваться в решения командующего войсками на фронте, то премьер-министр направил против моих возражений все свои доводы, которые сводились к следующему: у нас нет больше надобности в Марселе и линиях коммуникаций, ведущих на север от этого порта. Войска, находящиеся в Америке, могут быть доставлены на Европейский ТВД через Бретань.

Наступающие войска на юге Франции будут настолько удалены географически от войск в Северной Франции, что не может быть никакой оперативной взаимосвязи между ними.

Силы, которые планируется использовать под командованием генерала Деверса для вторжения в Южную Францию, оказали бы большое влияние на ход войны, если бы они, продолжая наступление в Италии, вышли на Балканы и угрожали Германии с юга.

Наше вступление на Балканы побудило бы весь этот регион поднять открытое восстание против Гитлера и позволило бы нам доставлять силам Сопротивления оружие и боевое оснащение, что еще больше усилило бы их эффективность.

Моя же точка зрения в целом заключалась в следующем.

Опыт прошлого подтверждал, что нас, вероятно, ожидает большое разочарование в вопросе о возможности использования портов Бретани. Мы не только надеялись на упорную оборону

этих портов, но и были уверены, что они будут основательно разрушены к тому временя, когда мы их захватим. Мы не ожидали таких размеров разрушений в марсельском порту, поскольку знали, что значительная часть сил, оборонявших этот район, уже отправлена на север для участия в операциях против нас. Захват Марселя должен быть осуществлен быстро, чтобы у противника не осталось времени для разрушения порта.

Расстояние от Бреста до района Меца больше, чем расстояние от Марселя до Меца. Железнодорожные пути, связывающие два первых пункта, более извилистые, их можно легче выводить из строя, чем железные дороги, идущие на север по долине реки Роны.

Пока не захватим Марсель, мы не сможем ускорить прибытие американских дивизий из США.

Вступление значительных сил в Южную Францию окажет определенную поддержку нашим операциям на севере в оперативном и стратегическом отношении.

Во-первых, они обеспечат прикрытие правого фланга, когда мы развернем наступление на центральную часть Германии. Во-вторых, примкнув Тс нашему правому флангу, эти войска совместно с нами автоматически отсекут все западные районы Франции и уничтожат оставшиеся там вражеские соединения. В результате освободят всю Францию, которая затем станет оказывать нам активную и пассивную помощь.

Отказавшись от операции "Драгун", мы были бы вынуждены защищать свой правый фланг на всем протяжении от основания полуострова Бретань до самых передовых рубежей наших наступающих войск. Это означало бы пассивное использование большого числа наших дивизий на правом фланге против небольшого числа мобильных войск противника.

Пока что мы имеем в качестве постоянно действующего порта только Шербур. Пути подвоза, идущие от Шербура к фронту, совершенно не в состоянии поддерживать снабжение войск, ведущих боевые действия. Наше положение со снабжением войск не будет соответствовать задачам заключительного наступления на Германию, пока мы не получим на севере порт Антверпен, а на юге - Марсель или что-либо равноценное. Имея эти два порта, я был уверен, что мы могли бы сосредоточить на немецких границах достаточные силы, чтобы предпринять последние и решающие наступательные операции с целью полного разгрома Германии. Без таких портов мы неизбежно столкнулись бы с серьезными трудностями. Мы оказались бы в таком же положении, в каком часто оказывались англичане в ходе наступательных действий к западу от Египта; в таком же

положении был и Роммель, когда он в конце концов достиг Эль-Аламейна и затем не смог воспользоваться своим преимуществом.

Другим фактором было то, что американское правительство пошло на большие расходы, чтобы вооружить и оснастить ряд французских дивизий. Эти войска, естественно, хотели сражаться за освобождение Франции. Ни в каком другом месте они не будут сражаться с таким рвением и решимостью, как здесь, и нигде в другом месте они не смогут так быстро восполнить свои потери. Эти войска размещались в Италии и Северной Африке, и единственный способ скорейшего ввода их в бой состоял во вторжении на юг Франции.

Я был твердо убежден, что необходимо сосредоточить максимальное число войск на огромном пространстве между Швейцарией и Северным морем, для того чтобы быстрее всего прорваться к центру Германии и в конечном счете соединиться с советскими войсками, наступавшими с востока.

Черчилль в подкрепление своих доводов рисовал мрачную перспективу для войск, наступающих с юга. Он был уверен, что наши войска, преодолевая оборону побережья, на многие недели окажутся втянутыми в бои, и опасался, что они не сумеют продвинуться на север до Лиона менее чем за три месяца. Он считал, что мы понесем большие потери и что бои в этом регионе превратятся в еще один вариант боевых действий у Анцио. Возможно, что премьер-министр не полагался на достоверность наших разведывательных данных, но мы были уверены, что у противника на юге остались незначительные силы, главным образом малоподвижные дивизии. Поэтому мы считали, что быстро прорвем немецкую оборону и войска под командованием Деверса быстрыми темпами устремятся на север.

Хотя Черчилль и не говорил ничего об этом, я полагал, что его истинное беспокойство, вероятно, вызывалось скорее политическими, нежели военными соображениями. Возможно, он думал, что в условиях послевоенной обстановки, когда западные союзники крупными силами обоснуются на Балканах, это будет более стабилизирующим фактором, чем оккупация этого региона русскими армиями. Я заявлял ему, что, если по этим соображениям он настаивает на проведении Балканской кампании, ему следует немедленно встретиться с президентом и изложить все факты и свои собственные выводы. Я понимал, что на стратегию могут оказывать влияние политические соображения, и если президент и премьер-министр решат, что следует продлить войну и тем самым пойти на увеличение людских потерь и денежных затрат, чтобы обеспечить достижение

политических целей, которые им кажутся необходимыми, тогда я немедленно внесу соответствующие изменения в свои планы. До тех пор пока он обосновывает такой вариант только военными соображениями, говорил я ему, я не могу согласиться с его доводами.

Я считал, что в данной конкретной области только Я один должен быть судьей своих обязанностей и решений. Я отказывался рассматривать изменение планов до тех пор, пока оно обосновывалось военными соображениями. Он не признавался, что на него действовали политические факторы, и я был совершенно убежден, что ни один опытный военачальник не подверг бы сомнению разумность плана наступления на Южную Францию, если смотреть на него строго с военной точки зрения.

Как обычно, премьер-министр продолжал высказывать свои доводы до конца. И тоже как обычно, когда убеждался, что не может добиться своего, он отдавал все, чем располагал, в поддержку операции. Черчилль вылетел на Средиземноморский ТВД, чтобы лично увидеть десантирование войск. Я слышал, что он находился на эсминце и следил за огневой поддержкой корабельной артиллерии.

В этом долгом и серьезном споре Черчилля поддерживали некоторые члены его штаба. Однако английские офицеры, работавшие со мной, твердо стояли на моей стороне.

Хотя на стадии планирования в начале 1944 года Монтгомери выступал за полный отказ от операции на юге Франции, чтобы получить побольше десантно-высадочных средств для операции "Оверлорд", теперь, в начале августа, он согласился со мной, что наступление должно быть осуществлено так, как и запланировано.

В ходе этого затянувшегося спора Монтгомери неожиданно высказал мне идею, что за ним следует сохранить функции по координации и контролю над боевыми действиями всех сухопутных войск на период всей кампании. Это невозможно, объяснил я ему, особенно принимая во внимание тот факт, что он хочет сохранить за собой обязанности командующего своей группой армий. Мне и моим штабным работникам это его предложение казалось странным. Для того и была введена должность командующего группой армий, чтобы обеспечивать повседневное непосредственное руководство войсками на конкретном участке фронта. Ясно, что ни один человек не может эффективно выполнять эту функцию на своем участке фронта и в то же время осуществлять разумное управление войсками на другом участке. Основным последствием осуществления такого замысла было бы то, что Монтгомери получил бы право по своему

усмотрению привлекать для реализации своих идей все сухопутные силы и средства на театре военных действий.

В условиях, какие сложились для нас в Европе, верховный командующий обычно не мог осуществлять день за днем и час за часом контроль за каким-либо конкретным участком фронта. Тем не менее он являлся единственным лицом во всей организации, обладавшим правом устанавливать главные задачи для крупных соединений. Он также мог придавать те или иные части для усиления крупным соединениям в соответствии с выполняемыми ими задачами, распределять поступающие материальные средства и направлять действия всей имеющейся на ТВД авиации для поддержки того или иного участка фронта. Существование какого-то отдельного штаба сухопутных войск в качестве промежуточного звена между Верховным командующим и командующим группой армий поставило бы такой орган управления в ненормальное положение, поскольку он не обладал бы никакими правами.

Однако в английской организационной структуре сохранялись три командующих в соответствии с тремя видами вооруженных сил. Любой отход от этой практики многим казался чреватым катастрофой. Я с большой осторожностью объяснял, что на таком большом театре военных действий, как наш, каждому командующему группой армий придется руководить сухопутными силами в своем конкретном районе; вместо одного будет три так называемых командующих сухопутными силами, и каждого из них поддержит своя тактическая авиация. И за всеми ними будет стоять Верховный командующий, обладающий полномочиями сосредоточить в случае необходимости всю авиацию, включая бомбардировочные командования, на любом участке фронта. Силы каждой группы армий будут варьироваться время от времени в зависимости от обстановки.

Хотя мое решение, несомненно, пришлось не по вкусу отдельным лицам, воспитанным в ином духе, оно все же было принято. Этот вопрос, правда, в другой форме, был вновь поднят на более поздней стадии кампании, но решение его осталось прежним.

Несмотря на различие во взглядах, которое иногда обнаруживалось в нашей повседневной боевой деятельности, слаженность и сотрудничество в работе становились теснее и крепче, а инциденты, подобные тому, который я описал выше, были редким исключением.

Фельдмаршал Монтгомери, как и генерал Паттон, был своеобразным человеком. Он всегда стремился быть оригинальным в своем поведении. Например, он держался

отчужденно от своего штаба и жил в автоприцепе в окружении немногих адъютантов. Это создавало трудности в работе, которую нужно было делать быстро и оперативно, чтобы добиться успеха в бою. Он упорно отказывался иметь дело с офицером из другого штаба, кроме своего, и в спорах стоял на своем до принятия окончательного решения.

Ущерб, который могла причинить делу такая манера поведения, сводился к минимуму благодаря генерал-майору Францису де Гинганду, начальнику штаба 21-й группы армий, пользовавшемуся завидной репутацией и уважением во всех союзных войсках. Для всех сотрудников штаба верховного командования союзных экспедиционных сил и других высших штабов он был "уважаемый Фредди". Он жил по законам союзничества и всю свою огромную работоспособность, умение и энергию всегда направлял на координацию усилий союзников в деле достижения победы.

Лучше всего Монтгомери характеризует себя сам в письме, которое он прислал мне вскоре после победы в Европе. Он писал:

"Дорогой Айк!

Теперь, когда мы подписали все документы в Берлине, я думаю, что скоро каждый из нас начнет заниматься своими делами. Я бы хотел, прежде чем это произойдет, сказать, что служить под вашим командованием было для меня привилегией и большой честью. Я многим обязан вашему мудрому руководству и вашей доброжелательной выдержке. Я хорошо знаю свои недостатки и не считаю, что я легкий подчиненный: я люблю все делать по-своему.

Но в трудные и бурные времена вы не дали мне выбиться из колеи и многому меня научили.

За это я вам очень признателен и благодарю за все, что вы сделали для меня.

Ваш очень преданный друг Монти".

В своем ответе я с полной откровенностью писал: "Вы сами занимаете высокое и прочное положение среди военных руководителей вашей страны, и мне всегда было трудно не соглашаться с тем, что, как я знал, было вашим глубоким убеждением. Однако вам делает честь, что после принятия решения, независимо от вашего личного мнения, можно всегда рассчитывать на вашу лояльность и точность в выполнении этого решения".

Другой интересный спор, хотя и менее острый, возник с Генри Моргентау. Во время своего визита в нашу штаб-квартиру в начале августа 1944 года он сказал, что курс валюты, который в конечном счете будет установлен в Германии, должен быть

таким, чтобы не давать никаких преимуществ этой стране. Я откровенно ответил ему, что слишком занят, чтобы беспокоиться о специфичных проблемах будущей экономики Германии, и что у меня имеется способная группа в штабе, которая занимается этой проблемой. Затем последовал общий разговор о будущем Германии, и я высказался примерно в следующем духе:

"Эти вопросы пусть решает кто-то другой, но мое личное мнение сводится к тому, что вслед за прекращением боевых действий не должно оставаться никаких сомнений относительно того, кто выиграл войну. Германия должна быть оккупирована. Более того, нельзя позволить немецкому народу избежать ответственности за соучастие в развязывании трагедии, в которую был ввергнут весь мир. Видные нацисты вместе с военными промышленниками должны быть преданы суду и наказаны. Принадлежность к гестапо и СС считается доказательством виновности. Генеральный штаб должен быть распущен, все его архивы конфискованы, а работники генерального штаба, подозреваемые в соучастии в развязывании войны или в любых военных преступлениях, -преданы суду. Германия обязана выплатить репарации таким странам, как Бельгия, Голландия, Франция, Люксембург, Норвегия и Россия. Военный потенциал страны должен быть уничтожен. Может быть, это следует сделать путем установления жесткого контроля над промышленностью, использующей тяжелое машиностроительное оборудование, или путем простого запрещения производить самолеты. Немцам следует разрешить жить без помощи извне и тем более без поддержки со стороны США. Поэтому было бы глупо уничтожать естественные ресурсы этой страны".

Я решительно отверг дошедшее до меня предложение о затоплении шахт Рура. Мне это показалось глупым и преступным. Наконец, я сказал, что управление Германией как можно скорее следует передать в руки гражданской администрации.

Эта точка зрения излагалась каждому, кто обращался ко мне по этому вопросу тогда и позднее. Она была в конечном счете изложена президенту и государственному секретарю, когда в июле 1945 года они прибыли в Потсдам. Глава 16. Преследование противника и борьба за снабжение своих войск

В период сражения за плацдарм противник держал свою 15-ю армию в районе Кале. Он все еще был убежден, что мы намеревались предпринять высадку десанта против этого укрепленного района, и потому упорно отказывался использовать войска 15-й армии для усиления своей группировки в Нормандии. Мы прибегали к любой уловке, чтобы держать его в заблуждении относительно возможных операций в районе Кале; например,

генерал Макнейр находился на Европейском ТВД с тем, чтобы мы могли говорить о нем как о командующем армией, хотя его армия была призрачной. Упоминать его имя было официально запрещено цензурой, но мы позаботились о том, чтобы здесь, в Англии, это ни для кого не оставалось тайной- Таким образом, любой агент держав "оси" нашел бы информацию о пребывании здесь генерала Макнейра важной и немедленно передал бы ее своему командованию, которое, как мы надеялись, решило бы, что задачей "армии" Макнейра является наступление через Па-де-Кале.

Наконец у противника начало складываться более четкое представление об общей обстановке - мы быстро поняли это. Вскрытие сил противостоящей группировки составляет одну из постоянных задач всей разведывательной деятельности на поле боя. Из полученных данных мы выяснили, что в конце июля немцы начали перебрасывать через Сену в Нормандию войска 15-й армии. Но противник опоздал. Он также перебросил сюда несколько дивизий из Южной Франции, Бретани, Голландии и даже из самой Германии, но так и не смог остановить наше наступление.

Когда 1 августа начал функционировать штаб 3-й армии, наши сухопутные войска были доведены тем самым до четырех армий. На правом фланге находилась 3-я армия генерала Паттона, рядом с ней действовала американская 1 -я армия под командованием генерала Ходжеса. Эта две армии составляли 12-ю группу армий под командованием генерала Брэдли. На левом фланге боевые действие вела английская 21-я группа армий генерала Монтгомери, в составе которой были английская 2-я армия под командованием генерала Демпси и канадская 1-я армия генерал-лейтенанта Генри Крерара. Английской авиацией, поддерживавшей группу армий Монтгомери, командовал маршал авиации Каннингхэм. Группу армий генерала Брэдли поддерживала американская 9-я воздушная армия под командованием генерал-майора Хойта Ванденберга; ему подчинялись генерал-майор Отто Вейланд, командовавший тактической авиацией, поддерживавшей 3-ю армию Паттона, и генерал Куэсада, командовавший авиацией, поддерживавшей армию Ходжеса.

Приданная этим армиям и группам армий авиация выполняла свои задачи по указанию общевойсковых командиров. Однако все части и соединения тактической авиации были подчинены Ли-Меллори, и, следовательно, вся тактическая авиация, как американская, так и английская, при необходимости могла быть использована для нанесения массированных ударов

по вражеским объектам согласно приказу штаба верховного командования союзных экспедиционных сил. Типичным примером тесного взаимодействия между наземными и воздушными силами являлся срыв английской авиацией немецкого наступления на Мортен в секторе действия американских войск генерала Брэдли. Благодаря такой гибкости в командовании тактическая авиация могла также поддерживать тяжелые бомбардировщики, даже когда те шли на бомбардировку объектов в глубине Германии.

К концу августа силы союзников на континенте составляли 20 американских дивизий, 12 английских, три канадские, одна французская и одна польская. У англичан больше не было в наличии никаких дивизий, однако на территории Англии находились дополнительно шесть американских дивизий, в том числе три воздушно-десантные. Боевые силы авиации составляли приблизительно 4035 тяжелых бомбардировщиков, 1720 легких и средних бомбардировщиков, в том числе и торпедоносцев, а также 5 тыс. истребителей. К этому следует добавить авиатранспортное командование, которое имело в американских и английских частях более 2 тыс. самолетов.

При действиях против разбитого и деморализованного противника почти любой риск оправдан и достижение успеха обычно зависит от смелого и дерзкого маневра наступающего. Бои по прорыву сильной вражеской обороны и стремительные наступательные операции, последовавшие в течение трех недель после прорыва, должны были привести нас именно к такой ситуации, в какой мы теперь оказались; мы составили наши планы с таким расчетом, чтобы наилучшим образом использовать первоначальный успех. Однако возникшая проблема снабжения войск, устремившихся вперед, требовала эффективного решения, если мы хотели в полной мере и дальше развить наметившийся крупный успех.

Наши тыловые подразделения работали на очень ограниченном пространстве в период всего сражения за плацдарм. Единственными действующими портами были Шербур и искусственный порт в английском секторе плацдарма возле Авранша. Восстановление шербурского порта оказалось весьма трудным делом. Гавань и подступы к ней нужно было очистить от сотен мин, многие из которых являлись новейшими образцами этого вида боевого вооружения. Мы начали пользоваться портом в июле, но до середины августа его пропускная способность оставалась очень невысокой. Искусственный порт в американском секторе плацдарма был полностью разрушен во время шторма в июне. Из Авранша и Шербура мы не были бы в состоянии

прокладывать дороги и железнодорожные пути, создавать передовые склады, но мы сделали бы это, если б наши войска прорвались к основанию полуострова Котантен, как мы первоначально планировали. Поэтому все наши продвигавшиеся вперед войска нужно было снабжать из запасов, созданных возле районов десантирования, по дорогам и железнодорожным путям, которые нуждались в серьезном ремонте.

В силу ограниченных возможностей этих портовых сооружений они, естественно, не могли удовлетворять наши возраставшие потребности, и по мере продвижения к Германии противник остановил бы нас на каком-нибудь рубеже или мы сами прекратили бы наступление из-за перегрузки путей снабжения.

Усиленная дивизия, ведущая активные боевые действия, потребляет в среднем ежедневно от 600 до 700 тонн различных боевых грузов. В условиях позиционных боевых действий основную часть этого тоннажа составляют боеприпасы; при наступлении же основную часть грузов будут составлять топливо и смазочные материалы.

В условиях, когда 36 дивизий вели боевые действия, мы оказались перед проблемой ежедневной доставки на фронт из района плацдарма и портов около 20 тыс. тонн грузов. К тому же наши передовые соединения быстро продвигались вперед, иногда со скоростью до 75 миль в день. Службы тыла должны были только поспевать за ними. Каждая миля в этом продвижении вперед удваивала трудности, так как автомашины, занятые на доставке грузов для наступающих войск, должны были делать двойной пробег - на побережье, в район плацдарма и обратно на фронт. Нужно было доставлять многие тысячи тонн грузов для передовых аэродромов, перевозить тяжелое оборудование и технику для ремонта дорог и мостов.

В те дни, когда мы были ограничены пределами плацдарма, мы не могли точно предвидеть реакцию противника на успешный прорыв наших войск на правом фланге. Наиболее логичным для него шагом, как нам казалось, будет быстрая переброска его сил к реке Сене, чтобы организовать оборону переправ через нее. Если бы он решил сделать именно так, то, несомненно, создал бы упорную оборону на этом рубеже и защищал его до тех пор, пока не возникла бы угроза окружения со стороны наших наступающих войск.

Если бы нам пришлось вести крупное сражение на Сене, то мы располагали бы относительно короткими линиями коммуникаций, и проблема снабжения войск постепенно была бы решена, подразделения обслуживания и подвоза приспособились

бы к темпу продвижения наших войск. Однако когда немецкое командование по настоянию Гитлера решило продолжать обороняться и одновременно нанести контрудар во фланг наших наступающих колонн у Мортена, обстановка резко изменилась.

Мы тут же поспешили повернуть наши войска и с юга ударить по вражеским тылам, чтобы завершить эту операцию полным разгромом противника. В случае нашего успеха промежуточные сражения на Сене и Сомме, которые мы не исключали из своих расчетов, не состоялись бы, а наша проблема свелась бы к выявлению максимально отдаленного рубежа, на который мы могли выйти, прежде чем службы обеспечения исчерпают свои возможности.

Поэтому, когда генерал Брэдли поворачивал основные свои силы в сторону тылов противника, передо мной встала задача пересмотреть весь наш план кампании и внести в него изменения в связи с таким ходом событий на фронте.

Тогда нам представились две наиболее обнадеживающие возможности, а именно: быстрейший захват Марселя далеко на юге и Антверпена в Бельгии. Обладание Антверпеном, если порт окажется в пригодном для эксплуатации состоянии, разрешило бы все наши проблемы со снабжением северного участка нашего фронта. Антверпен располагался значительно ближе к границам Германии, и это сократило бы железнодорожные и автомобильные маршруты перевозок в такой степени, что снабжение войск более не стало бы ограничивающим фактором в осуществлении кампании, по крайней мере, на северных участках фронта.

Мы надеялись на быстрый захват порта Марсель, так как немцы в основном уже вывели из этого региона свои мобильные дивизии. Успех на этом направлении обеспечил бы нашим войскам на правом фланге самые лучшие пути снабжения. В этот порт в ближайшее время были бы направлены из США подкрепления, а пропускная способность великолепных железных дорог, идущих по долине Роны, была столь велика, что без серьезных затруднений осуществлялось бы снабжение войск на любом участке к югу от Люксембурга.

Для полного использования этих двух возможностей было, разумеется, важно, чтобы войска на правом фланге как можно скорее соединились с 6-й группой армий генерала Деверса, которая будет подходить сюда с юга. Одновременно с этим мы должны были наступать крупными силами в северо-восточном направлении, тем самым быстро очищая от противника район, откуда он постоянно обстреливал Южную Англию снарядами Фау-1 и Фау-2. Однако главной задачей были скорейший захват

Антверпена и выход на рубежи восточнее его, чтобы обеспечить безопасность использования нами этого крупного порта.

Все это соответствовало первоначальным планам. Однако перспектива нашего продвижения высокими темпами обещала, что мы сможем быстро овладеть еще и другими портами на севере, а это уменьшало бы нашу зависимость от портов в Бретани. Но нужно было определить, справятся или не справятся наши службы тыла, которые с трудом выполняли свои функции в течение первых семи недель боев с этими новыми задачами.

Все войска наверняка будут ощущать перебои со снабжением. Надо было так распределять предметы материального обеспечения, чтобы наступающие части и соединения, не останавливаясь, могли выполнить основные задачи.

Когда боевые действия приобретают маневренный характер, как это было во Франции в конце августа и начале сентября, всеми - от командира дивизии и выше - овладевает идея, что если бы получить всего несколько тонн боеприпасов и горючего, то можно было бы сделать еще один бросок вперед и выиграть войну. Это именно тот боевой дух, который приводит к победе в войне, и его всегда нужно поддерживать. Инициатива, уверенность и смелость во все времена остаются лучшими чертами хорошего боевого командира. Когда мы быстро продвигались по Франции и Бельгии, все командиры требовали приоритета над другими частями и соединениями в вопросах снабжения. И каждый из них, бесспорно, рисовал заманчивые перспективы для решительных и эффективных действий. В результате требования таких командиров выглядели вполне обоснованными и логичными.

В последние дни лета 1944 года, как нам было известно, немцы все еще располагали значительными резервами внутри Германии. Любое предложение о решительном броске небольшими силами с целью форсирования Рейна и дальнейшего наступления к центру Германии было бы совершенно неприемлемым. Даже если бы эти силы составили около дюжины дивизий, а большому числу войск просто невозможно было обеспечить поддержку, то наступающая колонна по мере выделения из своего состава частей для прикрытия флангов постепенно настолько уменьшилась бы, что в конечном счете оказалась бы перед фактом неизбежного поражения. Такая попытка с нашей стороны была бы на руку противнику.

Чем больше мы изучали обстановку, тем яснее становилось, что разработанный в течение многих месяцев план операции все еще оставался в силе, хотя некоторые конкретные моменты в сложившейся обстановке не были предусмотрены в нем. Поэтому

я решил, что мы будем наступать на правом фланге до места встречи с войсками генерала Деверса, то есть приблизительно, по нашим расчетам, до района Дижона, в то время как на левом фланге Монтгомери получит распоряжение продвигаться вперед как можно быстрее, чтобы обязательно выйти на рубеж, на котором можно будет надежно прикрыть Антверпен. Брэдли приказал 1-й армии генерала Ходжеса наступать на одной линии с английскими соединениями приблизительно в направлении на Ахен, с тем чтобы обеспечить успех на нашем левом фланге.

Это наступление в северо-восточном направлении, как мы надеялись, будет настолько быстрым, что мы, возможно, даже сумеем овладеть плацдармом на восточном берегу Рейна до того, как произойдет неизбежная остановка наших войск. Захват такого плацдарма явился бы непосредственной угрозой Руру.

Именно в соответствии с этим планом развернулись бои в последующие недели.

Боевые действия 12-й и 21-й групп армий развертывались вполне удовлетворительно, 7-я же армия под командованием генерал-лейтенанта Александра Патча добилась крупного успеха на юге Франции.

На конференции в Тегеране в конце 1943 года западные союзники информировали генералиссимуса Сталина, что вспомогательное наступление на юге Франции будет неотъемлемой частью нашего наступления через Ла-Манш, для того чтобы открыть второй фронт в Европе. Однако в начале 1944 года союзники вели кампанию в Италии и были заняты разработкой планов крупнейшей операции "Оверлорд". Поэтому в течение всей первой половины 1944 года генералу Вильсону, командующему войсками на Средиземноморском ТВД, трудно было точно установить, какие силы будут выделены для участия в операции "Драгун".

Принятое мною в январе решение о том, что операция "Оверлорд" должна быть начата высадкой десанта в составе пяти дивизий, сделало невозможной одновременную десантную операцию на юге Франции. В результате вновь началось обстоятельное изучение наших возможностей и обмен мнениями между Объединенным англоамериканским штабом, генералом Вильсоном и мною относительно целесообразности проведения операции "Драгун". С самого начала я был горячим сторонником идеи вспомогательного наступления на юге и никогда в ходе длительной дискуссии вокруг этого вопроса не соглашался с исключением этой операции из наших планов. В этом меня поддерживал генерал Маршалл.

Все эти споры сразу же отошли в прошлое, когда нас

заверили, что вскоре будут выделены силы в составе по меньшей мере десяти американских и французских дивизий, которые войдут в 6-ю группу армий генерала Деверса. Они будут наступать на север, чтобы соединиться с нами. Затем из США вскоре начнут прибывать в качестве подкрепления новые американские дивизии. В тот период не было никаких других факторов, которые воздействовали бы столь решающим образом на создание для нас благоприятных условий для обеспечения окончательного и полного разгрома немецких войск, чем это вспомогательное наступление с юга вверх по долине реки Роны.

В силу большого расстояния от армии генерала Патча до моего штаба и отсутствия достаточно надежной связи было решено, что за генералом Вильсоном остается оперативное руководство этой армией до тех пор, пока у меня не появится возможность взять ее под свой контроль. Как полагали, такое положение будет сохраняться примерно до 15 сентября. Однако с.началом вторжения на юг Франции все планы как боевого, так и материально-технического обеспечения были составлены из предположения, что вскоре все союзные войска создадут единый сплошной фронт. Мы хотели, чтобы это произошло быстрее, с завершением боев на Сене. В конце августа Брэдли приказал 3-й армии Паттона наступать в восточном направлении с основной задачей как можно скорее соединиться с 7-й армией.

Остальные силы союзников продолжали наступление в северо-восточном направлении, чтобы освободить Бельгию, захватить Антверпен и угрожать Руру. Это наступление осуществлялось на широком фронте, и с большим успехом. Например, американские 7-й и 19-й корпуса продвигались настолько быстро, что в районе Монса, где в Первую мировую войну произошло одно из крупнейших сражений, они окружили целый немецкий корпус. После ожесточенного боя было взято в плен 25 тыс. немецких солдат и офицеров. В иных условиях это было бы преподнесено как крупная победа, однако тогда этот эпизод прошел почти не замеченным прессой.

К концу августа остро встал вопрос о том, как быть с Парижем. В ходе всех предварительных операций мы прилагали большие усилия, чтобы избежать прямых бомбардировок французской столицы. Даже при нанесении ударов по французским линиям коммуникаций мы старались бомбить железнодорожные узлы, расположенные вблизи этого города, и совсем не трогали станций внутри самого Парижа. Мы хотели также избежать боев непосредственно в самой столице, намереваясь окружить ее и вынудить сдаться находившийся там немецкий гарнизон. Мы, конечно, не могли знать истинной

обстановки в городе. В это время мы стремились беречь каждую унцию топлива и каждый снаряд, чтобы обеспечить себе выход на максимально выдвинутые рубежи, и я надеялся отложить фактический захват Парижа до тех пор, пока не получу сведений о том, что его жители голодают или оказались в отчаянном положении.

В этом вопросе на меня сильно влияли действия "свободных французов" в самом Париже. По всей Франции "свободные французы" оказывали нам неоценимую помощь в ходе боев, но особую активность они проявляли в Бретани. Без этого нам потребовалось бы значительно больше времени для освобождения Франции и нанесения поражения противнику в Западной Европе, потери при этом мы несли бы более серьезные. Так что когда "свободные французы" подняли восстание в Париже, нужно было быстро оказать им поддержку. Из имевшихся у нас сведений было ясно, что крупного сражения не произойдет, поэтому мы считали, что достаточно вступления в город одной или двух союзных дивизий, чтобы завершить освобождение столицы Франции.

По решению генерала Брэдли почетная миссия первой вступить в город была поручена французской 2-й дивизии под командованием генерала Леклерка. Ветераны этой дивизии начали боевой путь у озера Чад три года назад, совершили почти немыслимый переход через пустыню Сахара, присоединились к 8-й армии, чтобы принять участие в последних фазах африканской кампании, и теперь, 25 августа 1944 года, ее командир принял капитуляцию генерала, командовавшего немецким гарнизоном в Париже. Это была принесшая удовлетворение кульминация одиссеи, начавшейся в Центральной Африке и завершившейся в Берхтесгадене в Германии.

Однако для полного подавления противника в Париже и восстановления в столице порядка пришлось ввести туда американскую 4-ю дивизию. К счастью, бои не причинили большого материального ущерба городу. С нашей точки зрения, наиболее существенным из всех благоприятных обстоятельств было то, что мосты через Сену остались неповрежденными.

Сразу же после захвата Парижа я выразил генералу де Голлю надежду, что он быстро прибудет в Париж; я хотел, чтобы он, как символ французского Сопротивления, въехал в столицу Франции, прежде чем я войду или пройду через нее.

В субботу, сразу же после захвата города, я заехал в штаб генерала Брэдли и узнал там, что генерал де Голль со своим штабом уже обосновался в одном из правительственных зданий в Париже. Я тут же принял решение нанести ему официальный визит. Сообщив Монтгомери о своем намерении, я попросил его

сопровождать меня. Но он не мог оставить командный пункт ввиду быстро изменявшейся обстановки на его участке фронта, и я ограничился тем, что взял с собой своего английского помощника полковника Голта.

По пути в Париж нам с Брэдли пришлось сделать небольшой крюк, обходя район, где еще продолжались бои, но в город мы вошли тихо и незаметно, как и предполагали, незадолго до полудня в воскресенье 27 августа. Мы немедленно направились к де Голлю, который был уже окружен традиционной республиканской гвардией в великолепней форме. Мы посетили также генерала Дже-роу в штабе американского 5-го корпуса и остановились, чтобы увидеться с генералом Кенигом, который, как мой подчиненный по штабу верховного командования союзных экспедиционных сил, являлся командующим всеми внутренними силами "свободных французов". В то время как мы ехали по городу, видимо, распространился слух о том, что мы с Брэдли находимся в столице: когда мы проезжали мимо Триумфальной арки на площади Этуаль, нас окружила толпа восторженных граждан. Нас немного смущали радостные приветствия освобожденных жителей города, и мы постарались поскорее выбраться к одним из выездных ворот и вернулись в штаб Брэдли возле города Шартр.

Во время пребывания в столице генерал де Голль откровенно сказал мне о том, что его беспокоит. Он просил о продовольственной помощи и материальном снабжении и, в частности, хотел получить несколько тысяч комплектов военного обмундирования для частей "свободных французов", чтобы тем самым они отличались от бесчинствующих элементов, которые, пользуясь временной неразберихой, могут начать грабить беспомощное население. Он также хотел получить дополнительное количество боевой техники и вооружения, чтобы начать формирование новых французских дивизий.

Наиболее серьезной проблемой было скорейшее установление его власти и сохранение порядка в городе. Де Голль просил выделить ему временно две американские дивизии для использования их в городе, как он сказал, чтобы подчеркнуть его силу и прочно закрепить положение. И тут я вспомнил, как почти два года назад мы, придя в Африку, столкнулись с различными политическими проблемами. На этой территории мы застали функционировавшие правительственные органы, и за все время нашего пребывания там ни один из французских местных руководителей никогда не обращался к союзным войскам за помощью, чтобы те помогли ему взять власть или подтвердить его руководящее положение. Здесь же, казалось, было что-то

ироническое в том, что генерал де Голль просит союзные войска помочь ему установить и поддержать его авторитет в освобожденной столице.

Тем не менее я понимал де Голля и, хотя у меня не было свободных частей, чтобы временно разместить их в Париже, все же обещал, что две наши дивизии, отправляющиеся на фронт, пройдут по главным магистралям города. Я предложил устроить церемониальный марш этих войск через город и пригласил генерала принять участие в смотре. Я считал, что эта демонстрация силы и присутствие де Голля на трибуне дадут ему все, чего он добивался. Сам я уклонился от присутствия на параде, но сказал де Голлю, что генерал Брэдли приедет в столицу и будет стоять вместе с ним на трибуне, чтобы символизировать единство союзников.

Поскольку этот парад совпал с предстоявшими боевыми действиями, то, возможно, он оказался единственным случаем в истории войск, церемониальным маршем проследовавших через столицу великой страны, чтобы в тот же день участвовать в запланированном сражении.

Некоторые английские газеты прокомментировали этот факт замечанием, что американцы любят парады, и несколько критически добавили, что английские войска также участвовали в кампании по освобождению Франции, поэтому никто из союзников не должен стремиться присвоить всю славу себе. Однако среди официальных лиц не было никого, кто неправильно истолковал бы обстоятельства парада или подверг критике этот случай. Более того, как только газеты, выступившие с критикой, узнали истинную подоплеку этого церемониального марша, они тут же дали отбой своим предыдущим критическим высказываниям; однако этот эпизод явился еще одним примером того, что командующему в современной войне необходимо всегда учитывать не только фактическую сторону дела, но и то, как будет воспринято общественностью какое-либо событие. Нет надобности утверждать, что можно игнорировать общественность, наивно полагая, что недоразумения временного характера будут преданы забвению в последующие дни победы.

Аналогичный случай произошел в августе, когда в газетную перепалку оказалась вовлеченной американская и английская пресса в связи с появлением в американских газетах сообщения о том, что генерал Монтгомери более не пользуется правом координации действий сухопутных сил - теперь он и генерал Брэдли имеют одинаковые права и подчиняются непосредственно мне. Штаб верховного командования союзных экспедиционных сил выступил с опровержением подобных утверждений, поскольку

решение об изменении их статута еще не вступило в силу. Сообщение прессы было совершенно точным, но преждевременным: это изменение было давно предусмотрено нами, однако оно должно было вступить в силу после 1 сентября.

Английская пресса встретила это сообщение с большой обидой. На страницах газет появились высказывания о том, что Монтгомери якобы понизили из-за его боевых успехов. Американская пресса, наоборот, с большим удовлетворением приветствовала это сообщение, так как оно указывало на то, что американские войска на своем направлении вторжения вели боевые операции действительно на. независимой основе. Поспешное выступление штаба верховного командования с опровержением этих утверждений в печати вызвало еще большую путаницу, и генерал Маршалл нашел необходимым направить мне телеграфом запрос по этому вопросу. Мне снова пришлось обстоятельно изложить суть подготовленного нами решения относительно изменения в полномочиях Монтгомери и Брэдли. Я также позволил себе выразить определенное раздражение в связи с этим, заметив в своей ответной телеграмме, что для общественности было недостаточно добиться крупной победы, для нее, по-видимому, более важно то, каким образом она достигнута. Однако в обеих странах реакция была совершенно нормальной. Если бы не были сильны патриотизм и моральный дух, которые порождают такого рода национальную гордость, то организация и сохранение армий в условиях непрерывных потерь оказались бы невозможной задачей. Этот инцидент явился еще одним полезным уроком при решении вопросов, к которым общественность проявляла большой интерес.

В военное время невозможно добиться полной координации и взаимодействия между прессой и военными властями. Для командира секретность является оружием, для прессы она - проклятие. Задача состоит в том, чтобы выработать способ действий, который учитывал бы интересы обеих сторон.

Пресса в первую очередь заинтересована в том, чтобы обеспечить общественность в своей стране информацией. Усилиями тыла страны создаются боевые соединения и вооружение, необходимые для достижения победы. Люди, оставшиеся дома, должны знать обо всем, что делается на войне, за исключением того, что необходимо сохранить в тайне в интересах успеха в боевых действиях. Действительно, командующий на фронте никогда не должен забывать о прямом долге сотрудничать с руководителями в своем правительстве, чтобы поддерживать на нужном уровне моральное состояние гражданского населения, что очень важно во всех отношениях.

Для этой цели у командующего имеется один основной канал воздействия на моральный дух гражданских лиц - корпус представителей прессы на его театре. В этот корпус входят корреспонденты всякого рода газет, журналов и радио, фоторепортеры и кинохроникеры. Некоторые командующие возмущаются присутствием большой группы этих представителей, иногда достигающей значительной численности - в одно время на Европейском театре военных действий находилось 943 корреспондента и репортера.

Когда я впервые встретился с генералами Александером и Монтгомери в Африке, они ратовали за введение для представителей прессы строгих правил и порядков и представили длинный перечень данных, подлежащих цензуре. Александер и Монтгомери понимали, что репортеры находились на театре военных действий по разрешению правительства, но они были настолько обеспокоены сохранением военной тайны, что, казалось, относились к прессе скорее как к неизбежному злу, нежели к ценному связующему звену между фронтом и тылом и органу, который мог оказать большую помощь в ведении кампании.

Англичане имели достаточно обоснованные причины, особенно в начале войны, чтобы проявлять большую сдержанность и консерватизм в отношениях с прессой, чем сотрудники американской штаб-квартиры. В первые дни войны, в частности в 1940-1941 годах, когда Англия оставалась в единственном лице в войне против держав "оси", англичане мало что могли выставить против немцев, кроме ввода противника в заблуждение. Они прибегали ко всякого рода ухищрениям, в том числе к созданию ложных штабов и к ложным донесениям, с целью запутать немцев в вопросах оценки наличных сил у англичан и, что еще более важно, относительно их дислокации. Из этой необходимости сложилась привычка, от которой позднее было трудно отказаться.

Я считал, что командующему следует рассматривать представителей прессы в некотором роде как полуштабных офицеров, понимать их задачу в войне и содействовать им в выполнении этой задачи. Обычно единственным оправданием для введения цензуры служит необходимость сохранить в секрете информацию, которую противник не может получить иначе, как через прессу. Во время войны я лично нарушил это общее правило, временно введя политическую цензуру в Северной Африке и утаив от прессы на первых порах фактические перемены в командовании в Нормандии. В этих случаях, как мне казалось, для этого имелись достаточно веские доводы. И если позднее

обнаруживалось, что мое решение было ошибочным, я никогда не уклонялся от признания своей ошибки и выражения сожаления.

Во Второй мировой войне представители американской и английской прессы составляли большую группу умных, патриотически настроенных и энергичных людей. Их можно было с полным основанием посвящать в секреты командующего. Когда это было сделано, группа корреспондентов превратилась в наилучший инструмент воздействия на отдельного репортера, который мог злоупотребить доверием или нарушить неписаные правила, каких придерживалась вся группа. За время проведения кампаний на Средиземноморском и Европейском ТВД я убедился, что корреспонденты обычно отвечали взаимностью на откровенность, доброжелательность и понимание.

В обращении с представителями прессы американская практика сводилась к тому, чтобы давать любую возможность репортеру идти куда и когда угодно. Хотя это и доставляло нам некоторые дополнительные административные заботы, но такой принцип хорошо оправдывал себя, поскольку каждый убеждался, что мы не делаем никаких попыток скрывать свои ошибки. Если таковые и обнаруживались, то их быстро можно было устранить.

Запрещение цензуры называть части, уже ведущие боевые действия, лишает командира одного из мощнейших средств обеспечения высокого морального духа среди своих подчиненных. Солдат, воюющий на фронте, хочет, чтобы другие знали о нем, о его лишениях и страданиях, и, вероятно, ценит это. Ничто, кажется, не доставляет ему большего удовольствия, чем увидеть в газете добрые слова в адрес его батальона, полка или дивизии. Прикрытие действий частей ширмой обезличенности лишает солдата этой радости, и рано или поздно его неудовлетворенность выльется в открытое недовольство. К тому же любой противник, достойный этого названия, быстро вскрывает все противостоящие ему силы. Поэтому заниматься самообманом, делая вид, что с помощью цензорского запрета мы скрываем от противника нумерацию своих частей, ведущих с ним бои, значит просто раздражать прессу без всякой пользы для дела.

Согласно установившейся в американских войсках в Европе практике серьезная ответственность ложилась на аккредитованных представителей прессы, одной из обязанностей которых было правильное освещение событий - без преувеличения или преуменьшения их значения. У некоторых репортеров обнаруживалась тенденция приверженности к одной конкретной части или даже к конкретному командиру. Такая тенденция приобрела серьезное значение особенно в союзнических войсках, когда пристрастное отношение имело также националистическую окрашенность. Конечно, были и неприятные инциденты, вина за которые в одних случаях ложилась на представителей прессы, а в других - на командиров. Но если рассматривать те огромные возможности, которые имелись для пристрастных репортажей или возникновения неприятностей между воинскими частями, армиями и даже целыми народами, то следует сказать, что представители прессы на фронте обеспечивали сотрудничество союзников, как любая другая группа специалистов в своей области.

С появлением в августе бригадного генерала Фрэнка Аллена-младшего в качестве моего офицера службы общественной информации дружественные отношения между прессой и военными стали укрепляться. В Северной Африке и во Франции он успешно руководил боевым командованием бронетанковой дивизии, и я считал, что его умение сохранять военную тайну и в то же время давать общественности информацию, какую она хотела и в какой нуждалась, будет ценным в общих военных усилиях. С его назначением на штабную работу я хотя и потерял испытанного боевого командира, но избавился от решения многих беспокойных проблем.

Освобождение Парижа 25 августа оказало огромное воздействие на людей; Даже скептики начали понимать, что Гитлеру скоро конец. К этому времени противник понес огромные потери. Со времени нашей высадки в Нормандии три вражеских фельдмаршала и один командующий армией были сняты со своих постов или выведены из строя вследствие полученных ранений. Роммель был тяжело ранен 19 июля, когда его машину обстрелял один из наших самолетов-штурмовиков. Спустя несколько месяцев он покончил с собой, чтобы избежать суда за якобы его причастность к заговору 20 июля с целью убийства Гитлера. Один командующий армией, три командира корпуса и пятнадцать командиров дивизий были убиты или взяты в плен. Противник потерял 400 тыс. убитыми, ранеными или пленными. Половину из этого числа составляли пленные, причем 135 тыс. из них были взяты в плен после 25 июля.

Потери немцев в боевой технике составили 1300 танков, 20 тыс. других боевых машин, 500 штурмовых орудий и 1500 артиллерийских стволов. Немецкая авиация также понесла серьезные потери. Более 3,5 тыс. самолетов было уничтожено, и это в дополнение к тому, что еще перед вторжением немецкие военно-воздушные силы были серьезно обескровлены действиями нашей авиации.

Все это привело к значительному снижению морального духа в войсках противника. Особенно это было заметно среди военнопленных старших офицеров, так как они в силу своего профессионального опыта раньше других могли увидеть неизбежность окончательного поражения Германии. Однако немецкая армия в целом еще явно не достигла стадии массового краха, не оставалось никаких сомнений в том, что немецкие дивизии, если сложатся более или менее благоприятные условия, еще в состоянии оказать ожесточенное сопротивление.

С захватом Парижа мы вышли на рубежи, которые предусматривали занять к исходу трех-четырех месяцев после высадки на французском побережье. Таким образом, фактически мы на несколько недель опередили наши графики продвижения в долгосрочных расчетах, однако в важных вопросах снабжения войск у нас обнаружилось серьезное отставание. Поскольку почти весь район был захвачен в результате быстрого продвижения наших войск после 1 августа, то дороги, железнодорожные линии, склады, ремонтные мастерские и базовые сооружения, необходимые для обеспечения непрерывного продвижения войск вперед, остались в тылах далеко от линии фронта.

Когда немецкому командованию, несмотря на поражение и беспорядок, удалось отвести значительное число своих войск за

Сену, у нас все еще оставалась надежда создать для них новую западню, прежде чем оно сумеет произвести перегруппировку и занять прочную оборону. Часть войск немецкой 15-й армии все еще находилась в районе Кале, где она создала надежное прикрытие для отступающих туда частей 1-й и 7-й армий немцев. Считалось возможным, что противник попытается оказать некоторое сопротивление на естественных рубежах для обороны вдоль водных артерий Бельгии. Выброска воздушного десанта, казалось, давала нам большие надежды на новое окружение, если противник решит занять оборону.

Как только поражение немцев на фронте в Нормандии стало очевидным, командованию воздушно-десантных войск было дано указание разработать планы выброски десантов в ряде последовательных районов, когда по ходу событий наметится возможность наиболее успешного окружения войск противника. Планирование на бумаге такой операции было хотя и трудоемким, но довольно простым делом. Однако когда дошло до фактических приготовлений запланированного десантирования, то, прежде чем принять окончательное решение, потребовалось серьезно взвесить все обстоятельства. В процессе подготовки к воздушному десантированию появилась необходимость снять транспортные самолеты с выполнения ими задач по снабжению воздушным путем. Временами казалось, что более существенных результатов можно добиться, если эти самолеты будут продолжать заниматься доставкой по воздуху боевых грузов.

К сожалению, эти самолеты нужно было снять за несколько дней до десантной операции, чтобы должным образом переоборудовать их, а с экипажами провести соответствующую тренировку. В конце августа, когда положение со снабжением войск стало еще напряженнее, а мы все с нетерпением следили за ходом боевых действий в поисках путей отрезать отход для значительной части сил противника, результаты работы и возможности транспортного командования обсуждались каждый день. В среднем, с учетом различных условий погоды, наши самолеты могли доставлять на передний край около 2 тыс. тонн грузов ежедневно. Это составило только небольшой процент общего объема доставляемых войскам грузов, однако теперь каждая тонна была столь важна на фронте, что вопрос о снятии самолетов приобретал особенно серьезный характер.

Мне казалось, что в районе Брюсселя намечались благоприятные условия для использования воздушного десанта, и, хотя мнения относительно разумности снятия транспортных самолетов с выполняемых ими заданий разделились в силу неопределенности исхода десантной операции, я все же решил

воспользоваться этой возможностью. Транспортно-десантное авиационное командование 10 сентября было временно снято с работ по переброске грузов, чтобы начать интенсивную подготовку к выброске десанта в районе Брюсселя. Однако вскоре стало ясно, что немцы отступают настолько быстро, что наши усилия окажутся бесплодными. Противник вообще не делал никаких попыток оборонять этот регион, если не считать боев, которые вели его группы прикрытия отхода.

По всему фронту мы неслись вперед, преследуя отступавшего противника. За четыре дня английские передовые части, параллельным курсом с которыми столь же решительно на правом фланге шли американцы, покрыли расстояние в 195 миль. Это было одно из многих проявлений замечательного мастерства наших соединений в ходе крупного преследования противника через Францию. К 5 сентября 3-я армия Паттона достигла Нанси и пересекла реку Мозель на, участке между этим городом и Мецем. 1-я армия под командованием Ходжеса подошла к оборонительным сооружениям "линии Зигфрида" 13 сентября и вскоре после этого должна была повести наступление на Ахен. Прижатая к границам своего отечества, немецкая армия начала усиливать сопротивление. 4 сентября армии Монтгомери вошли в Антверпен. Солдаты почувствовали новый прилив энергии, узнав, что они с такой быстротой выставили немцев из этого района, что те даже не успели произвести серьезных разрушений в городе. Марсель был захвачен 28 августа, и теперь этот огромный порт восстанавливали.

Эти события обещали в конечном счете разрешение всех наших проблем, связанных с работой служб тыла, и это означало, что в определенный период мы будем в состоянии развернуть на границах Германии мощное сражение, в котором противник не будет иметь никакой надежды на успех. Однако нужно было еще многое сделать, прежде чем мы сможем обеспечить себе такие возможности, а перенапряжение на наших линиях коммуникаций дошло почти до предела. На юге должны были встретиться войска генерала Патча и армии генерала Брэдли, а железнодорожные линии вверх по долине реки Роны нуждались в серьезном ремонте. На севере мы оказались перед лицом еще более серьезных трудностей.

Порт Антверпен, достаточно удаленный от моря, связан с ним огромным эстуарием Шельды. Оборонительные сооружения, прикрывавшие подступы к Антверпену со стороны моря, находились в исправном состоянии, и, прежде чем мы смогли бы воспользоваться портом, нам нужно было выбить из них противника и очистить эстуарий.

На севере наша задача состояла из трех частей. Во-первых, нам нужно было выйти в восточном направлении на достаточно далекие рубежи, чтобы прикрывать Антверпен и автомобильные и железные дороги, ведущие от района этого города к фронту. Во-вторых, мы должны были подавить оборону немцев между Антверпеном и морем. И в-третьих, я надеялся, что передовые соединения выдвинутся как можно дальше для овладения, если представится такая возможность, плацдармом на противоположном берегу Рейна, с тем чтобы затем угрожать Руру и облегчить организацию последующих наступательных операций.

На фланге Монтгомери нужно было немедленно принимать решение с учетом осуществления этих задач. В качестве предварительного условия требовалось выдвинуть наши войска на восток на такое расстояние, чтобы надежно обеспечить прикрытие Антверпена. Это нужно было делать без промедления: пока это не было сделано, мы не могли приступить к осуществлению других задач. Столь же очевидным был тот факт, что, пока не будут очищены от противника подступы к Антверпену со стороны моря, порт останется бесполезным для нас. Поскольку немцы прочно окопались на островах Южный Бевеланд и Валхерен, то нам предстояла трудная и длительная операция по очищению от противника подступов к порту со стороны моря. И чем скорее мы приступим к делу, тем лучше. Однако оставалось решить вопрос: выгодно или нет, прежде чем мы возьмемся за эту тяжелую задачу, продолжать наше наступление в восточном направлении против все еще отходящего противника с целью овладеть при возможности плацдармом за Рейном.

Когда мы рассматривали различные аспекты этого вопроса, Монтгомери неожиданно выступил с предложением, что, если мы окажем поддержку его 21-й группе армий всеми наличными средствами снабжения, он сумеет ворваться прямо в Берлин и, как он сказал, закончить войну. Я убежден, что фельдмаршал Монтгомери в свете последовавших событий согласился бы с ошибочностью этой точки зрения. Однако в тот момент энтузиазм Монтгомери подогревался быстрым продвижением войск в течение предыдущих недель, и, будучи убежденным в полной деморализации противника, он решительно заявил, что единственное, в чем он нуждается, - это в соответствующем снабжении войск, чтобы идти прямо на Берлин.

В начале сентября, при возвращении из одной из поездок в прифронтовую полосу, я ушиб ногу при вынужденной посадке самолета. Захваченные внезапным штормом, мы были лишены

возможности добраться до нашей небольшой взлетно-посадочной полосы возле штаб-квартиры, и единственным местом, где можно было совершить посадку, оказалась прибрежная полоска земли. Это был один из тех участков побережья, где немцы накануне нашего вторжения провели соответствующие инженерные работы и заминировали приливную полосу берега. В нашем положении это обстоятельство являлось малоутешительным, и мы старались вытащить самолету подальше от среза воды, чтобы приливная волна не зато пила его. Именно в это время я и вывихнул ногу. Мой пилот лейтенант Ундервуд помог мне преодолеть прибрежную полосу, в то время как сам я не спускал глаз с гладкой песчаной насыпи перед собой в надежде обнаружить хоть какие-нибудь признаки заложенных в песке мин. Мы вышли на проселочную дорогу и пустились в долгий путь по направлению к своему штабу. Мы едва, продвигались под проливным дождем, почти не имея надежды на попутную машину, поскольку дорога проходила стороной и редко использовалась нашими солдатами. Однако не прошло и нескольких минут, как позади нас появился джип, в который умудрились втиснуться восемь солдат.

Мы остановили машину, и солдаты, сразу же узнав меня, выскочили из нее, чтобы помочь. Они явно были поражены встречей с командующим, ковылявшим по дороге под проливным дождем в таком пустынном месте. Я попросил их доставить меня в штаб, и они проявили трогательную заботу обо мне, буквально на руках подняв и посадив на переднее место рядом с водителем. Затем, боясь потревожить мою поврежденную ногу, солдаты втиснулись в джип и разместились позади меня. Я так и не понял, как они, в том числе и мой пилот, умудрились устроиться в одном джипе.

В течение двух дней я был прикован к постели, а затем мне некоторое время пришлось носить гипсовую повязку на ноге. Корреспонденты заметили мое отсутствие в штаб-квартире и решили, что я заболел, возможно, от переутомления. Когда в прессе появились сообщения именно такого характера, мне пришлось рассказать журналистам подробности происшедшего инцидента в надежде, что моя жена не будет преувеличивать серьезность случившегося, ожидая от меня обстоятельного письма.

Мои поездки из-за ноги временно были затруднены, но, чтобы быть уверенным, что Монтгомери полностью информирован относительно наших планов, я встретился с ним в Брюсселе 10 сентября. При встрече присутствовали главный маршал авиации Теддер и генерал Гейд.

Я объяснил Монтгомери состояние нашей системы снабжения

и нашу потребность в скорейшем открытии порта Антверпен. Я отметил, что без железнодорожных мостов через Рейн и без достаточных запасов предметов боевого обеспечения под рукой невозможно поддерживать в Германии группировку сил, способную достичь ее столицы. В центральных районах вражеской страны еще имелись значительные резервы, и я знал, что любое продвижение на узком фронте в глубь Германии, какое предлагал Монтгомери, наверняка закончилось бы поражением. Таков был бы исход подобного предприятия независимо от того, какая сторона попытается его предпринять. Монтгомери я сказал, что не буду рассматривать такое предложение.

Если бы в конце августа мы приостановили наши наступательные операции на всех других участках фронта, то не исключено и даже, пожалуй, наверняка, что Монтгомери мог бы овладеть сильным плацдармом на восточном берегу Рейна и создать угрозу захвата Рура, точно так же, как любая другая армия могла продвигаться быстрее и углубиться дальше, если бы ей разрешили это сделать за счет отказа в боевом обеспечении войск на других участках фронта. Однако ни в одном месте нельзя было добиться решающего успеха, а между тем на других направлениях мы попали бы в опасное положение, выход из которого оказался бы весьма затруднительным.

Монтгомери был знаком с обстановкой только на своем участке фронта. Он понимал, что поддержка его предложения означала бы остановку на многие недели боевых действий всех войск, за исключением 21-й группы армий. Но генерал не понимал, что на остальной части нашего растянутого фронта сложилась бы недопустимая ситуация, если бы он, исчерпав наши возможности в снабжении его группы армий, был вынужден остановиться или отступить.

Я ему объяснил, что мы хотим, чтобы порт Антверпен заработал и чтобы были заняты соответствующие рубежи, надежно прикрывающие этот порт. Кроме того, я не исключал возможности с помощью воздушного десанта захватить плацдарм за Рейном в районе Арнема, обойдя с фланга оборонительные сооружения "линии Зигфрида". Операция по захвату такого плацдарма - ей было дано кодовое наименование "Маркет-Гарден" - явилась бы просто эпизодом и расширением нашего продвижения на восток на рубежи, необходимые для обеспечения временной безопасности. На нашем левом фланге таким рубежом являлось само нижнее течение Рейна. Остановиться, не достигнув этого рубежа, означало бы поставить себя в исключительно рискованное положение, в особенности в тот период, когда Монтгомери направит значительные силы для захвата острова

Валхерен.

Если бы можно было осуществить эти планы, мы не стали бы предпринимать никакие крупные наступательные операции на севере, пока не накопили бы достаточные запасы предметов боевого обеспечения в тылу. Но мы могли и провели бы ряд небольших операций по всему нашему огромному фронту в порядке подготовки крупного наступления. Монтгомери очень хотелось попытаться захватить плацдарм.

Поэтому 10 сентября на совещании в Брюсселе фельдмаршалу Монтгомери было разрешено отложить операции по уничтожению сил противника на подступах к Антверпену и попытаться овладеть нужным для нас плацдармом. В помощь Монтгомери я выделил недавно сформированную 1-ю союзную воздушно-десантную армию под командованием американского генерала авиации Льюиса Бреретона. Дата наступления была предварительно установлена на 17 сентября, и я обещал ему сделать все возможное для материального обеспечения операции до ее завершения. После захвата плацдарма Монтгомери должен был немедленно всеми силами приступить к операции по захвату острова Валхерен и очищению от противника других районов, откуда немцы обороняли подступы к Антверпену. Монтгомери энергично взялся за осуществление поставленной перед ним задачи.

Поскольку все наши дела, за исключением вопросов снабжения, были в довольно хорошем состоянии, Объединенный англо-американский штаб на конференции в Квебеке решил, что больше нет необходимости оставлять в моем непосредственном подчинении два бомбардировочных объединения, дислоцирующихся в Англии. На конференции руководители Объединенного штаба договорились, что стратегические бомбардировщики будут подчинены непосредственно Объединенному штабу через специально созданный для этого орган в Лондоне. С моей точки зрения, это была неуклюжая и малоэффективная реорганизация, для наших операций не имевшая никакого значения, так как в директиву был включен параграф, согласно которому заявки Верховного командующего союзными войсками в Европе на использование стратегических бомбардировщиков удовлетворялись в первую очередь. При такой гарантии я не нашел нужным возражать против принятого решения, несмотря на мое отрицательное мнение о нем.

Генерал Спаатс ожесточенно протестовал против новой командной структуры для стратегической авиации, пока я не убедил его, что для меня это не имеет никакого значения. Даже Харрис, который первоначально был известен как один из тех, кто

хотел выиграть войну только посредством бомбардировок и кто, как полагали, осмеивал мобилизацию армий и флотов, стал проявлять исключительную гордость своей принадлежностью к союзной команде. Вот выдержки из его письма, которое он написал мне после получения приказа о его переводе в непосредственное подчинение Объединенному англо-американскому штабу:

"21 сентября 1944 г.

Мой дорогой Айк!

Согласно новой командной структуре я и вверенное мне авиакомандование более не подчинены непосредственно вам. В связи с этим я воспользуюсь случаем заверить вас, хотя и понимаю, что вы найдете мои заверения излишними, что наша длительная деятельность в поддержку ваших войск по вашему указанию будет фактически продолжаться, как и раньше, с полной отдачей наших сил и мастерства...

От себя лично и от имени моего командования я хочу выразить вам благодарность и глубокую признательность за неизменную помощь и поддержку, которые мы всегда чувствовали в дни удач и трудных обстоятельств на протяжении всей кампании...

Мы в бомбардировочном командовании выражаем вам не только поздравления и нашу благодарность, но и нашу готовность в любое время и в любом месте оказать вам свои услуги. Я искренне надеюсь, что мы сможем продолжать решать нашу задачу совместно до полного завершения соответственно в своих областях деятельности.

Всегда ваш Берт".

В силу растянутости линий коммуникаций и их недостаточной пропускной способности по всему фронту ощущалось усиливавшееся напряжение в работе транспорта, занятого доставкой боевых грузов в войска. Службы снабжения прилагали героические усилия, чтобы войска могли продвигаться вперед как можно дальше. Они создали специальную систему автоперевозок, взяли под контроль главные автодороги во Франции и ввели на них одностороннее движение. По этим дорогам двигался непрерывный поток автомашин, каждая из которых находилась в пути по меньшей мере двадцать часов в сутки. Со всех частей для них дополнительно собрали водителей, а сами машины останавливались только для загрузки, выгрузки и технического обслуживания.

Железнодорожные войска работали круглосуточно, ремонтируя разбитые мосты и железнодорожные пути, восстанавливая подвижной состав. Бензин и топливо

доставлялись на континент по гибким трубопроводам, проложенным по дну Ла-Манша. С побережья бензин и топливо перекачивались дальше на главные пункты распределения по трубопроводам. Саперы с удивительной быстротой строили взлетно-посадочные полосы. Во всех тыловых службах, как и в любой боевой части, проявлялось высокое моральное состояние и стремление с максимальной отдачей выполнять свои задачи.

Однако, несмотря на эти чрезвычайные усилия служб снабжения, проблема обеспечения войск оставалась наиболее острой. Со всех участков фронта поступали требования о срочных доставках туда бензина и боеприпасов. Каждая из наших передовых частей могла продвинуться дальше и быстрее. Я считал и сейчас уверен, что армия генерала Паттона могла с ходу взять город Мец. Тем не менее мы были вынуждены снабжать каждую часть только в той мере, в какой было необходимо для выполнения ее основной задачи, и не более.

На нашем правом фланге 11 сентября, то есть через двадцать семь дней после высадки в Южной Франции, наступавшие с юга войска генерала Патча соединились с нашими силами в районе города Дижона. С этого момента единственным препятствием на пути обильного снабжения всех наших войск к югу от Меца стал необходимый ремонт железнодорожных путей, шедших вверх по долине Роны. В результате соединения с войсками Патча значительное число немцев оказалось отрезанным в Юго-Западной Франции. Они начали сдаваться в плен небольшими группами, и только в одном случае сразу сдались 20 тыс. немцев.

На левом фланге наступление на Арнем началось, как и планировалось, 17 сентября. Три воздушно-десантных дивизии были выброшены друг за другом в намеченных районах с севера на юг. В самом северном районе высадилась английская 1-я воздушно-десантная дивизия, несколько южнее от нее - 82-я и 101-я воздушно-десантные дивизии. Наступление началось удачно и, несомненно, оказалось бы успешным, если бы не резкое ухудшение погоды, которое не позволило доставить необходимые подкрепления английским десантникам; в конечном счете английская воздушно-десантная дивизия была почти полностью уничтожена, а вся операция завершилась только частичным успехом. Мы не смогли захватить плацдарм, но наши войска выдвинулись далеко вперед, обеспечив тем самым возможность обороны района Антверпена.

Ход этого сражения привлек внимание каждого на театре военных действий. Мы особенно гордились нашими воздушно-десантными частями, но интерес к сражению был вызван более глубокими причинами, чем гордость. Мы считали, что это

сражение покажет, сумеют или не сумеют немцы вновь оказать действенное сопротивление. По исходу этого сражения мы могли бы судить об ожесточенности боев, которые ждали нас впереди. Складывалось общее впечатление, что развернувшееся сражение действительно являлось попыткой немедленно начать мощное наступление в глубь Германии. Это вызывало дополнительный интерес к боевым действиям десантников, во время которых возникали необычайно драматичные обстоятельства.

Когда же, несмотря на героические усилия, воздушно-десантные войска и поддерживавшие их сухопутные силы были остановлены противником, мы получили достаточно доказательств, что нас ожидают еще более ожесточенные бои. Английская 1-я воздушно-десантная дивизия, находившаяся в авангарде, доблестно сражалась, ведя, пожалуй, самые тяжелые бои за всю войну, и ее стойкость оказала существенную помощь двум американским дивизиям, следовавшим за ней, и поддерживавшим десант войскам 21-й группы армий, стремившимся захватить и удержать за собой важные районы. Однако сама английская дивизия жестоко пострадала: только около 2400 десантникам этой дивизии удалось отойти обратно через реку и спастись.

Теперь было исключительно важно без дальнейших. промедлений захватить подступы к Антверпену. Войска Монтгомери в данный момент оказались крайне растянутыми. Его войска, вклинившись в оборону противника на различную глубину, достигли нижнего течения Рейна.

Монтгомери нужно было сосредоточить значительные силы в эстуарии Шельды, а также выделить войска для блокирования ряда небольших портов вдоль побережья, все еще находившихся в руках противника. В помощь ему для проведения операций в эстуарии Шельды мы направили две американские дивизии - 7-ю бронетанковую под командованием генерал-майора Сильвестера и 104-ю дивизию под командованием генерал-майора Терри Аллена, ветерана кампаний в Тунисе и на Сицилии.

Американская 1-я армия в конце своего блестящего марша от Сены до немецкой границы захватила Ахен. Противник упорно и ожесточенно оборонял этот город, но генерал Коллинс со своим 7-м корпусом так мастерски провел операцию, что к 13 октября окружил оборонявшийся гарнизон и вошел в город. Немцы были вынуждены постепенно отходить к последнему опорному пункту - массивному зданию в центре города. Этот опорный пункт был уничтожен самым простым способом: на 200 ярдов подтянули к зданию 155-мм пушку "Длинный Том" и прямой наводкой начали методически разрушать его стены. После того как несколько

снарядов прошило здание насквозь, 21 октября немецкий командир сдался, горестно заметив: "Когда американцы начинают использовать 155-мм пушку как снайперское оружие, значит, настало время сдаваться!"

На юге начала действовать 6-я группа армий Деверса и 15 сентября перешла под мое оперативное командование. Теперь под контролем Верховного командующего союзными экспедиционными силами находились войска, вытянувшиеся по фронту от Средиземного моря до устья Рейна на многие сотни миль.

В состав 6-й группы армий Деверса входили американская 7-я армия под командованием генерал-лейтенанта Патча и французская 1-я армия под командованием генерала Делатра де Тассиньи, которая до этого в оперативном отношении подчинялась Патчу. В группу армий генерала Брэдли входили 1-я, 3-я и вновь сформированная 9-я армия под командованием генерал-лейтенанта Уильяма Симпсона. В состав 21-й группы армий Монтгомери входили 2-я английская армия под командованием Демпси и 1-я канадская армия под командованием Крерара. Союзная воздушно-десантная армия, временно приданная 21-й группе армий, подчинялась непосредственно Верховному командующему союзными экспедиционными силами.

В октябре мы узнали, что Ли-Меллори убывает от нас на другой театр военных действий. Нам не хотелось расставаться с ним, но к этому времени наша организация окончательно оформилась, а тесное взаимодействие и сотрудничество в союзническом руководстве достигли такого совершенства, что я согласился на его перевод. Однако вскоре после отъезда от нас он погиб в авиационной катастрофе. Так мы лишились одного из неустрашимых и мужественных командиров Второй мировой войны.

В конце лета штаб Верховного командующего союзными экспедиционными силами начал перемещаться из Гренвилля, где он первоначально разместился на континенте, в Версаль, под Парижем. Мне хотелось выбрать новое место для штаба к востоку от Парижа, чтобы во время поездок на фронт не пересекать перенаселенные районы Франции. Однако, учитывая направление основных линий связи и отсутствие соответствующих условий для размещения крупного штаба восточнее Парижа, мы были вынуждены первоначально согласиться с расположением штаба в Версале как на наиболее приемлемом месте, откуда можно было руководить фронтом. Я разместил свой передовой командный пункт на окраине Реймса. Отсюда я мог легко добираться до

любого участка фронта, даже в те дни, когда погода была нелетной.

Начиная с 1 сентября я в течение трех месяцев находился в поездках. Фронт постоянно расширялся, расстояния увеличивались, и поэтому каждая поездка на фронт отнимала много времени. Тем не менее эти поездки были ценными и полностью оправдывались. Придерживаясь этой практики, я мог посещать командующих в их штабах, быть постоянно в курсе происходящих событий на местах и возникавших там проблем и, главное, чувствовать настроение солдат. Спустя два месяца, когда подошла зима, извилистые дороги, ведущие в мой небольшой, лагерь возле Реймса, стали почти непроезжими. Однажды моя машина так увязла в грязи, что наши трехчасовые попытки выбраться кончились безрезультатно, и только подошедший трактор вытащил ее. Это заставило меня перейти в штаб-квартиру в Версале, и с того времени мои поездки на фронт стали более затруднительными, за исключением случаев, когда была хорошая летная погода.

Осенью во время поездки на фронт я сделал короткую остановку в прифронтовой полосе, чтобы поговорить с солдатами одного из батальонов 29-й пехотной дивизии. Мы все стояли в грязи на скользком склоне холма. Поговорив несколько минут с солдатами, я повернулся, чтобы идти дальше, и упал навзничь в грязь. Услышав взрыв смеха, с каким реагировали на это солдаты, я понял, что это была моя самая успешная за всю войну встреча с солдатами. Даже те солдаты, которые бросились ко мне, чтобы помочь выбраться из грязи, от смеха едва держались на ногах.

Иногда мои друзья советовали мне и даже настаивали, чтобы я сократил свои поездки в войска. Они правильно считали, что поскольку речь идет о солдатских массах, то лично я смогу поговорить лишь с очень немногими из солдат. Поэтому они доказывали, что я просто изматывал себя, не достигая ничего существенного. С этим я не соглашался, считая, что постоянные беседы с рядовыми солдатами дают мне точное представление о их настроениях. Я говорил с ними о чем угодно, а чаще всего спрашивал, какой новый прием или приспособление для его использования пехотой в бою придумали данный взвод или отделение. Я говорил обо всем до тех пор, пока солдаты в свою очередь не начинали рассказывать мне.

Конечно, мне понятно было, что факт беседы даже с несколькими солдатами дивизии очень скоро станет известен всему личному составу части. А это, как я считал, будет подталкивать солдат к разговору со своими начальниками. Мне казалось, что такая привычка содействует боевой эффективности

личного состава. В массе, состоящей из отдельных личностей, носящих винтовки, таятся огромная изобретательность и инициатива. Если солдаты могут естественно и без сдержанности говорить со своими офицерами, то результаты их изобретательности станут достоянием всех. Более того, из привычки возникают взаимное доверие, чувство партнерства, которые составляют суть морального состояния войск. Армию, в которой солдаты боятся своих офицеров, никогда нельзя сравнить с той, в которой солдаты доверяют командирам и полагаются на них.

Есть старое понятие - "обнаженность поля боя". Это описательное выражение полно смысла для любого, кто видел сражение. За исключением таких необычных тактических действий, как форсирование реки или участие в морском десанте, в условиях района, прилегающего к переднему краю, превалирует ощущение пустынности, безжизненности. Почти не видно ничего живого: войска, как свои, так и противника, а также боевая техника как будто исчезают из виду, когда стороны готовятся к бою. В таких условиях легко потерять управление солдатами и связь с ними, поскольку каждый из них, испытывая страх, боится, что неосторожное движение или обнаружение себя будет означать для него моментальную смерть, и чувствует себя страшно одиноким. Именно в этом случае наиболее плодотворными окажутся доверие к своим командирам, чувство товарищества и вера в них.

Мои личные усилия в этом направлении едва ли могли принести существенные результаты. Но я знал, что если солдаты осознают, что могут разговаривать с "большим начальником", то у них будет меньше страха перед своим лейтенантом. Более того, мой пример мог подталкивать офицеров добиваться непринужденных отношений с солдатами. Во всяком случае, я этой практики придерживался на протяжении всей войны, и ни одна беседа с солдатом или с группой солдат не была для меня бесполезной.

Все эти поездки, кроме того, давали возможность на месте серьезно обсуждать, в частности, проблемы пополнений, обеспечения боеприпасами, обмундированием и оснащения войск в связи с приближавшейся зимой, а также планы на будущее. Конечно, штабы на всех уровнях постоянно работают над этими вопросами и в соответствии с инструкциями все потребности войск автоматически удовлетворяются через действующую систему снабжения. Однако ничто не может заменить прямых контактов между командующими, и куда более ценно, когда старший начальник сам ездит в войска, вместо того чтобы сидеть

у себя в штаб-квартире и ждать, когда подчиненные придут к нему со своими проблемами.

Моральное состояние боевых частей всегда необходимо держать под пристальным вниманием. Солдаты способны воспринимать наказание и длительные лишения до тех пор, пока считают, что с ними поступают справедливо, что их командиры внимательно следят за ними, понимают и оценивают их действия. Любые признаки того, что с ними обходятся несправедливо, естественно, вызывают у солдат гнев и возмущение, и это настроение с быстротой огня может охватить всю часть. Однажды в Африке солдаты на передовой пожаловались мне, что они не получают положенные им шоколад и сигареты, хотя знают, что тыловики получают все это в изобилии. Я обратился за разъяснениями к местному командиру, который сказал, что время от времени он пытался затребовать эти виды довольствия, но ему отвечали, что нет транспорта, чтобы доставить их на фронт. Тогда я позвонил в тыл и сказал, что, пока не будут обеспечены этими видами довольствия каждая авиачасть на передовом аэродроме и все фронтовые подразделения, интенданты не получат ни одной сигареты, ни одной плитки шоколада. И очень скоро я получил донесение с фронта, в котором сообщалось, что все их требования быстро выполняются.

Один из прискорбных эпизодов подобного рода произошел в конце 1944 года. На фронте начала ощущаться острая нехватка бензина и сигарет. И тут поступило донесение, что в Париже на черном рынке процветает торговля именно бензином и сигаретами и что торговлей занимаются военнослужащие служб снабжения. Мы быстро направили туда группу инспекторов и вскрыли отвратительные факты. Нужно было ожидать, что кое-кто может поддаться исключительному соблазну перед невероятно большими деньгами, которые предлагались за продовольствие и сигареты. Однако в данном случае оказалось, что практически целая тыловая часть превратилась в деятельную шайку спекулянтов и продавала эти предметы автомашинами и вагонами. При этом преступление больше усугублялось обворовыванием солдат на фронте, нежели ценностью краденого имущества. Я был полон гнева и возмущения.

Однако я понимал, что вся американская воинская часть не могла сразу стать преступной. Логично было предположить, что это грязное дело было начато несколькими мошенниками, а другие были постепенно втянуты в него почти бессознательно и, оказавшись вовлеченными, не видели путей, чтобы выпутаться из него.

Я дал соответствующее указание судебно-следственным

органам, но предупредил, что ни один приговор не должен быть приведен в исполнение, пока я лично не рассмотрю каждый из них. Когда это было сделано, я объяснил свой план. Он сводился к тому, чтобы каждому осужденному солдату предложить восстановить себе доброе имя, добровольно отправившись на передовую. Эти суровые приговоры были доведены до войск, так что солдаты на переднем крае знали, что виновные не избежали наказания. И теперь я решил дать возможность преступникам искупить вину. Большинство из них с готовностью ухватились за такую возможность. Смыв клеймо позора со своего имени, эти люди заслужили увольнение из армии с почетом. Однако такой шанс не был предоставлен офицерам, участвовавшим в этом отвратительном бизнесе.

Из-за тяжелых условий на фронте у нас начали увеличиваться небоевые потери в личном составе. "Окопная стопа" - ревматическое заболевание ног от продолжительного пребывания в траншеях - оказалась одной из причин таких потерь. Лечить это заболевание трудно, иногда почти невозможно, но врачи установили, что профилактика его не представляет особой сложности. Она сводилась к простому соблюдению элементарного требования, предписанного врачами: нужно было разуваться по меньшей мере один раз каждый день и делать массаж ног в течение пяти минут. Чтобы быть уверенным, что массаж делается должным образом, процедуру проводили попарно. Каждый солдат должен был делать массаж партнеру в течение пяти минут, и ничего больше. Как только мы получили от врачей ответ на нашу проблему и стали проводить их рекомендации в жизнь, число серьезных потерь сократилось на многие тысячи в месяц.

Медицинская служба на фронте действовала эффективно: число смертных исходов на каждые сто ранений в американской армии во время Второй мировой войны составляло меньше половины того, что было в Первую мировую войну. Это объяснялось многими причинами, в том числе использованием пенициллина, сульфапрепаратов, быстрым применением кровяной плазмы и оперативно функционировавшей системой эвакуации раненых, в значительной мере по воздуху. В отношении раненых задача врачей сводилась к тому, чтобы как можно быстрее вылечить их для возвращения в строй, а в тех случаях, когда ранение серьезное, быстро доставить пострадавшего в госпиталь на родине. Обе эти задачи врачи, медицинские сестры и их помощники выполняли с большим успехом. Некоторые раненые солдаты в течение года по нескольку раз возвращались из госпиталей на фронт. Я был свидетелем

случаев, когда в базовые госпитали за многие сотни миль от фронта доставляли раненых буквально в пределах нескольких часов после получения тяжелого ранения.

Обеспечение нормальных бытовых условий для солдат всегда было делом командиров всех рангов. Однако в конце 1944 года этот вопрос приобрел особенно важное значение. Солдат союзных войск переносил все лишения и опасности обычного сражения, но скверная погода делала его повседневную жизнь почти невыносимой. Наряду с борьбой против врага нужно было выполнять насущные административно-хозяйственные задачи. Я и мои коллеги были убеждены в необходимости сохранять темпы операций. Задача состояла в том, чтобы не сбавлять давления на противника и в то же время наращивать людские и материальные ресурсы в течение осени и зимы, чтобы быть готовыми весной нанести заключительные удары по немецкой армии.

Все командующие в американских войсках на Европейском театре военных действий были подобраны лично мною. Еще со времени начала кампании в Африке между мной и генералом Маршаллом существовало полное взаимопонимание в этом вопросе. Он сказал: "Вам нет надобности брать к себе или держать на должности командира, в котором у вас нет полной уверенности. Пребывание командира в должности на вашем театре военных действий является для меня подтверждением, что вы довольны им. На карту поставлена жизнь многих людей; я хочу, чтобы у вас не было неправильного понимания своих полномочий, своего долга, чтобы отвергнуть любую кандидатуру или снять любого, кто не отвечает в полной мере вашим требованиям". И генерал Маршалл никогда не нарушил этого правила, а я, в свою очередь, установил такой же порядок для старших подчиненных.

В самом начале операции "Оверлорд" премьер-министр Черчилль и фельдмаршал Брук при случае также говорили мне, что они готовы в любой момент, если я выражу недовольство кем-либо из основных моих английских подчиненных, немедленно заменить его. Сотрудничество союзников прошло большой путь со времен первых дней операции "Торч".

У нас были прекрасные солдаты и отличные командиры как в сухопутных войсках, так и в авиации. Из Соединенных Штатов ежедневно прибывали пополнения. Единственное, что нам нужно было сделать в условиях нараставшей численности наших войск, - это организовать снабжение передовых эшелонов на фронте. Мы были уверены, что ко времени, когда мы накопим достаточные материально-технические резервы, будем располагать достаточными силами, чтобы начать заключительные сражения с

целью покончить с противником на Западе.

Когда наши войска быстро продвигались через Западную Европу, наступавших солдат союзных армий встречали с величайшим энтузиазмом. Во Франции, Бельгии, Голландии и Люксембурге - всюду была одна и та же картина. Жители, исхудавшие от недоедания, доведенные до нищенского существования, но вновь обретшие свободу, право свободно говорить со своими соседями и слушать известия из внешнего мира, казалось, отодвинули на задний план, по крайней мере на некоторое время, голод и лишения. Более четырех лет народы фактически жили в плену.

За этот период их торговля с другими странами полностью прекратилась, промышленность была перестроена на удовлетворение нужд нацистов. В повседневной жизни люди никогда не были избавлены от страха перед тюрьмой и более худшими наказаниями. Даже известия из внешнего мира профильтровывались для них, так как газеты и радио находились под строгим контролем нацистов. Конечно, население тайно получало некоторую информацию, передававшуюся через английские и американские радиостанции, но полученные таким путем сведения нельзя было свободно распространять среди населения, а те, кто слушал иностранные радиопередачи, подвергались строгим наказаниям, если об этом узнавали нацистские власти. С приходом войск союзников эмоциональное возбуждение населения иногда принимало такие размеры, что приводило в смущение наших солдат, но не было никакого сомнения относительно огромной радости людей, освободившихся от нацистского ярма.

Восстановленные правительства в Западной Европе искренне сотрудничали с верховным командованием союзников. Нам предоставляли рабочую силу и оказывали посильную помощь. Были, конечно, и недовольные элементы. Людям, которые с оружием в руках длительное время боролись в условиях подполья, которые привыкли с помощью хитрых уловок и насилия выполнять диверсионные задачи и осуществлять саботаж, было нелегко вновь приспосабливаться к требованиям общественного порядка. В некоторых случаях они хотели сохранить и усилить свою власть, стать доминирующей и контролирующей силой в освобожденной стране. В то время как такие тенденции у некоторых группировок вызывали иногда серьезные затруднения на местах, однако главным и определяющим было страстное стремление населения вновь зарабатывать себе на жизнь в условиях свободных институтов.

Поскольку условиями перемирия 1940 года Франция была

разделена на оккупированную и неоккупированную части и поскольку подпольное движение в этой стране было не только сильным, но и активным, то восстановление стабильности в стране оказалось более трудным делом. Однако французский крестьянин, как всегда, оставался преданным своей земле и усердно продолжал выращивать урожай. В городах Франции неразбериха была более серьезной. Это находило отражение в противоречиях между членами муниципальных советов и в некоторых разногласиях даже в вопросах ведения войны. Например, огромная часть бывшего подполья, или, как их называли, маки, соглашалась влиться в армию только как самостоятельные воинские формирования. Они настаивали на создании полков и дивизий во главе со своими командирами. Существовали опасения, что если не удовлетворить их требования, то они могут даже бросить вызов временному центральному правительству.

Их требования не могли быть полностью приняты правительством, ибо очевидным результатом явилось бы создание двух французских армий: одна была бы лояльной к общепризнанному правительству и действовала бы по его указаниям, другая - ответственной только перед самой собой. Однако правительство разработало план, по которому в рамках армии разрешалось формировать подразделения маки не крупнее батальонов.

Вдумчивые французы часто обсуждали со мной причины их национального краха в 1940 году. В других странах преобладало мнение, что военное поражение Франции явилось результатом излишней веры в эффективность "линии Мажино". Я не встретил ни одного француза, который соглашался бы с такого рода утверждениями. Они считали, что укрепленная линия вдоль восточной границы была необходима и сыграла свою роль, позволив французской армии сосредоточиться на севере этого укрепленного рубежа, чтобы противодействовать любому наступлению немцев через Бельгию. В военном смысле, по их мнению, трудности проистекали из внутренней политической слабости Франции. Как сказал мне один французский бизнесмен: "Мы нанесли себе поражение изнутри, пытаясь четырехдневную рабочую неделю противопоставить шести-, семидневной рабочей неделе немцев".

В целом освобожденные народы были поразительно неосведомленными относительно участия Америки в войне. Наши усилия были настолько преуменьшены и высмеяны нацистской пропагандой, что очевидная мощь американских армий, появившихся в Европе, привела в полное изумление население

Западной Европы. Различными путями мы стремились довести до них факты о положении Америки перед нашим вступлением в войну и о нашем вкладе в войну. Однако неосведомленность была настолько велика, что наши усилия имели только частичный успех. И эта работа еще далека от завершения.

Более того, война не избавила Францию от разногласий, вызывавшихся всевозможными причинами. В значительной части подпольного движения получили широкое распространение коммунистические доктрины, а с освобождением коммунисты, хотя и в меньшинстве, но настроенные решительно, начали ослаблять национальную волю к восстановлению былой мощи и процветания Франции в Западной Европе.

Такая партизанская разобщенность за нашей спиной не оказывала влияния на военное положение союзников; каковы бы ни были их политические взгляды, освобожденные народы были дружественны к нам. Однако в нашей зоне коммуникаций слабость приобретала угрожающий характер; эта зона растянулась от французского побережья до переднего края и ставила под угрозу наши будущие наступательные операции. Жизненные артерии снабжения становились рискованно слабыми, когда они подходили к передовым рубежам нашей армии. Глава 17. Осенние бои на границах Германии

В сентябре наши армии скапливались у границ Германии. Противник располагал прочной обороной, используя естественные условия местности и искусственные препятствия. Американская 7-я армия Деверса и французская 1-я армия развертывались в восточном направлении напротив Вогезских гор, которые образовывали традиционный оборонительный барьер. На севере "линия Зигфрида", усиленная рекой Рейн, представляла собой оборонительный рубеж, на преодоление которого могли надеяться только хорошо оснащенные и решительные войска.

В то время мы были все еще в зависимости от портов Шербур и Авранш; в силу их ограниченной пропускной способности и не менее ограниченных линий коммуникаций, которые брали свое начало от этих портов, было невозможно наращивать материальные резервы в передовых районах. Трудно было снабжать должным образом даже те войска, которые вели ежедневные бои на фронте. Положение оставалось бы таким до тех пор, пока мы не овладели бы портами Антверпен и Марсель. Относительно Антверпена генерал Брэдли писал мне 21 сентября: "...Все планы на будущее возвращают нас к тому факту, что для снабжения операций любого размаха за Рейном необходим порт Антверпен". Он никогда не упускал из виду того, что работа

службы тыла будет играть решающую роль при нанесении окончательного поражения Германии.

С наступлением плохой погоды поддержание дорог в эксплуатационном состоянии стало дополнительной проблемой для служб снабжения, поскольку многие автомобильные дороги в Европе, и особенно в Бельгии, отличались тем, что имели непрочную проезжую часть. Довольно часто наши тяжело груженые машины полностью проваливались на автодорогах, и казалось, что уже не удастся заполнить образовавшуюся яму камнями и гравием, чтобы можно было двигаться дальше.

Для уменьшения зависимости от автомобильных дорог мы доставили на континент большое количество подвижного состава взамен разрушенного в ходе войны. Чтобы сделать это быстро, инженеры железнодорожных войск разработали простой метод погрузки и разгрузки вагонов, который мы внедрили с прекрасными результатами. Тяжелое оборудование обычно может быть доставлено на фронт только через хорошо оснащенные порты. Выгрузка такого оборудования является трудным делом и производится с помощью специальных кранов. Однако наши инженеры смонтировали на днище большого танкодесантного корабля рельсы. На берегу в районах погрузки и выгрузки проложили специальное железнодорожное полотно до самой кромки воды. Соединив посредством гибкой стыковки рельсы на дне корабля и железнодорожный путь на берегу, саперы перегоняли по ним вагоны в трюмы кораблей; таким же путем они выгружали их на берег. Ведя в эти осенние месяцы битву за снабжение, мы одновременно не прекращали активных боевых действий на фронте.

Наши сухопутные войска хотя еще и не достигли максимальных размеров, но продолжали непрерывно увеличиваться. На 1 августа мы имели на континенте тридцать пять дивизий, а четыре американские и две английские дивизии находились на Британских островах. К 1 октября наши общие силы на континенте, включая 6-ю группу армий, которая наступала через Южную Францию, составляли 44 дивизии, а шесть дивизий все еще находились на территории Соединенного Королевства. Союзные войска располагались вдоль линии, которая начиналась на севере у берегов Рейна и тянулась на пятьсот миль на юг до швейцарской границы. К югу от Швейцарии на французско-итальянской границе были размещены отряды для отражения возможных нападений на наши линии коммуникаций со стороны немецких войск, находившихся в Италии.

Это означало, что с учетом всех дивизий - пехотных,

бронетанковых и воздушно-десантных - мы могли в среднем развернуть менее одной дивизии на каждые десять миль фронта.

Учитывая все эти обстоятельства, многие высказывались за скорейший переход к обороне, чтобы сосредоточить наши усилия на создании мощной системы тылового обеспечения и избежать мучительных условий зимней кампании. Я отклонил такие предложения, и все мои основные командующие согласились со мной, что в наших интересах было продолжать вести наступательные бои.

Одно из важных соображений в пользу продолжения наших наступательных операций с предельным напряжением войск и служб снабжения заключалось в том, что противник, стремясь восполнить большие потери, понесенные в июле, августе и сентябре, формировал новые дивизии и вынужден был поспешно бросать их в бой. На первых порах эти наскоро обученные войска были малоэффективными и наступательные действия против них влекли за собой куда меньшие потери с нашей стороны, чем те, которые могли быть позднее, когда эти новые соединения получат необходимый боевой опыт и укрепятся на возведенных оборонительных сооружениях.

Мы потребовали от разведывательных служб ежедневно представлять исчерпывающий анализ о потерях противника на всех участках фронта. Сопоставляя потери противника с нашими, мы хотели выявить районы, где соотношение потерь складывалось в пользу противника, и уклоняться там от активных боевых действий. В этот период мы взяли за правило предпринимать наступательные операции только там, где дневные потери противника в два раза превышали наши; это правило не распространялось на те участки фронта, где мы имели специфичные задачи и важные цели, как, например, рурские дамбы.

Мы были убеждены, что, если наши войска будут продолжать оказывать неослабное давление на противника, не считаясь с трудностями и лишениями, они получат дополнительные преимущества над ним. В частности, мы считали, что это приведет к быстрейшему окончанию войны, что, в свою очередь, позволит сохранить жизнь многих тысяч солдат союзных армий.

Поэтому заключительный период 1944 года стал памятным из-за целой серии ожесточенных сражений, которые, как правило, проходили в крайне тяжелых условиях погоды и местности. Остров Валхерен, Ахен, Хюртгенский лес, рурские дамбы, Саарский бассейн и Вогезские горы дали свои имена сражениям последних месяцев этого года, которые в конечном счете существенно ускорили завершение войны в Европе. Трудности,

вызванные скверной погодой, дополнялись нехваткой боеприпасов и осложнениями в снабжении войск. Никогда за всю войну мужество, храбрость и изобретательность солдата союзной армии не подвергались более суровому испытанию, чем в этих сражениях, и никогда они не давали более ощутимых результатов, чем в этот период.

Мощь наших разраставшихся сухопутных войск дополнялась действиями сильной и эффективной авиации.

В тактическом отношении авиация обладает мобильностью, которая позволяет последовательно наносить удары в течение многих дней по целям, удаленным на сотни миль друг от друга. Авиационные удары наносятся настолько массированно, что вызывают у обороняющихся шок, который едва ли может вызвать любая концентрация артиллерийского огня.

При прицельном бомбометании авиация обычно была не столь эффективна, как артиллерия. Более того, авиация обычно не уничтожала цели, а лишь наносила им повреждения. Промышленный район никогда не удавалось уничтожить в результате единственного налета, и фактически он редко разрушался до такой степени, чтобы исключалась возможность частичного восстановления, даже если налеты повторялись. Кроме тех случаев, когда длительное время стояла хорошая летная погода, никогда не удавалось полностью вывести из строя линии коммуникаций. Однако авиация своими ударами наносила весьма ощутимый урон объектам бомбардировки, а при идеальных летных условиях и при ее использовании крупными соединениями она могла добиваться почти идеальных результатов.

Атака с воздуха одиночным боевым самолетом происходит в очень ограниченные по времени сроки, и достигнутые результаты не всегда подтверждают первоначальную их оценку. Доклады летчиков об уничтоженной боевой технике, особенно танков, всегда оказывались слишком преувеличенными. Но здесь не было вины летчиков. Каждый истребитель-бомбардировщик был оснащен фотопулеметом, который автоматически фиксировал на пленку видимые результаты атаки. Эти отснятые пленки просматривались по возвращении с боевого задания и брались в основу оценки результатов атаки; но мы пришли к заключению, что такой метод не обеспечивал точной оценки фактически нанесенного противнику урона. Точная оценка могла быть получена только после захвата района атаки наземными войсками.

Что касается доставки на конкретную цель одним разом огромного количества взрывчатки, то возможности авиации здесь

уникальны. Использование для этой цели крупных бомбардировщиков имеет то преимущество, что это не вызывает загрузки передовых линий коммуникаций. Каждый снаряд, выпускаемый артиллерией, выгружается на основном артиллерийском складе и оттуда затем доставляется на передовую по перегруженным железным и автомобильным дорогам. После нескольких выгрузок и погрузок этот снаряд в конце концов попадает на артиллерийские позиции. Другое дело с бомбами. Крупные бомбардировщики размещаются далеко в тылу - в нашем случае они находились на аэродромах в Англии. Бомбы, которые они использовали, либо изготовлялись в этой стране, либо доставлялись из Соединенных Штатов транспортными судами. С заводских складов или портов они направлялись на соответствующие аэродромы, и оттуда их доставляли прямо на вражеский объект.

Авиацию можно по-разному использовать для обеспечения боевых действий наземных войск. Наиболее обычными задачами авиации в таких случаях являются прикрытие с воздуха своих войск на поле боя, оказание им поддержки путем нанесения истребителями-бомбардировщиками бомбовых ударов по выборочным целям и содействие захвату сильно обороняемых пунктов посредством усиленных бомбардировок.

В обеспечении тесного взаимодействия между авиацией и наступающими войсками имеются, естественно, определенные ограничения. В Европе худшим врагом авиации являлась плохая погода: неожиданные дожди, туманы или низкая облачность серьезно расстраивали планы сражений. В середине декабря погода не позволила авиации своевременно обнаружить концентрацию немецких сил в Арденнах и парализовала ее деятельность в течение первой недели сражения. К тому же авиация в силу технических возможностей не может постоянно находиться над полем боя: каждый самолет должен периодически возвращаться на базу для заправки топливом и технического обслуживания. Поэтому число самолетов в воздухе составляло только часть общей их численности. Время от времени вражеские самолеты могли появиться над полем боя и обстрелять наши войска даже при нашем численном превосходстве в воздухе.

В конце 1944 года наши авиационные силы на театре военных действий, включая бомбардировочную авиацию, составляли приблизительно 4,7 тыс. истребителей, 6 тыс. легких, средних и тяжелых бомбардировщиков и 4 тыс. разведывательных, транспортных и прочих самолетов.

В то время как происходило наращивание наших сил, в последние месяцы 1944 года, согласно первоначальным планам,

нужно было решить многие оперативные задачи. На севере: помимо захвата подступов к Антверпену было необходимо подойти вплотную к Рейну, так как именно с этого рубежа мы намеревались предпринять мощное наступление. На юге, перед фронтом войск генерала Брэдли, было целесообразно осуществить предварительную операцию с целью последующего разгрома всех немецких сил, остававшихся к западу от Рейна. Тем самым мы не только обескровили бы войска противника, которые могли быть использованы позднее при обороне Рейна, но и заняли бы районы в Саарской области, откуда мы планировали нанести мощный удар одновременно с ударом на севере с целью окружения Рура.

В ходе осенних боев мы вновь встретились со своим старым врагом - скверной погодой. Июньский шторм на побережье Ла-Манша установил по своей свирепости рекорд за последние сорок лет. А в результате небывалых осенних ливней к 1 ноября многие реки вышли из берегов. Все это замедлило темпы наших наступательных действий на всем фронте. Несмотря на неблагоприятные условия, мы продолжали осуществлять общий план по созданию крупных баз снабжения вблизи границы Германии, по обеспечению надежных линий коммуникаций.

Захват подступов к Антверпену оказался тяжелой операцией. Эстуарий Шельды был сильно заминирован, а немецкие войска на островах Валхерен и Южный Бевеланд полностью господствовали над водными путями, ведущими к городу. К сожалению, мы не сумели овладеть этим районом в ходе нашего успешного продвижения на северо-востоке в первые дни сентября.

Ликвидация этих укрепленных пунктов противника требовала совместных действий флота, авиации и сухопутных войск. Монтгомери поручил командующему канадской 1-й армией генералу Крерару разработать необходимый план. Подготовительная работа началась вскоре после того, как 4 сентября наши войска захватили Антверпен.

К вражеским позициям вел узкий перешеек, связывающий остров Южный Бевеланд с материком. Планом предусматривалось наступление по этому перешейку в западном направлении с одновременной высадкой на остров морского десанта. Необходимые силы для этой операции могли быть сосредоточены не ранее конца октября. Если бы я не санкционировал Арнемскую операцию, то, возможно, мы сумели бы начать наступление на остров Валхерен на две-три недели раньше.

Канадская 2-я дивизия получила приказ занять исходные позиции у входа на перешеек и оттуда наступать в западном

направлении против немецкой обороны на Южном Бевеланде. Войскам часто приходилось действовать по пояс в воде против упорно оборонявшихся немцев, и потребовалось три дня, чтобы выйти к западной стороне перешейка. Только к 27 октября дивизия вышла непосредственно на остров. Английская 52-я дивизия высадилась на южном побережье острова Южный Бевеланд в ночь на 26 октября. Затем обе дивизии повели наступление по сходящимся направлениям и к 30 октября полностью овладели островом.

Оборонявшийся гарнизон на острове Валхерен состоял из войск, отступивших сюда с Южного Бевеланда, и подразделений из немецкой 15-й армии, которая первоначально находилась в районе Кале, ожидая там высадки союзников.

При высадке морского десанта на остров Валхерен 1 ноября войска столкнулись с самым ожесточенным сопротивлением, какое они встречали где-либо у береговой линии во время Европейской кампании. Для обеспечения огневой поддержки десанта можно было использовать только небольшие боевые корабли, которые смело подошли к побережью острова и завязали упорный артиллерийский бой с тяжелой артиллерией береговых батарей. Потери среди боевых кораблей оказались необычно высокими, однако благодаря мужеству и упорству экипажей десантирование было проведено успешно и при минимальных потерях со стороны личного состава десанта.

Особенностью этих тяжелых боев было ранее не практиковавшееся использование тяжелых бомбардировщиков для уничтожения отдельных дамб, ограждавших море от низин на острове. Через образовавшиеся в результате бомбардировок бреши вода хлынула на сушу и затопила некоторые участки обороны противника, что существенно облегчило проведение этой необычайно трудной операции.

К 9 ноября полностью прекратилось сопротивление немцев на острове, в плен было взято около 10 тыс. вражеских солдат и офицеров, в том числе командир одной дивизии. Но и мы понесли большие потери. В итоге боевых действий в этом районе потери союзников, в основном канадских и английских войск, составили 27 633 человека. Для сравнения можно отметить, что при захвате острова Сицилия наши потери были меньше 25 тыс., а мы разгромили там гарнизон, насчитывающий 350 тыс. человек.

Очистив острова от противника, мы приступили к разминированию эстуария Шельды. Как обычно, немцы в изобилии установили мины, и флоту потребовалось две недели непрерывной работы, чтобы очистить от них подступы к Антверпену.

Первые суда вошли в Антверпен и начали разгружаться в его порту 26 ноября. Еще в середине октября немцы начали обстрел города снарядами Фау-1 и Фау-2. Хотя часто этот обстрел носил беспорядочный характер, как и обстрел Лондона, он все же причинял значительный ущерб Антверпену. Погибло много людей, на короткие периоды прерывалась работа по выгрузке судов. Один из Фау-2 упал на переполненный театр, в результате чего было убито много гражданских лиц и военнослужащих. Население Антверпена стойко переносило эти бедствия.

В большом количестве противник использовал также небольшие быстроходные торпедные катера и подводные лодки-малютки, чтобы помешать нам пользоваться портом. Против них мы энергично использовали флот и авиацию. Несмотря на все эти затруднения, Антверпен быстро превращался в северную опорную базу всех наших служб тыла.

Когда на севере развертывалась эта обнадеживающая операция, на остальном фронте тоже не прекращались бои. 21-й группе армий Монтгомери удалось сосредоточить достаточно крупные силы и 15 ноября, сразу же вслед за падением острова Валхерен, предпринять наступление в восточном направлении. Уже приближалась зима, а войскам 21-й группы армий приходилось действовать на труднодоступной местности. Но все же к 4 декабря они ликвидировали последний очаг сопротивления немцев к западу от реки Маас.

В силу растянутости фронта 21-я группа армий в это время не могла вести дальнейшие мощные наступательные операции в этом районе. Группа армий Монтгомери давно уже поглотила все наличные войска англичан на Британских островах, включая канадскую армию и польскую дивизию. Дальнейшее поступление подкреплений можно было осуществить лишь за счет войск, находившихся на Средиземноморском ТВД. Иное положение было у американцев. В быстром темпе поступали новые дивизии из Соединенных Штатов, и по прибытии на фронт на них возлагалось выполнение ответственных задач. Увеличение американских войск позволяло их командованию расширять район боевых действий и при необходимости сосредоточивать силы на флангах.

Непосредственно к югу от района боевых действий английских войск 22 октября генерал Брэдли ввел в бой американскую 9-ю армию под командованием генерала Симпсона. 16 ноября Брэдли возобновил наступление к Рейну на своем северном участке. Наступление осуществлялось силами 9-й и 1-й американских армий, и ему предшествовала мощная авиационная и артиллерийская подготовка. 1204 американских и

1188 английских тяжелых бомбардировщиков поддерживали это наступление.

В сражение первоначально было введено четырнадцать дивизий, затем вскоре было добавлено еще три дивизии. Тем не менее войска продвигались медленно, боевые действия приобретали затяжной характер. На правом фланге наступавшие войска 1-й армии оказались втянутыми в бои в Хюртгенском лесу, где развернулось одно из самых ожесточенных сражений за всю кампанию. Противник хорошо использовал для обороны лесистую местность, а наступавшие американцы оказались почти в полной зависимости от пехотного оружия. Погода стояла отвратительная. Немцы оборонялись стойко, однако упорство американцев в конечном счете помогло одержать верх. Вспоминая о трудных боях, ветераны американских 4, 9 и 28-й дивизий сравнивали их со сражением в Хюртгенском лесу, которое по ожесточенности и упорству они ставили на первое место.

Несмотря на дальнейшие многочисленные более мелкие, но столь же кровопролитные бои, в ходе которых войска по нескольку дней топтались на месте, выбивая противника с занимаемых им позиций, в целом мы продолжали продвигаться вперед, и 3 декабря 9-я армия подошла к берегу реки Рур.

Около этой реки мы столкнулись с трудной проблемой. Вверх по течению реки Рур, у города Шмидт, находились крупные дамбы. Они представляли для оборонявшегося противника особую ценность. Управляя шлюзами, он мог регулировать уровень воды на реке, и поэтому форсирование Рура с ходу было невозможно, поскольку переправившиеся войска могли быть легко отрезаны от основных сил с выходом реки из берегов и затем уничтожены введенными в бой немецкими резервами.

Сначала мы попытались разрушить эти дамбы с помощью авиации. Однако железобетонные части этих дамб были настолько массивными, что повреждения от бомб оказались ничтожными, и нам не оставалось иного выхода, как овладеть ими путем штурмовой атаки. Поскольку дамбы размещались в сильно пересеченной гористой местности, то наступление на них обещало быть медленным и с большими потерями. 28-я дивизия не смогла добиться успеха, и 13 декабря в мощное наступление на противника, оборонявшего эти дамбы, перешли войска 1-й армии.

Между тем к югу от Арденнского лесного массива 8 ноября начала наступление 3-я армия. Оно было нацелено в общем на Саарскую область и на первых порах развивалось исключительно успешно. Севернее Меца были захвачены плацдармы на правом берегу Мозеля, и в начале второй половины ноября передовые

части этой армии пересекли немецкую границу. Город Мец был окружен и отрезан. 22 ноября этот город капитулировал, однако некоторые из прилегающих фортов упорно сопротивлялись почти до середины декабря.

Наступавшие на правом фланге части 3-й армии быстро подошли к самым сильно укрепленным участкам "линии Зигфрида", которые прикрывали треугольник между Мозелем и Рейном. В этом районе "линия Зигфрида" состояла из двух оборонительных полос. Первая представляла собой сплошную систему препятствий и закрытых огневых точек, но она имела небольшую глубину.

Затем проходила вторая, исключительно мощная полоса обороны, состоявшая из серии полевых укрепленных узлов с взаимной огневой связью, размещенных в линию и на глубину до двух миль. Такая оборона замедлила темп продвижения 3-й армии, а поскольку для уничтожения оборонительных сооружений требовалось огромное количество артиллерийских боеприпасов, то наступление против нее было отложено до создания дополнительных запасов предметов боевого обеспечения.

На юге 6-я группа армий Деверса также осуществляла активные наступательные операции. В течение сентября она наступала в северном направлении в долине реки Роны и вышла на одну линию с 3-й армией в район Вогезских гор. Этот грозный барьер Деверс атаковал 14 ноября, стремясь выйти на равнины Эльзаса. Если бы мы сумели овладеть этим районом, тогда основные силы группы Деверса можно было бы сосредоточить на левом фланге и противнику, защищавшему Саарскую область, пришлось бы обороняться против двух мощных ударов с разных направлений.

Французская 1-я армия возглавила наступление группы армий Деверса и в пределах недели прорвалась через Бельфорский горный проход. Ее передовые части быстро достигли Рейна. Этим самым они обошли немецкую оборону в Вогезах с фланга, что вынудило противника к общему отходу перед наступавшими войсками американской 7-й армии генерала Патча. Войска этой армии, наступавшие на одной линии с французской 1-й армией, столкнулись с большими трудностями при преодолении извилистых проходов в горах. В армии Патча на правом фланге действовал 6-й корпус генерал-майора Эдварда Брукса, а на левом фланге - 15-й корпус генерал-майора Уэйда Хейслипа. Когда немцы начали общий отвод из-за успеха французов, эти корпуса быстро двинулись вперед. Американская 44-я дивизия захватила 21 ноября Саарбург, а 22-го наши войска

прорвались в Рейнскую долину. В этот же день французская 2-я бронетанковая дивизия вступила в город Страсбург, раскинувшийся на берегах Рейна. Противник, следуя обычной практике, почти немедленно контратаковал. Сначала наши наступавшие войска под напором немцев потеряли часть захваченной территории, но затем 44-я дивизия отбила вражеские контратаки и вернула оставленные позиции. На одну линию с 44-й дивизией к этому времени вышла и 79-я дивизия; они вместе быстро начали продвигаться к Хагенау и заняли его 12 декабря.

Во время этих боев я посетил Деверса, чтобы вместе с ним проанализировать сложившуюся обстановку. Для его войск на левом фланге, как мне представлялось, не было никакой непосредственной выгоды спускаться на Рейнскую равнину. Я предложил ему повернуть левофланговый корпус армии Патча на север, чтобы он вошел в соприкосновение с правым флангом армии Паттона на западных склонах Вогезских гор. Этот корпус должен был поддерживать 3-ю армию в ее наступлении на Саарскую область, которое планировалось вскоре возобновить.

На других участках Деверсу было, .конечно, необходимо как можно скорее выйти к Рейну и затем, наступая на север, очистить от противника весь западный берег реки до самой Саарской области. Вместе с тем я предостерег Деверса начинать это продвижение в северном направлении, пока он не избавится от всех войск противника, оказавшихся у него в тылу.

Иногда целесообразно обходить вражеские гарнизоны или просто сковывать их, пока изоляция и нехватка боеприпасов и продовольствия не вынудят их к капитуляции. Однако этот прием обычно применим только в тех случаях, когда войска противника полностью окружены. К тому же при этом всегда отрывается часть наших войск от активных наступательных действий и создаются трудности, если очаг сопротивления образовался в районе, который мы должны использовать в наступательных целях или из которого может исходить угроза нашим линиям коммуникаций. Я уже устал снимать войска с передовой, чтобы держать в узде вражеские гарнизоны в своем тылу, и потому внушил Деверсу, что оставление немцев к западу от реки в верхней части Рейнской равнины, к югу от Страсбурга, определенно создаст для нас позднее серьезные затруднения.

Генерал Деверс считал, что французская 1-я армия, так блестяще действовавшая при прорыве через Бельфорский проход и в наступлении к Рейну, могла легко справиться с остатками немецкой 19-й армии, все еще стоящей перед французами в районе Кольмара. Докладывая обстановку, Деверс сказал мне, что "немецкая 19-я армия прекратила свое существование как

организованная сила". Следовательно, как полагал Деверс, он мог выполнить мои указания по ликвидации немецкой группировки возле Кольмара без помощи 6-го корпуса генерала Брукса. Он считал такую оценку обоснованной, принимая во внимание крупные поражения, которые были нанесены этой немецкой армии. Он приказал находящемуся в долине восточнее Вогезов 6-у корпусу повернуть на север, с тем чтобы он мог взаимодействовать при наступлении на Саарскую область с 15-м корпусом, стоявшим к западу от Вогезов.

Оценка Деверсом возможностей французской 1-й армии в данный момент оказалась излишне оптимистичной. В то же время он, вероятно, недооценивал способности немецких частей упорно обороняться на занятых рубежах. Французская 1-я армия, ослабленная недавними боями, не смогла полностью преодолеть сопротивление немцев в своей полосе наступления, и, таким образом, образовался "кольмарский мешок", в который попала немецкая группировка, оборонявшаяся к западу от Рейна в районе Кольмара. Существование этого очага сопротивления позднее вызвало определенные осложнения для нас.

В последние месяцы 1944 года бои на всем фронте от Швейцарии до устья Рейна приняли затяжной характер. Пехота продвигалась мучительно медленно, пройденное ею расстояние измерялось скорее ярдами, чем милями. В этих условиях пехотные подразделения несли большие потери. Обычно на пехоту во всех видах боевых действий приходится основная часть потерь. Теперь же практически все потери приходились на нее, и их причинял ей не только противник. Находясь под открытым небом, пехотинцы значительно больше, чем другие, страдали от обморожений, ревматических заболеваний ног и простуды. Пехотные подразделения заметно редели изо дня в день. Без солдат, которые под прикрытием завесы артиллерийского огня выполняют повседневные задачи по захвату вражеских укрепленных рубежей, наша наступательная мощь заметно ослабла.

Когда проблема пополнения пехотных частей и подразделений приобрела острый характер, мы стали прибегать ко всякого рода мерам. В военное министерство были направлены обстоятельные донесения о положении дел, с тем чтобы в США сосредоточили усилия на решении этой проблемы. Мы прочесывали все службы тыла, чтобы высвободить там людей и быстро переобучить их для использования в пехоте. При возможности мы заменяли в частях обслуживания здоровых солдат ограниченно годными к военной службе или военнослужащими из женского вспомогательного корпуса.

Генерал Спаатс оказал нам значительную помощь в решении этого вопроса. Десять тысяч солдат были переведены из его авиационных частей в сухопутные войска. Однако все эти меры не обеспечивали достаточных пополнений. Понимая создавшееся положение, генерал Маршалл предложил направлять к нам в первую очередь пехотные части и подразделения подготовленных, но еще находившихся в США дивизий. Маршалл и я надеялись, что тем самым мы сумеем доставить на фронт свежие полки и дать им возможность приобрести ценный боевой опыт при смене измотанной и обескровленной пехоты фронтовых дивизий.

В конечном счете наши надежды оправдались не полностью. По мере того как устанавливалась зима, наши потребности в войсках настолько увеличивались, а наш растянутый фронт поддерживался настолько слабыми силами, что когда прибыли новые полки, то каждый командующий армией часто находил необходимым вместо замены измотанных частей свежими выделять последним специальный участок фронта и поддерживать их той артиллерией, какую могли наскрести в корпусах и в резерве армии.

Такое положение было совершенно ненормальным и полностью нарушало те условия, для выполнения которых новые полки в срочном порядке без тяжелого вооружения перебрасывались из США на Европейский ТВД. Однако обстановка на фронте не позволяла нам поступать иначе, и, хотя при любой возможности мы возвращались к первоначальному замыслу замены потрепанных частей, полностью этот план нам так и не удалось претворить в жизнь. В целом же быстрое появление этих пехотных полков оказало благоприятное влияние на общую обстановку. В критические периоды кампании наличие этих полков позволяло нам сосредоточивать на нужных участках опытные боевые части.

В обеих мировых войнах проблема пополнений пехоты доставляла много тревог американским командующим на фронте. На войне только небольшой процент людей действует на переднем крае в пределах огня легкой артиллерии дивизии. И тем не менее именно на эту категорию солдат и офицеров приходится около 90 процентов всех потерь. Многие из них вскоре возвращаются в строй, но это порождает другую важную проблему в морально-психологическом плане.

Пополнения, будь то вновь прибывшие из глубокого тыла или недавно выписавшиеся из госпиталей, обычно следуют на фронт через пункты пополнений. На этих пунктах происходит смешение ветеранов боев и тех, кто еще не обстрелян и только что прибыл из глубокого тыла. Когда появляется острая потребность в

срочных пополнениях, все образовавшиеся резервы на пункте должны быть быстро направлены на тот участок фронта, где в них больше всего нуждаются. В таких условиях трудно учитывать личные желания военнослужащих. Однако солдаты-ветераны всегда настаивают на возвращении их в свои дивизии, и когда сделать это нельзя, наносится определенный ущерб моральному состоянию солдата. Мы пытались по мере возможности возвращать ветеранов в свои части, однако в критических условиях это правило приходилось нарушать. В конце 1944 года пришлось отказаться от всех этих принципов, когда возникла неотложная потребность в доставке пополнений на наиболее угрожаемые участки.

В конце осени 1944 года, когда наши войска подошли к границам Германии, мы рассматривали вопрос о привлечении нашей авиации к уничтожению мостов через Рейн, от которых зависело существование немецких войск к западу от этой реки. Если бы нам удалось разрушить все мосты, то, как мы считали, в дальнейшем авиация смогла бы настолько ограничить противника в наведении переправ, что он очень скоро был бы вынужден отойти за Рейн. Мы не питали никаких надежд на то, что сможем сами воспользоваться этими мостами позднее. Мы понимали, что, как только немцы примут решение на отход, они тут же уничтожат все мосты. Ну а если и сохранится хоть один из них, то это произойдет лишь случайно.

Причины, побудившие нас отказаться от использования авиации для разрушения мостов, основывались на соображениях экономии боеприпасов и недостаточной эффективности авиации при выполнении такой задачи.

Разрушить только несколько мостов не имело большого смысла. Как мне докладывали, в то время функционировало всего 26 крупных мостов через Рейн, а нужно было вывести из строя по меньшей мере двадцать, иначе цель этого мероприятия была бы достигнута не полностью. Даже при самых благоприятных летных условиях для уничтожения мостов потребуется длительная и упорная бомбардировка. А в этот период года в Европе редко выдаются дни с достаточно хорошей погодой, чтобы можно было бомбить малоразмерные цели с большой высоты; бомбардировка же с небольших высот повлекла бы слишком большие потери самолетов, поскольку противовоздушная оборона у противника была еще очень сильная и эффективная. Следовательно, единственные способ, который мы могли применить для разрушения мостов, сводился к бомбометанию вслепую сквозь облака. Авиационный штаб подсчитал, что для разрушения основного количества мостов потребуется значительно больше

времени и боеприпасов, чем мы можем выделить за счет выполнения других исключительно важных задач.

Одной из таких задач для авиации было уничтожение резервов топлива у противника. К этому времени немцы стали испытывать серьезные затруднения в снабжении войск горючим. Тяжелой бомбардировочной авиации был отдан приказ непрерывно и с максимальной интенсивностью бомбить все нефтеочистительные заводы и хранилища. Эти воздушные налеты оказывали большое воздействие не только на всю военно-экономическую мощь Германии, но и непосредственно на способность ее вооруженных сил вести боевые действия. Каждый немецкий командующий был вынужден всегда составлять планы, исходя из наличия топлива.

Эта бомбардировочная кампания создавала для нас одно из важнейших преимуществ, которым мы пользовались на всем протяжении боев на Средиземноморском и Европейском ТВД. От этого зависела мобильность вражеских войск. Американская армия всегда уделяла особое внимание мобильности своих вооруженных сил и соответственно оснащала их. До появления автомашин наша армия в кавалерии превосходила большинство других армий того времени. С появлением автотранспорта американская армия тут же ухватилась за него, чтобы увеличить мобильность войск. Наше преимущество в этом отношении резко возрастало вследствие применения американской промышленностью методов массового производства. В мире не было другой страны, которая могла бы, как Соединенные Штаты, поставлять, ремонтировать и поддерживать огромнейший автопарк, какой американские вооруженные силы использовали во Второй мировой войне.

В конце ноября и начале декабря 1944 года исключительно малая плотность войск, особенно в полосе наступления группы армий генерала Брэдли, вызывала у нас постоянную обеспокоенность. Для того чтобы обеспечить две наступательные операции, которые представлялись нам важными, мы должны были сосредоточить все наличные силы в районе рурских дамб на севере и на южной границе Саарской области. Это ослабило наши силы в районе Арденн. В течение некоторого времени мы здесь имели в общей сложности не более трех дивизий на фронте в 75 миль между Триром и Моншау. Хотя мой штаб внимательно следил за обстановкой на этом участке фронта, я лично несколько раз совещался с Брэдли по этому вопросу. Мы пришли к заключению, что в районе Арденн мы идем на определенный риск, однако сочли, что было бы неправильно отложить наши наступательные действия по всему фронту только ради

обеспечения своей безопасности, пока не прибудут из Соединенных Штатов все подкрепления, которые позволят довести численность наших войск до максимальной.

Обсуждая этот вопрос, Брэдли особо подчеркнул передо мной факторы, которые, по его мнению, благоприятно действовали в поддержку продолжения наступательных действий. Я решительно согласился с его мнением. Во-первых, он указал на сравнительно небольшие потери союзных войск - в среднем ежедневные потери немцев в два раза превышали наши. Затем, как считал Брэдли, единственным местом, где противник мог попытаться предпринять серьезное контрнаступление, являлся район Арденн. Два участка, где мы сосредоточили войска 12-й группы армий для наступления, находились как раз на флангах этого района. Один участок был к северу от Арденн, где занимали позиции войска генерала Ходжеса; на втором, к югу от Арденн, располагались войска 3-й армии Паттона. Поэтому Брэдли считал, что у нас было исключительно благоприятное расположение, чтобы сосредоточить свои силы для нанесения удара по флангам любой вражеской группировки, которая предпримет контрнаступление в Арденнах. По мнению Брэдли, противник столкнется с большими трудностями в снабжении войск, если он будет стремиться выйти к реке Маас. Ну а если немцы не смогут захватить наши огромные базы снабжения, то очень скоро их положение станет критическим, особенно в периоды, когда погода позволит нашей авиации активно участвовать в боевых операциях. При этом Брэдли показал на карте рубеж, на который, по его мнению, передовые части противника, возможно, могли выйти; как впоследствии подтвердилось, этот прогноз оказался удивительно точным - с максимальной ошибкой в пять миль. В районе, который противник мог захватить в результате внезапного наступления, Брэдли разместил самые незначительные склады. Наши крупные базы снабжения находились у Льежа и Вердена, но он был уверен, что ни к одной из них немцам подойти не удастся.

Брэдли был также уверен, что мы сможем предотвратить форсирование Мааса противником и его выход к крупным центрам снабжения войск, созданным нами западнее этой реки. Следовательно, любая подобная вражеская попытка в конечном счете будет обречена на провал.

В итоге обсуждений мы пришли к общему выводу, что не можем позволить себе сидеть сложа руки, пока немцы совершенствуют оборону и готовят войска к боевым действиям, поскольку, как мы считали, противник, прежде чем признать свое окончательное поражение, предпримет крупное контрнаступление. В заключение Брэдли заметил: "Мы пытались

захватить немцев до того, как они укрылись за "линией Зигфрида". Если они выйдут оттуда и завяжут бои с нами на открытой местности, то это будет только нам на руку".

Брэдли и я были убеждены, что ничто не обойдется нам так дорого, как позволение войскам прекратить активные действия, перейти к обороне и, расположившись на зимних квартирах, ждать прибытия подкреплений из США и Англии.

Это было мое решение - оставить в Арденнах только четыре дивизии, и ответственность за риск возможного глубокого прорыва нашей обороны в этом районе ложилась на меня. Начиная с 1 ноября я мог в любой момент перейти к обороне по всему фронту и, в ожидании подкреплений, сделать занятые нами рубежи абсолютно надежными на случай контрнаступления противника. Мое главное решение сводилось к тому, чтобы продолжать наступление до максимально возможных пределов, и именно следствием этого решения явился ошеломляющий успех первой недели немецкого декабрьского контрнаступления.

В начале декабря 1944 года генерал Паттон со своей 3-й армией готовился возобновить наступление на Саарскую область с таким расчетом, чтобы начать его 19 декабря. Паттон возлагал большие надежды на это наступление, которое могло привести к решающим последствиям; однако, чтобы не оказаться втянутыми в длительную и дорогостоящую операцию, Брэдли и я согласились, что если 3-я армия не добьется крупных успехов в пределах первой недели, то ее наступление придется прекратить. Мы, конечно, понимали, что, если действия войск Паттона окажутся очень успешными, противнику придется снимать войска с других участков фронта и бросать их против 3-й армии. Поэтому успех Паттона, с одной стороны, означал бы для нас ослабление угрозы противника на других участках фронта. С другой стороны - если бы мы собрали значительное количество дивизий и вовлекли их в затяжные кровопролитные бои, то не только не добились бы ничего существенного, но и оказались бы не в состоянии быстро реагировать на действия противника на любом другом направлении. Между тем 13 декабря, как и было запланировано, 1-я армия перешла в наступление на рурские дамбы, однако в него было вовлечено относительно немного сил. Если в ноябре еще появлялись проблески хорошей погоды, то в начале декабря она окончательно испортилась. Туманы и облака практически исключали ведение воздушной разведки. Склоны гор начали покрываться снегом, усилились холода.

Немецкая 6-я танковая армия, которая появилась на нашем фронте, представляла собой наиболее мощный мобильный резерв, остававшийся у противника внутри страны.

Первоначально она появилась на нашем фронте напротив левого фланга 12-й группы армий, вероятно, с задачей воспрепятствовать любым нашим попыткам пересечь реку Рур. Когда в начале декабря пришлось приостановить наступательные действия американцев на этом участке фронта, мы потеряли из виду эту танковую армию и больше никак не могли ее обнаружить. В то время в некоторых разведывательных донесениях выражалась растущая обеспокоенность нашей слабостью в Арденнах, где, как нам было известно, противник наращивал пехотные соединения. Ранее он, как и мы, использовал этот район для отдыха и пополнений выведенных из боя дивизий.

Однако подобного рода разведданные всегда поступают в вышестоящий штаб от разных соединений. Если командующий будет прислушиваться только к тревожным аспектам получаемых данных, то он никогда не выиграет сражения; он будет все время бездействовать, со страхом ожидая предсказываемой катастрофы. В данном случае, как я узнал позднее, человек, который предсказал предстоящее контрнаступление немцев, в решающий момент определил, что у противника было шесть или семь дивизий из свежего резерва, готовых вступить в сражение.

Во всяком случае, осенние бои приняли именно такой характер, какой я предусматривал. Мы все время проводили наступательные операции, ослабляя себя там, где было возможно, чтобы поддерживать давление на противника на других участках. Это дало немцам возможность предпринять наступление против ослабленного участка на нашем фронте. Если предоставление противнику такой возможности будет осуждено историками, то это осуждение должно быть направлено только в мой адрес. Глава 18. Последняя попытка Гитлера

Генерал Брэдли прибыл 16 декабря 1944 года в мой штаб, чтобы обсудить возможности преодоления острой нехватки пополнения пехоты. Едва он вошел ко мне в кабинет, как появился офицер штаба, чтобы доложить о незначительном вклинении противника в нашу оборону на фронте 8-го корпуса генерала Миддлтона и на правом фланге 5-го корпуса генерала Джероу в районе Арденн. Офицер нанес эти участки на мою оперативную карту, и мы с Брэдли стали анализировать возможные последствия активности противника.

Я был убежден, что это наступление не местного характера; было бы нелогично для противника предпринимать попытку небольшого наступления в Арденнах, если, конечно, оно не являлось его отвлекающим маневром с целью привлечь наше внимание к этому участку в то время, как он нанесет сильный удар где-то в другом месте. Такую возможность мы исключали.

На других участках фронта либо мы были настолько сильны, что немцы не могли надеяться на успех своего наступления, либо там не было достаточно важных объектов, которыми он захотел бы овладеть. К тому же нам стало известно, что в последние дни численность немецких войск в Арденнах постепенно увеличивалась. Именно через этот район в 1940 году немцы предприняли крупное наступление, в результате которого изгнали английские войска с континента, а Францию вывели из войны. Тогда наступлением руководил все тот же фон Рундштедт, который и на этот раз был здесь командующим. Возможно, что он надеялся повторить успех, которого добился здесь более четырех лет назад. Мы все время считали, что, прежде чем признать свое окончательное поражение на Западе, немцы попытаются предпринять там отчаянное контрнаступление. Мне и Брэдли казалось вполне возможным, что именно такого рода операцию они и начали здесь.

На севере, где на рурские дамбы наступали войска 1-й армии, генерал Ходжес ввел в бои пока что только четыре дивизии. К югу от Арденн генерал Паттон все еще был занят сосредоточением войск для возобновления наступления на Саарскую область. Брэдли и я были настолько убеждены, что против центрального участка 12-й группы армий началось крупное наступление, что согласились начать некоторое перемещение сил с обоих флангов в сторону Арденн. Это была предварительная мера, скорее предосторожность, предпринятая с целью поддержать 75-мильный участок фронта, обороняемый 8-м корпусом Миддлтона, на тот случай, если наши расчеты относительно намерений немцев окажутся правильными.

Мы вызвали на совещание ряд руководящих офицеров штаба верховного командования союзных экспедиционных сил, в том числе главного маршала авиации Теддера, генералов Смита, Балла и Стронга. Как явствовало из оперативных карт, вывешенных перед нами, на обоих флангах арденнского участка находились основные силы двух американских бронетанковых дивизий, которые располагались довольно далеко от переднего края и могли быть быстро переброшены в нужный район. На северном фланге была 7-я бронетанковая дивизия под командованием генерал-майора Роберта Хасбрука; в армии Паттона на юге такое положение занимали части 10-й бронетанковой дивизии генерал-майора Уильяма Морриса.

Мы решили, что эти две дивизии должны немедленно начать движение в сторону угрожаемого района, точный рубеж выдвижения для каждой из них будет определен позднее генералом Брэдли. Это означало приостановку приготовлений к

наступлению на Саарскую область, и мы знали, что генерал Паттон будет возражать. Всем сердцем он настроился на новую наступательную операцию, которая, по его убеждению, привела бы к крупным успехам. Однако Брэдли и мне было ясно, что складывается именно та ситуация, которая, по нашему убеждению, оправдывала такое решение в силу удачного размещения танковых частей на фланге ослабленного арденнского участка. Мы понимали, что для нас создалось рискованное положение в Арденнах, но шли на этот риск, убежденные, что при возникновении чрезвычайных обстоятельств сможем быстро отреагировать на него. Этот критический момент, по нашему мнению, теперь наступил. Кроме принятия этих предварительных мер, генерал Брэдли тут же предупредил всех командующих в своей группе армий, чтобы они были готовы выделить дополнительные силы для ввода в сражение, которое, по его убеждению, уже началось.

Мы внимательно просмотрели перечень наличных резервов. В числе тех, которые можно было использовать почти немедленно, находился 18-й воздушно-десантный корпус под командованием генерала Риджуэя, размещенный недалеко от Реймса. В состав корпуса входили 82-я и 101-я воздушно-десантные дивизии, уже испытанные в боях соединения. Незадолго до этого они вели тяжелые бои в Голландии и еще не полностью оправились. Более того, они были относительно слабо оснащены тяжелым вооружением, но эти средства Брэдли мог выделить с других участков своего растянутого фронта.

Недавно на театр военных действий прибыла американская 11-я бронетанковая дивизия, а 17-я воздушно-десантная дивизия находилась в Соединенном Королевстве, готовая отправиться на континент, 87-ю пехотную дивизию также можно было доставить в угрожаемый район в пределах приемлемых сроков.

В английском секторе, далеко на севере, Монтгомери готовился к новому наступлению. К этому времени он имел один корпус полного состава, не задействованный в операциях. Мы были уверены, что при наличии таких резервов на любое наступление, предпринятое немцами, мы можем в конечном счете эффективно ответить. Однако мы не питали иллюзий относительно прочности обороны 8-го корпуса и возможности ее глубокого прорыва при сильном ударе. Поэтому мы решили, что если немцы перейдут в мощное наступление, то мы постараемся избежать ввода в бой резервов по частям. В подобных обстоятельствах всегда существует соблазн как можно скорее бросить в бой любое, самое мелкое, подразделение по мере прибытия войск в район боевых действий. Такую привычку имел

Роммель, и это было его слабостью. В условиях крупного наступления подобное использование подкреплений приводит к тому, что они быстро перемалываются под ударами продвигающегося противника. Мы понимали, что, если бы нам в конце концов удалось таким способом остановить продвижение наступающего противника, у нас не осталось бы никаких сил для решительного контрудара. Если же это действительно крупная немецкая операция, то потребуется немедленно оказать помощь 8-у корпусу достаточными силами, чтобы он мог организованно отойти с занимаемых рубежей и сохранить основные силы.

Мы еще раз рассмотрели предельный рубеж, до которого при необходимости мы могли позволить противнику продвинуться, не причиняя себе невосполнимого ущерба. Он проходил перед городами Люксембург и Седан на юге, затем шел вдоль реки Маас на западе и заканчивался перед Льежем на севере. Дальше этого рубежа мы отступать не намеревались и, разумеется, при возможности стремились остановить противника раньше. Погода доставляла нам много беспокойства. В течение нескольких дней наша огромная авиационная мощь не использовалась, поскольку самолеты были прикованы к земле из-за сильной облачности и густых туманов. Мы лишались важнейшего преимущества. Погода благоприятствовала нашему противнику, и это было равносильно тому, что он получал в качестве подкрепления много дополнительных дивизий.

После совещания Брэдли вернулся в свои штаб в город Люксембург, откуда он почти каждый час связывался со мной по телефону в течение последующих нескольких критических дней.

Первоочередная задача Брэдли состояла в том, чтобы доставить подкрепления 8-у корпусу и помочь ему осуществить организованный отход. Одновременно наши штабы должны были приступить к созданию и сосредоточению резервов для действий, которые подскажет нам дальнейшая более точная информация о развитии событий в Арденнах.

В корпус Миддлтона, развернутый по фронту с севера на юг, входили 106-я дивизия генерал-майора Алана Джуонса, 28-я дивизия генерал-майора Нормана Кота и 4-я дивизия генерал-майора Реймонда Бартона. 9-я бронетанковая дивизия под командованием генерал-майора Джона Леонарда также входила в состав этого корпуса.

Утром 17 декабря 1944 года стало ясно, что немцы начали крупное наступление. Они прорвали нашу оборону на фронте 106-й и 28-й дивизий. В штаб стали поступать противоречивые донесения, но было очевидно, что противник, используя значительное число танковых соединений, быстро продвигается в

западном направлении. Все наши разведывательные службы продолжали работать без устали, и вскоре у нас сложилась довольно полная картина относительно силы немецкого удара.

Для наступления фон Рундштедт сосредоточил три армии - 5-ю и 6-ю танковые и 7-ю общевойсковую, -они включали в себя десять танковых и мотопехотных дивизий, а в целом вражеская группировка состояла из двадцати четырех дивизий со средствами поддержки. Некоторые из этих сведений мы получили несколько позднее в ходе сражения, однако к вечеру 17 декабря наша разведка обнаружила семнадцать дивизий. Таким образом, вполне вероятно, что в операции участвовало по меньшей мере двадцать дивизий.

В двух важных аспектах противник добился определенной внезапности. Первым из них был выбор времени наступления. Принимая во внимание тяжелые поражения, которые мы нанесли противнику в конце лета и осенью 1944 года, и те чрезвычайные меры, которые он должен был предпринять, чтобы сформировать новые соединения, мы считали, что он не сможет подготовиться к крупному наступлению в столь короткие сроки. Второй неожиданностью для нас явилась та сила, с какой он начал наступление. Мобильным резервом была 6-я танковая армия - свежее и мощное недавно прибывшее на фронт из Германии объединение, след которого мы потеряли некоторое время назад; однако 7-ю и 5-ю танковую армии мы уже изрядно потрепали в предыдущих боях.

Кроме того, противнику благоприятствовала погода. В течение нескольких дней из-за скверных метеоусловий невозможно было провести воздушную разведку, а без нее мы не могли выявить местоположение и передвижение крупных резервов во вражеском тылу. Мощные оборонительные сооружения на "линии Зигфрида" облегчали противнику сосредоточение сил для наступления. Искусственные препятствия, долговременные огневые точки и стационарные артиллерийские установки на этом оборонительном рубеже настолько усиливали оборону противника, что его командование могло позволить себе выделить большие силы для нанесения контрудара.

Хотя при сравнении сил, вовлеченных с обеих сторон в Арденнское или Кассеринское сражение, представляется просто стычкой, тем не менее между ними существует и некоторое сходство. И тут и там это было наступление отчаявшихся; и тут и там противник воспользовался сильно укрепленными оборонительными позициями, чтобы сосредоточить силы для нанесения удара по коммуникациям союзников в надежде

вынудить их отказаться от планов непрерывных наступательных операций.

Сколь ни внезапными были для нас время и сила этого удара, мы не ошибались ни относительно места его нанесения, ни относительно неизбежности такого шага со стороны противника. Более того, что касается общего реагирования на эти действия противника, то в данном случае у Брэдли и у меня имелся давно согласованный план ответных действий.

Для успешного осуществления нашего общего замысла было крайне важно, чтобы при прорыве вражеских войск мы надежно удерживались на флангах своей обороны. На севере критический район был возле Моншау, где американский 5-й корпус генерала Джероу, входивший в состав 1-й армии, наступал на рурские дамбы в момент, когда началось немецкое наступление. В этом корпусе ветераны 2-й дивизии под командованием генерала Робертсона и новая 99-я дивизия под командованием генерал-майора Уолтера Лейера приняли на себя первоначальный удар немцев. 99-я дивизия была вынуждена беспорядочно отойти, 2-я дивизия действовала с большим мастерством и решимостью, сумев вписать в течение последующих трех дней одну из лучших страниц в историю боевых действии на Европейском ТВД. Эта дивизия продвигалась к рурским дамбам, когда началось наступление немцев. Командующий 1-й армией генерал Ходжес сначала не осознал размера возникшей угрозы и дал указание продолжать наступление. Однако генерал Робертсон на месте вскоре разобрался в сложившейся обстановке и принял соответствующие меры.

Робертсону предстояло выбрать выгодный рубеж, на котором его дивизия могла бы занять прочную оборону и подготовиться к отражению сильных атак. Он успел сделать все это и даже организовал бой беспорядочно отходивших подразделений 99-й дивизии, которая частично влилась в состав его соединения.

Против дивизии Робертсона немцы предпринимали ожесточенные атаки, но ее личный состав упорно оборонялся. Однако ей одной едва ли удалось бы выдержать натиск противника на протяжении полутора суток, если бы не подошли подкрепления.

Особого внимания заслуживают мужественные действия 7-й бронетанковой дивизии возле Сен-Вита. Когда эта дивизия двинулась в южном направлении, обстановка все еще оставалась далеко не ясной. Она шла с целью поддержать левый фланг 8-го корпуса и в конечном счете оказалась в полукольце окружения в Сен-Вите, примерно в пятнадцати милях южнее Моншау. Сен-Вит был важным узловым пунктом в этом районе, и вражеские

передовые части, пытавшиеся вырваться на запад, стремились овладеть им любой ценой. Здесь к 7-й бронетанковой дивизии присоединились остатки 106-й и 28-й дивизий, и они вместе упорно отбивали непрекращавшиеся атаки противника. Действия этой дивизии не только расстроили усилия немцев на севере, но и предотвратили быстрое окружение наших позиций у Моншау.

В итоге непрерывное и сильное давление немцев на 7-ю дивизию стало угрожать ей полным окружением. Немецкое наступление силами нескольких дивизий вынудило ее 20 декабря отойти на запад, в район севернее Сен-Вита. На следующий день 7-й бронетанковой дивизии было приказано отойти еще на некоторое расстояние, чтобы совместно с другими частями занять оборонительные позиции, которые теперь воздвигались на северной стороне образовавшегося выступа. Однако упорная оборона этой дивизии в предыдущие дни не только серьезно нарушила план продвижения передовых частей противника, но и оказала исключительную помощь 2-й дивизии на важном участке у Моншау, пока ей на помощь не подошли 1-я дивизия под командованием бригадного генерала Клифта Аддруса и 9-я дивизия генерал-майора Луиса Крейга. Когда эти три испытанные в боях дивизии заняли там оборону, безопасность наших войск на северной стороне выступа практически была обеспечена.

Еще 17 декабря 82-я и 101-я воздушно-десантные дивизии были выведены из резерва верховного командования и переданы генералу Брэдли. Были также отданы необходимые указания о немедленном использовании 11-й бронетанковой дивизии, только что прибывшей в Европу, и начата переброска во Францию 17-й воздушно-десантной дивизии.

Генерал Ли, начальник огромной службы тыла наших войск, получил приказ силами имевшихся у него инженерно-саперных подразделений подготовить оборону переправ через Маас, в том числе заложить взрывные заряды для уничтожения в случае необходимости мостов. Я не хотел отвлекать для этой работы боевые части. Служба тыла отреагировала на мое указание немедленно, и в районе американских войск начались оборонительные работы на рубеже вдоль реки Маас. Фельдмаршал Монтгомери также принял необходимые меры по прикрытию складов и баз в тылу английских войск.

Несмотря на неудачу в районе Моншау, немцы быстро продвигались на центральном участке прорыва. По мере продвижения вперед немецкие войска стали постепенно разворачиваться на север и северо-запад, что со всей очевидностью указывало на то, что объекты вражеского наступления находятся на этом направлении.

Мы считали, что первой целью противника является захват Льежа. Такое предположение основывалось на том, что, даже если бы немцы поставили перед собой более честолюбивую цель, как, например, овладение Антверпеном, их наступление частично зависело бы от тех материальных ресурсов, которые они, возможно, надеялись захватить в Льеже. С самого начала мы рассчитывали на затруднения немцев в снабжении войск, особенно в доставке боеприпасов, горючего и продовольствия. Даже если бы у противника была такая же эффективная система снабжения, как наша, он все равно столкнулся бы с огромными трудностями в снабжении передовых частей по тем отвратительным в этом районе дорогам, которые к тому же были забиты следовавшими на фронт подкреплениями.

Поэтому мы принимали особые меры предосторожности относительно Льежа, где имелись огромные запасы материальных средств, в том числе топлива и продовольствия. Тем не менее мы были уверены, что противник будет остановлен до того, как подойдет к Льежу. В итоге он действительно так и не приблизился к этому городу. Впоследствии мы узнали, что немцы ставили перед собой в качестве главной задачи захват Брюсселя и Антверпена. Что же касается наших рассуждений относительно трудностей в снабжении наступавших войск Рундштедта, то они оказались правильными.

Генерал Брэдли 17 декабря приказал 15-у воздушно-десантному корпусу, выделенному ему из резерва верховного командования, выдвинуться к Бастони, где уже находился генерал Миддлтон, который считал этот пункт исключительно важным и настаивал на усилении его обороны. Он каждый день связывался по телефону с генералом Брэдли и заявлял, что, хотя Бастонь вскоре может быть окружена противником, этот пункт все-таки следует удержать за собой. Возникла необходимость перебросить 82-ю воздушно-десантную дивизию на север в сторону Ставло, а оборону Бастони организовать силами 101-й дивизии и 8-го корпуса.

В течение 17 и 18 декабря тщательно изучались и анализировались развертывавшиеся события. К вечеру 18 декабря я пришел к заключению, что мы уже имеем достаточную информацию о силах и намерениях противника, общей обстановке и наших собственных возможностях, чтобы составить конкретный план ответных действий. Рано утром 19 декабря в сопровождении главного маршала авиации Теддера и небольшой группы офицеров штаба я выехал в Верден, куда были вызваны генералы Брэдли, Паттон и Деверс. Когда все уселись за длинным столом, я открыл совещание словами о том, что "настоящая

обстановка не грозит катастрофой, а дает благоприятную возможность нанести противнику поражение. За этим столом лица должны быть только бодрые". Импульсивный генерал Паттон выпалил: "Черт возьми, давайте наберемся выдержки и пустим этих... до самого Парижа, а уж затем действительно окружим их и перемелем". Все, в том числе и сам Паттон, заулыбались, а я заметил, что противнику не будет позволено даже пересечь Маас.

Мы внимательно рассматривали сложившуюся обстановку, и я с удовлетворением отмечал, что все присутствующие, будь то командующий или офицер штаба, спокойны и уверены в себе. Я не услышал ни одного высказывания, в котором прозвучали бы нотки тревоги или излишних опасений.

В ситуациях подобного рода обычно имеется два реальных варианта действий для обороняющихся, если, конечно, высшее командование не прикажет со страху начать общий отход по всему фронту. Первый заключается в том, что просто создается надежный оборонительный рубеж вокруг района, подвергшегося вражескому удару. При этом выбирается подходящее естественное препятствие, например, река, и организуется перед ним решительный отпор наступающей стороне. Второй вариант для обороняющихся состоит в том, чтобы самим перейти в контрнаступление, как только будут собраны необходимые для этого силы. Я остановился на втором варианте не только потому, что в стратегическом плане мы были наступающей стороной, а в силу моего твердого убеждения, что, выйдя из укрытия "линии Зигфрида", противник для нанесения по нему удара предоставил нам исключительную возможность, и мы должны были ухватиться за нее как можно скорее. Именно это я имел в виду, когда радировал генералу Монтгомери 19 декабря следующее: "Наше самое слабое место - направление к Намюру. Идея плана заключается в том, чтобы заткнуть бреши на севере и предпринять скоординированное наступление с юга". На следующий день в другой радиограмме я выразился более конкретно: "Пожалуйста, сообщите мне вашу личную оценку обстановки на левом фланге с учетом возможности кое-где отойти, чтобы сократить линию фронта и создать мощный резерв для разгрома противника в Бельгии".

Я уже принял решение, что нам не обязательно начинать контрнаступление одновременно на обоих флангах. На севере, где сила немецкого удара уже ослаблена, мы будем находиться в обороне в течение нескольких дней. Однако на юге мы существенно улучшили бы обстановку, начав как можно скорее наступление в северном направлении. На совещании в Вердене 19 декабря моей непосредственной задачей было договориться о

подготовке этого наступления с юга.

Что касается точного определения исходного района наступления войск и других деталей по организации боя, то это должен был решить генерал Брэдли. Но поскольку армии Деверса нужно было при этом растянуть боевой порядок своих войск на левом фланге, чтобы прикрыть часть полосы 12-й группы армий и тем самым создать для Брэдли дополнительные возможности для сосредоточения сил, я должен был дать соответствующие распоряжения, в том числе относительно общей численности войск, привлекаемых к наступлению, и времени начала боевых действий.

Сначала мы определили, до какого места, по нашему мнению, Деверс мог рассредоточить свои войска на левом фланге, чтобы неоправданно не ослабить правый фланг. Затем нужно было установить размеры сил, которые Паттон мог выделить для контрнаступления, и приблизительное время его начала. Я хотел, чтобы он не предпринимал наступления до тех пор, пока не соберет достаточные силы; наступая, Паттон должен был постепенно и непрерывно углубляться в образовавшийся выступ с юга. Это привело бы к остановке немецких войск к западу от места нашего контрнаступления, поскольку линии коммуникаций этого района в западном направлении были относительно слабыми. Мы установили, что Паттон может начать наступление силами трех дивизий утром 23 декабря, а возможно, и 22 декабря.

Я отдал устные распоряжения на этот счет. Далее мы решили, что, когда войска Паттона достигнут района Бастони, они продолжат наступление, возможно, в общем направлении на Уффализ. Предусматривалась мощная авиационная поддержка этого наступления, как только установится летная погода. Кроме того, я информировал участников совещания, что буду принимать меры по подготовке наступления и на севере, когда там сила вражеского удара выдохнется.

Мы договорились, что Паттон сосредоточит свой корпус в составе по меньшей мере трех дивизий в районе Арлона и оттуда начнет наступление на Бастонь. Я лично предостерег Паттона против несогласованности в действиях наступающих и потребовал, чтобы контрнаступление развивалось планомерно. Вначале Паттон, казалось, недооценивал силу немецкого наступления и с легкостью говорил о порученной ему задаче. Поэтому я счел нужным еще раз подчеркнуть перед ним необходимость выделить достаточные силы и обеспечить тесное взаимодействие между ними.

Мы обсудили вопрос о целесообразности предпринять одновременное наступление против южного фаса выступа

несколько восточнее района наступления войск Паттона. В итоге мы пришли к заключению, что будущие события, возможно, покажут необходимость такого наступления, однако в данный момент нам следует просто обеспечить свою безопасность на этом участке и ограничиться наступлением, предпринимаемым Паттоном.

Директива, изданная в Вердене 19 декабря, определяла в общих чертах план действий на нашем правом фланге. Однако когда Паттон издал свой приказ о наступлении, он со свойственным ему размахом поставил перед войсками задачу, выходящую далеко за рамки той, о которой говорилось на совещании. Но это не имело никакого значения для существа дела, поскольку Брэдли и меня беспокоило обеспечение успешного наступления на район Бастони, а после выхода туда войск Паттона дальнейшие их действия будет определять Брэдли.

"Кольмарский котел" оказывал определенное сдерживающее воздействие, когда принимались наши планы в Вердене. Если бы не существовало этой окруженной группировки, то французская армия могла бы легко удерживать за собой рубежи вдоль Рейна от швейцарской границы и до Саарской области, а это высвободило бы всю американскую 7-ю армию для ее использования севернее этого участка и одновременно позволило бы выделить более существенные силы для поддержки наступления Паттона. Однако "кольмарский котел" создавал явную угрозу нашим войскам в Рейнской долине восточнее Вогезов, и, следовательно, было бы неразумно и опасно снимать с этого района войска.

Деверс получил указание выровнять линию обороны, если это позволит высвободить часть войск, а в случае немецкого удара по левому флангу его войск постепенно отойти, если придется, даже к Вогезам. Северное Эльзасское плато не имело для нас в данном случае никакой ценности. В то время я был готов отдать приказ Деверсу, если возникнет необходимость, отступить до самой восточной оконечности Вогезов. Но я не позволил бы немцам вновь занять Вогезские горы, и этот рубеж был установлен как предельный, который Деверс должен был удержать любой ценой.

Эти указания, разумеется, были доведены и до руководства французской армии, поскольку в них предусматривалась возможность отступления, а при определенных обстоятельствах - даже сдача города Страсбург. Французский командующий сообщил об этом решении в Париж, где оно вызвало большую обеспокоенность в военных и правительственных кругах. Генерал Жюэн, начальник штаба французской армии, прибыл ко мне и стал настаивать на обороне Страсбурга, Я ответил ему, что в настоящий момент не могу гарантировать безопасность этого

города и без необходимости не сдам его. Однако вопрос о Страсбурге беспокоил меня в продолжение всего Арденнского сражения.

К вечеру 19 декабря из полученных в штаб-квартире в Версале донесений было видно, что немецкое наступление быстро развивается через центральный участок выступа и передовые части вражеских войск продолжают разворачиваться в северо-западном направлении. Наступление противника все более отчетливо указывало на то, что он собирался форсировать Маас где-то западнее Льежа и оттуда, как мы считали, после окружения Льежа продолжать движение на северо-запад, чтобы выйти на основные линии коммуникаций наших войск к северу от места прорыва обороны. Нашим войскам на левом фланге явно угрожала более серьезная опасность, и там продолжала нарастать напряженность боев. Более того, не исключалась возможность попытки немцев предпринять наступательные действия и на второстепенных направлениях еще дальше на севере, чтобы вынудить нас к распылению сил и осуществить двойное окружение войск на всем нашем северном крыле. Разведка союзников располагала некоторыми сведениями о том, что противник замышляет подобную операцию в поддержку своих войск, наступающих на основном направлении.

Бои по отражению этого вражеского наступления вскоре стали известны как сражение в Арденнах. Противник быстро прорвал нашу слабую оборону и углубился в нее до пятидесяти миль.

Сражение такого рода вызывает в действующей армии большое напряжение. Его пагубное влияние на моральное состояние личного состава сказывается наиболее остро в войсках, подвергшихся вражескому удару. Перед лицом подавляющей мощи противника, не имея представления о принимаемых командованием мерах для поддержки ведущих тяжелые бои частей, солдаты неизбежно испытывают замешательство и упадок боевого духа.

Столь же велико воздействие, хотя и несколько иного порядка, на высшее руководство армии. Как бы ни были военачальники уверены в своей способности расстроить планы противника и изменить ход событий в благоприятную для себя сторону, они всегда испытывают беспокойство, когда инициатива находится в руках противника, и опасаются, что где-то что-то может произойти вопреки их расчетам. История войн полна примеров, когда неожиданная паника, внезапное изменение погоды или какое-либо другое непредвиденное обстоятельство приводили к срыву самых тщательно продуманных планов и дело

заканчивалось поражением. Было бы необоснованно и неправильно утверждать, что войска союзников не испытывали напряжения и беспокойства в течение первой недели вражеского наступления в Арденнах. Но было бы столь же неправильно преувеличивать степень этого беспокойства и его воздействия на настроение в высших инстанциях союзного командования.

На войне ни один человек никогда не избавлен от напряжения; в сражениях, подобных тому, какое было развернуто немцами в Арденнах, это напряжение достигает максимальных пределов. Однако в хорошо обученных боевых частях каждый умеет трезво воспринимать обстановку. Истерия, порождаемая излишним страхом, встречается только в исключительных случаях. В сражениях такого рода особенно важно, чтобы ответственные командиры проявляли твердость, спокойствие и оптимизм. Они должны разобраться в потоке противоречивых донесений и сделать правильные выводы, а затем, воспользовавшись любой обнаруженной у противника слабостью, завершить дело своей победой. Американские командиры реагировали на немецкое наступление именно таким образом.

Еще на начальном этапе сражения 22 декабря я издал боевой приказ, в котором говорилось следующее:

"...Выйдя из своих стационарных оборонительных сооружений, противник предоставляет нам возможность нанести ему самое тяжелое поражение. Я призываю каждого воина союзных армий проявить теперь образец мужества, решимости и твердости. Пусть каждый руководствуется только одной мыслью - громить врага на земле, в воздухе, громить его везде! Объединенные этой решимостью, с непоколебимой верой в дело, за которое сражаемся, мы пойдем, с Божьей помощью, вперед, к нашей победе!"

К северу от места прорыва нашей обороны находились три союзные армии и часть еще одной армии, располагавшиеся в виде полукруга длиной свыше 250 миль. На левом фланге оборонялась 21-я группа армий фронтом к северу и востоку вдоль нижнего течения Рейна и реки Маас. Южнее от нее стояла американская 9-я армия, развернутая на восток. Затем располагалась часть соединений американской 1-й армии, теперь обращенных лицом к югу, в сторону немецкого вклинения.

Все части, которые можно было взять у 1-й и 9-й армий, теперь сосредоточивались для создания оборонительного рубежа против наступавших с юга немцев. Эти две армии в данный момент не могли выделить никакого подвижного резерва.

Однако резерв имелся в 21-й группе армий Монтгомери. Это был английский 30-й корпус, размещавшийся тогда во фронтовом тылу и готовый для немедленного использования на любом участке нашей обороны для поддержки либо английской и канадской армий, либо американских 9-й и 1-й армий. В результате немецкого вклинения 18 и 19 декабря была прервана нормальная связь между штабом Брэдли в Люксембурге и штабами 9-й и 1-й армий. По этой причине генералу Брэдли стало совершенно невозможно заниматься подготовкой наступления на юге образовавшегося выступа и одновременно поддерживать необходимую связь с войсками на севере, на которые возлагалась задача отражения самых мощных ударов противника.

В таких условиях приемлемым оказалось только одно решение. Оно заключалось в том, чтобы все войска к северу от вражеского вклинения временно подчинить Монтгомери, а Брэдли дать указание, чтобы он все внимание сосредоточил на действиях войск на южном фасе образовавшегося выступа. Так как я верил в прочность союзнического сотрудничества, у меня не было никаких колебаний в принятии этого решения.

В тот же день поздно вечером мне позвонил Черчилль и спросил, как идет сражение. Я сообщил ему о принятых мерах и проинформировал о временной перестройке командной структуры. Он заметил, что мое решение позволит немедленно использовать английский резерв в любом месте, где в этом появится необходимость, независимо от ранее установленных разграничительных линий между союзными войсками, и добавил: "Я заверяю вас, что английские войска всегда сочтут за честь вступить в то же самое сражение, которое ведут их американские друзья".

Изменение в структуре командования было проведено, и все согласились с его необходимостью в тот момент.

К сожалению, после того как сражение закончилось, высказывания Монтгомери на пресс-конференции, а также публикации в английских газетах сообщений репортеров, находившихся при 21-й группе армий, создали у американцев неблагоприятное впечатление, будто Монтгомери претендовал на роль спасителя американских войск в Арденнах. Я не думаю, чтобы Монтгомери имел в виду именно это, но данный инцидент нанес определенный вред. Он причинил мне больше горечи и беспокойства, чем любой другой за всю войну. Я сомневаюсь, чтобы Монтгомери когда-либо осознал, как глубоко были возмущены этим некоторые американские командующие. Они считали, что Монтгомери преднамеренно умалял роль американцев в Арденнском сражении. Однако взаимные

обвинения и упреки, распространявшиеся в течение некоторого времени, были направлены не против разумности первоначально принятого решения о временном переподчинении некоторых американских войск фельдмаршалу Монтгомери, а против той интерпретации, какую американцы давали утверждениям Монтгомери на пресс-конференции и тем газетным сообщениям, которые исходили из штаба 21-й группы армий. Достойно глубокого сожаления, что такой инцидент омрачил всеобщее удовлетворение конечным успехом союзников в Арденнах.

В это же время часть английской прессы вновь подняла старый вопрос о едином командующем сухопутными силами. Фельдмаршал Монтгомери верил в это как в принципиально необходимое дело и даже предлагал быть в подчинении у Брэдли, если я соглашусь. Я был в принципе против введения такой должности и продолжал отклонять подобного рода предложения. Даже генерал Маршалл в телеграмме от 30 декабря по этому вопросу сообщал мне:

"Я не знаю, обратили ли вы свое внимание или нет на появлявшиеся в определенных лондонских газетах статьи с предложением ввести должность английского заместителя верховного командующего по всем сухопутным силам и с намеком, что вы взяли на себя слишком большую задачу. Мое мнение таково: ни при каких обстоятельствах не идите ни на какие уступки в этом вопросе. Я не исхожу из предположения, что вы собираетесь сделать такую уступку. Я просто хочу, чтобы вы знали наше мнение. Вы делаете великое дело и продолжайте его, а всех их пошлите к черту".

В день Нового года я ответил генералу Маршаллу: "Вам нечего опасаться относительно моих намерений ввести должность заместителя по сухопутным силам. После получения вашей телеграммы я просмотрел статьи в английских газетах, на которые вы ссылались. Наши нынешние трудности используются определенной группой газет и их корреспондентами, чтобы отстаивать нечто такое, что фактически не имеет под собой разумной основы. В данном случае немецкое наступление не было связано с разграничительной линией между группами армий, ибо оно пришлось как раз по центру одной из групп. Срочное изменение в системе командования, а именно подчинение одному человеку всех войск на том или другом фланге, было вызвано сложившейся боевой обстановкой. Вклинение противника оказалось настолько глубоким, что Брэдли больше не мог руководить действиями войск на обоих флангах, в то время как единственный резерв, который можно было создать на левом фланге, состоял в основном из англичан.

Следовательно, в результате немецкого вклинения необходимо было организовать самостоятельное временное командование как на севере, так и на юге".

Оборона Бастони явилась не только замечательным боевым подвигом, но и оказала огромное влияние на исход сражения. Этот город находился на общем направлении наступления немецкой 5-й танковой армии. В приказах по этой армии, как мы узнали позднее, указывалось, что в случае обороны Бастони необходимо обойти этот город, а передовые части должны были стремительно идти да запад и затем повернуть на север, чтобы присоединиться к главным силам.

Когда 17 декабря 18-й воздушно-десантный корпус со своими двумя дивизиями был выведен из резерва верховного командования, передан генералу Брэдли и направлен в сторону Бастони, это было сделано не в предвидении того сражения, которое развернулось в этом районе, а просто потому, что город находился на пересечении узловых дорог. Из этого пункта позднее командующий, мог послать войска в любое место, где в них возникнет необходимость. 82-я и 101-я дивизии еще только выдвигались к фронту 18 декабря, когда обстановка на северном фасе выступа ухудшилась настолько, что генерал Брэдли дал указание двигавшейся впереди 82-й дивизии повернуть налево, а 101-й дивизии продолжать свой марш к первоначальному месту назначения - к Бастони. Части 101-й дивизии начали прибывать туда вечером 18 декабря. В течение ночи и дня 19 декабря, пока оборонявшиеся в этом районе изолированные группы наших войск вели боевые действия против немцев, эта дивизия готовилась защитить Бастонь. Утром 19 декабря, совещаясь в Вердене, мы еще не знали, окружена Бастонь или нет, однако сила и направление продвижения немцев в этом районе указывали на то, что это произойдет скоро.

101-я дивизия перешла к круговой обороне. И хотя наступавшие немецкие танковые дивизии обошли город и повели наступление на северо-запад, эта дивизия продолжала сражаться с другими немецкими частями до тех пор, пока ее не деблокировали.

Обстановка на северном фасе выступа в течение нескольких дней оставалась критической. Остатки 7-й бронетанковой дивизии и поддерживавшие ее части 21 декабря были отведены с занимаемых ими открытых позиций возле Сен-Вита после того, как за день до этого они выдержали ужасающую атаку превосходящих сил противника. В последующие дни на северном направлении продолжались ожесточенные бои. Как только Монтгомери был назначен командующим всеми войсками к

северу от места немецкого вклинения, он тут же приступил к созданию группировки американских войск, чтобы позднее она возглавила контрнаступление на этом направлении.

Для выполнения этой задачи был выбран 7-й корпус под командованием генерала Коллинса. Однако в течение нескольких дней по мере прибытия к Монтгомери дивизий этого корпуса их тут же вводили в бои, чтобы предотвратить продвижение противника на критически важных участках.

Размах боев не снижался до 26 декабря, и из всех поступивших разведывательных донесений было ясно, что немцы собирались предпринять по меньшей мере еще одно крупное усилие, чтобы прорваться через нашу оборону в этом районе.

На юге Брэдли начал свое контрнаступление утром 22 декабря. Его войска продвигались крайне медленно, и их маневр затруднялся из-за сильных снежных заносов. Первоначальный удар был нанесен силами 3-го корпуса в составе 4-й бронетанковой, 80-й и 26-й пехотных дивизий. Бои приобрели затяжной характер, который явно был не по душе генералу Паттону. Медленные темпы продвижения не давали каких-либо шансов на внезапный прорыв вражеской обороны. Генерал Паттон несколько раз звонил мне, чтобы выразить свое разочарование ходом боевых действий. На совещании в Вердене утром 19 декабря он намекал на быстрый успех и даже предсказывал, что войдет в Бастонь с ходу. Я отвечал ему, что до тех пор, пока его войска продвигаются, я вполне удовлетворен. Я ожидал, что из-за скверной погоды боевые действия развернутся именно так и что Паттон встретится только с оборонявшимися дивизиями немецкой 7-й армии.

23 декабря погода неожиданно улучшилась, и у нас появилась возможность использовать авиацию над районами боевых действий. Начиная с этого дня испытанные в боях экипажи самолетов наших тактических ВВС стали вновь бомбить наиболее уязвимые места в немецкой системе линий коммуникаций, наносили удары по вражеским колоннам на дорогах, выискивали и докладывали нам о каждом значительном передвижении сил противника. Немцы, взятые в плен после начала действий авиации, с ужасом говорили о разрушениях, вызванных бомбардировкой союзников, и неизменно с горечью жаловались на беспомощность люфтваффе.

26 декабря Паттону наконец удалось прорваться в Бастонь, но сделал он это на узком участке силами левого фланга, что обеспечивало нам очень ненадежную связь с осажденным гарнизоном. Однако после 26 декабря вокруг этого города развернулись действительно тяжелые бои как для самого

гарнизона, так и для войск, прорвавшихся к нему на выручку.

Я планировал выехать для встречи с Монтгомери 23 декабря, но добраться до него самолетом через тыловые районы все еще было рискованно, а езда по дорогам была медленной и ненадежной. Для меня было нежелательно оставлять свой штаб надолго. К счастью, радио- и телефонная связь как с Монтгомери, так и с Брэдли оставалась удовлетворительной, и я мог получать непрерывную информацию о положении на северном и южном участках фронта. Тем не менее я решил совершить ночную поездку по железной дороге до Брюсселя, чтобы встретиться там с Монтгомери, а затем после совещания немедленно вернуться назад. Поезд, на котором я собирался выехать в ночь на 26 декабря, был разбит во время воздушного налета, и мне пришлось задержаться до 27 декабря, пока в спешном порядке не приготовят новые вагоны.

Эта поездка сильно осложнилась из-за больших опасений службы безопасности, что противник заслал в наш тыл специальных диверсантов с целью убить Монтгомери, Брэдли и меня, а также при возможности и других военачальников. Это известие было поразительным. До этого в течение нескольких месяцев я свободно разъезжал по всей Франции в сопровождении ординарца и адъютанта, которые обычно находились со мной в автомашине. Об этих намерениях врага мне доложил 20 декабря один очень возбужденный американский полковник, уве-рявший, что располагает полными и неопровержимыми доказательствами наличия такого плана у немцев. Он очень подробно обрисовал замысел противника, и его выводы подтвердили другие сотрудники службы безопасности. Хотя я и усомнился в достоверности версии относительно плана этих убийств, мне все же пришлось разместиться поближе к штабу. Я жил в городе Сен-Жермен в доме, который до этого занимал фон Рундштедт. Я считал, что немцы слишком остро нуждаются в людях, чтобы направить их в такой обширный район для поиска намеченных жертв, каждая из которых могла быть подменена подставной фигурой. Меня раздражала настойчивость секретной службы, требовавшей, чтобы я ограничил свободу своего передвижения, но я понял, что если не пойду навстречу их требованиям, то они просто привлекут еще больше людей для обеспечения моей безопасности.

Поэтому я обещал выезжать из штаба только тогда, когда возникнет в этом необходимость, но при условии, что численность подразделений охраны будет максимально уменьшена, чтобы солдат можно было использовать на передовой, а не для того, чтобы они слонялись вокруг меня. Мне заявили, что

период особой бдительности заканчивается 23 декабря, однако когда я выезжал в Брюссель 27 декабря, то обнаружил, что железнодорожная станция кишела служащими военной полиции и вооруженными часовыми. Я резко потребовал от офицеров службы безопасности объяснений по поводу такого использования людей, но они заверили меня, что просто собрали на станцию всех тех, кто обычно несет службу поблизости от станции. Тем не менее, когда мы отправились в путь, я обнаружил, что меня сопровождает целый взвод солдат. На каждой остановке - а они часто повторялись из-за снежных заносов - эти солдаты выскакивали из поезда и занимали боевое положение для охраны моего вагона.

Я говорил командиру этого взвода, что считал бы чудом, если бы какому-нибудь тщеславному немецкому диверсанту удалось заранее установить, в каком поезде, в каком именно месте Европы и в какое точно время будет находиться намеченная им жертва. Я рекомендовал ему, чтобы он не выставлял солдат на страшный холод и держал их внутри поезда. В принципе он соглашался со мной, но на него так сильно воздействовали полученные им строжайшие приказы, что сомневаюсь, чтобы я избавил кого-либо из его людей от бесполезной и излишней работы.

Был уже почти полдень 28 декабря, когда я наконец связался с Монтгомери. Дороги находились в таком скверном состоянии, что дальнейшая поездка на автомашине оказалась невозможной. Наш поезд был вынужден следовать длинным, кружным путем до самого Хасселта, где я и встретился с Монтгомери. Он подробно доложил мне о недавних наступательных действиях противника против нашей обороны на севере, показал положение основного резерва и сказал, что вновь начал сосредоточение корпуса Коллинса, который должен был возглавить наступление союзных войск с северного фаса выступа. Он намеревался наступать в направлении на Уффализ.

На этом совещании мы еще не располагали достоверными данными, которые свидетельствовали бы о намерении немцев прекратить атаки на севере. Из имевшихся у Монтгомери данных - а эти данные были правильными, когда он их получил, - у него сложилось мнение, что немцы собираются предпринять по меньшей мере еще одно мощное наступление против северного оборонительного рубежа. Но он был уверен, что сорвет эти усилия противника, и хотел к этому времени подготовить резервы, чтобы бросить их в наступление по пятам отступающего противника. Этот план, разумеется, предусматривал использование самых лучших условий, при которых можно было бы нанести мощный контрудар; единственное затруднение здесь

заключалось в том, что выбор времени такого контрудара зависел от действий противника. Мы с Монтгомери рассмотрели возможность того, что немцы могут вообще больше не предпринимать наступательных операций на севере, но он считал, что противник обязательно сделает еще одну попытку. Если немцы не возобновят атак, сказал Монтгомери, то он воспользуется этим временем для перегруппировки войск, их оснащения и усиления новыми подкреплениями. Основной задачей войск Монтгомери в этот момент будет обеспечение прочности нашей обороны на севере. Немцы все еще находились далеко на юге и не могли пока нанести нам серьезного удара. Единственное, чего нам следовало опасаться, - это непосредственного прорыва нашей обороны вражескими войсками. Мы договорились, что если со стороны немцев не будут предприняты никакие активные усилия, то Монтгомери начнет свое наступление утром 3 января.

В конечном счете на северном направлении противник больше не предпринимал серьезных наступательных действий, поскольку он изменил планы и сосредоточил усилия в районе Бастони. Союзные войска на северном фасе выступа воспользовались этой передышкой, чтобы подготовиться к контрудару, и утром 3 января перешли в наступление согласно плану, принятому на совещании 28 декабря.

Я вернулся в свой штаб 29 декабря. К этому времени сотрудники службы безопасности начали считать, что их опасения относительно замышляемых противником убийств оказались сильно преувеличенными. Хотя они и продолжали еще соблюдать повышенные меры предосторожности вокруг моей персоны, теперь, по крайней мере, я мог выезжать из штаб-квартиры без целого отделения военной полиции, сопровождавшей меня на джипах и разведывательных автомашинах.

26 декабря Паттон пробил очень узкий коридор к окруженному в Бастони гарнизону, а на севере только что была отбита отчаянная атака, которая оказалась последним крупным усилием противника на этом фланге наших войск. К этому времени Бастонь превратилась в серьезную занозу для немецкого верховного командования. Пока этот город оставался в наших руках, ширина немецкого прорыва на запад ограничивалась узким проходом между Бастонью на юге и Ставло на севере. По этой горловине проходила только одна стоящая дорога с востока на запад. 26 декабря немцы начали сосредоточение крупных сил, чтобы нанести удар по Бастони. Они перебросили в этот район войска с северного направления и доставили дополнительные

силы из тыловых районов.

Между тем мы передвинули сюда 11-ю бронетанковую и 17-ю воздушно-десантную дивизии, которые вместе с 87-й дивизией были размещены поблизости от реки Маас на позициях, откуда их легко можно было перебросить в любом направлении. Мы надеялись, что в силу продолжавшихся немецких атак на севере в период между 20 и 26 декабря наши новые соединения, возможно, принесут наибольшую пользу, если их использовать на этом фланге. Однако 27 декабря стало ясно, что теперь немцы направляли главные усилия против Бастони, и 28 декабря я передал эти новые дивизии в распоряжение Брэдли. 11-я и 87-я дивизии были выделены для поддержки войск Паттона на левом фланге чуть западнее Бастони, однако дороги настолько обледенели и покрылись снежными наносами, что эти дивизии не смогли сделать чего-либо существенного. К концу месяца 8-й корпус Миддлтона был полностью восстановлен и вновь повел наступательные бои в направлении на Бастонь. Немцы упорно наступали с севера на район Бастони и не прекращали атак до вечера 3 января.

Несмотря на развернувшиеся в декабре оборонительные бои, мы не переставали разрабатывать планы по возобновлению нашего общего наступления. 31 декабря я направил Монтгомери и Брэдли краткую записку, в которой рассматривались все операции на период, пока мы не достигнем Рейна по всему фронту от Бонна и далее на север.

В ходе Арденнского сражения немцы стали предпринимать отвлекающие удары в Эльзасе. Они осуществлялись некрупными силами, но поскольку мы сами были ослаблены в этом районе, то нужно было внимательно следить за складывавшейся там обстановкой. Я предупредил Деверса, чтобы он ни при каких обстоятельствах не позволил противнику отрезать и окружить какие-либо наши соединения.

Французы продолжали беспокоиться по поводу безопасности Страсбурга. Де Голль 3 января прибыл ко мне. Я объяснил ему обстановку, и он согласился, что мой план по экономному использованию войск в этом районе был правильным с военной точки зрения. Однако он отметил, что еще со времен войны 1870 года Страсбург оставался символом стойкости французского народа; он считал, что даже временная его потеря может привести к глубокому национальному огорчению и, вероятно, к открытому мятежу. Он был очень серьезен в этом вопросе и заявил, что в крайнем случае было бы лучше расположить все французские силы вокруг Страсбурга, даже рискуя потерять целую французскую армию, чем оставлять город без боя. Он

привез с собой письмо, в котором говорилось, что ему придется действовать самостоятельно, если я не выделю войска для обороны Страсбурга. Я напомнил ему, что французская армия не получит ни боеприпасов, ни продовольствия, ни прочего боевого обеспечения, если она не будет подчиняться моим приказам, а затем сдержанно сказал ему, что если бы французы в свое время ликвидировали "кольмарский котел", то и не возникла бы нынешняя ситуация.

На первый взгляд, доводы де Голля, казалось, основывались на политических соображениях, но фактически они проистекали скорее из эмоций, чем из логики и здравого смысла. Однако для меня этот вопрос приобрел чисто военное значение, поскольку дело касалось возможного воздействия на наши линии связи и снабжения, которые шли через всю Францию в двух направлениях. Неспокойствие, беспорядки или мятеж в районах, где проходят линии коммуникаций, привели бы к нашему поражению на фронте. К тому же, когда происходила эта беседа с де Голлем, кризис в Арденнах уже миновал. Теперь уже мы наступали на арденнском выступе, и, стараясь направить 12-й группе армий все силы, какие мы могли взять из других мест, я стремился уже обеспечить полную победу, а не предотвратить наше поражение. Решив внести некоторые поправки в свои приказы генералу Деверсу, я сказал генералу де Голлю, что немедленно дам указание Деверсу отойти только на северном участке его обороны и сосредоточить основные силы в центре, чтобы прочно прикрыть Страсбург. Никаких других частей не будет изъято из 6-й группы армий. Де Голль с большим удовлетворением воспринял это решение и ушел в хорошем настроении, выразив беспредельную веру в мои военные способности.

Когда де Голль пришел ко мне, в нашем штабе случайно оказался Черчилль. Пока я говорил с де Голлем, английский премьер-министр не проронил ни слова. После, того как де Голль ушел, он заметил: "Я думаю, что вы поступили разумно и должным образом".

В ходе боев в Арденнах немецкая авиация пыталась действовать в более широких масштабах, чем в первые дни кампании. 1 января она совершила самый мощный налет за многие последние месяцы. Основными объектами ее бомбардировки были аэродромы союзников, находившиеся как вблизи от арденнского выступа, так и к северу от него. В течение дня немцы уничтожили много наших самолетов, в основном на земле. Наши истребители реагировали решительно на действия люфтваффе, и хотя мы понесли весьма тяжелый, частично

неоправданный урон, противник поплатился почти половиной из участвовавших в налетах самолетов.

Спустя два дня, 3 января, 1-я армия, головную колонну которой составлял 7-й корпус, перешла в наступление на северном фасе арденнского выступа, и исчезла всякая опасность, созданная в свое время крупным наступлением немцев. Начиная с этого момента весь вопрос сводился уже к тому, сумеем ли мы достаточно эффективно прорваться через вражескую оборону и преодолеть снежные заносы в Арденнах, чтобы захватить или уничтожить значительные группировки сил противника, привлеченных к наступлению в Арденнах.

На обоих флангах мы продолжали наступать в направлении на Уффализ, где наши войска соединились 16 января. Однако продвижение было настолько медленным, а сопротивление противника настолько упорным, что основная масса вражеских сил к западу от места соединения наших наступавших армий сумела отойти на восток. По достижении Уффализа обе наши армии повернули на восток чтобы гнать немцев за пределы тех рубежей, которые они занимали до своего наступления в Арденнах. В это время 1-я армия вновь перешла под командование генерала Брэдли. Американскую 9-ю армию на левом фланге американских войск я временно переподчинил 21-й группе армий в соответствии с разрабатываемым нами планом форсирования реки Рур и наступления по сходящимся направлениям к Рейну с целью его форсирования на северном участке фронта. Я надеялся осуществить это наступление к 8-10 февраля, а поскольку войска Монтгомери были все еще растянуты перед подступами к Антверпену, то единственное, что я мог сделать, это выделить для обеспечения такого наступления три армии, включая американскую 9-ю армию.

В Арденнском сражении обе стороны понесли значительный урон. По сведениям наших командующих, за месяц боевых действий с 16 декабря по 16 января потери противника составили 120 тыс. человек. После войны немецкие генералы признали, что их потери в этом сражении составили около 90 тыс. человек, но наша оценка оказалась довольно точной. Противник понес серьезные потери и в боевой технике. В то время, по нашим подсчетам, он потерял до 600 танков и штурмовых орудий, 1,6 тыс. самолетов и 6 тыс. машин. В Арденнском сражении наши сухопутные войска впервые на поле боя использовали снаряды с неконтактным взрывателем. Это новшество в огромной степени повысило эффективность нашей артиллерии.

Наши потери были очень большими, но самый большой урон понесла 106-я пехотная дивизия, которая оказалась на

неподготовленных позициях к моменту немецкого .наступления. Многие ее подразделения оказались отрезанными и попали в плен. Почти такие же потери понесла 28-я дивизия, а 7-я бронетанковая дивизия понесла серьезный урон во время мужественной обороны Сен-Вита. В целом наши потери составили 77 тыс. человек, из них около 8 тыс. убитыми, 48 тыс. ранеными и 21 тыс. пленными или пропавшими без вести. Мы потеряли 733 танка и самоходных противотанковых орудия.

В ходе запланированного на 8-10 февраля наступления мы должны были нанести серию первых ударов и завершить разгром немцев к западу от Рейна. Я хотел как можно скорее перейти в общее наступление, так как был убежден, что в Арденнском сражении противник использовал все оставшиеся у него резервы. Я рассчитывал, что теперь мы встретим сильно ослабленное сопротивление противника из-за понесенных им больших потерь и из-за того, что его войска наверняка охватят уныние и чувство безнадежности. Более того, и это было очень важно, 12 января русские начали давно ожидаемое мощное зимнее наступление. Мы уже получили сообщения об их больших успехах, и было очевидно, что чем скорее мы начнем наступление, тем вероятнее, что немцы не сумеют вновь укрепить западный фронт в своих усилиях избежать поражения. Глава 19. Переправа через Рейн

В течение всего Арденнского сражения мы не прекращали разработку планов по проведению заключительных наступательных операций. Эти операции мы намеревались продолжать непрерывно, до полного разгрома Германии. Их планировалось осуществить в три этапа, начиная с серии ударов по всему фронту с целью уничтожить все немецкие войска к западу от Рейна. Следующая фаза боевых действий охватывала форсирование Рейна и захват крупных плацдармов на восточном берегу. После этого мы намеревались предпринять заключительные наступательные операции, в итоге которых, по нашему убеждению, мы выйдем в центр Германии и уничтожим там оставшиеся силы немцев.

На этом последнем этапе наступательных действий нам предстояло встретиться с частями Красной Армии, идущей с востока, и установить более четкую координацию своих действий с действиями русских. В ходе предыдущих кампаний Объединенный англо-американский штаб информировал нас об общих намерениях советских войск и этим обеспечивалась достаточная координация действий, пока одна зона боевых действий отделялась от другой достаточно большим расстоянием. Однако теперь настала пора обмениваться информацией относительно конкретных планов операций, их целей и времени

осуществления.

В начале января 1945 года с одобрения Объединенного англо-американского штаба я направил в Москву главного маршала авиации Теддера. Ему предстояло договориться по конкретным вопросам координации наших действий. Его сопровождали генерал-майор Гарольд Балл и бригадный генерал Беттс, толковые американские офицеры из штаба верховного командования союзных экспедиционных сил. Теддер получил полномочия передать русскому военному руководству полную информацию относительно наших планов на конец зимы и весну, а также получить аналогичную информацию относительно планов русских.

Нам уже было известно, что русские готовились в ближайшее время начать наступление в западном направлении с исходных рубежей вокруг Варшавы. Мы знали, что они сосредоточили войска для наступления в начале года, но ввиду плохих условий местно2сти и особенно из-за густых туманов и облачности, мешавших использованию авиации, откладывали наступление до установления более благоприятных погодных условий. Через Объединенный англо-американский штаб мы узнали, что, даже если погодные условия не улучшатся, наступление русских начнется не позднее 15 января. Оно началось 12 января и успешно развивалось.

Главный маршал авиации Теддер и его коллеги прибыли в Москву, когда это наступление уже началось. Генералиссимус Сталин и советские военные руководители приняли их с исключительным радушием. Последовал исчерпывающий обмен информацией относительно будущих планов. Генералиссимус информировал нашу миссию о том, что, даже если их нынешнее наступление не достигнет намеченных целей, русские проведут серию непрерывных операций, которые, по крайней мере, не позволят немцам произвести переброску подкреплений на западный фронт за счет снятия частей с русского фронта.

Этот непосредственный контакт привел к тому, что Объединенный англо-американский штаб разрешил мне поддерживать прямую связь с Москвой по вопросам, имевшим чисто военный характер. Позднее в ходе кампании моя интерпретация этих полномочий резко оспаривалась премьер-министром Черчиллем, и это только подтверждало старую истину, что невозможно полностью отделить политику от военной деятельности. В современной войне потребность во взаимодействии между двумя дружественными армиями, наступающими по сходящимся направлениям к общей цели, более острая, чем была в те времена, когда бои велись только на суше,

на небольшом пространстве, глубина которого определялась дальностью огня стрелкового оружия и полевых орудий. Сегодня истребители-бомбардировщики, поддерживающие наступающие войска, постоянно носятся над противником, иногда углубляясь на сотни миль в его тылы. Их задача - поиск и уничтожение вражеских штабов, складов, баз снабжения, мостов и резервов. Еще задолго до того, как две дружественные армии установят контакт между собой, возникает сложная проблема координации действий для предотвращения несчастных случаев и недоразумений между союзническими армиями, разделенными пространством.

Распознавание своих или вражеских сил на поле боя всегда было нелегким делом. В нашей собственной войне между штатами, когда одна сторона была одета в голубую форму, другая - в серую, не раз происходили острые схватки между частями одной и той же армии. В современной войне, когда цвет военной формы во всех армиях устанавливается с расчетом маскировки под окружающую местность, когда на поле боя не увидишь массовых построений войск, как в девятнадцатом столетии, и когда скорость самолетов и машин позволяет наблюдателям производить только мимолетный обзор местности, где замаскировались войска, эта проблема еще больше усложнилась. По мере сближения наших наступающих армий эти вопросы требовали все более детального согласования. Однако в январе 1945 года нам нужно было знать главным образом время и направление следующего наступления русских и разработать основы, которые в будущем позволили бы осуществить сотрудничество на поле боя.

К началу 1945 года результаты нашего авиационного наступления на Германию начали катастрофически сказываться на ее экономике. В итоге значительного продвижения наших войск в Европе была нарушена вражеская система противовоздушной обороны и оповещения, заняты многие районы, в частности с западноевропейскими портами, в которых до этого базировались немецкие подводные лодки, отвлекавшие большие силы нашей бомбардировочной авиации от нанесения ударов по объектам внутри Германии. Другим преимуществом, которым теперь пользовались стратегические бомбардировщики, являлось более надежное их прикрытие истребителями сопровождения. Группы истребителей можно было размещать на передовых аэродромах недалеко от Рейна, и, несмотря на сравнительно небольшой радиус действия этих самолетов, они были в состоянии сопровождать бомбардировщики почти до любой цели на территории держав "оси".

К этому времени авиация добилась больших успехов в уничтожении топливных резервов противника, которые на протяжении многих месяцев оставались главным объектом ударов стратегической авиации. По мере нарастания интенсивности этих бомбардировок у противника возник кризис в транспортной системе на всех фазах его военных усилий. Этот кризис имел определенное влияние на ход боевых действий на суше. Немцам становилось все труднее подвозить на фронт резервы и предметы боевого обеспечения, в то время как их действующие войска постоянно попадали в затруднительное положение из-за нехватки горючего для машин. Аналогичное положение создалось и в немецкой авиации, где обучение новых пилотов приходилось резко сокращать из-за недостатка бензина.

В ходе длительных зимних боев наша разведка стала приносить нам тревожные сведения о том, что немцы добились большого прогресса в разработке реактивных самолетов. Наши авиационные командиры считали, что если противнику удастся ввести в строй эти самолеты в значительном количестве, то он быстро начнет наносить невосполнимые потери союзной бомбардировочной авиации, оперирующей над Германией. В Соединенных Штатах и Англии тоже успешно шли работы по созданию реактивных самолетов, но эти страны еще не продвинулись в этом вопросе настолько, чтобы можно было рассчитывать на эскадрильи таких самолетов ко времени весенней кампании.

У нас оставался только один возможный выход из такого положения посредством бомбардировок попытаться замедлить производство противником этого нового оружия. Нам было известно, что для использования реактивных самолетов требуются более удлиненные взлетно-посадочные полосы. Где бы нами ни был обнаружен немецкий аэродром с такой полосой, он подвергался систематически повторяющимся бомбардировкам. Кроме того, воздушные удары наносились по каждому объекту, где, по нашему мнению, изготовлялись реактивные самолеты. Это в известной мере отвлекало бомбардировочную авиацию от главной цели союзников - уничтожения резервов топлива у противника. Однако к январю 1945 года мы располагали уже такой воздушной мощью, что могли позволить себе это без существенного ущерба для решения основной задачи. Бомбардировочные операции с целью воспрепятствовать производству противником реактивных самолетов имели, по меньшей мере, только частичный успех, поскольку немцам так и не удалось использовать новые самолеты в достаточном количестве, чтобы нанести нам материальный ущерб.

Сведения по всем этим вопросам собирались нашей разведывательной службой, которая ежедневно представляла мне свои расчеты и выводы. В них подчеркивались нараставшие трудности, испытываемые военной машиной Германии, что давало мне и всем моим коллегам основание полагать, что еще одна крупная кампания, проведенная решительно и на широком фронте, явится смертельным ударом для гитлеровской Германии.

Однако среди некоторых высших военных руководителей Англии я встретил значительную и, к моему удивлению, неожиданную оппозицию этому плану.

Взаимоотношения, которых придерживался американский комитет начальников штабов со своими командующими на фронтах, существенно отличались от тех взаимоотношений, какие поддерживались между аналогичными инстанциями в системе английских вооруженных сил. Американская доктрина всегда сводилась к тому, чтобы поставить командующему на ТВД задачу, дать ему соответствующие силы и средства и затем как можно меньше вмешиваться в осуществление его планов. При этом исходили из того, что командующему на месте лучше знать обстановку, чем тем, кто находится за многие тысячи миль от района боевых действий, и что если результаты, достигнутые командующим на месте, окажутся неудовлетворительными, то правильнее будет не советовать ему, не наставлять и не ставить его в затруднительное положение, а заменить его другим человеком.

Английский комитет начальников штабов в Лондоне, наоборот, на протяжении всей войны поддерживал ежедневные контакты со своими командующими на фронтах и требовал постоянной и детальной информации о наличных силах, планах и обстановке. Этот порядок, возможно, был обоснован разумными соображениями, о которых я ничего не знал, но он каждый раз шокировал меня, воспитанного в духе американских военных традиций, когда я узнавал, что английский комитет начальников штабов регулярно требует от своих командующих на фронте представить информацию относительно тактических планов. Например, от английского командующего требовали ежедневно направлять в Лондон донесение с освещением таких данных, какие в нашей системе только в исключительных случаях идут выше штаба армии.

В течение всей войны я отправлял в Лондон и Вашингтон лишь краткие ежедневные доклады об общем положении на фронте с учетом разведывательных данных.

Когда в январе 1945 года я закончил разработку плана заключительных операций, мой друг фельдмаршал Брук

неофициально, но очень искренне высказал серьезные возражения. Они были направлены против, по его словам, запланированного распыления наших сил. Он утверждал, что у нас никогда не будет достаточно войск, чтобы предпринять более одного мощного наступления через Рейн. Следовательно, доказывал он, чтобы обеспечить себе силы для такого наступления, мы должны, учитывая сложившуюся обстановку, перейти к обороне на всех других участках фронта.

Распыление сил - всегда одна из самых грубых ошибок в войне, однако простое понимание этого общеизвестного положения еще не гарантирует правильного применения его.

В тех условиях, какие сложились к январю, немцы располагали большим преимуществом, поскольку они оборонялись на "линии Зигфрида", включая район к северу от Саара. До тех пор, пока мы даем им возможность отсиживаться в этих мощных укреплениях, их способность оборонять большие участки относительно слабыми силами довольно существенна, и в то же время они могут сосредоточивать силы, чтобы сорвать наши наступательные операции на выбранных нами направлениях. Это означало, что значительные силы союзников приходилось бы выделять для прикрытия войск, которые могли вести наступление севернее Рура. Но в этой единственной полосе наступления мы могли материально обеспечить ударную группировку в составе не более тридцати пяти дивизий.

Если бы мы сначала в результате ряда концентрированных и мощных ударов разгромили немецкие силы к западу от Рейна, это привело бы к тому, что мы получили бы оборонительный рубеж по всему фронту, не менее мощный, чем у противника. Мы подсчитали, что, овладев западным берегом Рейна, мы могли бы бросить в наступление по сходящимся направлениям около семидесяти пяти дивизий. Позволив противнику к югу от Рура оставаться на "линии Зигфрида", мы тем самым ограничим себя единственным наступлением силами тридцати пяти дивизий.

Вторым преимуществом нашего плана было то, что позднее, при форсировании Рейна, мы встретились бы лишь с обескровленными немецкими силами. Кроме того, действенность наступления по сходящимся направлениям во много раз усиливается, когда оно сопровождается поддержкой таких мощных воздушных сил, какими мы располагали в Европе в первые месяцы 1945 года. Используя авиацию, мы могли не допустить, чтобы противник маневрировал своими силами, перебрасывая их по своему усмотрению с одного направления на другое для отражения наступления наших войск; мы могли также в любой момент сосредоточить всю нашу авиационную мощь для

обеспечения дальнейшего продвижения наших колонн в любом районе по своему выбору.

Я старательно объяснил фельдмаршалу Бруку, что вовсе не распыляю усилия, а веду кампанию таким образом, чтобы, когда мы будем готовы начать заключительные операции в Германии на другой стороне Рейна, мы смогли нанести такой удар по немцам, что очень скоро последовал бы их полный крах. Овладение западным берегом Рейна на всем протяжении реки было для нас решающим преимуществом: оно позволяло бросить в наступление все основные силы союзников.

Полностью я его не убедил. Он сказал: "Я бы хотел, чтобы 12-я группа армий была развернута к северу от Рура, а английские войска находились в центре", намекая на то, что мои планы были разработаны на основании национальных интересов.

На это я ответил: "Я вовсе не стремлюсь ни американцев, ни англичан бросить в самую гущу сражения, чтобы их там убивали. Я усилил группу армий Монтгомери целой американской армией, поскольку нет иной возможности усилить участок к северу от Рура для быстрого осуществления моего плана. Я не разрабатывал ни одного плана, основываясь на учете того, кому лично или какому народу достанется слава, ибо я должен вам сказать свое мнение на этот счет: никакая слава сражения не стоит той крови, которая пролита в нем".

Фельдмаршал Брук выразил надежду, что все это само собой уладится, на что и я надеялся, но он явно сомневался в способности союзников сокрушительными ударами разгромить немецкие силы, находившиеся между нами и Рейном.

Одновременно с этим мне вновь предложили ввести должность командующего сухопутными войсками, который подчинялся бы непосредственно штабу верховного командования союзных экспедиционных сил. Как и раньше, я отклонил это предложение, убежденный, что наши планы по окончательному разгрому Германии были лучшими из всех, какие можно было разработать. Не говоря уже о моем глубоком убеждении, что предлагаемое нововведение просто бесплодная и ненужная затея, я был полон решимости не допустить никакого вмешательства в точное и быстрое осуществление разработанных нами планов.

В начале января я узнал, что президент, премьер-министр и их советники вновь собираются встретиться с генералиссимусом Сталиным, на этот раз в Ялте. Генерал Маршалл ехал в Европу отдельно от остальной американской группы, и я договорился тайно встретиться с ним в Марселе. Я прибыл туда 25 января, и мы с ним долго обсуждали обстановку, какой она нам тогда представлялась.

В Вашингтоне он слышал недовольные высказывания, со стороны английского комитета начальников штабов по поводу планов, а также предложения ввести единого начальника над всеми сухопутными силами. Я объяснил Маршаллу сложившуюся у нас обстановку и в общих чертах изложил этапы, как мы планировали нанесение поражения Германии. Он полностью согласился со мной.

В то время, однако, мы допустили один просчет в наших планах, основанный на ошибках инженерной разведки. Специалисты провели многочисленные исследования особенностей реки Рейн с учетом статистических данных за длительный период и пришли к заключению, что успешное наступление через Рейн, вероятно, невозможно осуществить раньше первых чисел мая. Об этом было с такой убедительностью доложено мне, что я мысленно согласился с необходимостью отодвинуть сроки и планировал не начинать наше крупное наступление через Рейн раньше этого времени. Но это никоим образом не отражалось на существе наших планов, которые нужно было претворить в жизнь до того, как подойдет время для форсирования реки. Позднее наши саперы существенно изменили свое мнение по этому вопросу, и мы пришли к выводу, что можно форсировать реку, навести мосты и закрепиться на противоположном берегу задолго до наступления мая.

Генералу Маршаллу разумность нашего плана показалась настолько убедительной, что он предложил, чтобы я направил своего начальника штаба генерала Смита на Мальту, где должно было состояться совещание с участием президента, премьер-министра и, соответственно, их штабов до их выезда на конференцию в Ялту. Он заметил: "Я, конечно, могу поддержать вас, просто сославшись на принцип, что такие решения находятся в вашей компетенции. Но ваш план настолько разумен, что, я думаю, для вас будет лучше направить генерала Смита на Мальту, с тем чтобы он мог там дать детальные разъяснения. Их логичность будет убедительной". Я с радостью согласился, так как хорошо знал, что, раз мы имеем там поддержку со стороны Маршалла, никто не станет вмешиваться в разработку наших планов.

Доводы фельдмаршала Брука в этом вопросе основывались только на его убеждениях. Не было никакого основания для его серьезного беспокойства, и это подтвердилось тем фактом, что спустя всего несколько недель разгром немецких армий к западу от Рейна был завершен. Брук стоял вместе со мной на берегу этой реки. Наблюдая, как форсируют ее части 9-й армии и 21-й группы армий, он обернулся ко мне и сказал: "Благодарю бога, Айк, что

вы твердо держались своего плана. Вы были совершенно правы, и я очень сожалею, если мои опасения относительно распыления усилий принесли вам дополнительные заботы. Теперь немцы разбиты. Остается просто вопрос времени, когда они решатся прекратить борьбу. Слава Богу, что вы настояли на своем".

На первом этапе нашего стратегического плана - разгром вражеских сил к западу от Рейна - предусматривалось провести три крупные наступательные операции Первую планировалось предпринять силами 21-й группы армий на нашем левом фланге; вторую - группой армий Брэдли на центральном участке; третью по сходящимся направлениям силами Брэдли и Деверса с целью ликвидировать группировку противника в Саарском бассейне.

Как только 1-я и 3-я армии соединились у Уффализа 16 января 1945 года, Монтгомери вновь занялся подготовкой к первой из этих трех наступательных операций.

В январе, когда немцы отступали после своего провалившегося наступления в Арденнах, я снова обратил взор на "кольмарский мешок". Наличие этого немецкого аппендикса на важном участке нашего фронта все время раздражало меня, и я решил, что его нужно ликвидировать без промедления. Французская 1-я армия начала наступление 20 января, но в условиях скверной погоды не добилась особого успеха. Кольмарскую группировку окружали два французских корпуса, но, решив раз и навсегда избавиться от этой занозы, я выделил Деверсу дополнительные силы, с тем чтобы он мог поддержать французов своим корпусом в составе четырех дивизий. Для этой цели Деверс выделил 21-й корпус под командованием Фрэнка Милбурна в составе 3-й, 28-й и 75-й пехотных и 5-й французской бронетанковой дивизии. Позднее на участке 21-го корпуса были использованы также 12-я бронетанковая дивизия и французская 2-я бронетанковая дивизия. Американский корпус и два французских корпуса атаковали одновременно. Немецкая оборона быстро развалилась. Кольмарская группировка сдалась 3 февраля, а к 9 февраля те из немцев, которые остались в живых в этом районе, были изгнаны за Рейн. В этой операции потери противника в живой силе составили более 22 тыс. человек, большие потери он понес и в боевой технике.

В запланированных операциях против немецких сил, противостоявших нашим войскам, первое наступление должны были осуществить канадская армия из 21 -и группы армий и американская 9-я армия, временно приданная Монтгомери. Канадцы должны были наступать на юг и юго-восток через реку Маас, в то время как 9-я армия Симпсона должна была форсировать реку Рур и идти на северо-восток. Такое наступление

по сходящимся направлениям должно было быстро вынудить оборонявшихся отходить к Рейну.

В этом районе находились некоторые из лучших боевых частей, какие еще оставались у противника, в том числе 1-я парашютно-десантная армия, солдаты которой были хорошо обучены ведению стойкой обороны. Дополнительную трудность на фронте армии Симпсона вызывало то обстоятельство, что рурские дамбы все еще находились в руках противника. Поэтому Брэдли приказал Ходжесу силами 1-й армии как можно быстрее овладеть этими дамбами. 4 февраля 5-й корпус 1-й армии перешел в наступление. На шестой день после упорных боев дамбы были захвачены. Но даже и тогда наши трудности с дамбами не закончились, так как немцы заблокировали шлюзы в таком положении, чтобы выливавшаяся из резервуаров вода в течение нескольких дней поддерживала паводковый уровень воды в реке.

Когда Монтгомери начал готовиться к своему наступлению, он, естественно, хотел, чтобы американская 9-я армия была доведена до максимальной численности. Он обратился с предложением, чтобы Брэдли приказал прекратить наступательные операции 1-й и 3-й армий в районе Арденн, с тем чтобы выделить войска для более мощного сосредоточения на севере. Я отклонил это предложение, поскольку был убежден, что продолжающееся наступление в Арденнах вынуждает противника держать здесь войска. Что еще важнее, я стремился выдвинуть рубежи американских войск вперед в этом районе, для того чтобы, когда подойдет время для участия в крупных, решающих наступательных операциях, войска находились на прекрасных исходных позициях. Я был уверен, что мы сумеем выйти на эти рубежи, не мешая своевременному наращиванию сил 9-й армии.

Я и Монтгомери договорились относительно даты его наступления. Первоначально мы хотели предпринять одновременное наступление канадцев и американцев, поскольку те и другие могли быть готовы к переходу в наступление к 10 февраля. Однако ни он, ни я не сочли разумным ждать, пока спадет уровень воды в Руре. Монтгомери предложил начать наступление канадцев как можно скорее, даже если разрыв будет две недели или больше, прежде чем американская армия сможет вступить в бой. Я одобрил его предложение.

Канадская армия перешла в наступление 8 февраля. Сначала оно развивалось удовлетворительно, однако войска очень скоро оказались в грязи на залитой водой местности и столкнулись с упорным сопротивлением. Продвигались медленно, с большими потерями, а сопротивление усиливалось: немцы начали

перебрасывать свои части из района Рура, чтобы перекрыть пути наступления канадцев. Монтгомери не был особенно огорчен такой переброской немецких сил, поскольку это означало, что когда американцы пойдут в наступление, то оно будет проходить на больших скоростях.

В этот же период я посетил 9-ю армию генерала Симпсона и нашел ее решительно настроенной и готовой к наступлению. Если Симпсон как командующий армией когда-нибудь допустил какую-то ошибку, она никогда не дошла до моего внимания. После войны я узнал, что он на протяжении многих лет страдал серьезной болезнью желудка, но за все время войны я ни разу даже не услышал о его мучениях. Подтянутый, умный, профессионально способный, Симпсон представлял собой именно тот тип командира, который нужен американским солдатам. К сожалению, вскоре после войны болезнь вынудила его уйти в отставку и он не успел получить звание полного генерала, которое, бесспорно, заслужил блестящей работой в вооруженных силах.

Армия Симпсона состояла из трех корпусов, 16-й корпус под командованием генерал-майора Андерсона находился на левом фланге. На правом находился 19-й корпус генерал-майора Реймонда Маклейна. Маклейн был офицером национальной гвардии и вступил в войну в звании бригадного генерала в должности начальника артиллерии 45-й дивизии. Позднее он принял командование 90-й дивизией - во время упорных боев непосредственно после прорыва вражеской обороны в конце июля. Он настолько успешно командовал дивизией, что, когда генерал Корлетт, командир 19-го корпуса, заболел и ушел с должности, Маклейна повысили, назначив его командиром этого корпуса. В центре находился 13-й корпус под командованием генерал-майора Алвана Гиллема-младшего. В последующие дни, с началом наступления канадцев на севере, американцам не оставалось ничего иного, как ждать и быть готовыми начать наступление едва спадет вода в достаточной мере, чтобы можно было навести мосты через реку. Это стало возможным через две недели после того, как канадская армия генерала Крерара перешла в наступление. Симпсон назначил наступление на утро 23 февраля.

После мощной бомбардировки 9-я армия пошла в наступление, как планировалось, и успешно форсировала реку. Вначале войска встретились с серьезными затруднениями из-за сильного артиллерийского огня противника по наплавным мостам и разрушений в городе Юлих, вызванных бомбардировкой и артиллерийским огнем. Наступавшим частям нужно было

пройти через этот город, но, чтобы через него пропустить автомашины, сначала пришлось доставить туда бульдозеры, чтобы те проложили дорогу через груды развалин. 29-я дивизия генерал-майора Чарльза Герхарда, участвовавшая в боях на нормандском побережье в июне, действовала прекрасно, как, впрочем, действовали и 30-я, и 102-я, и 84-я дивизии - тоже участницы десантной операции на побережье Нормандии. Этими тремя дивизиями, соответственно, командовали генерал-майоры Леланд Хоббс, Фрэнк Китинг и Александер Боллинг. Несмотря на задержки, войска Симпсона успешно продвигались, частично потому, что перед тем немцы перебросили значительные силы с этого фронта на участок, где наступали канадцы. Менее чем через неделю 9-я армия захватила Мюнхен-Гладбах, самый крупный немецкий город из всех, что мы заняли до сих пор.

Когда я и Симпсон въезжали в город вскоре после его захвата, я впервые увидел реактивный самолет. Это был немецкий истребитель, летевший на очень большой высоте. Все зенитные орудия, какие имелись поблизости, открыли по нему интенсивный огонь, и очень скоро вокруг нас начали падать осколки разорвавшихся снарядов. Впервые за всю войну здесь я надел стальную каску. Можно было, конечно, остановить джип и укрыться под ним. Во время боев в Африке одного из наших лучших офицеров тяжело ранило падающим осколком от зенитного снаряда, и он более года находился в госпитале на излечении. К счастью, вражеский самолет вскоре покинул этот район.

Теперь немецкие войска в этом районе начали ощущать воздействие мощного наступления по сходящимся направлениям и стали отступать к Рейну. К 3 марта 16-й корпус армии генерала Симпсона, наступавший на левом фланге, вырвался вперед, соединился с канадцами и уже двигался в направлении на Рейн. Весь район быстро очищался от противника. В этом сражении немцы оборонялись вблизи от мостов через Рейн, и поэтому нам не удалось захватить столько пленных, сколько мы взяли в ходе последующих наступательных операций.

Очистив от противника западный берег Рейна на северном участке фронта, Монтгомери теперь должен был подготовиться как можно скорее к наступлению через Рейн. Для этой операции ему потребовались силы, каких 21-я группа армий сама не могла обеспечить. Поэтому я дал указание 9-й армии оставаться в качестве приданной этой группе армий. Когда здесь начали готовиться к наступлению с форсированием Рейна, события к югу от них развивались особенно успешно.

Симпсон перешел в наступление 23 февраля; это послужило

сигналом для Брэдли на центральном участке нашего фронта для начала серии наступательных операций, которые были блестяще и быстро проведены. Тогда у него в оперативном подчинении было только две армии: 1-я - на левом фланге и 3-я - на правом. В результате боев в конце января - начале февраля эти армии овладели выгодными позициями для развертывания в последующем крупного наступления. Первые наступательные действия 12-й группы армий предпринял Ходжес, введя в бой 7-й корпус своей армии, находившийся на левом фланге, одновременно с наступлением 9-й армии Симпсона. Первоначальной задачей 7-го корпуса была поддержка войск, действующих на правом фланге 9-й армии, перешедшей в наступление. В случае успеха это привело бы, вероятно, к оголению правого фланга немцев. Как только это произойдет, 7-й корпус должен будет немедленно повернуть вправо и атаковать немцев во фланг. Тогда и остальная часть армии Ходжеса, обращенная на восток, перейдет в наступление. Еще дальше на юге наступление начнет Паттон с целью окружения и уничтожения противостоящих вражеских сил.

Все шло с точностью часового механизма, 7-й корпус на правом фланге Симпсона быстро получил возможность начать наступление в южном направлении, и с этого момента успех сопутствовал нам по всему фронту.

Сначала 7-й корпус преодолел сильное сопротивление возле канала Эрфт. Он быстро продвигался вперед и 5 марта находился уже в предместьях Кельна. Мы считали, что Кельн, как и Ахен, противник будет упорно "оборонять. Однако наскоро обученные и ошеломленные войска, оборонявшие город, были далеко не такими, как те, с которыми мы встречались на ранних этапах кампании. Во второй половине дня 7 марта Коллинс овладел всем городом. Мы считали, что его корпус будет там занят в течение нескольких дней, ведя решительную осаду, но в результате быстрого захвата города мы могли теперь использовать дивизии этого корпуса для победоносного наступления на юге.

Когда корпус Коллинса успешно развивал свое наступление, Ходжес бросил 3-й и 5-й корпуса в наступление в юго-восточном направлении в сторону Рейна. 7 марта 3-й корпус вышел к Рейну у Ремагена. Здесь он столкнулся с одной из тех счастливых случайностей в войне, которые, если быстро и решительно ухватиться за них, оказывают не поддающееся учету воздействие на будущие операции. Наступавшие американцы обнаружили, что мост Людендорфа через Рейн у Ремагена стоял в исправности.

Немцы, конечно, заранее тщательно подготовились к уничтожению мостов через Рейн. Мост Людендорфа не был

исключением. Однако продвижение американских войск было настолько быстрым, а неразбериха среди оборонявшихся приняла такие размеры, что в группе, ответственной за взрыв моста, возникли нерешительность и сомнения. Оборонявшиеся, очевидно, не могли поверить в столь скорое появление здесь крупных сил противника или, возможно, считали, что следует немного повременить с уничтожением моста, чтобы дать отойти за Рейн тем немецким войскам, которые в большом количестве еще находились к западу от реки.

9-я бронетанковая дивизия под командованием генерала Леонарда двигалась впереди войск, шедших к мосту. Отважная группа из боевого командования "Б" этой дивизии, которое возглавлял бригадный генерал Уильям Хоуг, атаковала мост и предотвратила его полное разрушение, хотя немцы успели подорвать небольшой заряд под мостом.

О неожиданном захвате моста через Рейн доложили Брэдли. Случилось так, что в этот момент в штабе Брэдли оказался офицер из штаба верховного командования союзных экспедиционных сил, и там сразу же стали обсуждать вопрос о том, сколько войск следует перебросить по мосту через реку. Если группировка войск на плацдарме будет слишком маленькой, то немцы уничтожат ее, быстро сосредоточив силы на восточном берегу реки. Брэдли понимал, что если он перебросит через реку крупные силы, то тем самым сможет помешать дальнейшему осуществлению моего основного плана. Поэтому он тут же позвонил мне по телефону.

В тот момент, когда Брэдли позвонил мне, я обедал в своей штаб-квартире в Реймсе с командирами дивизий и корпуса американских воздушно-десантных войск. Когда он доложил, что захватил исправный капитальный мост через Рейн, я едва мог поверить услышанному. Мы с ним часто обсуждали такой вариант как маловероятный случай, но никогда не питали на это особой надежды.

Я почти кричал в телефон: "Сколько у вас войск поблизости, которые вы можете перебросить через реку?"

Он отвечал: "У меня более четырех дивизий, но я решил позвонить вам, чтобы убедиться, что, перебросив их на восточный берег, не помешаю вашим планам".

И я ему сказал: "Хорошо, Брэд, мы думали, что именно такое количество дивизий будет приковано к боям вокруг Кельна, но теперь они свободны, так что действуй и немедленно перебрось через Рейн по меньшей мере пять дивизий и все другое, что необходимо, чтобы прочно удержать плацдарм".

В телефонной трубке я отчетливо услышал радостный голос:

"Именно это я и хотел сделать, но здесь подняли вопрос, как бы это не помешало вашим планам, потому я и решил согласовать вопрос с вами".

Это было для меня одним из радостных событий за все время войны. Крупный успех в войне обычно можно предвидеть за многие дни или недели, но, когда он фактически приходит, командующие и штабы уже не принимают его в расчет и погружены в разработку планов последующих операций. Этот же успех оказался совершенно непредвиденным. Мы пересекли Рейн по стационарному мосту, традиционный оборонительный барьер на пути к центру Германии оказался пробитым. Окончательное поражение противника, которое, по нашим длительным расчетам, должно быть осуществлено в весенней и летней кампании 1945 года, вдруг оказалось теперь, по нашему представлению, не за горами.

Мой энтузиазм распространился на гостей за обеденным столом. Среди них были ветераны успешных воздушно-десантных операций в тылу противника и ожесточенных боев в самых различных ситуациях. Они единодушно и с радостью предсказывали скорое завершение войны. Я уверен, что с этого момента каждый из них направлялся в бой с тем порывом, который возникает от радостной уверенности в скорой сокрушительной победе.

К 9 марта 1-я армия увеличила плацдарм у Ремагена более чем на три мили в глубину. Противнику потребовалось значительное время, чтобы прийти в себя от этой неожиданности и неразберихи, а к тому времени, когда он стал перебрасывать сюда подкрепления для ликвидации плацдарма, наши войска на нем оказались достаточно сильными, чтобы не опасаться поражения. Как обычно, противник бросал в бой каждую часть по мере их прибытия в этот район, однако такая тактика была не в состоянии дать ему какие-либо существенные результаты в борьбе со все более усиливавшейся группировкой на плацдарме.

С того дня, как мы пересекли реку, противник предпринимал отчаянные усилия уничтожить мост Людендорфа. Дальнобойная артиллерия открыла по нему огонь, немецкая авиация предпринимала тщетные усилия разбомбить его. Однако все эти попытки не дали никаких конкретных результатов, и мы продолжали потоком перебрасывать войска на восточный берег реки, одновременно наведя через нее наплавной колейный мост. Сравнительно легко транспортируемый, колейный мост являлся одним из лучших образцов нашего боевого оснащения, способных выдерживать тяжелые боевые грузы. Этот мост можно было навести довольно быстро. Когда генерал Коллинс со своим 7-м

корпусом пересек Рейн, он, естественно, беспокоился, чтобы наплавные мосты были наведены как можно скорее. Он вызвал своего корпусного инженера полковника Мейсона Янга и сказал: "Янг, как я знаю, вы можете навести мост через реку за двенадцать часов. Какой приз вы хотели бы получить от меня за то, что наведете мост за более короткое время?" Янг подумал немного и ответил: "Я не хочу ничего, но если вы сможете пообещать моим саперам пару ящиков шампанского, то мы, конечно, постараемся сделать все, чтобы получить их". "Договорились, - сказал Коллинс, - я добуду это шампанское, если вы наведете мне мост менее чем за двенадцать часов".

Наплавной мост длиной в 330 ярдов был наведен за десять часов и одиннадцать минут. Коллинс с удовольствием выполнил свое обещание. Я слышал, что даже этот похвальный рекорд позднее был перекрыт.

Кумулятивное воздействие немецких усилий против моста Людендорфа в конце концов сделало свое дело. После пятых суток, когда уже были наведены через реку колейные мосты, которые могли полностью обеспечить наши войска на восточном берегу, мы перестали пользоваться мостом Людендорфа. Однако американские саперы упорно и настойчиво продолжали попытки укрепить наиболее слабые места моста, с тем чтобы его можно было использовать в будущем. Но в этом они потерпели неудачу. 17 марта центральный пролет, тот самый, который был частично поврежден во время неудавшейся попытки немцев взорвать весь мост 7 марта, рухнул в реку. Погибло много наших прекрасных саперов, которых нам не удалось вытащить из ледяной воды Рейна.

Переключение пяти дивизий на захват ремагенского - плацдарма в начале марта не повлекло за собой никаких изменений в разработке наших планов по уничтожению немецких армий к северу от Мозеля. В течение всего февраля 3-я армия была занята необходимыми приготовлениями к наступлению в сторону Рейна. 8-й корпус Миддлтона продвигался на восток за Прюм, а 12-й корпус генерал-майора Мантона Эдди взял Битбург. К 23 февраля 20-й корпус генерала Уокера подавил сопротивление противника в районе Саар-Мозель и захватил плацдарм на противоположном берегу реки Саар. Войска прорвались через "линию Зигфрида" и 2 марта овладели городом Трир. Спустя два дня 12-й корпус захватил плацдарм за рекой Киль.

Это послужило сигналом к началу основного наступления 3-й армии, 8-й корпус начал наступление в северовосточном направлении и, прорвав немецкую оборону, 9 марта вышел к

Андернаху-на-Рейне, где соединился с частями 1-й армии, 12-й корпус одновременно с 8-м корпусом предпринял наступление вдоль реки Мозель и вышел к Рейну 10 марта. Эти два корпуса захватили большое количество оружия и боевой техники врага, а когда их головные части соединились, в окружении оказалась целая боевая группировка противника.

Ошеломляющими победами 1-й и 3-й армий был завершен второй этап плана уничтожения немецких войск к западу от Рейна. Теперь оставался только один крупный вражеский гарнизон в Саарском бассейне. Эти войска находились в огромном треугольнике, основание которого упиралось в берег Рейна, а две боковые стороны сходились в точке в семидесяти пяти милях западнее основания. Северная сторона этого треугольника прикрывалась рекой Мозель, а южная самыми мощными участками "линии Зигфрида". Ретроспективно трудно понять, почему немцы, видя, как их армии к северу от Мозеля полностью разваливаются и уничтожаются, не начали быстрого отвода своих сил с уязвимых позиций в Саарском бассейне, для того чтобы использовать их затем в обороне Рейна.

Мы уже не раз в ходе предыдущих кампаний были свидетелями аналогичных случаев, когда действия противника представлялись нам чистейшей глупостью с тактической точки зрения. Я лично считал, что причину такого поведения противника следовало искать в его психологии захватчика: страх, что оставление лишнего метра истерзанной земли приведет к разоблачению гнилого фундамента, на котором зиждется миф о непобедимости. Некоторые из моих штабных офицеров считали, что в Сааре немцы оставались на месте только потому, что слепо верили в оборонительную силу "линии Зигфрида" и такого естественного препятствия, как река Мозель. Кроме того, противник, вероятно, не имел никакого представления о силе 7-й армии, находившейся к югу от Саарского треугольника.

Действия, основанные на подобных соображениях, означают ужасающую глупость со стороны немецких командующих и штабов. Когда они имели свободу действий, то слишком часто проявляли свои способности, и я не могу поверить, что нежелание отвести войска с оголенных позиций мотивировалось военной необходимостью, это были, скорее, действия, основанные на интуиции Гитлера.

В течение первых двух актов драмы перед Рейном, длившейся в течение месяца, я просил группу армий Деверса в основном ограничиться оборонительными действиями после ликвидации "кольмарского мешка". Между тем мы резко усилили его американскую 7-ю армию -под командованием генерала Патча,

доведя ее состав до четырнадцати дивизий, без одной французской и алжирской 3-й дивизий. Таким образом, сцена для третьего акта была подготовлена.

Брэдли нацелился нанести удар по обращенной к нему вершине треугольника и его северной стороне; Деверс подготовился к действиям с южного направления.

План предусматривал предпринять силами американской 7-й армии мощное наступление в направлении на Вормс. Она должна была прорвать "линию Зигфрида" и захватить плацдарм на восточном берегу Рейна. Брэдли должен был наступать через нижнее течение Мозеля, чтобы выйти в тылы немецких войск, обращенных фронтом к 7-й армии. Таким образом мы надеялись посредством наступления по сходящимся направлениям отрезать немецким войскам пути отхода к Рейну и не допустить их отступления за реку. В то время как эти два удара будут наноситься у основания треугольника, 3-я армия своим правым флангом нанесет удар по его вершине.

Наступление началось 15 марта. На южном и западном направлениях наши войска встретили упорное сопротивление противника, обосновавшегося на укрепленных оборонительных позициях, но тем не менее успешно продвигались. Немцы все внимание сосредоточили на этих двух направлениях. Это позволило 12-у корпусу исключительно успешно осуществить наступление на северной стороне треугольника в долине реки Мозель. 14 марта корпус начал форсирование Мозеля и не встретил серьезного организованного сопротивления. Возможно, это объясняется тем, что немцы ожидали наступления 12-го корпуса в северном направлении вниз по Рейну, чтобы соединиться с союзными войсками на восточном берегу у ремагенского плацдарма. Во всяком случае, для немцев было полной неожиданностью наступление этого корпуса в строго южном направлении, и наступавшие войска нанесли глубокий удар по центру обороны Саара.

Положение противника быстро становилось безнадежным. По всему периметру выступа американцы наносили удары и шли вперед, в то время как 12-й корпус генерала Эдди прочно заблокировал почти все пути отхода на восток. Паттон даже не сделал паузы, когда его войска достигли Рейна, и бросил 5-ю дивизию под командованием генерала Стаффорда Ирвина на форсирование реки без каких-либо предварительных приготовлений. Дивизия понесла совершенно несущественные потери для такого рода операции и 23 марта прочно закрепилась на этом, уже втором, плацдарме союзников.

Ликвидация разрозненных групп была быстро завершена, и к

25 марта всякое организованное сопротивление к западу от Рейна прекратилось.

Все эти операции проводились теперь уже по знакомой нам схеме взаимодействия между наземными войсками и ВВС. Наша мощная авиация на широком фронте и на большую глубину наносила удары по многочисленным важным целям, почти парализуя любые маневры противника и уничтожая огромное количество крайне важных для него оружия и боевой техники. Если погода и не идеальна для проведения воздушных операций, то она никогда не была настолько плохой, чтобы полностью приковать авиацию к земле.

В день рождения Вашингтона военно-воздушные силы союзников предприняли операцию в таких огромных масштабах, что она явилась почти уникальной даже для тех районов боевых действий, где число самолетовылетов в день превышало 10 тыс. Эта операция под названием "Кларион" имела целью нанесение единого мощного удара по транспортной системе Германии; объекты для ударов были выбраны таким образом, чтобы причинить максимальный урон врагу. Девять тысяч самолетов, поднявшихся с аэродромов Англии, Франции, Италии, Бельгии и Голландии, участвовали в этом воздушном налете; объекты бомбардировки находились почти во всех критически важных районах Германии. Противник реагировал слабо: его авиация была, очевидно, не в состоянии эффективно противодействовать самолетам союзников. Эта наиболее продуманная и успешная операция явилась одной из вех в длительной воздушной кампании по подрыву способности Германии вести войну.

Одной из заметных особенностей кампании в конце зимы явилось исключительное совпадение хода событий с разработанными планами. Обычно в крупной операции с привлечением к ней такого количества войск, осуществляемой на столь большом фронте, контрдействия противника и непредвиденные обстоятельства вынуждают постоянно вносить в планы поправки. Данная кампания в этом отношении явилась исключением. Точное совпадение хода событий с планами объяснялось, во-первых, огромной воздушной и наземной мощью союзников; во-вторых, возросшим мастерством как войск, так и командиров взводов, батальонов и дивизий; в-третьих, усиливавшимся унынием и неразберихой в рядах оборонявшихся. Гитлер частично заплатил за сражение в Арденнах ценой сокрушительных поражений, которые он потерпел в феврале и марте 1945 года.

Войска направлялись в бой с приказом захватить плацдарм на восточном берегу Рейна при появлении малейшей возможности.

Все были предупреждены, что не исключается, хотя и маловероятна, возможность захватить исправный мост через Рейн. Наша большая удача у Рема-гена ускорила приближение краха Германии, но не имела никакого реального воздействия на бои, которые тогда проходили к западу от этой реки.

Одно небольшое изменение в планах произошло во время боев в Сааре. Разграничительная линия между группами армий Брэдли и Деверса проходила прямо через поле сражения. Это было сделано преднамеренно, чтобы дать возможность 7-й и 3-й армиям использовать всю силу наступления по сходящимся направлениям на этот укрепленный район. Когда развернулось сражение, у 3-й армии Паттона появилась возможность овладеть объектами, находящимися в полосе действий 7-й армии Патча, которые Деверс считал невозможным захватить. В этот момент я оказался там и на месте дал указание внести соответствующие изменения в разграничительную линию, особо отметив необходимость обеспечения тесной связи между армиями в этом вопросе. Незначительность этого небольшого изменения иллюстрирует точность, с какой штабы предопределяли вероятность хода событий.

Во время этой месячной кампании число пленных в среднем достигало 10 тыс. в день. Это означало, что двадцать полнокровных дивизий были изъяты из немецкой армии, не говоря уже об обычных потерях убитыми и ранеными. Противник понес большие потери в боевой технике и снаряжении, потерял важные промышленные районы с источниками сырья.

К этому времени у нас уже имелась административно-тыловая служба, способная справиться с таким количеством военнопленных, и эти пленные только временно становились помехой войскам при маневре или в наступлении. Мы прошли большой путь с того времени, когда в Тунисе неожиданное пленение 275 тыс. солдат и офицеров войск держав "оси" вынудило меня довольно горестно заметить двум моим оперативным офицерам Руксу и Невису: "Почему какой-нибудь штабной колледж никогда не объяснил нам, как поступать с четвертью миллиона военнопленных, которых невозможно вывезти по железной дороге и которых так трудно охранять и кормить?"

К 24 марта на ремагенском плацдарме находилась американская армия из трех корпусов полного состава, готовых нанести удар в любом направлении. Далее к югу 3-я армия успешно форсировала Рейн, и теперь в этом районе не было такой силы, которая могла бы воспрепятствовать созданию нами новых плацдармов почти по желанию.

Непосредственно к северу от ремагенского плацдарма проходила река Зиг, которая огибала рурский регион с юга. Обеспечение безопасности Рура было настолько важно для военной машины Германии, что противник поспешно собрал вдоль реки Зиг все силы, которые можно было выделить с других угрожаемых участков на западе, так как немцы решили, что мы нанесем удар прямо по Руру со стороны Ремагена.

В этой обстановке Гитлер вновь прибег к своей старой практике смены командующих: фон Рундштедт был отстранен от командования, и ему больше уже не пришлось участвовать в войне. Этот фельдмаршал, которого мы считали способнейшим из немецких генералов, командовал на западе, когда мы высадились в Нормандии в июне 1944 года. Оказавшись не в состоянии сбросить союзников обратно в море, как ему приказал Гитлер, он был снят через три недели после нашей высадки и заменен фон Клюге. Однако последний добился не больше, чем его предшественник, и Гитлер вновь решил произвести изменения в командовании. Он снова вернул фон Рундштедта к руководству войсками на западе. В то время мы понимали, что непосредственным поводом для этой второй перестановки в руководстве явилось убеждение, что фон Клюге участвовал в заговоре 20 июля против Гитлера.

Теперь Гитлер решил доставить сюда из Италии фельдмаршала Кессельринга. Глава 20. Наступление и окружение

В то время когда Монтгомери на севере вел первые февральские и мартовские бои по уничтожению немецких войск к западу от Рейна, со Средиземноморского театра военных действий началась переброска дополнительных канадских и английских войск для 21-й группы армий. Операция под кодовым наименованием "Голдфлейк" предусматривала переброску сюда одного канадского корпуса из Италии и одной английской дивизии с Ближнего Востока. Значительная часть этих войск была высажена в Марселе и по линиям коммуникаций союзников добралась до места назначения на левом фланге нашего фронта. Эта трудная переброска войск была проведена штабами умело. Таким образом, когда Брэдли и Деверс наносили удары, в итоге которых был очищен от противника западный берег Рейна, Монтгомери на севере мог рассчитывать на скорое прибытие пополнений ко времени завершения им приготовлений к форсированию Рейна.

Монтгомери всегда оставался мастером методической подготовки войск к поэтапному наступлению. В данном случае он провел самые тщательные приготовления, так как нам было известно, что как раз севернее Рура противник держал лучшие из

оставшихся у него войск, в том числе части 1-й парашютно-десантной армии.

Удар планировалось нанести четырьмя дивизиями - двумя из состава 21-й группы армий и двумя из приданной этой группе американской 9-й армии. Наступление этих дивизий поддерживали высаживающиеся в тылу противника американская 17-я и английская 6-я воздушно-десантные дивизии. Обычно воздушно-десантные войска вводились в боевые действия перед началом наступления наземных войск таким образом, чтобы добиться максимальной внезапности и вызвать неразбериху среди обороняющихся сил. В данном случае Монтгомери планировал обратный порядок. Он решил форсировать реку под прикрытием ночной темноты, а на следующее утро высадить воздушные десанты. Было также обычным выбрасывать воздушно-десантные войска на значительную глубину в тыл противника, где они, как считалось, встретят слабое противодействие, а это даст им время собраться и начать решительные действия по уничтожению штабов, блокированию переброски резервов и созданию общей паники. Однако в этой операции планировалось высадить две дивизии на такую глубину от переднего края противника, чтобы они не оказались под огнем нашей собственной артиллерии. С этих позиций десантники должны были начать разрушение вражеской системы артиллерийского огня, а затем непосредственно участвовать в общем сражении. Были тщательно разработаны меры по дымовой маскировке форсирования реки, а также сосредоточено большое количество артиллерии для огневой поддержки переправы. Река Рейн представляла собой грозное препятствие, особенно на ее северном участке. Она была широкой и коварной, и даже уровень воды в ней и скорость течения противник мог изменить, открыв плотины впадающих в нее восточных притоков. Были подготовлены специальные разведывательные группы и группы оповещения на случай возникновения такой угрозы. Форсирование этого труднейшего препятствия напоминало бой за высадку десанта, только здесь войска шли в атаку с одного берега реки на другой, а не с борта корабля.

Изучив условия, мы пришли к выводу, что участие в операции военно-морских сил просто необходимо. Нам нужны были суда довольно крупных размеров для переброски через реку танков и пехоты первого эшелона, поэтому флот начал переброску на фронт десантных катеров для перевозки боевой техники, катеров для перевозки пехоты и автотранспортных средств. Часть из них была доставлена водным путем, однако многие из них пришлось перебрасывать по дорогам Северной Европы. Для этой цели были

построены специальные прицепы, и эти суда, некоторые до 45 футов длиной и 14 футов шириной, были успешно доставлены по суше для участия в наступлении.

Штатную численность 21-й группы армий в момент начала наступления составляли 15 дивизий. С двумя воздушно-десантными дивизиями и 9-й армией Симпсона в оперативном подчинении Монтгомери находилось 29 дивизий и 7 отдельных бригад. Однако не все из них могли быть сразу введены в наступление в восточном направлении, поскольку Монтгомери нужно было прикрывать левый фланг, вытянувшийся в западном направлении по Рейну до Северного моря. Дополнительные войска Британской империи со Средиземноморского театра военных действий находились в пути, чтобы присоединиться и нему.

Атаке, назначенной в ночь на 24 марта, предшествовала мощная артиллерийская подготовка. На фронте двух американских дивизий в артиллерийской подготовке участвовало до двух тысяч орудий различных калибров. Мы с генералом Симпсоном нашли удобное место на колокольне одной старой церкви, чтобы оттуда наблюдать за артиллерийской подготовкой. Поскольку батареи разместились на ровной местности западного берега Рейна, то можно было видеть вспышку каждого выстрела. Стоял непрерывный грохот. Между тем штурмовые подразделения пехоты подходили к кромке берега, чтобы погрузиться на катера. Мы разговаривали с некоторыми из людей и нашли настроение войск бодрым и решительным. Для поднятия боевого духа ничто не может быть лучше серии крупных последовательных побед. Тем не менее я заметил одного молодого солдата, который, казалось, был в подавленном состоянии и молчал.

"Как ты себя чувствуешь, сынок?" - спросил я.

"Генерал, - ответил он, - я ужасно нервничаю. Два месяца назад я был ранен и только вчера вернулся из госпиталя. Я чувствую себя не особенно хорошо".

"Ну что ж, - сказал я, - тогда мы с тобой составляем хорошую пару, ведь я тоже нервничаю. Но мы готовили это наступление долгое время, мы подучили все самолеты, орудия и воздушно-десантные войска, которые можем попользовать, чтобы разгромить немцев. Может быть, если мы просто вместе пройдемся до берега реки, то это будет хорошо для каждого из нас".

"О нет, генерал, - сказал он, - я имел в виду, что был нервозен; больше я уже не нервничаю. Мне кажется, что здесь не так уж плохо".

Я его отлично понял.

Наши приготовления к форсированию Рейна севернее Рура проводились настолько неторопливо и основательно, что противнику не стоило особого труда понять их значение. Мы рассчитывали на упорное сопротивление, поскольку могли надеяться на внезапность только в смысле выбора времени и силы удара. В частности, мы думали, что противник будет иметь большое число орудий и попытается остановить наши войска у кромки воды с помощью артиллерийского огня.

Однако такого сопротивления мы не встретили. Потери в 30-й и 79-й американских дивизиях, осуществлявших атаку на фронте 9-й армии, составили всего 31 человек за время фактической переправы. Дивизии находились в составе 16-го корпуса генерала Андерсона.

В течение остальной части ночи мы получили серию обнадеживающих донесений. Повсюду высадка прошла с полным успехом. У нас появилась надежда, что мы сумеем очень быстро продвинуться в восточном направлении на такую глубину, что дороги, ведущие к Руру, будут перерезаны.

С наступлением дня мы направились на удобную возвышенность, чтобы оттуда наблюдать за подходом воздушно-десантных частей, выброска которых должна была начаться в десять часов. Воздушно-десантные войска доставлялись к месту десантирования на 1572 самолетах и 1326 планерах, в полете их сопровождали 889 истребителей, а 2153 других истребителя обеспечивали прикрытие войск в районе форсирования, образуя защитную преграду с восточной стороны.

Туман и дым над полем боя ограничивали возможности наблюдения за десантированием с воздуха, но кое-что все же было видно. Огнем зенитной артиллерии несколько самолетов было подбито, но в основном после того, как они уже выбросили парашютистов. Когда самолеты разворачивались и уходили из района высадки, они, вероятно, оказывались в зоне наиболее сильного и точного зенитного огня. Подбитые самолеты все же дотягивали до расположения своих войск, где и падали на землю, а экипажам в большинстве случаев удавалось спастись с парашютами. Даже при этом наши потери в самолетах оказались меньше, чем мы ожидали. Операция "Варсити" (кодовое название воздушно-десантной фазы наступления) была наиболее успешной за всю войну воздушно-десантной операцией.

Утром я встретился с премьер-министром и фельдмаршалом Бруком. Черчилль всегда находил возможность оказаться поблизости от места событий, когда собирались проводить какую-либо особо важную операцию. В то утро Черчилль был доволен, как и все мы. Он то и дело повторял: "Мой дорогой генерал,

немец разбит. Мы его доконали. С ним покончено". Премьер-министр просто говорил вслух то, о чем мы думали и чем делились друг с другом. Именно в это утро фельдмаршал Брук также выразил свое огромное удовлетворение тем, что февральско-мартовские операции были осуществлены так, как их планировал штаб верховного командования союзных экспедиционных сил.

Около полудня 24 марта мне нужно было срочно выехать в штаб генерала Брэдли, чтобы обсудить с ним некоторые важные вопросы по операциям 12-й группы армий. Когда я выехал из района десантирования, премьер-министр уговорил одного командира на месте переправить его на противоположный берег Рейна на одном из катеров для перевозки танков. Ему, несомненно, доставило огромное удовлетворение самому ступить на восточный берег традиционного барьера Германии. Возможно, что этим он символически хотел подчеркнуть окончательное поражение врага, который пять лет назад прижал Англию к стене. Однако будь я на месте, премьер-министру не было бы разрешено пересечь Рейн в тот день.

Как стало обычным у нас, военно-воздушные силы приняли самое активное участие в наступлении. В течение нескольких дней, предшествовавших 23 марта, мы подвергали непрерывной бомбардировке широкий круг объектов и целей в районе будущего форсирования Рейна. Главными среди них были аэродромы, причем особое внимание уделялось тем, с которых, по нашему мнению, могли взлететь немецкие реактивные самолеты. Начиная с 21 марта мы постоянно бомбили именно такие аэродромы. Взлетно-посадочные полосы оказались в воронках от разрывов бомб, а самолеты уничтожались прямо на земле. Эти действия носили решительный характер: в день атаки союзная авиация совершила около 8 тыс. самолетовылетов и встретила в воздухе в общей сложности не менее 100 вражеских самолетов. В течение всего этого периода стояла отличная погода, видимость для действий авиации была превосходной.

24 марта мы также осуществили ряд отвлекающих воздушных операций, чтобы предотвратить сосредоточение противником истребителей в районе нашего наступления. 150 бомбардировщиков из 15-й воздушной армии, находившейся в Италии, совершили налет на Берлин, пролетев для этого полторы тысячи миль. Другая группа бомбардировщиков, поднявшись тоже с аэродрома в Италии, подвергла бомбардировке вражеские аэродромы на юге Германии. Задолго до этого наступления английское бомбардировочное командование, первоначально занимавшееся только ночными бомбардировками, также начало

регулярно участвовать в дневных налетах. Под прикрытием нашей армады истребителей оно могло безопасно действовать в дневное время, и это резко повысило точность бомбовых ударов. 24 марта бомбардировщики этого объединения появились над районом нашего наступления, чтобы нанести удары по железнодорожным узлам и топливным объектам в Руре и прилегающих к нему районах.

Операция 24 марта решила судьбу Германии. Мы уже имели два плацдарма южнее нынешнего района наступления. Однако в каждом случае при захвате этих плацдармов нам сопутствовали внезапность и счастливая случайность. Нынешняя операция на севере проводилась в условиях максимального противодействия, какое противник мог оказывать повсюду на рубеже вдоль реки. Более того, эта операция проводилась у самой границы Рура, и в результате успешной высадки на восточном берегу Рейна наши войска вышли на удобные позиции, чтобы лишить противника возможности использовать значительную часть этого огромного индустриального комплекса.

Между тем несколько южнее события развертывались тоже стремительно. Первой задачей Брэдли был захват прочного плацдарма в районе Франкфурта, чтобы оттуда можно было предпринять наступление крупными силами в направлении на Кассель. У Касселя мы рассчитывали встретиться с войсками Монтгомери, наступавшими севернее Рура, и тем самым завершить окружение всего этого района.

С того момента, как генерал Паттон в ночь на 22 марта перебросил через Рейн американскую 5-ю дивизию, он упорно расширял, захваченный плацдарм. К вечеру 24 марта размеры плацдарма составляли 9 миль в длину и 6 миль в глубину, а продвигавшиеся части захватили 19 тыс. пленных. Теперь уже на восточном берегу находился весь 12-й корпус, а его 4-я бронетанковая дивизия неслась вперед в бешеном темпе и 25 марта захватила в исправном состоянии мост через реку Майн у Ашаффенбурга.

Плацдарм у Ремагена со времени его захвата продолжал расширяться, несмотря на повторявшиеся атаки противника, предпринимаемые небольшими силами. Генерал Ходжес бросил в этот район 3-й, 5-й и 7-й корпуса. К вечеру 26 марта немецкие части, находившиеся к северу от этого плацдарма, были оттеснены за реку Зиг, где их ожидала крупная атака с нашей стороны. Однако немцам было суждено в районе Ремагена получить еще один сюрприз. Как только американские войска прочно закрепились на ремагенском плацдарме, Брэдли и я приступили к разработке планов с целью извлечения

максимальной выгоды из сложившейся здесь обстановки. На фронте 12-й группы армий Брэдли мы собирались осуществить наши основные переправы там, где Паттон захватил плацдармы, поскольку это был наиболее подходящий район, откуда можно было начать мощное наступление с целью окружения Рура. Из района Ремагена мы, конечно, могли повернуть 1-ю армию на север и северо-восток, чтобы нанести прямой удар по Руру. Но это потребовало бы проведения фронтальной атаки через реку Зиг и не привело бы к крупному и полному окружению этого района, что составляло существенную особенность нашего основного плана. Поэтому мы с Брэдли решили направить войска с ремагенского плацдарма на юго-восток, чтобы они соединились у Гисена с наступавшими войсками Паттона. Таким образом, все войска Брэдли оказались бы сосредоточенными на решении этой задачи, и мы были уверены, что в этих условиях верный и быстрый успех последующей операции был бы обеспечен.

26 марта началось наступление из района ремагенского плацдарма, 5-й корпус, теперь уже под командованием генерал-майора Клеранса Хюбнера, быстро продвигаясь на юг, захватил Лимбург. Эти мощные удары Ходжеса и Паттона по сходящимся направлениям завершили деморализацию противника в этом регионе.

8-й корпус Миддлтона, входивший в состав 3-й армии, все еще располагался к западу от Рейна, растянувшись вдоль реки севернее Браубаха, где из-за обрывистых берегов форсирование Рейна в условиях противодействия со стороны немцев казалось почти невозможным. Тем не менее корпус предпринял попытку форсировать реку, и, несмотря на острую и решительную реакцию противника в начале форсирования, попытка завершилась успехом. Корпус получил, таким образом, возможность идти на прямое соединение с нашими наступавшими войсками. К 29 марта Франкфурт был очищен от противника, а головные бронетанковые колонны неслись вперед по направлению к Касселю.

Еще южнее к наступлению присоединилась 7-я армия Патча. Пока эта армия была занята в операциях в Сааре, оборона противника по линии Рейна в этом районе считалась достаточно сильной, и для обеспечения успеха форсирования реки необходимо было выделить дополнительно воздушно-десантные войска. Для этой цели американской 13-й воздушно-десантной дивизии было дано указание подготовить соответствующий план действий. Однако после краха в Сааре в стане противника началась такая неразбериха, что использование воздушно-десантной дивизии для обеспечения успеха переправы через Рейн

было сочтено излишним, 15-й корпус генерала Хейслипа, входивший в состав 7-й армии, форсировал Рейн возле Вормса 26 марта. Противник оказал упорное сопротивление, но оно было быстро подавлено, и 27 марта корпус полностью переправился на противоположный берег. 7-я армия немедленно перешла в наступление и после соединения с частями 3-й армии продолжала наступление на Мангейм. Последняя переправа через Рейн в условиях противодействия со стороны немцев была осуществлена 1 апреля французской армией возле Филинсбурга. Оттуда французы должны были наступать в направлении на Штутгарт и очистить от противника восточный берег Рейна до самой границы со Швейцарией.

Теперь у нас имелись переправы через Рейн на всех основных направлениях, выбранных нами для наступления на центр Германии. Легкость, с которой были наведены эти переправы, и небольшие потери, понесенные нами в ходе форсирования Рейна, резко отличались от того, что произошло бы, если бы немцы в ходе зимней кампании отошли на противоположный берег и заняли стойкую оборону. Рейн представлял собой грозное препятствие, а местность по всему правому берегу позволяла создать сильную оборону. Фронтальные атаки против немецкой армии, даже учитывая сокращение ее численности и ослабление боеспособности в начале 1945 года, оказались бы для нас тяжелым и дорогостоящим делом.

Здесь нам во многом помог сам Гитлер. Несомненно, если бы его генеральный штаб имел свободу действий в проведении боевых операций, то он предвидел бы возможность катастрофы к западу от Рейна и отвел бы назад оборонявшиеся там войска, вероятно, не позднее января. К тому времени стал совершенно очевидным провал наступления в Арденнах, и участвовавшие в нем немецкие армии отходили назад под ударами войск западных союзников. Более того, 12 января русские начали крупное наступление, которое должно было привести их от Вислы к Одеру, на рубежи в тридцати милях от Берлина.

В военном смысле самым разумным шагом для немцев в этот момент была бы капитуляция. Положение Германии оказалось безнадежным, и если она уже ничего не выигрывала на политическом фронте, то могла предотвратить потери многих тысяч на полях сражений и избежать дальнейшего разрушения своих городов и промышленности.

До тех пор пока немцы находили нужным продолжать сражаться, возможно, в отчаянной надежде, что союзники поссорятся между собой и по этой причине не сумеют завершить разгром Германии, они должны были немедленно перейти на

западе к обороне, заняв для этого самый мощный оборонительный рубеж по Рейну, и собрать все, что было возможно, для создания главного резерва. Даже эти меры не могли сулить немцам надежду на успех по той простой причине, что наши мощные военно-воздушные силы теперь каждый день сметали с лица земли ресурсы противника почти в фантастических масштабах. Но это был единственный путь решения, позволявший немцам продлить боевые действия, а теперь стало ясно, что уже нет никакого смысла продолжать войну. Даже у Гитлера, сколь ни фанатичен он был, наверное, бывали моменты просветления, когда он не мог не понимать, что уже ясен финал. Он дописывал эпилог драмы, которая по своей трагичности далеко превзойдет все то, что его любимый Вагнер представлял себе когда-либо.

Что касается союзников, то обстановка несколько напоминала ту, какая сложилась после прорыва в Нормандии восемь месяцев назад. Имелись, однако, существенные различия. Теперь у нас были сухопутные и авиационные силы, способные сломить любое сопротивление, какое могли встретить на своем пути, и вдали не маячила никакая "линия Зигфрида", на которой противник мог прочно закрепиться. Куда более важное значение для нас имел тот факт, что мы располагали мощной службой тыла. Непосредственно к западу от Рейна находились крупные запасы предметов материально-боевого обеспечения и боевого оснащения. Тут же были и войска обслуживания, столь необходимые для снабжения быстро продвигавшихся армий. Перейдя Рейн, мы тут же навели через него наплавные мосты, а вскоре они были дополнены и мостами для пропуска железнодорожных составов. Первый такой мост был наведен у Везеля на одном из самых широких, северном, участков реки. Там американские саперы построили мост, по которому прошел первый товарный поезд менее чем через одиннадцать дней после захвата этого района.

С повсеместным форсированием Рейна нашими войсками, с преодолением "линии Зигфрида", где немцы потеряли столь значительные силы, была завершена вторая большая фаза нашей весенней кампании. Теперь нужно было рассмотреть сложившуюся обстановку и определить дальнейшие действия наших войск, чтобы осуществить третью фазу - окончательный разгром немецкой военной мощи и занятие территории Германии.

Первым шагом этой фазы оставалось окружение Рура. Эта операция всегда составляла важную часть наших планов, и в сложившихся условиях не было ничего, что говорило бы о какой-

либо целесообразности отказа от этой задачи. Наоборот, теперь стало очевидным, что этот двойной охват не только окончательно и полностью отрежет промышленный Рур от остальной Германии, но и приведет к уничтожению одной из главных группировок, все еще остававшихся у противника.

Когда в первые дни марта противнику не удалось уничтожить наш плацдарм возле Ремагена, он начал спешно создавать южные оборонительные рубежи Рура вдоль реки Зиг. Точно так же, когда Монтгомери форсировал Рейн на северном участке 24 марта, немцы поспешно начали создавать линию обороны вдоль северной границы рурского региона. Поэтому в результате двойного охвата обороняющиеся войска на этих рубежах оказались бы в окружении, на центральном участке был бы осуществлен широкий прорыв и дорога на восток была бы открыта.

Мне уже стало известно о решении союзников после прекращения боевых действий разделить Германию на оккупационные зоны. Англичанам и американцам отводилась территория к западу от линии, начинающейся на севере, возле Любека, у восточной стороны основания полуострова Ютландия, идущей в основном в южном направлении к городу Эйзенах и дальше на юг до австрийской границы.

Это будущее разделение Германии не влияло на наши военные планы окончательного разгрома противника, которые, как я считал, должны разрабатываться с единственной целью скорейшего достижения победы; позднее войска нескольких союзных держав могут быть отведены в свои зоны оккупации.

Естественной целью за пределами Рура являлся Берлин - символ остававшейся немецкой мощи. Его взятие было важно как психологически, так и политически. Но, на мой взгляд, он не являлся ни логичной, ни наиболее желанной целью для войск западных союзников.

Когда в последнюю неделю марта мы стояли на Рейне, до Берлина оставалось триста миль. На пути к нему, в двухстах милях от нашего фронта, лежала река Эльба, служившая значительным естественным препятствием.

Русские войска прочно закрепились на Одере, захватив плацдарм на западном берегу этой реки, всего в тридцати милях от Берлина. Возможности наших тыловых служб по обеспечению войск, в том числе способность доставки на фронт до 2 тыс. тонн грузов ежедневно средствами транспортной авиации, позволяли обеспечивать продвигавшиеся головные колонны через Германию. Но если бы мы задумали бросить достаточную группировку, чтобы форсировать Эльбу с единственной целью овладеть

Берлином, то возникли бы следующие осложнения. Первое: по всей вероятности, русские окружили бы Берлин задолго до того, как мы подойдем туда. Второе: снабжение крупной группировки на таком расстоянии от основных баз снабжения, расположенных к западу от Рейна, привело бы к практическому отключению войск от боевых действий на всех остальных участках фронта. Идти на такое решение я считал более чем неразумным: оно было просто глупым решением. Помимо окружения Рура нужно было срочно решить еще несколько крупных задач.

Было целесообразно быстро продвигаться вперед частью сил через Германию на соединение с советскими войсками, тем самым разделить страну на части и фактически исключить всякую возможность для немцев действовать как единое целое. Было также важно как можно скорее захватить город Любек. Тем самым мы отрезали бы все немецкие войска, остававшиеся на полуострове Ютландия и в Норвегии. В итоге такого наступления мы получили бы также северные порты в Германии, овладев либо Бременом, либо Гамбургом, либо обоими городами. Это существенно уменьшило бы растянутость наших линий коммуникаций.

Не менее важно было пробиться в регион так называемого "национального редута" и разгромить там противника. В течение многих недель мы получали донесения о том, что в крайнем случае нацисты намеревались отвести отборные части СС, гестапо и других фанатически преданных Гитлеру организаций в горные районы Южной Баварии, Западной Австрии и Северной Италии, заблокировать труднопроходимые горные перевалы и не дать союзникам проникнуть туда. Такой оплот нацистов можно было бы уничтожить, взять хотя бы измором, если не иными средствами. Но если немцам позволить создать такой редут, они, возможно, вынудят нас втянуться в длительную и изнуряющую кампанию наподобие партизанской войны или дорогостоящей осады. Тем самым они поддерживали бы безрассудную надежду, что союзники поссорятся между собой и тогда Германия сумеет выторговать для себя более благоприятные условия, чем безоговорочная капитуляция. Имелись явные доказательства, что нацисты намерены предпринять такую попытку, и я решил лишить их возможности ее осуществления.

У нацистов имелась и другая идея, противоположная созданию оплота в горах, - создание подпольной армии, которой они дали название "вервольф" ("оборотни"). Задачей такой организации, состоявшей только из преданных последователей Гитлера, были убийства и террор. В эту тайную организацию собирались вовлечь парней и девушек, а также взрослых людей в

надежде, что они наведут такой ужас в сельских районах и вызовут такие затруднения для оккупационных властей, что те сочтут за благо покинуть Германию.

Единственный способ сорвать такие замыслы, для осуществления которых всегда имелась возможность в силу исключительной преданности фюреру столь многих молодых немцев, - это занять войсками всю территорию страны до того, как будет создана подобная организация.

Исходя из этих соображений, я решил, что, как только 12-я и 21-я группы армий осуществят полное окружение Рура, наш план следующих крупных наступательных операций будет состоять из трех основных частей.

Первой частью предусматривалось мощное наступление войск 12-й группы армий Брэдли прямо через Центральную Германию. Двигаясь этим маршрутом, его армии пересекут центральное плато страны. Там им придется форсировать реки в их верхнем течении, где они не представляют столь серьезных препятствий, как на северной равнине Германии, поближе к морю. Для того чтобы Брэдли имел достаточные силы для непрерывного наступления через всю страну, американская 9 я армия должна быть возвращена под его оперативное командование. Кроме того, мы подготовили для группы армий Брэдли дополнительную, 15-ю армию под командованием генерала Джероу, которой предстояло выполнить две основные задачи: взять на себя вопросы военного управления в тылу наступающих войск и обеспечивать необходимые силы союзников на западном берегу напротив Рура, чтобы предотвратить возможные рейды немцев в этом районе на важные узлы наших путей снабжения к западу от реки. Кроме того, на генерала Джероу возлагалось руководство действиями американской 66-й дивизии, которая все еще держала в осаде немецкие гарнизоны в портах Бискайского залива Сен-Назере и Лорьяне, за многие сотни миль к западу от фронта.

Наступление 12-й группы армий в составе трех армий должно было начаться, как только немецкие войска в Руре окажутся не в состоянии воздействовать на линии коммуникаций наших войск. Я не собирался ввязываться в ожесточенные, дом за домом, бои ради уничтожения окруженных в Руре войск противника. Это был густонаселенный район без существенных источников снабжения продовольствием. Голод в конечном счете мог вынудить их к капитуляции, и не было необходимости идти на большие потери среди личного состава союзных войск.

Вторую и третью части общего плана составляли быстрые наступательные операции на обоих наших флангах, после того

как войска Брэдли встретятся с русскими где-то на Эльбе. В итоге наступления на севере будет отрезана Дания; на .юге мы должны будем войти в Австрию и занять горные районы к западу и югу от этой страны. Одновременно 6-я группа армий Деверса на юге и 21-я группа армий Монтгомери на левом фланге будут проводить наступательные операции в основном в целях поддержки действий войск генерала Брэдли на главном направлении, продвигаясь к своим конечным целям в такой мере, в какой это представится возможным.

В свою очередь, выполнив основную задачу на центральном участке фронта, генерал Брэдли будет действовать в интересах обеспечения поддержки Монтгомери на севере и генералу Деверсу - на юге, когда они перейдут в заключительное наступление, предусмотренное в планах.

Этот план в общих чертах был представлен генералиссимусу Сталину.

В соответствии с договоренностью, достигнутой в январе и утвержденной Объединенным англо-американским штабом, я считал, что действую исключительно в рамках предоставленных мне прав и полномочий, сообщая этот план генералиссимусу. Однако очень скоро выяснилось, что премьер-министр серьезно возражает против моих действий такого рода. Он не соглашался с моим планом и считал, что, поскольку кампания теперь приближалась к завершению, действия войск приобрели политическое значение, которое требует вмешательства политических лидеров в разработку широких операционных планов. Он, очевидно, полагал, что мое послание генералиссимусу явилось превышением моих полномочий связываться с Москвой только по чисто военным вопросам. Он был сильно огорчен и обеспокоен тем, что в плане не предусматривалось в первую очередь бросить вперед Монтгомери со всеми силами, которые я мог выделить ему из состава американских войск, в решительной попытке захватить Берлин, опередив русских. И он направил телеграмму в Вашингтон с изложением своей точки зрения.

Премьер-министр, конечно, знал, что независимо от расстояния, на какое союзники смогут продвинуться в восточном направлении, он и президент Соединенных Штатов уже согласились с тем, что английская и американская зоны оккупации будут ограничены на востоке линией, проходящей в двухстах милях западнее Берлина. Следовательно, его упорное настаивание на использовании всех наших сил и средств в надежде опередить появление русских в Берлине, должно быть, основывалось на убеждении, что позднее западные союзники

извлекут из этого обстоятельства огромные преимущества и смогут воздействовать на последующие события.

Я не мог знать, каковы были подлинные мотивы его возражений, однако эти возражения немедленно вызвали обмен серией радиограмм. Первой была радиограмма генерала Маршалла от 29 марта. В ней Маршалл информировал меня, что английский комитет начальников штабов обеспокоен как практикой, которую я установил в осуществлении связей с генералиссимусом, так и, как они назвали, моим изменением плана. Английский комитет начальников штабов информировал Маршалла, что наше главное наступление должно было проходить через равнины Северной Германии, так как тем самым мы открыли бы для себя немецкие порты на западе и на севере. Английские военные руководители указывали, что такое наступление в огромной степени сократило бы также размах подводной войны, и мы получили бы возможность двинуться в Данию, открыть транспортную артерию со Швецией и получить для использования в наших интересах шведские и норвежские суда общим водоизмещением почти 2 млн. тонн.

Получение мной такой депеши от Маршалла вдохновило меня на следующий ответ:

"От Эйзенхауэра Маршаллу, 30 марта. Откровенно говоря, обвинение, что я изменил планы, не имеет никакой фактической основы. Мы всегда придерживались плана, по которому основные усилия осуществлялись севернее Рура с целью изоляции этого важного района от остальной части Германии. Теперь, когда я могу предвидеть время сосредоточения наших сил в районе Касселя, я все же придерживаюсь своего старого плана, предусматривающего предпринятие оттуда одного основного наступления, рассчитанного на завершение, во взаимодействии с русскими, разгрома вооруженных сил противника. По моему плану порты и все другие объекты на северном побережье мы получим быстрее, чем при том распылении сил, на котором настаивается в послании Вильсона, адресованном вам".

После отправки этого предварительного донесения мы составили, чтобы информировать генерала Маршалла, обстоятельное изложение существа нашего плана и передали в Вашингтон радиограмму:

"От Эйзенхауэра Маршаллу, 30 марта.

Это ответ на вашу радиограмму. Те же самые возражения, за исключением "процедурной" практики, которые содержались в той радиограмме, вчера вечером передал мне по телефону премьер-министр.

Я в полном неведении относительно того, что в "протестах"

подразумевают под "процедурой". Я получил указания иметь непосредственную связь с русскими по вопросам военной координации. Нет никаких изменений в основной стратегии. Английский комитет начальников штабов прошлым летом протестовал против моего решения открыть франкфуртский маршрут, потому что, как говорили английские военные руководители, это будет тщетной попыткой и отвлечет силы от наступления на севере. Я всегда утверждал, что наступление на севере будет нашим главным направлением на той фазе наших операций, когда будет решаться вопрос об изоляции Рура, однако с самого начала, еще до высадки в Нормандии, мой план, разъясненный моим штабным и старшим офицерам, сводился к тому, чтобы соединить главные и второстепенные наступательные операции в районе Касселя и затем предпринять одно крупное наступление на восток.

Даже беглое рассмотрение решающего направления этого наступления, предпринимаемого после полного осуществления соединения наших войск в районе Кассе-ля, показывает, что основные усилия при сложившихся обстоятельствах следует направить в сторону района Лейпцига, где сосредоточена большая часть оставшегося у противника промышленного потенциала и куда, как полагают, эвакуируются немецкие министерства. Мой план не предусматривает привлечения английских и канадских войск Монтгомери для операций в южном направлении. Как вы видите, его правый фланг будет идти вперед вдоль общей линии Ганновер-Виттенберг. Просто следуя принципу, который всегда подчеркивал фельдмаршал Брук, я решил сосредоточиться на одном крупном наступлении, и единственное, чего требует мой план, это возвращения американской 9-й армии генералу Брэдли для осуществления той фазы операции, в которой предусматривается наступление в центре от Касселя к Лейпцигу, если, конечно, русские войска не будут встречены по эту сторону лейпцигского региона. Когда наши войска закрепятся на этих позициях, то, как ясно видно из плана, 9-я армия может быть вновь направлена на север, чтобы помочь английской и канадской армиям очистить от противника все побережье к западу от Любека.

После того как будут обеспечены силы для этой операции, мы сможем предпринять наступление в юго-восточном направлении с целью предотвратить занятие нацистами горной цитадели.

Я тщательно рассмотрел военно-морские аспекты в этой ситуации и отчетливо вижу преимущества скорейшего овладения северной береговой линией. Именно по этой причине я поставил захват побережья следующей задачей после того, как в итоге

основного наступления мы выйдем на решающую исходную позицию. Для открытия портов Бремена, Гамбурга и Киля потребуется провести боевые операции против Фризских островов и Гельголанда, а также большие работы по тралению мин. Все эти операции и операции в Дании и Норвегии составляют часть следующей фазы.

Я хотел бы отметить, что сам Берлин более не представляет особой важности. Его полезность для немцев в значительной мере подорвана, да и правительство собирается переехать в другое место. Что теперь важно - так это не распылять наши усилия, а собрать все силы для единственного наступления, которое приведет к более быстрому падению Берлина, освобождению Норвегии и приобретению большого тоннажа судов и шведских портов.

И еще я хотел бы отметить, что так называемый "хороший грунт" в Северной Германии на самом деле не является хорошим в это время года. Мало того, что этот район сильно пересечен водными путями, но и земля в этот период года очень пропитана влагой и не так благоприятна для передвижения, как на более высоких плато, по которым я собираюсь направить основное наступление.

Короче говоря, я намереваюсь как можно скорее совместно с русскими расчленить и разгромить немецкие силы путем нашего главного наступления из района Касселя прямо на восток к сердцевине того, что еще остается от немецкой индустриальной мощи, пока наши войска не достигнут района Лейпцига, включая захват этого города, если, конечно, русские наступающие войска не встретят нас западнее этого района. Вторым основным усилием в этом заключительном сражении будут действия войск Монтгомери по всему левому флангу, и как только войска Брэдли решат вышеуказанную задачу, мы повернем 9-ю армию влево, чтобы помочь Монтгомери очистить от противника весь район от Киля и Любека на запад.

После осуществления этих двух основных наступательных операций я направлю войска на юго-восток с целью попытаться соединиться с русскими в Дунайской долине и предотвратить создание нацистского оплота в Южной Германии.

Естественно, что мои планы могут несколько измениться и я должен сохранить для себя свободу действий, чтобы отреагировать на события в условиях меняющейся обстановки. Максимальная гибкость будет обеспечена путем сосредоточения максимальных сил на центральном направлении".

Любопытно отметить, что вышеприведенная радиограмма в своей основе была составлена в моем штабе одним из моих

английских помощников.

"От Маршалла Эйзенхауэру, 31 марта.

Английский комитет начальников штабов сегодня сообщил Объединенному англо-американскому штабу свою точку зрения на ваш план.

Они отрицают наличие у них какого-либо желания связать руки Верховному главнокомандующему на фронте, но перечисляют более широкие проблемы, выходящие за рамки сферы деятельности Верховного главнокомандующего союзных экспедиционных сил (подводная война, шведское торговое судоходство, политическое значение спасения от голода тысяч голландцев, важность наступления на Данию и освобождение Норвегии), и просят задержать передачу дальнейших деталей Дину (главе военной миссии в Москве), пока вы не получите на этот счет указаний от Объединенного англо-американского штаба.

Американский комитет начальников штабов сегодня ответил, по существу, следующее: процедура связи Верховного главнокомандующего с русскими явилась, как представляется, операционной необходимостью. Любые изменения в установившемся порядке связи должны быть сделаны самим Эйзенхауэром, а не Объединенным англо-американским штабом. Направление действий, изложенное в общих чертах в плане Верховного главнокомандующего, по-видимому, соответствует условиям согласованной стратегии и директиве Верховного главнокомандующего, особенно в свете нынешних событий. Эйзенхауэр развертывает за Рейном на севере максимальное число войск, какое может быть использовано. Второстепенное наступление на юге оказалось исключительно успешным, и развитие этого успеха происходит в той мере, в какой позволяют возможности служб обеспечения. Американский комитет начальников штабов уверен, что нынешний курс действий Верховного главнокомандующего обеспечит решение вопроса относительно портов и всех прочих проблем, упомянутых англичанами, быстрее и основательнее, чем курс действий, на котором они настаивают.

Сражение в Германии в настоящее время подошло к такому моменту, когда командующий на фронте должен сам определять, какие шаги следует предпринять. Преднамеренно уходить в сторону от использования слабостей противника не представляется разумным предложением. Единственной целью должна быть быстрая и полная победа. Признавая, что существуют проблемы, решение которых не является непосредственной заботой Верховного главнокомандующего, американский комитет начальников штабов считает его стратегическую концепцию здравой и полагает, что она должна получить полную поддержку. Он должен продолжать свободно связываться с Главнокомандующим Советской Армии".

Позднее, 7 апреля, я включил в мою заключительную по этому вопросу радиограмму генералу Маршаллу следующее:

"Послание, которое я направил Сталину, было чисто военным шагом, предпринятым в соответствии с моими полномочиями и указаниями Объединенного англо-американского штаба, полученными ранее. Откровенно говоря, мне даже в голову не пришло предварительно посоветоваться с Объединенным англо-американским штабом, так как я считал, что отвечаю за эффективность военных операций на этом театре военных действий и было естественно спросить у руководителя русских войск относительно направления и времени их следующего крупного наступления и изложить ему в общих чертах свои намерения.

В настоящее время мы задерживаем отправку депеши союзной миссии в Москве, целью которой является установление некоторых конкретных мер для взаимного опознавания самолетов и наземных войск, а также процедуры, которой следует придерживаться в случае, если наши войска встретятся с русскими в любой части Германии в условиях наступательных действий каждой из сторон. Исключительно важно, чтобы этот вопрос был быстро решен на практической основе".

Исходом всего этого обмена радиограммами явилось то, что мы продолжали действовать в соответствии с нашими планами. Я настолько глубоко был убежден в военной обоснованности того, что мы делали, что близкие мне сотрудники штаба знали о моей готовности идти на крайние средства, отстаивая наши планы.

В результате этого спора мы стали чувствовать себя несколько стесненными при вступлении в связь с генералиссимусом и проявляли осторожность, чтобы вся наша переписка ограничивалась строго тактическими вопросами. Сложившуюся обстановку в этом плане я не находил слишком серьезной, поскольку американский комитет начальников штабов

решительно подтвердил для меня свободу действий в осуществлении планов, которые, по моему мнению, приведут к скорейшему прекращению боевых действий. Глава 21. Вторжение в Германию

Промышленное значение Рура для Германии было существенно ослаблено еще до того, как мы его окружили. Заводы этого района служили объектами многочисленных налетов бомбардировочной авиации, а в феврале 1945 года союзная авиация начала кампанию по уничтожению линий коммуникаций, связывавших Рур с центральной частью Германии. В этой кампании авиация добилась заметных успехов, и мы знали, что немцы испытывают большие трудности в транспортировке боеприпасов из Рура в армии, которые еще оставались на фронтах. В условиях, когда возникла угроза этому району с обеих сторон, а также ввиду резко ослабившейся его роли в общих военных усилиях страны казалось, что будет логичным, если немцы отведут оттуда все свои войска, чтобы использовать их для противодействия нашим продвигающимся колоннам. Немецкому генеральному штабу должно было быть ясно, что с окружением Рура будут потеряны не только многие промышленные предприятия, работавшие. для фронта, но и все те войска, которые могли быть собраны там для обороны. Тем не менее немцы вновь не сделали этого.

Войска под командованием Брэдли на юге и Монтгомери - на севере упорно продвигались с боями к намеченному месту встречи возле Касселя. Американская 9-я армия, наступавшая на правом фланге 21-й группы армий Монтгомери, встречала более упорное сопротивление, чем 1-я и 3-я армии, двигавшиеся из района Франкфурта. В результате наступавшие войска этих армий своим правым крылом вышли на восточную и северо-восточную окраины Рура, чтобы соединиться с колоннами 9-й армии Симпсона в районе Липштадта возле города Падерборн.

К 1 апреля, спустя ровно неделю после того, как 21-я группа армий форсировала Рейн в районе Везеля, наступавшие с севера и юга войска соединились, Рур был окружен, противник оказался в западне. Теперь немцы непрерывно терпели крупные поражения. Начиная с кровопролитного отражения безуспешного наступления противника в Арденнах, несшиеся лавиной войска союзников продолжали наносить ему поражения одно тяжелее другого, а потери приобрели ошеломляющие размеры. Не было ни малейшего смысла, ни логики в продолжении борьбы. На востоке и на западе, уже на территории собственно Германии, наступали мощные группировки союзных войск. Немцы почти полностью потеряли Рур, Саар, Силезию. Остатки

промышленности, рассредоточенной по всей центральной части Германии, уже не могли обеспечивать армии, все еще продолжавшие сражаться на фронтах. Система связи была так разрушена, что ни один нацистский руководитель не мог быть уверен, что его приказы дойдут до войск. В то время как во многих районах еще были войска, способные оказать ожесточенное и упорное сопротивление местного характера, только на левом и правом флангах огромного западного фронта еще имелись достаточно многочисленные армии, чтобы делать нечто большее, чем сдерживать продвижение союзников.

31 марта я обратился с воззванием к немецким войскам и населению, настаивая, чтобы солдаты и офицеры сдались, а мирные жители начали посевные работы. Я обрисовал безнадежность их положения и пояснил, что дальнейшее сопротивление только усилит их несчастье в будущем.

Мне хотелось скорее покончить с этой кровавой эпопеей. Однако Гитлер и его сообщники мертвой хваткой еще держали народ; гестапо и СС действовали столь эффективно, что страна продолжала сражаться.

Когда 12-я группа армий достигла района Касселя, у Брэдли возникло две проблемы. Первая заключалась в том, чтобы зажать оборонявшие Рур войска на небольшом пространстве, где их можно было сдерживать силами нескольких дивизий, обеспечивая безопасность своих собственных коммуникаций. Вторая сводилась к скорейшей перегруппировке трех армий для главного наступления через центральное плато Германии в направлении на Лейпциг.

Три армии первого эшелона 12-й группы армий располагались в таком порядке: на левом фланге - 9-я армия Симпсона, в центре - 1-я Ходжеса и на правом - 3-я Паттона. Всего в группе армий Брэдли было сорок восемь дивизий. Это была крупнейшая из американских группировок за всю нашу историю.

Немецкими войсками в "рурском котле" командовал фельдмаршал Модель. Сначала он попытался вырваться из окружения, предприняв наступление на севере, но потерпел поражение. Аналогичная попытка в южном направлении также закончилась неудачей. И теперь немецкому гарнизону в Руре не оставалось иного выхода, как сдаться. Войска Брэдли непрерывно сжимали окруженного противника, а 14 апреля в результате предпринятого американцами удара окруженная группировка была расчленена на две части. Спустя два дня восточная часть прекратила сопротивление. 18 апреля весь оставшийся гарнизон капитулировал. Сначала мы считали, что захватим в плен около 150 тыс. в Руре. Фактически же в плен попало 325 тыс., в том

числе 30 генералов. Мы разгромили двадцать одну дивизию и захватили огромное количество трофеев. Гитлер, должно быть, надеялся, что Рур будет столь же упорно обороняться, как и Брест, однако через восемнадцать дней после его окружения гарнизон сдался; число пленных оказалось еще больше, чем мы взяли на последнем этапе боев в Тунисе почти два года назад.

Между тем Брэдли быстро перегруппировал свои силы для наступления в восточном направлении. Ко времени капитуляции немцев в Руре некоторые головные части войск Брэдли достигли уже Эльбы в ста пятидесяти милях от Касселя. Войска Брэдли наступали широким фронтом. На юге 3-я армия наступала в направлении границ Чехословакии и города Хемниц. К 14 апреля она достигла этого района. Слева от армии Паттона 11 апреля перешла в наступление 1-я армия и быстро продвигалась вперед, встречая лишь неорганизованное сопротивление. 14 апреля 3-я бронетанковая дивизия из 7-го корпуса Коллинса достигла Дессау, практически выйдя к Эльбе. Этот корпус, начав свой боевой путь с высадки на нормандское побережье, вскоре захватил Шербур и затем с боями прошел по всей Северо-Западной Европе от французского побережья до реки Эльба.

День 12 апреля я провел с Джорджем Паттоном. Я увидел такие сцены и услышал такие рассказы, что этот день навсегда врезался мне в память. Утром мы побывали в некоторых корпусах и дивизиях армии, которые в типичной для действий Паттона манере неслись на восток, то тут, то там окружая и захватывая в плен изолированные группы разваливавшейся армии противника. Не было никакого общего фронта, или рубежа сопротивления, или каких-либо скоординированных действий с целью воспрепятствовать продвижению наших войск. Однако в некоторых местах вражеские группы упорно оборонялись, и мы в течение всего дня то и дело оказывались свидетелями спорадических стычек.

Армия генерала Паттона захватила район, где в одной глубокой соляной шахте были обнаружены сокровища, запрятанные туда нацистами. Наша группа спустилась в шахту на глубину почти полумили.

На дне лежали огромные кипы немецких бумажных денег, очевидно, сваленные здесь после отчаянных попыток вывезти их перед приходом американцев. В одном из туннелей находилось большое количество картин и других предметов искусства. Некоторые из них были завернуты в бумагу или мешковину, остальные уложены как листы фанеры.

В другом туннеле мы увидели склад золота, по оценке наших специалистов, общей стоимостью в 250 млн. долларов, в

основном в виде золотых слитков. Они находились в мешках, по два 25-фунтовых слитка в каждом. Здесь же мы обнаружили очень много чеканного золота из разных стран Европы, даже несколько миллионов золотых монет из Соединенных Штатов.

В чемоданах, ящиках и контейнерах были собраны изделия из золота и серебра, очевидно, награбленные из частных домов со всей Европы. Все изделия были сплющены ударом молотка, вероятно, для того, чтобы меньше занимали места, и затем просто сгружены в хранилище. По-видимому, для дальнейшей переплавки их в слитки.

К туннелю, где было запрятано золото, наше внимание привлекла прежде всего недавно построенная кирпичная стена, в центре которой имелась стальная дверь, как у сейфа самой современной конструкции. Она была настолько капитальной, что для ее разрушения потребовались бы мощные подрывные заряды. Однако один американский солдат, обследовавший кирпичную стену, окружавшую дверь, нашел, что эта стена вовсе не так прочна, как выглядит. Свое заключение он проверил шашкой тринитротолуола. В результате взрыва в стене образовалась огромная дыра, через которую взгляду представился склад драгоценностей. Мы не могли понять, почему немцы не попытались спрятать сокровища в потайном месте в лабиринте туннелей, а решили оградить их стеной, которую легко разрушить даже ломом. В таких условиях мы не видели никакого смысла в установке сложной стальной двери. Однако один американский солдат, сопровождавший нас, заметил: "Похоже, что немцы закрывают на замок двери в конюшню, а стен-то в ней фактически нет".

Любопытна версия, рассказанная Паттоном, согласно которой пришли к мысли проверить шахту. Возможно, что рано или поздно шахта все равно была бы тщательно обследована победителями. Но, как утверждал Паттон, только благодаря инстинктивной человеческой порядочности, проявленной двумя американцами, мы обнаружили это хранилище до того, как значительная часть сокровищ могла быть перепрятана в более надежное место. Эта версия такова.

В небольшом городке наступавшие американские войска ввели комендантский час. Любое гражданское лицо, появлявшееся на улице после наступления темноты, немедленно задерживалось и подвергалось допросу. Однажды вечером патруль на джипе заметил женщину, спешившую по дороге, и остановил ее для выяснения личности. Женщина протестовала, объясняла, что спешит, чтобы вызвать акушерку для соседки, у которой вот-вот начнутся роды. Американские солдаты на джипе

решили проверить слова этой женщины и, если она действительно говорила правду, помочь ей при необходимости. Они посадили женщину в джип, заехали за акушеркой и вернулись к роженице; все, что говорила немка, подтвердилось. Солдаты, желая помочь, довольно долго ждали на улице, чтобы развезти по домам акушерку и эту женщину. Когда машина проезжала мимо входа в одну из соляных шахт в этом районе, одна из женщин заметила: "Вот шахты, где хранится золото".

Это замечание возбудило любопытство солдат, и они стали расспрашивать женщину. Из ее слов поняли, что несколько недель назад сюда была доставлена большая партия грузов с востока для размещения в шахтах. Солдаты доложили об этом своим начальникам, те в свою очередь разыскали некоторых служащих немецкой администрации, связанной с шахтами. Таким образом сокровища попали в наши руки.

В тот же день я впервые увидел лагерь смерти, находившийся неподалеку от города Гота. Я никогда не был в состоянии описать свое эмоциональное напряжение в момент, когда я лицом к лицу встретился с неоспоримыми доказательствами жестокости нацистов и полного пренебрежения нормами человеческой морали. До сего момента я знал об этом только в общих чертах и из второстепенных источников. Но я уверен, что никогда в любое другое время я не испытывал такого шока, как в этом случае.

Я осмотрел каждый закоулок и каждую щель в лагере, так как считал своим долгом давать свидетельские показания об этих вещах в случае, если на родине появятся мнения или утверждения, что "рассказы о зверствах нацистов были просто пропагандой". Некоторые из нашей группы, посетившие лагерь, были не в состоянии выдержать до конца осмотр. Я же не только все осмотрел, но и, как только вечером вернулся в штаб Паттона, сразу же сообщил в Вашингтон и Лондон обо всех ужасах, настаивая перед обоими правительствами немедленно направить сюда группу редакторов газет и представителей национальных законодательных органов. Я считал, что эти доказательства должны быть немедленно доведены до американской и английской общественности, чтобы не оставалось никаких оснований для циничных сомнений.

День 12 апреля завершился известием, полным драматизма. Брэдли, Паттон и я допоздна засиделись за обсуждением планов на будущее. В частности, мы рассматривали вопросы о том, кого из офицеров и какие соединения выделить для переброски на Тихоокеанский театр военных действий. Незадолго до полуночи мы отправились спать: Брэдли и я - в небольшой домик штаба Паттона, а сам Паттон ушел в свой фургон. Его часы

остановились, и он включил радио, чтобы по Би-Би-Си уточнить время, и тут услышал сообщение о смерти президента Рузвельта. Он вернулся в наш домик, разбудил Брэдли, и затем оба вошли в мою комнату, чтобы сообщить это ошеломляющее известие мне.

Мы долго размышляли над тем, какое воздействие может оказать смерть президента на судьбы будущего мира. Мы были уверены, что не последует никакого вмешательства в темпы войны, поскольку уже кое-что знали о тех огромных силах, которые приведены в действие на Тихом океане для разгрома японцев. Нам, конечно, ничего не было известно о каких-либо особых шагах президента по послевоенному обеспечению мира. Но у нас были сомнения, что в Америке найдется какая-либо другая личность, столь компетентная в вопросах работы с другими политическими лидерами союзных держав. Никто из нас не знал президента достаточно близко; я встречался с ним чаще, чем другие, на различных совещаниях и конференциях, но нам казалось, с точки зрения международного положения, что время сейчас самое неудачное для вынужденной смены национальных лидеров. Мы легли спать, подавленные и огорченные. С некоторыми из политических акций президента Рузвельта я, вероятно, никогда не мог бы согласиться. Но я знал его только в роли лидера страны, находившейся в состоянии войны, и в этой роли, как мне казалось, он сделал все, что можно было ожидать от него.

В ходе наступления 1-й армии в горах Гарца оказались отрезанными более 15 тыс. солдат и офицеров противника. Они упорно оборонялись вплоть до 21 апреля. Местность в горах сильно пересеченная. В течение недели длились ожесточенные бои с целью ликвидировать окруженную группировку, а также отбить попытки других немецких частей высвободить окруженные в Гарце войска. Еще дальше, на севере, 9-я армия Симпсона продвигалась в тех же темпах, что и другие войска 12-й группы армий. К 6 апреля 9-я армия форсировала Везер, захватила плацдарм и после этого устремилась к Эльбе, которой она достигла чуть южнее Магдебурга 11 апреля. На следующий день 2-я бронетанковая дивизия этой армии захватила небольшой плацдарм на восточном берегу Эльбы, в десяти милях вниз по течению реки. Захват второго небольшого плацдарма частями 5-й бронетанковой дивизии 13-го корпуса к северу от Магдебурга был сорван противником, взорвавшим мост через реку. Казалось, противник на этом участке фронта готов отдать всю территорию к западу от Эльбы, но ожесточенно сопротивлялся любым попыткам форсировать реку. Немцы немедленно контратаковали плацдарм 2-й бронетанковой дивизии, который под давлением противника

был оставлен 14 апреля. Еще дальше, на юге, 83-я дивизия предприняла переправу через Эльбу.

Наш выход на Эльбу почти случайно совпал с мощным наступлением Красной Армии в западном направлении с занимаемых ею рубежей на Одере. Наступление велось в широкой полосе более чем в двести миль. Русские успешно наступали по всему фронту. На севере они продвигались в направлении Дании, их центральная группировка была нацелена на Берлин, а на юге они выходили в район Дрездена. 25 апреля разведывательные дозоры 69-й дивизии 5-го корпуса встретили на Эльбе подразделения 58-й гвардейской дивизии Красной Армии. Эта встреча состоялась у Торгау, приблизительно в семидесяти пяти милях южнее Берлина. 5-й корпус, как и 7-й, участвовал в первоначальной высадке на побережье Нормандии, и казалось исключительно справедливым, что войска одного из этих корпусов первыми установили контакт с Красной Армией и завершили расчленение Германии. По мере нашего продвижения через Центральную Германию проблема связи с русскими войсками приобретала все более важное значение. Неотложные вопросы уже не были связаны с большой стратегией, а носили чисто тактический характер. Одна из основных трудностей заключалась в опознавании друг друга.

В силу языкового различия фронтовые рации были бесполезны в качестве средства связи между двумя сходящимися группировками. Единственное решение проблемы, казалось, заключалось в своевременной договоренности относительно опознавательных знаков и порядка действий при встречах. Еще в начале апреля авиация западных союзников и русских вступала в контакт, иногда с неблагоприятными результатами. Между нашими и русскими самолетами происходили перестрелки и нарастала опасность более серьезных столкновений. Задача введения системы опознавательных сигналов была трудной, и полностью она была решена только к 20 апреля. Однако к этому времени обе стороны уже согласились придерживаться рубежей ограничения для действий авиации и, проявляя осторожность, которой в значительной мере сопутствовала удача, не допускали более или менее серьезных ошибок.

Существовала также договоренность между нами и русскими о том, что, когда встретятся войска двух сходящихся группировок, командиры на местах будут устанавливать рубежи соприкосновения с учетом особенностей оперативных планов и местности. В качестве общей разграничительной линии между нами и русскими мы хотели иметь хорошо опознаваемый естественный рубеж. По этой причине согласованная линия на

центральном участке фронта проходила по рекам Эльба и Мульда. При этом подразумевалось, что отвод наших войск в пределы своих оккупационных зон будет осуществляться в сроки, которые в будущем установят наши правительства.

Когда на центральном направлении происходило это решающее наступление, 21-я группа армий на севере и 6-я - на юге проводили операции, предусмотренные соответствующими планами. На севере группа армий Монтгомери наступала на Бремен и Гамбург, одновременно направив колонну в сторону Эльбы, чтобы прикрывать левый фланг 12-й группы армий. Наступление войск Монтгомери в восточном направлении в основном осуществлялось силами 2-й английской армии, в то время как канадская армия шла на север через Арнем, чтобы очистить от противника Северо-Восточную Голландию и прибрежную полосу в восточном направлении в сторону Эльбы. Наступавшая в восточном направлении английская 2-я армия в составе трех корпусов в первом эшелоне 6 апреля достигла Везера, а 19 апреля вышла к Эльбе. В Бремене английские войска встретились с противником, который сражался с упорством обреченного. 20 апреля английский 30-й корпус достиг предместий Бремена, но потребовалась целая неделя ожесточенных боев, прежде чем гарнизон города сдался.

Наступавшая на север канадская армия на левом фланге 21-й группы армий Монтгомери сначала также столкнулась с ожесточенным сопротивлением. Тем не менее войска продвигались вполне успешно по всему фронту, и 15 апреля был взят город Арнем. Падение Арнема на этом участке явилось сигналом для противника об отходе в Голландию, где можно было укрыться за затопленными районами, которые представляли собой серьезное препятствие для наступавших в Западную Голландию войск.

Монтгомери считал, и я согласился с ним, что немедленные операции на территории Голландии повлекли бы огромные дополнительные лишения для этой несчастной страны, народ которой и без того страдал от нехватки продовольствия. Значительная часть страны была буквально опустошена преднамеренным затоплением многих районов, бомбардировками и созданием немецких оборонительных рубежей. Поэтому мы решили отложить вторжение на территорию Голландии и предпринять все возможное, чтобы облегчить страдания местного населения.

Основной задачей 6-й группы армий Деверса в первые дни апреля являлось прикрытие правого фланга наступавших армий генерала Брэдли. С этой целью Деверс предпринял методическое

продвижение 7-й армии Патча на левом фланге и французской 1-й армии - на правом.

На всем фронте 6-й группы армий противник оказывал вначале упорное сопротивление, несмотря на крах на севере и ежедневные потери. Когда 7-я армия вышла к реке Неккар, ей пришлось завязать ожесточенный бой, чтобы переправиться через реку, а затем ей потребовалась целая неделя для ликвидации вражеского гарнизона города Хейлброн. Немецкие войска в этих местах не были столь серьезно деморализованы февральско-мартовскими наступательными операциями союзных армий, как те их войска, что приняли на себя всю силу наших ударов. 7 апреля 10-я бронетанковая дивизия двинулась в направлении на город Крайльсгейм, но немцы так быстро и сильно отреагировали на действия 10-й дивизии, что та была вынуждена поспешно отойти от занятых ею открытых позиций. 15-й корпус достиг Нюрнберга 16 апреля, но и здесь несколько дней шли бои, прежде чем рухнула оборона города.

Сопротивление на французском участке фронта оказалось не таким сильным. После ожесточенных стычек в непосредственной близости от Рейна французы начали быстро продвигаться вперед.

Французская армия, разумеется, пошла в наступление по приказу генерала Деверса, отвечавшего за установление разграничительных линий между армиями, путей снабжения наступающих войск и за решение всех прочих административных вопросов, связанных с обеспечением войск всей группы армий. Согласно установленной разграничительной линии город Штутгарт был включен в полосу наступления 7-й армии Патча, поскольку линии коммуникаций для снабжения американских войск должны были проходить через этот город. Штутгарт был захвачен французами, которые затем отказались уйти оттуда, чтобы Патч мог использовать его для обеспечения наступавших войск. Французы настолько упорно не желали подчиниться, утверждая, что дело в данном случае касается национального престижа, что Деверс обратился ко мне. Я дал указание Деверсу твердо настаивать на своем и потребовать от французов действий в соответствии с утвержденными планами. Французы все же проявили упрямство, и вопрос был передан для разрешения в Париж. Не согласный с нашим требованием, генерал де Голль продолжал упорствовать уже на правительственном уровне в своем ответе на резко сформулированную депешу в его адрес от президента Соединенных Штатов по этому вопросу. Между тем я предостерег французского командующего, сказав, что при сложившихся обстоятельствах считаю необходимым информировать Объединенный англо-американский штаб, что я

более не могу рассчитывать с уверенностью на оперативное использование французских сил, которые союзники собираются оснастить в будущем. Эта угроза о возможном сокращении в оснащении и вооружении французских войск возымела действие, и в конце концов французы подчинились приказам.

Почти аналогичный случай произошел на франко-итальянской границе, где на обладание небольшой территорией претендовали как французы, так и итальянцы, приводя в подтверждение своих претензий моральные и юридические доводы. В этом районе с согласия фельдмаршала Александера я установил разграничительную линию, но она была нарушена французами, которые поспешили подкрепить свои притязания на эту спорную территорию введением своих войск.

Положение Франции в войне было, разумеется, не из легких. Некогда имевшая престиж одной из главных военных держав в Европе, она, как и ее армия, потеряла его в поражении 1940 года. Поэтому, когда в связи с началом вторжения в Северную Африку в 1942 году патриотически настроенным французам была предоставлена возможность включиться в общую борьбу против нацистов, они проявляли чувствительность ко всем вопросам, когда дело касалось их национальной гордости и чести. К тому же в них кипела жестокая ненависть к нацистам и к некоторым из своих бывших политических и военных руководителей. Ко всему этому добавлялась та неопределенность, на которой базировалась власть де Голля и тех правительственных органов, которые он установил во Франции. Следующим обстоятельством была полная зависимость французской армии, да фактически и значительной части населения, от американских поставок. Это являлось дополнительным задевающим их гордость фактором, и, хотя они постоянно настаивали на более крупных поставках им всякого рода материалов и предметов боевого обеспечения, их, естественно, угнетало сознание того, что без этих поставок они совершенно беспомощны. Все это порождало особую чувствительность, и поэтому с французами трудно было иметь дело, когда они находили в каком-либо вопросе, хоть и пустячном, нечто такое, что, по их мнению, затрагивало их национальную честь. Тем не менее американские вложения во французские силы с лихвой окупились.

Во время Африканской кампании французы были полезны, но крайне слабы. Что касается их участия в тяжелых боях, то впервые это произошло в войне на Итальянском фронте. В конце 1943 и в начале 1944 года французский корпус на том ТВД действовал прекрасно. Более того, французы блестяще сражались при вторжении в Южную Францию, в Вогезах и при наступлении на

верхний Рейн. Их эффективность быстро упала с наступлением зимних холодов в конце 1944 года, поскольку значительную часть французской армии составляли африканские войска, не привыкшие к холодам и ненастьям, свойственным для кампании на Европейском театре военных действий в зимних условиях. Однако весной 1945 года во время заключительных операций войны французская армия храбро наступала и успешно заняла большие районы Южной Германии. Одновременно с этим они вели наземные и воздушные боевые действия против немцев в районе Бискайского залива, в результате чего освободили Бордо и остров Олерон. Эта операция неоднократно откладывалась с осени 1944 года, поскольку нужно было решать более неотложные задачи в других местах. Бои начались 14 апреля, и через месяц департамент Жиронда до моря был очищен от противника. К 1 мая был освобожден Олерон. Воодушевленные, французы мастерски воюют.

Среди французов было много занимавших высокое положение личностей, которые никогда не доставляли никаких хлопот, людей, обладавших широтой взглядов и пониманием неотложных проблем - это делало их прекрасными союзниками. Лично мне нравился генерал де Голль, поскольку я видел многие его прекрасные качества. Однако мы находили, что эти качества теряют свою ценность из-за крайне болезненной восприимчивости и экстраординарного упорства в вопросах, которые нам представлялись нелогичными. Мои личные контакты с ним во время войны никогда не порождали той теплоты, какая, казалось, часто возникала при его встречах со многими другими.

Жиро был моим другом. Это был боевой солдат, исключительно честный и прямой. Однако полное отсутствие у него интереса к политическим проблемам не позволяло ему занять какой-либо политический пост в своей стране. Генералы Жюэн, Кёниг, Кёльтц и множество младших офицеров проявили себя храбрыми, честными и способными профессиональными военными. Имена генералов Маета, Бетуара и их сподвижников, которые рисковали жизнью для того, чтобы встать на путь восстановления Франции путем поддержки вторжения союзников в Африку, навсегда останутся символом высочайшего патриотизма и величия характера.

С прочным закреплением войск Брэдли на Эльбе была подготовлена почва для заключительных операций союзников. Противник был расчленен на две изолированные друг от друга группировки на севере и на юге страны и не имел никаких шансов на создание единого фронта ни против русских, ни против нас. Когда мир немецкого солдата рушился вокруг него, он терял

всякое желание драться. Только в отдельных случаях командирам удавалось поддерживать порядок в своих частях. За первые три недели апреля союзники захватили более миллиона пленных.

Еще до начала наступления войск союзников через Центральную Германию мы знали, что правительство Германии готовилось к эвакуации из Берлина. Правительственные учреждения, казалось, направлялись на юг, - возможно, как мы думали, к Берхтесгадену, в зону "национального редута". Продолжение эвакуации на юг стало невозможным, когда войска Брэдли в итоге быстрого продвижения перерезали пути между севером и югом страны. Нам также было известно, что Гитлер оказался не в состоянии выехать на юг и решил до конца остаться в Берлине. Тем не менее существовала еще реальная возможность, что фанатически настроенные нацисты попытаются укрепиться в "национальном редуте", и поэтому скорейший захват этого района оставался для нас важной задачей. Имелись также веские основания для того, чтобы ускорить наше запланированное наступление на севере в направлении на Любек.

Наступление на Любек обеспечило бы захват последних баз немецких подводных лодок и устранило бы остатки этой некогда серьезной угрозы.

Мы не могли предсказывать, как будут действовать немецкие оккупационные войска в Дании. Возможно, они предпочтут упорно обороняться, и на такой случай мы планировали проведение молниеносной операции против них.

В начале апреля Монтгомери считал, что для проведения такой операции ему не потребуется дополнительных сил сверх семнадцати дивизий, которые тогда имелись у него в составе 21-й группы армий. Я предложил ему пропустить боевые грузы для обеспечения этой операции через американский железнодорожный мост у Везеля. Он отказался от этой помощи. Однако по мере того как развертывались операции на его левом фланге, он обнаружил, что его войска очень скоро выдохлись, и в интересах обеспечения быстроты действий попросил дополнительные войска и усиление материально-боевого обеспечения. И то и другое я с удовольствием выполнил. Я временно придал группе армий Монтгомери 18-й американский воздушно-десантный корпус под командованием генерала Риджуэя. Он должен был действовать в качестве пехоты, поддерживая наступление Монтгомери. На тот случай, если немцы в Дании решат сражаться до последнего, мы были готовы выделить дополнительные силы для воздушного десанта по ту сторону Кильского канала.

Когда в конце концов 26 апреля пал Бремен, сопротивление

на этом фронте заметно ослабло. Монтгомери быстро перевел свои основные усилия в направлении действий 8-го английского корпуса, который 29 апреля предпринял наступление через Эльбу. Американский 18-й корпус осуществил одновременное форсирование несколько южнее и обеспечил прикрытие правого фланга 2-й армии при ее дальнейшем наступлении.

1 мая 11-я бронетанковая дивизия 8-го английского корпуса предприняла блестящий бросок к Балтийскому морю через Шлезвиг-Гольштейн и вступила в Любек во второй половине дня 2 мая. Это предрешило судьбу противника в Дании, а также перерезало пути возможного отхода некоторых частей из разгромленных в Германии сил в эту страну.

Теперь Монтгомери быстро закреплялся на занятой территории по всему фронту, и 3 мая 18-й американский корпус установил контакт с русскими войсками на участке группировки Монтгомери. Берлин горел, правым флангом наступавшие войска Красной Армии быстро приближались к нам. Всякое сопротивление прекратилось. Толпы немцев, устремившихся на запад от русского фронта, теперь начали сдаваться англо-американским войскам. Американцы, стоявшие на Эльбе, ежедневно тысячами принимали таких пленных.

Между тем канадская армия на левом фланге группировки Монтгомери продолжала успешные операции и быстро очищала свою полосу от войск противника, не пытаясь повернуть назад, в Западную Голландию, где окопалась 25-я немецкая армия.

Мы знали, что положение в Голландии непрерывно ухудшалось; после того как эти районы оказались изолированными от Германии в результате наших наступательных операций, оно стало почти невыносимым. Судя по сведениям, которые к нам поступали, я опасался, что там может начаться всеобщий голод, и решил принять некоторые позитивные меры, чтобы предотвратить его. И все же всякие предложения относительно наступления в Голландию я отклонял. Оно принесло бы народу огромные дополнительные разрушения и страдания, а хлынувшая из открытых противником шлюзов на дамбах вода затопила бы новые районы, и это на многие годы лишило бы население этих районов плодородных земель. Я направил предупреждение генералу Бласковицу, немецкому командующему в Голландии, воздержаться от новых затоплений, указав при этом, что никакие его меры в Голландии не помешают скорому краху Германии.

Нацистский комиссар в Голландии Зейсс-Инкварт предложил локальное решение проблемы путем заключения перемирия: если войска союзников воздержатся от каких-либо наступательных

операций в западном направлении в Голландию, то не будет произведено никаких затоплений новых районов в стране и немцы будут сотрудничать в деле доставки населению продовольственной помощи извне. Мои старшие военные начальники уже предоставили мне свободу действий в этом вопросе, и в соответствии с этим 30 апреля я направил начальника штаба генерала Смита на встречу с Зейсс-Инквартом. Они договорились о методах доставки бедствующему населению продовольствия и других предметов первой необходимости, которые союзники уже сосредоточили для этой цели. Доставка, причем в крупных размерах, началась немедленно. Еще до этого мы направляли туда продовольствие в небольшом количестве на парашютах. Генерал Смит передал Зейсс-Инкварту предупреждение, что я не потерплю никакого вмешательства немцев в программу помощи, и если немцы нарушат свое обещание, то позднее я буду обращаться с ними не как с военнопленными. Я считал, что продолжение оккупации Голландии немцами теряло всякий смысл и любые репрессивные действия с их стороны в дальнейшем должны быть наказуемы. В ходе совещания генерал Смит также предложил, чтобы немецкий командующий Бласковиц немедленно сдался со всеми своими войсками. Однако Зейсс-Инкварт ответил, что, пока существует правительство Германии, Бласковиц не может капитулировать ни при каких обстоятельствах.

Одновременно со всеми этими операциями на севере столь же решающие события развертывались на юге. Главным направлением стало продвижение на юго-восток, вниз по долине реки Дунай на Линц с целью соединиться с русскими войсками в Австрии. Поскольку своим наступлением в центре Брэдли достиг намеченных целей, то для наступления по долине Дуная мы могли выделить 3-ю армию Паттона, в то время как 6-я группа армий все свои усилия направила на захват районов возможного нацистского оплота на юге и на западе. Чтобы наверняка обеспечить быстрое продвижение войск Деверса, мы выделили ему американскую 13-ю воздушно-десантную дивизию для использования по усмотрению руководства группы армий. Однако войска Деверса продвигались настолько быстро; что отпадала всякая необходимость в использовании 13-й воздушно-десантной дивизии, и получилось так, что она оказалась единственной американской дивизией, прибывшей в Европу, но так и не участвовавшей в боях.

Наступление 3-й армии вниз по Дунаю началось 22 апреля. Противник попытался было обороняться у Регенсбурга, но 3-й и 20-й корпуса быстро овладели плацдармами на противоположном

берегу Дуная к востоку и западу от города и устремились вниз вдоль реки. 11-я бронетанковая дивизия 12-го корпуса рванулась вперед и 5 мая приняла капитуляцию немецкого гарнизона в Линце, в Австрии.

Когда основные силы 3-й армии продвигались вниз вдоль Дуная, Паттону для усиления передали 5-й корпус из армии Ходжеса. Паттон тут же направил его на восток, в Чехословакию. 6 мая корпус захватил Пльзень. В этом районе русские войска быстро приближались с востока, и вновь появилась необходимость установления координации действий сторон. По договоренности мы направили американские войска для занятия рубежа Пльзень - Карлсбад, в то время как разграничительную линию на юге Чехословакии установили на рубеже железная дорога Ческе-Будеёвице - Линц и оттуда по долине реки Энс.

Заключительное крупное наступление 7-й армии Патча началось 22 апреля. 15-й корпус этой армии, находившийся на правом фланге, двинулся вниз по Дунаю и затем повернул на юг, чтобы захватить Мюнхен, тот самый город, откуда началось движение нацистов. Он был захвачен 30 апреля. 4 мая 3-я дивизия этого же корпуса захватила Берхтесгаден. Другие войска заняли Зальцбург. Оборона противника повсюду развалилась.

21-й и 6-й корпуса 7-й армии 22 апреля пересекли Дунай и двигались к "национальному редуту". 3 мая 103-я дивизия 6-го корпуса заняла Инсбрук и продвинулась дальше к перевалу Бреннер. Там, на итальянской стороне границы между Германией и Италией, эта американская дивизия встретилась с 88-й дивизией американской 5-й армии, наступавшей из Италии. Мои слова, сказанные полтора года назад, о том, что я встречусь с солдатами Средиземноморского театра военных действий "в центре вражеского стана", сбылись.

К концу апреля на всех участках фронта основные цели были достигнуты или их достижение в ближайшие дни не вызывало никаких сомнений. Большое удаление войск от исходных рубежей в результате этих наступательных операций резко осложнило материально-техническое и боевое обеспечение войск, что постоянно вызывало у нас затруднения. Опять появилась огромная перенапряженность на путях подвоза. Уже сами расстояния были достаточной причиной, чтобы остановить головные колонны, если бы мы находились в зависимости только от наземного транспорта, сколь ни эффективно он действовал. Вырвавшиеся далеко вперед и быстро продвигавшиеся колонны войск иногда почти полностью зависели от их снабжения воздушным путем, и в течение апреля 1500 транспортных самолетов непрерывно работали в нашей системе снабжения

наступавших войск. Они получили известность в войсках как "летающие вагоны" и никогда не играли столь существенной роли, как на этих заключительных стадиях войны. Кроме этого, мы сняли со многих тяжелых бомбардировщиков вооружение и переоборудовали их для транспортных целей. В течение апреля военная авиация доставила на фронт 60 тыс. тонн грузов, в том числе 10 млн. галлонов жидкого топлива.

Наши войска заполонили всю Западную Германию, и оставалось немного целей, против которых можно было направить нашу авиацию без риска сбросить бомбы либо на свои, либо на русские части. Тем не менее в последние дни войны наша авиация провела два важных воздушных налета. Один из них был совершен английским бомбардировочным командованием против острова-крепости Гельголанд с целью помочь Монтгомери на тот случай, если ему придется наступать через Кильский канал. Другой налет был осуществлен американской 8-й воздушной армией против Берхтесгадена. Этот оплот и символ нацистской надменности был подвергнут основательной бомбардировке. Налет был произведен в то время, когда мы все еще считали, что нацисты могут попытаться обосноваться в своем "национальном редуте" с Берхтесгаденом в качестве его столицы. Самолеты аэрофоторазведки доставили нам фотографии, из которых было видно, что наши бомбардировщики превратили город в руины. Фотоснимки принесли нам приятное и понятное всем удовлетворение.

Из каждого полета на фронт наши транспортные самолеты и переоборудованные тяжелые бомбардировщики возвращались полностью загруженными освобожденными из плена военнослужащими союзных армий. Их собирали в удобно расположенных лагерях для восстановления сил и скорейшей отправки домой. Возле Гавра только в одном таком лагере, названном "Лаки страйк", в одно время находилось 47 тыс. освобожденных из плена американских военнослужащих. У англичан тоже имелись аналогичные лагеря в различных местах Северо-Западной Франции и в Бельгии. Освобождение столь большого числа пленных за такое короткое время вызвало серьезные проблемы для медицинской службы армии, службы транспорта, да и, по существу, для всех нас. Во многих случаях физическое состояние пленных было настолько тяжелым, что теперь нужно было проявлять исключительную осторожность в их питании. Наиболее истощенные были госпитализированы, и на некоторое время наши лазареты оказались переполненными людьми, радость которых в связи с возвращением к своим вызывала трогательное сочувствие у окружающих, но которые

вместе с тем очень сильно страдали от истощения, и только особое лечение могло спасти их. Некоторые из американцев находились в плену со дня первых сражений в Тунисе в декабре 1942 года. В числе освобожденных из плена англичан были и такие, которые попали в плен у Дюнкерка в 1940 году.

Однажды у меня была назначена встреча с американскими сенаторами. Когда они вошли в кабинет, штабной офицер вручил мне телеграмму, в которой говорилось, что в одной газетной статье утверждается, будто в лагере "Лаки страйк" создались невыносимые условия. В статье сообщалось, что лагерь битком набит людьми, кормят их плохо, живут они в антисанитарных условиях, обращаются с ними без всякого сочувствия и понимания. А дела обстояли как раз наоборот. Всем освобожденным из плена американцам автоматически предоставлялся отпуск для поездки в Соединенные Штаты, и мы выделили специально подобранную группу офицеров, которые занимались этими вопросами.

Если бы газетное сообщение подтвердилось хотя бы частично, то это означало бы явное невыполнение на каком-то уровне наших строгих указаний на этот счет. Я решил лично проверить на месте и приказал своему пилоту подготовить самолет для немедленного вылета. Затем я обратился к пяти сенаторам, извинился перед ними, что не могу выполнить данное обещание относительно встречи с ними, и объяснил, почему мне необходимо срочно вылететь в лагерь для освобожденных из плена американцев. Я им предложил, если они пожелают поговорить со мной, сопровождать меня в этой поездке. Я сказал, что в этом лагере они будут иметь возможность увидеть тысячи освобожденных из плена американцев и что ни в одном другом месте они не найдут такого сосредоточения американских граждан. Все сенаторы с готовностью приняли мое предложение.

Менее чем через два часа мы прибыли в лагерь и приступили к проверке. Мы носились по лагерю и не нашли никаких оснований для столь ошеломительных заявлений, о которых сообщалось в телеграмме. Было только два вопроса, по которым обитатели лагеря проявляли нетерпение. Первым их них было питание. Пища была добротного качества, хорошо приготовлена, но врачи не разрешали употреблять соль, перец и другие острые приправы, считая, что это вредно для людей, которых изнурял голод в течение многих недель, месяцев и лет. Мы с сенаторами пообедали вместе с солдатами и согласились, что полное отсутствие приправы в пище не вызывает аппетита. Но, очевидно, это был уже чисто медицинский вопрос, и тут я не мог оспаривать решение врачей. Другая вполне понятная жалоба касалась

длительных сроков пребывания в лагере, прежде чем люди получали возможность выехать в Штаты. Это было вызвано отсутствием соответствующего морского транспорта. Грузовые суда, составлявшие основную часть нашего морского транспорта на этой стадии войны, не были рассчитаны на перевозку пассажиров. На них не было ни емкостей для снабжения питьевой водой, ни соответствующих кухонь, а туалеты и другие санитарные узлы были предназначены только для малочисленных экипажей.

Солдаты ничего не знали об этих вещах и озлоблялись, когда видели, как покидают гавани почти совершенно пустые суда, в то время когда им так хотелось поскорее выехать домой.

Нашим визитом солдаты, казалось, были довольны. Многие из них сопровождали нас по лагерю. Когда мы наконец вернулись к своему самолету, то обнаружили, что предприимчивая группа пленных развернула громкоговорящую установку с микрофоном возле моего самолета. От группы отделился сержант и довольно застенчиво сообщил, что солдаты хотели бы послушать Главнокомандующего. Вокруг самолета собралось около двадцати тысяч солдат.

Мне приходилось говорить с американскими солдатами сотни раз в самых различных местах, в самых различных фронтовых условиях, беседовать индивидуально и обращаться к большим группам людей. Но здесь я сначала растерялся, не зная, о чем с ними говорить. Каждый из собравшихся здесь пережил большие лишения, казалось бессмысленным пытаться, исходя из своего собственного опыта, искать такие слова, которые, возможно, нашли бы отклик в сердцах людей, познавших и вобравших в себя столько страданий.

И тогда мне пришла в голову удачная мысль - ускорить отправку этих людей на родину. Я взял микрофон и начал говорить собравшимся солдатам, что есть два способа отправить их домой. Первый заключается в том, чтобы погрузить на каждый отправляющийся корабль максимальное количество людей, на которые рассчитан корабль. Сейчас мы так и делаем.

Затем я сказал, что поскольку нет больше угрозы со стороны немецких подводных лодок, то мы могли бы на эти отправляющиеся в Штаты суда посадить двойное количество людей, но потребуется, чтобы один спал в дневное время, а другой - в ночное время на его месте. К тому же это вызовет также скученность и скопление народа на всем корабле. Я спросил у собравшихся, какой способ отправки они предпочитают. Громовое одобрение предложения о двойной численности не оставило никаких сомнений относительно их желаний.

Когда шум стих, я сказал: "Очень хорошо. Так мы и будем делать. Но должен вас предупредить, что здесь сегодня со мной пять американских сенаторов. Следовательно, когда вы приедете домой, то будет нехорошо, если вы начнете писать в газеты и своим сенаторам письма с жалобами на большую переполненность на судах, возвращающихся в Америку. Вы сами выбрали этот способ, и теперь вам придется с этим мириться".

Громкий смех, прокатившийся по толпе, не оставил сомнений в том, что они совершенно довольны своим выбором. После этого я ни разу не слышал жалоб на неудобства, которые они переносили на пути следования на родину.

Конец войны теперь уже был виден. Возможное продолжение боевых действий измерялось днями; единственный вопрос заключался в том, наступит ли финал в результате повсеместного соединения нашего огромного фронта с Красной Армией и войсками, следующими из Италии, или немецким правительством будет предпринята какая-нибудь попытка капитуляции.

За несколько недель до полной капитуляции мы получили некоторые намеки на то, что отдельные видные деятели в Германии ищут пути и средства, чтобы прекратить боевые действия. Ни в одном из этих окольных донесений не указывалось причастности самого Гитлера к этим попыткам. Наоборот, каждый из этих деятелей рейха так боялся навлечь на себя ярость нацистов, что был в такой же мере озабочен как сохранением в тайне своего участия в этом деле, так и попыткой добиться капитуляции немецких армий.

Один из таких первых намеков был получен через английское посольство в Стокгольме. Цель этих усилий сводилась к тому, чтобы заключить перемирие на Западе. Это была явная попытка прекратить войну с западными союзниками, с тем чтобы немцы могли все свои силы обрушить против России. Наши правительства отвергли такое предложение.

Второй сигнал поступил при загадочных обстоятельствах из Швейцарии от человека по имени Вольф. Там, очевидно, готовился заговор в целях капитуляции немецких войск в Италии. Наш штаб не имел никакого отношения к этому конкретному случаю, но нас держали в курсе этих событий в силу явных признаков ослабления решимости воевать со стороны некоторой части высших немецких руководителей. Получение подобного рода известий или правдивых сообщений всегда порождало напряженную работу и требовало большой осторожности, так как это касалось многих стран, и каждая из них, естественно, беспокоилась, чтобы ее интересы были в полной мере обеспечены.

В случае с Вольфом действия западных союзников, которые из лучших побуждений пытались установить аутентичность сообщения и полномочия того человека, который являлся инициатором этого дела, вызвали подозрения у Советов. Все это требовало от нас давать долгие объяснения и заставляло постоянно быть начеку при получении подобного рода сообщений.

Первое прямое предложение о капитуляции, дошедшее до штаба верховного командования союзных экспедиционных сил, поступило от Гиммлера, который связался со шведским графом Бернадотом, стремясь установить контакт с премьер-министром Черчиллем. 26 апреля я получил от премьер-министра длинное послание, в котором он излагал предложение Гиммлера о сдаче немцев на Западном фронте. Я рассматривал это предложение как последнюю отчаянную попытку внести раскол среди союзников и информировал об этом Черчилля, решительно настаивая на том, чтобы никакие предложения не принимались и не поддерживались, если в них не предусматривается капитуляция всех немецких войск на всех фронтах. Я считал, что любое предложение о том, чтобы союзники приняли от немецкого правительства капитуляцию только на их Западном фронте, немедленно вызовет полное разногласие с русскими и создаст обстановку, в которой русские могли бы не без оснований обвинить нас в вероломстве. Если немцы хотят сдаться в плен в составе армии, то это тактический и военный вопрос. То же самое, если они хотят капитулировать всеми силами на каком-то конкретном участке фронта. Немецкий командующий может так поступить, а командующий союзными войсками может принять их капитуляцию; но для правительства Германии есть только один путь - безоговорочная капитуляция перед всеми союзниками.

Такая точка зрения совпадала с мнением премьер-министра, и они вместе с президентом тут же направили полную информацию генералиссимусу Сталину, приложив свое заявление об отклонении полученного предложения.

Однако до самого конца немцы не прекращали попыток провести различие между капитуляцией на Западном фронте и капитуляцией на Восточном фронте. Когда потерпели неудачу переговоры на этот счет, немецкие командующие каждый на своем участке фронта, в конце концов, оказались перед перспективой полного уничтожения или военной капитуляции.

Первая крупная капитуляция произошла в Италии. Войска Александера блестяще действовали там в течение всего 1944 года и к 26 апреля 1945 года поставили противника в безвыходное положение. Начались переговоры о местной капитуляции, и 29

апреля немецкий командующий сдался. 2 мая должны были прекратиться боевые действия в Италии.

В результате капитуляции в Италии столь же безвыходное положение сложилось для немецких войск, находившихся севернее итальянской границы. 2 мая немецкий командующий запросил назвать ему союзного командующего, к которому он должен обратиться, чтобы договориться о сдаче в плен, и ему подсказали, чтобы он обратился к генералу Деверсу. Немца предупредили, что принята будет только безоговорочная капитуляция. Эта вражеская группировка была известна как группа армий "Г" в составе 1-й и 19-й немецких армий. Они сдались 5 мая, а капитуляция вступила в силу 6 мая.

Далеко на севере, в районе Гамбурга, немецкий командующий также осознал безнадежность своего положения. 30 апреля немецкий эмиссар появился в Стокгольме, чтобы сообщить, что фельдмаршал Буш, командующий немецкими войсками на севере, и генерал Линдеман, командующий войсками в Дании, готовы сдаться, как только наступающие армии союзников выйдут на побережье Балтики. Нам сообщили, что немцы откажутся сдаваться русским, но поскольку западные союзники вышли к Любеку и тем самым перерезали пути подхода сюда фанатически настроенных частей СС из Центральной Германии, то они немедленно сдадутся нам. Войска Монтгомери заняли Любек 3 мая. Однако к тому времени произошло крупное изменение в правительстве Германии.

Гитлер, покончил самоубийством, и остатки его рухнувшей власти достались адмиралу Деницу. Адмирал дал указание, чтобы все армии повсеместно сдавались только западным союзникам. Тысячи удрученных немецких солдат начали пересекать наш передний край, чтобы сдаться в плен. 3 мая адмирал Фридебург, который теперь возглавлял немецкие военно-морские силы, прибыл в штаб Монтгомери. Его сопровождал штабной офицер от фельдмаршала Буша. Они сообщили, что их целью является сдача в плен трех их армий, которые сражались против русских, и просили разрешения пропустить беженцев через наш передний край. Их единственным желанием было избежать сдачи в плен русским. Монтгомери тут же отказался обсуждать сдачу в плен на таких условиях и отослал немецких эмиссаров назад к фельдмаршалу Кейтелю, возглавлявшему немецкое верховное командование.

Я уже сказал Монтгомери, чтобы он принял военную капитуляцию всех войск противника в своей зоне операций. Такая капитуляция является делом тактики и входит в рамки полномочий командующего войсками на данном фронте.

Поэтому, когда адмирал Фридебург вернулся 4 мая в штаб Монтгомери с предложением сдать все немецкие войска в Северной Германии, в том числе в Голландии и Дании, Монтгомери немедленно согласился принять их капитуляцию. В тот же день были подписаны соответствующие документы. Они вступили в силу утром следующего дня. Принимая эти капитуляции, Деверс и Монтгомери не брали на себя никаких обязательств, которые могли бы поставить в затруднительное положение наши правительства в будущем относительно Германии; они носили чисто военный характер, и ничего больше.

5 мая в наш штаб прибыл представитель от адмирала Деница. За день до этого мы получили извещение о его прибытии. В это же время нам сообщили, что немецкое правительство отдало приказ всем своим подводным лодкам вернуться в порты. Я сразу же сообщил обо всем этом советскому Верховному главному командованию и просил назначить офицера в качестве русского представителя на возможных переговорах с Деницем. Я информировал русских, что не приму никакую капитуляцию, если она не будет предусматривать одновременную капитуляцию повсюду. Советское Верховное главное командование назначило генерал-майора Суслопарова своим представителем.

Фельдмаршал фон Кессельринг, командовавший немецкими войсками на Западном фронте, также прислал мне извещение с просьбой разрешить направить к нам своего уполномоченного, чтобы договориться о капитуляции. Поскольку права Кессельринга распространялись только на Запад, я ответил, что не буду вести никаких переговоров, если на них речь не пойдет обо всех немецких войсках на всех фронтах.

Когда 5 мая в Реймс прибыл адмирал Фридебург, он заявил, что хотел бы уяснить ряд вопросов. С нашей стороны переговоры вел начальник штаба генерал Смит. Он заявил Фридебургу, что нет смысла что-либо обсуждать, что наша задача сводится просто к принятию безоговорочной капитуляции. Фридебург возражал, заявив, что не имеет полномочий на подписание такого документа. Ему было разрешено передать по радио депешу для Деница; в ответ сообщили, что Йодль выехал в нашу штаб-квартиру, чтобы помочь ему в переговорах.

Нам было ясно, что немцы стремились выиграть время, с тем чтобы перевести за нашу линию фронта как можно больше немецких солдат. Я сказал генералу Смиту, чтобы он передал Йодлю, что если они немедленно не прекратят выдвигать всякие предлоги и тянуть время, то я закрою весь фронт союзников, чтобы впредь не пропускать никаких немецких беженцев через нашу линию фронта. Я не потерплю дальнейшего промедления.

Наконец Йодль и Фридебург составили телеграмму Деницу с просьбой дать им полномочия подписать акт о полной капитуляции, вступающей в силу через сорок восемь часов после его подписания. Немцы могли найти ту или иную причину, чтобы отсрочить капитуляцию и тем самым получить дополнительное время для себя. Поэтому через генерала Смита я информировал их, что капитуляция вступит в силу через сорок восемь часов, начиная с нынешней полуночи; в противном случае моя угроза закрыть Западный фронт будет немедленно осуществлена.

Наконец Дениц понял неизбежность выполнения наших требований, и акт о капитуляции был подписан Йодлем в 2 часа 41 мин. утра 7 мая. Боевые действия должны были прекратиться в полночь 8 мая.

После того как необходимые бумаги были подписаны Йодлем и генералом Смитом в присутствии французского и русского представителей, подписавших документы в качестве свидетелей, Йодля привели в мой кабинет. Я спросил его через переводчика, полностью ли он понимает все статьи подписанного им документа.

Он ответил: "Да".

Тогда я ему сказал: "Вы официально и лично будете нести ответственность, если условия этой капитуляция будут нарушены, в том числе за прибытие немецких командующих в Берлин в такое время, какое будет установлено русским главным командованием для оформления официальной капитуляции перед тем правительством. Все".

Он отдал честь и вышел. Глава 22. Последствия победы

По условиям подписанного Акта о капитуляции руководители немецких видов вооруженных сил должны были прибыть в Берлин 9 мая, чтобы подписать ратификацию в русском штабе. Эта вторая церемония, как мы понимали, должна была символизировать единство западных союзников и Советов и оповестить немцев и весь мир о том, что капитуляция осуществлена перед всеми, а не только перед западными союзниками. По этой причине нам было указано ничего не сообщать о первом подписании, пока не будет проведена вторая церемония.

Для того чтобы американские и английские корреспонденты имели полное представление о капитуляции в Реймсе, мы пригласили на церемонию подписания репортеров. Принимая приглашение, они согласились воздержаться от публикации материалов о капитуляции, пока не будет официального заявления, согласованного между союзниками. Однако какой-то американский репортер опубликовал свой репортаж раньше

времени, чем вызвал ярость других корреспондентов, которые оставались верны данному ими обещанию. Этот инцидент вызвал значительную шумиху, хотя общему делу не было причинено никакого вреда, за исключением ущерба репортажам других корреспондентов.

На церемонию подписания капитуляции в Берлин были приглашены и западные союзники, однако я считал лично для себя неподходящим ехать туда. Немцы уже побывали в штаб-квартире западных союзников, чтобы подписать Акт о безоговорочной капитуляции, и я полагал, что ратификация в Берлине должна быть делом Советов. Поэтому я назначил своего заместителя главного маршала авиации Теддера представлять меня на церемонии. Это было трудное дело - отработать все детали, связанные с определением времени, числа и категории лиц, которым будет разрешено присутствовать на церемонии, составлением маршрута полета наших самолетов над занятой русскими территорией. Однако все эти вопросы были улажены, и Теддер, сопровождаемый офицерами, солдатами, представителями женского вспомогательного корпуса и печати, которых набралось в общей сложности два или три полных самолета, выполнил возложенную на него задачу. Спустя несколько месяцев я увидел в Москве кинофильм - всю эту церемонию в Берлине, заснятую на пленку.

Наиболее сложной и неотложной из всех наших ближайших проблем была передислокация войск. Начиная с 1941 года глобальная стратегия союзников требовала нанесения поражения Германии, прежде чем предпринимать мощное скоординированное наступление против Японии. Немецкая капитуляция 7 мая означала завершение первой и крупнейшей задачи союзников.

Теперь подошло время взяться за выполнение второй задачи. По всему миру силы союзников привлекались для операции против восточного союзника держав "оси". Россия официально все еще находилась в состоянии мира с японцами, однако согласно информации, полученной нами, генералиссимус Сталин говорил президенту Рузвельту в Ялте, что в пределах трех месяцев со дня немецкой капитуляции Красная Армия вступит в войну против Японии.

Против разобщенных вражеских сил не один полководец в прошлом, успешно используя мобильность и внезапность, сосредоточивал свои войска вначале для уничтожения одной вражеской группировки, а затем всей своей мощью устремлялся против второй. Однако никогда раньше этот простой метод войны не применялся в более широких масштабах, чем в пределах

континента. Эта концепция оставалась правильной применительно как в локальном, так и глобальном масштабах, и союзных лидеров, ответственных за ее применение во Второй мировой войне, не испугало то, что передислокация своих войск против второго врага потребует переброски миллионов солдат и бесчисленного количества боевой техники из Европы через половину земного шара к Японии.

Для русских передислокация означала переброску крупных сил с запада на восток по длинной Транссибирской железной дороге. Поскольку имелась только одна железная дорога, то эта задача являлась сложной, требовавшей для своего осуществления определенного времени. Однако для западных союзников переброска своих армий и военно-воздушных сил из Европы тоже представляла собой колоссальную задачу с использованием сотен судов, действовавших на морских путях протяженностью в десять тысяч миль.

Еще в феврале 1945 года мы начали разработку планов по осуществлению этой задачи. Работники моего штаба непрерывно консультировались с военным министерством. Ко дню Победы в Европе уже были в основном составлены графики перевозок, установлена первоочередность, а также проведены организационные приготовления для массовой переброски войск и техники на Тихоокеанский театр военных действий.

Имелось несколько факторов, которые еще больше осложняли и без того исключительно сложную задачу. Нужно было оставить в Европе и, соответственно, обеспечивать необходимые силы для оккупации Германии. На Тихоокеанском театре военных действий особенно остро ощущалась потребность в частях обслуживания, в то время как наши потребности в них здесь, в Европе, были еще более неотложными, поскольку нужно было быстро завершить переброску боевых дивизий на Дальний Восток. Еще большие осложнения вызывало наше стремление равномерно распределить тяготы войны между миллионами наших солдат.

В день капитуляции под моим командованием в союзнических войсках находилось более 3 млн. американцев. Они составляли 61 американскую дивизию, из которых только одна не участвовала в боевых действиях.

Людей, которые очень долго находились в частях, непосредственно участвовавших в боевых действиях, нужно было оставлять для несения оккупационной службы или отправлять домой; других, с менее короткими сроками пребывания на фронте, надо было посылать на Тихоокеанский ТВД. Многие из наших дивизий находились без перерыва до одиннадцати месяцев в боях, а некоторые, в том числе 1-я, 3-я, 9-я, 36-я и 45-я пехотные

и 82-я воздушно-десантная дивизии, начали войну еще на Средиземноморском ТВД. Отдельные дивизии почти два с половиной года только с небольшими перерывами находились в боях (например, 34-я пехотная и 1-я бронетанковая дивизии, вступившие в войну еще на Средиземноморском театре военных действий).

Поэтому стремление равномерно распределять тяготы войны между солдатами потребовало массового перевода личного состава из дивизий и замены ветеранов солдатами с более короткими сроками пребывания на фронте. В то же время мы должны были проявлять исключительную осторожность, чтобы сохранить боеспособность частей, ибо было бы бессмысленно направлять на Тихий океан дивизии, укомплектованные малоопытными солдатами.

Вопрос о том, попадал ли отдельный солдат в категорию для увольнения или для продолжения службы, определялся сложной многобалльной системой, основанной на учете длительности службы, времени пребывания на заморских территориях, с учетом боевых наград, семейного положения и возраста. Применение такого метода определения было кропотливым и утомительным делом, но, вероятно, невозможно было выработать лучший метод, чтобы совместить противоречащие друг другу интересы отдельных солдат и интересы сохранения боеспособности частей. Дополнительные трудности возникли в этом вопросе, когда военное министерство сочло нужным изменить "критический балл". Это только прибавило нам работы, не говоря уже о путанице и определенном недовольстве.

Деятельность нашего административно-хозяйственного механизма в Европе нужно было направить в другое русло. Базы, аэродромы, склады, порты, дороги, железнодорожная сеть были заняты тем, чтобы доставлять войска и предметы материально-боевого обеспечения к центру Германии. Теперь же они, образно выражаясь, должны были повернуться на сто восемьдесят градусов и начать действовать в обратном направлении. Наши базы материального снабжения войск, пункты и склады боеприпасов были разбросаны по всей Западной Европе, Италии и даже Северной Африке. Теперь все это нужно было собрать, инвентаризовать, упаковать и на кораблях отправить на Тихий океан. Причем основным требованием являлась быстрота проведения всех этих работ.

Это было настолько неотложно, что вынудило нас создать специальный штаб с единственной задачей - организовать, проконтролировать и ускорить эти работы. Такой штаб был официально создан 9 апреля, за месяц до капитуляции Германии.

В силу исключительного опыта в деле организации крупных воздушных операций генерал Спаатс был освобожден от своей должности на нашем театре военных действий и направлен на Тихий океан. На Дальнем Востоке нуждались также в опытном командующем армией. Для этой цели был выбран генерал Ходжес, 1-я армия которого выполнила свою задачу в Европе, выйдя на Эльбу. Он был вполне компетентным и опытным командиром, и его можно было выделить из числа командующих на нашем театре военных действий без ущерба для общего дела. Он выехал на Тихоокеанский ТВД через Соединенные Штаты до подписания немцами капитуляции в Европе.

Сколь ни велика была эта проблема, она составляла лишь часть той огромной работы, которая выпала на долю американских войск и их руководителей. С окончанием боевых действий западные союзники должны были приступить к расчленению огромных боевых формирований в соответствии с их национальным составом. Я неоднократно выдвигал предложение, чтобы западные союзники занимали свою часть Германии сообща, но наши правительства отклоняли его. Мой план считали политически нецелесообразным, хотя я и утверждал, что поскольку оккупация явится следствием войны и потребует для этого присутствия здесь армий западных союзников, то едва ли могут быть резонные возражения против сохранения в Западной Германии той же самой военной организации, которая обеспечила победу. Вопрос, однако, был чисто политический, и наши правительственные руководители считали, что мой план будет неблагоприятно истолкован Советским Союзом.

Разделение означало, что мы должны были рассортировать все наши сложные, исключительно взаимосвязанные штабы и организации, пересмотреть установленный порядок подчинения и связи, чтобы отвечать новым требованиям своих правительств и национальным интересам. Почти все снабжение французов и частично англичан зависело от американских запасов и возможностей. В предвидении прекращения ленд-лиза нужно было ввести детальную систему расчетов, чтобы впредь все снабжение осуществлять на деловой основе, а не сообразуясь с потребностями войны.

Нужно было быстро ввести военную администрацию над всеми недавно захваченными районами Германии. Если ко всему этому добавить бесконечный поток административных проблем, связанных с управлением огромной группировкой сил союзников на Западе, то легко понять замечание одного перегруженного работой штабного офицера, который сказал: "Я всегда думал, что, когда немцы капитулируют, я отпраздную это крупной попойкой.

Теперь я каждый день принимаю аспирин, не до шуток насчет попойки".

Мы были настолько заняты ежедневной тяжелой работой, что даже не представляли себе того восторга, какой охватил население наших стран. Отсутствие полного представления о том, как люди на родине реагируют на нашу победу, было характерно для многих из нас. Вскоре после капитуляции немцев я вспомнил, что в 1945 году исполняется 30 лет со дня нашего выпуска в Вест-Пойнте, и задумал устроить небольшие, в частном порядке, торжества для тех из выпускников, кто находился на Европейском ТВД. Я полагал, что мы сумеем вылететь в Соединенные Штаты, провести один день в Вест-Пойнте на церемонии выпуска и вернуться в Германию. На это уйдет всего трое суток. Я думал провести эту встречу тихо, чтобы никто в Соединенных Штатах, за исключением сотрудников Вест-Пойнта, не узнал об этом, пока мы не вернемся во Франкфурт. Я с большим энтузиазмом взялся за осуществление этой идеи и предложил, чтобы каждый из двадцати моих однокурсников, находившихся в Европе, сообщил по секрету о нашем плане своим женам с просьбой приехать на один день в Вест-Пойнт.

Когда я вплотную занимался подготовкой этой встречи, мы получили из Вашингтона сведения о том, что в силу обстоятельств, не позволяющих американским частям в Европе прибыть в Соединенные Штаты для участия в традиционных парадах победоносных войск, генерал Маршалл хотел, чтобы я подобрал группы представителей от офицеров и солдат примерно по пятьдесят человек в каждой для краткого турне по нашей стране. Он считал, что через этих представителей торжествующая Америка получит возможность выразить благодарность своим сражавшимся в Европе солдатам.

Эти указания перечеркнули все мои личные замыслы. Я думаю, что все те, кого выбрали для поездки на родину для участия в серии торжеств, проходивших в июне 1945 года, испытывали чувство изумления и удивления тем восторгом, с каким их встречали.

Для каждого эти встречи были вдохновляющими и волнующими. Народ Соединенных Штатов встретил эти группы с беспримерной щедростью, радушием и гостеприимством. Что касается меня, то эта поездка была далеко не такой скромной однодневной встречей, к которой я с такой надеждой готовился со своими однокурсниками по Вест-Пойнту. Это была радостная интерлюдия, но скорое возвращение к упорной и кропотливой работе было неизбежно. После победы в Европе в ходе нескольких месяцев я побывал в различных европейских столицах на

аналогичных торжествах: в Лондоне, Париже, Брюсселе, Гааге и Праге; другие приглашения я нашел невозможным принять. Мои более поздние поездки в Москву и Варшаву не были связаны с "торжествами Победы".

На Московской конференции 1943 года, на которой присутствовал государственный секретарь Хэлл, три основных союзника согласились немедленно создать Европейскую консультативную комиссию в Лондоне. Этот орган должен был начать изучение послевоенных политических проблем Европы и готовить соответствующие рекомендации правительствам.

С начала 1944 года комиссия работала в Лондоне и подготовила согласованные рекомендации о будущих условиях капитуляции Германии, о зонах оккупации, а также рекомендации по созданию механизма для совместного контроля. Американский военный советник этой комиссии бригадный генерал Корнелиус Уикерсхэм позднее стал моим заместителем по организации работы американской части Контрольного совета.

На основе соглашений, разработанных Европейской консультативной комиссией, каждый из четырех союзников должен был взять на себя оккупацию части Германии, а военное управление страной возлагалось на Контрольный совет, состоящий из четырех командующих союзными войсками; в помощь совету создавался координационный комитет, а для осуществления контрольных функций - группы офицеров и гражданских лиц со специальными задачами, связанными с разоружением и демобилизацией немецких вооруженных сил, с решением политических, экономических, юридических, финансовых, трудовых и других проблем в связи с введением военного правления в оккупированной стране. Пока существовал штаб верховного командования союзных экспедиционных сил, английские и американские усилия в области военного правления были объединены. Англичане открыли у себя курсы по подготовке работников для военной администрации, аналогичные нашим курсам в Шарлотесвиле, штат Вирджиния. Американские курсы уже подготовили необходимые кадры для военной администрации на Сицилии и в Италии.

Заключительный этап обучения офицеров для военной администрации в американской зоне оккупации проводился в Англии. В штабе верховного командования союзных экспедиционных сил мы создали общий отдел, на который возложили задачу координации всей деятельности военной администрации. Отдел возглавили генерал-лейтенант английской армии Грассетт и бригадный генерал армии США Холмс.

Наш первый опыт военного правления в Германии мы

получили возле Ахена перед форсированием Рейна. Этот опыт показал нам, с какого рода проблемами нам предстоит встретиться позднее, когда оккупация распространится дальше, в глубь Германии. Это была новая и трудная обстановка, и она еще больше усугублялась тем обстоятельством, что мы должны были не принимать бывших нацистов ни на какие государственные должности. Во многих сферах деятельности на местах только местные нацисты имели необходимые знания и опыт. Сразу же возник вопрос относительно того, следует нам использовать этих или других людей, которые обладали очень скудным или вообще не обладали никаким опытом деятельности в той или иной конкретной сфере. Было трудно, но мы как можно скорее освобождались от бывших членов нацистской партии и обучали других немцев, чтобы поставить их во главе предприятий общественного обслуживания, санитарной службы, почты, телеграфа и телефона.

Жизнь офицера военной администрации никогда не была монотонной. Обычно таким людям присваивали офицерские звания в армии в силу их административного или профессионального опыта. Однако когда на плечи такого офицера возлагалось ведение хозяйства целого города, ему приходилось сталкиваться с самыми непостижимыми проблемами в человеческих взаимоотношениях, поддерживать мир и порядок на местах и в то же время вылавливать тех, кого союзники разыскивали, чтобы отдать под суд; он должен был начинать восстанавливать производственную деятельность в стране и в то же время выполнять свою долю в осуществлении большой политики союзников, как она была нам изложена в официальном документе американского комитета начальников штабов. Вначале этот офицер часто оказывался вынужденным выступать в роли судьи в личных ссорах между местными жителями. Едва немцы узнали о нашей программе увольнений с государственной службы бывших членов нацистской партии, каждая жалоба одного гражданина против другого стала обосновываться формулой "он нацист". В хаосе послевоенной Германии ошибки были неизбежны, и они касались как общей политики, так и отдельных мероприятий, проводимых местными органами военной администрации.

Генерал-лейтенант Клей прибыл в Европу в апреле 1945 года, чтобы выступить в роли моего заместителя по вопросам военного управления Германией. Ранее, в ходе войны, в течение короткого периода он оказал неоценимые услуги нашей службе тыла на Европейском театре военных действий. С самого начала он был со мной согласен, что гражданское ведомство должно в конечном

счете взять на себя все функции контроля в Германии, и поэтому вся его организация была четко отделена от военного штаба. Таким путем мы были готовы передать военное правление в руки государственного департамента без коренной реорганизации.

По соглашению на политическом уровне штаб Верховного командующего союзными экспедиционными силами прекратил существование 14 июля. По этому случаю я направил в войска прощальный приказ с благодарностью и с пожеланием всего доброго всему личному составу группировки союзников. Впервые после трех лет я перестал быть союзным командующим. С этого момента моя власть распространялась только на американские войска.

Предварительные соглашения по проведению первого заседания Контрольного совета в Берлине были достигнуты не без трудностей. Осложнения порождались языковыми различиями, утомительными методами поддерживания связи, отсутствием личных контактов между старшими военачальниками и разрушениями в Берлине, которые резко ограничивали возможности размещения. Только к 5 июня мы добились достаточного прогресса во всех этих мучительных переговорах, чтобы провести первое официальное заседание союзных командующих в Берлине.

Целью этого заседания являлось просто подписание основного заявления Декларации, в которой сообщалось о создании Контрольного совета и взятии союзными державами всей полноты власти по управлению Германией. Перед выездом в Берлин мы считали, что в данном случае все документы уже полностью согласованы, однако по прибытии туда обнаружили, что имеются вопросы, которые русские все еще считали нерешенными.

Заседание было назначено на вторую половину дня, и я воспользовался предоставившейся мне возможностью заехать в штаб к Маршалу Жукову, чтобы вручить ему высшую воинскую награду - медаль "Легион почета", которой его удостоило американское правительство. Жуков произвел на меня впечатление приветливого человека с отличной военной выправкой.

По возвращении к себе, где нас временно разместили, я узнал, что поступило сообщение о неожиданной задержке в открытии заседания, на котором Маршал Жуков должен был выступать в роли хозяина. Это вызвало досаду, поскольку вечером я должен был вернуться во Франкфурт. В ожидании мы провели долгие послеполуденные часы, а офицер связи из штаба Жукова, говоривший по-английски, не мог дать нам никаких объяснений

относительно задержки заседания. Наконец уже к вечеру я решил ускорить дело. Поскольку я знал, что все документы, которые нам предстояло подписать, были ранее изучены и просмотрены каждым из союзных правительств, я не видел обоснованной причины для задержки, которая теперь выглядела как преднамеренная. Поэтому я попросил офицера связи сообщить Маршалу Жукову, что, к моему большому сожалению, я буду вынужден возвратиться во Франкфурт, если заседание не начнется в ближайшие тридцать минут. Однако когда посыльный уже был готов отправиться с моим заявлением к Жукову, к нам поступило сообщение, что нас ожидают в зале заседаний, куда мы и отправились незамедлительно. Маршал- объяснил, что задержка произошла ввиду того, что он ожидал из Москвы последних указаний по одному важному вопросу. Мы приняли объяснение благосклонно, и Контрольный совет начал работать в атмосфере дружественного радушия.

Круглый стол, за которым мы разместились, оказался самым большим, какие я когда-либо видел. Командующие сидели в окружении толпы военных и политических помощников, фотографов, репортеров, которые, казалось, находились здесь просто для того, чтобы присутствовать. Перед каждым из нас лежало по четыре экземпляра каждого документа, и все их предстояло подписать четырем членам Контрольного совета. После некоторого обсуждения несущественных деталей, формулировок утомительное дело было закончено.

Затем выяснилось, что Маршал Жуков подготовил тщательно продуманный банкет для своих гостей, но я не был готов провести всю ночь в Берлине. Более того, я позволил столь большой группе сопровождать меня в Берлин, и не было никакой возможности позаботиться об их ночлеге в переполненных помещениях, выделенных для нас. Поэтому я сказал Жукову, что мне придется этим же вечером возвращаться во Франкфурт, и довольно рано, чтобы произвести там посадку до наступления темноты. Он попросил меня согласиться на компромисс и зайти в банкетный зал на пару тостов и прослушать две песни в исполнении ансамбля Красной Армии. Он обещал мне быстрый проезд через город к аэродрому, сказав, что сам поедет со мной на аэродром и проследит, чтобы не было никаких задержек.

Столь гостеприимный жест Маршала в отношении своих союзников вызвал у меня сожаление, что я не могу оставаться здесь дольше. Ансамбль Красной Армии замечательно исполнял песни, а банкетный стол был заставлен русскими деликатесами. Перед моим уходом Маршал Жуков объявил, что только что получил из Москвы указание, одобренное генералиссимусом

Сталиным, вручить фельдмаршалу Монтгомери и мне русский орден "Победа" - награду, которую до этого еще не получил ни один иностранец. Маршал спросил, когда я хотел бы провести церемонию вручения этого ордена, и я пригласил его посетить мой штаб во Франкфурте. Он принял приглашение и был доволен, когда Монтгомери тактично заметил, что поскольку в течение всей кампании в Европе он находился под моим командованием, то он тоже хотел бы получить эту награду в моем штабе.

Я сказал Жукову, чтобы он взял с собой на церемонию во Франкфурт ряд своих штабных офицеров и оставался у нас столько, сколько пожелает, а также заверил его, что ему будет оказан теплый прием. Он ответил, что приедет 10 июня и что его будут сопровождать не более десяти штабных офицеров, но остаться он может только на один день. Я соответственно и запланировал официальный завтрак для него и сопровождавших его лиц. В аэропорту мы встретили Маршала Жукова с почетным караулом и оркестром армии США, а затем мы с ним и переводчиком сели в автомашину и поехали в штаб.

Завтрак прошел с большим успехом. Выдался прекрасный летний день, и сначала мы повели гостей на большой открытый балкон, где нас угощали вином и закуской перед завтраком, и в это время, как было запланировано, провели воздушный парад с участием большого числа самолетов нашей авиации, полагая, что Маршал Жуков воспримет это как проявление глубокого уважения к нему. С ближайших аэродромов мы подняли сотни истребителей, за которыми строем пронеслись бомбардировщики всех типов, какие только у нас имелись. В ясную, солнечную погоду получилось внушительное зрелище, и казалось, оно произвело на Жукова большое впечатление.

В соответствии с русским обычаем, насколько мы его знали, во время завтрака провозглашались тосты. Маршал Жуков был мастером провозглашения тостов, или, по крайней мере, таким он нам тогда показался, и его высказывания через переводчика делали честь союзникам и рождали надежду на успех нашего сотрудничества в будущем. Все по очереди провозглашали свои тосты -англичане, американцы, русские и французы. Мы, должно быть, не меньше десяти раз вставали при провозглашении тостов.

Награды, врученные мне и Монтгомери, относились к числу тех немногих, какие я видел и какие имеют больше истинную, чем символическую ценность. Орден представляет собой пятиконечную звезду, инкрустированную примерно 80-90 бриллиантами вокруг рубинов, а в центре звезды находится покрытое эмалью изображение Кремля.

Из опыта контактов западных союзников с русскими в ходе войны генерал Смит, Клей и я пришли к заключению в начале лета 1945 года, что успех совместного управления Германией будет измеряться почти исключительно тем, в какой мере западным союзникам, как в центре, так и на местах, удастся рассеять у русских подозрение и недоверие. Следовательно, как в личном плане, так и в официальных взаимоотношениях, мы не жалели усилий, чтобы продемонстрировать добрую волю, уважение и дружественные намерения.

Однако в то время сложная проблема перемещенных лиц оказывала на меня большее давление, чем мои личные взаимоотношения с русскими. Под перемещенными лицами подразумевались граждане, оказавшиеся за пределами границ своего государства из-за войны, которые желали, но не имели возможности вернуться домой или найти дом без посторонней помощи или которых нужно было вернуть на вражескую или бывшую вражеской территорию.

Сотни тысяч из таких перемещенных лиц были быстро эвакуированы. Это было одно из решений нашей проблемы военнопленных; многие из этой категории гражданских лиц имели свои дома где-то в Европе и хотели немедленно вернуться туда. Мы для них организовали временные лагеря, чтобы обеспечить их кровом и пищей, пока разрабатываются планы их транспортировки по назначению.

Первое деловое заседание Контрольного совета в Берлине было проведено 10 июля. Председательствовали на заседании по очереди, и на первых порах был заметен прекрасный дух сотрудничества. Возникали различия во мнениях, но в большинстве случаев дело касалось деталей процедур или методов, и в преобладавшей атмосфере сотрудничества они, казалось, не угрожали серьезными осложнениями.

В начале июля мы получили известие, что вскоре состоится Потсдамская конференция. И опять мы должны были подготовить помещения и обеспечить безопасность приема высокопоставленных лиц, но на этот раз моя задача ограничивалась встречей и обеспечением всем необходимым только американской делегации. Я выехал в Антверпен, чтобы встретить крейсер, на котором президент Трумэн и государственный секретарь Бирнс прибывали в Европу. Там я имел возможность обсудить с ними некоторые вопросы, по моему мнению, имевшие важное значение.

Во-первых, я настаивал, чтобы гражданские власти взяли на себя управление в нашей части Германии как можно скорее. При этом я доказывал президенту и государственному секретарю, что

пока армии, вероятно, все же придется держать под своим контролем жизнь в нашей оккупационной зоне до обеспечения полной гарантии порядка, но управление обычной повседневной жизнью отдельных граждан не является обязанностью военной организации. Я считал, что, сколь ни эффективно и целеустремленно армия будет работать по осуществлению возложенной на нее задачи, наверняка возникнут недоразумения. В конечном счете американские концепции и традиции лучше всего будут претворяться в жизнь, если государственный департамент возьмет на себя всю полноту административной власти в нашей зоне, используя американскую армию в качестве вспомогательного средства и опоры для гражданского правления. Как президент, так и государственный секретарь полностью соглашались со мной, и я начал думать, что это произойдет в пределах нескольких месяцев.

Вернувшись в конце 1945 года в Соединенные Штаты и заняв пост начальника штаба армии, я продолжал настаивать перед государственным секретарем Бирнсом на разумности такого шага, но вскоре понял, что его взгляды изменились. Хотя он всегда был согласен со мной, но осуществить идею не соглашался ввиду того административного и финансового бремени, которое тем самым легло бы на государственный департамент.

Другой вопрос, по которому я рискнул высказать свои соображения президенту Трумэну, касался намерений русских вступить в войну против Японии. Я говорил ему, что, поскольку имеющиеся сведения указывают на неизбежность скорого краха Японии, я категорически возражаю против вступления Красной Армии в эту войну. Я предвидел определенные трудности, которые будут порождены ее участием в войне, и предлагал, чтобы, по крайней мере, мы не ставили себя в положение упрашивающих или умоляющих русских о помощи.

Третье предложение, с которым я обратился к президенту, сводилось к тому, чтобы мы сохранили некоторую гибкость в вопросе прекращения операций в рамках ленд-лиза с французами и англичанами. Я не был знаком С точными формулировками законов, связанных с ленд-лизом, но знал, что окончание боевых действий вовсе не означает немедленного уменьшения потребностей французов и англичан в наших поставках им продовольствия и других предметов первой необходимости, на которые те с уверенностью рассчитывали. Я полагал, что нужно избежать одностороннего и внезапного прекращения помощи по ленд-лизу и поступить таким образом, чтобы дать возможность этим странам быстро приспособиться к новым условиям.

Я информировал президента о своем убеждении, что нам

следует обращаться с экономикой Германии, и в частности в вопросах репараций, таким образом, чтобы дать немцам возможность существовать при условии их готовности трудиться. А относительно такой готовности не было никаких сомнений. С первого дня, как мы вступили на территорию Германии, было заметно стремление рядовых граждан трудиться с утра до ночи даже ради своего скудного существования. Еще до того, как мы пересекли Рейн, я видел, как немецкие женщины и дети на полях, в условиях беспорядочной стрельбы кругом, пахали и сеяли, чтобы получить какое-либо подобие урожая в том году.

Клей и я были убеждены, что восстановление Рура было исключительно важным делом в наших собственных интересах. Нигде в другом месте Европы не имелось залежей угля, равного по качеству рурскому углю и столь легко добываемого. И уже становилось очевидным, что уголь будет ключом к успешному управлению оккупированной Германией. Без угля невозможно восстановление транспорта, а без транспорта вся страна останется парализованной. Я говорил президенту, что если мы не восстановим Рур, то Германия вскоре окажется на грани голода. Американцы, разумеется, никогда не допустят, чтобы с голоду умирали даже их бывшие враги, и добровольно возьмут на себя дорогостоящую задачу снабжения их продовольствием. Но, как я полагал, можно было предотвратить такое финансовое бремя. Мне казалось, что если будут восстановлены добыча угля в Руре и транспорт, то Германия вскоре окажется в состоянии экспортировать продукцию своей легкой промышленности, никоим образом не связанной с запрещенной для Германии военной промышленностью. Такой экспорт позволял бы Германии закупать и импортировать из других стран достаточное количество продовольствия, чтобы покрыть неизбежные нехватки в нем.

В Потсдаме я несколько раз встречался с разными членами американской делегации, но поскольку война в Европе была завершена, то я не участвовал в работе конференции ни в качестве официального свидетеля, ни в качестве советника.

У меня состоялась долгая беседа с военным министром Стимсоном, который очень коротко сообщил мне, что в штате Нью-Мексико скоро будут проведены испытания атомной бомбы, которую наконец удалось разработать американским ученым. Результаты успешного испытания вскоре были сообщены телеграммой военному министру. После этого сообщения он почувствовал огромное облегчение, ибо с напряженным интересом следил за ходом работ и чувствовал большую ответственность за те деньги и ресурсы, какие были

израсходованы на создание бомбы. Я выразил надежду, что мы никогда не применим такое оружие против любого врага, так как мне было бы неприятно видеть Соединенные Штаты в роли инициатора использования в войне столь ужасного и разрушительного средства. Более того, у меня теплилась некоторая надежда, хотя и ошибочная, что если мы никогда не применим это оружие в войне, то другие народы, возможно, останутся в неведении относительно того, что проблема расщепления атома уже решена. Я тогда, конечно, не знал, что в производство этого оружия вовлечена целая армия ученых и что тайну в этом важном вопросе невозможно сохранить более или менее длительное время. Это было мое личное мнение, явившееся непосредственной реакцией на известие о новом оружии, оно не было основано ни на каком анализе данной проблемы. Во всяком случае, было принято решение, что если Япония не пойдет на быструю капитуляцию в соответствии с требованиями, переданными японскому правительству из Потсдама, то план использования атомной бомбы будет приведен в исполнение.

Находясь в Германии, президент изъявил желание совершить инспекционную поездку в войска. Я договорился, чтобы поездка была в американскую зону, и по счастливому совпадению в число инспектируемых соединений попала 84-я дивизия. В этой дивизии начальником штаба был полковник Луис Трумэн, двоюродный брат президента, и поэтому поездка в дивизию стала бы для президента приятной не только в официальном, но и в личном плане.

Однажды, когда вместе с президентом в машине ехали генерал Брэдли и я, Трумэн начал обсуждать планы относительно использования в будущем некоторых из наших военных руководителей. Я сказал, что не имею никаких честолюбивых замыслов, что хочу уединиться в тихом домике и оттуда делать то немногое, что смогу, чтобы помочь нашему народу понять некоторые из тех больших перемен, которые принесла миру война, и неизбежную ответственность, которая ляжет на всех нас в результате этих перемен. Я никогда не забуду ответ президента. До этого времени у нас с ним было только две или три мимолетные встречи по разным поводам. У меня был с ним неофициальный завтрак, я нашел президента искренним, честным и исключительно приятным человеком при решении деловых вопросов. Здесь, в автомашине, он обернулся ко мне и сказал: "Генерал, я всегда готов помочь вам во всем, что бы вы ни попросили. В том числе и при выдвижении вашей кандидатуры на пост президента в 1948 году".

Я сомневаюсь, чтобы какой-либо солдат в нашей стране был

когда-нибудь так неожиданно поражен в своих сокровенных чувствах ошеломляющим предложением своего президента, высказанным со столь очевидной искренностью, как я в данном случае. В беседах с друзьями в шутливой форме мне и раньше предлагались варианты возможной политической карьеры. Я всегда тут же отвергал подобные идеи, однако когда сам президент неожиданно обрушил на меня этот бортовой залп, то у меня не оставалось ничего иного, как воспринять это как прекрасную шутку. Я надеялся, что это именно шутка. Искренне посмеявшись, я ответил: "Господин президент, я не знаю, кто будет вашим оппонентом на президентских выборах, но только не я". В серьезности сказанного у меня не было никаких сомнений.
Глава 23. Операция "Изучение"

Летом 1945 года, когда наши главные усилия были направлены на передислокацию войск, введение оккупационного режима и осуществление многих других второстепенных задач, непосредственно связанных с нашей миссией, мы также были заняты профессиональным делом - изучением опыта войны и ее уроков.

Мы располагали материалами, монументальными по объему и уникальными по содержанию. Кампании на Средиземноморском театре военных действий и в Европе не имели себе равных в истории войн; в ходе этих кампаний армия Соединенных Штатов провела операции, беспрецедентные со времени ее создания в 1775 году.

Для ведения операций в Африке и Европе потребовалось создание крупных наземных сил. В эти силы, основу которых составляли сорок семь пехотных дивизий с артиллерией, входили шестнадцать бронетанковых и четыре воздушно-десантные дивизии, одна горная дивизия, четыре морские бригады для управления десантно-высадочными средствами, не говоря уже об инженерно-десантных и саперных подразделениях, множество дивизионов зенитной, полевой и противотанковой артиллерии. Столь же огромное число американских авиационных частей и подразделений было сформировано на этих двух театрах военных действий.

Были установлены межконтинентальные линии коммуникаций системы транспортировки и управления, создана структура военной администрации для контроля за многомиллионным населением враждебных стран. Осуществление боевых операций потребовало координации действий с гражданскими министерствами иностранных государств, деятельность которых отличалась от деятельности наших государственных учреждений, проведение совместной

штабной работы с союзническими армиями, осуществление новых методов стратегического руководства в рамках нашей собственной военной организации и дипломатических усилий, которые до этого редко поручались командованию боевой группировки. Никакое предвоенное определение задач армии не могло бы в полной мере предсказать размах и сложность ее деятельности в войне против европейских держав "оси". Как в достижениях, так и в ошибках для нас было много поучительного.

Чисто в военном плане действия войск представляли собой огромные и непрерывные наступательные операции, длившиеся многие месяцы, которые требовали изучения и оценки их уроков. Задача, поставленная перед группировкой союзных войск, была самой трудной, какую когда-либо имела перед собой армия в войне. Из Северной Африки через Сицилию и Италию наши войска атаковали "крепость Европы" и высадились на побережье, многие дни вели бои на плацдарме, не имея даже посредственного порта для снабжения десанта, затем должны были овладеть достаточно благоприятными позициями для борьбы с превосходящими сухопутными силами противника и в конечном счете создать там такую группировку, которая оказалась бы в состоянии осуществить полный разгром врага.

Во всех этих операциях, в особенности в Западной Европе, нашим руководящим принципом было - любой ценой не допустить остановки в продвижении войск, ибо это могло приковать наши войска на занятых рубежах и превратить боевые действия в позиционную войну, как во время Первой мировой войны. Иногда при проведении любой кампании возникает перенапряжение в системе снабжения наступающих войск, которое в значительной степени препятствует продолжению мощных наступательных действий. В такие периоды определенная степень стабилизации фронта неизбежна. Однако войска союзников не позволяли этим периодам стабилизации перерастать в долгие, мрачные и изнурительные сражения, какие обескровили Европу во время Первой мировой войны. Нужно было тщательно исследовать воздействие на ход боевых действий огневой мощи, мобильности войск и воздушных ударов, которые мы использовали для достижения нашей цели, чтобы найти наиболее эффективные варианты их сочетания и внести это в нашу военную доктрину.

Помимо высадки морского десанта, наши войска преодолели естественные и искусственные препятствия, считавшиеся непреодолимыми. В Африке, на острове Сицилия и в Италии местность, по которой мы наступали, была удобна для оборонительных операций. На тунисских холмах, на склонах

Этны и в Апеннинах имелись десятки исключительно важных пунктов, где батальон мог остановить наступление целой армии. В Западной Европе река Рейн на всем своем протяжении, особенно на севере, где она проходит по легко затопляемым Нидерландам, в течение двадцати столетий служила наиболее грозным барьером для военных действий против Германии. Все эти естественные препятствия были преодолены.

Не говоря уже об естественных препятствиях в Западной Европе, союзные армии дважды с боями пробивались через оборонительные сооружения, созданные с большим тактическим и инженерным мастерством. В анналах военной истории выдающейся страницей останется прорыв через Западный вал или "линию Зигфрида".

Легко умалять значение фортификаций и оборонительных сооружений на местности. Китайская стена, Римская стена и "линия Мажино" в конечном счете не сыграли своей роли при обороне. Однако на любом конкретном участке фронта любая часть, которая обороняется на заранее подготовленных позициях, располагает огромным превосходством над противником, наступающим на открытой местности.

Против Западного вала мы использовали внезапность при выборе района высадки десанта и сосредоточение огромных сил на узком участке фронта, чтобы добиться начального вклинения. Оборонительные позиции не имели большой глубины. Прорвавшись через них в районе десантирования, наша воздушная и морская мощь обеспечивала нам возможность использования захваченных участков в прибрежной полосе для наращивания сил. Более того, немецкие части оказались изолированными друг от друга вследствие разрушения линий коммуникаций между ними и мостов через Сену и Луару; наши подкрепления шли потоком в то время, как противнику с большими трудностями удавалось поддерживать численность своих войск.

Более грозным препятствием для нас оказалась "линия Зигфрида". Ее оборонительную систему составляли крупные минные поля, сложная сеть препятствий, противотанковые рвы, скрытые железобетонные бункеры и сильно укрепленные огневые точки, поддерживаемые артиллерией. Опорные пункты связывались между собой прекрасной системой ходов сообщений и располагали надежными путями подвоза, по которым можно было быстро доставлять подкрепления и боеприпасы. В некоторых местах глубина обороны на "линии Зигфрида" достигала нескольких миль. В других местах для увеличения глубины обороны использовались водные преграды.

Задача вклинения в такую систему обороны и ее прорыва представляла собой наиболее серьезную, почти вызывавшую ужас проблему для наступавших войск. За ошибки всегда расплачиваются потерями, а войска быстро почувствуют любую ошибку, допущенную их командирами. Даже в условиях зимы 1945 года, когда некоторые участки "линии Зигфрида" оборонялись наскоро сформированными и слабо обученными войсками, ее прорыв и фактически полное уничтожение оборонявшихся на ней частей было достигнуто не только благодаря боевым качествам союзных солдат, но и решимости и профессиональному мастерству командиров дивизий, корпусов, командующих армиями и группами армий.

Первым и наиболее поучительным уроком Средиземноморской и Европейской кампаний явилось доказательство, что войну можно успешно вести коалицией стран. Были преодолены исторические трудности, а серьезные сомнения, существовавшие на этот счет почти до конца 1942 года, полностью рассеяны. Правительства и подчиненные им экономические, политические и военные организации объединились в одном огромном усилии, и между ними не возникло ни одного серьезного затруднения, вызванного национальными интересами какого-либо члена коалиции.

Эффективность действий союзников во Второй мировой войне подтвердила возможность создания и использования совместного механизма управления войсками, который может выдержать самые суровые испытания войны. Ключом к решению этой проблемы является готовность на самых высоких уровнях уладить все национальные разногласия, которые влияют на стратегическое использование объединенных ресурсов, а на театре военных действий - готовность назначить единого командующего, которого все будут всемерно поддерживать. Если осуществить эти две вещи, то успех будет зависеть от проницательности, руководства, мастерства и суждений тех военных людей, которые составят командные и штабные инстанции; если эти две вещи не будут сделаны, то только неудача станет итогом коалиционных усилий.

Хотя единство союзников, пути и средства его достижения составляли главный урок войны, мы в армии интересовались главным образом тем, что влияло на чисто военные концепции и принципы. Если бы можно было изучить каждое сражение, пока сохраняются все подробности в памяти тех, кто в них участвовал, и подвергнуть тщательному анализу как боевые успехи, так и допущенные ошибки в этих сражениях, то мы могли бы внести огромный запас фактических знаний в науку о войне -быстрое

достижение военной победы при минимальных потерях человеческих жизней.

. С этой целью сразу же после прекращения боевых действий мы организовали большую группу из наиболее опытных офицеров, каких только могли найти. Их сначала возглавил генерал Джероу, позднее его заменил генерал Паттон. Для того чтобы военное министерство всегда располагало всеми фактами и мнением людей, которые непосредственно участвовали в боевых действиях и были хорошо знакомы с проблемами обеспечения войск и управления ими на поле боя, этой группе были созданы все условия и предоставлено необходимое время, чтобы завершить поставленную перед ней задачу.

Наиболее важным из военных уроков было исключительное и возраставшее влияние авиации на ведение войны. В ходе Европейской кампании почти ежедневно появлялись новые методы использования воздушной мощи. Ее воздействие на способность Германии вести войну решительно сказывалось как на западном, так и на русском фронтах. Кроме того, самолет оказался ценным транспортным средством, в частности, во время нашего наступления во Франции в конце 1944 года и в Германии весной 1945 года.

101-я воздушно-десантная дивизия не сумела бы удержать за собой Бастонь, важный узел дорог, во время немецкого контрнаступления в декабре 1944 года, если бы самолеты не доставили ей 800 тыс. фунтов различных боевых грузов в критические дни между 23 и 27 декабря. В нашей крупнейшей воздушно-десантной операции под названием "Варсити", предпринятой в поддержку форсирования Рейна в его северной части войсками Монтгомери 24 марта 1945 года, 1625 самолетов и 1348 планеров доставили в район боевых действий свыше 22 тыс. войск и почти 5 млн. фунтов грузов. Авиация стала также наиболее ценным средством получения информации о противнике не только на его крупных базах, но и по всему фронту. С помощью аэрофотосъемки выявлялись даже самые мелкие детали в подготовке противником обороны или наступления, а наш порядок использования полученных с помощью авиации разведывательных данных был доведен до такого совершенства, что они доходили до войск всего за несколько часов.

Ученые и изобретатели многими способами трансформировали лицо войны. При высадке на побережье мы имели большое преимущество в новых видах вооружения и оснащения военно-морских сил, а также в танках, которые могли самостоятельно доплыть до берега после спуска их на воду за

многие сотни ярдов до кромки берега. В конце войны мы использовали в большом количестве безоткатное орудие очень легкого веса, стрелявшее снарядами огромной разрушительной силы.

Изучая воздействие на методы ведения войны новой техники и оружия, мы в то же время рассматривали и роль основного фактора, обеспечивающего военный успех, - роль отдельного солдата.

Обученный американский солдат обладает высокими боевыми качествами, но и для него есть предел. Поэтому сохранение его индивидуальной силы и силы коллектива является одной из важнейших задач командира.

Соединения, получившие боевой опыт, обычно действуют более эффективно, чем те, которые впервые вступают в бой. Однако боевой опыт не рождает любви к полю боя; у ветеранов желание идти на передний край, где носятся пули и рвутся снаряды, отнюдь не больше, чем у необстрелянных солдат. Но ветераны более умело используют любую благоприятную для себя возможность во время огневой поддержки и при маневре на местности.

Они приобретают твердость, которая не может быть поколеблена неразберихой и разрушениями сражения. Но если их держать слишком долго в боях, то у них начинает проявляться физическая и духовная усталость; наиболее смелые и агрессивные из них - от природы рожденные руководить - несут необычайно большой процент потерь. Следовательно, периодический отвод частей на отдых с переднего края является обязательным для сохранения их боеспособности.

В Италии и Северо-Западной Европе мы часто не имели такой возможности, и иногда полки и батальоны должны были оставаться в боях слишком длительное время. Некоторые дивизии слишком долго не отводились с переднего края на отдых; 34-я, 45-я, 3-я и 1-я дивизии заняли первые места по числу дней, проведенных в боях. Общее число таких дней для этих соединений колебалось от 438 до 500 и более; и они также понесли относительно высокие потери.

Длительное пребывание в боях всегда оказывает плохое воздействие на войска. Если часть отводится на отдых до того, как процесс физического и душевного переутомления зашел слишком далеко, и до того, как ее потери стали очень большими, то она может, приняв новое пополнение, значительно быстрее вновь подготовиться к ведению боевых действий, чем та, которую держали в боях слишком долго. Более того, периодическое предоставление солдату отдыха от напряженной обстановки на

переднем крае оказывает прекрасное влияние на укрепление его боевого духа, а моральное состояние войск в любой войне всегда остается решающим фактором.

Очень скоро после начала кампании в Северной Африке стало очевидно, что эмоциональная устойчивость и духовные силы отдельного солдата имеют столь же важное значение для обеспечения успеха в бою, как и его оружие и боевая подготовка. По мере того как нарастала интенсивность наших наступательных операций, среди личного состава стали в угрожающих размерах распространяться нервные заболевания, вызванные боевой обстановкой.

В начале войны, как правило, армейский офицер, как кадровый, так и призванный из запаса, слишком увлекался внешней стороной в подготовке солдат, основанной исключительно на совершенствовании методов обучения. Но командиры обычно чувствуют себя неуверенно, когда им приходится иметь дело с вопросами, касающимися духовного мира человека: с желаниями, чувствами, идеалами, внутренними убеждениями, увлечениями. Несмотря на самые искренние попытки командиров повлиять на поведение и привычки солдата, его обучение или воспитание в нем таких черт человека, как мужество и стойкость, эти командиры фактически уклоняются от вопросов духовной жизни из опасений, что солдаты могут истолковать это как "проповеди".

Не требуется никаких доказательств важности этого вопроса для тех, кто посещал госпитали и центры пересмотра категорий личного состава в тылу и передний край действующей армии. В зоне боевых действий такой посетитель всегда оказывался под впечатлением уверенных и спокойных действий союзного солдата, выполнявшего свои обязанности, переносившего тяготы и лишения в условиях постоянной опасности, иногда даже с некоторой бравадой, которая, казалось, никогда не покидала его.

В тылу отдельно размещались госпитали и лагеря для тех, кто совершил самострелы, членовредительство, страдал истерией и психоневрозом или, по утверждениям врачей, преднамеренно заразил себя венерической болезнью. Процент таких был невелик, но в совокупности они составляли большое число. Для командира очень полезно посетить такие места, поговорить с некоторыми людьми, попытаться понять их душевное состояние, страх, пораженческие настроения, охватившие этих солдат, которые, в сущности, страшатся жизни, хотя полагают, что боятся смерти.

В войне время является исключительно важным фактором, его не хватает командирам. Этот вопрос продуман еще далеко не до конца. Очевидные доказательства боеготовности частей и

подразделений, отмечаемые в слаженности действий и манере поведения солдат, настолько заметны, что офицеры всех рангов не могут или не уделяют достаточного внимания отдельному солдату. А между тем именно внимание к каждому солдату является ключом к успеху, в частности, в силу того, что в любой глобальной войне Америка всегда будет ощущать нехватку в людских ресурсах.

Совершенно очевидно, что наши военные училища должны давать офицерам навыки работы с людьми. Независимо от того, какого прогресса достигнут в воспитательных учреждениях страны, задачей армии остается обеспечение успеха в войне, и армия не может пренебрегать никакими средствами, которые, как показал опыт, играют существенную роль в достижении этого успеха.

Все совершенствования в методах обучения войск, их оснащении и разрушительной силе оружия, которые мы изучали, казались мелкими новшествами по сравнению с революционным воздействием атомной бомбы на войну. Ни одна атомная бомба не была использована на Европейском ТВД, да ее использование здесь и не планировалось. Однако даже те донесения, которые поступили к нам после использования первой из них против Хиросимы 6 августа, не оставили у нас никаких сомнений относительно того, что началась новая эра в военном деле.

В одно мгновение многие военные концепции оказались отброшенными. Казалось, что начиная с этого момента целью агрессивной державы будет накапливание запаса атомных бомб в достаточном количестве и внезапное их использование против индустриальных комплексов и крупных населенных центров своей жертвы. Наступательные действия в основном будут связаны с мощью удара, надежностью и точностью доставки боеприпаса до цели, в то время как обороняющаяся сторона будет стремиться предотвратить такой удар и, в свою очередь, выпустить свои запасы атомных бомб против территории нападающей стороны. Даже руины Германии вдруг, казалось, превратились лишь в слабое предупреждение относительно того, что может означать будущая война для людей на земле.

Я считал и надеялся, что этот последний урок в качестве дополнения ко всем другим, какие принесли миру шесть лет непрерывной войны, убедят каждого и повсюду, что следует отказаться от применения силы в области международных отношений. Располагая убедительными данными самой разрушительной войны, какую когда-либо люди вели на земле, я все более укреплялся в своей надежде, что это изобретение, которое, казалось, не имеет пределов в своей разрушительной

силе, заставит людей ради самосохранения найти пути устранения войны. Возможно, это было только восприятие желаемою за действительное, что страх, всеобщий страх, может быть, приведет к успеху там, где государственная мудрость и религия пока что оказались бессильными. Глава 24. Россия

Соединенные Штаты и Россия вышли из войны как две самые мощные державы на земном шаре. Этот факт оказывал влияние на каждую деталь в американской официальной политике в оккупированной Германии, ибо любое продолжение борьбы между этими двумя державами безнадежно осложнило бы наши проблемы на местах и, возможно, даже свело бы на нет нашу победу, доставшуюся дорогой ценой. Но дело касалось значительно более серьезных проблем, чем эффективность управления Германией или осуществление политического контроля.

Насколько прочным может оказаться вновь обретенный мир, какие качества сумеют приобрести Объединенные Нации, по какому курсу в будущем пойдет цивилизация - ответы на эти вопросы теперь со всей очевидностью были связаны с одним важным фактором, а именно: со способностью Востока и Запада трудиться и жить вместе в одном мире.

В прошлых взаимоотношениях между Америкой и Россией не было причин, чтобы сегодня смотреть на будущее с пессимизмом. Исторически эти два народа непрерывно поддерживали дружественные отношения, уходящие своими корнями ко временам зарождения Соединенных Штатов как независимой республики. За исключением короткого периода, они постоянно поддерживали друг с другом дипломатические отношения. Ни тот, ни другой народ не был запятнан созданием колониальных империй путем применения силы. Уступка одной страной богатой территории Аляски другой стране явилась беспрецедентным международным событием, без каких-либо угроз и без каких-либо взаимных обвинений после сделки. Дважды они были союзниками в войне. С 1941 года они зависели друг от друга в достижении конечной победы над европейскими странами "оси".

Однако идеологически США и Советский Союз занимали диаметрально противоположные позиции. Вполне возможно, что русским наша приверженность к системе, основанной на свободном предпринимательстве, представляется, по существу, политической незрелостью, позволяющей эксплуатировать массы. Из-за этого различия между системами государственного управления двух великих держав в мире могут сложиться два враждебных лагеря, расхождения которых в конечном счете могут вызвать еще одну опустошительную войну. Если бы, однако,

удалось навести мосты через этот разрыв путем практических методов эффективного сотрудничества, то были бы гарантированы мир и согласие во всем мире. Никакие другие расхождения среди государств не стали бы угрозой всемирному согласию и спокойствию при условии, что между Америкой и Советами будет установлено взаимное доверие.

Препятствия, сомнения, страхи перед возможным провалом в американо-советских отношениях встречались на каждом шагу, и альтернатива успеху казалась настолько устрашающей, что все мы в Контрольном совете стремились использовать любые возможности, чтобы содействовать прогрессу установления взаимного доверия.

Берлин, по нашему убеждению, являлся экспериментальной лабораторией для выработки международного согласия. Здесь Запад соединился с Востоком в осуществлении задачи по перестройке исключительно сложной экономики и по перевоспитанию многочисленного населения, чтобы привить ему политическую порядочность и чтобы Германия, лишенная возможности и воли к агрессиям, могла вновь войти в семью народов.

Если бы в этих усилиях удалось выработать совместные пути и средства разрешения наших разногласий и проблем на местах, то это означало бы крупный шаг вперед по пути дружественного урегулирования мировых проблем. Для нас, американцев, первостепенное значение имел тот вклад, который мы могли на местах внести в дело установления делового партнерства между Соединенными Штатами и Россией. Моя деятельность в этом направлении и вера в конечный успех усилий Объединенных Наций основывались на моем опыте работы в качестве Верховного главнокомандующего.

В этой должности я был свидетелем того, как многие народы добивались твердого единства цели, несмотря на различия во взглядах и образе жизни. Военное руководство своими войсками при ведении боевых действий -наиболее ревностно охраняемый символ национального суверенитета - они поручили единому лицу, олицетворявшему все права. И хотя они сохраняли за собой административный контроль над своими частями и соединениями от назначения командиров до установления норм питания, союзное командование было единственным органом, руководившим всеми войсками в целях достижения победоносного завершения войны. Принцип управления войсками посредством комитета, в котором нужно было добиваться единогласия, прежде чем могли быть предприняты объединенные действия, был отброшен в пользу единого командующего,

представлявшего все страны, вовлеченные в борьбу против общего врага.

Во время войны было доказано, что можно добиться международного единства цели и ее осуществления, не подвергая опасности независимость ни одной страны, при условии если все были готовы передать часть своей власти единому штабу с правом требовать от подчиненных ему союзных войск выполнения принятых решений. При создании ООН и союзного органа для контроля над Германией этот опыт не был тем не менее учтен. Применение этого метода означало бы некую форму ограниченного федерального мирового правительства; метод этот, хотя и был проверен западными союзниками в ходе войны как единственно надежный путь к успеху, политически оказался неприемлем ни для одной из великих держав. Настойчивое требование на сохранении права вето на конференции ООН в Сан-Франциско в июне 1945 года основывалось на традиционной, но устаревшей концепции, что международные задачи могут решаться только единогласным решением. То же самое единогласие требовалось в Берлине даже при решении самых мелких вопросов.

Поэтому мы очень надеялись создать среди тех, кто был занят работой в оккупационных органах, атмосферу дружественных отношений друг с другом, стремясь миролюбиво добиться общего взаимопонимания и общих целей к нашей взаимной выгоде. Если бы такую атмосферу можно было создать в Берлине, она распространилась бы за пределы Германии до наших столиц. Международное доброжелательство, продемонстрированное в ходе конференции в Потсдаме между главами государств, послужило благоприятным началом. Если бы мы смогли за столом переговоров вести дела на дружественной основе, то фактически могли бы жить вместе как друзья и в конечном счете работали бы в условиях мирового сотрудничества. "Модус вивенди" между Востоком и Западом был нашей первоочередной задачей.

2 августа президент и сопровождавшие его лица выехали из Германии в Соединенные Штаты. Спустя несколько дней мне сообщили из Вашингтона, что генералиссимус Сталин направил мне приглашение посетить Россию. Это было обновлением старого приглашения, которое я получил в начале июня, но тогда не мог принять, так как должен был выехать в Вашингтон в военное министерство. С этим приглашением поступило выражение надежды моего правительства, что я смогу принять его.

Генералиссимус предложил, чтобы в рамки моего визита вошла дата 12 августа. Это был день национального спортивного праздника в Москве. Я был рад предоставившейся мне возможности увидеть страну, в которой никогда до этого не бывал, но еще больше я был рад тому, что это означало, что Советское правительство было в такой же мере заинтересовано в развитии дружественных контактов, как и мы. Я быстро ответил согласием, и мне сообщили, что официально я буду гостем Маршала Жукова во время моего пребывания в Москве и что он будет сопровождать меня из Берлина в Москву.

Когда известие о моей предстоящей поездке разошлось по штабу, буквально десятки сотрудников выразили просьбу сопровождать меня. Принимая во внимание ограниченные возможности для размещения в Москве, я взял с собой в поездку только генерала Клея и моего старого друга бригадного генерала Т. Дейвиса. В качестве адъютанта на время поездки я хотел взять моего сына Джона, лейтенанта, который уже несколько месяцев служил на Европейском театре военных действий. Командир отпустил его. Сержант Леонард Драй, находившийся при мне всю войну, также вошел в нашу группу.

По прибытии в Москву нас разместили в американском

посольстве у моего доброго друга Аверелла Гарримана, бывшего в то время американским послом. Нашей хозяйкой была его очаровательная дочь Кэтлин. В ходе долгой войны у меня сложилось очень высокое мнение о способностях Гарримана и его взглядах, и я был рад иметь его в качестве наставника и советчика во время моего ответственного визита в страну, совершенно мне незнакомую.

Мой визит в Москву начался со встречи с генералом Антоновым, начальником Генерального штаба Красной Армии. Он провел меня на свой командный пункт, рассказал о положении войск на Дальнем Востоке и показал детальный план кампании, которая была начата всего несколько дней назад. Повсюду в районе Маньчжурии действия проходили в соответствии с планом, и чувствовалось, что генерал Антонов уверен в быстрой и легкой победе. Мы до позднего вечера обсуждали военные проблемы, и беседа проходила в атмосфере большого радушия и взаимного доверия.

Утром следующего дня должен был состояться большой спортивный парад на Красной площади. Здесь находились только специально приглашенные гости правительства и участники спортивного парада. В отношении определения числа последних мнения расходились между двадцатью и пятьюдесятью тысячами. По моим подсчетам, первая цифра была ближе к истине.

Зрители размещались на площадках без каких-либо сидений. Каждый должен был стоять. Как только мы заняли секцию, предназначенную для американского посла и прибывших с ним лиц, к нам подошел генерал Антонов, чтобы сообщить, что генералиссимус Сталин приглашает меня к себе на трибуну Мавзолея, если, конечно, я пожелаю. Поскольку я был вместе с американским послом, престиж которого как представителя президента имел важное значение, то у меня появились сомнения, уместно ли мне оставить посла, чтобы самому идти к генералиссимусу. Необходимость обо всем говорить через переводчика лишала меня всякой возможности расспросить у генерала Антонова сугубо конфиденциально относительно этого предложения, и я сразу заколебался. Однако он избавил меня от дальнейшего замешательства, сообщив остальную часть приглашения Сталина, которая гласила: "Генералиссимус говорит, что если захотите подняться на трибуну Мавзолея к нему, то он приглашает еще двух ваших коллег". Я обернулся к послу, чтобы быстро с ним посоветоваться. Он сказал, что приглашение беспрецедентное, насколько ему известно, никогда еще ни одного иностранца не приглашали на трибуну Мавзолея Ленина. Поэтому, понимая, что этим приглашением нам оказана

особая честь, я быстро ответил генералу Антонову, что очень рад приглашению и что я хотел бы, чтобы вместе со мной пошли посол я глава американской военной миссии в Москве генерал-майор Джон Дин. Я считал, что если уж речь идет о каком-то местном престиже, то для посла и его помощника это было бы наиболее полезным.

Пять часов стояли мы на трибуне Мавзолея, пока продолжалось спортивное представление. Никто из нас никогда не видел даже отдаленно похожего на это зрелище. Спортсмены-исполнители были одеты в яркие костюмы, и тысячи этих людей исполняли движения в едином ритме. Народные танцы, акробатические номера и гимнастические упражнения исполнялись с безупречной точностью и, очевидно, с огромнейшим энтузиазмом. Оркестр, как утверждали, состоял из тысячи музыкантов и непрерывно играл в течение всего пятичасового представления.

Генералиссимус не обнаруживал никаких признаков усталости. Наоборот, казалось, он наслаждался каждой минутой представления. Он пригласил меня встать рядом с ним, и с помощью переводчика мы разговаривали с перерывами в течение всего спортивного представления.

Сталин проявил большой интерес к промышленным, научным и экономическим достижениям Америки. Он несколько раз повторял, что для России и США важно оставаться друзьями. "Имеется много направлений, -сказал он, - по которым мы нуждаемся в американской помощи. Наша огромная задача заключается в том, чтобы поднять уровень жизни русского народа, серьезно пострадавшего от войны. Мы должны узнать все о ваших научных достижениях в сельском хозяйстве. Мы должны также воспользоваться вашими специалистами, чтобы они помогли нам решить наши проблемы в области машиностроения и строительства. Мы знаем, что мы отстаем в этих вопросах, и знаем, что вы можете помочь нам". Эту мысль он сохранял в ходе всей беседы, в то время как я ожидал, что он ограничится просто выражением общих фраз о желательности сотрудничества.

Затем генералиссимус перевел разговор на тему о Контрольном совете и заметил, что эта работа важна не только в силу специфичности задач, но и потому, что она помогает выяснить, могут ли великие державы, победители в войне, продолжать успешно сотрудничать при решении проблем мирного времени.

За те немногие дни, что мы провели в Москве, мы побывали на футбольном матче, где присутствовало 80 тыс. заядлых болельщиков; осмотрели Московский метрополитен, которым

русские очень гордятся, и посетили художественную галерею. Мы провели полдня на авиационном заводе, выпускающем штурмовики, и целый день -в совхозе и колхозе. Повсюду мы видели свидетельства простой и искренней преданности родине - патриотизм, который обычно выражался словами: "Это все для матери-Родины". Рабочие авиационного завода говорили мне, что во время войны рабочая неделя у них составляла 84 часа, и с гордостью отмечали, что ежедневный выход на работу при этом равен был что-то 94 процентам. Значительная часть рабочих - это женщины и дети, и трудно было понять, как они, при столь скудном питании и отсутствии транспортных средств, могли обеспечивать такой высокий процент. То же самое было и в колхозах. Вершиной всех событий, связанных с нашим пребыванием в Москве, стал обед в Кремле. В сверкающем огнями зале находилось множество маршалов Красной Армии и ряд работников Министерства иностранных дел, которые выполняли роль переводчиков. Из моей группы здесь присутствовали офицеры, а также посол и генерал Дин. Было провозглашено множество тостов, и каждый из них отражал дух сотрудничества и совместной работы, какая постепенно сложилась в ходе войны. После обеда состоялся просмотр фильма, посвященного операциям русских по взятию Берлина. Как объяснил мне переводчик, в Берлинском сражении участвовали двадцать две дивизии и огромное количество артиллерии. Я заинтересовался фильмом, и генералиссимус с готовностью заметил, что даст мне копию фильма. Я сказал, что хотелось бы иметь также и его фотографию, и он ничего этого не забыл. Буквально через несколько дней я получил в Берлине полную копию фильма и фотографию генералиссимуса с его дарственной надписью.

Он просил меня передать генералу Маршаллу выражение его сожаления по поводу той, как генералиссимус выразился, личной грубости, допущенной им во время войны. Он сказал, что однажды получил от генерала Маршалла информацию о противнике, которая оказалась ложной и вызвала некоторую путаницу. В раздражении, сказал генералиссимус, он направил Маршаллу резкую радиограмму, но позднее сожалел об этом, так как был уверен, что Маршалл действовал из лучших побуждений. Сталин искренне просил меня передать начальнику штаба армии США его извинения.

В течение всего нашего пребывания в Москве Маршал Жуков и другие официальные лица настаивали, чтобы я назвал места, которые хотел бы посетить. Они говорили, что нет такого места, которое я не смогу увидеть, если даже потребовалось бы отправиться во Владивосток. Время мое было ограничено, но,

перед тем как покинуть Москву, мне все же хотелось побывать в Кремлевском музее. Едва я высказал это пожелание, как было организовано посещение музея. Мне сказали, что я могу взять с собой столько адъютантов или помощников, сколько захочу. Возможно, что мои московские хозяева имели в виду только ту небольшую группу, которая сопровождала меня из Берлина, но когда подошло время посещения музея, то оказалось, что почти весь состав американского посольства изъявил готовность выступить в роли моих адъютантов в этот день. Я шутливо согласился считать их всех временно адъютантами. Группа около шестидесяти человек провела вторую половину дня в музее, рассматривая собранные там драгоценности. Ювелирные изделия, великолепно расшитые драгоценными камнями костюмы, флаги, всевозможные ордена наполняли огромные залы и в целом составляли богатейшую выставку.

На территории Кремля мы прошли мимо огромной пушки. Таких я никогда не видел прежде; калибр ствола, по-видимому, был более тридцати дюймов. Это была реликвия восемнадцатого столетия. Когда мы отходили от нее, мой сын с удивлением заметил: "Я думаю, что это то самое оружие, которое двести лет назад делало будущие войны слишком ужасными, чтобы о них думать".

Вечером, накануне нашего отъезда из Москвы, американский посол устроил прием в честь нашей группы. Женщин на приеме не было, и русскими гостями в основном являлись сотрудники Министерства иностранных дел и представители вооруженных сил. Провозглашались обычные тосты, и после закуски последовал ужин, в самый разгар которого послу позвонили из Министерства иностранных дел с просьбой немедленно прибыть туда. Подозревая, что, возможно, он получит известие о капитуляции Японии, которого ожидали с минуты на минуту, Гарриман попросил меня приложить все усилия, чтобы задержать гостей до его возвращения. Это оказалось довольно трудным делом, так как посол задержался в Министерстве иностранных дел значительно дольше, чем предполагалось. Однако призвав на помощь американских друзей, одни из которых провозглашали все новые и новые тосты, а другие даже стали подхватывать мелодии игравшего оркестра, нам все же удалось удержать основную часть гостей до возвращения Гарримана. Он вышел на середину комнаты и громко объявил о капитуляции Японии, что вызвало радостные возгласы одобрения со стороны всех присутствовавших.

Во время войны я много слышал о мужественной обороне Ленинграда в 1941 и 1942 годах. Я высказал свое пожелание

совершить короткий визит в этот город. Во время блокады Ленинграда умерли от голода сотни тысяч гражданского населения. Много было убито и ранено. Об этом нам рассказывали представители гражданских властей города, которые присоединились к сопровождавшим нас военным, чтобы выступать в роли наших хозяев в Ленинграде. Исключительные страдания населения и продолжительность времени, в течение которого город переносил бедствия и лишения, вызванные боями в условиях осады, превратили эту операцию в одну из самых памятных в истории. Безусловно, в наше время это беспримерный случай. Все мы были поражены тем фактом, что, говоря о потерях ленинградцев, каждый гражданин произносил это с гордостью и удовлетворением в голосе. Конечно, нам была понятна эта гордость. Ведь героическая стойкость ленинградцев привела к поражению врага на этом важном участке Восточного фронта.

Глава города устроил для нас завтрак, на котором присутствовали гражданские и военные руководители. Здесь же артисты дали концерт. Мы прослушали вокальные номера и инструментальную музыку, драматическую декламацию, которую, разумеется, не могли понять, увидели несколько танцев в прекрасном исполнении. Я заметил своим гостеприимным хозяевам, что поражен тем всеобщим уважением к артистам, какое вижу в России, и тем необычным пониманием и отношением со стороны каждого русского человека к искусству во всех его формах. Мне ответили, что любой советский человек с радостью голодал бы целую неделю, если бы за это в воскресенье мог посетить художественную галерею, футбольный матч или балетный спектакль.

Во время завтрака в Ленинграде, когда произносились тосты, Маршал Жуков попросил моего сына, до сих пор остававшегося в стороне, предложить свой тост. Позднее Джон говорил мне, что во время визита он больше всего боялся именно этого момента. Он встал и, сделав предварительное вступление, сказал, что, как молодой лейтенант, не привык находиться в кругу таких выдающихся военачальников и руководителей, а затем произнес: "Я нахожусь в России уже несколько дней и услышал много тостов. В этих тостах говорилось о мужестве и заслугах каждого союзного руководителя, каждого выдающегося маршала, генерала, адмирала и авиационного командующего. Я хочу провозгласить тост в честь самого важного русского человека во Второй мировой войне. Джентльмены, я предлагаю выпить вместе со мной за рядового солдата великой Красной Армии!"

Его тост был встречен с большим энтузиазмом и выкриками одобрения, чем любой другой из множества тостов, которые я

слышал за дни пребывания в России. Особенно доволен остался Маршал Жуков. Он сказал мне: мы с ним, должно быть, стареем, если нам пришлось ждать, пока молодой лейтенант не напомнит нам, "кто в действительности выиграл войну".

Обратный путь из Ленинграда в Берлин оказался нелегким, потому что погода ухудшилась. В самолете Маршал Жуков и я часто возвращались к обсуждению отдельных кампаний войны. В силу его особого положения в Красной Армии он как ответственный руководитель в крупных сражениях за несколько лет войны получил больший опыт, чем любой другой военный нашего времени. Его обычно направляли на тот участок фронта, который в данный момент представлялся решающим. По его оценке состава войск, местности, на которой они сражались, и причин, побуждающих его принимать то или иное стратегическое решение, было ясно, что это опытный солдат.

Россия вынесла тяжелые испытания во Второй мировой войне. В 1941 году нацисты оккупировали огромную территорию страны. От Волги до западных границ почти все было разрушено. Когда мы в 1945 году летели в Россию, я не видел ни одного целого дома между западной границей страны и районами вокруг Москвы. На этой захваченной нацистами территории, говорил мне Маршал Жуков, было убито столько женщин, детей и стариков, что невозможно точно установить их общее число. Некоторые крупные города были просто стерты с лица земли.

Все это вызвало бы ожесточение у любого народа; было бы совершенно поразительно, если бы у русских не появилось более сильного чувства ненависти к немцам и более сурового отношения к ужасам войны, чем в странах, находившихся далеко от районов боевых действий.

Я знаю это из своего личного опыта. Когда потянулись месяцы войны, во мне нарастало ожесточение против немцев, и особенно против гитлеровской банды. Всюду были видны следы разрушений - свидетельство безжалостного тщеславия Гитлера. Каждое сражение, каждая стычка оплачены изуродованными телами, жизнью молодых солдат союзных армий.

Во время войны сотни убитых горем отцов, матерей и невест обращались ко мне с личными письмами, умоляя дать им хоть какую-нибудь надежду, что их любимые еще живы, или, в худшем случае, сообщить им что-нибудь дополнительно об обстоятельствах их смерти. На каждое из таких писем посылались сочувственные ответы, и это было наиболее действенным средством вызвать неугасимую ненависть к тем, кто ответствен за развязанную агрессивную войну. Возможно, именно поэтому я так хорошо понимал настроение русских.

В ответ на гостеприимный жест Советского правительства, пригласившего меня посетить их страну, американское военное министерство с одобрения президента Трумэна тут же пригласило Маршала Жукова прибыть с визитом в Америку. Согласие было сразу же получено, и мы думали, что Маршал в самое ближайшее время поедет в Соединенные Штаты. Он просил, чтобы генерал Клей или я поехал вместе с ним, чтобы у него был рядом друг во время визита в мою страну, точно так, как он меня сопровождал во время моей поездки в Россию. Я ответил ему, что в силу особых обстоятельств и проблем в данный момент я не могу поехать с ним, но договорился, что с ним поедет генерал Клей. Маршал Жуков спросил, не сможет ли мой сын Джон сопровождать его в качестве адъютанта. Я ему сказал, что для Джона это будет большой честью, более того, я буду рад отправить их на своем самолете С-54, которым сам постоянно пользуюсь. Это обрадовало Маршала. Он уже летал на этом самолете через Россию и верил в его надежность и мастерство экипажа.

К сожалению, вскоре Маршал заболел. Поговаривали, что это якобы дипломатическая болезнь, но, когда я увидел его на следующем заседании Контрольного совета в Берлине, у него был вид человека, перенесшего тяжелую болезнь.

Во всяком случае, это послужило причиной переноса визита Маршала на более позднее время, пока не наступит зима, а затем он выразил желание поехать в нашу страну весной. Но к тому времени русские, очевидно, потеряли интерес к визиту одного из своих Маршалов в Америку.

Последний раз я видел Маршала Жукова 7 ноября 1945 года. Это был день советского праздника, и в честь его он устроил большой прием в Берлине, пригласив всех командующих и старших штабных офицеров своих союзников. Погода резко ухудшилась, и лететь оказалось невозможным. Двое других командующих отменили свои поездки, а я, поскольку мне было известно, что вскоре получу приказ о возвращении в Соединенные Штаты, решил побывать на приеме, хотя знал, что обратно мне придется ночью ехать поездом, а затем днем покрыть большое расстояние на автомашине.

Когда я прибыл, Маршал Жуков со .своей женой и несколькими старшими помощниками стояли в центре зала, принимая гостей. Он приветствовал меня и затем быстро покинул центр зала. Маршал взял свою жену под руку, и мы втроем уединились в уютной комнате, где был накрыт стол с самой изысканной закуской. В разговоре прошло два часа.

Общий тон высказываний Маршала сводился к тому, что, по

его мнению, мы в Берлине кое-чего добились для разрешения трудной проблемы установления взаимопонимания между двумя странами, столь разными по своим культурным и политическим взглядам, какими являлись Соединенные Штаты и Советский Союз. Маршал считал, что мы могли бы добиться еще большего. Он много говорил об Организации Объединенных Наций и заметил: "Если Соединенные Штаты и Россия будут стоять вместе, несмотря ни на какие трудности, успех ООН будет наверняка обеспечен. Если мы будем партнерами, то не найдется такой страны на земле, которая осмелилась бы затеять войну, когда мы наложим на нее запрет".

После моего возвращения в Соединенные Штаты мы с Маршалом продолжали переписываться в привычном для нас дружеском тоне до апреля 1946 года.

Русские великодушны. Они любят делать подарки, принимать гостей, и это может подтвердить почти любой американец, которому приходилось работать вместе с ними. По своему великодушию, по своей преданности товарищу, по своему здравому и прямому взгляду на дела повседневной жизни обыкновенный русский, как мне кажется, очень похож на так называемого среднего американца.

Личная дружба и взаимопонимание с Маршалом Жуковым, однако, не избавляли нас от инцидентов и конфликтов, которые постоянно раздражали и выводили из себя работников моего штаба. В силу языковых различий никто из нас не имел возможности лично и непосредственно переговорить с русскими, чтобы избежать накала в доводах обеих сторон.

Политике твердого соблюдения обещаний, данных нашим правительством, был брошен первый вызов после прекращения боевых действий. Некоторые из моих коллег неожиданно предложили, чтобы я отказался, если русские попросят, отвести американские войска с рубежа на Эльбе в районы, выделенные для оккупации Соединенными Штатами. Такое предложение обосновывалось тем, что если мы будем держать свои войска на Эльбе, то русские скорее согласятся с некоторыми нашими предложениями, в частности в вопросе о разумном разделении Австрии. Такие предложения мне представлялись неубедительными. Я считал, и меня всегда в этом поддерживало военное министерство, что начинать наши первые прямые связи с Россией на основе отказа выполнить условия ранее достигнутой договоренности, которые выражают добрую волю нашего правительства, означало бы подорвать сразу же все усилия, направленные на обеспечение сотрудничества.

Я всегда полагал, что западные союзники, вероятно, могли бы

договориться о том, чтобы занять несколько большую часть Германии, чем фактически мы оккупировали. Я считаю, что, если бы наши политические руководители были в такой же мере, как мы в штабе верховного командования союзных экспедиционных сил, убеждены в скорой победе на Западе, они на Ялтинской конференции стали бы настаивать на рубеже по Эльбе как естественной географической линии разграничения между восточной и западной зонами оккупации. Хотя в конце января 1945 года мы все еще находились к западу от Рейна, а "линия Зигфрида" не была прорвана, мой штаб и я информировали своих начальников, что мы быстро добьемся крупных побед. За исключением опасений, что мы не сумеем продвинуться далеко на восток, казалось, не было достаточных оснований соглашаться на проведение разграничительной линии не дальше, чем Эйзенах. Однако это только предположение. Я никогда не обсуждал этот вопрос непосредственно с теми, кто был ответствен за решение относительно разграничительного рубежа. Во всяком случае, в те последние месяцы лета и первые месяцы осени 1945 года радушие и готовность к сотрудничеству в Берлине достигли наивысшего предела, какого мы смогли добиться в работе с советскими официальными представителями. В более широких областях, на высших уровнях, усиливались разногласия, и они неизбежно отражались на жизни оккупированной Германии.

Глава 7. Зима в Алжире

Минимальная цель вторжения в Северную Африку состояла в захвате главных портов между Касабланкой и Алжиром, чтобы не дать державам "оси" использовать их в качестве баз для подводных лодок, и после овладения этим районом мы должны были наступать в восточном направлении в сторону английских войск, действовавших в пустыне. Достигнутый в первые дни успех обеспечил нам осуществление этой цели, и мы немедленно сосредоточили все наши усилия на более крупной задаче - наладить взаимодействие с войсками генерала Гарольда Александера, которые в то время находились на противоположном конце Средиземного моря в 1200 милях от нас. Мы должны были уничтожить все силы держав "оси", находившиеся между нами в Северной Африке, и открыть море для союзного судоходства.

23 октября в Египте генерал Александер направил английскую 8-ю армию под командованием генерала Бернарда Монтгомери в наступление против вражеской обороны у Эль-Аламейна, и в пределах двух недель противник был обращен в паническое бегство в западном направлении, преследуемый победоносными англичанами. Если бы мы могли наступать на

линии коммуникаций держав "оси", мы превратили бы эту блестящую тактическую победу английской армии в еще больший стратегический выигрыш.

Английские воздушные и военно-морские силы, базировавшиеся в Египте и на Мальте, лишали державы "оси" каких-либо надежных линий коммуникаций через Средиземное море к востоку от Триполи.

Занятие нами позиций во Французской Северной Африке к западу от Бона фактически установило западную границу на море, дальше которой державы "оси" не могли безнаказанно осуществлять судоходство. Таким образом, в распоряжении Гитлера и Муссолини оставались только те порты, которые находились между Боном в Тунисе и Триполи в Северо-Западной Ливии, через которые они могли поддерживать войска Роммеля. Любое наступление союзников с того или иного фланга привело бы к дальнейшему сужению каналов снабжения войск держав "оси", а при продолжении этого процесса дело закончилось бы фактическим удушением армии Роммеля и его итальянских союзников.

Авиация держав "оси" на Сицилии, на острове Пантеллерия и в Южной Италии была еще настолько сильна, что исключала возможность наступательных действий военно-морских сил союзников в этом регионе; чтобы полностью перерезать коммуникации держав "оси", требовалось предпринять наступление по суше, создать передовые авиабазы и непрерывно наращивать авиационную мощь.

Однако наиболее важными африканскими портами, имевшимися в то время у держав "оси", были Бизерта и Тунис, второстепенными - Сфакс и Габес, находившиеся дальше к югу. Триполи сам по себе вполне хороший порт, по суда держав "оси" должны были проходить туда почти под прицелом орудий на Мальте, где английская авиация тоже становилась достаточно сильной, чтобы наносить жестокие потери вражескому судоходству. Было ясно, что если бы удалось быстро захватить порты Тунис и Бизерта, то дальнейшая доставка подкреплений войсками держав оси в Африке оказалась бы почти невозможной и их уничтожение стало бы неизбежным.

Поэтому наша главная стратегическая задача состояла в быстром захвате Северного Туниса. Этим мы руководствовались при осуществлении каждого предпринимаемого мероприятия как военного, экономического, так и политического характера. При всей сложности обстановки и тех постоянных трудностях, которые обычно следуют буквально по пятам за пехотинцем на поле боя, мы никогда не забывали об этой задаче и были

убеждены, что выполнение ее будет означать конец державам "оси" в Африке.

Первый шаг был предпринят в середине ноября, когда мы все еще уговаривали Дарлана в Алжире дать приказ французам о прекращении огня против наших войск и о сотрудничестве с нами. Английская 1-я армия Андерсона была соответствующим образом сформирована для осуществления специфичной кампании в восточном направлении" с использованием Алжира в качестве исходной базы. Андерсон получил указание направить все усилия на быстрейший захват Бизерты и Туниса. Однако он столкнулся с очень серьезными трудностями.

Первой из них была общая слабость его группировки. Нехватка судов не позволяла нам доставить сюда необходимые силы, которые быстро разрешили бы эту проблему.

Поэтому осуществление планов генерала Андерсона нужно было больше основывать на быстроте и решительности, чем на численности войск.

Второй трудностью была огромная нехватка автотранспорта, которая еще больше усугублялась из-за очень плохого состояния одноколейной железной дороги от Алжира к Тунису, протянувшейся на такое расстояние, как от Нью-Йорка до Кливленда.

Третьей серьезной проблемой оказалась погода. Вскоре неожиданно начались дожди, а поскольку ни один из разбросанных аэродромов, которые мы собирались использовать, не имел бетонных взлетно-посадочных полос, наши небольшие воздушные силы столкнулись с огромными трудностями и по нескольку дней подряд почти совершенно не действовали. В этом отношении положение противника было значительно лучше, поскольку его крупные аэродромы у Бизерты и Туниса были приспособлены для действий при любых погодных условиях.

Следующим преимуществом для противника была близость Туниса к Сицилии и Италии. На второй день после того, как мы начали высаживать десанты в Северо-Западной Африке, державы "оси" начали потоком доставлять свои войска в Тунис.

Еще одной трудностью на начальном этапе этой операции было неясное отношение к нам со стороны французских сил, находившихся в районе между Константиной и Тунисом. Этими войсками командовал генерал Барро, и в то время, когда генерал Андерсон начал свое продвижение, не было известно, будут ли эти войска и местное население оказывать активное сопротивление или сотрудничать с ним в наступлении к Тунису.

В таких условиях только такой исключительно исполнительный и смелый командир, как Андерсон, мог взяться

за выполнение этой операции. В ответ на мои настоятельные требования он начал боевые действия 11 ноября, сразу же, как только высадился на берег.

Учитывая, что войска генерала Андерсона были укомплектованы почти исключительно англичанами, я всегда находил удивительным то, что он не произнес ни одного слова возражения, принимая этот приказ от американца. Он был истинным союзником и мужественным солдатом. Из Алжира по суше и морю он направил войска на восток и в результате серии быстрых бросков захватил порты Джиджелли, Филинвиль и Бон и, одновременно продвигаясь в глубь страны, подошел к городам Сетиф и Константина. Авиация и подводные лодки держав "оси" постоянно наносили удары по нашим судам и небольшим гаваням, которые мы захватили, но никогда не было проявлено никаких колебаний ни со стороны адмирала Каннингхэма, командовавшего союзными военно-морскими силами, ни со стороны генерала Андерсона, продолжавшего свое продвижение, несмотря на все опасности. Из района Бон и Константина английская 1-я армия двинулась дальше на восток через Сук-Ахрас и Сук-эль-Арба, где она впервые вошла в соприкосновение с сухопутными силами держав "оси".

Переводя свой штаб из Гибралтара в Алжир 23 ноября, я воспользовался этим случаем, чтобы совершить инспекционные поездки в войска. На аэродроме у Орана я натолкнулся на такие условия, которые мучили нас всю тяжелую зиму. Мы успешно сели на взлетно-посадочную полосу с твердым покрытием, но затем из-за непролазной грязи не могли отвести самолет в сторону. Тогда солдаты подвели большой трактор, подложили огромные доски под колеса нашей "летающей крепости" и после этого оттащили ее на несколько ярдов от посадочной полосы, чтобы другой прибывающий самолет мог сесть. Операции по высадке войск закончились, и я провел утро, знакомясь с проблемами снабжения, размещения личного состава и питания.

По прибытий в Алжир в тот вечер я обнаружил, что отданные ранее распоряжения усилить армию Андерсона любыми американскими частями, находящимися в районе Орана, не были выполнены с должной оперативностью. В штабе, когда я вернулся, находился бригадный генерал Лунсфорд Оливер, командир боевого командования "Б" американской 1-й бронетанковой дивизии. Произведя разведку дорог, он установил, что железнодорожная линия не может обеспечить быструю доставку его войск в нужный район, и теперь добивался разрешения перебросить часть его войск на полугусеничных машинах за семьсот миль между Ораном и Сук-эль-Арба. Штабной офицер, к

которому он обратился, хорошо знал технические возможности этих машин и отказал в его просьбе на основании того, что в итоге покрытия такого расстояния полугусеничные машины израсходуют половину своего ресурса.

Этого молодого штабного офицера нельзя было порицать за такое решение. Ему на протяжении всей его службы в мирное время усердно внушали мысль о необходимости постоянной экономии, о недопущении расточительства. Тренировка в мирное время была возможна, как это было хорошо известно ему, только тогда, когда расходы логичны. Он еще не усвоил основных суровых реальностей войны и не понял, что каждое позитивное действие требует затрат. Вся задача состоит в том, чтобы определить, как во времени и пространстве расходовать материальные средства для достижения максимальных результатов. Когда это сделано, материальные средства должны быть пущены в дело щедрой рукой, особенно если их стоимость может быть измерена ценою сохранения жизни солдат.

Настойчивость генерала Оливера, его желание побыстрее добраться до поля сражения, его мольбы скорее разрешить ему мучительный марш произвели на меня большое впечатление. Через каких-нибудь пять минут он уже действовал в соответствии с теми приказами, каких добивался.

В эту и следующую ночь Алжир подвергался непрерывным бомбардировкам. Самолеты противника появлялись последовательно небольшими группами, но беспрерывный грохот взрывов не давал возможности уснуть, и отсутствие ночного отдыха вскоре отчетливо отразилось на лицах работников штаба. Основными объектами налетов были наши корабли в гавани в четверти мили от нашего отеля. Падавшие на город бомбы вызывали некоторые человеческие жертвы, среди местных жителей началась паника.

Противовоздушная оборона союзников только начинала развертываться; одно из наших судов, на котором везли основное техническое оборудование для управления истребителями противовоздушной обороны, было в пути потоплено немецкими подводными лодками. Однако к концу месяца мы частично выправили положение, и, после того как люфтваффе получили несколько ощутимых ударов, немецкие самолеты почти прекратили налеты на наши основные порты. Однажды ночью мы получили неоспоримое доказательство того, что экипажи вражеских бомбардировщиков стали побаиваться нашей противовоздушной обороны. Мы перехватили радиограмму от командира бомбардировочной эскадрильи, в которой тот сообщал на свою базу следующее: "Бомбы сброшены на Алжир, как было

приказано". Но мы знали, что он сбросил их в море в тридцати милях от берега, потому что в это время наш истребитель завязал с ним бой. Такое свидетельство падения морального духа противника радовало наших людей и поднимало их настроение.

После трех дней интенсивной работы в штабе я выехал на фронт на автомашине, взяв с собой генерала Кларка. Ввиду господства противника в воздухе езда на машинах в прифронтовой полосе была опасным делом. Наблюдатели внимательно следили за небом, и появление любого самолета было сигналом покинуть машину и укрыться. Иногда, разумеется, самолет оказывался своим, но никто не решался мчаться вперед, пока не убеждался, что это действительно свой самолет. Все мы стали настоящими специалистами по распознаванию воздушных целей. Водители машин, саперы, артиллеристы и пехотинцы все время должны были следить за воздухом. Их неприязнь к такому положению отражалась в постоянных сетованиях: "Где же наша проклятая авиация? Почему мы видим в небе только фрицев?" При господстве противника в воздухе наземные войска всегда готовы проклинать своих летчиков.

Кларк и я застали Андерсона за Сук-Ахрасом, где все говорило о непрерывных и тяжелых боях. Почти в каждой беседе с встречавшимися на дороге солдатами я обнаруживал удивительные преувеличения: "Беджа разнесена в щепки бомбардировкой!", "Никто не сможет выжить на следующем участке дороги!", "Нашим войскам наверняка придется отступить!", "Люди не смогут выдержать в этих условиях!". И тем не менее в целом моральное состояние было хорошим. Преувеличения были не чем иным, как желанием отдельных людей рассказать другим о том, что они испытали на себе все ужасы и разрушения и выжили, но у них по было никаких помыслов уйти отсюда.

Солдаты и командиры не имели боевого опыта, но по смелости, мужеству и стойкости войска генерала Андерсона не уступали самым закаленным в боях ветеранам. Условия были физически почти невыносимые. Непролазная грязь с каждым днем усиливалась, все боевые действия велись вдоль дорог, которые на больших участках практически оказались полностью разрушенными. Зимние холода уже опускались на Тунисское нагорье. Доставка на фронт продовольствия, боеприпасов и другого боевого снаряжения превратилась в задачу, посильную для Геркулеса. И несмотря на все эти трудности и слабые силы, генерал Андерсон, войска которого насчитывали всего около трех пехотных и одну танковую бригаду с устаревшей техникой, шел вперед, занял Сук-эль-Хемис, Беджу и вышел к району, откуда уже

были видны окраины Туниса.

После первого соприкосновения с противником бои с каждым днем принимали все более ожесточенный и упорный характер. Противник подбрасывал подкрепления более быстрыми темпами, чем мы.

Еще в самом начале я решил идти на дополнительный риск ослабления наших тылов, чтобы усилить войска Андерсона. Нехватка транспортных средств не позволяла сразу подвезти к фронту сильные подкрепления, и мы были вынуждены вводить их в бой мелкими частями, а опасность такого метода использования подкреплений очевидна даже самому неопытному новобранцу. Не было недостатка и в советчиках, предостерегавших меня относительно общественной реакции на "растранжиривание" американской армии. Меня часто спрашивали: "Как Першинг создал себе репутацию в Первую мировую войну?" Однако такие советчики забывали знаменитое заявление Першинга, сделанное им в марте 1918 года, когда для союзников сложилось критическое положение: "Каждый солдат, каждое орудие все, чем мы располагаем, в вашем распоряжении, и вы можете использовать это по своему усмотрению". Я считал, что здесь, в Тунисе, быть может, несколько в меньшем масштабе у нас сложилась обстановка, аналогичная критической ситуации 1918 года, и я был готов принять на себя весь огонь последующей критики, лишь бы союзные войска сумели взять Тунис и преподнести его в качестве новогоднего подарка нашему народу.

Это была крупная рискованная игра, но приз казался настолько привлекательным, что мы отбросили всякую осторожность, стараясь доставить Андерсону каждого незадействованного солдата. Вместе с тем все еще существовала опасность, что немцы могут перебросить свою авиацию через Пиренеи в Испанию и ударить по нашим тылам. Тем не менее в качестве начального шага американской авиации было дано указание переместиться в восточном направлении, насколько это возможно, чтобы оказать воздушную поддержку генералу Андерсону и помочь перерезать морские коммуникации держав "оси" между Тунисом и Италией. Это было явным отклонением от первоначального плана, предусматривавшего сохранение американской авиации на западном побережье Средиземного моря. В результате такого перемещения американская авиация стала располагаться в непосредственной близости от английских воздушных сил, и это вызвало необходимость повседневной координации действий между ними.

Я вызвал генерала Спаатса из Англии, чтобы он взял в свои руки осуществление этой задачи. Мы просто импровизировали с

механизмом управления действиями авиации союзников и дали генералу Спаатсу титул исполняющего обязанности заместителя главнокомандующего авиацией. Вначале командующим американскими военно-воздушными силами в Северной Африке был генерал-майор Джеймс Дулиттл, получивший известность как руководитель авиационного рейда на Токио. Это была динамичная личность, сгусток энергии. Потребовалось некоторое время, прежде чем он приспособился нести на своих плечах ответственность старшего начальника в американской авиации на театре. Но он обладал бесценным качеством учиться на опыте и в дальнейшем стал одним из наших прекрасных командиров.

В конце ноября и первой половине декабря продолжалось усиление нашей восточной группировки небольшими контингентами войск, главным образом, из состава американской армии. В силу критического характера повседневных боев и отсутствия транспортных средств мы не могли ждать, пока будут доставлены на фронт сразу какие-либо крупные силы и в полном составе брошены в бой. Если нам не удастся захватить Тунис, мы жестоко пострадаем от такого метода усиления войск Андерсона, но последнему были даны ясные указания использовать все возможные средства, чтобы выполнить задачу до того, как окончательно испортится погода и войска держав "оси", получив подкрепления, вынудят нас перейти к длительной зимней кампании в столь неблагоприятных условиях.

Из Орана мы доставили сюда часть сил американской 1-й бронетанковой дивизии и 1-й пехотной дивизии. Американская 34-я дивизия была растянута вдоль линий коммуникаций для охраны наиболее важных участков и обеспечения безопасности в огромных районах, где у нас еще не было войск. Мы могли использовать союзные войска только для прикрытия наиболее важных мест, а поскольку противник очень скоро стал прибегать к действиям небольших диверсионных групп парашютистов, выбрасываемых под прикрытием ночной темноты, то мы были вынуждены полагаться только на французских солдат при охране сотен мостов, туннелей и подобных объектов.

Только за счет мужества, изобретательности и стойкости, повсеместно проявляемых нашими солдатами, нельзя было полностью преодолеть сопротивление противника на труднодоступной из-за скверных погодных условий местности. К тому же в начале декабря противник располагал уже достаточным количеством механизированных частей, чтобы предпринять решительные, хотя и местного значения, контратаки, и мы оказались вынужденными отходить с наших наиболее выдвинутых вперед рубежей перед Тунисом.

Как только мы прекратили наступательные действия, обстановка в Северном Тунисе стала для нас еще тяжелее. Из-за допущенной во время отхода серьезной ошибки боевое командование "Б" американской 1-й бронетанковой дивизии потеряло почти всю боевую технику, 18-й пехотный полк американской 1-й пехотной дивизии также понес тяжелые потери, а батальон одного английского полка был почти полностью истреблен. Генерал Андерсон вскоре начал подумывать о том, что ему придется оставить узловой пункт Меджез-эль-Баб, где его войска своим правым флангом соприкасались с французами. Поскольку этот ключевой пункт имел важное значение для последующего наступления, когда мы получим необходимые для этого силы, я запретил Андерсону оставлять его и взял на себя личную ответственность за судьбу гарнизона в Меджез-эль-Баб в случае его окружения противником.

Мы все еще пытались собрать силы, чтобы использовать временное улучшение погоды и захватить Северо-Восточный Тунис до того, как все наступательные операции безнадежно застопорятся. На 24 декабря мы назначили заключительное наступление, поставив перед собой весьма честолюбивую цель. Основная надежда на успех была связана с нашим временным превосходством в артиллерии, которая составляла довольно внушительную силу. Однако с тунисского фронта поступали обескураживающие донесения о том, что погода там ухудшилась, и вместе с тем перспектива для начала нового наступления становилась все мрачнее.

Но я не хотел отказываться от задуманного плана, пока сам не приду к убеждению в невозможности его осуществления. Из-за нелетной погоды 22 декабря мне пришлось выехать в войска на автомашине. Как только я покинул район Алжира, дороги оказались почти полностью разбитыми. Утром 24 декабря я встретил генерала Андерсона в его штабе и вместе с ним немедленно выехал к Сук-эль-Хемис, где размещался штаб английского 5-го корпуса, который под командованием генерал-майора Олфри должен был перейти в наступление. Силами небольших подразделений он уже занял критически важные рубежи для обеспечения назначенного на следующую ночь общего наступления корпуса.

Непрерывно лил дождь. Мы вышли вперед, чтобы осмотреть местность, по которой предстояло наступать войскам. В ходе этой рекогносцировки я стал свидетелем случая, который убедил меня в безнадежности подготовленного наступления. Примерно в тридцати футах от дороги, в поле, засеянном озимой пшеницей, в грязи застрял мотоцикл. Четверо солдат отчаянно пытались

вытянуть его, однако, несмотря на все их усилия, сами все глубже увязали в глинистом месиве. В конце концов им пришлось отказаться от попытки вытащить мотоцикл.

Мы направились обратно в штаб, и я дал указание отложить наступление на неопределенное время. Это было тяжелое решение. Перед нами сразу же встала задача организовать прочную оборону, сосредоточить разбросанные части, создать резервы и прикрыть правый фланг, где местность позволяла вести боевые действия круглый год. Все это должен был сделать генерал Андерсон, одновременно стойко удерживая все, что нами уже было занято.

В таких условиях командующему всегда необходимо бороться с пораженческими настроениями: упадок духа у старшего начальника быстро замечается в войсках и всегда приводит к нежелательным последствиям. В таких случаях крайне трудно демонстрировать какой-либо оптимизм.

Еще в середине ноября французские войска в Тунисе связали свою судьбу с нами и удерживали за собой раскинувшуюся к югу от Туниса гористую местность, которая облегчала нам ведение оборонительных действий, несмотря на отсутствие у них современного оружия. Отказавшись от планов немедленного захвата Туниса, мы создали рубеж обороны, чтобы прикрыть передовые аэродромы у Телепте, Йокс-лес-Бейнс и Сук-эль-Арба. Пока эти аэродромы были в наших руках, мы могли бы с помощью наших все возрастающих воздушных сил постоянно наносить удары по коммуникациям войск держав "оси". Мы имели бы прекрасные позиции для возобновления наступления, как только позволили бы условия погоды и наши силы. Поэтому план боевых действий на остальную часть зимы предусматривал оборону прежде всего этого района. Без него мы оказались бы вынужденными отступить в район Бона, Константины, а с наступлением весны нам пришлось бы вновь с боями пробиваться вперед через труднопроходимую гористую местность без должной авиационной поддержки и нести большие потери в живой силе. Я был убежден, что никакие трудности для служб снабжения или уязвимость обороны не могли бы оправдать отвод войск на более надежные и удобные позиции, поскольку последствия этого оказались бы очень тяжелыми. Мы должны были также считаться и с тем фактом, что наше отступление отрицательно сказалось бы на моральном состоянии населения Северной Африки, что серьезно тревожило генерала Жиро и других французских руководителей.

До этого времени фланговое прикрытие всего этого огромного района, простиравшегося от Тебессы на юг до Гафсы,

обеспечивалось только разбросанными французскими регулярными частями, усиленными небольшим американским отрядом парашютистов под командованием полковника Эдсона Раффа. История его боевых действий в этом районе составила блестящую страницу в войне в Северной Африке. В течение многих недель отряд Раффа держал противника в постоянном напряжении, нанося по нему дерзкие и стремительные удары. Однако с прекращением наших наступательных действий на севере противник сразу же получил возможность, укрывшись за прибрежным горным барьером, сосредоточивать войска по своему усмотрению. Было бы наивно полагать, что противник не воспользуется нашей серьезной слабостью в районе Тебессы и не нанесет в этом месте быстрый и сокрушительный удар, если мы своевременно не предпримем соответствующих мер.

Для организации обороны в район Тебессы из Орана был переброшен штаб 2-го корпуса генерала Фридендолла. Корпус усиливался американской 1-й бронетанковой дивизией, к тому времени почти доведенной до штатной численности, хотя некоторая часть ее вооружения уже значительно устарела. Офицеры тыловых служб в моем штабе возражали против сосредоточения всего корпуса к востоку от Тебессы. Они жаловались, что скверные пути подвоза позволяют осуществлять снабжение только одной бронетанковой дивизии и полка, и не более. Однако будучи убежденным, что противник очень скоро воспользуется нашей очевидной слабостью в этом районе, я приказал начать сосредоточение корпуса в составе четырех дивизий, а снабженцам сказал, что им придется изыскать пути, как обеспечить их.

Американскую 1-ю пехотную дивизию, предназначенную для этого корпуса, следовало как можно быстрее снять с разбросанных боевых позиций и доставить к Тебессе. Американская 9-я пехотная дивизия без 39-й полковой боевой группы, которая участвовала в овладении Алжиром, постепенно перебрасывалась из района Касабланки в восточном направлении. Аналогичный приказ получила и 34-я дивизия, которая передала свои задачи по охране линий коммуникаций французским частям.

Американский 2-й корпус получил задачу обеспечить прикрытие фланга наших главных сил на севере. Фридендолл должен был поставить у горных перевалов легко оснащенные пехотные подразделения, а 1-ю бронетанковую дивизию расположить за боевым охранением в готовности контратаковать противника, который попытается пройти через горы в сторону наших линий коммуникаций. Генералу Фридендоллу после завершения сосредоточения своего корпуса предлагалось

предпринять наступательные действия в направлении на Сфакс или Габес, чтобы попытаться лишить Роммеля связи с Тунисом. Учитывая потенциальную выгоду от проведения такой операции, некоторые работники штаба хотели немедленно осуществить ее. Я не одобрил этой идеи, поскольку наши непосредственные возможности для наступления в тот момент равнялись нулю. И чтобы избежать неправильного понимания Фридендоллом своей задачи, я лично встретился с ним и исчерпывающе изложил ему план действий его корпуса в районе Тебессы. Прикрывая правый фланг наших войск бронетанковой дивизией, которая по танкам была сильнее любой группировки, какую противник был в состоянии создать против нее, Фридендолл при отсутствии, серьезной угрозы со стороны противника мог одновременно предпринять наступательные действия в направлении к береговой линии. Но даже в этих условиях он не должен был оставлять никаких гарнизонов в захваченных прибрежных городах.

В течение этих недель нам все еще не удалось создать единое командование для действовавших на фронте войск. Французы отказывались воевать под командованием англичанина, заявляя, что в их армии поднимется бунт, если я буду настаивать на этом. У французов все еще были сильны антианглийские настроения из-за столкновений с англичанами в Сирии, Оране и Дакаре. Английская 1-я армия находилась на левом фланге, французские войска - в центре, а американские - на правом фланге, но все они занимали взаимосвязанные участки единого фронта и зависели от одной линии коммуникации. Такое положение раздражало всех, оно было чревато серьезными потенциальными опасностями. В этих условиях я создал свой передовой командный пункт и постоянно держал там небольшую группу во главе с генералом Траскоттом, который в мое отсутствие должен был заниматься вопросами координации боевых действий войск. Это было самое лучшее, что я мог сделать тогда.

Такое положение оставалось до тех пор, пока в середине января французские войска не отступили на центральном участке под натиском не сильных, но решительных атак немцев. В результате для союзников возникла критическая обстановка. Теперь требовалось осуществлять новую переброску еще не успевших завершить сосредоточение американских войск, чтобы заткнуть образовавшиеся бреши в обороне союзников. В таких условиях в начале второй половине января я в безапелляционном порядке приказал генералу Андерсону взять на себя руководство всеми ведущими боевые действия войсками. Я лично посетил генерала Жюэна, чтобы удостовериться, что он будет подчиняться приказам генерала Андерсона. Позднее я информировал генерала

Жиро об этом решении. Он не высказал никаких возражений - необходимость в этом была слишком очевидной.

Когда генерал Андерсон принял на себя командование войсками, фронт был чрезмерно растянут и проходил от Бизерты до Гафса. Чтобы удержать этот растянутый фронт, надо было ждать, пока полностью сосредоточится американский 2-й корпус в районе Тебессы и прибудут дополнительные войска из Англии. Выделение частей и создание мобильных резервов началось перед Рождеством, но этот процесс был сорван отступлением французских войск в середине января. Пришлось срочно бросать американские войска на закрытие образовавшихся брешей. В поражении французов нельзя было усмотреть какого-либо отсутствия храбрости или мужества; оно было следствием того, что у них совсем не имелось современною боевого оружия, и этот недостаток мы усиленно теперь пытались устранить.

В течение всего этого периода нас беспокоила запутанная политическая обстановка: было трудно прокладывать путь сквозь сети интриг, дезинформации, непонимания и сильных предубеждений, с которыми приходилось сталкиваться при решении даже незначительных вопросов. Главным фактором во всей североафриканской проблеме было арабское население с его взрывоопасным потенциалом. Французский генерал Ногес в Марокко, мягко говоря, не заслуживал доверия, но он был министром иностранных дел у султана, и все данные указывали на то, что он пользовался полным доверием и дружбой марокканцев. Свирепые племена этого района представляли собой силу, с которой нужно было считаться. Генерал Паттон, зная эту обстановку, испытывал тревогу. Он все еще придерживался мнения, что если марокканцы станут проявлять враждебность к нам, то потребуется 60 тыс. полностью оснащенных американских солдат, чтобы поддерживать порядок только в этом регионе. Мы не могли позволить себе выделить такие силы на эти цели, поскольку просто не имели их. Паттон решительно советовал нам оставить Ногеса в покое.

В этом сложном переплетении проблем серьезную роль играл извечный антагонизм между арабами и евреями. Поскольку в Северной Африке первые численно превосходили вторых примерно в сорок раз, то на местах установилась практика умиротворения арабов за счет евреев. Поэтому арабское население рассматривало любое изменение антиеврейских законов как стремление создать еврейское правительство для последующего преследования самих арабов. Если принять во внимание, что неграмотное население .годами подвергалось интенсивной нацистской пропаганде, рассчитанной на

разжигание подобных предрассудков, то нетрудно было понять, что обстановка требовала больше проявления осторожности и постепенных изменений, чем стремительных революционных действий. Северную Африку наводнили слухи, они почти определяли всю жизнь в этом регионе. Например, здесь говорили, что меня, еврея, прислал сюда еврей Рузвельт, чтобы подавить арабов и установить в Северной Африке еврейское правление. Политические советники в штабе были настолько обеспокоены этими слухами, что опубликовали в газетах материалы с моей родословной и распространили специальные листовки. Брожение среди арабов или, что еще хуже, открытый бунт отбросили бы нас назад на многие месяцы и причинили бы бесчисленные жертвы.

Что касается французских чиновников, коротавших время в кафе и готовых беспрестанно болтать с газетными репортерами, то ответ был безукоризненно прост. Нужно было просто выкинуть волевым решением каждого чиновника, который был связан с Виши или выполнял его приказы, и поставить на их место тех, кто сочувствовал нам. Но поскольку ненавистные вишисты втерлись в доверие к арабскому населению, то было очевидно, что только путем постепенных последовательных изменений и осторожного решения проблем, связанных с местным чиновничеством, можно предотвратить возможность бурных проявлений арабо-французско-еврейских противоречий.

Для иллюстрации деликатности положения можно привести следующий пример: в самом начале, выходя далеко за рамки союзнических отношений, мы настаивали на том, чтобы французские власти изменили антиеврейские законы и порядок в этом районе. После издания соответствующих прокламаций мы увидели, что в этом отношении достигнут некоторый прогресс. Однако представьте себе мое удивление, когда Дарлан явился ко мне в кабинет с письмом, подписанным человеком, которого он знал как раввина города Константины и который умолял власти не спешить с отменой антиеврейских законов, иначе, как говорилось в письме, арабы несомненно устроят погромы. Этот небольшой пример свидетельствует о сложном и запутанном характере расовых и политических взаимоотношений, ежедневно проявлявшихся в самых различных направлениях.

Политические, экономические и военные вопросы тесно переплетались между собой. В сфере политики неустанно трудились Мэрфи и его английский коллега Гарольд Макмиллан. Им приходилось вести дела с опасным Дарланом, с мужественным и честным, но безучастным к политике Жиро, со слабовольным Шателем, со зловещей личностью Ногесом и другими. Мы настаивали на либерализации политической

системы, однако каждый день приносил новые, в большинстве своем вполне обоснованные жалобы на продолжающиеся несправедливости, отсутствие доброй веры и не подтвержденные конкретными делами заверения. Мы решились устранить наиболее неприемлемых лиц, но приходили в отчаяние из-за невозможности найти им удовлетворительную замену. Более того, действуя, мы всегда должны были помнить, что находимся на земле союзника; мы не имели ни полномочий, ни прав, свойственных условиям военной оккупации. Тем не менее мы давно уже сказали Дарлану, чтобы он освободился от Шателя, губернатора Алжира, и Ногеса, министра марокканского султана.

В решении такого рода проблем генерал Жиро был бесполезен. Он питал отвращение к политике, ко всему тому, что необходимо было осуществить для создания упорядоченной, демократической системы применительно к местным условиям в Северной Африке. Он просто хотел получить вооружение и заняться комплектованием боеспособных дивизий, а не вопросами формирования правительства. Цели генерала были ясны, однако его способности к решению более крупных административных и организационных задач вызывали сомнения.

Дарлан был убит 24 декабря, в тот самый день, когда я был вынужден отказаться от каких бы то ни было планов скорейшего наступления в Северном Тунисе. Я находился в штабе английского 5-го корпуса возле Беджа, когда мне сообщили о его смерти. Я немедленно выехал в Алжир и прибыл туда после тридцатичасовой безостановочной езды на машине в дождь, снег и гололед. Все мое знакомство с Дарланом продолжалось шесть недель. Он пользовался дурной репутацией коллаборациониста, однако в течение всего периода сотрудничества с нами в качестве главного администратора во Французской Северной Африке он ни разу, насколько нам известно, не нарушил взятых на себя обязательств или данных им обещаний. Но его манера поведения и вообще его личность не внушали доверия, и, ведя с ним дела, мы всегда чувствовали себя неспокойно. И тем не менее его смерть принесла мне новые осложнения.

Хотя из французской администрации генерал Жиро и пользовался наибольшим моим доверием, штаб был все же не в состоянии поощрить создание марионеточного правительства во Французской Северной Африке. Прибегнуть в этом вопросе к нацистским методам означало бы куда более серьезное нарушение принципов, во имя которых мы сражались, чем простое согласие на временное занятие руководящего поста человеком, прошлое которого, по нашим взглядам, было неприятным. Более того, мы сомневались в способностях Жиро

прочно укрепиться на посту главного администратора, однако другой приемлемой кандидатуры у нас не было. Французское местное чиновничество без промедления назвало генерала Жиро временным преемником Дарлана в роли главного администратора в Северной Африке. Жиро посетил наш штаб и сразу попросил, чтобы я перестал смотреть на Северную Африку как на завоеванную территорию и относился к ней скорее как к союзнику, в которого она пытается превратиться. Такое настроение у человека, который, как я полагал, так хорошо понимал наши цели, было для нас несколько ошеломляющим.

Слабовольный губернатор Алжира Шатель не пользовался у нас доверием. Он и генерал Ногес являлись личностями, от которых мы хотели решительно избавиться как можно скорее, хотя генерал Паттон постоянно утверждал, что Ногес эффективно действовал в пользу союзников. Я же лично был убежден, что генерал Ногес будет с нами сотрудничать лишь до тех пор, пока будет видеть, что мы выигрываем; однако при появлении первых признаков нашей слабости он без колебаний повернет против нас. Дарлан на все высказывания недовольства в адрес этих двух лиц неизменно отвечал: "Я и сам не хочу иметь их на этих постах, однако управление арабскими племенами - дело сложное, требующее большого опыта работы с ними. Как только вы подберете подходящих людей, достаточно опытных и лояльных французов, я немедленно устраню этих двух должностных лиц".

Мы решили привезти в Алжир Марселя Пейрутона. Мне доложили, что Пейрутон в то время фактически находился в изгнании в Аргентине и не мог вернуться во Францию из-за враждебности к нему Лаваля{16}, самой зловещей марионетки Гитлера.

Сообщалось также, что ранее он пользовался в Северной Африке репутацией умелого колониального администратора. Однако в течение длительного времени он входил в правительство Виши и поэтому считался в демократическом мире фашистом. Мы объяснили наши трудности государственному департаменту и после обмена несколькими депешами получили ответ о согласии с нашей идеей.

Пейрутона привезли в Алжир и назначили губернатором; это было нашей ошибкой, хотя он и выгодно отличался от своего слабовольного и нерешительного предшественника. Тем не менее было очень трудно найти людей даже с каким-нибудь опытом работы в системе французской колониальной администрации, не запятнавших себя связями с вишистами. Вначале мы думали использовать Маета, Бетуара и некоторых других, уже доказавших свое дружественное отношение к нам. Однако и здесь мы

натолкнулись на трудности, связанные с настроениями во французских войсках, в помощи которых мы остро нуждались. Мы добились официального признания Маета и Бетуара, даже обеспечили их продвижение по службе, но не могли добиться их признания в общественном плане. Враждебное отношение к ним было настолько сильным, что они сами и генерал Жиро не рекомендовали нам использовать их на административных постах.

В это время я допустил другую ошибку, хотя и действовал из лучших побуждений. Я имею в виду введение цензуры на политические сообщения из Северной Африки сроком на шесть недель. Хотя я и испытывал личную неприязнь к цензуре, мне все же пришлось пойти на эту меру. Наш план заключался в том, чтобы содействовать в конечном счете союзу между местной французской администрацией и силами де Голля в Лондоне. Это была трудная, как мы понимали, задача, но решить ее было необходимо.

Антагонизм с де Голлем во французской армии в Северной Африке и на всех уровнях гражданской администрации сильно укоренился; однако де Голль пользовался явной популярностью среди гражданского населения, и она постепенно росла, по мере того как все отчетливее вырисовывались успехи союзников. Сторонники де Голля в Лондоне использовали любую возможность для ожесточенных нападок на каждого французского военного или гражданского деятеля в Африке, а те, в свою очередь, отвечали им публично в не менее резких выражениях. Я считал, что разрешить раздувать подобную публичную перепалку, оскорбительную для обеих сторон, означало создать такие условия, которые сделали бы невозможным примирение в будущем. Введя цензуру, я предотвратил участие местных французских должностных лиц в этой публичной ссоре. Они ожесточенно доказывали неправильность этого моего шага, как, впрочем, и представители прессы при штабе. Я считаю, что эти ограничения дали некоторый положительный результат, и они были сразу же сняты, как только я узнал, что Жиро и де Голль согласились встретиться, в Касабланке.

Запутанность военной и политической обстановки еще больше осложнялась экономическим положением в Северной Африке, которая оказалась лишенной ввоза традиционных товаров. Морского транспорта не хватало, и каждое суденышко использовалось только для доставки боевых грузов. Ощущалась острая нужда в пшенице, угле, одежде, медикаментах и других предметах потребления.

В декабре к нам прибыли первые представительниц женского

вспомогательного корпуса. До прибытия в Лондон я был противником использования женщин на военной службе. Однако в Англии, когда я увидел их блестящую работу, в том числе в составе боевых расчетов зенитных батарей, мое отношение к этому вопросу полностью изменилось. В Африке многие офицеры все еще сомневались в полезности женщин-военнослужащих. Эти люди просто не видели изменявшихся требований войны. Навсегда канули в прошлое элементарные штабы Гранта и Ли. Многочисленное войско канцелярских клерков, стенографов, телефонистов, шоферов стало существенным компонентом воюющей армии, и едва ли было разумно назначать для выполнения этих функций людей из боевых частей, когда имелось большое число достаточно высококвалифицированных женщин. С первых дней их репутация деловых и добросовестных исполнителей крепла в войсках. К концу войны даже самые упорные противники призыва женщин для службы в действующей армии изменили свою точку зрения. Сначала женский персонал ограничивали работой в общей части штаба и на тыловых базах, но потом их стали посылать в войска. Что касается медицинских сестер, то они уже давно перестали вызывать удивление у личного состава боевых частей. С первых дней этой войны наши медицинские сестры вели себя в духе традиций времен Флоренс Найтингейл.

Глава 8. Тунисская кампания

В декабре мы получили известие, что президент Соединенных Штатов и премьер-министр Великобритании в сопровождении значительного числа гражданских и военных специалистов приедут в январе в Касабланку, чтобы провести там конференцию, обеспечение которой возлагалось на нас.

Я так и не узнал истинных причин, побудивших президента и премьер-министра выбрать Касабланку в качестве места проведения этой конференции. Возможно, оно было выбрано в надежде, что удастся убедить премьера Сталина приехать туда, или, вероятно, президент и премьер-министр усматривали определенные преимущества в морально-психологическом плане от проведения встречи на территории, только что захваченной союзными войсками. Однако нам это казалось рискованным делом, поскольку вражеские бомбардировщики время от времени появлялись в этом районе, а среди местного населения было много недовольных элементов, в том числе фанатиков, способных на любого рода экстремистские акции. Подготовка места встречи наших лидеров требовала больших усилий и осторожности, особенно в вопросах сохранения секретности.

Работа конференции началась в соответствии с планом. На

нее вызвали целый ряд английских и американских офицеров из всех видов вооруженных сил в качестве военных экспертов. Я прибыл в Касабланку после весьма рискованного полета, когда в пути неожиданно вышли из строя два двигателя нашего самолета. По приказу пилота капитана Джока Риди мы последние пятьдесят миль летели стоя у люков, готовые выпрыгнуть по первому его сигналу. С тревогой думал я о колене, поврежденном в молодые годы во время игры в футбол, но, к счастью, нам не пришлось воспользоваться парашютами.

Фактически я участвовал в работе конференции всего один день, поскольку был слишком загружен неотложными делами в других местах. О большинстве событий и решений, принятых на ней, я узнал позднее, когда генерал Маршалл приехал ко мне в Алжир. Однако на одном из заседаний, на котором подробно рассматривалось военное положение в Северной Африке, мне еще пришлось присутствовать.

Я подробно охарактеризовал обстановку, в результате которой мы были вынуждены отложить наступление на севере, и в общих чертах доложил о планируемом использовании сил 2-го корпуса в районе Тебессы. Я сообщил участникам конференции, что если нам удастся сосредоточить там весь корпус и поддерживать его и если противник не предпримет никаких активных действий, то позднее можно будет начать наступление в направлении на Габес или Сфакс. Но мы не могли гарантировать, что события будут развиваться именно так. Тем не менее мы наращивали силы максимально возможными темпами, однако главной заботой оставалось обеспечение нашего оголенного правого фланга.

Здесь Александер прервал меня, заявив, что мы можем прекратить обсуждение вопроса относительно такого наступления, так как английские войска скоро окажутся в Триполи, и если этот порт будет в пригодном для эксплуатации состоянии, то английская 8-я армия подойдет к южной границе Туниса в течение первой недели марта. Это была большая новость!

Затем у меня состоялись долгие беседы с генералом Маршаллом, Черчиллем и другими участниками конференции. Вечером мне сообщили, что президент хотел бы поговорить со мной наедине. Это была одна из сердечных личных бесед, которые я имел с Рузвельтом в ходе войны. Его оптимизм и бодрость, граничившие почти с беззаботностью, я приписывал той необычной атмосфере, которая была связана с таким смелым предприятием, как поездка в Касабланку. Сбросив с себя на несколько дней всю тяжесть государственных дел, он, казалось,

испытывал огромный подъем оттого, что ему удалось тайно выскользнуть из Вашингтона и провести историческую конференцию на земле, которая всего два месяца назад была полем боя. Хотя он и признавал всю серьезность военных проблем, все еще стоявших перед союзниками, многие из его высказываний относились к далекому послевоенному будущему, в том числе к судьбам колоний и территориальных владений.

Он много размышлял над возможностью Франции восстановить свое прежнее положение сильной и уважаемой державы в Европе, и в этой связи у него появилось пессимистическое настроение. Затем он упорно возвращался к мысли о том, как осуществить контроль над определенными стратегическими пунктами во французской империи, которые французы, возможно, как он считал, больше не смогут удерживать.

Особенно его интересовали мои впечатления о некоторых наиболее выдающихся французских деятелях, в частности о Буассоне, Жиро, де Голле и Фландине (с последним я не встречался вообще).

Мы детально рассмотрели военные и политические события предшествовавших десяти недель; он был явно доволен тем прогрессом, которого мы добились. Однако когда я в общих чертах набросал некоторые возможные неудачи, связанные с зимними условиями, он реагировал на это так, будто я слишком преувеличил свои опасения. И если мы оба понимали, что войска держав "оси" не могли противостоять охватывающему маневру английских войск под командованием генерала Александера и наших сил в Северной Африке, то оценка президентом Рузвельтом сроков окончательного краха противника, по моему мнению, была слишком оптимистичной и во многом не совпадала с моими расчетами. Он настоял, чтобы я сам определил дату и назвал 15 мая. Это было самое необдуманное предположение за всю войну. Вскоре после отъезда президента я рассказал об этом Александеру, и он, улыбнувшись, сказал, что, отвечая на тот же вопрос, он назвал 30 мая.

Я нашел, что президент при рассмотрении текущих африканских проблем не всегда с достаточной четкостью видел разницу между условиями военной оккупации вражеской территории и той обстановкой, в какой мы оказались в Северной Африке{17}.

Постоянно ссылаясь на планы и предложения, касавшиеся местного населения, французской армии и правительственных чиновников, он говорил в форме приказов и предписаний. Нужно было напомнить ему, что с самого начала мы действовали здесь в

соответствии с политическим курсом, нацеленным на приобретение и использование будущего союзника, что мы только пытались заставить постепенно расширить базу для управления, чтобы в конечном счете передать все внутренние дела под контроль местного правительства, а это отнюдь не имело ничего общего с системой управления завоеванной страной. Он, конечно, соглашался с этим, понимая, что лично участвовал в первоначальном формулировании этой политики задолго до вторжения, но вместе с тем продолжал, возможно, подсознательно, обсуждать местные проблемы с точки зрения завоевателя. Для нас было бы значительно легче, если бы мы могли так действовать! Однако он заметил со свойственной ему прозорливостью, что будет совершенно уместно обусловливать поставки вооружения для французов в значительных количествах, чего они упорно добиваются, принятием ими американских взглядов в отношении стратегии в Европе, согласием использовать французские базы в интересах союзников и постепенной, но не затягиваемой заменой французских должностных лиц, неприемлемых для американского правительства. Было очевидно, что, пока они не будут в целом поддерживать нас в этих важных вопросах, вооружать их бесполезное дело{18}.

Он был особенно озабочен тем, чтобы удержать Буассона у власти во Французской Западной Африке.

Для меня наиболее важной частью всей нашей беседы были полученные от него заверения, что он твердо придерживается нашей основной концепции в европейской стратегии, а именно вторжения на континент через Ла-Манш. Он был уверен, что весенняя и летняя кампании на Средиземном море приведут к положительным для союзников большим результатам, но вместе с тем он смотрел на них как на подготовку к огромному предприятию, согласованному почти год назад в качестве главного направления усилий союзников для нанесения поражения Германии.

Когда я позднее посетил Черчилля, то с большим для себя облегчением получил аналогичные заверения. Он сказал: "Генерал, я здесь слышал, что мы, англичане, якобы намереваемся уклониться от плана "Раундап". Это не так. Я дал слово, и я его сдержу. Однако теперь перед нами раскрываются прекрасные возможности, и мы не должны упустить их. Когда подойдет время, вы найдете англичан готовыми выполнить свою роль в другой операции". "Раундап" было кодовым наименованием, позднее его изменили на "Оверлорд".

Президент надеялся на быстрое урегулирование французских

политических проблем путем примирения между Жиро и де Голлем, полагая, что сумеет убедить их объединить свои силы и тем самым наилучшим образом послужить интересам Франции. В ходе беседы, которая то и дело переходила на детали личного характера, я был поражен его феноменальной памятью. Он вспомнил, что мой брат Милтон посетил Африку, и сказал мне, почему он назначил его в управление военной информации, которое возглавлял Элмер Дэвис. Он на память процитировал целые предложения, почти абзацы, из радиограммы, которую я направил в США, объясняя суть дела Дарлана, и заявил, что она была исключительно полезной и помогла рассеять на родине опасения, будто все мы постепенно становимся фашистами.

Уже после того как я вернулся в Алжир, президентом и премьер-министром были объявлены условия "безоговорочной капитуляции противника". В то время для меня более важное значение имело решение о том, что английская 8-я армия и "ВВС пустыни" переходили в мое подчинение. Об этом плане меня проинформировали еще в Касабланке, но о его окончательном одобрении я узнал позднее, когда генерал Маршалл приехал ко мне в Алжир. Генерал Александер должен был стать заместителем главнокомандующего союзными силами; адмирал Каннингхэм оставался у меня в качестве командующего военно-морскими силами, а главный маршал авиации Артур Теддер назначался командующим военно-воздушными силами. Предполагалось, что эти назначения вступят в силу в начале февраля.

Такое развитие командной структуры меня особенно радовало, ибо это означало прежде всего полное единство действий на Центральном Средиземноморье и обеспечивало необходимый механизм для эффективной координации тактических и стратегических усилий союзников. Я информировал президента и начальника штаба Маршалла, что буду с готовностью работать под руководством Александера, если ему передадут командование союзными войсками. Я сделал такое предложение в связи с тем, что после объединения союзнических сил с войсками, прибывшими из североафриканских пустынь, англичане численно превзошли нас.

Другие решения, принятые на конференции в Касабланке, касались последующих наших операций и сводились в основном к подготовке наступления на Сицилию, как только Северная Африка будет очищена от войск держав оси.

Остальная часть января и начало февраля прошли в спешной работе по организации обороны, в улучшении аэродромов, в доставке на фронт подкреплений как в живой силе, так и в боевой

технике. Ряд последовательных, относительно небольших по масштабам атак противника не позволил нам в полной мере осуществить сосредоточение наших сил и свести их в соответствующие формирования. Это особенно серьезно сказалось на американской 1-й бронетанковой дивизии, которую командующий 1-й армией счел необходимым использовать сравнительно небольшими частями в сильно растянутой по фронту полосе обороны.

После завершения конференции в Касабланке генерал Маршалл и адмирал Кинг прибыли в Алжир, и мы втроем проанализировали сложившуюся обстановку. Все понимали ту опасность, которая таилась во временной моей неудаче с захватом намеченных объектов до наступления зимы, и поэтому энергично поддержали наши действия; адмирал Кинг говорил, что "всем известно, что получается, когда командующие сидят сложа руки и ждут наступления противника. Продолжайте вести боевые действия!"

Я считал, что генерал Александер и главный маршал авиации Теддер присоединятся к нам в Тунисе 4 или 5 февраля, и с нетерпением ждал их прибытия, чтобы совместно улучшить управление войсками. Поскольку генерал Андерсон, командующий английской 1-й армией, первоначально действовал со своими войсками исключительно на севере, то его связь и командный пункт были размещены так, что ему было крайне трудно осуществлять эффективное руководство войсками на центральном и южном участках растянутой обороны. Плохое состояние системы связи с запада на восток через Северную Африку не позволяло мне постоянно держать под своим контролем все то, что, по существу, составляло единый фронт. Прибытие Александера автоматически исправило бы это положение.

Я все еще был обеспокоен тем, поймут ли Андерсон и Фридендолл, что мои планы в Южном Тунисе временно носят оборонительный характер и что такое построение боевого порядка наших войск было предпринято для обеспечения безопасности и сохранения за собой передовых аэродромов. 18 января я вылетел в Константину, где провел совещание с генералами Андерсоном, Фридендоллом, Жюэном и группой штабных офицеров. Я еще раз указал Андерсону, чтобы он держал в подвижном резерве как можно больше сил из 2-го корпуса, в частности 1-ю бронетанковую дивизию, и подтвердил данное ранее указание о совершенствовании обороны на южном участке. Я сообщил участникам совещания, что все, о чем я узнал в Касабланке относительно наступления войск Александера через

пустыню в западном направлении, лишь подчеркивает необходимость надежного прикрытия района предстоящего соединения наших армий. Теперь следовало осуществлять небольшие вылазки, разведывательные поиски, но не делать никаких шагов, которые вывели бы нас из равновесия. В ходе одной из моих последующих поездок на фронт 1 февраля я вновь встретился с Андерсоном и повторил ему мои указания о том, что на южном участке должен быть сильный подвижный резерв. Однако неспособность плохо вооруженных французских войск выдержать повторявшиеся, хотя и несильные, атаки противника в горах мешала Андерсону выполнять эти указания. Он был вынужден постоянно затыкать бреши на центральном участке, привлекая туда английские и американские части для предотвращения возможного прорыва немцев.

В начале февраля мы получили сведения, что противник готовит более серьезные наступательные действия, чем он предпринимал раньше. Чтобы придать дополнительную мощь этому наступлению, некоторые части из войск Роммеля срочно перебрасывались из района Триполи в Тунис и присоединялись к войскам Арнима и Мессе. Первые данные указывали на то, что удара следует ожидать через проход возле Фондака. Разумеется, бдительность была повышена повсюду, а наличие сосредоточенных мобильных резервов, в частности наших бронетанковых сил, приобретало особо важное значение, чтобы иметь возможность встретить наступающего противника независимо от того, через какой из горных проходов противник предпримет наступление.

Наиболее важный район удерживался соединениями американского 2-го корпуса, его полоса обороны протянулась от Гафса и до Фондака. Я спешил как можно скорее выехать на этот участок фронта, чтобы в течение недели лично убедиться, что там сделано все для отражения ожидаемого удара противника.

Я прибыл к Фридендоллу во второй половине дня 13 февраля. Штаб 2-го корпуса разместился в глубоком, почти неприступном ущелье, в нескольких милях восточнее Тебессы, очень далеко от переднего края. Если принять во внимание растянутость фронта обороны и малое число дорог, можно сказать, что это место было удачно выбрано для столь большого штаба. Добравшись до него, я услышал грохот буров и отбойных молотков и поинтересовался, что тут делают. Мне ответили, что корпусные саперы врезаются в скалы по обе стороны ущелья, чтобы создать безопасные помещения для штабных работников. Я спокойно спросил, не помогали ли эти саперы сначала оборудовать оборону на переднем крае, однако молодой штабной

офицер, явно удивленный моей неосведомленностью, ответил: "О, в дивизиях есть свои саперы для этого!" Это был единственный случай за всю войну, когда мне пришлось увидеть, что штаб был так сильно обеспокоен своей безопасностью и строил такое мощное подземное укрытие.

В сопровождении подполковника Расселла Акерса, одного из штабных офицеров Фридендолла, я немедленно отправился осматривать оборонительные позиции на переднем крае. В это время 2-й корпус состоял из американской 1-й бронетанковой дивизии, 1-й пехотной дивизии. В его состав должны были войти также 34-я и 9-я дивизии. Я обнаружил целый ряд недостатков, которые вызывали тревогу. Прежде всего меня настораживали беспечность и непонятная медлительность при подготовке оборонительных позиций у проходов. В этом сказывалось отсутствие боевого опыта и навыков у наших командиров. В одном месте, где еще не были установлены минные поля, в оправдание мне привели довод, что оборонявшаяся пехота находилась здесь всего только два дня. Командир с гордостью пояснял, что уже подготовил схему минирования и на следующий день начнет установку мин. По своему опыту в Северном Тунисе мы уже знали, что противник мог создать сильные оборонительные позиции за два часа после занятия указанных ему рубежей и подготовиться к отражению атаки. После захвата высоты или другого какого-либо объекта немцы сразу минировали подступы, создавали систему огня и размещали резервы на угрожаемых направлениях. Эти тактические уроки игнорировались многими нашими командирами, даже теми, кто уже три месяца находился на этом театре военных действий. Я приказал немедленно устранить отмеченные недостатки.

Однако более серьезная слабость нашей обороны состояла в том, что 1-я бронетанковая дивизия все еще не сосредоточилась должным образом, чтобы ее можно было использовать в полном составе. В этот момент у генерала Андерсона были настолько скудные резервы, что он был вынужден разместить половину дивизии возле Фондака, где ожидался главный удар противника, и держать ее в личном резерве. Остальная часть дивизии была небольшими группами разбросана к югу по всему фронту 2-го корпуса. В результате у командира 1-й бронетанковой дивизии генерал-майора Орландо Уорда не осталось ничего, кроме небольших подразделений легких танков.

В течение ночи я обошел фронт от Макнаси до прохода Фаид, где наградил одного американского офицера за проявленную храбрость при отражении атаки немцев на позиции у Сиди-Бу-Зид, которая произошла .всего за два или три часа до моего

прихода туда.

Бригадный генерал Паул Робинетт, мой старый приятель, командовал бронетанковой частью, находившейся в долине возле Фондака. Он был уверен, что в этом месте немцы не предпримут никакого наступления, и показал мне на карте, на какую глубину проникали его разведывательные дозоры. Робинетт сказал, что он несколько раз докладывал об этом вышестоящим начальникам. Я был убежден в точности его доклада и обещал рассмотреть этот вопрос на следующий день с командованием корпуса и армии.

Перед рассветом наша маленькая инспекционная группа отправилась обратно, однако у Сбейтлы нас задержала спорадическая стрельба. Через некоторое время она затихла, и мы проследовали через город без каких-либо инцидентов. Однако вскоре мой шофер заснул за рулем, и мы оказались в неглубокой канаве. Но все обошлось благополучно. По прибытии в штаб корпуса я узнал, что наступление немцев началось. Было уже слишком поздно производить теперь какие-либо изменения в расположении войск.

В течение утра к генералу Андерсону поступило много донесений от американских войск относительно силы и направления немецкого удара. И хотя эти донесения, как оказалось позднее, в большинстве своем были очень точными, в разведорганах штаба армии и штаба союзных войск их игнорировали и считали преувеличением, свойственным зеленым, не обстрелянным в бою войскам. Мнение, что главный удар последует через Фондак, продолжало господствовать как в штабе армии, так и, как я потом узнал, в разведывательном отделе штаба союзных войск. Это была серьезная ошибка нашей разведки, и сразу после сражения я заменил начальника разведывательного отдела. Результатом этой неправильной оценки явилось то, что противник быстро добился крупного успеха, прежде чем генерал Андерсон смог разобраться в происходящей обстановке.

К вечеру стало ясно, что оборонявшимся войскам необходимо срочно послать подкрепления в живой, силе и боевой технике. Я срочно выехал к себе в штаб, чтобы ускорить их посылку. Мы наскребли что могли, и затем я снова выехал в район боевых действий.

Во время отхода к Кассеринскому проходу американцы провели серию неэффективных, хотя и смелых боев по сдерживанию противника; все поняли, что Кассеринский проход был тем районом, который следовало упорно оборонять. Однако на месте не было ясного представления о сложившейся обстановке, а войска, выделенные для обороны этого района,

были малочисленны и не обладали достаточным боевым опытом, чтобы удержать эти позиции. Танки противника прорвались через поспешно созданную оборону около Кассеринского прохода. Однако, несмотря на внезапность вражеского удара и наши сравнительно большие потери, союзные войска сумели в целом организованно отойти назад, чтобы прикрыть важный центр Тебесса и пути, ведущие на север от Кассерина к Эль-Кефу.

Наши передовые аэродромы в Телепте пришлось временно оставить, однако летчики сумели уйти оттуда без потерь в личном составе и самолетах, хотя они и бросили часть топлива и некоторое имущество. Как раз за Тебессой находился аэродром Йокс-лес-Бейнс, который приобретал особую важность для 2-го корпуса как узел коммуникаций. На севере 2-й корпус должен был воспрепятствовать продвижению немцев в направлении Талы и Эль-Кефу. 34-я дивизия занимала оборону на левом фланге, и, несмотря на длительный период бездействия и разбросанность своих частей, она хорошо показала себя в боях. В помощь оборонявшимся войскам англичане срочно перебрасывали артиллерийские и танковые подразделения с севера, где противник несколько ослабил свои усилия, чтобы развить наступление в районе Кассерина. В этих боях удачно действовала и артиллерия американской 9-й дивизии. К вечеру 21 февраля уже было ясно, что противник слишком далеко оторвался от своих тылов и снабжение наступавших войск стало трудным делом. Более того, теперь его коммуникации проходили через уязвимый Кассеринский проход, а войска к западу от этого пункта оказывались под угрозой удара наших сил, которые мы могли подбросить туда.

К 22 февраля наступление противника было полностью приостановлено.

Мой штаб, который всегда обвиняли в том, что он рисует только мрачную картину, разработал план обеспечения наших действий на случай, если противнику удастся выйти на основную линию коммуникаций 1-й армии. Я сказал штабистам, что бесполезно продолжать работу над этим планом, поскольку противник в основном уже был остановлен, но в конце концов не стал возражать и дал подчиненным возможность самим убедиться, что произошло бы, если бы сложилась подобная обстановка. Александер, Спаатс и другие сходились во мнении, что непосредственная угроза миновала, и все мы теперь направили внимание на то, чтобы нанести ответный удар по противнику.

В этот момент погода, которая до сих пор очень мешала в полной мере использовать нашу возраставшую авиационную

мощь, улучшилась, и все имевшиеся у нас боевые самолеты были введены в действие. В ходе воздушных операций произошел неприятный инцидент, который хотя и явился, по общему признанию, результатом отсутствия опыта у боевых экипажей, тем не менее свидетельствовал и о технических трудностях, о которых, как правило, ничего не известно критикам, ведущим сражения в мягких креслах кабинетов.

Группе "летающих крепостей" было приказано нанести бомбовый удар по Кассеринскому проходу. Они поднялись с аэродрома в условиях сплошной облачности. Полностью зависящие в полете от показаний приборов, они не смогли выйти на объект бомбардировки. Когда в конце концов экипажи решили, что находятся над целью, и сбросили бомбы, то оказалось, что удар пришелся по Сук-эль-Арба, важному городу в нашей прифронтовой полосе, расположенному более чем в ста милях от Кассеринского прохода.

Среди арабов убитые и раненые, городу причинены большие разрушения. Нам надо было действовать быстро, чтобы избежать серьезных последствий. Мы уже знали, что с местным населением можно урегулировать почти любые затруднения мирным путем, с помощью денег, а в данном случае наша вина была столь очевидна, что я тут же утвердил расходы в несколько тысяч долларов в подкрепление наших извинений перед арабами.

Вечером 22 февраля я обсудил сложившуюся обстановку лично с генералом Фридендоллом и сказал ему, что противник более не в состоянии продолжать наступление. Я сказал ему, что теперь он сам вполне может предпринять в разумных пределах наступательные действия при соответствующей поддержке артиллерии. Я был настолько уверен в правильности оценки общего положения, что заявил командиру корпуса о своей готовности взять на себя всю ответственность за любые неблагоприятные последствия, которые могут возникнуть в ходе этих решительных боев. Фридендолл считал, что противник еще не выдохся, и полагал, что ему следует использовать эти двадцать четыре часа скорее на совершенствование и усиление своей обороны, чем на попытку сосредоточить достаточные силы для контрудара в направлении на Кассерин.

На следующее утро все поняли, что немцы начали отходить. Уже ночью, а потом и днем, воспользовавшись густым туманом, противник успешно отвел основную часть своих наступавших сил. Но и союзники теперь по всему фронту оказывали на врага непрерывное давление, и вскоре он был отброшен на исходные позиции, откуда уже не пытался предпринимать серьезного контрнаступления.

За несколько дней до конца этого сражения генерал Александер прибыл на фронт и сразу принял командование войсками. Я проникся большим уважением к этому человеку и восхищался его боевыми качествами. Это мнение о нем укреплялось у меня на протяжении всего времени до конца войны. Ответственность за определенные слабости наших войск, содействовавшие первоначальному успеху немцев в сражении, ложилась на меня. Если бы я сразу, как только французские войска вошли в состав сил союзников в ноябре 1942 года, настоял на их безоговорочном подчинении генералу Андерсону, то тогда не было бы такой путаницы в управлении войсками. В течение какого-то времени ощущались бы некоторые затруднения, но в конечном счете общие результаты оказались бы благоприятными. Более того, в предвидении подхода сюда со стороны пустыни армии Монтгомери мне следовало ограничить полосу обороны на нашем правом фланге, где 2-й корпус получил бы возможность действовать более сосредоточенными силами. Бесспорно то, что мы пытались сделать слишком много при слишком малых средствах, растянув по фронту в южном направлении оборону 2-го корпуса включительно до Гафсы.

Сам по себе этот район не имел бы для нас важного значения до тех пор, пока армия Монтгомери не подошла бы к южным границам Туниса и пока не стало бы возможным тесное взаимодействие двух армий. Однако этот район хорошо обеспечивал с юга прикрытие аэродрома в Телепте от возможных атак противника. У нас ощущалась острая необходимость в передовых аэродромах, и самый лучший из них был именно в Телепте. Он находился на песчаной равнине, и его работа никогда не прерывалась дождями; правда, авиаторам мешали иногда песчаные бури. В силу этих преимуществ мы разместили на аэродроме крупное авиационное соединение с довольно большими материальными запасами и ремонтными мастерскими. Было бы лучше, если бы к Гафсе мы выдвинули только разведывательную группу, а основные силы разместили в более глубоком тылу. Стремление удержать Гафсу приводило к ослаблению других участков растянутой обороны 2-го корпуса, а поскольку американскую 1-ю бронетанковую дивизию не держали компактно для нанесения мощной контратаки, то возникала явно рискованная ситуация.

Фактически в основе нашего затруднительного положения лежали четыре главные причины. Первая, и наиболее важная из них, заключалась в том, что мы не смогли с самого начала быстро овладеть городом и портом Тунис. Позднее уже было невозможно сразу собрать рассредоточенные части, чтобы подготовиться к

отражению удара противника. Если бы я был готов в конце ноября примириться с временной неудачей относительно захвата Туниса и отдал приказ о переходе к обороне, противник не добился бы в ходе своего контрнаступления никакого успеха.

Вторая причина объяснялась ошибками разведывательных служб. Работники штаба проявили опасную склонность строить свои расчеты на одном изолированном факте разведывательной информации, безоговорочно принимая его и закрывая глаза на все другие данные. Они решили, что немцы предпримут наступление через Фондак, и хотя наши разведывательные подразделения, находившиеся в долине Оусселтия, возле Фондака, настойчиво сообщали, что там не происходит никакого сосредоточения немецких войск, разведывательный отдел штаба армии слепо настаивал на своем мнении. Это вынудило командующего 1-й армией неправильно расположить свои войска.

Третья причина состояла в том, что мы не смогли правильно оценить возможности противника и принять соответствующие меры. Условия обороны 2-го корпуса позволяли удерживать горные проходы с помощью легких разведывательных подразделений и специально выделенных для этой цели частей, а созданные максимально мощные подвижные резервы следовало разместить в самом ближайшем тылу, чтобы быстро и со всей силой ударить по противнику, который попытается прорваться в каком-либо месте через горный хребет. В этом отношении указания по организации общей обороны были правильными, однако опасения на местах и опять-таки ошибочные выводы разведки привели к распылению подвижных резервов, что, в свою очередь, помешало эффективно использовать их против перешедшего в наступление противника.

Четвертая причина заключалась в слабой обученности войск, особенно командного состава. Американские дивизии, участвовавшие в этих боях, не прошли ту интенсивную программу обучения, какая была введена в армии США после начала войны. Это были в основном поспешно переброшенные в Англию войска, а поскольку в то время еще имелись серьезные трудности с транспортировкой через океан, то их личный состав получал вооружение и боевую технику с большим опозданием. Обучение этих войск в 1942 году практически невозможно было организовать в течение значительного времени, и это сказалось на командирах и их подчиненных, когда начались боевые действия, хотя эти люди отличались мужеством и стойкостью. Однако их первоначальная подготовка не шла ни в какое сравнение с боевой выучкой тех американских дивизий, которые были доставлены в Северную Африку после завершения в США

интенсивного годичного курса обучения.

Эти уроки нам дорого обошлись, но были ценными. Однако не следует преувеличивать значение этих уроков, поскольку основные потери в живой силе составляли пленные, большинство которых в конце войны мы освободили. Потери противника в живой силе и боевой технике к тому времени, когда ему удалось отойти на свои первоначальные исходные позиции, оказались равными потерям союзников. Американские же потери с 14 по 23 февраля 1943 года составили 192 убитых, 2624 раненых, 2459 попавших в плен или пропавших без вести.

Эта неделя наступательных действий противника была изнурительной и тревожной для нас. Когда инициатива перехватывается противником, у людей появляется напряженность. Несмотря на уверенность в общем благоприятном исходе, беспокойство все-таки испытывает каждый, ибо в любой момент может возникнуть критическое положение на каком-нибудь участке фронта.

Поражение немцев в Кассеринском сражении означало завершение одной фазы кампании в Северной Африке. Стало ясно, что противник лишился последних шансов на крупный успех. Однако вскоре он снова начал серию ожесточенных атак против английской 1-й армии на севере. Весь март там продолжались ожесточенные бои; немцы пытались углубить и расширить район для прикрытия портов Тунис и Бизерта, а англичане стремились не только удержать занимаемые позиции, но и вновь овладеть наиболее удобными рубежами для начала заключительного сокрушительного наступления. Непрерывные бои и растянутый фронт, который нужно было прикрывать потрепанными частями, в конце концов вынудили Александера использовать часть американской 1-й дивизии в помощь 1-й армии. Однако атаки немцев в основном носили фронтальный характер и не таили в себе угрозы, что противник сможет достигнуть каких-либо важных преимуществ. Используя такую обстановку, мы возобновили работу по перестройке наших боевых порядков, стали улучшать управление войсками, готовясь провести крупное наступление, как только установится благоприятная погода.

С прекращением Кассеринского сражения наше положение постепенно улучшалось. Во-первых, весь американский 2-й корпус в составе четырех дивизий наконец сосредоточился в районе Тебессы. Здесь он мог стать прочным связующим звеном между союзными войсками в Северном Тунисе и наступавшей из пустыни 8-й армией. Во-вторых, войска, командиры и штабы получили огромный боевой опыт.

Кроме того, благодаря исключительной оперативности военного министерства в Вашингтоне мы получили еще 5400 грузовых автомашин, что резко улучшило наши транспортные возможности для обеспечения последующих операций. Этот факт должен был вызвать смущение у людей, представлявших себе военное и военно-морское министерства как скопление запутавшихся в бумагах волокитчиков. Доставка морем такого количества автомашин требовала специального конвоя в тот момент, когда в транспортных судах и конвойных кораблях ощущался исключительно острый дефицит. Случилось так, что генерал Сомервелл оказался в моем штабе, и я объяснил ему нашу острую нужду в транспорте. Он сказал, что в пределах трех дней он мог бы погрузить этот груз на суда в американских портах при условии, что министерство военно-морских сил обеспечит эскортное сопровождение. Я послал запрос адмиралу Кингу, находившемуся тогда в Касабланке, и через несколько часов получил от него лаконичный ответ: "Да". Грузовики начали прибывать в Африку менее чем через три недели после того, как я запросил их. Генерал Сомервелл все еще находился в нашем штабе, когда из военного министерства поступило уведомление об отправке последней партии грузовиков. В телеграмме от помощника Сомервелла, генерал-майора Вильгельма Стайера, выразительно излагалась история бесконечных часов напряженной работы по организации этой срочной доставки автомашин морем. Телеграмма заканчивалась предложением: "Уж если так случится, что вам потребуется отправить туда Пентагон, то, пожалуйста, постарайтесь поставить нас об этом в известность хотя бы за неделю".

Полученный транспорт позволил усилить снабжение наших войск, а самое главное - быстро перебрасывать их с одного участка фронта на другой. Последняя переброска всего американского 2-го корпуса из района Тебессы в Северный Тунис была бы совершенно невозможной без этого дополнительного автотранспорта. В это же время наши железнодорожные войска под руководством бригадного генерала Карла Грея делали чудеса с ветхой французской железнодорожной линией, подходившей к фронту. Когда мы пришли в Северную Африку, эта железная дорога могла в сутки пропускать максимум 900 тонн грузов. Энергия янки и современные американские методы эксплуатации позволили Грею довести ежесуточную пропускную способность дороги до 3 тыс. тонн, и это до того, как он еще не получил из США ни одного локомотива, ни одного вагона.

Другим особо радовавшим обстоятельством было постоянное наращивание сил нашей авиации и усиление ее эффективности,

строительство аэродромов и баз. Быстро был восстановлен и пущен в эксплуатацию порт Триполи, который только недавно захватили действовавшие в пустыне английские войска. Теперь у нас появилась определенная уверенность, что наступление 8-й армии не будет остановлено, как это часто случалось раньше из-за нехватки материальных ресурсов.

И последнее преимущество этого периода заключалось в том, что стало возможным создать всю структуру командования на разумной и стабильной основе в соответствии с договоренностью, достигнутой на конференции в Касабланке. Все военно-воздушные силы объединились под командованием главного маршала авиации Теддера, заместителем которого назначался генерал Спаатс; командование сухопутными войсками на тунисском фронте возлагалось на генерала Александера, который, освободившись от необходимости командовать тоже одной-единственной армией, что мешало генералу Андерсону выполнять свои непосредственные функции, теперь мог посвятить все свое внимание повседневной координации усилий союзных войск.

Вскоре после 1 марта я заменил командира 2-го корпуса Фридендолла генералом Паттоном. У меня не было никаких намерений понизить Фридендолла в должности или возложить на него вину за первоначальные поражения в боях под Кассерином, и я проинформировал его об этом. Не только он, но и другие, в том числе я сам, несли ответственность за ту неделю поражений. Но моральное состояние людей во 2-м корпусе было поколеблено, и войскам нужно было быстро вернуть уверенность в собственных силах. Для такого дела в армии не было более подходящей фигуры, чем генерал Паттон, в то время как в отношении Фридендолла у меня сложилось убеждение, что он больше подходил для работы по обучению войск в США, чем для руководства войсками в бою. Я порекомендовал генералу Маршаллу дать Фридендоллу пост командующего армией в США; позднее он получил там звание генерал-лейтенанта.

Энергичность генерала Паттона и его строгая требовательность помогли ему быстро восстановить боевой дух и боеспособность 2-го корпуса. К тому же войска теперь имели опыт и стали ценить боевую выучку, дисциплину и решительность действий в боевых условиях. Были быстро восполнены наши потери в живой силе, танках и другой боевой технике, все восточные аэродромы вновь перешли в наши руки, и там уже находилась истребительная авиация.

Условия зимней погоды и местности в пустыне были значительно лучше, чем на севере, и 8-я армия под

командованием генерала Монтгомери могла продолжать свое наступление на запад с целью соединения с нашими войсками на правом фланге в Тунисе. Мы предвидели, что для осуществления этой задачи основное сражение войск генерала Монтгомери состоится на "линии Марет" - оборонительных позициях, в свое время построенных французами вдоль тунисской границы. Чтобы помочь генералу Монтгомери в этом сражении, генерал Александер приказал американскому 2-у корпусу сосредоточить свои основные усилия в районе Гафсы и оттуда наступать в восточном направлении, с тем чтобы максимально отвлечь силы Роммеля, действовавшие против 8-й армии. Этот маневр дал ожидаемые результаты, поскольку Роммель не мог допустить оголения своих линий коммуникаций и был вынужден использовать значительную часть войск, чтобы обезопасить себя от подобной угрозы.

В ночь на 20 марта генерал Монтгомери был готов начать наступление на "линию Марет". Последовало ожесточенное сражение, но благодаря блестящей и быстрой переброске войск в ходе разыгравшихся боев он внезапно обошел противника с фланга и стремительно погнал его на север. Вскоре части 8-й армии встретились на левом фланге с войсками 2-го корпуса генерала Паттона, которые тоже решительно наступали в восточном направлении. Наконец все наши войска были связаны единой линией фронта.

После сражения на "линии Марет" я посетил генерала Монтгомери. Его 8-я армия представляла собой, вероятно, самую космополитическую армию, когда-либо сражавшуюся в Северной Африке со времен Ганнибала. Помимо англичан в ее рядах воевали шотландцы, новозеландцы, индийцы (в том числе гурки со своими длинными изогнутыми ножами, которыми они отрезали головы врагов), поляки, чехи, французы, австралийцы и южноафриканцы. Не все из них дошли до Туниса. В состав 8-й армии входили американские авиаэскадрильи, летчики которых были первыми американцами, принявшими участие в боевых действиях в Африке. Они участвовали в этой кампании от самого Эль-Аламейна. Во время визита к Монтгомери мне удалось поговорить с экипажами этих эскадрилий и позднее послать им кое-что из солдатской "роскоши", которой они были лишены во время длительного похода через пустыню.

Стремясь отрезать пути отхода немцев перед фронтом 8-й армии, генерал Александер предпринял наступление через проход у Фондака на восток, в сторону моря. В этом наступлении участвовала расположенная на левом фланге американская дивизия 2-го корпуса. Всей операцией руководил командир

английского корпуса. Эта американская дивизия не получила в свое время основательной боевой подготовки, а в боях ей не пришлось непосредственно участвовать, поскольку в течение многих недель ее части и подразделения выполняли задачи по прикрытию наших линий коммуникаций. Таким образом, ей впервые представилась возможность действовать в полном составе. Она получила трудную задачу и не справилась с ней. В конце концов прорыв вражеской обороны был осуществлен английскими соединениями, но оказался не особенно эффективным, поскольку немцы к этому времени сумели отойти в северном направлении. Командир английского корпуса генерал Джон Крокер перед представителями прессы подверг резкой критике неудачные действия американской дивизии. Это был почти единственный случай взаимных англо-американских обвинений в ходе Африканской кампании, но он очень насторожил нас, тем более что такая критика являлась совершенно ненужной. С помощью Александера мы приняли срочные меры, чтобы прекратить это. Ничто так часто и так легко не вызывает трений между союзниками, как бесполезные разговоры, особенно когда в них умаляется роль одного из союзников.

Хотя это наступление и не оправдало наших надежд, но быстрый отход немцев на север привел к резкому сокращению линии фронта, и тем самым американский 2-й корпус оказался готовым для использования где-либо на другом участке.

Возникли некоторые споры относительно пригодности 2-го корпуса для активного участия в заключительном сражении. В штабе Александера считали, что значительную часть корпуса следует направить обратно в район Константины для переподготовки. Действительно, некоторые части корпуса были еще относительно слабо подготовлены. Однако Паттон и я были уверены, что теперь корпусу можно поставить ответственную задачу. Американцы пришли в раздражение не столько из-за грубого обращения союзников с ними, сколько из-за оскорбительных и пренебрежительных замечаний по поводу боевых качеств американских солдат и офицеров; эти замечания исходили от немецких военнопленных и получили некоторое распространение на театре военных действий.

У меня состоялась личная беседа с Александером, в ходе которой я настаивал на использовании 2-го корпуса как единого соединения. Для этого у меня были основания. Во-первых, основные силы сухопутных войск, необходимых союзникам для нанесения поражения Германии, должны были поступать из США, а поэтому необходимость получения большого боевого опыта

этими войсками была очевидна. Во-вторых, во всех предыдущих боях корпусу приходилось сражаться небольшими частями, ему ни разу не представилось случая использовать свою силу как мощного единого соединения. В-третьих, после 1 марта моральное состояние корпуса заметно улучшилось, теперь он имел право доказать свою боеготовность и продемонстрировать боевые качества американских войск.

Александер сразу же согласился с моим мнением, что корпус следует использовать полностью. Он предложил перебросить 2-й корпус через тылы 1-й армии и поставить его на левом фланге напротив Бизерты. Это потребовало четкой работы штабов, чтобы не допустить неразберихи и путаницы на линиях снабжения английской 1-й армии. Однако работники штаба Андерсона и Паттона отработали все детали настолько четко, что переброска корпуса прошла без осложнений. Это был маневр, который в штабных колледжах в предвоенные годы сочли бы невозможным. Однако круглосуточные почасовые графики и четкое управление движением войск на перекрестках обеспечили успех всего маневра.

В это время я сделал еще одно изменение в командовании 2-го корпуса, назначив его командиром генерал-майора Омара Брэдли, который прибыл к нам в конце февраля 1943 года в качестве инспектора. Он получил большой опыт в ходе боев в марте и начале апреля. Настоятельная необходимость в таком изменении вызывалась тем, что нужно было дать возможность генералу Паттону вернуться в штаб 7-й армии и закончить приготовления к вторжению на остров Сицилия, которое планировалось осуществить как можно скорее после завершения Африканской кампании. Вторая, и менее важная, причина, о которой, очевидно, нельзя было в то время говорить открыто, заключалась в том, что 2-й корпус впредь должен был использоваться скорее как общевойсковое соединение, чем танковое, и поэтому замена его командира, специалиста по танковым войскам, командиром-пехотинцем была логичной. 15 апреля 1943 года генерал Брэдли вступил в командование корпусом, часть которого уже заняла отведенные ему позиции на севере напротив Бизерты.

Между тем генерал Монтгомери продолжал продвижение в северном направлении и подошел к рубежу Энфида, где встретился с очень сильной обороной противника и остановился.

Однако теперь уже почти все было готово для нанесения заключительного удара по позициям противника. Авиация, используя каждый благоприятный момент в метеорологических условиях, наносила удары по вражеским коммуникациям между

Африкой и Италией и осложняла положение войск держав "оси". С ростом нашего превосходства в воздухе военно-морские силы, продвинув вперед свои базы, тоже активизировали операции. Сухопутные войска, уверенные в победе, стремились побыстрее покончить с противником. Но последний все еще имел сильную оборону в гористых районах, и первым делом нужно было оттеснить его к Тунисской равнине. Наступление началось 23 , апреля по всему фронту. В результате мы добились удовлетворительного успеха. Теперь уже взаимодействие между авиацией и наземными войсками было намного лучше, чем в начале кампании, и все наши атаки происходили при эффективной поддержке с воздуха. Превосходство в артиллерии еще больше облегчало наши действия.

К тому времени, когда Александер достиг рубежа, откуда он намеревался предпринять свое завершающее наступление, стало очевидным, что дальнейшее наступление с юга силами 8-й армии было бы слишком дорогостоящим из-за трудной местности у Энфида. В то же время мы с уверенностью считали, что немцы будут ждать нанесения главного удара нашей 8-й армией, поскольку она создала себе блестящую репутацию в течение длительного преследования противника через Западную пустыню.

Поэтому генерал Александер, убежденный, что противник будет держать значительные силы против 8-й армии, быстро и скрытно перебросил несколько лучших ее дивизий и придал их английской 1-й армии, чтобы 5 мая начать завершающее наступление.

Наступление развивалось успешно. На левом фланге американский 2-й корпус с несколькими отрядами арабской конницы решительно и настойчиво продвигался вперед и 7 мая захватил Бизерту. Чуть южнее 2-го корпуса английская 1-я армия под командованием генерала Андерсона, наносившая главный удар, вошла в город и порт Тунис приблизительно в то же самое время, когда 2-й корпус достиг Бизерты.

В ходе последних дней кампании в Тунисе два боя на севере - один на участке английских войск и другой на участке американских войск - приковали к себе всеобщее внимание. В обоих случаях противник упорно оборонялся на исключительно сильно укрепленных естественных рубежах, без овладения которыми мы не могли обеспечить для себя полной победы. Таким рубежом на направлении наступления английских войск была высота Лонгстон. В сражении за нее, видимо, были понесены самые большие потери, каких не было в других боях в Тунисе. На пути наступления американских войск таким местом оказалась высота 609, которую, к глубокому удовлетворению

американского высшего командования, в конечном счете захватила 34-я дивизия. Ей не представилась возможность пройти курс боевой подготовки в той мере, в какой его прошли другие дивизии, и овладение грозной высотой 609 явилось окончательным подтверждением того факта, что американские сухопутные войска достигли полной зрелости.

Сразу же после прорыва вражеской обороны Александер направил бронетанковые части английской 1-й армии к основанию полуострова Бон, куда, по нашему мнению, немцы могли отступить, чтобы там организовать упорную оборону в духе Батана. Но быстрые действия Александера, несмотря на то что многие тысячи вражеских солдат все еще продолжали сражаться перед фронтом 1-й армии, сорвали эту последнюю отчаянную попытку противника. После этого бои приняли в основном очаговый характер, и кое-где они еще продолжались до 12 мая. Однако на следующий день все уцелевшие немцы, за исключением некоторого числа отставших в горах от своих частей солдат, сдались в плен. Только за последнюю неделю боев число пленных достигло 240 тыс. человек, из которых приблизительно 125 тыс. составляли немцы{19}. Это было все, что осталось от африканского корпуса и от ряда других немецких и итальянских отборных частей и соединений.

Спасая свою шкуру, Роммель выскользнул из Африки незадолго до окончательного краха немецко-итальянских войск. Миф о его непобедимости был полностью развеян. Арним сдал в плен немецкие войска, а фельдмаршал Мессе, являвшийся номинально командующим всеми силами держав "оси" в Африке, сдал итальянские части. Когда Арнима доставили в Алжир, некоторые офицеры моего штаба считали, что мне следует соблюдать обычай прошлых времен и позволить ему нанести мне визит.

Этот обычай своими корнями уходил к тем временам, когда воевали наемные солдаты, не питавшие настоящей враждебности к своим противникам. Обе стороны сражались из любви к военному искусству, из чувства долга или, что более вероятно, за деньги. В XVIII веке пленный командир мог быть почетным гостем своего вчерашнего противника многие недели или даже месяцы. Понятие, что все профессиональные военные действительно являются товарищами по оружию, в обветшавшей форме дошло и до наших дней.

Для меня Вторая мировая война являлась слишком личным делом, чтобы поддерживать подобную традицию. С каждым днем во мне крепло убеждение, что до этого в войнах между народами силы, выступавшие за благо и права людей, никогда не

сталкивались со столь зловещим заговором, с участниками которого нельзя было допускать никакого компромисса. Поняв, что только в результате полного разгрома держав "оси" мог существовать добропорядочный мир, я стал считать эту войну крестовым походом в традиционном смысле этого слова, часто неправильно употребляемого.

В данном случае я сказал начальнику разведки бригадному генералу Кеннету Стронгу, чтобы он получил необходимую информацию от этих пленных генералов, а что касается их визита ко мне то я запретил делать это, поскольку меня интересовали только те, кто еще не был схвачен нами. Этой линии я придерживался до самого конца войны. При подписании условий капитуляции в Реймсе в 1945 году Йодль был единственным немецким генералом, с которым я разговаривал; ему я сказал, что он будет нести личную и полную ответственность за выполнение немецкой стороной условий капитуляции.

Исход Тунисской кампании был, разумеется, исключительно удачным, однако высшее командование было так занято подготовкой наступления на Сицилию, что для торжества не оставалось времени. Тем не менее 20 мая в Тунисе все же был проведен парад войск, чтобы отметить конец господства держав "оси" в Африке. Захваченные пленные сильно усугубляли наши трудности в подготовке наступления на Сицилию. Скверные линии коммуникаций в Тунисе затрудняли организацию питания, охраны и эвакуации более четверти миллиона пленных. Тем не менее с завершением этой кампании командиры и штабы теперь могли сосредоточить все внимание на решении новых задач. Предварительное планирование Сицилийской операции осуществлялось с февраля 1943 года приданной союзному штабу специальной группой, которая работала под руководством генерала Александера. Теперь она полностью перешла в распоряжение штаба Александера, и весь процесс приготовлений резко ускорился.

Во всех союзных странах с восхищением встретили победу в Тунисе. Она ясно указывала как друзьям, так и недругам, что союзники наконец перешли в наступление. Немцы, которые прошлой зимой потерпели крупное поражение под Сталинградом и были вынуждены отказаться от наступательных операций на русском фронте и перейти к обороне, после поражения в Тунисе могли думать скорее только об удержании своих завоеваний, чем об их расширении.

На Африканском театре военных действий одним из важнейших результатов победы явилось достижение сплоченности союзников и создание единого командования,

эффективность которого проявлялась в растущей уверенности и доверии среди всех его членов. Легко преуменьшать препятствия, которые всегда стоят на пути развития действенного механизма управления для крупных союзных сил. Легко увидеть кое-какие препятствия, например, различия в боевом оснащении, обучении, тактике, работе штабов и организационно-штабной структуре. Однако они отходят на второй план по сравнению с проблемами национальной гордости и предрассудков.

В современной войне при наличии огромных возможностей быстро информировать людей о событиях на поле боя каждое незначительное различие сильно преувеличивается, а солдат, сражающийся за свою жизнь, имеет тенденцию становиться очень темпераментным индивидуумом. Даже испытанные ветераны, обычно бескорыстные и невозмутимые, могут проявить внезапную вспыльчивую реакцию на какое-либо крикливое сообщение в прессе в пользу, по их мнению, другой национальности. Проблема эта деликатная, сложная и важная, однако успеха в совместных действиях союзников можно добиться только в том случае, если ответственные лица в правительстве и военные руководители на фронте понимают настоятельные требования обстановки и стремятся сохранить основной принцип единства, будь то при публичных высказываниях или во время конфиденциальных личных контактов с подчиненными. Постоянная преданность концепции единства и подчинение союзным командующим является основой победы. Как только такие командующие потеряют доверие либо правительства, либо большинства своих основных подчиненных, их следует немедленно освобождать от занимаемых постов.

Таков был большой урок для союзников в Тунисе, столь же ценным опытом явилась важность обученности войск. Каждая страна должна обеспечить тщательную техническую, психологическую и физическую подготовку своих солдат, прежде чем бросить их в сражение. Но поскольку война всегда приходит неожиданно, эта подготовка должна быть в основном проведена в мирное время. Пока мировой порядок не станет свершившимся фактом, а всеобщее разоружение - логическим результатом, всегда будет преступлением освобождать людей от такого рода обучения, путем которого обеспечиваются этим людям существенные шансы на выживание в бою. Многие кресты, стоящие сегодня над могилами в Тунисе, являются напоминанием об этой истине.

Глава 9. "Хаски"

В ходе последних недель Тунисской кампании, особенно после того как стал очевиден ее исход, наши военные штабы

занимались планированием следующей крупной операции. Как указывалось в решении на конференции в Касабланке, следующей операцией должен был стать захват Сицилии. Во время этой конференции Объединенный англо-американский штаб обсудил две альтернативные задачи: первая - наступление на Сицилию с минимальной задержкой после завершения боевых действий в Северной Африке и вторая - захват Сардинии и Корсики.

Участникам конференции в Касабланке я уже излагал свое мнение. Я считал, что Сицилия правильно выбрана очередным объектом, если главной нашей целью остается очищение Средиземноморья от противника для союзного судоходства. Сицилия находится настолько близко как к Африке, так и к Италии, что практически перерезает Средиземное море, и ее захват существенно уменьшает риск использования этого морского пути. Если же истинной целью союзников является вторжение в Италию и проведение там крупных операций для нанесения этой стране полного поражения, то первоочередной нашей задачей должен стать захват Сардинии и Корсики. Из оценки обстановки вытекало, что эти два острова можно захватить меньшими силами, чем те, которые потребовались бы для захвата Сицилии, и поэтому их захват можно было бы предпринять в более ранние сроки. Кроме того, овладение Сардинией и Корсикой вынудило бы противника идти на более сильное рассредоточение своих сил, чем при простой оккупации Сицилии, лежащей у самого гористого основания Апеннинского полуострова.

Это обсуждение показало, что нужно снова сосредоточить внимание на необходимости установить конечные цели союзников на Средиземном море. Вполне естественно, что могли обнаружиться некоторые различия в убеждениях: мы еще не очень много сделали для разгрома держав "оси", чтобы выработать кристально-ясные выводы относительно конкретных операций, которые со всей определенностью вели бы нас к победе. Генерал Маршалл и я разделяли убеждение: все, что будет сделано на Средиземноморском театре военных действии, должно оставаться вспомогательным по отношению к главной задаче - наступлению через Ла-Манш в начале 1944 года -и должно осуществляться в поддержку этой цели. Одни соглашались с нами в этом, другие считали, что в войне следует воспользоваться любой благоприятной возможностью и что если дела хорошо пойдут в "мягком подбрюшье", то нам не стоит делать паузу только из-за того, что ранее мы приняли решение провести наступление через Ла-Манш. Доктрина использования благоприятных возможностей, столь часто применяемая в тактике, становится опасной при

осуществлении стратегии. Существенные изменения в области стратегии отражаются на работе заводов и войсковых учебных центров. Поэтому любые изменения в стратегии следует внимательно анализировать. Более того, в данном случае все первоначальные доводы в пользу наступления через Ла-Манш как нашей основной стратегической цели еще не потеряли своей ценности. Однако как во время конференции в Касабланке, так и позднее оставались нерешенными важные вопросы относительно наилучших способов использования имеющихся на юге сил в поддержку крупного наступления, намеченного на 1944 год.

На конференции в Касабланке было принято решение о проведении Сицилийской операции по двум причинам, первой из которых было немедленное получение большой выгоды от открытия морских коммуникаций в Средиземноморье. Второй причиной являлось то, что в силу сравнительно небольших размеров острова его оккупация после захвата не потребует непредвиденного увеличения союзных сил в случае, если противник предпримет какие-либо контрдействия в крупных масштабах. Этот довод придавал большой вес точке зрения генерала Маршалла; более того, решение о проведении Сицилийской операции, принятое в январе 1943 года, не содержало никаких обязательств относительно проведения каких-либо других стратегических наступательных операций в этом районе. Захват Сицилии позволил бы еще дальше продвинуть базы нашей бомбардировочной авиации, но это не означало бы, что мы обязательно окажемся вовлеченными в такую кампанию, которая будет без конца пожирать наши ценные ресурсы. Объединенный англо-американский штаб дал указание, чтобы генерал Александер, помимо исполнения обязанностей в качестве моего заместителя, возглавил сухопутные войска в Сицилийской операции.

При разработке планов всегда придавалось большое значение роли средиземноморских баз для развертывания нашей бомбардировочной кампании против центральной части Германии. Весной 1943 года в Вашингтоне был разработан план проведения специальных рейдов бомбардировщиков с африканской базы на нефтеносные районы Плоешти в Румынии - наиболее важный и единственный источник нефти, которым располагали державы "оси". План был разработан на теоретической основе, и специальная группа штабных офицеров прибыла из Вашингтона, чтобы объяснить нам его суть. Из-за сильной противовоздушной обороны объекта, большого расстояния до него, характера местности, через которую предстояло лететь бомбардировщикам, и якобы большой

эффективности бомбометания с горизонтального полета план предусматривал исключительную внезапность воздушного налета. Каждый экипаж должен был получить конкретный объект в этом огромном нефтепромысловом комплексе и осуществить его бомбардировку на бреющем полете. Авторы плана с большой точностью вычислили вероятность поражения целей и затем на основе этого выделили в два раза больше бомбардировщиков, чем было необходимо. Они подсчитали, что налет будет почти идеальным по своим разрушительным результатам.

Мы высказали свои возражения против уверенности, выраженной прибывшими относительно эффективности одного-единственного рейда. Очень часто на практике мы обнаруживали, что заводы, которые наши специалисты считали полностью разрушенными, на самом деле спустя какие-нибудь недели или даже дни вновь начинали работать на полную мощность. Мы высказали также сомнения и относительно целесообразности этой операции. Целью рейда был выбран огромный нефтеочистительный завод, однако из имевшихся у нас данных мы сделали вывод, что противников избытке имея нефтеочистительные комплексы, испытывает подлинные трудности в добыче нефти и средствах ее транспортировки.

Однако наши возражения и сомнения в данном случае не имели решающего значения, поскольку авиационные части, выделенные для осуществления этой операции, были специально посланы сюда из Соединенных Штатов.

Рейд был осуществлен с большим мужеством 1 августа, пятеро участников получили орден Почета. Как обычно, в математических подсчетах нельзя было предусмотреть всех неожиданных условий, возникших в ходе этой операции, однако в целом рейд оказался успешным. Это был второй налет американской авиации на Плоешти. Когда я еще был начальником оперативного управления, весной 1942 года небольшая группа тяжелых бомбардировщиков поднялась с авиабаз на Ближнем Востоке, чтобы нанести внезапный бомбовый удар по нефтеочистительным сооружениям в Плоешти; однако налет оказался неудачным и большинство самолетов для нас было потеряно. Часть экипажей была интернирована, когда самолеты совершили вынужденную посадку в Турции. Эта ранняя попытка, названная "Проектом Хальверсона" по имени командира группы, в некоторой степени содействовала развеянию иллюзий, будто несколько крупных самолетов могут выиграть войну.

Разработка планов по захвату Сицилии под кодовым наименованием "Операция "Хаски" началась в феврале. Основными вопросами, которые следовало решить, были

численность сил, время проведения операции и точные места десантирования. Разумеется, мы не могли полностью рассчитывать на использование войск, которые тогда еще участвовали в боях в Тунисе. Это вынудило бы нас отложить решение относительно времени вторжения на Силицию до завершения боев в Африке, а поскольку эта дата не могла быть точно определена, планирование всех других проблем оказалось бы не окончательным.

Принимая во внимание численность вражеского гарнизона на острове, мы считали, что в начальной стадии десантирования следует использовать пять или шесть дивизий. Вторжение в таких масштабах требовало сосредоточения очень значительного числа десантно-высадочных средств и боевых кораблей.

В течение весенних месяцев 1943 года мы поддерживали постоянную связь с Объединенным англо-американским штабом, чтобы определить размеры сил и средств, на которые мы могли рассчитывать, и время, когда они поступят в наше распоряжение. Американский штаб считал, что он может направить нам прекрасно обученную 45-ю дивизию, погруженную на корабли конвоя, чтобы начать атаку с моря. У нас имелась 3-я дивизия, которую мы не собирались использовать в боях в Тунисе. Кроме того, в наших планах предусматривалось высвобождение американской 1-й дивизии из зоны боевых действий в Тунисе, как только наш успех там станет очевидным. Эти три дивизии, усиленные 2-й бронетанковой дивизией, все еще находившейся в Марокко, воздушно-десантными частями 82-й воздушно-десантной дивизии и отрядами "рейнджеров", должны были составить американскую часть десантируемых войск. С английской стороны было решено включить в состав десантируемых войск канадский корпус, доставляемый из Англии, в то время как 8-я армия могла еще до завершения Тунисской кампании выделить часть своих сил для подготовки наступления на Сицилию. Этими силами предполагалось атаковать Сицилию в начале июля, и все приготовления основывались на соблюдении этого установленного срока. В силу того что погрузка войск на десантные суда будет производиться в тех районах, где эти войска размещались, конвои должны были подходить к острову с востока, запада и юга.

Выбор районов десантирования оставался сложной проблемой. С точки зрения облегчения подхода к острову из наших разбросанных портов, обеспечения безопасности линий коммуникаций и характера береговой линии юго-восточная часть острова представлялась наиболее благоприятной, однако службы тыла были убеждены, что снабжение запланированного количества войск невозможно обеспечить без наличия портов в районе десантирования. Даже с учетом того, что будет быстро захвачен порт Сиракузы на восточном побережье острова, операция, как заявляли специалисты, без дополнительных портов потерпит неудачу вследствие нехватки подкреплений, боеприпасов и других предметов снабжения. Выход из этого положения состоял в том, чтобы наступление на остров осуществить с расчетом быстрого овладения многими плацдармами и портами, но поскольку мы были ограничены в десантно-высадочных средствах, то каждое такое отдельное десантирование оказалось бы сравнительно слабой атакой с моря. Опыт, который мы имели до сих пор, позволял нам не считаться с противодействием неприятеля десантированию; однако в предстоявшей операции итальянские части будут оборонять свою собственную территорию, а этого нельзя было не учитывать.

Наши разведывательные службы серьезно занимались точным выявлением численности немецкого гарнизона на острове. Мы считали, и последующий опыт подтвердил достоверность наших выводов, что если немецкие войска в момент наступления на остров будут составлять значительно больше, чем не полностью укомплектованные и оснащенные дивизии, то наш десант в том составе, как мы его планировали, окажется слишком слабым и нам разумнее воздержаться от проведения операции, пока мы не сумеем собрать более крупные силы для ее осуществления.

В связи с заключением служб тыла о невозможности нормально обеспечивать снабжение нескольких дивизий первого эшелона и доставлять им подкрепления через южный и восточный участки десантирования мы разработали и приняли в опытном порядке другой план, предусматривавший поэшелонное десантирование, начиная с юго-востока; за ним следовал второй десант на юге, а затем третий в районе Палермо на северном побережье. Идея заключалась в том, что каждый десант будет обеспечивать воздушное прикрытие следующему десанту, в итоге мы получили бы ряд плацдармов и портов в самые короткие сроки, создав тем самым необходимые условия для снабжения войск, высадившихся на остров.

Рискованность такой операции заключалась в том, что неудача с десантированием одной из групп заставила бы

отменить десантирование последующих эшелонов и даже при условии успешной высадки эшелонов первой волны последующее сосредоточение было бы затруднено. Таким образом, мы шли на риск быть разбитыми по частям. Эту последнюю возможность мы всерьез не принимали, зная, что в момент десантирования немецкий гарнизон на острове по своей численности не превысит критических размеров, то есть не будет значительно больше двух дивизий. Но план операции был слишком сложным, а это всегда большой недостаток. Однако вначале план казался нам единственно возможным решением этой проблемы.

По мере того как шло время, становилось очевидным, что немцы принимают меры по усилению своих войск на острове, однако из имевшихся у нас данных мы сделали вывод, что противник еще не превзошел того уровня сил, который мы считали для себя критическим.

В действительности никому из нас не нравился план поэшелонного десантирования. Сложность его осуществления, рассредоточение сил и скорее последовательное, чем одновременное, десантирование приводились как факторы риска, увеличивавшие шансы на поражение в силу отсутствия портов. Монтгомери, этот убежденный сторонник концепции массированного использования сил, предлагал бросить мощные силы на юго-восточную часть острова. В связи с таким предложением мы снова приказали службам тыла изучить эту проблему, и на этот раз они пришли к более оптимистичным выводам, чем несколько недель назад.

Это изменение плана явилось результатом непредвиденного получения значительного числа больших танкодесантных кораблей и налаживания массового производства "утки" - самоходной десантно-переправочной машины, которая оказалась одним из наиболее ценных боевых средств, изготовленных Соединенными Штатами за время войны. Кстати, четыре других вида боевой техники, которые большинство старших офицеров стали относить к числу наиболее важных для достижения успеха в Африке и Европе, были бульдозер, джип, грузовик грузоподъемностью 2,5 тонны и самолет С-47. Любопытно отметить, что ни один из них не был разработан для боевого применения.

Имея под рукой столь значительное количество улучшенной боевой техники, службы тыла согласились с тем, что их первоначальные наметки могут быть существенно пересмотрены в сторону увеличения. Согласно окончательно принятым планам английские войска шли на восточное побережье острова, а американские на правую часть южного побережья.

Прежде чем перейти к остальным вопросам, необходимо сказать несколько слов и о другом плане. Некоторые военные и ученые с тех пор упорно доказывают мне, что если бы мы правильно оценили невысокий уровень боеспособности огромного итальянского гарнизона, то стали бы придерживаться плана окружения вражеских войск и захватили бы остров за 10-15 дней вместо 38, которые фактически потребовались. Более того, как утверждают сторонники этой версии, мы захватили бы в плен основную группировку немецких войск, оборонявшую остров, вместо того чтобы просто оттеснить ее обратно в Италию. Вполне возможно, что после быстрого захвата Сиракуз, Джелы и Палермо мы, может быть, оказались бы в состоянии захватить Мессину, этот ключевой пункт, еще до того, как немцы сумели бы сосредоточить достаточные силы, чтобы отразить любые наши десанты. Но даже теперь, задним числом, невозможно с уверенностью утверждать, что весь итальянский гарнизон острова прекратил бы сопротивление. Я все же убежден, что мы поступили разумно, сосредоточив максимально возможные силы и приступив к методическому захвату острова, на котором оборонявшиеся войска противника составляли около 350 тыс. человек. Во всяком случае, был принят план простого одновременного наступления на всех намеченных участках береговой линии.

Для осуществления участия англичан в захвате острова генерал Александер назначил 8-ю армию под командованием генерала Монтгомери, в то время как американские войска возглавил генерал Паттон, который был снят с Тунисского фронта в середине апреля. Генералу Александеру поручалось руководить непосредственно действиями сухопутных войск, сведенных в 15-ю группу армий.

Когда эти планы находились еще в стадии разработки, стало ясно, что было бы желательно сначала захватить остров Пантеллерия, лежащий приблизительно на полпути между Сицилией и северо-восточным побережьем Туниса. Этот остров был широко известен как "Гибралтар Центрального Средиземноморья", и многие считали его неприступным. На острове имелся аэродром, с которого самолеты держав "оси" могли действовать против нас, но, что еще важнее, мы сами остро нуждались в этом аэродроме, чтобы с него обеспечивать дополнительную авиационную поддержку Сицилийской операции. За исключением небольшого количества самолетов Р-38, мы все еще использовали английские "спитфайеры" и американские Р-40 с небольшим радиусом действия, и перенос их баз ближе к целям дал бы нам огромные преимущества.

В географическом отношении остров Пантеллерия представлял собой препятствие, приводящее нас в смятение. Его местность совершенно непригодна для использования воздушно-десантных войск, в то время как береговая линия настолько скалистая, что только через вход одной крохотной гавани острова можно высаживать войска из десантных катеров. Нам, вероятно, пришлось бы использовать всесокрушающий огонь, чтобы высадиться, то есть сила огня должна быть настолько огромной, что, несмотря на отсутствие внезапности, наши штурмовые эшелоны могли бы выйти на берег и закрепиться там.

Многие из наших опытных командиров и штабных офицеров решительно высказывались против такой операции, поскольку любая неудача оказала бы обескураживающее воздействие на войска, предназначенные для высадки на сицилийском побережье. Однако адмирал Каннингхэм, в частности, был согласен со мной, что остров можно взять ценою незначительных потерь. Мы исходили из убеждения, что большинство итальянцев питает истинное отвращение к войне и ищет любого подходящего предлога, чтобы покончить с ней. Мы считали, что, если остров подвергать интенсивной воздушной бомбардировке в течение нескольких суток, лишив гарнизон какой-либо возможности спать или отдыхать, десантирование, поддержанное сильным огнем корабельной артиллерии, будет относительно легким. Вполне возможно, что гарнизон капитулирует заранее.

Мы приступили к осуществлению этого плана, поскольку наши военно-воздушные силы теперь настолько окрепли, что предпринять бомбардировку такого рода не составляло особого труда. Главный маршал авиации Теддер, генерал Спаатс и другие офицеры военно-воздушных сил с энтузиазмом поддержали план. За шесть дней и ночей было сброшено приблизительно 5 тыс. тонн бомб на восточную часть острова, и на такой ограниченный участок, что концентрация огня оказалась выше всех предыдущих бомбовых ударов.

Фактический захват острова оказался легким делом. Вражеский гарнизон капитулировал 11 июня, как раз в момент, когда наши войска пересаживались в штурмовые лодки из более крупных судов. Немногие офицеры имели какое-либо представление о тех сомнениях и опасениях, которые пришлось преодолевать, начиная эту операцию. В самом деле, высказывались настолько решительные возражения, что я решил лично провести разведку непосредственно перед началом десантирования, для того чтобы самому установить, что оборона противника была действительно ослаблена и успех операции обеспечен. Эта разведка проходила во время обстрела острова

корабельной артиллерией и бомбардировки с воздуха за два дня до десантирования с таким расчетом, чтобы создать у оборонявшихся впечатление о фактическом начале наступления. Вечером накануне адмирал Каннингхэм и я взошли на борт английского крейсера в Боне и в течение ночи на полной скорости неслись на восток, чтобы присоединиться к эскадре недалеко от острова Пантеллерия. Каннингхэм сказал мне, что весь этот район заминирован, за исключением очищенной от мин узкой полосы, по которой мы шли. Это подтолкнуло меня задать вопрос: "А нет ли тут плавающих мин?" Он ответил: "О, конечно есть, но на такой скорости образующаяся волна отбрасывает их в сторону от корабля. Нам просто не повезет, если мы наскочим на нее".

Эскадра в составе пяти крейсеров и десяти эсминцев начала обстрел около одиннадцати часов, а в это время самолеты волна за волной сбрасывали бомбы на выделенные им цели. Противник реагировал слабо, его ответный огонь носил спорадический характер. Хотя все наши корабли подошли вплотную к берегу, а малые быстроходные катера - почти к самому молу, ни один корабль не получил повреждений. Подтвердилось наше с Каннингхэмом убеждение, что десантированию будет оказано незначительное противодействие и что мы могли бы уже сейчас захватить остров, если бы с нами находились войска.

Премьер-министр, прибывший с визитом ко мне в Африку, очень хотел отправиться с нами на эту операцию. Я уклонился от прямого ответа. На его участие я никогда бы не согласился, считая, что это было бы ненужным риском для столь важного человека. Потом мне было трудно объяснить ему, что адмирал Каннингхэм и я давно намеревались произвести эту разведку боем. Спустя два года он вновь напомнил мне, что я тогда очень несправедливо поступил в отношении его, тем более что он имел личную "финансовую заинтересованность" в этом деле.

Черчилль считал, что на острове Пантеллерия не более 3 тыс. итальянских солдат, и мы заключили небольшое пари. Он предложил выплатить мне по пять сантимов за каждого пленного сверх этой цифры. Мы взяли в плен 11 тыс., и, хотя я уже забыл об этой шутке, он тут же выплатил свой проигрыш, подсчитав сумму, и заметил, что по такой таксе (одна двадцатая цента за каждого пленного) он готов купить всех пленных, которых мы захватим.

Захватив Пантеллерию, мы сразу же перебросили на аэродром острова сильную авиационную часть. Тем временем мы продолжали улучшать размещение нашей авиации, построив новый аэродром на острове Гоцо у Мальты. На самой Мальте мы посадили столько самолетов, сколько могли принять ее

аэродромы.

В конце мая, за месяц до наступления на Сицилию, в наш штаб прибыли Черчилль, генерал Маршалл и начальник имперского генерального штаба генерал Брук, чтобы обсудить последующие цели Сицилийской операции помимо простого захвата острова и обеспечения свободного судоходства на Средиземном море. Нужно было как-то подумать о прекращении в будущем, после захвата Сицилии, крупных операций на Средиземном море, чтобы сберечь силы для главной операции на северо-западе Европы.

Против этого имелись серьезные, обоснованные соображения. Прекращение мощных наступательных действий устранило бы всякую угрозу для немцев на юге Европы и предоставило бы им большую свободу действий. Союзные сухопутные войска на Европейском ТВД оказались бы в полном бездействии с лета 1943 года до начала лета 1944 года. Мы остро нуждались в хороших аэродромах, имевшихся на юге Италии. Наконец, мы хотели продолжать давление, рассчитывая на то, что вскоре Италия выйдет из войны. Такой поход привел бы к выводу с Балкан итальянских гарнизонов и вынудил бы Германию еще больше распылять свои силы.

На совещание были вызваны Александер и Монтгомери; в его работе участвовали адмирал Каннингхэм, главный маршал авиации Теддер, генерал Спаатс и мой начальник штаба Смит. Черчилль был в ударе, когда красноречиво рисовал в розовых красках картину тех возможностей, которые, как он предвидел, откроются для нас с захватом Сицилии. В ходе обсуждения он утверждал, что не имеет никаких намерений вмешиваться в приготовления к наступлению через Ла-Манш в 1944 году, но обеспокоен, понимаю ли я желание двух правительств воспользоваться любой благоприятной возможностью, какая может возникнуть в результате падения Сицилии. Он опасался, что мы будем истолковывать свою задачу в столь узком плане и с захватом Сицилии независимо от обстоятельств остановимся.

Поскольку нормальным явлением в любом сражении является максимальное использование достигнутых успехов, я лично испытывал сомнения насчет того, чего, собственно, премьер-министр ожидал или хотел. Однако в моем присутствии он не предлагал начать никакой кампании в крупных масштабах, скажем, на Балканах или даже в Северной Италии, в качестве минимальной цели. Казалось, он был искренне обеспокоен скорейшим захватом Южной Италии и, как мне представлялось, в данный момент не выдвигал никаких иных планов.

Однако в частном разговоре генерал Брук сказал мне, что

премьер-министр был бы рад пересмотреть планы наступления через Ла-Манш, и причем основательно, чтобы исключить эту идею из принятой союзниками стратегии. Брук командовал корпусом в скоротечной кампании на Европейском континенте в 1940 году, и Александер, и Монтгомери служили в его корпусе. Импульсивный по натуре, как это свойственно ирландцам, Брук был исключительно умным профессионалом, искренне преданным единственной цели - выиграть войну. Когда я впервые встретил его в ноябре 1941 года, он показался мне скорее находчивым, чем вдумчивым, и скорее прозорливым, чем мудрым. Однако постепенно я понял, что его манера поведения, которая казалась мне странной, есть чисто случайное проявление его необычного характера, что он был искренен, хотя ему и недоставало той особенности, какая была присуща генералу Маршаллу, - спокойно взвешивать противоречивые факторы в проблемы и принимать после этого твердое решение. Вскоре я понял, что работать с ним легко. Он не боялся остро и решительно высказывать свое мнение и делал это прямо и честно, даже если оно расходилось с мнением других. Горячие официальные споры никогда не отражались на дружественности его личных контактов или на безоговорочной поддержке им тех или иных предложений. Его следует отнести к категории блестящих военных профессионален. Поэтому я внимательно слушал в тот момент, когда генерал Брук излагал свою точку зрения.

Он сказал, что поддерживает идею использования нашей военно-морской и воздушной мощи для блокады Германии и уничтожения ее промышленности, уклоняясь от крупных сухопутных сражений на главных фронтах. Он придерживался мнения, что в большом сухопутном сражении мы оказались бы в крайне невыгодном положении и понесли бы огромные и бесполезные потери. Он не хотел бы открывать более крупный фронт, чем тот, который мы могли поддерживать в Италии. Я не знаю, соглашался ли премьер-министр с той частью этого заявления, которая поддерживала откладывание на неопределенное время наступление через Ла-Манш, но генерал Брук действительно хотел направить в Италию максимальное количество союзных войск из имевшихся на Средиземноморском театре военных действий.

Любое предложение об отказе от операции "Оверлорд" или намек на это всегда могли служить поводом для того, чтобы генерал Маршалл и я решительно и бескомпромиссно выступили против такого нарушения согласованного решения. Мы оба не только поддерживали все те основные соображения, побудившие

первоначально принять концепцию операции "Оверлорд" как нашего главного стратегического усилия в Европе, и не только повторяли их при любом удобном случае, но и внимательно рассматривали каждое предложение относительно использования войск в других местах, если оно отодвигало перспективу проведения операции "Оверлорд". Мы оба допускали, что успешное вторжение в Южную Италию принесет выгоду, и стремились к этому, но мы решительно отказывались связывать себя или союзные войска с кампанией выигрыша всей войны с помощью итальянского варианта.

Это и другие соображения привели нас к соглашению, которое, по существу, оставило вопросы использования благоприятных условий Сицилийской операции на мое усмотрение; в соглашении подчеркивалась большая для нас ценность аэродромов у Фоджи, однако предполагалось, что я воспользуюсь любой благоприятной обстановкой, чтобы вторгнуться в Италию. Поскольку для снабжения нас в Италии необходимо было иметь крупный порт, город Неаполь был назван в качестве второго принципиально важного для союзников пункта.

На этом совещании долго обсуждался вопрос относительно плана подвергнуть бомбардировке сортировочные станции возле Рима. Все соглашались с тем, что не следует наносить бессмысленные разрушения Вечному городу -такова была наша политика в отношении всех реликвий древней цивилизации Италии, но было общеизвестно, что немцы воспользовались нашей сдержанностью в отношении Рима, превратив его в главное связующее звено в своей системе коммуникаций. Никакого окончательного решения тогда не было принято, но позднее нам разрешили бомбить сортировочные станции при соблюдении особой осторожности, чтобы не причинить вреда Риму и Ватикану.

За месяц до начала Сицилийской кампании о ней в деталях было сообщено представителям нашей прессы. Этот беспрецедентный шаг был предпринят, как ни парадоксально, в целях обеспечения секретности.

Я считал, что должен положить конец всяким прогнозам военных репортеров относительно будущих намерений войск союзников. Мне было известно, что немцы внимательно следят за нами, и просто поразительно, какими мастерами становятся офицеры разведки в сведении воедино отдельных обрывочных, на первый взгляд, несущественных данных для составления общей картины намерений противника. В это время Северная Африка превратилась в муравейник, в котором все готовились к

вторжению на Сицилию. На каждом участке побережья, где только было возможно, проводились учения; порты заваливались грузами военного назначения; во всех гаванях и бухтах стояли десантно-высадочные катера. Казалось бесспорным, что если репортеры в поисках интересных репортажей для своих газет и радио будут продолжать сообщать о развернувшейся деятельности наших войск, то вскоре противник сможет дедуктивным способом довольно точно определить силы и время нашего вторжения, даже если нам удастся скрыть предусмотренные районы десантирования.

В периоды затишья на фронте репортеры имеют привычку заполнять свои репортажи всякого рода предположениями, а поскольку после нескольких месяцев пребывания в действующей армии любой корреспондент приобретает значительное мастерство в интерпретации будущих событий, то усиливалась опасность, что вскоре противник будет знать о наших планах в деталях. Я не думаю, что рассуждения таких военных аналитиков на родине, вдали от театра военных действий, представляют какую-либо существенную ценность для противника. Их заключения, составляемые вдали от событий, основываются на самой поверхностной информации, и обычно они скорее забавны, нежели опасны, хотя и становятся опасными по мере приближения к истине и использования статистических сведений в подкрепление своих предположений. Однако совершенно иное дело, когда репортеры высказывают свои предположения, находясь в действующей армии. В силу врожденного отвращения к не разъясненному введению цензуры и, больше того, в силу доверия, которое у меня сложилось к честности репортеров, я решил посвятить их в свои тайны.

Это был эксперимент, который я бы не особо хотел повторить, поскольку такое раскрытие секретов возлагает тяжелое бремя на человека, первой обязанностью которого является сохранение этих секретов в тайне. Но, делая это, я сразу же возложил на каждого репортера на нашем театре военных действий ответственность, какую испытывали я и мои коллеги. Успех был полный. Впредь, начиная с этого момента и до начала операции, никаких рискованных сообщений не было отправлено с театру военных действий и ни один представитель прессы не пытался отправить такой материал, который мог бы иметь какую-либо ценность для противника. Уже после того как операция была завершена, многие корреспонденты говорили мне о том страхе, который они испытывали, опасаясь даже косвенного раскрытия секретов. В период подготовки к операции они с неохотой обсуждали даже между собой этот вопрос и выдумывали самые

изощренные наименования для отдельных предметов боевого оснащения войск и деталей планируемой операции.

Рты у всех раскрылись, когда я начал совещание с репортерами сообщением, что в начале июля мы вторгнемся на Сицилию, что 7-я армия под командованием генерала Паттона будет десантироваться на южном побережье острова, а английская 8-я армия под командованием генерала Монтгомери - на восточном побережье к югу от Сиракуз. Наступило почти мучительное молчание, когда я говорил, что генерал Александер будет командовать обеими армиями и что мы уже осуществляем подготовительные воздушные операции, чтобы уничтожить авиацию противника, перерезать его морские и наземные коммуникации и тем самым ослабить вражескую оборону. Я сообщил репортерам, что мы осуществляем эти воздушные налеты таким образом, чтобы заставить противника поверить, что мы атакуем западную оконечность острова. Я также сообщил, что в операции мы используем воздушно-десантные войска в значительно более крупных масштабах, чем где-либо до сих пор.

Операция началась в ночь на 9 июля точно по плану.

Так как на Мальте имелась прекрасная система связи военно-морских сил, то это место было выбрано для размещения нашего штаба на период начальных фаз операции. Большинство наших военно-воздушных сил размещалось на аэродромах северо-восточной части Туниса, так что основной штаб авиации должен был оставаться поблизости от древнего Карфагена. Генерал Александер, адмирал Каннингхэм и я отправились на Мальту примерно за сутки до начала операции. На Мальте мы были гостями фельдмаршала Горта, губернатора острова.

Тогда на Мальте обстановка сильно отличалась от той, какая была всего несколько месяцев назад, когда остров еще оставался объектом налетов вражеской авиации, -не получавшей достаточного отпора. Мальта перенесла страшные удары, но дух ее защитников не был поколеблен. По мере приближения авиации и военно-морских сил союзников через Северную Африку жители Мальты проявляли исключительное мужество. К тому времени, когда нам потребовалось использовать военные сооружения на острове, аэродромы там были уже в отличном состоянии, а местный гарнизон горел желанием схватиться с врагом.

Эпизод, связанный с этими приготовлениями на Мальте, относится к истории строительства аэродрома на небольшом острове Гоци. Местность на острове настолько неблагоприятная, что английские саперы, которые в основном использовали ручной труд и легкое техническое оснащение, оставили всякую надежду построить на острове аэродром для его использования в

операциях против Сицилии. К счастью, в самый решающий момент у маршала авиации Парка, командовавшего авиацией на Мальте, оказался в гостях американский инженер, специалист по строительству аэродромов.

Парк рассказал своему гостю об этом затруднении и, показав ему местность, где нужно было построить аэродром, спросил, сколько времени, по мнению инженера, потребуется для создания взлетно-посадочной полосы. "Десять дней", последовал небрежный ответ, настолько неожиданный, что Парк решил, что над ним шутят. Однако, заметив, что инженера заинтересовала эта проблема, он спросил: "Когда вы можете начать работы?" - "Как только прибудет сюда моя строительная техника, на что уйдет несколько дней".

Последовал обмен радиограммами, и через тринадцать дней после того, как первая американская строительная часть высадилась на острове, со взлетно-посадочной полосы поднялся в воздух первый истребитель.

Для сотворения такого, казалось бы, чуда американские саперы использовали почти все виды современных землеройных машин, какие можно найти на крупной строительной площадке в Соединенных Штатах, - оснащение, вызывавшее зависть у английских саперов, которые даже не представляли, что такую технику можно доставить на столь отдаленный участок активного театра военных действий. Об этом мне неоднократно говорили английские офицеры на острове, восхищение которых американскими саперами граничило чуть ли не с благоговейным трепетом. Эта взлетно-посадочная полоса для истребителей помогла нам оказать дополнительную помощь в воздушной поддержке нашего наступления на Сицилию.

Конвои, доставлявшие войска в районы десантирования, должны были отправляться с портов на всем побережье Северной Африки. Расчет времени и заключительный маневр различных судов и кораблей следовало точно осуществить в узких, полных мин водах, отделяющих Сицилию от материка, и произвести необходимые перестроения таким образом, чтобы держать противника в состоянии неопределенности до самого последнего момента. Адмирал Каннингхэм, адмирал Хьюитт и их подчиненные выполнили свою задачу безукоризненно.

Все, казалось, шло превосходно до самого дня вторжения. Затем погода, в этой части Средиземного моря обычно спокойная летом, начала настолько серьезно ухудшаться, что возникла угроза срыва десантирования. Поскольку в целом ветер дул с запада, то нас беспокоила обстановка в пунктах высадки десантов на южном побережье. Пункты высадки на восточном побережье

прикрывались от ветра самим островом.

Многие часы я провел вместе с адмиралом Каннингхэмом в его кабинете, куда синоптики периодически доставляли сводки погоды и прогнозы. К заходу солнца ожидалось ослабление скорости ветра, и это нас обрадовало: появилась надежда, что к полуночи условия для десантирования будут удовлетворительными.

Кое-кто из нас, выходя на улицу размяться, с тревогой посматривал на флюгер почти с молитвой на устах, так как приближался час, когда уже станет невозможно повернуть десантные войска обратно. От генерала Маршалла поступил запрос: "Состоится высадка или нет?" "Я бы хотел сам знать это!" - мысленно отреагировал я. К вечеру стали поступать прогнозы на некоторое улучшение. Мы решили действовать, как было запланировано, я так и радировал генералу Маршаллу. Я считал, что даже если войска, следовавшие к южному побережью, найдут необходимым задержаться с десантированием, то те, кто идет к восточному побережью, наверняка высадятся на берег, и у нас будет меньше путаницы и ущерба, чем если бы нам пришлось остановить всю армаду.

Однако вечер был уже на исходе, а скорость ветра не уменьшалась. Нам ничего не оставалось делать, разве что молиться, и молиться отчаянно.

Глава 10. Сицилия и Салерно

Согласно плану первыми должны были достигнуть острова воздушно-десантные войска. Маршрут некоторых из них пролегал непосредственно через Мальту, и многие из нас поднялись-на холмы, чтобы наблюдать за их пролетом. В штормовую погоду самолетам было трудно выдерживать точное направление. На командном пункте нашей авиации мы узнали, что много самолетов и буксируемых планеров сбилось с курса, но в общем колонны шли к намеченным объектам; и когда одна из них, за которой мы наблюдали, проследовала над нами, мы вернулись в помещения, чтобы там дождаться первых донесений. Большинство из нас устроились на ночлег, чтобы отдохнуть несколько часов.

Первые донесения, поступившие утром, содержали и хорошие и плохие известия. Многие планеры, выделенные для поддержки действий английских войск, были отцеплены от буксировщиков слишком далеко от своих объектов, и из-за сильного ветра некоторые из них упали в море. Мы опасались больших потерь в людях, хотя потом выяснилось, что потери были меньше, чем мы предполагали, и все же это был трагический инцидент. На обоих участках десантирование с моря, казалось, проходило нормально,

при умеренном сопротивлении со стороны противника.

На южном участке парашютисты уже приземлились, хотя в некоторых случаях они сели далеко от тех мест, где предусматривалось. Мы пришли в изумление от донесений об успешном десантировании в американском секторе, где, как мы думали, контр-адмирал Алан Кирк, возможно, даже отложит на несколько часов пересадку войск на десантно-высадочные катера, надеясь на улучшение погоды. Адмиралу Каннингхэму трудно было поверить, что в том секторе произошло десантирование, и он немедленно отправился туда на эсминце, чтобы лично удостовериться в этом. Вернувшись, адмирал доложил, что высадка войск на берег на участке 45-й дивизии явилась одним из блестящих примеров искусного кораблевождения, которое он с удовольствием наблюдал впервые за свои сорок пять лет морской службы.

По мере поступления боевых донесений становилось очевидным, что противник введен в глубокое заблуждение относительно мест высадки наших десантов. Его лучшие соединения размещались в основном на западной оконечности острова, на которую, как он, видимо, полагал, мы будем высаживать свои войска в силу ее близости к портам в Северной Африке. Его реакция была типичной. Он бросил свои наиболее подвижные части на восток и юг, чтобы атаковать американскую 1-ю дивизию у Джелы. Дивизия еще не успела достаточно прочно закрепиться на берегу, и эти атаки угрожали расчленить ей боевой порядок в случае прорыва противника к морю, однако у него не хватало войск поддержки, в частности пехоты и артиллерии. Мужественно сражаясь, 1-я дивизия при устойчивой поддержке воздушно-десантных подразделений и с помощью огня корабельной артиллерии отразила вражеское контрнаступление после нескольких часов кратковременных, но ожесточенных стычек.

Полагая, что противник может начать повторные контратаки на этом участке, я вечером вышел из Мальты на английском эсминце, чтобы посетить Паттона и Хьюитта, которые здесь командовали, соответственно, сухопутными и морскими силами. Когда я на следующее утро прибыл туда, немцы отходили, видимо, с целью укрепить свою оборону в критическом районе Катания. И хотя мы с эсминца успели увидеть только редкий артиллерийский огонь, тем не менее мы получили хорошее представление о достигнутом успехе на южном побережье, а двое сопровождавших нас репортеров сделали фотоснимки для своих репортажей. Я воспользовался случаем, чтобы остановиться на берегу и направить канадскому корпусу приветствие союзного

командования.

До этого времени никогда в истории не было даже близкой по своим размерам морской десантной операции, какую осуществили мы. В водах на многие мили напротив береговой линии стояли сотни судов, а небольшие катера, подобно веренице муравьев, доставляли войска на берег. Над головой в небе носились истребители прикрытия.

Местом, которое мы хотели захватить как можно быстрее, был порт Мессина на северо-восточной оконечности полуострова, как раз в узком проливе напротив Апеннинского полуострова. Через этот порт осуществлялось почти все снабжение вражеских войск, и если бы мы захватили его, положение противника на острове оказалось бы безнадежным. Немецко-итальянское командование, столь же ясно, как и мы, понимая эту простую истину, быстро собрало силы, чтобы заблокировать продвижение войск Монтгомери, находившихся ближе всего к этому месту. В этом ему исключительно благоприятствовала местность. Вулкан Этна господствует над всей северо-восточной частью острова, а путь наступления 8-й армии на север проходил по узкой дороге у основания Этны вдоль побережья. Первоначально наступление Монтгомери проходило успешно, и он быстро занял восточное побережье острова, включая порт Сиракузы, которым пользовались нацисты и которому в наших планах снабжения своих войск отводилась исключительно важная роль. Дальше при наступлении в сторону Катании сопротивление противника все более усиливалось. После 17 июля 8-я армия находилась на равнине перед неприступной Этной, имея весьма малую надежду пробиться через проходы в северном направлении. Монтгомери начал наращивать силы, чтобы направить их в обход горы с запада. Это была его единственная возможность пробиться к намеченному конечному объекту.

Нас измучила малярия. Нигде за всю кампанию на Средиземноморье у нас не было такого процента потерь в личном составе от этой болезни. В других местах на острове мы тоже имели серьезные потери от малярии, но Катания была основным очагом эпидемия в этом районе.

Между тем Паттон решительно продвигался вперед к центру острова. На левом фланге его подвижные колонны, двигавшиеся по западному периметру острова, вошли в Палермо на двенадцатые сутки после высадки на берег. В результате быстрого продвижения его войск число портов, которыми пользовался противник, сократилось до одного - Мессины; это подорвало моральное состояние огромного итальянского гарнизона, тем более что войска Паттона вышли на рубеж, откуда можно было

начать наступление в восточном направлении.

Паттон был искусным знатоком военного дела, всегда высоко ценившим быстроту проведения операций. Скорость движения часто позволяет войскам свести к минимуму преимущества противника, и, что еще важнее, она позволяет в полной мере использовать любую благоприятную возможность и не допустить, чтобы противник перестроил свои силы для отражения атак. Таким образом, благодаря скорости и решительности каждое последующее преимущество достигается легче и экономичнее, чем предыдущее. Ведение таких боевых действий в конечном счете приводит к деморализации противника. После этого скорость должна быть еще больше увеличена - только безостановочное и быстрое преследование противника обеспечивает наиболее полный успех в бою.

По мере приближения 7-й армии к западным склонам Этны сражение приобретало все более ожесточенный характер. Бой за Троину, проведенный в основном частями 1-й дивизии, стал одним из наиболее ожесточенных схваток в войне. В ходе этого боя противник предпринял двадцать четыре контратаки. Местность была скалистая и сильно пересеченная. Спустя несколько дней после захвата вражеских позиций наши солдаты поразились, когда обнаружили в одной небольшой долине несколько сот убитых немцев. До тех пор эти потери противника не были учтены. Оказалось, что это были жертвы огня американской артиллерии.

Наступая в восточном направлении от Палермо, войска 7-й армии, следуя вдоль береговой линии, осуществили высадку нескольких десантов силой от одного до двух батальонов. Небольшая оперативная группа боевых кораблей под командованием контр-адмирала Лайэла Давидсона и войска, наступавшие по горным прибрежным кручам Сицилии, добились прекрасного взаимодействия при высадке этих десантов. Единственная дорога проходила через бесчисленное множество тоннелей, по путепроводам и мостам, которые противник систематически разрушал, отступая с боями. Наступление 7-й армии вдоль береговой линии в сторону Мессины явилось поистине триумфом мастерства саперов, искусства кораблевождения и смелости пехоты.

К концу июля итальянский гарнизон на острове, за исключением нескольких небольших частей, находившихся под непосредственным контролем немцев, полностью выбыл из игры, однако вдоль огромной зубчатой гряды, центр которой составлял гигантский вулкан Этна, немецкие войска сражались умело и ожесточенно. Здесь сосредоточились их лучшие танковые и

парашютные части, с какими мы встречались в войну, и каждую позицию наши войска занимали только тогда, когда оборонявшиеся подразделения оказывались полностью уничтоженными.

Тем не менее к тому времени, когда 7-я и 8-я армии заняли исходные рубежи для заключительной атаки у Этны, немцы поняли, что дело проиграно, и начали эвакуацию своих частей через Мессинский пролив. Наши бомбардировщики наносили удары по переправе через пролив, однако небольшая ширина пролива позволила немцам вывести с острова большинство своих сильно потрепанных частей под прикрытием ночной темноты.

Рано утром 17 августа американская 3-я дивизия вошла в город Мессину. Вскоре после этого сюда подошел отряд 8-й армии. В этот день остатки вражеских сил на острове были уничтожены.

В начале Сицилийской операции генерал Александер питал некоторую надежду, что войска, высадившиеся на востоке острова, быстро продвинутся на север к Мессине, заблокируют удобный маршрут эвакуации сил противника через пролив, а также, возможно, сами смогут осуществить внезапную высадку десанта на территорию материковой Италии, чтобы обеспечить дальнейшие действия союзных войск.

Действия Монтгомери на восточном побережье начались благоприятно, и в течение первых нескольких дней складывалось впечатление, что надежда Александера сбудется. Но к тому времени, когда Монтгомери подготовился для наступления на усиленные естественными препятствиями оборонительные позиции, протянувшиеся от Этны к морю, противник подтянул сюда слишком большие силы. Возможность для решительных и внезапных действий была упущена, если она вообще существовала. После этого путь 8-й армии на север стал таким же тяжелым с точки зрения преодоления сильно пересеченной местности, как и путь наступления в восточном направлении войск 7-й армии. К тому же 8-й армии приходилось вести боевые действия с превосходящими силами противника. На отвесных скалах, обращенных в сторону моря прямо к востоку от вулкана Этна, я увидел почти невероятное творение войсковых инженеров. Участок дороги, проходившей над ущельем шириной двести метров, был взорван, и саперам пришлось построить через это ущелье эстакаду, способную выдержать самые тяжелые военные грузы. Это был еще один пример того, что могут сделать войска на фронте, когда они оказываются перед острой необходимостью.

Тем не менее опять возникла критика по поводу "осторожности" Монтгомери. Впервые я услышал об этом от

представителей прессы и авиаторов, когда Монтгомери был занят долгим преследованием войск Роммеля через пустыню. Критиковать легко - неудачное наступление порождает выкрики "мясник". Точно так же, как каждая пауза вызывает вопли о робости. На подобные обвинения ответить нельзя, поскольку их невозможно ни обосновать, ни опровергнуть. В войне единственным критерием, который можно применить в отношении командующего, становится накопившийся перечень его побед и поражений. При постоянных успехах ему приписывается в заслугу его мастерство, признаются его суждения о возможном и невозможном, отмечаются его способности как военачальника. Те из критиков Монтгомери, которые утверждают, что он иногда не достигал максимума, должны по крайней мере признать, что он ни разу не потерпел крупного поражения. В данном случае я внимательно рассмотрел все подробности как с самим Монтгомери, так и с Александером. Я тогда считал и считаю теперь, что очертя голову бросаться в наступление против позиций, занятых противником у Этны, теми силами, которые имелись у Монтгомери в середине июля, означало бы идти навстречу собственному поражению. И следовало бы помнить, что осторожность и робость - это не синонимы, как не являются ими храбрость и стремительность движения!

Из американских военных руководителей Брэдли настолько хорошо действовал в Сицилии, что, когда генерал Маршалл в конце августа попросил меня рекомендовать кого-либо на должность командующего армией для американских войск в Англии, я ответил: "Правда заключается в том, что вам следует назначить на этот пост Брэдли. Я освобожу его в любой момент, как только вы скажете". Вскоре после этого генерал Брэдли приступил к исполнению новых обязанностей в Англии.

Одним из важных результатов Сицилийской кампании было дальнейшее укрепление духа товарищества между английскими и американскими войсками в бою. В ходе первой кампании 7-я армия создала себе репутацию, которая принесла ей глубокое уважение со стороны ветерана боев - 8-й армии, в то время как у американцев боевые качества их английских и канадских партнеров вызывали искренний энтузиазм.

В ходе боев была достигнута высокая степень взаимодействия авиации, флота и сухопутных войск. Военно-морские силы, выполняя задачи по проводке судов, по огневой поддержке десантов и материально-техническому обеспечению, творили чудеса. Моряки всегда действовали в точном соответствии с потребностями других родов войск. Настоящей подготовкой к

наступлению стали широкие бомбардировочные операции. Не говоря уже об успехах нашей авиации по разгрому воздушных сил противника, они настолько серьезно подорвали вражеские линии коммуникаций на острове и в Южной Италии, что мобильность его войск существенно упала, а их снабжение превратилось в самую тяжелую проблему.

Именно во время этой кампании произошел злополучный "инцидент с пощечиной", связанный с генералом Паттоном. Во время поездки по госпиталям Паттон увидел двух солдат, у которых не было явных физических увечий. Генерал Паттон спросил первого солдата, почему он находится в госпитале. На это солдат ответил: "Генерал, я думаю, что все дело в моих нервах". Паттон пришел в ярость. Он искренне считал, что не существует таких вещей, как психическая травма, полученная в ходе боевых действий, или психический невроз, возникший в результате боя. Он всегда утверждал, что любого человека, который начинает проявлять признаки психического расстройства под влиянием боевых условий, можно ударом привести в чувство и побудить к выполнению своего долга. В этот момент Паттон сам находился в страшном нервном напряжении под воздействием увиденных им сцен физических мучений и страданий, испытываемых ранеными в госпитале. И он осыпал солдата оскорблениями и ругательствами. Его тирада вызвала возмущение врачей и сестер, но вспышка ярости генерала была настолько бурной, что вмешаться они не посмели.

Буквально через несколько минут Паттон встретил второго солдата, находящегося приблизительно в таком же состоянии. На этот раз генерал потерял контроль над собой и так ударил солдата по голове, что каска с головы этого солдата полетела на землю. На этот раз врачи и сестры, преодолев естественную робость, встали между Паттоном и солдатом.

Однако оба солдата действительно страдали тяжелым психическим расстройством. Один из них был тяжело болен. Позднее врачи подтвердили, что в тот день у него была очень высокая температура. Вскоре Паттон взял себя в руки, чтобы продолжать осмотр госпиталя, и затем покинул его. Но все это время он продолжал громко говорить о трусости людей, утверждающих, что они страдают психоневрозом, и о том, что таким не следовало бы разрешать находиться в госпитале вместе с храбрыми ранеными солдатами.

Эта история моментально получила огласку во всем госпитале и соседних с ним частях. Вскоре ко мне поступил неофициальный доклад от хирурга, возглавлявшего госпиталь, а спустя несколько часов туда явилась группа корреспондентов,

чтобы выяснить подробности инцидента. Их сообщения существенно подтверждали суть того доклада, который я уже получил от начальника госпиталя. Возник вопрос: что делать? В условиях боевых действий часто возникает необходимость, как это известно каждому ветерану боев, принимать жесткие меры, чтобы добиться выполнения обязанностей от каждого солдата. Будь то во взводе или батальоне, но если появляются любые признаки колебаний или отказа от выполнения своих обязанностей со стороны какого-либо лица, то они должны быть быстро и решительно подавлены. Солдаты не последуют с уверенностью за своим командиром в бой, если знают, что их начальник не потребует от каждого в подразделении в полной мере выполнять свои обязанности. Когда свистят пули, а безопасность и благополучие каждого в подразделении зависят от добросовестного выполнения им своих обязанностей, солдаты не потерпят слабовольного командира. Поступок Паттона, если бы он был совершен в боевых условиях, в рамках атакующего взвода, не стал бы проступком. Это был бы просто инцидент в бою, никто даже не придал бы ему значения, разве что подумал бы, что такой командир не простит трусости.

Но в силу условий и места, где произошел инцидент, проступок Паттона был серьезным, тем более что его совершил человек, имеющий высокое звание и служебное положение. Избиение рядового солдата и оскорбление его в условиях госпиталя было по меньшей мере жестокостью, хотя и объяснялось исключительно напряженным состоянием, в котором находился сам Паттон. При развитии успеха и преследовании противника требуется такой начальник, который не признает ничего, кроме необходимости идти вперед; чем больше он гонит людей вперед, тем больше жизней своих подчиненных он спасет. Он должен быть равнодушным к их усталости и безжалостно требовать от них отдать последние силы.

Все это я хорошо понимал и мог объяснить случившееся самому себе, хотя его поступок возмутил меня. Я считал, что Паттона нужно спасти для выполнения им своей роли в больших сражениях, которые нас ожидали и Европе, и тем не менее я должен был найти пути и средства, чтобы свести к минимуму урон, который принесет этот его импульсивный поступок, и увериться, что подобное больше не повторится. Я тогда был очень занят разработкой планов вторжения в Италию и не мог немедленно выехать на остров. В этих условиях я послал на Сицилию троих человек, к суждению, такту и честности которых относился с большим доверием. Одного из них я направил к генералу Паттону, другого - в госпиталь, где произошел

инцидент, а третьему поручил посетить дивизии армии генерала Паттона, чтобы на месте удостовериться в степени распространения этой истории среди солдат и выяснять их реакцию на это. Я хотел не только получить доклады из разных источников, но и провести как можно быстрее полное расследование этого случая.

В результате расследования я пришел к выводу, что нужно сохранить Паттона. Я написал ему резкое письмо с выговором, в котором предупредил, что повторение им подобных проступков послужит причиной немедленного его отстранения с поста командующего.

Результаты Сицилийской кампании имели более глубокие последствия, чем просто разгром вражеского гарнизона. Напыщенный Муссолини был свергнут. Признаки неспокойствия и неудовлетворенности в итальянском народе становились все более заметными, и было очевидно, что Италия ищет наиболее легкого пути для выхода из войны. На место Муссолини в качестве премьера был поставлен старый фельдмаршал Пьетро Бадольо. Первые заявления премьера указывали на намерение его правительства продолжать войну, но было ясно, что это заявление сделано в надежде успокоить немцев и дать итальянцам возможность избежать репрессий со стороны высокомерного союзника.

На самом деле надежды Италии на независимые от немцев переговоры о капитуляции были слишком слабыми, потому что Муссолини позволил или был вынужден согласиться с проникновением во все итальянские правительственные органы бесчисленного количества немцев, готовых наброситься на союзника при первых признаках отказа от альянса и взять под свой контроль итальянский народ как формально, так и по существу. Однако несмотря на бдительность немцев, итальянское правительство, стремясь вступить с нами в контакт, послало агента в Лиссабон. Я направил туда двух своих доверенных офицеров - генерала Смита, начальника моего штаба, и бригадного генерала Кеннета Стронга, начальника разведки, позднее генерал-майора, - в качестве эмиссаров при подготовке безоговорочной капитуляции итальянских войск.

Затем началась серия переговоров, секретных обменов мнениями, тайных поездок секретных агентов и частых встреч в условленных местах. Составлялись различного рода планы, которые тут же отменялись в силу изменения условий. Одним из этих планов предусматривалась высадка крупного воздушного десанта возле Рима. В самый последний момент то ли страх итальянского правительства, то ли переброска немецких

резервов, о которой нам сообщили итальянцы, - я так и не узнал, какая из этих причин, - вынудили их отказаться от намеченного плана. Но между тем бригадного генерала Максуэлла Тейлора, позднее храброго командира 101-й воздушно-десантной дивизии, в спешном порядке тайно доставили в Рим, где его личные приключения и приключения сопровождавшего его товарища составили еще одну яркую страницу всей этой захватывающей истории. За всю войну я не просил ни одного другого агента или эмиссара идти на такой риск, на какой шел Тейлор. Имея столь трудное поручение, он выполнил его безукоризненно, каждую минуту рискуя быть раскрытым и встретить свою смерть.

Итальянцы отчаянно желали капитулировать. Однако они хотели сделать это, только получив заверение, что одновременно с капитуляцией в Италии будет высажена мощная группировка сил союзников, которая обеспечит полную защиту как самого итальянского правительства, так и итальянских городов от немецких войск. Следовательно, они пытались выяснить все детали наших планов. Но мы не стали раскрывать их перед ними, поскольку нельзя было исключить возможность предательства. Кроме того, вторжение в Италию теми силами, какие сами итальянцы считали необходимыми, полностью исключалось по той простой причине, что у нас не было ни войск в этом районе, ни судов для их транспортировки. Итальянские военные руководители не могли представить себе, как союзники предпримут такую операцию силами менее пятнадцати дивизий в войсках первого эшелона десанта. Мы планировали использовать только три дивизии с некоторыми частями усиления помимо тех двух дивизий, которые должны были быть переброшены через Мессинский пролив.

Эти переговоры все еще продолжались, когда в соответствии с планом генерал Монтгомери за одну ночь перебросил через Мессинский пролив две дивизии, не встречая сопротивления, и вторжение союзников на Европейский континент стало свершившимся фактом. Это произошло 3 сентября, на десять дней позже, чем я надеялся осуществить его. Подготовка к десантной операции требует много времени, но если бы мы сумели выиграть в данном случае несколько дней, то потом оказалось бы значительно проще решить проблему Салерно. Тем не менее время было выбрано достаточно правильно, чтобы мы имели возможность использовать позднее для высадки главных сил некоторые из десантно-высадочных средств, перебросивших дивизии Монтгомери через Мессинский пролив. Он сразу начал наступление вверх по Апеннинскому полуострову, а противник вел пассивные сдерживающие бои, с тревогой ожидая нашего

крупного наступления.

На некоторое время после падения Муссолини мы несколько ослабили интенсивность воздушных налетов на Италию. Мы публично заявили об этом как о возможности для нового правительства избежать дальнейших разрушений в стране, приняв без промедления наши требования о безоговорочной капитуляции всех итальянских вооруженных сил. Это вызвало резкий протест в Лондоне. Нам вновь напомнили, что командующий войсками на фронте находится под контролем правительства и общественного мнения своей страны. Фактически задержка с бомбардировками была вызвана необходимостью перебазирования авиационных частей и подтягивания к новым базам материально-технических резервов; мы пытались сделать добро по необходимости. Как только командование войск вновь получило возможность с максимальной эффективностью использовать авиацию, оно сразу возобновило воздушные операции.

При определении тактических планов возник вопрос, мнения по которому резко разошлись. Одна группа считала, что наиболее безопасным, хотя и менее решающим путем наступления в Италии было продвижение в глубь Апеннинского полуострова, после того как Монтгомери овладеет плацдармом. Этот вариант был надежен, но не обещал никаких серьезных результатов. В самом деле, убедившись, что наше наступление последует в этом направлении, противник мог легко заблокировать наши войска на ряде горных рубежей и лишить нас возможности осуществлять маневр силами.

Все говорило о том, что вторжение следует предпринять на более широком фронте. После рассмотрения каждого участка побережья от Рима до самой оконечности полуострова выбор пал на Салернский залив. Крупнейшим недостатком этого плана являлось то, что его логика была очевидна как нам, так и противнику. Основную часть нашей истребительной авиации все еще составляли самолеты с небольшим радиусом действия, и Салернский залив был крайним пределом их эффективной поддержки высадки десантов. Кроме того, между Салернским заливом и "носком итальянского сапога" не было ни одного другого более или менее удобного участка побережья для десантирования, так что мы решились на операцию, не питая никаких иллюзий относительно ее неожиданности для противника.

Между тем переговоры о капитуляции Италии тянулись мучительно медленно. Они были очень сложными и касались все еще сильного итальянского флота, остатков итальянских военно-

воздушных сил и итальянских сухопутных сил на всем полуострове и на Балканах. Но прежде всего эти переговоры касались возможности осуществить капитуляцию, поскольку немцы фактически господствовали во всей стране. Наконец мы пришли к соглашению, что капитуляция вступит в силу вечером 8 сентября и что Бадольо и я одновременно сделаем заявления о капитуляции. Я выбрал эту дату, так как в полночь должна была начаться высадка десанта в Салернском заливе. Все эти долгие и подчас раздражавшие переговоры вел с нашей стороны мой начальник штаба.

Все шло в соответствии с планом, и вдруг в полдень 8 сентября я получил сообщение через тайные каналы, что Бадольо пересмотрел свое решение на том основании, что мы проявляли излишнюю поспешность и что результатом будет установление полного господства немцев в Италии и кровавая расправа над теми, кто был причастен к переговорам о капитуляции. Дело зашло слишком далеко, чтобы дальше тянуть время. Я телеграммой категорически ответил, что независимо от его действий я заявлю о капитуляции в 6.30, как мы договорились ранее, и если я сделаю это без одновременного заявления с его стороны, то у Италии не останется друзей в этой войне. Я находился на своем передовом командном пункте возле Карфагена, когда донесение Бадольо пришло в мой штаб в Алжире. Мои офицеры, совершенно сбитые с толку, обратились по радио за указаниями в Объединенный англо-американский штаб, одновременно направив оригинал донесения мне. Решив действовать по своему усмотрению, я приказал отменить радиограмму, направленную в Объединенный англо-американский штаб, или, если это уже невозможно будет сделать, объяснить ему, что я уже сам отрегулировал этот вопрос. Вечером в 6.30 я объявил по радио о капитуляции Италии. Бадольо, полный страха и нерешительности, спустя полтора часа наконец решил, что ему нужно последовать моему примеру.

Это никоим образом не означало изменения наших планов вторжения. В течение нескольких дней, как мы знали, итальянский гарнизон на побережье Салернского залива заменялся лучшими немецкими войсками, и наша разведка предсказывала тяжелые бои на плацдарме, кульминацией которых станут сильные контратаки где-то между четвертым и шестым днем после высадки на берег.

Четырьмя дивизиями в дополнение к тем двум, которые уже были на итальянском берегу, но далеко на юго-востоке, мы начинали вторжение в страну, где, по нашим подсчетам, находилось восемнадцать немецких дивизий. Хотя войска,

следующие за дивизиями первого броска десанта, удваивали первоначальную численность наших сил, в некоторых отношениях операция выглядела безрассудно-смелым предприятием; однако решение начать операцию было принято в силу нашей веры в возможность авиации обеспечить мощное воздушное прикрытие в период наращивания сил на плацдарме, в силу нашей веры в мощь военно-морского флота оказывать огнем корабельной артиллерии непосредственную поддержку высаживающимся войскам, пока те не будут в состоянии сами постоять за себя.

Высадка десанта и последующие бои развивались почти в полном соответствии с предсказаниями разведки. При выходе на берег произошла решительная, но сравнительно короткая схватка, и за небольшими исключениями десантирование прошло успешно. В соответствии со своей практикой противник начал немедленные контратаки и к 13 августа собрал достаточно сил для крупного наступления, чтобы сбросить нас в море. В этот период немецкая пропаганда оценивала нашу операцию как большую ошибку и предсказывала полное поражение союзников.

13 августа немцы обрушили на нас всю свою ярость. Ожесточенное сражение продолжалось довольно долго. Самый сильный удар немецкого наступления пришелся по центральной части плацдарма, где противнику удалось продвинуться настолько глубоко, что до берега ему оставалось пройти не более трех миль. Перспективы для наших войск становились несколько мрачными, особенно когда по американской 36-й дивизии был нанесен внезапный удар и она понесла тяжелые потери, прежде чем сумела выйти из боя и привести себя в порядок. В какое-то время нависла реальная угроза расчленения войск на плацдарме, и генерал Кларк быстро набросал план возможного снятия с берега своего штаба и переноса его на корабль, для того чтобы оттуда руководить войсками. Этот план, доведенный до моего штаба в искаженном виде, вызвал оцепенение, ибо было похоже, что командиры на местах обескуражены обстановкой и готовятся к отводу всех войск. В действительности же дело обстояло не так. Генерал Кларк и генерал Ричард Маккрири, командир английского 10-го корпуса, никогда не проявляли никаких колебаний в своей решимости выстоять.

До того как генерал Кларк повел 5-ю армию в Салерно, он еще ни разу не участвовал в боях Второй мировой войны. Этот генерал оказался прекрасным боевым командиром и полностью оправдал мою веру в него, которая позволяла мне назначить его на столь важный пост. Позднее, в ходе войны, когда генерал Александер стал главнокомандующим на Средиземноморском

театре военных действий, Кларка выдвинули на должность командующего группой армий в Италии; это назначение, вероятно, означало, что как английские, так и американские власти вполне довольны его работой на предыдущем посту.

Проведенная 13 августа разведка дала детальную картину немецкого наступления, и в тот день главный маршал авиации Теддер получил приказ сосредоточить все силы подчиненной ему авиации для нанесения удара по наиболее чувствительным местам немецкой группировки. Утром 14 августа авиация начала мощную бомбардировку вражеских боевых порядков. В итоге этого удара силы противника и его мобильность оказались настолько подорванными, что с помощью огня корабельной артиллерии союзные войска вновь овладели инициативой, и немцы уже не угрожали нашему общему положению на плацдарме.

Однако тяжёлые бои еще не кончились. Двумя крупными первоначальными целями вторжения в Италию был захват, во-первых, Неаполя как порта, через который мы могли бы снабжать наши войска, и, во-вторых, аэродромов в Фодже, откуда можно было бы предпринимать дополнительные бомбовые удары по Центральной Европе, ибо до сих пор такие удары осуществлялись почти исключительно с английских баз.

16 августа я выехал в Салерно, чтобы на месте изучить обстановку, которая, казалось, указывала на недостаток военного мастерства у некоторых американских командиров. После внимательного ознакомления с положением дел я счел нужным утвердить предложение генерала Кларка о снятии командира американского корпуса, входящего в состав его армии.

Отстранение командира от должности в боевых условиях - это нечто такое, что нельзя делать с легким сердцем. Оно прежде всего является напоминанием подчиненным ему войскам о недовольстве высших инстанций их действиями, иначе командир получил бы благодарность, не был бы снят. Поэтому всегда следует тщательно взвешивать последствия этой меры, как и возможные преимущества назначения другого, иногда неопытного командира. К тому же неумелое руководство должно быть выявлено как можно быстрее и немедленно устранено, ибо речь идет о жизни тысяч людей и вопрос о проявлении справедливости к командиру не чисто теоретический, он касается многих факторов, и прежде всего достижения победы.

Ввиду большого расстояния от наших авиабаз на острове Сицилия до Салерно мы были особенно заинтересованы в скорейшем захвате аэродромов Фоджи, и в этой связи еще раньше был рассмотрен ряд планов, направленных на ускорение этой

операции.

С завершением Сицилийской кампании мы начали переброску семи дивизий четырех американских и трех английских - со Средиземноморского театра военных действий в Англию в порядке подготовки к крупному наступлению через Ла-Манш. С изъятием этих дивизий из Италии единственным соединением, которое могло быть использовано в боевых действиях на "пятке итальянского сапога" и дальше на север в сторону Фоджи, оставалась английская воздушно-десантная дивизия. Она должна была войти в порт Таранто, который мы надеялись получить по условиям капитуляции Италии и в котором почти не было немецких войск. Если бы мы смогли немедленно высадить там хотя бы небольшие силы, тогда мы быстро и недорогой ценой захватили бы важные аэродромы.

Выигрыш от этой незначительной операции был бы крупный, но, за исключением кораблей боевого назначения, не было транспортных судов, поскольку те были выделены для проведения операции в районе Салерно. К тому же из-за отсутствия автотранспорта и тяжелого вооружения воздушно-десантная дивизия не была особенно подходящим соединением для последующего наступления по суше на довольно большую глубину. И опять мы решили идти на риск, и в данном случае адмирал Каннингхэм взял на себя огромную ответственность. Он без колебаний согласился ввести свои корабли прямо в гавань Таранто, игнорируя возможность предательства или захода на минные поля, чтобы доставить английскую 1-ю воздушно-десантную дивизию прямо в доки этого порта. Операция была осуществлена согласно плану 9 сентября. Мы потеряли один прекрасный английский крейсер и более двухсот солдат, находившихся на его борту. Крейсер затонул в заливе Таранто, наскочив на мину.

В официальном докладе о ходе этой операции сообщается об одном драматическом эпизоде.

Во второй половине дня 9 сентября линейный корабль "Хау" в сопровождении четырех крейсеров, на борту которых находились части английской 1-й воздушно-десантной дивизии, устремились по очищенному от мин фарватеру по направлению к Таранто. Незадолго до этого дивизион итальянских кораблей вышел из гавани Таранто. Наступил напряженный момент, когда корабли двух флотов проходили один мимо другого. Не было никакой гарантии, что итальянцы будут соблюдать условия капитуляции и не завяжут, в конечном счете, бой. Однако последний запрос, сделанный адмиралом Каннингхэмом с той хладнокровностью, которая характеризовала все действия этого выдающегося моряка,

остался без ответа. Итальянские корабли прошли своим курсом и вскоре скрылись за горизонтом.

С высадкой десанта в Таранто мы уже находились на берегу итальянского материка в трех местах - в Салерно, Таранто и Реджо-ди-Калабрии.

Ожесточенные бои в Салерно оттянули силы противника от Монтгомери, и его наступление в северном направлении ускорилось. К 16 сентября его войска левым флангом вошли в соприкосновение с войсками Кларка чуть южное Салернского залива. Правым флангом Монтгомери наступал дальше, чтобы соединиться с частями воздушно-десантной дивизии, которые прокладывали себе путь на Фоджу. Через несколько дней этот большой пункт был уже в наших руках. Кларк продолжал с боями пробиваться к Неаполю, и 1 октября 1943 года его войска с триумфом вошли в город.

Саперы и специалисты флота по ремонтно-восстановительным работам, постоянно поражавшие нас успехами в восстановлении гаваней и портов, немедленно приступили к работе. Все их предыдущие успехи в Касабланке, Алжире, Оране, Бизерте и Палермо не шли ни в какое сравнение с той скоростью и эффективностью, с какой они восстановили полностью разрушенные и ставшие бесполезными портовые сооружения в Неаполе. С созданием базы в Неаполе и прочным закреплением своего положения у Фоджи мы выполнили первую крупную задачу Итальянской кампании. Все последующие сражения в этом районе имели главной целью сковывание здесь немецких сил вдали от места крупного наступления через Ла-Манш, которое должно было начаться в следующем году. Вторая задача, разумеется, сводилась к тому, чтобы заставить противника непрерывно истощать свои ресурсы, возмещая потери в живой силе и снабжая войска по извилистым и уязвимым итальянским коммуникациям. Третья задача носила политический характер: постоянная угроза Риму и итальянским промышленным центрам на севере вызовет неспокойствие на Балканах и в других частях Европы, что отрицательно скажется на моральном состоянии немцев и поднимет моральный дух наших войск.

Однако в целом Итальянская кампания после этого превратилась в явно второстепенную операцию, хотя результаты, достигнутые ею, имели важное значение для нанесения фактического поражения Германии. Однако было очевидно, что итальянское направление само по себе не являлось благоприятным для нанесения решающего удара по собственно Германии. Это можно было сделать только через Ла-Манш и

Нидерланды.

Сразу же после капитуляции в начале сентября в Восточном Средиземноморье сложилась ситуация, которая вызывала у нас большое беспокойство и вокруг которой долго еще будут продолжаться споры. Гарнизоны на островах Додеканес в основном состояли из итальянских войск, и с капитуляцией Италии у нас появилась возможность взять все эти острова под контроль почти без боя. Если бы можно было убедить итальянские гарнизоны на этих островах оборонять их в интересах союзников, то мы получили бы огромное стратегическое преимущество в этом районе почти без всяких усилий.

Ясно представляя себе такие возможности, командующий войсками ближневосточного командования генерал Мейтленд Вильсон сразу же направил небольшие отряды на эти острова, в том числе на Лерос и Родос, и успех вначале был обеспечен. Однако очень скоро обнаружилось, что итальянцы вообще не желают воевать против кого бы то ни было. Если союзники хотели иметь в своих руках эти острова, то они и должны были разместить на них свои гарнизоны, а для этого личный состав мог быть взят только из союзных войск, вовлеченных в ожесточенные бои в Италии.

Черчилль очень хотел, чтобы этим островам была оказана поддержка, и мой штаб, и я изучили эту проблему с величайшей внимательностью. Мы пришли к заключению, что, кроме некоторой временной авиационной поддержки, мы не могли сделать ничего. Выделение слишком больших воздушных сил и особенно отправка туда сухопутных войск были бы явно в ущерб сражению, которое мы тогда вели в Италии, в то время как сил, которые можно было собрать в Восточном Средиземноморье, оказалось бы, вероятно, недостаточно, чтобы удержать эти острова.

Премьер-министр с таким упорством настаивал на принятии каких-либо мер, чтобы помочь ближневосточному командованию удержать эти острова, что мы получили указание провести специальное совещание по этому вопросу. Представители всех родов войск от этого командования прибыли в Тунис, чтобы встретиться с нами.

Это было самое простое, без каких-либо дискуссий, совещание из всех тех, на которых я присутствовал в ходе войны. Я изложил общую обстановку, какой она нам представлялась, и объявил свое решение, суть которого сводилась к тому, что мы отказывались выделять войска для этой цели с Итальянского фронта. Эти острова, безусловно, имели существенное

стратегическое значение, но гораздо важнее было достичь успеха в Итальянском сражении. Каждый офицер, присутствовавший на совещании, полностью согласился с моим заключением, хотя это и явилось большим разочарованием для военных руководителей ближневосточного командования. Все мы знали, что премьер-министру будет трудно согласиться с нашим решением. Я доложил свои выводы Объединенному англо-американскому штабу и получил там поддержку. Вскоре немцы вновь овладели островами.

С началом боев в Сицилии мы оказались вовлеченными в решение нового вида проблемы, а именно в проблему создания управленческого аппарата для населения на захваченных территориях. Специально обученные для этой цели английские и американские офицеры непрерывно следовали за войсками, чтобы взять на себя эту важную работу среди местного населения.

Американские офицеры прошли специальную подготовку на курсах в Шарлоттсвилле, штат Вирджиния. Позднее группы американских и английских офицеров военной администрации получили дальнейшую подготовку в Северной Африке. Они работали под общим наблюдением специального сектора в моем штабе.

Вопросы здравоохранения, общественного порядка, санитарии, сельского хозяйства, промышленности, транспорта и сотни других, которые являются обычными для жизни населения, находились под контролем этих офицеров и решались ими. Задача эта была трудная, но исключительно важная не только просто с гуманной точки зрения, но и для обеспечения успеха наших армий. Все войска нуждаются в спокойствии и порядке в своем тылу, иначе они должны будут выделять часть сил для обеспечения безопасности линий связи и транспортных артерий, охранять склады и эшелоны, подавлять подрывную деятельность.

Работа была для нас новая, однако, несмотря на естественные ошибки, мы с ней блестяще справились. Мы приобрели опыт и извлекли некоторые уроки в предвидении аналогичных и более серьезных задач, которые ожидали нас в Италии и Германии.

Глава 11. Каирская конференция

Когда бои еще находились в полном разгаре, мы получили известие, что президент и премьер-министр со своими советниками собираются провести новое совместное совещание, на этот раз возле Каира. Тогда Египет не входил в состав нашего театра военных действий, но помимо организации проезда в этом регионе нас просили обеспечить безопасность места для предварительных совещаний и размещения их участников. Как обычно, целый рой сотрудников секретной службы Соединенных,

Штатов предшествовал появлению президента там, где предполагалась его даже кратковременная остановка. Они начали с моего штаба подготовительную работу, которая была направлена на обеспечение гарантированной безопасности президента, но которая неизбежно рекламировала его прибытие.

Вероятно, в Вашингтоне или Лондоне произошла утечка секретных сведений относительно предстоящей конференции, и ввиду огромного количества комментариев, появившихся в мировой прессе, в том числе достаточно точных утверждений в каирских газетах, правительства США и Англии пришли в сильное беспокойство. Даже когда Черчилль и Рузвельт находились уже в пути, правительства предлагали полностью изменить план проведения конференции. От военного министерства США поступило настоятельное предложение перенести место конференции на Мальту и даже, возможно, в Хартум. Наша ответственность за охрану и безопасность президента и премьер-министра еще больше усугублялась тем, что, как нам было известно, каждый сочувствующий нацистам фанатик был уже извещен относительно возможных маршрутов их следования. Обдумав все обстоятельства, я, тем не менее, настоятельно рекомендовал президенту не вносить в план никаких изменений. Я считал, что если мы не сумеем обеспечить безопасность конференции и ее участников после всех принятых нами мер, включая сильно охраняемые ограждения и противовоздушную оборону, то неожиданная перемена места проведения конференции только увеличит риск.

Премьер-министр прибыл в наш район первым, и я встретил его на Мальте, где у нас состоялась долгая беседа. После довольно обстоятельного обсуждения он согласился со мной относительно целесообразности придерживаться первоначального плана проведения конференции и послал об этом телеграмму президенту.

Премьер-министра сопровождали его военные руководители, и мне представилась возможность провести с английскими коллегами целый день и обсудить ряд вопросов относительно нынешних и будущих операций.

Черчилль, как всегда, был занимателен и интересен. Я никогда не встречал человека, способного с таким блеском поддерживать жизнерадостное настроение гостей за обеденным столом. Его высказывания о событиях были острыми и едкими, часто забавлявшими. Он с большим энтузиазмом ожидал встречи с президентом, от которого, как он говорил, всегда набирался вдохновения для решения трудных проблем войны и последующего мира. Черчилль снова сел на своего любимого

конька - заговорил о важности наступления на Германию через "мягкое подбрюшье", о необходимости сохранения темпов нашего наступления в Италии и его расширения таким образом, чтобы охватить значительную часть северного побережья Средиземного моря. Казалось, он всегда видел огромные и решающие возможности только на Средиземном море, в то время как план вторжения через Ла-Манш его не волновал. Я не раз слышал, как он говорил в связи с перспективами операции "Оверлорд": "Мы должны позаботиться о том, чтобы морские волны у берегов не стали красными от крови американских и английских парней, а побережье не было загромождено их телами".

Я не мог избавиться от чувства, что его взгляды определялись двумя соображениями, которые находились за рамками непосредственных военных проблем. У меня не было никаких реальных данных для оправдания такого ощущения, хотя я знал, что не одинок в этом. Не один я испытывал желание знать, имеют ли для него какой-либо вес эти соображения. Первым из них была его обеспокоенность как политического лидера будущей судьбой Балкан. Я глубоко сочувствовал этой его обеспокоенности, но, как солдат, проявлял особую осторожность, стремясь исключить эти соображения из моих собственных рекомендаций. Вторым была внутренняя потребность доказать обоснованность его стратегических концепций Первой мировой войны, в ходе которой он был главным руководителем кампании в Галлиполи. Многие профессионалы соглашаются с тем, что операция в Галлиполи потерпела неудачу скорое из-за неумелого претворения в жизнь замысла, чем вследствие ошибочных расчетов. Иногда казалось, что премьер-министр был решительно настроен добиться во Второй мировой войне общественного признания этой точки зрения.

В старинном дворце мальтийских рыцарей премьер-министр вручил Александеру и мне специально изготовленные медали, присланные нам английским королем; было изготовлено только две медали, так что идентичных им больше ни у кого нет. Вручение прошло в непринужденной обстановке; один из гостей заметил, что подобное событие в этом же самом дворце четыреста лет назад послужило бы основанием для многодневных рыцарских турниров, пышных зрелищ и шумного буйства в гарнизоне.

Вскоре мне сообщили, что пора ехать встречать президента, прибывавшего на корабле в Оран. В Оране мы перевели Рузвельта в самолет и доставили на виллу на морском берегу в Тунисе, которую по случайному совпадению местные жители называли Белым домом. На этот раз президент выглядел бодрым, был

оптимистичен и уверен. В Тунисе он остался на один день дольше, чем предусматривалось, потому что захотел посетить поля сражений. Проезжая через эти места, он вслух размышлял о возможном сходстве мест наших боев с местами боев древних времен, в частности поля битвы у Замы. И президент, и я знали, что это поле битвы никогда не было точно определено историками, но мы были уверены, что, поскольку карфагеняне использовали слонов, поле битвы расположено, скорее, на равнине, чем в горах, где произошли наши сражения. Увлеченность президента историей и его частые ссылки на нее всегда придавали дополнительный интерес разговорам с ним на военные темы. То же самое было характерно для Джорджа Паттона и премьер-министра.

Я отошел в сторону, чтобы посмотреть на сгоревшие танки, пока президент и его водитель из женского вспомогательного корпуса устраивали себе легкий завтрак. Когда я вернулся, Рузвельт заметил: "А что, Айк, если бы год назад вам предложили пари, что в этот день президент Соединенных Штатов будет иметь ланч где-то на обочине дороги в Тунисе, какую ставку вы бы могли сделать?" Эта мысль, очевидно, навела его на размышления о чрезвычайных событиях только что прошедшего года. Он сначала говорил мне о том, как был огорчен тем, что наше вторжение в Африку произошло сразу же после выборов 1942 года, а не накануне. Затем он говорил о Дарлане, Буассоне и Жиро; потом переключился на Италию и Муссолини и сказал, что испытывал сильное беспокойство во время тяжелых боев возле Кассерина. Коснувшись своих разногласий с Черчиллем, он искренне и несколько эмоционально заметил: "Не было ни у кого лучшего или более стойкого союзника, чем этот старый тори!" Казалось, Рузвельту доставляли искреннюю радость все эти прошедшие события, но его воспоминания прервал сотрудник службы безопасности, который подошел к нему и заметил: "Господин президент, мы здесь находимся дольше, чем следует. Нам нужно теперь же двинуться дальше".

Президент широко улыбнулся и сказал мне: "Вам хорошо, над вами нет стольких боссов, как надо мной".

Служба безопасности энергично возражала против поездки президента в район недавних боевых действий, но я был хорошо знаком с обстановкой там и считал поездку совершенно безопасной: она была неожиданной, и о ней практически никто не знал.

Чтобы дать генералу Маршаллу и адмиралу Кингу некоторый отдых от той напряженной обстановки, которая неизбежно сопутствует свите президента, я пригласил их в свой небольшой

коттедж в Карфагене. Они были откровенно рады возможности спокойно провести вечер. Оба, как мне казалось, имели прекрасное самочувствие и отличное настроение. В ходе разговора перед обедом адмирал Кинг затронул вопрос о будущем командующем в операции "Оверлорд". Он сказал, что в предварительных беседах по этому вопросу между президентом и премьер-министром была, очевидно, достигнута договоренность, что на этот пост будет назначен английский офицер, возможно, в силу того, что американский офицер уже командовал союзными войсками на Средиземноморском театре военных действий. Позднее, когда президент понял, что американские силы, участвующие в операции "Оверлорд", будут, в конечном счете, превосходить английские, он решил, что общественное мнение потребует назначения американского командующего. Он так и информировал Черчилля, который согласился с президентом, хотя это и ставило его в довольно затруднительное положение, поскольку он уже обещал этот пост Алану Бруку.

Вместе с тем президент сказал Черчиллю, что с принятием такого согласованного решения логично будет передать пост командующего на Средиземноморском театре военных действий английскому офицеру, где войска Британской империи, надо полагать, составят основную массу сухопутных и морских сил. Как сказал Кинг, президент предварительно решил назначить командующим в операции "Оверлорд" генерала Маршалла вопреки настоятельным советам Кинга и других, которые опасались серьезных последствий с уходом Маршалла из Объединенного англо-американского штаба.

Все это время, пока Кинг говорил, Маршалл сохранял полное молчание: он казался смущенным. Адмирал Кинг проявил при этом достаточно благородства, заметив, что весь этот план не вызывает у него тревоги только потому, что меня прочат на место Маршалла в Вашингтоне, но он все же считал ошибкой эти перемещения ключевых игроков в выигрывающей команде и в заключение добавил, что намерен вновь изложить президенту свою точку зрения.

Несколько дней назад на Мальте премьер-министр сообщил об этом, но здесь я впервые услышал это из уст американца. Сообщение адмирала Кинга настолько совпадало с тем, о чем говорил мне ранее премьер-министр, что я воспринял это почти как официальное уведомление о передаче в скором будущем обязанностей командующего другому лицу и возвращении в Вашингтон.

Между прочим, премьер-министр, хотя и разочарованный тем, что не Брук будет руководить операцией "Оверлорд", говорил

с большим удовлетворением о предстоявшем назначении Маршалла на этот пост. Он сказал: "Это решение президента, англичане будут рады видеть на этом посту либо вас, либо Маршалла". Он добавил: "Назначение Маршалла наверняка послужит гарантией тому, что американское правительство вложит все свои наличные ресурсы в это предприятие". И он поспешно уточнил, что оно всегда это делало, однако заметил, что проведение этой операции потребует еще больших усилий. С обычным для него беспокойством о настроениях людей Черчилль заверил меня, что он доволен результатами, достигнутыми на Средиземноморском театре военных действий, но полагал, что я правильно пойму разумность передачи командования на этом театре английскому офицеру, поскольку американцу будет поручено провести крупную операцию по вторжению через Ла-Манш.

На следующее утро после моего разговора с адмиралом Кингом президент в общих чертах говорил со мной о будущем руководстве операцией "Оверлорд". Я понял, наконец, что к этому вопросу проявляется острый интерес как в официальных кругах, так и со стороны американской общественности. При этом он даже не намекнул мне на свое окончательное решение, лишь заметил, что ужасался от мысли, что Маршалла не будет в Вашингтоне. Но добавил: "Нам с вами известно имя начальника штаба в Гражданской войне, однако немногие американцы, за исключением военных профессионалов, знают его". Затем, как бы думая вслух, заметил: "Опасно вмешиваться с перестановками в команду, которая выигрывает". Я только сказал, что сделаю все, что в моих силах, где бы правительство ни нашло нужным использовать меня.

На второй день президент и сопровождавшие его лица выехали в Каир; я получил указание прибыть туда для участия в работе конференции через два-три дня. В сопровождении моих основных командующих, за исключением Александера, который был болен, я направился в Каир, чтобы изложить наши взгляды относительно дальнейшего использования имеющихся на Средиземноморском театре военных действий сил.

Поездки такого рода давали мне возможность предоставлять членам моего личного штаба небольшой перерыв в повседневных занятиях. Поскольку в мое отсутствие обычно им нечего было делать, то я брал их с собой. Они всегда с радостью встречали известия о предстоящих поездках на дальние расстояния, так как некоторые из них могли рассчитывать на краткосрочный отпуск. Офицеры, солдаты и служащие из женского вспомогательного корпуса пользовались, таким образом, заслуженным отдыхом,

который в иных условиях им не представился бы.

До тех пор, пока существовало хотя бы одно заметное расхождение во взглядах между военными руководителями Великобритании и США, мне и моим коллегам на Кипрской конференции казалось, что англичане все еще будут поддерживать идею решительной кампании на Средиземноморском театре военных действий, даже если будет необходимо за счет дополнительной отсрочки операции "Оверлорд"; однако американская сторона отказывалась одобрить какие бы то ни было операции, если они будут отвлекать силы, предназначенные для наступления через Ла-Манш в начале следующего лета. Американцы настаивали на рассмотрении всех планов боевых действий на Средиземноморье исключительно в свете их положительного влияния на наступление в 1944 году на северо-западный район Европейского континента; англичане же считали, что максимальное сосредоточение усилий союзников в Италии могло привести к таким неожиданным результатам, которые превратили бы планируемое наступление через Ла-Манш в обычное дело по очистке территории от остатков разгромленных сил противника.

Черчилль и некоторые из его главных военных советников все еще относились к плану операции "Оверлорд" с плохо скрываемыми опасениями; их настроения, казалось, сводились к тому, что мы могли бы избежать этого дополнительного и серьезного риска, связанного с проведением новой десантной операции, путем простой переориентации на Средиземноморье всех имеющихся военно-воздушных, сухопутных и военно-морских сил. При этом они считали, что, резко активизируя боевые действия в Италии, высадившись в Югославии, захватив остров Крит, острова Додеканес и Грецию, мы могли бы нанести немцам серьезный удар, не подвергая себя опасностям, которые таятся в крупной операции против Северо-Западной Европы. Мой штаб, в том числе и английские офицеры, продолжал поддерживать выводы, принятые полтора года назад, что только в наступлении через Ла-Манш будут сосредоточены все наши силы и только там будут достигнуты решающие результаты.

Так как позднее высадка в Нормандии была успешно осуществлена без значительных потерь, теперь легко игнорировать те реальные опасности, которые таил в себе план. Если бы мы потерпели катастрофическую неудачу, то те, кто сегодня критикует нашу обеспокоенность тех дней, самым шумным образом осуждали бы всех, кто настаивал на осуществлении плана "Оверлорд". Противники этого плана опасались одного, а именно повторения позиционных боевых

действий, как во времена Первой мировой войны. У англичан были еще свежи в памяти горькие воспоминания о Пашендейле и Вими-Ридже. Никто из нас не хотел повторения этих событий. Более того, рейд на Дьепп летом 1942 года не предвещал легкого захвата самих плацдармов. Этот рейд, осуществленный усиленной группой канадских войск, закончился большими потерями. Из него мы извлекли ряд уроков, которые позднее учли в наших планах, однако заплаченная канадскими войсками цена за эти уроки все еще терзала нас.

Памятуя об этом опыте прошлого, многие, в том числе и некоторые американцы, были склонны найти возможность избежать риска, связанного с наступлением через Ла-Манш, и вместо этого развернуть в Италии и других районах Средиземноморья кампании с предельным использованием боевых сил союзников.

Однако я никогда не слышал, чтобы Черчилль предлагал полностью отставить план "Оверлорд". Его мнение, насколько я мог понять, сводилось к тому, что в какое-то время союзникам придется пересечь Ла-Манш. Но, по-видимому, он считал, что мы должны наступать где-то в другом месте до того момента, когда противник будет вынужден отвести из Северо-Западной Европы большинство своих войск, и тогда союзники легко и надежно смогут осуществить вторжение.

Точка зрения, изложенная союзным штабом на Каирской конференции, заключалась в том, что предусмотренные задачи Итальянской кампании уже решены, а именно заняты рубежи, прикрывавшие захваченные нами аэродромы у Фоджи, и Неаполь с его портом для снабжения фронта. Мы соглашались с тем, что союзные армии на Средиземноморском театре военных действий оказали бы огромную помощь в проведении операции в Северо-Западной Европе, если бы они смогли быстро продвинуться вперед и сосредоточиться в долине реки По. Из этого района союзные войска создавали бы угрозу наступления на Францию через горные дороги Ривьеры. Они могли бы наступать и в северо-восточном направлении к Триесту и Люблянскому горному проходу и дальше в Австрию, а также предпринять по кратчайшим водным путям десантные операции в Южной Франции либо через Адриатику.

Однако наступление на долину реки По, по нашему мнению, было возможно в течение зимы 1943/44 года только в том случае, если будет немедленно прекращена отправка войск из Средиземноморского региона в Англию и союзные силы будут доведены здесь до максимальных размеров. Мы считали, что наличными силами нельзя было достигнуть долины реки По до

наступления летнего периода, когда погодные условия вновь позволят в полной мере использовать авиацию, сухопутные войска и военно-морской флот.

Это означало, что перед войсками на Средиземноморском театре военных действий следовало поставить более скромные задачи, ибо обеспечение захвата долины реки По неизбежно привело бы к привлечению из Англии такого большого количества войск и боевой техники, что операцию через Ла-Манш стало бы невозможно осуществить весной 1944 года.

Мое предложение тогда, как и прежде, состояло в том, что не следует предпринимать никаких операций на Средиземноморском театре военных действий, за исключением тех, которые будут непосредственно содействовать наступлению через Ла-Манш, а наша запланированная переброска войск в Англию должна проводиться максимально ускоренными темпами. Очевидно, на Средиземноморье надо было сохранить достаточные силы, чтобы удержать за собой то, что уже отвоевано у противника, и заставить его держать здесь значительное количество своих войск.

Таково было решение, принятое на Каирской конференции, и отправка наших войск и боевой техники из Италии в Англию продолжалась без задержек. Было, разумеется, подчеркнуто нам значение захвата Рима, поскольку это оказывало бы психологическое воздействие на противника, в частности, на это обращал внимание Черчилль. Мне вновь представилась возможность провести частные беседы с президентом, и в ходе одной из них он без особых формальностей вручил мне орден "За заслуги". Его разговоры касались больше послевоенных проблем, чем непосредственных операций. Он сообщил мне свою идею послевоенной оккупации Германии и с пониманием выслушал мое мнение, что управление оккупированной страной должно стать делом гражданских правительственных органов, как только обстоятельства позволят осуществить это. Он заговорил о внутренней политике в США только для того, чтобы сказать, что, как бы он и не хотел вернуться обратно к частной жизни, похоже, что ему опять придется выдвинуть свою кандидатуру на пост президента на очередной срок.

Однажды вечером генерал Маршалл пригласил меня и некоторых других офицеров на обед. Это был прекрасный американский обед с индейкой и со всем тем, что подается к ней.

В каирской поездке для меня лично был приятный сюрприз, когда Маршалл приказал мне взять двухдневный отпуск для отдыха. Я использовал эти два дня для посещения древнего египетского города Тебессы и на несколько часов слетал в

Иерусалим. Я впервые увидел эти места и с большим интересом рассматривал остатки древних цивилизаций. На короткое время я забыл постоянные заботы, связанные с военными проблемами.

Глава 12. Италия

Президент и сопровождавшая его группа советников направились из Каира в Тегеран, а я вернулся в свой штаб, передовой эшелон которого тогда перемещался в Казерту - замок возле Неаполя. По моему настоянию стали спешно разрабатываться планы по переброске сюда всего штаба. Я хотел быть ближе к району боевых действий. Наши дела в Африке уже не имели столь существенного для нас, как раньше, значения, а потребность в африканских портах постоянно уменьшалась, по мере того как налаживалась доставка морем боевых грузов непосредственно через захваченные итальянские порты; кроме того, перемещение штаба - всегда хорошее дело, если его персонал начинает слишком фундаментально "окапываться", как это было в Алжире или когда руководящие лица слишком много заботятся об удобствах своей жизни вдали от войск и реальных проблем войны.

Моя поездка на фронт сразу после Каирской конференции еще раз убедила меня в обоснованности наших взглядов, что зимние операции в Италии будут сопровождаться исключительными лишениями и трудностями, особенно в связи с тем, что они будут проводиться без постоянной поддержки господствующей в воздухе нашей авиации. Я понимал, что для поддержания морального духа войск потребуются четкое руководство операциями и максимальные усилия всех командиров. И поэтому я со штабом стремился находиться поближе к войскам, чтобы помочь им в этом.

Новый вид техники, которую мы начали получать примерно в это время, оказался для нас настоящей находкой. Это был танковый бульдозер. Где бы немцы ни уступили нам хоть фут земли, они делали все, чтобы каждый путепровод и мост на прескверных дорогах был взорван. Участки дороги, прорезанные, в отвесных горных скалах, тоже разрушались. Для восстановления дорог хотя бы до некоторой степени эксплуатационной пригодности мы использовали всегда имеющиеся в войсках обычные бульдозеры. Но им приходилось работать иногда даже на переднем крае, чтобы обеспечить доставку войскам необходимых боеприпасов и предметов снаряжения, а также эвакуацию раненых.

Противник отвечал на это огнем скрытых пулеметов и орудий, выводя из строя обслуживающий персонал, а иногда и сам бульдозер. Какой-то изобретательный и разумный человек в

США, услышав об этих наших трудностях, предложил решить всю проблему путем простого превращения некоторого числа "шерманов" в бульдозеры. Этим танкам не был опасен никакой огонь из стрелкового оружия, их можно было вывести из строя только крупнокалиберным снарядом или большой противотанковой миной. И с этого времени безопасность наших саперов на переднем крае была обеспечена, и теперь они даже искали себе такого рода рискованные работы. Никто из нас не мог выяснить личность человека, предложившего и разработавшего эту идею, но если бы он оказался среди нас, то получил бы под шумное одобрение все медали, какими мы могли наградить его.

Основная цель при проведении вспомогательной операции состоит в том, что она достигается путем привлечения минимально возможных сил и заставляет противника распылять свои войска, расходовать гораздо больше ресурсов по сравнению с нами. Очевидно, в ходе этой вспомогательной операции должна создаваться угроза захвата важных для противника объектов, а наши силы должны быть достаточно мощными и убедительными для него. Если эти условия не соблюдаются, противник может позволить себе игнорировать все наши усилия.

По ряду соображений мы были уверены, что противник отреагирует на наши действия и будет держать свои войска в предельном напряжении. Психология завоевателя вынуждала его поступать именно так; она заставила его продолжать доставлять в Тунис войска и боевую технику еще долго после того, как для него уже не осталось никаких шансов исправить положение на фронте. Он так же поступал, хотя и в меньших масштабах, на острове Сицилия. Теперь же немцы придавали очень существенное психологическое значение Риму и стремились сохранить за собой экономически важные промышленные районы Северной Италии.

При нашем господстве на море и прочном положении в Неаполе мы могли значительно легче поддерживать активные действия в Южной и Центральной Италии, чем противник, который должен был доставлять сюда подкрепления по трудным извилистым дорогам через Альпы. Теперь наша проблема сводилась к тому, чтобы сковать вражеские силы, а самим избегать отвлечения сил и средств, которые могут быть использованы в операции "Оверлорд". Мы должны были следовать плану, который не допускал дорогостоящих наступательных операций и огромных расходов материальных ресурсов, но который должен был держать противника в напряжении и прежде всего не позволять ему сокращать свои усилия в Италии, иначе

высвободившимися войсками противник смог бы укрепить свои позиции в Северо-Западной Европе.

Я надеялся провести в зимний период ряд тщательно спланированных небольших наступательных операций с гарантией на успех каждой из них; это диктовалось общей задачей этого второстепенного фронта и необходимостью поддерживать боевой дух в войсках, которые неизбежно окажутся в тягостных условиях зимы в Италии.

С наступлением осени установилась отвратительная погода. В связи с этим американские солдаты часто с сарказмом говорили о "солнечной" Италии. Железные дороги были разрушены, мосты взорваны, а многие участки дорог вздулись от дождей, и потому наступление затруднялось даже без противодействия со стороны немцев. Сама местность была идеальной для оборонительных действий. Она была перерезана множеством рек, больших и малых, большинство которых оказалось на пути наступления наших войск. Некоторые из рек так сильно петляли, что их приходилось форсировать по несколько раз. Так, передовые части 34-й дивизии трижды пересекали реку Вольтурно. Однажды ночью заместитель командира дивизии бригадный генерал Каффи возвращался с передовых рубежей на своем джипе. Водитель заметил, что не может понять эту "безумную" страну. Генерал спросил его, почему он так думает об Италии. Ответ солдата был просто классическим: "Ну как же, ведь каждая река в этой глупой стране называется Вольтурно".

В горных проходах немцы создали почти неприступную для фронтальных атак оборону. Изобретательность и находчивость янки здесь были испытаны до предела. Вскоре после захвата горы Самино мне показали место, где для осуществления обхода с фланга одного из сильно укрепленных опорных пунктов в горах небольшому отряду пришлось проявить мастерство поистине классных альпинистов. С помощью веревок несколько человек взобрались по почти отвесным скалам на самый верх утесов. Я так и не мог понять, как они, обремененные личным боевым снаряжением, сумели преодолеть эти крутые скалы. Думаю, что любой альпинист с сомнением осмотрел бы это место, прежде чем попытаться взобраться наверх. Тем не менее отряд поднялся на утесы, выявил местонахождение командного пункта немецкой роты, напал на него и захватил командира роты. "Вы не можете быть здесь! Невозможно взобраться на эти скалы!" - воскликнул капитан.

Местность перед фронтом как американской 5-й, так и английской 8-й армий была исключительно неблагоприятной для наступательных действий - на участке американской армии она

была более гористой. В полосе наступления армии Монтгомери главными препятствиями стали реки, грязь и противник.

К 15 ноября 1943 года 5-я армия состояла из американских 3-й, 34-й, 45-й пехотных, 82-й воздушно-десантной и 1-й бронетанковой дивизий и английских 46-й, 56-й пехотных и 7-й бронетанковой дивизий. Однако 1-я бронетанковая дивизия еще была не полностью доставлена в Италию, а 82-я воздушно-десантная и 7-я бронетанковая дивизии должны были вскоре направиться в Англию. В 8-й армии Монтгомери было шесть дивизий: английские 5-я, 78-я, канадская 1-я, индийская 8-я, новозеландская 2-я и английская 1-я воздушно-десантная.

В конце года мы подготовили к переброске из Северной Африки в Италию французский корпус под командованием генерала Жюэна. Для обеспечения достаточных сил для Итальянской кампании, которая, как я считал, будет серьезной помощью более поздним операциям в Северо-Западной Европе, я обратился в Вашингтон с предложением усилить американские войска в Италии двумя или тремя новыми дивизиями, как только это будет возможно.

2 декабря 1943 года произошел наиболее прискорбный и тревожный инцидент в порту Вари. Мы использовали этот порт для снабжения 8-й армии и военно-воздушных сил, которые мы быстро наращивали в Италии. В порту Бари постоянно находилось большое число судов, хотя сам порт располагался на опасно близком расстоянии от некоторых авиационных баз противника на противоположной стороне узкого Адриатического моря.

Ночью порт и гавань подверглись воздушному налету, и мы понесли самые крупные потери от действий вражеской авиации за весь период кампаний на Средиземноморском театре военных действий и в Европе. Мы потеряли шестнадцать судов, некоторые из них с исключительно ценным грузом. Самый большой урон принесло прямое попадание бомбы в танкер, из которого хлынули потоки горящего топлива, и пламя охватило многие соседние суда. Однако одно обстоятельство, связанное с этим налетом, могло иметь самые тяжелые последствия. Одно из судов было загружено ипритом, который мы были вынуждены всегда иметь при себе в силу неуверенности относительно намерений немцев использовать это оружие. К счастью, ветер дул со стороны берега. Если бы ветер оказался со стороны моря, то произошла бы серьезная катастрофа. Действительно, какое можно дать объяснение? Кто поверил бы, что мы производили химические отравляющие вещества и возили их с собой только для репрессивных целей в случае внезапного применения

противником отравляющих веществ?

В итоге этого прискорбного события была резко улучшена работа службы воздушного наблюдения, оповещения и связи в противовоздушной обороне военно-морских, сухопутных и авиационных сил. Это был последний серьезный удар, который получили войска от вражеской авиации в мою бытность командующим на Средиземноморском театре военных действий.

Этот инцидент ясно показывает, что война всегда ведется скорее в сфере возможного и предполагаемого, нежели в сфере определенно известного. Излишняя уверенность относительно будущего никогда не оправдывается! Во второй половине дня накануне воздушного налета на Бари маршал авиации Артур Каннингхэм, командующий английской авиацией, поддерживавшей 8-ю армию, провел пресс-конференцию. Немецкая авиация была в такой степени разгромлена и почти полностью устранена от боевой деятельности, что, по Оценке Каннингхэма, она более не имела возможности вмешиваться в операции. Перед собравшимися репортерами он категорически заявил: "Я бы рассматривал как личное оскорбление, если бы люфтваффе попытались предпринять в этом районе какую-либо существенную операцию". На следующее утро он был наверняка более чем огорошен. Друзья Каннингхэма из прессы никоим образом не позволяли ему забыть его категорическое и необоснованное заявление за день до налета.

Перед Рождеством, когда я последний раз посетил наши войска в Италии, наш фронт в целом подошел к рубежу Ортона, Ариели, Орсогна, восточный берег рек Сангро, Пессия и Гориглиано. Затяжное и кровопролитное сражение за гору Касино началось уже после моего отъезда с этого театра военных действий. Для солдата на фронте переименование высшим командованием его фронта во второстепенный не имеет существенной разницы. В данном случае оно определенно не означало для него никакого улучшения. Прошли сильные дожди, реки вздулись, превратились в бурные потоки. День ото дня становилось все холоднее. Люди и машины тонули в грязи. Однако упорные бои непрерывно продолжались.

Противник со своих огневых позиций, зачастую устроенных в прочных скалах, перекрывал все подступы, и каждый дюйм земли отвоевывался только изматывающими обходами по склонам гор, уничтожением огневых точек противника с помощью подрывных зарядов, "выкуриванием" вражеских солдат из их прочных укрытий.

В начале декабря я получил известие, что президент будет возвращаться в Соединенные Штаты через наш район. Я

направился в Тунис, чтобы встретить его. За несколько часов до прибытия президента ко мне поступила несколько искаженная радиограмма от генерала Маршалла, в которой излагались некоторые детали, связанные с моим предстоящим назначением на новый пост. Когда Маршалл составлял эту радиограмму, он, видимо, полагал, что я уже получил соответствующую информацию по этому вопросу через каналы штабной связи. Однако я, не имея никакой информации, не мог четко понять суть этой депеши. Президент прибыл во второй половине дня и внес полную ясность в этот вопрос одним кратким предложением: "Итак, Айк, вы будете командовать операцией "Оверлорд".

Поскольку мне нужно было сразу же обсудить с ним некоторые детали на следующий день, у нас в тот момент не было возможности поговорить о моем новом назначении, но я все-таки сумел сказать: "Господин президент, я понимаю, что такое назначение было делом нелегким. Но я надеюсь, что вы не будете разочарованы".

Остальную часть дня мы провели в приготовлениях к поездке президента на Мальту и Сицилию. На Мальте он хотел объявить Горту и гарнизону острова благодарность за мужественную оборону в 1941 и 1942 годах, а на Сицилии хотел лично осмотреть американский аэродром и вручить генералу Кларку награду. Оба эти его желания осуществились, однако в силу задержки на Мальте из-за неисправности его самолета президент не мог продолжить свой путь домой в тот день, как было запланировано. Сотрудники секретной службы проявляли раздражение и высказывали опасения, но президент по секрету сообщил мне, что он решил остаться в Карфагене еще на одну ночь, и если бы для задержки не нашлась весомая причина, он придумал бы ее сам. Я заметил, что, вероятно, никто не будет ставить под сомнение право президента Соединенных Штатов определять план своей поездки. Он выразительно ответил: "С секретной службой спорить не приходится!"

Во время этого посещения нашего театра военных действий президент несколько раз в беседах возвращался к вопросу о моем предстоящем переводе в Лондон. Он сказал, что назначил меня командующим операцией "Оверлорд" с полного согласия генерала Маршалла и что, по его мнению, фактор времени уже не позволяет допускать дальнейших отсрочек с назначением командующего. Он также сказал, что первоначально намеревался назначить на этот пост генерала Маршалла, заметив, что старших офицеров следует пропускать через разные командно-штабные должности, разделяя между ними тяжести и почести штабной и командной работы. Однако после обстоятельного обдумывания

этого вопроса он пришел к заключению, что нецелесообразно отправлять Маршалла из Вашингтона и тем более с его поста в Объединенном англо-американском штабе. Президент сказал, что именно господствующее положение Маршалла в этом штабе всегда внушало остальным чувство уверенности в решениях, принимаемых этим органом. Он добавил, что, хотя англичане с радостью встретили бы назначение Маршалла на пост командующего операцией "Оверлорд", факт остается фактом: ближайшие советники президента остались довольны таким решением.

Президент был серьезно обеспокоен двумя вопросами, которые мне казались несущественными, но которым как Рузвельт, так и Гопкинс придавали особое значение. Первым из них был выбор времени для публичного заявления об этом назначении. В конце концов было решено, что президент сделает такое заявление из Вашингтона, до этого заявления вопрос о моем новом назначении будет сохраняться в тайне. Вторым вопросом являлся мой будущий титул в качестве командующего операцией "Оверлорд". В ходе беседы президент несколько раз произносил слово "верховный", но тогда он не принял никакого решения, а просто сказал, что должен придумать такое название, которое соответствовало бы той важности, какую союзники придавали новому предприятию.

Спустя несколько дней после отъезда президента я получил от генерала Маршалла клочок бумаги, который до сих пор является самым дорогим для меня воспоминанием о Второй мировой войне. Подлинную ценность этому неофициальному сообщению придает приписка самого Маршалла. Уже в конце 1943 года появились неверные и злостные сплетни, будто Маршалл и я затеяли частную вендетту за пост командующего операцией "Оверлорд". Многие из моих друзей знали, что я с большей охотой остался бы где-либо в войсках, чем вернулся в Вашингтон на штабную работу. Тем не менее ни я, ни Маршалл никогда не опускались до того, чтобы добиваться какого-либо назначения - ни в мирное, ни в военное время. Я, как и Маршалл, - и это я знаю твердо - никогда никому не высказывал своего предпочтения на занятие того или иного поста. На самом деле я бы предпочел, чтобы меня оставили командующим на Средиземноморском театре военных действий.

Внимательность Маршалла, проявленная в отправке мне этой записки, которую, он знал, я буду исключительно высоко ценить, была, безусловно, не актом недовольного и потерпевшего поражение соперника в борьбе за должность. Я никогда не обсуждал этот вопрос непосредственно с ним, однако всегда был

уверен, что идея поставить меня во главе операции "Оверлорд" принадлежала ему. С тех пор как я впервые встретил генерала Маршалла в начале войны, я испытывал к ему только глубокую преданность и уважение и уже информировал президента о своем убеждении, что никто другой не может возглавить операцию "Оверлорд" с наибольшей перспективой на успех, как Маршалл. Тогда я верил и теперь верю, что в руководстве войсками на фронте он был бы столь же выдающейся фигурой, как и при решении сложных задач в Вашингтоне.

Конечно, выбор моей кандидатуры на этот важный пост означал огромную честь и выражение уверенности в моих возможностях, и я это хорошо осознавал и ценил. Тем не менее всегда появляется некоторый эмоциональный спад в настроении, когда командующего снимают с решения одних задач и переводят на другие. В процессе работы он настолько привязывается к близким друзьям и помощникам и привыкает к бесчисленному множеству сложных проблем, что почти испытывает шок при мысли, что ему вновь придется заниматься наращиванием боевых частей, сколачиванием штабов и разработкой планов для осуществления другой операции. Но главное заключалось в том, что в то время первая кампания была в самом разгаре и мне и всем тем, кого я брал с собой, приходилось на несколько месяцев покинуть арену непосредственных и ожесточенных боевых действий, чтобы снова заняться изучением, проверками и планированием.

Командная структура, существовавшая на Средиземноморском театре военных действий в Рождественские дни 1943 года, явилась итогом эволюционного процесса, начатого еще в Лондоне в лихорадочные дни лета и осени 1942 года.

Мы вступили в Африку в ноябре 1942 года, имея предвзятые мнения о районах, в которых английские и американские войска будут использованы. Командная структура была разработана в соответствии с ожидаемой обстановкой. Как только мы обнаружили, что наши военные потребности радикально отличаются от тех, что мы ожидали, нам пришлось начать реорганизацию командования и штабов. Урок был ясен: в новом предприятии мы должны избежать необходимости крупного пересмотра командной структуры в разгар боевых действии и создать такую систему командования, разумность и гибкость которой будут отвечать любым возможным непредвиденным обстоятельствам в бою.

Наш опыт на Средиземноморье еще раз подтвердил ту истину, что единство, взаимодействие и сотрудничество являются ключами к успеху операций. Война ведется в трех сферах, но нет

отдельной сухопутной, воздушной или морской войны. Пока сухопутные войска, ВВС и ВМС, действующие в трех сферах, не будут должным образом объединены и скоординированы в своих действиях против правильно выбранной общей цели, их максимальная потенциальная мощь не может быть реализована. Физические цели могут быть разъединены шириной континента или океана, но их уничтожение должно в максимальной степени содействовать осуществлению единого плана операции. Это и означает взаимодействие.

Мне потребуются командиры, понимающие не только эту истину, но и важность морального духа и продемонстрировавшие на практике способность создавать и поддерживать в подчиненных им войсках высокое моральное состояние. Моральный дух является величайшим фактором для ведения успешной войны. Все другие факторы, воздействующие на обе стороны, - руководство, дисциплина, техника, численность, оснащение, мобильность, снабжение и техническое обслуживание и ремонт - являются предпосылками существования высокого или низкого боевого духа. Успех быстро порождает высокий моральный дух, но хорошие командиры поддерживают боевой дух в войсках даже при длительных периодах невезения. Методы, используемые способными командирами для поддержания боевого духа, настолько разнообразны, что трудно установить здесь какие-либо правила. Однако одно положение всегда остается верным: в любой длительной и ожесточенной кампании моральное состояние будет ухудшаться, если подчиненные всех рангов и званий не будут абсолютно уверены, что их командиры заботятся прежде всего о благополучии войск, ведущих боевые действия. Человеческое понимание интересов подчиненных и естественное общение с ними на основе равенства являются более важным обстоятельством, чем любая степень технического мастерства.

Я был рад иметь главного маршала авиации Теддера в качестве своего заместителя по операции "Оверлорд". На Средиземноморском театре военных действий он завоевал глубокое уважение всех коллег не только как блестящий офицер ВВС, но и как твердый сторонник "союзнического" принципа в том виде, в каком он претворялся в жизнь. Мне разрешили также взять с собой моего начальника штаба генерала Смита, без которого было бы трудно создать штаб для руководства огромной союзнической операцией. Как я понял, либо генерал Александер либо генерал Монтгомери могли быть переведены для руководства английскими войсками в новой операции, и я отдал предпочтение Александеру, главным образом потому, что я был

тесно связан с ним, восхищался им и с годами у нас с ним сложилась искренняя дружба.

В конечном счете Черчилль, однако, решил, что Александера не следует снимать с Итальянского фронта, который будет оказывать важное влияние на ведение операции, предпринимаемой летом следующего года, и от которого премьер-министр все еще надеялся получить почти решающие исход войны результаты. Поэтому генерал Монтгомери был назначен командующим английскими войсками в новой операции. Этот выбор был для меня вполне приемлем. Генерал Монтгомери обладал двумя очень важными особенностями личного порядка, в которых оставался непревзойденным. Первая - способность быстро завоевать среди английских солдат глубокую преданность себе и вызвать их восхищение. Это было величайшее личное достоинство, каким командир может обладать. Вторая выдающаяся черта Монтгомери - его способность к тактике. Он осторожен и точен при оценке противника и общей обстановки, уверенно руководит действиями подчиненных ему танковых и пехотных соединений, артиллерией и авиацией.

Я был особенно доволен назначением адмирала Рамсея командующим военно-морскими силами, выделяемыми для операции "Оверлорд". Адмирал Каннингхэм уехал от нас за несколько недель до этого, чтобы занять пост начальника главного морского штаба. Рамсей был знающим командиром мужественным, изобретательным, обладающим неисчерпаемым запасом энергии. Более того, все мы знали его как полезного и общительного человека, хотя иногда смеялись между собой над его педантичностью, с какой он соблюдал традиции английского военно-морского флота как главного вида вооруженных сил.

Накануне Рождества, зная, что президент Рузвельт должен выступить с важной речью, мы все слушали радио. В этом выступлении президент впервые сделал публичное заявление о моем переводе на должность командующего операцией "Оверлорд" и назвал мой новый титул Верховный командующий союзными экспедиционными силами. Титул звучал очень внушительно, на что мой военно-морской помощник капитан 2 ранга Батчер заметил, что его крупной проблемой на следующей неделе будет изготовление соответствующих канцелярских бланков с указанием моего величественного титула.

Одно из наиболее важных событий, в которых я участвовал на заключительном этапе моего пребывания на Средиземноморском театре военных действий, произошло в день Рождества 1943 года, когда я только что завершил еще одну поездку по Итальянскому фронту и затем вылетел в Тунис, где встретился с премьер-

министром. Здесь находились новый командующий войсками на Средиземноморском ТВД генерал Вильсон вместе с генералом Александером и некоторыми штабными офицерами. Предметом обсуждения был план десантной операции против Анцио. Операцию нельзя было начать раньше января, то есть до моего отъезда, и мои выводы по этому вопросу не имели решающего значения. Тем не менее я был вовлечен в обсуждение этого плана в силу того, что при десантировании войск у Анцио задерживалось определенное количество десантно-высадочных средств, которые в соответствии с графиком должны быть в это время отправлены в Англию для участия в операции "Оверлорд". На это требовалось мое согласие.

Из общей обстановки, сложившейся тогда на Итальянском фронте, становилось ясно, что для устойчивого продвижения наших войск вверх по Апеннинскому полуострову понадобится осуществить ряд операций по обходу противника предпочтительно с обоих флангов путем высадки десантов с моря. Фронтальное наступление на противника, занимавшего оборонительные рубежи в гористой местности, было бы медленным и крайне дорогостоящим. Фактический вопрос, который нужно было решить, сводился к тому, чтобы установить, будет ли наилучшим образом достигнута цель союзников, если для проведения таких операций выделить достаточные ресурсы, чтобы поддерживать темп наступления, или, наоборот, нам следует вести небольшие, хорошо подготовленные наступательные действия в горах с ограниченными целями, но при максимальной экономии сил и средств. Пока что ни войск, ни десантно-высадочных средств не имелось в количестве, достаточном для того, чтобы предпринять в крупных масштабах операции на обоих флангах, а поскольку последующую поддержку такой операции было бы сравнительно легче осуществлять на западном побережье полуострова, то и десантирование там было бы более реальным делом.

Я согласился с намерением продолжать наступление, но отметил, что десантирование двух частично недоукомплектованных дивизий у Анцио, за сотню миль от места , действий основных сил, будет рискованным делом и не вынудит немцев отойти на новый рубеж обороны. Военная стратегия может иметь некоторую аналогию с шахматами. Однако опасно эту аналогию проводить слишком далеко. На шахматной доске нужно защитить короля, которому угрожает опасность, а на войне он может и сам дать бой. Нацисты вовсе не решили уходить из Африки или с Сицилии только потому, что возникла угроза их тылам. Наоборот, они подбрасывали подкрепления и сражались

до конца. В данном случае, конечно, одна из главных задач состояла в том, чтобы побудить противника усилить свои войска в Италии, но не менее важным было и то, чтобы он сделал это при минимальных затратах с нашей стороны. Именно с этой точки зрения я настаивал на внимательном рассмотрении всего плана. Я доказывал, что у Анцио придется сосредоточить несколько хорошо оснащенных дивизий, для того чтобы добиться существенных результатов. Я отметил также, что из-за большого расстояния до Анцио быстрое наращивание там сил для наступления будет затруднено, а десантно-высадочные средства придется надолго задержать здесь, прежде чем их можно будет отправить в Англию.

Тем не менее премьер-министр был решительно настроен осуществить эту операцию. Он и его военные советники были уверены, что операция завершится большим и быстрым успехом, а десантно-высадочные средства будут высвобождены сразу же, как только две дивизии закрепятся на плацдарме. Хотя я и повторил предостережения относительно возможного исхода, но поверил их твердому обещанию в установленные сроки высвободить десантно-высадочные средства, которые потребуются в Англии, и согласился рекомендовать американскому комитету начальников штабов оставить эту боевую технику на Средиземноморском ТВД дополнительно на две недели.

В конечном счете операция с десантированием у Анцио щедро окупилась, однако на начальных стадиях она развивалась точно так, как предсказывал мой штаб. Кроме того, десантно-высадочные средства, предназначенные для переброски в Англию, пришлось оставить там еще на значительное время, чтобы быстрее доставлять подкрепления на плацдарм, где высадившиеся войска оказались под сильным давлением со стороны противника. К счастью, это обстоятельство не причинило ущерба приготовлениям к операции "Оверлорд". Однако, прежде чем были достигнуты ощутимые результаты, войска на плацдарме возле Анцио пришлось довести до численности более шести дивизий. Бои велись в неблагоприятных условиях в течение почти четырех месяцев. С другой стороны, высадка десанта у Анцио, несомненно, убедила Гитлера, что мы намеревались проводить Итальянскую кампанию как крупную операцию, и он усилил свои армии в Италии восемью дивизиями. Это создало большое преимущество для союзников в другом месте{20}.

В связи с предстоящим в скором будущем моим выездом в Англию у меня оказалась масса дел, требовавших завершения на этом театре военных действий. Меня не покидало чувство беспокойства по поводу предпринимаемой операции у Анцио, и я

с тревогой узнал, что мой план сосредоточения в Казерте штаба союзных войск отменяется. Это решение я воспринял как непонимание командующим обстановки на фронте и своих обязанностей: несмотря на огромную занятость важными проблемами, он никогда не должен терять связи со своими войсками. Он может и обязан поручать выполнение отдельных задач командирам на местах, чтобы избежать вмешательства в функции своих подчиненных, но при этом он должен поддерживать с ними теснейшие контакты, иначе в крупной кампании потерпит неудачу. Эти контакты требуют частых выездов в войска. Командующий союзными силами находит, что эти визиты в войска других стран неизбежно приобретают характер прискорбной формальности, но он может и обязан избегать церемоний при посещении войск своего государства.

Это не сложное дело - переложить на другого ответственность за руководство операциями. Основная часть штабных работников и высшего командного состава оставалась на ТВД. Они были знакомы с планами и имели представление о наличных ресурсах, как и новый командующий английский генерал Вильсон, который до этого длительное время командовал войсками в Восточном Средиземноморье. В день Рождества он находился в Тунисе и присутствовал на совещании с участием премьер-министра, на котором был сделан исчерпывающий обзор всей военной обстановки. Мэрфи и Макмиллан оставались при Вильсоне в качестве политических советников. Следовательно, мне нечего было опасаться, что он может попасть в затруднительное положение по той причине, что он не знаком с основными французскими деятелями, с планами вооружения французских войск и американским правительством.

Однако оставалось много работы чисто административного характера. Помимо исполнения обязанностей командующего союзными силами, я, разумеется, также возглавлял американские войска на ТВД. Управление таким количеством войск с их вечными проблемами снабжения, ремонтно-восстановительных работ, пополнения, присвоения званий, продвижения по службе, снижения в звании, огромной переписки с военными министерствами было очень сложным делом, зачастую требующим личного участия в их решении.

Одним из первых вопросов, требовавших быстрого решения, был выбор американского офицера на должность заместителя генерала Вильсона. На него можно было бы возложить все административные функции в отношении американских войск на этом театре военных действий. Это породило проблему занятия высоких постов американцами на обоих ТВД, а генерал Маршалл

и я, конечно, хотели назначить на эти должности таких людей, деловые качества которых в наибольшей степени содействовали бы успешному ведению войны.

В то время мои соображения относительно наилучшей расстановки американских командиров на двух ТВД были изложены в телеграмме, направленной мной генералу Маршаллу 23 декабря 1943 года:

"Не вижу необходимости на ранних стадиях операции "Оверлорд" иметь английского и американского командующих группами армий. Фактически наличие любой из таких групп оказало бы пагубное влияние на взаимодействие между сухопутными и воздушными силами. Я искренне надеюсь, что, когда появится необходимость в командующих группами армий, с американской стороны будет назначен офицер, уже получивший боевой опыт в этой войне. Я бы предпочел иметь на посту командующего американской группой армий генерала Брэдли, если в операции "Оверлорд" будет участвовать более одной армии. Командующим одной из его армий следовало бы, вероятно, назначить Паттона; командующим другой армией мог бы быть офицер, проявивший себя в ходе операции "Оверлорд", или альтернативно кто-либо наподобие Ходжеса или Симпсона при условии, что такой офицер может прибыть в Англию несколько раньше и сопровождать Брэдли на первых стадиях операции.

Мне кажется, что Брэдли следует возглавить американские войска десанта и стать командующим группой армий, когда в этом будет необходимость.

Я направил вам в Вашингтон обстоятельное письмо, в общих чертах изложив в нем свои соображения относительно структуры американского командования как здесь, так и в операции "Оверлорд". Надеюсь, что письмо будет уже ждать вас, когда вы прибудете в Вашингтон, но в этой телеграмме я кратко изложил его содержание в порядке предварительной информации. Командующим американскими войсками здесь, на Средиземноморском театре военных действий, следовало бы назначить Деверса, оставив генерала Кларка свободным, чтобы в подходящий момент он мог принять командование операцией "Анвил" на себя".

Высокое мнение о Брэдли, сложившееся у меня еще в дни совместной учебы в Вест-Пойнте, с каждым днем закреплялось в течение тех месяцев, которые мы вместе провели на Средиземноморском ТВД. По моей просьбе он прибыл в Африку в феврале 1943 года в звании генерал-майора, чтобы помочь мне в роли, как мы говорили, моих "глаз и ушей". Ему было

предоставлено право в любое время по его усмотрению посещать американские войска, чтобы на месте знакомиться с положением дел и докладывать мне обо всем, что, по его мнению, необходимо довести до моего сведения. Он особенно подходил для такого рода деятельности не только в силу нашей давней дружбы, но и благодаря его способностям и репутации здравого, старательного и широко образованного офицера. Вскоре после его прибытия в Африку он был назначен заместителем командира американского 2-го корпуса, ведшего в то время бои в районе Тебессы. 16 апреля 1943 года он был выдвинут на должность командира этого корпуса и на этом посту проявил большие способности к руководству войсками. Он строго относился к своим солдатам, но при этом был исключительно справедлив. К этому следует добавить, что, эмоционально устойчивый, он обладал способностью схватывать суть крупных проблем, и это ясно указывало на то, что он может занимать высокие посты. Я с надеждой ожидал возобновления наших близких отношений в ходе операции по вторжению через Ла-Манш.

Я предвидел некоторую возможность трений из-за назначения Брэдли командующим американскими сухопутными войсками в операции "Оверлорд", поскольку я также намеревался взять сюда и Паттона, при условии его согласия, но при этом его служебное положение будет ниже, чем у Брэдли, хотя оба они в Сицилийскую кампанию успешно занимали равные посты. Они были моими близкими друзьями в течение многих лет, и я знал, что каждый из них лояльно примет любое назначение. Однако я надеялся, что Паттон, обладая данными для руководства определенным видом боевых операций, всем сердцем поддержит задуманный мной план. У меня состоялся откровенный разговор с ним, и я с радостью узнал о его полном согласии принять должность командующего армией, к которой он лично подходил идеально. В тот момент он не желал более высокого поста. Рядом с этими двумя способными и опытными офицерами, которых предполагалось использовать в операции "Оверлорд", я не видел особой нужды иметь еще генерал-лейтенанта Джекоба Деверса, командовавшего тогда американскими силами на территории Соединенного Королевства. Девере пользовался репутацией прекрасного администратора. В Африке эти его качества были бы особенно важны, в то время как отсутствие у него боевого опыта не имело бы там очень серьезного значения, поскольку американские боевые операции в Италии находились под контролем генерала Кларка, командовавшего американской 5-й армией. Военное министерство согласилось с этими соображениями, и генерал Девере получил приказ направиться на

Средиземноморский ТВД в качестве старшего американского офицера в этом регионе.

Я хотел также взять с собой в Англию генерала Спаатса. По соглашению, достигнутому на Каирской конференции, американские стратегические бомбардировщики на Средиземноморье и в Англии должны были быть объединены под одним оперативным командованием, и это обстоятельство, как никогда раньше, требовало его перевода в Англию, откуда планировалось предпринять главные усилия против врага. Было решено направить из Англии генерал-лейтенанта Икера на Средиземноморский ТВД в качестве командующего американской авиацией. В Англию вместо Икера командующим 8-й воздушной армией США был назначен генерал Дулиттл.

Занятый всеми этими вопросами, я рассчитывал выехать в Англию 10 января, но неожиданно получил рождественскую телеграмму от генерала Маршалла. Он настоятельно просил немедленно прибыть в Вашингтон на небольшие совещания с ним и с президентом, а также для того, чтобы передохнуть, прежде чем взяться за дело на новом месте. Я возразил, ссылаясь на крайне ограниченное время, и к тому же едва ли я мог что-либо сделать полезное в Вашингтоне, пока не пробуду в Лондоне по меньшей мере столько времени, сколько понадобится, чтобы ознакомиться там с основными проблемами. Генерал Маршалл не согласился. Он посоветовал мне поручить кому-либо другому временно заняться этими проблемами, а самому прибыть в Вашингтон. Строго говоря, моим начальником являлся Объединенный англо-американский штаб, но, понимая серьезное отношение Маршалла к этому вопросу, я быстро урегулировал дело с английской стороной и подготовился к поездке в Соединенные Штаты. Через неделю я намеревался вернуться на короткое время в Африку, чтобы завершить передачу командования американскими войсками генералу Деверсу, который еще не прибыл из Лондона. И на все это потребуется время - самый ценный из всех факторов.

Чтобы дать руководящие указания штабу в Лондоне перед моим прибытием, я счел необходимым направить туда кого-либо из тех, кто знаком с моими общими замыслами. К счастью, генерал Монтгомери мог выехать в Англию немедленно. Он прибыл ко мне на совещание, и я сообщил ему, что несколько недель назад видел набросок общего плана наступления через Ла-Манш, принесенного мне американским бригадным генералом Уильямом Чеймберсом. Поскольку этот план предусматривает высадку десанта на сравнительно узком участке фронта в составе трех дивизий при общем количестве только пяти дивизий на судах в момент десантирования, то у меня возникли серьезные сомнения относительно достаточности таких сил. Более того, я сообщил Монтгомери, что, помимо обеспокоенности ограниченным характером предлагаемого маневра, меня тревожит также то, что в этих набросках плана я не обнаружил мер по быстрому захвату Шербура. Я убежден, что в плане, если он не подвергся пересмотру с тех пор, как я его видел, не обращается в достаточной мере внимания на возможность быстрого появления потребности в крупных портах и скорейшего наращивания сил на плацдарме{21}.

Поэтому я дал генералу Монтгомери указание действовать, пока я не прибуду в Лондон, в качестве моего представителя в вопросах анализа и пересмотра планов действий сухопутных сил по высадке десанта, особое внимание обратив на то, что вызывает у меня беспокойство. Я сказал ему, что он может быстро и легко связаться со мной в Вашингтоне. То же самое я высказал моему начальнику штаба генералу Смиту, который должен был выехать в Лондон, как только ознакомит своего преемника с характером сложной работы штаба на Средиземноморском театре военных действий.

Когда я занимался этими вопросами в Италии и Алжире, в Тунисе серьезно заболел премьер-министр. К концу года он поправился в достаточной мере, чтобы проследовать до Марракеша в Марокко, где врачи решили, что ему следует на несколько недель остаться там для поправки здоровья. Он направил мне срочную телеграмму с просьбой заехать к нему на совещание по пути в Соединенные Штаты. Я явился к нему во второй половине дня 31 декабря.

К этому времени была определенно согласована операция по десантированию возле Анцио, и премьер-министр с обычной для него энергичностью, несмотря на серьезную угрозу его здоровью, полностью посвятил себя задаче выявления любых ресурсов для усиления десантируемых войск и скорейшего осуществления намеченного плана. Он надеялся, что операция сразу же приведет

к захвату Италии, хотя я продолжал высказывать сомнения относительно столь оптимистичного исхода. Черчилль обратился ко мне с личной просьбой, чтобы я разрешил генералу Смиту остаться на Средиземноморском ТВД в качестве начальника штаба, с чем я не мог согласиться. Взаимоотношения между командующим и его начальником штаба являются сугубо индивидуальными. Эти отношения у каждого командующего своеобразны, а генерал Смит настолько хорошо подходил мне, что я считая неразумным расставаться с ним как раз накануне крупнейшей операции всей войны. К тому же я считал, что у генерала Вильсона будут свои соображения относительно этого важного поста и он выразил бы возмущение, если бы ему навязали кого-либо со стороны, даже по настоянию главы его собственного правительства. Черчилль был болен и выглядел сильно утомленным, но проявлял такую заинтересованность в операции с десантированием у Анцио, что совещание затянулось до позднего вечера.

Мы покинули Марракеш в 4.45 утра в первый день нового года и прибыли в Вашингтон в час ночи на следующее утро. Полет в основном прошел без осложнений, за исключением того, что неспокойная батарея португальской зенитной артиллерии выпустила несколько снарядов в нашу сторону, когда мы пролетали над берегом одного из Азорских островов.

По прибытии в Соединенные Штаты я встретился с работниками военного министерства, а несколько позднее - с президентом. Рузвельт был болен гриппом, но казался вполне бодрым. Он продержал меня у своей постели более часа, пока мы обсуждали сотни подробностей прошедших и предстоящих операций. Как всегда, он удивлял меня своими детальными познаниями географии мира. Он воспользовался случаем коротко ознакомить меня со своими планами послевоенной оккупации Германии. Президент определенно хотел, чтобы США оккупировали северо-западную часть, но внимательно выслушал мои возражения против разделения Германии на "национальные секторы". Я опять высказал пожелание, чтобы оккупированные территории были как можно скорее переданы под контроль гражданских властей. Мои доводы, казалось, произвели на него впечатление, но он не связал себя никакими обещаниями.

Ни в одной беседе из всех, какие у меня были с президентом, Рузвельт не касался проблем внутренней политики, разве только случайно и мимолетно. Его сын Элиот, которого я иногда встречал в Африке и Англии, также избегал политики как предмета разговора при таких встречах, шутливо называя себя в таких случаях "паршивой овцой и реакционером в семье".

Покидая президента, я сказал: "Искренне верю, что вы быстро поправитесь". Он поспешно ответил на это: "Да что вы, я не лучше чувствовал себя уже многие годы. Я в постели только потому, что врачи опасаются, как бы я снова не заболел, если встану на ноги слишком скоро". Больше я его уже не видел.

Во время моего короткого пребывания в Соединенных Штатах я с радостью воспользовался представившейся мне возможностью поехать с женой к сыну в Вест-Пойнт. Затем я отправился увидеться с матерью, братьями, родителями жены и еще кое с кем из ближайших родственников; все они по такому случаю собрались в городе Манхэттене, штат Канзас. Эти семейные встречи как бы восстанавливали силы молодости - до этого времени я не вполне четко осознавал, как далеко война уносит ее участников от интересов, нужд и забот обычной жизни.

Разумеется, мне не удавалось полностью отвлечься от проблем войны на какое-то время. Из Лондона периодически поступали телеграммы с самыми серьезными вопросами, а в некоторых из них даже запрашивалось мое окончательное решение. Тем не менее я с удовлетворением констатировал, что Монтгомери, несомненно, работал над вариантом высадки в первом эшелоне десанта пяти дивизий при двух дивизиях, находящихся на судах.

Между тем в английском правительстве возникла определенная стесненность в связи со сложившейся обстановкой в системе командования на Средиземноморье. До тех пор пока я номинально числился командующим всеми силами в этом регионе, проявлялась известная нерешительность при подготовке к десантированию возле Анцио, к операции, которая должна быть осуществлена после моего ухода с этого театра военных действий. Я узнал, что некоторые руководители, на которых была возложена ответственность за операцию, проявляли колебания в принятии необходимых решений. Поэтому я тут же отказался от намерения вернуться в Африку и посоветовал генералу Маршаллу быстро принять решение о передаче всей полноты власти на Средиземноморском ТВД в руки генерала Вильсона.

Это в известной мере вызвало мое сожаление, так как тем самым я лишался возможности вернуться туда, чтобы поблагодарить и попрощаться со всеми, кто вместе со мной честно, эффективно и преданно трудился. Однако я уже в письменной форме издал прощальный приказ по войскам, в котором выражал надежду, что мы скоро встретимся в центре вражеской страны.

Глава 13. Планирование операции "Оверлорд"

Я выехал из Соединенных Штатов 13 января, чтобы принять

на себя руководство мощнейшей боевой группировкой войск, какую были в состоянии создать два западных союзника. На второй день вечером я уже находился в Лондоне. Снова началась подготовительная работа к вторжению, но по сравнению с аналогичной работой, проделанной полтора года назад, теперь вместо порядка был беспорядок, вместо определенности и уверенности -опасения и сомнения. В числе моих непосредственных подчиненных находились главный маршал авиации Артур Теддер, генерал-лейтенант Омар Брэдли, генерал Бернард Монтгомери, генерал-лейтенант Карл Спаатс и адмирал Бертрэм Рамсей - все испытанные боевые командиры, уже имевшие опыт по руководству войсками союзников в крупной операции. Главный маршал авиации Ли-Меллори был назначен командующим военнно-воздушными силами союзников в рамках операции "Оверлорд". Он имел большой боевой опыт, в частности полученный в битве за Англию, но пока ему не приходилось возглавлять воздушные операции, требовавшие тесного взаимодействия с наземными войсками.

Когда я первый раз прибыл в Лондон в июне 1942 года, союзный штаб находился в центре города; на этот раз я решил во что бы то ни стало найти подходящее место где-либо за городом. И я нашел такое место, хотя и были возражения и мрачные предсказания. Мы расположились в районе Буши-парка, и у нас быстро сложилась исключительно хорошая обстановка, которая с лихвой перекрывала небольшие неудобства, вызванные отдаленностью английских правительственных учреждений. Мой штаб официально теперь назывался штабом верховного командования союзных экспедиционных сил.

Планирование и подготовка операции "Оверлорд" будут детально изучаться военными специалистами. Что касается командной и штабной структуры, то здесь нужно отметить ряд важных моментов. Первым из них было выявление наиболее целесообразного состава штаба. С тех пор как я был назначен союзным командующим в июле 1942 года с подчинением мне сухопутных, воздушных и морских сил, мы изъявляли известное желание иметь в подлинно объединенном штабе примерно одинаковое представительство от каждого вида вооруженных сил и соответствующих служб тыла. Я считал, что в определенных ситуациях, когда крупным оперативным группам, возможно, придется вести широкие операции на большом расстоянии от штаба верховного командования союзных экспедиционных сил, потребуется именно такой состав штаба. В дни подготовки операции "Торч" в 1942 году мы первоначально намеревались создать штаб тоже на таком принципе. В конце концов пришлось

отказаться от этой идеи как расточительной в смысле использования своих кадров и необязательной в тех условиях.

Схема, которую мы нашли наиболее эффективной и которая позволяла всем командующим собраться вместе почти немедленно, предусматривала для командующих сухопутными, морскими и воздушными силами совмещение двух ролей. В первой роли каждый из них выступал в качестве сотрудника моего штаба и со своими помощниками участвовал вместе с нами в разработке плана операции; во второй каждый отвечал за осуществление своей части во всей операции. Такова была общая командная структура, которой мы придерживались на протяжении всей Средиземноморской кампании, и я был убежден, что с учетом особых условий нового театра военных действий нам следует взять за основу этот принцип, хотя были неизбежны определенные исключения.

Первое из этих исключений касалось военно-воздушных сил. Было желательно, чтобы на начальных стадиях десантирования в целях должной поддержки авиацией сухопутных войск на решающих этапах операции, то есть до тех пор, пока мы прочно не закрепимся на захваченном плацдарме и пока не исчезнет угроза нашего поражения, вся авиация в Англии, за исключением только авиации берегового командования, была бы подчинена мне. Сюда вошли бы стратегическая авиация в составе английского бомбардировочного командования под руководством главного маршала авиации Артура Харриса и 8-я воздушная армия США под командованием Дулиттла. Однако сразу же возникли возражения, частично со стороны премьер-министра и его начальника штаба. Командующие стратегической авиацией не хотели получать приказы от командующего тактической авиацией, выделенной для операции "Оверлорд". Их возражения, по моему убеждению, исходили не из личных соображений, а основывались на убеждении, что командующий тактической авиацией, который прежде всего обеспокоен поддержкой войск на переднем крае, едва ли в должной мере оценит подлинную роль и возможности стратегической авиации и поэтому может неправильно ее использовать.

В более широком плане разногласия сводились к тому, что действия этих крупных бомбардировочных частей с их способностью наносить удары по любой точке в Западной Европе никогда не следует ограничивать, даже временно, задачей оказать непосредственную помощь сухопутным войскам, осуществляющим единственную операцию. В ответ на эти доводы мы указывали, что эта операция, которую Соединенные Штаты и Великобритания собираются теперь предпринять, не может быть

отнесена к категории обычного сражения. Две страны вкладывают все силы и ресурсы в эту операцию, чтобы в дальнейшем развернуть боевые действия в Западной Европе. Неудача в операции "Оверлорд" привела бы к последствиям почти роковым. Такая катастрофа могла означать полное перебазирование на другие театры военных действий всех американских сил, сосредоточенных в Соединенном Королевстве, и в то же время явилась бы таким тяжелым ударом по моральному духу союзников и их решимости, что последствия даже не поддаются учету. И наконец, такое поражение оказало бы очень серьезное влияние на обстановку на Восточном фронте, и можно было не без оснований предположить, что если Россия будет считать своих союзников совершенно беспомощными и неспособными предпринять что-либо значительное в Европе, то она может пойти на сепаратный мир.

Упорно настаивая на передаче в мое подчинение стратегической авиации, я, помимо всего прочего, находился под влиянием урока, столь убедительно продемонстрированного в боях под Салерно. Для обеспечения успеха сражения подчас требуется использовать все возможности, до последнего человека, и командующий не должен зависеть от того, будет ли выполнена его просьба оказать войскам авиационную поддержку или нет. Было крайне важно, чтобы все наши наступательные силы, в том числе и стратегическая авиация, были в распоряжении командующего для использования в критические моменты боя. Я твердо заявил, что, пока буду командующим, не приму никакого иного решения, хотя и согласился с тем, что стратегические авиационные объединения не будут подчинены тактической авиации, а будут получать приказы непосредственно от меня. Это не накладывало на меня особенно большой дополнительной нагрузки, поскольку мой заместитель главный маршал авиации Теддер не только был опытным командиром, но и пользовался доверием в военно-воздушных силах, как английских, так и американских.

У нас не было намерения использовать стратегическую авиацию в качестве простого придатка к тактическому авиакомандованию. Наоборот, мы больше всего хотели продолжать разрушение немецкой промышленности, особенно нефтеперерабатывающей. Генерал Спаатс убедил меня, что, поскольку у Германии усиливаются затруднения в связи с истощением запасов топлива, это окажет самое серьезное влияние на способность немцев вести боевые действия и соответственно ускорит их поражение в войне.

Мои представления относительно подчинения стратегической

авиации были приняты в начале апреля, и с этого времени, пока не прошли решающие фазы кампании во Франции и Бельгии, Дулиттл и Харрис подчинялись непосредственно мне. Строго говоря, организация Ли-Меллори охватывала только те авиационные силы, которые были непосредственно выделены в состав экспедиционных сил как их неотъемлемая часть. Это были английские военно-воздушные силы, поддерживавшие 21-ю группу армий, 9-я воздушная армия, поддерживавшая американскую 12-ю группу армий, и позднее американская авиация, действовавшая в поддержку 6-й группы армий (французских и американских войск) на юге Франции. В его командование входили также многочисленная транспортная авиация, разведывательные самолеты и авиачасти специального назначения.

Для управления сухопутными войсками не предусматривалось назначения отдельного командующего. Поскольку наша десантная операция осуществлялась на относительно узком участке фронта с привлечением всего двух армий, один из командующих этими армиями должен был постоянно осуществлять боевое взаимодействие между двумя армиями на начальных стадиях операции. Однако в планах предусматривалось скорее создание отдельных английской и американской групп армий на континенте, и поэтому было логично, чтобы сухопутные войска каждой из них имели своего командующего, непосредственно подчиненного моему штабу, когда эти группировки будут располагать достаточными силами, чтобы осуществить решительный прорыв и начать быстрое продвижение через Западную Европу. Этот принцип распространялся также на группу армий, которая позднее вторглась во Францию с юга. Во избежание большой путаницы не предусматривалось никакого дополнительного штаба между этими тремя основными командующими сухопутными войсками и моим штабом. Отсюда вытекало, что каждый из этих трех командующих группами армий являлся, по существу, руководителем сухопутных войск в своей зоне и получал поддержку со стороны тактического авиаобъединения.

Этот вопрос был тщательно обсужден и хорошо понят всеми задолго до начала операции. Однако некоторые английские офицеры, но не те, которые работали в моем штабе, оказались по традиции приверженцами строгого соблюдения "триумвиратного" метода руководства войсками и считали, что нам следует иметь отдельного командующего сухопутными войсками в качестве моего заместителя.

С прибытием Джорджа Паттона со Средиземноморья наша

команда приобрела сильного игрока. В разговорах с Джорджем я советовал ему избегать пресс-конференций и публичных заявлений. Он обладал просто талантом делать подобные взрыву заявления, которые часто потрясали его слушателей. Однако весной 1944 года над его головой разразилась настоящая буря. Перед собранием англичан он сделал опрометчивые и неуместные высказывания о необходимости для Англии и Америки объединиться, чтобы управлять миром после достижения победы.

Поскольку сицилийский "инцидент с пощечиной" все еще был свеж в памяти общественности, то это заявление, преданное широкой гласности, привлекло к себе значительно большее внимание. Его критики получили новое подтверждение того, что Паттон совершенно непригоден для командования армией. Впервые я начал серьезно колебаться, сумею ли остаться верным старому другу, в боевых способностях которого я никогда не сомневался. Однако меня беспокоили не столько эти его заявления, сколько нарушение данного мне обещания.

Расследование быстро выявило два момента, которые повлияли на мое решение. Первым из них было то, что вначале Паттон вообще отказался выступать и просто по настоянию своих гостеприимных хозяев поднялся на трибуну, чтобы сказать несколько слов в поддержку целей данного собрания. Вторым моментом было то, что его заверили, что эта встреча носит частный характер, не будет никаких репортеров и никакая информация не просочится в прессу.

Между тем этот инцидент дал повод для обмена телеграммами с военным министерством, но, как всегда, министр и начальник штаба оставили на мое усмотрение принятие окончательного решения.

Во время расследования Джордж Паттон явился ко мне и с присущим ему благородством и эмоциональностью сказал, что подаст в отставку, чтобы избавить меня от всяких затруднений. Когда я в конце концов сообщил ему о решении забыть этот случай и сохранить Паттона в армии для замещения в будущем должности командующего 3-й армией, он был тронут до слез. В подобные минуты у генерала Паттона проявлялись такие стороны его характера, которые кому-либо, за исключением его близких друзей, трудно было понять. Его мучили угрызения совести не только за причиненные мне неприятности, но и за свою резкую, как он сказал, критику в мой адрес среди своих коллег, когда он думал, что я, возможно, его уволю. Я со смехом ответил ему: "Вы перед нами в долгу; расплатитесь несколькими победами, и мир сочтет меня разумным человеком".

Было важно, чтобы стратегическая цель операции "Оверлорд", в которой высадка десанта будет просто начальной фазой, осуществлялась как можно раньше. Полученная от Объединенного англо-американского штаба директива была очень лаконична: нам предписывалось высадиться на побережье Франции и затем уничтожить немецкие сухопутные силы. В одном из ее параграфов говорилось: "Вступить на Европейский континент и во взаимодействии с другими союзными государствами предпринять операции, нацеленные на сердце Германии и на уничтожение ее вооруженных сил". Разгром вражеских войск всегда оставался нашей главной задачей.

Сердцем Западной Германии был Рур - основной центр военной промышленности страны. Вторым наиболее важным промышленным районом был Саарский бассейн. От этих двух районов в значительной мере зависела способность Германии вести войну.

Один из удобных путей подхода к реке Рейн для ее форсирования крупными силами проходил севернее Рура, а другой - через район Франкфурта. В то же время Рейн можно было форсировать и на юге, около Страсбурга.

Северный маршрут, по нашему мнению, являлся наиболее важным. Во-первых, в северной части Рура местность возле Рейна была более благоприятной для наступательных действий. Во-вторых, относительно небольшое продвижение наступающих войск в этом районе отрезало бы Рур и его военную промышленность от остальной Германии. Третьим соображением в пользу наступления на севере было то, что здесь находился город Антверпен с его лучшим портом на северо-западе Европы. Захват и использование этого порта значительно сократили бы наши линии коммуникаций. Нам было ясно, что с подходом к границам Германии проблема снабжения войск приобретала бы критический характер.

Однако захват последних источников военной мощи Германии не мог быть осуществлен путем простого нанесения удара на узком фронте вдоль северного побережья. Было очевидно, что наши войска, наступающие этим маршрутом, встретили бы решительное сопротивление противника. Наступление же только частью наших сил на каком-нибудь другом направлении не позволило бы нам достичь поставленной цели.

Чтобы избежать тупика в боевых действиях, мы планировали бросить все наши силы на прорыв вражеской обороны и вести наступление на широком фронте, сосредоточивая основные усилия на левом фланге. Тем самым мы в максимально короткие

сроки овладели бы огромными портами Бельгии. В результате такого наступления мы вышли бы в те районы, в которых, как нам было известно, устанавливалось на боевые позиции секретное ракетное оружие, а по мере продвижения вперед создали бы прямую угрозу Руру. Кроме того, планировалось с самого начала наступать и в направлении на Саар, как только это станет возможным после захвата бельгийских портов и выхода действующих на левом фланге войск к рубежу, откуда можно было угрожать Руру. Противник проявлял бы нервозность в связи с угрозой безопасности Саарского бассейна, а в это время наши войска, наступая в этом направлении, вскоре соединились бы с высадившейся на юге Франции группировкой, которая по плану должна была продвигаться на север по долине Роны. Такое соединение, создающее единый фронт, было обязательным и дало бы нам очень скоро большие преимущества. Оно привело бы к освобождению Франции и открыло нам дополнительную широкую систему линий коммуникаций для быстрой доставки подкреплений из Америки и бесперебойного снабжения действующей армии. И наконец, немецкие войска, которые могли остаться к западу от места соединения наших войск, оказались бы отрезанными и тем самым выведенными из боевых действий. Такой план операций позволил бы нам использовать все наши войска непосредственно в боевых наступательных действиях и избавил бы от необходимости развертывать дорогостоящую оборону на растянутых флангах, где союзные войска были бы обречены на выполнение второстепенных пассивных задач.

Если все эти действия окажутся успешными, то следующим этапом должен стать окончательный разгром противника, который, вероятно, тогда будет уже обороняться на линии Зигфрида и вдоль реки Рейн.

В мае 1944 года мы предполагали, что при наличии портов выгрузки, на которые мы рассчитывали, ко времени решающих бросков через Рейн в составе наших войск, очевидно, будет 68 дивизий, не считая тех, что прибудут со Средиземноморья. После выделения из них 35 дивизий для наступления в направлении Амьен, Мобёж, Льеж, Рур (по нашим расчетам, это было максимальное количество войск, которые можно было выделить для действий в данном направлении) мы располагали еще 33 дивизиями и плюс теми, что прибудут с юга Франции, чтобы вести бои на растянутом фронте от Везеля на Рейне и на юг до самой границы Швейцарии. Следовательно, пока не будет преодолена линия Зигфрида, нам придется предпринимать только оборонительные действия к югу от Рура. Противник мог воспользоваться этой обстановкой и сосредоточить силы для

нанесения мощного контрудара.

Однако такой перспективы можно было совсем избежать, если мы сумели бы выйти к Рейну на всем его протяжении. С выходом на этот рубеж мы оказались бы в относительной безопасности на всем театре военных действий, что позволило бы переключить на наступательные операции все наши силы, а не только те 35 дивизий, которые мы могли снабжать вдоль одного направления севернее Рура.

Имелись и другие соображения, диктовавшие целесообразность "захвата рубежа вдоль всей реки Рейн, прежде чем -предпринять окончательное наступление в Германию. Нашей целью был разгром немецких вооруженных сил. Если бы мы могли нанести противнику сокрушительное поражение западнее Рейна, то у него наверняка остались бы весьма скудные средства для последующей обороны: русские уже вошли в Польшу, и значительная часть немецких войск оказалась бы прикованной там, чтобы противостоять наступательным операциям на Восточном фронте. Наконец, если бы нам не удалось разгромить немецкие армии западнее Рейна, где наши линии снабжения были бы наиболее короткими, как мы могли рассчитывать сделать это к востоку от Рейна, где у нас уже не будет этого преимущества? Генералы Брэдли и Паттон, а также весь мой штаб сходились во мнениях по этому вопросу при планировании наших наступательных операций через проход возле Меца и севернее Арденн.

Переходя к следующему шагу, мы полагали, что Рур, который, как ожидалось, противник будет оборонять крупными силами, лучше всего было отрезать от остальной части Германии двойным охватом. С этой целью мы планировали основными силами предпринять на севере такое мощное наступление, какое только позволят там линии коммуникаций, а на франкфуртском направлении наступать оставшимися силами. Далее, мы считали, что, когда наступающие войска сомкнутся в районе Касселя, к востоку от Рура, в военном смысле у Германии больше не останется никакой надежды. Во всяком случае, мы полагали, что с выходом в район Касселя мы могли легко бросить в наступление наши войска на флангах. Это означало бы конец войны в Европе.

Все эти вопросы с учетом возможных вариантов явились предметом длительных обсуждений, однако общий план, который мы намеревались провести, сводился к следующему:

"Высадиться на побережье Нормандии.

Сосредоточить силы и средства, необходимые для решительного сражения в районе Нормандия, Бретань, и прорвать там оборону противника. (Операции сухопутных войск в период

первых двух фаз должны осуществляться под руководством Монтгомери.)

Двумя группами армий преследовать противника на широком фронте, сосредоточив основные усилия на левом фланге, чтобы захватить необходимые нам порты, выйти к границам Германии и создать угрозу Руру. На правом фланге наши войска соединятся с силами, которые вторгнутся во Францию с юга.

Создать новую систему баз снабжения вдоль западной границы Германии, обеспечив себя портами в Бельгии и Бретани, а также на Средиземном море.

Продолжать наращивать силы и в то же время непрерывно вести наступление, чтобы измотать противника и создать условия для проведения заключительных сражений.

Закончить уничтожение вражеских войск к западу от Рейна, постоянно стремясь между тем овладеть плацдармами на восточном берегу реки.

Предпринять завершающее наступление с целью двойного охвата Рура, снова нанося основной удар левым флангом; затем немедленно осуществить бросок через Германию; конкретное направление этого наступления будет определено позже.

Захватить оставшуюся часть Германии".

От этого генерального плана, тщательно сформулированного на штабных совещаниях перед днем "Д", мы никогда, даже временно, не отклонялись на протяжении всей кампании.

Трудно было выбрать время для начала операции. На Тегеранской конференции президент и премьер-министр пообещали генералиссимусу Сталину, что наступление начнется в мае, но нам дали понять, что любая дата, выбранная из этого периода года, будет приемлемой для выполнения обязательства, взятого на себя нашими двумя политическими руководителями.

Для того чтобы наступление через Ла-Манш проходило в условиях длительной хорошей погоды, его надо было начать как можно быстрее. Другим фактором в пользу более скорого наступления были непрерывные и отчаянные усилия немцев по укреплению обороны побережья. Если учесть погодные условия на Ла-Манше, май был самым ранним сроком, когда можно было бы с успехом предпринять высадку десанта. На этот месяц приходится первое благоприятное сочетание приливов и отливов, а также время восхода солнца. Таким образом, проведение операции "Оверлорд" было предварительно назначено на начало мая.

Тревожные сообщения разведки относительно прогресса немцев в разработке новых видов оружия также указывали на целесообразность скорейшего наступления.

Время от времени в течение весенних месяцев из Вашингтона в мой штаб прибывали офицеры, чтобы доложить мне последние данные о ходе работ немцев над этим оружием, в том числе бактериологическим и атомным. Такая информация была исключительно секретной и неизменно передавалась устно. Мне сказали, что американские ученые тоже добились успехов в разработке этих двух видов оружия и что на основе их собственного опыта делаются предположения относительно аналогичной деятельности немцев. Вся эта информация дополнялась периодическими докладами разведывательных служб в Лондоне. Кроме того, с величайшей тщательностью рассматривались аэрофотоснимки с целью обнаружения на них каких-либо новых промышленных сооружений, связанных с производством секретного немецкого оружия.

На помощь нам были призваны лучшие научные силы как в Англии, так и в Америке, чтобы оценить и определить немецкие возможности. Нашим единственным эффективным противодействием этим работам немцев в период подготовки к операции "Оверлорд" в 1944 году были бомбардировки. Наша авиация периодически совершала налеты на каждый район в Европе, где, по мнению наших специалистов, противник пытался либо изготовить новые виды оружия, либо построить пусковые установки вдоль побережья для своих ракет.

В течение длительного периода выводы разведывательных служб строились на крайне скудных сведениях, и, как следствие, они подчас резко отличались друг от друга. Тем не менее перед тем как начать вторжение, наши разведчики все же смогли дать нам исключительно точные данные о новом немецком оружии.

Перенося начало вторжения в Нормандию с мая на июнь, мы руководствовались двумя соображениями. Первым и наиболее важным было то, что мы настаивали, чтобы высадка десанта на побережье предпринималась в более крупных масштабах, чем первоначально планировалось штабом в Лондоне под руководством генерал-лейтенанта Фредерика Моргана. Это был исключительно способный офицер. Задолго до моего прибытия в Лондон он завоевал высокую репутацию и уважение генерала Маршалла. Вскоре и мне представилась возможность оценить его качества и способности. Морган проделал огромную работу по детальному планированию операции, сбору необходимых данных и сосредоточению материальных средств, которые делали возможным день "Д". Лично генерал Морган поддерживал мои соображения, но был вынужден разрабатывать план на основе установленного числа кораблей, десантно-высадочных средств и прочих ресурсов. Поэтому у него не было иного выхода, кроме как

разрабатывать план высадки трех дивизий, а я стал настаивать на пяти дивизиях и информировал об этом Объединенный англо-американский штаб, одновременно запросив у него выделить дополнительное количество десантно-высадочных средств и другой боевой техники. Объединенный штаб согласился с моими доводами.

Вторая причина, в силу которой нам приходилось переносить дату вторжения на более поздний срок, состояла в том, что готовность нашей авиации поддерживать действия войск зависела от метеорологических условий. Ожидавшееся улучшение погоды в мае предоставило бы ей значительно больше летного времени, чтобы помешать передвижению немецких резервов и разрушить вражеские оборонительные сооружения вдоль побережья. В конечном счете вывод из строя наиболее важных участков главных автомобильных и железных дорог, ведущих в районы будущих сражений, был крайне необходим для осуществления плана вторжения. Тем не менее принятие более позднего срока начала операции нас огорчало, поскольку нам хотелось, чтобы эта Европейская кампания проводилась в летнее время.

При разработке общего плана операции мы тщательно продумали меры по введению противника в заблуждение относительно места и времени высадки десанта. Нашей задачей было убедить его, что мы намереваемся наносить удар прямо через Ла-Манш в его самом узком месте, напротив Кале. Если бы мы могли успешно высадиться в этом районе, то получили бы многие существенные преимущества. Здесь побережье было очень удобное для десантирования войск, и оно располагалось на самом близком расстоянии как от английских портов, так и от границ Германии. Противник, хорошо понимая это, создал у Кале более сильную оборону, чем на других направлениях. Поэтому никто из нас не верил в успешную высадку десанта в этом месте, разве что с такими ужасными потерями, которые поставили бы всю экспедицию в критическое положение и не позволили бы добиться существенных результатов. Но мы рассчитывали, что нам удастся ввести в заблуждение противника относительно наших истинных намерений, и осуществили с этой целью ряд разнообразных мер.

Второстепенное наступление на юге Франции уже давно рассматривалось, по крайней мере генералом Маршаллом и мной, как неотъемлемая и необходимая часть главной наступательной операции через Ла-Манш. В начале 1944 года я полагал, что наши основные командующие и Объединенный англо-американский штаб имели твердую общую точку зрения по этому вопросу. Однако вскоре в ходе нашей работы в Лондоне

выяснилось, что даже при условии проведения десантной операции "Оверлорд" в июне у союзников все равно не хватит десантно-высадочных средств и другой боевой техники, чтобы одновременно вести наступление через Ла-Манш и со стороны Средиземного моря в необходимых масштабах.

Соединенные Штаты в то время вели активные боевые действия на Тихом океане и не могли выделить нам дополнительные десантно-высадочные средства с этого ТВД. Оказавшись перед таким фактом, генерал Монтгомери предложил полностью отказаться от наступления на юге Франции, которое получило кодовое название "Энвил". 21 февраля 1944 года он писал мне: "Я очень настоятельно рекомендую, чтобы теперь мы использовали весь наш авторитет против операции "Энвил". Я не согласился с точкой зрения Монтгомери, но стало ясно, что нет никакого иного выхода, кроме задержки наступления на юге на такое время, чтобы сначала обеспечить кораблями и десантно-высадочными средствами операцию "Оверлорд", а затем перебросить их на Средиземное море для десантирования войск на юге Франции. Мы пришли к заключению, что такое решение не будет особенно неблагоприятным: по крайней мере, оно куда лучше, чем полная отмена операции. Присутствие союзных войск на Средиземноморском ТВД заставит немцев держать свои войска в Южной Франции, а если противник начнет постепенно выводить их оттуда, то последующее наше продвижение с юга будет проходить более быстрыми темпами. Поэтому мы согласились проводить операцию "Энвил" вскоре после 15 июля, как только возникнут благоприятные условия.

Наш план использования авиации в подготовке операции "Оверлорд" встретил самые серьезные и искренние возражения, особенно с политической точки зрения. Уничтожение авиацией основных мостов, товарных сортировочных станций и вывод из строя главных железнодорожных магистралей Франции неизбежно вызвали бы жертвы среди французского населения. По подсчетам некоторых специалистов, даже если мы будем бомбить не сами крупные города, а только важные объекты в районах с исключительно большой плотностью населения, то осуществление нашего плана авиационной поддержки обойдется по меньшей мере в 80 тыс. жертв из числа мирных жителей. Такие действия, очевидно, вызвали бы ожесточение французского народа; премьер-министр и многие из его советников настаивали, чтобы мы изыскали какой-либо иной способ использования авиации. Черчилль был искренне потрясен ужасающей картиной, которую нарисовали ему противники нашего плана, и обратился ко мне с настоятельными просьбами пересмотреть этот план.

"Послевоенная Франция должна быть нашим другом, - говорил он. - Это не только вопрос гуманности. Это также вопрос большой государственной политики".

Мои командующие авиацией и я подвергли сомнению точность подобных расчетов. Мы ожидали, что потери среди мирного населения будут значительно меньше тех, которые нам предсказывали, поскольку планировалось передавать как общие, так и специальные предупреждения в районы бомбардировки. Мы собирались использовать любые возможные средства, чтобы неоднократно сообщать французам и бельгийцам о необходимости покинуть важные в транспортной системе места. Более того, перед каждым налетом мы намеревались предупреждать жителей по радио и с помощью листовок, чтобы они временно оставляли свои дома. Мы могли позволить себе это, так как знали, что немецкая авиация резко ослаблена и противник не в состоянии по первому требованию обеспечить достаточно эффективную противовоздушную оборону каждого важного пункта в транспортной системе Франции. Нужно было так составить план бомбардировок, чтобы он не раскрывал района, выбранного для десантирования войск. Поэтому в мероприятиях по вводу противника в заблуждение мы неизменно выбирали для воздушных налетов некоторые объекты в районе Кале.

Целесообразность и необходимость бомбардировок обсуждались долго, добросовестно и, разумеется, с сочувствием, поскольку дело касалось человеческих жизней. В конце концов Черчилль и его правительство, а также генерал Пьер Кениг, командующий французскими внутренними вооруженными силами, согласились с тем, что воздушные налеты следует осуществить так, как они запланированы, надеясь, что меры, принимаемые нами по предупреждению населения будут достаточно эффективными и сведут к минимуму потери среди мирных жителей. Результаты этих бомбардировок, как потом выяснилось, положительно сказались на операциях наземных войск. Потери же среди гражданского населения составили только незначительную часть от предварительных расчетов, а французский народ в целом спокойно воспринял необходимость бомбардировок, не проявил из-за них никакого антагонизма к союзным войскам. Помимо налетов на объекты транспортной системы Франции, наша авиация продолжала бомбить немецкие нефтеперегонные заводы и другие предприятия, игравшие ключевую роль в военной промышленности Германии. Авиация союзников постоянно стремилась завязать воздушные бои с люфтваффе с целью еще больше измотать их силы до того, как

наступит решающая фаза в сражении сухопутных войск.

Между тем войсковые и авиационные штабы постоянно работали над совершенствованием взаимодействия в реальных боевых условиях. Эта взаимозависимость является характерной особенностью современного боя. Наземные войска должны всегда стремиться захватить и надежно прикрыть выгодную местность, откуда авиация сможет поддерживать наступающего, а постоянная поддержка наземных войск истребителями-бомбардировщиками должна рассматриваться как обычное повседневное дело. Несколько раз в критические периоды Европейской кампании авиация совершала более 10 тыс. самолетовылетов в день в качестве своей доли участия в боевых действиях.

Одной из наиболее трудных проблем, неизбежно сопутствующих планированию наступательной операции, являются вопросы технического обеспечения войск, их снабжения, эвакуации раненых и пополнения частей.

До Второй мировой войны всегда считалось, что при любой крупной высадке десанта необходимо захватить в пределах нескольких дней действующие портовые сооружения; если этого не удается добиться, то лучше отказаться от такой операции. Разработка союзниками эффективных десантно-высадочных средств, в том числе больших и малых танкодесантных кораблей, автомобилей-амфибий, в значительной мере уменьшила непосредственную зависимость от стационарных портовых сооружений. Не будет преувеличением сказать, что создание союзниками в огромных количествах новейшей боевой техники явилось одним из крупнейших факторов, обеспечивших срыв планов германского генерального штаба.

Тем не менее обладание такой техникой, которая позволяет выгрузку боевых материалов на открытый, переоборудованный берег, никоим образом не устраняет потребности в портах. Особенно это касалось операции "Оверлорд". Многовековая история ясно показывает, что Ла-Манш подвержен разрушительным штормам во все времена года, причем самым худшим периодом является зима. Единственный надежный путь для обеспечения высадившихся войск всем необходимым для ведения наступления состоит в захвате крупных портов.

Поскольку характер обороны, с которой мы рассчитывали встретиться, исключал возможность быстрого захвата соответствующих портов, то возникала необходимость укрыть доставляемые на берег технику и предметы снабжения от воздействия штормов. Мы знали, что даже после захвата Шербура его портовые сооружения и линии коммуникаций, идущие оттуда,

не могут полностью удовлетворить наши потребности. Чтобы решить эту, на первый взгляд неразрешимую, проблему, мы разработали настолько необычный план, что многие просто смеялись над ним. Этот план предусматривал создание искусственных гаваней на побережье Нормандии.

Впервые я услышал об этой идее, выдвинутой в пробном порядке адмиралом Маунтбэттеном, весной 1942 года. В ходе совещания, на котором присутствовал ряд начальников служб, он заметил: "Если в наличии нет портов, возможно, нам придется их построить отдельными частями и отбуксировать в нужное место". Его предложение было встречено возгласами удивления и шутками, но спустя два года эта идея была воплощена в жизнь.

Были спроектированы две якорные стоянки общего типа, защищенные от морских волн. Первый тип якорной стоянки, названный "гузбери", предусматривал просто линию затопленных судов, установленных носом к корме в таком количестве, чтобы они со стороны моря образовали прикрытие прибрежных вод, где небольшие суда и десантные катера могли продолжать выгрузку на берег в любых погодных условиях, за исключением сильнейшего шторма.

Другой тип якорной стоянки, названный "мэлбери", практически представлял собой настоящую гавань. Два комплекта этого искусственного порта были спроектированы и построены в Англии, и в нужное время их можно было по частям отбуксировать к берегам Нормандии. Основной строительной деталью в конструкции "мэлбери" был огромный бетонный корабль, названный "фениксом", по форме напоминавший ящик и настолько тяжелый по весу, что когда их затопляли один рядом с другим в цепочку вдоль берега, то они должны были создать надежное прикрытие образующейся бухты почти от любого волнения на море. Было изготовлено хитроумное вспомогательное оборудование для выгрузки, а также самое разнообразное оснащение современного действующего порта. По одному искусственному порту "мэлбери" планировалось соорудить на английском и американском участках высадки. Кроме того, предусматривалось установить пять искусственных портовых сооружений типа "гузбери".

Опыт войны на Средиземноморском ТВД показал, что каждая из наших усиленных дивизий, ведя активные боевые действия, ежедневно потребляла от 600 до 700 тонн различных предметов снабжения, и наши тыловые службы должны были справляться с этой задачей. Кроме того, нам предстояло одновременно с этим наращивать на плацдарме резервы живой силы, запасы боеприпасов, продовольствия, горючего, чтобы надежно

обеспечить в пределах разумного времени дальнейшие наступательные действия в глубине вражеской обороны. Затем надо было создать условия для выгрузки тяжелого инженерно-строительного оборудования и материалов, необходимых для восстановления и ремонта захваченных портов, железных дорог, мостов, дорог и для строительства аэродромов. Следующей, и наиболее важной, задачей тыловых служб являлась организация быстрого сбора раненых на плацдармах и их эвакуации в огромную систему госпиталей, развернутых в Англии.

В штабе верховного командования союзных экспедиционных сил основными офицерами, занимавшимися вопросами снабжения войск, были генерал-лейтенант Хэмфри Гейл и генерал-майор Крофорд, оба с большим опытом и исключительно способные руководители. Начальником американской службы тыла был генерал-лейтенант Джон Ли, который долгое время служил в инженерно-саперных войсках и завоевал репутацию человека, способного выполнить любые задачи в своей области. Из-за его строгого требования воинской дисциплины, которую Ли сам соблюдал с большой педантичностью, большинство его подчиненных и сослуживцев считали этого генерала придирчивым человеком. Он был непреклонен, корректен и предан своему долгу. Мне иногда казалось, что это современный Кромвель, но из-за исключительных деловых качеств генерала я был готов смотреть сквозь пальцы на его слишком большую жесткость. Действительно, я считал, что его суровые методы руководства, возможно, имеют решающее значение для обеспечения успеха там, где всегда требуется управлять железной рукой.

Моими постоянными советниками по всем тактическим и оперативным вопросам были те офицеры, на которых я полагался с величайшим доверием, - генерал-майор Гарольд Балл и бригадный генерал Артур Невинс из армии США, а также английский генерал-майор Уайтли.

В уединенном месте в Восточной Англии английская армия воссоздала все виды инженерных заграждений и препятствий, какие немцы могли использовать в обороне против нас. Англичане построили закрытые огневые сооружения, воздвигли массивные каменные стены и проволочные заграждения, устроили минные поля, изготовили стальные надолбы для установки под водой и на суше, отрыли противотанковые рвы. Каждое из этих препятствий являлось копией тех, какие, как мы знали, немцы уже создали в своей системе обороны. Затем англичане приступили к разработке и испытаниям приспособлений, с помощью которых можно было бы разрушить

или преодолеть эти препятствия.

Интересным примером такого экспериментирования явился новый метод использования удлиненного подрывного заряда "бангалорская торпеда". Эта "торпеда" представляет собой не что иное, как длинную трубу, наполненную взрывчаткой. Ее просовывают вперед на минное поле и при взрыве мины детонируют по всей длине этой трубы. Таким образом создается узкий проход в минном поле, по которому солдаты могут продолжать атаку.

Такие заряды уже давно использовались в боевых действиях, однако англичане разработали новый способ их применения. Для этого они на танке "термам" устанавливали сверху ряд трубчатых направляющих, в каждой из которых находилась "бангалорская торпеда". По мере того как танк двигался вперед, он выстреливал эти заряды с таким расчетом, чтобы они взрывались примерно в тридцати футах впереди танка и тем самым расчищали для него путь через минное поле. Каждый танк нес на себе достаточное количество этих "торпед", чтобы проделать проход примерно в пятьдесят ярдов длиной. Ценность этой идеи заключалась в том, что эту рискованную задачу будет выполнять танковый экипаж, находящийся в сравнительной безопасности за броней своего танка, а не беззащитный солдат. Я никогда не видел, как используется это новшество в боевых условиях, но оно служило примером того, что мы стремились облегчить проблемы пехотинцу. В числе других средств борьбы с противником, которые постоянно подвергались совершенствованиям и испытаниям, были передвижные мосты для преодоления противотанковых рвов, танки с бойковым тралом, огнеметные танки, струги для земляных работ, тяжелые катки для уничтожения мин.

Как всегда, моральное состояние войск постоянно привлекало внимание всех старших командиров. Иногда в этом отношении приходилось разрешать самые необычные вопросы. Например, один обозреватель выступил с утверждениями, что любая попытка высадиться на обороняемом побережье Северо-Западной Европы повлечет за собой потери от 80 до 90 процентов личного состава в частях первого эшелона десанта. Это безответственное утверждение получило довольно широкое распространение, вызвав сомнения и беспокойство в войсках. Брэдли и другие немедленно отреагировали на это заявление и во время многочисленных выездов в войска заклеймили его как трусливое, ошибочное и совершенно необоснованное, сделанное человеком, который не имеет никакого понятия о ведении боевых действий. Брэдли предсказывал, что потери в атакующих частях и

подразделениях будут не больше, чем в любых других ожесточенных сражениях аналогичных масштабов. Мы пошли даже на то, чтобы опубликовать в газетах мнение Брэдли, и использовали все имевшиеся возможности, чтобы предотвращать зловредные предсказывания, подрывавшие уверенность личного состава боевых частей.

План действий авиации разрабатывался до мельчайших деталей и в него ежедневно вносились поправки с учетом данных об изменении обстановки, особенно в весенние месяцы. Флот и авиация осуществляли непрерывную разведку. Сведения о противнике поступали также из других источников. В плане действий ВМС предусматривалось общее охранение, траление мин, сопровождение транспортных судов, поддержка десанта огнем корабельной артиллерии, а также создание искусственных портов, ремонт и восстановление захваченных портов и обеспечение снабжения через Ла-Манш. Были тщательно изучены оборонительные сооружения на вражеском побережье и распределены задачи по уничтожению каждой огневой точки, каждого опорного пункта. Изучались полученные аэрофотоснимки, на которых отмечалось продолжавшееся наращивание противником препятствий в прибрежных водах. Во время приливов большинство этих препятствий находилось под водой. Заранее тщательно определялись маршруты следования к портам погрузки, время отхода и прибытия судов, места размещения временных лагерей, их прикрытие и маскировка.

Старшие начальники использовали каждую возможность для посещения и инспектирования войск. Как видно из записей одного штабного офицера, в период с 1 января по 1 июня я посетил 26 дивизий, 24 аэродрома, пять боевых кораблей, многочисленные склады, ремонтные мастерские, госпитали и другие важные объекты. Брэдли, Монтгомери, Спаатс и Теддер тоже постоянно выезжали в войска.

Когда подошло время для перемещения наших войск и техники поближе к портам погрузки, южная часть Англии превратилась в один огромный лагерь.. По нашей просьбе английское правительство запретило свободный въезд в эту часть страны, а также прервало сообщение между Соединенным Королевством и Эйре, поскольку нейтральное Эйре кишело вражескими агентами. Правительство пошло даже на беспрецедентный шаг, запретив всякую дипломатическую связь, чем вызвало резкие протесты иностранных государств. Оно изъяло из прибрежного судоходства суда, с тем чтобы мы могли использовать их в военных целях. Это вызвало неимоверную загрузку и без того перегруженных железных дорог. Пассажирское

движение практически прекратилось, и даже важнейшие потребительские товары доставлялись с большим трудом. Строительство огромных искусственных гаваней требовало привлечения многих тысяч людей, и это еще больше усугубляло и без того сложную проблему перенаселенности в районах портов и гаваней.

Измученный войной английский народ спокойно и с достоинством воспринимал эти дополнительные неудобства и лишения. Воодушевленные руководством Уинстона Черчилля и тем, что назревают решающие события, англичане без уныния восприняли необходимость использования их улиц и дорог, рискуя попасть под колеса проносившихся машин; они спокойно смотрели, как растаптываются их поля и сады, терпеливо выстаивали в длинных очередях в ожидании редких поездов и тяжело страдали от дальнейших сокращений и без того мизерных пайков, лишь бы ничто не помешало переброске солдат и огромной массы грузов, которые мы поглощали с такой энергией.

Удачное сочетание лунного освещения, прилива и времени восхода солнца, которое также было необходимо для нас, наступило 5-7 нюня. Мы хотели, чтобы наши корабли с десантом пересекли Ла-Манш ночью. Это скрыло бы под покровом темноты силы и направления наших ударов. Лунный свет помог бы нам при высадке воздушного десанта. Нам нужно было приблизительно сорок минут светлого времени перед десантированием на берег, чтобы провести предварительную бомбардировку и обстрел противника из корабельной артиллерии. Мы должны были атаковать берег при относительно слабом приливе, чтобы удалить расставленные немцами препятствия, пока они были видны над водой. Эти основные факторы определяли выбор времени для высадки десанта; однако назначение конкретного дня еще зависело от прогноза погоды.

Если бы ни один из этих трех дней не оказался приемлемым с точки зрения метеорологических условий, то последствия для нас были бы очень тяжелыми. Внезапность всей операции была бы потеряна. Войска первого эшелона десанта выгрузились бы с судов и были бы остановлены в районах сосредоточения, а в это время стали бы прибывать последующие волны десанта. Сложные графики передвижения войск и техники пришлось бы выбросить за ненадобностью. Упал бы моральный дух людей. Очевидных благоприятных условий пришлось бы ждать по меньшей мере четырнадцать, а то и все двадцать восемь суток. За это время воодушевление у более чем 2 млн. человек исчезло бы. Период хорошей погоды для всей кампании на этом ТВД еще больше сократился бы, а оборона противника еще больше усилилась бы.

Очень скоро в Англии и США поняли бы, что произошло какое-то несчастье, и трудно было предвидеть возможные последствия вызванного таким ходом событий общего уныния. Наконец, постоянно беспокоила смутная тревога, что немцы устанавливают на французском побережье новое эффективное оружие. Каково будет его воздействие на наши переполненные гавани, особенно в Плимуте и Портсмуте, мы не могли предвидеть даже в общих чертах.

Это был напряженный период, еще больше осложнявшийся тем обстоятельством, что на один из факторов, который мог привести нас к полной катастрофе, мы были не в состоянии воздействовать. Как-то солдаты заметили, что погода всегда нейтральна. Нет более неверного утверждения. Плохая погода всегда является противником той стороны, которая собирается предпринять операцию только при благоприятных метеорологических условиях, или той стороны, которая обладает таким большим преимуществом, как сильная авиация, эффективность которой зависит от погоды. Если действительно будет постоянно плохая погода, нацистам ничего больше не потребуется для обороны побережья Нормандии.

Особенно трудно было решить вопрос, связанный с выброской воздушного десанта на полуостров Котантен. Десантирование с моря на восточном побережье этого полуострова, на участке под кодовым наименованием "Юта", было включено в общий план операции в силу моего убеждения, которое совпало с мнением Брэдли, что без этого будет трудно или почти невозможно быстро захватить Шербур. Если мы быстро не овладеем Шербуром, то противник может воспользоваться возможностью молотить нас на узком плацдарме с таким успехом, что сорвет всю нашу операцию. По нашему мнению, быстрый и полный успех на плацдарме "Юта" являлся предпосылкой к реальному успеху всей кампании.

Единственный доступный для десантирования участок на побережье полуострова Котантен был все же трудным. Сразу за берегом начиналась широкая лагуна, на которой было построено несколько узких насыпных дорог, ведущих в глубину полуострова. Если противник будет прочно удерживать в своих руках эти дороги, то наши высадившиеся войска окажутся в ловушке и в конечном счете будут уничтожены вражеским огнем.

Чтобы предотвратить это, мы планировали выбросить две дивизии американских парашютистов в глубине полуострова, напротив плацдарма "Юта", с основной задачей захватить и удержать за собой эти важные дороги. Местность была исключительно непригодной для воздушно-десантных операций.

Повсюду многочисленные мощные живые изгороди. Берег был усеян зенитными орудиями, сквозь огонь которых должны были пролетать уязвимые транспортные самолеты и планеры. Кроме того, в этом районе находились подвижные части противника, которые попытаются нейтрализовать наших парашютистов и планеристов до того, как те сумеют сосредоточиться и начать боевые действия.

Весь этот план подвергался длительным обсуждениям с самого начала, когда он был предложен, однако генерал Брэдли и генерал-майор Мэттью Риджуэй, наш старший американский офицер от воздушно-десантных войск, всегда решительно поддерживали меня, заявляя о необходимости и осуществимости этой операции. Вскоре эта операция была включена в общий план, и я полагал, что вопрос решен, однако в будущем ему предстояло снова всплыть в самой острой форме перед днем "Д".

Штабы, детально разрабатывавшие план операции и координировавшие все наши усилия, разумеется, работали в постоянном контакте с многочисленными ведомствами в Лондоне и Вашингтоне. Во время подготовительного периода из Вашингтона бесконечным потоком прибывали в наш штаб офицеры, чтобы дать информацию о наличии необходимых нам предметов боевого снабжения, подтвердить сроки их отправки морем, обсудить планы доставки пополнений в личном составе и т. д.

Один из главных помощников генерала Сомервелла, генерал-майор Лерой Лютее, оставался с нами в Англии в течение нескольких недель, обеспечивая на всех этапах поступление непрерывного потока военных материалов и боевой техники от заводов в Соединенных Штатах до самого фронта. У нас проходили совещания с такими людьми, как Иден и Бевин из английского кабинета, Стимсон и Стеттиниус из Вашингтона, Вайнант Гарриман и Биддл - американские представители в Лондоне -и генерал де Голль, который для этой цели специально прибыл из Африки. На этих совещаниях рассматривались самые различные вопросы, в том числе и вопросы будущего планирования, контроля над районами, в которых мы собирались действовать, и управления Германией и Австрией, когда мы дойдем до этих стран.

В течение всего этого периода у меня были частые и полезные контакты с премьер-министром Черчиллем. Он проявлял живой интерес к каждому важному вопросу и часто выручал нас, когда требовалось получить дополнительную помощь со стороны и без того перегруженных английских гражданских ведомств.

Поездки в Чекере всегда были связаны с решением в первую

очередь деловых вопросов. Однако сельская местность была настолько приятна и спокойна, что возможность иногда побродить часок по тихим полям и лесам приносила истинное успокоение. В свое время Чекере занимал Кромвель. Все здесь представляло исторический интерес - окружающая обстановка, архитектура, меблировка.

Обычно премьер-министр просил гостей прибыть к концу второй половины дня. За обедом следовал короткий кинофильм, и затем, примерно в половине одиннадцатого вечера, начиналось деловое совещание. Иногда эти совещания продолжались до трех часов утра. Почти всегда при этом присутствовали Идеи и один или несколько членов комитета начальников штабов. Через каждые несколько часов из лондонской штаб-квартиры поступали оперативные донесения, и Черчилль всегда участвовал в формулировании указаний даже по сугубо военным вопросам.

Как и в большинстве других английских домов, в Чекерсе имелась книга записи гостей, в которой каждый гость должен был поставить свою подпись. Однажды во время поездки на южное побережье я заскочил в Чекере на несколько минут, чтобы увидеться с Черчиллем. Поговорив с ним, я быстро направился к выходу и, уже садясь в машину, увидел слугу. "Сэр, вы забыли расписаться в книге", - сказал он, и его торжественный тон означал, что ему трудно найти оправдание моей оплошности. Я тут же исправил свой промах.

На всех наших совещаниях Черчилль ясно и конкретно выражал свое отношение к операции "Оверлорд" и связанные с ней свои надежды. Постепенно он стал более оптимистичен, чем раньше, относительно ожидаемых результатов этой операции, но все еще не мог полностью отказаться от своих сомнений. Не один раз он говорил: "Генерал, если ко времени наступления зимы вы прочно обоснуетесь на континенте со своими тридцатью шестью союзными дивизиями и захватите полуострова Котантен и Бретань, то я заявлю всему миру, что это была самая успешная операция во всей войне. - И затем добавлял:

- А если, кроме того, вы обеспечите себя портом у Гавра и освободите прекрасный Париж от врага, я буду доказывать, что это величайшая победа наших времен".

Как всегда, я отвечал: "Господин премьер-министр, я заверяю вас, что в наступающей зиме союзные войска достигнут границ самой Германии. Вы рассчитываете только на наши нынешние тридцать шесть дивизий. Мы же намерены доставить сюда со Средиземноморского ТВД еще десять дивизий, а через порты, которые захватим очень скоро, мы начнем перебрасывать сюда дополнительно сорок дивизий из Соединенных Штатов".

Он сомневался, что мы сумеем захватить такую огромную территорию в течение лета и осени 1944 года, и замечал, что все это будет позднее, а пока он остается при своем мнении. На мои утверждения, что нарисованная мною картина представлена в не слишком розовых тонах, даже если немцы будут сражаться до последнего солдата, он обычно с улыбкой отвечал: "Мой дорогой генерал, для руководителя очень хорошо всегда быть оптимистичным. Я аплодирую вашему энтузиазму, но освободите Париж к Рождеству, и никто из нас не станет просить вас о большем".

7 апреля генерал Монтгомери совместно с представителями авиационного и морского штабов был готов детально доложить план наступления сухопутных сил на побережье. В помещении школы Святого Павла в Лондоне в течение всего дня проводилось большое совещание, на котором обсуждался замысел операции и согласовывались различные вопросы.

В соответствии с планом высадки союзных войск на французском побережье американцы должны были действовать на правом фланге боевого порядка, а англичане и канадцы - на левом. Правый фланг войск при десантировании заканчивался участком побережья под кодовым названием "Юта" на полуострове Котантен, а левый фланг - примерно устьем реки Орн. Ширина всей полосы наступления составляла свыше шестидесяти миль.

Поскольку мы хотели выдвинуться в районы, где можно было наиболее эффективно использовать наши крупные танковые силы, а также разместить поближе к линии фронта огромное число истребителей-бомбардировщиков, планом предусматривался быстрый захват английской 2-й армией равнинной местности к югу от Кана. Правее этого города американцы должны были наступать в южном направлении от плацдарма "Омаха" и двигаться на одной линии с английскими войсками, в то время как корпус генерал-майора Лоутона Коллинса после высадки на плацдарме "Юта" имел своей основной задачей быстрое овладение Шербуром. Поскольку немцы держали крупные силы в районе Кале, казалось вполне вероятным, что для сохранения связи между этим районом и Нормандией противник сосредоточит свои основные усилия у Кана. Он наверняка предпримет также отчаянные попытки удержать за собой Шербур и тем самым лишить нас возможности воспользоваться этим портом. Тем не менее мы надеялись, что быстрота и внезапность наших действий позволят нам легко овладеть равнинной местностью за Каном, а американцы, по оценке Брэдли, в пределах от десяти до тридцати дней захватят

Шербур.

В плане, разработанном Монтгомери, указывались также районы, где, по его мнению, могут произойти задержки в продвижении наших войск после десантирования. Эти районы были нанесены на карту "Прогноз операции "Оверлорд".

Ожидаемое развитие хода событий на всех фазах операций, разумеется, не являлось существенной частью плана боевых действий, поскольку первой и основной задачей был захват такого плацдарма, который позволил бы максимально быстро сосредоточить на нем достаточные силы для последующего решающего сражения за Францию. Однако планируемый ход операции всегда полезен для штабов и служб тыла, ибо только на этой основе они могут составлять свои расчеты в соответствии с общим замыслом боя. Предсказанный рубеж, на который войска должны были выйти на девяностые сутки боевых действий, был достигнут с некоторым опережением графика, однако прогнозы на первые дни операции не оправдались. Отсюда возникли некоторые трудности.

15 мая под руководством штаба верховного командования союзными экспедиционными силами было проведено в помещении школы Святого Павла заключительное совещание. На нем присутствовали король Великобритании, Черчилль со старым другом - фельдмаршалом Смэтсом, а также почти все члены военного кабинета и английского комитета начальников штабов. За всю войну я не присутствовал на совещании, где было столько высокопоставленных лиц. На нем ставилась задача рассмотреть оставшиеся нерешенными вопросы и устранить ранее отмеченные недостатки, а также обратить внимание всех командующих на широкие цели, выдвигаемые высшим штабом, напомнить каждому из них о той поддержке, на которую он может рассчитывать. Были окончательно уточнены и утверждены распоряжения войскам о соблюдении мер предосторожности в период следования в порты погрузки. Главные усилия направлялись на обеспечение скрытности действий войск.

На этом совещании нам представилась возможность услышать выступление короля и премьер-министра Великобритании. Последний произнес типичную для него боевую речь, в которой он использовал настолько сильные выражения, что поразил многих из нас, особенно американцев. Черчилль заявил: "Господа, у меня укрепляется уверенность в отношении этого предприятия". Мы знали, что он долгое время сомневался в его осуществимости и ранее выступал за дальнейшую отсрочку в пользу проведения операций в других местах, но теперь, на последней стадии приготовлений, наконец стал верить вместе со

всеми нами, что это единственно правильный курс действий для достижения победы.

Перед фактическим началом боевых действий основная часть штаба верховного командования союзных экспедиционных сил и штаб 21-й группы армий разместились в Портсмуте, на южном побережье Англии. Это был наш главный район посадки и погрузки на суда, здесь военно-морские силы развернули средства связи, которые в первые часы дня "Д" должны были обеспечивать нас информацией о продвижении каждой части огромной армады.

К тому времени, когда основной состав нашего штаба переместился в Портсмут, я считал, что оставалось принять только одно важное решение до дня "Д", а именно назначить конкретный день и час начала нашего наступления. Однако главный маршал авиации Ли-Меллори еще полностью не решил старый вопрос относительно целесообразности выброски воздушного десанта на полуостров Котантен. 30 мая он прибыл ко мне, чтобы еще раз высказаться против, как он выразился, бесполезной гибели двух прекрасных дивизий. Он считал, что трудная для приземления местность и ожидаемое сопротивление противника создавали слишком большой риск для воздушного десанта. Такого опасного положения не предвиделось на левом фланге, где выбрасывали английскую воздушно-десантную дивизию. По подсчетам Ли-Меллори, потери среди американских частей будут до семидесяти процентов в планерах и по меньшей мере около пятидесяти процентов в самолетах, до того как они сумеют приземлиться. Следовательно, у дивизий не останется сил для решения даже поставленных боевых задач, и поэтому вся операция окажется бесполезной для исхода общего наступления.

Конечно, Ли-Меллори, отличавшийся большой личной отвагой, был искренен в своих убеждениях на этот счет и считал долгом откровенно высказать мне свое мнение.

Трудно себе представить более мучительную проблему. Если он, мой эксперт, прав, тогда запланированная операция была настоящей глупостью, потому что даже ценой огромных потерь, которые он предсказывал, мы не достигли бы основной цели, которая преследовалась выброской этого десанта. Более того, если он прав, то получалось, что высадка десанта с моря на участок побережья "Юта", очевидно, была безнадежной, а это означало, что вся операция вдруг становилась настолько рискованной и даже безрассудной, что возникала угроза колоссальной неудачи и даже поражения союзников в Европе.

Чтобы обезопасить Ли-Меллори на тот случай, если его рекомендациям не придадут значения, я предложил ему изложить

свое мнение в письменной форме и сообщил, что мой ответ он получит через несколько часов. Я не стал ни к кому обращаться с этой проблемой. Профессиональные рекомендации больше тут не помогли бы.

Я направился в свою палатку и стал снова размышлять над этой проблемой. Я понимал, конечно, что если преднамеренно пренебрегу советами моего технического эксперта по этому вопросу и его предостережения окажутся правильными, то до самой могилы нести мне тяжкое бремя угрызений совести за неоправданные жертвы тысяч людей, цвета нашей молодежи. Однако еще страшнее было то, что последствия этой катастрофы могли -оказаться далеко не местного значения: если он прав, они скажутся на всех войсках, участвующих в операции.

Если я должен отменить выброску воздушного десанта, тогда мне придется отказаться от высадки морского десанта на участок побережья "Юта", поскольку я подвергну атакующие там войска еще большей опасности, чем та, какую предсказывали для воздушного десанта. Если я отменю высадку войск на участок побережья "Юта", тем самым я настолько серьезно расстрою тщательно разработанные планы, что уменьшатся шансы на успехи в других местах, а позднее станет, вероятно, невозможно организовать снабжение действующих там войск. В ходе длительного и трезвого рассмотрения всего плана операции мы пришли к мнению, что высадка десанта на участок "Юта" играет существенную роль в обеспечении нашего общего успеха. Отказаться от нее фактически означало отказаться от плана, в который я безоговорочно верил более двух лет.

Наконец, предварительные расчеты Ли-Меллори были просто расчетами, и не более, а наш опыт в Сицилии и Италии никоим образом не оправдывал его пессимизма. Брэдли, Риджуэй и другие офицеры всегда поддерживали меня и штаб в этом вопросе, и это меня воодушевляло настаивать на ошибочности взглядов Ли-Меллори.

Я позвонил ему по телефону и сказал, что высадка воздушного десанта будет произведена в соответствии с планом и что я сейчас же дам письменное подтверждение этому. Позднее, когда десантирование с воздуха оказалось успешным, он первым позвонил мне, чтобы высказать удовлетворение и выразить сожаление по поводу того, что он добавил к моим личным заботам и этот груз в те последние напряженные дни перед днем "Д".

Перед началом операции нам наносили визиты многие важные официальные представители. Одним из наших последних посетителей был генерал де Голль. С ним у нас возникли

некоторые разногласия относительно времени и характера тех заявлений, с которыми нужно было обратиться к французскому населению сразу же после высадки союзных войск. Генерал де Голль хотел, чтобы оба союзных правительства ясно и определенно признали его как правителя Франции. Он настаивал, что только он один имеет право отдавать приказ французскому населению о необходимости сотрудничать с союзными войсками. Президент Рузвельт категорически возражал против такого признания генерала де Голля и, как всегда, упорно отстаивал идею, что суверенитет Франции находится в руках народа и что союзники вступают на ее территорию не для того, чтобы навязывать населению какое-либо конкретное правительство или конкретного правителя. Поэтому, продолжал он, из наших заявлений должно явствовать, что мы готовы сотрудничать с любыми французскими силами, которые будут участвовать в разгроме немецкой армии. Он соглашался с тем, что, если какая-либо группировка этих сил или все они решат следовать за де Голлем, мы будем действовать через де Голля, но президент не соглашался поставить генерала правителем над кем бы то ни было.

Задача разработать план, удовлетворявший де Голля и в то же время удерживающий нас в рамках установленных нашими правительствами пределов, выпала в основном на долю моего штаба и причинила немало беспокойств, так как мы зависели от существенной помощи со I стороны повстанцев во Франции. По имевшимся сведениям, они были особенно многочисленны в районе Бретани и в городах Юго-Восточной Франции. Открытое столкновение с де Голлем по этому вопросу нанесло бы нам неизмеримый ущерб и привело бы к горьким взаимным обвинениям и ненужным жертвам.

По мнению штаба, это возражение Рузвельта являлось в некотором смысле академическим. Как здесь полагали, по крайней мере на начальных стадиях операции, де Голль будет представлять единственную власть, которая может обеспечить хоть какую-нибудь координацию и единство действий французов, и не будет никакого ущерба от того признания его роли, которого он добивается. Его нужно просто поставить в известность, что, как только страна будет освобождена, французский народ сам определит свое собственное правительство и лидера. С согласия наших правительств мы уже приняли представителя де Голля генерала Кенига, командующего французскими внутренними вооруженными силами, который в системе союзного командования являлся моим прямым подчиненным.

Мы особенно хотели, чтобы де Голль вместе со мной в день

"Д" обратился по радио к французскому населению с тем, чтобы оно, избегая восстаний и бесполезных жертв на второстепенных участках, было всегда готово оказать нам помощь там, где она понадобится. Мы упорно стремились, в рамках полученных инструкций, склонить де Голля согласиться с нашей точкой зрения, и хотя после начала кампании он эффективно сотрудничал с нами, но в тот момент он удовлетворял не все наши просьбы.

В оставшиеся до начала операции дни предстояло отрегулировать еще ряд некоторых деталей. Но главное, что больше всего беспокоило нас, - это какая погода будет в период с 5 по 7 июня.

Вся Южная Англия была забита войсками, ожидавшими последней команды. Вокруг стояли груды военных материалов и масса боевой техники, приготовленные для переброски через Ла-Манш. Весь этот район был отрезан от остальной части Англии. Правительство установило полосу, которую никто не имел права пересекать ни в том, ни в другом направлении без специального пропуска. График движения каждой части был составлен так, чтобы она точно прибывала к месту погрузки на суда. Самые южные лагеря, где были сосредоточены войска первого эшелона десанта, находились уже за плотной оградой из колючей проволоки, чтобы предотвратить самовольный уход какого-либо солдата из своего подразделения после того, как он получит боевую задачу для высадки на французское побережье. Вся эта мощная сила была напряжена, подобно сжатой пружине, готовая в нужный момент устремиться через Ла-Манш для осуществления величайшей в истории десантной операции.

Дважды в день - в 9.30 вечера и в 4.00 утра - мы собирались с представителями метеорологического комитета, состоявшего из американских и английских специалистов. Возглавлял этот комитет суровый и осторожный шотландец полковник авиации Стэг. На этих совещаниях эксперты детально докладывали о метеорологических прогнозах на ближайшее время. С приближением критического периода нарастала напряженность. По мере того как перспективы на приличную погоду становились все хуже и хуже, напряженность среди командного состава нарастала.

Последнее такое совещание было запланировано на 4 часа утра 4 июня, чтобы в пробном порядке назначить дату вторжения на 5 июня. Однако некоторые контингента войск, размещавшиеся в северных частях Великобритании, уже получили приказ выйти в море, так как они не могли ждать окончательного решения до утра 4 июня.

Когда командующие войсками собрались на это совещание, поступивший прогноз погоды был обескураживающим: низкая облачность, сильный ветер и большое волнение на море обещали превратить высадку десанта в самое рискованное дело. Метеорологи заявили, что в таких условиях станет невозможной авиационная поддержка, огонь корабельной артиллерии будет неэффективным, а управление мелкими судами - затруднено. Адмирал Рамсей считал, что с управлением судов можно справиться, но вести точный огонь из корабельной артиллерии действительно трудно. В основном он занимал нейтральную позицию. Генерал Монтгомери, обеспокоенный неблагоприятными последствиями при задержке десантирования, предлагал начать операцию. Теддер не соглашался с ним.

Оценив все факторы, я решил, что вторжение следует отложить. Это заставило нас немедленно вернуть в порты уже находившиеся в пути суда и породило некоторые сомнения относительно того, будут ли они готовы вновь выйти в море через 24 часа, если погода на следующий день окажется благоприятной. Маневр кораблей и судов в Ирландском море оказался крайне трудным в условиях шторма, но их команды, проявив высокую выучку и мастерство, сумели справиться со своей задачей.

Совещание вечером 4 июня добавило мало чего утешительного к общей картине утреннего доклада, и напряженность еще больше усилилась.

В 3.40 на следующее утро наш небольшой лагерь сотрясался под порывами ветра, достигавшего почти ураганной силы, а дождь, казалось, шел сплошной стеной. Путь в одну милю через раскисшие дороги в военно-морской штаб был далеко не ободряющим, и казалось, что нет никакого смысла проводить какое-либо совещание. Когда же оно началось, полковник Стэг в своем докладе отметил, что плохие погодные условия, предсказанные за день до этого для северного побережья Франции, фактически подтвердились и что если бы мы настояли на десантировании 5 июня, то почти наверняка произошла бы крупная катастрофа. Это метеорологи, вероятно, сообщили для того, чтобы приободрить нас, потому что их последующее заявление поразило всех: к следующему утру наступит до сих пор совершенно непредвиденный период относительно хорошей погоды продолжительностью около тридцати шести часов. Правда, долгосрочный прогноз погоды был неважным, и после короткого периода относительного спокойствия ожидалось опять ухудшение погоды.

Перспектива была неясной, поскольку после успешной высадки первых волн десанта нам пришлось бы из-за ухудшения

погоды прекратить наращивание сил на плацдарме и тем самым оставить изолированные друг от друга высадившиеся войска в качестве легкой добычи для противника. Однако возможные последствия дальнейшей задержки оправдывали большой риск, и я быстро объявил решение приступить к десантированию 6 июня. Было 4.15 утра 5 июня. Никто из присутствовавших не выразил своего несогласия, наоборот, на их лицах появилось определенное просветление, и каждый без лишних слов направился на командный пункт, чтобы немедленно радировать своим войскам решение, которое приведет их в движение.

Многие офицеры моего штаба обращались ко мне просьбой разрешить им следовать на борту поддерживающих кораблей, чтобы быть свидетелями высадки десанта. Каждый работник штаба всегда мог привести десятки доводов, чтобы доказать, почему ему необходимо сопровождать десантируемые войска, а не оставаться на месте и выполнять порученное дело. Всем было отказано, за исключением тех, кто занимался обеспечением конкретных боевых задач, и, конечно, установленного числа представителей прессы и радио.

И опять я должен был выдержать мучительное ожидание, которое всегда наступает в период между принятием окончательного решения и появлением первых признаков успеха или неудачи в таких предприятиях. Я провел это время в поездках по войскам, которым предстояло высаживаться на побережье Франции. Поздно вечером 5 июня я заехал в лагерь американской 101-й воздушно-десантной дивизии, одной из тех дивизий, целесообразность участия которых в воздушном десанте подвергалась столь серьезному сомнению со стороны главного маршала авиации Ли-Меллори. Я застал солдат в хорошем настроении; многие из них шутливо говорили мне, что нет никаких причин для беспокойства, поскольку за дело берется 101-я дивизия. Все будет сделано в лучшем виде. Я оставался с ними, пока последние группы не поднялись в воздух примерно около полуночи. После двухчасовой езды обратно в свой лагерь оставалось уже очень немного времени, когда должно было начаться поступление первых донесений от высадившихся на берег войск.

Глава 14. День "Д" и высадка десанта

Первое донесение поступило от воздушно-десантных частей, которые я посетил за несколько часов до начала операции, и по тону оно было весьма обнадеживающим. Утром стало ясно, что десантирование проходило довольно успешно. Монтгомери вышел на эсминце, чтобы осмотреть плацдармы и подобрать место для первого эшелона своего штаба. Я обещал посетить его

на следующий день.

Боевые действия на участке "Юта", где десантирование с моря увязывалось с выброской американского воздушного десанта, проходили удовлетворительно, как и бои на левом фланге района десантирования войск. Дневные донесения, однако, показывали, что на участке "Омаха" развернулось исключительно ожесточенное сражение. Я решил, что следующим утром мне надо побывать именно на этом участке.

Мы вышли на эсминце и по прибытии на участок "Омаха" узнали, что 1-я и 29-я дивизии наконец выбили немцев с прибрежных оборонительных позиций и быстро продвигаются вперед. Отдельные очаги сопротивления все еще продолжали сдерживать натиск наших войск; кое-где противник вел беспокоящий артиллерийский огонь по высаживающимся на берег войскам и десантным судам. Мне представилась возможность переговорить с генералом Брэдли, и я нашел его, как всегда, стойким и уверенным в успехе боя. В сущности, то сопротивление, с которым мы встретились на участке "Омаха", не явилось для нас неожиданностью, ибо мы предполагали, что оно будет именно таким по всему побережью. Убеждение немцев, что мы не предпримем высадку десанта в такую погоду, сыграло роль в достижении нами определенной внезапности и в некоторой степени явилось причиной невысокой активности сопротивления на большинстве участков десантирования. Напряженность боев на участке "Омаха" объяснялась тем, что немецкая 352-я дивизия находилась в состоянии боевой готовности и проводила в этом районе, как показали пленные, учения по обороне побережья.

За день я объехал все участки захваченного побережья и побеседовал с основными командующими, в том числе с Монтгомери. К вечеру, следуя на большой скорости вдоль берега, наш эсминец наскочил на мель и получил такие повреждения, что нам пришлось пересесть на другой корабль, чтобы вернуться в Портсмут.

Последующие несколько дней подвергли серьезному испытанию наш план наращивания сил на плацдарме, который с такой терпеливостью разрабатывался в течение многих месяцев. В целом он выполнялся хорошо, хотя то здесь, то там неожиданно возникавшие обстоятельства требовали внесения в него небольших изменений. Размещение моего штаба в Портсмуте позволяло делать это быстро и без осложнений.

При претворении в жизнь такого рода планов всегда появляются непредвиденные затруднения, которые можно довольно легко устранить, если высшее командование внимательно следит за обстановкой и принимает

соответствующие меры. Во избежание различных осложнений и неразберихи при нарушении графика перевозки людей и грузов нами был создан специальный орган из представителей всех служб. Через него вполне удовлетворительно решались все транспортные вопросы.

В Вашингтоне также нарастало напряжение в связи с осуществлением вторжения в Европу. Едва мы успели закрепиться на берегу Нормандии, как в Англию прибыли генерал Маршалл, адмирал Кинг, генерал Арнольд в сопровождении офицеров из соответствующих штабов. Я организовал им поездку на плацдарм днем 12 июня. Их присутствие на захваченном берегу, где они испытывали явное удовлетворение достигнутыми результатами, ободряюще действовало на войска. Важность таких визитов, совершаемых военачальниками, в том числе иногда самыми высокопоставленными представителями правительства, едва ли можно переоценить в смысле их значения для поддержания морального духа частей и подразделений. У солдата всегда появляется чувство удовлетворения, когда он видит поблизости от себя очень большого начальника, вероятно, полагая, что район безопасен, иначе такой начальник не находился бы здесь.

Период от дня "Д" до нашего решительного прорыва вражеской обороны 25 июля составил определенную фазу в операциях союзных войск и получил название "Сражение за плацдарм". Эта фаза включала в себя ряд непрерывных и тяжелых боев, в ходе которых, если не считать захвата Шербура, нам не удалось далеко продвинуться. Однако именно в это время были подготовлены условия для последующих действий по освобождению Франции и Бельгии. В ходе боев на плацдарме мы проверили на практике многие положения нашей доктрины и организацию материального обеспечения войск, которые оказались полезными для нас на последующих этапах войны.

Монтгомери, зная, что Роммель, его старый противник по боям в пустынях Африки, будет руководить обороной немцев, предсказывал, что действия противника будут характеризоваться постоянными контратаками, осуществляемыми любыми силами, какие окажутся у него под рукой, - от дивизии до батальона.и даже роты. Монтгомери исключал возможность того, что противник под руководством Роммеля будет выбирать естественные оборонительные рубежи и спокойно и терпеливо наращивать максимально возможные силы, чтобы затем предпринять решительное контрнаступление на наши войска в прибрежной зоне. Его предсказания полностью подтвердились.

Со дня, как мы высадились на берег, боевые действия нигде не приобретали позиционного характера времен Первой мировой

войны, за исключением боев у отдельных изолированных пунктов. Однако такая возможность существовала, и все мы, а особенно наши английские друзья, это всегда помнили.

Брэдли предсказывал, что захват Шербура будет довольно трудным делом, и рассчитывал на быстроту и решительность действий, а также на силу своих войск, чтобы скорее добиться полного успеха в этом районе. По его мнению, на выполнение этой задачи потребуется десять дней, если нам повезет, и тридцать, если не повезет. В числе всего прочего исход подобных прогнозов зависел, разумеется, от успешного наращивания наших сил на плацдарме. В планах высадки детально предусматривалась почасовая и ежедневная доставка на берег войск и различного рода боевой техники, которые требовались не только для текущих операций, но и для создания резервов, чтобы можно было перейти к решающим фазам сражения.

На начальном этапе боев вопреки нашим надеждам нам не удалось захватить город Кан и прилегающую к нему с юга и юго-востока территорию, где мы собирались побыстрее ввести в действие наши танковые силы и в широких масштабах применить авиацию. Бои в этом районе приобрели непрерывный и напряженный характер. Роммель упорно оборонялся, и по мере развития событий нам стало ясно, почему он так настойчиво цеплялся здесь за каждый клочок земли.

Чтобы усилить оборону, противник сначала стянул в зону боев все войска, какие можно было снять с других районов полуострова Бретань. Затем он доставил сюда дивизии из Южной Франции и Нидерландов. Его единственные оставшиеся крупные резервы в Северо-Западной Европе, которые не были введены в бой, находились около Кале в составе 15-й армии. Чтобы сохранить связь с этой армией, он должен был удержать за собой Кан. В случае потери этого города его основные две группировки оказались бы отрезанными одна от другой, и после этого их совместные действия были бы возможны только после осуществления длительного отхода. Поэтому противник срочно бросил в район города Кан свои лучшие дивизии и принял все необходимые меры для обороны этого района до конца.

Срыв наших усилий по выполнению ближайшей задачи в восточном секторе не повлек за собой изменений основных целей оперативного плана. Тем не менее это еще раз подтвердило ту старую истину, что в каждый план боя, в котором на основании решения командира определяется боевой порядок войск и выделяются необходимые средства для достижения поставленных целей, всегда приходится вносить поправки в зависимости от складывающейся обстановки. Как только стало ясно, что

противник намеревается любой ценой удержать за собой Кан, как ключевой пункт в его обороне, мы сразу же воспользовались этим в своих интересах, чтобы приковать немцев к этому району и тем самым облегчить наши действия на других участках.

Первоначально 7-й корпус генерала Коллинса наступал непосредственно в западном направлении, чтобы перерезать полуостров Котантен. Затем он быстро повернул в сторону Шербура, предварительно обеспечив себе прочное прикрытие с юга, чтобы заблокировать любые попытки противника направить подкрепления на этот полуостров.

Первая "летающая бомба", известная как Фау-1, 12 июня 1944 года достигла Лондона. Она представляла собой небольшой беспилотный самолет, летевший на большой скорости по заранее установленному курсу. Самолет-снаряд Фау-1 нес в себе крупный взрывной заряд, детонировавший при падении и вызывавший большие разрушения. Первые Фау-2 были использованы только в начале августа. Это была ракета, запускаемая на большую высоту и падавшая оттуда с такой скоростью, что ее обнаруживали только тогда, когда уже раздавался взрыв. Во время полета ее нельзя было услышать или увидеть, а также невозможно было перехватить, и по этой причине она не наводила столько страха, сколько Фау-1.

Баллистическая ракета Фау-2 причиняла особенно большие разрушения, если попадала прямо на какой-либо объект. Благодаря большой скорости она проникала глубоко в землю, и ее огромное разрывное действие направлялось вверх. Поэтому, когда она взрывалась на открытой местности, ее действие было относительно малоэффективным, но в случае падения на здание она почти полностью разрушала его.

Разработка и использование самолета-снаряда Фау-1 и баллистической ракеты Фау-2 были, несомненно, в значительной мере задержаны нашими весенними бомбардировками тех мест, где, как мы подозревали, их изготовляли. Было известно, что Пенемюнде являлся одним из крупнейших экспериментальных центров в Германии, и мы периодически направляли туда крупные соединения бомбардировщиков для нанесения ударов по подозреваемым объектам в этом районе. Нам сообщали и о других подозрительных местах. Одним из таких был Тронхейм в Норвегии, где, как мы считали, немцы работали над созданием атомного оружия. Мы также подвергали воздушным бомбардировкам северо-западное побережье Европы, где, по данным нашей аэрофоторазведки, имелись многочисленные сооружения, которые могли быть связаны с использованием нового немецкого оружия. Мы непрерывно бомбили их с воздуха.

Новое вражеское оружие оказывало заметное воздействие на моральное состояние англичан, но они выдержали эти ужасные бомбардировки. Однако после успешной высадки союзников в июне 1944 года на побережье Нормандии англичане, несомненно, испытывали огромное чувство облегчения не только в связи с появившейся перспективой на победу, но и в связи с надеждой избавиться от вражеских бомбардировок. Однако когда эти "летающие бомбы" стали появляться над Лондоном в значительном количестве, надежды англичан исчезли. Угнетающее воздействие этого оружия распространялось и на солдат, которые на фронте вновь стали проявлять беспокойство за судьбу своих родственников и друзей. Многие американцы спрашивали меня с тревогой о том, что стало с теми городами Южной Англии, в которых они размещались перед началом операции "Оверлорд".

Вероятно, если бы немцам удалось усовершенствовать это оружие месяцев шесть назад и пустить его в ход, то наше вторжение в Европу было бы крайне затруднено, а возможно, и исключено. Я убежден, что если бы противник сумел использовать такое оружие в течение этого времени против основных объектов в районе Портсмута, Саутгемптона, то вся операция "Оверлорд" могла бы оказаться перечеркнутой.

Принятые вскоре меры против Фау-1 дали положительные результаты, однако и при этом угроза использования их существовала круглые сутки и в любую погоду. На фронте мы стремились поскорее захватить районы стартовых позиций, откуда запускалось это оружие против Англии. Однако следует отдать должное английским руководителям: ни один из них никогда не ставил передо мной вопроса об изменении наших планов операций с целью поскорее избавить Англию от этого бедствия.

Монтгомери 18 июня все еще считал, что условия позволяют осуществить быстрый захват Кана. В его директиве говорилось: "Ясно, что теперь мы должны захватить Кан и Шербур и сделать первый шаг на пути полного осуществления наших планов. Кан действительно является ключом к Шербуру..." В той же директиве он дал следующие указания английской армии: "Непосредственной задачей английских войск является захват Кана..." Последнее предложение этого приказа гласило: "Я надеюсь, что к 24 июня как Кан, так и Шербур будут захвачены".

На левом фланге немецкие танковые части и оборонявшаяся пехота продолжали срывать наши намерения, однако порт Шербур пал 26 июня, на двадцатый день после высадки союзных войск в Нормандии. Генерал Коллинс вел быстрое наступление в

этом направлении и в результате оправдал свою кличку Молниеносный Джо. В заключительной стадии наступления существенную помощь его войскам оказал сильный и точный огонь корабельной артиллерии.

Что касается везения, то оно было средним между минимальной и максимальной оценками, высказанными генералом Брэдли. Наша большая удача состояла главным образом в достижении определенной внезапности при высадке на участке "Юта", который немцы считали непригодным для крупной десантной операции, и в эффективных действиях 82-й и 101-й воздушно-десантных дивизий, высадившихся почти в центре полуострова. 19 июня на нас обрушился ураган. Он почти полностью приостановил на четверо суток высадку войск и боевой техники на плацдарм и тем самым серьезно помешал всему ходу боевых действий. Связь между Британскими островами и континентом прекратилась; невозможно было даже посадить самолет на небольшую взлетно-посадочную полосу, которую мы построили на плацдарме. Искусственный порт на участке "Омаха" в американском секторе получил такие повреждения, что нечего было и думать о его ремонте. Огромное число кораблей и небольших судов село на мель или оказалось выброшенным на берег. Если бы не проведенная до этого эффективная авиационная подготовка по немецким войскам, то сложившиеся в результате урагана условия были бы идеальными для немецкого контрнаступления. Здесь, как всегда, сказалось решающее влияние военно-воздушной мощи на ход сражения, которое вели сухопутные войска.

В день прекращения шторма я облетел весь участок побережья, где высадились войска, и насчитал более 300 разрушенных судов; некоторые из них были так повреждены, что восстановить их не представлялось возможным.

Когда налетел ураган, американская 83-я дивизия находилась на судах как раз напротив побережья. Выгрузка дивизии в таких условиях полностью исключалась, и ее личный состав весь шторм провел на судах, подвергаясь тяжелому испытанию. Я посетил солдат этой дивизии в день, когда они наконец вышли на берег; многие все еще страдали от морской болезни и находились в состоянии полного изнеможения.

За всю войну я не видел такой картины, которая произвела бы на меня столь сильное впечатление, как вид разрушенной техники на берегу и в прибрежных водах. Для любой другой страны такая катастрофа оказалась бы почти роковой, однако Америка с ее огромными производственными возможностями сумела обеспечить наращивание сил на плацдарме.

С захватом Шербура немедленно начались восстановительные работы в порту. Немцы сильно разрушили порт и заминировали гавань и подступы к ней самыми, разнообразными минами. Некоторые из новых типов мин могли быть обезврежены только с помощью водолазов. Работа экипажей минных тральщиков и водолазов в шербурской гавани была полна драматизма и мужества.

В течение двадцати дней, которые потребовались американскому 7-му корпусу для захвата Шербура, союзные войска на остальных участках фронта продолжали вести непрерывные бои без существенного продвижения вперед, а в районе Кана боевые действия зашли почти в тупик.

Монтгомери прекрасно осуществлял боевое руководство английскими и канадскими войсками на правом фланге и их взаимодействие с американцами. Он хорошо понимал душу английского солдата, и моральное состояние в подчиненных ему войсках оставалось высоким, несмотря на неудачи и потери.

Генерал Брэдли проявил непоколебимость, энергию, профессиональное мастерство и способность добиваться слаженности в действиях американских войск, которая была выкована на нормандском плацдарме и ни разу не была серьезно поколеблена в последующем ходе войны. Он тогда командовал 1-й армией. Генерал-майор Элвуд Куэсада, молодой и энергичный офицер ВВС, руководил тактическими авиагруппами, непосредственно поддерживавшими 1-го армию. Взаимное доверие, сложившееся между ними, тесное взаимодействие на поле боя и то боевое настроение, которое они умели создать у своих подчиненных, - все это служило приятным контрастом с теми другими случаями, с которыми мне пришлось столкнуться в начале войны. Действия военно-морских сил также прекрасно вписались в эти общие усилия. Успехи трех видов американских вооруженных сил в Европе под единым командованием оказали сильное влияние на мою решимость добиваться введения аналогичной системы руководства в послевоенных вооруженных силах США.

На первых стадиях операции я почти все время находился и беспрерывных поездках. Посещения Монтгомери, Брэдли или выезды в действующие войска чередовались с напряженной работой в моем штабе в Портсмуте, где я координировал морские перевозки, планировал боевые действия и проверял соединения, которые еще находились в Англии и предназначались для ввода в бой в ближайшее время.

Одним небольшим событием, приятным лично для меня и характеризовавшим постоянную внимательность генерала

Маршалла к своим подчиненным, явилось прибытие ко мне моего сына примерно в середине июня. Он окончил Вест-Пойнт, и с одобрения генерала Маршалла ему разрешили провести краткосрочный отпуск со мной, только при условии, что он вернется в Соединенные Штаты на курсы повышенной подготовки к 1 июля. Мы в эти дни разъезжали с ним повсюду, и он был очень доволен. Единственное, что огорчило его, - это мой отказ вмешаться в нормальный ход военной службы молодого офицера и назначить его в одну из пехотных дивизий, находившихся тогда в Европе.

Как английские, так и американские войска упорно наращивали силы на континенте, несмотря на потери и задержки, вызванные сильным штормом 19 июня. Но все это носило временный характер и не оказывало существенного влияния на претворение в жизнь наших планов.

Непрерывное прибытие свежих войск позволяло нам поддерживать наступательные действия в условиях неблагоприятной местности и погоды. На востоке мы старались сковать максимальные силы немцев, а на западе пытались развить успех с ограниченного плацдарма, чтобы окончательно прорвать вражескую оборону.

Для всех нас конец июня оказался трудным периодом. Некоторые высокопоставленные гости, появлявшиеся у нас, начинали выражать опасения, что мы заходим в тупик и что те, кто предсказывал мрачный исход операции "Оверлорд", видимо, были правы. Большой риск, который всегда сопровождает десантную операцию, заключается в том, что высадившиеся войска могут оказаться заблокированными противником. Захват соответствующего плацдарма является предпосылкой для наращивания на нем войск и боевой техники, необходимых для решающих активных боевых действий.

Когда условия местности благоприятны для обороны и позволяют хорошо организовать снабжение войск и доставку подкреплений, существует опасность того, что, несмотря на успешную высадку, дальнейшие боевые действия наступающей стороны могут скорее превратиться в затяжные изматывающие бои, чем в сокрушительное наступление против основных сил обороняющегося противника. Именно такая обстановка сложилась для союзников у Галлиполи во время Первой мировой войны и частично повторилась в ходе боевых действий у Анцио в первые месяцы 1944 года. Разумеется, возможность возникновения такого положения нами задолго до высадки была тщательно изучена, и были приняты соответствующие меры. Главным средством для устранения такой ситуации являлась

наша воздушная и морская мощь. Мы были уверены, что с помощью авиации расстроим систему снабжения и коммуникаций противника, сорвем быстрые переброски его войск и разрушим подготовленную оборону. Посредством военно-морских сил и искусственных портов мы обеспечим себе надежную и эффективную систему снабжения войск и доставку подкреплений. Следовательно, мы были уверены, что нам удастся осуществить наращивание сил. Кроме того, была возможность предпринять вспомогательную десантную операцию, а также выбросить воздушный десант на полуостров Бретань.

На первоначальном этапе планирования операции огромное значение придавалось портам в Бретани, и мы считали, что если противник пойдет на ослабление своей обороны там, чтобы организовать непреодолимое сопротивление перед фронтом высаженных в Нормандии войск, то мы могли бы осуществить внезапное наступление на Бретань, что создало бы угрозу флангу и тылу противника. В этой связи мы уже знали, что немцы, покидая порты, всегда оставляют за собой хаос и разрушения, которые крайне затрудняли быстрое восстановление и ремонт. Мы остановили свой выбор на заливе Киброн, наиболее удобном месте для организации снабжения высадившихся войск; залив был достаточно большим, хорошо укрытым с моря, но неподготовленная гавань находилась на южной стороне, у основания полуострова.

По мере того как приближался июль, мы внимательно следили за складывавшейся обстановкой, чтобы решить вопрос, проводить эту вспомогательную операцию или нет. Лично я все больше и больше склонялся к мысли отказаться от нее. Было ясно, что действия нашей авиации и войск, а также проведение ложных маневров не позволят немцам создать непреодолимую оборону в Нормандии. К тому же я знал, что любая попытка предпринять вспомогательную десантную операцию приведет к задержке непосредственного наращивания сил и средств на основном направлении. Я все же считал, что нам придется широко использовать порты в Бретани, но для овладения ими мы должны были продолжать наши атаки на основном направлении, а не ослаблять их ради проведения вспомогательной операции.

Я часто встречался во Франции с генералами Брэдли и Монтгомери, чтобы посоветоваться относительно подготовки тех или иных боевых операций и размеров сил, привлекаемых для их осуществления. Поездки в войска вместе с Брэдли были всегда приятными, так как он и я любили побывать в районе боевых действий и поговорить с солдатами, несущими на себе всю тяжесть войны. Многие из наших совещаний были проведены во

время этих довольно частых совместных поездок в действовавшие войска.

В конце июня плацдарм был еще слишком мал, чтобы начать переброску штаба верховного командования союзных экспедиционных сил во Францию; однако для того чтобы находиться в постоянном контакте с командующими войсками, я уже в июле отправил на плацдарм свой личный штаб. Бои за расширение плацдарма и наращивание сил на нем временами проходили разочаровывающе медленно, и это дало американской и английской прессе повод для резкой критики. Авторы этих критических выступлений, разумеется, не могли знать всей обстановки на фронте. Если бы все сведения во время войны становились достоянием широкой гласности, то нельзя было бы никогда застигнуть противника врасплох.

Однако в условиях временного тупика в боевых действиях всегда существует проблема поддержания высокого боевого духа сражающихся войск, когда они несут потери и между тем слышат критику в адрес своих командиров; Голоса комментаторов доходили до каждого отделения и взвода через небольшие радиоприемники, с которыми солдаты никогда не расставались.

Критические высказывания прессы оказывали еще более отрицательное воздействие, когда солдаты начинали находить их и в письмах от родственников, которые, под влиянием таких сообщений ожидали от фронта невозможного. Эта проблема становилась значительно серьезнее для необстрелянных солдат, чем для ветеранов. Настроение последних хорошо выразил однажды во время разговора со мной один сержант, который со своим подразделением железнодорожных войск ожидал дальнейшего переезда к фронту, чтобы там начать какое-то нужное строительство. Он сказал: "Генерал, на карте эта работа выглядит легкой, однако теперь кажется, что фрицы могут помешать нам в чем-то. Но настроение у нас нормальное! А если что и случится, то хорошая, воодушевляющая победа все исцелит".

Глава 15. Прорыв

Первая основная задача кампании в Нормандии, заключавшаяся в создании надежного плацдарма с соответствующими путями снабжения в районе между Шербуром и устьем реки Орн, была полностью осуществлена к концу июня.

С самого начала фельдмаршал Монтгомери, Брэдли и я считали, что в конечном счете с плацдарма будет предпринято крупное наступление нашим мощным левым крылом, в результате чего мы выйдем на линию Сены и весь район между этой рекой и Луарой и в восточном направлении до самого

Парижа окажется в наших руках. Под этим не подразумевалось принятие жесткого оперативного решения. Это было просто наше мнение относительно того, что произойдет, когда мы сосредоточим всю мощь авиации, сухопутных и военно-морских сил против вражеских войск в Северо-Западной Франции.

Важное место в наших расчетах отводилось рубежу, с которого мы первоначально намеревались предпринять наступление левым флангом. Эта часть предсказаний не сбылась, и требовалось внесение поправок. В плане, официально представленном Монтгомери 15 мая, говорилось: "Когда мы выйдем на рубеж Гренвилл, Вир, Аржантан, Фалез, Кая, а территория, ограниченная этой линией, прочно окажется в наших руках, тогда мы сможем начать наступательные операции с этого оперативного плацдарма".

На этот рубеж мы надеялись выйти к 23 июня, то есть день "Д" плюс 17. В более подробном изложении 7 апреля Монтгомери утверждал, что вторая крупная фаза операции, предположительно начинаемая вскоре после дня "Д" плюс 20, потребует разворота английской армии на левом фланге у Фалеза, а "правым флангом идти на Аржантан - Алансон". Это означало, что Фалез будет в наших руках до начала крупного наступления с разворотом левого фланга. Рубеж, который мы фактически занимали, когда начался прорыв в день "Д" плюс 50, проходил приблизительно там, где мы должны были находиться по планам в день "Д" плюс 5.

Таким образом, обстановка сложилась далеко не такая, как предполагалось, но с этим приходилось считаться. Сражение не является односторонним делом. Противоборствующие стороны постоянно стремятся захватить удобные позиции и нанести друг другу максимально возможный урон.

В данном случае важное значение района Кана вынудило противника использовать для его обороны крупные силы. Захват Кана временно стал невозможным, или, по крайней мере, овладение им могло быть осуществлено недопустимо дорогой ценой.

Естественно, что такой ход событий вызвал бы затруднения. Если бы нам удалось в первом броске захватить равнинную местность к югу от Кана, то наступление американцев на район Авранша могло бы превратиться в простое преследование отходящего противника вместо тех упорных боев, которые теперь приходилось вести, то есть более серьезный первоначальный успех на нашем левом фланге существенно облегчил бы на правом фланге выход на приемлемые рубежи, откуда можно было бы начать мощное наступление.

По мере того как проходили дни после высадки на нормандском побережье, пресса проявляла особое недовольство отсутствием прогресса на нашем левом фланге. Естественно, что я и все мои подчиненные были серьезно обеспокоены такой обстановкой в районе Кана. Были рассмотрены все возможные варианты выхода из создавшегося тупика, и я неоднократно настаивал, чтобы Монтгомери максимально активизировал действия своих войск. При сильной поддержке авиации и артиллерии он бросал свои части в одну атаку за другой, но сопротивление немцев сломить не удавалось.

Здесь следует отметить, что когда противнику путем сосредоточения сил удается приостановить продвижение наших наступающих войск, то он обычно достигает этого за счет ослабления своей обороны на других участках фронта. В данном случае, если даже прорыв пришлось бы начинать с первоначально планируемых рубежей, было очевидно, что раз противник держит крупные силы у Кана, то на правом фланге у него будет их меньше, чтобы противодействовать наступлению американцев. Это действительно было благоприятным обстоятельством, но надо было учесть тяжелые условия местности на этом направлении. Все эти вопросы постоянно обсуждались с Брэдли и Монтгомери; последний все еще продолжал координировать действия наземных сил, запрудивших плацдарм.

К 30 июня Монтгомери, очевидно, пришел к убеждению, которого я и Брэдли придерживались уже давно, что прорыв придется осуществлять на более ограниченном участке фронта. В его директиве от этого числа ясно говорилось, что английская 2-я армия на левом фланге будет продолжать свои атаки, чтобы сковать там как можно больше сил противника, в то время как американским войскам, захватившим Шербур за несколько дней до этого, следует начать наступление в южном направлении с целью окончательного прорыва на правом фланге. С этого момента такой план боевых действий уже не изменился, и хотя характер местности и сопротивление противника в сочетании с плохой погодой задерживали начало решительного наступления до 25 июля, этот период был использован для улучшения своих исходных позиций и наращивания необходимых резервов для решительного прорыва.

Такое решение, разумеется, возлагало на американские войска более затруднительную задачу, чем предполагалось вначале. Однако Брэдли хорошо понимал сложившуюся в тот период обстановку и еще 20 июня высказал мне свое убеждение, что прорыв на правом фланге следует предпринять из района Сен-Ло, а не южнее, как раньше планировалось. Он воспринял

новую задачу с обычной для него невозмутимостью и по-деловому приступил к ее подготовке. Во всех частях он ограничил расход боеприпасов, менял по очереди подразделения на переднем крае и постоянно держал свои войска и службы тыла в состоянии готовности нанести внезапный и мощный удар, как только представится благоприятная возможность.

Проблема прорыва вражеской обороны американскими войсками осложнялась наличием большого количества мощных живых изгородей. В этом регионе все поля в течение прошлых столетий были разбиты на мелкие участки, каждый из которых огражден густой и мощной изгородью из деревьев и кустарников, которые обычно растут на земляной насыпи от трех до четырех футов высотой. Иногда эти изгороди и земляные насыпи двойные, располагаются рядом, образуя готовые окопы и обеспечивая почти полную безопасность находящимся в них обороняющимся солдатам. Почти за каждой такой насыпью были скрытые пулеметы или оборонялись небольшие боевые группы, которые вели убийственный огонь по нашей пехоте, когда она поднималась в атаку.

В таких условиях танки оказались почти беспомощными. Пытаясь преодолеть такую насыпь, танк поднимался на нее почти под вертикальным углом, тем самым подставляя свое незащищенное брюхо под огонь бронебойных снарядов. В столь же трудном положении оказывалась артиллерия, которая не могла уничтожать противника, укрытого за этими препятствиями, а орудийные расчеты были бессильны даже защитить самих себя.

Американский сержант по фамилии Кулен нашел простое решение этой проблемы, которое вернуло танку его эффективность и резко подняло настроение в армии. Он предложил приваривать впереди танка два мощных стальных ножа, которые срезали бы земляную насыпь, вместе с растительностью. Это позволяло танку не только спокойно преодолевать препятствие, ведя одновременно огонь из пушки, но и в течение некоторого времени использовать срезанный грунт с растительностью в качестве естественной маскировки.

Как только этот сержант продемонстрировал изобретение своему капитану, об этом было немедленно доложено генералу Уолтеру Робертсону, командиру 2-й дивизии. Он, в свою очередь, показал это новшество генералу Брэдли, который тут же поставил задачу оснастить максимальное количество танков этими ножами для предстоящих боев. Любопытно отметить, что нашим солдатам принес неимоверное удовлетворение тот факт, что материал для изготовления этих ножей был вырезан из стальных конструкций немецких оборонительных сооружений, столь обильно

расставленных вдоль побережья Нормандии, чтобы предотвратить нашу высадку.

Однако наши танки еще не имели этого приспособления, когда 1-я армия начала утомительное продвижение на юг, чтобы выйти на более или менее выгодные исходные рубежи для крупного наступления. Было трудно получить какую-либо реальную картину боев в этом районе. Я в сопровождении нескольких командиров прибыл на передовой наблюдательный пункт, размещенный на холме, примерно на сто футов возвышавшемся над окружавшими его живыми изгородями. Однако видимость была настолько ограничена, что я отправился в авиационную часть, чтобы на истребителе пролететь вдоль фронта с целью получить ясное представление о положении на переднем крае. К сожалению, даже с высоты нескольких тысяч футов не очень многое можно было увидеть. Как и ожидалось, в таких условиях артиллерия, за исключением дальнобойной, ведущей беспокоящий огонь, оказалась мало полезной. Это были упорные кровопролитные бои, и каждая дивизия приобрела богатый боевой опыт.

Ко 2 июля 1944 года мы высадили в Нормандии около миллиона человек, в том числе 13 американских, 11 английских и 1 канадскую дивизии. За этот же период мы выгрузили на берег 566 648 тонн грузов и 171532 автомашины. Это была очень тяжелая и изматывающая работа, но она окупилась сторицей, когда мы, наконец, подготовились к нанесению удара по противнику всей мощью. За эти первые три недели мы захватили 41 тыс. пленных. Наши потери составили 60771 человек, из них 8975 убитыми.

Во время боев на плацдарме особое развитие получило использование авиации для непосредственной поддержки боевых действий пехоты. Было важно, чтобы высшее командование ясно понимало взаимосвязь между бомбардировкой стратегических объектов Германии и оказанием авиационной поддержки сухопутным войскам, если мы хотели эффективно действовать ради достижения единой общей цели. Когда среди авиационных командиров появилось такое понимание, то первоначальное нежелание таких специалистов ВВС, как главный маршал авиации Харрис, командующий английской бомбардировочной авиацией, и генерал Дулиттл, командующий 8-й воздушной армией США, использовать их соединения против так называемых тактических целей полностью исчезло. К тому времени, когда был осуществлен прорыв, срочное вмешательство всей бомбардировочной авиации в ход наземного сражения было воспринято почти как само собой разумеющееся дело.

Из этого общего правила было и одно существенное исключение. Американская 30-я дивизия по случайности попала под бомбовый удар своей авиации и понесла значительные потери; к сожалению, подобный случай повторился позднее в ходе кампании. До конца войны командир этой дивизии продолжал настаивать, когда перед ним ставили очередную боевую задачу, чтобы никакие тяжелые или средние бомбардировщики не поддерживали его действий.

Возникла необходимость установить дату перевода сухопутных войск на новую командную структуру, то есть каждую группу армий нужно было переподчинить непосредственно штабу верховного командования. Мы планировали ввести в боевые действия армию Паттона 1 августа, и после этого 12-я группа армий под командованием Брэдли полностью обосновалась бы во Франции. Командующим 1-й армией планировали назначить генерал-лейтенанта Ходжеса, который на первых стадиях боевых действий являлся заместителем Брэдли. Однако тогда невозможно было предвидеть время, которое потребуется для осуществления прорыва, завершения разгрома противника в Нормандии и окончательного определения каждой группе армий ее главного направления наступления.

Но было очевидно, что, пока эти условия не будут выполнены и пока все войска не направят усилия на выполнение одной общей задачи, а именно на уничтожение немецких сил непосредственно на нашем участке, должен быть один руководитель, координирующий боевые действия на всем фронте. Мы полагали, что такие условия сложатся к 1 сентября, и командующие были извещены о том, что с этого времени каждая группа армий будет действовать в непосредственном подчинении штабу верховного командования. К счастью, мой личный штаб располагался настолько удобно по отношению к штабам Монтгомери и Брэдли, что я мог посещать их ежедневно.

В ходе июльского сражения на некоторых участках фронта произошли самые ожесточенные и кровопролитные бои за всю войну. Перед фронтом наступления американских войск местность была труднодоступной. Многие подчиненные генерала Брэдли в этот период заслужили добрую похвалу, подтвердив свое право быть причисленными к лучшим военным специалистам американской армии.

В самом начале второй половины июля американская 1-я армия вышла на рубеж Сен-Ло, западное побережье полуострова Котантен, с которого она могла предпринять мощное наступление. В это время погода, и без того скверная, стала еще больше ухудшаться, создавая для нас большую напряженность. Мы уже набросали план переброски войск, чтобы использовать любое улучшение погоды. В более ранний период войны такая обстановка самым неблагоприятным образом сказалась бы на моральном состоянии войск и их боевой эффективности, но к этому времени американцы приобрели боевой опыт и с честью выдержали это тяжелое испытание.

Наконец 25 июля, спустя семь недель после дня "Д", было начато наступление с рубежей, которые мы планировали захватить на пятый день после десантирования. Этот рубеж проходил от Кана на Комон и дальше на Сен-Ло. Перед участком фронта американских войск у Сен-Ло огромный район был подвергнут массированной бомбардировке нашей авиации. К сожалению, часть бомбардировщиков сбросила бомбовый груз на боевые порядки 9-й и 30-й дивизий; в числе убитых оказался генерал Макнейр.

В первый день наступление протекало очень медленно, и вечером генерал Брэдли сказал мне, что это всегда случается на начальном этапе таких операций, и выразил уверенность, что в последующем мы будем свидетелями высоких темпов продвижения наших войск. События показали, что он был совершенно прав. На следующей неделе его войска прорвались

вниз, к основанию полуострова, прошли через образовавшуюся горловину у Авранша и устремились к тылам немецких войск. В это время, 1 августа, у Авранша в бой была введена 3-я армия генерала Паттона с задачей действовать на правом фланге 1-й армии. Одновременно Монтгомери, встретившись с глубоко эшелонированной обороной немцев в районе Кана, нанес основной удар своим правым флангом по Комону и повел наступление на возвышенность между реками Вир и Орн.

После того как Брэдли осуществил решительный прорыв вражеской обороны, перед ним встала непосредственная задача нанести противнику максимальный урон. Все прочие проблемы могли ждать решения, пока он не использует эту представившуюся возможность разгромить врага. Брэдли намеревался бросить прямо в тыл немцев, продолжавших обороняться у Кана и поблизости от Авранша, все силы, какие только можно было снять с других участков фронта. По существу, он надеялся окружить противника, который все еще стоял лицом к северу, откуда оказывали на него давление канадские и английские войска.

Для осуществления этого замысла необходимо было взять основную часть войск, выделенных для захвата полуострова Бретань, и командующий 3-й армией генерал Паттон получил приказ направить в этот район только один 8-й корпус генерал-майора Троя Миддлтона.

Когда противник увидел, что 1-я американская армия наращивает удар в южном направлении, прорвавшись через горловину у Авранша, он быстро отреагировал на это. Прикованный к занятым позициям приказами Гитлера, а также парализованный действиями нашей авиации, он немедленно бросил в западном направлении все свои наличные танковые силы и резервы из района Кана, чтобы нанести удар по узкой полосе, по которой американские войска устремились в его глубокие тылы. В случае удачи противник отрезал бы наши прорвавшиеся войска и поставил их в тяжелое положение. Поскольку образовавшийся коридор все еще оставался очень узким, немцы, вероятно, считали, что риск, на который они идут, вполне оправдан, хотя в случае неудачи последствия будут куда более тяжелыми. Немецкие контратаки в районе города Мортен, к востоку от Авранша, начались 7 августа.

Действия нашей авиации против контратаковавших вражеских сил оказались исключительно эффективными. Американская 9-я воздушная армия и английская авиация уничтожили сотни танков и автомашин противника. У англичан было большое количество самолетов "тайфун", оснащенных

ракетами. Они на бреющем полете наносили непрерывные удары по танковым и пехотным колоннам противника, оказывая нашим войскам большую помощь.

Я и Брэдли понимали, что немцы готовят контрнаступление, и внимательно следили за обстановкой. В угрожаемом районе у нас были достаточные силы, чтобы сдержать продвижение противника. Однако для надежной обороны у Мортена нам нужно было сократить число дивизий, которые мы собирались бросить в прорыв, и тем самым пожертвовать представившейся возможностью добиться полного разгрома противника. Более того, к этому времени погода начала улучшаться, и в нашем распоряжении находилась транспортная авиация, способная при необходимости доставлять до 2 тыс. тонн грузов ежедневно для войск, если они окажутся временно отрезанными от основных сил.

Когда я заверил Брэдли, что в случае окружения его войска будут надежно снабжаться по воздуху, он без колебаний решил оставить у Мортена лишь минимальные силы, а все остальные бросить на юг и восток, чтобы начать охват немецкого клина. Я находился в штабе Брэдли, когда он позвонил по телефону Монтгомери, чтобы объяснить ему свой замысел. И хотя последний выразил некоторую обеспокоенность положением у Мортена, вместе с тем он согласился, что перспектива очень заманчивая, и оставил решение этого вопроса на усмотрение Брэдли, асам же быстро отдал необходимый приказ, в котором требовал от подчиненных ему войск действовать в соответствии с планом Брэдли. Вскоре Монтгомери, Брэдли и генерал-лейтенант Демпси, командующий английской 2-й армией, встретились, чтобы согласовать детали взаимодействия.

Другим фактором, оправдывавшим это очень смелое решение, была вера в боевой опыт и способности наших основных командующих. В лице Паттона мы имели большого мастера действовать в условиях изменчивой обстановки. На левом фланге американских войск у нас находился решительный и стойкий Ходжес, чтобы смело продолжать оказывать давление на немцев. Кроме того, в обеих армиях, которыми командовали эти генералы, теперь находились испытанные в боях командиры корпусов и дивизий.

Уверенность Брэдли в том, что можно удержать за собой рубежи у Мортена, была убедительно подтверждена ходом последовавших событий.

Много общего было между этой обстановкой и той, которая сложилась в Арденнах спустя четыре месяца. В обоих случаях долгосрочные расчеты оказались правильными, но в Арденнах

немцы добились временного успеха, а у Мортена их контрнаступление было отбито и противник понес тяжелые для себя потери.

Немцы сосредоточили у Мортена свои основные танковые силы и продолжали упорные атаки до 12 августа. К этому времени запланированные генералом Брэдли действия развивались удовлетворительно.

По указанию Брэдли генерал Паттон направил 15-й корпус генерал-майора Уэйда Хейслипа прямо на юг к городу Лаваль. Восточнее Лаваля он повернул корпус на север к Аржантану. 12-й корпус генерал-майора Джильберта Кука получил приказ наступать на Орлеан на правом фланге 3-й армии, а 20-й корпус под командованием генерал-майора Уолтона Уокера наступал на Шартр. Позднее 19-й корпус под командованием генерал-майора Чарльза Корлетта также участвовал в операции по окружению противника. Монтгомери приказал канадской 1-й армии продолжать наступление в южном направлении на Фалез, чтобы соединиться с американскими войсками у Аржантана и сомкнуть кольцо вокруг вражеских войск. А в это время американская 1-я и английская 2-я армии должны были наступать на попавшие в окружение немецкие войска, чтобы быстрее завершить их полный разгром.

Поэтому охватывающим маневром с юга прежде всего преследовалась цель уничтожить или пленить немецкие войска в районе Мортена, Фалеза и в то же время создать условия для наступления против остававшихся вне окружения других частей немецких 1-й и 7-й армий на еще более широком фронте в сторону переправ через реку Сену. В результате сложилась следующая картина: группа армий под командованием Монтгомери наступала в основном в южном направлении против немецкой обороны у нормандского плацдарма, а войска Брэдли, задержавшись левым крылом у места первоначального прорыва, охватывали всю немецкую группировку, которая все еще находилась между американскими продвигавшимися колоннами и английской 21-й группой армий. Между тем союзная авиация непрерывно наносила бомбовые удары по любым возможным местам переправы противника через Сену, чтобы воспрепятствовать уходу немцев из наметившегося котла. Однако в подобной операции трудно добиться четкого взаимодействия.

К вечеру 13 августа американская 5-я бронетанковая дивизия генерала Оливера, ветерана кампании в Африке, вышла уже на окраину Авранша. Французская 2-я бронетанковая дивизия под командованием генерала Жака Леклерка находилась тут же, а американские 79-я и 90-я дивизии их поддерживали. Немцы все

еще вели отчаянные бои к югу от Кана, где к этому времени они создали исключительно прочную оборону, какую когда-либо мы встречали за всю кампанию. Канадцы вели непрерывные ожесточенные атаки, однако только 16 августа им удалось наконец овладеть Фалезом. Кан, превращенный к тому времени в груду развалин, был захвачен 9 июля.

К концу июля противник спешно перебрасывал сюда через Сену подкрепления. В течение 5-12 августа он ввел в район боевых действий пять дивизий, однако, как и раньше, они были уже не в состоянии повлиять на исход сражения.

13 августа я направил личное обращение к союзным войскам, в котором, в частности, говорилось:

"Поскольку эта возможность может быть использована только при условии, если будут проявлены максимальное усердие, решительность и быстрота действий, я обращаюсь к вам с настоятельным, как никогда раньше, призывом.

Я прошу, чтобы каждый летчик считал своей непосредственной задачей непрерывно наносить удары по врагу на суше и в воздухе, не давать ему покоя ни днем ни ночью.

Я прошу каждого матроса действовать так, чтобы никакая часть вражеских сил не могла ускользнуть или получить подкрепления по морю, чтобы наши товарищи на суше не испытывали нужду ни в чем.

Я прошу каждого солдата идти вперед к поставленной перед ним цели с решимостью уничтожить или пленить врага. Ни один клочок занятой нами земли не может быть оставлен, ни один немец не должен пройти через рубежи, занятые нами".

Когда большие массы союзных войск наступали с огромного полукруга в направлении к его центру, возникла угроза случайного столкновения между своими войсками. Войска генерала Брэдли, развернувшись огромным веером, должны были покрыть значительно большее, чем английские и канадские войска, расстояние. Последние все еще взламывали хорошо подготовленную оборону противника и медленно продвигались вперед. Монтгомери поддерживал постоянную связь со всеми вовлеченными в операцию силами, однако американские войска продвигались настолько быстро, что было почти невозможно обеспечивать непрерывное взаимодействие между наступающими частями и соединениями.

Все же в некоторых местах создалась неразбериха, и не оставалось иного выхода, как задержать продвижение войск, даже ценой ухода части сил противника из наметившегося котла. В целом значительному числу немцев удалось избежать окружения, но им пришлось бросить почти всю боевую технику и понести

тяжелые потери в живой силе при отходе.

Я находился в штабе генерала Брэдли, когда от командиров наступавших американских колонн начали поступать жалобы, что установленные для них темпы движения и разграничительные линии не позволят взять немцев в котел. Я полностью поддержал решение Брэдли, ибо иначе могло произойти столкновение между своими войсками.

Перед лицом полного разгрома противник отчаянно сражался и стремился отвести как можно больше своих войск. Немецкие командиры особенно старались спасти танки. И хотя некоторой части танковых сил все же удалось переправиться через реку Сену, это было осуществлено ценой потери значительного количества боевой техники. Восемь пехотных и две танковые дивизии почти полностью попали в плен.

Сражение у Фалеза, бесспорно, было одним из самых кровопролитных в ходе войны. Шоссейные и проселочные дороги, а также прилегающие к ним поля были так усеяны разбитой техникой, трупами людей и животных, что местами было крайне трудно пройти. Через сорок восемь часов после того, как сомкнулось кольцо окружения, меня провели через эту местность, где я увидел такую картину, которую мог бы описать разве только Данте. Некоторые участки в сотню ярдов можно было пройти только по разлагавшимся трупам.

При наступлении в сторону переправ через Сену мы также были вынуждены приостановить быстро продвигавшиеся американские части во избежание столкновений со своими войсками. Немцы опять воспользовались представившейся возможностью, чтобы вывести большую часть своих сил за Сену; этого не произошло бы, если заранее в полной мере можно было бы предвидеть, как будет складываться обстановка.

В то время как основная масса войск генерала Брэдли вела эти крупные бои и быстро наступала на Париж, 8-й корпус генерала Миддлтона повернул обратно на запад, чтобы очистить полуостров Бретань и захватить там порты. Мы все еще считали, что в какой-то мере придется использовать залив Киброн и, возможно, порт Брест. Миддлтон получил приказ захватить эти районы как можно скорее. Он быстро продвинулся вперед и захватил Сен-Мало, небольшой порт на северном побережье полуострова Бретань. Гарнизон фанатически сопротивлялся, однако Миддлтон во взаимодействии с авиацией и боевыми кораблями сокрушил основные силы противника к 14 августа, хотя остатки гарнизона сопротивлялись еще три дня в цитадели города. Затем Миддлтон двинулся на запад и подошел к Бресту. Начальник немецкого гарнизона генерал Рамке оказался грозным

противником, а оборона - прочной.

Миддлтон начал энергичную осаду Бреста, однако любая попытка овладеть Брестом одним ударом была бы для нас слишком дорогостоящей. К счастью, с середины августа появилась перспектива захвата более выгодных для нас, чем Брест, портов; во всяком случае, мы никогда не собирались использовать Брест в той мере, в какой рассчитывали задействовать залив Киброн. В этих условиях Миддлтону было дано указание избегать больших потерь в этом районе, но в то же время продолжать оказывать давление, пока гарнизон не капитулирует.

Я посетил Миддлтона во время осады Бреста и увидел оборонительные сооружения, которые нам предстояло преодолеть. Он умело, с минимальными потерями, осуществил серию атак, чтобы оттеснить противника в более ограниченный район и подвергнуть его непрерывным бомбардировкам нашей авиации.

В гарнизоне находилась эсэсовская часть. Используя фанатизм эсэсовцев, Рамке распределил их по всем оборонявшимся подразделениям с расчетом заставить каждого немца отчаянно сражаться. При любых признаках проявления нерешительности тем или иным солдатом эсэсовец расстреливал его на месте.

Брест пал 19 сентября. Гавань и портовые сооружения были настолько разрушены нашей авиацией и немецкими саперами, что мы никогда даже не пытались воспользоваться этим портом.

Когда союзные армии наконец завершили окружение немецких войск к западу от Сены, окончательное поражение Германии в Западной Европе не вызывало сомнений. Теперь это был вопрос только времени. Однако тут же выявилась и опасность, что наши народы и правительства могут недооценить ту задачу, которую еще предстояло решить, и, таким образом, ослабить свои усилия, что могло привести к самым серьезным последствиям. Я сразу обратил внимание моих начальников на такую опасность, а еще раньше, 15 августа, провел пресс-конференцию, на которой указывал, что перед нами стоит еще более ответственная задача разгромить немецкие армии на "линии Зигфрида" и на Рейне. Это предостережение затонуло в общем ликовании по поводу большой победы, и даже среди офицеров действующей армии появились настроения, граничащие почти с беспечностью. Это, естественно, мешало понять такие факторы, как фанатизм, господствовавший среди значительной части личного состава немецкой армии, а также готовность многих немцев пойти на отчаянное сопротивление под

угрозой гестапо и штурмовиков, которые сохраняли полную преданность своему хозяину - Гитлеру.

Новая обстановка породила одну из самых длительных дискуссий, какие у меня были за всю войну, с премьер-министром Черчиллем. Этот спор, начавшийся почти случайно и совпавший с нашим прорывом вражеской обороны в конце июля, тянулся в течение первых десяти дней августа. Одна беседа длилась даже несколько часов. Обсуждение касалось вопроса целесообразности осуществления операции "Энвил", к тому времени получившей наименование "Операция "Драгун", с целью вторжения союзных войск под командованием генерала Деверса на юг Франции.

Одним из первоначальных доводов в пользу подготовки этого вторжения было стремление получить дополнительный порт, через который мы могли бы быстро высаживать дивизии, уже подготовленные в Америке для участия в боевых действиях в Европе. Черчилль теперь считал, что мы скоро будем в состоянии воспользоваться портами на полуострове Бретань и что войска, находившиеся тогда на Средиземноморском ТВД, можно будет высадить на континент через Бретань или даже было бы лучше задействовать их в Итальянской кампании с конечной целью - вторжение на Балканы через Адриатику.

Я был против любых подобного рода изменений в планах, а поскольку американский комитет начальников штабов, придерживаясь своей обычной практики, отказался вмешиваться в решения командующего войсками на фронте, то премьер-министр направил против моих возражений все свои доводы, которые сводились к следующему: у нас нет больше надобности в Марселе и линиях коммуникаций, ведущих на север от этого порта. Войска, находящиеся в Америке, могут быть доставлены на Европейский ТВД через Бретань.

Наступающие войска на юге Франции будут настолько удалены географически от войск в Северной Франции, что не может быть никакой оперативной взаимосвязи между ними.

Силы, которые планируется использовать под командованием генерала Деверса для вторжения в Южную Францию, оказали бы большое влияние на ход войны, если бы они, продолжая наступление в Италии, вышли на Балканы и угрожали Германии с юга.

Наше вступление на Балканы побудило бы весь этот регион поднять открытое восстание против Гитлера и позволило бы нам доставлять силам Сопротивления оружие и боевое оснащение, что еще больше усилило бы их эффективность.

Моя же точка зрения в целом заключалась в следующем.

Опыт прошлого подтверждал, что нас, вероятно, ожидает

большое разочарование в вопросе о возможности использования портов Бретани. Мы не только надеялись на упорную оборону этих портов, но и были уверены, что они будут основательно разрушены к тому временя, когда мы их захватим. Мы не ожидали таких размеров разрушений в марсельском порту, поскольку знали, что значительная часть сил, оборонявших этот район, уже отправлена на север для участия в операциях против нас. Захват Марселя должен быть осуществлен быстро, чтобы у противника не осталось времени для разрушения порта.

Расстояние от Бреста до района Меца больше, чем расстояние от Марселя до Меца. Железнодорожные пути, связывающие два первых пункта, более извилистые, их можно легче выводить из строя, чем железные дороги, идущие на север по долине реки Роны.

Пока не захватим Марсель, мы не сможем ускорить прибытие американских дивизий из США.

Вступление значительных сил в Южную Францию окажет определенную поддержку нашим операциям на севере в оперативном и стратегическом отношении.

Во-первых, они обеспечат прикрытие правого фланга, когда мы развернем наступление на центральную часть Германии. Во-вторых, примкнув Тс нашему правому флангу, эти войска совместно с нами автоматически отсекут все западные районы Франции и уничтожат оставшиеся там вражеские соединения. В результате освободят всю Францию, которая затем станет оказывать нам активную и пассивную помощь.

Отказавшись от операции "Драгун", мы были бы вынуждены защищать свой правый фланг на всем протяжении от основания полуострова Бретань до самых передовых рубежей наших наступающих войск. Это означало бы пассивное использование большого числа наших дивизий на правом фланге против небольшого числа мобильных войск противника.

Пока что мы имеем в качестве постоянно действующего порта только Шербур. Пути подвоза, идущие от Шербура к фронту, совершенно не в состоянии поддерживать снабжение войск, ведущих боевые действия. Наше положение со снабжением войск не будет соответствовать задачам заключительного наступления на Германию, пока мы не получим на севере порт Антверпен, а на юге - Марсель или что-либо равноценное. Имея эти два порта, я был уверен, что мы могли бы сосредоточить на немецких границах достаточные силы, чтобы предпринять последние и решающие наступательные операции с целью полного разгрома Германии. Без таких портов мы неизбежно столкнулись бы с серьезными трудностями. Мы оказались бы в таком же

положении, в каком часто оказывались англичане в ходе наступательных действий к западу от Египта; в таком же положении был и Роммель, когда он в конце концов достиг Эль-Аламейна и затем не смог воспользоваться своим преимуществом.

Другим фактором было то, что американское правительство пошло на большие расходы, чтобы вооружить и оснастить ряд французских дивизий. Эти войска, естественно, хотели сражаться за освобождение Франции. Ни в каком другом месте они не будут сражаться с таким рвением и решимостью, как здесь, и нигде в другом месте они не смогут так быстро восполнить свои потери. Эти войска размещались в Италии и Северной Африке, и единственный способ скорейшего ввода их в бой состоял во вторжении на юг Франции.

Я был твердо убежден, что необходимо сосредоточить максимальное число войск на огромном пространстве между Швейцарией и Северным морем, для того чтобы быстрее всего прорваться к центру Германии и в конечном счете соединиться с советскими войсками, наступавшими с востока.

Черчилль в подкрепление своих доводов рисовал мрачную перспективу для войск, наступающих с юга. Он был уверен, что наши войска, преодолевая оборону побережья, на многие недели окажутся втянутыми в бои, и опасался, что они не сумеют продвинуться на север до Лиона менее чем за три месяца. Он считал, что мы понесем большие потери и что бои в этом регионе превратятся в еще один вариант боевых действий у Анцио. Возможно, что премьер-министр не полагался на достоверность наших разведывательных данных, но мы были уверены, что у противника на юге остались незначительные силы, главным образом малоподвижные дивизии. Поэтому мы считали, что быстро прорвем немецкую оборону и войска под командованием Деверса быстрыми темпами устремятся на север.

Хотя Черчилль и не говорил ничего об этом, я полагал, что его истинное беспокойство, вероятно, вызывалось скорее политическими, нежели военными соображениями. Возможно, он думал, что в условиях послевоенной обстановки, когда западные союзники крупными силами обоснуются на Балканах, это будет более стабилизирующим фактором, чем оккупация этого региона русскими армиями. Я заявлял ему, что, если по этим соображениям он настаивает на проведении Балканской кампании, ему следует немедленно встретиться с президентом и изложить все факты и свои собственные выводы. Я понимал, что на стратегию могут оказывать влияние политические соображения, и если президент и премьер-министр решат, что

следует продлить войну и тем самым пойти на увеличение людских потерь и денежных затрат, чтобы обеспечить достижение политических целей, которые им кажутся необходимыми, тогда я немедленно внесу соответствующие изменения в свои планы. До тех пор пока он обосновывает такой вариант только военными соображениями, говорил я ему, я не могу согласиться с его доводами.

Я считал, что в данной конкретной области только Я один должен быть судьей своих обязанностей и решений. Я отказывался рассматривать изменение планов до тех пор, пока оно обосновывалось военными соображениями. Он не признавался, что на него действовали политические факторы, и я был совершенно убежден, что ни один опытный военачальник не подверг бы сомнению разумность плана наступления на Южную Францию, если смотреть на него строго с военной точки зрения.

Как обычно, премьер-министр продолжал высказывать свои доводы до конца. И тоже как обычно, когда убеждался, что не может добиться своего, он отдавал все, чем располагал, в поддержку операции. Черчилль вылетел на Средиземноморский ТВД, чтобы лично увидеть десантирование войск. Я слышал, что он находился на эсминце и следил за огневой поддержкой корабельной артиллерии.

В этом долгом и серьезном споре Черчилля поддерживали некоторые члены его штаба. Однако английские офицеры, работавшие со мной, твердо стояли на моей стороне.

Хотя на стадии планирования в начале 1944 года Монтгомери выступал за полный отказ от операции на юге Франции, чтобы получить побольше десантно-высадочных средств для операции "Оверлорд", теперь, в начале августа, он согласился со мной, что наступление должно быть осуществлено так, как и запланировано.

В ходе этого затянувшегося спора Монтгомери неожиданно высказал мне идею, что за ним следует сохранить функции по координации и контролю над боевыми действиями всех сухопутных войск на период всей кампании. Это невозможно, объяснил я ему, особенно принимая во внимание тот факт, что он хочет сохранить за собой обязанности командующего своей группой армий. Мне и моим штабным работникам это его предложение казалось странным. Для того и была введена должность командующего группой армий, чтобы обеспечивать повседневное непосредственное руководство войсками на конкретном участке фронта. Ясно, что ни один человек не может эффективно выполнять эту функцию на своем участке фронта и в то же время осуществлять разумное управление войсками на

другом участке. Основным последствием осуществления такого замысла было бы то, что Монтгомери получил бы право по своему усмотрению привлекать для реализации своих идей все сухопутные силы и средства на театре военных действий.

В условиях, какие сложились для нас в Европе, верховный командующий обычно не мог осуществлять день за днем и час за часом контроль за каким-либо конкретным участком фронта. Тем не менее он являлся единственным лицом во всей организации, обладавшим правом устанавливать главные задачи для крупных соединений. Он также мог придавать те или иные части для усиления крупным соединениям в соответствии с выполняемыми ими задачами, распределять поступающие материальные средства и направлять действия всей имеющейся на ТВД авиации для поддержки того или иного участка фронта. Существование какого-то отдельного штаба сухопутных войск в качестве промежуточного звена между Верховным командующим и командующим группой армий поставило бы такой орган управления в ненормальное положение, поскольку он не обладал бы никакими правами.

Однако в английской организационной структуре сохранялись три командующих в соответствии с тремя видами вооруженных сил. Любой отход от этой практики многим казался чреватым катастрофой. Я с большой осторожностью объяснял, что на таком большом театре военных действий, как наш, каждому командующему группой армий придется руководить сухопутными силами в своем конкретном районе; вместо одного будет три так называемых командующих сухопутными силами, и каждого из них поддержит своя тактическая авиация. И за всеми ними будет стоять Верховный командующий, обладающий полномочиями сосредоточить в случае необходимости всю авиацию, включая бомбардировочные командования, на любом участке фронта. Силы каждой группы армий будут варьироваться время от времени в зависимости от обстановки.

Хотя мое решение, несомненно, пришлось не по вкусу отдельным лицам, воспитанным в ином духе, оно все же было принято. Этот вопрос, правда, в другой форме, был вновь поднят на более поздней стадии кампании, но решение его осталось прежним.

Несмотря на различие во взглядах, которое иногда обнаруживалось в нашей повседневной боевой деятельности, слаженность и сотрудничество в работе становились теснее и крепче, а инциденты, подобные тому, который я описал выше, были редким исключением.

Фельдмаршал Монтгомери, как и генерал Паттон, был

своеобразным человеком. Он всегда стремился быть оригинальным в своем поведении. Например, он держался отчужденно от своего штаба и жил в автоприцепе в окружении немногих адъютантов. Это создавало трудности в работе, которую нужно было делать быстро и оперативно, чтобы добиться успеха в бою. Он упорно отказывался иметь дело с офицером из другого штаба, кроме своего, и в спорах стоял на своем до принятия окончательного решения.

Ущерб, который могла причинить делу такая манера поведения, сводился к минимуму благодаря генерал-майору Францису де Гинганду, начальнику штаба 21-й группы армий, пользовавшемуся завидной репутацией и уважением во всех союзных войсках. Для всех сотрудников штаба верховного командования союзных экспедиционных сил и других высших штабов он был "уважаемый Фредди". Он жил по законам союзничества и всю свою огромную работоспособность, умение и энергию всегда направлял на координацию усилий союзников в деле достижения победы.

Лучше всего Монтгомери характеризует себя сам в письме, которое он прислал мне вскоре после победы в Европе. Он писал:

"Дорогой Айк!

Теперь, когда мы подписали все документы в Берлине, я думаю, что скоро каждый из нас начнет заниматься своими делами. Я бы хотел, прежде чем это произойдет, сказать, что служить под вашим командованием было для меня привилегией и большой честью. Я многим обязан вашему мудрому руководству и вашей доброжелательной выдержке. Я хорошо знаю свои недостатки и не считаю, что я легкий подчиненный: я люблю все делать по-своему.

Но в трудные и бурные времена вы не дали мне выбиться из колеи и многому меня научили.

За это я вам очень признателен и благодарю за все, что вы сделали для меня.

Ваш очень преданный друг Монти".

В своем ответе я с полной откровенностью писал: "Вы сами занимаете высокое и прочное положение среди военных руководителей вашей страны, и мне всегда было трудно не соглашаться с тем, что, как я знал, было вашим глубоким убеждением. Однако вам делает честь, что после принятия решения, независимо от вашего личного мнения, можно всегда рассчитывать на вашу лояльность и точность в выполнении этого решения".

Другой интересный спор, хотя и менее острый, возник с Генри Моргентау. Во время своего визита в нашу штаб-квартиру в

начале августа 1944 года он сказал, что курс валюты, который в конечном счете будет установлен в Германии, должен быть таким, чтобы не давать никаких преимуществ этой стране. Я откровенно ответил ему, что слишком занят, чтобы беспокоиться о специфичных проблемах будущей экономики Германии, и что у меня имеется способная группа в штабе, которая занимается этой проблемой. Затем последовал общий разговор о будущем Германии, и я высказался примерно в следующем духе:

"Эти вопросы пусть решает кто-то другой, но мое личное мнение сводится к тому, что вслед за прекращением боевых действий не должно оставаться никаких сомнений относительно того, кто выиграл войну. Германия должна быть оккупирована. Более того, нельзя позволить немецкому народу избежать ответственности за соучастие в развязывании трагедии, в которую был ввергнут весь мир. Видные нацисты вместе с военными промышленниками должны быть преданы суду и наказаны. Принадлежность к гестапо и СС считается доказательством виновности. Генеральный штаб должен быть распущен, все его архивы конфискованы, а работники генерального штаба, подозреваемые в соучастии в развязывании войны или в любых военных преступлениях, -преданы суду. Германия обязана выплатить репарации таким странам, как Бельгия, Голландия, Франция, Люксембург, Норвегия и Россия. Военный потенциал страны должен быть уничтожен. Может быть, это следует сделать путем установления жесткого контроля над промышленностью, использующей тяжелое машиностроительное оборудование, или путем простого запрещения производить самолеты. Немцам следует разрешить жить без помощи извне и тем более без поддержки со стороны США. Поэтому было бы глупо уничтожать естественные ресурсы этой страны".

Я решительно отверг дошедшее до меня предложение о затоплении шахт Рура. Мне это показалось глупым и преступным. Наконец, я сказал, что управление Германией как можно скорее следует передать в руки гражданской администрации.

Эта точка зрения излагалась каждому, кто обращался ко мне по этому вопросу тогда и позднее. Она была в конечном счете изложена президенту и государственному секретарю, когда в июле 1945 года они прибыли в Потсдам.

Глава 16. Преследование противника и борьба за снабжение своих войск

В период сражения за плацдарм противник держал свою 15-ю армию в районе Кале. Он все еще был убежден, что мы намеревались предпринять высадку десанта против этого укрепленного района, и потому упорно отказывался использовать

войска 15-й армии для усиления своей группировки в Нормандии. Мы прибегали к любой уловке, чтобы держать его в заблуждении относительно возможных операций в районе Кале; например, генерал Макнейр находился на Европейском ТВД с тем, чтобы мы могли говорить о нем как о командующем армией, хотя его армия была призрачной. Упоминать его имя было официально запрещено цензурой, но мы позаботились о том, чтобы здесь, в Англии, это ни для кого не оставалось тайной- Таким образом, любой агент держав "оси" нашел бы информацию о пребывании здесь генерала Макнейра важной и немедленно передал бы ее своему командованию, которое, как мы надеялись, решило бы, что задачей "армии" Макнейра является наступление через Па-де-Кале.

Наконец у противника начало складываться более четкое представление об общей обстановке - мы быстро поняли это. Вскрытие сил противостоящей группировки составляет одну из постоянных задач всей разведывательной деятельности на поле боя. Из полученных данных мы выяснили, что в конце июля немцы начали перебрасывать через Сену в Нормандию войска 15-й армии. Но противник опоздал. Он также перебросил сюда несколько дивизий из Южной Франции, Бретани, Голландии и даже из самой Германии, но так и не смог остановить наше наступление.

Когда 1 августа начал функционировать штаб 3-й армии, наши сухопутные войска были доведены тем самым до четырех армий. На правом фланге находилась 3-я армия генерала Паттона, рядом с ней действовала американская 1 -я армия под командованием генерала Ходжеса. Эта две армии составляли 12-ю группу армий под командованием генерала Брэдли. На левом фланге боевые действие вела английская 21-я группа армий генерала Монтгомери, в составе которой были английская 2-я армия под командованием генерала Демпси и канадская 1-я армия генерал-лейтенанта Генри Крерара. Английской авиацией, поддерживавшей группу армий Монтгомери, командовал маршал авиации Каннингхэм. Группу армий генерала Брэдли поддерживала американская 9-я воздушная армия под командованием генерал-майора Хойта Ванденберга; ему подчинялись генерал-майор Отто Вейланд, командовавший тактической авиацией, поддерживавшей 3-ю армию Паттона, и генерал Куэсада, командовавший авиацией, поддерживавшей армию Ходжеса.

Приданная этим армиям и группам армий авиация выполняла свои задачи по указанию общевойсковых командиров. Однако все части и соединения тактической авиации были

подчинены Ли-Меллори, и, следовательно, вся тактическая авиация, как американская, так и английская, при необходимости могла быть использована для нанесения массированных ударов по вражеским объектам согласно приказу штаба верховного командования союзных экспедиционных сил. Типичным примером тесного взаимодействия между наземными и воздушными силами являлся срыв английской авиацией немецкого наступления на Мортен в секторе действия американских войск генерала Брэдли. Благодаря такой гибкости в командовании тактическая авиация могла также поддерживать тяжелые бомбардировщики, даже когда те шли на бомбардировку объектов в глубине Германии.

К концу августа силы союзников на континенте составляли 20 американских дивизий, 12 английских, три канадские, одна французская и одна польская. У англичан больше не было в наличии никаких дивизий, однако на территории Англии находились дополнительно шесть американских дивизий, в том числе три воздушно-десантные. Боевые силы авиации составляли приблизительно 4035 тяжелых бомбардировщиков, 1720 легких и средних бомбардировщиков, в том числе и торпедоносцев, а также 5 тыс. истребителей. К этому следует добавить авиатранспортное командование, которое имело в американских и английских частях более 2 тыс. самолетов.

При действиях против разбитого и деморализованного противника почти любой риск оправдан и достижение успеха обычно зависит от смелого и дерзкого маневра наступающего. Бои по прорыву сильной вражеской обороны и стремительные наступательные операции, последовавшие в течение трех недель после прорыва, должны были привести нас именно к такой ситуации, в какой мы теперь оказались; мы составили наши планы с таким расчетом, чтобы наилучшим образом использовать первоначальный успех. Однако возникшая проблема снабжения войск, устремившихся вперед, требовала эффективного решения, если мы хотели в полной мере и дальше развить наметившийся крупный успех.

Наши тыловые подразделения работали на очень ограниченном пространстве в период всего сражения за плацдарм. Единственными действующими портами были Шербур и искусственный порт в английском секторе плацдарма возле Авранша. Восстановление шербурского порта оказалось весьма трудным делом. Гавань и подступы к ней нужно было очистить от сотен мин, многие из которых являлись новейшими образцами этого вида боевого вооружения. Мы начали пользоваться портом в июле, но до середины августа его пропускная способность

оставалась очень невысокой. Искусственный порт в американском секторе плацдарма был полностью разрушен во время шторма в июне. Из Авранша и Шербура мы не были бы в состоянии прокладывать дороги и железнодорожные пути, создавать передовые склады, но мы сделали бы это, если б наши войска прорвались к основанию полуострова Котантен, как мы первоначально планировали. Поэтому все наши продвигавшиеся вперед войска нужно было снабжать из запасов, созданных возле районов десантирования, по дорогам и железнодорожным путям, которые нуждались в серьезном ремонте.

В силу ограниченных возможностей этих портовых сооружений они, естественно, не могли удовлетворять наши возраставшие потребности, и по мере продвижения к Германии противник остановил бы нас на каком-нибудь рубеже или мы сами прекратили бы наступление из-за перегрузки путей снабжения.

Усиленная дивизия, ведущая активные боевые действия, потребляет в среднем ежедневно от 600 до 700 тонн различных боевых грузов. В условиях позиционных боевых действий основную часть этого тоннажа составляют боеприпасы; при наступлении же основную часть грузов будут составлять топливо и смазочные материалы.

В условиях, когда 36 дивизий вели боевые действия, мы оказались перед проблемой ежедневной доставки на фронт из района плацдарма и портов около 20 тыс. тонн грузов. К тому же наши передовые соединения быстро продвигались вперед, иногда со скоростью до 75 миль в день. Службы тыла должны были только поспевать за ними. Каждая миля в этом продвижении вперед удваивала трудности, так как автомашины, занятые на доставке грузов для наступающих войск, должны были делать двойной пробег - на побережье, в район плацдарма и обратно на фронт. Нужно было доставлять многие тысячи тонн грузов для передовых аэродромов, перевозить тяжелое оборудование и технику для ремонта дорог и мостов.

В те дни, когда мы были ограничены пределами плацдарма, мы не могли точно предвидеть реакцию противника на успешный прорыв наших войск на правом фланге. Наиболее логичным для него шагом, как нам казалось, будет быстрая переброска его сил к реке Сене, чтобы организовать оборону переправ через нее. Если бы он решил сделать именно так, то, несомненно, создал бы упорную оборону на этом рубеже и защищал его до тех пор, пока не возникла бы угроза окружения со стороны наших наступающих войск.

Если бы нам пришлось вести крупное сражение на Сене, то

мы располагали бы относительно короткими линиями коммуникаций, и проблема снабжения войск постепенно была бы решена, подразделения обслуживания и подвоза приспособились бы к темпу продвижения наших войск. Однако когда немецкое командование по настоянию Гитлера решило продолжать обороняться и одновременно нанести контрудар во фланг наших наступающих колонн у Мортена, обстановка резко изменилась.

Мы тут же поспешили повернуть наши войска и с юга ударить по вражеским тылам, чтобы завершить эту операцию полным разгромом противника. В случае нашего успеха промежуточные сражения на Сене и Сомме, которые мы не исключали из своих расчетов, не состоялись бы, а наша проблема свелась бы к выявлению максимально отдаленного рубежа, на который мы могли выйти, прежде чем службы обеспечения исчерпают свои возможности.

Поэтому, когда генерал Брэдли поворачивал основные свои силы в сторону тылов противника, передо мной встала задача пересмотреть весь наш план кампании и внести в него изменения в связи с таким ходом событий на фронте.

Тогда нам представились две наиболее обнадеживающие возможности, а именно: быстрейший захват Марселя далеко на юге и Антверпена в Бельгии. Обладание Антверпеном, если порт окажется в пригодном для эксплуатации состоянии, разрешило бы все наши проблемы со снабжением северного участка нашего фронта. Антверпен располагался значительно ближе к границам Германии, и это сократило бы железнодорожные и автомобильные маршруты перевозок в такой степени, что снабжение войск более не стало бы ограничивающим фактором в осуществлении кампании, по крайней мере, на северных участках фронта.

Мы надеялись на быстрый захват порта Марсель, так как немцы в основном уже вывели из этого региона свои мобильные дивизии. Успех на этом направлении обеспечил бы нашим войскам на правом фланге самые лучшие пути снабжения. В этот порт в ближайшее время были бы направлены из США подкрепления, а пропускная способность великолепных железных дорог, идущих по долине Роны, была столь велика, что без серьезных затруднений осуществлялось бы снабжение войск на любом участке к югу от Люксембурга.

Для полного использования этих двух возможностей было, разумеется, важно, чтобы войска на правом фланге как можно скорее соединились с 6-й группой армий генерала Деверса, которая будет подходить сюда с юга. Одновременно с этим мы должны были наступать крупными силами в северо-восточном

направлении, тем самым быстро очищая от противника район, откуда он постоянно обстреливал Южную Англию снарядами Фау-1 и Фау-2. Однако главной задачей были скорейший захват Антверпена и выход на рубежи восточнее его, чтобы обеспечить безопасность использования нами этого крупного порта.

Все это соответствовало первоначальным планам. Однако перспектива нашего продвижения высокими темпами обещала, что мы сможем быстро овладеть еще и другими портами на севере, а это уменьшало бы нашу зависимость от портов в Бретани. Но нужно было определить, справятся или не справятся наши службы тыла, которые с трудом выполняли свои функции в течение первых семи недель боев с этими новыми задачами.

Все войска наверняка будут ощущать перебои со снабжением. Надо было так распределять предметы материального обеспечения, чтобы наступающие части и соединения, не останавливаясь, могли выполнить основные задачи.

Когда боевые действия приобретают маневренный характер, как это было во Франции в конце августа и начале сентября, всеми - от командира дивизии и выше - овладевает идея, что если бы получить всего несколько тонн боеприпасов и горючего, то можно было бы сделать еще один бросок вперед и выиграть войну. Это именно тот боевой дух, который приводит к победе в войне, и его всегда нужно поддерживать. Инициатива, уверенность и смелость во все времена остаются лучшими чертами хорошего боевого командира. Когда мы быстро продвигались по Франции и Бельгии, все командиры требовали приоритета над другими частями и соединениями в вопросах снабжения. И каждый из них, бесспорно, рисовал заманчивые перспективы для решительных и эффективных действий. В результате требования таких командиров выглядели вполне обоснованными и логичными.

В последние дни лета 1944 года, как нам было известно, немцы все еще располагали значительными резервами внутри Германии. Любое предложение о решительном броске небольшими силами с целью форсирования Рейна и дальнейшего наступления к центру Германии было бы совершенно неприемлемым. Даже если бы эти силы составили около дюжины дивизий, а большому числу войск просто невозможно было обеспечить поддержку, то наступающая колонна по мере выделения из своего состава частей для прикрытия флангов постепенно настолько уменьшилась бы, что в конечном счете оказалась бы перед фактом неизбежного поражения. Такая попытка с нашей стороны была бы на руку противнику.

Чем больше мы изучали обстановку, тем яснее становилось,

что разработанный в течение многих месяцев план операции все еще оставался в силе, хотя некоторые конкретные моменты в сложившейся обстановке не были предусмотрены в нем. Поэтому я решил, что мы будем наступать на правом фланге до места встречи с войсками генерала Деверса, то есть приблизительно, по нашим расчетам, до района Дижона, в то время как на левом фланге Монтгомери получит распоряжение продвигаться вперед как можно быстрее, чтобы обязательно выйти на рубеж, на котором можно будет надежно прикрыть Антверпен. Брэдли приказал 1-й армии генерала Ходжеса наступать на одной линии с английскими соединениями приблизительно в направлении на Ахен, с тем чтобы обеспечить успех на нашем левом фланге.

Это наступление в северо-восточном направлении, как мы надеялись, будет настолько быстрым, что мы, возможно, даже сумеем овладеть плацдармом на восточном берегу Рейна до того, как произойдет неизбежная остановка наших войск. Захват такого плацдарма явился бы непосредственной угрозой Руру.

Именно в соответствии с этим планом развернулись бои в последующие недели.

Боевые действия 12-й и 21-й групп армий развертывались вполне удовлетворительно, 7-я же армия под командованием генерал-лейтенанта Александра Патча добилась крупного успеха на юге Франции.

На конференции в Тегеране в конце 1943 года западные союзники информировали генералиссимуса Сталина, что вспомогательное наступление на юге Франции будет неотъемлемой частью нашего наступления через Ла-Манш, для того чтобы открыть второй фронт в Европе. Однако в начале 1944 года союзники вели кампанию в Италии и были заняты разработкой планов крупнейшей операции "Оверлорд". Поэтому в течение всей первой половины 1944 года генералу Вильсону, командующему войсками на Средиземноморском ТВД, трудно было точно установить, какие силы будут выделены для участия в операции "Драгун".

Принятое мною в январе решение о том, что операция "Оверлорд" должна быть начата высадкой десанта в составе пяти дивизий, сделало невозможной одновременную десантную операцию на юге Франции. В результате вновь началось обстоятельное изучение наших возможностей и обмен мнениями между Объединенным англоамериканским штабом, генералом Вильсоном и мною относительно целесообразности проведения операции "Драгун". С самого начала я был горячим сторонником идеи вспомогательного наступления на юге и никогда в ходе длительной дискуссии вокруг этого вопроса не соглашался с

исключением этой операции из наших планов. В этом меня поддерживал генерал Маршалл.

Все эти споры сразу же отошли в прошлое, когда нас заверили, что вскоре будут выделены силы в составе по меньшей мере десяти американских и французских дивизий, которые войдут в 6-ю группу армий генерала Деверса. Они будут наступать на север, чтобы соединиться с нами. Затем из США вскоре начнут прибывать в качестве подкрепления новые американские дивизии. В тот период не было никаких других факторов, которые воздействовали бы столь решающим образом на создание для нас благоприятных условий для обеспечения окончательного и полного разгрома немецких войск, чем это вспомогательное наступление с юга вверх по долине реки Роны.

В силу большого расстояния от армии генерала Патча до моего штаба и отсутствия достаточно надежной связи было решено, что за генералом Вильсоном остается оперативное руководство этой армией до тех пор, пока у меня не появится возможность взять ее под свой контроль. Как полагали, такое положение будет сохраняться примерно до 15 сентября. Однако с.началом вторжения на юг Франции все планы как боевого, так и материально-технического обеспечения были составлены из предположения, что вскоре все союзные войска создадут единый сплошной фронт. Мы хотели, чтобы это произошло быстрее, с завершением боев на Сене. В конце августа Брэдли приказал 3-й армии Паттона наступать в восточном направлении с основной задачей как можно скорее соединиться с 7-й армией.

Остальные силы союзников продолжали наступление в северо-восточном направлении, чтобы освободить Бельгию, захватить Антверпен и угрожать Руру. Это наступление осуществлялось на широком фронте, и с большим успехом. Например, американские 7-й и 19-й корпуса продвигались настолько быстро, что в районе Монса, где в Первую мировую войну произошло одно из крупнейших сражений, они окружили целый немецкий корпус. После ожесточенного боя было взято в плен 25 тыс. немецких солдат и офицеров. В иных условиях это было бы преподнесено как крупная победа, однако тогда этот эпизод прошел почти не замеченным прессой.

К концу августа остро встал вопрос о том, как быть с Парижем. В ходе всех предварительных операций мы прилагали большие усилия, чтобы избежать прямых бомбардировок французской столицы. Даже при нанесении ударов по французским линиям коммуникаций мы старались бомбить железнодорожные узлы, расположенные вблизи этого города, и совсем не трогали станций внутри самого Парижа. Мы хотели

также избежать боев непосредственно в самой столице, намереваясь окружить ее и вынудить сдаться находившийся там немецкий гарнизон. Мы, конечно, не могли знать истинной обстановки в городе. В это время мы стремились беречь каждую унцию топлива и каждый снаряд, чтобы обеспечить себе выход на максимально выдвинутые рубежи, и я надеялся отложить фактический захват Парижа до тех пор, пока не получу сведений о том, что его жители голодают или оказались в отчаянном положении.

В этом вопросе на меня сильно влияли действия "свободных французов" в самом Париже. По всей Франции "свободные французы" оказывали нам неоценимую помощь в ходе боев, но особую активность они проявляли в Бретани. Без этого нам потребовалось бы значительно больше времени для освобождения Франции и нанесения поражения противнику в Западной Европе, потери при этом мы несли бы более серьезные. Так что когда "свободные французы" подняли восстание в Париже, нужно было быстро оказать им поддержку. Из имевшихся у нас сведений было ясно, что крупного сражения не произойдет, поэтому мы считали, что достаточно вступления в город одной или двух союзных дивизий, чтобы завершить освобождение столицы Франции.

По решению генерала Брэдли почетная миссия первой вступить в город была поручена французской 2-й дивизии под командованием генерала Леклерка. Ветераны этой дивизии начали боевой путь у озера Чад три года назад, совершили почти немыслимый переход через пустыню Сахара, присоединились к 8-й армии, чтобы принять участие в последних фазах африканской кампании, и теперь, 25 августа 1944 года, ее командир принял капитуляцию генерала, командовавшего немецким гарнизоном в Париже. Это была принесшая удовлетворение кульминация одиссеи, начавшейся в Центральной Африке и завершившейся в Берхтесгадене в Германии.

Однако для полного подавления противника в Париже и восстановления в столице порядка пришлось ввести туда американскую 4-ю дивизию. К счастью, бои не причинили большого материального ущерба городу. С нашей точки зрения, наиболее существенным из всех благоприятных обстоятельств было то, что мосты через Сену остались неповрежденными.

Сразу же после захвата Парижа я выразил генералу де Голлю надежду, что он быстро прибудет в Париж; я хотел, чтобы он, как символ французского Сопротивления, въехал в столицу Франции, прежде чем я войду или пройду через нее.

В субботу, сразу же после захвата города, я заехал в штаб генерала Брэдли и узнал там, что генерал де Голль со своим

штабом уже обосновался в одном из правительственных зданий в Париже. Я тут же принял решение нанести ему официальный визит. Сообщив Монтгомери о своем намерении, я попросил его сопровождать меня. Но он не мог оставить командный пункт ввиду быстро изменявшейся обстановки на его участке фронта, и я ограничился тем, что взял с собой своего английского помощника полковника Голта.

По пути в Париж нам с Брэдли пришлось сделать небольшой крюк, обходя район, где еще продолжались бои, но в город мы вошли тихо и незаметно, как и предполагали, незадолго до полудня в воскресенье 27 августа. Мы немедленно направились к де Голлю, который был уже окружен традиционной республиканской гвардией в великолепней форме. Мы посетили также генерала Дже-роу в штабе американского 5-го корпуса и остановились, чтобы увидеться с генералом Кенигом, который, как мой подчиненный по штабу верховного командования союзных экспедиционных сил, являлся командующим всеми внутренними силами "свободных французов". В то время как мы ехали по городу, видимо, распространился слух о том, что мы с Брэдли находимся в столице: когда мы проезжали мимо Триумфальной арки на площади Этуаль, нас окружила толпа восторженных граждан. Нас немного смущали радостные приветствия освобожденных жителей города, и мы постарались поскорее выбраться к одним из выездных ворот и вернулись в штаб Брэдли возле города Шартр.

Во время пребывания в столице генерал де Голль откровенно сказал мне о том, что его беспокоит. Он просил о продовольственной помощи и материальном снабжении и, в частности, хотел получить несколько тысяч комплектов военного обмундирования для частей "свободных французов", чтобы тем самым они отличались от бесчинствующих элементов, которые, пользуясь временной неразберихой, могут начать грабить беспомощное население. Он также хотел получить дополнительное количество боевой техники и вооружения, чтобы начать формирование новых французских дивизий.

Наиболее серьезной проблемой было скорейшее установление его власти и сохранение порядка в городе. Де Голль просил выделить ему временно две американские дивизии для использования их в городе, как он сказал, чтобы подчеркнуть его силу и прочно закрепить положение. И тут я вспомнил, как почти два года назад мы, придя в Африку, столкнулись с различными политическими проблемами. На этой территории мы застали функционировавшие правительственные органы, и за все время нашего пребывания там ни один из французских местных

руководителей никогда не обращался к союзным войскам за помощью, чтобы те помогли ему взять власть или подтвердить его руководящее положение. Здесь же, казалось, было что-то ироническое в том, что генерал де Голль просит союзные войска помочь ему установить и поддержать его авторитет в освобожденной столице.

Тем не менее я понимал де Голля и, хотя у меня не было свободных частей, чтобы временно разместить их в Париже, все же обещал, что две наши дивизии, отправляющиеся на фронт, пройдут по главным магистралям города. Я предложил устроить церемониальный марш этих войск через город и пригласил генерала принять участие в смотре. Я считал, что эта демонстрация силы и присутствие де Голля на трибуне дадут ему все, чего он добивался. Сам я уклонился от присутствия на параде, но сказал де Голлю, что генерал Брэдли приедет в столицу и будет стоять вместе с ним на трибуне, чтобы символизировать единство союзников.

Поскольку этот парад совпал с предстоявшими боевыми действиями, то, возможно, он оказался единственным случаем в истории войск, церемониальным маршем проследовавших через столицу великой страны, чтобы в тот же день участвовать в запланированном сражении.

Некоторые английские газеты прокомментировали этот факт замечанием, что американцы любят парады, и несколько критически добавили, что английские войска также участвовали в кампании по освобождению Франции, поэтому никто из союзников не должен стремиться присвоить всю славу себе. Однако среди официальных лиц не было никого, кто неправильно истолковал бы обстоятельства парада или подверг критике этот случай. Более того, как только газеты, выступившие с критикой, узнали истинную подоплеку этого церемониального марша, они тут же дали отбой своим предыдущим критическим высказываниям; однако этот эпизод явился еще одним примером того, что командующему в современной войне необходимо всегда учитывать не только фактическую сторону дела, но и то, как будет воспринято общественностью какое-либо событие. Нет надобности утверждать, что можно игнорировать общественность, наивно полагая, что недоразумения временного характера будут преданы забвению в последующие дни победы.

Аналогичный случай произошел в августе, когда в газетную перепалку оказалась вовлеченной американская и английская пресса в связи с появлением в американских газетах сообщения о том, что генерал Монтгомери более не пользуется правом координации действий сухопутных сил - теперь он и генерал

Брэдли имеют одинаковые права и подчиняются непосредственно мне. Штаб верховного командования союзных экспедиционных сил выступил с опровержением подобных утверждений, поскольку решение об изменении их статута еще не вступило в силу. Сообщение прессы было совершенно точным, но преждевременным: это изменение было давно предусмотрено нами, однако оно должно было вступить в силу после 1 сентября.

Английская пресса встретила это сообщение с большой обидой. На страницах газет появились высказывания о том, что Монтгомери якобы понизили из-за его боевых успехов. Американская пресса, наоборот, с большим удовлетворением приветствовала это сообщение, так как оно указывало на то, что американские войска на своем направлении вторжения вели боевые операции действительно на. независимой основе. Поспешное выступление штаба верховного командования с опровержением этих утверждений в печати вызвало еще большую путаницу, и генерал Маршалл нашел необходимым направить мне телеграфом запрос по этому вопросу. Мне снова пришлось обстоятельно изложить суть подготовленного нами решения относительно изменения в полномочиях Монтгомери и Брэдли. Я также позволил себе выразить определенное раздражение в связи с этим, заметив в своей ответной телеграмме, что для общественности было недостаточно добиться крупной победы, для нее, по-видимому, более важно то, каким образом она достигнута. Однако в обеих странах реакция была совершенно нормальной. Если бы не были сильны патриотизм и моральный дух, которые порождают такого рода национальную гордость, то организация и сохранение армий в условиях непрерывных потерь оказались бы невозможной задачей. Этот инцидент явился еще одним полезным уроком при решении вопросов, к которым общественность проявляла большой интерес.

В военное время невозможно добиться полной координации и взаимодействия между прессой и военными властями. Для командира секретность является оружием, для прессы она - проклятие. Задача состоит в том, чтобы выработать способ действий, который учитывал бы интересы обеих сторон.

Пресса в первую очередь заинтересована в том, чтобы обеспечить общественность в своей стране информацией. Усилиями тыла страны создаются боевые соединения и вооружение, необходимые для достижения победы. Люди, оставшиеся дома, должны знать обо всем, что делается на войне, за исключением того, что необходимо сохранить в тайне в интересах успеха в боевых действиях. Действительно, командующий на фронте никогда не должен забывать о прямом

долге сотрудничать с руководителями в своем правительстве, чтобы поддерживать на нужном уровне моральное состояние гражданского населения, что очень важно во всех отношениях.

Для этой цели у командующего имеется один основной канал воздействия на моральный дух гражданских лиц - корпус представителей прессы на его театре. В этот корпус входят корреспонденты всякого рода газет, журналов и радио, фоторепортеры и кинохроникеры. Некоторые командующие возмущаются присутствием большой группы этих представителей, иногда достигающей значительной численности - в одно время на Европейском театре военных действий находилось 943 корреспондента и репортера.

Когда я впервые встретился с генералами Александером и Монтгомери в Африке, они ратовали за введение для представителей прессы строгих правил и порядков и представили длинный перечень данных, подлежащих цензуре. Александер и Монтгомери понимали, что репортеры находились на театре военных действий по разрешению правительства, но они были настолько обеспокоены сохранением военной тайны, что, казалось, относились к прессе скорее как к неизбежному злу, нежели к ценному связующему звену между фронтом и тылом и органу, который мог оказать большую помощь в ведении кампании.

Англичане имели достаточно обоснованные причины, особенно в начале войны, чтобы проявлять большую сдержанность и консерватизм в отношениях с прессой, чем сотрудники американской штаб-квартиры. В первые дни войны, в частности в 1940-1941 годах, когда Англия оставалась в единственном лице в войне против держав "оси", англичане мало что могли выставить против немцев, кроме ввода противника в заблуждение. Они прибегали ко всякого рода ухищрениям, в том числе к созданию ложных штабов и к ложным донесениям, с целью запутать немцев в вопросах оценки наличных сил у англичан и, что еще более важно, относительно их дислокации. Из этой необходимости сложилась привычка, от которой позднее было трудно отказаться.

Я считал, что командующему следует рассматривать представителей прессы в некотором роде как полуштабных офицеров, понимать их задачу в войне и содействовать им в выполнении этой задачи. Обычно единственным оправданием для введения цензуры служит необходимость сохранить в секрете информацию, которую противник не может получить иначе, как через прессу. Во время войны я лично нарушил это общее правило, временно введя политическую цензуру в Северной

Африке и утаив от прессы на первых порах фактические перемены в командовании в Нормандии. В этих случаях, как мне казалось, для этого имелись достаточно веские доводы. И если позднее обнаруживалось, что мое решение было ошибочным, я никогда не уклонялся от признания своей ошибки и выражения сожаления.

Во Второй мировой войне представители американской и английской прессы составляли большую группу умных, патриотически настроенных и энергичных людей. Их можно было с полным основанием посвящать в секреты командующего. Когда это было сделано, группа корреспондентов превратилась в наилучший инструмент воздействия на отдельного репортера, который мог злоупотребить доверием или нарушить неписаные правила, каких придерживалась вся группа. За время проведения кампаний на Средиземноморском и Европейском ТВД я убедился, что корреспонденты обычно отвечали взаимностью на откровенность, доброжелательность и понимание.

В обращении с представителями прессы американская практика сводилась к тому, чтобы давать любую возможность репортеру идти куда и когда угодно. Хотя это и доставляло нам некоторые дополнительные административные заботы, но такой принцип хорошо оправдывал себя, поскольку каждый убеждался, что мы не делаем никаких попыток скрывать свои ошибки. Если таковые и обнаруживались, то их быстро можно было устранить.

Запрещение цензуры называть части, уже ведущие боевые действия, лишает командира одного из мощнейших средств обеспечения высокого морального духа среди своих подчиненных. Солдат, воюющий на фронте, хочет, чтобы другие знали о нем, о его лишениях и страданиях, и, вероятно, ценит это. Ничто, кажется, не доставляет ему большего удовольствия, чем увидеть в газете добрые слова в адрес его батальона, полка или дивизии. Прикрытие действий частей ширмой обезличенности лишает солдата этой радости, и рано или поздно его неудовлетворенность выльется в открытое недовольство. К тому же любой противник, достойный этого названия, быстро вскрывает все противостоящие ему силы. Поэтому заниматься самообманом, делая вид, что с помощью цензорского запрета мы скрываем от противника нумерацию своих частей, ведущих с ним бои, значит просто раздражать прессу без всякой пользы для дела.

Согласно установившейся в американских войсках в Европе практике серьезная ответственность ложилась на аккредитованных представителей прессы, одной из обязанностей которых было правильное освещение событий - без преувеличения или преуменьшения их значения. У некоторых репортеров обнаруживалась тенденция приверженности к одной

конкретной части или даже к конкретному командиру. Такая тенденция приобрела серьезное значение особенно в союзнических войсках, когда пристрастное отношение имело также националистическую окрашенность. Конечно, были и неприятные инциденты, вина за которые в одних случаях ложилась на представителей прессы, а в других - на командиров. Но если рассматривать те огромные возможности, которые имелись для пристрастных репортажей или возникновения неприятностей между воинскими частями, армиями и даже целыми народами, то следует сказать, что представители прессы на фронте обеспечивали сотрудничество союзников, как любая другая группа специалистов в своей области.

С появлением в августе бригадного генерала Фрэнка Аллена-младшего в качестве моего офицера службы общественной информации дружественные отношения между прессой и военными стали укрепляться. В Северной Африке и во Франции он успешно руководил боевым командованием бронетанковой дивизии, и я считал, что его умение сохранять военную тайну и в то же время давать общественности информацию, какую она хотела и в какой нуждалась, будет ценным в общих военных усилиях. С его назначением на штабную работу я хотя и потерял испытанного боевого командира, но избавился от решения многих беспокойных проблем.

Освобождение Парижа 25 августа оказало огромное воздействие на людей; Даже скептики начали понимать, что Гитлеру скоро конец. К этому времени противник понес огромные потери. Со времени нашей высадки в Нормандии три вражеских фельдмаршала и один командующий армией были сняты со своих постов или выведены из строя вследствие полученных ранений. Роммель был тяжело ранен 19 июля, когда его машину обстрелял один из наших самолетов-штурмовиков. Спустя несколько месяцев он покончил с собой, чтобы избежать суда за якобы его причастность к заговору 20 июля с целью убийства Гитлера. Один командующий армией, три командира корпуса и пятнадцать командиров дивизий были убиты или взяты в плен. Противник потерял 400 тыс. убитыми, ранеными или пленными. Половину из этого числа составляли пленные, причем 135 тыс. из них были взяты в плен после 25 июля.

Потери немцев в боевой технике составили 1300 танков, 20 тыс. других боевых машин, 500 штурмовых орудий и 1500 артиллерийских стволов. Немецкая авиация также понесла серьезные потери. Более 3,5 тыс. самолетов было уничтожено, и это в дополнение к тому, что еще перед вторжением немецкие военно-воздушные силы были серьезно обескровлены действиями

нашей авиации.

Все это привело к значительному снижению морального духа в войсках противника. Особенно это было заметно среди военнопленных старших офицеров, так как они в силу своего профессионального опыта раньше других могли увидеть неизбежность окончательного поражения Германии. Однако немецкая армия в целом еще явно не достигла стадии массового краха, не оставалось никаких сомнений в том, что немецкие дивизии, если сложатся более или менее благоприятные условия, еще в состоянии оказать ожесточенное сопротивление.

С захватом Парижа мы вышли на рубежи, которые предусматривали занять к исходу трех-четырех месяцев после высадки на французском побережье. Таким образом, фактически мы на несколько недель опередили наши графики продвижения в долгосрочных расчетах, однако в важных вопросах снабжения войск у нас обнаружилось серьезное отставание. Поскольку почти весь район был захвачен в результате быстрого продвижения наших войск после 1 августа, то дороги, железнодорожные линии, склады, ремонтные мастерские и базовые сооружения, необходимые для обеспечения непрерывного продвижения войск вперед, остались в тылах далеко от линии фронта.

Когда немецкому командованию, несмотря на поражение и беспорядок, удалось отвести значительное число своих войск за Сену, у нас все еще оставалась надежда создать для них новую западню, прежде чем оно сумеет произвести перегруппировку и занять прочную оборону. Часть войск немецкой 15-й армии все еще находилась в районе Кале, где она создала надежное прикрытие для отступающих туда частей 1-й и 7-й армий немцев. Считалось возможным, что противник попытается оказать некоторое сопротивление на естественных рубежах для обороны вдоль водных артерий Бельгии. Выброска воздушного десанта, казалось, давала нам большие надежды на новое окружение, если противник решит занять оборону.

Как только поражение немцев на фронте в Нормандии стало очевидным, командованию воздушно-десантных войск было дано указание разработать планы выброски десантов в ряде последовательных районов, когда по ходу событий наметится возможность наиболее успешного окружения войск противника. Планирование на бумаге такой операции было хотя и трудоемким, но довольно простым делом. Однако когда дошло до фактических приготовлений запланированного десантирования, то, прежде чем принять окончательное решение, потребовалось серьезно взвесить все обстоятельства. В процессе подготовки к воздушному десантированию появилась необходимость снять

транспортные самолеты с выполнения ими задач по снабжению воздушным путем. Временами казалось, что более существенных результатов можно добиться, если эти самолеты будут продолжать заниматься доставкой по воздуху боевых грузов.

К сожалению, эти самолеты нужно было снять за несколько дней до десантной операции, чтобы должным образом переоборудовать их, а с экипажами провести соответствующую тренировку. В конце августа, когда положение со снабжением войск стало еще напряженнее, а мы все с нетерпением следили за ходом боевых действий в поисках путей отрезать отход для значительной части сил противника, результаты работы и возможности транспортного командования обсуждались каждый день. В среднем, с учетом различных условий погоды, наши самолеты могли доставлять на передний край около 2 тыс. тонн грузов ежедневно. Это составило только небольшой процент общего объема доставляемых войскам грузов, однако теперь каждая тонна была столь важна на фронте, что вопрос о снятии самолетов приобретал особенно серьезный характер.

Мне казалось, что в районе Брюсселя намечались благоприятные условия для использования воздушного десанта, и, хотя мнения относительно разумности снятия транспортных самолетов с выполняемых ими заданий разделились в силу неопределенности исхода десантной операции, я все же решил воспользоваться этой возможностью. Транспортно-десантное авиационное командование 10 сентября было временно снято с работ по переброске грузов, чтобы начать интенсивную подготовку к выброске десанта в районе Брюсселя. Однако вскоре стало ясно, что немцы отступают настолько быстро, что наши усилия окажутся бесплодными. Противник вообще не делал никаких попыток оборонять этот регион, если не считать боев, которые вели его группы прикрытия отхода.

По всему фронту мы неслись вперед, преследуя отступавшего противника. За четыре дня английские передовые части, параллельным курсом с которыми столь же решительно на правом фланге шли американцы, покрыли расстояние в 195 миль. Это было одно из многих проявлений замечательного мастерства наших соединений в ходе крупного преследования противника через Францию. К 5 сентября 3-я армия Паттона достигла Нанси и пересекла реку Мозель на, участке между этим городом и Мецем. 1-я армия под командованием Ходжеса подошла к оборонительным сооружениям "линии Зигфрида" 13 сентября и вскоре после этого должна была повести наступление на Ахен. Прижатая к границам своего отечества, немецкая армия начала усиливать сопротивление. 4 сентября армии Монтгомери вошли в

Антверпен. Солдаты почувствовали новый прилив энергии, узнав, что они с такой быстротой выставили немцев из этого района, что те даже не успели произвести серьезных разрушений в городе. Марсель был захвачен 28 августа, и теперь этот огромный порт восстанавливали.

Эти события обещали в конечном счете разрешение всех наших проблем, связанных с работой служб тыла, и это означало, что в определенный период мы будем в состоянии развернуть на границах Германии мощное сражение, в котором противник не будет иметь никакой надежды на успех. Однако нужно было еще многое сделать, прежде чем мы сможем обеспечить себе такие возможности, а перенапряжение на наших линиях коммуникаций дошло почти до предела. На юге должны были встретиться войска генерала Патча и армии генерала Брэдли, а железнодорожные линии вверх по долине реки Роны нуждались в серьезном ремонте. На севере мы оказались перед лицом еще более серьезных трудностей.

Порт Антверпен, достаточно удаленный от моря, связан с ним огромным эстуарием Шельды. Оборонительные сооружения, прикрывавшие подступы к Антверпену со стороны моря, находились в исправном состоянии, и, прежде чем мы смогли бы воспользоваться портом, нам нужно было выбить из них противника и очистить эстуарий.

На севере наша задача состояла из трех частей. Во-первых, нам нужно было выйти в восточном направлении на достаточно далекие рубежи, чтобы прикрывать Антверпен и автомобильные и железные дороги, ведущие от района этого города к фронту. Во-вторых, мы должны были подавить оборону немцев между Антверпеном и морем. И в-третьих, я надеялся, что передовые соединения выдвинутся как можно дальше для овладения, если представится такая возможность, плацдармом на противоположном берегу Рейна, с тем чтобы затем угрожать Руру и облегчить организацию последующих наступательных операций.

На фланге Монтгомери нужно было немедленно принимать решение с учетом осуществления этих задач. В качестве предварительного условия требовалось выдвинуть наши войска на восток на такое расстояние, чтобы надежно обеспечить прикрытие Антверпена. Это нужно было делать без промедления: пока это не было сделано, мы не могли приступить к осуществлению других задач. Столь же очевидным был тот факт, что, пока не будут очищены от противника подступы к Антверпену со стороны моря, порт останется бесполезным для нас. Поскольку немцы прочно окопались на островах Южный

Бевеланд и Валхерен, то нам предстояла трудная и длительная операция по очищению от противника подступов к порту со стороны моря. И чем скорее мы приступим к делу, тем лучше. Однако оставалось решить вопрос: выгодно или нет, прежде чем мы возьмемся за эту тяжелую задачу, продолжать наше наступление в восточном направлении против все еще отходящего противника с целью овладеть при возможности плацдармом за Рейном.

Когда мы рассматривали различные аспекты этого вопроса, Монтгомери неожиданно выступил с предложением, что, если мы окажем поддержку его 21-й группе армий всеми наличными средствами снабжения, он сумеет ворваться прямо в Берлин и, как он сказал, закончить войну. Я убежден, что фельдмаршал Монтгомери в свете последовавших событий согласился бы с ошибочностью этой точки зрения. Однако в тот момент энтузиазм Монтгомери подогревался быстрым продвижением войск в течение предыдущих недель, и, будучи убежденным в полной деморализации противника, он решительно заявил, что единственное, в чем он нуждается, - это в соответствующем снабжении войск, чтобы идти прямо на Берлин.

В начале сентября, при возвращении из одной из поездок в прифронтовую полосу, я ушиб ногу при вынужденной посадке самолета. Захваченные внезапным штормом, мы были лишены возможности добраться до нашей небольшой взлетно-посадочной полосы возле штаб-квартиры, и единственным местом, где можно было совершить посадку, оказалась прибрежная полоска земли. Это был один из тех участков побережья, где немцы накануне нашего вторжения провели соответствующие инженерные работы и заминировали приливную полосу берега. В нашем положении это обстоятельство являлось малоутешительным, и мы старались вытащить самолету подальше от среза воды, чтобы приливная волна не зато пила его. Именно в это время я и вывихнул ногу. Мой пилот лейтенант Ундервуд помог мне преодолеть прибрежную полосу, в то время как сам я не спускал глаз с гладкой песчаной насыпи перед собой в надежде обнаружить хоть какие-нибудь признаки заложенных в песке мин. Мы вышли на проселочную дорогу и пустились в долгий путь по направлению к своему штабу. Мы едва, продвигались под проливным дождем, почти не имея надежды на попутную машину, поскольку дорога проходила стороной и редко использовалась нашими солдатами. Однако не прошло и нескольких минут, как позади нас появился джип, в который умудрились втиснуться восемь солдат.

Мы остановили машину, и солдаты, сразу же узнав меня, выскочили из нее, чтобы помочь. Они явно были поражены

встречей с командующим, ковылявшим по дороге под проливным дождем в таком пустынном месте. Я попросил их доставить меня в штаб, и они проявили трогательную заботу обо мне, буквально на руках подняв и посадив на переднее место рядом с водителем. Затем, боясь потревожить мою поврежденную ногу, солдаты втиснулись в джип и разместились позади меня. Я так и не понял, как они, в том числе и мой пилот, умудрились устроиться в одном джипе.

В течение двух дней я был прикован к постели, а затем мне некоторое время пришлось носить гипсовую повязку на ноге. Корреспонденты заметили мое отсутствие в штаб-квартире и решили, что я заболел, возможно, от переутомления. Когда в прессе появились сообщения именно такого характера, мне пришлось рассказать журналистам подробности происшедшего инцидента в надежде, что моя жена не будет преувеличивать серьезность случившегося, ожидая от меня обстоятельного письма.

Мои поездки из-за ноги временно были затруднены, но, чтобы быть уверенным, что Монтгомери полностью информирован относительно наших планов, я встретился с ним в Брюсселе 10 сентября. При встрече присутствовали главный маршал авиации Теддер и генерал Гейд.

Я объяснил Монтгомери состояние нашей системы снабжения и нашу потребность в скорейшем открытии порта Антверпен. Я отметил, что без железнодорожных мостов через Рейн и без достаточных запасов предметов боевого обеспечения под рукой невозможно поддерживать в Германии группировку сил, способную достичь ее столицы. В центральных районах вражеской страны еще имелись значительные резервы, и я знал, что любое продвижение на узком фронте в глубь Германии, какое предлагал Монтгомери, наверняка закончилось бы поражением. Таков был бы исход подобного предприятия независимо от того, какая сторона попытается его предпринять. Монтгомери я сказал, что не буду рассматривать такое предложение.

Если бы в конце августа мы приостановили наши наступательные операции на всех других участках фронта, то не исключено и даже, пожалуй, наверняка, что Монтгомери мог бы овладеть сильным плацдармом на восточном берегу Рейна и создать угрозу захвата Рура, точно так же, как любая другая армия могла продвигаться быстрее и углубиться дальше, если бы ей разрешили это сделать за счет отказа в боевом обеспечении войск на других участках фронта. Однако ни в одном месте нельзя было добиться решающего успеха, а между тем на других направлениях мы попали бы в опасное положение, выход из

которого оказался бы весьма затруднительным.

Монтгомери был знаком с обстановкой только на своем участке фронта. Он понимал, что поддержка его предложения означала бы остановку на многие недели боевых действий всех войск, за исключением 21-й группы армий. Но генерал не понимал, что на остальной части нашего растянутого фронта сложилась бы недопустимая ситуация, если бы он, исчерпав наши возможности в снабжении его группы армий, был вынужден остановиться или отступить.

Я ему объяснил, что мы хотим, чтобы порт Антверпен заработал и чтобы были заняты соответствующие рубежи, надежно прикрывающие этот порт. Кроме того, я не исключал возможности с помощью воздушного десанта захватить плацдарм за Рейном в районе Арнема, обойдя с фланга оборонительные сооружения "линии Зигфрида". Операция по захвату такого плацдарма - ей было дано кодовое наименование "Маркет-Гарден" - явилась бы просто эпизодом и расширением нашего продвижения на восток на рубежи, необходимые для обеспечения временной безопасности. На нашем левом фланге таким рубежом являлось само нижнее течение Рейна. Остановиться, не достигнув этого рубежа, означало бы поставить себя в исключительно рискованное положение, в особенности в тот период, когда Монтгомери направит значительные силы для захвата острова Валхерен.

Если бы можно было осуществить эти планы, мы не стали бы предпринимать никакие крупные наступательные операции на севере, пока не накопили бы достаточные запасы предметов боевого обеспечения в тылу. Но мы могли и провели бы ряд небольших операций по всему нашему огромному фронту в порядке подготовки крупного наступления. Монтгомери очень хотелось попытаться захватить плацдарм.

Поэтому 10 сентября на совещании в Брюсселе фельдмаршалу Монтгомери было разрешено отложить операции по уничтожению сил противника на подступах к Антверпену и попытаться овладеть нужным для нас плацдармом. В помощь Монтгомери я выделил недавно сформированную 1-ю союзную воздушно-десантную армию под командованием американского генерала авиации Льюиса Бреретона. Дата наступления была предварительно установлена на 17 сентября, и я обещал ему сделать все возможное для материального обеспечения операции до ее завершения. После захвата плацдарма Монтгомери должен был немедленно всеми силами приступить к операции по захвату острова Валхерен и очищению от противника других районов, откуда немцы обороняли подступы к Антверпену. Монтгомери

энергично взялся за осуществление поставленной перед ним задачи.

Поскольку все наши дела, за исключением вопросов снабжения, были в довольно хорошем состоянии, Объединенный англо-американский штаб на конференции в Квебеке решил, что больше нет необходимости оставлять в моем непосредственном подчинении два бомбардировочных объединения, дислоцирующихся в Англии. На конференции руководители Объединенного штаба договорились, что стратегические бомбардировщики будут подчинены непосредственно Объединенному штабу через специально созданный для этого орган в Лондоне. С моей точки зрения, это была неуклюжая и малоэффективная реорганизация, для наших операций не имевшая никакого значения, так как в директиву был включен параграф, согласно которому заявки Верховного командующего союзными войсками в Европе на использование стратегических бомбардировщиков удовлетворялись в первую очередь. При такой гарантии я не нашел нужным возражать против принятого решения, несмотря на мое отрицательное мнение о нем.

Генерал Спаатс ожесточенно протестовал против новой командной структуры для стратегической авиации, пока я не убедил его, что для меня это не имеет никакого значения. Даже Харрис, который первоначально был известен как один из тех, кто хотел выиграть войну только посредством бомбардировок и кто, как полагали, осмеивал мобилизацию армий и флотов, стал проявлять исключительную гордость своей принадлежностью к союзной команде. Вот выдержки из его письма, которое он написал мне после получения приказа о его переводе в непосредственное подчинение Объединенному англо-американскому штабу:

"21 сентября 1944 г.

Мой дорогой Айк!

Согласно новой командной структуре я и вверенное мне авиакомандование более не подчинены непосредственно вам. В связи с этим я воспользуюсь случаем заверить вас, хотя и понимаю, что вы найдете мои заверения излишними, что наша длительная деятельность в поддержку ваших войск по вашему указанию будет фактически продолжаться, как и раньше, с полной отдачей наших сил и мастерства...

От себя лично и от имени моего командования я хочу выразить вам благодарность и глубокую признательность за неизменную помощь и поддержку, которые мы всегда чувствовали в дни удач и трудных обстоятельств на протяжении всей кампании...

Мы в бомбардировочном командовании выражаем вам не только поздравления и нашу благодарность, но и нашу готовность в любое время и в любом месте оказать вам свои услуги. Я искренне надеюсь, что мы сможем продолжать решать нашу задачу совместно до полного завершения соответственно в своих областях деятельности.

Всегда ваш Берт".

В силу растянутости линий коммуникаций и их недостаточной пропускной способности по всему фронту ощущалось усиливавшееся напряжение в работе транспорта, занятого доставкой боевых грузов в войска. Службы снабжения прилагали героические усилия, чтобы войска могли продвигаться вперед как можно дальше. Они создали специальную систему автоперевозок, взяли под контроль главные автодороги во Франции и ввели на них одностороннее движение. По этим дорогам двигался непрерывный поток автомашин, каждая из которых находилась в пути по меньшей мере двадцать часов в сутки. Со всех частей для них дополнительно собрали водителей, а сами машины останавливались только для загрузки, выгрузки и технического обслуживания.

Железнодорожные войска работали круглосуточно, ремонтируя разбитые мосты и железнодорожные пути, восстанавливая подвижной состав. Бензин и топливо доставлялись на континент по гибким трубопроводам, проложенным по дну Ла-Манша. С побережья бензин и топливо перекачивались дальше на главные пункты распределения по трубопроводам. Саперы с удивительной быстротой строили взлетно-посадочные полосы. Во всех тыловых службах, как и в любой боевой части, проявлялось высокое моральное состояние и стремление с максимальной отдачей выполнять свои задачи.

Однако, несмотря на эти чрезвычайные усилия служб снабжения, проблема обеспечения войск оставалась наиболее острой. Со всех участков фронта поступали требования о срочных доставках туда бензина и боеприпасов. Каждая из наших передовых частей могла продвинуться дальше и быстрее. Я считал и сейчас уверен, что армия генерала Паттона могла с ходу взять город Мец. Тем не менее мы были вынуждены снабжать каждую часть только в той мере, в какой было необходимо для выполнения ее основной задачи, и не более.

На нашем правом фланге 11 сентября, то есть через двадцать семь дней после высадки в Южной Франции, наступавшие с юга войска генерала Патча соединились с нашими силами в районе города Дижона. С этого момента единственным препятствием на пути обильного снабжения всех наших войск к югу от Меца стал

необходимый ремонт железнодорожных путей, шедших вверх по долине Роны. В результате соединения с войсками Патча значительное число немцев оказалось отрезанным в Юго-Западной Франции. Они начали сдаваться в плен небольшими группами, и только в одном случае сразу сдались 20 тыс. немцев.

На левом фланге наступление на Арнем началось, как и планировалось, 17 сентября. Три воздушно-десантных дивизии были выброшены друг за другом в намеченных районах с севера на юг. В самом северном районе высадилась английская 1-я воздушно-десантная дивизия, несколько южнее от нее - 82-я и 101-я воздушно-десантные дивизии. Наступление началось удачно и, несомненно, оказалось бы успешным, если бы не резкое ухудшение погоды, которое не позволило доставить необходимые подкрепления английским десантникам; в конечном счете английская воздушно-десантная дивизия была почти полностью уничтожена, а вся операция завершилась только частичным успехом. Мы не смогли захватить плацдарм, но наши войска выдвинулись далеко вперед, обеспечив тем самым возможность обороны района Антверпена.

Ход этого сражения привлек внимание каждого на театре военных действий. Мы особенно гордились нашими воздушно-десантными частями, но интерес к сражению был вызван более глубокими причинами, чем гордость. Мы считали, что это сражение покажет, сумеют или не сумеют немцы вновь оказать действенное сопротивление. По исходу этого сражения мы могли бы судить об ожесточенности боев, которые ждали нас впереди. Складывалось общее впечатление, что развернувшееся сражение действительно являлось попыткой немедленно начать мощное наступление в глубь Германии. Это вызывало дополнительный интерес к боевым действиям десантников, во время которых возникали необычайно драматичные обстоятельства.

Когда же, несмотря на героические усилия, воздушно-десантные войска и поддерживавшие их сухопутные силы были остановлены противником, мы получили достаточно доказательств, что нас ожидают еще более ожесточенные бои. Английская 1-я воздушно-десантная дивизия, находившаяся в авангарде, доблестно сражалась, ведя, пожалуй, самые тяжелые бои за всю войну, и ее стойкость оказала существенную помощь двум американским дивизиям, следовавшим за ней, и поддерживавшим десант войскам 21-й группы армий, стремившимся захватить и удержать за собой важные районы. Однако сама английская дивизия жестоко пострадала: только около 2400 десантникам этой дивизии удалось отойти обратно через реку и спастись.

Теперь было исключительно важно без дальнейших. промедлений захватить подступы к Антверпену. Войска Монтгомери в данный момент оказались крайне растянутыми. Его войска, вклинившись в оборону противника на различную глубину, достигли нижнего течения Рейна.

Монтгомери нужно было сосредоточить значительные силы в эстуарии Шельды, а также выделить войска для блокирования ряда небольших портов вдоль побережья, все еще находившихся в руках противника. В помощь ему для проведения операций в эстуарии Шельды мы направили две американские дивизии - 7-ю бронетанковую под командованием генерал-майора Сильвестера и 104-ю дивизию под командованием генерал-майора Терри Аллена, ветерана кампаний в Тунисе и на Сицилии.

Американская 1-я армия в конце своего блестящего марша от Сены до немецкой границы захватила Ахен. Противник упорно и ожесточенно оборонял этот город, но генерал Коллинс со своим 7-м корпусом так мастерски провел операцию, что к 13 октября окружил оборонявшийся гарнизон и вошел в город. Немцы были вынуждены постепенно отходить к последнему опорному пункту - массивному зданию в центре города. Этот опорный пункт был уничтожен самым простым способом: на 200 ярдов подтянули к зданию 155-мм пушку "Длинный Том" и прямой наводкой начали методически разрушать его стены. После того как несколько снарядов прошило здание насквозь, 21 октября немецкий командир сдался, горестно заметив: "Когда американцы начинают использовать 155-мм пушку как снайперское оружие, значит, настало время сдаваться!"

На юге начала действовать 6-я группа армий Деверса и 15 сентября перешла под мое оперативное командование. Теперь под контролем Верховного командующего союзными экспедиционными силами находились войска, вытянувшиеся по фронту от Средиземного моря до устья Рейна на многие сотни миль.

В состав 6-й группы армий Деверса входили американская 7-я армия под командованием генерал-лейтенанта Патча и французская 1-я армия под командованием генерала Делатра де Тассиньи, которая до этого в оперативном отношении подчинялась Патчу. В группу армий генерала Брэдли входили 1-я, 3-я и вновь сформированная 9-я армия под командованием генерал-лейтенанта Уильяма Симпсона. В состав 21-й группы армий Монтгомери входили 2-я английская армия под командованием Демпси и 1-я канадская армия под командованием Крерара. Союзная воздушно-десантная армия, временно приданная 21-й группе армий, подчинялась

непосредственно Верховному командующему союзными экспедиционными силами.

В октябре мы узнали, что Ли-Меллори убывает от нас на другой театр военных действий. Нам не хотелось расставаться с ним, но к этому времени наша организация окончательно оформилась, а тесное взаимодействие и сотрудничество в союзническом руководстве достигли такого совершенства, что я согласился на его перевод. Однако вскоре после отъезда от нас он погиб в авиационной катастрофе. Так мы лишились одного из неустрашимых и мужественных командиров Второй мировой войны.

В конце лета штаб Верховного командующего союзными экспедиционными силами начал перемещаться из Гренвилля, где он первоначально разместился на континенте, в Версаль, под Парижем. Мне хотелось выбрать новое место для штаба к востоку от Парижа, чтобы во время поездок на фронт не пересекать перенаселенные районы Франции. Однако, учитывая направление основных линий связи и отсутствие соответствующих условий для размещения крупного штаба восточнее Парижа, мы были вынуждены первоначально согласиться с расположением штаба в Версале как на наиболее приемлемом месте, откуда можно было руководить фронтом. Я разместил свой передовой командный пункт на окраине Реймса. Отсюда я мог легко добираться до любого участка фронта, даже в те дни, когда погода была нелетной.

Начиная с 1 сентября я в течение трех месяцев находился в поездках. Фронт постоянно расширялся, расстояния увеличивались, и поэтому каждая поездка на фронт отнимала много времени. Тем не менее эти поездки были ценными и полностью оправдывались. Придерживаясь этой практики, я мог посещать командующих в их штабах, быть постоянно в курсе происходящих событий на местах и возникавших там проблем и, главное, чувствовать настроение солдат. Спустя два месяца, когда подошла зима, извилистые дороги, ведущие в мой небольшой, лагерь возле Реймса, стали почти непроезжими. Однажды моя машина так увязла в грязи, что наши трехчасовые попытки выбраться кончились безрезультатно, и только подошедший трактор вытащил ее. Это заставило меня перейти в штаб-квартиру в Версале, и с того времени мои поездки на фронт стали более затруднительными, за исключением случаев, когда была хорошая летная погода.

Осенью во время поездки на фронт я сделал короткую остановку в прифронтовой полосе, чтобы поговорить с солдатами одного из батальонов 29-й пехотной дивизии. Мы все стояли в

грязи на скользком склоне холма. Поговорив несколько минут с солдатами, я повернулся, чтобы идти дальше, и упал навзничь в грязь. Услышав взрыв смеха, с каким реагировали на это солдаты, я понял, что это была моя самая успешная за всю войну встреча с солдатами. Даже те солдаты, которые бросились ко мне, чтобы помочь выбраться из грязи, от смеха едва держались на ногах.

Иногда мои друзья советовали мне и даже настаивали, чтобы я сократил свои поездки в войска. Они правильно считали, что поскольку речь идет о солдатских массах, то лично я смогу поговорить лишь с очень немногими из солдат. Поэтому они доказывали, что я просто изматывал себя, не достигая ничего существенного. С этим я не соглашался, считая, что постоянные беседы с рядовыми солдатами дают мне точное представление о их настроениях. Я говорил с ними о чем угодно, а чаще всего спрашивал, какой новый прием или приспособление для его использования пехотой в бою придумали данный взвод или отделение. Я говорил обо всем до тех пор, пока солдаты в свою очередь не начинали рассказывать мне.

Конечно, мне понятно было, что факт беседы даже с несколькими солдатами дивизии очень скоро станет известен всему личному составу части. А это, как я считал, будет подталкивать солдат к разговору со своими начальниками. Мне казалось, что такая привычка содействует боевой эффективности личного состава. В массе, состоящей из отдельных личностей, носящих винтовки, таятся огромная изобретательность и инициатива. Если солдаты могут естественно и без сдержанности говорить со своими офицерами, то результаты их изобретательности станут достоянием всех. Более того, из привычки возникают взаимное доверие, чувство партнерства, которые составляют суть морального состояния войск. Армию, в которой солдаты боятся своих офицеров, никогда нельзя сравнить с той, в которой солдаты доверяют командирам и полагаются на них.

Есть старое понятие - "обнаженность поля боя". Это описательное выражение полно смысла для любого, кто видел сражение. За исключением таких необычных тактических действий, как форсирование реки или участие в морском десанте, в условиях района, прилегающего к переднему краю, превалирует ощущение пустынности, безжизненности. Почти не видно ничего живого: войска, как свои, так и противника, а также боевая техника как будто исчезают из виду, когда стороны готовятся к бою. В таких условиях легко потерять управление солдатами и связь с ними, поскольку каждый из них, испытывая страх, боится, что неосторожное движение или обнаружение себя будет означать

для него моментальную смерть, и чувствует себя страшно одиноким. Именно в этом случае наиболее плодотворными окажутся доверие к своим командирам, чувство товарищества и вера в них.

Мои личные усилия в этом направлении едва ли могли принести существенные результаты. Но я знал, что если солдаты осознают, что могут разговаривать с "большим начальником", то у них будет меньше страха перед своим лейтенантом. Более того, мой пример мог подталкивать офицеров добиваться непринужденных отношений с солдатами. Во всяком случае, я этой практики придерживался на протяжении всей войны, и ни одна беседа с солдатом или с группой солдат не была для меня бесполезной.

Все эти поездки, кроме того, давали возможность на месте серьезно обсуждать, в частности, проблемы пополнений, обеспечения боеприпасами, обмундированием и оснащения войск в связи с приближавшейся зимой, а также планы на будущее. Конечно, штабы на всех уровнях постоянно работают над этими вопросами и в соответствии с инструкциями все потребности войск автоматически удовлетворяются через действующую систему снабжения. Однако ничто не может заменить прямых контактов между командующими, и куда более ценно, когда старший начальник сам ездит в войска, вместо того чтобы сидеть у себя в штаб-квартире и ждать, когда подчиненные придут к нему со своими проблемами.

Моральное состояние боевых частей всегда необходимо держать под пристальным вниманием. Солдаты способны воспринимать наказание и длительные лишения до тех пор, пока считают, что с ними поступают справедливо, что их командиры внимательно следят за ними, понимают и оценивают их действия. Любые признаки того, что с ними обходятся несправедливо, естественно, вызывают у солдат гнев и возмущение, и это настроение с быстротой огня может охватить всю часть. Однажды в Африке солдаты на передовой пожаловались мне, что они не получают положенные им шоколад и сигареты, хотя знают, что тыловики получают все это в изобилии. Я обратился за разъяснениями к местному командиру, который сказал, что время от времени он пытался затребовать эти виды довольствия, но ему отвечали, что нет транспорта, чтобы доставить их на фронт. Тогда я позвонил в тыл и сказал, что, пока не будут обеспечены этими видами довольствия каждая авиачасть на передовом аэродроме и все фронтовые подразделения, интенданты не получат ни одной сигареты, ни одной плитки шоколада. И очень скоро я получил донесение с фронта, в котором сообщалось, что все их требования

быстро выполняются.

Один из прискорбных эпизодов подобного рода произошел в конце 1944 года. На фронте начала ощущаться острая нехватка бензина и сигарет. И тут поступило донесение, что в Париже на черном рынке процветает торговля именно бензином и сигаретами и что торговлей занимаются военнослужащие служб снабжения. Мы быстро направили туда группу инспекторов и вскрыли отвратительные факты. Нужно было ожидать, что кое-кто может поддаться исключительному соблазну перед невероятно большими деньгами, которые предлагались за продовольствие и сигареты. Однако в данном случае оказалось, что практически целая тыловая часть превратилась в деятельную шайку спекулянтов и продавала эти предметы автомашинами и вагонами. При этом преступление больше усугублялось обворовыванием солдат на фронте, нежели ценностью краденого имущества. Я был полон гнева и возмущения.

Однако я понимал, что вся американская воинская часть не могла сразу стать преступной. Логично было предположить, что это грязное дело было начато несколькими мошенниками, а другие были постепенно втянуты в него почти бессознательно и, оказавшись вовлеченными, не видели путей, чтобы выпутаться из него.

Я дал соответствующее указание судебно-следственным органам, но предупредил, что ни один приговор не должен быть приведен в исполнение, пока я лично не рассмотрю каждый из них. Когда это было сделано, я объяснил свой план. Он сводился к тому, чтобы каждому осужденному солдату предложить восстановить себе доброе имя, добровольно отправившись на передовую. Эти суровые приговоры были доведены до войск, так что солдаты на переднем крае знали, что виновные не избежали наказания. И теперь я решил дать возможность преступникам искупить вину. Большинство из них с готовностью ухватились за такую возможность. Смыв клеймо позора со своего имени, эти люди заслужили увольнение из армии с почетом. Однако такой шанс не был предоставлен офицерам, участвовавшим в этом отвратительном бизнесе.

Из-за тяжелых условий на фронте у нас начали увеличиваться небоевые потери в личном составе. "Окопная стопа" - ревматическое заболевание ног от продолжительного пребывания в траншеях - оказалась одной из причин таких потерь. Лечить это заболевание трудно, иногда почти невозможно, но врачи установили, что профилактика его не представляет особой сложности. Она сводилась к простому соблюдению элементарного требования, предписанного врачами: нужно было

разуваться по меньшей мере один раз каждый день и делать массаж ног в течение пяти минут. Чтобы быть уверенным, что массаж делается должным образом, процедуру проводили попарно. Каждый солдат должен был делать массаж партнеру в течение пяти минут, и ничего больше. Как только мы получили от врачей ответ на нашу проблему и стали проводить их рекомендации в жизнь, число серьезных потерь сократилось на многие тысячи в месяц.

Медицинская служба на фронте действовала эффективно: число смертных исходов на каждые сто ранений в американской армии во время Второй мировой войны составляло меньше половины того, что было в Первую мировую войну. Это объяснялось многими причинами, в том числе использованием пенициллина, сульфапрепаратов, быстрым применением кровяной плазмы и оперативно функционировавшей системой эвакуации раненых, в значительной мере по воздуху. В отношении раненых задача врачей сводилась к тому, чтобы как можно быстрее вылечить их для возвращения в строй, а в тех случаях, когда ранение серьезное, быстро доставить пострадавшего в госпиталь на родине. Обе эти задачи врачи, медицинские сестры и их помощники выполняли с большим успехом. Некоторые раненые солдаты в течение года по нескольку раз возвращались из госпиталей на фронт. Я был свидетелем случаев, когда в базовые госпитали за многие сотни миль от фронта доставляли раненых буквально в пределах нескольких часов после получения тяжелого ранения.

Обеспечение нормальных бытовых условий для солдат всегда было делом командиров всех рангов. Однако в конце 1944 года этот вопрос приобрел особенно важное значение. Солдат союзных войск переносил все лишения и опасности обычного сражения, но скверная погода делала его повседневную жизнь почти невыносимой. Наряду с борьбой против врага нужно было выполнять насущные административно-хозяйственные задачи. Я и мои коллеги были убеждены в необходимости сохранять темпы операций. Задача состояла в том, чтобы не сбавлять давления на противника и в то же время наращивать людские и материальные ресурсы в течение осени и зимы, чтобы быть готовыми весной нанести заключительные удары по немецкой армии.

Все командующие в американских войсках на Европейском театре военных действий были подобраны лично мною. Еще со времени начала кампании в Африке между мной и генералом Маршаллом существовало полное взаимопонимание в этом вопросе. Он сказал: "Вам нет надобности брать к себе или держать на должности командира, в котором у вас нет полной

уверенности. Пребывание командира в должности на вашем театре военных действий является для меня подтверждением, что вы довольны им. На карту поставлена жизнь многих людей; я хочу, чтобы у вас не было неправильного понимания своих полномочий, своего долга, чтобы отвергнуть любую кандидатуру или снять любого, кто не отвечает в полной мере вашим требованиям". И генерал Маршалл никогда не нарушил этого правила, а я, в свою очередь, установил такой же порядок для старших подчиненных.

В самом начале операции "Оверлорд" премьер-министр Черчилль и фельдмаршал Брук при случае также говорили мне, что они готовы в любой момент, если я выражу недовольство кем-либо из основных моих английских подчиненных, немедленно заменить его. Сотрудничество союзников прошло большой путь со времен первых дней операции "Торч".

У нас были прекрасные солдаты и отличные командиры как в сухопутных войсках, так и в авиации. Из Соединенных Штатов ежедневно прибывали пополнения. Единственное, что нам нужно было сделать в условиях нараставшей численности наших войск, - это организовать снабжение передовых эшелонов на фронте. Мы были уверены, что ко времени, когда мы накопим достаточные материально-технические резервы, будем располагать достаточными силами, чтобы начать заключительные сражения с целью покончить с противником на Западе.

Когда наши войска быстро продвигались через Западную Европу, наступавших солдат союзных армий встречали с величайшим энтузиазмом. Во Франции, Бельгии, Голландии и Люксембурге - всюду была одна и та же картина. Жители, исхудавшие от недоедания, доведенные до нищенского существования, но вновь обретшие свободу, право свободно говорить со своими соседями и слушать известия из внешнего мира, казалось, отодвинули на задний план, по крайней мере на некоторое время, голод и лишения. Более четырех лет народы фактически жили в плену.

За этот период их торговля с другими странами полностью прекратилась, промышленность была перестроена на удовлетворение нужд нацистов. В повседневной жизни люди никогда не были избавлены от страха перед тюрьмой и более худшими наказаниями. Даже известия из внешнего мира профильтровывались для них, так как газеты и радио находились под строгим контролем нацистов. Конечно, население тайно получало некоторую информацию, передававшуюся через английские и американские радиостанции, но полученные таким путем сведения нельзя было свободно распространять среди населения, а те, кто слушал иностранные радиопередачи, подвергались строгим наказаниям, если об этом узнавали нацистские власти. С приходом войск союзников эмоциональное возбуждение населения иногда принимало такие размеры, что приводило в смущение наших солдат, но не было никакого сомнения относительно огромной радости людей, освободившихся от нацистского ярма.

Восстановленные правительства в Западной Европе искренне сотрудничали с верховным командованием союзников. Нам предоставляли рабочую силу и оказывали посильную помощь. Были, конечно, и недовольные элементы. Людям, которые с оружием в руках длительное время боролись в условиях подполья, которые привыкли с помощью хитрых уловок и насилия выполнять диверсионные задачи и осуществлять саботаж, было нелегко вновь приспосабливаться к требованиям общественного порядка. В некоторых случаях они хотели сохранить и усилить свою власть, стать доминирующей и контролирующей силой в освобожденной стране. В то время как такие тенденции у некоторых группировок вызывали иногда серьезные затруднения на местах, однако главным и определяющим было страстное стремление населения вновь зарабатывать себе на жизнь в условиях свободных институтов.

Поскольку условиями перемирия 1940 года Франция была разделена на оккупированную и неоккупированную части и поскольку подпольное движение в этой стране было не только сильным, но и активным, то восстановление стабильности в стране оказалось более трудным делом. Однако французский крестьянин, как всегда, оставался преданным своей земле и усердно продолжал выращивать урожай. В городах Франции неразбериха была более серьезной. Это находило отражение в противоречиях между членами муниципальных советов и в некоторых разногласиях даже в вопросах ведения войны. Например, огромная часть бывшего подполья, или, как их называли, маки, соглашалась влиться в армию только как

самостоятельные воинские формирования. Они настаивали на создании полков и дивизий во главе со своими командирами. Существовали опасения, что если не удовлетворить их требования, то они могут даже бросить вызов временному центральному правительству.

Их требования не могли быть полностью приняты правительством, ибо очевидным результатом явилось бы создание двух французских армий: одна была бы лояльной к общепризнанному правительству и действовала бы по его указаниям, другая - ответственной только перед самой собой. Однако правительство разработало план, по которому в рамках армии разрешалось формировать подразделения маки не крупнее батальонов.

Вдумчивые французы часто обсуждали со мной причины их национального краха в 1940 году. В других странах преобладало мнение, что военное поражение Франции явилось результатом излишней веры в эффективность "линии Мажино". Я не встретил ни одного француза, который соглашался бы с такого рода утверждениями. Они считали, что укрепленная линия вдоль восточной границы была необходима и сыграла свою роль, позволив французской армии сосредоточиться на севере этого укрепленного рубежа, чтобы противодействовать любому наступлению немцев через Бельгию. В военном смысле, по их мнению, трудности проистекали из внутренней политической слабости Франции. Как сказал мне один французский бизнесмен: "Мы нанесли себе поражение изнутри, пытаясь четырехдневную рабочую неделю противопоставить шести-, семидневной рабочей неделе немцев".

В целом освобожденные народы были поразительно неосведомленными относительно участия Америки в войне. Наши усилия были настолько преуменьшены и высмеяны нацистской пропагандой, что очевидная мощь американских армий, появившихся в Европе, привела в полное изумление население Западной Европы. Различными путями мы стремились довести до них факты о положении Америки перед нашим вступлением в войну и о нашем вкладе в войну. Однако неосведомленность была настолько велика, что наши усилия имели только частичный успех. И эта работа еще далека от завершения.

Более того, война не избавила Францию от разногласий, вызывавшихся всевозможными причинами. В значительной части подпольного движения получили широкое распространение коммунистические доктрины, а с освобождением коммунисты, хотя и в меньшинстве, но настроенные решительно, начали ослаблять национальную волю к восстановлению былой мощи и

процветания Франции в Западной Европе.

Такая партизанская разобщенность за нашей спиной не оказывала влияния на военное положение союзников; каковы бы ни были их политические взгляды, освобожденные народы были дружественны к нам. Однако в нашей зоне коммуникаций слабость приобретала угрожающий характер; эта зона растянулась от французского побережья до переднего края и ставила под угрозу наши будущие наступательные операции. Жизненные артерии снабжения становились рискованно слабыми, когда они подходили к передовым рубежам нашей армии.

Глава 17. Осенние бои на границах Германии

В сентябре наши армии скапливались у границ Германии. Противник располагал прочной обороной, используя естественные условия местности и искусственные препятствия. Американская 7-я армия Деверса и французская 1-я армия развертывались в восточном направлении напротив Вогезских гор, которые образовывали традиционный оборонительный барьер. На севере "линия Зигфрида", усиленная рекой Рейн, представляла собой оборонительный рубеж, на преодоление которого могли надеяться только хорошо оснащенные и решительные войска.

В то время мы были все еще в зависимости от портов Шербур и Авранш; в силу их ограниченной пропускной способности и не менее ограниченных линий коммуникаций, которые брали свое начало от этих портов, было невозможно наращивать материальные резервы в передовых районах. Трудно было снабжать должным образом даже те войска, которые вели ежедневные бои на фронте. Положение оставалось бы таким до тех пор, пока мы не овладели бы портами Антверпен и Марсель. Относительно Антверпена генерал Брэдли писал мне 21 сентября: "...Все планы на будущее возвращают нас к тому факту, что для снабжения операций любого размаха за Рейном необходим порт Антверпен". Он никогда не упускал из виду того, что работа службы тыла будет играть решающую роль при нанесении окончательного поражения Германии.

С наступлением плохой погоды поддержание дорог в эксплуатационном состоянии стало дополнительной проблемой для служб снабжения, поскольку многие автомобильные дороги в Европе, и особенно в Бельгии, отличались тем, что имели непрочную проезжую часть. Довольно часто наши тяжело груженые машины полностью проваливались на автодорогах, и казалось, что уже не удастся заполнить образовавшуюся яму камнями и гравием, чтобы можно было двигаться дальше.

Для уменьшения зависимости от автомобильных дорог мы

доставили на континент большое количество подвижного состава взамен разрушенного в ходе войны. Чтобы сделать это быстро, инженеры железнодорожных войск разработали простой метод погрузки и разгрузки вагонов, который мы внедрили с прекрасными результатами. Тяжелое оборудование обычно может быть доставлено на фронт только через хорошо оснащенные порты. Выгрузка такого оборудования является трудным делом и производится с помощью специальных кранов. Однако наши инженеры смонтировали на днище большого танкодесантного корабля рельсы. На берегу в районах погрузки и выгрузки проложили специальное железнодорожное полотно до самой кромки воды. Соединив посредством гибкой стыковки рельсы на дне корабля и железнодорожный путь на берегу, саперы перегоняли по ним вагоны в трюмы кораблей; таким же путем они выгружали их на берег. Ведя в эти осенние месяцы битву за снабжение, мы одновременно не прекращали активных боевых действий на фронте.

Наши сухопутные войска хотя еще и не достигли максимальных размеров, но продолжали непрерывно увеличиваться. На 1 августа мы имели на континенте тридцать пять дивизий, а четыре американские и две английские дивизии находились на Британских островах. К 1 октября наши общие силы на континенте, включая 6-ю группу армий, которая наступала через Южную Францию, составляли 44 дивизии, а шесть дивизий все еще находились на территории Соединенного Королевства. Союзные войска располагались вдоль линии, которая начиналась на севере у берегов Рейна и тянулась на пятьсот миль на юг до швейцарской границы. К югу от Швейцарии на французско-итальянской границе были размещены отряды для отражения возможных нападений на наши линии коммуникаций со стороны немецких войск, находившихся в Италии.

Это означало, что с учетом всех дивизий - пехотных, бронетанковых и воздушно-десантных - мы могли в среднем развернуть менее одной дивизии на каждые десять миль фронта.

Учитывая все эти обстоятельства, многие высказывались за скорейший переход к обороне, чтобы сосредоточить наши усилия на создании мощной системы тылового обеспечения и избежать мучительных условий зимней кампании. Я отклонил такие предложения, и все мои основные командующие согласились со мной, что в наших интересах было продолжать вести наступательные бои.

Одно из важных соображений в пользу продолжения наших наступательных операций с предельным напряжением войск и

служб снабжения заключалось в том, что противник, стремясь восполнить большие потери, понесенные в июле, августе и сентябре, формировал новые дивизии и вынужден был поспешно бросать их в бой. На первых порах эти наскоро обученные войска были малоэффективными и наступательные действия против них влекли за собой куда меньшие потери с нашей стороны, чем те, которые могли быть позднее, когда эти новые соединения получат необходимый боевой опыт и укрепятся на возведенных оборонительных сооружениях.

Мы потребовали от разведывательных служб ежедневно представлять исчерпывающий анализ о потерях противника на всех участках фронта. Сопоставляя потери противника с нашими, мы хотели выявить районы, где соотношение потерь складывалось в пользу противника, и уклоняться там от активных боевых действий. В этот период мы взяли за правило предпринимать наступательные операции только там, где дневные потери противника в два раза превышали наши; это правило не распространялось на те участки фронта, где мы имели специфичные задачи и важные цели, как, например, рурские дамбы.

Мы были убеждены, что, если наши войска будут продолжать оказывать неослабное давление на противника, не считаясь с трудностями и лишениями, они получат дополнительные преимущества над ним. В частности, мы считали, что это приведет к быстрейшему окончанию войны, что, в свою очередь, позволит сохранить жизнь многих тысяч солдат союзных армий.

Поэтому заключительный период 1944 года стал памятным из-за целой серии ожесточенных сражений, которые, как правило, проходили в крайне тяжелых условиях погоды и местности. Остров Валхерен, Ахен, Хюртгенский лес, рурские дамбы, Саарский бассейн и Вогезские горы дали свои имена сражениям последних месяцев этого года, которые в конечном счете существенно ускорили завершение войны в Европе. Трудности, вызванные скверной погодой, дополнялись нехваткой боеприпасов и осложнениями в снабжении войск. Никогда за всю войну мужество, храбрость и изобретательность солдата союзной армии не подвергались более суровому испытанию, чем в этих сражениях, и никогда они не давали более ощутимых результатов, чем в этот период.

Мощь наших разраставшихся сухопутных войск дополнялась действиями сильной и эффективной авиации.

В тактическом отношении авиация обладает мобильностью, которая позволяет последовательно наносить удары в течение многих дней по целям, удаленным на сотни миль друг от друга.

Авиационные удары наносятся настолько массированно, что вызывают у обороняющихся шок, который едва ли может вызвать любая концентрация артиллерийского огня.

При прицельном бомбометании авиация обычно была не столь эффективна, как артиллерия. Более того, авиация обычно не уничтожала цели, а лишь наносила им повреждения. Промышленный район никогда не удавалось уничтожить в результате единственного налета, и фактически он редко разрушался до такой степени, чтобы исключалась возможность частичного восстановления, даже если налеты повторялись. Кроме тех случаев, когда длительное время стояла хорошая летная погода, никогда не удавалось полностью вывести из строя линии коммуникаций. Однако авиация своими ударами наносила весьма ощутимый урон объектам бомбардировки, а при идеальных летных условиях и при ее использовании крупными соединениями она могла добиваться почти идеальных результатов.

Атака с воздуха одиночным боевым самолетом происходит в очень ограниченные по времени сроки, и достигнутые результаты не всегда подтверждают первоначальную их оценку. Доклады летчиков об уничтоженной боевой технике, особенно танков, всегда оказывались слишком преувеличенными. Но здесь не было вины летчиков. Каждый истребитель-бомбардировщик был оснащен фотопулеметом, который автоматически фиксировал на пленку видимые результаты атаки. Эти отснятые пленки просматривались по возвращении с боевого задания и брались в основу оценки результатов атаки; но мы пришли к заключению, что такой метод не обеспечивал точной оценки фактически нанесенного противнику урона. Точная оценка могла быть получена только после захвата района атаки наземными войсками.

Что касается доставки на конкретную цель одним разом огромного количества взрывчатки, то возможности авиации здесь уникальны. Использование для этой цели крупных бомбардировщиков имеет то преимущество, что это не вызывает загрузки передовых линий коммуникаций. Каждый снаряд, выпускаемый артиллерией, выгружается на основном артиллерийском складе и оттуда затем доставляется на передовую по перегруженным железным и автомобильным дорогам. После нескольких выгрузок и погрузок этот снаряд в конце концов попадает на артиллерийские позиции. Другое дело с бомбами. Крупные бомбардировщики размещаются далеко в тылу - в нашем случае они находились на аэродромах в Англии. Бомбы, которые они использовали, либо изготовлялись в этой

стране, либо доставлялись из Соединенных Штатов транспортными судами. С заводских складов или портов они направлялись на соответствующие аэродромы, и оттуда их доставляли прямо на вражеский объект.

Авиацию можно по-разному использовать для обеспечения боевых действий наземных войск. Наиболее обычными задачами авиации в таких случаях являются прикрытие с воздуха своих войск на поле боя, оказание им поддержки путем нанесения истребителями-бомбардировщиками бомбовых ударов по выборочным целям и содействие захвату сильно обороняемых пунктов посредством усиленных бомбардировок.

В обеспечении тесного взаимодействия между авиацией и наступающими войсками имеются, естественно, определенные ограничения. В Европе худшим врагом авиации являлась плохая погода: неожиданные дожди, туманы или низкая облачность серьезно расстраивали планы сражений. В середине декабря погода не позволила авиации своевременно обнаружить концентрацию немецких сил в Арденнах и парализовала ее деятельность в течение первой недели сражения. К тому же авиация в силу технических возможностей не может постоянно находиться над полем боя: каждый самолет должен периодически возвращаться на базу для заправки топливом и технического обслуживания. Поэтому число самолетов в воздухе составляло только часть общей их численности. Время от времени вражеские самолеты могли появиться над полем боя и обстрелять наши войска даже при нашем численном превосходстве в воздухе.

В конце 1944 года наши авиационные силы на театре военных действий, включая бомбардировочную авиацию, составляли приблизительно 4,7 тыс. истребителей, 6 тыс. легких, средних и тяжелых бомбардировщиков и 4 тыс. разведывательных, транспортных и прочих самолетов.

В то время как происходило наращивание наших сил, в последние месяцы 1944 года, согласно первоначальным планам, нужно было решить многие оперативные задачи. На севере: помимо захвата подступов к Антверпену было необходимо подойти вплотную к Рейну, так как именно с этого рубежа мы намеревались предпринять мощное наступление. На юге, перед фронтом войск генерала Брэдли, было целесообразно осуществить предварительную операцию с целью последующего разгрома всех немецких сил, остававшихся к западу от Рейна. Тем самым мы не только обескровили бы войска противника, которые могли быть использованы позднее при обороне Рейна, но и заняли бы районы в Саарской области, откуда мы планировали нанести мощный удар одновременно с ударом на севере с целью

окружения Рура.

В ходе осенних боев мы вновь встретились со своим старым врагом - скверной погодой. Июньский шторм на побережье Ла-Манша установил по своей свирепости рекорд за последние сорок лет. А в результате небывалых осенних ливней к 1 ноября многие реки вышли из берегов. Все это замедлило темпы наших наступательных действий на всем фронте. Несмотря на неблагоприятные условия, мы продолжали осуществлять общий план по созданию крупных баз снабжения вблизи границы Германии, по обеспечению надежных линий коммуникаций.

Захват подступов к Антверпену оказался тяжелой операцией. Эстуарий Шельды был сильно заминирован, а немецкие войска на островах Валхерен и Южный Бевеланд полностью господствовали над водными путями, ведущими к городу. К сожалению, мы не сумели овладеть этим районом в ходе нашего успешного продвижения на северо-востоке в первые дни сентября.

Ликвидация этих укрепленных пунктов противника требовала совместных действий флота, авиации и сухопутных войск. Монтгомери поручил командующему канадской 1-й армией генералу Крерару разработать необходимый план. Подготовительная работа началась вскоре после того, как 4 сентября наши войска захватили Антверпен.

К вражеским позициям вел узкий перешеек, связывающий остров Южный Бевеланд с материком. Планом предусматривалось наступление по этому перешейку в западном направлении с одновременной высадкой на остров морского десанта. Необходимые силы для этой операции могли быть сосредоточены не ранее конца октября. Если бы я не санкционировал Арнемскую операцию, то, возможно, мы сумели бы начать наступление на остров Валхерен на две-три недели раньше.

Канадская 2-я дивизия получила приказ занять исходные позиции у входа на перешеек и оттуда наступать в западном направлении против немецкой обороны на Южном Бевеланде. Войскам часто приходилось действовать по пояс в воде против упорно оборонявшихся немцев, и потребовалось три дня, чтобы выйти к западной стороне перешейка. Только к 27 октября дивизия вышла непосредственно на остров. Английская 52-я дивизия высадилась на южном побережье острова Южный Бевеланд в ночь на 26 октября. Затем обе дивизии повели наступление по сходящимся направлениям и к 30 октября полностью овладели островом.

Оборонявшийся гарнизон на острове Валхерен состоял из войск, отступивших сюда с Южного Бевеланда, и подразделений

из немецкой 15-й армии, которая первоначально находилась в районе Кале, ожидая там высадки союзников.

При высадке морского десанта на остров Валхерен 1 ноября войска столкнулись с самым ожесточенным сопротивлением, какое они встречали где-либо у береговой линии во время Европейской кампании. Для обеспечения огневой поддержки десанта можно было использовать только небольшие боевые корабли, которые смело подошли к побережью острова и завязали упорный артиллерийский бой с тяжелой артиллерией береговых батарей. Потери среди боевых кораблей оказались необычно высокими, однако благодаря мужеству и упорству экипажей десантирование было проведено успешно и при минимальных потерях со стороны личного состава десанта.

Особенностью этих тяжелых боев было ранее не практиковавшееся использование тяжелых бомбардировщиков для уничтожения отдельных дамб, ограждавших море от низин на острове. Через образовавшиеся в результате бомбардировок бреши вода хлынула на сушу и затопила некоторые участки обороны противника, что существенно облегчило проведение этой необычайно трудной операции.

К 9 ноября полностью прекратилось сопротивление немцев на острове, в плен было взято около 10 тыс. вражеских солдат и офицеров, в том числе командир одной дивизии. Но и мы понесли большие потери. В итоге боевых действий в этом районе потери союзников, в основном канадских и английских войск, составили 27 633 человека. Для сравнения можно отметить, что при захвате острова Сицилия наши потери были меньше 25 тыс., а мы разгромили там гарнизон, насчитывающий 350 тыс. человек.

Очистив острова от противника, мы приступили к разминированию эстуария Шельды. Как обычно, немцы в изобилии установили мины, и флоту потребовалось две недели непрерывной работы, чтобы очистить от них подступы к Антверпену.

Первые суда вошли в Антверпен и начали разгружаться в его порту 26 ноября. Еще в середине октября немцы начали обстрел города снарядами Фау-1 и Фау-2. Хотя часто этот обстрел носил беспорядочный характер, как и обстрел Лондона, он все же причинял значительный ущерб Антверпену. Погибло много людей, на короткие периоды прерывалась работа по выгрузке судов. Один из Фау-2 упал на переполненный театр, в результате чего было убито много гражданских лиц и военнослужащих. Население Антверпена стойко переносило эти бедствия.

В большом количестве противник использовал также небольшие быстроходные торпедные катера и подводные лодки-

малютки, чтобы помешать нам пользоваться портом. Против них мы энергично использовали флот и авиацию. Несмотря на все эти затруднения, Антверпен быстро превращался в северную опорную базу всех наших служб тыла.

Когда на севере развертывалась эта обнадеживающая операция, на остальном фронте тоже не прекращались бои. 21-й группе армий Монтгомери удалось сосредоточить достаточно крупные силы и 15 ноября, сразу же вслед за падением острова Валхерен, предпринять наступление в восточном направлении. Уже приближалась зима, а войскам 21-й группы армий приходилось действовать на труднодоступной местности. Но все же к 4 декабря они ликвидировали последний очаг сопротивления немцев к западу от реки Маас.

В силу растянутости фронта 21-я группа армий в это время не могла вести дальнейшие мощные наступательные операции в этом районе. Группа армий Монтгомери давно уже поглотила все наличные войска англичан на Британских островах, включая канадскую армию и польскую дивизию. Дальнейшее поступление подкреплений можно было осуществить лишь за счет войск, находившихся на Средиземноморском ТВД. Иное положение было у американцев. В быстром темпе поступали новые дивизии из Соединенных Штатов, и по прибытии на фронт на них возлагалось выполнение ответственных задач. Увеличение американских войск позволяло их командованию расширять район боевых действий и при необходимости сосредоточивать силы на флангах.

Непосредственно к югу от района боевых действий английских войск 22 октября генерал Брэдли ввел в бой американскую 9-ю армию под командованием генерала Симпсона. 16 ноября Брэдли возобновил наступление к Рейну на своем северном участке. Наступление осуществлялось силами 9-й и 1-й американских армий, и ему предшествовала мощная авиационная и артиллерийская подготовка. 1204 американских и 1188 английских тяжелых бомбардировщиков поддерживали это наступление.

В сражение первоначально было введено четырнадцать дивизий, затем вскоре было добавлено еще три дивизии. Тем не менее войска продвигались медленно, боевые действия приобретали затяжной характер. На правом фланге наступавшие войска 1-й армии оказались втянутыми в бои в Хюртгенском лесу, где развернулось одно из самых ожесточенных сражений за всю кампанию. Противник хорошо использовал для обороны лесистую местность, а наступавшие американцы оказались почти в полной зависимости от пехотного оружия. Погода стояла отвратительная.

Немцы оборонялись стойко, однако упорство американцев в конечном счете помогло одержать верх. Вспоминая о трудных боях, ветераны американских 4, 9 и 28-й дивизий сравнивали их со сражением в Хюртгенском лесу, которое по ожесточенности и упорству они ставили на первое место.

Несмотря на дальнейшие многочисленные более мелкие, но столь же кровопролитные бои, в ходе которых войска по нескольку дней топтались на месте, выбивая противника с занимаемых им позиций, в целом мы продолжали продвигаться вперед, и 3 декабря 9-я армия подошла к берегу реки Рур.

Около этой реки мы столкнулись с трудной проблемой. Вверх по течению реки Рур, у города Шмидт, находились крупные дамбы. Они представляли для оборонявшегося противника особую ценность. Управляя шлюзами, он мог регулировать уровень воды на реке, и поэтому форсирование Рура с ходу было невозможно, поскольку переправившиеся войска могли быть легко отрезаны от основных сил с выходом реки из берегов и затем уничтожены введенными в бой немецкими резервами.

Сначала мы попытались разрушить эти дамбы с помощью авиации. Однако железобетонные части этих дамб были настолько массивными, что повреждения от бомб оказались ничтожными, и нам не оставалось иного выхода, как овладеть ими путем штурмовой атаки. Поскольку дамбы размещались в сильно пересеченной гористой местности, то наступление на них обещало быть медленным и с большими потерями. 28-я дивизия не смогла добиться успеха, и 13 декабря в мощное наступление на противника, оборонявшего эти дамбы, перешли войска 1-й армии.

Между тем к югу от Арденнского лесного массива 8 ноября начала наступление 3-я армия. Оно было нацелено в общем на Саарскую область и на первых порах развивалось исключительно успешно. Севернее Меца были захвачены плацдармы на правом берегу Мозеля, и в начале второй половины ноября передовые части этой армии пересекли немецкую границу. Город Мец был окружен и отрезан. 22 ноября этот город капитулировал, однако некоторые из прилегающих фортов упорно сопротивлялись почти до середины декабря.

Наступавшие на правом фланге части 3-й армии быстро подошли к самым сильно укрепленным участкам "линии Зигфрида", которые прикрывали треугольник между Мозелем и Рейном. В этом районе "линия Зигфрида" состояла из двух оборонительных полос. Первая представляла собой сплошную систему препятствий и закрытых огневых точек, но она имела небольшую глубину.

Затем проходила вторая, исключительно мощная полоса обороны, состоявшая из серии полевых укрепленных узлов с взаимной огневой связью, размещенных в линию и на глубину до двух миль. Такая оборона замедлила темп продвижения 3-й армии, а поскольку для уничтожения оборонительных сооружений требовалось огромное количество артиллерийских боеприпасов, то наступление против нее было отложено до создания дополнительных запасов предметов боевого обеспечения.

На юге 6-я группа армий Деверса также осуществляла активные наступательные операции. В течение сентября она наступала в северном направлении в долине реки Роны и вышла на одну линию с 3-й армией в район Вогезских гор. Этот грозный барьер Деверс атаковал 14 ноября, стремясь выйти на равнины Эльзаса. Если бы мы сумели овладеть этим районом, тогда основные силы группы Деверса можно было бы сосредоточить на левом фланге и противнику, защищавшему Саарскую область, пришлось бы обороняться против двух мощных ударов с разных направлений.

Французская 1-я армия возглавила наступление группы армий Деверса и в пределах недели прорвалась через Бельфорский горный проход. Ее передовые части быстро достигли Рейна. Этим самым они обошли немецкую оборону в Вогезах с фланга, что вынудило противника к общему отходу перед наступавшими войсками американской 7-й армии генерала Патча. Войска этой армии, наступавшие на одной линии с французской 1-й армией, столкнулись с большими трудностями при преодолении извилистых проходов в горах. В армии Патча на правом фланге действовал 6-й корпус генерал-майора Эдварда Брукса, а на левом фланге - 15-й корпус генерал-майора Уэйда Хейслипа. Когда немцы начали общий отвод из-за успеха французов, эти корпуса быстро двинулись вперед. Американская 44-я дивизия захватила 21 ноября Саарбург, а 22-го наши войска прорвались в Рейнскую долину. В этот же день французская 2-я бронетанковая дивизия вступила в город Страсбург, раскинувшийся на берегах Рейна. Противник, следуя обычной практике, почти немедленно контратаковал. Сначала наши наступавшие войска под напором немцев потеряли часть захваченной территории, но затем 44-я дивизия отбила вражеские контратаки и вернула оставленные позиции. На одну линию с 44-й дивизией к этому времени вышла и 79-я дивизия; они вместе быстро начали продвигаться к Хагенау и заняли его 12 декабря.

Во время этих боев я посетил Деверса, чтобы вместе с ним проанализировать сложившуюся обстановку. Для его войск на

левом фланге, как мне представлялось, не было никакой непосредственной выгоды спускаться на Рейнскую равнину. Я предложил ему повернуть левофланговый корпус армии Патча на север, чтобы он вошел в соприкосновение с правым флангом армии Паттона на западных склонах Вогезских гор. Этот корпус должен был поддерживать 3-ю армию в ее наступлении на Саарскую область, которое планировалось вскоре возобновить.

На других участках Деверсу было, .конечно, необходимо как можно скорее выйти к Рейну и затем, наступая на север, очистить от противника весь западный берег реки до самой Саарской области. Вместе с тем я предостерег Деверса начинать это продвижение в северном направлении, пока он не избавится от всех войск противника, оказавшихся у него в тылу.

Иногда целесообразно обходить вражеские гарнизоны или просто сковывать их, пока изоляция и нехватка боеприпасов и продовольствия не вынудят их к капитуляции. Однако этот прием обычно применим только в тех случаях, когда войска противника полностью окружены. К тому же при этом всегда отрывается часть наших войск от активных наступательных действий и создаются трудности, если очаг сопротивления образовался в районе, который мы должны использовать в наступательных целях или из которого может исходить угроза нашим линиям коммуникаций. Я уже устал снимать войска с передовой, чтобы держать в узде вражеские гарнизоны в своем тылу, и потому внушил Деверсу, что оставление немцев к западу от реки в верхней части Рейнской равнины, к югу от Страсбурга, определенно создаст для нас позднее серьезные затруднения.

Генерал Деверс считал, что французская 1-я армия, так блестяще действовавшая при прорыве через Бельфорский проход и в наступлении к Рейну, могла легко справиться с остатками немецкой 19-й армии, все еще стоящей перед французами в районе Кольмара. Докладывая обстановку, Деверс сказал мне, что "немецкая 19-я армия прекратила свое существование как организованная сила". Следовательно, как полагал Деверс, он мог выполнить мои указания по ликвидации немецкой группировки возле Кольмара без помощи 6-го корпуса генерала Брукса. Он считал такую оценку обоснованной, принимая во внимание крупные поражения, которые были нанесены этой немецкой армии. Он приказал находящемуся в долине восточнее Вогезов 6-у корпусу повернуть на север, с тем чтобы он мог взаимодействовать при наступлении на Саарскую область с 15-м корпусом, стоявшим к западу от Вогезов.

Оценка Деверсом возможностей французской 1-й армии в данный момент оказалась излишне оптимистичной. В то же время

он, вероятно, недооценивал способности немецких частей упорно обороняться на занятых рубежах. Французская 1-я армия, ослабленная недавними боями, не смогла полностью преодолеть сопротивление немцев в своей полосе наступления, и, таким образом, образовался "кольмарский мешок", в который попала немецкая группировка, оборонявшаяся к западу от Рейна в районе Кольмара. Существование этого очага сопротивления позднее вызвало определенные осложнения для нас.

В последние месяцы 1944 года бои на всем фронте от Швейцарии до устья Рейна приняли затяжной характер. Пехота продвигалась мучительно медленно, пройденное ею расстояние измерялось скорее ярдами, чем милями. В этих условиях пехотные подразделения несли большие потери. Обычно на пехоту во всех видах боевых действий приходится основная часть потерь. Теперь же практически все потери приходились на нее, и их причинял ей не только противник. Находясь под открытым небом, пехотинцы значительно больше, чем другие, страдали от обморожений, ревматических заболеваний ног и простуды. Пехотные подразделения заметно редели изо дня в день. Без солдат, которые под прикрытием завесы артиллерийского огня выполняют повседневные задачи по захвату вражеских укрепленных рубежей, наша наступательная мощь заметно ослабла.

Когда проблема пополнения пехотных частей и подразделений приобрела острый характер, мы стали прибегать ко всякого рода мерам. В военное министерство были направлены обстоятельные донесения о положении дел, с тем чтобы в США сосредоточили усилия на решении этой проблемы. Мы прочесывали все службы тыла, чтобы высвободить там людей и быстро переобучить их для использования в пехоте. При возможности мы заменяли в частях обслуживания здоровых солдат ограниченно годными к военной службе или военнослужащими из женского вспомогательного корпуса. Генерал Спаатс оказал нам значительную помощь в решении этого вопроса. Десять тысяч солдат были переведены из его авиационных частей в сухопутные войска. Однако все эти меры не обеспечивали достаточных пополнений. Понимая создавшееся положение, генерал Маршалл предложил направлять к нам в первую очередь пехотные части и подразделения подготовленных, но еще находившихся в США дивизий. Маршалл и я надеялись, что тем самым мы сумеем доставить на фронт свежие полки и дать им возможность приобрести ценный боевой опыт при смене измотанной и обескровленной пехоты фронтовых дивизий.

В конечном счете наши надежды оправдались не полностью.

По мере того как устанавливалась зима, наши потребности в войсках настолько увеличивались, а наш растянутый фронт поддерживался настолько слабыми силами, что когда прибыли новые полки, то каждый командующий армией часто находил необходимым вместо замены измотанных частей свежими выделять последним специальный участок фронта и поддерживать их той артиллерией, какую могли наскрести в корпусах и в резерве армии.

Такое положение было совершенно ненормальным и полностью нарушало те условия, для выполнения которых новые полки в срочном порядке без тяжелого вооружения перебрасывались из США на Европейский ТВД. Однако обстановка на фронте не позволяла нам поступать иначе, и, хотя при любой возможности мы возвращались к первоначальному замыслу замены потрепанных частей, полностью этот план нам так и не удалось претворить в жизнь. В целом же быстрое появление этих пехотных полков оказало благоприятное влияние на общую обстановку. В критические периоды кампании наличие этих полков позволяло нам сосредоточивать на нужных участках опытные боевые части.

В обеих мировых войнах проблема пополнений пехоты доставляла много тревог американским командующим на фронте. На войне только небольшой процент людей действует на переднем крае в пределах огня легкой артиллерии дивизии. И тем не менее именно на эту категорию солдат и офицеров приходится около 90 процентов всех потерь. Многие из них вскоре возвращаются в строй, но это порождает другую важную проблему в морально-психологическом плане.

Пополнения, будь то вновь прибывшие из глубокого тыла или недавно выписавшиеся из госпиталей, обычно следуют на фронт через пункты пополнений. На этих пунктах происходит смешение ветеранов боев и тех, кто еще не обстрелян и только что прибыл из глубокого тыла. Когда появляется острая потребность в срочных пополнениях, все образовавшиеся резервы на пункте должны быть быстро направлены на тот участок фронта, где в них больше всего нуждаются. В таких условиях трудно учитывать личные желания военнослужащих. Однако солдаты-ветераны всегда настаивают на возвращении их в свои дивизии, и когда сделать это нельзя, наносится определенный ущерб моральному состоянию солдата. Мы пытались по мере возможности возвращать ветеранов в свои части, однако в критических условиях это правило приходилось нарушать. В конце 1944 года пришлось отказаться от всех этих принципов, когда возникла неотложная потребность в доставке пополнений на наиболее

угрожаемые участки.

В конце осени 1944 года, когда наши войска подошли к границам Германии, мы рассматривали вопрос о привлечении нашей авиации к уничтожению мостов через Рейн, от которых зависело существование немецких войск к западу от этой реки. Если бы нам удалось разрушить все мосты, то, как мы считали, в дальнейшем авиация смогла бы настолько ограничить противника в наведении переправ, что он очень скоро был бы вынужден отойти за Рейн. Мы не питали никаких надежд на то, что сможем сами воспользоваться этими мостами позднее. Мы понимали, что, как только немцы примут решение на отход, они тут же уничтожат все мосты. Ну а если и сохранится хоть один из них, то это произойдет лишь случайно.

Причины, побудившие нас отказаться от использования авиации для разрушения мостов, основывались на соображениях экономии боеприпасов и недостаточной эффективности авиации при выполнении такой задачи.

Разрушить только несколько мостов не имело большого смысла. Как мне докладывали, в то время функционировало всего 26 крупных мостов через Рейн, а нужно было вывести из строя по меньшей мере двадцать, иначе цель этого мероприятия была бы достигнута не полностью. Даже при самых благоприятных летных условиях для уничтожения мостов потребуется длительная и упорная бомбардировка. А в этот период года в Европе редко выдаются дни с достаточно хорошей погодой, чтобы можно было бомбить малоразмерные цели с большой высоты; бомбардировка же с небольших высот повлекла бы слишком большие потери самолетов, поскольку противовоздушная оборона у противника была еще очень сильная и эффективная. Следовательно, единственные способ, который мы могли применить для разрушения мостов, сводился к бомбометанию вслепую сквозь облака. Авиационный штаб подсчитал, что для разрушения основного количества мостов потребуется значительно больше времени и боеприпасов, чем мы можем выделить за счет выполнения других исключительно важных задач.

Одной из таких задач для авиации было уничтожение резервов топлива у противника. К этому времени немцы стали испытывать серьезные затруднения в снабжении войск горючим. Тяжелой бомбардировочной авиации был отдан приказ непрерывно и с максимальной интенсивностью бомбить все нефтеочистительные заводы и хранилища. Эти воздушные налеты оказывали большое воздействие не только на всю военно-экономическую мощь Германии, но и непосредственно на способность ее вооруженных сил вести боевые действия. Каждый

немецкий командующий был вынужден всегда составлять планы, исходя из наличия топлива.

Эта бомбардировочная кампания создавала для нас одно из важнейших преимуществ, которым мы пользовались на всем протяжении боев на Средиземноморском и Европейском ТВД. От этого зависела мобильность вражеских войск. Американская армия всегда уделяла особое внимание мобильности своих вооруженных сил и соответственно оснащала их. До появления автомашин наша армия в кавалерии превосходила большинство других армий того времени. С появлением автотранспорта американская армия тут же ухватилась за него, чтобы увеличить мобильность войск. Наше преимущество в этом отношении резко возрастало вследствие применения американской промышленностью методов массового производства. В мире не было другой страны, которая могла бы, как Соединенные Штаты, поставлять, ремонтировать и поддерживать огромнейший автопарк, какой американские вооруженные силы использовали во Второй мировой войне.

В конце ноября и начале декабря 1944 года исключительно малая плотность войск, особенно в полосе наступления группы армий генерала Брэдли, вызывала у нас постоянную обеспокоенность. Для того чтобы обеспечить две наступательные операции, которые представлялись нам важными, мы должны были сосредоточить все наличные силы в районе рурских дамб на севере и на южной границе Саарской области. Это ослабило наши силы в районе Арденн. В течение некоторого времени мы здесь имели в общей сложности не более трех дивизий на фронте в 75 миль между Триром и Моншау. Хотя мой штаб внимательно следил за обстановкой на этом участке фронта, я лично несколько раз совещался с Брэдли по этому вопросу. Мы пришли к заключению, что в районе Арденн мы идем на определенный риск, однако сочли, что было бы неправильно отложить наши наступательные действия по всему фронту только ради обеспечения своей безопасности, пока не прибудут из Соединенных Штатов все подкрепления, которые позволят довести численность наших войск до максимальной.

Обсуждая этот вопрос, Брэдли особо подчеркнул передо мной факторы, которые, по его мнению, благоприятно действовали в поддержку продолжения наступательных действий. Я решительно согласился с его мнением. Во-первых, он указал на сравнительно небольшие потери союзных войск - в среднем ежедневные потери немцев в два раза превышали наши. Затем, как считал Брэдли, единственным местом, где противник мог попытаться предпринять серьезное контрнаступление, являлся район Арденн.

Два участка, где мы сосредоточили войска 12-й группы армий для наступления, находились как раз на флангах этого района. Один участок был к северу от Арденн, где занимали позиции войска генерала Ходжеса; на втором, к югу от Арденн, располагались войска 3-й армии Паттона. Поэтому Брэдли считал, что у нас было исключительно благоприятное расположение, чтобы сосредоточить свои силы для нанесения удара по флангам любой вражеской группировки, которая предпримет контрнаступление в Арденнах. По мнению Брэдли, противник столкнется с большими трудностями в снабжении войск, если он будет стремиться выйти к реке Маас. Ну а если немцы не смогут захватить наши огромные базы снабжения, то очень скоро их положение станет критическим, особенно в периоды, когда погода позволит нашей авиации активно участвовать в боевых операциях. При этом Брэдли показал на карте рубеж, на который, по его мнению, передовые части противника, возможно, могли выйти; как впоследствии подтвердилось, этот прогноз оказался удивительно точным - с максимальной ошибкой в пять миль. В районе, который противник мог захватить в результате внезапного наступления, Брэдли разместил самые незначительные склады. Наши крупные базы снабжения находились у Льежа и Вердена, но он был уверен, что ни к одной из них немцам подойти не удастся.

Брэдли был также уверен, что мы сможем предотвратить форсирование Мааса противником и его выход к крупным центрам снабжения войск, созданным нами западнее этой реки. Следовательно, любая подобная вражеская попытка в конечном счете будет обречена на провал.

В итоге обсуждений мы пришли к общему выводу, что не можем позволить себе сидеть сложа руки, пока немцы совершенствуют оборону и готовят войска к боевым действиям, поскольку, как мы считали, противник, прежде чем признать свое окончательное поражение, предпримет крупное контрнаступление. В заключение Брэдли заметил: "Мы пытались захватить немцев до того, как они укрылись за "линией Зигфрида". Если они выйдут оттуда и завяжут бои с нами на открытой местности, то это будет только нам на руку".

Брэдли и я были убеждены, что ничто не обойдется нам так дорого, как позволение войскам прекратить активные действия, перейти к обороне и, расположившись на зимних квартирах, ждать прибытия подкреплений из США и Англии.

Это было мое решение - оставить в Арденнах только четыре дивизии, и ответственность за риск возможного глубокого прорыва нашей обороны в этом районе ложилась на меня. Начиная с 1 ноября я мог в любой момент перейти к обороне по

всему фронту и, в ожидании подкреплений, сделать занятые нами рубежи абсолютно надежными на случай контрнаступления противника. Мое главное решение сводилось к тому, чтобы продолжать наступление до максимально возможных пределов, и именно следствием этого решения явился ошеломляющий успех первой недели немецкого декабрьского контрнаступления.

В начале декабря 1944 года генерал Паттон со своей 3-й армией готовился возобновить наступление на Саарскую область с таким расчетом, чтобы начать его 19 декабря. Паттон возлагал большие надежды на это наступление, которое могло привести к решающим последствиям; однако, чтобы не оказаться втянутыми в длительную и дорогостоящую операцию, Брэдли и я согласились, что если 3-я армия не добьется крупных успехов в пределах первой недели, то ее наступление придется прекратить. Мы, конечно, понимали, что, если действия войск Паттона окажутся очень успешными, противнику придется снимать войска с других участков фронта и бросать их против 3-й армии. Поэтому успех Паттона, с одной стороны, означал бы для нас ослабление угрозы противника на других участках фронта. С другой стороны - если бы мы собрали значительное количество дивизий и вовлекли их в затяжные кровопролитные бои, то не только не добились бы ничего существенного, но и оказались бы не в состоянии быстро реагировать на действия противника на любом другом направлении. Между тем 13 декабря, как и было запланировано, 1-я армия перешла в наступление на рурские дамбы, однако в него было вовлечено относительно немного сил. Если в ноябре еще появлялись проблески хорошей погоды, то в начале декабря она окончательно испортилась. Туманы и облака практически исключали ведение воздушной разведки. Склоны гор начали покрываться снегом, усилились холода.

Немецкая 6-я танковая армия, которая появилась на нашем фронте, представляла собой наиболее мощный мобильный резерв, остававшийся у противника внутри страны. Первоначально она появилась на нашем фронте напротив левого фланга 12-й группы армий, вероятно, с задачей воспрепятствовать любым нашим попыткам пересечь реку Рур. Когда в начале декабря пришлось приостановить наступательные действия американцев на этом участке фронта, мы потеряли из виду эту танковую армию и больше никак не могли ее обнаружить. В то время в некоторых разведывательных донесениях выражалась растущая обеспокоенность нашей слабостью в Арденнах, где, как нам было известно, противник наращивал пехотные соединения. Ранее он, как и мы, использовал этот район для отдыха и пополнений выведенных из боя дивизий.

Однако подобного рода разведданные всегда поступают в вышестоящий штаб от разных соединений. Если командующий будет прислушиваться только к тревожным аспектам получаемых данных, то он никогда не выиграет сражения; он будет все время бездействовать, со страхом ожидая предсказываемой катастрофы. В данном случае, как я узнал позднее, человек, который предсказал предстоящее контрнаступление немцев, в решающий момент определил, что у противника было шесть или семь дивизий из свежего резерва, готовых вступить в сражение.

Во всяком случае, осенние бои приняли именно такой характер, какой я предусматривал. Мы все время проводили наступательные операции, ослабляя себя там, где было возможно, чтобы поддерживать давление на противника на других участках. Это дало немцам возможность предпринять наступление против ослабленного участка на нашем фронте. Если предоставление противнику такой возможности будет осуждено историками, то это осуждение должно быть направлено только в мой адрес.

Глава 18. Последняя попытка Гитлера

Генерал Брэдли прибыл 16 декабря 1944 года в мой штаб, чтобы обсудить возможности преодоления острой нехватки пополнения пехоты. Едва он вошел ко мне в кабинет, как появился офицер штаба, чтобы доложить о незначительном вклинении противника в нашу оборону на фронте 8-го корпуса генерала Миддлтона и на правом фланге 5-го корпуса генерала Джероу в районе Арденн. Офицер нанес эти участки на мою оперативную карту, и мы с Брэдли стали анализировать возможные последствия активности противника.

Я был убежден, что это наступление не местного характера; было бы нелогично для противника предпринимать попытку небольшого наступления в Арденнах, если, конечно, оно не являлось его отвлекающим маневром с целью привлечь наше внимание к этому участку в то время, как он нанесет сильный удар где-то в другом месте. Такую возможность мы исключали. На других участках фронта либо мы были настолько сильны, что немцы не могли надеяться на успех своего наступления, либо там не было достаточно важных объектов, которыми он захотел бы овладеть. К тому же нам стало известно, что в последние дни численность немецких войск в Арденнах постепенно увеличивалась. Именно через этот район в 1940 году немцы предприняли крупное наступление, в результате которого изгнали английские войска с континента, а Францию вывели из войны. Тогда наступлением руководил все тот же фон Рундштедт, который и на этот раз был здесь командующим. Возможно, что он надеялся повторить успех, которого добился здесь более четырех

лет назад. Мы все время считали, что, прежде чем признать свое окончательное поражение на Западе, немцы попытаются предпринять там отчаянное контрнаступление. Мне и Брэдли казалось вполне возможным, что именно такого рода операцию они и начали здесь.

На севере, где на рурские дамбы наступали войска 1-й армии, генерал Ходжес ввел в бои пока что только четыре дивизии. К югу от Арденн генерал Паттон все еще был занят сосредоточением войск для возобновления наступления на Саарскую область. Брэдли и я были настолько убеждены, что против центрального участка 12-й группы армий началось крупное наступление, что согласились начать некоторое перемещение сил с обоих флангов в сторону Арденн. Это была предварительная мера, скорее предосторожность, предпринятая с целью поддержать 75-мильный участок фронта, обороняемый 8-м корпусом Миддлтона, на тот случай, если наши расчеты относительно намерений немцев окажутся правильными.

Мы вызвали на совещание ряд руководящих офицеров штаба верховного командования союзных экспедиционных сил, в том числе главного маршала авиации Теддера, генералов Смита, Балла и Стронга. Как явствовало из оперативных карт, вывешенных перед нами, на обоих флангах арденнского участка находились основные силы двух американских бронетанковых дивизий, которые располагались довольно далеко от переднего края и могли быть быстро переброшены в нужный район. На северном фланге была 7-я бронетанковая дивизия под командованием генерал-майора Роберта Хасбрука; в армии Паттона на юге такое положение занимали части 10-й бронетанковой дивизии генерал-майора Уильяма Морриса.

Мы решили, что эти две дивизии должны немедленно начать движение в сторону угрожаемого района, точный рубеж выдвижения для каждой из них будет определен позднее генералом Брэдли. Это означало приостановку приготовлений к наступлению на Саарскую область, и мы знали, что генерал Паттон будет возражать. Всем сердцем он настроился на новую наступательную операцию, которая, по его убеждению, привела бы к крупным успехам. Однако Брэдли и мне было ясно, что складывается именно та ситуация, которая, по нашему убеждению, оправдывала такое решение в силу удачного размещения танковых частей на фланге ослабленного арденнского участка. Мы понимали, что для нас создалось рискованное положение в Арденнах, но шли на этот риск, убежденные, что при возникновении чрезвычайных обстоятельств сможем быстро отреагировать на него. Этот критический момент,

по нашему мнению, теперь наступил. Кроме принятия этих предварительных мер, генерал Брэдли тут же предупредил всех командующих в своей группе армий, чтобы они были готовы выделить дополнительные силы для ввода в сражение, которое, по его убеждению, уже началось.

Мы внимательно просмотрели перечень наличных резервов. В числе тех, которые можно было использовать почти немедленно, находился 18-й воздушно-десантный корпус под командованием генерала Риджуэя, размещенный недалеко от Реймса. В состав корпуса входили 82-я и 101-я воздушно-десантные дивизии, уже испытанные в боях соединения. Незадолго до этого они вели тяжелые бои в Голландии и еще не полностью оправились. Более того, они были относительно слабо оснащены тяжелым вооружением, но эти средства Брэдли мог выделить с других участков своего растянутого фронта.

Недавно на театр военных действий прибыла американская 11-я бронетанковая дивизия, а 17-я воздушно-десантная дивизия находилась в Соединенном Королевстве, готовая отправиться на континент, 87-ю пехотную дивизию также можно было доставить в угрожаемый район в пределах приемлемых сроков.

В английском секторе, далеко на севере, Монтгомери готовился к новому наступлению. К этому времени он имел один корпус полного состава, не задействованный в операциях. Мы были уверены, что при наличии таких резервов на любое наступление, предпринятое немцами, мы можем в конечном счете эффективно ответить. Однако мы не питали иллюзий относительно прочности обороны 8-го корпуса и возможности ее глубокого прорыва при сильном ударе. Поэтому мы решили, что если немцы перейдут в мощное наступление, то мы постараемся избежать ввода в бой резервов по частям. В подобных обстоятельствах всегда существует соблазн как можно скорее бросить в бой любое, самое мелкое, подразделение по мере прибытия войск в район боевых действий. Такую привычку имел Роммель, и это было его слабостью. В условиях крупного наступления подобное использование подкреплений приводит к тому, что они быстро перемалываются под ударами продвигающегося противника. Мы понимали, что, если бы нам в конце концов удалось таким способом остановить продвижение наступающего противника, у нас не осталось бы никаких сил для решительного контрудара. Если же это действительно крупная немецкая операция, то потребуется немедленно оказать помощь 8-у корпусу достаточными силами, чтобы он мог организованно отойти с занимаемых рубежей и сохранить основные силы.

Мы еще раз рассмотрели предельный рубеж, до которого при

необходимости мы могли позволить противнику продвинуться, не причиняя себе невосполнимого ущерба. Он проходил перед городами Люксембург и Седан на юге, затем шел вдоль реки Маас на западе и заканчивался перед Льежем на севере. Дальше этого рубежа мы отступать не намеревались и, разумеется, при возможности стремились остановить противника раньше. Погода доставляла нам много беспокойства. В течение нескольких дней наша огромная авиационная мощь не использовалась, поскольку самолеты были прикованы к земле из-за сильной облачности и густых туманов. Мы лишались важнейшего преимущества. Погода благоприятствовала нашему противнику, и это было равносильно тому, что он получал в качестве подкрепления много дополнительных дивизий.

После совещания Брэдли вернулся в свои штаб в город Люксембург, откуда он почти каждый час связывался со мной по телефону в течение последующих нескольких критических дней.

Первоочередная задача Брэдли состояла в том, чтобы доставить подкрепления 8-у корпусу и помочь ему осуществить организованный отход. Одновременно наши штабы должны были приступить к созданию и сосредоточению резервов для действий, которые подскажет нам дальнейшая более точная информация о развитии событий в Арденнах.

В корпус Миддлтона, развернутый по фронту с севера на юг, входили 106-я дивизия генерал-майора Алана Джуонса, 28-я дивизия генерал-майора Нормана Кота и 4-я дивизия генерал-майора Реймонда Бартона. 9-я бронетанковая дивизия под командованием генерал-майора Джона Леонарда также входила в состав этого корпуса.

Утром 17 декабря 1944 года стало ясно, что немцы начали крупное наступление. Они прорвали нашу оборону на фронте 106-й и 28-й дивизий. В штаб стали поступать противоречивые донесения, но было очевидно, что противник, используя значительное число танковых соединений, быстро продвигается в западном направлении. Все наши разведывательные службы продолжали работать без устали, и вскоре у нас сложилась довольно полная картина относительно силы немецкого удара.

Для наступления фон Рундштедт сосредоточил три армии - 5-ю и 6-ю танковые и 7-ю общевойсковую, -они включали в себя десять танковых и мотопехотных дивизий, а в целом вражеская группировка состояла из двадцати четырех дивизий со средствами поддержки. Некоторые из этих сведений мы получили несколько позднее в ходе сражения, однако к вечеру 17 декабря наша разведка обнаружила семнадцать дивизий. Таким образом, вполне вероятно, что в операции участвовало по меньшей мере

двадцать дивизий.

В двух важных аспектах противник добился определенной внезапности. Первым из них был выбор времени наступления. Принимая во внимание тяжелые поражения, которые мы нанесли противнику в конце лета и осенью 1944 года, и те чрезвычайные меры, которые он должен был предпринять, чтобы сформировать новые соединения, мы считали, что он не сможет подготовиться к крупному наступлению в столь короткие сроки. Второй неожиданностью для нас явилась та сила, с какой он начал наступление. Мобильным резервом была 6-я танковая армия - свежее и мощное недавно прибывшее на фронт из Германии объединение, след которого мы потеряли некоторое время назад; однако 7-ю и 5-ю танковую армии мы уже изрядно потрепали в предыдущих боях.

Кроме того, противнику благоприятствовала погода. В течение нескольких дней из-за скверных метеоусловий невозможно было провести воздушную разведку, а без нее мы не могли выявить местоположение и передвижение крупных резервов во вражеском тылу. Мощные оборонительные сооружения на "линии Зигфрида" облегчали противнику сосредоточение сил для наступления. Искусственные препятствия, долговременные огневые точки и стационарные артиллерийские установки на этом оборонительном рубеже настолько усиливали оборону противника, что его командование могло позволить себе выделить большие силы для нанесения контрудара.

Хотя при сравнении сил, вовлеченных с обеих сторон в Арденнское или Кассеринское сражение, представляется просто стычкой, тем не менее между ними существует и некоторое сходство. И тут и там это было наступление отчаявшихся; и тут и там противник воспользовался сильно укрепленными оборонительными позициями, чтобы сосредоточить силы для нанесения удара по коммуникациям союзников в надежде вынудить их отказаться от планов непрерывных наступательных операций.

Сколь ни внезапными были для нас время и сила этого удара, мы не ошибались ни относительно места его нанесения, ни относительно неизбежности такого шага со стороны противника. Более того, что касается общего реагирования на эти действия противника, то в данном случае у Брэдли и у меня имелся давно согласованный план ответных действий.

Для успешного осуществления нашего общего замысла было крайне важно, чтобы при прорыве вражеских войск мы надежно удерживались на флангах своей обороны. На севере критический

район был возле Моншау, где американский 5-й корпус генерала Джероу, входивший в состав 1-й армии, наступал на рурские дамбы в момент, когда началось немецкое наступление. В этом корпусе ветераны 2-й дивизии под командованием генерала Робертсона и новая 99-я дивизия под командованием генерал-майора Уолтера Лейера приняли на себя первоначальный удар немцев. 99-я дивизия была вынуждена беспорядочно отойти, 2-я дивизия действовала с большим мастерством и решимостью, сумев вписать в течение последующих трех дней одну из лучших страниц в историю боевых действии на Европейском ТВД. Эта дивизия продвигалась к рурским дамбам, когда началось наступление немцев. Командующий 1-й армией генерал Ходжес сначала не осознал размера возникшей угрозы и дал указание продолжать наступление. Однако генерал Робертсон на месте вскоре разобрался в сложившейся обстановке и принял соответствующие меры.

Робертсону предстояло выбрать выгодный рубеж, на котором его дивизия могла бы занять прочную оборону и подготовиться к отражению сильных атак. Он успел сделать все это и даже организовал бой беспорядочно отходивших подразделений 99-й дивизии, которая частично влилась в состав его соединения.

Против дивизии Робертсона немцы предпринимали ожесточенные атаки, но ее личный состав упорно оборонялся. Однако ей одной едва ли удалось бы выдержать натиск противника на протяжении полутора суток, если бы не подошли подкрепления.

Особого внимания заслуживают мужественные действия 7-й бронетанковой дивизии возле Сен-Вита. Когда эта дивизия двинулась в южном направлении, обстановка все еще оставалась далеко не ясной. Она шла с целью поддержать левый фланг 8-го корпуса и в конечном счете оказалась в полукольце окружения в Сен-Вите, примерно в пятнадцати милях южнее Моншау. Сен-Вит был важным узловым пунктом в этом районе, и вражеские передовые части, пытавшиеся вырваться на запад, стремились овладеть им любой ценой. Здесь к 7-й бронетанковой дивизии присоединились остатки 106-й и 28-й дивизий, и они вместе упорно отбивали непрекращавшиеся атаки противника. Действия этой дивизии не только расстроили усилия немцев на севере, но и предотвратили быстрое окружение наших позиций у Моншау.

В итоге непрерывное и сильное давление немцев на 7-ю дивизию стало угрожать ей полным окружением. Немецкое наступление силами нескольких дивизий вынудило ее 20 декабря отойти на запад, в район севернее Сен-Вита. На следующий день 7-й бронетанковой дивизии было приказано отойти еще на

некоторое расстояние, чтобы совместно с другими частями занять оборонительные позиции, которые теперь воздвигались на северной стороне образовавшегося выступа. Однако упорная оборона этой дивизии в предыдущие дни не только серьезно нарушила план продвижения передовых частей противника, но и оказала исключительную помощь 2-й дивизии на важном участке у Моншау, пока ей на помощь не подошли 1-я дивизия под командованием бригадного генерала Клифта Аддруса и 9-я дивизия генерал-майора Луиса Крейга. Когда эти три испытанные в боях дивизии заняли там оборону, безопасность наших войск на северной стороне выступа практически была обеспечена.

Еще 17 декабря 82-я и 101-я воздушно-десантные дивизии были выведены из резерва верховного командования и переданы генералу Брэдли. Были также отданы необходимые указания о немедленном использовании 11-й бронетанковой дивизии, только что прибывшей в Европу, и начата переброска во Францию 17-й воздушно-десантной дивизии.

Генерал Ли, начальник огромной службы тыла наших войск, получил приказ силами имевшихся у него инженерно-саперных подразделений подготовить оборону переправ через Маас, в том числе заложить взрывные заряды для уничтожения в случае необходимости мостов. Я не хотел отвлекать для этой работы боевые части. Служба тыла отреагировала на мое указание немедленно, и в районе американских войск начались оборонительные работы на рубеже вдоль реки Маас. Фельдмаршал Монтгомери также принял необходимые меры по прикрытию складов и баз в тылу английских войск.

Несмотря на неудачу в районе Моншау, немцы быстро продвигались на центральном участке прорыва. По мере продвижения вперед немецкие войска стали постепенно разворачиваться на север и северо-запад, что со всей очевидностью указывало на то, что объекты вражеского наступления находятся на этом направлении.

Мы считали, что первой целью противника является захват Льежа. Такое предположение основывалось на том, что, даже если бы немцы поставили перед собой более честолюбивую цель, как, например, овладение Антверпеном, их наступление частично зависело бы от тех материальных ресурсов, которые они, возможно, надеялись захватить в Льеже. С самого начала мы рассчитывали на затруднения немцев в снабжении войск, особенно в доставке боеприпасов, горючего и продовольствия. Даже если бы у противника была такая же эффективная система снабжения, как наша, он все равно столкнулся бы с огромными трудностями в снабжении передовых частей по тем

отвратительным в этом районе дорогам, которые к тому же были забиты следовавшими на фронт подкреплениями.

Поэтому мы принимали особые меры предосторожности относительно Льежа, где имелись огромные запасы материальных средств, в том числе топлива и продовольствия. Тем не менее мы были уверены, что противник будет остановлен до того, как подойдет к Льежу. В итоге он действительно так и не приблизился к этому городу. Впоследствии мы узнали, что немцы ставили перед собой в качестве главной задачи захват Брюсселя и Антверпена. Что же касается наших рассуждений относительно трудностей в снабжении наступавших войск Рундштедта, то они оказались правильными.

Генерал Брэдли 17 декабря приказал 15-у воздушно-десантному корпусу, выделенному ему из резерва верховного командования, выдвинуться к Бастони, где уже находился генерал Миддлтон, который считал этот пункт исключительно важным и настаивал на усилении его обороны. Он каждый день связывался по телефону с генералом Брэдли и заявлял, что, хотя Бастонь вскоре может быть окружена противником, этот пункт все-таки следует удержать за собой. Возникла необходимость перебросить 82-ю воздушно-десантную дивизию на север в сторону Ставло, а оборону Бастони организовать силами 101-й дивизии и 8-го корпуса.

В течение 17 и 18 декабря тщательно изучались и анализировались развертывавшиеся события. К вечеру 18 декабря я пришел к заключению, что мы уже имеем достаточную информацию о силах и намерениях противника, общей обстановке и наших собственных возможностях, чтобы составить конкретный план ответных действий. Рано утром 19 декабря в сопровождении главного маршала авиации Теддера и небольшой группы офицеров штаба я выехал в Верден, куда были вызваны генералы Брэдли, Паттон и Деверс. Когда все уселись за длинным столом, я открыл совещание словами о том, что "настоящая обстановка не грозит катастрофой, а дает благоприятную возможность нанести противнику поражение. За этим столом лица должны быть только бодрые". Импульсивный генерал Паттон выпалил: "Черт возьми, давайте наберемся выдержки и пустим этих... до самого Парижа, а уж затем действительно окружим их и перемелем". Все, в том числе и сам Паттон, заулыбались, а я заметил, что противнику не будет позволено даже пересечь Маас.

Мы внимательно рассматривали сложившуюся обстановку, и я с удовлетворением отмечал, что все присутствующие, будь то командующий или офицер штаба, спокойны и уверены в себе. Я не услышал ни одного высказывания, в котором прозвучали бы

нотки тревоги или излишних опасений.

В ситуациях подобного рода обычно имеется два реальных варианта действий для обороняющихся, если, конечно, высшее командование не прикажет со страху начать общий отход по всему фронту. Первый заключается в том, что просто создается надежный оборонительный рубеж вокруг района, подвергшегося вражескому удару. При этом выбирается подходящее естественное препятствие, например, река, и организуется перед ним решительный отпор наступающей стороне. Второй вариант для обороняющихся состоит в том, чтобы самим перейти в контрнаступление, как только будут собраны необходимые для этого силы. Я остановился на втором варианте не только потому, что в стратегическом плане мы были наступающей стороной, а в силу моего твердого убеждения, что, выйдя из укрытия "линии Зигфрида", противник для нанесения по нему удара предоставил нам исключительную возможность, и мы должны были ухватиться за нее как можно скорее. Именно это я имел в виду, когда радировал генералу Монтгомери 19 декабря следующее: "Наше самое слабое место - направление к Намюру. Идея плана заключается в том, чтобы заткнуть бреши на севере и предпринять скоординированное наступление с юга". На следующий день в другой радиограмме я выразился более конкретно: "Пожалуйста, сообщите мне вашу личную оценку обстановки на левом фланге с учетом возможности кое-где отойти, чтобы сократить линию фронта и создать мощный резерв для разгрома противника в Бельгии".

Я уже принял решение, что нам не обязательно начинать контрнаступление одновременно на обоих флангах. На севере, где сила немецкого удара уже ослаблена, мы будем находиться в обороне в течение нескольких дней. Однако на юге мы существенно улучшили бы обстановку, начав как можно скорее наступление в северном направлении. На совещании в Вердене 19 декабря моей непосредственной задачей было договориться о подготовке этого наступления с юга.

Что касается точного определения исходного района наступления войск и других деталей по организации боя, то это должен был решить генерал Брэдли. Но поскольку армии Деверса нужно было при этом растянуть боевой порядок своих войск на левом фланге, чтобы прикрыть часть полосы 12-й группы армий и тем самым создать для Брэдли дополнительные возможности для сосредоточения сил, я должен был дать соответствующие распоряжения, в том числе относительно общей численности войск, привлекаемых к наступлению, и времени начала боевых действий.

Сначала мы определили, до какого места, по нашему мнению, Деверс мог рассредоточить свои войска на левом фланге, чтобы неоправданно не ослабить правый фланг. Затем нужно было установить размеры сил, которые Паттон мог выделить для контрнаступления, и приблизительное время его начала. Я хотел, чтобы он не предпринимал наступления до тех пор, пока не соберет достаточные силы; наступая, Паттон должен был постепенно и непрерывно углубляться в образовавшийся выступ с юга. Это привело бы к остановке немецких войск к западу от места нашего контрнаступления, поскольку линии коммуникаций этого района в западном направлении были относительно слабыми. Мы установили, что Паттон может начать наступление силами трех дивизий утром 23 декабря, а возможно, и 22 декабря.

Я отдал устные распоряжения на этот счет. Далее мы решили, что, когда войска Паттона достигнут района Бастони, они продолжат наступление, возможно, в общем направлении на Уффализ. Предусматривалась мощная авиационная поддержка этого наступления, как только установится летная погода. Кроме того, я информировал участников совещания, что буду принимать меры по подготовке наступления и на севере, когда там сила вражеского удара выдохнется.

Мы договорились, что Паттон сосредоточит свой корпус в составе по меньшей мере трех дивизий в районе Арлона и оттуда начнет наступление на Бастонь. Я лично предостерег Паттона против несогласованности в действиях наступающих и потребовал, чтобы контрнаступление развивалось планомерно. Вначале Паттон, казалось, недооценивал силу немецкого наступления и с легкостью говорил о порученной ему задаче. Поэтому я счел нужным еще раз подчеркнуть перед ним необходимость выделить достаточные силы и обеспечить тесное взаимодействие между ними.

Мы обсудили вопрос о целесообразности предпринять одновременное наступление против южного фаса выступа несколько восточнее района наступления войск Паттона. В итоге мы пришли к заключению, что будущие события, возможно, покажут необходимость такого наступления, однако в данный момент нам следует просто обеспечить свою безопасность на этом участке и ограничиться наступлением, предпринимаемым Паттоном.

Директива, изданная в Вердене 19 декабря, определяла в общих чертах план действий на нашем правом фланге. Однако когда Паттон издал свой приказ о наступлении, он со свойственным ему размахом поставил перед войсками задачу, выходящую далеко за рамки той, о которой говорилось на

совещании. Но это не имело никакого значения для существа дела, поскольку Брэдли и меня беспокоило обеспечение успешного наступления на район Бастони, а после выхода туда войск Паттона дальнейшие их действия будет определять Брэдли.

"Кольмарский котел" оказывал определенное сдерживающее воздействие, когда принимались наши планы в Вердене. Если бы не существовало этой окруженной группировки, то французская армия могла бы легко удерживать за собой рубежи вдоль Рейна от швейцарской границы и до Саарской области, а это высвободило бы всю американскую 7-ю армию для ее использования севернее этого участка и одновременно позволило бы выделить более существенные силы для поддержки наступления Паттона. Однако "кольмарский котел" создавал явную угрозу нашим войскам в Рейнской долине восточнее Вогезов, и, следовательно, было бы неразумно и опасно снимать с этого района войска.

Деверс получил указание выровнять линию обороны, если это позволит высвободить часть войск, а в случае немецкого удара по левому флангу его войск постепенно отойти, если придется, даже к Вогезам. Северное Эльзасское плато не имело для нас в данном случае никакой ценности. В то время я был готов отдать приказ Деверсу, если возникнет необходимость, отступить до самой восточной оконечности Вогезов. Но я не позволил бы немцам вновь занять Вогезские горы, и этот рубеж был установлен как предельный, который Деверс должен был удержать любой ценой.

Эти указания, разумеется, были доведены и до руководства французской армии, поскольку в них предусматривалась возможность отступления, а при определенных обстоятельствах - даже сдача города Страсбург. Французский командующий сообщил об этом решении в Париж, где оно вызвало большую обеспокоенность в военных и правительственных кругах. Генерал Жюэн, начальник штаба французской армии, прибыл ко мне и стал настаивать на обороне Страсбурга, Я ответил ему, что в настоящий момент не могу гарантировать безопасность этого города и без необходимости не сдам его. Однако вопрос о Страсбурге беспокоил меня в продолжение всего Арденнского сражения.

К вечеру 19 декабря из полученных в штаб-квартире в Версале донесений было видно, что немецкое наступление быстро развивается через центральный участок выступа и передовые части вражеских войск продолжают разворачиваться в северо-западном направлении. Наступление противника все более отчетливо указывало на то, что он собирался форсировать Маас где-то западнее Льежа и оттуда, как мы считали, после окружения Льежа продолжать движение на северо-запад, чтобы выйти на

основные линии коммуникаций наших войск к северу от места прорыва обороны. Нашим войскам на левом фланге явно угрожала более серьезная опасность, и там продолжала нарастать напряженность боев. Более того, не исключалась возможность попытки немцев предпринять наступательные действия и на второстепенных направлениях еще дальше на севере, чтобы вынудить нас к распылению сил и осуществить двойное окружение войск на всем нашем северном крыле. Разведка союзников располагала некоторыми сведениями о том, что противник замышляет подобную операцию в поддержку своих войск, наступающих на основном направлении.

Бои по отражению этого вражеского наступления вскоре стали известны как сражение в Арденнах. Противник быстро прорвал нашу слабую оборону и углубился в нее до пятидесяти миль.

Сражение такого рода вызывает в действующей армии большое напряжение. Его пагубное влияние на моральное состояние личного состава сказывается наиболее остро в войсках, подвергшихся вражескому удару. Перед лицом подавляющей мощи противника, не имея представления о принимаемых командованием мерах для поддержки ведущих тяжелые бои частей, солдаты неизбежно испытывают замешательство и упадок боевого духа.

Столь же велико воздействие, хотя и несколько иного порядка, на высшее руководство армии. Как бы ни были военачальники уверены в своей способности расстроить планы противника и изменить ход событий в благоприятную для себя сторону, они всегда испытывают беспокойство, когда инициатива находится в руках противника, и опасаются, что где-то что-то может произойти вопреки их расчетам. История войн полна примеров, когда неожиданная паника, внезапное изменение погоды или какое-либо другое непредвиденное обстоятельство приводили к срыву самых тщательно продуманных планов и дело заканчивалось поражением. Было бы необоснованно и неправильно утверждать, что войска союзников не испытывали напряжения и беспокойства в течение первой недели вражеского наступления в Арденнах. Но было бы столь же неправильно преувеличивать степень этого беспокойства и его воздействия на настроение в высших инстанциях союзного командования.

На войне ни один человек никогда не избавлен от напряжения; в сражениях, подобных тому, какое было развернуто немцами в Арденнах, это напряжение достигает максимальных пределов. Однако в хорошо обученных боевых частях каждый умеет трезво воспринимать обстановку. Истерия, порождаемая

излишним страхом, встречается только в исключительных случаях. В сражениях такого рода особенно важно, чтобы ответственные командиры проявляли твердость, спокойствие и оптимизм. Они должны разобраться в потоке противоречивых донесений и сделать правильные выводы, а затем, воспользовавшись любой обнаруженной у противника слабостью, завершить дело своей победой. Американские командиры реагировали на немецкое наступление именно таким образом.

Еще на начальном этапе сражения 22 декабря я издал боевой приказ, в котором говорилось следующее:

"...Выйдя из своих стационарных оборонительных сооружений, противник предоставляет нам возможность нанести ему самое тяжелое поражение. Я призываю каждого воина союзных армий проявить теперь образец мужества, решимости и твердости. Пусть каждый руководствуется только одной мыслью - громить врага на земле, в воздухе, громить его везде! Объединенные этой решимостью, с непоколебимой верой в дело, за которое сражаемся, мы пойдем, с Божьей помощью, вперед, к нашей победе!"

К северу от места прорыва нашей обороны находились три союзные армии и часть еще одной армии, располагавшиеся в виде полукруга длиной свыше 250 миль. На левом фланге оборонялась 21-я группа армий фронтом к северу и востоку вдоль нижнего течения Рейна и реки Маас. Южнее от нее стояла американская 9-я армия, развернутая на восток. Затем располагалась часть соединений американской 1-й армии, теперь обращенных лицом к югу, в сторону немецкого вклинения.

Все части, которые можно было взять у 1-й и 9-й армий, теперь сосредоточивались для создания оборонительного рубежа против наступавших с юга немцев. Эти две армии в данный момент не могли выделить никакого подвижного резерва.

Однако резерв имелся в 21-й группе армий Монтгомери. Это был английский 30-й корпус, размещавшийся тогда во фронтовом тылу и готовый для немедленного использования на любом участке нашей обороны для поддержки либо английской и канадской армий, либо американских 9-й и 1-й армий. В результате немецкого вклинения 18 и 19 декабря была прервана нормальная связь между штабом Брэдли в Люксембурге и штабами 9-й и 1-й армий. По этой причине генералу Брэдли стало совершенно невозможно заниматься подготовкой наступления на юге образовавшегося выступа и одновременно поддерживать необходимую связь с войсками на севере, на которые возлагалась задача отражения самых мощных ударов противника.

В таких условиях приемлемым оказалось только одно

решение. Оно заключалось в том, чтобы все войска к северу от вражеского вклинения временно подчинить Монтгомери, а Брэдли дать указание, чтобы он все внимание сосредоточил на действиях войск на южном фасе образовавшегося выступа. Так как я верил в прочность союзнического сотрудничества, у меня не было никаких колебаний в принятии этого решения.

В тот же день поздно вечером мне позвонил Черчилль и спросил, как идет сражение. Я сообщил ему о принятых мерах и проинформировал о временной перестройке командной структуры. Он заметил, что мое решение позволит немедленно использовать английский резерв в любом месте, где в этом появится необходимость, независимо от ранее установленных разграничительных линий между союзными войсками, и добавил: "Я заверяю вас, что английские войска всегда сочтут за честь вступить в то же самое сражение, которое ведут их американские друзья".

Изменение в структуре командования было проведено, и все согласились с его необходимостью в тот момент.

К сожалению, после того как сражение закончилось, высказывания Монтгомери на пресс-конференции, а также публикации в английских газетах сообщений репортеров, находившихся при 21-й группе армий, создали у американцев неблагоприятное впечатление, будто Монтгомери претендовал на роль спасителя американских войск в Арденнах. Я не думаю, чтобы Монтгомери имел в виду именно это, но данный инцидент нанес определенный вред. Он причинил мне больше горечи и беспокойства, чем любой другой за всю войну. Я сомневаюсь, чтобы Монтгомери когда-либо осознал, как глубоко были возмущены этим некоторые американские командующие. Они считали, что Монтгомери преднамеренно умалял роль американцев в Арденнском сражении. Однако взаимные обвинения и упреки, распространявшиеся в течение некоторого времени, были направлены не против разумности первоначально принятого решения о временном переподчинении некоторых американских войск фельдмаршалу Монтгомери, а против той интерпретации, какую американцы давали утверждениям Монтгомери на пресс-конференции и тем газетным сообщениям, которые исходили из штаба 21-й группы армий. Достойно глубокого сожаления, что такой инцидент омрачил всеобщее удовлетворение конечным успехом союзников в Арденнах.

В это же время часть английской прессы вновь подняла старый вопрос о едином командующем сухопутными силами. Фельдмаршал Монтгомери верил в это как в принципиально необходимое дело и даже предлагал быть в подчинении у Брэдли,

если я соглашусь. Я был в принципе против введения такой должности и продолжал отклонять подобного рода предложения. Даже генерал Маршалл в телеграмме от 30 декабря по этому вопросу сообщал мне:

"Я не знаю, обратили ли вы свое внимание или нет на появлявшиеся в определенных лондонских газетах статьи с предложением ввести должность английского заместителя верховного командующего по всем сухопутным силам и с намеком, что вы взяли на себя слишком большую задачу. Мое мнение таково: ни при каких обстоятельствах не идите ни на какие уступки в этом вопросе. Я не исхожу из предположения, что вы собираетесь сделать такую уступку. Я просто хочу, чтобы вы знали наше мнение. Вы делаете великое дело и продолжайте его, а всех их пошлите к черту".

В день Нового года я ответил генералу Маршаллу: "Вам нечего опасаться относительно моих намерений ввести должность заместителя по сухопутным силам. После получения вашей телеграммы я просмотрел статьи в английских газетах, на которые вы ссылались. Наши нынешние трудности используются определенной группой газет и их корреспондентами, чтобы отстаивать нечто такое, что фактически не имеет под собой разумной основы. В данном случае немецкое наступление не было связано с разграничительной линией между группами армий, ибо оно пришлось как раз по центру одной из групп. Срочное изменение в системе командования, а именно подчинение одному человеку всех войск на том или другом фланге, было вызвано сложившейся боевой обстановкой. Вклинение противника оказалось настолько глубоким, что Брэдли больше не мог руководить действиями войск на обоих флангах, в то время как единственный резерв, который можно было создать на левом фланге, состоял в основном из англичан. Следовательно, в результате немецкого вклинения необходимо было организовать самостоятельное временное командование как на севере, так и на юге".

Оборона Бастони явилась не только замечательным боевым подвигом, но и оказала огромное влияние на исход сражения. Этот город находился на общем направлении наступления немецкой 5-й танковой армии. В приказах по этой армии, как мы узнали позднее, указывалось, что в случае обороны Бастони необходимо обойти этот город, а передовые части должны были стремительно идти да запад и затем повернуть на север, чтобы присоединиться к главным силам.

Когда 17 декабря 18-й воздушно-десантный корпус со своими двумя дивизиями был выведен из резерва верховного

командования, передан генералу Брэдли и направлен в сторону Бастони, это было сделано не в предвидении того сражения, которое развернулось в этом районе, а просто потому, что город находился на пересечении узловых дорог. Из этого пункта позднее командующий, мог послать войска в любое место, где в них возникнет необходимость. 82-я и 101-я дивизии еще только выдвигались к фронту 18 декабря, когда обстановка на северном фасе выступа ухудшилась настолько, что генерал Брэдли дал указание двигавшейся впереди 82-й дивизии повернуть налево, а 101-й дивизии продолжать свой марш к первоначальному месту назначения - к Бастони. Части 101-й дивизии начали прибывать туда вечером 18 декабря. В течение ночи и дня 19 декабря, пока оборонявшиеся в этом районе изолированные группы наших войск вели боевые действия против немцев, эта дивизия готовилась защитить Бастонь. Утром 19 декабря, совещаясь в Вердене, мы еще не знали, окружена Бастонь или нет, однако сила и направление продвижения немцев в этом районе указывали на то, что это произойдет скоро.

101-я дивизия перешла к круговой обороне. И хотя наступавшие немецкие танковые дивизии обошли город и повели наступление на северо-запад, эта дивизия продолжала сражаться с другими немецкими частями до тех пор, пока ее не деблокировали.

Обстановка на северном фасе выступа в течение нескольких дней оставалась критической. Остатки 7-й бронетанковой дивизии и поддерживавшие ее части 21 декабря были отведены с занимаемых ими открытых позиций возле Сен-Вита после того, как за день до этого они выдержали ужасающую атаку превосходящих сил противника. В последующие дни на северном направлении продолжались ожесточенные бои. Как только Монтгомери был назначен командующим всеми войсками к северу от места немецкого вклинения, он тут же приступил к созданию группировки американских войск, чтобы позднее она возглавила контрнаступление на этом направлении.

Для выполнения этой задачи был выбран 7-й корпус под командованием генерала Коллинса. Однако в течение нескольких дней по мере прибытия к Монтгомери дивизий этого корпуса их тут же вводили в бои, чтобы предотвратить продвижение противника на критически важных участках.

Размах боев не снижался до 26 декабря, и из всех поступивших разведывательных донесений было ясно, что немцы собирались предпринять по меньшей мере еще одно крупное усилие, чтобы прорваться через нашу оборону в этом районе.

На юге Брэдли начал свое контрнаступление утром 22

декабря. Его войска продвигались крайне медленно, и их маневр затруднялся из-за сильных снежных заносов. Первоначальный удар был нанесен силами 3-го корпуса в составе 4-й бронетанковой, 80-й и 26-й пехотных дивизий. Бои приобрели затяжной характер, который явно был не по душе генералу Паттону. Медленные темпы продвижения не давали каких-либо шансов на внезапный прорыв вражеской обороны. Генерал Паттон несколько раз звонил мне, чтобы выразить свое разочарование ходом боевых действий. На совещании в Вердене утром 19 декабря он намекал на быстрый успех и даже предсказывал, что войдет в Бастонь с ходу. Я отвечал ему, что до тех пор, пока его войска продвигаются, я вполне удовлетворен. Я ожидал, что из-за скверной погоды боевые действия развернутся именно так и что Паттон встретится только с оборонявшимися дивизиями немецкой 7-й армии.

23 декабря погода неожиданно улучшилась, и у нас появилась возможность использовать авиацию над районами боевых действий. Начиная с этого дня испытанные в боях экипажи самолетов наших тактических ВВС стали вновь бомбить наиболее уязвимые места в немецкой системе линий коммуникаций, наносили удары по вражеским колоннам на дорогах, выискивали и докладывали нам о каждом значительном передвижении сил противника. Немцы, взятые в плен после начала действий авиации, с ужасом говорили о разрушениях, вызванных бомбардировкой союзников, и неизменно с горечью жаловались на беспомощность люфтваффе.

26 декабря Паттону наконец удалось прорваться в Бастонь, но сделал он это на узком участке силами левого фланга, что обеспечивало нам очень ненадежную связь с осажденным гарнизоном. Однако после 26 декабря вокруг этого города развернулись действительно тяжелые бои как для самого гарнизона, так и для войск, прорвавшихся к нему на выручку.

Я планировал выехать для встречи с Монтгомери 23 декабря, но добраться до него самолетом через тыловые районы все еще было рискованно, а езда по дорогам была медленной и ненадежной. Для меня было нежелательно оставлять свой штаб надолго. К счастью, радио- и телефонная связь как с Монтгомери, так и с Брэдли оставалась удовлетворительной, и я мог получать непрерывную информацию о положении на северном и южном участках фронта. Тем не менее я решил совершить ночную поездку по железной дороге до Брюсселя, чтобы встретиться там с Монтгомери, а затем после совещания немедленно вернуться назад. Поезд, на котором я собирался выехать в ночь на 26 декабря, был разбит во время воздушного налета, и мне пришлось

задержаться до 27 декабря, пока в спешном порядке не приготовят новые вагоны.

Эта поездка сильно осложнилась из-за больших опасений службы безопасности, что противник заслал в наш тыл специальных диверсантов с целью убить Монтгомери, Брэдли и меня, а также при возможности и других военачальников. Это известие было поразительным. До этого в течение нескольких месяцев я свободно разъезжал по всей Франции в сопровождении ординарца и адъютанта, которые обычно находились со мной в автомашине. Об этих намерениях врага мне доложил 20 декабря один очень возбужденный американский полковник, уве-рявший, что располагает полными и неопровержимыми доказательствами наличия такого плана у немцев. Он очень подробно обрисовал замысел противника, и его выводы подтвердили другие сотрудники службы безопасности. Хотя я и усомнился в достоверности версии относительно плана этих убийств, мне все же пришлось разместиться поближе к штабу. Я жил в городе Сен-Жермен в доме, который до этого занимал фон Рундштедт. Я считал, что немцы слишком остро нуждаются в людях, чтобы направить их в такой обширный район для поиска намеченных жертв, каждая из которых могла быть подменена подставной фигурой. Меня раздражала настойчивость секретной службы, требовавшей, чтобы я ограничил свободу своего передвижения, но я понял, что если не пойду навстречу их требованиям, то они просто привлекут еще больше людей для обеспечения моей безопасности.

Поэтому я обещал выезжать из штаба только тогда, когда возникнет в этом необходимость, но при условии, что численность подразделений охраны будет максимально уменьшена, чтобы солдат можно было использовать на передовой, а не для того, чтобы они слонялись вокруг меня. Мне заявили, что период особой бдительности заканчивается 23 декабря, однако когда я выезжал в Брюссель 27 декабря, то обнаружил, что железнодорожная станция кишела служащими военной полиции и вооруженными часовыми. Я резко потребовал от офицеров службы безопасности объяснений по поводу такого использования людей, но они заверили меня, что просто собрали на станцию всех тех, кто обычно несет службу поблизости от станции. Тем не менее, когда мы отправились в путь, я обнаружил, что меня сопровождает целый взвод солдат. На каждой остановке - а они часто повторялись из-за снежных заносов - эти солдаты выскакивали из поезда и занимали боевое положение для охраны моего вагона.

Я говорил командиру этого взвода, что считал бы чудом, если

бы какому-нибудь тщеславному немецкому диверсанту удалось заранее установить, в каком поезде, в каком именно месте Европы и в какое точно время будет находиться намеченная им жертва. Я рекомендовал ему, чтобы он не выставлял солдат на страшный холод и держал их внутри поезда. В принципе он соглашался со мной, но на него так сильно воздействовали полученные им строжайшие приказы, что сомневаюсь, чтобы я избавил кого-либо из его людей от бесполезной и излишней работы.

Был уже почти полдень 28 декабря, когда я наконец связался с Монтгомери. Дороги находились в таком скверном состоянии, что дальнейшая поездка на автомашине оказалась невозможной. Наш поезд был вынужден следовать длинным, кружным путем до самого Хасселта, где я и встретился с Монтгомери. Он подробно доложил мне о недавних наступательных действиях противника против нашей обороны на севере, показал положение основного резерва и сказал, что вновь начал сосредоточение корпуса Коллинса, который должен был возглавить наступление союзных войск с северного фаса выступа. Он намеревался наступать в направлении на Уффализ.

На этом совещании мы еще не располагали достоверными данными, которые свидетельствовали бы о намерении немцев прекратить атаки на севере. Из имевшихся у Монтгомери данных - а эти данные были правильными, когда он их получил, - у него сложилось мнение, что немцы собираются предпринять по меньшей мере еще одно мощное наступление против северного оборонительного рубежа. Но он был уверен, что сорвет эти усилия противника, и хотел к этому времени подготовить резервы, чтобы бросить их в наступление по пятам отступающего противника. Этот план, разумеется, предусматривал использование самых лучших условий, при которых можно было бы нанести мощный контрудар; единственное затруднение здесь заключалось в том, что выбор времени такого контрудара зависел от действий противника. Мы с Монтгомери рассмотрели возможность того, что немцы могут вообще больше не предпринимать наступательных операций на севере, но он считал, что противник обязательно сделает еще одну попытку. Если немцы не возобновят атак, сказал Монтгомери, то он воспользуется этим временем для перегруппировки войск, их оснащения и усиления новыми подкреплениями. Основной задачей войск Монтгомери в этот момент будет обеспечение прочности нашей обороны на севере. Немцы все еще находились далеко на юге и не могли пока нанести нам серьезного удара. Единственное, чего нам следовало опасаться, - это непосредственного прорыва нашей обороны вражескими

войсками. Мы договорились, что если со стороны немцев не будут предприняты никакие активные усилия, то Монтгомери начнет свое наступление утром 3 января.

В конечном счете на северном направлении противник больше не предпринимал серьезных наступательных действий, поскольку он изменил планы и сосредоточил усилия в районе Бастони. Союзные войска на северном фасе выступа воспользовались этой передышкой, чтобы подготовиться к контрудару, и утром 3 января перешли в наступление согласно плану, принятому на совещании 28 декабря.

Я вернулся в свой штаб 29 декабря. К этому времени сотрудники службы безопасности начали считать, что их опасения относительно замышляемых противником убийств оказались сильно преувеличенными. Хотя они и продолжали еще соблюдать повышенные меры предосторожности вокруг моей персоны, теперь, по крайней мере, я мог выезжать из штаб-квартиры без целого отделения военной полиции, сопровождавшей меня на джипах и разведывательных автомашинах.

26 декабря Паттон пробил очень узкий коридор к окруженному в Бастони гарнизону, а на севере только что была отбита отчаянная атака, которая оказалась последним крупным усилием противника на этом фланге наших войск. К этому времени Бастонь превратилась в серьезную занозу для немецкого верховного командования. Пока этот город оставался в наших руках, ширина немецкого прорыва на запад ограничивалась узким проходом между Бастонью на юге и Ставло на севере. По этой горловине проходила только одна стоящая дорога с востока на запад. 26 декабря немцы начали сосредоточение крупных сил, чтобы нанести удар по Бастони. Они перебросили в этот район войска с северного направления и доставили дополнительные силы из тыловых районов.

Между тем мы передвинули сюда 11-ю бронетанковую и 17-ю воздушно-десантную дивизии, которые вместе с 87-й дивизией были размещены поблизости от реки Маас на позициях, откуда их легко можно было перебросить в любом направлении. Мы надеялись, что в силу продолжавшихся немецких атак на севере в период между 20 и 26 декабря наши новые соединения, возможно, принесут наибольшую пользу, если их использовать на этом фланге. Однако 27 декабря стало ясно, что теперь немцы направляли главные усилия против Бастони, и 28 декабря я передал эти новые дивизии в распоряжение Брэдли. 11-я и 87-я дивизии были выделены для поддержки войск Паттона на левом фланге чуть западнее Бастони, однако дороги настолько

обледенели и покрылись снежными наносами, что эти дивизии не смогли сделать чего-либо существенного. К концу месяца 8-й корпус Миддлтона был полностью восстановлен и вновь повел наступательные бои в направлении на Бастонь. Немцы упорно наступали с севера на район Бастони и не прекращали атак до вечера 3 января.

Несмотря на развернувшиеся в декабре оборонительные бои, мы не переставали разрабатывать планы по возобновлению нашего общего наступления. 31 декабря я направил Монтгомери и Брэдли краткую записку, в которой рассматривались все операции на период, пока мы не достигнем Рейна по всему фронту от Бонна и далее на север.

В ходе Арденнского сражения немцы стали предпринимать отвлекающие удары в Эльзасе. Они осуществлялись некрупными силами, но поскольку мы сами были ослаблены в этом районе, то нужно было внимательно следить за складывавшейся там обстановкой. Я предупредил Деверса, чтобы он ни при каких обстоятельствах не позволил противнику отрезать и окружить какие-либо наши соединения.

Французы продолжали беспокоиться по поводу безопасности Страсбурга. Де Голль 3 января прибыл ко мне. Я объяснил ему обстановку, и он согласился, что мой план по экономному использованию войск в этом районе был правильным с военной точки зрения. Однако он отметил, что еще со времен войны 1870 года Страсбург оставался символом стойкости французского народа; он считал, что даже временная его потеря может привести к глубокому национальному огорчению и, вероятно, к открытому мятежу. Он был очень серьезен в этом вопросе и заявил, что в крайнем случае было бы лучше расположить все французские силы вокруг Страсбурга, даже рискуя потерять целую французскую армию, чем оставлять город без боя. Он привез с собой письмо, в котором говорилось, что ему придется действовать самостоятельно, если я не выделю войска для обороны Страсбурга. Я напомнил ему, что французская армия не получит ни боеприпасов, ни продовольствия, ни прочего боевого обеспечения, если она не будет подчиняться моим приказам, а затем сдержанно сказал ему, что если бы французы в свое время ликвидировали "кольмарский котел", то и не возникла бы нынешняя ситуация.

На первый взгляд, доводы де Голля, казалось, основывались на политических соображениях, но фактически они проистекали скорее из эмоций, чем из логики и здравого смысла. Однако для меня этот вопрос приобрел чисто военное значение, поскольку дело касалось возможного воздействия на наши линии связи и

снабжения, которые шли через всю Францию в двух направлениях. Неспокойствие, беспорядки или мятеж в районах, где проходят линии коммуникаций, привели бы к нашему поражению на фронте. К тому же, когда происходила эта беседа с де Голлем, кризис в Арденнах уже миновал. Теперь уже мы наступали на арденнском выступе, и, стараясь направить 12-й группе армий все силы, какие мы могли взять из других мест, я стремился уже обеспечить полную победу, а не предотвратить наше поражение. Решив внести некоторые поправки в свои приказы генералу Деверсу, я сказал генералу де Голлю, что немедленно дам указание Деверсу отойти только на северном участке его обороны и сосредоточить основные силы в центре, чтобы прочно прикрыть Страсбург. Никаких других частей не будет изъято из 6-й группы армий. Де Голль с большим удовлетворением воспринял это решение и ушел в хорошем настроении, выразив беспредельную веру в мои военные способности.

Когда де Голль пришел ко мне, в нашем штабе случайно оказался Черчилль. Пока я говорил с де Голлем, английский премьер-министр не проронил ни слова. После, того как де Голль ушел, он заметил: "Я думаю, что вы поступили разумно и должным образом".

В ходе боев в Арденнах немецкая авиация пыталась действовать в более широких масштабах, чем в первые дни кампании. 1 января она совершила самый мощный налет за многие последние месяцы. Основными объектами ее бомбардировки были аэродромы союзников, находившиеся как вблизи от арденнского выступа, так и к северу от него. В течение дня немцы уничтожили много наших самолетов, в основном на земле. Наши истребители реагировали решительно на действия люфтваффе, и хотя мы понесли весьма тяжелый, частично неоправданный урон, противник поплатился почти половиной из участвовавших в налетах самолетов.

Спустя два дня, 3 января, 1-я армия, головную колонну которой составлял 7-й корпус, перешла в наступление на северном фасе арденнского выступа, и исчезла всякая опасность, созданная в свое время крупным наступлением немцев. Начиная с этого момента весь вопрос сводился уже к тому, сумеем ли мы достаточно эффективно прорваться через вражескую оборону и преодолеть снежные заносы в Арденнах, чтобы захватить или уничтожить значительные группировки сил противника, привлеченных к наступлению в Арденнах.

На обоих флангах мы продолжали наступать в направлении на Уффализ, где наши войска соединились 16 января. Однако

продвижение было настолько медленным, а сопротивление противника настолько упорным, что основная масса вражеских сил к западу от места соединения наших наступавших армий сумела отойти на восток. По достижении Уффализа обе наши армии повернули на восток чтобы гнать немцев за пределы тех рубежей, которые они занимали до своего наступления в Арденнах. В это время 1-я армия вновь перешла под командование генерала Брэдли. Американскую 9-ю армию на левом фланге американских войск я временно переподчинил 21-й группе армий в соответствии с разрабатываемым нами планом форсирования реки Рур и наступления по сходящимся направлениям к Рейну с целью его форсирования на северном участке фронта. Я надеялся осуществить это наступление к 8-10 февраля, а поскольку войска Монтгомери были все еще растянуты перед подступами к Антверпену, то единственное, что я мог сделать, это выделить для обеспечения такого наступления три армии, включая американскую 9-ю армию.

В Арденнском сражении обе стороны понесли значительный урон. По сведениям наших командующих, за месяц боевых действий с 16 декабря по 16 января потери противника составили 120 тыс. человек. После войны немецкие генералы признали, что их потери в этом сражении составили около 90 тыс. человек, но наша оценка оказалась довольно точной. Противник понес серьезные потери и в боевой технике. В то время, по нашим подсчетам, он потерял до 600 танков и штурмовых орудий, 1,6 тыс. самолетов и 6 тыс. машин. В Арденнском сражении наши сухопутные войска впервые на поле боя использовали снаряды с неконтактным взрывателем. Это новшество в огромной степени повысило эффективность нашей артиллерии.

Наши потери были очень большими, но самый большой урон понесла 106-я пехотная дивизия, которая оказалась на неподготовленных позициях к моменту немецкого .наступления. Многие ее подразделения оказались отрезанными и попали в плен. Почти такие же потери понесла 28-я дивизия, а 7-я бронетанковая дивизия понесла серьезный урон во время мужественной обороны Сен-Вита. В целом наши потери составили 77 тыс. человек, из них около 8 тыс. убитыми, 48 тыс. ранеными и 21 тыс. пленными или пропавшими без вести. Мы потеряли 733 танка и самоходных противотанковых орудия.

В ходе запланированного на 8-10 февраля наступления мы должны были нанести серию первых ударов и завершить разгром немцев к западу от Рейна. Я хотел как можно скорее перейти в общее наступление, так как был убежден, что в Арденнском сражении противник использовал все оставшиеся у него резервы.

Я рассчитывал, что теперь мы встретим сильно ослабленное сопротивление противника из-за понесенных им больших потерь и из-за того, что его войска наверняка охватят уныние и чувство безнадежности. Более того, и это было очень важно, 12 января русские начали давно ожидаемое мощное зимнее наступление. Мы уже получили сообщения об их больших успехах, и было очевидно, что чем скорее мы начнем наступление, тем вероятнее, что немцы не сумеют вновь укрепить западный фронт в своих усилиях избежать поражения.

Глава 19. Переправа через Рейн

В течение всего Арденнского сражения мы не прекращали разработку планов по проведению заключительных наступательных операций. Эти операции мы намеревались продолжать непрерывно, до полного разгрома Германии. Их планировалось осуществить в три этапа, начиная с серии ударов по всему фронту с целью уничтожить все немецкие войска к западу от Рейна. Следующая фаза боевых действий охватывала форсирование Рейна и захват крупных плацдармов на восточном берегу. После этого мы намеревались предпринять заключительные наступательные операции, в итоге которых, по нашему убеждению, мы выйдем в центр Германии и уничтожим там оставшиеся силы немцев.

На этом последнем этапе наступательных действий нам предстояло встретиться с частями Красной Армии, идущей с востока, и установить более четкую координацию своих действий с действиями русских. В ходе предыдущих кампаний Объединенный англо-американский штаб информировал нас об общих намерениях советских войск и этим обеспечивалась достаточная координация действий, пока одна зона боевых действий отделялась от другой достаточно большим расстоянием. Однако теперь настала пора обмениваться информацией относительно конкретных планов операций, их целей и времени осуществления.

В начале января 1945 года с одобрения Объединенного англо-американского штаба я направил в Москву главного маршала авиации Теддера. Ему предстояло договориться по конкретным вопросам координации наших действий. Его сопровождали генерал-майор Гарольд Балл и бригадный генерал Беттс, толковые американские офицеры из штаба верховного командования союзных экспедиционных сил. Теддер получил полномочия передать русскому военному руководству полную информацию относительно наших планов на конец зимы и весну, а также получить аналогичную информацию относительно планов русских.

Нам уже было известно, что русские готовились в ближайшее время начать наступление в западном направлении с исходных рубежей вокруг Варшавы. Мы знали, что они сосредоточили войска для наступления в начале года, но ввиду плохих условий местно2сти и особенно из-за густых туманов и облачности, мешавших использованию авиации, откладывали наступление до установления более благоприятных погодных условий. Через Объединенный англо-американский штаб мы узнали, что, даже если погодные условия не улучшатся, наступление русских начнется не позднее 15 января. Оно началось 12 января и успешно развивалось.

Главный маршал авиации Теддер и его коллеги прибыли в Москву, когда это наступление уже началось. Генералиссимус Сталин и советские военные руководители приняли их с исключительным радушием. Последовал исчерпывающий обмен информацией относительно будущих планов. Генералиссимус информировал нашу миссию о том, что, даже если их нынешнее наступление не достигнет намеченных целей, русские проведут серию непрерывных операций, которые, по крайней мере, не позволят немцам произвести переброску подкреплений на западный фронт за счет снятия частей с русского фронта.

Этот непосредственный контакт привел к тому, что Объединенный англо-американский штаб разрешил мне поддерживать прямую связь с Москвой по вопросам, имевшим чисто военный характер. Позднее в ходе кампании моя интерпретация этих полномочий резко оспаривалась премьер-министром Черчиллем, и это только подтверждало старую истину, что невозможно полностью отделить политику от военной деятельности. В современной войне потребность во взаимодействии между двумя дружественными армиями, наступающими по сходящимся направлениям к общей цели, более острая, чем была в те времена, когда бои велись только на суше, на небольшом пространстве, глубина которого определялась дальностью огня стрелкового оружия и полевых орудий. Сегодня истребители-бомбардировщики, поддерживающие наступающие войска, постоянно носятся над противником, иногда углубляясь на сотни миль в его тылы. Их задача - поиск и уничтожение вражеских штабов, складов, баз снабжения, мостов и резервов. Еще задолго до того, как две дружественные армии установят контакт между собой, возникает сложная проблема координации действий для предотвращения несчастных случаев и недоразумений между союзническими армиями, разделенными пространством.

Распознавание своих или вражеских сил на поле боя всегда

было нелегким делом. В нашей собственной войне между штатами, когда одна сторона была одета в голубую форму, другая - в серую, не раз происходили острые схватки между частями одной и той же армии. В современной войне, когда цвет военной формы во всех армиях устанавливается с расчетом маскировки под окружающую местность, когда на поле боя не увидишь массовых построений войск, как в девятнадцатом столетии, и когда скорость самолетов и машин позволяет наблюдателям производить только мимолетный обзор местности, где замаскировались войска, эта проблема еще больше усложнилась. По мере сближения наших наступающих армий эти вопросы требовали все более детального согласования. Однако в январе 1945 года нам нужно было знать главным образом время и направление следующего наступления русских и разработать основы, которые в будущем позволили бы осуществить сотрудничество на поле боя.

К началу 1945 года результаты нашего авиационного наступления на Германию начали катастрофически сказываться на ее экономике. В итоге значительного продвижения наших войск в Европе была нарушена вражеская система противовоздушной обороны и оповещения, заняты многие районы, в частности с западноевропейскими портами, в которых до этого базировались немецкие подводные лодки, отвлекавшие большие силы нашей бомбардировочной авиации от нанесения ударов по объектам внутри Германии. Другим преимуществом, которым теперь пользовались стратегические бомбардировщики, являлось более надежное их прикрытие истребителями сопровождения. Группы истребителей можно было размещать на передовых аэродромах недалеко от Рейна, и, несмотря на сравнительно небольшой радиус действия этих самолетов, они были в состоянии сопровождать бомбардировщики почти до любой цели на территории держав "оси".

К этому времени авиация добилась больших успехов в уничтожении топливных резервов противника, которые на протяжении многих месяцев оставались главным объектом ударов стратегической авиации. По мере нарастания интенсивности этих бомбардировок у противника возник кризис в транспортной системе на всех фазах его военных усилий. Этот кризис имел определенное влияние на ход боевых действий на суше. Немцам становилось все труднее подвозить на фронт резервы и предметы боевого обеспечения, в то время как их действующие войска постоянно попадали в затруднительное положение из-за нехватки горючего для машин. Аналогичное положение создалось и в немецкой авиации, где обучение новых пилотов приходилось

резко сокращать из-за недостатка бензина.

В ходе длительных зимних боев наша разведка стала приносить нам тревожные сведения о том, что немцы добились большого прогресса в разработке реактивных самолетов. Наши авиационные командиры считали, что если противнику удастся ввести в строй эти самолеты в значительном количестве, то он быстро начнет наносить невосполнимые потери союзной бомбардировочной авиации, оперирующей над Германией. В Соединенных Штатах и Англии тоже успешно шли работы по созданию реактивных самолетов, но эти страны еще не продвинулись в этом вопросе настолько, чтобы можно было рассчитывать на эскадрильи таких самолетов ко времени весенней кампании.

У нас оставался только один возможный выход из такого положения посредством бомбардировок попытаться замедлить производство противником этого нового оружия. Нам было известно, что для использования реактивных самолетов требуются более удлиненные взлетно-посадочные полосы. Где бы нами ни был обнаружен немецкий аэродром с такой полосой, он подвергался систематически повторяющимся бомбардировкам. Кроме того, воздушные удары наносились по каждому объекту, где, по нашему мнению, изготовлялись реактивные самолеты. Это в известной мере отвлекало бомбардировочную авиацию от главной цели союзников - уничтожения резервов топлива у противника. Однако к январю 1945 года мы располагали уже такой воздушной мощью, что могли позволить себе это без существенного ущерба для решения основной задачи. Бомбардировочные операции с целью воспрепятствовать производству противником реактивных самолетов имели, по меньшей мере, только частичный успех, поскольку немцам так и не удалось использовать новые самолеты в достаточном количестве, чтобы нанести нам материальный ущерб.

Сведения по всем этим вопросам собирались нашей разведывательной службой, которая ежедневно представляла мне свои расчеты и выводы. В них подчеркивались нараставшие трудности, испытываемые военной машиной Германии, что давало мне и всем моим коллегам основание полагать, что еще одна крупная кампания, проведенная решительно и на широком фронте, явится смертельным ударом для гитлеровской Германии.

Однако среди некоторых высших военных руководителей Англии я встретил значительную и, к моему удивлению, неожиданную оппозицию этому плану.

Взаимоотношения, которых придерживался американский комитет начальников штабов со своими командующими на

фронтах, существенно отличались от тех взаимоотношений, какие поддерживались между аналогичными инстанциями в системе английских вооруженных сил. Американская доктрина всегда сводилась к тому, чтобы поставить командующему на ТВД задачу, дать ему соответствующие силы и средства и затем как можно меньше вмешиваться в осуществление его планов. При этом исходили из того, что командующему на месте лучше знать обстановку, чем тем, кто находится за многие тысячи миль от района боевых действий, и что если результаты, достигнутые командующим на месте, окажутся неудовлетворительными, то правильнее будет не советовать ему, не наставлять и не ставить его в затруднительное положение, а заменить его другим человеком.

Английский комитет начальников штабов в Лондоне, наоборот, на протяжении всей войны поддерживал ежедневные контакты со своими командующими на фронтах и требовал постоянной и детальной информации о наличных силах, планах и обстановке. Этот порядок, возможно, был обоснован разумными соображениями, о которых я ничего не знал, но он каждый раз шокировал меня, воспитанного в духе американских военных традиций, когда я узнавал, что английский комитет начальников штабов регулярно требует от своих командующих на фронте представить информацию относительно тактических планов. Например, от английского командующего требовали ежедневно направлять в Лондон донесение с освещением таких данных, какие в нашей системе только в исключительных случаях идут выше штаба армии.

В течение всей войны я отправлял в Лондон и Вашингтон лишь краткие ежедневные доклады об общем положении на фронте с учетом разведывательных данных.

Когда в январе 1945 года я закончил разработку плана заключительных операций, мой друг фельдмаршал Брук неофициально, но очень искренне высказал серьезные возражения. Они были направлены против, по его словам, запланированного распыления наших сил. Он утверждал, что у нас никогда не будет достаточно войск, чтобы предпринять более одного мощного наступления через Рейн. Следовательно, доказывал он, чтобы обеспечить себе силы для такого наступления, мы должны, учитывая сложившуюся обстановку, перейти к обороне на всех других участках фронта.

Распыление сил - всегда одна из самых грубых ошибок в войне, однако простое понимание этого общеизвестного положения еще не гарантирует правильного применения его.

В тех условиях, какие сложились к январю, немцы

располагали большим преимуществом, поскольку они оборонялись на "линии Зигфрида", включая район к северу от Саара. До тех пор, пока мы даем им возможность отсиживаться в этих мощных укреплениях, их способность оборонять большие участки относительно слабыми силами довольно существенна, и в то же время они могут сосредоточивать силы, чтобы сорвать наши наступательные операции на выбранных нами направлениях. Это означало, что значительные силы союзников приходилось бы выделять для прикрытия войск, которые могли вести наступление севернее Рура. Но в этой единственной полосе наступления мы могли материально обеспечить ударную группировку в составе не более тридцати пяти дивизий.

Если бы мы сначала в результате ряда концентрированных и мощных ударов разгромили немецкие силы к западу от Рейна, это привело бы к тому, что мы получили бы оборонительный рубеж по всему фронту, не менее мощный, чем у противника. Мы подсчитали, что, овладев западным берегом Рейна, мы могли бы бросить в наступление по сходящимся направлениям около семидесяти пяти дивизий. Позволив противнику к югу от Рура оставаться на "линии Зигфрида", мы тем самым ограничим себя единственным наступлением силами тридцати пяти дивизий.

Вторым преимуществом нашего плана было то, что позднее, при форсировании Рейна, мы встретились бы лишь с обескровленными немецкими силами. Кроме того, действенность наступления по сходящимся направлениям во много раз усиливается, когда оно сопровождается поддержкой таких мощных воздушных сил, какими мы располагали в Европе в первые месяцы 1945 года. Используя авиацию, мы могли не допустить, чтобы противник маневрировал своими силами, перебрасывая их по своему усмотрению с одного направления на другое для отражения наступления наших войск; мы могли также в любой момент сосредоточить всю нашу авиационную мощь для обеспечения дальнейшего продвижения наших колонн в любом районе по своему выбору.

Я старательно объяснил фельдмаршалу Бруку, что вовсе не распыляю усилия, а веду кампанию таким образом, чтобы, когда мы будем готовы начать заключительные операции в Германии на другой стороне Рейна, мы смогли нанести такой удар по немцам, что очень скоро последовал бы их полный крах. Овладение западным берегом Рейна на всем протяжении реки было для нас решающим преимуществом: оно позволяло бросить в наступление все основные силы союзников.

Полностью я его не убедил. Он сказал: "Я бы хотел, чтобы 12-я группа армий была развернута к северу от Рура, а английские

войска находились в центре", намекая на то, что мои планы были разработаны на основании национальных интересов.

На это я ответил: "Я вовсе не стремлюсь ни американцев, ни англичан бросить в самую гущу сражения, чтобы их там убивали. Я усилил группу армий Монтгомери целой американской армией, поскольку нет иной возможности усилить участок к северу от Рура для быстрого осуществления моего плана. Я не разрабатывал ни одного плана, основываясь на учете того, кому лично или какому народу достанется слава, ибо я должен вам сказать свое мнение на этот счет: никакая слава сражения не стоит той крови, которая пролита в нем".

Фельдмаршал Брук выразил надежду, что все это само собой уладится, на что и я надеялся, но он явно сомневался в способности союзников сокрушительными ударами разгромить немецкие силы, находившиеся между нами и Рейном.

Одновременно с этим мне вновь предложили ввести должность командующего сухопутными войсками, который подчинялся бы непосредственно штабу верховного командования союзных экспедиционных сил. Как и раньше, я отклонил это предложение, убежденный, что наши планы по окончательному разгрому Германии были лучшими из всех, какие можно было разработать. Не говоря уже о моем глубоком убеждении, что предлагаемое нововведение просто бесплодная и ненужная затея, я был полон решимости не допустить никакого вмешательства в точное и быстрое осуществление разработанных нами планов.

В начале января я узнал, что президент, премьер-министр и их советники вновь собираются встретиться с генералиссимусом Сталиным, на этот раз в Ялте. Генерал Маршалл ехал в Европу отдельно от остальной американской группы, и я договорился тайно встретиться с ним в Марселе. Я прибыл туда 25 января, и мы с ним долго обсуждали обстановку, какой она нам тогда представлялась.

В Вашингтоне он слышал недовольные высказывания, со стороны английского комитета начальников штабов по поводу планов, а также предложения ввести единого начальника над всеми сухопутными силами. Я объяснил Маршаллу сложившуюся у нас обстановку и в общих чертах изложил этапы, как мы планировали нанесение поражения Германии. Он полностью согласился со мной.

В то время, однако, мы допустили один просчет в наших планах, основанный на ошибках инженерной разведки. Специалисты провели многочисленные исследования особенностей реки Рейн с учетом статистических данных за длительный период и пришли к заключению, что успешное наступление через Рейн, вероятно, невозможно осуществить раньше первых чисел мая. Об этом было с такой убедительностью доложено мне, что я мысленно согласился с необходимостью отодвинуть сроки и планировал не начинать наше крупное наступление через Рейн раньше этого времени. Но это никоим образом не отражалось на существе наших планов, которые нужно было претворить в жизнь до того, как подойдет время для форсирования реки. Позднее наши саперы существенно изменили свое мнение по этому вопросу, и мы пришли к выводу, что можно форсировать реку, навести мосты и закрепиться на противоположном берегу задолго до наступления мая.

Генералу Маршаллу разумность нашего плана показалась настолько убедительной, что он предложил, чтобы я направил своего начальника штаба генерала Смита на Мальту, где должно было состояться совещание с участием президента, премьер-министра и, соответственно, их штабов до их выезда на конференцию в Ялту. Он заметил: "Я, конечно, могу поддержать вас, просто сославшись на принцип, что такие решения находятся в вашей компетенции. Но ваш план настолько разумен, что, я думаю, для вас будет лучше направить генерала Смита на Мальту, с тем чтобы он мог там дать детальные разъяснения. Их логичность будет убедительной". Я с радостью согласился, так как хорошо знал, что, раз мы имеем там поддержку со стороны Маршалла, никто не станет вмешиваться в разработку наших планов.

Доводы фельдмаршала Брука в этом вопросе основывались только на его убеждениях. Не было никакого основания для его серьезного беспокойства, и это подтвердилось тем фактом, что спустя всего несколько недель разгром немецких армий к западу от Рейна был завершен. Брук стоял вместе со мной на берегу этой реки. Наблюдая, как форсируют ее части 9-й армии и 21-й группы армий, он обернулся ко мне и сказал: "Благодарю бога, Айк, что вы твердо держались своего плана. Вы были совершенно правы, и я очень сожалею, если мои опасения относительно распыления усилий принесли вам дополнительные заботы. Теперь немцы разбиты. Остается просто вопрос времени, когда они решатся прекратить борьбу. Слава Богу, что вы настояли на своем".

На первом этапе нашего стратегического плана - разгром вражеских сил к западу от Рейна - предусматривалось провести три крупные наступательные операции Первую планировалось предпринять силами 21-й группы армий на нашем левом фланге; вторую - группой армий Брэдли на центральном участке; третью по сходящимся направлениям силами Брэдли и Деверса с целью ликвидировать группировку противника в Саарском бассейне.

Как только 1-я и 3-я армии соединились у Уффализа 16 января 1945 года, Монтгомери вновь занялся подготовкой к первой из этих трех наступательных операций.

В январе, когда немцы отступали после своего провалившегося наступления в Арденнах, я снова обратил взор на "кольмарский мешок". Наличие этого немецкого аппендикса на важном участке нашего фронта все время раздражало меня, и я решил, что его нужно ликвидировать без промедления. Французская 1-я армия начала наступление 20 января, но в условиях скверной погоды не добилась особого успеха. Кольмарскую группировку окружали два французских корпуса, но, решив раз и навсегда избавиться от этой занозы, я выделил Деверсу дополнительные силы, с тем чтобы он мог поддержать французов своим корпусом в составе четырех дивизий. Для этой цели Деверс выделил 21-й корпус под командованием Фрэнка Милбурна в составе 3-й, 28-й и 75-й пехотных и 5-й французской бронетанковой дивизии. Позднее на участке 21-го корпуса были использованы также 12-я бронетанковая дивизия и французская 2-я бронетанковая дивизия. Американский корпус и два французских корпуса атаковали одновременно. Немецкая оборона быстро развалилась. Кольмарская группировка сдалась 3 февраля, а к 9 февраля те из немцев, которые остались в живых в этом районе, были изгнаны за Рейн. В этой операции потери противника в живой силе составили более 22 тыс. человек, большие потери он понес и в боевой технике.

В запланированных операциях против немецких сил, противостоявших нашим войскам, первое наступление должны были осуществить канадская армия из 21 -и группы армий и американская 9-я армия, временно приданная Монтгомери. Канадцы должны были наступать на юг и юго-восток через реку Маас, в то время как 9-я армия Симпсона должна была форсировать реку Рур и идти на северо-восток. Такое наступление по сходящимся направлениям должно было быстро вынудить оборонявшихся отходить к Рейну.

В этом районе находились некоторые из лучших боевых частей, какие еще оставались у противника, в том числе 1-я парашютно-десантная армия, солдаты которой были хорошо обучены ведению стойкой обороны. Дополнительную трудность на фронте армии Симпсона вызывало то обстоятельство, что рурские дамбы все еще находились в руках противника. Поэтому Брэдли приказал Ходжесу силами 1-й армии как можно быстрее овладеть этими дамбами. 4 февраля 5-й корпус 1-й армии перешел в наступление. На шестой день после упорных боев дамбы были захвачены. Но даже и тогда наши трудности с дамбами не закончились, так как немцы заблокировали шлюзы в таком положении, чтобы выливавшаяся из резервуаров вода в течение нескольких дней поддерживала паводковый уровень воды в реке.

Когда Монтгомери начал готовиться к своему наступлению, он, естественно, хотел, чтобы американская 9-я армия была доведена до максимальной численности. Он обратился с предложением, чтобы Брэдли приказал прекратить наступательные операции 1-й и 3-й армий в районе Арденн, с тем чтобы выделить войска для более мощного сосредоточения на севере. Я отклонил это предложение, поскольку был убежден, что продолжающееся наступление в Арденнах вынуждает противника держать здесь войска. Что еще важнее, я стремился выдвинуть рубежи американских войск вперед в этом районе, для того чтобы, когда подойдет время для участия в крупных, решающих наступательных операциях, войска находились на прекрасных исходных позициях. Я был уверен, что мы сумеем выйти на эти рубежи, не мешая своевременному наращиванию сил 9-й армии.

Я и Монтгомери договорились относительно даты его наступления. Первоначально мы хотели предпринять одновременное наступление канадцев и американцев, поскольку те и другие могли быть готовы к переходу в наступление к 10 февраля. Однако ни он, ни я не сочли разумным ждать, пока спадет уровень воды в Руре. Монтгомери предложил начать наступление канадцев как можно скорее, даже если разрыв будет

две недели или больше, прежде чем американская армия сможет вступить в бой. Я одобрил его предложение.

Канадская армия перешла в наступление 8 февраля. Сначала оно развивалось удовлетворительно, однако войска очень скоро оказались в грязи на залитой водой местности и столкнулись с упорным сопротивлением. Продвигались медленно, с большими потерями, а сопротивление усиливалось: немцы начали перебрасывать свои части из района Рура, чтобы перекрыть пути наступления канадцев. Монтгомери не был особенно огорчен такой переброской немецких сил, поскольку это означало, что когда американцы пойдут в наступление, то оно будет проходить на больших скоростях.

В этот же период я посетил 9-ю армию генерала Симпсона и нашел ее решительно настроенной и готовой к наступлению. Если Симпсон как командующий армией когда-нибудь допустил какую-то ошибку, она никогда не дошла до моего внимания. После войны я узнал, что он на протяжении многих лет страдал серьезной болезнью желудка, но за все время войны я ни разу даже не услышал о его мучениях. Подтянутый, умный, профессионально способный, Симпсон представлял собой именно тот тип командира, который нужен американским солдатам. К сожалению, вскоре после войны болезнь вынудила его уйти в отставку и он не успел получить звание полного генерала, которое, бесспорно, заслужил блестящей работой в вооруженных силах.

Армия Симпсона состояла из трех корпусов, 16-й корпус под командованием генерал-майора Андерсона находился на левом фланге. На правом находился 19-й корпус генерал-майора Реймонда Маклейна. Маклейн был офицером национальной гвардии и вступил в войну в звании бригадного генерала в должности начальника артиллерии 45-й дивизии. Позднее он принял командование 90-й дивизией - во время упорных боев непосредственно после прорыва вражеской обороны в конце июля. Он настолько успешно командовал дивизией, что, когда генерал Корлетт, командир 19-го корпуса, заболел и ушел с должности, Маклейна повысили, назначив его командиром этого корпуса. В центре находился 13-й корпус под командованием генерал-майора Алвана Гиллема-младшего. В последующие дни, с началом наступления канадцев на севере, американцам не оставалось ничего иного, как ждать и быть готовыми начать наступление едва спадет вода в достаточной мере, чтобы можно было навести мосты через реку. Это стало возможным через две недели после того, как канадская армия генерала Крерара перешла в наступление. Симпсон назначил наступление на утро

23 февраля.

После мощной бомбардировки 9-я армия пошла в наступление, как планировалось, и успешно форсировала реку. Вначале войска встретились с серьезными затруднениями из-за сильного артиллерийского огня противника по наплавным мостам и разрушений в городе Юлих, вызванных бомбардировкой и артиллерийским огнем. Наступавшим частям нужно было пройти через этот город, но, чтобы через него пропустить автомашины, сначала пришлось доставить туда бульдозеры, чтобы те проложили дорогу через груды развалин. 29-я дивизия генерал-майора Чарльза Герхарда, участвовавшая в боях на нормандском побережье в июне, действовала прекрасно, как, впрочем, действовали и 30-я, и 102-я, и 84-я дивизии - тоже участницы десантной операции на побережье Нормандии. Этими тремя дивизиями, соответственно, командовали генерал-майоры Леланд Хоббс, Фрэнк Китинг и Александер Боллинг. Несмотря на задержки, войска Симпсона успешно продвигались, частично потому, что перед тем немцы перебросили значительные силы с этого фронта на участок, где наступали канадцы. Менее чем через неделю 9-я армия захватила Мюнхен-Гладбах, самый крупный немецкий город из всех, что мы заняли до сих пор.

Когда я и Симпсон въезжали в город вскоре после его захвата, я впервые увидел реактивный самолет. Это был немецкий истребитель, летевший на очень большой высоте. Все зенитные орудия, какие имелись поблизости, открыли по нему интенсивный огонь, и очень скоро вокруг нас начали падать осколки разорвавшихся снарядов. Впервые за всю войну здесь я надел стальную каску. Можно было, конечно, остановить джип и укрыться под ним. Во время боев в Африке одного из наших лучших офицеров тяжело ранило падающим осколком от зенитного снаряда, и он более года находился в госпитале на излечении. К счастью, вражеский самолет вскоре покинул этот район.

Теперь немецкие войска в этом районе начали ощущать воздействие мощного наступления по сходящимся направлениям и стали отступать к Рейну. К 3 марта 16-й корпус армии генерала Симпсона, наступавший на левом фланге, вырвался вперед, соединился с канадцами и уже двигался в направлении на Рейн. Весь район быстро очищался от противника. В этом сражении немцы оборонялись вблизи от мостов через Рейн, и поэтому нам не удалось захватить столько пленных, сколько мы взяли в ходе последующих наступательных операций.

Очистив от противника западный берег Рейна на северном участке фронта, Монтгомери теперь должен был подготовиться

как можно скорее к наступлению через Рейн. Для этой операции ему потребовались силы, каких 21-я группа армий сама не могла обеспечить. Поэтому я дал указание 9-й армии оставаться в качестве приданной этой группе армий. Когда здесь начали готовиться к наступлению с форсированием Рейна, события к югу от них развивались особенно успешно.

Симпсон перешел в наступление 23 февраля; это послужило сигналом для Брэдли на центральном участке нашего фронта для начала серии наступательных операций, которые были блестяще и быстро проведены. Тогда у него в оперативном подчинении было только две армии: 1-я - на левом фланге и 3-я - на правом. В результате боев в конце января - начале февраля эти армии овладели выгодными позициями для развертывания в последующем крупного наступления. Первые наступательные действия 12-й группы армий предпринял Ходжес, введя в бой 7-й корпус своей армии, находившийся на левом фланге, одновременно с наступлением 9-й армии Симпсона. Первоначальной задачей 7-го корпуса была поддержка войск, действующих на правом фланге 9-й армии, перешедшей в наступление. В случае успеха это привело бы, вероятно, к оголению правого фланга немцев. Как только это произойдет, 7-й корпус должен будет немедленно повернуть вправо и атаковать немцев во фланг. Тогда и остальная часть армии Ходжеса, обращенная на восток, перейдет в наступление. Еще дальше на юге наступление начнет Паттон с целью окружения и уничтожения противостоящих вражеских сил.

Все шло с точностью часового механизма, 7-й корпус на правом фланге Симпсона быстро получил возможность начать наступление в южном направлении, и с этого момента успех сопутствовал нам по всему фронту.

Сначала 7-й корпус преодолел сильное сопротивление возле канала Эрфт. Он быстро продвигался вперед и 5 марта находился уже в предместьях Кельна. Мы считали, что Кельн, как и Ахен, противник будет упорно "оборонять. Однако наскоро обученные и ошеломленные войска, оборонявшие город, были далеко не такими, как те, с которыми мы встречались на ранних этапах кампании. Во второй половине дня 7 марта Коллинс овладел всем городом. Мы считали, что его корпус будет там занят в течение нескольких дней, ведя решительную осаду, но в результате быстрого захвата города мы могли теперь использовать дивизии этого корпуса для победоносного наступления на юге.

Когда корпус Коллинса успешно развивал свое наступление, Ходжес бросил 3-й и 5-й корпуса в наступление в юго-восточном направлении в сторону Рейна. 7 марта 3-й корпус вышел к Рейну

у Ремагена. Здесь он столкнулся с одной из тех счастливых случайностей в войне, которые, если быстро и решительно ухватиться за них, оказывают не поддающееся учету воздействие на будущие операции. Наступавшие американцы обнаружили, что мост Людендорфа через Рейн у Ремагена стоял в исправности.

Немцы, конечно, заранее тщательно подготовились к уничтожению мостов через Рейн. Мост Людендорфа не был исключением. Однако продвижение американских войск было настолько быстрым, а неразбериха среди оборонявшихся приняла такие размеры, что в группе, ответственной за взрыв моста, возникли нерешительность и сомнения. Оборонявшиеся, очевидно, не могли поверить в столь скорое появление здесь крупных сил противника или, возможно, считали, что следует немного повременить с уничтожением моста, чтобы дать отойти за Рейн тем немецким войскам, которые в большом количестве еще находились к западу от реки.

9-я бронетанковая дивизия под командованием генерала Леонарда двигалась впереди войск, шедших к мосту. Отважная группа из боевого командования "Б" этой дивизии, которое возглавлял бригадный генерал Уильям Хоуг, атаковала мост и предотвратила его полное разрушение, хотя немцы успели подорвать небольшой заряд под мостом.

О неожиданном захвате моста через Рейн доложили Брэдли. Случилось так, что в этот момент в штабе Брэдли оказался офицер из штаба верховного командования союзных экспедиционных сил, и там сразу же стали обсуждать вопрос о том, сколько войск следует перебросить по мосту через реку. Если группировка войск на плацдарме будет слишком маленькой, то немцы уничтожат ее, быстро сосредоточив силы на восточном берегу реки. Брэдли понимал, что если он перебросит через реку крупные силы, то тем самым сможет помешать дальнейшему осуществлению моего основного плана. Поэтому он тут же позвонил мне по телефону.

В тот момент, когда Брэдли позвонил мне, я обедал в своей штаб-квартире в Реймсе с командирами дивизий и корпуса американских воздушно-десантных войск. Когда он доложил, что захватил исправный капитальный мост через Рейн, я едва мог поверить услышанному. Мы с ним часто обсуждали такой вариант как маловероятный случай, но никогда не питали на это особой надежды.

Я почти кричал в телефон: "Сколько у вас войск поблизости, которые вы можете перебросить через реку?"

Он отвечал: "У меня более четырех дивизий, но я решил позвонить вам, чтобы убедиться, что, перебросив их на восточный

берег, не помешаю вашим планам".

И я ему сказал: "Хорошо, Брэд, мы думали, что именно такое количество дивизий будет приковано к боям вокруг Кельна, но теперь они свободны, так что действуй и немедленно перебрось через Рейн по меньшей мере пять дивизий и все другое, что необходимо, чтобы прочно удержать плацдарм".

В телефонной трубке я отчетливо услышал радостный голос: "Именно это я и хотел сделать, но здесь подняли вопрос, как бы это не помешало вашим планам, потому я и решил согласовать вопрос с вами".

Это было для меня одним из радостных событий за все время войны. Крупный успех в войне обычно можно предвидеть за многие дни или недели, но, когда он фактически приходит, командующие и штабы уже не принимают его в расчет и погружены в разработку планов последующих операций. Этот же успех оказался совершенно непредвиденным. Мы пересекли Рейн по стационарному мосту, традиционный оборонительный барьер на пути к центру Германии оказался пробитым. Окончательное поражение противника, которое, по нашим длительным расчетам, должно быть осуществлено в весенней и летней кампании 1945 года, вдруг оказалось теперь, по нашему представлению, не за горами.

Мой энтузиазм распространился на гостей за обеденным столом. Среди них были ветераны успешных воздушно-десантных операций в тылу противника и ожесточенных боев в самых различных ситуациях. Они единодушно и с радостью предсказывали скорое завершение войны. Я уверен, что с этого момента каждый из них направлялся в бой с тем порывом, который возникает от радостной уверенности в скорой сокрушительной победе.

К 9 марта 1-я армия увеличила плацдарм у Ремагена более чем на три мили в глубину. Противнику потребовалось значительное время, чтобы прийти в себя от этой неожиданности и неразберихи, а к тому времени, когда он стал перебрасывать сюда подкрепления для ликвидации плацдарма, наши войска на нем оказались достаточно сильными, чтобы не опасаться поражения. Как обычно, противник бросал в бой каждую часть по мере их прибытия в этот район, однако такая тактика была не в состоянии дать ему какие-либо существенные результаты в борьбе со все более усиливавшейся группировкой на плацдарме.

С того дня, как мы пересекли реку, противник предпринимал отчаянные усилия уничтожить мост Людендорфа. Дальнобойная артиллерия открыла по нему огонь, немецкая авиация предпринимала тщетные усилия разбомбить его. Однако все эти

попытки не дали никаких конкретных результатов, и мы продолжали потоком перебрасывать войска на восточный берег реки, одновременно наведя через нее наплавной колейный мост. Сравнительно легко транспортируемый, колейный мост являлся одним из лучших образцов нашего боевого оснащения, способных выдерживать тяжелые боевые грузы. Этот мост можно было навести довольно быстро. Когда генерал Коллинс со своим 7-м корпусом пересек Рейн, он, естественно, беспокоился, чтобы наплавные мосты были наведены как можно скорее. Он вызвал своего корпусного инженера полковника Мейсона Янга и сказал: "Янг, как я знаю, вы можете навести мост через реку за двенадцать часов. Какой приз вы хотели бы получить от меня за то, что наведете мост за более короткое время?" Янг подумал немного и ответил: "Я не хочу ничего, но если вы сможете пообещать моим саперам пару ящиков шампанского, то мы, конечно, постараемся сделать все, чтобы получить их". "Договорились, - сказал Коллинс, - я добуду это шампанское, если вы наведете мне мост менее чем за двенадцать часов".

Наплавной мост длиной в 330 ярдов был наведен за десять часов и одиннадцать минут. Коллинс с удовольствием выполнил свое обещание. Я слышал, что даже этот похвальный рекорд позднее был перекрыт.

Кумулятивное воздействие немецких усилий против моста Людендорфа в конце концов сделало свое дело. После пятых суток, когда уже были наведены через реку колейные мосты, которые могли полностью обеспечить наши войска на восточном берегу, мы перестали пользоваться мостом Людендорфа. Однако американские саперы упорно и настойчиво продолжали попытки укрепить наиболее слабые места моста, с тем чтобы его можно было использовать в будущем. Но в этом они потерпели неудачу. 17 марта центральный пролет, тот самый, который был частично поврежден во время неудавшейся попытки немцев взорвать весь мост 7 марта, рухнул в реку. Погибло много наших прекрасных саперов, которых нам не удалось вытащить из ледяной воды Рейна.

Переключение пяти дивизий на захват ремагенского - плацдарма в начале марта не повлекло за собой никаких изменений в разработке наших планов по уничтожению немецких армий к северу от Мозеля. В течение всего февраля 3-я армия была занята необходимыми приготовлениями к наступлению в сторону Рейна. 8-й корпус Миддлтона продвигался на восток за Прюм, а 12-й корпус генерал-майора Мантона Эдди взял Битбург. К 23 февраля 20-й корпус генерала Уокера подавил сопротивление противника в районе Саар-Мозель и захватил

плацдарм на противоположном берегу реки Саар. Войска прорвались через "линию Зигфрида" и 2 марта овладели городом Трир. Спустя два дня 12-й корпус захватил плацдарм за рекой Киль.

Это послужило сигналом к началу основного наступления 3-й армии, 8-й корпус начал наступление в северовосточном направлении и, прорвав немецкую оборону, 9 марта вышел к Андернаху-на-Рейне, где соединился с частями 1-й армии, 12-й корпус одновременно с 8-м корпусом предпринял наступление вдоль реки Мозель и вышел к Рейну 10 марта. Эти два корпуса захватили большое количество оружия и боевой техники врага, а когда их головные части соединились, в окружении оказалась целая боевая группировка противника.

Ошеломляющими победами 1-й и 3-й армий был завершен второй этап плана уничтожения немецких войск к западу от Рейна. Теперь оставался только один крупный вражеский гарнизон в Саарском бассейне. Эти войска находились в огромном треугольнике, основание которого упиралось в берег Рейна, а две боковые стороны сходились в точке в семидесяти пяти милях западнее основания. Северная сторона этого треугольника прикрывалась рекой Мозель, а южная самыми мощными участками "линии Зигфрида". Ретроспективно трудно понять, почему немцы, видя, как их армии к северу от Мозеля полностью разваливаются и уничтожаются, не начали быстрого отвода своих сил с уязвимых позиций в Саарском бассейне, для того чтобы использовать их затем в обороне Рейна.

Мы уже не раз в ходе предыдущих кампаний были свидетелями аналогичных случаев, когда действия противника представлялись нам чистейшей глупостью с тактической точки зрения. Я лично считал, что причину такого поведения противника следовало искать в его психологии захватчика: страх, что оставление лишнего метра истерзанной земли приведет к разоблачению гнилого фундамента, на котором зиждется миф о непобедимости. Некоторые из моих штабных офицеров считали, что в Сааре немцы оставались на месте только потому, что слепо верили в оборонительную силу "линии Зигфрида" и такого естественного препятствия, как река Мозель. Кроме того, противник, вероятно, не имел никакого представления о силе 7-й армии, находившейся к югу от Саарского треугольника.

Действия, основанные на подобных соображениях, означают ужасающую глупость со стороны немецких командующих и штабов. Когда они имели свободу действий, то слишком часто проявляли свои способности, и я не могу поверить, что нежелание отвести войска с оголенных позиций мотивировалось военной

необходимостью, это были, скорее, действия, основанные на интуиции Гитлера.

В течение первых двух актов драмы перед Рейном, длившейся в течение месяца, я просил группу армий Деверса в основном ограничиться оборонительными действиями после ликвидации "кольмарского мешка". Между тем мы резко усилили его американскую 7-ю армию -под командованием генерала Патча, доведя ее состав до четырнадцати дивизий, без одной французской и алжирской 3-й дивизий. Таким образом, сцена для третьего акта была подготовлена.

Брэдли нацелился нанести удар по обращенной к нему вершине треугольника и его северной стороне; Деверс подготовился к действиям с южного направления.

План предусматривал предпринять силами американской 7-й армии мощное наступление в направлении на Вормс. Она должна была прорвать "линию Зигфрида" и захватить плацдарм на восточном берегу Рейна. Брэдли должен был наступать через нижнее течение Мозеля, чтобы выйти в тылы немецких войск, обращенных фронтом к 7-й армии. Таким образом мы надеялись посредством наступления по сходящимся направлениям отрезать немецким войскам пути отхода к Рейну и не допустить их отступления за реку. В то время как эти два удара будут наноситься у основания треугольника, 3-я армия своим правым флангом нанесет удар по его вершине.

Наступление началось 15 марта. На южном и западном направлениях наши войска встретили упорное сопротивление противника, обосновавшегося на укрепленных оборонительных позициях, но тем не менее успешно продвигались. Немцы все внимание сосредоточили на этих двух направлениях. Это позволило 12-у корпусу исключительно успешно осуществить наступление на северной стороне треугольника в долине реки Мозель. 14 марта корпус начал форсирование Мозеля и не встретил серьезного организованного сопротивления. Возможно, это объясняется тем, что немцы ожидали наступления 12-го корпуса в северном направлении вниз по Рейну, чтобы соединиться с союзными войсками на восточном берегу у ремагенского плацдарма. Во всяком случае, для немцев было полной неожиданностью наступление этого корпуса в строго южном направлении, и наступавшие войска нанесли глубокий удар по центру обороны Саара.

Положение противника быстро становилось безнадежным. По всему периметру выступа американцы наносили удары и шли вперед, в то время как 12-й корпус генерала Эдди прочно заблокировал почти все пути отхода на восток. Паттон даже не

сделал паузы, когда его войска достигли Рейна, и бросил 5-ю дивизию под командованием генерала Стаффорда Ирвина на форсирование реки без каких-либо предварительных приготовлений. Дивизия понесла совершенно несущественные потери для такого рода операции и 23 марта прочно закрепилась на этом, уже втором, плацдарме союзников.

Ликвидация разрозненных групп была быстро завершена, и к 25 марта всякое организованное сопротивление к западу от Рейна прекратилось.

Все эти операции проводились теперь уже по знакомой нам схеме взаимодействия между наземными войсками и ВВС. Наша мощная авиация на широком фронте и на большую глубину наносила удары по многочисленным важным целям, почти парализуя любые маневры противника и уничтожая огромное количество крайне важных для него оружия и боевой техники. Если погода и не идеальна для проведения воздушных операций, то она никогда не была настолько плохой, чтобы полностью приковать авиацию к земле.

В день рождения Вашингтона военно-воздушные силы союзников предприняли операцию в таких огромных масштабах, что она явилась почти уникальной даже для тех районов боевых действий, где число самолетовылетов в день превышало 10 тыс. Эта операция под названием "Кларион" имела целью нанесение единого мощного удара по транспортной системе Германии; объекты для ударов были выбраны таким образом, чтобы причинить максимальный урон врагу. Девять тысяч самолетов, поднявшихся с аэродромов Англии, Франции, Италии, Бельгии и Голландии, участвовали в этом воздушном налете; объекты бомбардировки находились почти во всех критически важных районах Германии. Противник реагировал слабо: его авиация была, очевидно, не в состоянии эффективно противодействовать самолетам союзников. Эта наиболее продуманная и успешная операция явилась одной из вех в длительной воздушной кампании по подрыву способности Германии вести войну.

Одной из заметных особенностей кампании в конце зимы явилось исключительное совпадение хода событий с разработанными планами. Обычно в крупной операции с привлечением к ней такого количества войск, осуществляемой на столь большом фронте, контрдействия противника и непредвиденные обстоятельства вынуждают постоянно вносить в планы поправки. Данная кампания в этом отношении явилась исключением. Точное совпадение хода событий с планами объяснялось, во-первых, огромной воздушной и наземной мощью союзников; во-вторых, возросшим мастерством как войск, так и

командиров взводов, батальонов и дивизий; в-третьих, усиливавшимся унынием и неразберихой в рядах оборонявшихся. Гитлер частично заплатил за сражение в Арденнах ценой сокрушительных поражений, которые он потерпел в феврале и марте 1945 года.

Войска направлялись в бой с приказом захватить плацдарм на восточном берегу Рейна при появлении малейшей возможности. Все были предупреждены, что не исключается, хотя и маловероятна, возможность захватить исправный мост через Рейн. Наша большая удача у Рема-гена ускорила приближение краха Германии, но не имела никакого реального воздействия на бои, которые тогда проходили к западу от этой реки.

Одно небольшое изменение в планах произошло во время боев в Сааре. Разграничительная линия между группами армий Брэдли и Деверса проходила прямо через поле сражения. Это было сделано преднамеренно, чтобы дать возможность 7-й и 3-й армиям использовать всю силу наступления по сходящимся направлениям на этот укрепленный район. Когда развернулось сражение, у 3-й армии Паттона появилась возможность овладеть объектами, находящимися в полосе действий 7-й армии Патча, которые Деверс считал невозможным захватить. В этот момент я оказался там и на месте дал указание внести соответствующие изменения в разграничительную линию, особо отметив необходимость обеспечения тесной связи между армиями в этом вопросе. Незначительность этого небольшого изменения иллюстрирует точность, с какой штабы предопределяли вероятность хода событий.

Во время этой месячной кампании число пленных в среднем достигало 10 тыс. в день. Это означало, что двадцать полнокровных дивизий были изъяты из немецкой армии, не говоря уже об обычных потерях убитыми и ранеными. Противник понес большие потери в боевой технике и снаряжении, потерял важные промышленные районы с источниками сырья.

К этому времени у нас уже имелась административно-тыловая служба, способная справиться с таким количеством военнопленных, и эти пленные только временно становились помехой войскам при маневре или в наступлении. Мы прошли большой путь с того времени, когда в Тунисе неожиданное пленение 275 тыс. солдат и офицеров войск держав "оси" вынудило меня довольно горестно заметить двум моим оперативным офицерам Руксу и Невису: "Почему какой-нибудь штабной колледж никогда не объяснил нам, как поступать с четвертью миллиона военнопленных, которых невозможно вывезти по железной дороге и которых так трудно охранять и

кормить?"

К 24 марта на ремагенском плацдарме находилась американская армия из трех корпусов полного состава, готовых нанести удар в любом направлении. Далее к югу 3-я армия успешно форсировала Рейн, и теперь в этом районе не было такой силы, которая могла бы воспрепятствовать созданию нами новых плацдармов почти по желанию.

Непосредственно к северу от ремагенского плацдарма проходила река Зиг, которая огибала рурский регион с юга. Обеспечение безопасности Рура было настолько важно для военной машины Германии, что противник поспешно собрал вдоль реки Зиг все силы, которые можно было выделить с других угрожаемых участков на западе, так как немцы решили, что мы нанесем удар прямо по Руру со стороны Ремагена.

В этой обстановке Гитлер вновь прибег к своей старой практике смены командующих: фон Рундштедт был отстранен от командования, и ему больше уже не пришлось участвовать в войне. Этот фельдмаршал, которого мы считали способнейшим из немецких генералов, командовал на западе, когда мы высадились в Нормандии в июне 1944 года. Оказавшись не в состоянии сбросить союзников обратно в море, как ему приказал Гитлер, он был снят через три недели после нашей высадки и заменен фон Клюге. Однако последний добился не больше, чем его предшественник, и Гитлер вновь решил произвести изменения в командовании. Он снова вернул фон Рундштедта к руководству войсками на западе. В то время мы понимали, что непосредственным поводом для этой второй перестановки в руководстве явилось убеждение, что фон Клюге участвовал в заговоре 20 июля против Гитлера.

Теперь Гитлер решил доставить сюда из Италии фельдмаршала Кессельринга.

Глава 20. Наступление и окружение

В то время когда Монтгомери на севере вел первые февральские и мартовские бои по уничтожению немецких войск к западу от Рейна, со Средиземноморского театра военных действий началась переброска дополнительных канадских и английских войск для 21-й группы армий. Операция под кодовым наименованием "Голдфлейк" предусматривала переброску сюда одного канадского корпуса из Италии и одной английской дивизии с Ближнего Востока. Значительная часть этих войск была высажена в Марселе и по линиям коммуникаций союзников добралась до места назначения на левом фланге нашего фронта. Эта трудная переброска войск была проведена штабами умело. Таким образом, когда Брэдли и Деверс наносили удары, в итоге

которых был очищен от противника западный берег Рейна, Монтгомери на севере мог рассчитывать на скорое прибытие пополнений ко времени завершения им приготовлений к форсированию Рейна.

Монтгомери всегда оставался мастером методической подготовки войск к поэтапному наступлению. В данном случае он провел самые тщательные приготовления, так как нам было известно, что как раз севернее Рура противник держал лучшие из оставшихся у него войск, в том числе части 1-й парашютно-десантной армии.

Удар планировалось нанести четырьмя дивизиями - двумя из состава 21-й группы армий и двумя из приданной этой группе американской 9-й армии. Наступление этих дивизий поддерживали высаживающиеся в тылу противника американская 17-я и английская 6-я воздушно-десантные дивизии. Обычно воздушно-десантные войска вводились в боевые действия перед началом наступления наземных войск таким образом, чтобы добиться максимальной внезапности и вызвать неразбериху среди обороняющихся сил. В данном случае Монтгомери планировал обратный порядок. Он решил форсировать реку под прикрытием ночной темноты, а на следующее утро высадить воздушные десанты. Было также обычным выбрасывать воздушно-десантные войска на значительную глубину в тыл противника, где они, как считалось, встретят слабое противодействие, а это даст им время собраться и начать решительные действия по уничтожению штабов, блокированию переброски резервов и созданию общей паники. Однако в этой операции планировалось высадить две дивизии на такую глубину от переднего края противника, чтобы они не оказались под огнем нашей собственной артиллерии. С этих позиций десантники должны были начать разрушение вражеской системы артиллерийского огня, а затем непосредственно участвовать в общем сражении. Были тщательно разработаны меры по дымовой маскировке форсирования реки, а также сосредоточено большое количество артиллерии для огневой поддержки переправы. Река Рейн представляла собой грозное препятствие, особенно на ее северном участке. Она была широкой и коварной, и даже уровень воды в ней и скорость течения противник мог изменить, открыв плотины впадающих в нее восточных притоков. Были подготовлены специальные разведывательные группы и группы оповещения на случай возникновения такой угрозы. Форсирование этого труднейшего препятствия напоминало бой за высадку десанта, только здесь войска шли в атаку с одного берега реки на другой, а не с борта корабля.

Изучив условия, мы пришли к выводу, что участие в операции военно-морских сил просто необходимо. Нам нужны были суда довольно крупных размеров для переброски через реку танков и пехоты первого эшелона, поэтому флот начал переброску на фронт десантных катеров для перевозки боевой техники, катеров для перевозки пехоты и автотранспортных средств. Часть из них была доставлена водным путем, однако многие из них пришлось перебрасывать по дорогам Северной Европы. Для этой цели были построены специальные прицепы, и эти суда, некоторые до 45 футов длиной и 14 футов шириной, были успешно доставлены по суше для участия в наступлении.

Штатную численность 21-й группы армий в момент начала наступления составляли 15 дивизий. С двумя воздушно-десантными дивизиями и 9-й армией Симпсона в оперативном подчинении Монтгомери находилось 29 дивизий и 7 отдельных бригад. Однако не все из них могли быть сразу введены в наступление в восточном направлении, поскольку Монтгомери нужно было прикрывать левый фланг, вытянувшийся в западном направлении по Рейну до Северного моря. Дополнительные войска Британской империи со Средиземноморского театра военных действий находились в пути, чтобы присоединиться и нему.

Атаке, назначенной в ночь на 24 марта, предшествовала мощная артиллерийская подготовка. На фронте двух американских дивизий в артиллерийской подготовке участвовало до двух тысяч орудий различных калибров. Мы с генералом Симпсоном нашли удобное место на колокольне одной старой церкви, чтобы оттуда наблюдать за артиллерийской подготовкой. Поскольку батареи разместились на ровной местности западного берега Рейна, то можно было видеть вспышку каждого выстрела. Стоял непрерывный грохот. Между тем штурмовые подразделения пехоты подходили к кромке берега, чтобы погрузиться на катера. Мы разговаривали с некоторыми из людей и нашли настроение войск бодрым и решительным. Для поднятия боевого духа ничто не может быть лучше серии крупных последовательных побед. Тем не менее я заметил одного молодого солдата, который, казалось, был в подавленном состоянии и молчал.

"Как ты себя чувствуешь, сынок?" - спросил я.

"Генерал, - ответил он, - я ужасно нервничаю. Два месяца назад я был ранен и только вчера вернулся из госпиталя. Я чувствую себя не особенно хорошо".

"Ну что ж, - сказал я, - тогда мы с тобой составляем хорошую пару, ведь я тоже нервничаю. Но мы готовили это наступление долгое время, мы подучили все самолеты, орудия и воздушно-

десантные войска, которые можем попользовать, чтобы разгромить немцев. Может быть, если мы просто вместе пройдемся до берега реки, то это будет хорошо для каждого из нас".

"О нет, генерал, - сказал он, - я имел в виду, что был нервозен; больше я уже не нервничаю. Мне кажется, что здесь не так уж плохо".

Я его отлично понял.

Наши приготовления к форсированию Рейна севернее Рура проводились настолько неторопливо и основательно, что противнику не стоило особого труда понять их значение. Мы рассчитывали на упорное сопротивление, поскольку могли надеяться на внезапность только в смысле выбора времени и силы удара. В частности, мы думали, что противник будет иметь большое число орудий и попытается остановить наши войска у кромки воды с помощью артиллерийского огня.

Однако такого сопротивления мы не встретили. Потери в 30-й и 79-й американских дивизиях, осуществлявших атаку на фронте 9-й армии, составили всего 31 человек за время фактической переправы. Дивизии находились в составе 16-го корпуса генерала Андерсона.

В течение остальной части ночи мы получили серию обнадеживающих донесений. Повсюду высадка прошла с полным успехом. У нас появилась надежда, что мы сумеем очень быстро продвинуться в восточном направлении на такую глубину, что дороги, ведущие к Руру, будут перерезаны.

С наступлением дня мы направились на удобную возвышенность, чтобы оттуда наблюдать за подходом воздушно-десантных частей, выброска которых должна была начаться в десять часов. Воздушно-десантные войска доставлялись к месту десантирования на 1572 самолетах и 1326 планерах, в полете их сопровождали 889 истребителей, а 2153 других истребителя обеспечивали прикрытие войск в районе форсирования, образуя защитную преграду с восточной стороны.

Туман и дым над полем боя ограничивали возможности наблюдения за десантированием с воздуха, но кое-что все же было видно. Огнем зенитной артиллерии несколько самолетов было подбито, но в основном после того, как они уже выбросили парашютистов. Когда самолеты разворачивались и уходили из района высадки, они, вероятно, оказывались в зоне наиболее сильного и точного зенитного огня. Подбитые самолеты все же дотягивали до расположения своих войск, где и падали на землю, а экипажам в большинстве случаев удавалось спастись с парашютами. Даже при этом наши потери в самолетах оказались

меньше, чем мы ожидали. Операция "Варсити" (кодовое название воздушно-десантной фазы наступления) была наиболее успешной за всю войну воздушно-десантной операцией.

Утром я встретился с премьер-министром и фельдмаршалом Бруком. Черчилль всегда находил возможность оказаться поблизости от места событий, когда собирались проводить какую-либо особо важную операцию. В то утро Черчилль был доволен, как и все мы. Он то и дело повторял: "Мой дорогой генерал, немец разбит. Мы его доконали. С ним покончено". Премьер-министр просто говорил вслух то, о чем мы думали и чем делились друг с другом. Именно в это утро фельдмаршал Брук также выразил свое огромное удовлетворение тем, что февральско-мартовские операции были осуществлены так, как их планировал штаб верховного командования союзных экспедиционных сил.

Около полудня 24 марта мне нужно было срочно выехать в штаб генерала Брэдли, чтобы обсудить с ним некоторые важные вопросы по операциям 12-й группы армий. Когда я выехал из района десантирования, премьер-министр уговорил одного командира на месте переправить его на противоположный берег Рейна на одном из катеров для перевозки танков. Ему, несомненно, доставило огромное удовлетворение самому ступить на восточный берег традиционного барьера Германии. Возможно, что этим он символически хотел подчеркнуть окончательное поражение врага, который пять лет назад прижал Англию к стене. Однако будь я на месте, премьер-министру не было бы разрешено пересечь Рейн в тот день.

Как стало обычным у нас, военно-воздушные силы приняли самое активное участие в наступлении. В течение нескольких дней, предшествовавших 23 марта, мы подвергали непрерывной бомбардировке широкий круг объектов и целей в районе будущего форсирования Рейна. Главными среди них были аэродромы, причем особое внимание уделялось тем, с которых, по нашему мнению, могли взлететь немецкие реактивные самолеты. Начиная с 21 марта мы постоянно бомбили именно такие аэродромы. Взлетно-посадочные полосы оказались в воронках от разрывов бомб, а самолеты уничтожались прямо на земле. Эти действия носили решительный характер: в день атаки союзная авиация совершила около 8 тыс. самолетовылетов и встретила в воздухе в общей сложности не менее 100 вражеских самолетов. В течение всего этого периода стояла отличная погода, видимость для действий авиации была превосходной.

24 марта мы также осуществили ряд отвлекающих воздушных операций, чтобы предотвратить сосредоточение противником

истребителей в районе нашего наступления. 150 бомбардировщиков из 15-й воздушной армии, находившейся в Италии, совершили налет на Берлин, пролетев для этого полторы тысячи миль. Другая группа бомбардировщиков, поднявшись тоже с аэродрома в Италии, подвергла бомбардировке вражеские аэродромы на юге Германии. Задолго до этого наступления английское бомбардировочное командование, первоначально занимавшееся только ночными бомбардировками, также начало регулярно участвовать в дневных налетах. Под прикрытием нашей армады истребителей оно могло безопасно действовать в дневное время, и это резко повысило точность бомбовых ударов. 24 марта бомбардировщики этого объединения появились над районом нашего наступления, чтобы нанести удары по железнодорожным узлам и топливным объектам в Руре и прилегающих к нему районах.

Операция 24 марта решила судьбу Германии. Мы уже имели два плацдарма южнее нынешнего района наступления. Однако в каждом случае при захвате этих плацдармов нам сопутствовали внезапность и счастливая случайность. Нынешняя операция на севере проводилась в условиях максимального противодействия, какое противник мог оказывать повсюду на рубеже вдоль реки. Более того, эта операция проводилась у самой границы Рура, и в результате успешной высадки на восточном берегу Рейна наши войска вышли на удобные позиции, чтобы лишить противника возможности использовать значительную часть этого огромного индустриального комплекса.

Между тем несколько южнее события развертывались тоже стремительно. Первой задачей Брэдли был захват прочного плацдарма в районе Франкфурта, чтобы оттуда можно было предпринять наступление крупными силами в направлении на Кассель. У Касселя мы рассчитывали встретиться с войсками Монтгомери, наступавшими севернее Рура, и тем самым завершить окружение всего этого района.

С того момента, как генерал Паттон в ночь на 22 марта перебросил через Рейн американскую 5-ю дивизию, он упорно расширял, захваченный плацдарм. К вечеру 24 марта размеры плацдарма составляли 9 миль в длину и 6 миль в глубину, а продвигавшиеся части захватили 19 тыс. пленных. Теперь уже на восточном берегу находился весь 12-й корпус, а его 4-я бронетанковая дивизия неслась вперед в бешеном темпе и 25 марта захватила в исправном состоянии мост через реку Майн у Ашаффенбурга.

Плацдарм у Ремагена со времени его захвата продолжал расширяться, несмотря на повторявшиеся атаки противника,

предпринимаемые небольшими силами. Генерал Ходжес бросил в этот район 3-й, 5-й и 7-й корпуса. К вечеру 26 марта немецкие части, находившиеся к северу от этого плацдарма, были оттеснены за реку Зиг, где их ожидала крупная атака с нашей стороны. Однако немцам было суждено в районе Ремагена получить еще один сюрприз. Как только американские войска прочно закрепились на ремагенском плацдарме, Брэдли и я приступили к разработке планов с целью извлечения максимальной выгоды из сложившейся здесь обстановки. На фронте 12-й группы армий Брэдли мы собирались осуществить наши основные переправы там, где Паттон захватил плацдармы, поскольку это был наиболее подходящий район, откуда можно было начать мощное наступление с целью окружения Рура. Из района Ремагена мы, конечно, могли повернуть 1-ю армию на север и северо-восток, чтобы нанести прямой удар по Руру. Но это потребовало бы проведения фронтальной атаки через реку Зиг и не привело бы к крупному и полному окружению этого района, что составляло существенную особенность нашего основного плана. Поэтому мы с Брэдли решили направить войска с ремагенского плацдарма на юго-восток, чтобы они соединились у Гисена с наступавшими войсками Паттона. Таким образом, все войска Брэдли оказались бы сосредоточенными на решении этой задачи, и мы были уверены, что в этих условиях верный и быстрый успех последующей операции был бы обеспечен.

26 марта началось наступление из района ремагенского плацдарма, 5-й корпус, теперь уже под командованием генерал-майора Клеранса Хюбнера, быстро продвигаясь на юг, захватил Лимбург. Эти мощные удары Ходжеса и Паттона по сходящимся направлениям завершили деморализацию противника в этом регионе.

8-й корпус Миддлтона, входивший в состав 3-й армии, все еще располагался к западу от Рейна, растянувшись вдоль реки севернее Браубаха, где из-за обрывистых берегов форсирование Рейна в условиях противодействия со стороны немцев казалось почти невозможным. Тем не менее корпус предпринял попытку форсировать реку, и, несмотря на острую и решительную реакцию противника в начале форсирования, попытка завершилась успехом. Корпус получил, таким образом, возможность идти на прямое соединение с нашими наступавшими войсками. К 29 марта Франкфурт был очищен от противника, а головные бронетанковые колонны неслись вперед по направлению к Касселю.

Еще южнее к наступлению присоединилась 7-я армия Патча. Пока эта армия была занята в операциях в Сааре, оборона

противника по линии Рейна в этом районе считалась достаточно сильной, и для обеспечения успеха форсирования реки необходимо было выделить дополнительно воздушно-десантные войска. Для этой цели американской 13-й воздушно-десантной дивизии было дано указание подготовить соответствующий план действий. Однако после краха в Сааре в стане противника началась такая неразбериха, что использование воздушно-десантной дивизии для обеспечения успеха переправы через Рейн было сочтено излишним, 15-й корпус генерала Хейслипа, входивший в состав 7-й армии, форсировал Рейн возле Вормса 26 марта. Противник оказал упорное сопротивление, но оно было быстро подавлено, и 27 марта корпус полностью переправился на противоположный берег. 7-я армия немедленно перешла в наступление и после соединения с частями 3-й армии продолжала наступление на Мангейм. Последняя переправа через Рейн в условиях противодействия со стороны немцев была осуществлена 1 апреля французской армией возле Филинсбурга. Оттуда французы должны были наступать в направлении на Штутгарт и очистить от противника восточный берег Рейна до самой границы со Швейцарией.

Теперь у нас имелись переправы через Рейн на всех основных направлениях, выбранных нами для наступления на центр Германии. Легкость, с которой были наведены эти переправы, и небольшие потери, понесенные нами в ходе форсирования Рейна, резко отличались от того, что произошло бы, если бы немцы в ходе зимней кампании отошли на противоположный берег и заняли стойкую оборону. Рейн представлял собой грозное препятствие, а местность по всему правому берегу позволяла создать сильную оборону. Фронтальные атаки против немецкой армии, даже учитывая сокращение ее численности и ослабление боеспособности в начале 1945 года, оказались бы для нас тяжелым и дорогостоящим делом.

Здесь нам во многом помог сам Гитлер. Несомненно, если бы его генеральный штаб имел свободу действий в проведении боевых операций, то он предвидел бы возможность катастрофы к западу от Рейна и отвел бы назад оборонявшиеся там войска, вероятно, не позднее января. К тому времени стал совершенно очевидным провал наступления в Арденнах, и участвовавшие в нем немецкие армии отходили назад под ударами войск западных союзников. Более того, 12 января русские начали крупное наступление, которое должно было привести их от Вислы к Одеру, на рубежи в тридцати милях от Берлина.

В военном смысле самым разумным шагом для немцев в этот момент была бы капитуляция. Положение Германии оказалось

безнадежным, и если она уже ничего не выигрывала на политическом фронте, то могла предотвратить потери многих тысяч на полях сражений и избежать дальнейшего разрушения своих городов и промышленности.

До тех пор пока немцы находили нужным продолжать сражаться, возможно, в отчаянной надежде, что союзники поссорятся между собой и по этой причине не сумеют завершить разгром Германии, они должны были немедленно перейти на западе к обороне, заняв для этого самый мощный оборонительный рубеж по Рейну, и собрать все, что было возможно, для создания главного резерва. Даже эти меры не могли сулить немцам надежду на успех по той простой причине, что наши мощные военно-воздушные силы теперь каждый день сметали с лица земли ресурсы противника почти в фантастических масштабах. Но это был единственный путь решения, позволявший немцам продлить боевые действия, а теперь стало ясно, что уже нет никакого смысла продолжать войну. Даже у Гитлера, сколь ни фанатичен он был, наверное, бывали моменты просветления, когда он не мог не понимать, что уже ясен финал. Он дописывал эпилог драмы, которая по своей трагичности далеко превзойдет все то, что его любимый Вагнер представлял себе когда-либо.

Что касается союзников, то обстановка несколько напоминала ту, какая сложилась после прорыва в Нормандии восемь месяцев назад. Имелись, однако, существенные различия. Теперь у нас были сухопутные и авиационные силы, способные сломить любое сопротивление, какое могли встретить на своем пути, и вдали не маячила никакая "линия Зигфрида", на которой противник мог прочно закрепиться. Куда более важное значение для нас имел тот факт, что мы располагали мощной службой тыла. Непосредственно к западу от Рейна находились крупные запасы предметов материально-боевого обеспечения и боевого оснащения. Тут же были и войска обслуживания, столь необходимые для снабжения быстро продвигавшихся армий. Перейдя Рейн, мы тут же навели через него наплавные мосты, а вскоре они были дополнены и мостами для пропуска железнодорожных составов. Первый такой мост был наведен у Везеля на одном из самых широких, северном, участков реки. Там американские саперы построили мост, по которому прошел первый товарный поезд менее чем через одиннадцать дней после захвата этого района.

С повсеместным форсированием Рейна нашими войсками, с преодолением "линии Зигфрида", где немцы потеряли столь значительные силы, была завершена вторая большая фаза нашей

весенней кампании. Теперь нужно было рассмотреть сложившуюся обстановку и определить дальнейшие действия наших войск, чтобы осуществить третью фазу - окончательный разгром немецкой военной мощи и занятие территории Германии.

Первым шагом этой фазы оставалось окружение Рура. Эта операция всегда составляла важную часть наших планов, и в сложившихся условиях не было ничего, что говорило бы о какой-либо целесообразности отказа от этой задачи. Наоборот, теперь стало очевидным, что этот двойной охват не только окончательно и полностью отрежет промышленный Рур от остальной Германии, но и приведет к уничтожению одной из главных группировок, все еще остававшихся у противника.

Когда в первые дни марта противнику не удалось уничтожить наш плацдарм возле Ремагена, он начал спешно создавать южные оборонительные рубежи Рура вдоль реки Зиг. Точно так же, когда Монтгомери форсировал Рейн на северном участке 24 марта, немцы поспешно начали создавать линию обороны вдоль северной границы рурского региона. Поэтому в результате двойного охвата обороняющиеся войска на этих рубежах оказались бы в окружении, на центральном участке был бы осуществлен широкий прорыв и дорога на восток была бы открыта.

Мне уже стало известно о решении союзников после прекращения боевых действий разделить Германию на оккупационные зоны. Англичанам и американцам отводилась территория к западу от линии, начинающейся на севере, возле Любека, у восточной стороны основания полуострова Ютландия, идущей в основном в южном направлении к городу Эйзенах и дальше на юг до австрийской границы.

Это будущее разделение Германии не влияло на наши военные планы окончательного разгрома противника, которые, как я считал, должны разрабатываться с единственной целью скорейшего достижения победы; позднее войска нескольких союзных держав могут быть отведены в свои зоны оккупации.

Естественной целью за пределами Рура являлся Берлин - символ остававшейся немецкой мощи. Его взятие было важно как психологически, так и политически. Но, на мой взгляд, он не являлся ни логичной, ни наиболее желанной целью для войск западных союзников.

Когда в последнюю неделю марта мы стояли на Рейне, до Берлина оставалось триста миль. На пути к нему, в двухстах милях от нашего фронта, лежала река Эльба, служившая значительным естественным препятствием.

Русские войска прочно закрепились на Одере, захватив плацдарм на западном берегу этой реки, всего в тридцати милях от Берлина. Возможности наших тыловых служб по обеспечению войск, в том числе способность доставки на фронт до 2 тыс. тонн грузов ежедневно средствами транспортной авиации, позволяли обеспечивать продвигавшиеся головные колонны через Германию. Но если бы мы задумали бросить достаточную группировку, чтобы форсировать Эльбу с единственной целью овладеть Берлином, то возникли бы следующие осложнения. Первое: по всей вероятности, русские окружили бы Берлин задолго до того, как мы подойдем туда. Второе: снабжение крупной группировки на таком расстоянии от основных баз снабжения, расположенных к западу от Рейна, привело бы к практическому отключению войск от боевых действий на всех остальных участках фронта. Идти на такое решение я считал более чем неразумным: оно было просто глупым решением. Помимо окружения Рура нужно было срочно решить еще несколько крупных задач.

Было целесообразно быстро продвигаться вперед частью сил через Германию на соединение с советскими войсками, тем самым разделить страну на части и фактически исключить всякую возможность для немцев действовать как единое целое. Было также важно как можно скорее захватить город Любек. Тем самым мы отрезали бы все немецкие войска, остававшиеся на полуострове Ютландия и в Норвегии. В итоге такого наступления мы получили бы также северные порты в Германии, овладев либо Бременом, либо Гамбургом, либо обоими городами. Это существенно уменьшило бы растянутость наших линий коммуникаций.

Не менее важно было пробиться в регион так называемого "национального редута" и разгромить там противника. В течение многих недель мы получали донесения о том, что в крайнем случае нацисты намеревались отвести отборные части СС, гестапо и других фанатически преданных Гитлеру организаций в горные районы Южной Баварии, Западной Австрии и Северной Италии, заблокировать труднопроходимые горные перевалы и не дать союзникам проникнуть туда. Такой оплот нацистов можно было бы уничтожить, взять хотя бы измором, если не иными средствами. Но если немцам позволить создать такой редут, они, возможно, вынудят нас втянуться в длительную и изнуряющую кампанию наподобие партизанской войны или дорогостоящей осады. Тем самым они поддерживали бы безрассудную надежду, что союзники поссорятся между собой и тогда Германия сумеет выторговать для себя более благоприятные условия, чем безоговорочная капитуляция. Имелись явные доказательства, что

нацисты намерены предпринять такую попытку, и я решил лишить их возможности ее осуществления.

У нацистов имелась и другая идея, противоположная созданию оплота в горах, - создание подпольной армии, которой они дали название "вервольф" ("оборотни"). Задачей такой организации, состоявшей только из преданных последователей Гитлера, были убийства и террор. В эту тайную организацию собирались вовлечь парней и девушек, а также взрослых людей в надежде, что они наведут такой ужас в сельских районах и вызовут такие затруднения для оккупационных властей, что те сочтут за благо покинуть Германию.

Единственный способ сорвать такие замыслы, для осуществления которых всегда имелась возможность в силу исключительной преданности фюреру столь многих молодых немцев, - это занять войсками всю территорию страны до того, как будет создана подобная организация.

Исходя из этих соображений, я решил, что, как только 12-я и 21-я группы армий осуществят полное окружение Рура, наш план следующих крупных наступательных операций будет состоять из трех основных частей.

Первой частью предусматривалось мощное наступление войск 12-й группы армий Брэдли прямо через Центральную Германию. Двигаясь этим маршрутом, его армии пересекут центральное плато страны. Там им придется форсировать реки в их верхнем течении, где они не представляют столь серьезных препятствий, как на северной равнине Германии, поближе к морю. Для того чтобы Брэдли имел достаточные силы для непрерывного наступления через всю страну, американская 9 я армия должна быть возвращена под его оперативное командование. Кроме того, мы подготовили для группы армий Брэдли дополнительную, 15-ю армию под командованием генерала Джероу, которой предстояло выполнить две основные задачи: взять на себя вопросы военного управления в тылу наступающих войск и обеспечивать необходимые силы союзников на западном берегу напротив Рура, чтобы предотвратить возможные рейды немцев в этом районе на важные узлы наших путей снабжения к западу от реки. Кроме того, на генерала Джероу возлагалось руководство действиями американской 66-й дивизии, которая все еще держала в осаде немецкие гарнизоны в портах Бискайского залива Сен-Назере и Лорьяне, за многие сотни миль к западу от фронта.

Наступление 12-й группы армий в составе трех армий должно было начаться, как только немецкие войска в Руре окажутся не в состоянии воздействовать на линии коммуникаций наших войск.

Я не собирался ввязываться в ожесточенные, дом за домом, бои ради уничтожения окруженных в Руре войск противника. Это был густонаселенный район без существенных источников снабжения продовольствием. Голод в конечном счете мог вынудить их к капитуляции, и не было необходимости идти на большие потери среди личного состава союзных войск.

Вторую и третью части общего плана составляли быстрые наступательные операции на обоих наших флангах, после того как войска Брэдли встретятся с русскими где-то на Эльбе. В итоге наступления на севере будет отрезана Дания; на .юге мы должны будем войти в Австрию и занять горные районы к западу и югу от этой страны. Одновременно 6-я группа армий Деверса на юге и 21-я группа армий Монтгомери на левом фланге будут проводить наступательные операции в основном в целях поддержки действий войск генерала Брэдли на главном направлении, продвигаясь к своим конечным целям в такой мере, в какой это представится возможным.

В свою очередь, выполнив основную задачу на центральном участке фронта, генерал Брэдли будет действовать в интересах обеспечения поддержки Монтгомери на севере и генералу Деверсу - на юге, когда они перейдут в заключительное наступление, предусмотренное в планах.

Этот план в общих чертах был представлен генералиссимусу Сталину.

В соответствии с договоренностью, достигнутой в январе и утвержденной Объединенным англо-американским штабом, я считал, что действую исключительно в рамках предоставленных мне прав и полномочий, сообщая этот план генералиссимусу. Однако очень скоро выяснилось, что премьер-министр серьезно возражает против моих действий такого рода. Он не соглашался с моим планом и считал, что, поскольку кампания теперь приближалась к завершению, действия войск приобрели политическое значение, которое требует вмешательства политических лидеров в разработку широких операционных планов. Он, очевидно, полагал, что мое послание генералиссимусу явилось превышением моих полномочий связываться с Москвой только по чисто военным вопросам. Он был сильно огорчен и обеспокоен тем, что в плане не предусматривалось в первую очередь бросить вперед Монтгомери со всеми силами, которые я мог выделить ему из состава американских войск, в решительной попытке захватить Берлин, опередив русских. И он направил телеграмму в Вашингтон с изложением своей точки зрения.

Премьер-министр, конечно, знал, что независимо от

расстояния, на какое союзники смогут продвинуться в восточном направлении, он и президент Соединенных Штатов уже согласились с тем, что английская и американская зоны оккупации будут ограничены на востоке линией, проходящей в двухстах милях западнее Берлина. Следовательно, его упорное настаивание на использовании всех наших сил и средств в надежде опередить появление русских в Берлине, должно быть, основывалось на убеждении, что позднее западные союзники извлекут из этого обстоятельства огромные преимущества и смогут воздействовать на последующие события.

Я не мог знать, каковы были подлинные мотивы его возражений, однако эти возражения немедленно вызвали обмен серией радиограмм. Первой была радиограмма генерала Маршалла от 29 марта. В ней Маршалл информировал меня, что английский комитет начальников штабов обеспокоен как практикой, которую я установил в осуществлении связей с генералиссимусом, так и, как они назвали, моим изменением плана. Английский комитет начальников штабов информировал Маршалла, что наше главное наступление должно было проходить через равнины Северной Германии, так как тем самым мы открыли бы для себя немецкие порты на западе и на севере. Английские военные руководители указывали, что такое наступление в огромной степени сократило бы также размах подводной войны, и мы получили бы возможность двинуться в Данию, открыть транспортную артерию со Швецией и получить для использования в наших интересах шведские и норвежские суда общим водоизмещением почти 2 млн. тонн.

Получение мной такой депеши от Маршалла вдохновило меня на следующий ответ:

"От Эйзенхауэра Маршаллу, 30 марта. Откровенно говоря, обвинение, что я изменил планы, не имеет никакой фактической основы. Мы всегда придерживались плана, по которому основные усилия осуществлялись севернее Рура с целью изоляции этого важного района от остальной части Германии. Теперь, когда я могу предвидеть время сосредоточения наших сил в районе Касселя, я все же придерживаюсь своего старого плана, предусматривающего предпринятие оттуда одного основного наступления, рассчитанного на завершение, во взаимодействии с русскими, разгрома вооруженных сил противника. По моему плану порты и все другие объекты на северном побережье мы получим быстрее, чем при том распылении сил, на котором настаивается в послании Вильсона, адресованном вам".

После отправки этого предварительного донесения мы составили, чтобы информировать генерала Маршалла,

обстоятельное изложение существа нашего плана и передали в Вашингтон радиограмму:

"От Эйзенхауэра Маршаллу, 30 марта.

Это ответ на вашу радиограмму. Те же самые возражения, за исключением "процедурной" практики, которые содержались в той радиограмме, вчера вечером передал мне по телефону премьер-министр.

Я в полном неведении относительно того, что в "протестах" подразумевают под "процедурой". Я получил указания иметь непосредственную связь с русскими по вопросам военной координации. Нет никаких изменений в основной стратегии. Английский комитет начальников штабов прошлым летом протестовал против моего решения открыть франкфуртский маршрут, потому что, как говорили английские военные руководители, это будет тщетной попыткой и отвлечет силы от наступления на севере. Я всегда утверждал, что наступление на севере будет нашим главным направлением на той фазе наших операций, когда будет решаться вопрос об изоляции Рура, однако с самого начала, еще до высадки в Нормандии, мой план, разъясненный моим штабным и старшим офицерам, сводился к тому, чтобы соединить главные и второстепенные наступательные операции в районе Касселя и затем предпринять одно крупное наступление на восток.

Даже беглое рассмотрение решающего направления этого наступления, предпринимаемого после полного осуществления соединения наших войск в районе Кассе-ля, показывает, что основные усилия при сложившихся обстоятельствах следует направить в сторону района Лейпцига, где сосредоточена большая часть оставшегося у противника промышленного потенциала и куда, как полагают, эвакуируются немецкие министерства. Мой план не предусматривает привлечения английских и канадских войск Монтгомери для операций в южном направлении. Как вы видите, его правый фланг будет идти вперед вдоль общей линии Ганновер-Виттенберг. Просто следуя принципу, который всегда подчеркивал фельдмаршал Брук, я решил сосредоточиться на одном крупном наступлении, и единственное, чего требует мой план, это возвращения американской 9-й армии генералу Брэдли для осуществления той фазы операции, в которой предусматривается наступление в центре от Касселя к Лейпцигу, если, конечно, русские войска не будут встречены по эту сторону лейпцигского региона. Когда наши войска закрепятся на этих позициях, то, как ясно видно из плана, 9-я армия может быть вновь направлена на север, чтобы помочь английской и канадской армиям очистить от противника

все побережье к западу от Любека.

После того как будут обеспечены силы для этой операции, мы сможем предпринять наступление в юго-восточном направлении с целью предотвратить занятие нацистами горной цитадели.

Я тщательно рассмотрел военно-морские аспекты в этой ситуации и отчетливо вижу преимущества скорейшего овладения северной береговой линией. Именно по этой причине я поставил захват побережья следующей задачей после того, как в итоге основного наступления мы выйдем на решающую исходную позицию. Для открытия портов Бремена, Гамбурга и Киля потребуется провести боевые операции против Фризских островов и Гельголанда, а также большие работы по тралению мин. Все эти операции и операции в Дании и Норвегии составляют часть следующей фазы.

Я хотел бы отметить, что сам Берлин более не представляет особой важности. Его полезность для немцев в значительной мере подорвана, да и правительство собирается переехать в другое место. Что теперь важно - так это не распылять наши усилия, а собрать все силы для единственного наступления, которое приведет к более быстрому падению Берлина, освобождению Норвегии и приобретению большого тоннажа судов и шведских портов.

И еще я хотел бы отметить, что так называемый "хороший грунт" в Северной Германии на самом деле не является хорошим в это время года. Мало того, что этот район сильно пересечен водными путями, но и земля в этот период года очень пропитана влагой и не так благоприятна для передвижения, как на более высоких плато, по которым я собираюсь направить основное наступление.

Короче говоря, я намереваюсь как можно скорее совместно с русскими расчленить и разгромить немецкие силы путем нашего главного наступления из района Касселя прямо на восток к сердцевине того, что еще остается от немецкой индустриальной мощи, пока наши войска не достигнут района Лейпцига, включая захват этого города, если, конечно, русские наступающие войска не встретят нас западнее этого района. Вторым основным усилием в этом заключительном сражении будут действия войск Монтгомери по всему левому флангу, и как только войска Брэдли решат вышеуказанную задачу, мы повернем 9-ю армию влево, чтобы помочь Монтгомери очистить от противника весь район от Киля и Любека на запад.

После осуществления этих двух основных наступательных операций я направлю войска на юго-восток с целью попытаться соединиться с русскими в Дунайской долине и предотвратить

создание нацистского оплота в Южной Германии.

Естественно, что мои планы могут несколько измениться и я должен сохранить для себя свободу действий, чтобы отреагировать на события в условиях меняющейся обстановки. Максимальная гибкость будет обеспечена путем сосредоточения максимальных сил на центральном направлении".

Любопытно отметить, что вышеприведенная радиограмма в своей основе была составлена в моем штабе одним из моих английских помощников.

"От Маршалла Эйзенхауэру, 31 марта.

Английский комитет начальников штабов сегодня сообщил Объединенному англо-американскому штабу свою точку зрения на ваш план.

Они отрицают наличие у них какого-либо желания связать руки Верховному главнокомандующему на фронте, но перечисляют более широкие проблемы, выходящие за рамки сферы деятельности Верховного главнокомандующего союзных экспедиционных сил (подводная война, шведское торговое судоходство, политическое значение спасения от голода тысяч голландцев, важность наступления на Данию и освобождение Норвегии), и просят задержать передачу дальнейших деталей Дину (главе военной миссии в Москве), пока вы не получите на этот счет указаний от Объединенного англо-американского штаба.

Американский комитет начальников штабов сегодня ответил, по существу, следующее: процедура связи Верховного главнокомандующего с русскими явилась, как представляется, операционной необходимостью. Любые изменения в установившемся порядке связи должны быть сделаны самим Эйзенхауэром, а не Объединенным англо-американским штабом. Направление действий, изложенное в общих чертах в плане Верховного главнокомандующего, по-видимому, соответствует условиям согласованной стратегии и директиве Верховного главнокомандующего, особенно в свете нынешних событий. Эйзенхауэр развертывает за Рейном на севере максимальное число войск, какое может быть использовано. Второстепенное наступление на юге оказалось исключительно успешным, и развитие этого успеха происходит в той мере, в какой позволяют возможности служб обеспечения. Американский комитет начальников штабов уверен, что нынешний курс действий Верховного главнокомандующего обеспечит решение вопроса относительно портов и всех прочих проблем, упомянутых англичанами, быстрее и основательнее, чем курс действий, на котором они настаивают.

Сражение в Германии в настоящее время подошло к такому моменту, когда командующий на фронте должен сам определять, какие шаги следует предпринять. Преднамеренно уходить в сторону от использования слабостей противника не представляется разумным предложением. Единственной целью должна быть быстрая и полная победа. Признавая, что существуют проблемы, решение которых не является непосредственной заботой Верховного главнокомандующего, американский комитет начальников штабов считает его стратегическую концепцию здравой и полагает, что она должна получить полную поддержку. Он должен продолжать свободно связываться с Главнокомандующим Советской Армии".

Позднее, 7 апреля, я включил в мою заключительную по этому вопросу радиограмму генералу Маршаллу следующее:

"Послание, которое я направил Сталину, было чисто военным шагом, предпринятым в соответствии с моими полномочиями и указаниями Объединенного англо-американского штаба, полученными ранее. Откровенно говоря, мне даже в голову не пришло предварительно посоветоваться с Объединенным англо-американским штабом, так как я считал, что отвечаю за эффективность военных операций на этом театре военных действий и было естественно спросить у руководителя русских войск относительно направления и времени их следующего крупного наступления и изложить ему в общих чертах свои намерения.

В настоящее время мы задерживаем отправку депеши союзной миссии в Москве, целью которой является установление некоторых конкретных мер для взаимного опознавания самолетов и наземных войск, а также процедуры, которой следует придерживаться в случае, если наши войска встретятся с русскими в любой части Германии в условиях наступательных действий каждой из сторон. Исключительно важно, чтобы этот вопрос был быстро решен на практической основе".

Исходом всего этого обмена радиограммами явилось то, что мы продолжали действовать в соответствии с нашими планами. Я настолько глубоко был убежден в военной обоснованности того, что мы делали, что близкие мне сотрудники штаба знали о моей готовности идти на крайние средства, отстаивая наши планы.

В результате этого спора мы стали чувствовать себя несколько стесненными при вступлении в связь с генералиссимусом и проявляли осторожность, чтобы вся наша переписка ограничивалась строго тактическими вопросами. Сложившуюся обстановку в этом плане я не находил слишком серьезной, поскольку американский комитет начальников штабов

решительно подтвердил для меня свободу действий в осуществлении планов, которые, по моему мнению, приведут к скорейшему прекращению боевых действий.

Глава 21. Вторжение в Германию

Промышленное значение Рура для Германии было существенно ослаблено еще до того, как мы его окружили. Заводы этого района служили объектами многочисленных налетов бомбардировочной авиации, а в феврале 1945 года союзная авиация начала кампанию по уничтожению линий коммуникаций, связывавших Рур с центральной частью Германии. В этой кампании авиация добилась заметных успехов, и мы знали, что немцы испытывают большие трудности в транспортировке боеприпасов из Рура в армии, которые еще оставались на фронтах. В условиях, когда возникла угроза этому району с обеих сторон, а также ввиду резко ослабившейся его роли в общих военных усилиях страны казалось, что будет логичным, если немцы отведут оттуда все свои войска, чтобы использовать их для противодействия нашим продвигающимся колоннам. Немецкому генеральному штабу должно было быть ясно, что с окружением Рура будут потеряны не только многие промышленные предприятия, работавшие. для фронта, но и все те войска, которые могли быть собраны там для обороны. Тем не менее немцы вновь не сделали этого.

Войска под командованием Брэдли на юге и Монтгомери - на севере упорно продвигались с боями к намеченному месту встречи возле Касселя. Американская 9-я армия, наступавшая на правом фланге 21-й группы армий Монтгомери, встречала более упорное сопротивление, чем 1-я и 3-я армии, двигавшиеся из района Франкфурта. В результате наступавшие войска этих армий своим правым крылом вышли на восточную и северо-восточную окраины Рура, чтобы соединиться с колоннами 9-й армии Симпсона в районе Липштадта возле города Падерборн.

К 1 апреля, спустя ровно неделю после того, как 21-я группа армий форсировала Рейн в районе Везеля, наступавшие с севера и юга войска соединились, Рур был окружен, противник оказался в западне. Теперь немцы непрерывно терпели крупные поражения. Начиная с кровопролитного отражения безуспешного наступления противника в Арденнах, несшиеся лавиной войска союзников продолжали наносить ему поражения одно тяжелее другого, а потери приобрели ошеломляющие размеры. Не было ни малейшего смысла, ни логики в продолжении борьбы. На востоке и на западе, уже на территории собственно Германии, наступали мощные группировки союзных войск. Немцы почти полностью потеряли Рур, Саар, Силезию. Остатки

промышленности, рассредоточенной по всей центральной части Германии, уже не могли обеспечивать армии, все еще продолжавшие сражаться на фронтах. Система связи была так разрушена, что ни один нацистский руководитель не мог быть уверен, что его приказы дойдут до войск. В то время как во многих районах еще были войска, способные оказать ожесточенное и упорное сопротивление местного характера, только на левом и правом флангах огромного западного фронта еще имелись достаточно многочисленные армии, чтобы делать нечто большее, чем сдерживать продвижение союзников.

31 марта я обратился с воззванием к немецким войскам и населению, настаивая, чтобы солдаты и офицеры сдались, а мирные жители начали посевные работы. Я обрисовал безнадежность их положения и пояснил, что дальнейшее сопротивление только усилит их несчастье в будущем.

Мне хотелось скорее покончить с этой кровавой эпопеей. Однако Гитлер и его сообщники мертвой хваткой еще держали народ; гестапо и СС действовали столь эффективно, что страна продолжала сражаться.

Когда 12-я группа армий достигла района Касселя, у Брэдли возникло две проблемы. Первая заключалась в том, чтобы зажать оборонявшие Рур войска на небольшом пространстве, где их можно было сдерживать силами нескольких дивизий, обеспечивая безопасность своих собственных коммуникаций. Вторая сводилась к скорейшей перегруппировке трех армий для главного наступления через центральное плато Германии в направлении на Лейпциг.

Три армии первого эшелона 12-й группы армий располагались в таком порядке: на левом фланге - 9-я армия Симпсона, в центре - 1-я Ходжеса и на правом - 3-я Паттона. Всего в группе армий Брэдли было сорок восемь дивизий. Это была крупнейшая из американских группировок за всю нашу историю.

Немецкими войсками в "рурском котле" командовал фельдмаршал Модель. Сначала он попытался вырваться из окружения, предприняв наступление на севере, но потерпел поражение. Аналогичная попытка в южном направлении также закончилась неудачей. И теперь немецкому гарнизону в Руре не оставалось иного выхода, как сдаться. Войска Брэдли непрерывно сжимали окруженного противника, а 14 апреля в результате предпринятого американцами удара окруженная группировка была расчленена на две части. Спустя два дня восточная часть прекратила сопротивление. 18 апреля весь оставшийся гарнизон капитулировал. Сначала мы считали, что захватим в плен около 150 тыс. в Руре. Фактически же в плен попало 325 тыс., в том

числе 30 генералов. Мы разгромили двадцать одну дивизию и захватили огромное количество трофеев. Гитлер, должно быть, надеялся, что Рур будет столь же упорно обороняться, как и Брест, однако через восемнадцать дней после его окружения гарнизон сдался; число пленных оказалось еще больше, чем мы взяли на последнем этапе боев в Тунисе почти два года назад.

Между тем Брэдли быстро перегруппировал свои силы для наступления в восточном направлении. Ко времени капитуляции немцев в Руре некоторые головные части войск Брэдли достигли уже Эльбы в ста пятидесяти милях от Касселя. Войска Брэдли наступали широким фронтом. На юге 3-я армия наступала в направлении границ Чехословакии и города Хемниц. К 14 апреля она достигла этого района. Слева от армии Паттона 11 апреля перешла в наступление 1-я армия и быстро продвигалась вперед, встречая лишь неорганизованное сопротивление. 14 апреля 3-я бронетанковая дивизия из 7-го корпуса Коллинса достигла Дессау, практически выйдя к Эльбе. Этот корпус, начав свой боевой путь с высадки на нормандское побережье, вскоре захватил Шербур и затем с боями прошел по всей Северо-Западной Европе от французского побережья до реки Эльба.

День 12 апреля я провел с Джорджем Паттоном. Я увидел такие сцены и услышал такие рассказы, что этот день навсегда врезался мне в память. Утром мы побывали в некоторых корпусах и дивизиях армии, которые в типичной для действий Паттона манере неслись на восток, то тут, то там окружая и захватывая в плен изолированные группы разваливавшейся армии противника. Не было никакого общего фронта, или рубежа сопротивления, или каких-либо скоординированных действий с целью воспрепятствовать продвижению наших войск. Однако в некоторых местах вражеские группы упорно оборонялись, и мы в течение всего дня то и дело оказывались свидетелями спорадических стычек.

Армия генерала Паттона захватила район, где в одной глубокой соляной шахте были обнаружены сокровища, запрятанные туда нацистами. Наша группа спустилась в шахту на глубину почти полумили.

На дне лежали огромные кипы немецких бумажных денег, очевидно, сваленные здесь после отчаянных попыток вывезти их перед приходом американцев. В одном из туннелей находилось большое количество картин и других предметов искусства. Некоторые из них были завернуты в бумагу или мешковину, остальные уложены как листы фанеры.

В другом туннеле мы увидели склад золота, по оценке наших специалистов, общей стоимостью в 250 млн. долларов, в

основном в виде золотых слитков. Они находились в мешках, по два 25-фунтовых слитка в каждом. Здесь же мы обнаружили очень много чеканного золота из разных стран Европы, даже несколько миллионов золотых монет из Соединенных Штатов.

В чемоданах, ящиках и контейнерах были собраны изделия из золота и серебра, очевидно, награбленные из частных домов со всей Европы. Все изделия были сплющены ударом молотка, вероятно, для того, чтобы меньше занимали места, и затем просто сгружены в хранилище. По-видимому, для дальнейшей переплавки их в слитки.

К туннелю, где было запрятано золото, наше внимание привлекла прежде всего недавно построенная кирпичная стена, в центре которой имелась стальная дверь, как у сейфа самой современной конструкции. Она была настолько капитальной, что для ее разрушения потребовались бы мощные подрывные заряды. Однако один американский солдат, обследовавший кирпичную стену, окружавшую дверь, нашел, что эта стена вовсе не так прочна, как выглядит. Свое заключение он проверил шашкой тринитротолуола. В результате взрыва в стене образовалась огромная дыра, через которую взгляду представился склад драгоценностей. Мы не могли понять, почему немцы не попытались спрятать сокровища в потайном месте в лабиринте туннелей, а решили оградить их стеной, которую легко разрушить даже ломом. В таких условиях мы не видели никакого смысла в установке сложной стальной двери. Однако один американский солдат, сопровождавший нас, заметил: "Похоже, что немцы закрывают на замок двери в конюшню, а стен-то в ней фактически нет".

Любопытна версия, рассказанная Паттоном, согласно которой пришли к мысли проверить шахту. Возможно, что рано или поздно шахта все равно была бы тщательно обследована победителями. Но, как утверждал Паттон, только благодаря инстинктивной человеческой порядочности, проявленной двумя американцами, мы обнаружили это хранилище до того, как значительная часть сокровищ могла быть перепрятана в более надежное место. Эта версия такова.

В небольшом городке наступавшие американские войска ввели комендантский час. Любое гражданское лицо, появлявшееся на улице после наступления темноты, немедленно задерживалось и подвергалось допросу. Однажды вечером патруль на джипе заметил женщину, спешившую по дороге, и остановил ее для выяснения личности. Женщина протестовала, объясняла, что спешит, чтобы вызвать акушерку для соседки, у которой вот-вот начнутся роды. Американские солдаты на джипе

решили проверить слова этой женщины и, если она действительно говорила правду, помочь ей при необходимости. Они посадили женщину в джип, заехали за акушеркой и вернулись к роженице; все, что говорила немка, подтвердилось. Солдаты, желая помочь, довольно долго ждали на улице, чтобы развезти по домам акушерку и эту женщину. Когда машина проезжала мимо входа в одну из соляных шахт в этом районе, одна из женщин заметила: "Вот шахты, где хранится золото".

Это замечание возбудило любопытство солдат, и они стали расспрашивать женщину. Из ее слов поняли, что несколько недель назад сюда была доставлена большая партия грузов с востока для размещения в шахтах. Солдаты доложили об этом своим начальникам, те в свою очередь разыскали некоторых служащих немецкой администрации, связанной с шахтами. Таким образом сокровища попали в наши руки.

В тот же день я впервые увидел лагерь смерти, находившийся неподалеку от города Гота. Я никогда не был в состоянии описать свое эмоциональное напряжение в момент, когда я лицом к лицу встретился с неоспоримыми доказательствами жестокости нацистов и полного пренебрежения нормами человеческой морали. До сего момента я знал об этом только в общих чертах и из второстепенных источников. Но я уверен, что никогда в любое другое время я не испытывал такого шока, как в этом случае.

Я осмотрел каждый закоулок и каждую щель в лагере, так как считал своим долгом давать свидетельские показания об этих вещах в случае, если на родине появятся мнения или утверждения, что "рассказы о зверствах нацистов были просто пропагандой". Некоторые из нашей группы, посетившие лагерь, были не в состоянии выдержать до конца осмотр. Я же не только все осмотрел, но и, как только вечером вернулся в штаб Паттона, сразу же сообщил в Вашингтон и Лондон обо всех ужасах, настаивая перед обоими правительствами немедленно направить сюда группу редакторов газет и представителей национальных законодательных органов. Я считал, что эти доказательства должны быть немедленно доведены до американской и английской общественности, чтобы не оставалось никаких оснований для циничных сомнений.

День 12 апреля завершился известием, полным драматизма. Брэдли, Паттон и я допоздна засиделись за обсуждением планов на будущее. В частности, мы рассматривали вопросы о том, кого из офицеров и какие соединения выделить для переброски на Тихоокеанский театр военных действий. Незадолго до полуночи мы отправились спать: Брэдли и я - в небольшой домик штаба Паттона, а сам Паттон ушел в свой фургон. Его часы

остановились, и он включил радио, чтобы по Би-Би-Си уточнить время, и тут услышал сообщение о смерти президента Рузвельта. Он вернулся в наш домик, разбудил Брэдли, и затем оба вошли в мою комнату, чтобы сообщить это ошеломляющее известие мне.

Мы долго размышляли над тем, какое воздействие может оказать смерть президента на судьбы будущего мира. Мы были уверены, что не последует никакого вмешательства в темпы войны, поскольку уже кое-что знали о тех огромных силах, которые приведены в действие на Тихом океане для разгрома японцев. Нам, конечно, ничего не было известно о каких-либо особых шагах президента по послевоенному обеспечению мира. Но у нас были сомнения, что в Америке найдется какая-либо другая личность, столь компетентная в вопросах работы с другими политическими лидерами союзных держав. Никто из нас не знал президента достаточно близко; я встречался с ним чаще, чем другие, на различных совещаниях и конференциях, но нам казалось, с точки зрения международного положения, что время сейчас самое неудачное для вынужденной смены национальных лидеров. Мы легли спать, подавленные и огорченные. С некоторыми из политических акций президента Рузвельта я, вероятно, никогда не мог бы согласиться. Но я знал его только в роли лидера страны, находившейся в состоянии войны, и в этой роли, как мне казалось, он сделал все, что можно было ожидать от него.

В ходе наступления 1-й армии в горах Гарца оказались отрезанными более 15 тыс. солдат и офицеров противника. Они упорно оборонялись вплоть до 21 апреля. Местность в горах сильно пересеченная. В течение недели длились ожесточенные бои с целью ликвидировать окруженную группировку, а также отбить попытки других немецких частей высвободить окруженные в Гарце войска. Еще дальше, на севере, 9-я армия Симпсона продвигалась в тех же темпах, что и другие войска 12-й группы армий. К 6 апреля 9-я армия форсировала Везер, захватила плацдарм и после этого устремилась к Эльбе, которой она достигла чуть южнее Магдебурга 11 апреля. На следующий день 2-я бронетанковая дивизия этой армии захватила небольшой плацдарм на восточном берегу Эльбы, в десяти милях вниз по течению реки. Захват второго небольшого плацдарма частями 5-й бронетанковой дивизии 13-го корпуса к северу от Магдебурга был сорван противником, взорвавшим мост через реку. Казалось, противник на этом участке фронта готов отдать всю территорию к западу от Эльбы, но ожесточенно сопротивлялся любым попыткам форсировать реку. Немцы немедленно контратаковали плацдарм 2-й бронетанковой дивизии, который под давлением противника

был оставлен 14 апреля. Еще дальше, на юге, 83-я дивизия предприняла переправу через Эльбу.

Наш выход на Эльбу почти случайно совпал с мощным наступлением Красной Армии в западном направлении с занимаемых ею рубежей на Одере. Наступление велось в широкой полосе более чем в двести миль. Русские успешно наступали по всему фронту. На севере они продвигались в направлении Дании, их центральная группировка была нацелена на Берлин, а на юге они выходили в район Дрездена. 25 апреля разведывательные дозоры 69-й дивизии 5-го корпуса встретили на Эльбе подразделения 58-й гвардейской дивизии Красной Армии. Эта встреча состоялась у Торгау, приблизительно в семидесяти пяти милях южнее Берлина. 5-й корпус, как и 7-й, участвовал в первоначальной высадке на побережье Нормандии, и казалось исключительно справедливым, что войска одного из этих корпусов первыми установили контакт с Красной Армией и завершили расчленение Германии. По мере нашего продвижения через Центральную Германию проблема связи с русскими войсками приобретала все более важное значение. Неотложные вопросы уже не были связаны с большой стратегией, а носили чисто тактический характер. Одна из основных трудностей заключалась в опознавании друг друга.

В силу языкового различия фронтовые рации были бесполезны в качестве средства связи между двумя сходящимися группировками. Единственное решение проблемы, казалось, заключалось в своевременной договоренности относительно опознавательных знаков и порядка действий при встречах. Еще в начале апреля авиация западных союзников и русских вступала в контакт, иногда с неблагоприятными результатами. Между нашими и русскими самолетами происходили перестрелки и нарастала опасность более серьезных столкновений. Задача введения системы опознавательных сигналов была трудной, и полностью она была решена только к 20 апреля. Однако к этому времени обе стороны уже согласились придерживаться рубежей ограничения для действий авиации и, проявляя осторожность, которой в значительной мере сопутствовала удача, не допускали более или менее серьезных ошибок.

Существовала также договоренность между нами и русскими о том, что, когда встретятся войска двух сходящихся группировок, командиры на местах будут устанавливать рубежи соприкосновения с учетом особенностей оперативных планов и местности. В качестве общей разграничительной линии между нами и русскими мы хотели иметь хорошо опознаваемый естественный рубеж. По этой причине согласованная линия на

центральном участке фронта проходила по рекам Эльба и Мульда. При этом подразумевалось, что отвод наших войск в пределы своих оккупационных зон будет осуществляться в сроки, которые в будущем установят наши правительства.

Когда на центральном направлении происходило это решающее наступление, 21-я группа армий на севере и 6-я - на юге проводили операции, предусмотренные соответствующими планами. На севере группа армий Монтгомери наступала на Бремен и Гамбург, одновременно направив колонну в сторону Эльбы, чтобы прикрывать левый фланг 12-й группы армий. Наступление войск Монтгомери в восточном направлении в основном осуществлялось силами 2-й английской армии, в то время как канадская армия шла на север через Арнем, чтобы очистить от противника Северо-Восточную Голландию и прибрежную полосу в восточном направлении в сторону Эльбы. Наступавшая в восточном направлении английская 2-я армия в составе трех корпусов в первом эшелоне 6 апреля достигла Везера, а 19 апреля вышла к Эльбе. В Бремене английские войска встретились с противником, который сражался с упорством обреченного. 20 апреля английский 30-й корпус достиг предместий Бремена, но потребовалась целая неделя ожесточенных боев, прежде чем гарнизон города сдался.

Наступавшая на север канадская армия на левом фланге 21-й группы армий Монтгомери сначала также столкнулась с ожесточенным сопротивлением. Тем не менее войска продвигались вполне успешно по всему фронту, и 15 апреля был взят город Арнем. Падение Арнема на этом участке явилось сигналом для противника об отходе в Голландию, где можно было укрыться за затопленными районами, которые представляли собой серьезное препятствие для наступавших в Западную Голландию войск.

Монтгомери считал, и я согласился с ним, что немедленные операции на территории Голландии повлекли бы огромные дополнительные лишения для этой несчастной страны, народ которой и без того страдал от нехватки продовольствия. Значительная часть страны была буквально опустошена преднамеренным затоплением многих районов, бомбардировками и созданием немецких оборонительных рубежей. Поэтому мы решили отложить вторжение на территорию Голландии и предпринять все возможное, чтобы облегчить страдания местного населения.

Основной задачей 6-й группы армий Деверса в первые дни апреля являлось прикрытие правого фланга наступавших армий генерала Брэдли. С этой целью Деверс предпринял методическое

продвижение 7-й армии Патча на левом фланге и французской 1-й армии - на правом.

На всем фронте 6-й группы армий противник оказывал вначале упорное сопротивление, несмотря на крах на севере и ежедневные потери. Когда 7-я армия вышла к реке Неккар, ей пришлось завязать ожесточенный бой, чтобы переправиться через реку, а затем ей потребовалась целая неделя для ликвидации вражеского гарнизона города Хейлброн. Немецкие войска в этих местах не были столь серьезно деморализованы февральско-мартовскими наступательными операциями союзных армий, как те их войска, что приняли на себя всю силу наших ударов. 7 апреля 10-я бронетанковая дивизия двинулась в направлении на город Крайльсгейм, но немцы так быстро и сильно отреагировали на действия 10-й дивизии, что та была вынуждена поспешно отойти от занятых ею открытых позиций. 15-й корпус достиг Нюрнберга 16 апреля, но и здесь несколько дней шли бои, прежде чем рухнула оборона города.

Сопротивление на французском участке фронта оказалось не таким сильным. После ожесточенных стычек в непосредственной близости от Рейна французы начали быстро продвигаться вперед.

Французская армия, разумеется, пошла в наступление по приказу генерала Деверса, отвечавшего за установление разграничительных линий между армиями, путей снабжения наступающих войск и за решение всех прочих административных вопросов, связанных с обеспечением войск всей группы армий. Согласно установленной разграничительной линии город Штутгарт был включен в полосу наступления 7-й армии Патча, поскольку линии коммуникаций для снабжения американских войск должны были проходить через этот город. Штутгарт был захвачен французами, которые затем отказались уйти оттуда, чтобы Патч мог использовать его для обеспечения наступавших войск. Французы настолько упорно не желали подчиниться, утверждая, что дело в данном случае касается национального престижа, что Деверс обратился ко мне. Я дал указание Деверсу твердо настаивать на своем и потребовать от французов действий в соответствии с утвержденными планами. Французы все же проявили упрямство, и вопрос был передан для разрешения в Париж. Не согласный с нашим требованием, генерал де Голль продолжал упорствовать уже на правительственном уровне в своем ответе на резко сформулированную депешу в его адрес от президента Соединенных Штатов по этому вопросу. Между тем я предостерег французского командующего, сказав, что при сложившихся обстоятельствах считаю необходимым информировать Объединенный англо-американский штаб, что я

более не могу рассчитывать с уверенностью на оперативное использование французских сил, которые союзники собираются оснастить в будущем. Эта угроза о возможном сокращении в оснащении и вооружении французских войск возымела действие, и в конце концов французы подчинились приказам.

Почти аналогичный случай произошел на франко-итальянской границе, где на обладание небольшой территорией претендовали как французы, так и итальянцы, приводя в подтверждение своих претензий моральные и юридические доводы. В этом районе с согласия фельдмаршала Александера я установил разграничительную линию, но она была нарушена французами, которые поспешили подкрепить свои притязания на эту спорную территорию введением своих войск.

Положение Франции в войне было, разумеется, не из легких. Некогда имевшая престиж одной из главных военных держав в Европе, она, как и ее армия, потеряла его в поражении 1940 года. Поэтому, когда в связи с началом вторжения в Северную Африку в 1942 году патриотически настроенным французам была предоставлена возможность включиться в общую борьбу против нацистов, они проявляли чувствительность ко всем вопросам, когда дело касалось их национальной гордости и чести. К тому же в них кипела жестокая ненависть к нацистам и к некоторым из своих бывших политических и военных руководителей. Ко всему этому добавлялась та неопределенность, на которой базировалась власть де Голля и тех правительственных органов, которые он установил во Франции. Следующим обстоятельством была полная зависимость французской армии, да фактически и значительной части населения, от американских поставок. Это являлось дополнительным задевающим их гордость фактором, и, хотя они постоянно настаивали на более крупных поставках им всякого рода материалов и предметов боевого обеспечения, их, естественно, угнетало сознание того, что без этих поставок они совершенно беспомощны. Все это порождало особую чувствительность, и поэтому с французами трудно было иметь дело, когда они находили в каком-либо вопросе, хоть и пустячном, нечто такое, что, по их мнению, затрагивало их национальную честь. Тем не менее американские вложения во французские силы с лихвой окупились.

Во время Африканской кампании французы были полезны, но крайне слабы. Что касается их участия в тяжелых боях, то впервые это произошло в войне на Итальянском фронте. В конце 1943 и в начале 1944 года французский корпус на том ТВД действовал прекрасно. Более того, французы блестяще сражались при вторжении в Южную Францию, в Вогезах и при наступлении на

верхний Рейн. Их эффективность быстро упала с наступлением зимних холодов в конце 1944 года, поскольку значительную часть французской армии составляли африканские войска, не привыкшие к холодам и ненастьям, свойственным для кампании на Европейском театре военных действий в зимних условиях. Однако весной 1945 года во время заключительных операций войны французская армия храбро наступала и успешно заняла большие районы Южной Германии. Одновременно с этим они вели наземные и воздушные боевые действия против немцев в районе Бискайского залива, в результате чего освободили Бордо и остров Олерон. Эта операция неоднократно откладывалась с осени 1944 года, поскольку нужно было решать более неотложные задачи в других местах. Бои начались 14 апреля, и через месяц департамент Жиронда до моря был очищен от противника. К 1 мая был освобожден Олерон. Воодушевленные, французы мастерски воюют.

Среди французов было много занимавших высокое положение личностей, которые никогда не доставляли никаких хлопот, людей, обладавших широтой взглядов и пониманием неотложных проблем - это делало их прекрасными союзниками. Лично мне нравился генерал де Голль, поскольку я видел многие его прекрасные качества. Однако мы находили, что эти качества теряют свою ценность из-за крайне болезненной восприимчивости и экстраординарного упорства в вопросах, которые нам представлялись нелогичными. Мои личные контакты с ним во время войны никогда не порождали той теплоты, какая, казалось, часто возникала при его встречах со многими другими.

Жиро был моим другом. Это был боевой солдат, исключительно честный и прямой. Однако полное отсутствие у него интереса к политическим проблемам не позволяло ему занять какой-либо политический пост в своей стране. Генералы Жюэн, Кёниг, Кёльтц и множество младших офицеров проявили себя храбрыми, честными и способными профессиональными военными. Имена генералов Маета, Бетуара и их сподвижников, которые рисковали жизнью для того, чтобы встать на путь восстановления Франции путем поддержки вторжения союзников в Африку, навсегда останутся символом высочайшего патриотизма и величия характера.

С прочным закреплением войск Брэдли на Эльбе была подготовлена почва для заключительных операций союзников. Противник был расчленен на две изолированные друг от друга группировки на севере и на юге страны и не имел никаких шансов на создание единого фронта ни против русских, ни против нас. Когда мир немецкого солдата рушился вокруг него, он терял

всякое желание драться. Только в отдельных случаях командирам удавалось поддерживать порядок в своих частях. За первые три недели апреля союзники захватили более миллиона пленных.

Еще до начала наступления войск союзников через Центральную Германию мы знали, что правительство Германии готовилось к эвакуации из Берлина. Правительственные учреждения, казалось, направлялись на юг, - возможно, как мы думали, к Берхтесгадену, в зону "национального редута". Продолжение эвакуации на юг стало невозможным, когда войска Брэдли в итоге быстрого продвижения перерезали пути между севером и югом страны. Нам также было известно, что Гитлер оказался не в состоянии выехать на юг и решил до конца остаться в Берлине. Тем не менее существовала еще реальная возможность, что фанатически настроенные нацисты попытаются укрепиться в "национальном редуте", и поэтому скорейший захват этого района оставался для нас важной задачей. Имелись также веские основания для того, чтобы ускорить наше запланированное наступление на севере в направлении на Любек.

Наступление на Любек обеспечило бы захват последних баз немецких подводных лодок и устранило бы остатки этой некогда серьезной угрозы.

Мы не могли предсказывать, как будут действовать немецкие оккупационные войска в Дании. Возможно, они предпочтут упорно обороняться, и на такой случай мы планировали проведение молниеносной операции против них.

В начале апреля Монтгомери считал, что для проведения такой операции ему не потребуется дополнительных сил сверх семнадцати дивизий, которые тогда имелись у него в составе 21-й группы армий. Я предложил ему пропустить боевые грузы для обеспечения этой операции через американский железнодорожный мост у Везеля. Он отказался от этой помощи. Однако по мере того как развертывались операции на его левом фланге, он обнаружил, что его войска очень скоро выдохлись, и в интересах обеспечения быстроты действий попросил дополнительные войска и усиление материально-боевого обеспечения. И то и другое я с удовольствием выполнил. Я временно придал группе армий Монтгомери 18-й американский воздушно-десантный корпус под командованием генерала Риджуэя. Он должен был действовать в качестве пехоты, поддерживая наступление Монтгомери. На тот случай, если немцы в Дании решат сражаться до последнего, мы были готовы выделить дополнительные силы для воздушного десанта по ту сторону Кильского канала.

Когда в конце концов 26 апреля пал Бремен, сопротивление

на этом фронте заметно ослабло. Монтгомери быстро перевел свои основные усилия в направлении действий 8-го английского корпуса, который 29 апреля предпринял наступление через Эльбу. Американский 18-й корпус осуществил одновременное форсирование несколько южнее и обеспечил прикрытие правого фланга 2-й армии при ее дальнейшем наступлении.

1 мая 11-я бронетанковая дивизия 8-го английского корпуса предприняла блестящий бросок к Балтийскому морю через Шлезвиг-Гольштейн и вступила в Любек во второй половине дня 2 мая. Это предрешило судьбу противника в Дании, а также перерезало пути возможного отхода некоторых частей из разгромленных в Германии сил в эту страну.

Теперь Монтгомери быстро закреплялся на занятой территории по всему фронту, и 3 мая 18-й американский корпус установил контакт с русскими войсками на участке группировки Монтгомери. Берлин горел, правым флангом наступавшие войска Красной Армии быстро приближались к нам. Всякое сопротивление прекратилось. Толпы немцев, устремившихся на запад от русского фронта, теперь начали сдаваться англо-американским войскам. Американцы, стоявшие на Эльбе, ежедневно тысячами принимали таких пленных.

Между тем канадская армия на левом фланге группировки Монтгомери продолжала успешные операции и быстро очищала свою полосу от войск противника, не пытаясь повернуть назад, в Западную Голландию, где окопалась 25-я немецкая армия.

Мы знали, что положение в Голландии непрерывно ухудшалось; после того как эти районы оказались изолированными от Германии в результате наших наступательных операций, оно стало почти невыносимым. Судя по сведениям, которые к нам поступали, я опасался, что там может начаться всеобщий голод, и решил принять некоторые позитивные меры, чтобы предотвратить его. И все же всякие предложения относительно наступления в Голландию я отклонял. Оно принесло бы народу огромные дополнительные разрушения и страдания, а хлынувшая из открытых противником шлюзов на дамбах вода затопила бы новые районы, и это на многие годы лишило бы население этих районов плодородных земель. Я направил предупреждение генералу Бласковицу, немецкому командующему в Голландии, воздержаться от новых затоплений, указав при этом, что никакие его меры в Голландии не помешают скорому краху Германии.

Нацистский комиссар в Голландии Зейсс-Инкварт предложил локальное решение проблемы путем заключения перемирия: если войска союзников воздержатся от каких-либо наступательных

операций в западном направлении в Голландию, то не будет произведено никаких затоплений новых районов в стране и немцы будут сотрудничать в деле доставки населению продовольственной помощи извне. Мои старшие военные начальники уже предоставили мне свободу действий в этом вопросе, и в соответствии с этим 30 апреля я направил начальника штаба генерала Смита на встречу с Зейсс-Инквартом. Они договорились о методах доставки бедствующему населению продовольствия и других предметов первой необходимости, которые союзники уже сосредоточили для этой цели. Доставка, причем в крупных размерах, началась немедленно. Еще до этого мы направляли туда продовольствие в небольшом количестве на парашютах. Генерал Смит передал Зейсс-Инкварту предупреждение, что я не потерплю никакого вмешательства немцев в программу помощи, и если немцы нарушат свое обещание, то позднее я буду обращаться с ними не как с военнопленными. Я считал, что продолжение оккупации Голландии немцами теряло всякий смысл и любые репрессивные действия с их стороны в дальнейшем должны быть наказуемы. В ходе совещания генерал Смит также предложил, чтобы немецкий командующий Бласковиц немедленно сдался со всеми своими войсками. Однако Зейсс-Инкварт ответил, что, пока существует правительство Германии, Бласковиц не может капитулировать ни при каких обстоятельствах.

Одновременно со всеми этими операциями на севере столь же решающие события развертывались на юге. Главным направлением стало продвижение на юго-восток, вниз по долине реки Дунай на Линц с целью соединиться с русскими войсками в Австрии. Поскольку своим наступлением в центре Брэдли достиг намеченных целей, то для наступления по долине Дуная мы могли выделить 3-ю армию Паттона, в то время как 6-я группа армий все свои усилия направила на захват районов возможного нацистского оплота на юге и на западе. Чтобы наверняка обеспечить быстрое продвижение войск Деверса, мы выделили ему американскую 13-ю воздушно-десантную дивизию для использования по усмотрению руководства группы армий. Однако войска Деверса продвигались настолько быстро; что отпадала всякая необходимость в использовании 13-й воздушно-десантной дивизии, и получилось так, что она оказалась единственной американской дивизией, прибывшей в Европу, но так и не участвовавшей в боях.

Наступление 3-й армии вниз по Дунаю началось 22 апреля. Противник попытался было обороняться у Регенсбурга, но 3-й и 20-й корпуса быстро овладели плацдармами на противоположном

берегу Дуная к востоку и западу от города и устремились вниз вдоль реки. 11-я бронетанковая дивизия 12-го корпуса рванулась вперед и 5 мая приняла капитуляцию немецкого гарнизона в Линце, в Австрии.

Когда основные силы 3-й армии продвигались вниз вдоль Дуная, Паттону для усиления передали 5-й корпус из армии Ходжеса. Паттон тут же направил его на восток, в Чехословакию. 6 мая корпус захватил Пльзень. В этом районе русские войска быстро приближались с востока, и вновь появилась необходимость установления координации действий сторон. По договоренности мы направили американские войска для занятия рубежа Пльзень - Карлсбад, в то время как разграничительную линию на юге Чехословакии установили на рубеже железная дорога Ческе-Будеёвице - Линц и оттуда по долине реки Энс.

Заключительное крупное наступление 7-й армии Патча началось 22 апреля. 15-й корпус этой армии, находившийся на правом фланге, двинулся вниз по Дунаю и затем повернул на юг, чтобы захватить Мюнхен, тот самый город, откуда началось движение нацистов. Он был захвачен 30 апреля. 4 мая 3-я дивизия этого же корпуса захватила Берхтесгаден. Другие войска заняли Зальцбург. Оборона противника повсюду развалилась.

21-й и 6-й корпуса 7-й армии 22 апреля пересекли Дунай и двигались к "национальному редуту". 3 мая 103-я дивизия 6-го корпуса заняла Инсбрук и продвинулась дальше к перевалу Бреннер. Там, на итальянской стороне границы между Германией и Италией, эта американская дивизия встретилась с 88-й дивизией американской 5-й армии, наступавшей из Италии. Мои слова, сказанные полтора года назад, о том, что я встречусь с солдатами Средиземноморского театра военных действий "в центре вражеского стана", сбылись.

К концу апреля на всех участках фронта основные цели были достигнуты или их достижение в ближайшие дни не вызывало никаких сомнений. Большое удаление войск от исходных рубежей в результате этих наступательных операций резко осложнило материально-техническое и боевое обеспечение войск, что постоянно вызывало у нас затруднения. Опять появилась огромная перенапряженность на путях подвоза. Уже сами расстояния были достаточной причиной, чтобы остановить головные колонны, если бы мы находились в зависимости только от наземного транспорта, сколь ни эффективно он действовал. Вырвавшиеся далеко вперед и быстро продвигавшиеся колонны войск иногда почти полностью зависели от их снабжения воздушным путем, и в течение апреля 1500 транспортных самолетов непрерывно работали в нашей системе снабжения

наступавших войск. Они получили известность в войсках как "летающие вагоны" и никогда не играли столь существенной роли, как на этих заключительных стадиях войны. Кроме этого, мы сняли со многих тяжелых бомбардировщиков вооружение и переоборудовали их для транспортных целей. В течение апреля военная авиация доставила на фронт 60 тыс. тонн грузов, в том числе 10 млн. галлонов жидкого топлива.

Наши войска заполонили всю Западную Германию, и оставалось немного целей, против которых можно было направить нашу авиацию без риска сбросить бомбы либо на свои, либо на русские части. Тем не менее в последние дни войны наша авиация провела два важных воздушных налета. Один из них был совершен английским бомбардировочным командованием против острова-крепости Гельголанд с целью помочь Монтгомери на тот случай, если ему придется наступать через Кильский канал. Другой налет был осуществлен американской 8-й воздушной армией против Берхтесгадена. Этот оплот и символ нацистской надменности был подвергнут основательной бомбардировке. Налет был произведен в то время, когда мы все еще считали, что нацисты могут попытаться обосноваться в своем "национальном редуте" с Берхтесгаденом в качестве его столицы. Самолеты аэрофоторазведки доставили нам фотографии, из которых было видно, что наши бомбардировщики превратили город в руины. Фотоснимки принесли нам приятное и понятное всем удовлетворение.

Из каждого полета на фронт наши транспортные самолеты и переоборудованные тяжелые бомбардировщики возвращались полностью загруженными освобожденными из плена военнослужащими союзных армий. Их собирали в удобно расположенных лагерях для восстановления сил и скорейшей отправки домой. Возле Гавра только в одном таком лагере, названном "Лаки страйк", в одно время находилось 47 тыс. освобожденных из плена американских военнослужащих. У англичан тоже имелись аналогичные лагеря в различных местах Северо-Западной Франции и в Бельгии. Освобождение столь большого числа пленных за такое короткое время вызвало серьезные проблемы для медицинской службы армии, службы транспорта, да и, по существу, для всех нас. Во многих случаях физическое состояние пленных было настолько тяжелым, что теперь нужно было проявлять исключительную осторожность в их питании. Наиболее истощенные были госпитализированы, и на некоторое время наши лазареты оказались переполненными людьми, радость которых в связи с возвращением к своим вызывала трогательное сочувствие у окружающих, но которые

вместе с тем очень сильно страдали от истощения, и только особое лечение могло спасти их. Некоторые из американцев находились в плену со дня первых сражений в Тунисе в декабре 1942 года. В числе освобожденных из плена англичан были и такие, которые попали в плен у Дюнкерка в 1940 году.

Однажды у меня была назначена встреча с американскими сенаторами. Когда они вошли в кабинет, штабной офицер вручил мне телеграмму, в которой говорилось, что в одной газетной статье утверждается, будто в лагере "Лаки страйк" создались невыносимые условия. В статье сообщалось, что лагерь битком набит людьми, кормят их плохо, живут они в антисанитарных условиях, обращаются с ними без всякого сочувствия и понимания. А дела обстояли как раз наоборот. Всем освобожденным из плена американцам автоматически предоставлялся отпуск для поездки в Соединенные Штаты, и мы выделили специально подобранную группу офицеров, которые занимались этими вопросами.

Если бы газетное сообщение подтвердилось хотя бы частично, то это означало бы явное невыполнение на каком-то уровне наших строгих указаний на этот счет. Я решил лично проверить на месте и приказал своему пилоту подготовить самолет для немедленного вылета. Затем я обратился к пяти сенаторам, извинился перед ними, что не могу выполнить данное обещание относительно встречи с ними, и объяснил, почему мне необходимо срочно вылететь в лагерь для освобожденных из плена американцев. Я им предложил, если они пожелают поговорить со мной, сопровождать меня в этой поездке. Я сказал, что в этом лагере они будут иметь возможность увидеть тысячи освобожденных из плена американцев и что ни в одном другом месте они не найдут такого сосредоточения американских граждан. Все сенаторы с готовностью приняли мое предложение.

Менее чем через два часа мы прибыли в лагерь и приступили к проверке. Мы носились по лагерю и не нашли никаких оснований для столь ошеломительных заявлений, о которых сообщалось в телеграмме. Было только два вопроса, по которым обитатели лагеря проявляли нетерпение. Первым их них было питание. Пища была добротного качества, хорошо приготовлена, но врачи не разрешали употреблять соль, перец и другие острые приправы, считая, что это вредно для людей, которых изнурял голод в течение многих недель, месяцев и лет. Мы с сенаторами пообедали вместе с солдатами и согласились, что полное отсутствие приправы в пище не вызывает аппетита. Но, очевидно, это был уже чисто медицинский вопрос, и тут я не мог оспаривать решение врачей. Другая вполне понятная жалоба касалась длительных сроков пребывания в лагере, прежде чем люди получали возможность выехать в Штаты. Это было вызвано отсутствием соответствующего морского транспорта. Грузовые суда, составлявшие основную часть нашего морского транспорта на этой стадии войны, не были рассчитаны на перевозку

пассажиров. На них не было ни емкостей для снабжения питьевой водой, ни соответствующих кухонь, а туалеты и другие санитарные узлы были предназначены только для малочисленных экипажей.

Солдаты ничего не знали об этих вещах и озлоблялись, когда видели, как покидают гавани почти совершенно пустые суда, в то время когда им так хотелось поскорее выехать домой.

Нашим визитом солдаты, казалось, были довольны. Многие из них сопровождали нас по лагерю. Когда мы наконец вернулись к своему самолету, то обнаружили, что предприимчивая группа пленных развернула громкоговорящую установку с микрофоном возле моего самолета. От группы отделился сержант и довольно застенчиво сообщил, что солдаты хотели бы послушать Главнокомандующего. Вокруг самолета собралось около двадцати тысяч солдат.

Мне приходилось говорить с американскими солдатами сотни раз в самых различных местах, в самых различных фронтовых условиях, беседовать индивидуально и обращаться к большим группам людей. Но здесь я сначала растерялся, не зная, о чем с ними говорить. Каждый из собравшихся здесь пережил большие лишения, казалось бессмысленным пытаться, исходя из своего собственного опыта, искать такие слова, которые, возможно, нашли бы отклик в сердцах людей, познавших и вобравших в себя столько страданий.

И тогда мне пришла в голову удачная мысль - ускорить отправку этих людей на родину. Я взял микрофон и начал говорить собравшимся солдатам, что есть два способа отправить их домой. Первый заключается в том, чтобы погрузить на каждый отправляющийся корабль максимальное количество людей, на которые рассчитан корабль. Сейчас мы так и делаем.

Затем я сказал, что поскольку нет больше угрозы со стороны немецких подводных лодок, то мы могли бы на эти отправляющиеся в Штаты суда посадить двойное количество людей, но потребуется, чтобы один спал в дневное время, а другой - в ночное время на его месте. К тому же это вызовет также скученность и скопление народа на всем корабле. Я спросил у собравшихся, какой способ отправки они предпочитают. Громовое одобрение предложения о двойной численности не оставило никаких сомнений относительно их желаний.

Когда шум стих, я сказал: "Очень хорошо. Так мы и будем делать. Но должен вас предупредить, что здесь сегодня со мной пять американских сенаторов. Следовательно, когда вы приедете домой, то будет нехорошо, если вы начнете писать в газеты и своим сенаторам письма с жалобами на большую

переполненность на судах, возвращающихся в Америку. Вы сами выбрали этот способ, и теперь вам придется с этим мириться".

Громкий смех, прокатившийся по толпе, не оставил сомнений в том, что они совершенно довольны своим выбором. После этого я ни разу не слышал жалоб на неудобства, которые они переносили на пути следования на родину.

Конец войны теперь уже был виден. Возможное продолжение боевых действий измерялось днями; единственный вопрос заключался в том, наступит ли финал в результате повсеместного соединения нашего огромного фронта с Красной Армией и войсками, следующими из Италии, или немецким правительством будет предпринята какая-нибудь попытка капитуляции.

За несколько недель до полной капитуляции мы получили некоторые намеки на то, что отдельные видные деятели в Германии ищут пути и средства, чтобы прекратить боевые действия. Ни в одном из этих окольных донесений не указывалось причастности самого Гитлера к этим попыткам. Наоборот, каждый из этих деятелей рейха так боялся навлечь на себя ярость нацистов, что был в такой же мере озабочен как сохранением в тайне своего участия в этом деле, так и попыткой добиться капитуляции немецких армий.

Один из таких первых намеков был получен через английское посольство в Стокгольме. Цель этих усилий сводилась к тому, чтобы заключить перемирие на Западе. Это была явная попытка прекратить войну с западными союзниками, с тем чтобы немцы могли все свои силы обрушить против России. Наши правительства отвергли такое предложение.

Второй сигнал поступил при загадочных обстоятельствах из Швейцарии от человека по имени Вольф. Там, очевидно, готовился заговор в целях капитуляции немецких войск в Италии. Наш штаб не имел никакого отношения к этому конкретному случаю, но нас держали в курсе этих событий в силу явных признаков ослабления решимости воевать со стороны некоторой части высших немецких руководителей. Получение подобного рода известий или правдивых сообщений всегда порождало напряженную работу и требовало большой осторожности, так как это касалось многих стран, и каждая из них, естественно, беспокоилась, чтобы ее интересы были в полной мере обеспечены. В случае с Вольфом действия западных союзников, которые из лучших побуждений пытались установить аутентичность сообщения и полномочия того человека, который являлся инициатором этого дела, вызвали подозрения у Советов. Все это требовало от нас давать долгие объяснения и заставляло

постоянно быть начеку при получении подобного рода сообщений.

Первое прямое предложение о капитуляции, дошедшее до штаба верховного командования союзных экспедиционных сил, поступило от Гиммлера, который связался со шведским графом Бернадотом, стремясь установить контакт с премьер-министром Черчиллем. 26 апреля я получил от премьер-министра длинное послание, в котором он излагал предложение Гиммлера о сдаче немцев на Западном фронте. Я рассматривал это предложение как последнюю отчаянную попытку внести раскол среди союзников и информировал об этом Черчилля, решительно настаивая на том, чтобы никакие предложения не принимались и не поддерживались, если в них не предусматривается капитуляция всех немецких войск на всех фронтах. Я считал, что любое предложение о том, чтобы союзники приняли от немецкого правительства капитуляцию только на их Западном фронте, немедленно вызовет полное разногласие с русскими и создаст обстановку, в которой русские могли бы не без оснований обвинить нас в вероломстве. Если немцы хотят сдаться в плен в составе армии, то это тактический и военный вопрос. То же самое, если они хотят капитулировать всеми силами на каком-то конкретном участке фронта. Немецкий командующий может так поступить, а командующий союзными войсками может принять их капитуляцию; но для правительства Германии есть только один путь - безоговорочная капитуляция перед всеми союзниками.

Такая точка зрения совпадала с мнением премьер-министра, и они вместе с президентом тут же направили полную информацию генералиссимусу Сталину, приложив свое заявление об отклонении полученного предложения.

Однако до самого конца немцы не прекращали попыток провести различие между капитуляцией на Западном фронте и капитуляцией на Восточном фронте. Когда потерпели неудачу переговоры на этот счет, немецкие командующие каждый на своем участке фронта, в конце концов, оказались перед перспективой полного уничтожения или военной капитуляции.

Первая крупная капитуляция произошла в Италии. Войска Александера блестяще действовали там в течение всего 1944 года и к 26 апреля 1945 года поставили противника в безвыходное положение. Начались переговоры о местной капитуляции, и 29 апреля немецкий командующий сдался. 2 мая должны были прекратиться боевые действия в Италии.

В результате капитуляции в Италии столь же безвыходное положение сложилось для немецких войск, находившихся севернее итальянской границы. 2 мая немецкий командующий

запросил назвать ему союзного командующего, к которому он должен обратиться, чтобы договориться о сдаче в плен, и ему подсказали, чтобы он обратился к генералу Деверсу. Немца предупредили, что принята будет только безоговорочная капитуляция. Эта вражеская группировка была известна как группа армий "Г" в составе 1-й и 19-й немецких армий. Они сдались 5 мая, а капитуляция вступила в силу 6 мая.

Далеко на севере, в районе Гамбурга, немецкий командующий также осознал безнадежность своего положения. 30 апреля немецкий эмиссар появился в Стокгольме, чтобы сообщить, что фельдмаршал Буш, командующий немецкими войсками на севере, и генерал Линдеман, командующий войсками в Дании, готовы сдаться, как только наступающие армии союзников выйдут на побережье Балтики. Нам сообщили, что немцы откажутся сдаваться русским, но поскольку западные союзники вышли к Любеку и тем самым перерезали пути подхода сюда фанатически настроенных частей СС из Центральной Германии, то они немедленно сдадутся нам. Войска Монтгомери заняли Любек 3 мая. Однако к тому времени произошло крупное изменение в правительстве Германии.

Гитлер, покончил самоубийством, и остатки его рухнувшей власти достались адмиралу Деницу. Адмирал дал указание, чтобы все армии повсеместно сдавались только западным союзникам. Тысячи удрученных немецких солдат начали пересекать наш передний край, чтобы сдаться в плен. 3 мая адмирал Фридебург, который теперь возглавлял немецкие военно-морские силы, прибыл в штаб Монтгомери. Его сопровождал штабной офицер от фельдмаршала Буша. Они сообщили, что их целью является сдача в плен трех их армий, которые сражались против русских, и просили разрешения пропустить беженцев через наш передний край. Их единственным желанием было избежать сдачи в плен русским. Монтгомери тут же отказался обсуждать сдачу в плен на таких условиях и отослал немецких эмиссаров назад к фельдмаршалу Кейтелю, возглавлявшему немецкое верховное командование.

Я уже сказал Монтгомери, чтобы он принял военную капитуляцию всех войск противника в своей зоне операций. Такая капитуляция является делом тактики и входит в рамки полномочий командующего войсками на данном фронте. Поэтому, когда адмирал Фридебург вернулся 4 мая в штаб Монтгомери с предложением сдать все немецкие войска в Северной Германии, в том числе в Голландии и Дании, Монтгомери немедленно согласился принять их капитуляцию. В тот же день были подписаны соответствующие документы. Они

вступили в силу утром следующего дня. Принимая эти капитуляции, Деверс и Монтгомери не брали на себя никаких обязательств, которые могли бы поставить в затруднительное положение наши правительства в будущем относительно Германии; они носили чисто военный характер, и ничего больше.

5 мая в наш штаб прибыл представитель от адмирала Деница. За день до этого мы получили извещение о его прибытии. В это же время нам сообщили, что немецкое правительство отдало приказ всем своим подводным лодкам вернуться в порты. Я сразу же сообщил обо всем этом советскому Верховному главному командованию и просил назначить офицера в качестве русского представителя на возможных переговорах с Деницем. Я информировал русских, что не приму никакую капитуляцию, если она не будет предусматривать одновременную капитуляцию повсюду. Советское Верховное главное командование назначило генерал-майора Суслопарова своим представителем.

Фельдмаршал фон Кессельринг, командовавший немецкими войсками на Западном фронте, также прислал мне извещение с просьбой разрешить направить к нам своего уполномоченного, чтобы договориться о капитуляции. Поскольку права Кессельринга распространялись только на Запад, я ответил, что не буду вести никаких переговоров, если на них речь не пойдет обо всех немецких войсках на всех фронтах.

Когда 5 мая в Реймс прибыл адмирал Фридебург, он заявил, что хотел бы уяснить ряд вопросов. С нашей стороны переговоры вел начальник штаба генерал Смит. Он заявил Фридебургу, что нет смысла что-либо обсуждать, что наша задача сводится просто к принятию безоговорочной капитуляции. Фридебург возражал, заявив, что не имеет полномочий на подписание такого документа. Ему было разрешено передать по радио депешу для Деница; в ответ сообщили, что Йодль выехал в нашу штаб-квартиру, чтобы помочь ему в переговорах.

Нам было ясно, что немцы стремились выиграть время, с тем чтобы перевести за нашу линию фронта как можно больше немецких солдат. Я сказал генералу Смиту, чтобы он передал Йодлю, что если они немедленно не прекратят выдвигать всякие предлоги и тянуть время, то я закрою весь фронт союзников, чтобы впредь не пропускать никаких немецких беженцев через нашу линию фронта. Я не потерплю дальнейшего промедления.

Наконец Йодль и Фридебург составили телеграмму Деницу с просьбой дать им полномочия подписать акт о полной капитуляции, вступающей в силу через сорок восемь часов после его подписания. Немцы могли найти ту или иную причину, чтобы отсрочить капитуляцию и тем самым получить дополнительное

время для себя. Поэтому через генерала Смита я информировал их, что капитуляция вступит в силу через сорок восемь часов, начиная с нынешней полуночи; в противном случае моя угроза закрыть Западный фронт будет немедленно осуществлена.

Наконец Дениц понял неизбежность выполнения наших требований, и акт о капитуляции был подписан Йодлем в 2 часа 41 мин. утра 7 мая. Боевые действия должны были прекратиться в полночь 8 мая.

После того как необходимые бумаги были подписаны Йодлем и генералом Смитом в присутствии французского и русского представителей, подписавших документы в качестве свидетелей, Йодля привели в мой кабинет. Я спросил его через переводчика, полностью ли он понимает все статьи подписанного им документа.

Он ответил: "Да".

Тогда я ему сказал: "Вы официально и лично будете нести ответственность, если условия этой капитуляция будут нарушены, в том числе за прибытие немецких командующих в Берлин в такое время, какое будет установлено русским главным командованием для оформления официальной капитуляции перед тем правительством. Все".

Он отдал честь и вышел.

Глава 22. Последствия победы

По условиям подписанного Акта о капитуляции руководители немецких видов вооруженных сил должны были прибыть в Берлин 9 мая, чтобы подписать ратификацию в русском штабе. Эта вторая церемония, как мы понимали, должна была символизировать единство западных союзников и Советов и оповестить немцев и весь мир о том, что капитуляция осуществлена перед всеми, а не только перед западными союзниками. По этой причине нам было указано ничего не сообщать о первом подписании, пока не будет проведена вторая церемония.

Для того чтобы американские и английские корреспонденты имели полное представление о капитуляции в Реймсе, мы пригласили на церемонию подписания репортеров. Принимая приглашение, они согласились воздержаться от публикации материалов о капитуляции, пока не будет официального заявления, согласованного между союзниками. Однако какой-то американский репортер опубликовал свой репортаж раньше времени, чем вызвал ярость других корреспондентов, которые оставались верны данному ими обещанию. Этот инцидент вызвал значительную шумиху, хотя общему делу не было причинено никакого вреда, за исключением ущерба репортажам других

корреспондентов.

На церемонию подписания капитуляции в Берлин были приглашены и западные союзники, однако я считал лично для себя неподходящим ехать туда. Немцы уже побывали в штаб-квартире западных союзников, чтобы подписать Акт о безоговорочной капитуляции, и я полагал, что ратификация в Берлине должна быть делом Советов. Поэтому я назначил своего заместителя главного маршала авиации Теддера представлять меня на церемонии. Это было трудное дело - отработать все детали, связанные с определением времени, числа и категории лиц, которым будет разрешено присутствовать на церемонии, составлением маршрута полета наших самолетов над занятой русскими территорией. Однако все эти вопросы были улажены, и Теддер, сопровождаемый офицерами, солдатами, представителями женского вспомогательного корпуса и печати, которых набралось в общей сложности два или три полных самолета, выполнил возложенную на него задачу. Спустя несколько месяцев я увидел в Москве кинофильм - всю эту церемонию в Берлине, заснятую на пленку.

Наиболее сложной и неотложной из всех наших ближайших проблем была передислокация войск. Начиная с 1941 года глобальная стратегия союзников требовала нанесения поражения Германии, прежде чем предпринимать мощное скоординированное наступление против Японии. Немецкая капитуляция 7 мая означала завершение первой и крупнейшей задачи союзников.

Теперь подошло время взяться за выполнение второй задачи. По всему миру силы союзников привлекались для операции против восточного союзника держав "оси". Россия официально все еще находилась в состоянии мира с японцами, однако согласно информации, полученной нами, генералиссимус Сталин говорил президенту Рузвельту в Ялте, что в пределах трех месяцев со дня немецкой капитуляции Красная Армия вступит в войну против Японии.

Против разобщенных вражеских сил не один полководец в прошлом, успешно используя мобильность и внезапность, сосредоточивал свои войска вначале для уничтожения одной вражеской группировки, а затем всей своей мощью устремлялся против второй. Однако никогда раньше этот простой метод войны не применялся в более широких масштабах, чем в пределах континента. Эта концепция оставалась правильной применительно как в локальном, так и глобальном масштабах, и союзных лидеров, ответственных за ее применение во Второй мировой войне, не испугало то, что передислокация своих войск

против второго врага потребует переброски миллионов солдат и бесчисленного количества боевой техники из Европы через половину земного шара к Японии.

Для русских передислокация означала переброску крупных сил с запада на восток по длинной Транссибирской железной дороге. Поскольку имелась только одна железная дорога, то эта задача являлась сложной, требовавшей для своего осуществления определенного времени. Однако для западных союзников переброска своих армий и военно-воздушных сил из Европы тоже представляла собой колоссальную задачу с использованием сотен судов, действовавших на морских путях протяженностью в десять тысяч миль.

Еще в феврале 1945 года мы начали разработку планов по осуществлению этой задачи. Работники моего штаба непрерывно консультировались с военным министерством. Ко дню Победы в Европе уже были в основном составлены графики перевозок, установлена первоочередность, а также проведены организационные приготовления для массовой переброски войск и техники на Тихоокеанский театр военных действий.

Имелось несколько факторов, которые еще больше осложняли и без того исключительно сложную задачу. Нужно было оставить в Европе и, соответственно, обеспечивать необходимые силы для оккупации Германии. На Тихоокеанском театре военных действий особенно остро ощущалась потребность в частях обслуживания, в то время как наши потребности в них здесь, в Европе, были еще более неотложными, поскольку нужно было быстро завершить переброску боевых дивизий на Дальний Восток. Еще большие осложнения вызывало наше стремление равномерно распределить тяготы войны между миллионами наших солдат.

В день капитуляции под моим командованием в союзнических войсках находилось более 3 млн. американцев. Они составляли 61 американскую дивизию, из которых только одна не участвовала в боевых действиях.

Людей, которые очень долго находились в частях, непосредственно участвовавших в боевых действиях, нужно было оставлять для несения оккупационной службы или отправлять домой; других, с менее короткими сроками пребывания на фронте, надо было посылать на Тихоокеанский ТВД. Многие из наших дивизий находились без перерыва до одиннадцати месяцев в боях, а некоторые, в том числе 1-я, 3-я, 9-я, 36-я и 45-я пехотные и 82-я воздушно-десантная дивизии, начали войну еще на Средиземноморском ТВД. Отдельные дивизии почти два с половиной года только с небольшими перерывами находились в боях (например, 34-я пехотная и 1-я бронетанковая дивизии,

вступившие в войну еще на Средиземноморском театре военных действий).

Поэтому стремление равномерно распределять тяготы войны между солдатами потребовало массового перевода личного состава из дивизий и замены ветеранов солдатами с более короткими сроками пребывания на фронте. В то же время мы должны были проявлять исключительную осторожность, чтобы сохранить боеспособность частей, ибо было бы бессмысленно направлять на Тихий океан дивизии, укомплектованные малоопытными солдатами.

Вопрос о том, попадал ли отдельный солдат в категорию для увольнения или для продолжения службы, определялся сложной многобалльной системой, основанной на учете длительности службы, времени пребывания на заморских территориях, с учетом боевых наград, семейного положения и возраста. Применение такого метода определения было кропотливым и утомительным делом, но, вероятно, невозможно было выработать лучший метод, чтобы совместить противоречащие друг другу интересы отдельных солдат и интересы сохранения боеспособности частей. Дополнительные трудности возникли в этом вопросе, когда военное министерство сочло нужным изменить "критический балл". Это только прибавило нам работы, не говоря уже о путанице и определенном недовольстве.

Деятельность нашего административно-хозяйственного механизма в Европе нужно было направить в другое русло. Базы, аэродромы, склады, порты, дороги, железнодорожная сеть были заняты тем, чтобы доставлять войска и предметы материально-боевого обеспечения к центру Германии. Теперь же они, образно выражаясь, должны были повернуться на сто восемьдесят градусов и начать действовать в обратном направлении. Наши базы материального снабжения войск, пункты и склады боеприпасов были разбросаны по всей Западной Европе, Италии и даже Северной Африке. Теперь все это нужно было собрать, инвентаризовать, упаковать и на кораблях отправить на Тихий океан. Причем основным требованием являлась быстрота проведения всех этих работ.

Это было настолько неотложно, что вынудило нас создать специальный штаб с единственной задачей - организовать, проконтролировать и ускорить эти работы. Такой штаб был официально создан 9 апреля, за месяц до капитуляции Германии.

В силу исключительного опыта в деле организации крупных воздушных операций генерал Спаатс был освобожден от своей должности на нашем театре военных действий и направлен на Тихий океан. На Дальнем Востоке нуждались также в опытном

командующем армией. Для этой цели был выбран генерал Ходжес, 1-я армия которого выполнила свою задачу в Европе, выйдя на Эльбу. Он был вполне компетентным и опытным командиром, и его можно было выделить из числа командующих на нашем театре военных действий без ущерба для общего дела. Он выехал на Тихоокеанский ТВД через Соединенные Штаты до подписания немцами капитуляции в Европе.

Сколь ни велика была эта проблема, она составляла лишь часть той огромной работы, которая выпала на долю американских войск и их руководителей. С окончанием боевых действий западные союзники должны были приступить к расчленению огромных боевых формирований в соответствии с их национальным составом. Я неоднократно выдвигал предложение, чтобы западные союзники занимали свою часть Германии сообща, но наши правительства отклоняли его. Мой план считали политически нецелесообразным, хотя я и утверждал, что поскольку оккупация явится следствием войны и потребует для этого присутствия здесь армий западных союзников, то едва ли могут быть резонные возражения против сохранения в Западной Германии той же самой военной организации, которая обеспечила победу. Вопрос, однако, был чисто политический, и наши правительственные руководители считали, что мой план будет неблагоприятно истолкован Советским Союзом.

Разделение означало, что мы должны были рассортировать все наши сложные, исключительно взаимосвязанные штабы и организации, пересмотреть установленный порядок подчинения и связи, чтобы отвечать новым требованиям своих правительств и национальным интересам. Почти все снабжение французов и частично англичан зависело от американских запасов и возможностей. В предвидении прекращения ленд-лиза нужно было ввести детальную систему расчетов, чтобы впредь все снабжение осуществлять на деловой основе, а не сообразуясь с потребностями войны.

Нужно было быстро ввести военную администрацию над всеми недавно захваченными районами Германии. Если ко всему этому добавить бесконечный поток административных проблем, связанных с управлением огромной группировкой сил союзников на Западе, то легко понять замечание одного перегруженного работой штабного офицера, который сказал: "Я всегда думал, что, когда немцы капитулируют, я отпраздную это крупной попойкой. Теперь я каждый день принимаю аспирин, не до шуток насчет попойки".

Мы были настолько заняты ежедневной тяжелой работой, что даже не представляли себе того восторга, какой охватил

население наших стран. Отсутствие полного представления о том, как люди на родине реагируют на нашу победу, было характерно для многих из нас. Вскоре после капитуляции немцев я вспомнил, что в 1945 году исполняется 30 лет со дня нашего выпуска в Вест-Пойнте, и задумал устроить небольшие, в частном порядке, торжества для тех из выпускников, кто находился на Европейском ТВД. Я полагал, что мы сумеем вылететь в Соединенные Штаты, провести один день в Вест-Пойнте на церемонии выпуска и вернуться в Германию. На это уйдет всего трое суток. Я думал провести эту встречу тихо, чтобы никто в Соединенных Штатах, за исключением сотрудников Вест-Пойнта, не узнал об этом, пока мы не вернемся во Франкфурт. Я с большим энтузиазмом взялся за осуществление этой идеи и предложил, чтобы каждый из двадцати моих однокурсников, находившихся в Европе, сообщил по секрету о нашем плане своим женам с просьбой приехать на один день в Вест-Пойнт.

Когда я вплотную занимался подготовкой этой встречи, мы получили из Вашингтона сведения о том, что в силу обстоятельств, не позволяющих американским частям в Европе прибыть в Соединенные Штаты для участия в традиционных парадах победоносных войск, генерал Маршалл хотел, чтобы я подобрал группы представителей от офицеров и солдат примерно по пятьдесят человек в каждой для краткого турне по нашей стране. Он считал, что через этих представителей торжествующая Америка получит возможность выразить благодарность своим сражавшимся в Европе солдатам.

Эти указания перечеркнули все мои личные замыслы. Я думаю, что все те, кого выбрали для поездки на родину для участия в серии торжеств, проходивших в июне 1945 года, испытывали чувство изумления и удивления тем восторгом, с каким их встречали.

Для каждого эти встречи были вдохновляющими и волнующими. Народ Соединенных Штатов встретил эти группы с беспримерной щедростью, радушием и гостеприимством. Что касается меня, то эта поездка была далеко не такой скромной однодневной встречей, к которой я с такой надеждой готовился со своими однокурсниками по Вест-Пойнту. Это была радостная интерлюдия, но скорое возвращение к упорной и кропотливой работе было неизбежно. После победы в Европе в ходе нескольких месяцев я побывал в различных европейских столицах на аналогичных торжествах: в Лондоне, Париже, Брюсселе, Гааге и Праге; другие приглашения я нашел невозможным принять. Мои более поздние поездки в Москву и Варшаву не были связаны с "торжествами Победы".

На Московской конференции 1943 года, на которой присутствовал государственный секретарь Хэлл, три основных союзника согласились немедленно создать Европейскую консультативную комиссию в Лондоне. Этот орган должен был начать изучение послевоенных политических проблем Европы и готовить соответствующие рекомендации правительствам.

С начала 1944 года комиссия работала в Лондоне и подготовила согласованные рекомендации о будущих условиях капитуляции Германии, о зонах оккупации, а также рекомендации по созданию механизма для совместного контроля. Американский военный советник этой комиссии бригадный генерал Корнелиус Уикерсхэм позднее стал моим заместителем по организации работы американской части Контрольного совета.

На основе соглашений, разработанных Европейской консультативной комиссией, каждый из четырех союзников должен был взять на себя оккупацию части Германии, а военное управление страной возлагалось на Контрольный совет, состоящий из четырех командующих союзными войсками; в помощь совету создавался координационный комитет, а для осуществления контрольных функций - группы офицеров и гражданских лиц со специальными задачами, связанными с разоружением и демобилизацией немецких вооруженных сил, с решением политических, экономических, юридических, финансовых, трудовых и других проблем в связи с введением военного правления в оккупированной стране. Пока существовал штаб верховного командования союзных экспедиционных сил, английские и американские усилия в области военного правления были объединены. Англичане открыли у себя курсы по подготовке работников для военной администрации, аналогичные нашим курсам в Шарлотесвиле, штат Вирджиния. Американские курсы уже подготовили необходимые кадры для военной администрации на Сицилии и в Италии.

Заключительный этап обучения офицеров для военной администрации в американской зоне оккупации проводился в Англии. В штабе верховного командования союзных экспедиционных сил мы создали общий отдел, на который возложили задачу координации всей деятельности военной администрации. Отдел возглавили генерал-лейтенант английской армии Грассетт и бригадный генерал армии США Холмс.

Наш первый опыт военного правления в Германии мы получили возле Ахена перед форсированием Рейна. Этот опыт показал нам, с какого рода проблемами нам предстоит встретиться позднее, когда оккупация распространится дальше, в глубь Германии. Это была новая и трудная обстановка, и она еще

больше усугублялась тем обстоятельством, что мы должны были не принимать бывших нацистов ни на какие государственные должности. Во многих сферах деятельности на местах только местные нацисты имели необходимые знания и опыт. Сразу же возник вопрос относительно того, следует нам использовать этих или других людей, которые обладали очень скудным или вообще не обладали никаким опытом деятельности в той или иной конкретной сфере. Было трудно, но мы как можно скорее освобождались от бывших членов нацистской партии и обучали других немцев, чтобы поставить их во главе предприятий общественного обслуживания, санитарной службы, почты, телеграфа и телефона.

Жизнь офицера военной администрации никогда не была монотонной. Обычно таким людям присваивали офицерские звания в армии в силу их административного или профессионального опыта. Однако когда на плечи такого офицера возлагалось ведение хозяйства целого города, ему приходилось сталкиваться с самыми непостижимыми проблемами в человеческих взаимоотношениях, поддерживать мир и порядок на местах и в то же время вылавливать тех, кого союзники разыскивали, чтобы отдать под суд; он должен был начинать восстанавливать производственную деятельность в стране и в то же время выполнять свою долю в осуществлении большой политики союзников, как она была нам изложена в официальном документе американского комитета начальников штабов. Вначале этот офицер часто оказывался вынужденным выступать в роли судьи в личных ссорах между местными жителями. Едва немцы узнали о нашей программе увольнений с государственной службы бывших членов нацистской партии, каждая жалоба одного гражданина против другого стала обосновываться формулой "он нацист". В хаосе послевоенной Германии ошибки были неизбежны, и они касались как общей политики, так и отдельных мероприятий, проводимых местными органами военной администрации.

Генерал-лейтенант Клей прибыл в Европу в апреле 1945 года, чтобы выступить в роли моего заместителя по вопросам военного управления Германией. Ранее, в ходе войны, в течение короткого периода он оказал неоценимые услуги нашей службе тыла на Европейском театре военных действий. С самого начала он был со мной согласен, что гражданское ведомство должно в конечном счете взять на себя все функции контроля в Германии, и поэтому вся его организация была четко отделена от военного штаба. Таким путем мы были готовы передать военное правление в руки государственного департамента без коренной реорганизации.

По соглашению на политическом уровне штаб Верховного командующего союзными экспедиционными силами прекратил существование 14 июля. По этому случаю я направил в войска прощальный приказ с благодарностью и с пожеланием всего доброго всему личному составу группировки союзников. Впервые после трех лет я перестал быть союзным командующим. С этого момента моя власть распространялась только на американские войска.

Предварительные соглашения по проведению первого заседания Контрольного совета в Берлине были достигнуты не без трудностей. Осложнения порождались языковыми различиями, утомительными методами поддерживания связи, отсутствием личных контактов между старшими военачальниками и разрушениями в Берлине, которые резко ограничивали возможности размещения. Только к 5 июня мы добились достаточного прогресса во всех этих мучительных переговорах, чтобы провести первое официальное заседание союзных командующих в Берлине.

Целью этого заседания являлось просто подписание основного заявления Декларации, в которой сообщалось о создании Контрольного совета и взятии союзными державами всей полноты власти по управлению Германией. Перед выездом в Берлин мы считали, что в данном случае все документы уже полностью согласованы, однако по прибытии туда обнаружили, что имеются вопросы, которые русские все еще считали нерешенными.

Заседание было назначено на вторую половину дня, и я воспользовался предоставившейся мне возможностью заехать в штаб к Маршалу Жукову, чтобы вручить ему высшую воинскую награду - медаль "Легион почета", которой его удостоило американское правительство. Жуков произвел на меня впечатление приветливого человека с отличной военной выправкой.

По возвращении к себе, где нас временно разместили, я узнал, что поступило сообщение о неожиданной задержке в открытии заседания, на котором Маршал Жуков должен был выступать в роли хозяина. Это вызвало досаду, поскольку вечером я должен был вернуться во Франкфурт. В ожидании мы провели долгие послеполуденные часы, а офицер связи из штаба Жукова, говоривший по-английски, не мог дать нам никаких объяснений относительно задержки заседания. Наконец уже к вечеру я решил ускорить дело. Поскольку я знал, что все документы, которые нам предстояло подписать, были ранее изучены и просмотрены каждым из союзных правительств, я не видел обоснованной

причины для задержки, которая теперь выглядела как преднамеренная. Поэтому я попросил офицера связи сообщить Маршалу Жукову, что, к моему большому сожалению, я буду вынужден возвратиться во Франкфурт, если заседание не начнется в ближайшие тридцать минут. Однако когда посыльный уже был готов отправиться с моим заявлением к Жукову, к нам поступило сообщение, что нас ожидают в зале заседаний, куда мы и отправились незамедлительно. Маршал- объяснил, что задержка произошла ввиду того, что он ожидал из Москвы последних указаний по одному важному вопросу. Мы приняли объяснение благосклонно, и Контрольный совет начал работать в атмосфере дружественного радушия.

Круглый стол, за которым мы разместились, оказался самым большим, какие я когда-либо видел. Командующие сидели в окружении толпы военных и политических помощников, фотографов, репортеров, которые, казалось, находились здесь просто для того, чтобы присутствовать. Перед каждым из нас лежало по четыре экземпляра каждого документа, и все их предстояло подписать четырем членам Контрольного совета. После некоторого обсуждения несущественных деталей, формулировок утомительное дело было закончено.

Затем выяснилось, что Маршал Жуков подготовил тщательно продуманный банкет для своих гостей, но я не был готов провести всю ночь в Берлине. Более того, я позволил столь большой группе сопровождать меня в Берлин, и не было никакой возможности позаботиться об их ночлеге в переполненных помещениях, выделенных для нас. Поэтому я сказал Жукову, что мне придется этим же вечером возвращаться во Франкфурт, и довольно рано, чтобы произвести там посадку до наступления темноты. Он попросил меня согласиться на компромисс и зайти в банкетный зал на пару тостов и прослушать две песни в исполнении ансамбля Красной Армии. Он обещал мне быстрый проезд через город к аэродрому, сказав, что сам поедет со мной на аэродром и проследит, чтобы не было никаких задержек.

Столь гостеприимный жест Маршала в отношении своих союзников вызвал у меня сожаление, что я не могу оставаться здесь дольше. Ансамбль Красной Армии замечательно исполнял песни, а банкетный стол был заставлен русскими деликатесами. Перед моим уходом Маршал Жуков объявил, что только что получил из Москвы указание, одобренное генералиссимусом Сталиным, вручить фельдмаршалу Монтгомери и мне русский орден "Победа" - награду, которую до этого еще не получил ни один иностранец. Маршал спросил, когда я хотел бы провести церемонию вручения этого ордена, и я пригласил его посетить

мой штаб во Франкфурте. Он принял приглашение и был доволен, когда Монтгомери тактично заметил, что поскольку в течение всей кампании в Европе он находился под моим командованием, то он тоже хотел бы получить эту награду в моем штабе.

Я сказал Жукову, чтобы он взял с собой на церемонию во Франкфурт ряд своих штабных офицеров и оставался у нас столько, сколько пожелает, а также заверил его, что ему будет оказан теплый прием. Он ответил, что приедет 10 июня и что его будут сопровождать не более десяти штабных офицеров, но остаться он может только на один день. Я соответственно и запланировал официальный завтрак для него и сопровождавших его лиц. В аэропорту мы встретили Маршала Жукова с почетным караулом и оркестром армии США, а затем мы с ним и переводчиком сели в автомашину и поехали в штаб.

Завтрак прошел с большим успехом. Выдался прекрасный летний день, и сначала мы повели гостей на большой открытый балкон, где нас угощали вином и закуской перед завтраком, и в это время, как было запланировано, провели воздушный парад с участием большого числа самолетов нашей авиации, полагая, что Маршал Жуков воспримет это как проявление глубокого уважения к нему. С ближайших аэродромов мы подняли сотни истребителей, за которыми строем пронеслись бомбардировщики всех типов, какие только у нас имелись. В ясную, солнечную погоду получилось внушительное зрелище, и казалось, оно произвело на Жукова большое впечатление.

В соответствии с русским обычаем, насколько мы его знали, во время завтрака провозглашались тосты. Маршал Жуков был мастером провозглашения тостов, или, по крайней мере, таким он нам тогда показался, и его высказывания через переводчика делали честь союзникам и рождали надежду на успех нашего сотрудничества в будущем. Все по очереди провозглашали свои тосты -англичане, американцы, русские и французы. Мы, должно быть, не меньше десяти раз вставали при провозглашении тостов.

Награды, врученные мне и Монтгомери, относились к числу тех немногих, какие я видел и какие имеют больше истинную, чем символическую ценность. Орден представляет собой пятиконечную звезду, инкрустированную примерно 80-90 бриллиантами вокруг рубинов, а в центре звезды находится покрытое эмалью изображение Кремля.

Из опыта контактов западных союзников с русскими в ходе войны генерал Смит, Клей и я пришли к заключению в начале лета 1945 года, что успех совместного управления Германией будет измеряться почти исключительно тем, в какой мере

западным союзникам, как в центре, так и на местах, удастся рассеять у русских подозрение и недоверие. Следовательно, как в личном плане, так и в официальных взаимоотношениях, мы не жалели усилий, чтобы продемонстрировать добрую волю, уважение и дружественные намерения.

Однако в то время сложная проблема перемещенных лиц оказывала на меня большее давление, чем мои личные взаимоотношения с русскими. Под перемещенными лицами подразумевались граждане, оказавшиеся за пределами границ своего государства из-за войны, которые желали, но не имели возможности вернуться домой или найти дом без посторонней помощи или которых нужно было вернуть на вражескую или бывшую вражеской территорию.

Сотни тысяч из таких перемещенных лиц были быстро эвакуированы. Это было одно из решений нашей проблемы военнопленных; многие из этой категории гражданских лиц имели свои дома где-то в Европе и хотели немедленно вернуться туда. Мы для них организовали временные лагеря, чтобы обеспечить их кровом и пищей, пока разрабатываются планы их транспортировки по назначению.

Первое деловое заседание Контрольного совета в Берлине было проведено 10 июля. Председательствовали на заседании по очереди, и на первых порах был заметен прекрасный дух сотрудничества. Возникали различия во мнениях, но в большинстве случаев дело касалось деталей процедур или методов, и в преобладавшей атмосфере сотрудничества они, казалось, не угрожали серьезными осложнениями.

В начале июля мы получили известие, что вскоре состоится Потсдамская конференция. И опять мы должны были подготовить помещения и обеспечить безопасность приема высокопоставленных лиц, но на этот раз моя задача ограничивалась встречей и обеспечением всем необходимым только американской делегации. Я выехал в Антверпен, чтобы встретить крейсер, на котором президент Трумэн и государственный секретарь Бирнс прибывали в Европу. Там я имел возможность обсудить с ними некоторые вопросы, по моему мнению, имевшие важное значение.

Во-первых, я настаивал, чтобы гражданские власти взяли на себя управление в нашей части Германии как можно скорее. При этом я доказывал президенту и государственному секретарю, что пока армии, вероятно, все же придется держать под своим контролем жизнь в нашей оккупационной зоне до обеспечения полной гарантии порядка, но управление обычной повседневной жизнью отдельных граждан не является обязанностью военной

организации. Я считал, что, сколь ни эффективно и целеустремленно армия будет работать по осуществлению возложенной на нее задачи, наверняка возникнут недоразумения. В конечном счете американские концепции и традиции лучше всего будут претворяться в жизнь, если государственный департамент возьмет на себя всю полноту административной власти в нашей зоне, используя американскую армию в качестве вспомогательного средства и опоры для гражданского правления. Как президент, так и государственный секретарь полностью соглашались со мной, и я начал думать, что это произойдет в пределах нескольких месяцев.

Вернувшись в конце 1945 года в Соединенные Штаты и заняв пост начальника штаба армии, я продолжал настаивать перед государственным секретарем Бирнсом на разумности такого шага, но вскоре понял, что его взгляды изменились. Хотя он всегда был согласен со мной, но осуществить идею не соглашался ввиду того административного и финансового бремени, которое тем самым легло бы на государственный департамент.

Другой вопрос, по которому я рискнул высказать свои соображения президенту Трумэну, касался намерений русских вступить в войну против Японии. Я говорил ему, что, поскольку имеющиеся сведения указывают на неизбежность скорого краха Японии, я категорически возражаю против вступления Красной Армии в эту войну. Я предвидел определенные трудности, которые будут порождены ее участием в войне, и предлагал, чтобы, по крайней мере, мы не ставили себя в положение упрашивающих или умоляющих русских о помощи.

Третье предложение, с которым я обратился к президенту, сводилось к тому, чтобы мы сохранили некоторую гибкость в вопросе прекращения операций в рамках ленд-лиза с французами и англичанами. Я не был знаком С точными формулировками законов, связанных с ленд-лизом, но знал, что окончание боевых действий вовсе не означает немедленного уменьшения потребностей французов и англичан в наших поставках им продовольствия и других предметов первой необходимости, на которые те с уверенностью рассчитывали. Я полагал, что нужно избежать одностороннего и внезапного прекращения помощи по ленд-лизу и поступить таким образом, чтобы дать возможность этим странам быстро приспособиться к новым условиям.

Я информировал президента о своем убеждении, что нам следует обращаться с экономикой Германии, и в частности в вопросах репараций, таким образом, чтобы дать немцам возможность существовать при условии их готовности трудиться. А относительно такой готовности не было никаких сомнений. С

первого дня, как мы вступили на территорию Германии, было заметно стремление рядовых граждан трудиться с утра до ночи даже ради своего скудного существования. Еще до того, как мы пересекли Рейн, я видел, как немецкие женщины и дети на полях, в условиях беспорядочной стрельбы кругом, пахали и сеяли, чтобы получить какое-либо подобие урожая в том году.

Клей и я были убеждены, что восстановление Рура было исключительно важным делом в наших собственных интересах. Нигде в другом месте Европы не имелось залежей угля, равного по качеству рурскому углю и столь легко добываемого. И уже становилось очевидным, что уголь будет ключом к успешному управлению оккупированной Германией. Без угля невозможно восстановление транспорта, а без транспорта вся страна останется парализованной. Я говорил президенту, что если мы не восстановим Рур, то Германия вскоре окажется на грани голода. Американцы, разумеется, никогда не допустят, чтобы с голоду умирали даже их бывшие враги, и добровольно возьмут на себя дорогостоящую задачу снабжения их продовольствием. Но, как я полагал, можно было предотвратить такое финансовое бремя. Мне казалось, что если будут восстановлены добыча угля в Руре и транспорт, то Германия вскоре окажется в состоянии экспортировать продукцию своей легкой промышленности, никоим образом не связанной с запрещенной для Германии военной промышленностью. Такой экспорт позволял бы Германии закупать и импортировать из других стран достаточное количество продовольствия, чтобы покрыть неизбежные нехватки в нем.

В Потсдаме я несколько раз встречался с разными членами американской делегации, но поскольку война в Европе была завершена, то я не участвовал в работе конференции ни в качестве официального свидетеля, ни в качестве советника.

У меня состоялась долгая беседа с военным министром Стимсоном, который очень коротко сообщил мне, что в штате Нью-Мексико скоро будут проведены испытания атомной бомбы, которую наконец удалось разработать американским ученым. Результаты успешного испытания вскоре были сообщены телеграммой военному министру. После этого сообщения он почувствовал огромное облегчение, ибо с напряженным интересом следил за ходом работ и чувствовал большую ответственность за те деньги и ресурсы, какие были израсходованы на создание бомбы. Я выразил надежду, что мы никогда не применим такое оружие против любого врага, так как мне было бы неприятно видеть Соединенные Штаты в роли инициатора использования в войне столь ужасного и

разрушительного средства. Более того, у меня теплилась некоторая надежда, хотя и ошибочная, что если мы никогда не применим это оружие в войне, то другие народы, возможно, останутся в неведении относительно того, что проблема расщепления атома уже решена. Я тогда, конечно, не знал, что в производство этого оружия вовлечена целая армия ученых и что тайну в этом важном вопросе невозможно сохранить более или менее длительное время. Это было мое личное мнение, явившееся непосредственной реакцией на известие о новом оружии, оно не было основано ни на каком анализе данной проблемы. Во всяком случае, было принято решение, что если Япония не пойдет на быструю капитуляцию в соответствии с требованиями, переданными японскому правительству из Потсдама, то план использования атомной бомбы будет приведен в исполнение.

Находясь в Германии, президент изъявил желание совершить инспекционную поездку в войска. Я договорился, чтобы поездка была в американскую зону, и по счастливому совпадению в число инспектируемых соединений попала 84-я дивизия. В этой дивизии начальником штаба был полковник Луис Трумэн, двоюродный брат президента, и поэтому поездка в дивизию стала бы для президента приятной не только в официальном, но и в личном плане.

Однажды, когда вместе с президентом в машине ехали генерал Брэдли и я, Трумэн начал обсуждать планы относительно использования в будущем некоторых из наших военных руководителей. Я сказал, что не имею никаких честолюбивых замыслов, что хочу уединиться в тихом домике и оттуда делать то немногое, что смогу, чтобы помочь нашему народу понять некоторые из тех больших перемен, которые принесла миру война, и неизбежную ответственность, которая ляжет на всех нас в результате этих перемен. Я никогда не забуду ответ президента. До этого времени у нас с ним было только две или три мимолетные встречи по разным поводам. У меня был с ним неофициальный завтрак, я нашел президента искренним, честным и исключительно приятным человеком при решении деловых вопросов. Здесь, в автомашине, он обернулся ко мне и сказал: "Генерал, я всегда готов помочь вам во всем, что бы вы ни попросили. В том числе и при выдвижении вашей кандидатуры на пост президента в 1948 году".

Я сомневаюсь, чтобы какой-либо солдат в нашей стране был когда-нибудь так неожиданно поражен в своих сокровенных чувствах ошеломляющим предложением своего президента, высказанным со столь очевидной искренностью, как я в данном случае. В беседах с друзьями в шутливой форме мне и раньше

предлагались варианты возможной политической карьеры. Я всегда тут же отвергал подобные идеи, однако когда сам президент неожиданно обрушил на меня этот бортовой залп, то у меня не оставалось ничего иного, как воспринять это как прекрасную шутку. Я надеялся, что это именно шутка. Искренне посмеявшись, я ответил: "Господин президент, я не знаю, кто будет вашим оппонентом на президентских выборах, но только не я". В серьезности сказанного у меня не было никаких сомнений.

Глава 23. Операция "Изучение"

Летом 1945 года, когда наши главные усилия были направлены на передислокацию войск, введение оккупационного режима и осуществление многих других второстепенных задач, непосредственно связанных с нашей миссией, мы также были заняты профессиональным делом - изучением опыта войны и ее уроков.

Мы располагали материалами, монументальными по объему и уникальными по содержанию. Кампании на Средиземноморском театре военных действий и в Европе не имели себе равных в истории войн; в ходе этих кампаний армия Соединенных Штатов провела операции, беспрецедентные со времени ее создания в 1775 году.

Для ведения операций в Африке и Европе потребовалось создание крупных наземных сил. В эти силы, основу которых составляли сорок семь пехотных дивизий с артиллерией, входили шестнадцать бронетанковых и четыре воздушно-десантные дивизии, одна горная дивизия, четыре морские бригады для управления десантно-высадочными средствами, не говоря уже об инженерно-десантных и саперных подразделениях, множество дивизионов зенитной, полевой и противотанковой артиллерии. Столь же огромное число американских авиационных частей и подразделений было сформировано на этих двух театрах военных действий.

Были установлены межконтинентальные линии коммуникаций системы транспортировки и управления, создана структура военной администрации для контроля за многомиллионным населением враждебных стран. Осуществление боевых операций потребовало координации действий с гражданскими министерствами иностранных государств, деятельность которых отличалась от деятельности наших государственных учреждений, проведение совместной штабной работы с союзническими армиями, осуществление новых методов стратегического руководства в рамках нашей собственной военной организации и дипломатических усилий, которые до этого редко поручались командованию боевой

группировки. Никакое предвоенное определение задач армии не могло бы в полной мере предсказать размах и сложность ее деятельности в войне против европейских держав "оси". Как в достижениях, так и в ошибках для нас было много поучительного.

Чисто в военном плане действия войск представляли собой огромные и непрерывные наступательные операции, длившиеся многие месяцы, которые требовали изучения и оценки их уроков. Задача, поставленная перед группировкой союзных войск, была самой трудной, какую когда-либо имела перед собой армия в войне. Из Северной Африки через Сицилию и Италию наши войска атаковали "крепость Европы" и высадились на побережье, многие дни вели бои на плацдарме, не имея даже посредственного порта для снабжения десанта, затем должны были овладеть достаточно благоприятными позициями для борьбы с превосходящими сухопутными силами противника и в конечном счете создать там такую группировку, которая оказалась бы в состоянии осуществить полный разгром врага.

Во всех этих операциях, в особенности в Западной Европе, нашим руководящим принципом было - любой ценой не допустить остановки в продвижении войск, ибо это могло приковать наши войска на занятых рубежах и превратить боевые действия в позиционную войну, как во время Первой мировой войны. Иногда при проведении любой кампании возникает перенапряжение в системе снабжения наступающих войск, которое в значительной степени препятствует продолжению мощных наступательных действий. В такие периоды определенная степень стабилизации фронта неизбежна. Однако войска союзников не позволяли этим периодам стабилизации перерастать в долгие, мрачные и изнурительные сражения, какие обескровили Европу во время Первой мировой войны. Нужно было тщательно исследовать воздействие на ход боевых действий огневой мощи, мобильности войск и воздушных ударов, которые мы использовали для достижения нашей цели, чтобы найти наиболее эффективные варианты их сочетания и внести это в нашу военную доктрину.

Помимо высадки морского десанта, наши войска преодолели естественные и искусственные препятствия, считавшиеся непреодолимыми. В Африке, на острове Сицилия и в Италии местность, по которой мы наступали, была удобна для оборонительных операций. На тунисских холмах, на склонах Этны и в Апеннинах имелись десятки исключительно важных пунктов, где батальон мог остановить наступление целой армии. В Западной Европе река Рейн на всем своем протяжении, особенно на севере, где она проходит по легко затопляемым

Нидерландам, в течение двадцати столетий служила наиболее грозным барьером для военных действий против Германии. Все эти естественные препятствия были преодолены.

Не говоря уже об естественных препятствиях в Западной Европе, союзные армии дважды с боями пробивались через оборонительные сооружения, созданные с большим тактическим и инженерным мастерством. В анналах военной истории выдающейся страницей останется прорыв через Западный вал или "линию Зигфрида".

Легко умалять значение фортификаций и оборонительных сооружений на местности. Китайская стена, Римская стена и "линия Мажино" в конечном счете не сыграли своей роли при обороне. Однако на любом конкретном участке фронта любая часть, которая обороняется на заранее подготовленных позициях, располагает огромным превосходством над противником, наступающим на открытой местности.

Против Западного вала мы использовали внезапность при выборе района высадки десанта и сосредоточение огромных сил на узком участке фронта, чтобы добиться начального вклинения. Оборонительные позиции не имели большой глубины. Прорвавшись через них в районе десантирования, наша воздушная и морская мощь обеспечивала нам возможность использования захваченных участков в прибрежной полосе для наращивания сил. Более того, немецкие части оказались изолированными друг от друга вследствие разрушения линий коммуникаций между ними и мостов через Сену и Луару; наши подкрепления шли потоком в то время, как противнику с большими трудностями удавалось поддерживать численность своих войск.

Более грозным препятствием для нас оказалась "линия Зигфрида". Ее оборонительную систему составляли крупные минные поля, сложная сеть препятствий, противотанковые рвы, скрытые железобетонные бункеры и сильно укрепленные огневые точки, поддерживаемые артиллерией. Опорные пункты связывались между собой прекрасной системой ходов сообщений и располагали надежными путями подвоза, по которым можно было быстро доставлять подкрепления и боеприпасы. В некоторых местах глубина обороны на "линии Зигфрида" достигала нескольких миль. В других местах для увеличения глубины обороны использовались водные преграды.

Задача вклинения в такую систему обороны и ее прорыва представляла собой наиболее серьезную, почти вызывавшую ужас проблему для наступавших войск. За ошибки всегда расплачиваются потерями, а войска быстро почувствуют любую

ошибку, допущенную их командирами. Даже в условиях зимы 1945 года, когда некоторые участки "линии Зигфрида" оборонялись наскоро сформированными и слабо обученными войсками, ее прорыв и фактически полное уничтожение оборонявшихся на ней частей было достигнуто не только благодаря боевым качествам союзных солдат, но и решимости и профессиональному мастерству командиров дивизий, корпусов, командующих армиями и группами армий.

Первым и наиболее поучительным уроком Средиземноморской и Европейской кампаний явилось доказательство, что войну можно успешно вести коалицией стран. Были преодолены исторические трудности, а серьезные сомнения, существовавшие на этот счет почти до конца 1942 года, полностью рассеяны. Правительства и подчиненные им экономические, политические и военные организации объединились в одном огромном усилии, и между ними не возникло ни одного серьезного затруднения, вызванного национальными интересами какого-либо члена коалиции.

Эффективность действий союзников во Второй мировой войне подтвердила возможность создания и использования совместного механизма управления войсками, который может выдержать самые суровые испытания войны. Ключом к решению этой проблемы является готовность на самых высоких уровнях уладить все национальные разногласия, которые влияют на стратегическое использование объединенных ресурсов, а на театре военных действий - готовность назначить единого командующего, которого все будут всемерно поддерживать. Если осуществить эти две вещи, то успех будет зависеть от проницательности, руководства, мастерства и суждений тех военных людей, которые составят командные и штабные инстанции; если эти две вещи не будут сделаны, то только неудача станет итогом коалиционных усилий.

Хотя единство союзников, пути и средства его достижения составляли главный урок войны, мы в армии интересовались главным образом тем, что влияло на чисто военные концепции и принципы. Если бы можно было изучить каждое сражение, пока сохраняются все подробности в памяти тех, кто в них участвовал, и подвергнуть тщательному анализу как боевые успехи, так и допущенные ошибки в этих сражениях, то мы могли бы внести огромный запас фактических знаний в науку о войне -быстрое достижение военной победы при минимальных потерях человеческих жизней.

. С этой целью сразу же после прекращения боевых действий мы организовали большую группу из наиболее опытных

офицеров, каких только могли найти. Их сначала возглавил генерал Джероу, позднее его заменил генерал Паттон. Для того чтобы военное министерство всегда располагало всеми фактами и мнением людей, которые непосредственно участвовали в боевых действиях и были хорошо знакомы с проблемами обеспечения войск и управления ими на поле боя, этой группе были созданы все условия и предоставлено необходимое время, чтобы завершить поставленную перед ней задачу.

Наиболее важным из военных уроков было исключительное и возраставшее влияние авиации на ведение войны. В ходе Европейской кампании почти ежедневно появлялись новые методы использования воздушной мощи. Ее воздействие на способность Германии вести войну решительно сказывалось как на западном, так и на русском фронтах. Кроме того, самолет оказался ценным транспортным средством, в частности, во время нашего наступления во Франции в конце 1944 года и в Германии весной 1945 года.

101-я воздушно-десантная дивизия не сумела бы удержать за собой Бастонь, важный узел дорог, во время немецкого контрнаступления в декабре 1944 года, если бы самолеты не доставили ей 800 тыс. фунтов различных боевых грузов в критические дни между 23 и 27 декабря. В нашей крупнейшей воздушно-десантной операции под названием "Варсити", предпринятой в поддержку форсирования Рейна в его северной части войсками Монтгомери 24 марта 1945 года, 1625 самолетов и 1348 планеров доставили в район боевых действий свыше 22 тыс. войск и почти 5 млн. фунтов грузов. Авиация стала также наиболее ценным средством получения информации о противнике не только на его крупных базах, но и по всему фронту. С помощью аэрофотосъемки выявлялись даже самые мелкие детали в подготовке противником обороны или наступления, а наш порядок использования полученных с помощью авиации разведывательных данных был доведен до такого совершенства, что они доходили до войск всего за несколько часов.

Ученые и изобретатели многими способами трансформировали лицо войны. При высадке на побережье мы имели большое преимущество в новых видах вооружения и оснащения военно-морских сил, а также в танках, которые могли самостоятельно доплыть до берега после спуска их на воду за многие сотни ярдов до кромки берега. В конце войны мы использовали в большом количестве безоткатное орудие очень легкого веса, стрелявшее снарядами огромной разрушительной силы.

Изучая воздействие на методы ведения войны новой техники и оружия, мы в то же время рассматривали и роль основного фактора, обеспечивающего военный успех, - роль отдельного солдата.

Обученный американский солдат обладает высокими боевыми качествами, но и для него есть предел. Поэтому сохранение его индивидуальной силы и силы коллектива является одной из важнейших задач командира.

Соединения, получившие боевой опыт, обычно действуют более эффективно, чем те, которые впервые вступают в бой. Однако боевой опыт не рождает любви к полю боя; у ветеранов желание идти на передний край, где носятся пули и рвутся снаряды, отнюдь не больше, чем у необстрелянных солдат. Но ветераны более умело используют любую благоприятную для себя возможность во время огневой поддержки и при маневре на местности.

Они приобретают твердость, которая не может быть поколеблена неразберихой и разрушениями сражения. Но если их держать слишком долго в боях, то у них начинает проявляться физическая и духовная усталость; наиболее смелые и агрессивные из них - от природы рожденные руководить - несут необычайно большой процент потерь. Следовательно, периодический отвод частей на отдых с переднего края является обязательным для сохранения их боеспособности.

В Италии и Северо-Западной Европе мы часто не имели такой возможности, и иногда полки и батальоны должны были оставаться в боях слишком длительное время. Некоторые дивизии слишком долго не отводились с переднего края на отдых; 34-я, 45-я, 3-я и 1-я дивизии заняли первые места по числу дней, проведенных в боях. Общее число таких дней для этих соединений колебалось от 438 до 500 и более; и они также понесли относительно высокие потери.

Длительное пребывание в боях всегда оказывает плохое воздействие на войска. Если часть отводится на отдых до того, как процесс физического и душевного переутомления зашел слишком далеко, и до того, как ее потери стали очень большими, то она может, приняв новое пополнение, значительно быстрее вновь подготовиться к ведению боевых действий, чем та, которую держали в боях слишком долго. Более того, периодическое предоставление солдату отдыха от напряженной обстановки на переднем крае оказывает прекрасное влияние на укрепление его боевого духа, а моральное состояние войск в любой войне всегда остается решающим фактором.

Очень скоро после начала кампании в Северной Африке

стало очевидно, что эмоциональная устойчивость и духовные силы отдельного солдата имеют столь же важное значение для обеспечения успеха в бою, как и его оружие и боевая подготовка. По мере того как нарастала интенсивность наших наступательных операций, среди личного состава стали в угрожающих размерах распространяться нервные заболевания, вызванные боевой обстановкой.

В начале войны, как правило, армейский офицер, как кадровый, так и призванный из запаса, слишком увлекался внешней стороной в подготовке солдат, основанной исключительно на совершенствовании методов обучения. Но командиры обычно чувствуют себя неуверенно, когда им приходится иметь дело с вопросами, касающимися духовного мира человека: с желаниями, чувствами, идеалами, внутренними убеждениями, увлечениями. Несмотря на самые искренние попытки командиров повлиять на поведение и привычки солдата, его обучение или воспитание в нем таких черт человека, как мужество и стойкость, эти командиры фактически уклоняются от вопросов духовной жизни из опасений, что солдаты могут истолковать это как "проповеди".

Не требуется никаких доказательств важности этого вопроса для тех, кто посещал госпитали и центры пересмотра категорий личного состава в тылу и передний край действующей армии. В зоне боевых действий такой посетитель всегда оказывался под впечатлением уверенных и спокойных действий союзного солдата, выполнявшего свои обязанности, переносившего тяготы и лишения в условиях постоянной опасности, иногда даже с некоторой бравадой, которая, казалось, никогда не покидала его.

В тылу отдельно размещались госпитали и лагеря для тех, кто совершил самострелы, членовредительство, страдал истерией и психоневрозом или, по утверждениям врачей, преднамеренно заразил себя венерической болезнью. Процент таких был невелик, но в совокупности они составляли большое число. Для командира очень полезно посетить такие места, поговорить с некоторыми людьми, попытаться понять их душевное состояние, страх, пораженческие настроения, охватившие этих солдат, которые, в сущности, страшатся жизни, хотя полагают, что боятся смерти.

В войне время является исключительно важным фактором, его не хватает командирам. Этот вопрос продуман еще далеко не до конца. Очевидные доказательства боеготовности частей и подразделений, отмечаемые в слаженности действий и манере поведения солдат, настолько заметны, что офицеры всех рангов не могут или не уделяют достаточного внимания отдельному солдату. А между тем именно внимание к каждому солдату

является ключом к успеху, в частности, в силу того, что в любой глобальной войне Америка всегда будет ощущать нехватку в людских ресурсах.

Совершенно очевидно, что наши военные училища должны давать офицерам навыки работы с людьми. Независимо от того, какого прогресса достигнут в воспитательных учреждениях страны, задачей армии остается обеспечение успеха в войне, и армия не может пренебрегать никакими средствами, которые, как показал опыт, играют существенную роль в достижении этого успеха.

Все совершенствования в методах обучения войск, их оснащении и разрушительной силе оружия, которые мы изучали, казались мелкими новшествами по сравнению с революционным воздействием атомной бомбы на войну. Ни одна атомная бомба не была использована на Европейском ТВД, да ее использование здесь и не планировалось. Однако даже те донесения, которые поступили к нам после использования первой из них против Хиросимы 6 августа, не оставили у нас никаких сомнений относительно того, что началась новая эра в военном деле.

В одно мгновение многие военные концепции оказались отброшенными. Казалось, что начиная с этого момента целью агрессивной державы будет накапливание запаса атомных бомб в достаточном количестве и внезапное их использование против индустриальных комплексов и крупных населенных центров своей жертвы. Наступательные действия в основном будут связаны с мощью удара, надежностью и точностью доставки боеприпаса до цели, в то время как обороняющаяся сторона будет стремиться предотвратить такой удар и, в свою очередь, выпустить свои запасы атомных бомб против территории нападающей стороны. Даже руины Германии вдруг, казалось, превратились лишь в слабое предупреждение относительно того, что может означать будущая война для людей на земле.

Я считал и надеялся, что этот последний урок в качестве дополнения ко всем другим, какие принесли миру шесть лет непрерывной войны, убедят каждого и повсюду, что следует отказаться от применения силы в области международных отношений. Располагая убедительными данными самой разрушительной войны, какую когда-либо люди вели на земле, я все более укреплялся в своей надежде, что это изобретение, которое, казалось, не имеет пределов в своей разрушительной силе, заставит людей ради самосохранения найти пути устранения войны. Возможно, это было только восприятие желаемою за действительное, что страх, всеобщий страх, может быть, приведет к успеху там, где государственная мудрость и

религия пока что оказались бессильными.

Глава 24. Россия

Соединенные Штаты и Россия вышли из войны как две самые мощные державы на земном шаре. Этот факт оказывал влияние на каждую деталь в американской официальной политике в оккупированной Германии, ибо любое продолжение борьбы между этими двумя державами безнадежно осложнило бы наши проблемы на местах и, возможно, даже свело бы на нет нашу победу, доставшуюся дорогой ценой. Но дело касалось значительно более серьезных проблем, чем эффективность управления Германией или осуществление политического контроля.

Насколько прочным может оказаться вновь обретенный мир, какие качества сумеют приобрести Объединенные Нации, по какому курсу в будущем пойдет цивилизация - ответы на эти вопросы теперь со всей очевидностью были связаны с одним важным фактором, а именно: со способностью Востока и Запада трудиться и жить вместе в одном мире.

В прошлых взаимоотношениях между Америкой и Россией не было причин, чтобы сегодня смотреть на будущее с пессимизмом. Исторически эти два народа непрерывно поддерживали дружественные отношения, уходящие своими корнями ко временам зарождения Соединенных Штатов как независимой республики. За исключением короткого периода, они постоянно поддерживали друг с другом дипломатические отношения. Ни тот, ни другой народ не был запятнан созданием колониальных империй путем применения силы. Уступка одной страной богатой территории Аляски другой стране явилась беспрецедентным международным событием, без каких-либо угроз и без каких-либо взаимных обвинений после сделки. Дважды они были союзниками в войне. С 1941 года они зависели друг от друга в достижении конечной победы над европейскими странами "оси".

Однако идеологически США и Советский Союз занимали диаметрально противоположные позиции. Вполне возможно, что русским наша приверженность к системе, основанной на свободном предпринимательстве, представляется, по существу, политической незрелостью, позволяющей эксплуатировать массы. Из-за этого различия между системами государственного управления двух великих держав в мире могут сложиться два враждебных лагеря, расхождения которых в конечном счете могут вызвать еще одну опустошительную войну. Если бы, однако, удалось навести мосты через этот разрыв путем практических методов эффективного сотрудничества, то были бы гарантированы мир и согласие во всем мире. Никакие другие

расхождения среди государств не стали бы угрозой всемирному согласию и спокойствию при условии, что между Америкой и Советами будет установлено взаимное доверие.

Препятствия, сомнения, страхи перед возможным провалом в американо-советских отношениях встречались на каждом шагу, и альтернатива успеху казалась настолько устрашающей, что все мы в Контрольном совете стремились использовать любые возможности, чтобы содействовать прогрессу установления взаимного доверия.

Берлин, по нашему убеждению, являлся экспериментальной лабораторией для выработки международного согласия. Здесь Запад соединился с Востоком в осуществлении задачи по перестройке исключительно сложной экономики и по перевоспитанию многочисленного населения, чтобы привить ему политическую порядочность и чтобы Германия, лишенная возможности и воли к агрессиям, могла вновь войти в семью народов.

Если бы в этих усилиях удалось выработать совместные пути и средства разрешения наших разногласий и проблем на местах, то это означало бы крупный шаг вперед по пути дружественного урегулирования мировых проблем. Для нас, американцев, первостепенное значение имел тот вклад, который мы могли на местах внести в дело установления делового партнерства между Соединенными Штатами и Россией. Моя деятельность в этом направлении и вера в конечный успех усилий Объединенных Наций основывались на моем опыте работы в качестве Верховного главнокомандующего.

В этой должности я был свидетелем того, как многие народы добивались твердого единства цели, несмотря на различия во взглядах и образе жизни. Военное руководство своими войсками при ведении боевых действий -наиболее ревностно охраняемый символ национального суверенитета - они поручили единому лицу, олицетворявшему все права. И хотя они сохраняли за собой административный контроль над своими частями и соединениями от назначения командиров до установления норм питания, союзное командование было единственным органом, руководившим всеми войсками в целях достижения победоносного завершения войны. Принцип управления войсками посредством комитета, в котором нужно было добиваться единогласия, прежде чем могли быть предприняты объединенные действия, был отброшен в пользу единого командующего, представлявшего все страны, вовлеченные в борьбу против общего врага.

Во время войны было доказано, что можно добиться

международного единства цели и ее осуществления, не подвергая опасности независимость ни одной страны, при условии если все были готовы передать часть своей власти единому штабу с правом требовать от подчиненных ему союзных войск выполнения принятых решений. При создании ООН и союзного органа для контроля над Германией этот опыт не был тем не менее учтен. Применение этого метода означало бы некую форму ограниченного федерального мирового правительства; метод этот, хотя и был проверен западными союзниками в ходе войны как единственно надежный путь к успеху, политически оказался неприемлем ни для одной из великих держав. Настойчивое требование на сохранении права вето на конференции ООН в Сан-Франциско в июне 1945 года основывалось на традиционной, но устаревшей концепции, что международные задачи могут решаться только единогласным решением. То же самое единогласие требовалось в Берлине даже при решении самых мелких вопросов.

Поэтому мы очень надеялись создать среди тех, кто был занят работой в оккупационных органах, атмосферу дружественных отношений друг с другом, стремясь миролюбиво добиться общего взаимопонимания и общих целей к нашей взаимной выгоде. Если бы такую атмосферу можно было создать в Берлине, она распространилась бы за пределы Германии до наших столиц. Международное доброжелательство, продемонстрированное в ходе конференции в Потсдаме между главами государств, послужило благоприятным началом. Если бы мы смогли за столом переговоров вести дела на дружественной основе, то фактически могли бы жить вместе как друзья и в конечном счете работали бы в условиях мирового сотрудничества. "Модус вивенди" между Востоком и Западом был нашей первоочередной задачей.

2 августа президент и сопровождавшие его лица выехали из Германии в Соединенные Штаты. Спустя несколько дней мне сообщили из Вашингтона, что генералиссимус Сталин направил мне приглашение посетить Россию. Это было обновлением старого приглашения, которое я получил в начале июня, но тогда не мог принять, так как должен был выехать в Вашингтон в военное министерство. С этим приглашением поступило выражение надежды моего правительства, что я смогу принять его.

Генералиссимус предложил, чтобы в рамки моего визита вошла дата 12 августа. Это был день национального спортивного праздника в Москве. Я был рад предоставившейся мне возможности увидеть страну, в которой никогда до этого не

бывал, но еще больше я был рад тому, что это означало, что Советское правительство было в такой же мере заинтересовано в развитии дружественных контактов, как и мы. Я быстро ответил согласием, и мне сообщили, что официально я буду гостем Маршала Жукова во время моего пребывания в Москве и что он будет сопровождать меня из Берлина в Москву.

Когда известие о моей предстоящей поездке разошлось по штабу, буквально десятки сотрудников выразили просьбу сопровождать меня. Принимая во внимание ограниченные возможности для размещения в Москве, я взял с собой в поездку только генерала Клея и моего старого друга бригадного генерала Т. Дейвиса. В качестве адъютанта на время поездки я хотел взять моего сына Джона, лейтенанта, который уже несколько месяцев служил на Европейском театре военных действий. Командир отпустил его. Сержант Леонард Драй, находившийся при мне всю войну, также вошел в нашу группу.

По прибытии в Москву нас разместили в американском посольстве у моего доброго друга Аверелла Гарримана, бывшего в то время американским послом. Нашей хозяйкой была его очаровательная дочь Кэтлин. В ходе долгой войны у меня сложилось очень высокое мнение о способностях Гарримана и его взглядах, и я был рад иметь его в качестве наставника и советчика во время моего ответственного визита в страну, совершенно мне незнакомую.

Мой визит в Москву начался со встречи с генералом Антоновым, начальником Генерального штаба Красной Армии. Он провел меня на свой командный пункт, рассказал о положении войск на Дальнем Востоке и показал детальный план кампании, которая была начата всего несколько дней назад. Повсюду в районе Маньчжурии действия проходили в соответствии с планом, и чувствовалось, что генерал Антонов уверен в быстрой и легкой победе. Мы до позднего вечера обсуждали военные проблемы, и беседа проходила в атмосфере большого радушия и взаимного доверия.

Утром следующего дня должен был состояться большой спортивный парад на Красной площади. Здесь находились только специально приглашенные гости правительства и участники спортивного парада. В отношении определения числа последних мнения расходились между двадцатью и пятьюдесятью тысячами. По моим подсчетам, первая цифра была ближе к истине.

Зрители размещались на площадках без каких-либо сидений. Каждый должен был стоять. Как только мы заняли секцию, предназначенную для американского посла и прибывших с ним лиц, к нам подошел генерал Антонов, чтобы сообщить, что

генералиссимус Сталин приглашает меня к себе на трибуну Мавзолея, если, конечно, я пожелаю. Поскольку я был вместе с американским послом, престиж которого как представителя президента имел важное значение, то у меня появились сомнения, уместно ли мне оставить посла, чтобы самому идти к генералиссимусу. Необходимость обо всем говорить через переводчика лишала меня всякой возможности расспросить у генерала Антонова сугубо конфиденциально относительно этого предложения, и я сразу заколебался. Однако он избавил меня от дальнейшего замешательства, сообщив остальную часть приглашения Сталина, которая гласила: "Генералиссимус говорит, что если захотите подняться на трибуну Мавзолея к нему, то он приглашает еще двух ваших коллег". Я обернулся к послу, чтобы быстро с ним посоветоваться. Он сказал, что приглашение беспрецедентное, насколько ему известно, никогда еще ни одного иностранца не приглашали на трибуну Мавзолея Ленина. Поэтому, понимая, что этим приглашением нам оказана особая честь, я быстро ответил генералу Антонову, что очень рад приглашению и что я хотел бы, чтобы вместе со мной пошли посол я глава американской военной миссии в Москве генерал-майор Джон Дин. Я считал, что если уж речь идет о каком-то местном престиже, то для посла и его помощника это было бы наиболее полезным.

Пять часов стояли мы на трибуне Мавзолея, пока продолжалось спортивное представление. Никто из нас никогда не видел даже отдаленно похожего на это зрелище. Спортсмены-исполнители были одеты в яркие костюмы, и тысячи этих людей исполняли движения в едином ритме. Народные танцы, акробатические номера и гимнастические упражнения исполнялись с безупречной точностью и, очевидно, с огромнейшим энтузиазмом. Оркестр, как утверждали, состоял из тысячи музыкантов и непрерывно играл в течение всего пятичасового представления.

Генералиссимус не обнаруживал никаких признаков усталости. Наоборот, казалось, он наслаждался каждой минутой представления. Он пригласил меня встать рядом с ним, и с помощью переводчика мы разговаривали с перерывами в течение всего спортивного представления.

Сталин проявил большой интерес к промышленным, научным и экономическим достижениям Америки. Он несколько раз повторял, что для России и США важно оставаться друзьями. "Имеется много направлений, - сказал он, - по которым мы нуждаемся в американской помощи. Наша огромная задача заключается в том, чтобы поднять уровень жизни русского

народа, серьезно пострадавшего от войны. Мы должны узнать все о ваших научных достижениях в сельском хозяйстве. Мы должны также воспользоваться вашими специалистами, чтобы они помогли нам решить наши проблемы в области машиностроения и строительства. Мы знаем, что мы отстаем в этих вопросах, и знаем, что вы можете помочь нам". Эту мысль он сохранял в ходе всей беседы, в то время как я ожидал, что он ограничится просто выражением общих фраз о желательности сотрудничества.

Затем генералиссимус перевел разговор на тему о Контрольном совете и заметил, что эта работа важна не только в силу специфичности задач, но и потому, что она помогает выяснить, могут ли великие державы, победители в войне, продолжать успешно сотрудничать при решении проблем мирного времени.

За те немногие дни, что мы провели в Москве, мы побывали на футбольном матче, где присутствовало 80 тыс. заядлых болельщиков; осмотрели Московский метрополитен, которым русские очень гордятся, и посетили художественную галерею. Мы провели полдня на авиационном заводе, выпускающем штурмовики, и целый день -в совхозе и колхозе. Повсюду мы видели свидетельства простой и искренней преданности родине - патриотизм, который обычно выражался словами: "Это все для матери-Родины". Рабочие авиационного завода говорили мне, что во время войны рабочая неделя у них составляла 84 часа, и с гордостью отмечали, что ежедневный выход на работу при этом равен был что-то 94 процентам. Значительная часть рабочих - это женщины и дети, и трудно было понять, как они, при столь скудном питании и отсутствии транспортных средств, могли обеспечивать такой высокий процент. То же самое было и в колхозах. Вершиной всех событий, связанных с нашим пребыванием в Москве, стал обед в Кремле. В сверкающем огнями зале находилось множество маршалов Красной Армии и ряд работников Министерства иностранных дел, которые выполняли роль переводчиков. Из моей группы здесь присутствовали офицеры, а также посол и генерал Дин. Было провозглашено множество тостов, и каждый из них отражал дух сотрудничества и совместной работы, какая постепенно сложилась в ходе войны. После обеда состоялся просмотр фильма, посвященного операциям русских по взятию Берлина. Как объяснил мне переводчик, в Берлинском сражении участвовали двадцать две дивизии и огромное количество артиллерии. Я заинтересовался фильмом, и генералиссимус с готовностью заметил, что даст мне копию фильма. Я сказал, что хотелось бы иметь также и его фотографию, и он ничего этого не забыл. Буквально через

несколько дней я получил в Берлине полную копию фильма и фотографию генералиссимуса с его дарственной надписью.

Он просил меня передать генералу Маршаллу выражение его сожаления по поводу той, как генералиссимус выразился, личной грубости, допущенной им во время войны. Он сказал, что однажды получил от генерала Маршалла информацию о противнике, которая оказалась ложной и вызвала некоторую путаницу. В раздражении, сказал генералиссимус, он направил Маршаллу резкую радиограмму, но позднее сожалел об этом, так как был уверен, что Маршалл действовал из лучших побуждений. Сталин искренне просил меня передать начальнику штаба армии США его извинения.

В течение всего нашего пребывания в Москве Маршал Жуков и другие официальные лица настаивали, чтобы я назвал места, которые хотел бы посетить. Они говорили, что нет такого места, которое я не смогу увидеть, если даже потребовалось бы отправиться во Владивосток. Время мое было ограничено, но, перед тем как покинуть Москву, мне все же хотелось побывать в Кремлевском музее. Едва я высказал это пожелание, как было организовано посещение музея. Мне сказали, что я могу взять с собой столько адъютантов или помощников, сколько захочу. Возможно, что мои московские хозяева имели в виду только ту небольшую группу, которая сопровождала меня из Берлина, но когда подошло время посещения музея, то оказалось, что почти весь состав американского посольства изъявил готовность выступить в роли моих адъютантов в этот день. Я шутливо согласился считать их всех временно адъютантами. Группа около шестидесяти человек провела вторую половину дня в музее, рассматривая собранные там драгоценности. Ювелирные изделия, великолепно расшитые драгоценными камнями костюмы, флаги, всевозможные ордена наполняли огромные залы и в целом составляли богатейшую выставку.

На территории Кремля мы прошли мимо огромной пушки. Таких я никогда не видел прежде; калибр ствола, по-видимому, был более тридцати дюймов. Это была реликвия восемнадцатого столетия. Когда мы отходили от нее, мой сын с удивлением заметил: "Я думаю, что это то самое оружие, которое двести лет назад делало будущие войны слишком ужасными, чтобы о них думать".

Вечером, накануне нашего отъезда из Москвы, американский посол устроил прием в честь нашей группы. Женщин на приеме не было, и русскими гостями в основном являлись сотрудники Министерства иностранных дел и представители вооруженных сил. Провозглашались обычные тосты, и после закуски

последовал ужин, в самый разгар которого послу позвонили из Министерства иностранных дел с просьбой немедленно прибыть туда. Подозревая, что, возможно, он получит известие о капитуляции Японии, которого ожидали с минуты на минуту, Гарриман попросил меня приложить все усилия, чтобы задержать гостей до его возвращения. Это оказалось довольно трудным делом, так как посол задержался в Министерстве иностранных дел значительно дольше, чем предполагалось. Однако призвав на помощь американских друзей, одни из которых провозглашали все новые и новые тосты, а другие даже стали подхватывать мелодии игравшего оркестра, нам все же удалось удержать основную часть гостей до возвращения Гарримана. Он вышел на середину комнаты и громко объявил о капитуляции Японии, что вызвало радостные возгласы одобрения со стороны всех присутствовавших.

Во время войны я много слышал о мужественной обороне Ленинграда в 1941 и 1942 годах. Я высказал свое пожелание совершить короткий визит в этот город. Во время блокады Ленинграда умерли от голода сотни тысяч гражданского населения. Много было убито и ранено. Об этом нам рассказывали представители гражданских властей города, которые присоединились к сопровождавшим нас военным, чтобы выступать в роли наших хозяев в Ленинграде. Исключительные страдания населения и продолжительность времени, в течение которого город переносил бедствия и лишения, вызванные боями в условиях осады, превратили эту операцию в одну из самых памятных в истории. Безусловно, в наше время это беспримерный случай. Все мы были поражены тем фактом, что, говоря о потерях ленинградцев, каждый гражданин произносил это с гордостью и удовлетворением в голосе. Конечно, нам была понятна эта гордость. Ведь героическая стойкость ленинградцев привела к поражению врага на этом важном участке Восточного фронта.

Глава города устроил для нас завтрак, на котором присутствовали гражданские и военные руководители. Здесь же артисты дали концерт. Мы прослушали вокальные номера и инструментальную музыку, драматическую декламацию, которую, разумеется, не могли понять, увидели несколько танцев в прекрасном исполнении. Я заметил своим гостеприимным хозяевам, что поражен тем всеобщим уважением к артистам, какое вижу в России, и тем необычным пониманием и отношением со стороны каждого русского человека к искусству во всех его формах. Мне ответили, что любой советский человек с радостью голодал бы целую неделю, если бы за это в воскресенье мог посетить художественную галерею, футбольный матч или

балетный спектакль.

Во время завтрака в Ленинграде, когда произносились тосты, Маршал Жуков попросил моего сына, до сих пор остававшегося в стороне, предложить свой тост. Позднее Джон говорил мне, что во время визита он больше всего боялся именно этого момента. Он встал и, сделав предварительное вступление, сказал, что, как молодой лейтенант, не привык находиться в кругу таких выдающихся военачальников и руководителей, а затем произнес: "Я нахожусь в России уже несколько дней и услышал много тостов. В этих тостах говорилось о мужестве и заслугах каждого союзного руководителя, каждого выдающегося маршала, генерала, адмирала и авиационного командующего. Я хочу провозгласить тост в честь самого важного русского человека во Второй мировой войне. Джентльмены, я предлагаю выпить вместе со мной за рядового солдата великой Красной Армии!"

Его тост был встречен с большим энтузиазмом и выкриками одобрения, чем любой другой из множества тостов, которые я слышал за дни пребывания в России. Особенно доволен остался Маршал Жуков. Он сказал мне: мы с ним, должно быть, стареем, если нам пришлось ждать, пока молодой лейтенант не напомнит нам, "кто в действительности выиграл войну".

Обратный путь из Ленинграда в Берлин оказался нелегким, потому что погода ухудшилась. В самолете Маршал Жуков и я часто возвращались к обсуждению отдельных кампаний войны. В силу его особого положения в Красной Армии он как ответственный руководитель в крупных сражениях за несколько лет войны получил больший опыт, чем любой другой военный нашего времени. Его обычно направляли на тот участок фронта, который в данный момент представлялся решающим. По его оценке состава войск, местности, на которой они сражались, и причин, побуждающих его принимать то или иное стратегическое решение, было ясно, что это опытный солдат.

Россия вынесла тяжелые испытания во Второй мировой войне. В 1941 году нацисты оккупировали огромную территорию страны. От Волги до западных границ почти все было разрушено. Когда мы в 1945 году летели в Россию, я не видел ни одного целого дома между западной границей страны и районами вокруг Москвы. На этой захваченной нацистами территории, говорил мне Маршал Жуков, было убито столько женщин, детей и стариков, что невозможно точно установить их общее число. Некоторые крупные города были просто стерты с лица земли.

Все это вызвало бы ожесточение у любого народа; было бы совершенно поразительно, если бы у русских не появилось более сильного чувства ненависти к немцам и более сурового

отношения к ужасам войны, чем в странах, находившихся далеко от районов боевых действий.

Я знаю это из своего личного опыта. Когда потянулись месяцы войны, во мне нарастало ожесточение против немцев, и особенно против гитлеровской банды. Всюду были видны следы разрушений - свидетельство безжалостного тщеславия Гитлера. Каждое сражение, каждая стычка оплачены изуродованными телами, жизнью молодых солдат союзных армий.

Во время войны сотни убитых горем отцов, матерей и невест обращались ко мне с личными письмами, умоляя дать им хоть какую-нибудь надежду, что их любимые еще живы, или, в худшем случае, сообщить им что-нибудь дополнительно об обстоятельствах их смерти. На каждое из таких писем посылались сочувственные ответы, и это было наиболее действенным средством вызвать неугасимую ненависть к тем, кто ответствен за развязанную агрессивную войну. Возможно, именно поэтому я так хорошо понимал настроение русских.

В ответ на гостеприимный жест Советского правительства, пригласившего меня посетить их страну, американское военное министерство с одобрения президента Трумэна тут же пригласило Маршала Жукова прибыть с визитом в Америку. Согласие было сразу же получено, и мы думали, что Маршал в самое ближайшее время поедет в Соединенные Штаты. Он просил, чтобы генерал Клей или я поехал вместе с ним, чтобы у него был рядом друг во время визита в мою страну, точно так, как он меня сопровождал во время моей поездки в Россию. Я ответил ему, что в силу особых обстоятельств и проблем в данный момент я не могу поехать с ним, но договорился, что с ним поедет генерал Клей. Маршал Жуков спросил, не сможет ли мой сын Джон сопровождать его в качестве адъютанта. Я ему сказал, что для Джона это будет большой честью, более того, я буду рад отправить их на своем самолете С-54, которым сам постоянно пользуюсь. Это обрадовало Маршала. Он уже летал на этом самолете через Россию и верил в его надежность и мастерство экипажа.

К сожалению, вскоре Маршал заболел. Поговаривали, что это якобы дипломатическая болезнь, но, когда я увидел его на следующем заседании Контрольного совета в Берлине, у него был вид человека, перенесшего тяжелую болезнь.

Во всяком случае, это послужило причиной переноса визита Маршала на более позднее время, пока не наступит зима, а затем он выразил желание поехать в нашу страну весной. Но к тому времени русские, очевидно, потеряли интерес к визиту одного из своих Маршалов в Америку.

Последний раз я видел Маршала Жукова 7 ноября 1945 года. Это был день советского праздника, и в честь его он устроил большой прием в Берлине, пригласив всех командующих и старших штабных офицеров своих союзников. Погода резко ухудшилась, и лететь оказалось невозможным. Двое других командующих отменили свои поездки, а я, поскольку мне было известно, что вскоре получу приказ о возвращении в Соединенные Штаты, решил побывать на приеме, хотя знал, что обратно мне придется ночью ехать поездом, а затем днем покрыть большое расстояние на автомашине.

Когда я прибыл, Маршал Жуков со .своей женой и несколькими старшими помощниками стояли в центре зала, принимая гостей. Он приветствовал меня и затем быстро покинул центр зала. Маршал взял свою жену под руку, и мы втроем уединились в уютной комнате, где был накрыт стол с самой изысканной закуской. В разговоре прошло два часа.

Общий тон высказываний Маршала сводился к тому, что, по его мнению, мы в Берлине кое-чего добились для разрешения трудной проблемы установления взаимопонимания между двумя странами, столь разными по своим культурным и политическим взглядам, какими являлись Соединенные Штаты и Советский Союз. Маршал считал, что мы могли бы добиться еще большего. Он много говорил об Организации Объединенных Наций и заметил: "Если Соединенные Штаты и Россия будут стоять вместе, несмотря ни на какие трудности, успех ООН будет наверняка обеспечен. Если мы будем партнерами, то не найдется такой страны на земле, которая осмелилась бы затеять войну, когда мы наложим на нее запрет".

После моего возвращения в Соединенные Штаты мы с Маршалом продолжали переписываться в привычном для нас дружеском тоне до апреля 1946 года.

Русские великодушны. Они любят делать подарки, принимать гостей, и это может подтвердить почти любой американец, которому приходилось работать вместе с ними. По своему великодушию, по своей преданности товарищу, по своему здравому и прямому взгляду на дела повседневной жизни обыкновенный русский, как мне кажется, очень похож на так называемого среднего американца.

Личная дружба и взаимопонимание с Маршалом Жуковым, однако, не избавляли нас от инцидентов и конфликтов, которые постоянно раздражали и выводили из себя работников моего штаба. В силу языковых различий никто из нас не имел возможности лично и непосредственно переговорить с русскими, чтобы избежать накала в доводах обеих сторон.

Политике твердого соблюдения обещаний, данных нашим правительством, был брошен первый вызов после прекращения боевых действий. Некоторые из моих коллег неожиданно предложили, чтобы я отказался, если русские попросят, отвести американские войска с рубежа на Эльбе в районы, выделенные для оккупации Соединенными Штатами. Такое предложение обосновывалось тем, что если мы будем держать свои войска на Эльбе, то русские скорее согласятся с некоторыми нашими предложениями, в частности в вопросе о разумном разделении Австрии. Такие предложения мне представлялись неубедительными. Я считал, и меня всегда в этом поддерживало военное министерство, что начинать наши первые прямые связи с Россией на основе отказа выполнить условия ранее достигнутой договоренности, которые выражают добрую волю нашего правительства, означало бы подорвать сразу же все усилия, направленные на обеспечение сотрудничества.

Я всегда полагал, что западные союзники, вероятно, могли бы договориться о том, чтобы занять несколько большую часть Германии, чем фактически мы оккупировали. Я считаю, что, если бы наши политические руководители были в такой же мере, как мы в штабе верховного командования союзных экспедиционных сил, убеждены в скорой победе на Западе, они на Ялтинской конференции стали бы настаивать на рубеже по Эльбе как естественной географической линии разграничения между восточной и западной зонами оккупации. Хотя в конце января 1945 года мы все еще находились к западу от Рейна, а "линия Зигфрида" не была прорвана, мой штаб и я информировали своих начальников, что мы быстро добьемся крупных побед. За исключением опасений, что мы не сумеем продвинуться далеко на восток, казалось, не было достаточных оснований соглашаться на проведение разграничительной линии не дальше, чем Эйзенах. Однако это только предположение. Я никогда не обсуждал этот вопрос непосредственно с теми, кто был ответствен за решение относительно разграничительного рубежа. Во всяком случае, в те последние месяцы лета и первые месяцы осени 1945 года радушие и готовность к сотрудничеству в Берлине достигли наивысшего предела, какого мы смогли добиться в работе с советскими официальными представителями. В более широких областях, на высших уровнях, усиливались разногласия, и они неизбежно отражались на жизни оккупированной Германии.

Примечания

{1}Акт о безоговорочной капитуляции Германии был подписан по требованию Советского правительства в Берлине - поверженной столице фашистской Германии в полночь 8 мая

1945 года. Здесь речь идет о предварительной капитуляции. Прим. ред.

{2}Японо-американские переговоры велись с весны 1941 года вплоть до вступления Японии в войну против США. 7 декабря японские послы Номура и Курусу, которые вели переговоры в Вашингтоне, заявили об их прекращении. Примерно за час до этого Япония совершила нападение на Перл-Харбор военно-морскую базу США на Гавайских островах. - Прим. ред.

{3}7 декабря 1941 года из семи авианосцев и одного эскортного авианосца военно-морских сил США три авианосца находились в Тихом океане. "Саратога" был на пути в Сан-Диего, "Энтерпрайз" и "Лексингтон" в составе 8-й оперативной группы оказались в районе Соломоновых островов. - Прим. авт.

{4}Эти силы состояли приблизительно из 40 тыс. солдат и офицеров американской армии, 12 тыс. филиппинцев и 8 тыс. личного состава американской авиации. - Прим. авт.

{5}К. Окинлек - британский фельдмаршал (1946). В 1941-1942 годах командующий британскими войсками на Ближнем Востоке. За отступление в 1942 году был снят с должности. В 1943-1947 годах - главнокомандующий британскими войсками в Индии. - Прим. ред.

{6}Президент одобрил наш план 1 апреля 1942 года. - Прим. авт.

{7}Генерал Спаатс был назначен командующим 8-й воздушной армией 2 мая 1942 года, но прибыл на театр только 1 июля 1942 года. - Прим. авт.

{8}Теоретически радиус действия истребителя Р-39 считался равным 900 милям, а Р-40 - около 950 милям. - Прим. авт. (Спутан радиус действия с дальностью полета, Р-39 "Аэрокобра" имел дальность без подвесных баков до 1000 км - OCR.)

{9}В морском сражении у острова Мидуэй 4-6 июня 1942 года потерпели поражение мощные силы японского флота, направлявшие свой удар против оперативной базы США на этом острове. Японские, потери в этом сражении составили четыре авианосца, один тяжелый крейсер и 322 самолета (большинство из них было потоплено вместе с авианосцами). Американские потери составили один авианосец, один эсминец и 150 самолетов.

{10}Среди части французских войск в Северной Африке имели место довольно значительные антианглийские настроения, которые были вызваны причинами, связанными с разгромом Франции в 1940 году. После капитуляции Франции, когда главные силы ее флота оказались в руках профашистского правительства Виши и находились в Мерс-эль-Кебире (Северная Африка), они были атакованы английской эскадрой. Это

произошло 3 июля 1940 года после отказа французского командования перейти на сторону англичан или затопить корабли. Большинство французских кораблей, в том числе 3 линкора, было выведено из строя; погибли или получили ранения более 1,5 тыс. человек. 8 июля другой отряд английских ВМС нанес удар по новому французскому линкору "Ришелье", находившемуся в Дакаре. Принятые меры устранили опасную для Великобритании возможность использования против нее французских кораблей. - Прим. ред.

{11}За семь недель, с 13 декабря 1942 года по 1 февраля 1943 года, на Бон было сброшено 2 тыс. фугасных бомб. - Прим. авт.

{12}А. Жиро (1879-1949) - французский генерал. В начале Второй мировой войны командовал армией, оказался в плену, откуда бежал в неоккупированную зону Франции. Сотрудничал как с правительствам Виши, так и с американской разведкой. После высадки англо-американских войск в Северной Африке был назначен командующим французскими войсками, главой французской администрации в Северной Африке. - Прим. ред.

{13}А. Жюэн (1888-1967) - маршал Франции. В 1939-1940 годах командир дивизии. По ходатайству вишистских властей был освобожден из немецкого плена и назначен главнокомандующим французскими войсками в Северной Африке. После высадки там союзников присоединился к движению "Сражающаяся Франция", которое возглавлял де Голль, и был назначен командующим французскими войсками в Тунисе. - Прим. ред.

{14}Ж. Дарлан (1881 - 1942) - адмирал флота Франции. Один из активных деятелей правительства Виши, министр национальной обороны и главнокомандующий вооруженными силами этого правительства. В момент высадки союзников отдал приказ французским войскам прекратить сопротивление, убит французским националистом. - Прим. ред.

{15}А. Петэн (1856-1951) - маршал Франции, военный и политический деятель. После поражения Франции в 1940 году глава правительства Виши. В августе 1945 года приговорен французским судом к смертной казни, которая была заменена пожизненным заключением. - Прим. ред.

{16}П. Лаваль (1883-1945) - министр иностранных дел в правительстве Петэна. Казнен по приговору французского суда как изменник. - Прим. ред.

{17}Протокольными записями совещаний Объединенного комитета начальников штабов с президентом от 7 января 1943 года при подготовке к конференции в Касабланке

подтверждаются такие взгляды Рузвельта. - Прим. авт.

{18}Сразу после конференции в Касабланке был создан комитет по перевооружению. - Прим. авт.

{19}Последующее изучение этого вопроса некоторыми видными западными историками (в частности Б. Лиддел Гартом и А. Тейлором) показало, что данные, приводимые Эйзенхауэром, значительно преувеличены. "Союзники, - отмечал А. Тейлор, - взяли в плен 130 тыс. человек, но впоследствии это число было раздуто до четверти миллиона". По подсчетам других авторов, эта цифра значительно ниже (см.: Taylor A. The Second World War. London, 1975, p. 175; см.: Гарт Б. Лиддел. Вторая мировая война. М., 1976, с. 419). - Прим. ред.

{20}Накануне десантирования у Салерно союзники считали, что у немцев в Италии было 18 дивизий. После боев у Анцио у Кессельринга уже оказалось 26 дивизий. - Прим., авт

{21}Мою первоначальную точку зрения о необходимости усиления штурмового эшелона поддерживали и другие руководители. На конференции "Квадрант" в Квебеке в таком же духе высказывались Черчилль и Маршалл. - Прим. авт.